

**Monoqrafiya Azərbaycanda Həmkarlar İttifaqlarının
yaranmasının 120 illiyinə həsr olunur**
Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası
Fəlsəfə və Sosiologiya İnstitutu
Müasir fəlsəfə problemləri şöbəsi

**Монография посвящена 120-летию создания профсоюзов в
Азербайджане**

Национальная Академия Наук Азербайджана
Институт Философии и Социологии
Отдел Проблемы современной философии

**The monograph is dedicated to the 120-th anniversary of
creation of the Trade Unions in Azerbaijan**

National Academy of Sciences of Azerbaijan
Institute of Philosophy and Sociology
Problems of Modern Philosophy Department

**SOSİALLAŞMA PROSESLƏRİNİN
PROBLEMLƏRİ**

**ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССОВ
СОЦИАЛИЗАЦИИ**

**PROBLEMS OF THE PROCESSES OF
SOCIALIZATION**

BAKİ - BAKY – BAKU – 2025

Elmi redaktorlar:

Fəlsəfə elmləri doktoru, professor **Əli Abasov**

Fəlsəfə elmləri doktoru, professor, Rusiya Pyotr Akademiyasının
müxbir üzvü **Əbülhəsən Abbasov**

Fəlsəfə elmləri doktoru, professor **Nigina Şermuhamedova**

Məsul katib: Mahrux Abbas - fəlsəfə üzrə fəlsəfə doktoru

Redaksiya heyəti:

Əli Abasov – fəlsəfə elmləri doktoru, professor

Əbülhəsən Abbasov – fəlsəfə elmləri doktoru, professor

Nigina Şermuhamedova - fəlsəfə elmləri doktoru, professor

Mətləb Mahmudov - fəlsəfə üzrə fəlsəfə doktoru, dosent

Rauf Məmmədov – fəlsəfə üzrə fəlsəfə doktoru, dosent

Zeynəddin Şabanov- fəlsəfə üzrə fəlsəfə doktoru, dosent

Valentina Mirzayeva – elmi işçi

Sosiallaşma proseslərinin problemləri **(18-ci cild). Almanax.** Bakı,
“OPTIMIST” nəşriyyatı MMC - 2025, 792 səh.

ISBN 9 7 8 - 9 9 5 2 - 5 6 1 - 1 8 - 0

<https://doi.org/10.30546/sw.2025.123654780-00-10>

Redaksiya Heyəti monoqrafiyanın nəşrini maliyyələşdirdiyinə və materiallarının yayılması üçün tədbirlər təşkil etdiyinə görə AMEA Azad Həmkarlar İttifaqına dərin və səmimi təşəkkürünü bildirir.

Редколлегия выражает глубокую признательность и искреннюю благодарность Союзу независимых профсоюзов НАНА за финансирование издания монографии и организацию мероприятий по распространению ее материалов.

The Editorial Board expresses its deep appreciation and sincere gratitude to the Union of Free Trade Unions of ANAS for financing the publication of the monograph and organizing events to disseminate its materials.

"Sosiallaşma proseslərinin problemləri" adlı bu kollektiv monoqrafiya-almanax "Müasir fəlsəfə problemləri" şöbəsinin iclasında müzakirə edilib (16. 05. 2025, protokol № 5) və Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası Fəlsəfə və Sosiologiya İnstitutunun Elmi Şurasının qərarı ilə (20. 06. 2025, Protokol № 4) çapa tövsiyə olunub.

Научные редакторы:

Доктор философских наук, профессор **Али Абасов**

Доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской Петровской Академии **Абульгасан Аббасов**

Доктор философских наук, профессор **Нигина Шермухамедова**

Ответственный секретарь: **Махрух Аббас** - доктор философии по философии

Редакционная коллегия:

Али Абасов - доктор философских наук, профессор

Абульгасан Аббасов - доктор философских наук, профессор

Нигина Шермухамедова - доктор философских наук, профессор

Матлаб Махмудов – доктор философии по философии, доцент

Рауф Мамедов - доктор философии по философии, доцент

Зейнадин Шабанов - философии по философии, доцент

Валентина Мирзаева - научный сотрудник

Проблемы процессов социализации **(18-й том). Альманах.**
Баку, "Оптимист"-2025. 792 стр.

ISBN 9 7 8 - 9 9 5 2 - 5 6 1 - 1 8 - 0

<https://doi.org/10.30546/sw.2025.123654780-00-10>

Коллективная монография-альманах: «Проблемы процессов социализации» была обсуждена на заседании отдела «Проблемы современной философии» (16. 05. 2025, протокол № 5) и рекомендована к печати решением Ученого Совета Института Философии и Социологии Национальной Академии Наук

Азербайджана (20. 06.2025, протокол № 4).

Scientific Editors:

Professor **Ali Abasov**

Professor **Abulhasan Abbasov**

Professor **Nigina Shermuhamedova**

Responsible Secretary: Mahrukh Abbas - PhD in Philosophy

Editorial Council:

Ali Abasov – Professor

Abulhasan Abbasov – Professor

Nigina Shermuhamedova - Professor

Matlab Mahmudov – PhD in Philosophy, Associate Professor

Rauf Mammadov – PhD in Philosophy, Associate Professor

Zeynaddin Shabanov - PhD in Philosophy, Associate Professor

Valentina Mirzaeva - Researcher

The problem of processes of socialization (**18th volume**). **Almanac**.
Baku, ed. “**OPTIMIST**”, 2025, p.792.

ISBN 9 7 8 - 9 9 5 2 - 5 6 1 - 1 8 - 0

<https://doi.org/10.30546/sw.2025.123654780-00-10>

The collective monography-almanac: "Problems of the processes of socialization" was discussed at the meeting of the Department of **Problems of Modern Philosophy** on 16 May 2025 (Protocol № 5) and recommended for publication at the meeting of the Scientific Council of the Institute of Philosophy and Sociology of the National Academy of Sciences of Azerbaijan (20 June, 2025, Protocol № 4).

MÜNDƏRİCAT – ОГЛАВЛЕНИЕ – TABLE OF CONTENTS

Əbülhəsən Abbasov. Ön söz əvəzi: müasir sosiallaşmanın fəlsəfədən gözləntisi.	10

Али Абасов. Вместо введения: Социализация и профессиональные союзы.	13

I

Habil Qurbanov. Əmək münasibətlərinin tənzimlənməsində həmkarlar İttifaqlarının konstitusion-hüquqi rolu.	20

Hüseyn Qaraşov. Heydər Əliyev və Həmkarlar İttifaqları.	30

Vəkil Həsənov. Azərbaycan Həmkarlar İttifaqları: tarixi inkişaf mərhələləri.	55

Sənan Həsənov, Zeynəddin Şabanov. Sosial münaqişələrin həllində həmkarlar ittifaqlarının rolu.	84

Asya Əhmədova. Həmkarlar təşkilatının əmək kollektivlərindəki rolu.	114

II

Али Абасов, Светлана Адыегзалова. Личность, социокультурные и политико-экономические институты в процессе социализации.	134

Абульгасан Аббасов. Социальная сложность: Проблемы социализации, самоорганизации и синергии.	176

Тадеуш Адуло. Особенности трансформации государственных институтов в Беларуси на рубеже XX-XXI веков.	221

Tursun Gabitov, Zhasmin Bazarbay. Kazakh culture in the context of the traditional civilizations of Russia and Asia: the origins of multiculturalism.	242

Arif Quliyev, Veronika Chekaluk. Meanings and identities: existentialism in the context of multicultural integration.	273

Ирма Кецховели. К вопросу о самоопределении народов Кавказа и их культурных ценностях.	289

Севиля Фархадова. Роль и специфика восточных и западных культурных констант в социализации общества.	305

Нигина Шермухамедова. Роль образования и языковой	

политики в укреплении культурной идентичности тюркского общества.....	322
Марет Бетильмерзаева. Мультикультурализм, поликультурализм и интеграция: вызовы для социализации в полиэтнических обществах.....	349
Лала Мовсумова. Концепция «исламская солидарность» и ее влияние на социализацию общества.....	371
Dmitry Vasilkevsky, Matlab Mahmudov. Methodological aspects of socialization of economic institutions aimed at mutual cooperation between Azerbaijan and Ukraine.....	380
Светлана Адыгезалова, Али Абасов. Особенности религиозной социализации	402
Гульмиза Сейталиева. Влияние образования на самореализацию женщин.....	427
Таги Баширов. Социализация в науке: Альберт Эйнштейн...	456
Таир Байрамов. Асоциальные «антисистемные» тенденции в интегральном традиционализме и гностицизме.....	484
Рафик Муслумов. Концепция жизни личности: путь к себе, прокладываемый текстом.....	524
Валентина Мирзаева. Культура – невозобновляемый ресурс социального развития (об опасности разрыва культурной трансмиссии).....	544
Mehmet Emin Koç. Socialisation through media and digital technology: New opportunities and challenges.....	563
Фарида Багирова. Искусственный интеллект как новый фактор социализации в образовании.....	592
Лиана Алавердова. Социальные сети как платформа для самореализации или инструмент манипуляции: творческий и стереотипный аспекты.....	603

III

Rəna Mirzəzadə. Gender fəlsəfəsinin sosio-mədəni struktur.....	621
Rauf Məmmədov. XIX-XX əsrlərdə Azərbaycanca ailə institutunun transformasiya mərhələləri.....	633
Faiq Ələkbərli. Azərbaycanca milli və beynəlmiləl ideyaların qarşıdurması qloballaşma prosesi kontekstində.....	720
Mahrux Abbas. Arxetiplər milli identikliyin simvolik əsası kimi: Azərbaycan nümunəsi.....	745

Elmira Təhməzova. Stereotiplərin və dəyərlərin formalaşmasında kütləvi mədəniyyətin rolu.....	761
Tünzalə Əliyeva. Müasir dünyada din: sosiallaşmaya öz təsirini necə qöstərir?.....	774
Xalidə Nəzərova. Siyasi təbliğat və onun gənclərin sosiallaşmasına təsiri.....	782

TABLE OF CONTENTS

Foreword – Abulhasan Abbasov: expectations of modern socialization from philosophy.....	10
Instead of introduction – Ali Abasov. Socialization and trade unions.....	13

I

Gabil Qurbanov. The constitutional and legal role of trade unions in the regulation of labor relations.....	20
Huseyn Qarashov. Heydar Aiyev and trade unions.....	30
Vekil Hasanov. Azerbaijani trade unions: historical development stages.....	55
Sanan Hasanov, Zeynaddin Shabanov. The role of trade unions in solving social conflicts.....	84
Asya Akhmedova. The role of trade union organizations in the labor collective.....	114

II

Ali Abasov, Svetlana Adygezalova. Personality, socio-cultural and political-economic institutions in the process of socialization.....	134
Abulgasan Abbasov. Social complexity: problems of socialization, self-organization and synergy	176
Tadeush Adulo. Features of the transformation of state institutions in Belarus at the turn of the 20th – 21st centuries.....	221
Tursun Gabitov, Zhasmin Bazarbay. Kazakh culture in the context of the traditional civilizations of Russia and Asia: the origins of multiculturalism.....	242
Arif Quliyev, Veronika Chekaluk. Meanings and identities: existentialism in the context of multicultural integration.....	273
Irma Ketskhoverli. On the question of the self-determination of	

Caucasian peoples and their cultural values.....	289
Sevil Farhadova. The role and specificity of eastern and western cultural constants in the socialization of society.....	305
Niginahon Shermukhamedova, The role of education and language policy in strengthening the cultural identity of the turkic community...	322
Maret Betilmerzayeva. Multiculturalism, polyculturalism and integration: challenges for socialization in multiethnic societies.....	349
Lala Movsumova. The concept of "islamic solidarity" and its impact on the socialization of society.....	371
Dmitry Vasilkebsky, Matlab Mahmudov. Methodological aspects of socialization of economic institutions aimed at mutual cooperation between Azerbaijan and Ukraine.....	380
Svetlana Adigezalova, Ali Abasov. The specifics of religious socialization.....	402
Gulmiza Seitalieva. The influence of education on women's self-realization.....	427
Tagi Bashirov. Socialization in science: Albert Einstein.....	456
Tair Bayramov. Antisocial "antisystemic" tendencies in integral traditionalism and Gnosticism.....	484
Rafik Muslumov. The concept of personal life: the path to oneself paved by the text.....	524
Valentina Mirzayeva. Culture as a non-renewable resource of the social development (on the danger of the cultural transmission breakup).....	544
Mehmet Emin Koç. Socialisation through media and digital technology: New opportunities and challenges.....	563
Farida Baqirova. Artificial Intelligence as a new factor of socialization in education.....	592
Liana Alaverdova. Social networks as a platform for self-realization or a tool of manipulation: creative and stereotypical aspects.....	603

III

Rena Mirzazadeh. Social-cultural structure of the gender philosophy.....	621
Rauf Mamedov. Transformation stages of the family institution in Azerbaijan in the 19th-20th centuries.....	633
Faik Alekperli. The conflict of national and international ideas in	

Azerbaijan in the context of the globalization process.....	720
Mahrukh Abbas. Archetypes as symbolic foundations of national identity: the case of Azerbaijan.....	745
Elmira Takhmazova. The role of mass culture in the formation of stereotypes and values.....	761
Tunzala Aliyeva. Does religion still influence socialization in the modern world?.....	774
Khalida Nazarova. Political propaganda and its impact on youth socialization	782

ÖN SÖZ ƏVƏZİ:
MÜASIR SOSIALLAŞMANIN FƏLSƏFƏDƏN GÖZLƏNTİSİ

Hörmətli həmkarlar, dəyərli oxucular!

Ən qədim dövrlərdən başlayaraq sosiallaşma fenomeni insanları maraqlandıran və qayğılandıran problem kimi diqqət mərkəzində olub. Düşünən beyinlər bu barədə fikirlər söyləyib, nəzəriyyə və konsepsiyalar yaradıb, təklif və tövsiyələr irəli sürüblər. Bəşər tarixində elə bir görkəmli mütəfəkkir, filosof yoxdur ki, sosiallaşma mövzusunə toxunmasın və bu istiqamətdə hansısa qənaətlər ortaya qoymasın. İnsanın bir cəmiyyət üzvü və yaxud vətəndaş qismində formalaşması, şəxsiyyət kimi hansı keyfiyyətlər daşıyıcısına çevrilməsi məhz ilk növbədə onların sayəsində araşdırılıb və açıqlanıb, adi insanların gözündən yayınan və yaxud onlar üçün naməlum qalan incəliklər, sirli mətləblər işıqlandırılıb və diqqət mərkəzinə çəkilib. Beləliklə də çoxşaxəli mürəkkəb sosiallaşma prosesi bu zəka sahiblərinin zehni zəhməti və fədakarlığı hesabına faktiki olaraq ənənəvi, həmişə aktuallıq kəsb edən problem kimi statusunu saxlayıb.

Əlbəttə ki, mövzunun ənənəvi olaraq aktuallığını saxlaması və gündəlikdə olması onun yalnız subyektiv amillərlə şərtlənməsində deyil, özünəməxsus obyektiv xarakterilə bağlıdır. İxtiyari zamanə üçün sosiallaşma – insanların, cəmiyyətlərin və bütövlükdə bəşəriyyətin tale məsələsidir. O, elə bir prosesdir ki, insan və cəmiyyət həyatının bütün fəaliyyət sahələrinin keyfiyyətini, durumunu, səciyyəvi xüsusiyyətlərini həm ifadə edir, həm də onlara bu və ya digər formada təsir edir. Yəni, sosiallaşma hər bir fərdin, cəmiyyətin və bəşəriyyətin mövcudluq düsturunu, təkamül dinamikasını xarakterizə edən və şərtləndirən mühüm prosesdir. Onun təməl özülləri və daşıyıcı elementləri xalqların ruhu və xarakteri ilə sıx bağlıdır. Dəqiq desək, bu özül və elementlər konkret tarixi birlik formalarının atributları, məzmun-mahiyyət göstəriciləridir. Nisbi mənada sabit (dəyişməz) invariantlardır və bu keyfiyyətdə də xalqların mental-psixoloji xüsusiyyətlərini, onların adət və ənənələrini, sosial davranış normalarını, iqtisadi və siyasi mədəniyyət səviyyələrini, nəhayət, idarəetmə üsul və formalarını müəyyənləşdirirlər. Hətta ən sərt ideoloji və yaxud dini hökmranlıq şəraitində sosiallaşmanın məxsusi özül və elementləri öz invariantlığını, davamlı təsirini saxlaya bilər. Tarix bunu dəfələrlə ayrı-ayrı toplumların, sosial birlik formalarının təmsalında sübuta yetirib.

Lakin, bu invariantlıq heç də mütləq xarakter daşımır və xüsusi

ekstremallıq durumu ilə səciyyələnən dövrlərdə ciddi sarsıntıya məruz qala bilər. Buna dair də bəşər tarixi yetərli sübutlar ortaya qoyub. Xüsusən qlobal transformasiyalar, sürətlə cərəyan edən turbulent proseslər şəraitində sosiallaşmanın bir çox təməl determinatları, özəl elementləri təsir qüvvəsini itirə bilər. Bu, bir növ, sosiallaşmanın daxildən zədələnməsi və silahsızlaşması, əsrlər boyu daşdığı missiyanın və statusun itirilməsi deməkdir. İnsan və cəmiyyətin, qlobal dünyanın tam fərqli bir mövcudluq aləminə, fəaliyyət fəzasına qərq olması deməkdir. Hal-hazırda məhz belə bir durum yaşanır. Bəşəriyyət drammatizmlərlə, təhdid və çağırışlarla dolu, indiyə qədər rastlaşmadığı sərt bir dönmədən keçir. Keçə biləcəkmiz? Bu keçidi dəf etmək üçün hansı özünü reallaşdırma vektoru (kanalı) üzrə hərəkət etməli, fəaliyyət göstərməlidir? Nə kimi konsept və paradigmalar, fəlsəfi-epistemoloji zəminlər, ideoloji cərəyanlar və geosiyasi doktrinalar işə salınmalıdır? Rəqəmsallaşan zamanın diktə etdiyi tələblərə cavas olaraq, insan və bəşəriyyətin xilasını və məqbul mövcudluğu naminə fəlsəfə və bütövlükdə elmlər kompleksinin irəli sürdüyü istinad platforması nədən ibarət olmalıdır? Təhsil, tərbiyə, səhiyyə, ümumən, sosial-iqtisadi-siyasi-mənəvi-mədəni institutlar necə qurulmalı və fəaliyyət göstərməlidirlər? Nəyi atıb, nədən yapışmalıyıq? İnsanın varlığını ifadə və təmin edən sosiallaşma özündə nə qədər, hansı forma və həcmdə arxaiklik əlamətlərini və tarixi-mədəni ənənə elementlərini, qatlarını qoruyub saxlamalıdır? Ümumiyyətlə, saxlamalıdır və nə cür? Hansı miqyas və səviyyədə? Bir sözlə, suallar çoxdur! Müasir sosiallaşma reallıqların doğurduğu bu sualların bobardmanı altındadır. Həm birbaşa praktiki, həm də nəzəri-məfkürə müstəvilərində.

Ortaya çıxan suallar, bəzilərinin düşünə biləcəyi kimi, heç də təfəkküri uydurmalar deyil və hansısa merkantil məqsədlər naminə səsləndirilmir. Onlar, sadəcə olaraq, müasir bəşəri gedişatın bətnindən doğur. Yəni, konkret ontoloji status daşıyaraq qnoseoloji fəzada, düşüncə-məntiq şəbəkəsində ifadələrini tapır, öz aktuallıqlarını bəyan edirlər. Və, bəyan edərək, xeyli sayda konkret məsələ-problemlərin ortaya çıxmasını səbəbləndirir və onların optimal həllini zərurətləndirir. Bununla da, ilk növbədə, fəlsəfi meqabiliyin qarşısında fəvqəl bir vəzifə qoyur. Elə bir vəzifə ki, onun qənaətbəxş həlli yalnız məzmun-mahiyyətə yeni insani-intellektual resurs hesabına mümkün ola bilər. Söhbət öz səmərəliliyi, evristikliyi və məhsuldarlığı ilə fərqlənən resursdan, onun daşdığı və təlqin etdiyi yüksək səviyyəli təfəkkür mədəniyyətindən, düşüncə tərzindən gedir.

Ümumi şəkildə mənalandırıb işarələsək, bu – postneoklassik insani-intellektual resursdur və başlıca olaraq mürəkkəblik fəlsəfəsi zəminində formalaşmış. Hazırda da bu formalaşma və kamilləşmə prosesi aparıcı mütəxəssislər tərəfindən davam etdirilməkdədir. Bu elmi məcmuədə hörmətli oxuculara təqdim olunan böyük həcmli məqalədə həmin prosesin təfərrüatları, habelə, sosial mürəkkəblik, sosial özünü təşkilatlandırma və sosial sinergiya, tənqidi-sinergetik təfəkkürün zəruriliyi, mahiyyəti, səciyyəvi xüsusiyyətləri barədə geniş məlumat verməyə çalışmışam. O cümlədən, həmin məqalədə yuxarıda qeyd etdiyim bir sıra sualları cavablandırmaq cəhdi həyata keçirilib. Düşünürəm ki, “rəqəmsal antropologiya”dan, süni intellektdən, informasiya cəmiyyətindən söhbət getdiyi bir zamanədə təqdim edilən elmi məlumat, tədqiqat nəticələri ictimaiyyətimiz üçün faydalı ola bilər.

Məcmuədə həm Azərbaycan, həm də xarici müəlliflərin düşündürücü və elmi yenilik cəhətdən zəngin məqalələri təqdim olunur ki, şübhəsiz, elmi ictimaiyyətin diqqətini çəkəcək və maraq doğuracaq. Bu məqalələrdə sosiallaşma prosesi müxtəlif aspektlərdən araşdırılır, sosiallaşmada əhəmiyyətli rol oynayan institutlara xüsusi diqqət yetirilir, habelə, şəxsiyyət, milli kimlik, stereotip və dəyərlər, dil və din, milli mədəniyyət, təhsil və təbliğat, sosial şəbəkələr, süni intellekt kimi mövzular işıqlandırılır. Söz yox, məqalələrdə mübahisə doğuran məqamlar, hətta mətn tərtibatı, yazı üslubu və leksika cəhətdən qüsurlar da az deyil. Bununla belə, təqdirəlayiqdir ki, sosiallaşma ilə bağlı bir çox aktual məsələlər gündəliyə gətirilir, ciddi problemlərin qoyuluşu həyata keçirilir və bu istiqamətdə müəllif fikirləri irəli sürülür, təklif və tövsiyələr verilir. Hər halda, növbəti kollektiv monoqrafiya yeni bir elmi diskur, qızgın və faydalı müzakirələr doğuracaq səviyyədə və gücdədir. Bu kitab vasitəsilə yaşadığımız dövrün qəlbini oxumağa, nəbzini duymağa, ürək döyüntülərini eşitməyə həssas və hazır olan müəlliflərin birgə əməyinin yekun məhsulu ictimaiyyətə təqdim olunur.

Dəyərli oxuculara cənaətlığı, xoşbəxtlik, uğurlar arzusu ilə!

Вместо введения: социализация и профессиональные союзы

Монографией «Проблемы процессов социализации» (2, 18) мы продолжаем третью серию публикаций, посвященных проблемам современной философии и эпистемологии, выдвинув на первый план методологические и философские принципы исследования социализации общества и личности. Монография подготовлена при участии и издана при поддержке *Объединенного* профсоюзного комитета Национальной академии наук Азербайджана. Объединённый профсоюзный комитет НАНА координирует деятельность профсоюзных организаций Академии. Он организует реализацию и исполнение обязанностей, определенных Уставом Свободного профсоюза НАНА, и координацию соответствующей деятельности, определенной законодательством.

Проблема социализации занимает центральное место в социологии, психологии, философии и культурологии, поскольку она описывает, как человек становится личностью, а общество - устойчивым и воспроизводимым порядком. Однако исследование этих процессов требует не только эмпирических инструментов, но и глубокого методологического и философского обоснования. В данной монографии рассматриваются основные принципы, без которых невозможно осмысленное исследование социализации в современных условиях. Среди них отметим:

1. Принцип целостности

Социализация охватывает биологическое, психологическое, социальное и культурное измерения. Поэтому её изучение требует междисциплинарного подхода. Принцип целостности означает:

- отказ от редукции социализации только к обучению или адаптации;
- учёт как индивидуальных, так и структурных факторов;
- внимание к взаимодействию уровней - от бессознательных процессов до макросоциальных институтов.

Он предполагает, что социализация - это не просто «воспитание личности обществом», а динамическое взаимодействие субъектов, норм и смыслов.

2. Принцип субъектности

Личность в процессе социализации не является пассивным

объектом. Она - активный субъект, интерпретирующий, присваивающий или отвергающий социальные смыслы. Следует различать:

- интернализацию как усвоение норм;
- апроприацию как преобразование внешнего содержания в личностный опыт;
- сопротивление как форму критического отношения к социализирующему воздействию.

Этот принцип выводит исследование за рамки бихевиоризма и функционализма, придавая значение свободе, выбору и внутренней трансформации личности.

3. Принцип историзма

Социализация - процесс исторически изменчивый. Общество предлагает разные нормы, роли и каналы социализации в зависимости от:

- стадии развития (традиционное, модерное, постмодерное общество),
- политического режима (демократия, авторитаризм),
- экономического уклада (индустриальное, постиндустриальное, цифровое общество).

Принцип историзма требует учитывать, что нормы и формы социализации - результат исторического процесса и сами подвержены изменениям.

4. Принцип диалектики личного и общественного

Социализация - это постоянное взаимодействие двух уровней: личного - потребности, ценности, установки индивида; социального - нормы, институты, ожидания общества.

Это взаимодействие противоречиво: социализация может как усиливать индивидуальность, так и подавлять её. Поэтому анализ должен опираться на диалектическую логику - видеть в процессе социализации не только адаптацию, но и конфликт, не только обучение, но и борьбу за смысл.

5. Принцип культурной медиации

Ценности, образы, знаки и символы - посредники между обществом и личностью. Социализация всегда проходит через культуру:

- язык и речь как носители смыслов;
- обряды и ритуалы как формы включения в сообщество;
- медиа как современные агенты социализации.

Этот принцип особенно важен в условиях информационного общества, где культура стала гипердинамичной и фрагментированной, а традиционные агенты (семья, школа) теряют монополию.

6. Принцип множественности траекторий

Современное общество порождает не одну, а множество моделей социализации, зависящих от:

- пола, возраста, этничности;
- социального положения;
- цифрового опыта.

Появляются новые формы: резистентная, маргинальная, контркультурная, сетевое-медийная социализация. Следовательно, нельзя говорить о единой «норме» социализации – исследования в этой области должны быть чувствительны к различиям и контексту.

7. Философская антропология как основание

Вопрос о социализации связан с фундаментальными вопросами: кто такой человек, что такое личность, свобода, воспитание. Философская антропология даёт рамку, в которой можно осмыслить:

- взаимосвязь природы и культуры в человеке;
- развитие самосознания и самоидентификации;
- предельные горизонты социализации (например, в старости, смерти, цифровой трансформации).

Без философского измерения изучение социализации рискует стать поверхностным и технократичным.

Таким образом, социализация - это не просто процесс адаптации, а сложный и противоречивый путь становления личности во взаимодействии с обществом. Его исследование требует сочетания философской глубины и методологической точности, открытости к культурным различиям и понимания исторического контекста. Только на этой основе можно говорить о подлинно гуманистическом и многомерном понимании социализации - как становления не только члена общества, но и человека как такового.

В рамках предлагаемой монографии нельзя не коснуться темы «профсоюзы и социализация».

Социализация, как известно, - это процесс вхождения индивида в общество, освоения норм, ценностей, ролей и моделей поведения. Профсоюзы же традиционно рассматриваются как институты защиты трудовых прав и интересов работников. Однако взаимодействие этих двух сфер - социальной и трудовой - указывает

на более глубокую связь: профсоюзы играют значимую роль в социализации как отдельных личностей, так и общества в целом. Ряд статей в монографии посвящен исследованию этой взаимосвязи, проливающей свет на важность профсоюзов не только в экономической, но и в культурной и ценностной сферах, а также и их значение в разрешении конфликтов.

Первичная социализация проходит в семье и ближайшем окружении, формируя базовые установки личности. Вторичная социализация происходит в профессиональной, образовательной, политической и других сферах. Именно здесь профсоюзы выступают как посредники между индивидом и социальными структурами.

Профсоюз, особенно в крупных предприятиях или отраслях, - это не только защитник интересов, но и носитель определённой трудовой культуры. Через участие в профсоюзной деятельности работник приобщается к:

- пониманию прав и обязанностей,
- солидарности как социальной ценности,
- демократическим практикам (выборы, голосование, принятие решений),
- культуре коллективного действия.

Таким образом, профсоюзы воспитывают социально активного гражданина, формируя у него чувство сопричастности и ответственности.

Профсоюзы способствуют формированию профессиональной и социальной идентичности. Через совместную борьбу за трудовые права укрепляется осознание себя как части более широкой социальной группы - "трудящегося класса", "профсоюзного сообщества", "коллектива".

Такая идентичность формирует у личности:

чувство достоинства и уважения к своему труду,
готовность к защите своих прав,
понимание социальной справедливости как ценности.

Эти установки затем влияют на поведение человека и в других сферах - политической, гражданской, культурной.

Если рассматривать общество в целом как субъекта социализации, то профсоюзы выполняют важную функцию культурной трансляции и социальной коррекции. Они формируют общественные нормы в области труда, справедливости, демократии,

вливая на общественную мораль и правосознание.

Через коллективные договоры, забастовки, участие в диалоге с государством профсоюзы:

 задают стандарты социальной ответственности,
 расширяют зону прав и свобод,
 препятствуют девиациям (например, произволу работодателей, нарушению прав).

Со временем эти практики и ценности закрепляются в общественном сознании, становятся частью нормального социального порядка.

В эпоху неолиберальной глобализации, индивидуализации и гибкости труда классическая модель профсоюза ослабла. Молодёжь часто не вступает в профсоюзы, не видит в них защитника или учителя.

Это ведёт к «десоциализации» - утрате коллективных ориентаций, снижению уровня гражданской активности, пассивности перед лицом несправедливости. Возникает необходимость восстановить профсоюзы как площадку для формирования новой трудовой этики и гражданской субъектности.

Будущее профсоюзов в этой связи заключено в синтезе традиционных и новых функций. Они могут стать центрами не только правозащиты, но и образования, общественного диалога, культурного роста. Например:

 проводить тренинги и школы правового сознания,
 объединять работников платформенной экономики и фриланса,
 содействовать экологической, цифровой и этической социализации.

Так, профсоюзы смогут вернуть себе роль актуального и живого социального института, способного социализировать новое поколение в духе справедливости, солидарности и достоинства.

Поскольку профсоюзы - это не только «борцы за справедливость», но и важные агенты социализации, их влияние распространяется на формирование личности, ценностей, гражданской позиции. Осознание этой функции может стать точкой роста для профсоюзного движения, особенно в условиях современных трансформаций труда и общества. Возвращение к идее профсоюза как школы солидарности и социальной зрелости - актуальный шаг к укреплению демократического и справедливого общества.

Общий тематический план-проспект коллективной монографии: «Проблемы процессов социализации» (2, 18).

Общие аспекты социализации

1. Эволюция понятия социализации: от традиционных обществ к глобализированному миру.

2. Роль семьи в социализации: сохраняется ли её значение в условиях модернизации?

3. Социализация через СМИ и цифровые технологии: новые возможности и вызовы.

4. Социальные сети как платформа для самореализации или инструмент манипуляции?

5. Институты образования: трансформация школьного и университетского обучения в эпоху информационных технологий.

Политические аспекты

6. Роль государства в социализации: политика в области воспитания гражданских ценностей.

7. Политическая пропаганда и её влияние на социализацию молодежи.

8. Демократия и авторитаризм как контексты социализации граждан.

9. Глобализация и национальная идентичность: конфликты в процессе социализации.

10. Влияние политических конфликтов и войн на социализацию детей и подростков.

Экономические аспекты

11. Социализация через рынок труда: вызовы эпохи автоматизации и гибкой занятости.

12. Экономическое неравенство как барьер для социализации в глобальном масштабе.

13. Социальная мобильность: роль экономических институтов в формировании карьерных траекторий.

14. Бизнес-культура и корпоративные ценности как элементы взрослой социализации.

15. Эффекты экономических кризисов на социализацию различных возрастных групп.

Культурные аспекты

16. Мультикультурализм и интеграция: вызовы для социализации в полиэтнических обществах.

17. Роль искусства и массовой культуры в формировании

социальных стереотипов и ценностей.

18. Культура потребления как новая парадигма социализации.

19. Религия в современном мире: сохраняет ли она влияние на социализацию?

20. Культурные различия в социализации: сравнение западного и восточного подходов.

Habil Qurbanov,
hüquq üzrə elmlər doktoru, professor
Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası
Fəlsəfə və Sosiologiya İnstitutu
"Fəlsəfi-hüquqi təlimlər və suverenlik" şöbəsinin müdiri
E-mail: professorqurbanov@yandex.com
<https://orcid.org/0009-0005-0083-2960>

ƏMƏK MÜNASİBƏTLƏRİNİN TƏNZİMLƏNMƏSİNDƏ HƏMKARLAR İTTİFAQLARININ KONSTITUSION-HÜQUQİ ROLU

Xülasə

Sovet cəmiyyətində işçilərin ən kütləvi təşkilatlarından biri olan həmkarlar ittifaqları İnzibati-əmr rejimi dövründə çətin və ziddiyyətli bir yol keçdilər.

Məqalənin məqsədi: əmək münasibətlərinin tənzimlənməsində həmkarlar ittifaqlarının Konstitusiyə və hüquqi rolunu müəyyənləşdirmək.

Mövzunun inkişaf dərəcəsi: məqalənin sonunda bibliografiyaya baxın.

Tədqiqat metodları və metodologiyası: məqalədə sistemli bir yanaşma, tarixi, məntiqi əsaslandırıcı analiz metodlarından istifadə edilmişdir.

Tədqiqatın yeniliyi: məqalədə qeyd olunur ki, Sosialist cəmiyyəti şəraitində həmkarlar ittifaqları işçilərin maraqlarının qorunması funksiyası ilə yanaşı istehsalın idarə edilməsində iştirakçı rolunu da oynamalı idi. Hazırda müstəqil Azərbaycan Respublikasında fəaliyyətini davam etdirən həmkarlar ittifaqları öz işlərini Konstitusiyanın tələblərinə və müasirlik normalarına uyğun qururlar. Tarixi təcrübə həmkarlar ittifaqlarının cəmiyyətin həyatında mühüm təşkilat kimi mövcud olmasının zəruriliyini bir daha sübut etdi.

Nəticə: Azərbaycan ikinci dəfə müstəqillik qazandıqdan sonra bütün sahələrdə olduğu kimi, həmkarlar ittifaqlarında da islahatların aparılması zərurətə çevrilmişdir. Bu sistemin yaradılması ilə həmkarlar ittifaqlarının, sənaye həmkarlar ittifaqlarının fəaliyyətində İnzibati-əmr metodlarına son qoyuldu, səlahiyyətləri bərpa edildi, yeniliyə, dünya həmkarlar ittifaqı

sisteminə integrasiyaya yol açıldı.

Açar sözlər: Konstitusiya, hüquq, maddə, müqavilə, Respublika.

УДК-349.2

Габиль Гурбанов,
доктор юридических наук, профессор,
Институт философии и социологии
Национальной академии наук Азербайджана
Заведующий отделом "Философско-правовые учения и
суверенитет"
E-mail: professorqurbanov@yandex.com
<https://orcid.org/0009-0005-0083-2960>

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ РОЛЬ ПРОФСОЮЗОВ В РЕГУЛИРОВАНИИ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Резюме

Профсоюзы, одна из самых массовых организаций трудящихся в советском обществе, прошли сложный и противоречивый путь в период административно-командного режима.

Цель статьи: выявить конституционно-правовую роль профсоюзов в регулировании трудовых отношений.

Степень разработанности темы: См. библиографию в конце статьи.

Методы и методология исследования: В статье использованы системный подход, методы исторического, логического и сравнительного анализа.

Новизна исследования: В статье отмечается, что в условиях социалистического общества профсоюзы, наряду с функцией защиты интересов трудящихся, также должны были играть роль участника в управлении производством. В настоящее время профсоюзы, которые продолжают свою деятельность в независимой Азербайджанской Республике, строят свою работу в соответствии с требованиями Конституции и норм современности. Исторический опыт еще раз доказал необходимость существования профсоюзов, как важной организации в жизни общества.

Заключение: После того, как Азербайджан во второй раз обрел независимость, проведение реформ в профсоюзах, как и во всех сферах, стало необходимостью. В этой связи большое значение имел

первый съезд независимых азербайджанских профсоюзов, состоявшийся 5 февраля 1993 года. С созданием этой системы был положен конец административно-командным методам в деятельности профсоюзов, отраслевых профсоюзов были возвращены их полномочия, открылся путь к инновациям, к интеграции в мировую систему профсоюзов.

Ключевые слова: Конституция, право, статья, договор, республика.

UDC-349.2

Gabil Qurbanov,
Doctor of Law, Professor,
Institute of Philosophy and Sociology
National Academy of Sciences of Azerbaijan
Head of the Department "Philosophical and Legal Doctrines and
Sovereignty"
E-mail: professorqurbanov@yandex.com
<https://orcid.org/0009-0005-0083-2960>

THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL ROLE OF TRADE UNIONS IN REGULATION LABOR RELATIONS

Abstract

Trade unions, one of the most massive organizations of workers in Soviet society, went through a difficult and contradictory path during the administrative and command regime.

The purpose of the article is to identify the constitutional and legal role of trade unions in regulating labor relations.

The degree of development of the topic: See the bibliography at the end of the article.

Research methods and methodology: The article uses a systematic approach, methods of historical, logical and comparative analysis.

The novelty of the research: The article notes that in a socialist society, trade unions, along with the function of protecting the interests of workers, also had to play the role of a participant in the management of production. Currently, the trade unions that continue their activities in the independent Republic of Azerbaijan are conducting their work in accordance with the requirements of the Constitution and the norms of modernity. Historical experience has once again proved the necessity of

the existence of trade unions as an important organization in the life of society.

Conclusion: After Azerbaijan gained independence for the second time, reforms in trade unions, as well as in all spheres, became a necessity. In this regard, the first congress of independent Azerbaijani trade unions, held on February 5, 1993, was of great importance. With the creation of this system, administrative and command methods in the activities of trade unions were put an end to, their powers were returned to branch trade unions, and the way to innovation and integration into the global trade union system was opened.

Keywords: constitution, law, article, treaty, republic.

Həmkarlar ittifaqları əmək prosesində işçilərin ümumi mənafeələrini qorumaqlı olan, öz üzvlərinin həyat və əmək şəraitini yaxşılaşdırmaq məqsədi güdən kütləvi ictimai təşkilatdır. Tarixə ekskurs etdikdə görürük ki, Həmkarlar ittifaqları ilk dəfə olaraq XVIII əsrin II yarısında Böyük Britaniyada öz peşə maraqlarını müdafiə etmək və sosial statusunu qorumaq üçün birləşmiş yüksək ixtisaslı fəhlələrin assosiasiyası kimi meydana gəlmişdir. İlk Həmkarlar ittifaqı təşkilatı lokal xarakter daşımışdır. Sonralar bu qurum XIX əsr ərzində Avropanın inkişaf etmiş ölkələrində və Amerikada yaranmışdır. V.V.Qribanov haqlı olaraq göstərir ki, müasir liberal demokratik cəmiyyətin formalaşmasında Həmkarlar ittifaqlarının rolu böyük olmuşdur (1, s. 8).

XIX əsrin sonunda istehsalat sahələri həmkarlar ittifaqları, Milli həmkarlar ittifaqları mərkəzləri meydana gəlmişdir. Bunlardan ən qədimi 1868-ci ildə formalaşmış Britaniya tred-yunionçularının konqresidir. Həmkarlar ittifaqlarının sosial bazası getdikcə genişlənməyə başlayır. Belə ki, natamam ixtisaslı və qeyri-ixtisaslı işçiləri birləşdirən təşkilatlar meydana gəldikcə, həmkarlar ittifaqları əsasən maddi istehsal sahələrində yaranır, öz sıralarına fiziki əmək adamlarını cəlb edirdilər.

XIX əsrin əvvəllərində həmkarlar ittifaqlarının beynəlxalq federasiyaları yaranmağa başlayır. Rusiyada ilk dəfə 1905-ci ildə yaranmış həmkarlar təşkilatlarının ardınca o, imperiyanın ucqarlarında, o cümlədən Azərbaycanda da meydana gəlmişdir.

Rusiya imperiyasının müxtəlif sənaye şəhərlərində olduğu kimi 1905-ci ildə Bakıda da ilk həmkarlar təşkilatları meydana gəldi. 1905-ci il oktyabrın 17-də Bakıda konka (at-dəmir yolu) fəhlə və qulluqçularının həmkarlar ittifaqı fəaliyyətə başladı. Həmin ilin noyabrında mətbəə

işçiləri həmkarlar ittifaqının əsası qoyuldu. 1905-ci ildə mühəndis və texniklərin, həkimlərin, müəllimlərin, vəkillərin siyasi həmkarlar ittifaqları yarandı. Bu dövrdə kontor qulluqçuları, şəhər, mədən qulluqçuları, ticarət gəmiçiliyi qulluqçularının xırda həmkarlar ittifaqları da mövcud idi.

Azərbaycanda həmkarlar hərəkatının tarixində ittifaqlararası birliyin təşkili mühüm mərhələ hesab edilir. 1905-ci ilin sonunda Bakıda "İttifaqların ittifaqı bürosu" yaradılmışdı. Bu, 1905-1907-ci illər inqilabı gedişində meydana gəlmiş həmkarlar ittifaqlarının birləşdirilməsi məqsədilə göstərilmiş ilk cəhd idi. Lakin bu addım son dərəcə zəif idi və həmkarlar hərəkatının birləşdirilməsinə nail olmaq mümkün olmadı. 1906-cı ildə Bakı bolşevikləri həmkarlar hərəkatına rəhbərlik etmək üçün qeyri-leqal mərkəz - həmkarlar ittifaqlarının Mərkəzi bürosunu yaratdılar. 1905-1907-ci illər inqilabı dövründə bolşeviklərlə menşeviklər arasında həmkarlar ittifaqlarında təsir dairəsi uğrunda kəskin mübarizə gedirdi. Bolşeviklər hesab edirdilər ki, həmkarlar ittifaqları inqilabi fəaliyyətlə məşğul olmalıdırlar. Menşeviklər isə dünyada mövcud olan tred-yunionçuluq prinsip və vəzifələrinin həmkarlar ittifaqlarının fəaliyyətində möhkəmlənməsinə nail olmağa çalışırdılar. Bu prinsip həmkarlar ittifaqlarına yalnız fəhlələrin sosial-iqtisadi problemlərinin həlli ilə məşğul olmağa imkan verirdi. Çar hökuməti 1906-cı il martın 4-də həmkarlar ittifaqları haqqında xüsusi qanun - "Ticarət və sənaye müəssisələrində çalışan şəxslər və ya bu müəssisələrin sahibləri üçün təsis edilmiş həmkarlar cəmiyyətləri haqqında müvəqqəti qayda" - qəbul etmişdi. Bu qanun həmkarlar ittifaqları və cəmiyyətlərə, onların nizamnamələri müəssisə rəhbərliyi tərəfindən qeydiyyatla alınmaq şərtilə leqal fəaliyyət göstərmək hüququ verirdi. 1906-cı ilin noyabrında menşeviklərin nəzarəti altında olan neft çıxarmasında çalışan fəhlələrin həmkarlar cəmiyyəti fəaliyyətə başladı. Azərbaycanda ilk güclü həmkarlar təşkilatı 1906-cı ildə yaradılmış neft sənayesi fəhlələri həmkarlar ittifaqı olmuşdur. Bu həmkarlar ittifaqının yaradılmasını asanlaşdıran cəhətlərdən biri ondan ibarət idi ki, ittifaq yarananadək sənaye müəssisələrində seçkili zavod və mədən fəhlə komissiyaları fəaliyyət göstərirdi və bu komissiyalar fəhlələri həmkarlar ittifaqlarına cəlb etmək üçün fəal iş aparırdılar. 1906-cı ilin noyabrında Neft sənayesi fəhlələri həmkarlar ittifaqının 12 nəfərdən ibarət idarə heyəti seçilmişdi. Neft sənayesi fəhlələri həmkarlar ittifaqı ilə yanaşı Bakıda bu dövrdə Mexaniki istehsal fəhlələri, neft çıxarılması işçiləri, Dənizçilər, Jelonkaçılar, Qazanxana işçiləri, mətbəə fəhlələri həmkarlar ittifaqları da

fəaliyyət göstərirdilər. Ümumiyyətlə, 1906-cı ilin sonlarında Bakıda 18-20 həmkarlar ittifaqı var idi. Qısa müddət ərzində Neft sənayesi fəhlələri həmkarlar ittifaqı ən populyar və kütləvi təşkilata çevrildi. Əgər 1906-cı ilin oktyabrında ittifaqın 225 nəfər üzvü var idisə, artıq 1907-ci ilin sonunda onların sayı 6 min nəfərdən çox idi.

Həmkarlar təşkilatları və mədən-zavod komitələri müəssisələrdə fəhlə nəzarətinin həyata keçirilməsinə, kollektiv müqavilələrin bağlanmasına nail olmağa çalışırdılar. 1917-ci ilin mayında Neft sənayesi fəhlələri həmkarlar ittifaqı neft sənayesində kollektiv müqavilənin hazırlanmasında yaxından iştirak etmişdi. Kollektiv müqaviləyə əmək haqqı, mənzil, sığorta, tibbi xidmətə dair təbəllərlə yanaşı, həmkarlar ittifaqları və zavod komitələrinin siyasi hüquqlarına dair maddələr də daxil edilmişdi.

Neft sənayesi fəhlələri həmkarlar ittifaqının 1917-ci ilin sentyabrında təşkil etdiyi güclü tətillər nəticəsində həmin ilin oktyabrın 2-də neft sənayeçiləri kollektiv müqavilənin şərtlərini qəbul etdilər. Neftçilərin qələbəsi digər sənaye sahələri fəhlələrini də ruhlandırırdı. Mətbəə-litoqrafiya və cildləmə fəhlələri həmkarlar ittifaqının təşkil etdiyi tətillər mətbəə sahiblərini 1917-ci il noyabrın 13-də fəhlələr üçün əlverişli olan kollektiv müqavilələri imzalamağa məcbur etdi. Müqaviləyə görə 8 saatlıq iş günü tətbiq edilir, müəssisələrə fəhlələrin qəbulu yalnız qeydə alınmış və xüsusi qeydiyyat biletləri olan həmkarlar ittifaqları üzvləri sırasından həyata keçirilir, kişilərlə bərabər eyni işi görən qadınların əmək haqqı bərabərləşdirilir, 1 may fəhlə bayramı kimi tanınırdı. Kollektiv müqavilə 1917-ci il oktyabrın 1-dən 1918-ci il oktyabrın 1-dək olan müddətə bağlanmışdı.

Beləliklə, Fevral burjuva-demokratik inqilabının qələbəsindən sonra Bakıda xeyli sayda həmkarlar təşkilatları, mədən-zavod və fabrik komitələri meydana gəlmişdi. Neft sənayesi fəhlələri həmkarlar ittifaqında bolşeviklər üstün mövqeyə malik idilərsə, qeyri-sənaye fəhlələrini əhatə edən həmkarlar təşkilatlarında isə menşeviklər güclü təsirə malik idilər. Həmkarlar hərəkətində birliyin olmaması onların zəhmətkeşlərin mənafehləri uğrunda birgə mübarizəsinə əngəl törədirdi. 1918-ci ilin aprelində Bakı Xalq Komissarları Soveti hakimiyyəti ələ keçirdikdən sonra həmin ilin iyunun əvvəllərində həmkarlar ittifaqları şurasının yenidən seçkisi keçirildi və bolşeviklər bu şurada da üstünlüyü zorakı yolla öz əllərinə aldılar.

Sovet cəmiyyətində zəhmətkeşlərin geniş təbəqələrinin bu təşkilat vasitəsilə dövlət işlərinə, ictimai həyata və təsərrüfat fəaliyyətinə cəlb

edilməsi nəzərdə tutulmuşdur. Eyni zamanda Sovet cəmiyyətində ən çox fəaliyyəti və mövqeyi məhdudlaşdırılan təşkilat da həmkarlar ittifaqları olmuşdur.

Kommunist partiyasının həmkarlar ittifaqları barədə proqramında proletariat diktaturası dövründə həmkarlar ittifaqlarının rolu məsələsi aydın şəkildə öz əksini tapmışdı. Proletariat diktaturası şəraitində həmkarlar ittifaqlarının səciyyəvi rolu ondan ibarət idi ki, dövlət hakimiyyətini öz əlinə almış və hakimiyyətdə olan fəhlə sinfini başdan-başa öz tərkibində birləşdirən həmkarlar ittifaqları bununla bərabər dövlət təşkilatı deyil, tərbiyə edən təşkilat olmalı idi. Bu işə totalitar rejimin hökm sürdüyü bir şəraitdə son dərəcə çətin bir iş idi. Ona görə də həmkarlar təşkilatları öz əsl funksiyalarını tam yerinə yetirə bilmirdilər.

Formal olaraq partiya həmkarlar ittifaqlarına heç bir göstəriş vermək hüququna malik deyildi. Ancaq partiya həmkarlar ittifaqlarına rəhbərliyi həmin təşkilatlarda işləyən kommunistlər vasitəsilə həyata keçirirdi.

Azərbaycan Respublikası müstəqillik qazandıqdan sonra ictimai həyatın bütün sahələrində olduğu kimi həmkarlar təşkilatlarının işində də xeyli dəyişiklik baş vermiş, onların fəaliyyətində demokratik və aşkarlıq prinsipləri daha geniş tətbiq olunmağa başlamışdır. Azərbaycan Respublikası həmkarlar ittifaqlarının 5 fevral 1993-cü ildə keçirilmiş birinci qurultayında inzibati amirlik sistemi dövründə yaranmış həmkarlar ittifaqları şurası özünü buraxaraq səlahiyyətlərini Konfederativ tipli Azərbaycan Həmkarlar İttifaqları Konfederasiyasına (AHİK) verdi. Bu təşkilatın yaranması ilə həmkarlar ittifaqlarının fəaliyyətində inzibati amirlik metodlarına son qoyuldu, sahə həmkarlar ittifaqlarının səlahiyyətləri özlərinə qaytarılmaqla, təşəbbüskarlığa, yeniliyə, dünya həmkarlar ittifaqları sisteminə qoşulmağa yol açıldı.

AHİK-in 26 may 1993-cü ildə qeydiyyatına alınmış, 5 fevral 2003-cü ildə keçirilmiş ikinci qurultayında yeni redaksiyada qəbul edilmiş Nizamnaməsində deyilir: “Azərbaycan Həmkarlar İttifaqları Konfederasiyası həmkarlar ittifaqları üzvlərinin və digər işçilərin iqtisadi sosial, hüquqi, mənəvi mənafeələrinin müdafiəsini ifadə edən, həyata keçirən sahə həmkarlar ittifaqlarının və Naxçıvan Muxtar Respublikasının sahələrarası birliklərinin könüllü ittifaqıdır”.

Azərbaycan həmkarlar ittifaqları dünya həmkarlar ittifaqları sisteminə qoşulmaqla dünyada gedən proseslərdə fəal iştirak edir. Bu gün dünya ictimaiyyətinin diqqət mərkəzində olan ərzaq məsələsi, beynəlxalq terrorizmə qarşı mübarizə, iqtisadiyyatın qloballaşması, milli münaqişələrin həlli və s. kimi qlobal problemlərin həllində həmkarlar

ittifaqları fəal iştirak edirlər. AHİK-in II qurultayında “Qloballaşma və Azərbaycan həmkarlar ittifaqlarının mövqeyi” haqqında xüsusi qətnamə qəbul edilmişdir. Qətnamədə qeyd edilmişdir ki, dünyada baş verən radikal dəyişikliklər həmkarlar ittifaqı hərəkəti qarşısında vacib problemlərə yeni yanaşma tələb edən vəzifələr qoymuşdur. Qloballaşma şəraitində əməkçilərin həyatı əhəmiyyət kəsb edən bir çox məsələlərin həllindən kənarlaşdırılması cəhdləri üzə çıxmaktadır. Transmilli korporasiyalar, kapital bazarlarının integrasiyası dövründə əməyin xarakterində, bütövlükdə əmək münasibətlərində baş vermiş ziddiyyətlər həmkarlar ittifaqlarının təşkilatlandırma rolunu daha da artırır.

AHİK yaranarkən ora 26 müxtəlif sahələri - elm, təhsil, sosial, səhiyyə, iqtisadi, kənd təsərrüfatı, nəqliyyat, sənaye, rabitə, və. s. özündə birləşdirən üzv təşkilat daxil olmuşdu.

Azərbaycan Həmkarlar İttifaqları Konfederasiyasının işləyib hazırladığı layihə əsasında həmkarlar ittifaqlarının fəaliyyətini tənzimləyən 24 maddədən ibarət olan “Həmkarlar İttifaqları haqqında” Azərbaycan Respublikasının 24 fevral 1994-cü il tarixli Qanunu qəbul edilmişdir (2). Həmin Qanunun 1-ci maddəsinə əsasən, Həmkarlar ittifaqları istehsal və ya qeyri-istehsal sahələrində çalışan işçilərin, habelə pensiyaçıların və təhsil alan şəxslərin əmək, sosial, iqtisadi hüquqlarının və qanuni mənafeələrinin müdafiəsi üçün iş yeri, peşələr, sahələr üzrə və respublika səviyyəsində fərdi üzlük prinsipi əsasında könüllü birləşdiyi, nizamnamələri və “Həmkarlar İttifaqları haqqında” Qanun əsasında fəaliyyət göstərən müstəqil ictimai, qeyri-siyasi təşkilatdır.

Azərbaycan Həmkarlar İttifaqları Konfederasiyası həmkarlar ittifaqları üzvlərinin iqtisadi-sosial, hüquqi, mənəvi mənafeələrinin müdafiəsini ifadə edən və həyata keçirən Naxçıvan Muxtar respublikasının və sahələrarası birliklərinin könüllü ittifaqidir. Həmin sahələr üzrə həmkarlar ittifaqlarının üzvü 1,5 mln. nəfərə yaxındır. Hazırda 15 sanatoriya və sağlamlıq ocaqlarını özündə birləşdirən "Kurort Turizm İnformasiya Mərkəzi" MMC, Əmək və Sosial Münasibətlər Akademiyası və 16 idman cəmiyyəti, sağlamlıq idman klublarını özündə birləşdirən Azərbaycan Həmkarlar İttifaqları İdman Assosiasiyası (AHİİTA) AHİK-in təbəçiliyindədir.

Konfederasiyanın ali orqanı 5 ildən bir çağırılan qurultaydır. Azərbaycan Həmkarlar İttifaqları Konfederasiyası üzv təşkilatlarla birlikdə Respublikada aztəminatlı ailələrin, şəhid ailələrinin, qaçqın və məcburi köçkün ailələrinin sosial vəziyyətinin yaxşılaşdırılması, eləcə də şəhid övladlarının, aztəminatlı tələbələrin pulsuz təhsil alması,

əməkdaşların sanator-kurort və istirahət yolları işlərini güzəştli şərtlərlə əldə etməsi istiqamətində bir çox təqdirəlayiq işlər görməkdədir.

Bütün bunları nəzərə alaraq deyə bilərik ki, Azərbaycan Respublikası müstəqillik qazandıqdan sonra Həmkarlar İttifaqları dövlətimizin həyatının bütün sahələrində öz fəaliyyətlərini günü-gündən genişləndirərək, əməkçilərin mənafelərini müdafiə edən ən kütləvi ictimai təşkilatdır.

Bildirməyi zəruri hesab edirik ki, Həmkarlar İttifaqlarının əmək münasibətlərinin tənzimlənməsində hüquqi rolu böyükdür. Onu da qeyd etmək lazımdır ki, Əmək hüququ Azərbaycanın hüquq sistemində xüsusi yer tutur. O, işçilərin iş qəbul olunma, başqa işə keçirmə və işdən çıxarılma qaydalarını, əməyin ödənilməsi sistemi və normalarını, əməkdəki nailiyyətlərinə görə həvəsləndirməni, əmək və icra intizamının pozulmasına görə intizam tənbeh tədbirlərinin tətbiqini, fərdi və kollektiv əmək mübahisələrinə baxılması qaydalarını müəyyən edir.

Əmək hüquq normalarının təsbit edildiyi normativ hüquqi aktlar əmək hüququnun mənbələri adlanır. Əmək hüququnun mənbələri hər şeydən əvvəl əmək qanunvericiliyinin müəyyən normativ aktlarda ifadəsinin formasıdır. Bu cür normativ aktlarda isə həm əmək hüquq normaları, həm də kompleks hüquq normaları mövcud ola bilər.

Əmək hüququnun mənbələri içərisində əsas yeri Azərbaycan Respublikasının 12 noyabr 1995-ci il tarixli Konstitusiyası tutur (3). Konstitusiya yüksək hüquqi qüvvəyə malik olub, qanunvericiliyin əsasını təşkil etdiyinə görə bütün qanunlar və digər dövlət orqanlarının aktları onun əsasında və ona müvafiq qaydada qəbul edilir. Burada əməyin hüquqi tənzimlənməsinin başlıca əsas prinsipləri müəyyən edilib. Konstitusiyanın 35-ci (əmək hüququ), 36-cı (tətil hüququ), 37-ci (istirahət hüququ), 38-ci (sosial təminat hüququ), 41-ci (sağlamlığın qorunması hüququ), 59-cu (azad sahibkarlıq hüququ) və s. maddələrində təsbit edilən bu prinsiplər milli əmək qanunvericiliyimizin əsas mahiyyəti və məzmununu təşkil edir.

Əmək hüququnun mənbələri sistemində konstitusiyadan sonra başlıca yeri Azərbaycan Respublikasının 1 fevral 1999-cu il tarixli Əmək Məcəlləsi tutur (4). Əmək qanunvericiliyinə görə, kollektiv müqavilənin tərəfləri - işəgötürən və həmkarlar ittifaqları təşkilatıdır. Həmkarlar təşkilatı olmayan müəssisələrdə tərəf kimi əmək kollektivi çıxış edir. Kollektiv müqavilənin layihəsi tərəflərin bərabər saylı nümayəndələrindən ibarət olan müvafiq komissiya tərəfindən baxıldıqdan sonra təsdiq olunmaq üçün həmkarlar ittifaqları təşkilatının (əmək

kollektivinin) ümumi yığıncağının (konfransının) müzakirəsinə verilir. Ümumi yığıncaq da işçilərin 50 %-dən çoxu iştirak etdikdə səlahiyyətlidir. Kollektiv müqavilənin layihəsi yığıncaqda müzakirə edilib bəyənildikdən sonra kollektiv müqavilə bağlanır.

Qeyd etmək istərdik ki, Həmkarlar ittifaqları təşkilatı kollektiv müqaviləni pozmağa görə maddi məsuliyyət daşımır. Kollektiv müqaviləni pozmağa görə müəssisənin (idarənin) vəzifəli şəxsləri intizam məsuliyyətinə cəlb edilir. Qanunda nəzərdə tutulmuş hallarda təqsirli vəzifəli şəxslər inzibati qaydada cərimə oluna bilər, müvafiq hallarda isə cinayət məsuliyyətinə cəlb edilə bilərlər.

Beləliklə, aparılmış tədqiqatın yekunu olaraq aşağıdakı əsas nəticələri müəyyən etdik.

1. Sovet cəmiyyətində zəhmətkeşlərin ən kütləvi təşkilatlarından biri olan həmkarlar ittifaqları inzibati amirlik rejimi dövründə mürəkkəb və ziddiyyətli bir yol keçmişlər. Sosializm cəmiyyəti şəraitində həmkarlar ittifaqları zəhmətkeşlərin mənafeyini müdafiə etmək funksiyası ilə yanaşı, istehsalın idarə edilməsində iştirak etmək rolunu da yerinə yetirməli idilər.

2. Azərbaycan ikinci dəfə özünün müstəqilliyini qazandıqdan sonra bütün sahələrdə olduğu kimi həmkarlar ittifaqlarında da islahatların aparılması zərurətə çevrildi. Bu baxımdan, müstəqil Azərbaycan həmkarlar ittifaqlarının 1993-cü il fevralın 5-də keçirilən birinci qurultayının böyük əhəmiyyəti olmuşdur. Qurultay ərəfəsində yaradılmış təşəbbüs qrupunun təklifi ilə Sovetlər birliyindən qalma, inzibati amirlik sistemini özündə yaşadan həmkarlar ittifaqları şurası özünü buraxaraq səlahiyyətlərini konfederativ tipli həmkarlar ittifaqları Konfederasiyasına verdi. Bu sistemin yaranması ilə həmkarlar ittifaqlarının fəaliyyətində inzibati amirlik metodlarına son qoyuldu, sahə həmkarlar ittifaqlarının səlahiyyətləri özlərinə qaytarıldı, yeniliyə, dünya həmkarlar ittifaqları sistemində qoşulmağa yol açıldı.

Ədəbiyyat:

1. Грибанов В.В. Профсоюзы в политической жизни современного общества: Дисс. ... докт. полит. наук. СПб, 2001.

2. “Həmkarlar İttifaqları haqqında” Azərbaycan Respublikasının 24 fevral 1994-cü il tarixli Qanunu. Bakı: Qanun, 2018.

3. Azərbaycan Respublikasının 12 noyabr 1995-ci il tarixli Konstitusiyası. Bakı: Qanun, 2017.

4. Azərbaycan Respublikasının 1 fevral 1999-cu il tarixli Əmək Məcəlləsi. Bakı: Hüquq Yayın Evi, 2018.

References:

1. Griбанov V.V. Profsoyuzy v politicheskoy zhizni sovremennogo obshchestva: Diss. ... dokt. polit. nauk. SPb. 2001.
2. Law of the Republic of Azerbaijan "On Trade Unions" dated February 24, 1994. Baku: Qanun, 2018.
3. Azərbaycan Respublikasının 12 noyabr 1995-ci il tarixli Konstitusiyası. Bakı: Qanun. 2020.
4. Azərbaycan Respublikasının 1 fevral 1999-cu il tarixli Emek Məcəlləsi. Bakı: Huquq Yayın Evi. 2021.

UOT - 316

Hüseyn Tapqıq oğlu Qaraşov

sosiologiya elmləri doktoru, professor

Bakı, Azərbaycan, H.Cavid pr.,115

E-mail: huseyn.qarasov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-4102-6250>

HEYDƏR ƏLİYEV VƏ HƏMKARLAR İTTİFAQLARI

Xülasə

Məqalədə ümummilli lider Heydər Əliyevin həm sovet, həm də müstəqillik illərində Azərbaycana rəhbərliyi zaman həmkarlar ittifaqına qayğısı, ona münasibəti, fəaliyyətini düzgün qurması üçün verdiyi təklif və tövsiyələr təhlil edilir, maraqlı tərəflər önə çəkilir. Bildirilir ki, insanların sosial şəraitinin yaxşılaşması, rifahının yüksəldilməsində Heydər Əliyev daim həmkarlar ittifaqının fəaliyyətinə yüksək qiymət vermişdir. Təcrübəli siyasətçinin Azərbaycan dövlətçiliyinin ən mühüm sosial institutlardan biri kimi Həmkarlar İttifaqlarının cəmiyyətin ictimai-siyasi həyatında, zəhmətkeşlərin əmək hüquqlarının qorunmasında müstəsna rolunu həmişə qeyd etdiyi bildirilir. Azərbaycan həmkarlar ittifaqlarının iqtisadiyyatın ən aktual, ümdə məsələlərinin həllinə, iqtisadi potensialın artırılmasına və iqtisadiyyatın səmərəliliyinin yüksəldilməsinə, ictimai həyatın bütün sahələrində işin keyfiyyət göstəricilərinin yaxşılaşdırılmasına zəhmətkeşləri səfərbər etmək üçün kütlələr arasında

aparılan təşkilatçılıq işinin gücünü, peşəkar kadrların hazırlanmasının aktuallığını inandırıcı şəkildə nümayiş etdirməsi təhlil edilir.

Məqsəd: məqalənin yazılmasının əsas məqsədi ulu öndər Heydər Əliyevin həmkarlar ittifaqına münasibətini təhlil etməkdir.

Mövzunun işlənmə dərəcəsi: mövzu ilə bağlı həm xarici, həm də yerli tədqiqatçıların sanballı əsərləri vardır.

Tədqiqatın metodologiyası: məqalədə sistemli yanaşma və müqayisəli təhlil metodlarından istifadə edilmişdir.

Tədqiqatın yeniliyi: Heydər Əliyevin həmkarlar ittifaqlarının güclənməsində və möhkəmlənməsində və öz funksiyalarının layiqincə yerinə yetirilməsindəki rolu ətraflı təhlil edilmişdir.

Çıxarışlar: Heydər Əliyev əmək adamlarının hüquqlarının qorunmasında həmkarlar ittifaqlarının rolunu qiymətləndirmiş, hüquq pozuntularının aradan qaldırılmasında bu təşkilatın mühüm vəzifələrinin olduğunu bildirmişdir. Ümummilli liderin Respublikaya rəhbərliyi dövründə həmkarlar ittifaqı orqanları kadrların seçilməsi, yerləşdirilməsi və tərbiyə edilməsi işini yaxşılaşdırmağa çalışmışlar.

Açar sözlər: Heydər Əliyev, cəmiyyət, siyasət, müəssisə, həmkarlar ittifaqı, hüquq, işçilər, işəgötürən, kadrlar

УДК- 316

Гусейн Тапдыг оглу Гарашов

доктор социологических наук, профессор

Баку, Азербайджан, пр. Г.Джавида, 115

E-mail: huseyn.qarasov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-4103-6262>

ГЕЙДАР АЛИЕВ И ПРОФСОЮЗЫ

Резюме

В статье анализируется забота общенационального лидера Гейдара Алиева о профсоюзах как в советский период, так и в годы независимости, его отношение к ним, предложения и рекомендации

по правильной организации их деятельности, а также выделяются заинтересованные стороны. Отмечается, что Гейдар Алиев всегда высоко оценивал деятельность профсоюзов в улучшении социальных условий и благосостояния людей. Указывается, что опытный политик всегда подчеркивал исключительную роль профсоюзов как одного из важнейших социальных институтов в общественно-политической жизни общества и защите трудовых прав трудящихся. Анализ убедительно демонстрирует способность профсоюзов Азербайджана мобилизовать трудящихся для решения актуальных экономических вопросов, повышения экономического потенциала и эффективности экономики, улучшения показателей качества работы во всех сферах общественной жизни, а также актуальность подготовки профессиональных кадров.

Цель статьи. Основная цель написания статьи - анализ отношения великого лидера Гейдара Алиева к профсоюзам.

Степень разработанности темы. Существуют значительные работы как отечественных, так и зарубежных исследователей по данной теме.

Методы и методология исследования: В статье использованы системный подход и методы сравнительного анализа.

Новизна исследования. Подробно проанализирована роль Гейдара Алиева в укреплении и усилении профсоюзов, а также в достойном выполнении ими своих функций.

Выводы. Гейдар Алиев оценивал роль профсоюзов в защите прав трудящихся, подчеркивал важные задачи этой организации в устранении нарушений прав. Во время руководства республикой общенациональным лидером органы профсоюзов стремились улучшить работу по отбору, размещению и воспитанию кадров.

Ключевые слова: Гейдар Алиев, общество, политика, предприятие, профсоюз, право, работники, работодатель, кадры.

UDC- 316

Huseyn Qarashov

Doctor of Sociological Sciences, Professor

Baku, Azerbaijan, H.Cavid Ave,115

E-mail: huseyn.qarasov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-4103-6262>

HEYDAR ALIYEV AND TRADE UNIONS

Abstract

The article analyzes national leader Heydar Aliyev's care for trade unions during both the Soviet and independence periods, his attitude towards them, his proposals and recommendations for organizing their activities properly, and highlights the interested parties. It is noted that Heydar Aliyev always highly valued the activities of trade unions in improving people's social conditions and welfare. The experienced politician consistently emphasized the exceptional role of trade unions as one of the most important social institutions in the public-political life of society and in protecting workers' labor rights. The analysis demonstrates how Azerbaijan's trade unions convincingly showcased their ability to mobilize workers to address pressing economic issues, enhance economic potential and efficiency, improve quality indicators across all areas of public life, and the relevance of preparing professional personnel.

The purpose of the article. The main purpose of writing the article is to analyze the attitude of the great leader Heydar Aliyev towards trade unions.

The degree of development of the topic. There are significant works by both domestic and foreign researchers on this topic.

Methods and methodology of research. The article employs a systematic approach and comparative analysis methods.

Research novelty. The role of Heydar Aliyev in strengthening and consolidating trade unions and furthering to the fulfilment their functions properly is thoroughly analyzed.

Conclusions. Heydar Aliyev appreciated the role of trade unions in protecting workers' rights and emphasized the important tasks of this organization in eliminating rights violations. During the national leader's leadership of the republic, trade union bodies endeavored to improve the processes of selecting, placing, and educating personnel.

Keywords: Heydar Aliyev, society, politics, enterprise, trade union, law, workers, employer, personnel.

Giriş

Azərbaycan xalqının milli inkişaf tarixinin 34 ildən artıq dövrü dünya miqyaslı siyasətçi, müasir Azərbaycan dövlətinin qurucusu Heydər

Əliyevin misilsiz fəaliyyəti ilə bağlıdır. Ümummilli lider hakimiyyətdə olduğu illərdə Azərbaycanın bütün bölgələrində əhalinin rifahının yaxşılaşmasına, iqtisadi və sosial sahədə inkişafın təmin edilməsinə böyük diqqət yetirmişdir. Çox önəmli haldır ki, o, istər 1969-1982-ci illərdə, istərsə də 1993-2003-cü illərdə Azərbaycanın bütün bölgələrində olarkən ilk növbədə sadə insanlarla görüşür, yerli orqanların sırası vətəndaşların rifahı ilə necə məşğul olmaları ilə dərinlən maraqlanırdı. *“Mənim həyat amalı bütün varlığım qədər sevdiyim Azərbaycan xalqına, dövlətçiliyinə, ölkəmizin iqtisadi, siyasi, mədəni həyatına xidmət olub. Bu yolda bütün gücümü, iradəmi yalnız müdrik və qədirbilən xalqımdan almışam. Ən çətin anlarda, ən mürəkkəb vəziyyətlərdə yalnız və yalnız xalqıma arxalanmışam. Bu da mənə dözümlü, iradə verib və bütün uğurlarımı təmin edib”* - ulu öndərin xalqına olan bu dərin ehtiramı Azərbaycan cəmiyyətinin əsl milli inkişaf yoluna çıxmasında əvəzsiz ruhlandırıcı nüsxə olmuşdur.

Heydər Əliyevin islahatçılıq istedadı müstəsna bir fenomendir. Məhz onun 1969-cu ildə Respublika rəhbərliyinə gəlişindən sonra Azərbaycanın sosial-iqtisadi və mədəni siması intensiv sürətdə dəyişməyə başladı. Ulu öndərin dövlətçilik fəaliyyəti sübut etdi ki, rejimin xarakterindən asılı olmayaraq, milli lider bütün dövlətlərdə, bütün zamanlarda xalqına layiqli xidmət göstərə bilər. Heydər Əliyev istər sovet rejimində, istərsə də müstəqilliyimizin təsdiq olunduğu illərdə bütün istedadı və bacarığı ilə xalqına xidmət etmiş, cəmiyyətin ümumi inkişafını özünün “islahatçılıq layihəsinin” başlıca prinsipi saymışdır. Heydər Əliyevin “İqtisadiyyatı güclü olan dövlət hər şeyə qadirdir” deyəti bütün dövrlərdə milli dövlətçiliyimizin inkişaf konsepsiyası olmuşdur.

Heydər Əliyev və Azərbaycanda sovet dövrü həmkarlar ittifaqları

Heydər Əliyevin Azərbaycan rəhbərliyinin ilk günlərindən cəmiyyətdə ədalətin təmin olunması istiqamətində gələcək fəaliyyətinin konturları açıq şəkildə görünürdü. Ulu öndərin Azərbaycan KP MK-nın 5 avqust 1969-cu il tarixli plenumundakı dərin məzmunlu tənqidi çıxışı cəmiyyətdə çox böyük rezonans doğurmuşdur. Plenumdakı çıxışında Heydər Əliyev həmin dövrdəki mövcud problemləri, xüsusilə dövlət idarəçiliyi sistemindəki bürokratiya və korrupsiya hallarının yolverilməz olduğunu bildirərək demişdir: *“Biz ayrı-ayrı vəzifəli şəxslərin*

davranışında özünü bürüzə verən nalayiq hallara, pozğunluq təzahürlərinə göz yuma bilmərik. Mənəviyyat, əxlaq bütün işimizə nüfuz etməlidir. Kadrları açıq-aşkar, kütlələrin gözü qabağında seçmək, onlar haqqında kollektivin, adamların, iş yoldaşlarının rəyini nəzərə almaq lazımdır. Yalnız belə olduqda kadrların seçilməsi və yerləşdirilməsindəki bir çox səhvlərin qarşısını almaq, həmin sahədə işimizin səviyyəsini xeyli yüksəltmək olar. ...Biz rüşvətxorluq faktlarına qarşı ən qəti və amansız mübarizə aparmalı, rüşvətxorluğu doğuran səbəblərin kökünü kəsməliyik."

Heydər Əliyevin bu cəsarətli çıxışı sovet dövlətindəki yalançı gurultulu şüarlara qarşı bir mövqe idi. Həmin dövr belə bir mövqe nümayiş etdirmək sözün həqiqi mənasında bir möcüzə idi. Çünki mərkəzin icazəsi olmadan hər hansı bir sahədəki vəziyyətin təhlil edilməsi qeyri mümkün idi.

Heydər Əliyev hər cür riskə rəğmən mövcud naqislikləri açıq deməkdən, rüşvətxorluğa, korrupsiyaya qarşı barışmaz mübarizəyə başlamaqdan çəkinmədi.

Ulu öndər qısa müddətdə respublikamızın iqtisadiyyatında böyük keyfiyyət dəyişikliklərinə nail oldu, Azərbaycan xammal istehsalçısından qabaqcıl, müasir sənaye bazasına çevrildi.

Azərbaycan az bir müddətdə keçmiş SSRİ-də özünün layiqli yerini tutmağa başladı. Artıq hər bir azərbaycanlının mədəni, iqtisadi, elmi-texniki sahələrdə fəallığı sürətlə genişlənirdi. Bütün sahələrdə tədricən milli kadrlarımız ön sıralarda yerlər tuturdu. Milli kadr hazırlığına ciddi əhəmiyyət verən ulu öndər azərbaycanlı tələbələrin xaricdə təhsil almasına daim xüsusi diqqət yetirirdi. Belə ki, 1970-1980-ci illərdə keçmiş SSRİ-nin aparıcı ali məktəblərində 15 mindən artıq gənc ali təhsil almışdır. Bu mənada H. Əliyevin Azərbaycanın müstəqilliyini görən müdrik rəhbər və uzaqgörən siyasətçi olduğunu sonrakı dövrlər təsdiq etdi.

Ümummillî liderin bütün varlığı ilə sevdiyi Azərbaycanın xoşbəxt gələcəyi uğrunda xidmətləri misilsizdir. Həyatımızın elə bir sahəsi yoxdur ki, Heydər Əliyev ora diqqət yetirməmiş olsun.

Təcrübəli dövlət başçısı çox gözəl bilirdi ki, vətəndaşların ictimai fəallığının artırılmasında onların birləşdiyi ictimai-siyasi təşkilatlar müstəsna rol oynayır. Belə mühüm qurumlardan biri Azərbaycan həmkarlar ittifaqlarıdır. Dünya şöhrətli siyasətçi Heydər Əliyevin Azərbaycana başçılıq etdiyi 1969-1982-ci illər Həmkarlar İttifaqları üçün yeni inkişaf mərhələsi olmuşdur. Təcrübəli siyasətçi Azərbaycan

dövlətçiliyinin ən mühüm sosial institutlardan biri kimi Həmkarlar İttifaqlarının cəmiyyətin ictimai-siyasi həyatında, zəhmətkeşlərin əmək hüquqlarının qorunmasında müstəsna rolunu həmişə qeyd etmişdir.

Aydın məsələdir ki, ölkə miqyasında hər hansı sosial tədbiri reallaşdırmaq üçün ilk növbədə siyasi-iqtisadi sabitlik, sosiomədəni zəmin lazımdır. Lakin sivilizasiyanın təcrübəsi göstərir ki, konkret ölkədə normal siyasi sistemin fəaliyyəti, sabit və firavan həyatın təmin edilməsi milli liderin reformatorluq fəaliyyətindən xeyli dərəcədə asılıdır. Bu faktor, əslində, milli inkişaf dialektikasının ayrılmaz fenomenidir. Elmi-texniki tərəqqinin, dünya birliyinin sosial-iqtisadi və ictimai-siyasi dəyişikliklərinin dinamikası XX əsrdə müxtəlif dövlətçilik modellərini, böyük reformatorlar nəslini meydana gətirmişdir.

Məlum həqiqətdir ki, cəmiyyətin sosial institutlarının, o cümlədən həmkarlar ittifaqı təşkilatlarının tam potensialı ilə fəaliyyət göstərməsi mövcud inkişaf prosesinin mühüm mexanizmləridir. Ulu öndər hakimiyyətinin ilk günlərindən həmkarlar ittifaqlarının fəaliyyətinə xüsusi diqqət yetirmişdir. O, həmkarlar ittifaqının üzvü olması faktı ilə fəxr etdiyini bildirmişdir.

Doğrudur, sovet reallıqları sistemində fəaliyyət göstərən həmkarlar ittifaqı təşkilatları öz funksional fəaliyyətini heç də beynəlxalq fəhlə hərəkatının tələbləri əsasında qura bilməmişdi. Daha dəqiq deyilsə, kommunist partiyasının ideoloji təsirində olan digər qurumlar kimi həmkarlar ittifaqları da partiyanın sadıq köməkçisi qıyafəsindən çıxıb bilmirdi, insan hüquqlarının ayrılmaz hissəsi olan əmək hüquqlarını tamamilə qoruya biləcək normativ hüquqi bazaya malik deyildilər. Bununla belə real fəaliyyətində həmkarlar ittifaqları fəhlə yığıncaqlarında ictimai istehsalın inkişafına, bu məqsədlə işçilərin istehsalın idarəçilik işinə cəlb edilməsi məsələlərinin həllinə səy göstərirdi. Heydər Əliyevin idarəçilik mədəniyyətində zəhmətkeşlərin maddi rifahının yaxşılaşdırılmasına yönəlmiş mexanizmlərdən biri kimi həmkarlar ittifaqlarının rolu məsələsi Azərbaycan Həmkarlar İttifaqlarının 1972-ci ildə keçirilən qurultayında bariz şəkildə üzə çıxır. Azərbaycan KP MK-nın 1972-ci ildə Azərbaycan Həmkarlar İttifaqlarının XIV qurultayına göndərdiyi məktubda deyilirdi: “Azərbaycan Həmkarlar İttifaqları Şurası və həmkarlar ittifaqlarının respublika komitələri həmkarlar ittifaqları təşkilatlarının işinin səviyyəsini yüksəltməli, həmkarlar ittifaqı kadrlarını özlərinə tələbkarlıq ruhunda, işdəki nöqsanlara qarşı barışmazlıq ruhunda tərbiyələndirməlidir”.

Danılmaz faktdır ki, keçmiş SSRİ-nin nailiyyətlərində Azərbaycan

zəhmətkeşlərinin əməyi mühüm rol oynamışdır. Fəhlə sinfinin, kolxozçu kəndlilərin, ziyalıların rəşadətli əməyi o dövrdə partiya, sovet orqanları tərəfindən yüksək qiymətləndirilmişdir. Həmkarlar ittifaqı və komsomol təşkilatları böyük təşkilatçılıq və siyasi fəaliyyət nümayiş etdirərək, kənd təsərrüfatı istehsalının bütün sahələrində rekord nailiyyətlər əldə edilməsinə səy göstərmişlər.

Heydər Əliyevin rəhbərlik prinsipinə söykənən respublika həmkarlar ittifaqları Sov. İKP XXIV və XXV qurultaylarının, Azərbaycan Kommunist Partiyası XXVIII və XXIX qurultaylarının qərarlarını həyata keçirmək üçün çox iş görmüşlər. Azərbaycan Kommunist Partiyasının XXIX qurultayında Heydər Əliyev respublika həmkarlar ittifaqlarının fəallığının artdığını qeyd etmiş, sosializm yarışına rəhbərlik etmək, fəhlələrin əmək şəraitini yaxşılaşdırmaq, kollektivlərin istehsal və ictimai həyatında onların rolunu artırmaq sahəsində həmkarlar ittifaqı təşkilatlarının fəaliyyətini yüksək qiymətləndirmişdir. Həmin dövrdə Azərbaycan həmkarlar ittifaqları iqtisadiyyatın ən aktual, ümdə məsələlərinin həllinə, iqtisadi potensialın artırılmasına və iqtisadiyyatın səmərəliliyinin yüksəldilməsinə, xalq təsərrüfatının bütün sahələrində işin keyfiyyət göstəricilərinin yaxşılaşdırılmasına zəhmətkeşləri səfərbər etmək üçün kütlələr arasında aparılan təşkilatçılıq işinin gücünü, peşəkar kadrların hazırlanmasının aktuallığını inandırıcı şəkildə nümayiş etdirirdi.

Azərbaycan KP MK-nin birinci katibi işlədiyi zaman Azərbaycan Həmkarlar İttifaqları Şurasının XIV, XV, XVI qurultaylarında iştirak etmiş və böyük nitqlər söyləyərək həmin dövrlərə uyğun olaraq respublika həmkarlar ittifaqlarının vəzifələrini göstərmişdir.

Azərbaycan KP MK-nin 1972-ci ildə AHİŞ-in XIV qurultayına göndərdiyi məktubda oxuyuruq: “Azərbaycan Həmkarlar İttifaqları Şurası və həmkarlar ittifaqlarının respublika komitələri həmkarlar ittifaqı təşkilatlarının işinin səviyyəsini yüksəltməli, həmkarlar ittifaqı kadrlarını özlərinə tələbkarlıq ruhunda, işdəki nöqsanlara qarşı barışmazlıq ruhunda tərbiyələndirməlidir.”

Artıq həmin dövrdə Azərbaycan həmkarlar ittifaqları Heydər Əliyevin göstəriş və tələblərini rəhbər tutaraq, öz fəaliyyətlərində əsaslı dönüş yaratmağa başladılar.

1977-ci ildə AHİŞ-in XV qurultayında söylədiyi nitqində H.Əliyev demişdir: *“Hər bir həmkarlar ittifaqı təşkilatı.....fəhlələrin təşəbbüsünü müdafiə etməli, zəhmətkeşlərin ehtiyaclarının ödənilməsinə daim qayğı göstərməli.....əmək kollektivinin mübarizəsinin önündə getməlidir....kadrların düzgün seçilməsi müvəffəqiyyətin açarıdır,*

müvəffəqiyyət isə ən əvvəl rəhbər orqanlara seçilmiş adamlardan asılıdır. Həmkarlar İttifaqı işi yaradıcılıq işidir, məsuliyyət işidir, kim etimada layiq görülüb, həmkarlar ittifaqında böyük və ya kiçik bir iş irəli çəkilsə, öz prinsipiallığı, düzliyi, adamlara diqqətli münasibəti ilə kütlələrin etimadını doğrultmalıdır.”

Həmkarlar ittifaqı hərəkətində çalışan kadrların xüsusi təhsil almasına diqqət yetirən Heydər Əliyev “Respublika həmkarlar ittifaqlarının mübariz vəzifələri”nə həsr olunmuş nitqində demişdir: *“Həmkarlar ittifaqları orqanları kadrların seçilməsi, yerləşdirilməsi və tərbiyə edilməsi işini bir qədər yaxşı-laşdırmışlar. İndi onların sırasında həmkarlar ittifaqlarının min nəfərdən çox maaşlı işçisi vardır, ali təhsillilərin, xalq təsərrüfatı mütəxəssislərinin, xüsusi həmkarlar ittifaqı təhsili olan şəxslərin sayı xeyli artmışdır”.*

Həqiqətən də bu gün dünyanın qabaqcıl ölkələrinin həmkarlar ittifaqlarının “Həmkarlar İttifaqında təhsil - həmkarlar ittifaqı işinin başlanğıcıdır” prinsipinə ulu öndərimiz gördüyü kimi hələ 1977-ci ildə xüsusi əhəmiyyət vermişdir.

Həmin dövrdə Azərbaycanın ictimai-siyasi və iqtisadi həyatının bütün sahələrində böyük müvəffəqiyyətlər qazanılmış, ən başlıcası isə Respublika xalq təsərrüfatının inkişafında əsaslı dönüş yaradılmışdır. Ölkədə iqtisadiyyatın çoxillik geriliyinə nəinki son qoyulmuş, həm də onu Azərbaycan tarixində misli görünməmiş bir sürətdə inkişaf etdirmək mümkün olmuşdur.

Heydər Əliyev öz sıralarında təqribən 1 milyon 750 min zəhmətkeşi birləşdirən Azərbaycan həmkarlar ittifaqlarının doqquzuncu və onuncu beşilliklərdə Respublikamızda nailiyyətlər qazanılmasında göstərdiyi xidmətləri xüsusilə qeyd etmişdir.

Ümummilli lider Heydər Əliyevin hakimiyyətdə olduğu 1970-1980-ci illər AHİŞ-in fəaliyyətinin ən səmərəli dövrü olmuşdur. Həmin illərdə bu quruma əmək adamlarının güclü axını müşahidə olunurdu. 1980-ci ilin yanvar ayının statistik məlumatlarına görə Respublika həmkarlar ittifaqları sıralarında 2 milyon 270 min üzv var idi. Müqayisə üçün deyilməlidir ki, bu, 1970-ci illə müqayisədə 871 min nəfər çox üzv demək idi. 1982-1987-ci illərdə say artımı ilə bərabər qurum təşkilati cəhətdən möhkəmləndi və struktur baxımından təkmilləşdirildi. Bu illərdə yeni iki əyalət, 34 şəhər və rayon həmkarlar ittifaqları komitəsi, 2,5 min sex həmkarlar ittifaqı təşkilatı yaradıldı. Qrup təşkilatlarının rolu getdikcə artırdı. Aqrar-sənaye kompleksi işçiləri və balıqçılıq təsərrüfatı işçiləri həmkarlar ittifaqı komitələrinin təşkil olunması da həmin illərə

təsadüf edir. 1987-ci ildə əmək kollektivlərində 2,5 min üzvü birləşdirən 15,8 min ilk həmkarlar ittifaqı təşkilatı fəaliyyət göstərirdi. 70-80-ci illərin fərqləndirici xüsusiyyətlərindən biri də o idi ki, artıq kadr seçimi üçün geniş imkanlar yaranmışdı. Komitə sədrlərinin böyük hissəsi ali təhsilli azərbaycanlılar idi. Lider seçilərkən bacarıqlı, kollektivdə hörmət qazanmış, təşkilatçılıq qabiliyyəti olan işçilərə üstünlük verilirdi. Mərkəzi aparatlar ilk təşkilatlara əməli kömək göstərirdi.

Ulu öndər həmişə kadrların seçilməsi, yerləşdirilməsi və tərbiyə edilməsi məsələlərinin həmkarlar ittifaqı təşkilatlarının fəaliyyətində xüsusi əhəmiyyət kəsb etməsini qeyd etmişdir. O, qeyd edirdi ki, kadrların düzgün seçilməsi müvəffəqiyyətin açarıdır, müvəffəqiyyət isə ən əvvəl rəhbər orqanlara seçilmiş adamlardan asılıdır.

Ümummilli liderin Respublikaya rəhbərliyi dövründə həmkarlar ittifaqı orqanları kadrların seçilməsi, yerləşdirilməsi və tərbiyə edilməsi işini yaxşılaşdırmağa çalışmışlar. O dövrdə həmkarlar ittifaqları işində ali təhsillilərin, xalq təsərrüfatı mütəxəssislərinin, həmkarlar ittifaqı təhsili olan şəxslərin sayı xeyli artmışdı. O illərdə həmkarlar ittifaqı işinə lazımı təşkilatçılıq qabiliyyəti və hazırlığı olan bir çox təcrübəli adamlar irəli çəkilmişdilər.

Heydər Əliyev həmkarlar ittifaqı kadrlarının seçilməsində, yerləşdirilməsində və tərbiyə edilməsində ciddi qüsurları və nöqsanları da göstərirdi. Qeyd edirdi ki, AHİŞ və həmkarlar ittifaqlarının respublika komitələri kadrlar haqqında qərarların yerinə yetirilməsi işində ardıcıl iş aparmırlar. Çox vaxt kadrların seçilməsində və yerləşdirilməsinə səthi yanaşılır, həmkarlar ittifaqı işinə tövsiyə edilən bəzi adamlar özlərini doğrultmurlar. Nəzərə çatdırırdı ki, həmkarlar ittifaqı kadrları ilə aparılan işdə lazımı tələbkarlığın, tapşırılan iş üçün yüksək məsuliyyət hissəsinin olmaması kadr siyasətinin düzgün aparılmamasını göstərir. *“Təəssüf ki, həmkarlar ittifaqı işçilərinin, həmkarlar ittifaqı rəhbərlərinin heç də hamısı partiyanın yüksək tələblərinə cavab vermir, göstərilən yüksək etimadı doğrultmur. Bir çox hallarda onların arasında əliayrı adamlar yol tapırlar. Belə adamları isə həmkarlar ittifaqı işinə qətiyyənlə yaxın qoymaq olmaz”*.

Heydər Əliyevin tənqidi qeydləri AHİŞ və bir çox respublika komitələrinin kadrlarla iş aparmasına, onların seçilməsinə, yerləşdirilməsinə və tərbiyəsinə böyük stimül yaradırdı, həmkarlar ittifaqları qarşısında duran vəzifələrin uğurla yerinə yetirilməsinə impuls verirdi. Tənqiddən düzgün nəticə çıxaranlar dərk edirdilər ki, kadr siyasətində prinsipial, obyektiv olmalı, baş verə biləcək qüsurların və

səhvlərin qarşısının alınması üçün lazımi tədbirlər görməli, həmkarlar ittifaqı işçisinin yüksək adını ləkələyənlərə qarşı qəti və barışmaz mübarizə aparmalıdılar.

İstehsalın və cəmiyyətin həyatının bütün sahələrinə təsir göstərmək üçün hətta sovet tipli həmkarlar ittifaqlarının əlində sınanmış vasitələr az deyildi. Təbii ki, o dövrdə ən mühüm vasitə olan sosializm yarışının təşkili işində həmkarlar ittifaqının geniş imkanları var idi.

Göründüyü kimi avtoritar rejimdə belə Heydər Əliyev cəmiyyətdə Həmkarlar İttifaqlarının fəaliyyətinə xüsusi əhəmiyyət verirdi. Ulu öndərin tövsiyəsi ilə həmkarlar ittifaqı orqanlarında rəhbər vəzifələrə istehsalatda bilavasitə özünü təsdiq etmiş kadrlar irəli çəkildi. Ağırmaşınqayırma sənayesi işçiləri həmkarlar ittifaqı Respublika Komitəsinin sədri vəzifəsinə Keşlə Maşınqayırma zavodunun frezerçi briqadasının briqadiri, Sosialist Əməyi Qəhrəmanı Şamil Əliyev, Neft və Qaz Sənayesi işçiləri həmkarlar ittifaqı Respublika Komitəsinin sədri vəzifəsinə neftçi, Sosialist Əməyi Qəhrəmanı İsrəfil Hüseynov, Toxuculuq Sənayesi işçiləri həmkarlar ittifaqı Respublika Komitəsinin sədri vəzifəsinə Mingəçevir Toxuculuq Kombinatının usta köməkçisi, Sosialist Əməyi Qəhrəmanı Yaqub Rüstəmov irəli çəkilməlidir.

Ümumiyyətlə demək olar ki, həmin dövrdə ulu öndərin tövsiyələri rəhbər tutularaq əmək kollektivləri həmkarlar ittifaqına rəhbər vəzifələrə qabaqcıl əmək adamların namizədliyini irəli sürürdü.

Respublikada sosializm yarışının əməyin təşkili forması kimi ölkənin iqtisadiyyatı qarşısında duran başlıca vəzifələrlə üzvi surətdə əlaqələndirilirdi. O dövrdə hesab edilirdi ki, sosializm yarışının nəinki tək cəmiyyət göstəricilərini artırmaq uğrunda, həm də məhsulun keyfiyyətini yaxşılaşdırmaq, maddi və əmək ehtiyatlarına qənaət etmək uğrunda, elmin nailiyyətlərini istehsalatda səmərəli və sürətlə tətbiq etmək uğrunda, əmək məhsuldarlığını yüksəltmək uğrunda mübarizədir. Respublikanın müəssisələrində, tikintilərində və kənd təsərrüfatında bir çox qiymətli təşəbbüs irəli sürülməsi, vətənpərvərlik hərəkəti istər iqtisadi, istərsə də ictimai sahədə yarışın çox böyük yaradıcılıq qüvvəsinə malik olduğunu göstərirdi.

Bununla belə Heydər Əliyev özünün çıxışlarında nəzərə çatdırırdı ki, AHIŞ, respublika komitələri, yerli həmkarlar ittifaqı komitələri əmək kollektivlərinin qazandıqları yüksək nəticələri heç də həmişə vaxtında nəzərə alıb ümumiləşdirmir, qabaqcıl təcrübənin geniş yayılması sahəsində məqsədyönlü iş aparmırlar. Bəzən unudulurdu ki, yarışın başlıca vəzifələrindən biri zəhmətkeşlərə istehsalatda səmərəli işləməyi

öyrətməkdir. Təsərrüfata rəhbərliyin, planlaşdırmanın və idarəetmənin ən yaxşı nümunələrini, yarışın gedişində daim meydana çıxan qabaqcıl nə varsa, hamısını öyrənmək və tətbiq etmək günün tələbi idi.

Ulu öndərin həmkarlar ittifaqına qayğısı sayəsində kənddə həmkarlar ittifaqı hərəkəti sürətlə genişləndirdi. Kənd Təsərrüfatı və Tədarük Fəhlə və Qulluqçuları Həmkarlar İttifaqının Respublika Komitəsi 207 min nəfərdən çox həmkarlar ittifaqı üzvünün daxil olduğu 1.807 ilk təşkilatı birləşdirirdi. Təkcə kolxozçuların həmkarlar ittifaqı üzvlüyünə qəbul edilməsi hesabına kənd həmkarlar ittifaqı təşkilatının sıraları 30 min nəfər artmışdı. Rəhbər işçilərin və həmkarlar ittifaqı fəallarının keyfiyyət tərkibi yaxşılaşmışdı. Yerli komitələrin rəhbərliyinin möhkəmləndirilməsi, kənddə həmkarlar ittifaqı üzvlərinin sayının artması onların kənd təsərrüfatı istehsalında daha fəal iştirak etmələrinə imkan yaratmışdı.

Həmin dövr üçün başlıca vəzifəni “...sovet adamına, onun ehtiyaclarına və tələbatına qayğı partiyanın siyasətinin mərkəzində durur. Xalqın həyat səviyyəsini durmadan yüksəltmək həm yaxın dövr üçün, həm də uzunmüddətli perspektiv üçün bütün planlarımızın başlıca istiqaməti olmuş və olmaqdadır” kimi səciyyələndirmək olar. Partiyanın bu proqram tələbi səviyyəsində durmaq həmkarlar ittifaqlarının müqəddəs borcu və vəzifəsi olmuşdur. Sovet adamlarının rifahının yaxşılaşdırılması kimi ümumpartiya işində həmkarlar ittifaqlarının iştirakı onların ən birinci və ən mühüm vəzifəsi - işləyən adamın əmək və məişət şəraiti, onun sağlamlığının qorunması, istirahətinin təşkili qayğısına qalması ilə müəyyən edilir. Buna təminat verən həmkarlar ittifaqlarının nəhəng imkanları, onların böyük hüquqları idi.

Həmkarlar ittifaqları istehsalatda əmək şəraitinin yaxşılaşdırılmasına çoxsahəli məsələ kimi yanaşır, onun kompleks şəkildə birgə səylərlə həllini vacib sayırdı.

O dövrdə Heydər Əliyevin başçılıq etdiyi Azərbaycan Kommunist Partiyasının rəhbərliyi səhiyyənin maddi-texniki bazasının inkişaf etdirilməsinə və işdə həmkarlar ittifaqlarının roluna çox mühüm məsələ kimi yanaşırdı. Təkcə doqquzuncu beşillik ərzində 34 xəstəxana və 21 poliklinika tikilib istifadəyə verilmiş, 1.665 çarpayılıq sanatoriyalar və istirahət evləri işə düşmüşdür. O dövrdə Respublikanın kurortlarında, həmkarlar ittifaqlarının sağlamlıq ocaqlarında eyni vaxtda 6.654 nəfər müalicə olunub dincəlmək imkanı əldə etmişdi. Turist bazalarında yerlərin sayı 2 dəfədən çox artmışdı.

Lakin Heydər Əliyev inandırırırdı ki, həmkarlar ittifaqları

zəhmətkeşlərin məişət şəraitinin, onların istirahətinin və müalicəsinin yaxşılaşmasına daha çox kömək göstərə bilər. Ticarət kimi xidmət sahəsini misal göstərərək qeyd edirdi ki, müsbət irəliləyişlər olduğuna baxmayaraq, alıcıların hesabda, ölçüdə və çəkiddə aldadılması, az tapılan malların gizlədilməsi, sosialist mülkiyyətinin oğurlanması halları hələ də aradan qaldırılmayıb.

Hər halda həmkarlar ittifaqlarının yaxından iştirakı ilə ölkədə ticarət və ictimai işə sahəsi demək olar ki, ictimai nəzarətlə təmin edilmişdi. Respublikada ticarətin və ictimai işənin işinə ictimai nəzarət edən komissiyaların və qrupların 5 min üzvü vardır. Başqa sözlə, hər bir ticarət müəssisəsinə 8 ictimai nəzarətçi düşürdü. Lakin Heydər Əliyev haqlı olaraq nəzərə çatdırırdı ki, “bu qədər nəzarətçinin olduğu bir sistemdə həmin sahədə ideal qayda olmalıdır. Bildiyimiz kimi, vəziyyət heç də belə deyil”.

Heydər Əliyev insan faktorunu ön plana çəkərək xüsusilə vurğulayırdı ki, bir çox hallarda malların müəssisələrə aparılıb satılması işində qayda-qanunun pozulması, özü də çox vaxt həmkarlar ittifaqları təşkilatları rəhbərlərinin səhlənkarlığı və ya bilavasitə iştirakı ilə pozulmasına yol verilməsi hər şeydən əvvəl sadə əmək adamının rifahına ziyan vurur. Çox vaxt az tapılan mallar vəzifəli şəxslər, qohum və tanışlar arasında bölüşdürülür və onların ancaq az hissəsi fəhlələrə gedib çatırdı. Ona görə də həmkarlar ittifaqlarının fəaliyyəti zəhmətkeşlərin mənafeyinin qətiyyətlə qorunmasına yönəldilirdi. Təcrübə göstərirdi ki, müəssisələrə göndərilən bütün malların əməkçilərə çatması üçün görülən yaxşı işin gözdən düşməsi ilk növbədə həmkarlar ittifaqlarının imicinə ziyan vurur.

Heydər Əliyev həmkarlar ittifaqlarının partiya və sovet orqanlarına gələn bir çox haqlı şikayət məktubları və ərizələrə diqqətlə yanaşılmasında bilavasitə iştirak etməsini tövsiyə edirdi. O dövrdə zəhmətkeşlərin bəzi həkimlərin vicdan-sızlığından, mərhəmətsizliyindən, peşə savadsızlığından və zorla pul qoparmaq kimi hərəkətlərindən qəzəblə yazması ümummilli lideri dərinlən düşündürürdü. O, bildirirdi ki, bütün bunlar bizdə səhiyyə işçilərinin çatışmadığına görə baş verir. Əhaliyə 17 mindən artıq həkim və 49 min orta tibb işçisi yardım göstərir. İşin düzgün təşkil olunmaması, tibb ocaqlarına Səhiyyə Nazirliyi və Tibb İşçiləri Həmkarlar İttifaqının Respublika Komitəsi tərəfindən ciddi nəzarət edilməməsi Respublikada insanların sağlamlığına lazımı qayğını təmin etmirdi.

Hər bir əməkçinin namusla və vicdanla işləməsi, dövlət və əmək

intizamına ciddi əməl edilməsi, dəqiqlik və mütəşəkkillik ictimai həyat tərzinin mühüm əlamətləridir, hər bir əmək kollektivinin uğurlu fəaliyyəti üçün zəruri şərtidir.

Şübhəsiz ki, Respublikanın həmkarlar ittifaqları əmək tərbiyəsi, hər kəsin kollektiv qarşısında məsuliyyətinin yüksəldilməsi, istehsalat intizamının möhkəmlənməsi sahəsində az iş görmürdülər. Adamlarda ictimai şüurun formalaşması işi də mövcud ideologiyanın tələbləri səviyyəsində aparılırdı.

Heydər Əliyev inandırmağa çalışırdı ki, Respublika Həmkarlar İttifaqları Şurası, sahə respublika komitələrinin əmək intizamını möhkəmləndirmək məsələləri ilə pis məşğul olması, intizamın pozulması hallarına dözümlü olması, tərbiyə işini zəif aparması və intizamı pozanlara ictimai təzyiq tədbirlərindən kifayət qədər istifadə etməməsi məhz həmkarlar ittifaqlarını nüfuzdan salır. Bu ondan irəli gəlirdi ki, həmkarlar ittifaqlarının fabrik-zavod və yerli komitələri hər bir kollektivdə intizamın pozulmasına qarşı barışmazlıq şəraiti yarada bilməmişdilər.

Maraqlıdır ki, ulu öndər o dövrün həmkarlar ittifaqlarının funksiyalarından bəhs edərkən, onlardan sanki yeni tipli sosial institut kimi çalışmağı tələb edirdi. Bu fragmentə diqqət edək: *“Həmkarlar ittifaqı təşkilatları zəhmətkeşlərdə müdiriyyətin sərəncam və göstərişlərinin dəqiq yerinə yetirilməsi üçün məsuliyyət hissi tərbiyə etməklə və istehsalatın idarə olunmasında təbəşçilik prinsipinin möhkəmlənməsinə kömək etməklə bərabər, tabelikdə olanlar barəsində ayrı-ayrı rəhbər işçilərin kobud və nəzakətsiz münasibəti faktlarına qarşı, tabelikdə olanların qanuni hüquqlarının pozulması hallarına qarşı da qətiyyətlə çıxış etməlidirlər. Bu da tərbiyə işinin təsirli olması şərtlərindən biridir”*.

Onun fikrincə, cəmiyyətdə öz funksiyasını yerinə yetirmək üçün həmkarlar ittifaqı təşkilatları əmək qanunlarından kənara çıxan rəhbər işçilər barəsində daha prinsipial olmalı, əmək qanunlarına əməl olunmasına ciddi nəzarət etməlidirlər. Hər halda 1976-cı ildə respublikanın xalq məhkəmələrinə işə bərpa olunmaq haqqında verilmiş iddiaların 64 faiz olması faktı əmək qanunlarının ciddi pozulması hallarından xəbər verirdi.

Ulu öndər yeniyetmələrin əməyinin mühafizəsi sahəsində qanunun pozulması hallarını xüsusilə dözülməz fakt sayırdı. O, hesab edirdi ki, həddi-büluğa çatmamışların vaxt etibarı ilə yaşlılarla bərabər işlər görməsi, onların rayon icraiyyə komitələrinin həddi-büluğa çatmamışların

işləri komissiyalarının razılığı olmadan işdən çıxarılması, bəzən yeniyetmələrin əməyindən zərərli və ya təhlükəli olan ağır işlərdə istifadə edilməsi müasir sivilizasiyaya can atan cəmiyyətimiz üçün bağışlanmazdır. Qeyd edək ki, o dövrdə həmkarlar ittifaqı təşkilatlarının zəhmətkeşlərin, xüsusən gənclərin mənəvi tərbiyəsi, onlarda kommunist əxlaqının yüksək norma və prinsiplərinin formalaşması bu qurumun funksiyalarından biri kimi başa düşülürdü.

Məlum olduğu kimi, sosialist mülkiyyəti forması özünün mürəkkəbliyi, xüsusilə qeyri-şəffaflığı ilə müasir iqtisadi fikirdə konservativ bir anlayış kimi səslənir, iqtisadi gerçəkliklə heç bir ölçüdə uzlaşmır. Ancaq Heydər Əliyev o dövrdə əhalinin rifahını yaxşılaşdırmaq üçün ideoloji əngəlliklərə baxmayaraq, bu mülkiyyət formasından xalqın rifahını yaxşılaşdırmaq nəminə rəşional istifadə olunmasına çalışmışdır. O, sosialist mülkiyyətinin yaxşı saxlanması təmin edilməsində, oğurluğa və təsərrüfatsızlığa imkan verən səbəblərin və şəraitin aradan qaldırılmasında xalqla daim təmasda olan həmkarlar ittifaqlarının üzərinə məsuliyyət düşdüyünü xatırladırdı.

O, dövlətin ümumi siyasətindən çıxış edərək çalışırdı ki, Azərbaycan həmkarlar ittifaqları cəmiyyətimizdə ağırlı qüsurlara qarşı mübarizədə və ən əvvəl rüşvətxorluq kimi ictimai bəlanın kökünün kəsilməsində daha fəal iştirak etsinlər. Yaşlı nəsil yaxşı bilir ki, Heydər Əliyevin başçılığı altında Respublika partiya təşkilatı rüşvətxorlarla və onların havadarlarına qarşı necə qətiyyətlə və amansızcasına mübarizə aparırdı.

O dövrdə bu neqativ halların aradan qaldırılması üçün həmkarlar ittifaqları tərbiyə sahəsində çoxcəhətli və məsuliyyətli iş apararaq, rejimin tələbləri baxımından sovet həyat tərzini təbliğ etmək, zəhmətkeşlərin mədəni istirahətini və asudə vaxtından düzgün istifadə olunmasını təşkil etmək sahəsində öz funksiyalarını həyata keçirirdilər. Ulu öndər inanırdı ki, bu sahədə Respublikanın həmkarlar ittifaqları çox iş görə bilərlər. Onun əqidəsinə, bu sosial institut fəhlələrin, qulluqçuların və onların ailə üzvlərinin yaxşı yaşaması uğrunda mübarizədə öz böyük maddi bazasından səmərəli istifadə edə bilər və etməlidir.

Ulu öndər israr edirdi ki, tərbiyə işinin yeni formalarının axtarılması və təkmilləşdirilməsi yolunda hər bir addım ciddi düşünəlməli, bunun ideya və mənəvi dəyərlərimizə nə dərəcədə uyğun olduğu nəzərə alınmalıdır. Bu işdə formalizm, səthiliyə və ehkamçılığa yol vermək ümumi tərbiyə prosesinə böyük ziyan vurmaq deməkdir. Heydər Əliyevi o dövrdə qayğılandıran problemlərdən biri həmkarlar ittifaqlarında təşkilatçılıq işinin bəzən düzgün qurulmaması idi.

“Bir çox sahə həmkarlar ittifaqlarının respublika komitələri tabelikdə olan yerli komitələrin işini yaxşı təşkil etmir və onlara zəif rəhbərlik edir, pis nəzarət edir, tələbkarlıq göstərmir və liberallığa yol verirlər. Onlar kütlələr içərisində canlı yaradıcı işə lazımınca diqqət yetirmir, çox vaxt operativ rəhbərliyin ən mühüm məsələlərini nəzərdən qaçıırırlar” - ümummilli liderin vaxtilə etdiyi bu irad bu gün də aktual səslənir. Ümumi nöqsan kimi o, həmçinin göstərirdi ki, çox vaxt partiya komitələri həmkarlar ittifaqı təşkilatlarının işinə lazımınca yardımçı olmur, əmək kollektivlərində onların rolunu artırmaq qayğısına qalmırlar. Bunu normal hesab etmək olmaz ki, partiya komitələri həmkarlar ittifaqı orqanlarının işinə aid çox mühüm məsələləri illərlə müzakirə etmir, onların yaxşı təşəbbüslərini müdafiə etmirlər.

Heydər Əliyev hesab edirdi ki, *“Xirda qəyyumluğa, yerli-yersiz hesabatlar tələb etməyə yol vermək olmaz. Bu, iş zərər vurur, həmkarlar ittifaqı təşkilatlarının əl-qolunu bağlayır. Həmkarlar ittifaqı fəallığında tapşırılan iş üçün məsuliyyət tərbiyə etmək və çalışmaq lazımdır ki, həmkarlar ittifaqları onların səlahiyyətinə zidd olan məsələləri müstəqil həll etsinlər”*. Bu, onun fikrincə, həmkarlar ittifaqlarının uğurlarının artmasına stimül yarada bilər.

Demokratiya prinsiplərinə hər zaman ciddi əməl edilməsinə əhəmiyyət verən Heydər Əliyev 1982-ci ildə AHİŞ-in XVI qurultayında *“İdarəetmə məktəbi, təsərrüfatçılıq məktəbi, kommunizm məktəbi”* mövzusunda söylədiyi nitqində demişdir: *“Həmkarlar ittifaqlarının başlıca vəzifələrindən biri əmək adamlarının hüquqlarını və mənafeyini qorumaq, istehsalatda demokratiya prinsiplərini inkişaf etdirməkdir”*.

İlk vaxtlardan Heydər Əliyev Respublikamızda həmkarlar ittifaqları işinin tərkib hissəsi olan kurort sahəsinin inkişafına da xüsusi diqqət yetirmişdir. Onun təşəbbüsü ilə keçmiş SSRİ Nazirlər Soveti 1970-ci il avqustun 28-də *“Naftalan”, “İstisu”* kurortları və *“Xəzərin Qərb sahillərinin kurort zonasına çevrilməsi barədə”* qərar qəbul etdi. 1983-cü ilin aprelində SSRİ Nazirlər Sovetinin *“Xəzər dənizinin Azərbaycan SSR-ə aid sahillərində ümumittifaq əhəmiyyətli kurort zonası yaradılması tədbirləri haqqında”* qərarı da bilavasitə ulu öndərimizin təşəbbüsü ilə qəbul edilmişdir.

SSRİ rəhbərliyində işlədiyi dövrdə də Heydər Əliyev əmək adamlarının mənafeyini hər şeydən uca tutaraq həmkarlar ittifaqının fəaliyyətini daim diqqət mərkəzində saxlamışdır.

1982-ci ildə AHİŞ-in XVI qurultayındakı söylədiyi nitqində Heydər Əliyev demişdir: *“Həmkarlar İttifaqlarının başlıca vəzifələrindən biri*

əmək adamlarının hüquqlarını və mənafeyini qorumaq, istehsalatda demokratiya prinsiplərini inkişaf etdirməkdir.....Bütün münaqişələrdə prinsipial mövqe tutmaq, əmək adamının da, dövlətin də mənafeyini ciddi surətdə qorumaq həmkarlar ittifaqlarının borcudur.”

Həmin ilin dekabrında Sovet İttifaqı Kommunist Partiyası Mərkəzi Komitəsi Siyasi Bürosunun üzvü seçilən Heydər Əliyev SSRİ Nazirlər Soveti sədrinin birinci müavini təyin edilmişdir.

Keçmiş Sovet İttifaqı Kommunist Partiyası Mərkəzi Komitəsinin Siyasi Bürosunun üzvü E.K Liqaçov Heydər Əliyev haqqındakı xatirələrində yazır: “1986-cı ildə SSRİ Ali Sovetində Əmək kollektivləri haqqında qanun qəbul edilərkən, Heydər Əliyev müəssisələrin idarə olunmasında əmək kollektivlərinin hüquqlarını müdafiə etdi. O, əmək kollektivlərinin həyatında həmkarlar ittifaqlarının hüquqlarının azaldılmasının əleyhinə qətiyyətlə çıxış etdi. İşçini işdən azad edərkən həmkarlar ittifaqlarının razılığının mütləq olması maddəsinin əmək qanunvericiliyində öz əksini tapmasında Heydər Əliyevin böyük rolu oldu”.

Beləliklə, Heydər Əliyev həmkarlar ittifaqı orqanlarının təşkilatçılıq fəaliyyəti təcrübəsinin daim zənginləşdirilməsini çox vacib sayırdı.

Heydər Əliyev və müstəqil dövlətin yeni tipli sosial institutunun - həmkarlar ittifaqının formalaşması və fəaliyyət xüsusiyyətləri

Həmkarlar ittifaqları elə bir təşkilatdır ki, o bütün formasiyalarda - kapitalizmdə də, sosializmdə də mövcud olmuşdur. Doğrudur, həmkarlar ittifaqları müxtəlif ölkələrdə müxtəlif imkanlara və hüquqlara malikdirlər. Məsələn, keçmiş Sovetlər İttifaqında həmkarlar ittifaqları həqiqətən milyonların təşkilatı idi. Kommunist Partiyasından sonra demək olar ki, böyük səlahiyyətli sosial institut idi. Lakin bəzi kapitalist ölkələrində də onlar öz gücünü və iradəsini hökumətə istənilən halda nümayiş etdirə bilirdilər. Azərbaycan həmkarlar ittifaqları da müəyyən mənada demək olar ki, bu sosial instituta malik bütün inkişaf mərhələlərini keçmişdir.

Bu gün Respublikamızın iqtisadi potensialından daha səmərəli istifadə edilməsi və vətəndaşlarımızın maddi rifahının yaxşılaşdırılması məqsədilə həyata keçirilən iqtisadi islahatlarda 1993-cü ildə demokratik idarəçilik prinsiplərini rəhbər tutan AHİK-in yaradılması mühüm rol oynamışdır.

Azərbaycan həmkarlar ittifaqlarının bir neçə nəfərdən ibarət təşəbbüs qrupunun təklifləri ilə keçmiş Sovetlər Birliyindən miras qalmış

inzibati-amirlik sistemini özündə yaşadan, aşağıların təşəbbüskarlığına biganə qalan Azərbaycan Həmkarlar İttifaqları Şurası 1993-cü il fevralın 5-də keçirilən Azərbaycan həmkarlar ittifaqlarının növbədənkənar XIX qurultayında özünü buraxıb, bütün səlahiyyətlərini yeni yaranmış quruma - Konfederasiyaya verdi. O çətin illərdə həmkarlar ittifaqlarının ən başlıca nailiyyəti öz strukturlarını yeniləşdirərək, qoruyub saxlamaq olmuşdur. Doğrudur, ölkədə baş verən ictimai-siyasi dəyişikliklər və həmkarlar ittifaqına bəslənilən münasibət həmkarlar ittifaqları üzvlərinin sayını hiss ediləcək dərəcədə azaltmışdır.

1993-cü ilin iyun ayında Azərbaycan Respublikası Milli Məclisinin sədri, oktyabr ayında isə Respublikanın Prezidenti vəzifəsinə seçilən Heydər Əliyevin bilavasitə diqqəti və qayğısı sayəsində hər bir sahədə olduğu kimi Azərbaycan həmkarlar ittifaqlarının həyatında da yeni mərhələ başlandı.

Respublikanın prezidenti cənab İlham Əliyevin AHİK-in III qurultayının iştirakçılara göndərdiyi təbrik məktubunda deyildiyi kimi *“Respublikamızı dərin sosial-iqtisadi və siyasi böhrandan çıxarmaq ümummilli liderimiz Heydər Əliyev həmkarlar ittifaqı təşkilatlarını müxtəlif siyasi qüvvələrin təsirindən qorumuş, öz missiyasının yerinə yetirilməsinə lazımi şərait yaratmışdır. Onların uzun illər ərzində formalaşmış maddi-texniki bazasının dağıdılmasının qarşısı alınmış, vətəndaş cəmiyyətinə yad olan inzibati-amirlik metodlarından imtina edilmiş, demokratik idarəçilik prinsiplərinə əsaslanan Azərbaycan Həmkarlar İttifaqları Konfederasiyasının möhkəmlənməsinə dəstək verilmişdir”*.

1993-cü il 15 iyunda Heydər Əliyev Milli Məclisin sədri seçilərkən öz çıxışında demişdir: *“Müstəqil Azərbaycanda demokratiya inkişaf etdirilməlidir. Siyasi plüralizmə geniş yol verilməlidir. Azərbaycan Respublikasında Konstitusiyanın pozulmasına, qanun pozulmasına yol verilməməlidir. Dövlət quruculuğu və cəmiyyətin formalaşması məhz demokratik prinsiplər əsasında olmalıdır. Siyasətdə və iqtisadiyyatda sərbəstlik, hürrilik, insan azadlığı, insan haqlarının qorunması və sərbəst iqtisadiyyat, bazar iqtisadiyyatı prinsipləri bərqərar olmalıdır. Yəni bizim Respublikamız bir sənə bundan öncə başladığı yola davam etməlidir. Bu düzgün yoldur, doğru yoldur, bu yolla bizim Respublika daha qatıyyətlə getməlidir. Əmin ola bilərsiniz ki, mən bu yola həmişə sadiq olacağam.*

Biz Azərbaycanda demokratik müstəqil respublika quraraq, sivilizasiyalı cəmiyyət uğrunda mübarizə apararaq, ümumi dünyəvi bəşəri

dəyərlərin hamısından istifadə etməliyik. Biz çalışmalıyıq ki, Azərbaycan uzun illərdən, əsrlərdən sonra ilk dəfə müstəqilliyini aldıqdan sonra bütün dünyaya öz tarixi nailiyyətlərini, öz milli ənənələrini nümayiş etdirə bilsin. Güman edirəm ki, Azərbaycan xalqının bu barədə həm tarixi, həm də müasir potensialı olduqca böyükdür. Bunların hamısından səmərəli istifadə olunarsa, Azərbaycan həm tam müstəqil demokratik bir dövlət olacaq, həm də bizim cəmiyyətimiz tam demokratik, hüquqi, ümumbəşəri dəyərlərin əsasında qurulan demokratik bir cəmiyyət olacaq. Bunun üçün bizim həm elmimiz, həm mədəniyyətimiz, həm tarixi ənənələrimiz, həm də dini mənbəyimiz olan islam dini - hamısı birlikdə çox böyük əsas yaradır. Vəzifəmiz bundan ibarətdir ki, bunlardan səmərəli istifadə edək”.

Artıq biz ulu öndərimizin bu dediklərinin həyatda reallaşmasının şahidiyik. Heydər Əliyevin müdrik və uzaqgörən siyasəti nəticəsində məlum olan bütün mürəkkəb və ziddiyyətli çətinliklərə baxmayaraq, Respublikada ictimai-siyasi sabitlik bərqərar oldu, sosial yönümlü bazar iqtisadiyyatının inkişaf modeli quruldu, beynəlxalq siyasət sahəsində çox böyük uğurlar qazanıldı.

Heydər Əliyevin hakimiyyətə gəlişindən sonra Azərbaycan demokratik hüquqi dövlət və vətəndaş cəmiyyəti quruculuğunu özünün inkişaf yolu seçdi.

Həmkarlar ittifaqına olan ögey münasibət, təzyiqlər arxada qaldı.

1993-cü il 9 iyulda Nazirlər Kabineti ilə AHİK arasında əmək və sosial-iqtisadi məsələlər üzrə Baş saziş qəbul edildi. AHİK-in beynəlxalq əlaqələri sürətlə genişlənməyə başladı.

24 fevral 1994-cü ildə cəmiyyətdə həmkarlar ittifaqının statusunu müəyyənləşdirən “Həmkarlar İttifaqları haqqında” qanun qəbul edildi. Göründüyü kimi, Heydər Əliyev prezidentliyinin ilk yarım ilində bu qanunu imzalayıb.

Bu qanun ölkədə yeni tipli həmkarlar ittifaqı təşkilatlarının işinin müasir tələblər, sivilizasiyalı dövlətlərdə təşəkkül tapmış sosial institutların fəaliyyəti səviyyəsində qurulması üçün çox önəmli dövlət sənədidir. Qanunda deyilir: *“Həmkarlar ittifaqları dövlət orqanlarından, müəssisələrdən, siyasi partiyalardan və ictimai birliklərdən asılı olmayıb, onlara hesabat vermirlər. Dövlət orqanlarının və vəzifəli şəxslərin həmkarlar ittifaqlarının hüquqlarının məhdudlaşdırılmasına səbəb olan və ya onların nizamnamələri çərçivəsində qanuni fəaliyyətlərinə maneçilik törədən hər cür müdaxiləsi qadağandır.*

Həmkarlar ittifaqları müstəqil surətdə öz nizamnamələrini, fəaliyyət proqramlarını hazırlayır və təsdiq edir, strukturlarını müəyyənləşdirir,

rəhbər orqanlarını seçir və geri çağırır, yığıncaqlar, konfranslar, plenumlar, məclislər, qurultaylar keçirir və Konstitusiya hüquqları əsasında fəaliyyət göstərirlər. Adından və təşkilati quruluşundan asılı olmayaraq, bütün həmkarlar ittifaqları bərabər hüquqlara malikdirlər” (maddə 5).

Bu qanun imkan verir ki, həmkarlar ittifaqları müasir mərhələdə Azərbaycan vətəndaşlarının əmək hüquqlarının müdafiəsini düzgün qursun, ölkə ərazisində fəaliyyət göstərən bütün müəssisələrdə, o cümlədən xarici sərmayə ilə işləyən təşkilatlarda, transmilli kompaniyalarda iş şəraitinin yeni standartlara uyğunlaşdırılması, sosial problemlərin həlli və əmək hüquqlarının təmin olunması prosesində yeni metod və vasitələrdən rəşional istifadə etsinlər, daha ardıcıl və məqsədyönlü fəaliyyət göstərsinlər. Əmək adamlarının ən böyük ictimai təşkilatı olan həmkarlar ittifaqları yeni cəmiyyət quruculuğunda, xüsusilə sosial siyasətin həyata keçirilməsində insan potensialından daha yaradıcı istifadə etsinlər.

Heydər Əliyev Respublikamızın ən çətin anlarında belə sosial-iqtisadi məsələləri daim diqqət mərkəzində saxlamışdır. 20 may 1994-cü ildə əhalinin sosial müdafiəsini gücləndirmək və iqtisadiyyatın maliyyə vəziyyətinin sabitləşdirilməsini təmin etmək tədbirlərinə həsr olunmuş müşavirədə ulu öndərimiz demişdir: *“Biz Respublikanın sosial-iqtisadi məsələləri ilə daim məşğul oluruq. Doğrudur, vaxtımızın çox hissəsi müharibə ilə əlaqədar məsələlərə həsr olunur. Buna görə də sosial-iqtisadi məsələlərin həlli bəzən ləngiyir. Bəzən də bu o səbəbdən irəli gəlir ki, verilən tapşırıqlar vaxtli-vaxtında yerinə yetirilmir. Bütün bunlara baxmayaraq, həmin məsələlərə mütəmadi diqqət yetirdiyimiz məlumdur. Bu, Respublikanın indiki vəziyyətində əsas məsələ kimi daim diqqət mərkəzindədir. Həmin işlərlə bundan sonra da ciddi məşğul olacağıq. Hesab edirik ki, bu, Respublikamızın müstəqilliyini möhkəmləndirmək və əhalinin rifah halını get-gedə yaxşılaşdırmaq üçün strateji xətdir, yoldur. Bu yol sərbəst bazar iqtisadiyyatı, sərbəstləşdirmə proseslərinin davam etdirilməsi, sahibkarlığa, təşəbbüskarlığa geniş imkanlar yaradılması yoludur. Həmin tədbirlərin hamısı ilk növbədə əhalinin, xalqın mənafeyinə xidmət edir. Ona görə də bazar iqtisadiyyatı prinsiplərini tətbiq edərək, sərbəst iqtisadiyyata geniş yol verərək və onu əsas yol hesab edərək, bunların hamısını əhalinin bütün təbəqələrinin rifah halının, sosial vəziyyətinin yaxşılaşdırılmasına yönəltməliyik”.*

Prezident Heydər Əliyevin əhalinin sosial-iqtisadi problemlərinin həlli ilə bağlı mühüm məsələlərə dair qəbul etdiyi qanunlar və qərarlar

həmkarlar ittifaqlarının yeni formasiya institutu kimi formalaşmasında misilsiz rol oynamışdır. Önemli haldır ki, həmin qanunlar və qərarlar qəbul olunarkən, AHİK-in təklifləri nəzərə alınır. 1994-cü ildə həmkarlar ittifaqlarının cəmiyyətdə statusunu müəyyənləşdirən “Həmkarlar İttifaqları haqqında” Qanun məhz Heydər Əliyevin təşəbbüsü ilə qəbul olunmuşdur. “Kollektiv müqavilələr və sazişlər haqqında”, “Fərdi əmək mübahisələrinin həlli haqqında”, “Fərdi əmək müqavilələri haqqında” qanunlarda və yeni Əmək Məcəlləsində həmkarlar ittifaqlarının tövsiyə və təklifləri öz əksini tapmışdır.

Təbii ki, əldə olunmuş nailiyyətlər asanlıqla başa gəlməmişdir. Xalqımız canlı şahiddir ki, dəfələrlə Azərbaycanın müstəqilliyinə qəsd etmək istəyən məkrli qüvvələr Heydər Əliyevin dövlətçilik iradəsini qıra bilməmiş, xalq naminə işləmək əzmini söndürə bilməmişdir. İftixar hissi ilə demək olar ki, həmin ağır günlərdə Azərbaycan həmkarlar ittifaqları da legitim hakimiyyətin və xalqın böyük etimad göstərdiyi və sonsuz etimad bəslədiyi Prezident Heydər Əliyevin demokratik siyasətinin müdafiəsinə qalxmışdır.

Həmkarlar ittifaqları xalqın iradəsinin əleyhinə gedən, konstitusion dövlət quruluşuna və qanuni yolla seçilmiş Prezidentin siyasətinə zidd çıxan qüvvələrə qarşı həmişə barışmaz mövqe tutmuş və tutacaqdır. Təsədüfi deyildir ki, AHİK-in bütün üzv təşkilatları II qurultaydan əvvəl çağırılmış konfrans və məclislərində prezident seçkilərində Heydər Əliyevin namizədliyini yekdilliklə irəli sürərək, yalnız ona səs verəcəklərini bəyan etmişlər. Çox önemli haldır ki, həmin yığıncaqların iştirakçıları bu tapşırığı təmsil etdikləri sırayı həmkarlar ittifaqı üzvlərindən almışlar.

Heydər Əliyevin ölkəyə bacarıqlı rəhbərliyi sayəsində mühüm mərhələyə qədəm qoymuş iqtisadi islahatlar yeni təsərrüfat sisteminin tələblərinə uyğun təsisatlar və iqtisadi münasibətlər formalaşdırmış, makroiqtisadi sabitliyi təmin etmişdir. Artıq 1998-ci il üçün iqtisadiyyatda geriləmə hallarının qarşısı alınmış, bəzi sahələrdə nəzərəcarpacaq irəliləyiş əldə edilmişdir. Özəlləşdirmə prosesləri, mülkiyyət formalarının dəyişməsi, ələlxusus torpağın xüsusi mülkiyyətə verilməsi əhalinin sosial vəziyyətinin yaxşılaşdırılmasında müstəsna rol oynamışdır. Bütün bu sosial dəyişikliklər, xüsusilə yeni mülkiyyət münasibətləri demokratiya şəraitində əmək adamlarının kütləvi və müstəqil təşkilatına çevrilmiş həmkarlar ittifaqlarının fəaliyyətinə yeni məzmun və forma gətirmişdir.

Azərbaycan Respublikasının dünyanın müxtəlif ölkələri və

beynəlxalq təşkilatları ilə qurduğu çoxsahəli diplomatik münasibətlər Azərbaycan həmkarlar ittifaqlarının global transformasiyalar şəraitində fəaliyyət dairəsini genişləndirmişdir. Sosial məsələlərin həlli prosesində Beynəlxalq Birliyin qəbul etdiyi standartlardan istifadə olunması inkişaf etmiş ölkələrin müsbət təcrübəsinin mənimsənilməsi və həmkarlar ittifaqlarının xarici ölkələrin həmkarlar ittifaqları ilə faydalı əməkdaşlıq əlaqələrinin qurulması ölkəmizin dünyada nüfuzunun daha da artmasında, mürəkkəb sosial-iqtisadi problemlərin həllində mühüm rol oynamışdır.

Ulu öndər çıxışlarında daima ölkəmizin həyatının bütün sahələrində gedən sosial-iqtisadi proseslərin geniş təhlilini vermiş, Ermənistanın hərbi təcavüzü nəticəsində ölkəmizdə yaranan global problemlərin həlli yollarını göstərmişdir. Təcrübəli dövlət başçısı qeyd edirdi ki, daxili və xarici qüvvələrin müstəqil dövlətçiliyimizə qarşı yönəldilmiş təxribatları, habelə keçid dövrünün real məntiqindən doğan sosial-iqtisadi çətinliklər demokratikləşmə proseslərinə inamı daha da artırmalıdır. Heydər Əliyevin siyasət məktəbi ölkədə hüquqi, demokratik, dünyəvi dövlət quruculuğuna əsaslı təsir göstərmiş, Respublikamızın beynəlxalq nüfuzu artmışdır. Ulu öndər çıxışlarında, xalqla görüşlərində daima vurğulayırdı ki, daxili siyasəti düzgün qurulmayan dövlətin xarici siyasəti də uğurlu olmaz. Məhz daxili siyasətin düzgün qurulması nəticəsində ölkənin taleyüklü problemlərinin həlli ilə dərindən məşğul olmağa, ilk növbədə geniş islahatlar proqramını həyata keçirməyə, özəlləşdirmənin başlanmasına şərait yaranmışdır. İşçilərin əmək və sosial hüquqlarının, sağlamlığının qorunması, gənclərin mənəvi-estetik, hərbi vətənpərvərlik tərbiyəsi, uşaqların və yeniyetmələrin istirahətinin təşkili, kütləvi bədən tərbiyəsi və idmanın inkişafı sahəsində sosial siyasətin əsas istiqamətlərini əhatə edən müvafiq dövlət proqramının işlənib hazırlanması zərurətə çevrilmişdir.

Məhz Heydər Əliyevin hakimiyyətə qayıdışından sonra Azərbaycan Respublikasının Nazirlər Kabineti ilə AHİK arasında Baş Kollektiv Sazişlərin imzalanması ənənəsi yaranmışdır. Çox qədim tarixi olan bu praktikanın ölkəmizdə də həyata keçirilməsi müsbət demokratik hadisədir. Baş Kollektiv Saziş əhalinin sosial şəraitinin yaxşılaşdırılması istiqamətində daha təsirli tədbirlər həyata keçirməyə imkan verir. Hökumətlə 2 iyun 2001-ci ildə imzalanmış Saziş əvvəlkilərdən fərqlənir. Belə ki, əvvəlki sazişlər yalnız ikitərəfli öhdəliklərlə - Azərbaycan hökumətinin və AHİK-in öhdəlikləri ilə məhdudlaşırdı. Lakin əmək adamının bilavasitə işlə təmin olunması, iş şəraiti, əməkhaqqı üçün konkret məsuliyyət daşıyan bir subyektin olmaması Sazişin

müddəalarının yerinə yetirilməsində bir sıra ciddi problemlər yaradırdı. Azərbaycan Sahibkarlar (İşəgötürənlər) Təşkilatları Milli Konfederasiyasının yaradılması ilə bu boşluq nisbətən dolduruldu. İlk dəfə olaraq Azərbaycan Respublikası Nazirlər Kabineti, Azərbaycan Həmkarlar İttifaqları Konfederasiyası və Azərbaycan Respublikası Sahibkarlar (İşəgötürənlər) Təşkilatları Milli Konfederasiyası arasında 2001-2002-ci illər üçün Baş Kollektiv Saziş imzalandı. Bu Saziş sahə respublika komitələri və ilk təşkilatlar üçün kollektiv müqavilələrin, eləcə də tarif sazişlərinin bağlanmasında geniş hüquqi əsaslar yaratdı. Dövlət müəssisələrinin özəlləşdirilməsi prosesində əmək kollektivlərinin hüquqlarının qorunması, kütləvi işsizliyin qarşısının alınması, müəssisələr müflisləşərkən işçilərin mənafələrinin müdafiəsinin təşkili ilə bağlı vəzifələrin yerinə yetirilməsində həmkarlar ittifaqı təşkilatları hər hansı bir problemlə üzləşərlərsə, onda üçtərəfli Baş Kollektiv Sazişə istinad edərək, bir çox maneələri dəf edə bilirlər.

Dünya təcrübəsinə istinad edərək, həmkarlar ittifaqları öz fəaliyyətində “Məşğulluq haqqında” Qanunun adekvat həyata keçirilməsi üçün əhalinin məşğulluğunu təmin edə biləcək məqsədyönlü proqramın hazırlanmasına xüsusi yer ayırır.

Son onilliklərdə dünya sivilizasiyasını narahat edən yoxsulluqla mübarizə problemi kəskin xarakter almışdır. Bu gün dünyanın 70-ə qədər ölkəsində yoxsulluğun azaldılması istiqamətində genişmiqyaslı dövlət tədbirləri görülür. 2002-ci ilin avqust-sentyabr aylarında BMT tərəfindən Yohannesburqda keçirilmiş davamlı inkişaf üzrə ümumdünya toplantısında da bu məsələ geniş müzakirə olunaraq, 2015-ci ilədək dünyada yoxsulluğun səviyyəsinin iki dəfə azaldılması bir vəzifə kimi qarşıya qoyulmuşdur. Yoxsulluğun azaldılmasının vacibliyini nəzərə alaraq, 2001-ci ilin mart ayında Azərbaycan Respublikasının Prezidenti Heydər Əliyev yoxsulluğun azaldılması üzrə Dövlət proqramının hazırlanması barədə Fərman imzaladı və Baş Nazir Artur Rəsizadənin sədrliyi ilə Dövlət Komissiyası yaratdı. Hazırda Prezident İlham Əliyevin məqsədyönlü siyasəti sayəsində Dövlət proqramının həyata keçirilməsində çox böyük nailiyyətlər əldə edilmişdir.

AHİK-in mütəxəssislərinin də yaxından iştirakı ilə hazırlanan “Yoxsulluğun Azaldılması və İqtisadi İnkişaf üzrə Dövlət Proqramı” bilavasitə Prezident Heydər Əliyevin nəzarəti altında mükəmməl şəkildə işlənib tamamlandı. 2002-ci ilin oktyabr ayında Bakının “Güləstan” sarayında toplanmış ümummilli konfransda qəbul olunmuş bu Proqramda nəzərdə tutulan tədbirlərin həyata keçirilməsində həmkarlar ittifaqlarının

hər bir təşkilatı bilavasitə və daimi iştirak edir. İttifaq üzvlərinin sayının artması, təşkilatın maddi-texniki bazasının möhkəmləndirilməsi və onun nüfuzunun yüksəldilməsi bu proqramın yüksək səviyyədə həyata keçirilməsində mühüm stimuldur.

Ulu öndərin rəhbərliyi ilə Respublikamız 1990-cı illərin ortalarından sosial-iqtisadi böhranı dəf edərək, inkişaf mərhələsinə qədəm qoydu. Demokratik hüquqi dövlət quruculuğu prosesi geniş vüsət aldı. MDB məkanında ilk dəfə məhz Azərbaycanda ölüm hökmü ləğv edildi. Söz, mətbuat, fikir azadlığı təmin olundu. Beynəlxalq aləmdə Respublikamız demokratik ölkə imici qazanmağa başladı.

Müstəqilliyimizin qısa tarixi təcrübəsi göstərdi ki, hər an üzləşdiyi maneə və çətinliklərə baxmayaraq, Azərbaycanın dövlət başçısı ən ekstremal situasiyalarda milli və dövlət mənafeələrimizin təmin edilməsi naminə ən qətiyyətli addımlar atmış, xalqını demokratik dəyişikliklərə həvəsləndirmiş, ölkənin xoş gələcəyinə inamını artırmışdır.

Heydər Əliyev hakimiyyətə qayıtdıqdan sonra “Əsrin müqaviləsi” adlandırılan neft müqaviləsinin imzalanması, Bakı-Tbilisi-Ceyhan neft kəmərinin inşası Bakı-Ərzurum xətti ilə Türkiyəyə qazın ötürülməsi vətəndaşlarımızın firavan həyatının təmin edilməsi naminə edilmişdir. Regionda sabitliyin qarantı olan Prezident Heydər Əliyev siyasəti ölkəmizin yaxın gələcəkdə dünyanın hərtərəfli inkişaf etmiş ölkələri sırasında layiqli yer tutmasına zəmin yaratmışdır.

İqtisadi islahatlar, ölkəyə investisiya axınının güclənməsi, sahibkarlığa kreditlərin ayrılması, iş adamlarının fəaliyyətinə lazımı şəraitin yaradılması üçün fərmanların imzalanması və digər tədbirlər də ölkə prezidentinin Azərbaycanın iqtisadi potensialının inkişafına yönəlmiş siyasətinin mühüm tərkib hissələridir.

“Həmkarlar ittifaqları haqqında” qanunun ruhundan irəli gələn əməkçilərin sosial müdafiəsinə yönəlmiş çoxsaylı hüquqi-normativ aktların qəbulu, Beynəlxalq Əmək Təşkilatının əsas Konvensiyalarının Milli Məclis tərəfindən ratifikasiyası Azərbaycanda həmkarlar ittifaqlarının normal işləməsinə geniş imkanlar açmışdır.

O həmkarlar ittifaqına olan münasibətini aşağıdakı sözlərlə bildirmişdir: *“Mən əmək fəaliyyətimə başladığım vaxtdan həmkarlar ittifaqının üzvü idim, doğrudur, bu çox çəkmədi. Ona görə ki, sonralar uzun müddət hərbi xidmətdə oldum, orada isə həmkarlar ittifaqı yox idi. Sonra mən partiya, dövlət işinə keçirildim və o vaxtdan bəri həmkarlar ittifaqının səliqəli üzvüyəm, üzvlük haqqını ödəyirəm, borcum yoxdur.”*

Heydər Əliyev hər bir sahədə həmkarlar ittifaqlarının fəaliyyətinə xüsusi əhəmiyyət verirdi: *“Yeni mərhələdə həmkarlar ittifaqları əmək adamlarının kütləvi və müstəqil təşkilatına çevrilərək, onların iş şəraitinin yaxşılaşdırılması, əməyin təşkili, iqtisadi hüquqlarının qorunması, sosial müdafiə problemlərinin həll edilməsi yolunda daha böyük əzmlə çalışmalıdır. Sosial məsələlərin həlli yolunda dünyada qəbul olunmuş standartların, inkişaf etmiş ölkələrin bu sahədə müsbət təcrübəsini mənimsənilməsi və onların həmkarlar ittifaqları ilə faydalı əməkdaşlığı ölkəmizin beynəlxalq nüfuzunun daha da artmasında, qarşılaşdığımız sosial-iqtisadi problemlərin həllində mühüm rol oynaya bilər.”*

Heydər Əliyevin bu tövsiyələrini rəhbər tutaraq, Azərbaycan Həmkarlar İttifaqları beynəlxalq əlaqələrini daha da sürətlə inkişaf etdirirdi. 2001-ci ilin noyabr ayında AHİK Beynəlxalq Azad Həmkarlar İttifaqları Konfederasiyasına bərabərhüquqlu üzv qəbul olunmuşdur. Bu təşkilatın xətt ilə AHİK bir sıra tədbirlərin təşkilatçısı və iştirakçısı olmuşdur.

Azərbaycan həmkarlar ittifaqları Beynəlxalq Əmək Təşkilatının keçirdiyi bütün tədbirlərdə iştirak edərək, həmkarlar ittifaqlarının və onun üzvlərinin hüquqlarının qorunması, sahibkarlarla və hökumətlə münasibətlər sahəsində təşkilatın tövsiyə və konvensiyalarından istənilən səviyyədə istifadə edir.

Ədəbiyyat:

1. Azərbaycan Respublikasının Konstitusiyası B., 2009
2. Əliyev H.Ə. Müstəqilliyimiz əbədidir. Birinci kitab. B., 1997
3. Əliyev İ.H. İnkişaf - məqsədimizdir. Birinci kitab, B., 2008
4. Əliyev İ.H. İnkişaf - məqsədimizdir. İkinci kitab, B., 2009
5. Əliyev İ.H. İnkişaf - məqsədimizdir. Üçüncü kitab, B., 2009
6. Əmək münasibətlərini tənzimləyən sənədlər. B., 2005
7. Həmkarlar ittifaqları haqqında Azərbaycan Respublikasının Qanunu. B., 2008

References:

1. Azerbaijan Respublikasının Konstitusiyası B., 2009
2. Aliyev H.A. Musteqilliyimiz ebedidir. Birinci kitab. B., 1997
3. Aliyev İ.H. İnkişaf - məqsədimizdir. Birinci kitab, B., 2008

4. Aliyev İ.H. İnkişaf - meqsedimizdir. İkinci kitab, B., 2009
5. Aliyev İ.H. İnkişaf - meqsedimizdir. Üçüncü kitab, B., 2009
6. Emek munasibetlerini tenzimleyen senedler. B., 2005
7. Hemkarlar ittifaqları haqqında Azərbaycan Respublikasının Qanunu. B., 2008

UOT- 313

Vəkil Səfiyar oğlu Həsənov
Azərbaycan Dövlət İqtisad Universiteti (UNEC),
Humanitar fənlər kafedrasının müdiri
tarix elmləri doktoru, professor
Bakı, Azərbaycan, İstiqlaliyyət, 6
hasanovvakil@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5421-3069>

AZƏRBAYCAN HƏMKARLAR İTTİFAQLARI: TARİXİ İNKİŞAF MƏRHƏLƏLƏRİ

Xülasə

Azərbaycan həmkarlar ittifaqları XX əsrin əvvəllərindən yaranmağa başlamışdır. Ən böyük həmkarlar təşkilatı neft sənayesi fəhlələrini əhatə edirdi. Həmkarlar ittifaqlarının vahid təşkilatda birləşməsi 1920-ci ildə baş vermişdir. Azərbaycan həmkarlar ittifaqları təşkilatı cəhətdən formalaşmış və onlar sovet cəmiyyətinin həyatında mühüm rol oynamışlar. Lakin sovet dövründə həmkarlar ittifaqlarının fəaliyyətində nöqsanlara da yol verilmişdir. Müstəqil Azərbaycan Respublikasının yaranması ilə həmkarlar ittifaqlarının fəaliyyətində əsaslı dönüş yaranmışdır.

Metodologiya: tədqiqat zamanı sistem yanaşma və tarixilik metodlarından istifadə olunmuşdur.

Problemin işlənmə dərəcəsi: Mövzu ilə bağlı müxtəlif ədəbiyyatlar, tədqiqatlar vardır (ədəbiyyat siyahısına bax)

Elmi yenilik: Məqalədə Azərbaycan həmkarlar ittifaqlarının fəaliyyət mərhələlərindəki xüsusiyyətlər yenidən elmi təhlilə cəlb edilmiş, yeni fikirlər irəli sürülmüşdür, maraqlı müqayisələr aparılmışdır.

Çıxarışlar: Həmkarlar ittifaqları cəmiyyətin möhkəmləndirilməsində, mühüm proqramların həyata keçirilməsində, qanunvericilik aktlarının qəbul olunmasında və onların həyata keçirilmə

mexanizmlərinin təkmilləşdirilməsində, işçilərin sosial-iqtisadi hüquqlarının qorunmasında, istirahətinin təşkilində, sosial problemlərin həllində rolu xeyli artmışdır.

Açar sözlər: cəmiyyət, həmkarlar ittifaqları, tarix, qurultay, məclis, sosial problemlər, işçilər, müəssisə, Sovet dövrü, müstəqillik dövrü

УДК- 313

Векил Сафияр оглу Гасанов

Заведующий кафедры общественных дисциплин
Азербайджанского государственного экономического университета

Доктор исторических наук, профессор

Баку, Азербайджан, проспект Г. Джавид, 115

hasanovvakil@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5421-3069>

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ ПРОФСОЮЗЫ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ

Резюме

Азербайджанские профсоюзы начали формироваться в начале XX века. Крупнейшая профсоюзная организация объединяла рабочих нефтяной промышленности. Объединение профсоюзов в единую организацию состоялось в 1920 году. Азербайджанские профсоюзы были организационно оформлены и сыграли важную роль в жизни советского общества. Однако в советский период в деятельности профсоюзов были допущены недостатки. С образованием независимой Азербайджанской Республики деятельность профсоюзов претерпела существенные изменения.

Методология: В исследовании использованы системный подход и исторический метод.

Степень проработанности проблемы: Существует ряд исследований и литература по данной теме (см. список библиографии).

Научная новизна: В статье подвергнуты научному анализу особенности деятельности азербайджанских профсоюзов на различных этапах их развития, выдвинуты новые идеи, проведены интересные сравнения.

Выводы: Профсоюзы значительно усилили свою роль в укреплении

общества, реализации важных программ, принятии законодательных актов и совершенствовании механизмов их реализации, защите социально-экономических прав работников, организации их отдыха и решении социальных проблем.

Ключевые слова: общество, профсоюзы, история, съезд, собрание, социальные проблемы, работники, предприятие, советский период, период независимости.

UOT- 313

Vekil Hasanov

Head of the Department of Social Sciences,
Azerbaijan State University of Economics

Doctor of Historical Sciences, Professor
Baku, Azerbaijan, H. Javid Avenue, 115

hasanovvakil@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5421-3069>

AZERBAIJANI TRADE UNIONS: HISTORICAL DEVELOPMENT STAGES

Abstract

Azerbaijani trade unions began to form in the early 20th century. The largest trade union organization encompassed oil industry workers. The unification of trade unions into a single organization occurred in 1920. Azerbaijani trade unions were organizationally established and played a significant role in the life of Soviet society. However, during the Soviet period, shortcomings were observed in the activities of trade unions. With the establishment of the independent Republic of Azerbaijan, the activities of trade unions underwent significant changes.

Methodology: The study employs a systematic approach and historical method.

Degree of problem development: There are various studies and literature on this topic (see the list of references).

Scientific novelty: The article analyzes the characteristics of Azerbaijani trade unions' activities at different stages of their development, presenting new ideas and conducting interesting comparisons.

Conclusions: Trade unions have significantly enhanced their role in strengthening society, implementing important programs, adopting

legislative acts and improving their implementation mechanisms, protecting workers' socio-economic rights, organizing their rest, and addressing social issues.

Keywords: society, trade unions, history, congress, assembly, social issues, workers, enterprise, Soviet period, independence period.

Giriş

Azərbaycanda fəhlə sinfinin ən kütləvi təşkilatlarından olan ilk həmkarlar ittifaqları Rusiyada baş vermiş 1905-1907-ci illər burjuva demokratik inqilabı dövründə yaranmışdır. Rusiya imperiyasının müxtəlif sənaye şəhərlərində olduğu kimi 1905-ci ildə Bakıda da ilk həmkarlar təşkilatları meydana gəldi. 1905-ci il oktyabrın 17-də Bakıda konka (at-dəmir yolu) fəhlə və qulluqçularının həmkarlar ittifaqı fəaliyyətə başladı. Həmin ilin noyabrında mətbəə işçiləri həmkarlar ittifaqının əsası qoyuldu. 1905-ci ildə mühəndis və texniklərin, həkimlərin, müəllimlərin, vəkillərin həmkarlar ittifaqları yarandı. Bu dövrdə kontor qulluqçuları, şəhər, mədən qulluqçuları, ticarət gəmiçiliyi qulluqçularının xırda həmkarlar ittifaqları da mövcud idi [1, s.32-33].

İttifaqlar arası birliyin təşkili

Azərbaycanda həmkarlar hərəkatının tarixində ittifaqlararası birliyin təşkili mühüm mərhələ hesab edilir. 1905-ci ilin sonunda Bakıda “İttifaqların ittifaqı bürosu” yaradılmışdı [2, s.1 1]. Bu, 1905-1907-ci illər inqilabı gedişində meydana gəlmiş həmkarlar ittifaqlarının birləşdirilməsi məqsədilə göstərilmiş ilk cəhd idi. 1906-cı ildə də ayrı-ayrı həmkarlar ittifaqlarının yaradılması prosesi davam edirdi. 1906-cı ilin yanvar-fevral aylarında Bakı şəhəri və onun rayonlarının kontor qulluqçularının həmkarlar ittifaqı və gəmi mexaniklərinin cəmiyyəti fəaliyyətə başladı. Çar hökuməti 1906-cı il martın 4-də həmkarlar ittifaqları haqqında xüsusi qanun - “Ticarət və sənaye müəssisələrində çalışan şəxslər və ya bu müəssisələrin sahibləri üçün təsis edilmiş həmkarlar cəmiyyətləri haqqında müvəqqəti qayda” qəbul etmişdi. Bu qanun həmkarlar ittifaqları və cəmiyyətlərə, onların nizamnamələri müəssisə rəhbərliyi tərəfindən qeydiyyata alınmaq şərtlə, legal fəaliyyət göstərmək hüququ verirdi. Çar hökuməti bu qanunun vasitəsilə fəhlələri mütləqiyyətə qarşı mübarizədən yayındırmağa, həmkarlar ittifaqlarını bolşeviklərin təsirindən çıxarmağa, onların fəaliyyətini adi qarşılıqlı yardım cəmiyyətlərinin dar çərçivəsi ilə məhdudlaşdırmağa ümid edirdi. Qanun zəhmətkeşlərin bir çox kateqoriyalarına - dəmiryolçular, kənd təsərrüfatı fəhlələri, bank

qulluqçuları və b. həmkarlar ittifaqlarında birləşməyi qadağan edirdi [3, s. 17].

Neft sənayesi fəhlələrinin vahid ittifaqda birləşdirilməsinə daha çox diqqət verilirdi. Azərbaycanda ilk güclü həmkarlar təşkilatı 1906-cı ildə yaradılmış Neft sənayesi fəhlələri həmkarlar ittifaqı olmuşdur. Bu həmkarlar ittifaqının yaradılmasını asanlaşdıran cəhətlərdən biri ondan ibarət idi ki, ittifaq yarananaqədər sənaye müəssisələrində seçkili Zavod və mədən fəhlə komissiyaları fəaliyyət göstərirdi və bu komissiyalar fəhlələri həmkarlar ittifaqlarına cəlb etmək üçün fəal iş aparırdılar.

1906-cı il avqustun 18-də Balaxanı fəhlələrinin təşəbbüs qrupu Bakı şəhəri və onun rayonlarının neft sənayesi fəhlələrinin həmkarlar cəmiyyətinin yaradılması barədə nizamnamə və təqdimatla Bakı şəhəri general qubernatoruna müraciət etdi.

1906-cı ilin oktyabrında Neft sənayesi fəhlələri həmkarlar ittifaqının təsis iclası keçirildi. Neft sənayesi fəhlələri həmkarlar ittifaqının Nizamnaməsinin birinci paragrafında cəmiyyətin üzvlüyünə ancaq fəhlələrin daxil ola bilməsi, Nizamnamənin qeydlərində isə sahibkarlar və mədən-zavod idarəçiliyinin üzvlərinin cəmiyyətin üzvləri sırasına daxil edilə bilməməsi qeyd olunmuşdu. Həmkarlar ittifaqı istehsalat prinsipi üzrə qurulurdu. Onun üzvü milliyyətindən və ixtisasından asılı olmayaraq ittifaqa daxil olarkən 5 qəpik məbləğində üzvlük haqqı ödəyən və bundan əlavə hər ay cəmiyyətin xeyrinə əmək haqqının 2 faizini keçirən hər bir neftçi-fəhlə ola bilərdi. 1908-ci ildən aylıq üzvlük haqqı 2%-dən 1%-ə endirilmişdi. Neft sənayesi fəhlələri həmkarlar ittifaqının faktiki fəaliyyətə başlaması tarixi 1906-cı il oktyabrın 1-nə aid edilir [3, s. 18-19].

1906-cı ilin noyabrında Neft sənayesi fəhlələri həmkarlar ittifaqının 12 nəfərdən ibarət idarə heyəti seçilmişdi. İdarə heyətinə V.F.Trinov - ittifaqın 1906-cı ilin noyabrından 1908-ci ilin oktyabrınadək ilk sədri, M.Məmmədyarov, S.Yaqubov, S.Kandelaki, Y.Lunkin, A.Çaparidze (ittifaqın katibi), Qneuşev, Kuznetsov, Q.Qluxov, H.Sultanov, Əmir Aslan Süleymanov, Məmməd Həsən Adıgözəlov daxil idilər. Neft sənayesi fəhlələri həmkarlar ittifaqı ilə yanaşı Bakıda bu dövrdə Mexaniki istehsal fəhlələri, neft çıxarılması işçiləri, Dənizçilər, Celonkaçılar, Qazanxana işçiləri, mətbəə fəhlələri həmkarlar ittifaqları da fəaliyyət göstərirdi. Ümumiyyətlə, 1906-cı ilin sonlarında Bakıda 18-20 həmkarlar ittifaqı var idi. Qısa müddət ərzində Neft sənayesi fəhlələri həmkarlar ittifaqı ən populyar və kütləvi təşkilata çevrildi. Əgər 1906-cı ilin oktyabrında ittifaqın 225 nəfər üzvü var idisə, artıq 1907-ci ilin

sonunda onların sayı 6 min nəfərdən çox idi. Birinci il Neft sənayesi fəhlələri həmkarlar ittifaqı yalnız Balaxanıda fəaliyyət göstərirdisə, sonrakı illərdə onun fəaliyyəti digər fəhlə royonlarına da yayıldı. İttifaqın Bibi-Heybətdə, Qara və Ağ şəhərlərdə, Suraxanıda da şöbələri açılmışdı. İttifaqın Mərkəzi idarə heyəti isə Balaxanıda yerləşirdi [3, s. 19].

Neft sənayesi fəhlələri həmkarlar ittifaqı 1907-ci ilin avqustunda özünün mətbu orqanı olan “Qudok” qəzetini buraxmağa başladı. Bu qəzetin cəmi 37 nömrəsi buraxılmışdı. 1908-ci ilin avqustunda isə İttifaq “Bakinski raboçi” qəzetini buraxmağa başladı [4].

1908-ci ilin oktyabrında Neft sənayesi fəhlələri həmkarlar ittifaqının sədri M.M.Varnaçev, katib isə V.F.Yefimov seçildi.

1909-cu ilin əvvəllərində inqilabi hadisələrin zəifləməsi ilə əlaqədar Neft sənayesi fəhlələri həmkarlar ittifaqının fəaliyyətində də durğunluq əmələ gəlir, ittifaq üzvlərinin sayı azalır.

Neft sənayesi fəhlələri həmkarlar ittifaqı ilə yanaşı digər sənaye sahələri fəhlələrini birləşdirən həmkarlar təşkilatları da yaranırdı. 1908-ci ildə kontor, zavod və mədən qulluqçuları həmkarlar ittifaqları, eyni zamanda ağac emalı fəhlələri həmkarlar ittifaqı yaranmışdı [1, s.45].

Bu dövrdə Azərbaycanın qəzalarında da həmkarlar təşkilatları fəaliyyət göstərirdi. 1910-cu ildə Astarada dəniz və sahil fəhlələrinin, Lənkəran qəzasında isə balıq tutanların həmkarlar təşkilatları yarandı [1, s.48].

1911-ci ilin aprelində Neft sənayesi fəhlələri həmkarlar ittifaqı öz fəaliyyətini yenidən canlandırmağa cəhd göstərdi. İttifaqın ümumi iclasında yeni idarə heyəti seçildi, F.P.Trofimov İttifaqın sədri, A.İ.Doqadov isə katib seçildilər.

1912-ci ilin martında Neft sənayesi fəhlələri həmkarlar ittifaqı yeni adla - “Neft sənayesi və ona köməkçi istehsal sahələrinin fəhlələrinin həmkarlar cəmiyyəti” - öz fəaliyyətini bərpa edir. Bu ittifaq 1914-cü ilin fevralına qədər fəaliyyət göstərə bilir. 1915-ci ildə nəşriyyatçılar, dərzilər və ticarət - sənaye qulluqçularının həmkarlar ittifaqları fəaliyyətə başlayır.

Birinci dünya müharibəsinin başlanması ilə ictimai həyatın bütün sahələrində olduğu kimi həmkarlar təşkilatlarının fəaliyyətində də durğunluq müşahidə edilir.

1917-ci il Fevral burjua demokratik inqilabının qələbəindən sonra həmkarlar təşkilatlarının fəaliyyətində yenidən canlanma başlandı. 1917-ci ilin mayında Neft sənayesi fəhlələri həmkarlar ittifaqının təsis iclası keçirildi. İclasda ittifaqın sədri İ.T.Fioletov seçildi. Bu dövrdə artıq ittifaqın üzvlərinin sayı 4 min nəfərdən çox idi [5, s.92].

Neft sənayesi fəhlələrini həmkarlar ittifaqının fəaliyyət dairəsinə daha geniş cəlb etmək məqsədilə ittifaqın rayon şöbələrinin yaradılmasına xüsusi diqqət verilirdi. Neft mədən və müəssisələrini əhatə edən bütün ərazi 10 rayona bölünmüşdü. Neft sənayesi və ona köməkçi istehsalat sahələri fəhlələrinin Bibi-Heybət, Qara şəhər, Sabunçu, Balaxanı, Suraxanı, Binəqədi və digər rayon şöbələrinin yaradılması qərara alındı [6]. İttifaqın rayon şöbələrinin yaradılması onun üzvlərinin sayının artmasına müsbət təsir göstərdi. 1917-ci ilin sonunda Neft sənayesi fəhlələri həmkarlar ittifaqı üzvlərinin sayı 30 min nəfərə çatırdı [7, s.7].

Ayrı-ayrı xırda həmkarlar təşkilatlarının vahid ittifaqda birləşdirilməsi həmkarlar hərəkatının inkişafında yeni mərhələ oldu. Bakının bir çox həmkarlar ittifaqlarının nümayəndələri - neftçilər, taxtapuşçular və rəngsazlar, metalçılar, mətbəə işçiləri, kontor işçiləri, əcazçılar, elektriklər və b. oxşar ittifaqların birliyi uğrunda çıxış edirdilər. 1917-ci ilin ortalarında taxtapuşçular, rəngsazlar və rəssamlar həmkarlar ittifaqının, həmçinin taxtapuşçular və tənəkəçilər həmkarlar ittifaqının idarə heyətləri inşaat fəhlələri həmkarlar ittifaqında birləşmək haqqında qərar qəbul etdilər. Bu həmkarlar ittifaqına digər inşaatçı fəhlələri də (bənnalar, dülgərlər, suvaqçılar) cəlb etmək nəzərdə tutulmuşdu. 1917-ci ilin sentyabrında bənnalar ittifaqı, tikinti işlərində çalışanların digər ittifaqları kimi vahid inşaatçı fəhlələr həmkarlar ittifaqına daxil oldular [8].

1917-ci il noyabrın 10-da Xəzər ticarət donanmasının gəmi sürücüləri və mexaniklərinin həmkarlar ittifaqı və dənizçilər ittifaqı “Ümumrusiya ticarət donanması dənizçiləri və çay nəqliyyatı işçiləri ittifaqının Xəzər şöbəsi” adı altında vahid həmkarlar ittifaqında birləşdilər [7, s.8].

Neft sənayesi fəhlələri həmkarlar ittifaqının təşkili ilə eyni vaxtda Bakıda mədən və zavod rayonları qulluqçuları həmkarlar ittifaqı yaradıldı. Fevral inqilabından sonra dənizçilər, metalçılar, dəmiryolçular, yükdaşıyanlar, inşaatçılar, mətbəə işçiləri, dəri emalçıları, ağac emalçıları, tütüncülər və b. da həmkarlar ittifaqlarında birləşməyə başlamışlar, 1917-ci ilin sonunda Bakıda 80 min nəfərədək üzvü olan bərpa edilmiş və yeni yaradılan 40 həmkarlar ittifaqı var idi [9, s.202].

Neft sənayesi fəhlələri həmkarlar ittifaqı öz fəaliyyətinin başlanğıcından neft sənayesində çalışan bütün əməkçilərin, ilk növbədə isə neft sənayesi qulluqçularının həmkarlar ittifaqı ilə əhatə olunmasına nail olmağa çalışırdı. Ancaq 1917-ci ildə bu iki ittifaqı birləşdirmək mümkün olmadı.

Fevral buijua-demokratik inqilabının qələbəindən sonra Azərbaycanda ayrı-ayrı h mkarlar t şkilatlarının yaradılması il  yanaşı m d n-zavod komit lərinin t şkili prosesi d  gedirdi. 1917-ci ilin aprel - may aylarında Bibi-Heyb t, Balaxanı, Ramana v  Zabratm neft ıxarma sah lərinin f hl ləri m d n komit ləri yaratmışdılar.

Bel likl , Fevral buijua-demokratik inqilabının qələbəindən sonra Bakıda xeyli sayda h mkarlar t şkilatları, m d n-zavod v  fabrik komit ləri meydana g lmışdi.

1918-ci ilin  vv ll rində Bakıda bolşeviklərin hakimiyyəti  l  keçirməsi il   laq dar olaraq onların t siri altında olan h mkarlar t şkilatlarının da f aliyyəti genişl nir. Bolşeviklərin t klifi il  m d n-zavod komit lərinin yaratdıqları x susi nəzar t komissiyaları istehsalat  z rində ardıcıl olaraq nəzar t h yata keçirirdilər. 1918-ci ilin aprelində Bakı Xalq Komissarları Soveti hakimiyyəti  l  keçirdikdən sonra h min ilin iyunun  vv ll rində h mkarlar ittifaqları şurasının yenid n se kisi keçirildi v  bolşeviklər bu şurada da  st nl y  zorakı yolla  z  ll rin  aldılar [9, s.214]. H mkarlar t şkilatları faktiki olaraq Bakıdan neft, benzin v  dig r yanacaq n vl rinin Sovet Rusiyasına daşınıb aparılmasında bolşeviklərin f al yardım ları oldular. 1918-ci ilin aprel-avqust ayları  rzində Bakıdan 80 mln. puddan  ox neft v  neft m hsulları qar t edilib aparılmışdı. Moskvanın toxuculuq s nayesi    n Azərbaycandan pambıq daşınırdı. 1918-ci ilin 11 iyununad k Moskvaya 153 min pud pambıq g nd rilmişdi. Yalnız Azərbaycan Xalq C mhuriyyətinin qurulması il  xalqın s rv tl rinin talan edilm sinin qarşısı alındı. Lakin C mhuriyyət d vr nd  d  h mkarlar t şkilatları, dem k olar ki, bolşeviklərin t siri altında idilər. C mhuriyyət d vr nd  yaradılmış “T rk f hl  konfransı”nda yalnız az rbaycanlı f hl lər  st nl k t şkil edirdilər. Lakin Bakı f hl ləri i  risində qeyri-az rbaycanlılar  st nl k t şkil etdiyin  v  onların da  ks riyyəti bolşeviklərin v  m nşeviklərin t siri altında oldu una g r  h mkarlar t şkilatları da faktiki olaraq bolşeviklərin siyasi xəttini m daf  edirdi. 1919-cu ilin mayında bolşeviklər onların t siri altında olan h mkarlar t şkilatlarını “Bakı şəhəri v  onun rayonlarının neft v  metal s nayesi v  onlara k m k i sah lərin i  il rinin Birl şmiş ittifaqı”nda birl şdirm y  nail oldular. Balaxanı, Suraxanı, Bibi-Heyb t v  Fabrik-zavod rayonunda bu ittifaqın rayon idar  hey tləri var idi. Birl şmiş ittifaqda neft s nayesi f hl ləri, metal ılar, m d n- zavod qullu  ıları, inşaat f hl ləri v  a ac emal ıları h mkarlar ittifaqları birl şmişdilər. Faktiki olaraq h mkarlar t şkilatları bolşeviklərl  birl ş r k Azərbaycanda Sovet hakimiyyətinin

qurulması uğrunda mübarizə aparırdılar [1, s. 135-136]. 1918-1920-ci illərdə bolşeviklərin yaratdıqları həmkarlar ittifaqları könüllülük prinsiplərindən uzaq idi və onların fəaliyyəti daha çox Müsavat hökumətini devirmək vəzifəsinə tabe etdirildiyindən sırf siyasi xarakter daşıyırdı. Bolşevik liderləri iqtisadi böhranın törətdiyi hərc-mərclikdən istifadə edərək kütlələri inandırmağa çalışırdılar ki, onların təşəbbüsü ilə yaradılmış fabrik-zavod və yerli komitələr “geniş kütlələrin” əşi mənafeələrini qoruyur.

Azərbaycan Xalq Cümhuriyyəti dövründə hökumətin yaratmağa cəhd göstərdiyi həmkarlar ittifaqlarına qarşı bolşeviklərin mübarizəsi çox kəskin və amansız xarakter almışdı. Ən faciəli hal bu idi ki, bolşeviklər məhz milli həmkarlar ittifaqlarının yaradılmasına maneçilik törədirdilər. Sovet dövründə repressiya qurbanı olmuş bəzi bolşevik liderləri iftixar hissi ilə yazırdılar ki, “bolşeviklərin işi onunla nəticələnmişdi ki, azərbaycanlı fəhlələr Müsavat həmkarlar ittifaqlarına daxil olmaqdan imtina etmişdilər”. AXC-nin iqtisadi islahatlarına mane olan 28 yerli həmkarlar ittifaqı təşkilatları “fəaliyyət” göstərirdi [10, s.24-25]. Bolşeviklər 1919-cu il aprelin 27-də Bakıda Zaqafqaziya, Dağıstan və Zakaspi həmkarlar ittifaqlarının qurultayını keçirməyə nail olmuşdular. Qurultayda iştirak edən 148 nümayəndənin 116 nəfəri Azərbaycan həmkarlar ittifaqlarının təmsilçiləri idi. Bu, Azərbaycan həmkarlar ittifaqları içərisində bolşeviklərin təsirinin daha güclü olduğunu göstərirdi. Qurultayda qəbul edilmiş qətnamədə göstərilirdi ki, həmkarlar ittifaqlarının qarşısında duran əsas vəzifə proletariat diktaturası və sovet hakimiyyəti uğrunda siyasi mübarizədir. Qurultayın qəbul etdiyi qətnamədə açıq şəkildə yazılmışdı: “Zaqafqaziya, Zakaspi və Dağıstanın birləşdirilməsi yalnız göstərilən əyalətlərdə sovet hakimiyyətinin qurulması və onların Rusiya Sovet Sosialist Respublikası ilə birləşməsi yolu ilə mümkündür” [11, s. 137-143]. Bu qurultayda Azərbaycan həmkarlar ittifaqları tamamilə bolşeviklərin platformasına keçdilər. Bu dövrdən başlayaraq bolşeviklərin təsiri altında olan Azərbaycan həmkarlar ittifaqları bolşeviklərin Rusiyaya qovuşmaq siyasətində alət rolunu oynamağa başladılar. Bolşeviklər həmkarlar ittifaqlarından öz ideyalarını kütlələrin beyninə yeritmək üçün leqal kütləvi tribuna kimi istifadə edir, onların əsl sosial təyinatından uzaqlaşaraq Kommunist partiyasının əlində alətə çevrilməsinə nail olurdular.

1919-cu ilin avqustundan ayrı-ayrı həmkarlar təşkilatlarında və həmkarlar ittifaqlarının Bakı şurasında bolşeviklərin təsiri daha da güclənmişdi. Həmkarlar ittifaqlarının Bakı şurasının sədri neftçi fəhlə

I.M.Konuşkin seçilmiş, bolşeviklər D.X.Bünyadzadə və Z.D.Dadaşov isə Şuranın tərkibinə daxil olmuşdular.

Həmkarlar təşkilatlarında bolşeviklərin təsirinin güclənməsi onların öz əsl təyinatından uzaqlaşaraq siyasi proseslərə qoşulmasına gətirib çıxardı. 27Aprel işğalından sonra kommunistlərin Azərbaycanda hakimiyyəti ələ keçirməsi ilə əlaqədar olaraq həmkarlar təşkilatları yeni yaranmış sovet cəmiyyətində aparıcı və kütləvi təşkilatlardan birinə çevrildilər.

Azərbaycanda Sovetlər birliyi dövründə həmkarlar ittifaqları

1920-ci il aprelin 28-də Azərbaycanın tarixində əsaslı siyasi dəyişiklik baş verdi. Sovet Rusiyasının hərbi müdaxiləsi nəticəsində Azərbaycanda müstəqil respublika süqut etdi və yeni bir rejimin - Sovet hakimiyyətinin əsası qoyuldu. Yeni yaranmış proletariat diktaturasının hakimiyyəti dövründə siyasi sistem də dəyişdirildi. Bu sistemdə əvvəlki cəmiyyətdə əzilən sinif olan fəhlələr hakim qüvvəyə çevrildilər. Ona görə də fəhlələrin üstünlük təşkil etdikləri ictimai təşkilatların da yeni cəmiyyətdə rolu dəyişildi. Ən kütləvi təşkilatlardan biri olan həmkarlar ittifaqlarının təşkilati quruluşunda yeni şəraitə uyğun olaraq dəyişikliklər edildi.

Azərbaycanda sovet həmkarlar ittifaqlarının yaradılmasına 1920-ci ilin mayında başlandı. Bu proses o dövrdə çətin şəraitdə gedirdi, çünki Kommunist partiyası sıralarında bir qrup adamlar sovet cəmiyyətində həmkarlar ittifaqlarının lüzumsuzluğunu iddia edirdilər. 1920-ci ilin mayında Mədəncilər, Kimyaçılar, Metalçılar və Elektriklər, İnşaatçılar, Ağac emalçıları həmkarlar ittifaqları yaradıldı. Tibb-sanitariya işçiləri həmkarlar ittifaqına isə həkimlər, əczaçılar, feldşerlər, tibb bacıları, xəstəxana və lazaret xidmətçilərini birləşdirən xırda ittifaqlar daxil edildi. Orta və ali tədris müəssisələrinin müəllimləri, uşaq bağçalarının əməkdaşları Maarif və sosialist mədəniyyəti işçiləri həmkarlar ittifaqında birləşdilər. 1920-ci il iyunun 5-də isə həmkarlar ittifaqlarının təşkilati cəhətdən yenidən qurulması nəticəsində 24 həmkarlar ittifaqı yaradıldı [12; 13]. Azərbaycan həmkarlar ittifaqları Ümümrusiya həmkarlar ittifaqları Mərkəzi Şurasının (ÜRHİMŞ) müəyyən etdiyi sxemə uyğun olaraq istehsalat prinsipi üzrə yaradılırdı. İlk dövrdə Azərbaycanda Sovet Rusiyasının həmkarlar ittifaqlarının müvafiq respublika şöbələri təşkil edilmişdi. 1920-ci il iyunun 30-da keçirilən həmkarlar ittifaqlarının birinci Ümumbakı konfransında onların vahid təşkilat şəklində birləşməsi

prosesi başa çatdı. Könfransda vahid respublika mərkəzi həmkarlar ittifaqları orqanı olan Azərbaycan həmkarlar ittifaqları şurası - AHİŞ yaradıldı. Azərbaycanın qəzalarında isə həmkarlar ittifaqlarının qəza şöbələrini və onları birləşdirən orqanlar - qəza büroları yaratmaq barədə qərar qəbul edildi. AK(b)P MK və BK-nın göstərişi əsasında AHİŞ-in rəyasət heyətinə İ.İ.Anaşkin, B.D.Ağayev, Z.Dadaşov, İ.M.Konuşkin, Qausman, A.İ.Mikoyan, L.İ.Mirzoyan, M.E.Sapunov və A.A.Nikişin seçildilər [11, S.164].

AHİŞ-in yaranmasının ilk günündən onun təşkilində ciddi nöqsanlara yol verilmişdi. Göründüyü kimi, AHİŞ-in rəyasət heyətinin üzvü olan 9 nəfərdən yalnız 2 nəfəri azərbaycanlı idi. AHİŞ- in sədri isə Azərbaycan xalqının qatı düşməni, daşnak A.İ.Mikoyan təyin edilmişdi.

1920-ci ilin 29 avqust - 6 sentyabrında keçirilən Azərbaycan həmkarlar ittifaqlarının birinci qurultayında seçilən rəyasət heyəti üzvlərinin tərkibi də o dövrdə milli ayrı-seçkiliyin açıq nümunəsi idi. Qurultayda rəyasət heyətinə 7 üzv -L.İ.Mirzoyan, M.E.Sapunov, İ.M.Konuşkin, Z.Dadaşov, A.A.Nikişin, Ə.Xanbudaqov, A.E.Çurayev və 2 namizəd - R.İzmaylov və Mikadze seçilmişdilər [114, s.5]. AHİŞ-in sədri M.E.Sapunov oldu. Göründüyü kimi AHİŞ-in rəyasət heyətinə seçilənlərin əksəriyyəti başqa millətlərin nümayəndələri idi. Bu. həmin dövrdə yeridilən məqsədyönlü milli ayrışdırıcılıq siyasətinin nəticəsi idi.

Azərbaycan həmkarlar ittifaqlarının II qurultayında (1921-ci il, 1-11 iyul) seçilən rəyasət heyəti üzvləri və namizədlərin əksəriyyəti də qeyri azərbaycanlılar idi [15, s. 101-102]. 1921-ci il iyulun 11-də AHİŞ-in plenumunda L.Mirzoyan AHİŞ-in sədri təyin edildi.

AHİŞ-in mərkəzi aparatında məsul vəzifə tutanların hamısı başqa millətlərin nümayəndələri idi. 1921-ci ildə Xalq Əmək komissarı A.Çurayev, AHİŞ-in:Mədəniyyət şöbəsinin müdiri V.Kasparov, Statistika şöbəsinin müdiri B.Quxman, İnformasiya şöbəsinin müdiri M.Danilov, İqtisadi şöbənin müdiri E.Şeftel, Təşkilat şöbəsinin məsul katibləri Rayxlin və L.Frik, Tarif-iqtisadi şöbəsinin müdiri T.A.İvanov, Əməyin normalaşdırılması şöbəsinin müdiri İ.M.Konuşkin idi [16]. AHİŞ-in idarə aparatının bu cür tərkibi təkcə azərbaycanlı kadrların çatışmazlığının nəticəsi deyil, milli ayrı seçkiliyin bariz nümunəsi idi.

Azərbaycanda ilk həmkarlar təşkilatları Sovet Rusiyasının həmkarlar ittifaqlarının nizamnamələri əsasında yerli xüsusiyyətlər nəzərə alınmadan yaradılırdı. Azərbaycanın qəzalarında isə həmkarlar ittifaqlarının qəza şöbələri və onları birləşdirən qəza bürosu yaradılmışdı.

Qəzalarda da həmkarlar ittifaqlarının təşkili zamanı ciddi əyintilərə yol verilmişdi. 1920-ci ilin sonunda Azərbaycanda 22 həmkarlar ittifaqı fəaliyyət göstərirdi. 1921-ci ilin aprelində isə Azərbaycanda həmkarlar ittifaqlarının 8 qəza bürosu, 2 rayon bürosu (Gəncə və Şuşa) və 20-dək katiblik var idi [11, s. 169]. Şuşa rayon bürosu bütün Qarabağa, Gəncə bürosu isə Şamaxor və Qazax qəzalarına xidmət göstərməli idilər. Həmkarlar ittifaqları katiblikləri qəzaların ucqarlarında yerləşən ittifaq üzvlərinə xidmət göstərmək məqsədilə yaradılmışdı. 1920-ci ilin sentyabrından 1921-ci ilin martınadək keçən müddətdə bütün qəzalarda həmkarlar ittifaqlarının qəza qurultayları keçirilmişdi. 1921-ci il dekabrın 4-də isə Naxçıvan həmkarlar ittifaqlarının diyar bürosu yaradıldı [7, s.3].

1921-ci ilin əvvəllərində Gəncədə 20 həmkarlar şöbəsi, 2 bölmə, 3 qəza katibliyi və 10 sahə katibliyi, Nuxada 14, Salyan qəzasında 16, Şamaxıda 12, Qubada 13, Lənkəranda 16, Göyçayda 9 həmkarlar təşkilatı var idi. Bütün respublika üzrə 175 həmkarlar təşkilatı fəaliyyət göstərirdi [15, s.24-25].

Azərbaycan SSR XKS 1922-ci il mayın 21-də AHİŞ-in təqdim etdiyi fabrik-zavod, mədən və yerli komitələr haqqında təlimatı təsdiq etdi. Təlimata əsasən qəzalarda həmkarlar ittifaqları büroları ləğv edilərək onların əvəzində AHİŞ-in səlahiyyətli müvəkkili təsisatı yaradıldı. 1924-cü il yanvarın 1-i üçün Azərbaycanda 346 həmkarlar ittifaqı müvəkkili fəaliyyət göstərirdi [10, s.34-35].

Sovet hakimiyyətinin ilk illərində həmkarlar ittifaqlarının özü bir təşkilat kimi kütlələr içərisində populyar deyildi. Əhali bu təşkilatlara az maraq göstərirdi. Ona görə də əhali içərisində bu təşkilatları populyarlaşdırmaq məqsədilə kütləvi tədbirlər keçirmək vacib idi. 1921-ci ilin martında bu məqsədlə həmkarlar hərəkatı həftəsi adlanan birinci kütləvi kampaniya keçirilmişdi [15, s.211]. Kampaniyanın keçirilməsi ilə əlaqədar 1921-ci il fevralın 10-da “Bakinski raboçi” qəzetində AHİŞ - in bütün həmkarlar təşkilatlarına edilmiş müraciətində bu tədbirin vəzifəsi və əhəmiyyəti izah edilmişdi. Tədbirin əsas şüarı ittifaqlar vasitəsilə istehsalata yiyələnmək, vəzifəsi isə həmkarlar ittifaqlarının geniş fəhlə kütlələri içərisində nüfuzunu və təsirini yüksəltməkdən ibarət olmalı idi. Həmkarlar hərəkatına aid mühazirələr, səhnələşdirilmiş tamaşalar, bədii məhkəmələr, sərgilər, canlı və divar qəzetləri, ucadan qıraətlər və s. təşkil edilirdi. Vaxtaşırı keçirilən həmkarlar hərəkatına dair kütləvi tədbirlərdə həmkarlar ittifaqlarının fəaliyyətinin müxtəlif sahələrinə dair məlumat və təlimat xarakterli mühazirələr təşkil edilirdi. 1920-ci il və 1921-ci ilin birinci yarısında həmkarlar ittifaqlarında təşkilati məsələlərə həsr edilmiş

20 ümumi qəza qurultayı və konfransı, sahə həmkarlar ittifaqlarının 25 qurultayı və 3 respublika miqyaslı müşavirə keçirilmişdi [18, s.158-159]. 1921-ci ildə yeni iqtisadi siyasətə keçilməsi ilə əlaqədar həmkarlar ittifaqlarının təşkilati quruluşunda bəzi dəyişikliklər edildi. Mədən fəhlələri həmkarlar ittifaqlarının mərkəzi idarə heyətləri və rayon şöbələri formasında təşkilati quruluşu fəhlələrlə birbaşa əlaqə saxlamağa imkan vermirdi. Bu nöqsanı aradan qaldırmaq məqsədilə Mədən fəhlələri həmkarlar ittifaqlarının rayon şöbələri ləğv edilərək onların əvəzinə bütün rayonlarda birləşmiş həmkarlar komitələri, eyni zamanda qazma şöbələrinin birləşmiş həmkarlar komitələri təşkil edildi. Bu tədbirlər fəhlələrin həmkarlar ittifaqlarına cəlb edilməsində səmərəli rol oynasa da, azərbaycanlı fəhlələrin ittifaqlara, xüsusilə həmkarlar ittifaqları idarə heyətlərinə cəlb edilməsi işi son dərəcə acınacaqlı vəziyyətdə idi. AHİŞ aparatında işləyənlər Azərbaycan dilini bilmirdilər, kargüzarlıq işləri rus dilində aparılırdı.

Həmkarlar ittifaqlarının fəaliyyətinə partiyanın nəzarəti getdikcə güclənirdi. Sovet hakimiyyətinin ilk illərində Azərbaycanda həmkarlar ittifaqlarına partiya rəhbərliyi nümayəndələr mübadiləsi yolu ilə həyata keçirilirdi, yəni AHİŞ-in nümayəndəsi AK(b)P MK-ya və əksinə, MK-nın nümayəndəsi AHİŞ-ə daxil edilirdi. Sonrakı illərdə partiya həmkarlar ittifaqlarının fəaliyyətinə nəzarəti daha da gücləndirdi və bu işi, əsasən həmkarlar təşkilatlarındakı kommunistlərdən ibarət fraksiyalar vasitəsilə həyata keçirirdi. Partiya həmkarlar təşkilatlarına zəhmətkeşləri təsərrüfat quruculuğuna cəlb etmək üçün özünün əsas ehtiyat qüvvəsi kimi baxırdı. AK(b)P-nin II qurultayının (1920-ci il, oktyabr) qətnaməsində deyilirdi: “həmkarlar ittifaqları fəhlə kütlələrinin geniş tərbiyə məktəbidir, partiya və dövlət yeni ictimai quruluşu yaratmaq üçün bütün yeni qüvvələri oradan götürür” [19, s.14]. 1921-ci ildə AK(b)P MK-nın həmkarlar ittifaqlarının fəaliyyətinə partiyanın rəhbərliyini tənzimləyən sərəncam xarakterli məktubu nəşr edildi. Bu sənəddə bütün partiya komitələrinə həmkarlar təşkilatları nəzdində partiya üzvləri və namizədlərindən ibarət kommunist fraksiyalarını təşkil etmək barədə göstəriş verilmişdi. Partiya komitələri bu fraksiyalar vasitəsilə həmkarlar ittifaqlarının fəaliyyətini istiqamətləndirməli, həmkarlar ittifaqlarında partiyanın baş xəttinin həyata keçirilməsinə nəzarət etməli idilər. Mərkəzi komitənin məktubunda açıq şəkildə bildirilirdi: “həmkarlar ittifaqlarının fraksiyaları - həmkarlar ittifaqlarının qəza büroları və yerli katibləri iki həftədə bir dəfədən az olmayaraq partiya komitələrinə həmkarlar ittifaqlarında işin vəziyyəti barədə məruzə etməlidirlər” [19, s.14]. Məktubda həmçinin

partiya və həmkarlar təşkilatları nümayəndələrinin bu təşkilatların rəhbər orqanlarına qarşılıqlı daxil edilməsi qaydaları göstərilmişdi. Sərəncam xarakterli bu məktub partiya təşkilatlarının həmkarlar ittifaqları ilə qarşılıqlı münasibətlərini tənzimləyən ilk sənəd oldu. Məktubda ciddi şəkildə partiyanın qərarlarının həmkarlar ittifaqlarına məcburi qəbul etdirilməsinə yol verilməməsi, onlara ən kiçik himayə edilməsinin yol verilməzliyinin zəruriliyi barədə xəbərdarlıq edilirdi. Bu xəbərdarlığa baxmayaraq, Kommunist Partiyası məhz bu fraksiyalar vasitəsilə həmkarlar ittifaqlarının fəaliyyətinə nəzarət mexanizmini həyata keçirirdilər. Ona görə də həmkarlar təşkilatlarında kommunistlərdən ibarət fraksiyaların gücləndirilməsinə xüsusi diqqət verilirdi. AK (b) P-nin IV qurultayının qərarlarında (1922-ci il, fevral) həmkarlar təşkilatlarında müxtəlif təmayüllərin və səhvlərin baş verə biləcəyinin qarşısını almaq məqsədilə bu təşkilatlarda kommunistlərdən ibarət fraksiyaların gücləndirilməsinə diqqətin artırılması partiya komitələrindən tələb edilirdi. Qurultayın qərarında deyilirdi: “həmkarlar hərəkətinə fəvqəladə mühüm əhəmiyyət verərək və orada partiyanın daimi möhkəm rəhbərliyi olmadan təmayüllərin mümkünlüyünü nəzərə alaraq, keçmişdə heç bir siyasi partiyaya daxil olmamış ən sıxanmış və qocaman partiya üzvlərini rəhbər həmkarlar işinə göndərmək lazımdır. Həmkarlar ittifaqlarının idarə heyətlərinin katibləri üçün 5 ildən az olmayan, qəza həmkarlar bürosunun katibləri üçün isə iki il partiya stajı müəyyən edilsin” [20, s.76-77].

Partiyanın göstərişlərinə uyğun olaraq həmkarlar təşkilatlarının idarə heyətlərində kommunistlərin sayı ildən-ilə artırdı. Sovet sisteminin bütün mövcudluğu dövründə rəhbər orqanlara kommunistlərlə bitərəflərin seçilməsi təmin edilirdi. 1923-cü ildə zavod komitələri üzvlərinin 36%-ə qədəri kommunistlər idisə, 1924-cü ildə onların sayı 60%-ə çatmışdı [21, s.20]. 1926-cı il yanvarın 1- nə olan məlumatlara görə Azərbaycan həmkarlar ittifaqları idarə heyətlərinin 442 nəfər seçkili işçisinin 72,4%-i kommunist, 3,4%-i isə komsomolçu idi. Sosial mənsəyinə görə bu işçilərdən 257 nəfəri fəhlə, 178 nəfəri qulluqçu, 7 nəfəri isə kəndli idi [22, s.50]. Kommunist partiyası həmkarlar ittifaqlarında kommunist fraksiyalarının fəaliyyətinin gücləndirilməsinə daimi diqqət yetirirdi. AK(b)P MK-nm 1925-ci ilin sentyabrında keçirilmiş plenumunda qəbul edilmiş “AHİŞ-in işi haqqında” xüsusi qətnamədə deyilirdi: “kommunist özəklərinin fabrik-zavod komitələrini ən kiçik himayə etməsi hallarını aradan qaldırmaq lazımdır. Özəklər kommunistlərdən ibarət fraksiyalar vasitəsilə fabrik- zavod komitələrinin işinə rəhbərlik etməli və onu

istiqamətləndirməlidirlər”. Qətnamədə fraksiyaların təşkilinə diqqətin artırılması tələb edilirdi: “yerlərdə fabrik-zavod komitələrinin fraksiyalarını formalaşdırmaq lazımdır. Harada ki, onlar yoxdur, təşkil olunmalıdır” [20, s.227].

Partiyanın həmkarlar ittifaqlarına nəzarəti getdikcə güclənirdi. Həmkarlar ittifaqlarının fəaliyyətində inzibatchılıq və bürokratik meyillər artırdı. Fəhlə kütlələri içərisində əməli iş aparmaq əvəzinə həmkarlar ittifaqları bəzən öz işlərini göstəriş və əmr vermək formasında qururdular. Bir sıra hallarda fabrik-zavod komitələrinin işinə rəhbərliyi partiya orqanları öz əllərinə alırdılar, bu isə bitərəf fəhlələrin həmkarlar təşkilatlarının işinə marağını azaldırdı. Fəhlələr həmkarlar təşkilatlarının iclaslarına həvəssiz gedirdilər və bunu onunla əsaslandırırdılar ki, onsuz da kommunistlər bütün məsələləri iclasa qədər özləri həll etmişlər və müzakirə formalı xarakter daşıyır. Bu cür hallar həmkarlar ittifaqlarının öz əsas vəzifəsindən uzaqlaşmasına, onların kütlələr içərisində tərbiyə işinə mənfi təsir göstərirdi. İnzibatchılığa meyl, işdə formalizm və yeknəsəklik, fəhlələrin mənafeyini müdafiə etmək əvəzinə müəssisə rəhbərliyinin mövqeyinin danışqsız müdafiə edilməsi və s. kimi hallar fəhlələrin öz həmkarlar ittifaqlarına inamını azaldır, onları aşağı həmkarlar orqanlarında fəal işdən uzaqlaşdırırdı.

Həmkarlar ittifaqlarının rəhbər orqanlarında azərbaycanlılar azlıq təşkil edirdilər. 1923-cü ilin iyulunda Azərbaycan həmkarlar ittifaqları idarə heyətlərinin 291 nəfər üzv və namizədindən cəmi 22,5%-i azərbaycanlı, 52,7%-i rus, 13%-i erməni, 11,8%-i isə başqa millətlərin nümayəndələri idi [23]. Bəzi həmkarlar ittifaqlarının aparatında isə bir nəfər də olsun azərbaycanlı yox idi.

1923-cü ildə fabrik-zavod həmkarlar komitələri üzvlərinin cəmi 25,4%-ni azərbaycanlılar, 74,6%-ni isə başqa millətlərin nümayəndələri təşkil edirdilər. Həmkarlar müvəkkillərinin cəmi 17,6%-i azərbaycanlı idi.

Azərbaycan həmkarlar ittifaqlarının idarə heyətlərində daimi işləyənlər içərisində vəziyyət daha acınacaqlı idi. 1922-ci ildə həmkarlar ittifaqları aparatında çalışan 244 nəfər həmkarlar işçisindən 116 nəfəri rus, 41 nəfəri erməni, 45 nəfəri yəhudi, 11 nəfəri başqa millətlərin nümayəndələri, cəmi 31 nəfəri və ya 12,7 %-i azərbaycanlı idi [23].

Kiçik həmkarlar təşkilatlarının birləşməsi nəticəsində həmkarlar ittifaqları idarə heyətlərinin ştatda olan məsul və texniki işçilərinin sayı 1922-ci ildə 244 nəfərdən 1924-cü ildə 237 nəfərə enmişdi [24, s.18]. 1926-cı il yanvarın 1-nə isə idarə heyətlərində 442 nəfər çalışırdı. Onlardan 257 nəfəri fəhlə, 178 nəfəri qulluqçu, 7 nəfəri kəndli idi [22,

s.50]. Maraqlı cəhət burada idi ki, həmkarlar ittifaqlarının aşağı təşkilatlarında da azərbaycanlılar azlıq təşkil edirdilər. 1924-cü il yanvarın 1- nə Azərbaycanda həmkarlar ittifaqlarının 373 seçkili orqanlarında (fabrik-zavod yerli komitələrində) 1537 nəfər çalışırdı. Bundan əlavə 1133 təşkilatda 4807 nəfər müvəkkil və nümayəndə var idi. Fabrik-zavod komitələrində işləyənlərin 46%-i rus, 31 %-i azərbaycanlı, 12,8%-i erməni, 10,2%-i başqa millətlərin nümayəndələri idi. Müvəkkil və nümayəndələrin tərkibində isə ruslar 43,9%, azərbaycanlılar 29,5%, ermənilər 15,5%, başqa millətlər 11,1% təşkil edirdi [24, s.20-21]. 1924-cü illə müqayisədə 1926-cı ildə fabrik-zavod komitələri üzvlərinin tərkibində azərbaycanlıların sayının artması bütövlükdə həmkarlar ittifaqları üzvlərinin sıralarında azərbaycanlıların sayının xeyli artması, həmçinin həmkarlar ittifaqlarının təşkilati-kütləvi işinin güclənməsi ilə bağlı idi. Həmkarlar ittifaqları üzvləri tərkibində azərbaycanlılar 1924-cü ilin yanvarında 32,1% təşkil edirdisə, 1926-cı ilin yanvarında bu 39,1%-ə yüksəlmişdi. Buna baxmayaraq, həmkarlar ittifaqları üzvləri içərisində azərbaycanlılar başqa millətlərlə müqayisədə yenə də azlıqda qalırdılar.

1926-cı il yanvarın 1-də aşağı həmkarlar təşkilatlarında 18853 nəfər çalışırdı. Onlardan 5409 nəfəri fabrik-zavod komitələrinin üzvləri, 7222 nəfər müvəkkil və nümayəndə, fabrik-zavod yerli komitələrində komissiya üzvlərinin sayı 6222 nəfər idi [22, s.49].

1926-cı ildə fabrik zavod komitə üzvlərinin (5409 nəfər) 43,7%-i azərbaycanlı, 33,5%-i rus, 15,4%-i erməni, qalanları isə başqa millətlərin nümayəndələri idi [25,s.78]. Maraqlı cəhət budur ki, həmkarlar ittifaqlarının idarə aparatına azərbaycanlıların cəlb edilməsi məsələsi partiyanın bütün iclaslarında ardıcıl olaraq qaldırılsa da, vəziyyət, deməklə ki, dəyişilməz qalırdı. Həmkarlar ittifaqları işinin ən zəif həlqələrindən biri ittifaqların rəhbər orqanlarında azərbaycanlıların təmsil olunması və dil məsələsi idi. AK(b)P Bakı komitəsinin katibi R.Axundovun XII Ümumbakı partiya konfransındakı (1923-cü il, iyun) çıxışında bu məsələ ciddi şəkildə qaldırılmışdı: “İttifaq şöbələrində kifayət qədər türk və ya ən azı türkcə danışan işçilər olmadığına görə müsəlman fəhlələr öz həmkarlar ittifaqına müraciət edərkən çox vaxt lazım olan cavabı almırlar. Beləliklə, həmkarlar ittifaqları və türk fəhlələri arasında, buradan isə rus, erməni və türk fəhlələri arasında bir uçurum əmələ gəlir” [26, s.9].

Bu dövrdə həmkarlar ittifaqlarının təşkilati quruluşunda mövcud olan bu vəziyyət Mərkəzi hökumətin yeritdiyi siyasətlə bağlı idi. Təkcə həmkarlar təşkilatları aparatında deyil, partiya və sovet orqanlarında da

vəziyyət belə idi. Sovet dövləti məqsədyönlü şəkildə Azərbaycanda partiya, sovet və dövlət orqanları aparatının ruslaşdırılması siyasətini yeridirdi.

1926-cı ilin yanvar-fevral aylarında bütün sahə həmkarlar ittifaqları üzrə qurultaylar keçirilmişdi [27, v.3]. Həmin ilin martında isə Azərbaycan həmkarlar ittifaqlarının V qurultayı keçirilmişdi. Qurultayda həmkarlar ittifaqlarının sıralarına fəhlə və qulluqçuların, o cümlədən həmkarlar ittifaqları aparatına azərbaycanlıların zəif cəlb edilməsi qeyd olunmuş, eyni zamanda fabrik-zavod və mədən komitələrinin səlahiyyət müddətinin 6 aydan bir ilədək artırılması qərara alınmışdı [28, s.1-6].

1926-cı il martın 10-da AHİŞ-in plenumunda 16 nəfər üzv və 5 namizəddən ibarət rəyasət heyəti seçilmişdi. Rəyasət heyətinin üzvlüyünə L.İ.Mirzoyan, S.A.Qutin. T.A.İvanov; H.B.Ağaverdiyev, R.A.İzmaylov, İ.Rəhimov, E.B.Şeftel, Z.A.Edelson, O.Ə.Zeynalov, P.Qasimov, İ.İ.Qodlevski, Y.Abdinov, B.Səfərov, E.Qriqoryan, N .D.Çeçetkin, N.Qolubev, namizədlərə Z.Pokopov, E.N.Mişina, F.V.Qodov, M.Seyidov, Y.Andreyev seçilmişdilər. Plenumda T.A.İvanov AHİŞ-in sədri, R.A. İzmaylov katibi, İ.Rəhimov təşkilat şöbə müdiri, Z.A.Edelson mədəniyyət şöbə müdiri, L.M.Frik AHİŞ-in məsul xəzinədarı, N.Qolubev Azərbaycan SSR Xalq Əmək komissarı, Y.Andreyev AHİŞ- in orqanı olan “Trud” qəzetinin redaktoru seçilmişdilər [29, v.7].

Göründüyü kimi, 20-ci illərin əvvəlləri ilə müqayisədə də AHİŞ-in mərkəzi aparatının işçilərinin milli tərkibində elə ciddi bir dəyişiklik baş verməmişdi. 1923-cü il fevralın 10-da AHİŞ-in sədri İ.M.Konuşkin seçilmişdi. O bu vəzifədə L.Mirzoyanı əvəz etmişdi. 1924-cü il martın 3-də İ.M.Konuşkini Seyidcəfər Yaqub oğlu Yaqubov (milliyyətə tatar idi) əvəz etdi. 1924-cü il oktyabrın 28-də Timofey İvanov AHİŞ-in sədri oldu.

1928-ci il martın 26-28-də isə Azərbaycan həmkarlar ittifaqlarının VI qurultayı keçirildi. Qurultayda iştirak edən 450 nəfər nümayəndədən cəmi 196 nəfəri (43%) azərbaycanlı idi. Dövrün tələbinə uyğun olaraq qurultay nümayəndələrinin xeyli hissəsi - 122 nəfəri fəhlə idi. Qurultayda seçilmiş AHİŞ-in rəyasət heyətinə T.A.İvanov (AHİŞ-in sədri), İ.Rəhimov (məsul katib), İ.Q.Yarıqin (təşkilat şöbə müdiri), F.P.Sudik (tarif-iqtisadi şöbə müdiri), M.Şahbazov (mədəniyyət şöbəsinin müdiri), S.A Qutin, O.Zeynalov, N.D.Çeçetkin, P.Qasimov, B.Səfərov, Y.Abdinov, İ.İ.Qodlevski, İ.E.Rıbakın, D.Kuznetsov, P.Balbasov, S.Badırov və Karamyan seçilmişdi. Qurultayda həmçinin V.A.Udalov

Azərbaycan mühəndis və texniklər bürosunun sədri, N.C.Məmmədli isə proletar tələbələr bürosunun sədri seçilmişdi [30, v.528]. Həmkarlar ittifaqlarının VI qurultayında da seçilmiş rəyasət heyəti üzvlərinin və namizədlərin əksəriyyəti başqa millətlərin nümayəndələri idi.

AHIŞ-in 1928-ci ilin iyun plenumunda isə İ.Rəhimov AHIŞ-in sədri, İ.Q.Yarıqın isə məsul katib seçilmişdilər [31, s.35]. 1929-cu ilin avqustunda İsrafil Rəhimovu Ovsəd Zeynalov əvəz etdi.

1929-cu ildə Azərbaycanda həmkarlar ittifaqları daxilində sağ və sol təmayülçülərə qarşı mübarizə pərdəsi altında həmkarlar ittifaqlarının tərkibində azərbaycanlıların sayının artırılmasını tələb edən adamlar həmkarlar işindən uzaqlaşdırıldılar. Sağ təmayülçü adlandırılanlar əslində həmkarlar aparatının azərbaycanlaşdırılmasını tələb edirdilər.

AHIŞ-in 1929-cu ilin 1-5 iyulunda keçirilmiş plenumunda Azərbaycan həmkarlar ittifaqlarının ayn-ayrı işçilərinin partiyanın baş xəttinə qarşı çıxmaq cəhdləri kəskin tənqid edilmişdi [32, s.22]. 1929-cu il avqustun 21 -23-də AHIŞ-in həmkarlar ittifaqlarının mərkəzi idarə heyətləri üzvləri, mədən fəhlələri həmkarlar ittifaqlarının rayon şöbələri və istehsalat fəhlələri ilə birlikdə keçirdiyi plenumunda Azərbaycan həmkarlar ittifaqlarının işi haqqında məsələ müzakirə edilərək, AHIŞ-in tərkibində təmizləmə tədbiri həyata keçirildi. Plenumun qərarı ilə AHIŞ-in rəyasət heyətinin üzvləri İ.Rəhimov, M.F.Frolov, S.A.Qutin, P.Qasimov, B. Səfərov, Y.Abdinov, İ.N.Qodlevski, P. Adamyan və rəyasət heyəti üzvlüyünə namizədlər S.İtkin və Dulçin vəzifələrindən azad edildilər. AHIŞ-in yeni seçilən rəyasət heyəti üzvlüyünə O.Ə.Zeynalov (AHIŞ-in sədri), F.P.Sudik (AHIŞ-in məsul katibi), N.D.Çeçetkin, Ə.Bağirov, A.Frolov, fəhlələrdən D.Kuznetsov, P.Balbasov, Qüdrət Xan Əli, Şarluşkin və Myaqkov, rəyasət heyəti üzvlüyünə namizədlilər R.Babayev seçildilər [33]. Göründüyü kimi AHIŞ-in tərkibində qeyri-azərbaycanlılar əvvəllərdə olduğu kimi üstünlük təşkil edirdilər.

1929-cu ilin sentyabr ayı ərzində keçirilən Azərbaycan həmkarlar ittifaqlarının plenumlarında həmkarlar ittifaqlarının idarə heyətlərinin 99 nəfər üzvündən 32 nəfəri sağ təmayülçülükdə günahlandırılaraq işdən azad edilmişdilər [34].

1929-cu il oktyabrın 1-dən isə bütün həmkarlar təşkilatları daxilində; “təmizləmə” işinə başlandı. Təkcə AHIŞ aparatında-təmizləmə” nəticəsində beş nəfər işdən azad edilmiş, 1 nəfər texniki işə keçirilmiş, 4 nəfərə isə töhmət elan edilmişdi [35]. Əslində bu tədbirlər sosializmin cəmiyyəti üçün “düşmən” elan edilən adamların ictimai siyasi

fəaliyyətdən uzaqlaşdırılması və məhv edilməsinə xidmət edirdi.

Təmizləmə tədbirləri 1930-cu ildə də davam etdirildi. 1930-cu ildə AHİŞ Toxucular və Yerli nəqliyyat işçiləri həmkarlar ittifaqlarının idarə heyətlərini tam tərkibdə buraxmış, Sovet ticarət işçiləri, Kimyaçılar, Su nəqliyyatı və dəmir yol nəqliyyatı işçiləri həmkarlar ittifaqlarının idarə heyətləri tamamilə yeniləşdirilmişdi. Fabrik-zavod yerli komitələrinin hesabat-seçki kampaniyası zamanı isə 302 fabrik-zavod yerli komitəsi təzədən seçilmiş, onların tərkibinə 2089 nəfər yeni üzvlər daxil edilmişdi [36, v.48-50].

1930-cu il sentyabrın 26-da AHİŞ-in plenumunda da təşkilati dəyişikliklər həyata keçirildi. Abid Əmiraslanov AHİŞ-in sədri, rəyasət heyəti üzvlüyünə Korıtnıy, Boquş, Ə.Babayev, Barablev, Y.A.İqnaçenko, Kayurov və A.Bezzubov seçildilər. AHİŞ-in katibləri-N.D.Çeçetkin, Korıtnıy, təşkilat şöbə müdiri A.Bezzubov, mədəniyyət şöbəsinin müdiri Y.A.İqnaçenko oldular [37].

1929-1930-cu illərdə həmkarlar ittifaqlarının tərkibində həyata keçirilən bütün bu dəyişikliklər sağ təmayülçülüyə qarşı mübarizə pərdəsi altında həyata keçirilirdi.

1931-ci ilin sentyabrında AHİŞ-in aparatında yenidən dəyişikliklər edildi. Qrupbazlıqda təqsirləndirilən A.Əmiraslanov (AHİŞ-in sədri), Y.A.İqnaçenko, Kazarinova, M. Həsənov, Kayurov, Adrov və b. AHİŞ-in rəyasət heyəti üzvlüyündən azad edildilər. AHİŞ-in sədri Ələkbər Mahmudov seçildi. Həmkarlar ittifaqlarının VII qurultayında isə (1932-ci il, aprel) yenidən AHİŞ-in sədri Ə.Mahmudov, AHİŞ-in katibi Nauman, şöbə müdirləri Lunin, Boqdanov, Əzimov, Əliyev, İ.Rəhimov, Faynqart, Rayxlin, Terberov seçildilər. Azərbaycan sosial-sığorta idarəsinin rəisi isə P.Adamyan seçildi [38]. 1933-cü il iyunun 11-də AHİŞ-in plenumunda Lətif Rəsulov AHİŞ-in sədri seçildi.

1934-1935-ci illərdə bir sıra həmkarlar ittifaqlarının işinin yenidən qurulması pərdəsi altında onların SSRİ həmkarlar təşkilatlarına tabe etdirilməsi tədbiri həyata keçirildi. Həmin illərdə neft və neftayırma sənaye sahələri Mərkəzi hökumətin təbəçiliyində olduğuna görə bu sahələrdə çalışan işçiləri birləşdirən həmkarlar ittifaqları da birbaşa Mərkəzi həmkarlar ittifaqlarına tabe etdirilmişdilər. Yenidənqurma pərdəsi altında Neftçilər həmkarlar ittifaqının Azərbaycan şöbəsi ləğv edildi [39].

Bu dövrdə neft sənayesi tamamilə Moskvanın nəzarəti altında idi. Həmin sənaye sahəsində çalışan işçilər də mərkəzi həmkarlar təşkilatlarının təbəçiliyinə keçirilmişdi. Sözdə elan edilmiş sosialist

demokratiyası faktiki olaraq formal xarakter daşıyırdı.

Azərbaycan həmkarlar ittifaqlarının işinin yenidən qurulması prosesində yol verilmiş əyintilər onların fəaliyyətinə mənfi təsir göstərirdi. 1934-cü ildə keçirilmiş təşkilati tədbirlər nəticəsində Azərbaycanda o vaxta qədər mövcud olan 32 həmkarlar komitəsi əvəzinə 21 idarə heyəti və 10 səlahiyyətli nümayəndəlik yaradılmışdı [40; 41]. AHİŞ aparatında çalışan 44 nəfər ştatdankənar təlimatçının sayının 10 nəfərə endirilməsi həmkarlar ittifaqlarının könüllü həmkarlar fəalları ilə işi düzgün qura bilməməsinin, fəhlələrin həmkarlar işinə zəif cəlb edilməsinin, həmkarlar təşkilatlarının zəhmətkeşlərlə əlaqəsinin zəifləməsinin nəticəsi idi. Həmkarlar ittifaqlarının yeni təşkilati quruluşuna görə həmkarlar ittifaqları üzvlərinin sayı 1 000 nəfərdən az olan rayonlarda pullu həmkarlar təşkilatı aparatı ləğv edilirdi, 1000-dən 5 min nəfərədək həmkarlar ittifaqı üzvü olan rayonlarda 1 nəfər təlimatçı, 5 mindən 10 min nəfərədək həmkarlar ittifaqı üzvü olan rayonlarda isə 2 ştat vahidi (təlimatçı və mühasib-statistikçi) müəyyən edilmişdi. Yalnız həmkarlar ittifaqları üzvlərinin sayı 10 mindən 30 min nəfərədək olan rayonlarda 4 nəfər ştatı olan (həmkarlar ittifaqı sədri, mədəniyyət məsələləri üzrə təlimatçı, təlimatçı və mühasib-statistikçi) həmkarlar ittifaqı şurası saxlanılırdı. Bu qaydaya görə yalnız Gəncə şəhər həmkarlar ittifaqları şurası ştatla öz fəaliyyətini davam etdirə bilərdi. DQMV, Naxçıvan MSSR və Nuxada həmkarlar ittifaqları şuraları ləğv edilir, yalnız bir nəfər təlimatçı ştatı saxlanılırdı. Yeddi rayon üzrə hər bir rayonda (Əli-Bayramlı, Ağcabədi, Quba, Lənkəran, Xaçmaz, Göyçay və Salyan) AHİŞ-in 2 nəfər, qalan 38 rayonun hər birində 1 nəfər təlimatçısı fəaliyyət göstərirdi, 11 rayonda isə (Astara, Vərqəduz, Dəstəvayur, Züvənd, Gədəbəy, Kəlbəcər, Xızı, Qonaqkənd, Samux, Qubadlı, Gülüstan (keçmiş Şaumyan) və həmkarlar ittifaqı şurası, nə də AHİŞ- in təlimatçısı yox idi. Bu rayonlarda həmkarlar işi əvəzçilik üzrə həmin rayonlarda fəaliyyət göstərən (əgər olsa idi) sahə həmkarlar ittifaqlarının işçilərindən birinə həvalə edilmişdi. Həmkarlar ittifaqlarının işinin ərazi prinsipi üzrə deyil, istehsalat prinsipi əsasında qurulması onların zəhmətkeşlərlə əlaqəsinin zəifləməsinə gətirib çıxardı.

Həmkarlar ittifaqlarının təşkilati quruluşunda tez-tez həyata keçirilən dəyişikliklər də onların fəaliyyətinə mənfi təsir göstərirdi. AHİŞ-in 1935-ci ilin avqustunda keçirilmiş plenumunda L.Rəsulov AHİŞ-in sədri vəzifəsindən azad edildi, onun yerinə əvvəllər Lenin adına toxuculuq fabrikinin direktoru işləmiş Əbülfət Heydər oğlu Məmmədov seçildi. AHİŞ-in katibi vəzifəsində isə P.K. Adamyanı Lunin əvəz etdi [42].

Ə.Məmmədov 1937-ci ilin iyununadək, AHİŞ ləğv olunana qədərki dövrdə onun sədri olmuş, sonra isə Azərbaycan Kommunal təsərrüfatı komissarı təyin edilmişdi [43].

30-cu illərin ikinci yarısında həmkarlar İttifaqlarının fəaliyyətində ciddi nöqsanlara yol verilmişdi. İnzibati-amirlik sisteminin cəmiyyətdə dərin kök salması həmkarlar ittifaqlarının fəaliyyətində demokratik prinsiplərin tamamilə aşılmasına gətirib çıxarmışdı. 1937-ci ildə ayrı-ayrı həmkarlar ittifaqlarının idarə aparatları ləğv edildi. Həmin ildə keçirilmiş həmkarlar ittifaqlarının hesabat seçki kampaniyasında onların tərkibi tamamilə yeniləşdirildi. Azərbaycan həmkarlar ittifaqlarının Ümumittifaq Həmkarlar İttifaqları Mərkəzi Şurasından (ÜİHİMŞ) asılılığı daha da gücləndirildi. Sovetlər birliyinin digər respublikalarında olduğu kimi Azərbaycanda da həmkarlar ittifaqları Şurası ləğv edilərək onun funksiyası ÜİHİMŞ-in səlahiyyətli müvəkkilinə verildi. Yalnız 1948-ci ildə respublikalarda həmkarlar ittifaqları şuraları bərpa edildi. ÜİHİMŞ-in XIX plenumunun “Respublika, ölkə və vilayətlərdə həmkarlar ittifaqları şuralarının təşkili haqqında” qərarına uyğun olaraq 1948-ci ilin 27-29 martında Bakıda keçirilən birinci respublika ittifaqlararası konfransda 35 nəfər üzv və 11 üzvlüyə namizəddən ibarət AHİŞ-in rəyasət heyəti seçildi. Tofiq Əliheydər oğlu Allahverdiyev AHİŞ-in sədri seçildi [44]. 1950-ci il mayın 29-da AHİŞ-in plenumunda T.Ə.Allahverdiyev başqa işə keçməsi ilə əlaqədar AHİŞ-in sədri vəzifəsindən azad edildi, onu İsmayıl Nəsrulla oğlu Əsgərov əvəz etdi. 1952-ci il sentyabrın 22-də İ.N.Əsgərov başqa işə keçməsi ilə əlaqədar AHİŞ-in sədri vəzifəsindən azad edildi, Zəhra Adıgözəl qızı Kərimova AHİŞ-in sədri seçildi [45, v.1-5]. 1954-cü il aprelin 5-də AHİŞ-in plenumunda Z.A.Kərimovanı Təhirova Təhirə Əkbər qızı əvəz etdi. 1956-cı il dekabrın 4-də isə o, başqa işə keçməsi ilə əlaqədar AHİŞ-in sədri vəzifəsindən azad edildi. Şəfiqə Dəmir qızı Bədəlova AHİŞ-in sədri seçildi [46]. 1958-ci ilin mayında Azərbaycan həmkarlar ittifaqlarının VIII qurultayı (VII qurultay 1932-ci ildə keçirilmişdi) keçirildi. Qurultaydan sonra 1958-ci il mayın 9-da AHİŞ-in plenumunda Ş.Bədəlova AHİŞ-in sədrliyindən azad edildi. AHİŞ-İN sədri Kamran Əsəd oğlu Hüseynov seçildi. Qurultayda AHİŞ-in 11 nəfərdən ibarət rəyasət heyəti (onlardan 6 nəfəri azərbaycanlı idi) seçilmişdi [47]. 1961-ci il iyunun 9-da AHİŞ-in plenumu K.Ə.Hüseynovu ÜİHİMŞ-in katibi seçilməsi ilə əlaqədar AHİŞ-in sədri vəzifəsindən azad etdi. Plenumda Qüdrət Qulu oğlu Dadaşov AHİŞ-in sədri seçildi [48]. O, 1970-ci ilədək bu vəzifədə çalışdı, 1970-ci il iyunun 1-də AHİŞ-in plenumunda təşkilat

məsələsi müzakirə edilmiş, Q.Dadaşov AHİŞ-in sədri vəzifəsindən azad edilmişdi. Züleyxa Hüseynova AHİŞ-in sədri seçildi [49]. 1981-ci il yanvarın 23-də AHİŞ-in plenumunda təşkilat məsələsi müzakirə edildi. Z.Hüseynovanın başqa iş keçməsi ilə əlaqədar AHİŞ-in sədri Lidiya Xudat qızı Rəsulova seçildi [50]. 1989- cu il martın 27-də AHİŞ-in plenumu L.Rəsulovanı Azərbaycan SSR Sosial təminat naziri vəzifəsinə təyin edilməsi ilə əlaqədar olaraq AHİŞ-in sədri vəzifəsindən azad etdi. Bakı Elektro məişətcihaz Birliyinin baş direktoru Rüfət Ağababa oğlu Ağayev AHİŞ-in sədri seçildi [51]. 1990-cı il iyunun 25-də AHİŞ-in VIII plenumunda R.A.Ağayev Bakı şəhər partiya komitəsinin birinci katibi seçilməsi ilə əlaqədar AHİŞ-in sədri vəzifəsindən azad edildi. AHİŞ-in katibi işləmiş Kamran Yusif oğlu Ağahüseynov AHİŞ-in sədri seçildi [52]. 1992-ci ilin dekabrınadək o, bu vəzifəni icra etmişdir.

Müstəqlik illərində həmkarlar ittifaqı

Azərbaycan həmkarlar ittifaqları 1988-ci ildən respublikada başlayan demokratik proseslərdən kənarda qalmışdı. Həmkarlar ittifaqları seçim qarşısında qalmışdılar, ya həmkarlar ittifaqını buraxmaq, sonra aşağıdan yuxarıya doğru yenisini yaratmaq, ya da struktur dəyişiklikləri etməklə onu beynəlxalq tələblərə cavab verə bilən bir quruma çevirmək. Həmkarlar ittifaqlarında ikinci yol seçildi. Həmkarlar ittifaqlarında yeniləşmə prosesi 1991-ci ildə Naxçıvan Muxtar Respublikasında başlamışdı. O zaman Muxtar Respublika İşçi Federasiyası yaradıldı, lakin təşkilatlanma işi hələ başa çatdırılmamışdı. “Turan” Azad Əməkçi Birliyi təşəkkül tapmaqda idi. Azərbaycan Xalq Cəbhəsinin nəzdində yeni müstəqil həmkarlar ittifaqı yaratmaq üçün təşəbbüs qrupu fəaliyyət göstərirdi.

Həmkarlar İttifaqında mövcud olan vəziyyəti qaydaya salmaq məqsədilə 1993-cü il fevralın 5-də Azərbaycan həmkarlar ittifaqlarının növbədənənar XIX fəvqəladə qurultayı keçirildi. 5 fevral 1993-cü ildə Azərbaycan həmkarlar ittifaqlarının növbədənənar XIX qurultayı keçirilmişdir. Qurultaya 31 sahə həmkarlar ittifaqı Respublika komitəsindən, Naxçıvan Muxtar Respublikasındakı iki qurumdan və birbaşa AHİK-in tərkibinə daxil olan iki ilk təşkilatdan seçilmiş nümayəndələr iştirak edirdi. Qurultay aşağıdakı məsələləri müzakirə etmişdir:

1. Cari vəziyyət və Azərbaycan həmkarlar ittifaqlarının vəzifələri (AHİŞ-in hesabatı);
2. Azərbaycan həmkarlar ittifaqları təftiş komissiyasının hesabatı;

3. Azərbaycan həmkarlar ittifaqları Mərkəzinin Nizamnamə layihəsi haqqında;

4. Azərbaycan həmkarlar ittifaqları Mərkəzinin Bəyannaməsi haqqında;

5. Azərbaycan həmkarlar ittifaqları fəaliyyətinin əsas istiqamətləri haqqında;

6. Azərbaycan həmkarlar ittifaqları təftiş komissiyasının Əsasnaməsi haqqında;

7. Azərbaycan həmkarlar ittifaqları rəhbər orqanlarının seçilməsi;

8. Cari məsələlər.

AHIŞ-in hesabat məruzəsi ilə AHIŞ-in sədri vəzifəsini icra edən S. Möhbəliyev çıxış etmişdir.

Qurultay tarixi zərurət üzündən çağırılmışdı. Qurultayda AHIŞ-in fəaliyyətinə xitam verildi. Müstəqil Azərbaycan dövlətinin beynəlxalq aləmdə yeritdiyi siyasətə uyğun olaraq daha demokratik qurum - Konfederasiya yaratmaq qərara alındı. Azərbaycan Həmkarlar İttifaqı Konfederasiyasının sədri Səttar Suliddin oğlu Mehbəliyev seçildi [53, s.357]. 1994-cü ildə “Həmkarlar ittifaqları haqqında” Azərbaycan Respublikasının Qanunu qəbul edildi. 1998, 2003, 2008, 2013, 2018, 2023-cü illərdə Azərbaycan Həmkarlar İttifaqlarının 6 qurultayı keçirildi və professor S.M.Möhbəliyev AHIK-in sədri seçildi.

Həmkarlar ittifaqları müstəqil dövlətdə yeni qüvvə ilə işləməyə başladı, öz funksiyasını yerinə yetirmək üçün fəaliyyətini gücləndirdi, əhalinin sosial vəziyyətinin yaxşılaşması istiqamətində mühüm addımlar atıldı. Respublika həmkarlar ittifaqları özəlləşdirmə prosesində əmək kollektivlərinin hüquqlarının müdafiəsini, kütləvi işdən çıxarılma, müəssisələrin müflisləşməsi zamanı işçilərin hüquqlarının maksimum qorunmasını təmin etməyi üzərinə götürdüyündən həmin vəzifələrin yerinə yetirilməsində kollektiv müqavilələrin bağlanmasının əhəmiyyəti xüsusilə artmışdı.

2001-ci ildən başlayaraq, baş kollektiv sazişlərin imzalanmasında dəyişiklik edilmişdir. 2001-ci il iyunun 2-də imzalanmış baş kollektiv saziş əvvəlkilərdən fərqlənirdi. Əvvəlki sazişlər yalnız ikitərəfli öhdəliklərlə - Azərbaycan hökumətinin və AHIK-in öhdəlikləri ilə məhdudlaşır. İşçinin bilavasitə işlə təmin olunması, iş şəraiti, əməkhaqqı üçün konkret məsuliyyət daşıyan bir subyektin olmaması sazişin müddəalarının yerinə yetirilməsində bir sıra ciddi problemlər yaradırdı.

Azərbaycan Sahibkarlar (İşəgötürənlər) Təşkilatları Milli

Konfederasiyanın yaradılması ilə bu boşluq aradan qalxmış oldu.

İlk dəfə olaraq Azərbaycan Respublikası Nazirlər Kabineti, Azərbaycan Həmkarlar İttifaqları Konfederasiyası və Azərbaycan Respublikası Sahibkarlar (İşəgötürənlər) Təşkilatları Milli Konfederasiyası arasında 2001-2002-ci illər üçün Baş Kollektiv Saziş imzalanmışdır. Həmin vaxtdan Baş Kollektiv Sazişlərdə də bu üç tərəf iştirak etmişdir.

Azərbaycan həmkarlar ittifaqları əməkçi insanların sosial hüquqlarının müdafiə olunması sahəsində əməli işlər görmüşdür. Xüsusilə, zəhmətkeşlərin əmək hüquqlarının təmin olunması və bu hüquqların genişləndirilməsi üçün hüquq mühafizə, qanun yaradıcılığı, hüquq təbliğatı sahəsində həmkarlar ittifaqlarının fəaliyyəti daha səmərəli olmuşdur (53, s.438).

Azərbaycan həmkarlar ittifaqlarının bu sahədə fəaliyyəti əsasən aşağıdakı istiqamətlərdə qurulmuşdur:

- müəssisə, idarə və təşkilatlarda əmək və əməklə bağlı digər sosial qanunvericiliyə əməl olunmasına nəzarət etmək, bu işdə həmkarlar ittifaqları birliklərinə, ilk təşkilatlara hüquqi yardım göstərmək;

- qanunların və digər normativ hüquqi aktların layihələrini hazırlamaq, mövcud qanunvericiliyi, habelə digər təşkilatlar tərəfindən hazırlanmış qanun layihələrini zəhmətkeşlərin mənafeyinə uyğunlaşdırmaq məqsədilə təkliflər, düzəlişlər və əlavələr vermək;

- vətəndaşların pozulmuş hüquqlarının bərpası üçün sənədləri məhkəmə baxışına hazırlamaq, lazım gəldikdə işə işçilərin hüquqlarının müdafiəsi üçün nümayəndə sifəti ilə məhkəmə proseslərində çıxış etmək;

- zəhmətkeşlərə onları maraqlandıran hüquq normaları haqqında məlumat, izahat vermək, onu şərh etmək, sorğu, ərizə və şikayətlərə baxıb müvafiq tədbirlər görmək.

Həmkarlar ittifaqlarının təşkilati cəhətdən möhkəmləndirilməsində, onların bir sıra mühüm proqramların həyata keçirilməsində, qanunvericilik aktlarının qəbul olunmasında və onların həyata keçirilmə mexanizmlərinin təkmilləşdirilməsində, əməkçilərin hüquqlarının qorunmasında, sosial problemlərin həllində və həmkarlar ittifaqlarının fəaliyyətilə bağlı digər işlərin görülməsində AHİK-in rolu xeyli artmışdır.

2024-cü ilin 26 avqustunda keçirilən AHİK-in növbədənəkar VII qurultayında Sahib Əli oğlu Məmmədov AHİK-in sədri seçilmişdir. Bu vaxtdan başlayaraq Azərbaycan həmkarlar ittifaqlarının fəaliyyətində yeni bir dövr başladı.

Ədəbiyyat

1. Гусейнов К.А., Найдель М.И. Очерки истории профдвижения в Азербайджане. Баку: Азернешр, 1966, 484 с.
2. Четверть века борьбы под большевистским знаменем. Юбилейный сборник, посвященный 25-летию союза рабочих нефтяной промышленности АССР. Сборник статей. Отв. Ред. Д.В. Кирдянов. Баку: Изд. Азербайджанского комитета союза рабочих нефтяной промышленности, 1932, 94 с.
3. Базиянц А.П. Возникновение и деятельность союза нефтепромышленных рабочих (1905- 1908 гг.). М.: Профиздат, 1955, 32 с.
4. Тронов В.Ф. Как возник союз нефтепромышленных рабочих. Газ. «Бакинский рабочий», Баку, 1932, 27 мая.
5. Никишин А.А. 20 лет Азербайджанских Горнорабочих. Баку: Изд. РИО АСПС, 1926, 78 с.
6. Газ. «Бакинский рабочий», Баку, 1917, 19 июля.
7. Первая Кавказская Краевая Конференция профессиональных союзов. Тифлис: 1918, 16 с.
8. Газ. «Бакинский рабочий», Баку, 1917, 2 декабря.
9. Профсоюзы в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции. Сборник статей. М.: Изд-во ВЦСПС Профиздат, 1957, 243 с.
10. Qaraşov N.T. Həmkarlar ittifaqları müstəqil ictimai, qeyri-siyasi təşkilatdır. Bakı: Təhsil EİM, 2003, 203 s.
11. Гусейнов К.А., Найдель М.И. Профсоюзы Советского Азербайджана. Исторический очерк. М.: Профиздат, 1962, 309 с.
12. Газ. «Коммунист», Баку, 1920, 8 июня.
13. Газ. «Коммунист», Баку, 1920, 16 июня.
14. Резолюции I Азербайджанского съезда профессиональных союзов. Баку: Изд. АСПС, 1920, 23 с.
15. Второй Азербайджанский съезд профессиональных союзов (1-11 июля 1921 г.). Стенографический отчет. Баку: Изд. АСПС, 1921, 197 с.
16. Бюллетень АСПС. Баку: 1921, 1 июня, №4.
17. Вестник профдвижения. Баку: 1921, № 8-9.
18. Все Закавказье. Справочная. Баку: Изд. Закгиз, 1925, 472 с.
19. Известия ЦКАКП (б). Баку, 1921, №5.

20. Коммунистическая партия Азербайджана в резолюциях и решениях съездов, конференции и пленумов ЦК. Том первый, 1920-1937. Баку: Азернешр, 1986, 675 с.
21. XIII Общебакинская конференция АКП (б). (26 апреля - 4 мая 1924 г.). Стеног. Отчет. Баку: Изд. БКАКП (б), 1924, 310 с.
22. Профдвижение Закавказья 1924 и 1925 гг. Отчет Закпрофсовета к III съезду профсоюзов Закавказья. Тифлис: Изд. Закпрофсовета, 1926, 79 с.
23. Информационное письмо АСПС. Газ. «Труд», 1923, 1 октября.
24. Отчет Закбюро ВЦСПС 2-му Закавказскому съезду профсоюзов. 1922-март-1924. Тифлис: Изд. Закбюро ВЦСПС, 1924, 136 с.
25. АК (б) F-nin VIII qurultayına statistik materiallar. Bakı: AK (b) F-nin nəşriyyatı, 1927, 78 s.
26. Общебакинская XII конференция АКП (б). Национальный вопрос. Стеног. Отчет. Баку: Изд. БКАКП (б), 1923, 271 с.
27. Azərbaycan Respublikası Dövlət Arxivi: F. 1114, siy.1, iş 64.
28. Профдвижение в Азербайджане к 5-у съезду профсоюзов. Баку: Азпрофиздат, 1926, 88 с.
29. Gürcüstan Respublikası Mərkəzi Tarix Arxivi: F.805, siy. 1, iş 470.
30. Azərbaycan Respublikası Dövlət Arxivi: F.1 114, siy.1, iş 2641.
31. Резолюции и постановления 2-ой сессии пленума АСПС (25-28 мая 1928 г.). Баку: Изд. РИОАСПС, 1928, 36 с.
32. Очередные задачи профсоюзов. Баку; Изд. РИОАСПС, 1926, 40 с.
33. Газ. «Бакинский рабочий», Баку, 1929, 25 августа.
34. Газ. «Вышка», Баку, 1929, 27 сентября.
35. Газ. «Вышка», Баку, 1929, 14 ноября.
36. Azərbaycan Respublikası Dövlət Arxivi: F.1 114, siy.1, iş 8486.
37. Газ. «Вышка», Баку, 1930, 28 сентября.
38. Газ. «Вышка», Баку, 1932, 1 апреля.
39. Газ. «Вышка», Баку, 1934, 30 октября.
40. Газ. «Вышка», Баку, 1934, 2 октября.
41. Газ. «Вышка», Баку, 1934, 8 октября.
42. Пленум АСПС (11 август 1935 г.) Газ. «Вышка», Баку, 1935, 14 августа.

43. Газ. «Вышка», Баку, 1937, 3 декабры.
44. “Kommunist” qəz., 1948, 30 noyabr.
45. Azərbaycan Respublikası Dövlət Arxivi: F.1 114, siy. 5, iş 200.
46. “Kommunist” qəz., 1956, 5 dekabr.
47. “Kommunist” qəz., 1958, 11 may.
48. “Kommunist” qəz., 1961, 10 iyun.
49. “Kommunist” qəz., 1970, 3 iyun.
50. “Kommunist” qəz., 1981, 24 yanvar.
51. “Kommunist” qəz., 1989, 28 mart.
52. “Kommunist” qəz., 1990, 26 iyun.
53. “Ülfət” qəz., 1993, 13 fevral.
54. Qaraşov H. Həmkarlar ittifaqı hərəkatının əsasları. Bakı, Avropa, 2024.

References:

1. Quseynov K.A., Naydel M.İ. Oçerki istorii profdvijeniya v Azerbaydjane. Baku, Azərneşr, 1966, 484 s.
2. Çetvert veka borby pod bolşevidskim znaniyem. Yubileyniy sbornik, posvyaşenniy 25-letiyu soyuza raboçix neftyanoy promışlennosti ASSR. Sbornik statey. Otyvet redaktor D.V.Kirdyanov. Baku, izd. Azerbaydjanskoqo komiteta soyuza raboçix heftyanoy promışlennosti, 1932, 32 s.
3. Baziyants A.P. Voznikoveniye i deyatelnost soyuza nefteptomışlennix raboçix (1905-1908qq.). M.: Profizdat, 1955.
4. Tronov V.F. Kak voznik soyuz nefteptomışlennix raboçix. Qaz. “Bakinskiy raboçiy”, Baku, 1932, 27 maya.
5. Nikişin A.A. 20 let Azerbaydjanskix Qornoraboçix. Baku, İzd. RİO ASPS, 1926, 78 s.
6. Qaz. “Bakinskiy raboçiy”, Baku, 1917, 19 iyulya.
7. Pervaya Kavkazskaya Krayevaya Konferensiya profesionalnix soyuzov. Tiflis, 1918, 16 c.
8. Qaz. “Bakinskiy raboçiy”, Baku, 1917, 2 dekabrya.
9. Profsoyuzı v borbe za pobedu Oktyabrskoy sosialistiçeskey revolyusii. Sbornik statey. M.: İzd.-bo VCPCPC Profizdat, 1957, 243 s.
10. Qarasov H.T. Hemkarlar ittifaqlari musteqil ictimai, qeyri-siyasi teskilatdır. Bakı: Tehsil EİM, 2003, 203 s.

11. Quseynov K.A., Naydel M.İ. Profsoyuzı Sovetskoqo Azerbaydjana. İstoriçeskiy oçerk. M.: Profizdat, 1962, 309 s.
12. Qaz. "Kommunist" Baku, 1920, 8 iyunya.
13. Qaz. "Kommunist" Baku, 1920, 16 iyunya.
14. Rezolyusii I Azerbaydjanskoqo syezda professionalnıx soyuzov. Baku İzd. ASPS, 1920, 23 s.
15. Vtoroy Azerbaydjanskiy syezd professionalnıx soyuzov (1-11 iyulya 1921 qq.). Stenoqrafiçeskiy oțet. Baku,: İzd. ASPS, 1921, 197 s.
16. Bulletin ASPS. Baku, 1921, 1 iyunya, № 4.
17. Vestnik profdijeniya. Baku, 1921, № 8-9.
18. Vse Zakafkazye. Spravoçnaya. Baku: İzd. Zakqiz, 1925, 472 s.
19. İzvestiya SKAKP (b). Baku, 1921, № 5.
20. Kommunistiçeskaya partiya Azerbaydjana v rezolyusiyax i rešeniyax syezdov, konferensii i plenumov SK. Tom I, 1920-1937, Baku, Azərneşr, 1986, 675 s.
21. XIII Obşebakinskaya konferensiya AKP (b). (26 aprelya -4 maya 1924 q.). Stenoq. Oțet Baku, İzd. BKAKP(b), 1924, 310 s.
22. Profdvijeniye Zakavkazya 1924 i 1925 qq. Oțet Zakprofsoveta K III syezdu prodsoyuzov Zakafkazya. Tiflis, İzd. Zakprofsoveta, 1926, 79 s.
23. İnformasionnoye pismo ASPS. Qaz. "Trud", 1923, 1 oktyabrya.
24. Oțet zakbyuro VSSPS 2-mu Zakafkazskmu syezdu profsoyuzov. 1922 mart -1924. Tiflis, İxd. Zakbyuro VSSPS, 1924, 136 s.
25. AK (b) F-nin VIII qurultayına statistik materiallar. Baki: AK (b) F-nin neşriyyatı, 1927, 78 s.
26. Obşebakinskaya XII konferensiya AKP (b). Nasionalny vopros. Stenoq. Oțet. Baku, İzd. BKAKP (b), 1923, 271 s.
27. Azərbaycan Respublikası Dövlət Arxivi: F. 1114, siy.1, iş 64.
28. Profdvijeniye v Azerbaydjane f 5-yu syezdu profsoyuzov. Baku, Azprofizdat, 1926, 88 s.
29. Gırcıstan Respublikası Mərkəzi Tarix Arxivi: F.805, siy. 1, iş 470.
30. Azərbaycan Respublikası Dövlət Arxivi: F.1114, siy.1, iş 2641.
31. Rezolyusii i postanovleniyya 2-oy sessii plenuma ASPS (24-28 maya 1928 q.). Baku,İzd. RİOASPS, 1928, 36 s.
32. Oçeredniye zadaçi profsoyuzov. Baku, izd. RİO ASPS, 1926, 40 s.
33. Qaz. "Bakinskiy raboçiy" Baku, 1929, 25navqusta.

34. Qaz. "Vışka", Baku, 1929, 27 sentyabrya.
35. Qaz. "Vışka", Baku, 1929, 14 noyabrya.
36. Azərbaycan Respublikası Dövlət Arxivı: F.1 114, siy.1, iş 8486.
37. Qaz. "Vışka", Baku, 1929, 28 sentyabrya.
38. Qaz. "Vışka", Baku, 1932, 1 aprelə.
39. Qaz. "Vışka", Baku, 1934, 30 oktyabrya.
40. Qaz. "Vışka", Baku, 1934, 2 oktyabrya.
41. Qaz. "Vışka", Baku, 1934, 8 oktyabrya.
42. Plenum ASPS (11 avqust 1935 q.) Qaz. "Vışka", Baku, 1935, 14 avqusta.
43. Qaz. "Vışka", Baku, 1937, 3 dekabrə.
44. "Kommunist" qəz., 1948, 30 noyabr.
45. Azərbaycan Respublikası Dövlət Arxivı: F.1 114, siy. 5, iş 200.
46. "Kommunist" qaz., 1956, 5 dekabr.
47. "Kommunist" qaz., 1958, 11 may.
48. "Kommunist" qaz., 1961, 10 iyun.
49. "Kommunist" qaz., 1970, 3 iyun.
50. "Kommunist" qaz., 1981, 24 yanvar.
51. "Kommunist" qaz., 1989, 28 mart.
52. "Kommunist" qaz., 1990, 26 iyun.
53. "Ulfet" qaz., 1993, 13 fevral.
54. Qarasov H. həmkarlar ittifaqı Hərəkatının əsasları, Bakı, Avropa, 2024.

UOT- 316

Sənan Səməndər oğlu Həsənov

AMEA Azad Həmkarlar İttifaqları Təşkilatının sədri,
siyasi elmlər üzrə fəlsəfə doktoru, dosent
Bakı, Azərbaycan, H.Cavid pr., 115

Zeynəddin Müsənnif oğlu Şabanov

AMEA Fəlsəfə və Sosiologiya İnstitutunun
aparıcı elmi işçisi,
fəlsəfə üzrə fəlsəfə doktoru, dosent
Bakı, Azərbaycan, H.Cavid pr., 115
zeynaddin.shabanov@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-4102-6250>

SOSIAL MÜNAQİŞƏLƏRİN HƏLLİNDƏ HƏMKARLAR

İTTİFAQLARININ ROLU

Xülasə

Müəssisədəki sosial münaqişələr iki və ya daha çox tərəfin və ya qarşılıqlı subyektlərin mübahisəli fikirləri, məqsədləri, mənafeləri, maraqları və ya mövqələrinin toqquşmasıdır. Sosial münaqişələr və onların həlli yollarının təhlili, bu zaman sosial tərəfdaşlığın tərəflərinin rolu, müasir müəssisələrdə sosial münaqişələrin araşdırılması və öyrənilməsinin müəssisə üçün əhəmiyyəti, onun səmərəli və mənfə cəhətləri, münaqişələrin həllinin müəssisə üçün zəruriliyi, onların rolunun dəyərləndirilməsi baxımından mühüm əhəmiyyət kəsb edir.

Məqsəd: Müasir şəraitdə müəssisələrdə mövcud olan sosial münaqişələrin yaranmasını araşdırmaq və onların aradan qaldırılması metodlarını təhlil etmək və münaqişələrin həllində həmkarlar ittifaqlarının və sosial tərəfdaşlığın digər subyektlərinin əhəmiyyətli rolunu göstərmək, təklif və tövsiyələr irəli sürməkdir.

Mövzunun işlənmə dərəcəsi: mövzu ilə bağlı həm xarici, həm də yerli tədqiqatçıların sanballı əsərləri vardır.

Tədqiqatın metodologiyası: məqalədə sistemli yanaşma və müqayisəli təhlil metodlarından istifadə edilmişdir.

Tədqiqatın yeniliyi: sosial münaqişələrin aradan qaldırılmasında həmkarlar ittifaqlarının rolu ətraflı təhlil edilmişdir.

Çıxarışlar: Hər bir müəssisədə sosial münaqişələrin baş verməsi mümkündür. Bu sosial münaqişələr həm işçilər arasında, həm də işəgötürən və işçilər arasında baş verə bilər. Bu münaqişələrin böyüməməsi üçün ən etibarlı üsullardan biri də həmkarlar ittifaqlarının bu məsələyə vaxtında müdaxilə etməsi və onun sivil yollarla aradan qaldırılmasına nail olmasıdır.

Açar sözlər: cəmiyyət, müəssisə, sosial münaqişə, həmkarlar ittifaqı, hüquq, işçilər, işəgötürən

УДК- 316

Сенан Самандар оглу Гасанов

доктор философии по политическим наукам, доцент,
Председатель Организации свободных профсоюзов АН

Азербайджана,

Баку, Азербайджан, пр. Г. Джавида, 115

Зейнаддин Мусанниф оглы Шабанов

кандидат философских наук, доцент

ведущий научный сотрудник

Института философии и социологии АН Азербайджана,

Баку, Азербайджан, пр. Г. Джавида, 115

E-mail: zeynaddin.shabanov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-4102-6250>

РОЛЬ ПРОФСОЮЗОВ В РЕШЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

Резюме

Социальные конфликты в организации – это столкновение спорных взглядов, целей, интересов или позиций двух и более сторон или взаимодействующих субъектов. Анализ социальных конфликтов и путей их разрешения, а также роль сторон социального партнерства, изучение социальных конфликтов в современных организациях, их значимость для предприятия, их эффективные и негативные стороны, необходимость их разрешения для предприятия и оценка их роли имеют важное значение.

Цель работы – исследовать возникновение социальных конфликтов в современных организациях, проанализировать методы их устранения и показать значительную роль профсоюзов и других субъектов социального партнерства в решении конфликтов, предложить рекомендации.

Степень разработанности темы: по теме существуют как зарубежные, так и отечественные интересные работы (см. список литературы).

Методология исследования. В статье использованы системный подход и метод сравнительного анализа.

Новизна исследования. Подробно проанализирована роль профсоюзов в разрешении социальных конфликтов.

Выводы. Социальные конфликты могут возникать в каждой организации. Эти конфликты могут происходить как между работниками, так и между работодателями и работниками. Одним из наиболее надежных способов предотвращения их эскалации является своевременное вмешательство профсоюзов и достижение их разрешения цивилизованными путями.

Ключевые слова: общество, организация, социальный конфликт, профсоюз, право, работники, работодатель.

UDC-316

Sanan Hasanov

PhD in Political Science, Associate Professor,
Chairman of the Organization of Free Trade Unions
of the National Academy of Sciences of Azerbaijan,
Baku, Azerbaijan, H. Javid Ave, 115

Zeynaddin Shabanov

PhD in Philosophy, Associate Professor
Leading Researcher at the Institute of Philosophy and Sociology
of the National Academy of Sciences of Azerbaijan,
Baku, Azerbaijan, H. Javid Ave, 115
E-mail: n.shabanov@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-4102-6250>

THE ROLE OF TRADE UNIONS IN SOLVING SOCIAL CONFLICTS

Abstract

Social conflicts in an organization are the clash of conflicting opinions, goals, interests, or positions of two or more parties or interacting subjects. The analysis of social conflicts and ways to resolve them, the role of the parties involved in social partnership, the study of social conflicts in modern organizations, their importance for the enterprise, their effective and negative sides, the necessity of resolving conflicts for the organization, and evaluating their role are of great importance.

The goal of the study is to investigate the emergence of social conflicts in modern organizations, analyze methods of their elimination, and highlight the significant role of trade unions and other subjects of social partnership in resolving conflicts, as well as to offer recommendations.

Degree of topic development. There are substantial works on the topic by both foreign and local researchers.

Methodology of the research. The article uses a systematic

approach and the method of comparative analysis.

Scientific novelty. The role of trade unions in resolving social conflicts is analyzed in detail.

Conclusions. Social conflicts can arise in any organization. These conflicts can occur both among workers and between employers and employees. One of the most reliable methods to prevent their escalation is the timely intervention of trade unions and their resolution through civilized means.

Keywords: society, organization, social conflict, trade union, law, workers, employer.

GİRİŞ

Şəxslərarası münacişələrin əksəriyyəti maddi narazılıqdan və ya fərdi şəkildə işçilərin motivasiyasının olmamasından yaranır, kənardan isə bu, xarakter və baxışların uyğunsuzluğu kimi görünür.

Ayrı-ayrı əməkdaşlar, əməkdaşlar qrupu, fərdlər, işçilər, şöbələr, rəhbərlik və ona tabe olanlar öz aralarında bəhsləşir, münacişəyə girirlər. İş yerlərində insanlar minimum 8 saatını keçirirlər, əgər kollektivdə mühit və psixoloji atmosfer əlverişli deyilsə, bu onun əmək səviyyəsini, motivasiyasını yetərinə aşağı salacaq depressiyaya və stresə səbəb olacaqdır. Bununla belə, münacişələrin bəzi müsbət tərəfləri, funksiyaları da vardır ki, bu barədə ətraflı məlumat verəcəyik. Əksliklərin vəhdəti və mübarizəsi inkişafın rəhnidir. Ziddiyyət, rəqabət və bəzən də sosial münacişə inkişafa səbəb olur.

Sosial sahədəki münacişələr demək olar ki, əsasən sosial həyat səviyyələrində baş verən münacişələri əhatə edir. Bununla belə, sosial sferanın hər hansı bir sahəsində meydana çıxan münacişə özündə başqa münacişələrin də xüsusiyyətlərini ehtiva edə bilər.

Sosial münacişələrin təzahür xüsusiyyətləri

Müasir dövrdə sosial münacişələrin təzahür xüsusiyyətlərinin müəyyən edilməsi müəssisələr üçün xüsusi əhəmiyyət kəsb edir. Belə ki, hər bir müəssisəni idarə edənlər, rəhbərlər, işəgötürənlər yaxşı bilirlər ki, insan kapitalı ən dəyərli və vacib resurs olmaqla onun qaydalara və qanunlara müvafiq idarəsi müəssisənin performanslı olması və rəqiblə mübarizəsində üstünlük əldə etməsinə səbəb olacaqdır. Müasir dövrdə idarəetmə zamanı sosial–psixoloji faktorlara diqqətin artırılması, əlverişli işgüzar mühitin psixoloji cəhətdən dürüst və möhkəm olması, işəgötürənlər və işçilər arasındakı psixoloji maneənin həlli məsələsi baş

verməkdədir. Sadalananlar münaqişələrdən də yan keçmir, belə ki, münaqişələri araşdırmaqla, işəgötürənlər tabeliyində olan işçiləri daha ətraflı tanıya bilərlər, onların xüsusiyyətlərini, mənəvi vəziyyəti, kritik vəziyyətlərdə özünü idarə etmək mədəniyyəti, səhvlərini aradan qaldırmaqla mövcud boşluqları dəf edə bilərlər, bununla da kollektivdəki durum ətraflı öyrənilə bilər. Bu zaman müəssisədə fəaliyyət göstərən həmkarlar ittifaqlarının rolu mühüm əhəmiyyət kəsb edir. Həmkarlar ittifaqlarının mövqeyi, məlumatları, qərarları sosial münaqişələrin vaxtında, düzgün və operativ həllinə gətirib çıxarır.

Hər bir sosial münaqişə obyektinə və subyektinə, meydana çıxdığı mühitə, törənmə amillərinin növünə və xüsusiyyətinə, sosial həyatda oynadığı səmərəli və qeyri-səmərəli nəticələrə görə digərlərindən müəyyən qədər seçilir.

Münaqişə, onun yaranma səbəbləri, təzahür formaları və nizamlanma vasitələri yalnız cəmiyyətin hərtərəfli öyrənilməsi, şəxslər, insanlar arasındakı qarşılıqlı münasibətlərin obyektiv və düzgün araşdırılması zamanı mümkün ola bilər.

Tədqiqatçılar münaqişənin daha geniş mənasını açıqlayaraq onun bioloji, psixoloji, fəlsəfi, sosial, fiziki istiqamətdə, canlı və cansız aləmdə təzahürünü qəbul etmiş, münaqişə və onun növləri, münaqişələrin nəticələri haqqında maraqlı əsərlər yazmışlar.

İngilis filosofu və sosioloqu H.Spenser sosial münaqişələrə pozitiv istiqamətdə yanaşaraq, cəmiyyətdə sosial münaqişələrin olmasını labüd hesab edir və qeyd edir ki, bu sosial inkişafa stimül verir. Sosial münaqişələr əksər hallarda mübahisə, psixiki-emosional gərginlik, aqressivlik, hədə-qorxu, düşmənçiliklə müşayiət olunurlar.

Rus filosofu A.Q.Zdravomyslov "Münaqişənin sosiologiyası" adlı kitabında sosial münaqişələrin təzahür xüsusiyyətlərini, təbiətini, səbəblərini və həlli yollarını araşdırmışdır. O, sosial münaqişələrin təbiətini iki amildə - ziddiyyətlərdə və bərabərsizlikdə görmüş, sosial münaqişələri obyektiv ziddiyyətlərin təzahürü kimi qiymətləndirmişdir.

Azərbaycan alimi Üzeyir Şəfi münaqişə fenomenini həm tarixi aspektdə, həm də müasirlik baxımından təhlil edir, ictimai fikir tarixinə ekskurs edir, konfliktlərin növləri və həlli yollarını araşdırır. Səttar Möhbəliyev, Hüseyn Qaraşov, Ramiz İsgəndərov isə müəssisələrdəki, əmək kollektivlərindəki münaqişələrin qarşısının alınmasında sosial tərəfdaşlığın subyektlərinin, o cümlədən həmkarlar ittifaqlarının rolunu təhlil edirlər. Müəssisələrdəki sosial münaqişələr və onların həlli ilə bağlı Azərbaycan Əmək və Əhəlinin Sosial Müdafiəsi Nazirliyinin,

Azərbaycan Həmkarlar İttifaqları Konfederasiyasının, Azərbaycan Sahibkarlar (İşəgötürənlər) Təşkilatları Milli Konfederasiyasının internet saytlarında məlumatlar verilir.

Münaqişə mənşəyinə görə latınca “conflictus” sözündən olub – toqquşma, ixtilaf deməkdir. Mövcud ədəbiyyatlarda münaqişənin bir-birindən fərqli bir çox tərfi verilmişdir. B.İ.Krasnova görə münaqişə bir-birinə əks olan maraqların, fikirlərin, məqsədlərin, baxışların toqquşması, mübarizə edən hər bir tərəf üçün çətinliklərlə nəticələnə bilən ciddi ixtilaf, kəskin mübahisədir. A.B. Qluxovanın verdiyi tərif isə belə səslənir: münaqişə - insanların, sosial birliklərin və sosial institutların elə qarşılıqlı təsirini nəzərdə tutur ki, bu da bir tərəfin müqaviməti ilə toqquşaraq, onun məqsədlərinin, mənafeələrinin gerçəkləşməsinə maneçilik törədir. B.N. Lavrinenkoya görə münaqişə-qarşılıqlı təsir subyektlərinin əks məqsəd, mövqə baxışlarının toqquşmasıdır.

Ü.Şəfinin “Konfliktologiya” kitabında münaqişəyə belə tərif verilmişdir: münaqişə - rəqibin neytrallaşdırılması, ona zərbə endirilməsi və onun məhv edilməsini qarşıya məqsəd qoyan konflikt vəziyyətinin açıq toqquşmaya səbəb olacaq dərəcədə genişlənməsi, sərvət uğrunda və ya konkret status uğrunda mübarizədir [10, s.21].

Sosial münaqişələr və onların həll edilməsi metodlarının araşdırılması, münaqişələrin təhlili və öyrənilməsinin əhəmiyyəti, onun müsbət və mənfi tərəfləri, konfliktlərin həll olunmasında onların rolunun qiymətləndirilməsi baxımından çox əhəmiyyətli və aktualdır. Münaqişə anlayışı təhlükə, düşmənçilik, anlaşılmazlıq, cəhd, ümitsizlik, haqlılıq sübuta yetirmə, nifaq və s. neqativ hissləri ifadə edir. Münaqişələr adətən qaçılmalı olan situasiyalar kimi dəyərləndirilir. İstənilən konfliktin mərkəzində hər hansı bir səbəbdən tərəflərin əks mövqeləri və yaxud mövcud şəraitdə əks vasitə və məqsədə çatma yolları və ya maraqların, istəklərin, üst-üstə gəlməməsi dayanır.

Əgər münaqişələr düzgün idarə edilməzsə onlar cəmiyyətdəki insan münasibətlərinin, sosial-psixoloji mühitin pisləşməsinə, insanların mövqeyinin itirilməsinə gətirib çıxarar. Bu baxımdan münaqişələrin təhlili və öyrənilməsi də Azərbaycan üçün böyük əhəmiyyət kəsb edir. Münaqişə bəzi hallarda müxtəlif forma və nəticələr verə bilər. Lakin istənilən halda söhbət bir-birinə qarşı yönəlmiş fəaliyyətin başa çatmasından gedir. Münaqişənin mərhələ və dövrlərinin müxtəlif müddətləri olur. İnsidentdən sonra tərəflərdən biri güzəştə gedirsə münaqişə bununla da yekunlaşır və bəzi mərhələlər baş vermir [8].

Münaqişələr gizli və yaxud aşkar ola bilər ki, onların da əsasını

həmişə razılaşmanın olmaması təşkil edir. Bu səbəbdən də münaqişəni iki və daha artıq insan, tərəf və ya sosial qrup arasında razılığın olmaması kimi müəyyən etmək olar [10,s.20]. Münaqişələrin meydana gəlməsinin başlıca amili konfliktogenlər hesab olunur. Konfliktogenlər münaqişənin təzahür etməsinə və inkişafına təkan verən hərəkət və ya hərəkətsizliklərdir ki, mübahisəsiz olaraq münaqişənin yaranmasına yol açırlar. Konfliktogenin məzmunu bundadır ki, biz başqa adamların fikir və mülahizələrinə daha çox diqqət yetiririk və onlara daha tez reaksiya veririk. Bu isə tezliklə münaqişə ocağının yaranmasını sürətləndirir.

İnsanlar arasında qarşılıqlı razılığın və güzəştin olmaması biri-birindən fərqlənən fikirlərdən, mülahizələrdən, ideyalardan, maraqlardan və digər səbəblərdən asılıdır. Amma bunu da qeyd etmək yerinə düşər ki, yuxarıda bildirdiklərimiz heç də həmişə toqquşma və münaqişə ilə sonuclandırılır. Belə hal yalnız mövcud olan ziddiyyətlərin, narazılıqların fərdlərin normal qarşılıqlı münasibətlərini pozaraq qarşıya qoyulmuş məqsədlərə çatmağa maneçilik törətdiyi vaxt yaranır. Bu zaman şəxslər hər hansı yolla narazılığı aradan qaldırmağa və açıq münaqişəyə girməyə başlayırlar. Münaqişə prosesində burada iştirak edənlər müxtəlif fikirlər, qərar qəbulunda bir-birindən fərqlənən alternativlər irəli sürmək imkanı əldə edirlər. Münaqişənin ən vacib müsbət mənası da elə bu zaman meydana çıxır.

Münaqişələrin müxtəlif təsnifatı mövcuddur ki, onlar da münaqişənin əsasında duran meyarlardan asılıdır. Belə ki, münaqişələr:

-**Mənşəyinə və yaranma səbəbinə görə:** obyektiv və subyektiv, təşkilati, emosional və sosial-əmək, işgüzar və şəxsi;

-**Kommunikativ istiqamətinə görə:** şəqli, üfüqi və qarışıq;

-**Münaqişəyə qoşulan tərəflərin tərkibinə görə:** şəxsiyyətdaxili, şəxsiyyətlərarası, şəxsiyyət və qrup arasında; qruplar arasında, qrupdaxili, təşkilatdaxili münaqişə;

-**Funksional əhəmiyyətinə görə:** pozitiv və neqativ, konstruktiv və destruktiv, yaradıcı və dağıdıcı;

-**Toqquşmanın forma və dərəcəsinə görə:** açıq və gizli, ani, təşəbbüs edilmiş və süni sürətdə yaradılmış, qaçınılmaz, məcbur edilmiş, məqsədyönlü olmayan;

-**Miqyasına və müddətinə görə:** ümumi və lokal, qısamüddətli və uzadılmış, tez baş verən və uzunmüddətli;

-**Tənzimlənmə formalarına görə:** antaqonist və kompromisə gedən, bütövlükdə və ya qismən həll edilə bilən, razılığa və əməkdaşlığa gətirilə bilən konfliktlərə bölünürlər [19, p.136].

Münaqişələr həmçinin **bipolyar**, yəni iki konflikt edən tərəf və **multipolyar**, 2-dən artıq konflikt edən tərəflərə bölünür [20, s.194].

Qruplararası münaqişə - istənilən müəssisədə çoxsaylı qruplar olur. Bu qrupları formal və qeyri-formal olmaqla iki yerə bölürlər. Mütəxəssislərin fikrincə, müasir müəssisələrin əksəriyyətində bu qruplar arasında mütəmadi olaraq münaqişələr meydana gələ bilər. İşəgötürənin onlara qarşı ədalətsiz hərəkət etdiyini, müqavilə şərtlərini kobudcasına pozduğunu iddia edən qeyri-formal qruplar daha sıx birləşə və əmək məhsuldarlığının faizini gözlənilən həddən aşağı salmağa müvəffəq ola bilərlər. Belə ki, Hottorn təcrübələrində işçilər birləşərək işəgötürənin müəyyən etdiyi istehsalat normalarını aşağı salmağa müvəffəq oldular. Qruplararası münaqişənin ən məşhur nümunəsi isə işəgötürənlərlə həmkarlar ittifaqı arasındakı münaqişədir. Qruplararası münaqişənin daha bir nümunəsi fəhlə və qulluqçu kateqoriyasından olan işçilərin münaqişəsidir [21, p.55]. Belə ki, qulluqçu kateqoriyası, əsasən, idarəetmə vəzifələrini həyata keçirirlər, onlar daha savadlı, gəncdirlər və texniki vasitələrdən daha müntəzəm istifadə edirlər. Bu da münasibətlərdə çətinliklər yaratdığı üçün toqquşmalarla da nəticələnir.

Müəssisədə olan münaqişələr iki yaxud da daha çox tərəf və ya qarşılıqlı subyektin mübahisəli fikir, məqsəd, maraq və ya mövqelərinin toqquşmasıdır. Sosial münaqişə və onların həlli üsullarının təhlil edilməsi, müasir müəssisələr daxilində sosial münaqişələrin öyrənilməsi və araşdırılmasının müəssisələr üçün əhəmiyyəti, onun əhəmiyyətli və neqativ cəhətləri, münaqişələrin həll edilməsinin müəssisə üçün zəruri olması, onların rolunun qiymətləndirilməsi nöqteyi-nəzərdən çox önəm daşıyır. Sosial sahədə olan münaqişələr ümumiyyətlə, adətən sosial həyat səviyyələri üzrə baş vermiş münaqişələri əhatə edir. Bununla da sosial sferanın hansısa bir sahəsində ortaya çıxan münaqişələr özündə digər münaqişələrin belə xüsusiyyətlərini birləşdirə bilər. Hər bir sosial münaqişənin obyektı və subyektinə, ortaya çıxdığı mühitə, törənmə faktorlarının növü və xüsusiyyətinə, sosial həyat üzrə oynadığı səmərəli və səmərəsiz nəticələrə əsasən digərlərindən bir qədər seçilir. Münaqişə, onun əmələ gəlmə səbəbləri, təzahür şəkilləri və nizamlanma vasitələri ancaq cəmiyyətin ətraflı öyrənilməsi, şəxslər, insanların arasında olan qarşılıqlı əlaqələrin araşdırılması zamanı mümkün olar. Münaqişənin əmələ gəlməsi üçün söylədiyimiz keyfiyyətlərin münaqişənin subyektlərinin tərəfindən dərk olunması zəruridir.

Müəssisədaxili münaqişələr və onların xüsusiyyətləri

İstənilən müəssisədə mövcud olan qrupların öz məqsəd və maraqları olur. Məhz bu maraqların müxtəlif olmasına görə qruplar bir-biri ilə münəqişəyə başlayırlar [20, p.56]. Bu münəqişə zamanı istehsalla məşğul olan şöbələr arasında kəskin ziddiyyət yaranıb artmağa başlayır.

Müəssisədə bu üç səbəbdən münəqişələr yaranı bilər:

-Əmək prosesinin gedişində;

-İşçilərin qarşılıqlı münasibətlərinin psixoloji xarakterləri ilə, başqa sözlə, simpatiya və antipatiyalar, insanların mədəni davranışları və etik fərqləri, vəzifəli şəxsin fəaliyyəti ilə;

-Qrup üzvlərinin şəxsi məziyyətləri ilə, məsələn, işçilərin öz iradəsini idarə edə bilməmək, təcavüzkarlıq, güzəştə getməmək, nəzakətsizlik, bir-biri ilə ünsiyyət qura bilməmək [12, c.136].

Sosial münəqişələr bir qayda olaraq **şüurlu və şüursuz, məqsədli və ya məqsədsiz, qərəzli və ya qərəzsiz** görüntülər alır ki, bu da onun mahiyyətini gizlədir, saxtalaşdırır və təhrif edir [25].

A.Rappoport və K. Boulding sosial münəqişə üçün altı tip göstərir:1) həqiqi sosial münəqişə - müəyyən sosial sistemdə obyektiv mövcud olan münəqişə; 2) təsadüfi sosial münəqişə - müxtəlif anlardan asılı olan, prinsipal ziddiyyətlərdə ikinci dərəcəli yer tutan münəqişə; 3) qeyri-müstəqil münəqişə -gizli münəqişə olub bu və ya digər səbəbə görə müstəqil çıxış edə bilmir; 4) pis fikrə, məqsədə, bədxah məramı xidmət edən münəqişədə əsas prinsip “parçala, hökm sür”-dür; 5) latent, yaxud gizli münəqişə - bu münəqişənin iştirakçıları müxtəlif səbəblər ucbatından bir-biri ilə açıq mübarizə aparmırlar; 6) saxta münəqişələr-obyektiv əsası olmayan münəqişələr [14, c.230].

Qərībā burasındadır ki, sosial münəqişənin tipləri ilə bağlı bölgülər ayrı-ayrı tədqiqatçılarda bir-birindən çox fərqlənir. Bəzi tədqiqatçılar isə bu məsələdə daha xırdalıqlara gedir, tiplərin sayını daha da artırır. Belə ki,tədqiqatçı alimlərdən Stüart Çeyz sosial münəqişədə daha 18 növü göstərməyə cəhd edir:

1) individual mübahisə - kişi-qadın və s. arasında olan münasibətlərdə özünü göstərir; 2) ailələrarası;3) nəsillər, növlər, cinslər və s. arası münəqişə;4) cəmiyyətlərarası, mühitlər arası - şəhər, kənd və s.;5) regionlararası münəqişə; 6) işçi və rəhbərlik arası münəqişə;7) partiyalararası seçki mübarizəsi; 8) irqi münəqişə; 9) dini münəqişə;10) antisemitizm - antoqonizmin ifadəsi kimi;11) ideoloji mübarizə;12) peşəkar qruplararası mübahisə; 13) istehsalatın ancaq müəyyən sahəsində olan münəqişə; 14) istehsalatın müəyyən sahələrindəki münəqişə;15)

müxtəlif xalqlar arasındakı münaqişə; 16) fərqli mədəniyyətlər arasındakı münaqişə; 17) “soyuq müharibə”- silahsız mübarizə; 18) “Qərb” “Şərq”, “Şimal” “Cənub” arasındakı münaqişə [10, s.68].

Fikrimizcə, bu təsnifatda milli-etnik, demografik münaqişələri də aid etmək olar.

Hesab edirik ki, münaqişələri strukturuna, məzmununa, funksional və subyekt əlamətlərinə uyğun belə təsnifatlandırmaq olar:

Məzmununa görə:

-sosial münaqişələr;

-iqtisadi münaqişələr;

-siyasi münaqişələr;

-ideoloji münaqişələr ;

-mənəvi-psixoloji münaqişələri fərqləndirmək mümkündür [11, c.157].

Münaqişələr məzmununa görə belə təsnifatlaşdırılsa da onların arasına kəskin sərhəd yoxdur. Belə ki, iqtisadi məzmunlu münaqişələr sosial münaqişələrə, dini zəmindəki münaqişələr siyasi münaqişələrə yaxud da əksinə çevrilə bilər.

İstənilən təşkilatda, şirkətdə və yaxud müəssisədə meydana çıxan sosial münaqişələrin əsas səbəbləri bölüşdürülməsinə ehtiyac duyulan resursların məhdud olması, tapşırıqların qarşılıqlı asılılığı, mənafeələr arasında mövcud olan fərqlər, nümayiş etdirilən dəyərlərdə olan fərqlər, davranış və hərəkət tərzində olan müxtəlifliklər, savad və bilik göstəriciləri, düzgün olmayan ünsiyyət, iş yerlərinin balanslaşdırılmaması, motivasiyanın çatışmazlığı, həmkarlar ittifaqlarının və sosial tərəfdaşlığın digər subyektlərinin zəif mövqe nümayiş etdirməsi və digərləridir.

Hazırda müəssisə və təşkilatlarda şəxsiyyətlər arasındakı sosial münaqişələrin həll edilməsi üçün müxtəlif üsul, yol və metodlardan geniş istifadə olunur. Müxtəlif tədqiqatçılar və mütəxəssislər bu istiqamətdə özünə xas olan və böyük maraq doğuran fikir və mülahizələrini, təkliflərini irəli sürürlər. Onu da bildirmək zəruridir ki, şəxsiyyətlər arasındakı sosial münaqişələrin həlli üsulları və yolları bu sosial münaqişədə iştirak edən tərəflərin sosial münaqişədə tutduğu mövqeyi ilə uyğun olaraq təyin olunur. Cəmiyyətdə və ayrı-ayrı müəssisə və təşkilatlarda şəxsiyyətlər arasındakı sosial münaqişələrin həll edilməsi üçün istifadə olunan üsullara və metodlara aşağıdakıları göstərmək olar:

-imtinə və ya münaqişədən boyun qaçırma metodu;

-uyğunlaşma metodu;

-məcburetmə metodu;

- qarşıdurma metodu;
- kompromis metodu;
- əməkdaşlıq metodu;
- problemin həll edilməsi metodu [18,c.110].

Müəssisələrdə adətən mübahisə və münaqişələrin həllində bu metodların istifadə gözlənilən müsbət nəticəni verir.

Münaqişələrin tənzimlənməsində həmkarlar ittifaqlarının rolu

Hazırda sosial tərəfdaşlıq sistemi əmək şəraitinin yaxşılaşdırmaqla bərabər, həm də cəmiyyətdəki münaqişəlilik səviyyəsinin aşağı enməsinə, danışıq proseslərinin konstruktiv məcraya yönəldilməsinə, tətıl hərəkətinin kəskinliyini azaldılmasına kömək edir [9, s.44].

Münaqişələri aradan qaldırmaq və sosial əmək münasibətlərini tənzimləmək üçün Avropada üçtərəfli sosial tərəfdaşlıq orqanları hələ ötən əsrdən fəaliyyətə başlayıb və böyük uğurlar əldə edib. Belə ki, Belçikada-1948-ci il, AFR-də -1952-ci il, Avstriyada -1957-ci il, Fransa -1958-ci illərdə artıq sosial tərəfdaşlıq orqanları formalaşmışdı [22]. Üçtərəfli orqanlar Çexiyada, Slovakiyada, Yunanıstanda, Macarıstanda, İtaliyada, Niderlandda, Bolqarıstanda və Polşada da yaradılmışdır. 2016-cı ilin sentyabrın 30-da Azərbaycan hökuməti ilə Beynəlxalq Əmək Təşkilatı (BƏT) arasında əməkdaşlıq çərçivəsində "2016-2020-ci illər üçün Layiqli Əmək üzrə Ölkə Proqramı"nın qəbul edilməsi və Azərbaycanda Sosial və İqtisadi Məsələlər üzrə Üçtərəfli Komissiyanın yaradılması ilə əlaqədar razılaşma əldə edilib. Razılaşmanı Əmək və Əhalinin Sosial Müdafiəsi Nazirliyinin, BƏT, BMT İnkişaf Proqramının, Azərbaycan Həmkarlar İttifaqları Konfederasiyasının (AHİK), Azərbaycan Sahibkarlar (İşəgötürənlər) Təşkilatları Milli Konfederasiyasının (ASK), aidiyyəti hökumət və qeyri-hökumət qurumlarının nümayəndələri dəstəkləyib [23].

Müəssisədəki həmkarlar ittifaqları cəmiyyətdə davamlı inkişafa nail olmaq üçün tərəflər arasında konsensusa, vətəndaş sülhünün formalaşmasına, müxtəlif qruplar və təbəqələr arasında qarşılıqlı münasibətlərdə gərginliyin azalmasına, sosial münaqişələrin aradan qaldırılmasına, cəmiyyətdə sosial poliloqun təşəkkülü və möhkəmlənməsinə, bütün səviyyələrdə hakimiyyət orqanları və yerli özünüidarəetmə orqanlarının birliyinə doğru yönəlmiş fəaliyyət həyata keçirirlər. Məhz həmkarlar ittifaqlarının fəaliyyəti nəticəsində müəssisələrdə işəgötürən və işçilər arasındakı sosial münaqişələrin

yararmasının qarşısı alınır, sosial dialoq bərqərar olur, münasibətlər sivil qaydada tənzimlənir.

Azərbaycan cəmiyyətində sosial poliloqa və sülhə nail olmaq üçün yeni əmək münasibətləri bir daha tərəflərin maraqlarını özündə əks etdirməklə ətraflı işlənir, yeni fikirlər və ideyalarla cılalanaraq insanların mühakiməsinə verilir. Bu münasibətlərin tərəqqisində mühüm və əvəzolunmaz rol isə sosial tərəfdaşlıq tərəfindən reallaşa bilər. Ölkədə demokratik, sivil cəmiyyətin qurulmasında, hüquqi dövlətin bərqərar olmasında, sosial rifah tərzinin və sosial poliloqun təmin olunmasında, əmək münasibətlərinin düzgün tənzimlənməsində sosial tərəfdaşlıq münbit şərait yaratmaqla Azərbaycanın dünya birliyinin beynəlxalq strukturlarına inteqrasiyasına stimül verir, yeni determinasiya qaydalarını əsaslandırır. Azad rəqabətə əsaslanan iqtisadi münasibətlərin formalaşmasının sürətləndiyi bir şəraitdə sosial tərəfdaşlıq prinsiplərinin həyata keçirilməsi qanunların qəbulu prosesinə təsirsiz ötürmə, belə ki, son illər əldə olunmuş uğurların sosial tərəfdaşlıqla bağlılığı inkarolunmaz məsələlərdəndir.

Sosial tərəfdaşlığın formalaşmış sistemində, professor H.Qaraşov yazır, həmkarlar ittifaqı maraqlı tərəf kimi çıxış edir, belə ki, məhz bu orqan hərəkətli və eyni zamanda daha həssas olan işçi qrupun, yəni mizdli işçilərin marağını ifadə edir. Həmkarlar ittifaqının sosial-əmək münasibətlərinin mühüm subyektləri ilə münasibətinin təşəkkül tapması, sosial tərəfdaşlığa dair bütün təsisatların inkişaf etdirilməsi və daha da təkmilləşdirilməsindən asılıdır. Sosial tərəfdaşlığı sosial əmək münasibətlərinin cəmiyyətdə sosial razılığın əldə edilməsinə yönəldilmiş mizdli işçilər, sahibkarlar və dövlətin maraqlarının tarazlaşdırılması vasitəsi ilə tənzimlənməsinin xüsusi tipi kimi müəyyən etmək mümkündür [5, s.125].

Sosial tərəfdaşlığın əsas subyektlərindən olan Azərbaycan Həmkarlar İttifaqları Konfederasiyası Baş Kollektiv Sazişin həyata keçirilməsi üzrə öz üzərinə düşən öhdəliyi yerinə yetirir. Azərbaycan Həmkarlar İttifaqları Konfederasiyasının V qurultayında bir daha vurğulanmışdır ki, Baş Kollektiv Sazişdə əksini tapan əmək, əmək münasibətləri, əhalinin məşğulluğu, əməkhaqqı və əhalinin gəlirləri, təhlükəsizlik və əməyin mühafizəsi, əməkçilərin sosial təminatları üzrə məsələlərin birgə həll edilməsi Tərəflərin maraqlarına cavab verir və onların yerinə yetirilməsi ölkənin sosial sabilliyinin qorunmasında əhəmiyyətli amillərdən biridir. Tərəflər Sazişin prioritet məqsədlərini təşkil edən öhdəliklərin icrasına səylər göstərmiş, müəyyən uğurlu

nəticələr əldə etmişlər. Bununla yanaşı, bəzi öhdəliklərin yerinə yetirilməsi davam etdirilir [23].

Azərbaycan Həmkarlar İttifaqları Konfederasiyası sosial poliloqun təşəkkülü üçün sosial tərəfdaşlıqdan irəli gələn öhdəliklərin həyata keçirilməsi üçün həm müvafiq dövlət və hökumət orqanları ilə birgə, həm də üzv təşkilatları vasitəsilə zəruri tədbirlər həyata keçirmiş, iqtisadi inkişaf strategiyasının təməli olan iqtisadi qanunvericiliyin təkmilləşdirilməsində iştirak etmişdir. Yerlərdə bağlanmış tarif sazişlərdə və kollektiv müqavilələrdə Baş Kollektiv Sazişin məqsədləri əks olunmuş, onların icrası üçün tədbirlər işəgötürənlərlə birgə həyata keçirilmişdir.

AHİK və üzv təşkilatları işçilərin layiqli əməyini və yaşayışını təmin edən mühitin yaradılmasına, həmçinin qarşılıqlı əlaqələrin sosial tərəfdaşlıq əsasında inkişaf etdirilməsinə, əmək münasibətlərinin dialoq, kollektiv müqavilələr və sazişlər vasitəsilə tənzimlənməsinə səy göstərmişlər. Həmkarlar ittifaqlarının fəallığı sayəsində 2023-cü ildə işəgötürənlərlə 13 min-dən çox kollektiv müqavilə və 121 saziş bağlanmışdır.

Ümumiyyətlə, cəmiyyəti daim inkişafda olan və insanlar arasında müxtəlif münasibətlərin formalaşdığı mürəkkəb bir sistem kimi səciyyələndirmək olar. Sosiumdakı sosial qarşılıqlı fəaliyyətin müxtəlif səviyyələrində qərar tutmuş iştirakçıların tərkibi də rəngarəngdir və onların hər biri özü seçim edir: qərar qəbul edir və onun nəticələri ilə razılaşır. Bu zaman iştirakçılar arasında eyni vaxtda ziddiyyətli dəyərlərə əsaslanan vəziyyətlər yaranır: 1) maraqların qarşıdurması; 2) rəqabət; 3) sosial qeyri-bərabərlik [15,c.154]. Bu sosial təzahürlər də sosiumun universal əlamətlərini özündə əks etdirir, problem isə “birgə yaşamağ”ı və sosial proses və hadisələri onların baş verdiyi şəraitdə idarə etməyi öyrənməyin zəruriliyindən irəli gəlir.

Bu zaman formalaşan sosial vəziyyət isə elə bir dinamik haldır ki, burada ümumiləşdirilmiş formada insanların aktual həyatı, onların maddi və mənəvi rifah haqqında hissləri və əhvali-ruhiyyəsi ifadə olunur.

Davranış komponentinə malik olan kütləvi əhval-ruhiyyə iki amilin – insanların iddialarının, maraqlarının, ehtiyaclarının və onların ödənilməsi imkanlarının bir-birinə ziddiyyət təşkil etdiyi zaman yaranır. Bunun da nəticəsində sosial mühitdə əməkdaşlıqdan qarşıdurmaya qədər fərqli bir vəziyyət bərqərar olur.

Rusiyalı alim A.A.Şulus yazır ki, insanların, sosial qrupların öz əqidə və maraqlarında bir-birindən fərqli olması “birgə həyat” həqiqətinin axtarışı zərurətini şərtləndirir. Cəmiyyətdə əməkdaşlığa və sosial

tərəfdaşlığa aparan barışdırıcı səbəbləri birləşdirən maraqların balansı lazımdır. Belə sosial qarşılıqlı fəaliyyətin tənzimlənməsi və ona nəzarət olunması mexanizmlərinə malik olmaq isə sosial mühitin harmoniyasının saxlanması və səmərəli idarə olunmasının həyata keçirilməsi imkanlarını yaradır. Əməkdaşlıq üçün tərəfdaşların ümumi məqsədə və vahid vəzifələrin həllinə nail olunması üzrə qarşılıqlı mənfəət əsasında sosial qarşılıqlı fəaliyyəti səciyyəvidir. Anlayış, qarşılıqlı anlaşma və etibarlı münasibətləri onun xarakterik əlaməti adlandırıla bilər [17,c.34].

Qarşılıqlı üçün isə bir-birinə zidd olan maraqların toqquşması və məcburetmə ilə müşayiət olunan sosial qarşılıqlı fəaliyyət səciyyəvidir. O, fikir ayrılığı, rəqabət və münaqişə formalarında həyata keçirilir. Sonuncu forma özlüyündə qarşılıqlı fəaliyyət göstərən tərəflərin qarşılıqlı qarşılıqlı zamanı təzahür edən bir-birinə zidd maraqların və dəyərlərin toqquşmasından yaranır. Burada əsas xüsusiyyət odur ki, o fəaliyyət zonasında qarşı tərəfin hərəkətlərini bilərəkdən bloklaşdırmaq imkanı olanda tərəflərin qarşılıqlı asılılığından doğur.

Münaqişələrin həllinin əsas yolları pragmatik sağlam düşüncə, başqa cür düşüncələrə qarşı tolerantlıq, onun daşıyıcılarına həqiqət axtarışları üzrə tərəfdaşlıq kimi hörmət olunması əsasında konsensus və konvergensiyadır. Sual oluna bilər ki, konsensus və konvergensiyaya hansı yolla nail olmaq olar, onların meyarları və ölçüləri, forma və həddləri hansılardır və s. Onlara gətirib çıxaran mexanizmlərdən biri münaqişənin bütün tərəflərinin öz mövqe və iddialarından ümumi məqsədə çatmaq naminə könüllü olaraq güzəştə getməsi şəklində kompromisə getməkdir. Bununla da münaqişənin inkişaf imkanı azalır: yaranan maraqlar balansı özündə barışdırıcı və yaxınlaşdırıcı əsasları birləşdirən sosial vektor təşkil edir.

Kompromis əsasında sosial tərəfdaşlığa çevrilən əməkdaşlığa nail olunur. Bu, bir-birinə əks olan maraqların legitim könüllü razılaşdırılması olan bütövün ictimai münasibətlərinin sivil forması, müxtəlif sosial qrupların, onların ictimai birliklərin, təşkilatların və hakimiyyət strukturlarının müəyyən sosial-iqtisadi problemlərin həllində, danışıqlar, qarşılıqlı məsləhətləşmələr və müvafiq sazişlər bağlanması yolu ilə sosial konsensusa nail olunması üzrə səylərinin koordinasiyasıdır.

Sosial tərəfdaşlıq orqanları razılaşdırma komissiyalarıdır. Bu kollektiv danışıqların aparılması və müqavilələrin (anlaşmaların) hazırlanması, eləcə də müxtəlif səviyyələrdə onların icrasına nəzarət üçün nəzərdə tutulmuş “arbitraj” orqanıdır. Razılaşdırma komissiyaları paritet əsaslarla tərəflərin müvafiq səlahiyyətlər verilmiş nümayəndələrinin

razılığı ilə yaradılır.

Üçtərəfli komissiyanın əsas məqsədi sosial yönümlü iqtisadi islahatların keçirilməsinə dəstək və demokratik sosial qaydanın əsası kimi vətəndaş anlaşmasının təmin olunmasıdır. O mübahisəli (münəqişəli) məsələləri, işəgötürənlərin nümayəndələri və yaxud işçilər tərəfindən atılmış “səhv addımları” nəzərdən keçirir və konstruktiv əməkdaşlıq və tərəfdaşlıq çərçivəsində tərəflərin maraqlarını barışdıran effektiv anlaşmalar işləyib hazırlayır. Belə bir iş - sosial-əmək münasibətlərindəki problemlərin birgə həllinin sivil yoludur.

Hökumət vasitəçi kimi çıxış edərək münəqişə aparan tərəfləri danışıqlara cəlb edib onlar arasında əlaqəni təmin edir. Ayrıca görüşlərdə o münəqişə tərəflərini yeni təklif və alternativ həlləri diqqətlə qiymətləndirməyə vadar edir. Mediator kimi o sanki başqa bir tərəfi təmsil edir və ictimai rəyi razı salacaq həlli seçir. Bu zaman hökumət ona can atır ki, hər iki tərəf fayda əldə etsin: qarşılıqlı faydalı anlaşmalar kəskinləşmələrdən uzaq olmağa imkan verir [16, c.208]. Zira bir tərəfin qələbəsi yalnız qısamüddətli uğur gətirir.

Üçtərəfli komissiya sosial tərəfdaşlığın subyektləri arasında sosial-əmək münasibətlərinin iştirakçılarının maraqlarının müdafiə olunması ilə münəqişə qarşılıqlılaşmasının qarşısının alınması və həlli üzrə konstruktiv dialoqun təsirli alətidir.

Üçtərəfli komissiyanın əsas məqsədi ondan ibarətdir ki, heç bir qanun layihəsi üçtərəfli komissiya ilə öncədən razılaşdırılmadan qəbul edilməsin. Kollektiv danışıqların aparılması və tripartizm çərçivəsində müvafiq sazişlərin hazırlanması, tərəfləri maraqlandıran məsələlər üzrə müntəzəm məsləhətləşmələrin aparılması və informasiya mübadiləsi, birgə qərarların (sənədlərin) qəbulu sosial tərəfdaşlıq subyektlərinin maraqları və mənfəətinin reallaşdırılmasında balansı təmin etməyə yönəldilmişdir. Yetişmiş sosial-iqtisadi və əmək problemlərinin həllinin bazar münasibətlərinə, iqtisadi demokratiyaya və iştirak edən tərəflərin “hüquq və öhdəlikləri” çərçivəsində sivil şəkildə qoşulmağa imkan verən demokratik alətlərin formalaşdırılmasının yolu budur.

Sosial tərəfdaşlıq mexanizminin əsas elementi kollektiv danışıqlardır. İşçilər və işəgötürənlər adından kollektiv danışıqların aparılması hüququ onların nümayəndələrinə vermişdir. Əgər danışıqların təşəbbüskarı həmkarlar ittifaqıdırsa, onda işəgötürənlər, onların dövlət hakimiyyəti və yerli özünüidarəetmə orqanı birlikləri (ittifaqlar, assosiasiyalar) danışıqlar aparmağa borcludur. İşəgötürənin danışıqlar aparmaqdan imtina etməsi və danışıqlardan yayınması kollektiv tətıl prosesinin, sosial münəqişələrin

başlanması üçün əsas rolunu oynayır.

Danışqlar nəticəsində kollektiv müqavilə, anlaşma, fikir ayrılıqları protokolu işlənilib hazırlanır. Fikir ayrılıqları protokolunun imzalanması kollektiv əmək mübahisəsinin başlanğıcı hesab olunur. Sosial tərəfdaşlıq sazişlərinin bağlanması üzrə danışıklarda müvafiq icra hakimiyyəti orqanlarının nümayəndələri iştirakçı ola bilərlər. Onlar danışqların üçüncü tərəfini təmsil edirlər və öz üzərlərinə müəyyən vəzifələr götürürlər, işçilərə və işəgötürənlərə bu və ya digərlərinin, cəmiyyətin, dövlətin maraqlarına uyğun olaraq anlaşmaya nail olmağa kömək edirlər [17, c.47].

Ölkəmizdə sosial tərəfdaşlıq kollektiv müqavilələr və tərəfdaşlıq sazişləri vasitəsilə həyata keçirilir. Kollektiv müqavilə təşkilatda sosial-əmək münasibətlərini tənzimləyən hüquqi aktdır. Bir qayda olaraq bu sənəd maliyyə imkanlarından çıxış edərək qanunvericilik və sazişlərlə müəyyən edilmiş qüvvədə olan norma və müddəalarla müqayisədə daha güzəştli əmək, sosial-iqtisadi şərtləri və qarantilər müəyyən edir.

Kollektiv müqavilənin iştirakçıları adından nümayəndələrin çıxış etdiyi əmək kollektivi və nümayəndəsi təşkilatın nizamnaməsinə görə onun rəhbəri olan işəgötürəndir. Əgər təşkilatda bir deyil, iki-üç həmkarlar təşkilatı varsa və onlar vahid müqavilə bağlayırlarsa, onda danışqların aparılması və kollektiv müqavilənin tərtibi üçün komissiyaya üzvlərinin sayı nəzərə alınmaqla bu həmkarlar ittifaqlarının hər birinin nümayəndəsi ayrılır [17, c.48].

Həmkarlar ittifaqları işəgötürənlər, dövlət və siyasi partiyalardan asılı olmayan, muzzdlu işçilərin iqtisadi maraqlarını, hər şeydən əvvəl, işəgötürənlə münasibətdə müdafiə etmək üçün könüllü birlikdir. Həmkarlar ittifaqlarının başlıca funksiyası muzzdlu işçilərin əsasən, iqtisadi maraqlarını müdafiə etməkdir. Buraya əmək haqqının artırılması, iş və sosial rifah şəraitinin yaxşılaşdırılması, sosial-iqtisadi və hüquqi maraq və mənafeələrin nəzərə alınması, eləcə də məşğulluq probleminin həllinə nail olmaq daxildir. Həmkarlar ittifaqları bu funksiyanı öz üzvlərinin kollektiv gücünə arxalanaraq, kollektiv müqavilə yolu və digər mütərəqqi üsullarla işçilərin işəgötürənlər qarşısında nümayəndəsi kimi yerinə yetirir.

Əgər həmkarlar ittifaqları ancaq öz üzvlərinin maraqlarının müdafiəsi ilə məhdudlaşarsa onların təcrid olunması və vətəndaş cəmiyyətinin bütün digər sosial qruplarına qarşı duran məhdud korporativ təşkilatlarda yenidən yaranması labüddür. İşçilərin həmkarlar ittifaqları vətəndaş cəmiyyətinin təşəkkülündə mühüm rol oynayır. Onlar yarandığı

vaxtdan muzzdlu işçilərin vətəndaş azadlığının, onlara və bütün əhaliyə verilmiş vətəndaşlıq, siyasi-sosial və digər hüquqların əsas vasitəsi olmuşdur. Sahibkarın özbaşınalığını məhdudlaşdırıb, işçini iqtisadi cəhətdən müdafiə edərək həmkarlar ittifaqları fəhlələrin vətəndaş kimi, sosial subyekt kimi təşəkkülünə imkan yaratmışdır. Özünün mövcudluğunu və azad fəaliyyət hüququnu qoruyaraq, bununla həmkarlar ittifaqları eyni zamanda muzzdlu işçilərin öz maraqlarının müdafiəsi üçün birləşərək, vətəndaş hüquqlarını müdafiə etməsi əsas şərtidir [4, s.372].

Bu gün həmkarlar ittifaqlarının sosial tənzimləyici kimi rolu daha çox dərəcədə artır. Sosial idarəetmə üzrə mütəxəsislər tədqiq edirlər ki, müəssisənin münəqişəsiz inkişafı sadəcə olaraq mümkün deyil. Münəqişədən deyil, onun destruktiv forma və üsullarından çəkinmək lazımdır. Burada isə həmkarlar ittifaqlarının rolu əvəzolunmazdır. Onlar olmadan sosial münəqişələr kortəbii siyasi çıxışlara çevrilir. Belə hallara misal olaraq Yunanıstanda baş vermiş hadisələri göstərmək olar. Belə ki, sosial tələblərlə çıxış edən həmkarlar ittifaqının etiraz aksiyalarından bəzi siyasi qüvvələr öz maraqlarına nail olmaq üçün sui-istifadə etdilər. Ölkəni kortəbii siyasi çıxışlar bürüdü, inflyasiya dərinləşdi, sosial-siyasi böhran böyüyüb genişləndi, ölkə fəlakətli vəziyyətə düşdü. Bu proseslər nəticəsində bu gün Yunanıstan dünya dövlətlərinə milyardlarla borcu olan bir dövlətə çevrilmiş oldu.

Rus alimi A.B.Dmitriyev konfliktdən, münəqişədən fərqli olaraq razılığı hər cür qrupların, əksər insanların həyat fəaliyyətlərinin nisbətən ən mühüm problemlərinin, maraqlarının, dəyərlərinin və identiklərinin qismən və tam şəkildə üst-üstə düşməsi kimi müəyyən edir. Razılıq onların həlli üzrə birgə fəaliyyəti təmin edir. Razılığın bu və ya digər dərəcəsi sosial ünsiyyətin hər cür formaları, hər cür institutlar və təşkilatlar üçün zəruridir. Buna görə də, sosial razılığa müxtəlif səviyyələrdə yalnız vəziyyət kimi deyil, həm də hərəkət, hər cür proseslərə xas olan statistik və dinamik maraqların məcmusu kimi də baxmaq lazımdır [15, c.164]. Problem ondadır ki, bu hərəkət hansı istiqamətə doğru gedir. Cəmiyyətdə, təbiidir ki, həmişə münəqişə və razılaşma ünsürləri iştirak edir. Bu ünsürlərin müəyyən zaman kəsiyində hansının üstünlüyündən asılı olaraq, o, ya nisbətən dinc, əmin-amanlıq, sülh yaradır, ya da toqquşmalara, hətta hərbi və inqilabi və sosial münəqişələrə çevrilə bilər.

M.M.Oxotnikova sosial razılığı “vəhdətdə olan, oxşar, uyğun dəyərlərə, tələbatlara, məqsəd və maraqlara malik sosial subyektlər arasında qarşılıqlı təsir prosesi, əlaməti, vəziyyəti kimi müəyyən edir ki,

bu zaman sosial sistem həmrəylik, möhkəmlik, inteqrasiya, birlik, nizamlılıq, stabilliyə malik olur və o, öz tamlığını, bütövlüyünü qoruyub saxlaya bilir” [13, c.274].

Razılaşma, barış ideyası özünün sonrakı inkişafında solumun bir çox digər sferalarını da əhatə etmiş və razılaşma – onun əksi olan münaqişə kimi hər yerdə mövcud olan ideyaya çevrilmişdir. Bununla yanaşı aşkar edilmişdir ki, razılıq ideyası münaqişə ideyası kimi öz funksional rollarına görə də birmənalı deyildir. Razılaşma, yekdillik ideyası ziddiyyətlərin sivilizasiyalı həllinə yönəlmiş və sosial-təhlükəli münaqişələrin etibarlı sınılanmış vasitəsinə çevrilmişdir. Lakin buna həmişə nail olmaq mümkün olmamışdır. Razılıq və qarşıdurma bir-birilə vəhdət və inkarın daxil olduğu sıx qarşılıqlı təsir şəraitində olur, onlar obyektlərin və sistemlərin tarazlığına kömək edərək canlı ümumdünya tarixi prosesini səciyyələndirirlər. Onların tarazlığı gah az-çox dərəcədə tam bərqərar olur, bəzən yeni formalar kəsb edir. Lakin ya razılıq və ya qeyri-razılığın, qarşıdurmanın şəriksiz hökmranlığı proseslərində və şəraitində yalnız bəzi mərhələləri yaranır ki, öz əksini əvəz edə bilsin.

Razılaşma - obyektiv mövcud olan ehtimaldır ki, əvvəlcədən sözləşmə, razılaşma olmadan iştirakçılar qarşılıqlı təsirin bu və digər formalarında konsensus əldə edirlər. Razılaşmaya əsaslanan bu cür davranışın anlaşılması zamanı o, “müqaviləyə” söykənən davranışdan fərqlənir. Razılaşmaya qarşılıqlı təsir iştirakçılarının ən müxtəlif daxili vəziyyətləri, məqsədləri, motivləri səbəb ola bilər. Bu zaman fərdlərin psixoloji həyəcanları deyil, onların dərk olunmuş razılıq və fəaliyyətə yönümləri xüsusi əhəmiyyət kəsb edir [13, c.154].

Razılaşmanı - cəmiyyətin ideal vəziyyəti kimi deyil, onun mövcudluğunun, dağılmasının, eyni zamanda elementar qaydalara malik olmasının ayrılmaz səciyyəsi kimi anlamaq lazımdır. Cəmiyyətdə razılaşma da, sosial münaqişə də, ixtilaf da qanunauyğundur, lakin mühüm olan odur ki, aparıcı rol razılaşma oynasın. Cəmiyyətdə razılaşma, birincisi, cəmiyyətin ümumi vəzifələrini həll etmək, onu təkmilləşdirmək üçün subyektlərin şüurlu fəaliyyətlərinin ümumi məqsədlərlə birləşməsi kimi; ikincisi, zorakılıq tətbiq etmədən düşmənçilik və dözümsüzlük göstərmədən müxtəlif sosial-siyasi qüvvələrin birgəsivilizasiyalı, demokratik norma və qaydalarla işləyib hazırladığı razılaşdırılmış siyasət kimi; üçüncüsü, insanlar arasında münasibətlərdə müəyyən güzəştləri genişləndirən siyasi mübarizədə sadə ümumbəşəri normalara riayət edilməsi kimi başa düşülür. Həmkarlar ittifaqı sosial münaqişələrin həlli üçün razılazma metodundan istifadə

etməli, tərəflərin razılığa gəlməsi üçün maksimum səy göstərməlidir.

Sosial-əmək münaqişələrinin əsasında işçinin və işəgötürənin mənafələri arasındakı ziddiyyət ola bilər. Bu ziddiyyətlər onların sosial-iqtisadi vəziyyətinin müxtəlifliyi ilə şərtlənir və əmək fəaliyyəti prosesində yaranan fikir ayrılıqlarında təzahür edir. Yaranmış sosial münaqişələr işçilərlə işəgötürənlər arasında bilavasitə danışıqlar yolu ilə tənzimlənmədikdə həm ayrıca bir işçinin, həm də bütün əmək kollektivinin mənafələri ilə bağlı olan əmək mübahisələrinə çevrilir. Əmək fəaliyyətinin həyata keçirilməsi prosesində yaranan münaqişələr həm təşkilat üçün, həm də bütövlükdə cəmiyyət üçün mənfi nəticələr doğura bilər [6, s.12].

Müəssisədə olan münaqişələr iki yaxud da daha çox tərəf və ya qarşılıqlı subyektin mübahisəli fikir, məqsəd, maraq və ya mövqelərinin toqquşmasıdır. Sosial münaqişə və onların həlli üsullarının təhlil edilməsi, müasir müəssisələr daxilində sosial münaqişələrin öyrənilməsi və araşdırılmasının müəssisələr üçün əhəmiyyəti, onun əhəmiyyətli və neqativ cəhətləri, münaqişələrin həll edilməsinin müəssisə üçün zəruri olması, onların rolunun qiymətləndirilməsi nöqteyi-nəzərdən çox önəm daşıyır. Sosial sahədə olan münaqişələr, ümumiyyətlə, sosial həyat səviyyələri üzrə baş vermiş münaqişələri əhatə edir. Bununla da sosial sferanın hansısa bir sahəsində ortaya çıxan münaqişələr özündə digər münaqişələrin belə xüsusiyyətlərini birləşdirə bilər. Hər bir sosial münaqişənin obyektı və subyektinə, ortaya çıxdığı mühitə, törənmə faktorlarının növü və xüsusiyyətinə, sosial həyat üzrə oynadığı səmərəli və səmərəsiz nəticələrə əsasən digərlərindən bir qədər seçilir. Münaqişə, onun əmələ gəlmə səbəbləri, təzahür şəkilləri və nizamlanma vasitələri ancaq cəmiyyətin ətraflı öyrənilməsi, şəxslər, insanların arasında olan qarşılıqlı əlaqələrin araşdırılması zamanı mümkün olar. Münaqişənin əmələgəlməsi üçün söylədiyimiz keyfiyyətlərin münaqişənin subyektlərinin tərəfindən dərk olunması zəruridir. Əgər dərkedilmə yaxud şüurluluq yoxdusa, tərəflərin arasında olan münasibət münaqişəyə qədər olan mərhələ olaraq qiymətləndirilməlidir. Bizcə, ən zəruri cəhətlərdən biri bundan ibarətdir ki, münaqişələrin hər biri çoxamilli, çoxelementli və rəngarəng xarakterli bir hadisədir. Buna görə də hansısa münaqişənin geniş öyrənilməsi və həll edilməsi istiqamətində atılmış praktik addımlar sırf elementaris metodla birgə, bəlkə də bundan daha önəmli sosial münaqişələrin sistem səviyyəsində öyrənilməsidir. Hər bir sistemləri təşkil edən elementlər bir sıra çərçivədə nisbi müstəqilliyə sahib olmaqla, elementarist səviyyəyə malik qanunlarla tənzimlənilir [2, s.23].

Kollektiv əmək mübahisələri fikir ayrılıqlarının kollektiv xarakteri ilə müəyyən olunur. Fikir ayrılığının kollektiv xarakteri bunda təzahür edir ki, mübahisə tərəflərindən birini müəyyən təşkilati birliyə (həmkarlar ittifaqının üzvləri, təşkilatın işçiləri) malik və ümumi sosial-əmək mənafevləri ilə birləşən işçilər təşkil edir. Kollektiv əmək mübahisələrini belə səciyyələndirmək olar: Kollektiv əmək mübahisələri işçilər ilə işəgötürənlər arasında kollektiv müqavilələrin və sazişlərin bağlanması, dəyişdirilməsi və yerinə yetirilməsi ilə əlaqədar yaranan və qanunla müəyyən edilmiş qaydada həll edilən fikir ayrılığıdır.

Mübahisənin xarakterinə görə bütün əmək mübahisələri iki cür olur: iddia xarakterli mübahisələr; qeyri-iddia xarakterli mübahisələr. Fərdi əmək mübahisələri özünün hüquqi təbiətinə görə - iddia xarakterli mübahisələrdir. İddia pozulmuş hüququn müdafiəsi tələbidir. Deməli, iddia xarakterli əmək mübahisələri pozulmuş, yaxud pozulması ehtimal edilən əmək hüququnun müdafiəsi haqqında mübahisələrdir. İddia mübahisələri həm bir işçinin, həm də işçilər qrupunun iştirakı ilə ola bilər [1].

Qeyri-iddia xarakterli mübahisələr yeni əmək şərtləri müəyyən edildikdə, yaxud mövcud əmək şərtləri dəyişdirildikdə yaranan mübahisələrdir. Bu halda söhbət hüququn mövcud olması ilə əlaqədar subyektiv hüququn bərpasından, yaxud pozulmasından getmir, lakin hüquqi ifadəsini tapmaq istəyən müəyyən mənafe mövcuddur. Məsələn, işəgötürən işçilərə fərdi əmək müqaviləsi ilə və ya kollektiv müqavilə ilə tənzimləmə qaydasında müəyyən edilmiş əmək haqqını ödəyir və onun bu vəzifəsini icra etməsi şübhə doğurmur. Lakin işçilər ödənilən əmək haqqının məbləğini müqayisə edərək, belə hesab edirlər ki, bir sıra hallarla əlaqədar həmin məbləğ daha yüksək olmalıdır. Deməli, söhbət əmək müqaviləsinin şərtlərindən birinin dəyişdirilməsindən, pozulmuş subyektiv hüququn bərpasından deyil, yeni subyektiv hüququnun müəyyən edilməsindən gedir. Bir qayda olaraq, belə mübahisələr kollektiv xarakter daşıyır [7, s.7-10].

Həm fərdi, həm də kollektiv əmək mübahisələri, həmçinin iddia və qeyri-iddia xarakterli əmək mübahisələri əmək münasibətləri sahəsində yaranır. Onların fərqi isə fikir ayrılıqlarının xarakterində və mübahisənin subyekt tərkibində təzahür edir.

Fərdi əmək mübahisələrinin bir tərəfi işəgötürən, digər tərəfi isə öz əmək hüquqlarının və ya qanunla qorunan mənafevlərinin pozulduğunu iddia edən işçi və ya qanunvericiliklə müəyyən edilmiş qaydada onun müvəkkil etdiyi şəxsdir.

Kollektiv əmək mübahisəsinin tərəfləri işəgötürənlər, işçilər və ya həmkarlar ittifaqlarıdır.

Kollektiv sazişlərlə bağlı mübahisələrdə həmkarlar ittifaqlarının, işəgötürənlərin birlikləri və müvafiq icra hakimiyyəti orqanları tərəf qismində iştirak edirlər.

Bütün əmək mübahisələri obyektinə görə: pul tələbləri və müəyyən hərəkətlərin yerinə yetirilməsi tələbi ilə bağlı olan mübahisələrə ayrılır. Lakin eyni bir əmək mübahisəsinin obyektı həm pul tələblərindən, həm də müəyyən hərəkətlərin yerinə yetirilməsi tələbindən də ibarət ola bilər.

Kollektiv əmək mübahisələrinin həllinin qanunvericiliklə müəyyən edilmiş üsulları və qaydası, habelə kollektiv əmək mübahisələrinin həlli üsulu kimi tətillərin həyata keçirilməsinin hüquqi əsasları bütün işəgötürənlər və onların birlikləri, müvafiq icra hakimiyyəti orqanları, əmək kollektivləri və həmkarlar ittifaqları təşkilatları üçün məcburidir. Dövlət qulluqçularının kollektiv əmək mübahisələrinin həlli qaydaları qanunvericiliklə müəyyən edilmiş normalara uyğun olaraq dövlət qulluğu haqqında müvafiq normativ hüquqi aktla tənzimlənir [1].

Qanunvericiliklə göstərilən məsələlərin tənzimlənməsi zamanı yaranan kollektiv əmək mübahisələrinin həlli nizama salınır: -kollektiv müqavilələrin və sazişlərin bağlanması üçün danışıqların aparılması; -kollektiv müqavilələrin və sazişlərin bağlanması; - qüvvədə olan kollektiv müqavilələrə və ya sazişlərə dəyişikliklərin, əlavələrin edilməsi; - kollektiv müqavilələrin və sazişlərin icrasının təmin edilməsi; -kollektiv üzvlərinin mənafeələrinin təmin olunması üçün digər əmək və sosial, iqtisadi məsələlərin həll edilməsi [6,s.35].

Qanunvericiliklə müəyyən edilmiş kollektiv əmək mübahisələrinin həlli qaydaları işçilərinin sayından asılı olmayaraq bütün müəssisələrin işəgötürənləri, müvafiq icra, məhkəmə hakimiyyəti orqanları, əmək kollektivləri və həmkarlar ittifaqları üçün məcburidir. Kollektiv əmək mübahisəsinin tərəfləri işəgötürənlər, işçilər (əmək kollektivi və ya onun bir hissəsi) və ya həmkarlar ittifaqlarıdır. Həmkarlar ittifaqları qanunvericiliklə və digər normativ hüquqi aktlarla müəyyən edilmiş səlahiyyətləri daxilində kollektiv əmək mübahisələrinin qanuni və ədalətli həllinə nail olmaq məqsədi ilə tətillər, habelə qanunvericilikdə nəzərdə tutulmuş qaydada sərbəst toplaşaraq digər kütləvi tədbirlər keçirmək hüququna malikdirlər.

Kollektiv sazişlərlə bağlı mübahisələrdə həmkarlar ittifaqlarının, işəgötürənlərin birlikləri və müvafiq icra hakimiyyəti orqanları yəni, baş kollektiv sazişlə bağlı mübahisələr üzrə - Azərbaycan Respublikasının

Nazirlər Kabineti; sahə (tarif) kollektiv sazişləri ilə bağlı mübahisələr üzrə Azərbaycan Respublikasının nazirlikləri, dövlət komitələri, dövlət konsernləri, şirkətləri və idarələri; ərazi (rayon) kollektiv sazişləri ilə bağlı mübahisələr üzrə - yerli icra hakimiyyəti orqanları tərəf qismində iştirak edirlər [3, s.152-157].

Kollektiv müqavilələrin və sazişlərin bağlanması və onlara dəyişikliklər edilməsi ilə əlaqədar kollektiv tələblər qanunvericilikdə nəzərdə tutulmuş qaydalara uyğun olaraq irəli sürülür. Kollektiv müqavilə və sazişlərin icra edilməməsi və ya tam həcmdə icra edilməməsi, habelə digər əmək və sosial məsələlərlə əlaqədar kollektiv tələblər işçilərin və ya həmkarlar ittifaqları təşkilatının (birliyinin) ümumi yığıncağında (konfransında) irəli sürülür. Qərar işçilərin səs çoxluğu ilə, həmkarlar ittifaqları təşkilatında (birliyində) isə onun nizamnaməsində digər qərarlar üçün nəzərdə tutulmuş qaydada qəbul olunur.

İşçilər kollektiv tələbləri irəli sürməklə bərabər işəgötürənlə danışıqlarda onların adından iştirak etmək üçün öz səlahiyyətli nümayəndələrini ayıra bilər və ya danışıqların aparılmasını həmkarlar ittifaqları təşkilatına həvalə edə bilərlər.

Bəzən işçilər reallığa uyğun olmayan tələblərlə çıxış edərək daha yüksək əmək haqqı tələb edirlər, bu isə münaqişələrin başlanmasına rəvac verir. Lakin qeyd etmək lazımdır ki, işəgötürənin iqtisadi imkanlarına uyğun olmayan tələblərə yol verilmir. Tələblər iqtisadi imkanlarına uyğun olmadıqda işəgötürən bunu auditor rəyinə əsasən sübut etməlidir.

İşəgötürən kollektiv tələblərin ona təqdim edildiyi vaxtdan 5 iş günü (iş günü və təqvim günü anlayışlarını fərqləndirmək lazımdır. Belə ki, iş günü dedikdə ancaq işçilərin işlədiyi günlər nəzərdə tutulursa, təqvim gününə isə əmək fəaliyyəti ilə məşğul olmayan- məsələn, şənbə və bazar günləri də daxil edilir.) müddətində öz qərarını yazılı formada işçilərə və ya həmkarlar ittifaqları təşkilatına bildirməlidir. İşəgötürən kollektiv tələblərdən tam və ya qismən imtina etdikdə və ya tələblərə cavab verilməsini gecikdirdikdə, kollektiv əmək mübahisəsi başlanmış hesab olunur [3, s.155].

İşəgötürən kollektiv əmək mübahisəsinin başlanması haqqında 3 iş günü müddətində müvafiq icra hakimiyyəti orqanına verməlidir.

Qanuna görə, kollektiv sazişlərlə əlaqədar tələblərə 1 ay müddətində baxılır. Kollektiv əmək mübahisələri qanunvericiliklə nəzərdə tutulmuş qaydada barışdırıcı üsullardan və tətillərdən istifadə etməklə həll olunur. Burada təcrübəsi olan vasitəçinin köməyindən istifadə etmək müsbət nəticə verə bilər. Yəni, mübahisənin, münaqişənin baş verməməsi üçün

ən optimal həll variantlarından istifadə olunmalıdır.

Kollektiv əmək mübahisəsinin həll edilməsi üçün göstərilən barışdırıcı üsullardan istifadə oluna bilər:-razılaşdırıcı komissiyadan;- vasitəçidən;- əmək arbitrajından.

Tərəflər bu üsulların birindən və ya hamısından, yaxud mübahisənin daha tez həllinə səbəb ola biləcək digər üsuldən istifadə edilməsi barədə öz aralarında razılığa gələ bilərlər. Əldə edilmiş razılıq protokolla rəsmiləşdirilir.

İşçilər kollektiv əmək mübahisəsinin həlli gedişində öz tələblərini müdafiə etmək məqsədi ilə istehsal prosesinə mane olmadan işdən kənar vaxtlarda iclaslar, yığıncaqlar keçirmək hüququna malikdirlər.

Tərəflərin nümayəndələri, razılaşdırıcı komissiya, vasitəçi, əmək arbitrajı kollektiv əmək mübahisəsinin tez və ədalətlə həlli üçün bütün imkanlardan istifadə etməyə borcludurlar. Zəruri hallarda kollektiv əmək mübahisəsinin həllinin barışdırıcı üsullarından istifadə olunması üçün qanunvericiliklə müəyyən edilmiş müvafiq müddətlər tərəflərin razılığı ilə uzadıla bilər [7, s.7-10].

Yaranmış vəziyyəti araşdırmaq üçün razılaşdırıcı komissiyaya səlahiyyət verilir. Bu komissiya kollektiv əmək mübahisəsinin başladığı vaxtdan etibarən 3 iş günü müddətində yaradılır və işgötürənin müvafiq əmri (sərəncamı, qərarı) və işçilərin nümayəndələrinin qərarı ilə rəsmiləşdirilir.

Razılaşdırıcı komissiya bərabər hüquqlu əsasda tərəflərin sayca bərabər nümayəndələrindən təşkil edilir. Kollektiv əmək mübahisəsinə razılaşdırıcı komissiya tərəfindən onun yaradıldığı gündən 5 iş günü müddətində baxılmalıdır.

Razılaşdırıcı komissiyada tərəflər qarşılıqlı razılığa gəldikdə bu barədə protokol tərtib edilir. Əldə edilmiş razılıq tərəflər üçün məcburidir və protokolda nəzərdə tutulmuş müddətdə icra olunmalıdır. Razılıq əldə edilmədikdə fikir ayrılığı haqqında protokol tərtib edilir [1].

Kollektiv əmək mübahisəsinə vasitəçinin iştirakı ilə baxıla bilər. Vasitəçi tərəflərin qarşılıqlı razılığı ilə mübahisənin nəticələrində marağı olmayan yüksək ixtisaslı, bu sahədə təcrübəsi olan və nüfuzlu şəxslərdən müəyyən edilir.

Vasitəçinin işgötürəndən kollektiv əmək mübahisələrinə aid olan lazımi sənədləri və məlumatları tələb etmək hüququ vardır. Vasitəçi təyin edildikdən sonra 5 iş günü müddətində müəssisənin iqtisadi vəziyyətini, kollektiv danışıqlar üçün yaradılmış komissiyanın protokollarını, tərəflərin təkliflərini, habelə zəruri olan digər sənədləri təhlil edib

tərəflərin mövqelərinin barışdırılması variantlarını hazırlayır. Hazırlanmış variantlar dərhal tərəflərə təqdim edilir. Tərəflər 5 iş günü müddətində vasitəçinin iştirakı ilə təklif olunan variantları müzakirə etməlidirlər. Təklif olunmuş variantlardan hər hansı biri bəyənildikdə mübahisə həmin variant əsasında həll olunmuş hesab edilir və bu barədə protokol tərtib edilir [6, s.59]. Əgər, təklif olunmuş variantlardan heç biri bəyənilməzsə, onda fikir ayrılığı haqqında protokol tərtib edilir.

Problemi aradan qaldırmaq üçün kollektiv əmək mübahisəsinə əmək arbitrajında da baxıla bilər. Əmək arbitraji kollektiv əmək mübahisəsinin həlli üçün yaradılan müvəqqəti orqandır. O, kollektiv əmək mübahisəsinin əmək arbitrajının icraatına verilməsi barədə razılığın əldə edildiyi vaxtdan 5 iş günündən gec olmayaraq tərəflərin birgə qərarı ilə yaradılır.

Əmək arbitrajının tərkibinə adətən 3 nəfər daxil edilir. Reqlament, mübahisəyə baxılma yeri, müddətləri, arbitraja texniki yardımın təşkili tərəflərin qarşılıqlı razılığı ilə müəyyən olunur. Arbitrajın sədri arbitrlər tərəfindən öz sıralarından seçilir. Əmək arbitrajının tərkibinə mübahisənin nəticəsində maraqlı olmayan şəxslər, icra hakimiyyəti, bələdiyyə orqanlarının nümayəndələri, hüquq, əmək və sosial məsələlər üzrə mütəxəssislər və digər şəxslər daxil edilə bilər [3, s.153].

Tərəflər əmək arbitrajının qərarlarının məcburiliyi barədə qabaqcadan razılığa gələ bilər. Əmək arbitrajında 7 iş günü ərzində kollektiv əmək mübahisələrinə baxılır. Əmək arbitraji mübahisəyə aid olan bütün lazımi sənədləri və məlumatları almaq hüququna malikdir.

Bəzən sosial münaqişələr işəgötürənin lazımi iş şəraitini yaratmaması ilə əlaqədar baş verir. İşçilər tərəfindən əmək funksiyasının yerinə yetirilməsi üçün işəgötürən ləyqli əmək şəraitini təmin etməlidir.

Bəzən sosial münaqişələr iş yerlərində növbəti attestasiya zamanı təzahür edir. Belə ki, attestasiya komissiyasının üzvləri hər hansı işçiə qarşı qərəzli mövqe nümayiş etdirərsə onda sosial münaqişə qaçınılmaz olur. Ümumiyyətlə, işəgötürən müvafiq iş yerlərində əməyin mühafizəsi tədbirlərinin təmin olunmasını və ya istehsal sanitariyasının, gigiyenasının vəziyyətini müəyyən etmək və yaxşılaşdırmaq məqsədi ilə, habelə əmək məhsuldarlığının və işin səmərəliliyinin artırılması, əməyin təşkilində ən mütərəqqi üsulların, o cümlədən yeni texnikanın və ya texnologiyanın tətbiqi zamanı vaxtaşırı iş yerlərinin attestasiyasını keçirir. Bu məqsədlə həmkarlar ittifaqları təşkilatının nümayəndələrindən, əməyin mühafizəsi xidmətlərinin və əməyin təşkili

üzrə peşəkar mütəxəssislərdən ibarət iş yerlərinin attestasiyası komissiyası yaradılır. İşçilərin peşəkarlıq səviyyəsinin yoxlanılması, ixtisasına, sənətinə müvafiq olaraq onların tutduğu vəzifəyə (peşəyə) uyğun olduğunu aşkara çıxarmaq məqsədi ilə bütün işçilərin attestasiyası keçirilə bilər. İşəgötürənin əmri (sərəncamı) ilə işçilərin attestasiyasının keçirilməsi üçün təcrübəli, yüksək peşəkarlıq qabiliyyətinə malik, obyektivliyi və qərəzsizliyi ilə seçilən nüfuzlu şəxslərdən, habelə həmkarlar ittifaqları təşkilatının nümayəndəsindən ibarət attestasiya komissiyası yaradılır. Attestasiya komissiyasının üzvləri tərəfindən işçiyə yalnız tutduğu vəzifəyə (peşəyə), əmək funksiyasına, ixtisasına (peşəsinə) dair, yerinə yetirdiyi işlər və onların nəticələri barədə, habelə tutduğu vəzifəyə (peşəyə) uyğunluğunu müəyyən etmək üçün zəruri olan əmək müqaviləsi ilə müəyyən edilmiş hüquqları, vəzifələri dairəsinə aid olan məsələlərlə əlaqədar suallar verilə bilər. Attestasiya olunan işçinin siyasi baxışlarına, məənəvi, əxlaqi kamilliyinə, şəxsiyyətinə, etiqadına və digər sırf şəxsi dəyərlərinə görə, o cümlədən onun intizamlılıq dərəcəsinə görə peşəkarlıq səviyyəsinin qiymətləndirilməsi yolverilməzdir **[1, Maddə 64]**. Bəzən belə hallar da baş verir ki, bu da mübahisələrin alovlanmasını körükləyir. Attestasiya komissiyasının işi aşkarlıq şəraitində, obyektiv, qərəzsiz və qanunvericiliyin tələblərinə əməl edilməklə aparılmalıdır. Attestasiya komissiyası qərarını gizli və ya açıq səsvermə yolu ilə səs çoxluğu ilə qəbul edir. Müvafiq iş yeri üzrə əmək kollektivi nümayəndələrinin attestasiya komissiyasının iclasında müşahidəçi kimi iştirak etmək istəyi təmin olunmalıdır.

Əmək fəaliyyətinin həyata keçirilməsi prosesində işçilərin və işəgötürənlərin mənafeələrinin üst-üstə düşməməsi, bəzən isə əvvəldə qeyd edildiyi kimi onların bir-birinə zidd olması çox vaxt onlar arasında sosial münaqişələrin yaranmasına gətirib çıxarmamalı, ən optimal variantlarla, dialoq vasitəsilə, qanunvericiliyə əsaslanaraq aradan qaldırılmalıdır.

Nəticə

Müasir dövrdə sosial münaqişələrin elmi-nəzəri cəhətdən araşdırılıb ətraflı tədqiq olunması zəruridir. Onların həlli metodlarının təhlilində və müəyyən edilməsində, həmin proses zamanı istifadə edilən vasitələrin ən düzgün variantının seçilməsində önəmli bir addım olduğundan elm üçün böyük əhəmiyyət kəsb edir. Bu da məlumdur ki, hər bir konkret sosial münaqişənin bütün obyektiv və subyektiv amillərini,

birbaşa və dolayı təsiredici qüvvələrini, münaqişə ətrafındakı qlobal və regional mənafeələr şəbəkəsini bilmədən və maksimum nəzərə almadan onu həll etmək mümkün deyildir.

Müxtəliflik isə ayrı-ayrı insanlar, sosial qruplar arasında fikir ayrılıqlarına, bir-birinə zidd olan maraq, mənafe və baxışların formalaşması ilə özünü büruzə verir. Bir-birinə zidd olan fikirlərin, iddiaların, maraqların toqquşması isə sosial münaqişələrin yaranmasına dəlalət edir, həmin prosesi sürətləndirir. Tədqiqatdan əldə etdiyimiz nəticəyə söykənərək deyə bilərik ki, belə sosial münaqişələr şəxsi ambisiyalardan, iddialardan, insanların sosial dialoqa və qarşılıqlı güzəştə hazır olmamasından yaranaraq sistemin inkişafına əksər hallarda mənfi təsir göstərir, problemlər yaradır. Bununla da, sosial münaqişə pozucu, neqativ funksiyasını yerinə yetirmiş olur. Məlum olduğu kimi sosial münaqişələr yalnız şəxsi və yaxud qrup ambisiyalarından yaranmır, o eyni zamanda sosial-iqtisadi vəziyyətlə də əlaqədar olub pozitiv funksiya da yerinə yetirir. Sosial-iqtisadi tədbirlərin vaxtında və düzgün keçirilməməsi ilə əlaqədar inkişafın zəifləməsi, mövcud rəhbərliyin öz nüfuzunu itirməsi, o cümlədən də müəssisəyə nəzarət mexanizminin ciddi pozulması müəssisənin fəaliyyətindəki fasilə və çətinliklər böhran hadisəsini yaradır. Bu isə işçi kütləsində narazılıq yaratmaqla sosial münaqişəyə səbəb olur. Bu baxımdan hər bir sosial qrup, sosial birlik bu və ya digər dərəcədə sosial münaqişəyə meyillidir, ancaq bu müəssisə üçün patoloji deyil, normal hal olub durğunluğun qarşısını almaqla, inkişaf meyarı kimi çıxış edə bilər. Bütün bunlar öz ifadəsini müasir sistemin əsas elementi olan hüququn “qanunla qadağan olunmayan hər şeyə icazə var” prinsipində tapır.

Müəssisə və təşkilatın rəhbəri, işəgötürən həmkarlar ittifaqı ilə birlikdə həmin təşkilatdakı münaqişələri düzgün dəyərləndirməli, baş vermiş münaqişəyə vaxtında və düzgün fəaliyyət taktikası seçərək müdaxilə etməlidir. Müəssisə rəhbəri hansı münaqişənin işçilərin xarakterindəki müxtəliflikdən, hansının təbəçilərin səriştəsizliyindən, hansıların münaqişəpərəst şəxslərin cəfəkeşliyindən, hansıların daha önəmli olduğunu, hansılara diqqət ayırmağın lüzumsuz olduğunu ayıra, fərqləndirə bilməlidir. Bunun üçün isə rəhbərlər işçilərini daha yaxından tanımalıdırlar, onların xasiyyətlərinə az da olsa bələd olmalıdırlar, onların psixologiyasını bilməlidirlər. Çox vaxt isə münaqişələr özləri bu işdə rəhbərə güzgü tuturlar.

Sosial münaqişə prosesində münaqişənin iştirakçıları müxtəlif fikirlər, müxtəlif təkliflər irəli sürmək imkanına sahib olurlar ki, bu anda

münaqişənin ən əsas müsbət tərəfi meydana çıxır.

Münaqişənin yaranması üçün səbəbin olması vacibdir, münaqişə heç bir səbəb olmadan yaranma bilməz, lakin münaqişə üçün lazım olan maraqlar həmişə münaqişə iştirakçıları tərəfindən tez dərk edilmir. Sosial münaqişə narazılıq yaradacaq situasiyasının aşkar və ya qeyri-aşkar olduğu zaman özünü büruzə verir. Dəyərlər, məqsədlər, məqsədə çatma vasitələri heç də həmişə bilavasitə münaqişəyə gətirib çıxarmır. Münaqişənin əks tərəfi ya ədalətsizliklə barışır, ya da narazılığını gizlədərək öz zamanını gözləyir.

Səbəb münaqişəyə təkan verən amillərdən yalnızca biridir. Müəssisə rəhbəri, işəgötürən baş vermiş sosial münaqişəni araşdırarkən faktiki səbəblərin təhlilindən başlamalı, sonra isə müvafiq həll yollarından yararlanmalıdır.

İşəgötürən təbəçiliyində olan işçilərin mənafe və marağına laqeyddirsə, işçilərin əməyinin nəticəsini mənimsəməklə, onları düzgün dəyərləndirməməklə ümumi maraq və mənafləri tapdalayırsa (cüzi əmək haqqı verilir, əmək haqqının verilməsi yubadılır, əmək haqqının məbləği ilə orta həyat səviyyəsinin dəyəri arasında uçurum yaradılır və s.), bu, şübhəsiz müəssisədaxili münaqişəyə səbəb olacaqdır və eyni zamanda kollektiv mübahisələrin yaranmasına gətirib çıxaracaqdır.

İstənilən sosial münaqişə mübahisə mərhələsindən başlayır, ancaq bütün mübahisələr münaqişəyə səbəb olmur. Mövcud mübahisənin münaqişəyə çevrilməsi üçün: münaqişə ilə bağlı mübarizə tərəfləri üçün əhəmiyyətli olmalı; münaqişə tərəflərindən birinin (işəgötürənlər, həmkarlar ittifaqları, əmək kollektivi) digər tərəfə öz məqsədinə çatmasında maneəçilik yaratmalı və bu da münaqişəyə qoşulmuş bir tərəfin və ya qrupun maneəçilik yaradan digər tərəfə qarşı səbrinin tükənməsi ilə nəticələnməlidir ki, münaqişə baş versin.

Müəssisədə münaqişələrin əsas səbəbləri bölüşdürülməsi vacib olan resursların məhdudluğu, tapşırıqların qarşılıqlı asılılığı, məqsədlər arasında fərqlər, təqdim edilmiş dəyərlərdə olan fərqlər, davranış tərzində olan fərqlər, təhsil səviyyəsi, pis kommunikasiya, iş yerlərinin balanslaşdırılmaması motivasiyanın çatışmazlığıdır.

Müəssisələrdəki sosial münaqişələrin qarşısının alınmasında həmin müəssisənin həmkarlar ittifaqlarının mühüm rolu vardır. Belə ki, həmkarlar ittifaqları işçi və işəgötürən arasındakı münaqişəni bağlanmış fərdi və kollektiv müqaviləyə əsasən aradan qaldıra bilər.

Fikrimizcə, sosial münaqişələrin həll edilməsi üçün dünya praktikasında istifadə edilən üsullarla bərabər milli xüsusiyyəti rəhbər

tutan üsullar işlənib hazırlanmalıdır. Ümumiyyətlə, hər bir şəxs çalışmalıdır ki, işlədiyi müəssisədə sosial münəqişə baş verməsin, bunun üçün ilkin şərait yaranmasın, artıq baş verdikdə isə onu qarşılıqlı anlaşma yolu ilə həll etsin. Bu zaman təcrübəsi olan şəxslərə, tanınmış mütəxəssislərin rəylərinə müraciət edilməsi böyük səmərə verə bilər.

Ədəbiyyat:

1. Azərbaycan Respublikasının Əmək Məcəlləsi. <https://e-qanun.az/framework/46943>. maddə 259-286

2. Bağirova X. Təşkilatlarda sosial münəqişələrin idarə edilməsi problemləri. Bakı, UNEC, 2021, s.23

3. Əliyev M.N., Hüseynov P.A. Kollektiv əmək mübahisələrinin həllinin barışdırıcı üsulları//Keçid dövründə Azərbaycan Respublikasında dövlət və hüquq quruculuğunun aktual problemləri. Elmi məqalələr məcmuəsi. 8-ci buraxılış. Bakı, 2004, s.152-157

4. İsgəndərov R. Elmi-texniki tərəqi:sosial-iqtisadi aspektlər. Bakı, 2010, s.372

5. Qaraşov H. Həmkarlar ittifaqları hərəkətinin əsasları. Bakı, 2015, s.125

6. Qasimov A.M. Əmək hüququ. Dərslik. Bakı, Adiloğlu, 2007, s.12

7. Qasimov A.M., Dadaşov Z.N. Kollektiv əmək mübahisələri və onların həlli qaydası// Qanun, Bakı, 1996, №1, s.7-10

8. Vəliyev Ə. Sosial münəqişələrin inkişaf dinamikasının cəmiyyətə təsirinin təhlili// <https://stm.az/az/news/317/sosial-munaqiselerin-inkisaf-dinamikasinin-cemiyete-tesirinin-tehlili-09.08.2024>

9. Şabanov Z.M. Müasirləşən cəmiyyətin yeni paradıqmaları. Bakı, Avropa, 2017,s.45

10. Şəfi Ü. Konfliktologiya. Bakı, Adiloğlu, 2002, s.21

11. Анцупов А.Я. Конфликтология. Москва, Прогресс, 2009, с.157

12. Архипова Н.И. Организационное управление. М: Приор, 1998, s.136

13. Баглай М.В. Профсоюзы и рынок в социальном государстве. М.: 2017, s.154

14. Бородин Ф.Н., Коряк Н.Н. Внимание: конфликт. Новосибирск, Наука, 1989, с.230

15. Гайнуллина Ф.И. Международный опыт развития социального партнерства. Москва, 2009, s.154

16. Караткевич А.Г. О некоторых особенностях социального

партнерства, системе и механизме. М.: АТИСО, 2009, s.208

17.Шулус А.А. Российская модель социального партнерства. Москва, 2007, s.34

18.Штракс Г.М. Социальное противоречие. М:Мысль, 2017, с.110

19.Цветаев Д.В. Кадровый менеджмент. Москва, 2006, s.136

20.Folger, J. P., Poole, M. C., & Stutman, R. K. Çatışma yönetimi, ilişkiler, gruplar ve kuruluşlar için stratejiler (Çev. F. Akkoyun). Ankara: Nobel., 2013, s.194

21.Moberg, P. J. “Linking Conflict Strategy to the Five Factor Model: Theoretical and Empirical Foundations”, International Journal of Conflict Management, 12, 2001, s.55

22.www.ahik.az - 09.04. 2023

23.www.ulfet.com - 18.04.2023

24.www.ulfet.com-01/05/18

25.<https://treason-nay.ru/az/conflicts/what-concerns-social-conflict.html>- 12.03.20 23

References:

1.Azerbaijan Respublikasının Emek Məcəlləsi. <https://e-qanun.az/framework/46943>. maddə 259-286

2.Bağirova X .Təşkilatlarda sosial münaqişələrin idarə edilməsi problemləri. Bakı, UNEC, 2021

3.Aliyev M.N., Hüseynov P.A. Kollektiv emək mübahisələrinin həllinin barışdırıcı üsulları//Kecid dövründə Azərbaycan Respublikasında dövlət və hüquq quruculuğunun aktual problemləri. Elmi məqalələr məcmuəsi. 8-ci buraxılış. Bakı, 2004

4.İsgəndərov R. Elmi-texniki tərəqqi:sosial-iqtisadi aspektlər. Bakı, 2010

5.Qarasov H. Həmkarlar ittifaqları hərəkətinin əsasları. Bakı, 2015

6.Qasimov A.M. Emək hüququ. Dərslək. Bakı, Adiloglu, 2007

7.Qasimov A.M., Dadasov Z.N. Kollektiv emək mübahisələri və onların həlli qaydası // Qanun, Bakı, 1996, №1

8.Vəliyev A. Sosial münaqişələrin inkişaf dinamikasının cəmiyyətə təsirinin təhlili/<https://stm.az/az/news/317/sosial-munaqiseler-inkişaf-dinamikasının-cəmiyyətə-təsirinin-təhlili>-09.08.2024

9.Sabanov Z.M. Müasirlənən cəmiyyətin yeni paradıqları. Bakı, Avropa, 2017

10.Səfi U. Konfliktologiya. Bakı, Adiloglu, 2002

11. Ansupov A.Y. Konfliktologiya. Moskva, Proqress, 2009
12. Arxipova N.İ. Orqanizacionnoye upravlenie. M: Prior, 1998,
13. Baqlay M.V. Profsoyuzı i rınok v sosialnom qosudarstve. M.: 2017
14. Borodkin F.N., Koryak N.N. Vnimanıye: konflikt. Novosibirsk, Nauka, 1989
15. Qaynullina F.İ. Mejdunarodnyy opıt razvitiya sosialnoqo partnerstva. M.: 2009
16. Karatkevic A.Q. O nekotoryx osobennostyax sosialnoqo partnerstva, sisteme i mexanizme. M.: ATİSO, 2009
17. Sulus A.A. Rossiyskaya model sosialnoqo partnerstva. M.: 2007
18. Ştraks Q.M. Sosialnoye protivoreçıye. M: Misl, 2017
19. Svetaev D.V. Kadrovıy menecment. M.: 2006
20. Folger, J. P., Poole, M. C., & Stutman, R. K. Catışma yönetimi, iliskiler, gruplar ve kuruluslar icin stratejiler (Cev. F. Akkoyun). Ankara: Nobel, 2013
21. Moberg, P. J. "Linking Conflict Strategy to the Five Factor Model: Theoretical and Empirical Foundations", International Journal of Conflict Management, 12, 2001
22. www.ahik.az - 09.04. 2023
23. www.ulfet.com - 18.04.2023
24. www.ulfet.com - 01/05/18
25. <https://treason-nay.ru/az/conflicts/what-concerns-social-conflict.html> - 12.03.20 23

HƏMKARLAR TƏŞKİLATININ ƏMƏK KOLLEKTİVLƏRİNDƏKİ ROLU

Xülasə

Məqalənin məqsədi. Sosial institutun tərkib hissəsi olan əmək kollektivi insanların birgə fəaliyyət göstərdiyi əmək müəssisələrində əməkdaşların bir-biri ilə əlaqə qurmasına, vəhdət şəklində funksiya göstərməsinə və digər ehtiyaclarının ödənilməsinə xidmət edən qurumlardır.

Məqalədə dünyada və Azərbaycanda həmkarlar ittifaqlarının yaranma tarixi, onların məqsədi, vəzifəsi və fəaliyyətinin əsas istiqamətləri araşdırılır və təhlil edilir.

Həmkarlar ittifaqları hərəkətinin tarixi təcrübəsinin öyrənilməsi həmkarlar ittifaqlarının məqsəd və vəzifələri, onların fəaliyyətinin əsas istiqamətləri haqqında biliklərimizi zənginləşdirir, işəgötürənlərlə dövlətin qarşılıqlı münasibətlərini də düzgün başa düşməkdə bizə kömək edir. Bu da onu göstərir ki, həmkarlar ittifaqları cəmiyyətin inkişafında və insanların həyatında önəmli rol oynayır.

Tədqiqatın məqsədinə uyğun olaraq aşağıdakı *vəzifələr* müəyyənləşdirilmişdir: Həmkarlar ittifaqının yaranmasını tarixi ardıcılıqla izləmək; həmkarlar ittifaqı haqqında qanun və sərəncamları araşdırmaq; həmkarlar ittifaqının məqsəd, vəzifə və fəaliyyətinin əsas istiqamətlərini araşdırmaq; həmkarlar ittifaqının cəmiyyət həyatındakı rolunu diqqətə çatdırmaq.

Tədqiqat metodları və metodologiyası. Tədqiqat sistemli yanaşma və təhlil metodlarına əsaslanaraq aparılmışdır.

Problemin araşdırılma dərəcəsi. Mövzu araşdırılarkən həmkarlar ittifaqı haqqında dövlət başçısının imzaladığı qanun və bu qanuna edilən əlavə və dəyişikliklərə baxılmış, bir sıra şəxsiyyətlərin fikirləri nəzərdən

keçirilmiş və onlardan bəzilərinə istinadlar edilmişdir. Araşdırma zamanı mövzu ilə bağlı internet səhifələrində mövcud olan materiallar diqqətlə izlənilmişdir.

Elmi yenilik. Məqalədə dünyada və Azərbaycanda həmkarlar ittifaqlarının yaranma və inkişaf tarixi araşdırılaraq, fəaliyyət istiqamətləri, bu sahədə aparılan islahatlar ardıcılığı izlənilmiş, bu islahatların cəmiyyət həyatına təsiri oxucuya təqdim olunmuşdur. Məqalə əmək kollektivlərinin birləşərək yaratdığı həmkarlar ittifaqlarının cəmiyyət həyatındakı vacibliyi və zəruriliyini ortaya çıxarır. Bu da onu deməyə əsas verir ki, məqalənin mövzusu hər zaman üçün yenidir və əhəmiyyətlidir. Çünki dəyişən dünyada insanların dəyişən ehtiyaclarını ödəmək yeniliklərə açıq olmağı və hər gün yenilənməyi tələb edir. Məqalədə AMEA-da Azad Həmkarlar İttifaqının yaranma tarixinə də nəzər salınmış və ilk dəfə olaraq Fəlsəfə və Sosiologiya İnstitutunun Həmkarlar Təşkilatının gördüyü işlər önə çıxarılmışdır.

Nəticələr. Sosisal institutun bir ünsürü olan əmək kollektivlərinin həmkarlar ittifaqları bu günkü simasını alana qədər uzun tarixi bir yol keçmişdir. Bu ittifaqlar əməyin mühafizəsinin, əmək insanların müasir, dünya standartlarına uyğun iş və həyat şəraitinin yaradılması istiqamətində köklü islahatlar aparılmasının vacibliyini ortaya çıxarmış və zəruri imkan yaratmışlar. Artıq dünyanın hər yerində insanlar demək olar ki, öz hüquq və vəzifələrini daha yaxşı bilir və öz haqlarını daha rahat tələb edə bilirlər. Əmək kollektivlərinin həmkarlar ittifaqları insan əməyinə diqqəti ön plana çəkərək öz üzvlərinin qanuni tələblərinin və maddi-mənəvi ehtiyaclarının ödənilməsində və eləcə də hüquqlarının qorunmasında mühüm rol oynayırlar.

Açar sözlər: sosial institut, Fəlsəfə və sosiologiya İnstitutu, əmək kollektivi, həmkarlar ittifaqı, konfederasiya, ehtiyac.

УДК-316

Ася Гумауак гызы Ахмедова

отдел международных отношений

Институт Философии и Социологии НАНА

Старший специалист

г.Баку, улица У.Бунйадзаде 14

Тел: +994557942944

Эл. адрес: asyahmed75@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-3449-0832>

РОЛЬ ПРОФСОЮЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ТРУДОВЫХ КОЛЛЕКТИВАХ

Резюме

Цель статьи. Трудовой коллектив, входящий в состав социального института, представляет собой институт, служащий для установления взаимоотношений друг с другом, функционирования как единства и удовлетворения других потребностей работников трудовых предприятий, где люди работают вместе.

В статье рассматривается и анализируется история профсоюзов в мире и в Азербайджане, их цели, задачи и основные направления их деятельности.

Изучение исторического опыта профсоюзного движения обогащает наши знания о целях и задачах профсоюзов, основных направлениях их деятельности, помогает понять взаимоотношения работодателей и государства. Это свидетельствует о том, что профсоюзы играют важную роль в развитии общества и жизни людей.

В соответствии с целью исследования были определены следующие *задачи*: проследить становление профсоюзов в исторической последовательности; изучить законы и постановления о профсоюзах; рассмотреть основные направления цели, задачи и деятельности профсоюзов; подчеркнуть роль профсоюзов в жизни общества.

Методы и методика исследования. Исследование проводилось на основе системного подхода и методов анализа.

Степень исследования проблемы. В ходе исследования темы был рассмотрен закон, подписанный главой профсоюзов, а также внесенные в этот закон дополнения и изменения, рассмотрены мнения ряда деятелей и даны ссылки на некоторых из них. В ходе исследования тщательно проверялись материалы, доступные на интернет-страницах по данной теме.

Научная новизна. В статье исследована и представлена читателю история создания и развития профсоюзов в мире и в Азербайджане, прослежены направления действий, последовательность реформ, проводимых в этой области, а также влияние этих реформ на общественную жизнь. Также раскрывается значение и необходимость профсоюзов, образуемых объединением

трудовых коллективов, в жизни общества. Исторический прогресс показывает, что профсоюзы играют важную роль в развитии общества и жизни людей. Это говорит о том, что тема статьи по своему нова и важна для каждого времени. Потому что удовлетворение меняющихся потребностей людей в меняющемся мире требует открытости для инноваций и обновлений каждый день. В статье также рассматривается история создания Свободного профсоюза НАНА и впервые освещается работа, проделанная Профсоюзом Института философии и социологии.

Выводы. Профсоюзы трудовых коллективов, являющиеся элементом социального института, прошли долгий исторический путь, прежде чем приняли свой нынешний вид. Эти профсоюзы раскрыли важность радикальных реформ в направлении охраны труда, создания современных условий труда и жизни трудящихся в соответствии с мировыми стандартами и создали необходимые для этого возможности. Почти во всем мире люди теперь лучше знают свои права и обязанности и могут легче требовать соблюдения своих прав. Профсоюзы трудовых коллективов играют важную роль в удовлетворении законных требований и материальных и моральных потребностей своих членов, а также в защите их прав, уделяя особое внимание человеческому труду.

Ключевые слова: социальный институт, Института философии и социологии, трудовой коллектив, профсоюз, конфедерация, потребность.

UDC-316

Asya Ahmadova Humayag

Institute of Philosophy and Sociology of ANAS

Senior Specialist

Baku city, U.Bunyadzade 14

Email: asyahmed75@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-3449-0832>

Tel: +994557942944

THE ROLE OF TRADE UNION ORGANIZATIONS IN THE LABOR COLLECTIVE

Summary

The purpose of the article. The labor collective, which is a part of

the social institute, is the institution that serves to establish a relationship with each other, function as a unity, and satisfy other needs of the employees in the labor enterprises where people work together.

In the article entitled " Labor collective as a social institution", the history of trade unions in the world and in Azerbaijan, their purpose, task and the main directions of their activity are investigated and analyzed.

Studying the historical experience of the trade union movement enriches our knowledge about the goals and tasks of trade unions, the main directions of their activity, and helps us to understand the mutual relations between employers and the state. This shows that trade unions play an important role in the development of society and in people's lives.

In accordance with the purpose of the research, the following *duties* have been defined: Trace the formation of the trade union in historical sequence; examine laws and ordinances about trade unions; to examine the main directions of the purpose, task and activity of the trade union; to emphasize the role of the trade union in the life of the society.

Research methods and methodology. The research was conducted based on systematic approach and analysis methods.

The degree of investigation of the problem. While investigating the topic, the law signed by the head of the trade union and the additions and changes made to this law were reviewed, the opinions of a number of personalities were reviewed and references were made to some of them. During the research, the materials available on the internet pages related to the topic were carefully monitored.

Scientific innovation. In the article, the history of the creation and development of trade unions in the world and in Azerbaijan was investigated, the directions of action, the sequence of reforms carried out in this field were followed, and the impact of these reforms on social life was presented to the reader. The article reveals the importance and necessity of trade unions formed by the union of labor collectives in the life of society. Historical progress shows that trade unions play an important role in the development of society and people's lives. This suggests that the topic of the article is new and important for every zamzn. Because meeting the changing needs of people in a changing world requires being open to innovations and renewing every day. The article also looks at the history of the establishment of the Free Trade Union at ANAS and, for the first time, highlights the work done by the Trade Union of the Institute of Philosophy and Sociology.

Results. Trade unions of labor collectives, which are an element of

the socialist institution, have gone through a long historical path until they took their present form. These unions revealed the importance of radical reforms in the direction of labor protection, creation of modern working and living conditions of working people in accordance with world standards and created a necessary opportunity. Almost all over the world, people now know their rights and responsibilities better and can demand their rights more easily. Trade unions of labor collectives play an important role in meeting the legal demands and material and moral needs of their members, as well as in protecting their rights, focusing on human labor.

Keywords: Social institution, Institute of Philosophy, labor collective, trade union, confederation, need.

Giriş

Müəssisələrdə müəyyən sosial ehtiyacları ödəmək və insanların birgə fəaliyyətini təşkil etmək üçün əmək kollektivlərinin birləşməsi zərurəti yaranır. Bütün dünyada əmək kollektivləri Həmkarlar ittifaqlarında birləşir. Əmək kollektivlərinin sosial institut kimi formalaşması uzun bir tarixi yol keçmişdir.

İlk dəfə həmkarlar ittifaqları XVIII əsrin ikinci yarısında Böyük Britaniyada öz peşə mənafeələrini müdafiə etmək və sosial statusunu qorumaq üçün birləşmiş yüksək ixtisaslı fəhlələrin assosiasiyası kimi meydana gəlmişdir. Bu assosiasiya sonralar öz sıralarına qeyri-ixtisaslı fəhlələri də qəbul edərək uzun müddət lokal xarakter daşımış və yalnız 1824-cü ildə ləqəlləşmişdir.

XIX əsr ərzində həmkarlar ittifaqı Böyük Britaniyadan sonra Almaniya, Avstriya, Hollandiya, Kanada, Fransa və digər ölkələrdə yaranmağa başlamışdır. ABŞ-da bu tipli təşkilatlar yalnız XX əsrin 20-30-cu illərində yaranmışdır.

Fransada həmkarlar ittifaqları yaranmasından 90 il sonra ləqəlləşmiş, ABŞ-da isə yalnız XX əsrin 30-cu illərində qanuni tanınmışdır.

Həmkarlar ittifaqlarının müdafiə funksiyaları 1940-1960-cı illərdə əsasən anqlo-saks ölkələrində: Böyük Britaniya, ABŞ, Kanada, Avstraliya və Yeni Zelandiyada qanun qüvvəsinə minmişdir.

Rusiyada ilk həmkarlar ittifaqı 1905-ci ildə yaranmışdır. Belə ki, 1905-ci ilin mart ayında Putilov, Obuxov və Semennikov zavodlarında məxfi qaydada birinci həmkarlar ittifaqı təşkilatları yaradılır. Bunların ardınca həmin ilin aprel ayında Moskva şəhərində 10 dəmiryol

nümayəndələrinin qurultayında Ümumrusiya Dəmiryolçularının həmkarlar ittifaqı yaradılır.

Rusiyada həmkarlar ittifaqları Qərbi Avropa ölkələri və ABŞ-la müqayisədə gec yaransa da, onun özünəməxsus xüsusiyyətləri olmuşdur. Əgər Qərbi Avropa ölkələrində və ABŞ-da həmkarlar ittifaqları inhisardan əvvəlki kapitalizm və siyasi partiyaların yaranmasından əvvəl meydana gəlmişdisə, Rusiyada kütləvi həmkarlar ittifaqları inqilabi yüksəliş dövründə formalaşmağa başlamışdır. Hökumət əmək adamlarının iqtisadi tələblərini rədd etdikdən sonra bu tələblər siyasi tələblərə çevrilmişdir.

Azərbaycanda Həmkarlar İttifaqının meydana gəlməsi

XIX əsrin axırlarında Azərbaycanda müxtəlif adlar altında fəaliyyət göstərən, lakin mahiyyətcə qeyri-hökumət təşkilatlarının funksiyasını yerinə yetirən, başqa sözlə, dövlətin görə bilmədiyi fəaliyyəti həyata keçirən, özündə həmkarlar ittifaqlarının özünəməxsus xüsusiyyətlərini daşıyan xeyriyyə cəmiyyətləri müstəsna rol oynamışlar[4]. Yaranmış bu qurumlar statusuna görə hüquqi qüvvəyə malik olmuş, fəaliyyətlərində xalqımızın qarşılıqlı yardım əməllərini davam etdirən ictimai təşkilatlar olmuşlar. Hüquqi sənədlərlə rəsmiləşdirilmiş və dövlət strukturları tərəfindən təsdiq edilmiş nizamnamələr əsasında qururmuş həmin xeyriyyə cəmiyyətləri konkret şəraitdə tədricən xalqın gündəlik iqtisadi problemlərinin həlli ilə məşğul olmuş, xaraktercə geniş sosial təyinatlı qurumlara çevrilərək hüquqi təşkilatlar kimi fəaliyyət göstərmişlər. Məsələn, əsası 1871-ci ildə Bakıda böyük maarifçi Həsən bəy Zərdabi və görkəmli mesenat Hacı Zeynalabdin Tağıyev tərəfindən qoyulmuş ilk «Bakı müsəlman xeyriyyə cəmiyyəti» nəinki ölkəmizdə xeyriyyəçilik hərəkatının bünövrəsini qoymuş, habelə mövcud ictimai şəraitdə Azərbaycanda vətəndaşlıq şüurunun müəyyən inkişaf mərhələsini əks etdirmişdir. Cəmiyyət yoxsul müsəlman ailələrinə paltar, ərzaq verilməsilə, yaşayış yerlərində onlara tibbi xidmət göstərilməsilə, yaxud kasıb müsəlman uşaqlarının orta və ali tədris müəssisələrində təhsil almağına maddi yardım göstərməklə böyük nüfuz qazanmışdır[3;24].

1904-cü ildə Balaxanıda və Bibi-həybətdə Lev və İlya Şedrinkov qardaşları zəhmətkeşlərin müstəqil təşkilatını yaratmışdı. Təşkilat proletar kütlələrin iqtisadi vəziyyətilə bağlı problemlərin həllinə üstünlük vermişdir.

1904-cü ilin 14 dekabrında «Elektriçeskaya sila» zavodunda neft sənayesi işçilərinin ümumi yığıncağında qəbul edilmiş qətnamənin

əsasında «Mazut konstitusiyası» adlanan Kollektiv müqavilə imzalandı [10]. Beləliklə, 1905-ci il yanvarın birindən zəhmətkeşlərin iş şəraitində əlavələr və dəyişikliklər edildi. Bu kollektiv müqavilə dövrünə görə müstəsna əhəmiyyətə malik idi. Qeyd edək ki, ilk qeyri-hökumət tipli təşkilatların yaradılması cəmiyyətdə milli şüurun oyanışı, maarifçi ziyalıların siyasi və mədəni cəhətcə təşkilatlanmaya çağırışları dövrünə təsadüf edirdi.

Azərbaycanda ilk dəfə 1905-ci il oktyabr ayının 17-də Bakı şəhəri atla sürülən dəmiryolu fəhlələri və qulluqçularının həmkarlar ittifaqı yaradıldı. Həmin ilin noyabrında mətbəə işçiləri həmkarlar ittifaqının əsası qoyuldu. Bu dövrdə kontor qulluqçuları, şəhər, mədən qulluqçuları, ticarət gəmiçiliyi qulluqçularının xırda həmkarlar ittifaqları da mövcud idi. 1905-ci ilin sonunda Bakıda "İttifaqların ittifaqı bürosu" yaradılmışdı.

1906-cı il martın 4-də həmkarlar ittifaqı haqqında xüsusi qanun - "Ticarət və sənaye müəssisələrində şəxslər və ya bu müəssisələrin sahibləri üçün təsis edilmiş həmkarlar cəmiyyətləri haqqında müvəqqəti qayda" qəbul etmişdi. Bu qanun həmkarlar ittifaqları və cəmiyyətlərə, onların nizamnamələri müəssisə rəhbərliyi tərəfindən qeydiyyata alınmaq şərtlə qanunvericilik orqanının razılığı ilə qəbul edilirdi.

Bu dövrdə inqilabi yönüm götürmüş neftçi fəhlələr neft sənayesində məşğul olan bütün işçiləri vahid və güclü ittifaqlarda birləşdirməyə çalışırdı. Fəhlələrin bir qismi isə sex prinsipi üzrə üç kiçik ittifaq - qazmaçılar, emal edən işçilər, mexaniki zavod işçiləri və ustalarının ittifaqını yaratmağı təklif edirdilər. Həmkarlar ittifaqlarının təşəkkülü ətrafında uzun müzakirələrdən sonra 1906-cı il oktyabr ayının 1-də «Neft sənayesi fəhlələrinin ittifaqı» yaradıldı. Bu Azərbaycanda ilk güclü həmkarlar ittifaqı təşkilatı idi. İttifaq yarananadək sənaye müəssisələrində seçkili zavod və mədən fəhlə komissiyaları fəaliyyət göstərirdi və bu komissiyaların əsas funksiyalarından biri fəhlələri həmkarlar ittifaqlarına cəlb etmək olmuşdur. Məhz bu komissiyaların apardığı iş həmkarlar ittifaqının yaradılmasını asanlaşdıran cəhətlərdən olmuş, qısa müddət ərzində «Neft sənayesi fəhlələrinin ittifaqı» ən kütləvi həmkarlar ittifaqlarına çevrilmişdir. 1907-ci ilin sonunda onun sıralarında 6 mindən çox üzv birləşmişdi [10].

Neft sənayesi fəhlələri həmkarlar ittifaqı 1907-ci ilin avqustunda özünün mətbu orqanı olan «Qudok» qəzetinin çapına başlayır. Bu qəzetin cəmi 37 nömrəsi buraxılmışdı. 1908-ci ilin avqustunda isə ittifaq «Bakinski raboçi» qəzetinin nəşrinə başlayır. Neft sənayesi fəhlələri həmkarlar ittifaqı tətil etmiş fəhlələrə, ailə başçısını itirmiş fəhlə

ailələrinə böyük yardımlar edir, fəhlələrə tibbi xidmətin təşkili sahəsində geniş iş apararaq, xəstəxana açılmasına, tibbi xidmətə vəsaitin artırılmasına, vərəmlə mübarizə komissiyasının təşkilinə, xəsarət almış fəhlələrin müayinəsi üzrə həkim komissiyasının yaradılmasına səy göstərməklə əhəmiyyətli iş aparırdı.

O dövrdə bolşevik rəhbərliyi hesab edirdilər ki, həmkarlar ittifaqları inqilabi fəaliyyətlə də məşğul olmalıdırlar. Menşeviklər isə dünya praktikasında mövcud olan tred-yunionçuluq prinsip və vəzifələrinin həmkarlar ittifaqlarının fəaliyyətində yer almasına üstünlük verirdilər. Bu prinsip həmkarlar ittifaqlarını yalnız fəhlələrin sosial-iqtisadi problemlərinin həlli ilə məşğul olmağa istiqamətləndirirdi. Çarizm isə həmkarlar ittifaqı təşkilatlarını öz nəzarəti altında saxlamaqla onlardan öz məqsədi üçün istifadə etməyə çalışırdı. Çar hökuməti güclü inqilab dalğasının təsiri altında 1906-cı il martın 4-də həmkarlar ittifaqları haqqında xüsusi qanun - «Ticarət və sənaye müəssisələrində çalışan şəxslər və ya bu müəssisələrin sahibləri üçün təsis edilmiş həmkarlar cəmiyyətləri haqqında müvəqqəti qayda» qəbul etmişdi. Bu qanun həmkarlar ittifaqları və cəmiyyətlərə, onların nizamnamələri müəssisə rəhbərliyi tərəfindən qeydiyyatla alınmaq şərtilə leqal fəaliyyət göstərmək hüququ verirdi. Çar hökuməti ümid edirdi ki, bu qanunun həyata keçirilməsilə fəhlələri mütləqiyyətə qarşı mübarizədən yayındırmaq, həmkarlar ittifaqlarını bolşeviklərin təsirindən çıxarmaq, onların fəaliyyətini adi qarşılıqlı yardım cəmiyyətlərinin dar çərçivəsi ilə məhdudlaşdırmaq mümkün olacaqdır. Lakin bütün bunlara baxmayaraq, həmkarlar ittifaqları yarandığı gündən bolşeviklərlə menşeviklərin siyasət meydanına çevrilmiş, həmkarlar ittifaqları bir növ siyasiləşmişdir.

Neft sənayesi fəhlələri həmkarlar ittifaqı ilə yanaşı digər sənaye sahələri fəhlələrini birləşdirən həmkarlar ittifaqı təşkilatları da yaranırdı. 1908-ci ildə kontor, zavod və mədən qulluqçuları həmkarlar ittifaqları, eyni zamanda ağac emalı fəhlələri həmkarlar ittifaqı fəaliyyətə başlamışdı.

Həmin siyasi oyanış dövründə Azərbaycanın qəzalarında da həmkarlar ittifaqı təşkilatları fəaliyyət göstərməyə başlayır. 1910-cu ildə Astarada dəniz və sahil fəhlələrinin, Lənkəran qəzalarında isə balıq tutanların həmkarlar ittifaqı təşkilatları yaranmışdı.

1912-ci ilin martında Neft sənayesi fəhlələri həmkarlar ittifaqı yeni adla - «Neft sənayesi və ona köməkçi istehsal sahələrinin həmkarlar cəmiyyəti» öz fəaliyyətini bərpa edib. Bu ittifaq 1915-ci ilin fevralına qədər fəaliyyət göstərə bilmişdir. 1915-ci ildə nəşriyyatçılar, dərzilər və ticarət-sənaye qulluqçularının həmkarlar ittifaqları fəaliyyətə başlayır.

Birinci dünya müharibəsinin başlanması ilə ictimai həyatın bütün sahələrində olduğu kimi həmkarlar ittifaqı təşkilatlarının fəaliyyətində də durğunluq yaranır. Rusiyada Fevral burjua-demokratik inqilabının qələbəindən sonra Bakı bolşeviklərinin təşəbbüsü ilə Fəhlə deputatları soveti 1917-ci ilin martında Neft sənayesi fəhlələri həmkarlar ittifaqının təşkili üzrə xüsusi komissiya ayırır və komissiya aprel ayında həmkarlar ittifaqının nizamnamə layihəsini hazırlayır. Bakı fəhlələri Şurası bolşeviklərin təklifi ilə neft sənayesi fəhlələrinin həmkarlar ittifaqlarının yaradılmasını qərara alır və 1917-ci ilin mayında Neft sənayesi fəhlələri həmkarlar ittifaqının təsis yığıncağı keçirilir. Yığıncaqda ittifaqın sədri İ.F. Fioletov seçilir. Bu dövrdə artıq ittifaqın üzvlərinin sayı 4 min nəfərdən çox idi[9]. Neft sənayesi və ona köməkçi istehsalat sahələri fəhlələrinin Bibi-heybət, Qara şəhər, Sabunçu, Balaxanı, Suraxanı, Binəqədi və digər rayon şöbələrinin yaradılması ilə 1917-ci ilin sonunda Neft sənayesi fəhlələri həmkarlar ittifaqı üzvlərinin sayı 30 min nəfərə çatır[1;12].

Neft sənayesi fəhlələri həmkarlar ittifaqının 1917-ci ilin sentyabrında təşkil etdiyi güclü tətillə nəticəsində həmin il oktyabrın 2-də neft sənayeçiləri kollektiv müqavilənin şərtlərini qəbul etdilər. Neftçilərin qələbəsi digər sənaye sahələri fəhlələrini də ruhlandırırdı. Mətbəə-litoqrafiya və cildləmə fəhlələri həmkarlar ittifaqının təşkil etdiyi tətillər mətbəə sahiblərini 1917-ci il noyabrın 13-də fəhlələr üçün əlverişli kollektiv müqavilələri imzalamağa məcbur etdi. Müqaviləyə görə 8 saatlıq iş günü tətbiq edilir, müəssisələrə fəhlələrin qəbulu yalnız qeydə alınmış və xüsusi qeydiyyat biletləri olan həmkarlar ittifaqları üzvləri sırasından həyata keçirilir, kişilərlə bərabər eyni işi görən qadınların əmək haqqı bərabərləşdirilir, 1 may fəhlə bayramı kimi tanınırdı. Kollektiv müqavilə 1917-ci il oktyabrın 1-dən 1918-ci il oktyabrın 1-dək müddətə bağlanmışdı.

1917-ci il mart ayının 24-də bolşeviklərin Bakı komitəsinin təşəbbüsü ilə Bakıda ittifaqlararası ilk təşkilat – «Həmkarlar ittifaqlarının Mərkəzi Bürosu» yaradıldı. Burada əsasən qeyri-sənaye sahəsində yaradılan həmkarlar ittifaqı təşkilatları birləşmişdi. Tədricən bu büroya sənaye müəssisələrinin həmkarlar ittifaqları təşkilatları da qoşulurdu. 1917-ci il iyun ayında bu büro «Bakı şəhəri və onun rayonlarının həmkarlar ittifaqları Şurası» adlandırıldı. O dövrdə Bakıda artıq 13 həmkarlar ittifaqları yaradılmışdı[7;87].

1918-ci il mayın 23-də Bakı həmkarlar ittifaqları Şurasının yeni heyəti seçilir. Şuraya rəhbərlikdə üstünlük bolşeviklərin əlinə keçir.

Sovet hakimiyyətinin qurulmasına qədər Azərbaycan həmkarlar ittifaqları hərəkətində bir neçə xırda qulluqçu ittifaqları fəaliyyət göstərirdi, hansıki sonralar sovet idarələri və ticarət qulluqçularının həmkarlar ittifaqına çevrilmişdir. Azərbaycan həmkarlar ittifaqları Ümumrusiya həmkarlar ittifaqları Mərkəzi Şurasının (ÜRHMŞ) müəyyən etdiyi sxemə uyğun olaraq istehsalat prinsipi üzrə yaradılırdı və 1920-ci il iyunun 5-30-da keçirilən konfransda vahid respublika mərkəzi həmkarlar ittifaqları orqanı olan Azərbaycan həmkarlar ittifaqlarının Şurası - AHİŞ yaradıldı. 1925-ci ilin martın 5-də rəyasət heyətinin iclasında şuranın SSRİ sovet və ticarət qulluqçularının həmkarlar ittifaqının Azərbaycan Mərkəzi Şurası adlandırılmasına qərar verildi.

1926-cı ilin martda BMŞHİ-nin V plenumun qərarına əsasən Sovet idarəetmə və ticarət qulluqçularının həmkarlar ittifaqları bölünərək 3 müstəqil həmkarlar ittifaqı yaradılmışdır:

1. Kooperasiya işçiləri və dövlət ticarəti işçiləri;
2. Dövlət idarələri işçiləri;
3. Bank-maliyyə işçiləri

26 sentyabr 1948-ci il tarixdə dövlət ticarət işçiləri və ictimai işə işçilərinin Həmkarlar İttifaqı Mərkəzi Komitələrinin birgə plenumunda birləşərək dövlət ticarət və işə fəhlələri Azərbaycan Respublika Komitəsi adlanması barədə qərar qəbul edir. Qərar 25 oktyabr 1948-ci il Həmkarlar İttifaqları Şurasının Rəyasət Heyətinin iclasında təsdiqlənir. 1957- ci ildə dövlət ticarət və ictimai işə işçiləri Azərbaycan Respublika Komitəsi struktur dəyişikliklərdən sonra yenidən Azərbaycan Respublika dövlət ticarət və istehlak kooperasiya işçilərinin Həmkarlar İttifaqı Komitəsi və Azərbaycan Respublika ictimai işə işçilərinin Həmkarlar İttifaqı Komitəsi yaranır və 1990-ci ilə kimi bu həmkarlar ittifaqları ayrılıqda fəaliyyət göstərirlər. 1990-ci ildə həmin Azərbaycan Respublika Komitələri birləşərək AR Dövlət ticarət, ictimai işə və istehlak kooperasiya işçilərinin həmkarlar ittifaqı Komitəsi adı altında 1995-ci ilə kimi, sonralar isə Ticarət, İctimai İşə, Kooperasiya, Sağlamlıq ocaqları, Turizm, İdman, Otelçilik İşçiləri Həmkarlar İttifaqı Komitəsi kimi fəaliyyətini davam etdiriblər. 29 sentyabr 2000-ci il tarixdə Ticarət, İctimai İşə, Kooperasiya Sağlamlıq Ocaqları, Turizm, İdman, Otelçilik, Balıqçılıq, Quşçuluq, Taxılçılıq İşçiləri Həmkarlar İttifaqları təsis konfransı keçirərək, Azərbaycan Respublika Ticarət, ictimai işə, Kooperasiya Sağlamlıq ocaqları, Turizm, İdman, Otelçilik, Balıqçılıq, Quşçuluq, Taxılçılıq və Digər Xidmət Sahələri İşçiləri Həmkarlar İttifaqları Federasiyasını (qısaldılmış adı "Xidmət-İş" HİF) yaradırlar.

"Xidmət-İş" Həmkarlar İttifaqları Federasiyası Ticarət, İctimai İşə və İstehlak Kooperasiyası, Sanatoriya-kurort və Turizm sistemi, Balıq Təsərrüfatı İşçiləri Həmkarlar İttifaqlarının bazalarında yaradılıb və onların hüquqi varisidir, konfederativ əsaslarla Azərbaycan Həmkarlar İttifaqları Konfederasiyasının üzvüdür.

Azərbaycan Həmkarlar İttifaqları Konfederasiyası 5-6 fevral 1993-cü ildə Azərbaycan Həmkarlar İttifaqlarının qurultayında təsis edilmişdir. Həmkarlar ittifaqları üzvlərinin əmək, sosial-iqtisadi hüquq və mənafeələrinin təmsil və müdafiə edən Naxçıvan Muxtar Respublikasının və 26 Sahə həmkarlar ittifaqı birliklərinin könüllü ittifaqıdır. AHİK 16135 həmkarlar ittifaqı təşkilatını və təqribən 1121946 həmkarlar ittifaqı üzvünü əhatə edir[15].

Həmkarlar ittifaqlarının qanunla müəyyən olunmuş fəaliyyət mexanizmi

Ölkəmiz öz müstəqilliyini bərpa etdikdən sonra bütün sahələrdə olduğu kimi qanunvericilik sahəsindən də islahatlar aparılmağa başlandı. Müstəqil respublikanın yeni qanun layihələri işlənilib hazırlandı. Belə qanun layihələrindən biri də “Həmkarlar ittifaqları haqqında” Azərbaycan Respublikasının Qanunudur. Əmək kollektivlərində həmkarlar ittifaqlarının fəaliyyətini tənzimləyən bu qanun Prezidenti Heydər Əliyev tərəfindən 24 fevral 1994-cü ildə imzalanmışdır. Qanun İnsan hüquqlarının Ümumi Bəyannaməsinə, Beynəlxalq Əmək Təşkilatının konvensiya və tövsiyələrinə, Avropa Sosial Xartiyasına uyğun olaraq hazırlanmış və Azərbaycan Respublikasında həmkarlar ittifaqlarının hüquqlarının, onların üzvlərinin əmək, sosial, iqtisadi hüquqlarının və qanuni mənafeələrinin müdafiəsi üçün fəaliyyət təminatlarını müəyyən etmişdir.

Qanuna uyğun olaraq ölkəmizdə işçilər, pensiyaçılar, təhsil alan şəxslər heç bir fərq qoyulmadan öz istəkləri ilə, qabaqcadan icazə almadan könüllü surətdə həmkarlar ittifaqları yarada, habelə öz qanuni mənafeələrini, əmək, sosial, iqtisadi hüquqlarını müdafiə etmək üçün həmkarlar ittifaqlarına daxil ola və həmkarlar ittifaqı fəaliyyəti ilə məşğul ola bilərlər. Ən azı yeddi nəfərin həmkarlar ittifaqı yaratmaq və öz istəkləri ilə müvafiq həmkarlar ittifaqı təşkilatında birləşib onun nizamnaməsini qəbul etmək hüququ var.

Həmkarlar ittifaqı birliyi qanunvericiliklə nəzərdə tutulmuş qaydada dövlət qeydiyyatından keçirildiyi vaxtdan hüquqi şəxs statusu əldə edir. İşləməyən pensiyaçıların və işsizlərin həmkarlar ittifaqında üzlük

qaydası həmkarlar ittifaqlarının nizamnamələri ilə tənzimlənir. Azərbaycan Respublikasında hərbi xidmətdə olan şəxslərə həmkarlar ittifaqlarında birləşməyə icazə verilmir.

Həmkarlar ittifaqları yerli, ərazi, respublika və ümumrespublika statusuna malik ola bilərlər. Bütün Həmkarlar ittifaqları bərabər hüquqlara malikdirlər və Konstitusiyaya hüquqları əsasında müstəqil surətdə fəaliyyət göstərilir. Onlar dövlət orqanlarından, müəssisələrdən, siyasi partiyalardan və ictimai birliklərdən asılı deyillər və dövlət orqanlarına və vəzifəli şəxslərə hesabat vermirlər. Həmkarlar ittifaqlarının Azərbaycan xalqının milli-etnik xüsusiyyətlərinə, Azərbaycan Respublikasının Konstitusiyaya quruluşuna, ərazi bütövlüyünə zidd əlamətləri olmayan rəmzi nişanları, bayraqları, üzvlük vəsiqələri ola bilər. Siyasi partiyaların rəmzlərindən istifadə isə qadağandır.

Həmkarlar ittifaqlarının hüquqlarının məhdudlaşdırılmasına səbəb olan və ya onların nizamnamələri çərçivəsində qanuni fəaliyyətlərinə maneçilik törədən hər cür müdaxilə qanunla qadağandır. Onlar öz nizamnamələrini, fəaliyyət proqramlarını hazırlayır və təsdiq edir, strukturlarını müəyyənləşdirir, rəhbər orqanlarını seçir və geri çağırır, yığıncaqlar, konfranslar, plenumlar, məclislər, qurultaylar keçirirlər. Sədrilər və ya onların müavinləri eyni zamanda siyasi partiyaların rəhbər orqanlarında ola bilməzlər. Siyasi partiyaların rəhbər orqanlarına seçilən, yaxud təyin edilən həmkarlar ittifaqları təşkilatının sədriləri və ya onların müavinləri öz istəyi ilə bu iki fəaliyyətdən birini davam etdirə bilərlər.

Həmkarlar ittifaqlarına daxil olmaq istəyən kişi və qadınlar üçün bütün imkanlar bərabərdir. Üzvlük, qanunda göstərilən hallar istisna olmaqla, vətəndaşların qanunvericiliklə təmin edilən əmək, sosial, iqtisadi, siyasi, şəxsi hüquqları və azadlıqlarının məhdudlaşdırılmasına səbəb ola bilməz. İşçilərin işə qəbulunu, irəli çəkilməsini, habelə işdən azad edilməsini onların həmkarlar ittifaqları yaratmaq təşəbbüsləri, fəaliyyət göstərən həmkarlar ittifaqlarına daxil olmaları və ya oradan çıxmaları ilə şərtləndirmək qanunla qadağandır.

Həmkarlar ittifaqları əmək, sosial, iqtisadi məsələlər barəsində qanunvericilik aktlarının hazırlanmasında iştirak edə bilərlər. İşçilərin əmək, sosial və iqtisadi hüquqlarına dair qanun layihələrinə həmkarlar ittifaqları respublika birliyinin rəyi müzakirə edilməklə baxılır. Həmkarlar ittifaqlarının respublika birlikləri işçilərin mənafələrini və həmkarlar ittifaqlarının hüquqlarını pozan qanunvericilik aktları,

dövlət orqanlarının qərarları, sərəncamları barədə müvafiq qanunvericilik, icra və məhkəmə orqanlarına müraciət edə və şikayət verə bilərlər. Dövlət və yerli özünüidarəetmə orqanları işçilərin əmək, sosial, iqtisadi hüquqlarına və mənafeələrinə aid olan normativ aktları müvafiq həmkarlar ittifaqlarına azı 15 gün qabaq məlumat verməklə qəbul edirlər. Qanunvericiliklə nəzərdə tutulan hallarda həmkarlar ittifaqları respublika birliyi əmək və sosial-iqtisadi məsələlər üzrə qanunvericiliyin tətbiq edilməsi qaydalarını nizama salan normativ aktların hazırlanmasında iştirak edir.

Həmkarlar ittifaqları öz üzvlərinin əmək hüquqlarını müdafiə edir, dövlət məşğulluq siyasətinin hazırlanmasında iştirak edirlər. İşəgötürənin təşəbbüsü ilə müəssisənin və ya onun struktur bölmələrinin ləğv edilməsi istehsalın tamamilə və ya qismən dayandırılmasına, iş yerlərinin ixtisarına və ya əmək şəraitinin pisləşməsinə səbəb ola bilirsə, belə tədbirlər qanunvericilikdə nəzərdə tutulan hallar istisna olmaqla müvafiq həmkarlar ittifaqlarını azı üç ay qabaqcadan xəbərdar etmək və işçilərin hüquqlarının və mənafeələrinin gözlənilməsi barədə onlarla danışıqlar aparmaqla həyata keçirilir. Həmkarlar ittifaqları öz səlahiyyətləri daxilində qanunvericilikdə nəzərdə tutulan qaydada məşğulluğun vəziyyətinə, məşğulluq sahəsində təminatlar haqqında qanunvericiliyə əməl olunmasına nəzarət edirlər.

Həmkarlar ittifaqlarının işəgötürən tərəfindən əmək və həmkarlar ittifaqları haqqında, habelə sosial, iqtisadi məsələlər barədə qanunvericiliyə əməl olunmasını və aşkara çıxarılmış pozuntuların aradan qaldırılmasını tələb etmək hüququ var. İşəgötürən bu tələblərə baxmalı və nəticələri barədə bir aydan gec olmayaraq həmkarlar ittifaqına məlumat verməlidir.

Müəssisənin rəhbəri və onun müavinləri əmək qanunvericiliyini pozduqda, qüvvədə olan kollektiv müqavilənin şərtlərini yerinə yetirmədikdə həmkarlar ittifaqları onların intizam məsuliyyətinə cəlb edilməsi barədə səlahiyyətli orqanlar qarşısında məsələ qaldıra bilərlər. Həmkarlar ittifaqları öz üzvlərinin hüquqlarını müdafiə etmək üçün məhkəməyə iddia ərizəsi ilə müraciət edə və məhkəmədə nümayəndəlik vəzifəsini yerinə yetirə bilərlər. Həmkarlar ittifaqları öz üzvlərinə hüquqi yardım xidmətlərini müstəqil surətdə təşkil edir və bu məqsədlə həmkarlar ittifaqları hüquq müfəttişliyi, hüquqi ekspert qrupları, firmaları və başqa orqanlar yarada bilərlər.

Həmkarlar ittifaqları “Əməyin mühafizəsi haqqında” Azərbaycan

Respublikası Qanununun və digər normativ aktların tələblərinə uyğun iş yerlərində işçilərin əməyinin mühafizəsini tənzim edən qanunvericiliyə, istehsal zədələri nəticəsində əmək xəsarətinə görə zərərin ödənilməsinə, əmək şəraiti, istehsal sanitariyası normalarına işəgötürən tərəfindən əməl edilməsinə nəzarətin həyata keçirilməsində iştirak edirlər.

Kollektiv danışıqların aparılması və kollektiv müqavilələrin bağlanması həmkarlar ittifaqı təşkilatlarının təklifinə əsasən həyata keçirilir. Həmkarlar ittifaqlarının birlikləri dövlət orqanları və digər təşkilatlarla öz səlahiyyətləri daxilində iqtisadi, sosial və mədəni inkişaf məsələləri üzrə kollektiv danışıqlar aparır və kollektiv sazişlər bağlayırlar. Dövlət orqanları və işəgötürənlər kollektiv müqavilələr və kollektiv sazişlər bağlamaq haqqında həmkarlar ittifaqlarının yazılı təklifini aldığı gündən on təqvim günü ərzində danışığa başlamalı və kollektiv danışıqların aparılması təşəbbüsü ilə çıxış edən tərəfə danışıqlarda onun tərəfindən iştirak edəcək nümayəndələr barədə məlumat təqdim etməklə cavab göndərməlidirlər. Həmkarlar ittifaqları kollektiv müqavilələrin və kollektiv sazişlərin yerinə yetirilməsinə öz səlahiyyətləri daxilində qanunvericiliyə uyğun olaraq nəzarət edirlər.

Həmkarlar ittifaqlarının birlikləri səlahiyyətlərinə uyğun işçilərin sosial və iqtisadi müdafiəsi, həyat səviyyəsinin əsas meyarları, qiymət əmsallarının dəyişməsindən asılı olaraq kompensasiyaların məbləğlərinin müəyyən edilməsi üzrə plan və proqramların hazırlanmasında, qanunvericiliklə müəyyənləşdirilmiş dolanacaq minimumunun gözlənilməsinə, qiymətlərin artımından asılı olaraq əmək haqqının, pensiyaların, təqaüdlərin, müavinətlərin miqdarının vaxtında artırılmasına nəzarət edilməsində iştirak edirlər.

Həmkarlar ittifaqları nizamnamə məqsəd və vəzifələrinə müvafiq olaraq beynəlxalq həmkarlar ittifaqları təşkilatlarına daxil ola, qanunvericiliklə müəyyən olunmuş qaydada xarici iqtisadi fəaliyyətlə də məşğul ola bilirlər.

Həmkarlar ittifaqı təşkilatları qanunla nəzərdə tutulan səlahiyyətlərini həyata keçirmək, öz üzvlərini məlumatlandırmaq üçün kütləvi informasiya vasitələri və nəşriyyatlar təsis edərək mətbuat xidməti və sosioloji tədqiqat mərkəzləri yarada; dövlət və təsərrüfat orqanlarının vəzifəli şəxslərindən, işəgötürəndən dövlət, kommersiya və qanunla qorunan başqa sirr olmayan məlumatları tələb edə bilirlər. Dövlət və təsərrüfat orqanları, işəgötürən həmkarlar ittifaqlarını müvafiq məlumatlarla maneəsiz təmin etməyə borcludurlar.

Həmkarlar ittifaqları öz üzvləri ilə işəgötürən arasındakı fərdi əmək mübahisələrini səlahiyyətləri dairəsində həll edir, kollektiv əmək mübahisələrinə (münaqişələrə) baxılmasında iştirak edirlər. Əmək mübahisələrinin (münaqişələrinin) predmeti və həlli qaydası Azərbaycan Respublikası qanunvericiliyi ilə müəyyən edilir.

Qüvvədə olan qanunvericiliyə uyğun olaraq və nizamnamə məqsəd və vəzifələrini həyata keçirmək məqsədilə həmkarlar ittifaqları tətillər, mitinqlər, küçə yürüşləri, nümayişlər və başqa kütləvi tədbirlər təşkil edib keçirə bilərlər.

İşəgötürənin təşəbbüsü ilə əmək müqaviləsi ləğv edilərkən həmkarlar ittifaqlarının qabaqcadan razılığının alınması Azərbaycan Respublikasının əmək qanunvericiliyinə uyğun olaraq tənzimlənir. Həmkarlar ittifaqlarının büdcəsinin formalaşdırılması və xərclənməsi qaydaları onların nizamnamələri ilə müəyyən edilir.

Həmkarlar ittifaqları təşkilatlarının fəaliyyətinə yalnız Azərbaycan Respublikasının Konstitusiyası quruluşunu devirmək, zorakılıqla dəyişdirmək və ya ərazi bütövlüyünü pozmaq, müharibəni, zorakılığı və qəddarlığı təbliğ etmək, habelə irqi, milli və dini ədavəti qızışdırmaq halları olduqda xitam verilir. Azərbaycan Respublikasının Konstitusiyası quruluşuna zidd olan və beynəlxalq hüquqi öhdəlikləri ilə bir araya sığmayan digər əməllər törətmək məqsədi və ya fəaliyyət metodu olan həmkarlar ittifaqları təşkilatlarının yaradılmasına və fəaliyyətinə yol verilmir. Belə həmkarlar ittifaqı təşkilatının fəaliyyətinə qanunvericiliklə müəyyən edilmiş qaydada Azərbaycan Respublikasının Konstitusiyası Məhkəməsi tərəfindən xitam verilir.

AMEA-nın Fəlsəfə və Sosiologiya İnstitutunda Həmkarlar Təşkilatının fəaliyyəti.

29 dekabr 1932-ci ildə SSRİ Elmlər Akademiyasının Zaqafqaziya Filialının Azərbaycan Şöbəsi təsis edilmişdir. Bu qurum, müstəqil akademiyanın yaradılması üçün hazırlıq mərhələsi olmuşdur. 25 oktyabr 1935-ci ildə Azərbaycan şöbəsi akademik Frans Yulyeviç Levinson-Lessinqin rəhbərliyi ilə SSRİ Elmlər Akademiyasının Azərbaycan filialına çevrilmişdir. Nəhayət, 1945-ci il yanvarın 23-də Azərbaycan SSR Elmlər Akademiyası təsis edilmiş və rəsmi olaraq martın 27-də fəaliyyətə başlamışdır. SSRİ Elmlər Akademiyasının Azərbaycan filialı zamanla dəyişərək Azərbaycan Elmlər Akademiyasına çevrilmişdir.

Akademiya yarandığı vaxtdan respublikanın elmi-intellektual potensialını milli sərvətə çevirən elm mərkəzi kimi tanınmışdır.

Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası bu gün də elm sahəsində dövlət siyasətinin uğurla həyata keçirilməsində fəal iştirak edir, sosial-humanitar tədqiqatlarla cəmiyyətin yeni biliklərə yiyələnməsi və elmi-mədəni səviyyəsinin yüksəldilməsi işinə töhfələr verir.

2025-ci ildə ölkənin ali elmi təşkilatının – Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyasının təsis edilməsinin 80 ili tamam olur. Azərbaycan Respublikası Prezidenti İlham Əliyev 18 mart 2025-ci ildə Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyasının 80 illiyinin qeyd edilməsi haqqında Sərəncam imzalayıb.

İlk yaradıldığı vaxtda Akademiyanın nəzdində 4 bölmə, 16 elmi-tədqiqat institutu, 3 muzey fəaliyyətə başlayıb. Fəaliyyətə başlayan institutlardan biri də Fəlsəfə İnstitutu olub. Bu qurum 1945–1950-ci illərdə Fəlsəfə İnstitutu, 1950–1956-cı illərdə Tarix və Fəlsəfə İnstitutu, 1956–1967-ci illərdə Azərbaycan EA-nın Fəlsəfə sektoru, 1967–2002-ci illərdə Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyasının Bəhmənyar adına Fəlsəfə və Hüquq İnstitutu, 2002–2009-cu illərdə Fəlsəfə və Siyasi-Hüquqi Tədqiqatlar İnstitutu, 2009–2013-cü illərdə Fəlsəfə, Sosiologiya və Hüquq İnstitutu, 2013–2016-cı illərdə Fəlsəfə və Hüquq İnstitutu, 2016–2020-ci illərdə Fəlsəfə İnstitutu adı altında fəaliyyət göstərüb. 2020-ci ilin noyabr ayından isə Fəlsəfə və Sosiologiya İnstitutu adlandırılıb[16].

Zaman-zaman adının dəyişdirilməsindən və necə adlandırılmasından asılı olmayaraq bu qurumda hər zaman zamanın tələblərinə uyğun şəkildə və qanunla müəyyənləşdirilmiş formada Həmkarlar təşkilatı fəaliyyət göstərmiş və əməkdaşların hüququnun müdafiəsində durmuşdur. Təəssüf ki, fəaliyyətə başladığı ilk illərdən 1990-cı illərə qədər Fəlsəfə və Sosiologiya institutunun Həmkarlar təşkilatına kimlərin sədrlik etməsi barədə dəqiq məlumat əldə etmək mümkün olmadı. Lakin sonrakı illərdə İrşad Əliyev, Söhrab Məhərrəmov, Mətləb Mahmudov, Rəna Mirzəzadə ardıcıl olaraq İnstitutun Həmkarlar təşkilatına sədrlik ediblər. Hazırda Fəlsəfə və Sosiologiya İnstitutunun Həmkarlar təşkilatının sədri Asya Əhmədovadır.

Fəlsəfə və Sosiologiya İnstitutunun Həmkarlar Təşkilatı AMEA-nın Fəlsəfə və Sosiologiya İnstitutunun əməkdaşlarının hüquq və maraqlarını müdafiə edən, həmçinin sosial və mədəni fəaliyyətləri təşkil edən bir qurumdur. Sıralarında bütün İnstitut əməkdaşlarını birləşdirən bu təşkilat əməkdaşların mədəni istirahətinin təşkil edilməsi üçün müxtəlif rayonlara gəzintilər təşkil edir, teatr biletləri alır, bayram tədbirləri keçirir, ehtiyacı olan əməkdaşlara maddi yardımlar edir və əməkdaşların yubiley tədbirlərini keçirir. Şəhid ailələri ilə görüşlərin keçirilməsi, ölkə

əhəmiyyətli tədbirlərə dəstək verilməsi və sair kimi işlər də İnstitutun Həmkarlar təşkilatının gördüyü işlərdəndir.

Nəticə

XX əsrin əvvəllərində Azərbaycanda həmkarlar ittifaqı təşkilatlarının ilk qeyri-hökumət təşkilatları kimi meydana gəldiyi sosial tarixi şəraitdə cəmiyyətin sosial strukturunda yeni institut formalaşmağa başlamışdır. Həm xeyriyyə cəmiyyətləri, həm də həmkarlar ittifaqları istər sosial xarakterinə, istərsə də funksional fəaliyyətinə görə fərqlənsələr də, mahiyyətcə qeyri-hökumət təşkilatları funksiyalarını yerinə yetirmişlər. Müəyyən spesifikliklə fərqlənsələr də, bütün ölkələrdə qeyri-hökumət təşkilatlarının tarixi genezisi demək olar ki, bu cür olmuşdur.

Tədqiqatlarda qeyd edilir ki, Azərbaycanda ilk həmkarlar ittifaqları təşkilatları yaranarkən yerli xüsusiyyətlər nəzərə alınmamışdı[8;38]. Bu qüsurlar həm Sovet Rusiyası, həm də sovetləşmədən əvvəlki dövrə aiddir. Xatırladaq ki, Cümhuriyyət dövründə yaradılmış «Müsəlman fəhlə konfransında» yalnız azərbaycanlı fəhlələr üstünlük təşkil edirdilər. 1920-ci il aprelin 8-də "Türk ocağı"nın binasında keçirilmə konfransının açılışındakı çıxışında Mərkəzi həmkarlar ittifaqının sədri Cavad bəy Məlik-Yeqanov müsəlman fəhlələrin maraqlarını müdafiə edə biləcək, xalqların öz müqəddəratını təyin etmək və Azərbaycan Cümhuriyyətinin müstəqilliyi prinsiplərinə cavab verə biləcək ali fəhlə orqanının yaradılmasının zəruriliyini vurğulamışdır[13]. Lakin tarixi imperiya səbəbləri üzündən Bakı fəhlələri içərisində qeyri-azərbaycanlılar üstünlük təşkil edirdilər və əksəriyyəti bolşeviklərin və menşeviklərin təsiri altında idi. Bu faktor nəinki həmkarlar ittifaqlarının bir sosial institut kimi formalaşmasına, həm də Azərbaycan Xalq Cümhuriyyətinin fəaliyyətinə mane olurdu.

24 fevral 1994-cü ildə qəbul olunmuş «Həmkarlar ittifaqları haqqında» Azərbaycan Respublikasının Qanununda deyilir ki, «Həmkarlar ittifaqları istehsal və ya qeyri-istehsal sahələrində çalışan işçilərin, habelə pensiyaçıların və təhsil alan şəxslərin əmək, sosial, iqtisadi hüquqlarının və qanuni mənafelərinin müdafiəsi üçün iş yeri, peşələr, sahələr üzrə və respublika səviyyəsində fərdi üzlük prinsipi əsasında könüllü birləşdiyi, nizamnamələri və bu qanun əsasında fəaliyyət göstərən müstəqil, ictimai, qeyri-siyasi təşkilatdır»[14].

Özünün müasir simasını alana qədər həmkarlar ittifaqları böyük və mürəkkəb yol keçmişdir. Tarixi təcrübəsinin öyrənilməsi həmkarlar ittifaqlarının məqsəd və vəzifələri, onların fəaliyyətinin əsas istiqamətləri

haqqında biliklərimizi zənginləşdirir, müasir həmkarlar ittifaqlarının problemlərini görməkdə, işəgötürənlərlə dövlətin qarşılıqlı münasibətlərini düzgün başa düşməkdə və düzgün qiymətləndirməkdə bizə kömək edir.

Ədəbiyyat:

1. Qaraşov H. Həmkarlar ittifaqı hərəkətinin əsasları. Bakı, Elm və təhsil, 2015/
2. Cavadov C. Azərbaycan xeyriyyə hərəkəti. B., 1999/
3. Həsən bəy Zərdəbinin bioqrafiyası və epistolyarisi. B., Nurlan, 2006.
4. Həsənov V. Azərbaycan həmkarlar ittifaqları inzibati-amirlik rejimi dövründə. B., Elm, 2004.
5. Homans G.S. Biheviorizmin sosioloji aktuallığı // Davranış sosiologiyası. Ed. R. Burgess, D. Bushell. N. Y., 1969.
6. История профсоюзов России: этапы, события, люди. М., «Первая образцовая типография», 1999.
7. Гусейнов К., Найдель М. Очерки истории профдвижения в Азербайджане. Б., Азернешр, 1966.
8. Тарле Е.В. Рабочий класс во Франции в эпоху революции. М., Изд-во Академии Наук СССР. 1957.
9. Газ. «Известия Советов рабочих и солдатских депутатов Бакинского района» 21 мая 1917 г.
10. Нефтегазстрой профсоюзов России. // www.museum-roqwu.ru
11. <https://soap-sale.ru/az/selskoe-hozyajstvo/process-uporyadocheniya-formalizacii-i-standartizacii-nazyvaetsya/>
12. <https://zavodilov.ru/az/small-business/socialnye-instituty-i-institucionalizaciya-ponyatie/>
13. https://az.wikipedia.org/wiki/M%C3%BCs%C9%99lman_F%C9%99hl%C9%99_Konfrans%C4%B1
14. <https://e-qanun.az/framework/8987>
15. <https://ahik.org/>
16. https://az.wikipedia.org/wiki/AMEA_F%C9%99ls%C9%99f%C9%99_v%C9%99_Sosiologiya_%C4%B0nstitutu

References:

1. Qarashov H. Hamkarlar ittifaqi harakatanin asaslari. Baki. Elm va tahsil. 2015.

2. Cavadov C. Azərbaycanda xeyriyyə hərəkatı. B..1999.
3. Hasan bəy Zardəbinin bioqrafiyası və epistolaryası. B.. Nurlan. 2006.
4. Hasanov V. Azərbaycan hamkarlar ittifaqları inzibati-amirlik rejimi dövründə. B.. Elm. 2004.
5. Homans G.S. Biheviorizmin sosioloji aktuallığı // Davranış sosiologiyası. Ed. R.Burgess. D.Bushell. N. Y.. 1969.
6. İstoriya profsoyuzov Rossii: etapy. sobytiya. lyudi. M.. «Pervaya obraztsovaya tipografiya». 1999.
7. Guseynov K.. Naydel M. Ocherki istorii profdvizheniya v Azerbaydzhanə. B.. Azərnəshr. 1966.
8. Tarle E.V. Rabochiy klass vo Frantsii v epokhu revolyutsii. M.. Izd-vo Akademii Nauk SSSR. 1957.
9. Gaz. «Izvestiya Sovetov rabochikh i soldatskikh deputatov Bakinskogo rayona» 21 may 1917 g.
10. Neftegazstroy profsoyuzov Rossii. // www.museum-roqwu.ru
11. <https://soap-sale.ru/az/selskoe-hozyajstvo/process-uporyadocheniya-formalizacii-i-standartizacii-nazyvaetsya/>
12. <https://zavodilov.ru/az/small-business/socialnye-instituty-i-institucionalizatsiya-ponyatie/>
13. https://az.wikipedia.org/wiki/M%C3%BCs%C9%99lman_F%C9%99hl%C9%99_Konfrans%C4%B1
14. <https://e-qanun.az/framework/8987>
15. <https://ahik.org/>
16. https://az.wikipedia.org/wiki/AMEA_F%C9%99ls%C9%99f%C9%99_v%C9%99_Sosiologiya_%C4%B0nstitutu

Əli Seyidabas oğlu Abasov

Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası
Fəlsəfə və Sosiologiya İnstitutunun Müasir fəlsəfə problemləri
şöbəsinin müdiri, fəlsəfə elmləri doktoru, professor
Bakı, Q.Abbasov küç, ev 10, m.4
Tel.: 050 3373334

E-mail: kila50@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4528-5797>

Svetlana Məmməd qızı Adıgözəlova

Azərbaycan Dövlət Pedaqoji Universitetinin
Fəlsəfə və sosial elmlər kafedrasının dosenti,
fəlsəfə üzrə fəlsəfə doktoru
Bakı, Q.Abbasov küç, ev 10, m.4
Tel.: +994506329327

E-mail: asveta53@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7573-6878>

SOSİALLAŞMA PROSESİNDƏ ŞƏXSİYYƏT, SOSIAL-MƏDƏNİ VƏ SİYASİ-İQTİSADI TƏSİSATLAR

Xülasə

Məqalədə sosiallaşmanın, onun növlərinin və institutlarının hərtərəfli təyini verməyə, habelə müasir cəmiyyətdəki əhəmiyyətini ortaya qoymağa çalışılmışdır. Sosiallaşmanın əsas mexanizmləri və onların insana (şəxsiyyətə) təsiri nəzərdən keçirilir.

Tədqiqat mövzusunun aktuallığı iqtisadiyyata, siyasətə və mədəniyyətə təsir edən müasir transformasiya prosesləri şəraitində Şəxsiyyət və sosial qurumların çoxsaxəli qarşılıqlı əlaqəsini öyrənmək ehtiyacından ibarətdir.

Məqalənin əsas məqsədi sosial, siyasi, iqtisadi və mədəni qurumların fərdin sosiallaşma prosesinə təsirini təhlil etmək, habitus konsepsiyasına əsaslanan dəyərlərin, normaların və davranış modellərinin formalaşmasında rolunu müəyyənləşdirməkdir.

Mövzunun araşdırılma dərəcəsi. Məqalə sosiologiya və fəlsəfə klassiklərinin əsərlərinə, müasir tədqiqatlara, habelə qloballaşma və rəqəmsal mühitdə sosiallaşma mövzusunun araşdıran yeni əsərlərə əsaslanır.

Məqalənin sonundakı bibliografiyaya baxın.

Metodlar və metodologiya. Tədqiqatda sosioloji, siyasi və iqtisadi yanaşmaları birləşdirən müqayisəli təhlil, struktur-funksional yanaşma və fənlərarası metoddan istifadə edilmişdir.

Elmi yenilik mövcud sosiallaşma nəzəriyyələrinin sistemləşdirilməsi ilə bağlıdır. Müasir sosio-mədəni və siyasi-iqtisadi faktorlar şəxsiyyətin dinamik sosial mühitə adaptasiya mexanizmlərini dəqiqləşdirməyə imkan verir. Qloballaşma və Sİ imkanlarının artdığı bir dövrdə şəxsiyyətin adaptasiyası, institutların və sosiallaşma agentlərinin transformasiyası birbaşa təqdim olunur.

Çıxarışlar. Sosiallaşma, fərdin davranış qaydalarını təyin edən müxtəlif qurumların iştirak etdiyi davamlı bir prosesdir. Şəxsiyyət və qurumların qarşılıqlı əlaqəsi çeviklik və uyğunlaşma tələb edən qlobal dəyişikliklər dövründə xüsusi əhəmiyyət kəsb edir. Təhsil müəssisələri idrak və sosial bacarıqları inkişaf etdirir, vətəndaşlıq və sosial səriştələrin tərbiyəsinə kömək edir. Nəhayət, Media və sosial şəbəkələr, bir tərəfdən, dəyərlər formalaşdırır, digər tərəfdən, sosiallaşmaya təsir edən dezinformasiya mənbəyidir. Siyasi qurumlar və siyasi sosiallaşma vətəndaş kimliyini və siyasi mədəniyyətini formalaşdırır, siyasi təhsilə və fəallığa töhfə verir, siyasi dəyərlərin ötürülməsi kanallarından istifadə edən partiyalar və ictimai hərəkətlər vasitəsilə vətəndaşların siyasi həyatda iştirakına təsir göstərir. İqtisadi institutlar bazar şərtlərinə, iqtisadi siyasətə və iqtisadi inkişaf səviyyəsinə əsaslanaraq əmək və peşə dəyərlərini formalaşdırır. Eyni zamanda, bu qurumlar sosial bərabərsizlik və mənbələrə çıxış səviyyəsini müəyyənləşdirirlər. Mədəniyyət institutları mənəvi normaların və təməllərin ötürülməsində iştirak edir, Şəxsiyyətin, dünyagörüşünün və dəyərlərin formalaşmasına təsir göstərir və tarixi yaddaşı qorunmasına kömək edir. Qloballaşma mədəni müxtəlifliyi artıraraq, şəxsiyyət sərhədlərini bulanıqlaşdıraraq ənənəvi qurumlara əhəmiyyətli dərəcədə təsir göstərir. Sosial şəbəkələr və virtual icmalar vasitəsilə informasiya inqilabı, rəqəmsallaşma və süni intellekt ənənəvi qurumların rolunun dəyişməsinə səbəb olur "rəqəmsal vətəndaş"ın formalaşması. XXI əsrdə sosiallaşma perspektivləri yeni təhsil proqramlarının inkişafı, sosiallaşmanı yaxşılaşdırmaq üçün Texnologiyaların istifadəsi ilə əlaqələndirilir ki, bu da sosiallaşma proseslərinin öyrənilməsinə fənlərarası yanaşma tələb edir.

Açar sözlər: sosiallaşma, vərdiş, şəxsiyyət, sosial-mədəni institutlar, siyasi-iqtisadi institutlar, uyğunlaşma, dəyərlər, normalar, qloballaşma.

Ali Abasov

Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Head of the Department of Modern Problems of Philosophy,
Institute of Philosophy and Sociology,
National Academy of Sciences of Azerbaijan.
Baku, Q. Abbasov St, 10, apt.4
Tel.: 050 3373334
E-mail: kila50@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4528-5797>

Svetlana Adigezalova

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Department of Philosophy and Social Sciences,
Azerbaijan State Pedagogical University.
Baku, Q. Abbasov St 10, apt.4
Tel.: +994506329327
E-mail: asveta53@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7573-6878>

PERSONALITY, SOCIO-CULTURAL AND POLITICAL- ECONOMIC INSTITUTIONS IN THE PROCESS OF SOCIALIZATION

Abstract

The article attempts to provide a comprehensive definition of socialization, its types and institutions, as well as to reveal their importance in modern society. The key mechanisms of socialization and their influence on men (person) are considered.

The relevance of the research topic lies in the need to study the multifaceted interaction of personality and social institutions in the context of modern transformational processes affecting economy, politics and culture.

The main purpose of the article is to analyze the influence of social, political, economic and cultural institutions on the process of personality socialization, to identify their role in the formation of values, norms and patterns of behavior based on the concept of habitus.

The degree of development of the problem. The article is based on

the works of classics of sociology and philosophy, modern research, as well as works considering socialization in the context of globalization and the digital environment. See the bibliography at the end of the article.

Methods and methodology. The study uses comparative analysis, a structural and functional approach, and an interdisciplinary method combining sociological, political science, and economic approaches.

The scientific novelty lies in the systematization of existing theories of socialization, taking into account the impact of modern socio-cultural and political-economic factors, which makes it possible to clarify the mechanisms of personality adaptation in a dynamic social environment. The adaptation of personality and the transformation of institutions and agents of socialization in the context of globalization and the growth of artificial intelligence capabilities are directly presented.

Conclusions. Socialization is a ceaseless process involving various institutions that determine patterns of individual behavior. The interaction of individuals and institutions is becoming particularly important in an era of global changes that requires flexibility and adaptability.

Educational institutions develop cognitive and social skills, contribute to the education of citizenship and social competencies. Finally, the media and social networks, on the one hand, form values, on the other, they are a source of misinformation that affects socialization.

Political institutions and political socialization create civic identity and political culture, promote political education and activism, and influence citizens' participation in political life through parties and social movements that use channels to convey political values.

Economic institutions form labor and professional values based on market conditions, economic policy, and the level of economic development. At the same time, these institutions determine the level of social inequality and access to resources.

Cultural institutions participate in the transmission of moral norms and principles, influence the formation of identity, worldview and values, and contribute to the preservation of historical memory.

Globalization has a significant impact on traditional institutions by increasing cultural diversity and blurring the boundaries of identity. The information revolution, digitalization and artificial intelligence through social networks and virtual communities contribute to changing the role of traditional institutions, leading to the formation of a "digital citizen".

The prospects of socialization in the 21st century are associated with

the development of new educational programs, the use of technologies to improve socialization, which necessitates an interdisciplinary approach to the study of socialization processes.

Keywords: socialization, habitus, personality, socio-cultural institutions, political and economic institutions, adaptation, values, norms, globalization.

УДК – 1(091)

Али Сеидабас оглу Абасов

доктор философских наук, профессор,
зав. отделом «Проблемы современной философии»
Института Философии и Социологии НАНА,
Баку, ул. Г. Аббасова, д.10, кв.4.

Тел.: 050 3373334

E-mail: kila50@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4528-5797>

Светлана Мамед гызы Адыгезалова

доктор философии по философии,
доцент кафедры «Философия и социальные науки»
Азербайджанского Государственного
Педагогического Университета.
Баку, ул. Г. Аббасова, д.10, кв.4.

Тел.: +994506329327

E-mail: asveta53@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7573-6878>

ЛИЧНОСТЬ, СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ПОЛИТИКО- ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Резюме

В статье предпринята попытка дать комплексное определение социализации, ее типов и институтов, а также раскрыть их значение в современном обществе. Рассмотрены ключевые механизмы социализации и их влияние на человека (личность).

Актуальность темы исследования заключена в необходимости изучения многогранного взаимодействия личности и социальных

институтов в условиях современных трансформационных процессов, затрагивающих экономику, политику и культуру.

Основная цель статьи - анализ влияния социальных, политических, экономических и культурных институтов на процесс социализации личности, выявление их роли в формировании ценностей, норм и моделей поведения, основанных на концепции габитуса.

Степень разработки проблемы. Статья опирается на труды классиков социологии и философии, современные исследования, а также труды, рассматривающие социализацию в условиях глобализации и цифровой среды. См. библиографию в конце статьи.

Методы и методология. В исследовании использованы сравнительный анализ, структурно-функциональный подход и междисциплинарный метод, объединяющий социологические, политологические и экономические подходы.

Научная новизна заключается в систематизации существующих теорий социализации с учетом воздействия современных социокультурных и политико-экономических факторов, что позволяет уточнить механизмы адаптации личности в динамичной социальной среде. Непосредственно представлены адаптация личности и трансформация институтов и агентов социализации в условиях глобализации и роста возможностей искусственного интеллекта.

Выводы. Социализация является непрерывным процессом, в котором участвуют различные институты, определяющие модели поведения личности. Взаимодействие личности и институтов приобретает особую значимость в эпоху глобальных изменений, требующих гибкости и адаптивности.

Образовательные учреждения развивают когнитивные и социальные навыки, способствуют воспитанию гражданственности и социальных компетенций. Наконец, СМИ и социальные сети, с одной стороны формируют ценности, с другой – являются источником дезинформации, влияющей на социализацию.

Политические институты и политическая социализация формируют гражданскую идентичность и политическую культуру, способствуют политическому образованию и активизму, влияют на участие граждан в политической жизни посредством партий и общественных движений, использующих каналы передачи политических ценностей.

Экономические институты формируют трудовые и профессиональные ценности, исходя из рыночных условий, экономической политики и уровня экономического развития. Вместе с тем, эти институты определяют уровень социального неравенства и неравного доступа к ресурсам.

Культурные институты участвуют в передаче нравственных норм и устоев, влияют на формирование идентичности, мировоззрения и ценностей, способствуют сохранению исторической памяти.

Глобализация оказывает существенное влияние на традиционные институты за счет усиления культурного разнообразия, размывания границ идентичности. Информационная революция, цифровизация и искусственный интеллект за счет социальных сетей и виртуальных сообществ способствуют изменению роли традиционных институтов, ведут к формированию «цифрового гражданина».

Перспективы социализации в XXI веке связаны с развитием новых образовательных программ, использованием технологий для улучшения социализации, что вызывает необходимость междисциплинарного подхода к исследованию процессов социализации.

Ключевые слова: социализация, габитус, личность, социокультурные институты, политико-экономические институты, адаптация, ценности, нормы, глобализация.

Введение

Среди множества процедур, которым подвергается человек в обществе, социализация по своим последствиям является едва ли не главной из них. Эта приоритетность социализации обусловлена ее решающей ролью в процессе органичной вписанности человека в общество. Определение социализации, связанное с процессом усвоения индивидом социальных норм и ценностей, приводит к

многообразию ее понимания. Так или иначе, социализацию обычно рассматривают как процесс, посредством которого индивид усваивает социальные нормы, ценности и образцы поведения, необходимые для его полноценной представленности в обществе и функционирования в нем.

Поскольку общества представляют собой развивающиеся и изменяющиеся исторические образования, в каждую эпоху этот процесс претерпевает значительные изменения под влиянием трансформации их социальных, политических, экономических и культурных институтов.

Социальные институты играют ключевую роль в социализации, обеспечивая передачу культурных норм и ценностей от поколения к поколению. Семья, образовательные учреждения и средства массовой информации формируют базовые установки и модели поведения индивида. Семья, как первичный агент социализации, закладывает основы мировоззрения и социальных навыков. Семья в традиционных обществах и сегодня остаётся главным агентом социализации, в то время как в западных странах эта роль делится с медиа.

Образовательные учреждения способствуют развитию критического мышления и гражданской ответственности. Школа и образование проводят обучение подчинению правилам, дисциплине и социальным иерархиям, при этом, по Дюргейму, «образование формирует не только знания, но и ожидания» [Дюргейм Э.1995, с. 123].

Средства массовой информации, в свою очередь, оказывают влияние на формирование общественного мнения и политических предпочтений. Причем, согласно теории гиперреальности Жана Бодрийяра: «Медиа создают иллюзию реальности, которая становится более влиятельной, чем сама реальность» [Бодрийяр Ж., 1999, с. 81] - ситуация складывается таким образом, что человек живет в переполненном ложной и истинной информацией гиперреальном мире.

Политические институты [см. Головин Н.А., Шестопал Е.Б. Елисеев С.М., Тощенко Ж.Т.] воздействуют на социализацию через формирование политической культуры и гражданской идентичности. Государственные органы, политические партии и общественные движения влияют на восприятие индивидом политических процессов и его участие в них. Политическая социализация

включает усвоение политических норм, ценностей и моделей поведения, что способствует интеграции индивида в политическую систему общества. В обществах демократии этот процесс направлен на формирование активного и информированного гражданина, способного принимать участие (решения) в политической жизни страны. В странах с авторитарным режимом социализация жёстко контролируется государством, порождаям всеобщие стереотипы. В свое время Дюркгейм отмечал, что «политика - это искусство социализации через символы и ритуалы» [Дюркгейм Э., 1995, с. 141], поэтому важно, кто формирует эти символы и ритуалы.

Экономические институты определяют условия, в которых происходит социализация, влияя на доступ к ресурсам, уровню образования и качеству жизни. Экономическая система общества формирует трудовые ценности, профессиональные ориентации и социальные ожидания индивида. Рынок труда, экономическая политика государства и уровень экономического развития оказывают непосредственное влияние на процессы социализации, определяя возможности и перспективы личностного и профессионального роста.

Культурные институты, такие как религия, искусство и традиции, формируют мировоззрение, этические нормы и систему ценностей индивида. Они способствуют сохранению культурного наследия и обеспечивают преемственность поколений. Культурные нормы и обычаи, передаваемые через эти институты, играют важную роль в формировании идентичности и социальной принадлежности человека. Макс Вебер в «Протестантской этике» определил влияние религиозных ценностей на экономическое поведение. Известно о влиянии буддизма и конфуцианства на различные институты социализации в дальневосточных обществах, где почитание старших - центральная норма общества.

Искусство выступает мощным средством социализации, П. Бурдьё отмечает, что участие в культурных практиках формирует культурный капитал и символическое различие. «Искусство - это зеркало общества, показывающее его ценности и противоречия» [Bourdieu P., 1984, p. 89].

Современная социализация имеет ряд характерных особенностей, связанных с процессами глобализации, развития информационных технологий и изменение социальных структур, что приводит к трансформации традиционных механизмов

социализации. Новые типы медиа, социальные сети и виртуальные сообщества становятся важными агентами социализации, оказывая значительное влияние на формирование ценностей и норм поведения. Это приводит к необходимости пересмотра роли традиционных институтов в процессе социализации и адаптации их к новым социальным реалиям.

Так, существует устойчивый конфликт между локальными и глобальными ценностями: миграционные сообщества по всему миру сталкиваются с дилеммой адаптации и сохранения своей культурной идентичности. «Глобализация делает нас ближе, но заставляет нас бороться за идентичность» [Bauman Z., 2000, p. 75]. Глобализация культуры является наиболее непредсказуемым процессом, влияющим на социализацию человека и общества.

Определения социализации, связанные с процессом усвоения индивидом социальных норм и ценностей, приводят к многообразию ее понимания. Среди множества определений известно классическое определение социализации как процесса усвоения социальных норм через взаимодействие с обществом [Дюркгейм, 1995, с. 55], концепция «игры» и «игрового партнёра» Дж. Мида, по которой индивид усваивает нормы через наблюдение за окружающими [Mead, 1934, p. 154], а потому «Социализация - это процесс, через который общество обучается самому себе» [Mead, 1934, p. 165].

Гидденс рассматривает социализацию не только как процесс адаптации, но и как трансформации общества через индивида [Giddens A., 1991, p. 86], а потому социализация является двусторонним процессом.

Ряд авторов полагает, что социализация вместе с принятием человеком определенных норм, способствует созданию новых смыслов в общей системе существующих смыслов.

«Социализация - это процесс усвоения индивидом социальных норм, ценностей и образцов поведения, необходимых для функционирования в обществе» [Андреева Г.М., 2003, с. 45].

«Личность формируется в процессе социализации, который включает как усвоение социальных норм, так и развитие индивидуальных качеств» [Кон И.С., 1967, с. 112].

«Социализация - это двусторонний процесс: общество воздействует на индивида, а индивид активно воспринимает и преобразует социальный опыт» [Мудрик А.В., 2004, с. 29].

«Социализация - это всестороннее и последовательное

приобщение индивида к объективному миру общества или его части» [Berger, P.L., Luckmann, T., 1966, p. 130].

«Личность - это не пассивная сущность, определяемая внешними влияниями; формируя свою самоидентификацию, независимо от того, насколько локальны условия ее действия, индивиды вносят свой вклад и непосредственно способствуют социальному влиянию, которое носит глобальный характер по своим последствиям и подтексту» [Giddens, A., 1991, p. 2].

Эволюция процесса социализации прошла путь от традиционных обществ к обществам глобализованного мира. Социализация всегда была связана с передачей культурного наследия и адаптацией индивида к социальным условиям. Однако в современную эпоху, как отмечал Э. Гидденс, «глобализация изменяет не только рамки социализации, но и саму её природу, вводя элементы неопределенности» [Giddens A., 1991, p.203].

Таким образом, социализация в современную эпоху представляет собой сложный и многогранный процесс, в котором социальные, политические, экономические и культурные институты взаимодействуют, формируя личность, способную адаптироваться к динамично меняющимся условиям общества.

Данная статья, пытающаяся охватить многообразие представлений о социализации и ее составных частей, в целом носит описательный характер. Этот подход актуален, поскольку в философской и социологической литературе Азербайджана наблюдается дефицит исследований по социализации.

Основной текст

В ходе онтогенеза человек обретает качества, превращающие его в адекватного члена общества, в котором он живет. Говоря словами Дж. Мида, человек обретает свою «самость». «Самость - это нечто, имеющее развитие; она не присутствует изначально, при рождении, а возникает в процессе социального опыта и деятельности» [Mead, G.H., 1934, p. 135].

В этой связи не случайно, Э. Дюркгейм рассматривал социализацию как основу формирования коллективного сознания [Дюркгейм Э, 1995, с. 55].

Среди типов социализации выделяют:

Первичную социализацию - процесс в раннем детстве, когда основные нормы, ценности и паттерны поведения передаются через

семью, близких людей и начальную образовательную среду. «Первичная социализация происходит в рамках семьи и первых социальных групп, в которых развивается индивид» [Гидденс Э., 2009, с. 147].

Вторичную социализацию - процесс, который происходит позже в жизни, когда индивид вступает в новые социальные группы и осваивает дополнительные роли, такие как профессиональная роль, роль студента и другие. «Вторичная социализация предполагает усвоение ролей и норм в более широких социальных контекстах, таких как школа, работа и другие институты» [Блум П., 2015, с. 189].

Антисоциализацию - процесс, при котором индивид отказывается от или разрушает ранее усвоенные социальные роли и нормы. Он включает в себя действия, противоречащие установленным правилам и ожиданиям. «Антисоциализация представляет собой процесс, в ходе которого индивид либо отвергает, либо активно разрушает принятые в обществе нормы и ожидания» [Деррида Ж., 1994, с. 65].

В процессе социализации важную роль играют общественные институты, представляющие собой основу социальной жизни.

Социальные институты - это устойчивые формы организации различных социумов, регулирующие взаимодействие людей и обеспечивающие стабильность обществ. Эти институты играют ключевую роль в процессе социализации личности, то есть в усвоении человеком норм, ценностей и моделей поведения, принятых в обществе.

Среди основных социальных институтов выделяются:

Семья, как первичный агент социализации, формирующий базовые ценности, нормы морали, привычки и поведенческие модели, влияющий на эмоциональное и психологическое развитие личности.

Образование, дающее знания и навыки, необходимые для жизни в обществе, воспитывающее дисциплину, ответственность, уважение к нормам и правилам, способствующее социализации обучаемого через взаимодействие с соучениками и учителями.

Государство и право, устанавливающие законы и правила, регулирующие жизнь общества, воспитывающие гражданскую ответственность и уважение к правам других людей.

Религия, формирующая духовные и моральные ценности, создающая чувство общности, принадлежности к традициям и

культуре.

Экономика, включающая человека в систему общественного производства, обучающая нормам трудовой этики, ответственности и финансовой грамотности.

Средства массовой информации, формирующие общественное мнение, мировоззрение, влияющие на восприятие норм поведения и культуры.

Политика, воспитывающая чувство гражданской ответственности, дающая представление о правах и обязанностях человека в государстве.

Социальные институты способствуют социализации путем:

Передачи знаний и ценностей (школа, семья).

Закрепления социальных норм и правил (государство, религия).

Создания системы поощрений и наказаний (право, образование).

Формирования идентичности (религия, культура, национальные традиции).

Открытия возможностей для взаимодействия и коммуникации (СМИ, политика).

Каждый из этих институтов играет важную роль в формировании личности и помогает человеку адаптироваться к жизни в обществе.

Итак, социальные институты представляют собой организованные системы социальных норм, ролей и действий, направленных на удовлетворение базовых потребностей общества. Они формируют основу социальной структуры и обеспечивают её устойчивость.

Важно отметить, что институты перманентно изменчивы, они адаптируются к изменениям в обществе. Последнее время значительное влияние на их трансформацию оказывают глобализация, технологический прогресс и миграция. Например, институт семьи подвергается изменениям под воздействием секуляризации, увеличения числа гражданских союзов и роста индивидуализма, а институт образования трансформируется вместе с информационной революцией. Глобализация ставит под угрозу национальные идентичности. З. Бауман отмечал, что национальная культура становится одним из ресурсов сопротивления глобализации. Поскольку современные вызовы социализации связаны с глобализацией, можно наблюдать существенный конфликт традиционных и глобальных ценностей в миграционных

сообществах [Huntington S., 1996, p. 212].

Несмотря на свою важность для человека и общества, институты могут становиться источником социальной несправедливости и напряженности. Например, бюрократия может привести к формализму и отчуждению, религиозные институты часто сохраняют устаревшие практики, препятствующие прогрессу, экономические институты могут усиливать неравенство. Влияние политики и права определяется позитивными и негативными чертами политической системы общества.

Понимание институтов и их взаимодействия с социальной структурой позволяет лучше понять процессы, происходящие в современном мире.

В традиционных обществах семья выполняет функции первичной социализации, передавая культурные ценности через ритуалы и формируя начала социального капитала.

Семья - один из главных институтов социализации, но её роль трансформируется. Как утверждает Юрген Хабермас, «модернизация и урбанизация ведут к ослаблению семейных связей, но семейные ценности продолжают играть важную роль в формировании личности» [Хабермас Ю.].

Исследуя поздний капитализм, Хабермас пришел к выводу, что «этот общественный строй испытывает кризис легитимности. Классовое сознание исчезает; социальная идентичность становится размытой; наблюдается снижение роли свободной конкуренции в экономике из-за роста государственного вмешательства» [там же].

Школы и университеты остаются важнейшими каналами социализации, но их формат меняется в связи с переходом к цифровой среде и искусственному интеллекту.

В современных условиях наблюдается ускоряющееся влияние цифровой среды на формирование идентичности и ослабление роли традиционных агентов социализации [Bauman Z., 2000, p. 68]. А «Цифровая эпоха создает новые формы коллективной идентичности» [Castells M., 2012, p. 23]. СМИ и цифровые платформы создают новые пространства для социализации, однако подавляют такие способности индивидуума как самостоятельность и критическое мышление, формируют опасные стереотипы. Согласно исследованиям Ш. Туркле, «виртуальная социализация может способствовать поверхностному восприятию межличностных отношений» [Turkle, Sh., 2011, p.103].

Политические институты и политическая социализация формируют гражданскую идентичность, влияют на развитие патриотизма через символику и ритуалы, а политическая социализация способствует созданию легитимности и согласия в обществе [Дюркгейм Э., 1995, с. 111]. Государства активно влияют на социализацию граждан, политизируя их через внедрение моральных норм и социальной дисциплины (Дюркгейм).

Политическая пропаганда может служить как инструментом объединения, так и манипуляции, формируя политическое сознание и общее мировоззрение.

Разные политические режимы создают характерные их сути модели социализации. В демократических странах люди осваивают нормы взаимодействия через участие в общественных институтах, тогда как авторитарные режимы фокусируются на контроле и подчинении граждан.

Конфликты оставляют неизгладимый след на процессе социализации. По данным различных исследований, дети, выросшие в зонах конфликтов, имеют более высокий риск асоциального поведения.

Технологические изменения создают новые вызовы для социализации. Неравенство усиливает разрыв между социальными группами. Т. Пикетти утверждает, что экономическая поляризация угрожает социальной сплоченности. В современном обществе, основанном на рыночной экономике, преобладает общая уверенность в том, что люди имеют равные права и что материальное благополучие каждого человека зависит от его индивидуальных способностей и желания много работать, отмечает Тома Пикетти. Но при этом мы наблюдаем растущее имущественное неравенство между наиболее богатыми гражданами и остальными людьми. Это порождает противоречие: индивидуальный успех является все в большей мере результатом семейных связей и унаследованного состояния [Тома Пикетти и его идеи].

А британский социолог Гай Стэндинг исследует один из самых болезненных вопросов современности - повсеместное распространение нового класса, который, с одной стороны, играет исключительно важную роль в производстве как материальных, так и нематериальных ценностей, а с другой - оказывается лишенным большинства социальных и политических прав и гарантий: участия в выборах, стабильной зарплаты и страхового медицинского

обслуживания, оплачиваемого отпуска, доступа к образованию и т.п. [Стэндинг Гай, 2014].

Экономические институты определяют возможности социальной мобильности. М. Вебер подчеркивал, что капитализм изменил представления о социальной и профессиональной идентичности [Вебер М., 1990], и надо понимать, что современная трансформация феномена труда еще более воздействует на идентичность человека экономического, действующего в новом типе смешанного пространства труда.

Особенно целенаправленно передает ценности культура, формируя основу морального поведения, а ретрансляторы культуры (музеи, театры и т.д.) выступают как агенты культурной социализации, влияющие через эстетическое воспитание.

Проблемы миграции и вызванный ею диалог культур породили новые аспекты теории социализации. Так, вызванная масштабным миграционным процессом политика мультикультурализма создала как новые возможности социализации, так и напряжение между коренным и пришлым населением. По мнению С. Хантингтона, «культурное разнообразие может привести к конфликту, если нет общей платформы для интеграции» [Huntington S., 1996, p. 342].

Искусство и массовая культура сегодня играют ключевую роль в социализации. Как утверждал Т. Адорно, массовая культура стандартизирует восприятие и ограничивает критическое мышление, являясь инструментом манипуляций [Хоркхаймер М., Адорно Т., 2016, с. 104]. По его мнению, «культурная индустрия - это целый промышленный аппарат по производству единообразных, стандартизированных новинок в сферах искусства, живописи, литературы, кино. Культурная индустрия не дает человеку ценностных ориентиров, не направлена на духовное обогащение и просвещение, и понимается как разновидность товара, у которого есть потребитель – массы, которые посредством стандартизированного искусства являются объектом манипулирования в капиталистическом обществе» [там же].

Сегодняшняя потребительская культура сформировала новый тип идентичности, определяемый через навязываемые людям вещи. Поэтому Ж. Бодрийяр считал, что потребление стало главным языком социализации в постмодернистском обществе [см. Гурбанов А.Г., 2023].

Религиозные институты продолжают играть важную роль в

социализации, поскольку, по М. Веберу, религиозные идеи глубоко проникают в структуры социальной организации.

При этом западный и восточный подходы к социализации пока еще отличаются по акцентам, поскольку, как отмечал Г. Хофстеде: «индивидуализм характерен для Запада, в то время как Восток ценит коллективизм» [см. Оксинайд К. Э., 2013].

Современная социализация - интегративный процесс, находящийся под влиянием множества факторов. Социальные, политические, экономические и культурные институты играют ключевую роль в её формировании, создавая как возможности, так и вызовы для индивидов и обществ в целом. От успешности этих процессов зависит будущее человеческой цивилизации.

Социализация - это процесс усвоения индивидом социальных норм, ценностей, моделей поведения, который происходит в ходе его взаимодействия с обществом и социальными группами. Социализация начинается с раннего возраста и продолжается на протяжении всей жизни, обеспечивая интеграцию человека в общественные структуры.

Цифровизация и новые агенты социализации: блогеры и инфлюенсеры формируют новые стандарты поведения, затмевая традиционные институты [Turkle Sh., 2011, p. 89].

Перспективы социализации в XXI веке связаны с возможностями усиления роли информационных технологий, искусственного интеллекта, институтов образования и науки, усиления в них меж- и мультидисциплинарных подходов.

Для каждого периода развития общества необходимо проводить обобщение и выработать синтетическую концепцию влияния социальных, политических, экономических и культурных институтов на процессы социализации. В этой связи сегодня важно создание устойчивой социальной среды, адаптирующейся к вызовам XXI века.

Так в современном контексте мы наблюдаем уход от традиционных агентов социализации (семья, школа) к цифровым платформам [Turkle Sh., 2011, p.89], а также превращение процесса глобализации в фактор трансформации культурных и политических институтов [Bauman Z., 2000, p. 68].

Теоретическое обоснование социализации представлено Э. Эриксоном этапами, каждый из которых включает кризис, разрешение которого влияет на личность [Erikson, 1980, p. 117], а

также Пьером Бурдьё, выдвинувшим концепцию габитуса как структуры социализации, формирующуюся через повседневные практики и воспроизводящую социальные иерархии [Bourdieu P., 1984, p. 45].

Культурная социализация личности в прошлом, настоящем и будущем

Социализация личности проходит через разные этапы в зависимости от исторического периода, социальных условий и технологических изменений.

Прошлое: традиционная социализация

В традиционных обществах социализация основывалась на устоявшихся нормах и передавалась преимущественно через семью, религиозные институты и общинные связи. Например, в античности воспитание основывалось на идеях гражданственности (в Древней Греции) или милитаризации (в Спарте). В Средние века религия играла ключевую роль в формировании мировоззрения, а личность воспитывалась в соответствии с догмами церкви.

Настоящее: влияние глобализации и цифровых технологий

Современное общество характеризуется быстрым потоком информации, культурным разнообразием и ослаблением традиционных социальных институтов. Социализация личности теперь происходит не только через семью и школу, но и через интернет, социальные сети, массовую культуру и транснациональные ценности. Глобализация способствует смешению культур, однако одновременно усиливает идентификационные кризисы, когда индивид теряет связь с национальными и этническими традициями.

Будущее: новые вызовы и возможности

В будущем, следует полагать, процесс социализации будет еще более динамичным. Искусственный интеллект, виртуальная реальность и биотехнологии могут существенно изменить способы усвоения культурных норм. Возможно, возникнут новые формы коллективной идентичности, которые будут строиться на цифровых платформах. Однако это также создаст вызовы, такие как риски культурного разрыва поколений и утрата традиционных ценностей.

Культурная социализация личности эволюционирует вместе с обществом. Если в прошлом ее основой были семья, религия и традиции, то в настоящем ключевую роль играют глобализация и цифровые технологии. Будущее же принесет новые формы

социализации, в которых человек будет взаимодействовать не только с обществом, но и с искусственным интеллектом. Важно, чтобы этот процесс сохранял баланс между инновациями и культурным наследием, способствуя гармоничному развитию личности.

Политическая социализация в прошлом, настоящем и будущем

Политическая социализация - это процесс усвоения человеком политических норм, ценностей, установок и моделей поведения, который помогает ему стать активным членом общества. Он охватывает разные этапы жизни и меняется под влиянием исторических условий.

Политическая социализация в прошлом

(Традиционные общества, XX век)

Главные агенты: семья, церковь, государство, армия, школы.

Методы:

Жесткая идеологическая пропаганда (например, в СССР, нацистской Германии).

Наследственная передача политических взглядов (монархии, кастовые общества).

Ограниченный доступ к альтернативным источникам информации.

Воспитание через участие в общественных ритуалах, маршах, собраниях.

Особенности:

Консервативный характер социализации.

Политическое участие ограничено элитами.

Высокая роль патернализма (государство как «отец нации»).

Политическое насилие как метод контроля.

Политическая социализация в настоящем

(Конец XX – начало XXI века)

Главные агенты: СМИ, интернет, социальные сети, школы, университеты, политические партии, гражданское общество.

Методы:

Свободный доступ к информации, но усиленная политическая пропаганда в интернете.

Демократизация процесса (выборы, митинги, участие в НПО).

Политическая реклама, соцсети как инструменты формирования взглядов.

Политизация через кризисы (войны, санкции, пандемии).

Особенности:

Гибридные формы социализации: сочетание традиционных (семья, школа) и цифровых (интернет, блогеры) каналов.

Поляризация общества (разделение на идеологические лагеря).

Рост политической апатии среди молодежи, но также и тренд на активизм.

Влияние глобализации на политическое сознание (влияние мировых тенденций).

Политическая социализация в будущем (2050+ годы)

Главные агенты: искусственный интеллект, виртуальная реальность, метавселенные, киберполитика, глобальные корпорации.

Методы:

Виртуальная социализация через цифровые платформы.

Использование ИИ для формирования персонализированной политической рекламы.

«Цифровое гражданство» - участие в политике через блокчейн и нейросети.

Политическое образование через геймификацию (VR-платформы для моделирования политических решений).

Особенности:

Размывание границ национальных политических систем (появление глобальных цифровых государств).

Усиление цензуры через алгоритмы ИИ.

Рост кибервойн и манипуляций общественным сознанием.

Возможность автоматизированного голосования и принятия решений на основе больших данных.

Политическая социализация эволюционирует от традиционных методов принуждения и пропаганды к более гибким и технологичным формам. Однако, независимо от времени, её главная цель остается неизменной: формирование гражданина, способного участвовать в политической жизни общества.

Экономическая социализация личности в прошлом, настоящем и будущем

Экономическая социализация - это процесс усвоения индивидом норм, ценностей, установок и моделей поведения, связанных с экономической деятельностью. Она определяет отношение человека к труду, деньгам, собственности, потреблению

и финансовому планированию. Этот процесс менялся на протяжении истории, отражая социально-экономические трансформации общества.

Прошлое: традиционная экономика и ограниченные возможности выбора

В традиционных обществах экономическая социализация происходила в рамках семьи и общины. Человек перенимал профессию родителей, трудился на земле или в ремесленном деле. Экономическое поведение регулировалось не только рынком, но и традициями, моральными нормами и религиозными установками.

В эпоху промышленной революции (XVIII–XIX вв.) социализация стала ориентироваться на наемный труд. Образование стало важным элементом подготовки к трудовой деятельности, а роль семьи в передаче профессии уменьшилась. Люди начали осознавать ценность денег, капиталовложения и социальной мобильности.

Настоящее: рыночная экономика и финансовая грамотность

Современный этап экономической социализации связан с рыночной экономикой, урбанизацией и цифровизацией. Личность с раннего возраста сталкивается с финансовыми вопросами: карманные деньги, банковские карты, онлайн-платежи и кредиты.

Основные черты экономической социализации сегодня:

Финансовая грамотность - в школах вводят курсы по экономике и управлению финансами.

Цифровизация экономики - безналичные платежи, криптовалюты и инвестиционные платформы становятся частью жизни.

Гибкость рынка труда - смена профессий, удаленная работа, развитие фриланса.

Культура потребления - общество формирует установки на осознанное или, наоборот, чрезмерное потребление.

Современные вызовы включают рост неравенства, культ потребления и сложность планирования долгосрочной финансовой стабильности.

Будущее: автоматизация, новый капитализм и «экономика знаний»

Будущая экономическая социализация будет проходить в условиях кардинальных перемен:

Автоматизация и роботизация - исчезновение ряда профессий

потребуется новых подходов к обучению.

Безусловный базовый доход (ББД) - возможное внедрение ББД изменит отношение к труду и мотивации.

Новые формы занятости - люди будут чаще работать в проектных командах, сотрудничая с ИИ.

Зеленая экономика - экономическая социализация будет включать ответственность за устойчивое развитие.

Основной вызов будущего - адаптация к быстро меняющимся экономическим условиям, где роль традиционного труда может снизиться, а новые формы ценности (знания, инновации, творчество) выйдут на первый план.

Экономическая социализация личности прошла путь от традиционных форм передачи профессий в рамках семьи до сложной рыночной системы, требующей высокой финансовой грамотности. В будущем этот процесс станет еще более гибким, ориентированным на цифровую экономику, инновации и поиск новых моделей социальной защиты. Важно, чтобы человек мог адаптироваться к новым реалиям, сохраняя баланс между экономическими возможностями и качеством жизни.

В контексте социализации важную роль играет понятие габитуса, предложенное П. Бурдьё, габитус представляет собой целостную систему диспозиций восприятия, оценивания, классификации и действий, результат опыта и интериоризации индивидом социальных структур, носящую неосознанный характер [Габитус]. Этот неосознанный характер связан с тем, что «габитус обозначает сумму индивидуальных телесных навыков - походка, жестикация, манеры, - цельное осажение опыта конкретного человека в «глубине» телесного сознания» [Шматко Н.А., 1998].

Габитус порождается средой и является результатом индивидуальной истории и социального опыта индивида, который, в свою очередь, трансформирует исходные ментальные структуры. Габитус, таким образом, унифицируя опыт и навыки человека в единой системе, порождает единый стиль жизни [Шматко Н.А., 1998].

«Как и социализация, формирование габитуса в процессе интериоризации социальных отношений осуществляется в несколько этапов: первичный габитус, сложившийся в семье, служит основой восприятия и усвоения школьного образования; вторичный (школьный) габитус выступает условием и предпосылкой

восприятия и оценивания сообщений СМИ и т. д. Иными словами, логика интериоризации превращает габитус в хронологически упорядоченное множество диспозиций, в «некую структуру определенного ранга», которая уточняет границы структуры низшего ранга (генетически предшествующие) и структурирует структуры высшего «посредством структурирующего действия, оказываемого на структурированный опыт, порождающий эти структуры» [Бурдьё П., 1994, с. 121].

В первом приближении можно сказать, что существуют схожие габитусы, характерные для лиц одной социальной группы, поскольку ее члены подвергаются одинаковому процессу социализации. «Отношение к другому есть по сути коммуникация габитуса с габитусом, связь скорее практическая, нежели интеллектуально воспроизводимая. Именно из этой связи вырастает солидарность, оформляющая социальные группы» [Шматко Н.А., 1998]. «Социальный класс - это класс схожих условий, а также класс индивидов, обладающих сходным габитусом» [Бурдьё П., 1994, с. 137].

Социализация, как процесс, по-разному интерпретируется в философии, социологии и психологии.

Философское определение отмечает, что: «Социализация – процесс операционального овладения набором программ деятельности и поведения, характерных для той или иной культурной традиции, а также процесс интериоризации индивидом выражающих их знаний, ценностей и норм» [Всемирная энциклопедия. Философия. 2001, с. 980].

В социологии социализация - это процесс, через который индивид осваивает и принимает нормы, ценности, знания и практики, присущие определенной социальной группе или обществу в целом. Этот процесс включает в себя взаимодействие с социальными институтами, такими как семья, школа, работа, а также с другими людьми и группами. «Социализация — это процесс освоения культурных норм и практик, который помогает индивидам стать частью общества» [Гидденс, Э., 2009, с. 145].

В психологии социализация рассматривается как процесс формирования личности и социальной идентичности человека, где особое внимание уделяется взаимодействию индивида с окружающей средой и его внутреннему развитию.

«Социализация - это процесс усвоения человеком социальной

информации и формирование у него определенных навыков, взглядов, убеждений, которые соответствуют социальной среде, в которой он живет» [Эриксон, Э., 2002, с. 75].

Герберт Спенсер был одним из первых, кто рассматривал социализацию как важный процесс интеграции индивида в общественные структуры. Он считал, что социализация - это процесс приспособления к социальным условиям и нормам через опыт и обучение.

Спенсер также подчеркивал важность социальной эволюции и роли социальной адаптации в этом процессе. «Социализация — это процесс, который позволяет человеку адаптироваться к требованиям и нормам своего времени и места, что способствует прогрессу и развитию общества» [Спенсер Г., 2022, с.137].

Важнейший аспект теории Дюркгейма заключается в том, что социализация необходима для поддержания социальной солидарности и порядка в обществе. Он акцентировал внимание на роли институционализированных норм и законов в процессе социализации. «Социализация представляет собой тот процесс, через который индивид становится частью общества, принимая его моральные и культурные ценности» [Дюркгейм Э., 1996, с.216].

М. Вебер рассматривал социализацию в контексте взаимодействия между индивидами и социальными структурами. Он подчеркивал важность культурных и религиозных традиций в формировании личности и ее экономического поведения, а также влияние рационализации общества на процесс социализации. Вебер считал, что индивиды не просто пассивно усваивают нормы, а активно принимают участие в процессе их интернализации и преобразования. «Социализация - это процесс, в котором индивиды становятся участниками социального мира, следуя его нормам и культурным традициям» [Вебер М., 1990, с.307].

Среди различных теорий социализации выделяются:

Теория роли (Роберт Мертон): предложила концепцию, которая описывает, как индивид усваивает и выполняет различные роли в обществе, исходя из его социальных ожиданий. «Социальные роли представляют собой ожидаемое поведение индивидов в определенных социальных позициях. Процесс социализации включает в себя усвоение этих ролей» [Merton R., 1968, p. 113].

Теория социализации (Чарльз Кули) полагает, что ключевым аспектом социализации является «зеркальное самовосприятие», где

человек формирует свою идентичность на основе того, как его видят другие. «Являясь результатом социальных взаимодействий, личность развивается через восприятие других людей» [Cooley С., 1902, р. 67]. В своем учении Кули подчеркивал важность социальных взаимодействий в формировании самооценки и личности человека. «Личность возникает через взаимодействие с другими людьми. Мы воспринимаем себя через взгляд других, что и формирует нашу идентичность» [Cooley С., 1902, - р. 107].

Теория символического интеракционизма (Джордж Мид) подчеркивает важность символических взаимодействий и роль языка в социализации, рассматривая процесс как непрерывную коммуникацию, в которой индивид формирует свои представления о себе через взаимодействие с другими. «Социализация происходит через взаимодействие с другими людьми и усвоение ими социальных значений, которые становятся частью внутреннего мира индивида» [Mead, G.H., 1934, р. 119]. Мид подчеркнул важность символов и языка в этом процессе. «Социализация происходит через символические взаимодействия, в которых индивид усваивает значения и роли, соответствующие социальной группе» [Mead, G.H., 1934, - р.211].

Талкотт Парсонс разработал теорию социальной системы и сделал значительный вклад в изучение социализации, утверждая, что она помогает интегрировать индивидов в систему ценностей общества. По его мнению, важной частью социализации является усвоение социальных ролей, которые помогают индивидам действовать в рамках устойчивых социальных структур. «Социализация является механизмом, посредством которого индивид усваивает и принимает нормы и ценности общества, что позволяет ему функционировать в социальных системах» [Парсонс, Т., , 1965, с. 42].

Теория социального научения (Альберт Бандура) акцентирует внимание на том, как люди учат друг друга, наблюдая за поведением других и его последствиями. «Человек усваивает поведение, наблюдая за другими и моделируя их действия» [Bandura А., 1977, р. 92].

Социализация является многоуровневым и многогранным процессом, который затрагивает все аспекты жизни человека. Различные теории и типы социализации помогают понять, как индивид взаимодействует с обществом и как это взаимодействие

влияет на его личность и поведение. Социализация - процесс формирования личности через взаимодействие с обществом и культурой, выступающими особенностями, механизмы и влияние на индивидуумов.

Мишель Фуко - анализировал социализацию с точки зрения власти и дисциплины. Он рассматривал, как различные социальные институты (например, тюрьмы, школы, больницы) формируют личность через механизмы контроля и нормирования. Для Фуко социализация была связана с процессом контроля, регулирования и подчинения индивидов. «Социализация - это не просто усвоение норм, но и механизм контроля, через который власть формирует и дисциплинирует индивидов» [Фуко М., 1999. с. 236].

Социализация в эпоху глобализации, информационной революции и искусственного интеллекта (ИИ) претерпевает значительные изменения, сказывающиеся на всех аспектах жизни человека. В условиях бурных технологических изменений, социальные взаимодействия и способы адаптации личности к обществу меняются. Важно рассмотреть, как процесс социализации происходит в реальном, виртуальном и смешанном пространствах, а также как новые технологии влияют на социальные отношения, идентичность и культурные нормы.

Глобализация создает новые условия для взаимодействия между людьми по всему миру, стирая многие национальные и культурные барьеры. Глобальные информационные потоки, миграция, международные сети и социальные медиа приводят к формированию «глобальной культуры» - смеси различных культурных практик, норм и ценностей. Для социализации это означает более широкий спектр ролей и идентичностей, которые человек может адаптировать. «Глобализация формирует новые формы социальных связей и способствует распространению идей и технологий, что создает новые вызовы для традиционных механизмов социализации» [Гидденс А., 2009, с. 374].

В условиях глобализации каждый человек становится частью глобальной социальной сети, где взаимодействие возможно на уровне культурных, экономических и политических процессов. Это ведет к кросс-культурной социализации, когда индивиды, не покидая своей страны, могут активно участвовать в мировых социальных процессах через Интернет, социальные сети и международные медиа.

Информационная революция - это переход от индустриального общества к обществу, основанному на знаниях и информации. Современные технологии предоставляют новые средства коммуникации, обеспечивающие мгновенную передачу информации на глобальном уровне. Социализация в эпоху информационных технологий меняется, так как процесс общения и образования становится более доступным и разнообразным.

По данным исследователей А.В. Коневой и А.А. Лисенковой, занимающихся изучением влияния цифровизации на идентичность, сегодня с использованием современных цифровых технологий «человек, с одной стороны, конструирует и верифицирует свою идентичность, а с другой - сами цифровые технологии поставляют новые и новые возможности и средства идентификации себя в социальном и виртуальном пространстве и создают довольно жесткие и однозначные границы самому процессу и факту идентификации» [Конева, А. В., Лисенкова А. А., 2019, с. 14].

Социальные сети и онлайн-коммуникация создают новые формы общения и взаимодействия, где важную роль играют такие платформы, как Facebook, Twitter, Instagram, TikTok. Это означает, что процесс социализации происходит не только в физических, но и в виртуальных пространствах.

Гибкость общения позволяет людям взаимодействовать на разных уровнях и во всех уголках мира, что формирует новые виды социальной идентичности, связанные с виртуальными сообществами. «Информационная революция изменяет социальные взаимодействия, делая их более динамичными и глобальными. Виртуальные сообщества становятся важными элементами социализации» [Кастельс М., 2000, с.342].

Виртуальные социальные сети становятся не только инструментами общения, но и средствами для формирования общественного мнения, распространения новых норм и ценностей. Социализация происходит через создание цифровых идентичностей и участие в глобальных дискуссиях.

Искусственный интеллект (ИИ) и другие новые технологии, такие как роботизация и машинное обучение, могут трансформировать не только профессиональную сферу, но и повседневную жизнь. ИИ вносят изменения в то, как люди взаимодействуют между собой и с технологиями, а также в процесс социализации.

Роботы-компаньоны и виртуальные ассистенты становятся частью жизни, особенно среди пожилых людей или в образовательных учреждениях. Это приводит к новой форме социализации, в которой машины становятся активными участниками общения.

ИИ в образовательных технологиях создают новые способы обучения, где преподаватель и студент могут быть частично или полностью заменены машинами, что изменяет традиционные модели социализации в образовательной среде. «Системы ИИ в образовательных и социальных контекстах создают новые формы взаимодействия, где человек и машина начинают совместно участвовать в процессе социализации, что предъявляет новые требования к этическим и социальным нормам» [Искусственный интеллект и будущее человечества, 2018].

Сегодня социализация происходит в реальном, виртуальном и смешанном пространствах.

Социализация в реальном пространстве:

В реальной жизни социализация происходит через взаимодействие с окружающими людьми в прямом контакте. Это общение через жесты, мимику, телесное присутствие, которое невозможно полностью заменить технологическими средствами. Однако современные технологии не исключают, а скорее усиливают важность реального общения, создавая новые формы социальной активности - например, через гибридные встречи (офлайн и онлайн).

Социализация в виртуальном пространстве:

Виртуальное пространство является альтернативой реальному для многих людей, особенно для молодежи и людей, стремящихся к анонимности. Виртуальная социализация происходит через социальные сети, онлайн-игры, форумы и другие платформы, где физическая дистанция не имеет значения. Здесь можно формировать идентичности и проводить социальные взаимодействия, не завися от физических ограничений.

Виртуальные пространства позволяют создавать новые социальные отношения и идентичности, не привязанные к географическому положению. Однако это также может привести к рискам цифровой изоляции и снижения качества общения, так как он не всегда заменяет полноценно личное взаимодействие.

Социализация в смешанном пространстве:

В смешанных пространствах, где физическое и виртуальное

пересекаются (например, в формате гибридных событий, видеоконференций и онлайн-курсов), человек становится участником как реальных, так и цифровых сетей. Это пространство способствует созданию новых форм социальных связей, в которых виртуальные и реальные аспекты социализации переплетаются. Гибридная социализация характеризуется тем, что процесс общения происходит одновременно через несколько каналов, включая личное и цифровое взаимодействие. Таким образом, можно говорить о смешанных формах социализации, где реальные и виртуальные взаимодействия сливаются, создавая новые возможности интеграции и консолидации больших групп людей.

В эпоху глобализации, информационной революции и искусственного интеллекта социализация претерпевает значительные изменения, и становится важным учитывать, как различные пространства — реальные, виртуальные и смешанные — влияют на формирование социальных связей. Процесс социализации продолжается, но он адаптируется к новым условиям, создавая новые вызовы и возможности для формирования идентичности, социальных норм и ролей. Важно отметить, что гибридизация социализации становится важным элементом жизни современного человека, который способен интегрировать элементы разных социальных миров в единую систему взаимодействий.

Целый ряд западных исследователей активно исследуют проблемы взаимодействия человеческого разума и искусственного интеллекта в различных, в том числе этическом контекстах. Так, Ник Бостром, специалист по вопросам этики и философии технологий, исследует риски и последствия развития сверхинтеллекта, включая этические и социальные вопросы. Бостром рассматривает, как искусственный интеллект может изменить человеческую жизнь, а также как создать этические рамки для взаимодействия человека и ИИ, влияние ИИ на будущее человечества, этические аспекты внедрения ИИ в общественные и образовательные контексты, потенциальные угрозы от развития искусственного интеллекта. Он отмечает: «Мы стоим на пороге значительных изменений, которые могут коренным образом изменить все аспекты человеческой жизни. Эти изменения будут требовать от нас новых норм, ценностей и практик социализации». [Bostrom N., 2014, p. 216].

Юваль Ной Харари, историк и философ, анализирует будущее

человечества в эпоху искусственного интеллекта. Харари исследует, как ИИ изменяет не только экономику и политику, но и саму природу человеческой идентичности и социализации, влияние ИИ на социализацию в будущем, этические и философские вопросы, связанные с развитием технологий, как машины изменяют наши представления о сознании, идентичности и морали. «ИИ и биотехнологии создают новую реальность, в которой человек и машина становятся неотделимыми, и нам нужно переосмыслить традиционные нормы и процессы социализации» [Харари Ю. Н., 2018, с.341].

Рэй Курцвейл, один из ведущих экспертов в области технологий и будущего, футурист, описывает, как искусственный интеллект может изменить человеческие социальные взаимодействия, а также исследует этические и философские проблемы, которые могут возникнуть в связи с развитием технологий, как ИИ изменит общественные структуры и процессы социализации, проблемы этики в контексте создания высокоразвившихся интеллектуальных систем, влияние технологий на человеческую идентичность и отношения. Хорошо известна его идея Сингулярности – эпохи, когда скорость изменений знаний приобретет масштабы, недоступные для их осмысления человеческим разумом. «Приход Сингулярности приведет к моменту, когда искусственный интеллект и биологические существа будут работать в едином контексте, что потребует от нас новой этики и социальной адаптации» [Курцвейл, Р. 2005, р. 315].

Шерри Туркле, социолог и психолог, специалист по вопросам взаимодействия человека с технологиями, исследует, как новые технологии, включая ИИ, изменяют человеческие отношения, как мы социализируемся в цифровую эпоху и какие этические проблемы возникают при этом, как ИИ и роботы влияют на личные и общественные отношения, проблемы изоляции и виртуализации общения, этические вызовы, связанные с взаимодействием человека и машины. «Когда мы начинаем взаимодействовать с машинами так же, как с людьми, мы сталкиваемся с новыми этическими проблемами и с тем, как сохранить человеческие ценности в условиях технологической революции» [Turkle S., 2011, p.213].

Кейт Кроуфорд, исследовательница в области искусственного интеллекта, подробно рассматривает влияние ИИ на социальные структуры и этику, включая то, как социальные и культурные нормы

могут быть пересмотрены в условиях технологической революции, этические и политические последствия развития ИИ, социальное воздействие ИИ и автоматизации, как ИИ влияет на существующие социальные отношения и процессы социализации. «ИИ меняет не только экономику и политику, но и саму природу социальных структур. Мы должны пересмотреть этические нормы, чтобы адаптировать общество к новой реальности» [Crawford K., 2021].

Таким образом, происходящие технологические изменения ведут к *трансформации институтов, агентов и методов социализации*:

1. Влияние семьи как первичного института социализации снижается из-за цифровизации, когда дети и подростки получают информацию из интернета и социальных сетей. Из-за цифровизации детства и раннего знакомства детей с интернетом родители теряют монополию на передачу ценностей: конкуренцию им составляют социальные сети и виртуальные сообщества. Образовательные учреждения адаптируются к онлайн-обучению и новым методам передачи знаний. Образование: традиционные школы и университеты уступают место онлайн-обучению, адаптивным образовательным платформам и системам на основе ИИ. Гибридные формы обучения (офлайн + онлайн) становятся нормой, стирая границы между формальным и неформальным образованием.

2. Роль государства как ключевого агента социализации трансформируется, поскольку интернет и социальные платформы становятся альтернативными каналами формирования гражданской идентичности и ценностей. Государство теряет монополию на воспитание гражданина, так как личность формируется под влиянием транснациональных медиа, глобальных интернет-платформ и международных трендов. Увеличивается контроль за поведением личности через цифровые технологии (например, системы социального рейтинга, онлайн-мониторинг).

3. Медиа и цифровые технологии: искусственный интеллект, алгоритмы персонализации и цифровые платформы влияют на мировоззрение личности, формируя новые нормы поведения.

Агенты социализации изменяются в новой реальности:

1. Социальные сети и виртуальные сообщества заменяют традиционные формы взаимодействия, создавая новые нормы общения и идентичности.

2. Искусственный интеллект: AI-ассистенты, чат-боты и алгоритмы рекомендаций становятся не только посредниками информации, но и активными участниками социализации.

3. Реальное, виртуальное и смешанное пространство: личность одновременно существует в нескольких измерениях – физическом, цифровом и гибридном, что создает новые вызовы в формировании идентичности.

В условиях глобализации и информационной революции изменяется сам процесс социализации: личность адаптируется к новым реальностям, где искусственный интеллект и цифровые технологии выступают полноценными агентами социализации. Это требует пересмотра традиционных подходов к воспитанию, образованию и социальному взаимодействию.

Процесс социализации в XXI веке претерпевает значительные трансформации под воздействием глобализации, цифровых технологий и искусственного интеллекта. Размываются границы между реальным, виртуальным и смешанным пространством, меняется влияние традиционных институтов социализации, а также появляются новые агенты, формирующие личность.

Социализация в эпоху глобализации и цифровизации стала многослойной: традиционные институты адаптируются, а новые агенты, такие как ИИ и цифровые экосистемы, играют всё более значимую роль. Это требует пересмотра классических концепций социализации и разработки новых стратегий адаптации личности в условиях смешанной реальности.

Проблемы социализации человека, личности и индивидуума являются ключевыми вопросами в современной социальной психологии. Социализация - это процесс, посредством которого индивид усваивает нормы, ценности и модели поведения, принятые в обществе, становясь полноценным членом социума. Однако этот процесс сопряжен с рядом сложностей и противоречий, особенно в условиях быстро меняющегося мира.

Основные проблемы социализации:

Современное общество характеризуется быстрыми изменениями в социокультурных условиях жизни, появлением новых институтов и агентов социализации, усложнением требований к личности, неопределенностью ценностей и накоплением стрессовых факторов техногенного, социального и экономического характера. Все эти факторы затрудняют процесс

адаптации и интеграции личности в социуме.

На разных этапах жизненного цикла проблемы социализации проявляются по-разному:

- **В детстве и юности:** сложности в освоении норм поведения, социальных ролей, проблемы в коммуникации со сверстниками, проявления агрессивности и тревожности.
- **Во взрослом возрасте:** кризис смысложизненных ориентаций, трудности в адаптации к меняющимся условиям, профессиональные кризисы.
- **В пожилом возрасте:** ощущение одиночества, ненужности, утрата социальных связей.

Современные постсоветские общества утратили многие традиции, поддерживающие плавный переход от одной социальной роли к другой, что привело к определенным лакунам в процессах социализации всех ее видов на всех этапах.

На процесс социализации влияют как макросреда (общество в целом), так и микросреда (непосредственное окружение индивида). Среди ключевых факторов можно выделить:

- **Социально-психологические:** становление самосознания, самоактуализация, самоопределение и саморазвитие личности.
- **Социально-культурные:** приобщение к определенной совокупности знаний, умений и навыков, уровню культуры.
- **Естественно-культурные:** достижение определенного уровня физического и полового развития, формирование примеров женственности и мужественности в различных культурах.

Проблемы социализации в цифровом мире

С развитием цифровых технологий возникают новые вызовы для социализации личности. Среди них:

- **Изоляция от физической реальности:** проведение большого количества времени в интернете может привести к утрате навыков живого общения и социальной изоляции.
- **Информационное перенасыщение:** постоянный поток информации вызывает стресс и ухудшение здоровья.
- **Низкая самооценка:** сравнение себя с идеализированными образами в социальных сетях может привести к депрессии и чувству неполноценности.

Наталья Михаэлис сгруппировала современные проблемы социализации и наметила пути их решения. Так, согласно ее мнению,

на социализацию влияют следующие факторы: быстрые изменения социокультурных условий жизни; появление новых институтов и агентов социализации (например, виртуальная реальность); усложнение требований к личности со стороны общества; неопределенность ценностей и жизненных ориентиров; накопление стрессовых факторов техногенного, социального, экономического характера.

А проблемы социализации на разных этапах жизненного цикла проявляются в следующих аспектах: неумение строить гармоничные взаимоотношения между поколениями в семье; сложности в освоении принятых норм поведения, социальных ролей; затруднения при построении коммуникации со сверстниками; проявления агрессивности, тревожности, стрессовых состояний у детей и молодежи; кризис смысложизненных ориентаций у взрослых; ощущения одиночества и ненужности у пожилых людей. Современные постсоветские общества утратили многие традиции, поддерживающие плавный переход от одной социальной роли к другой. Как следствие, возникло множество лакун в процессе социализации на всех ее этапах.

Затрудненная социализация проявляется в различных формах: девиантное поведение (правонарушения, зависимости); отклонения в психическом развитии и эмоциональной сфере личности; проблемы во взаимоотношениях с социальным окружением; неспособность адаптироваться к меняющимся условиям; утрата смысла жизни, ценностная дезориентация.

Для преодоления трудностей в социализации личности важно: создание благоприятных условий в семье, школе, других социальных институтах; приобщение детей и молодежи к позитивным видам деятельности; психолого-педагогическая поддержка на всех этапах социализации; формирование жизненных навыков и компетенций, помогающих адаптироваться в меняющемся обществе; восстановление преемственности культурных традиций и духовно-нравственных ценностей; создание возможностей для реализации потенциала личности в социуме [Михаэлис Н.].

Заключение

Проблема социализации широко изучается в научной литературе, особенно в социологии, философии, психологии и

педагогике. Исследователи изучают, как индивиды усваивают социальные нормы, ценности и модели поведения, необходимые для интеграции в общество. Например, Бергер и Лукманн утверждают, что социализация - это непрерывный процесс, посредством которого индивиды усваивают социальные структуры и воспроизводят их в своих повседневных взаимодействиях. Аналогичным образом Дж. Мид подчеркивал роль символического взаимодействия в формировании самоидентификации и социальных ролей. Современные исследования высвечивают проблемы социализации в современных обществах, особенно в контексте цифровизации, миграции и изменения структуры семьи. Ученые отмечают, что, хотя традиционные институты (семья, школа и сообщество) остаются ключевыми для социализации, онлайн-взаимодействия и медиа оказывают значительное влияние на формирование личной и коллективной идентичности. Таким образом, научная литература демонстрирует, что социализация - это динамичный и многогранный процесс, определяемый историческими, культурными и технологическими изменениями, что делает ее центральным вопросом в понимании человеческого развития и социальной сплоченности.

Литература и примечания:

Андреева Г.М. "Социальная психология". — Москва: Аспект Пресс, 2003. — 363 с.

Бергер П., Лукманн Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. / Пер. Е.Д. Руткевич. — М.: Медиум, 1995. — 323 с.

Блум П. Социология в современном мире, М.: Академический проект, 2015, - 356 с.

Бодрийяр Ж. Реквием по масс-медиа / Ж. Бодрийяр // Поэтика и политика : альманах Рос.-фр. центра социологии и философии Ин-та социологии РАН. — М. : Ин-т эксперим. социологии ; СПб. : Алетейя, 1999. -226 с.

Бурдые П. Начала. _ М.: Socio-Logos, 1994. - 288 с.

Энциклопедия. Философия. М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор, 2001.- 1312 с.

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М., Прогресс, 1990. 808 с.

Габитус- <http://bourdieu.name/content/gabitus-enciklopedija-sociologii>

Головин Н.А. Теоретико-методологические основы исследования политической социализации. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2004, - 276 с.

Гидденс, Э. Социология, М.: Юрайт, 2009, - 642 с.

Гидденс Э. Социология / При участии К. Бердсолл: Пер. с англ. Изд. 2-е, полностью перераб. и доп. - М.: Едиториал УРСС, 2005. - 632 с..

Гурбанов А.Г. «Общество потребления» как объект изучения философии: сущность и социальный контекст // Философская мысль. 2023. № 5. С. 1-12. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40857

Примечание 1: «Ряд исследователей считают бодрийеровскую работу «Общество потребления» «Капиталом XX века». Для мыслителя интересен тут, в первую очередь, характер влияния, оказываемого на людей в быту и повседневной жизни. И, если во времена Маркса быт зависел, в первую очередь, от экономики, проявляющей себя через социальные отношения, то в XX в. повседневная жизнь стала полностью зависеть от технологий, средств массовой информации и других массовых явлений, что и было подмечено Бодрийаром. Следовательно, потребление трансформировалось из средства выживания в инструмент отчуждения, потери личности» - см. Гурбанов А. Г..

Деррида Ж. О правде и насилии, М.: Прогресс, 1994, - 179 с.

Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение.- М.: Канон, 1995.- 352 с.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. — М.: Канон, 1996. - 432 с.

Елисеев С.М. Политическая социология. С-Пб. Изд-во «Нестор-История», 2007.- 320 с.

Искусственный интеллект и будущее человечества, 2018 - <https://www.litres.ru/book/iskusstvennyy-intellekt/iskusstvennyy-intellekt-i-buduschee-chelovechestva-71568334/>

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. - М.: ГУ ВШЭ, 2000. - 608 с.

Ковалева А. И. Социализация. -

<https://cyberleninka.ru/article/n/sotsializatsiya>

Кон И.С. Социология личности. - Москва: Политиздат, 1967. - 374 с.

Конева, А. В. Матрица идентичности в цифровую эпоху: социальные вызовы преодоления анонимности / А. В. Конева, А. А. Лисенкова // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. - 2019. - № 35. - С. 14-28.

Михаэлис Н. Современные проблемы социализации и пути их решения. https://fb.ru/article/542503/2023-sovremennyye-problemyi-sotsializatsii-i-puti-ih-resheniya?utm_source=chatgpt.com

Мудрик А.В. Социализация человека. - Москва: Академия, 2004. - 200 с.

Оксинойд К. Э. Типология организационных культур Герта Хофстеда, 2013 -

<https://www.cfin.ru/management/people/culture/Hofstede.shtml>

Парсонс Т. Общетеоретические проблемы социологии. Социология сегодня: Проблемы и перспективы. - М., «Прогресс», 1965, с. 25–67.

Социализация - [https://ru.wikipedia.org/wiki/ Социализация](https://ru.wikipedia.org/wiki/Социализация)

Социализация - <https://bookonlime.ru/node/1062>

Социализация личности: коротко о главном - [https://4brain.ru/blog/socialization-of-personality/-](https://4brain.ru/blog/socialization-of-personality/)

Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. - М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. - 328 с.

Примечание 2: «Прекариат (от англ. precarious - ненадежный) неуклонно растет численно и включает в себя все новые страны и формы социальной жизни; его черты можно увидеть и в российской повседневности (временные рабочие-мигранты, стажеры, фрилансеры, работники креативных индустрий). Осознать заботы и проблемы «нового опасного класса» и понять возможные пути их решения — одна из главных задач нашего времени» - см. Стэндинг Г. Прекариат...

Сычева Е.Ю., Кирпиченко А.М. Подходы к интерпретации социализации - <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-interpretatsii-sotsializatsii>

Тома Пикетти и его идеи - <https://altleft.org/2024/04/toma-piketti-i-ego-idei/>.

Тощенко Ж.Т. (ред.) Политическая социология. М.,; Изд-во Юрайт, 2012,- 528 с.

Хабермас Ю. Проблемы легитимации позднего капитализма.

https://psyera.ru/teoriya-socializacii-v-obshchestve-pozdnego-kapitalizma-yu-habermas_15825.htm

Хирари Ю. Н. Homo Deus. Краткая история будущего. - М.: «Синдбад», 2018, - 496 с.

Хоркхаймер М., Адорно Т. Культурная индустрия. Просвещение как способ обмана масс.

Совместная издательская программа Музея современного искусства «Гараж» и

издательства Ad Marginem. Серия Minima. 2016, - 104 с.

Спенсер Г. Основы социологии, Из наследия мировой социологии, М., 2022. - 440 с.

Шестопал Е.Б. Личность и политика: Краткий очерк современных западных концепций политической социализации. М.: Издательство Московского университета, 1988, - 192 с.

Шматко Н.А. "Габитус" в структуре социологической теории. Журнал социологии и социальной антропологии, том 1, №2, 1998, С. 60-70 - <http://bourdieu.name/content/shmatko-na-gabitus-v-strukture-sociologicheskoy-teorii>

Примечание 3: «Одна из функций понятия «габитус» состоит в указании на единство стиля, который объединяет практики и блага какого-либо единичного агента или класса агентов... Габитус - это порождающее и унифицирующее начало, которое сводит собственные внутренние и реляционные характеристики какой-либо позиции в единый стиль жизни, т. е. в единый ансамбль выбора людей, благ и практик» - см. Шматко Н. А.

Примечание 4: «Принципиальным моментом является то, что габитус целостен и не может быть разложен на отдельные составляющие его диспозиции, поскольку выражает один общий принцип, стиль, проявляющийся во всех практиках индивида и переносимый из одной сферы в другую, задавая их взаимную согласованность.

Еще одна особенность габитус в том, что он является бессознательной структурой: это системы глубоко укорененных диспозиций, «забытых» и полностью не рефлекслируемых» - см. Шматко Н. А.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. — М.: Ad Marginem, 1999. - 480 с.

Цуканов Е. А. Гностическая концепция гиперреальности Жана Бодрийяра как ностальгия по симулякру -

<http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/philosophy/2021/03/2021-03-17.pdf>

Эриксон Э. Детство и общество. Санкт-Петербург: Изд-во «Питер», 1996, - 384 с.

Эриксон, Э. Идентичность: Молодость и кризис. М.: Академический проект, 2002, - 339 с.

Bandura A. Social Learning Theory. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1977, - 247 p.

Bauman Z. Liquid Modernity. Polity Press. Cambridge, 2000, - 228 p.

Berger P.L., Luckmann, T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. — New York: Anchor Books, 1966, - 219 p.

Bostrom N. Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies. Oxford University Press, 2014, - 341 p.

Bourdieu P. Distinction A Social Critique Of The Judgement Of Taste. ABBYY FineReader, 1984, 450 p.

Castells M. Networks of outrage and hope. Cambridge, Polity, 2012. - 200 p.

Crawford K. Atlas of AI: Power, Politics, and the Planetary Costs of Artificial Intelligence. Yale University Press, 2021, - https://www.researchgate.net/publication/363177193_Atlas_of_AI_Power_Politics_and_the_Planetary_Costs_of_Artificial_Intelligence

Cooley C. Human Nature and Social Order, New York: Scribner's Sons, 1902, - 243 p.

Erikson E. Identity and the life cycle. Norton, 1980. - 191 p.

Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. — Cambridge: Polity Press, 1991, - 256 p.

Huntington S. P. The clash of civilizations and the remaking of world order. SIMON - SCHUSTER, New York, 1996, - 410 p.

Kurzweil R. The Singularity Is Near. When Humans Transcend Biology., Viking 2005, - 417 p.

Mead, G.H. Mind, Self, and Society: From the Standpoint of a Social Behaviorist. - Chicago: University of Chicago Press, 1934, - 400 p.

Merton R. Social theory and social stratification. N.Y., Free Press, 1968, - 300 p.

Turkle Sh. Alone together: why we expect more from technology and less from each other. Published by Basic Books, New York, 2011, - 360 p.

References:

- Andreyeva G.M. "Sotsialnaya psikhologiya". — Moskva: Aspekt Press. 2003. — 363 s.
- Berger P., Lukman. T. Sotsialnoye konstruirovaniye realnosti. Traktat po sotsiologii znaniya. / Per. E.D. Rutkevich. — M.: Medium. 1995. — 323 s.
- Blum P. Sotsiologiya v sovremennom mire. M.: Akademicheskij projekt. 2015. — 356 s.
- Bodriyyar Zh. Rekviyem po mass-media / Zh. Bodriyyar // Poetika i politika : almanakh Ros.-fr. tsentra sotsiologii i filosofii In-ta sotsiologii RAN. — M. : In-t eksperim. sotsiologii ; SPb. : Aleteyya. 1999. -226 s.
- Burdye P. Nachala. — M.: Socio-Logos. 1994. - 288 s.
- Entsiklopediya. Filosofiya. M.: AST. Mn.: Kharvest. Sovremennyy literator. 2001.- 1312 s.
- Veber M. Protestantskaya etika i dukh kapitalizma // Veber M. Izbrannyye proizvedeniya. M.. Progress. 1990. 808 s.
- Gabitus- <http://bourdieu.name/content/gabitus-enciklopediya-sociologii>
- Golovin N.A. Teoretiko-metodologicheskkiye osnovy issledovaniya politicheskoy sotsializatsii. Sankt-Peterburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2004. - 276 s.
- Giddens. E. Sotsiologiya. M.: Yurayt. 2009. - 642 s.
- Giddens E. Sotsiologiya / Pri uchastii K. Berdsoll: Per. s angl. Izd. 2-e. polnostyu pererab. i dop. - M.: Editorial URSS. 2005. - 632 s..
- Gurbanov A.G. «Obshchestvo potrebleniya» kak obyekт izucheniya filosofii: sushchnost i sotsialnyy kontekst // Filosofskaya mysl. 2023. № 5. S. 1-12. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40857
- Derrida Zh. O pravde i nasilii. M.: Progress. 1994. - 179 s.
- Dyurkgeym E. Sotsiologiya. Ee predmet. metod. prednaznacheniiye.- M.: Kanon. 1995.- 352 s.
- Dyurkgeym E. O razdelenii obshchestvennogo truda. — M.: Kanon. 1996. - 432 s.
- Eliseyev S.M. Politicheskaya sotsiologiya. S-Pb. Izd-vo «Nestor-Istoriya». 2007.- 320 s.
- Iskusstvennyy intellekt i budushcheye chelovechestva. 2018 - <https://www.litres.ru/book/iskusstvennyy-intellekt/iskusstvennyy-intellekt-i-budushee-chelovechestva-71568334/>
- Kastels M. Informatsionnaya epokha: ekonomika. obshchestvo i kultura. - M.: GU VShE. 2000. - 608 s.
- Kovaleva A. I. Sotsializatsiya. -

<https://cyberleninka.ru/article/n/sotsializatsiya>

- Kon I.S. Sotsiologiya lichnosti. - Moskva: Politizdat. 1967. - 374 s.
- Koneva. A. V. Matritsa identichnosti v tsifrovuyu epokhu: sotsialnyye vyzovy preodoleniya anonimnosti / A. V. Koneva. A. A. Lisenkova // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kulturologiya i iskusstvovedeniye. - 2019. - № 35. - S. 14-28.
- Mikhaelis N. Sovremennyye problemy sotsializatsii i puti ikh resheniya. https://fb.ru/article/542503/2023-sovremennyye-problemyi-sotsializatsii-i-puti-ih-resheniya?utm_source=chatgpt.com
- Mudrik A.V. Sotsializatsiya cheloveka. - Moskva: Akademiya. 2004. - 200 s.
- Okeinoyd K. E. Tipologiya organizatsionnykh kultur Gerta Khofsteda. 2013 - <https://www.cfin.ru/management/people/culture/Hofstede.shtml>
- Parsons T. Obshcheteoreticheskiye problemy sotsiologii. Sotsiologiya segodnya: Problemy i perspektivy. - M.. «Progress». 1965. s. 25–67.
- Sotsializatsiya - <https://ru.wikipedia.org/wiki/Sotsializatsiya>
- Sotsializatsiya - <https://bookonlime.ru/node/1062>
- Sotsializatsiya lichnosti: korotko o glavnom - <https://4brain.ru/blog/socialization-of-personality/>-
- Stending G. Prekariat: novyy opasnyy klass. - M.: Ad Marginem Press. 2014. - 328 s.
- Sycheva E.Yu., Kirpichenko A.M. Podkhody k interpretatsii sotsializatsii - <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-interpretatsii-sotsializatsii>
- Toma Piketti i ego idei - <https://altleft.org/2024/04/toma-piketti-i-ego-idei/>].
- Toshchenko Zh.T. (red.) Politicheskaya sotsiologiya. M.; Izd-vo Yurayt. 2012.- 528 s.
- Khabermas Yu. Problemy legitimatsii pozdnego kapitalizma. https://psyera.ru/teoriya-socializacii-v-obshchestve-pozdnego-kapitalizma-yu-habermas_15825.htm
- Khiriari Yu. N.. Homo Deus. Kratkaya istoriya budushchego. - M.: «Sindbad». 2018. - 496 s.
- Khorkkhaymer M., Adorno T. Kulturnaya industriya. Prosveshcheniye kak sposob obmana mass. Covmestnaya izdatelskaya programma Muzeya sovremennogo iskusstva «Garazh» i izdatelstva Ad Marginem. Seriya Minima. 2016. - 104 s.
- Spenser G. Osnovy sotsiologii. Iz naslediya mirovoy sotsiologii. M.. 2022. - 440 s.

Shestopal E.B. Lichnost i politika: Kratkiy ocherk sovremennykh zapadnykh kontseptsiy politicheskoy sotsializatsii. M.: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta. 1988.- 192 s.
 Shmatko N.A. "Gabitus" v strukture sotsiologicheskoy teorii. Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii. tom 1. №2. 1998. S. 60-70 - <http://bourdieu.name/content/shmatko-na-gabitus-v-strukture-sociologicheskoy-teorii>
 Fuko M. Nadzirat i nakazyvat. Rozhdeniye tyurmy / Per. s fr. V. Naumova pod red. I. Borisovoy. — M.: Ad Marginem. 1999. - 480 s.
 Tsukanov E. A. Gnosticheskaya kontseptsiya giperrealnosti Zhana Bodriyara kak nostalgia po simulyakru - <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylosophy/2021/03/2021-03-17.pdf>
 Erikson E. Detstvo i obshchestvo. Sankt-Peterburg: Izd-vo «Piter». 1996. - 384 s.
 Erikson. E. Identichnost: Molodost i krizis. M.: Akademicheskii proyekt. 2002. - 339 s.
 Bandura A. Social Learning Theory. Englewood Cliffs. NJ: Prentice Hall. 1977. - 247 p.
 Bauman Z. Liquid Modernity. Polity Press. Cambridge. 2000. - 228 p.
 Berger P.L., Luckmann. T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. — New York: Anchor Books. 1966. - 219 p.
 Bostrom N. Superintelligence: Paths. Dangers. Strategies. Oxford University Press. 2014. - 341 p.
 Bourdieu P. Distinction A Social Critique Of The Judgement Of Taste. ABBYY FineReader.1984. 450 p.
 Castells M. Networks of outrage and hope. Cambridge. Polity. 2012. - 200 p.
 Crawford K. Atlas of AI: Power. Politics. and the Planetary Costs of Artificial Intelligence. Yale University Press. 2021. - https://www.researchgate.net/publication/363177193_Atlas_of_AI_Power_Politics_and_the_Planetary_Costs_of_Artificial_Intelligence
 Cooley C. Human Nature and Social Order. New York: Scribner's Sons. 1902. - 243 p.
 Erikson E. Identity and the life cycle. Norton.1980.- 191 p.
 Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. — Cambridge: Polity Press. 1991. - 256 p.
 Huntington S. P. The clash of civilizations and the remaking of world order. SIMON - SCHUSTER. New York.1996. - 410 p.

Kurzweil R. The Singularity Is Near. When Humans Transcend Biology.. Viking 2005. - 417 p.
Mead. G.H. Mind. Self. and Society: From the Standpoint of a Social Behaviorist. - Chicago: University of Chicago Press. 1934. - 400 p.
Merton R. Social theory and social striation. N\Y. Free Press. 1968. - 300 p.
Turkle Sh. Alone together: why we expect more from technology and less from each other. Published by Basic Books. New York. 2011. - 360 p.

**UOT - 1:01.316;
1:008**

Əbülhəsən Fərhad oğlu Abbasov

Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası (AMEA)

Fəlsəfə və Sosiologiya İnstitutu (FSİ)

Baş elmi işçi (b.e.i.)

Fəlsəfə elmləri doktoru, professor (f.e.d., prof.)

Ünvan: AZ 1073, Azərbaycan Respublikası, Bakı, H. Cavid pr.115

Tel.: +994703501109

E-mail: abulhasan.abbasov@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4739-4281>

SOSIAL MÜRƏKKƏBLİK: SOSİALLAŞMA, ÖZÜNÜTƏŞKİL VƏ SİNERGİYA PROBLEMLƏRİ

Xülasə

Tədqiqatın məqsədi. Bu gün ənənəviliyi ilə yanaşı həmişə müasir olan sosiallaşma problemi xüsusi aktuallıq kəsb etməkdədir. Problemə günbəgün artan aktuallığı hazırda yaşadığımız zamanəmizin özü diktə edir. Beləki, istər lokal və xüsusi, istərsə də qlobal mənada insanın, cəmiyyət və bəşəriyyətin müqəddəratını xeyli dərəcədə bu problem müəyyənləşdirir. Sosiallaşma ilə bağlı elə ciddi və bəzən də gözlənilməz hadisə və proseslər baş verir ki, onların dərinədən və hərtərəfli öyrənilməsi artıq danılmaz zərurətə çevrilir. Lakin, onu da açıq-aydın müşahidə edirik ki, ənənəvi (köhnə) idraki üsul və vasitələrlə bu zərurəti ödəmək, ümumiyyətlə, mümkün deyil. Tam yeni idraki arsenalə, epistemoloji platformaya böyük ehtiyac var. Məhz bu səbəblər

nəzərə alınaraq məqalədə mürəkkəblik fəlsəfəsinə və mürəkkəb sistemlər nəzəriyyəsinə söykənən yeni (postneoklassik) epistemoloji zəmin təqdim olunur. Sosiallaşma, özünütəşkilatlandırma və sosial sinergiya ilə əlaqədar indiyə qədər sirli qalan bir çox mətləblərə, fəaliyyət və təkamül dialektikasına diqqət yetirilir və müvafiq müddəalar, təklif və tövsiyələr irəli sürülür.

Metodologiya. Tədqiqatın kateqorial aparatı, ontoloji təsvir qaydaları, qnoseoloji zəminləri, metodoloji yanaşma və üsulları, aksioloji dəyərlər sistemi, hətta leksik elementləri müəllifin son onilliklər ərzində işləyib hazırladığı mürəkkəblik fəlsəfəsinin və postneoklassik epistemologiyanın məzmun-mahiyətində aparıcı yer tutan idraki vasitə və təfərrüatları, təhlil və ümumiləşdirmə prinsiplərini, ideya-ideallar cəmini təşkil edir. Sistemlilik və bütövlük, özünütəşkil və sinergizm, müqayisəli təhlil, tarixi konkretlik, məntiqi uzlaşma, səbəbiyyət və emergentlik kimi prinsiplərə üstünlük verilmişdir.

Problemin işlənmə dərəcəsi. Məqalənin əsas mətnində işlənmə dərəcəsi kifayət qədər ətraflı işıqlandırılıb, mövzuya dair həm tarixi təşəkkül və inkişaf məqamları, həm də əhəmiyyətli xidmətləri olmuş alimlərin rolu və yeri göstərilib.

Elmi yenilik. İlk dəfə olaraq sosiallaşma, özünütəşkilatlandırma, sosial əməkdaşlıq və sinergiya məsələləri mürəkkəblik fəlsəfəsi və postneoklassik epistemologiya zəminində tədqiq edilir, sosial varlığa dair indiyə qədər öyrənilməmiş, kölgədə qalmış bir çox məqamlar, qanunauyğunluqlar diqqət mərkəzinə alınır və işıqlandırılır. Lokal, xüsusi və ümumi kontekstlərdə sosiallaşmanın səciyyəvi xüsusiyyətləri, özül element və daşıyıcıları göstərilir.

Təklif və tövsiyələr. Tədqiqat nəticəsində müəllifin gəldiyi əsas qənaət ondan ibarətdir ki, sosiallaşma prosesinin səmərəli tədqiqi yalnız müasir elmin və ictimai praktikanın tələblərinə cavab verən, zamanənin çağırışları ilə səsleşən postneoklassik epistemologiya əsasında mümkündür. Bu mənada sosial varlığın bir mürəkkəblik kimi dərinədən öyrənilməsi, tənqidi-sinergetik təfəkkür tərzinin aşılınması, dialoq mədəniyyətinin tərəqqisi olduqca aktual və zəruri bilinir. Habelə, mürəkkəblik fenomenini və sinergetik qanunauyğunluqları mənimsəmədən sosiallaşmada xüsusi rol oynayan institutların fəaliyyətini təkmilləşdirmək, demokratik norma və prinsiplərin qərarlaşmasını təmin etmək, sosial idarəetmədə pozitivlərə nail olmaq qeyri-mümkün görünür. Yalnız sosial özünütəşkilatlandırma və sosial sinergiya mövcud olub etibarlı səviyyədə inkişaf etdiyi halda demokratik konsolidasiya əsasında milli birlik və həmrəylik, insan hüquq və azadlıqlarının gözlənilməsi mümkündür.

Açar sözlər: mürəkkəbliк fəlsəfəsi, sosial mürəkkəbliк, sosial özünütəşkilatlandırma və sosial sinerгиya, sosiallaşma, postneoklassik epistemologiya, tənqidi-sinerгetik təfəkkür, idarəetmə.

**УДК – 1:01.316;
1:008**

Абульгасан Фархад оглу Аббасов
Доктор философских наук, профессор.
Главный научный сотрудник
Института философии и социологии НАНА
AZ 1073, Азербайджанская Республика,
Баку, пр. Г. Джавида, 115
Тел.: +994703501109
E-mail: abulhasan.abbasov@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4739-4281>

СОЦИАЛЬНАЯ СЛОЖНОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ, САМООРГАНИЗАЦИИ И СИНЕРГИИ

Резюме

Цель и задачи исследования. Проблема социализации, будучи всегда традиционной и современной одновременно, сегодня приобретает особую актуальность. Её диктует сама историческая эпоха. Ибо судьбу людей, обществ и человечества в целом на различных уровнях (единичном, частном, глобальном) во многом определяет данная проблема. В связи с социализацией происходят столь серьёзные и порой неожиданные события и процессы, что их глубокое и всестороннее исследование становится неопровержимой необходимостью и неотложной задачей. Но, очевидно и то, что с помощью старых (традиционных) средств и способов познания удовлетворить эту необходимость и решить те или иные задачи, вообще-то, невозможно. Есть большая потребность в совершенно новом арсенале познания, в нетрадиционной эпистемологической платформе. Исходя из этих причин, для решения искомых задач в данной статье представляется новая (постнеоклассическая) эпистемологическая основа, опирающаяся на философию сложности и теорию сложных систем. В связи с проблемами социализации,

самоорганизации и социальной синергии обращается внимание на многие сущностные особенности становления, функционирования и эволюции социальных образований, на диалектику их развития, которые до сих пор оставались в тени и фактически не изучались. Соответственно, в этом ключе выдвигаются определенные предложения и рекомендации.

Методология. Категориальный аппарат, онтологическая система представлений, гносеологические основы, методологические способы и подходы, аксиологические носители исследования и даже его лексические элементы в своей совокупности являются атрибутивными составляющими философии сложности и постнеоклассической эпистемологии, разработкой которых автор занимался в течении последних четырех десятилетий. В исследовании приоритетными являлись принципы системности и целостности, самоорганизации и синергизма, сравнительного анализа, конкретно исторического, логического соответствия, причинности и эмерджентности.

Степень разработанности темы достаточно объемно, подробно и хронологически последовательно изложена в основном тексте статьи с освещением основных исторических этапов изучения феномена сложности, формирования синергетического мышления и постнеоклассической эпистемологии. Отмечены персональная роль и заслуженное место известных ученых в изучении затрагиваемых проблем.

Научная новизна. Впервые проблемы социализации, социальной самоорганизации, сотрудничества и синергии исследуются на базе философии сложности и постнеоклассической эпистемологии. Выявляются и изучаются существенные особенности и закономерности диалектики социальных систем, несущие элементы и механизмы социализации, остававшиеся до сих пор вне поля специального рассмотрения.

Выводы, предложения и рекомендации. Плодотворное исследование процесса социализации возможно лишь только на основе постнеоклассической эпистемологии, отвечающей требованиям современной науки и общественной практики. В этом смысле глубокое изучение общественного бытия как сложности, освоение критическо-синергетического мышления, всестороннее развитие культуры диалога и общежития представляется весьма актуальным и необходимым. Без освоения фундаментальных знаний о философии сложности, синергетических закономерностей социального бытия невозможно

совершенствование общественных и государственных институтов, играющих исключительную роль в социализации личности. Все эти знания и навыки в совокупности непосредственно определяют качество управления, сказываются на самом характере и уровне общественной жизни. Одним словом, прогресс в управлении и организации обществом, улучшение и совершенствование работы в сфере обеспечения прав и свобод человека возможны лишь в условиях надежного функционирования синергетической философии управления.

Ключевые слова: философия сложности, социальная сложность, социальная самоорганизация и социальная синергия, социализация, постнеоклассическая эпистемология, критическо-синергетическое мышление, управление.

**UDC – 1:01.316;
1:008**

Abulgasan Farhad oglu Abbasov
Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Chief Researcher,
Institute of Philosophy and Sociology of ANAS
AZ 1073, Republic of Azerbaijan, 115 G. Javid Ave, Baku,
Tel.: +994703501109

E-mail: abulhasan.abbasov@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4739-4281>

SOCIAL COMPLEXITY: PROBLEMS OF SOCIALIZATION, SELF-ORGANIZATION AND SYNERGY

Abstract

The purpose and objectives of the study. The problem of socialization, always being traditional and modern at the same time, is becoming particularly relevant today. It is dictated by the historical epoch itself, for the fate of people, societies and humanity as a whole at various levels (individual, private, global) is largely determined by this problem. In connection with socialization, such serious and sometimes unexpected events and processes occur that their in-depth and comprehensive research becomes an irrefutable necessity and an urgent task. But it is also obvious that it is actually impossible to satisfy this need and solve certain

tasks using the old (traditional) means and methods of cognition. There is a great need for a completely new arsenal of knowledge, an unconventional epistemological platform. Based on these reasons, this article presents a new (post-neoclassical) epistemological framework based on the philosophy of complexity and the theory of complex systems. In connection with the problems of socialization, self-organization and social synergy, attention is drawn to many essential features of establishing, functioning and evolution of social formations, to the dialectic of their development, which have so far remained in the shadows and have not actually been studied. Accordingly, certain suggestions and recommendations are being put forward in this vein.

Methods and methodology. The categorical apparatus, the ontological system of representations, epistemological foundations, methodological methods and approaches, axiological research media and even its lexical elements in their entirety are the attributive components of the philosophy of complexity and post-neoclassical epistemology, which the author has been developing over the past four decades. The principles of consistency and integrity, self-organization and synergy, comparative analysis, specifically historical, logical correspondence, causality and emergence were prioritized in the study.

The degree of development of the topic is described in a fairly comprehensive, detailed and chronologically consistent manner in the main text of the article, highlighting the main historical stages of studying the phenomenon of complexity, the formation of synergetic thinking and post-neoclassical epistemology. The personal role and well-deserved place of well-known scientists in the study of the problems involved are noted.

Scientific novelty. For the first time, the problems of socialization, social self-organization, cooperation, and synergy are explored on the basis of the philosophy of complexity and post-neoclassical epistemology. The essential features and patterns of the dialectic of social systems, bearing elements and mechanisms of socialization, which have so far remained outside the field of special consideration, are identified and studied.

Conclusions, suggestions and recommendations. A fruitful study of the process of socialization is only possible on the basis of a post-neoclassical epistemology that meets the requirements of modern science and social practice. In this sense, a deep study of social existence as a complexity, the development of critical and synergetic thinking, and the

comprehensive development of a culture of dialogue and community seem to be very relevant and necessary. Without mastering fundamental knowledge about the philosophy of complexity and the synergetic laws of social existence, it is impossible to improve public and state institutions that play an exceptional role in the socialization of the individual. All these knowledge and skills together directly determine the quality of management, affect the very nature and level of public life. In short, progress in the management and organization of society, improvement of work in the field of ensuring human rights and freedoms is only possible in conditions of reliable functioning of a synergetic management philosophy.

Keywords: philosophy of complexity, social complexity, social self-organization and social synergy, socialization, post-neoclassical epistemology, critical synergetic thinking, management.

Сегодня отдельные общества и мир в целом переживают острый кризис и согласно мнению многих известных личностей, находятся на пороге большой катастрофы. Высказываются даже мысли об обреченности человечества в результате Третьей мировой войны. Так или иначе, независимо от места проживания, люди в своем большинстве живут под грузом огромных тревог и неверия в позитивное будущее. Естественно, такое психологическое состояние ещё больше усугубляет и обостряет общий кризис.

Представляется, что есть приемлемые пути и методы выхода из этого глобального кризиса. Но их нахождение и разработка – судьбоносная задача, стоящая отнюдь не только перед политиками и главами государств. Здесь важна и незаменима роль передовой науки, в частности, философии. И прежде всего, ей следует сказать своё веское слово по поводу социальной и глобальной сложностей, предложить надежную и продуктивную теорию для разрешения принципиально важных проблем и задач. Она правомочна и обязана дать соответствующую эпистемологию, создать необходимый арсенал нового мегазнания. Думается, она вполне готова к этой миссии, ибо уже есть и отчасти функционирует целый набор весьма эвристичных, плодотворных заделов, основ и элементов, столь необходимых для данной миссии. В данной статье я попытаюсь показать эти наработки, основы и элементы, а также высказать свои соображения по поводу тех или иных актуальных вопросов.

Начиная, примерно, с 40-х годов XIX столетия (в связи с развитием капитализма и превращением науки в производительную силу общества) в научно-исследовательской сфере произошел постепенный переход на качественно иную, а именно, интегративную исследовательскую платформу, когда резко стала меняться сама система отношений между объектом и субъектом познания. Определяющая особенность интегративной платформы заключалась в том, что один и тот же объект познания одновременно выступал предметом изучения целого ряда научных дисциплин, то есть, стала складываться существенная многомерность в субъект-объектных отношениях, а также в самом междисциплинарном взаимодействии научного знания и их обмене. Естественно, что тогда же возникали весьма актуальные проблемы общенаучного характера, требующие своего рассмотрения и адекватного разрешения. В первую очередь, это были проблемы методологического, гносеологического и логического порядка. Разумеется, что исследовательские новации в этих направлениях, так или иначе, приводили к формированию иных (нетрадиционных) онтологических представлений и аксиологических императивов, а также, в случае необходимости, новых исследовательских процедур и даже новой лексики.

В целом это был период завершающего, но наиболее бурного, интенсивного и продуктивного этапа развития классической науки, сопровождающийся как скачкообразным ростом научного знания, так и возникновением новых философских направлений, идейно-политических течений, естественнонаучных и общественно-научных теорий. Одной из главных, примечательных особенностей этого периода было то, что сама наука логики претерпела в своем развитии невиданный до сих пор качественный скачок. Наряду с интенсивным развитием классической (формальной) логики, возникли совершенно новые направления неформальной, так называемой многозначной логики, заложившей в последующем основы органицизма, интуиционизма, логицизма, экзистенциальной логики, комплексной логики, модальных логик и т.д. Качественное развитие в науке логики, в свою очередь, привело к новому пересмотру основ как физико-математических наук, так и всего комплекса естественнонаучного знания. В русле этих научных трансформаций и новаций, согласно уже функционирующей междисциплинарной парадигме, базирующейся на интеграции научного знания, стала меняться сама природа и сущность гуманитарного знания, наук об обществе и человеке.

К концу XIX века, примерно со второй половины 70-х годов, с вхождением в неоклассический этап развития науки, проблемы интеграционных связей и отношений еще больше обострились, ибо заметно возросла сама необходимость в междисциплинарных исследованиях, во взаимном обмене знаниями и методологиями. В сущности, возникла потребность в новой – неоклассической эпистемологии, способной дать ответы на множество вопросов онтологического, гносеологического, методологического и аксиологического порядка. Эта насущная потребность еще больше усилилась в связи с новейшими открытиями в естествознании. Революционные открытия в физике, например, полное и достаточное осмысление которых было невозможно в рамках классической эпистемологии, традиционных когнитивных пространств, неизбежно приводили к интенсивным поискам методологического и гносеологического порядка, к качественно иным воззрениям в вопросах соотношения объекта и субъекта, части и целого, элемента и системы, причины и следствия, структуры и функций. Природа материи, ее сущность и структура нуждались в новой трактовке, в более адекватном осмыслении закономерностей. Зачастую сами физики, химики и биологи, не ожидая своевременной помощи от профессиональных философов, брались за разрешение насущных методологических и гносеологических проблем. В этой связи истории науки известны многочисленные споры, дебаты и дискуссии между выдающимися учеными той эпохи, а также ряд их значительных работ философско-методологического характера. В ряду ученых, внесших вклад в развитии методологии и гносеологии отдельных дисциплин, интеграционных основ научного знания той эпохи, можно отметить имена, например, таких мыслителей как А. Пуанкаре, Д. Гильберт, А. Эйнштейн, Н. Бор, В. Гейзенберг, М. Планк, Э. Шредингер, Д.К. Максвелл, А. Уайтхед, А. Бергсон, И. Шмальгаузен, В. Вернадский, А. Любищев и др. Особо следует выделить, видимо, творчество В. Гейзенберга и А. Уайтхеда, сделавших многое с точки зрения союза философии и науки [1, 2].

Если обобщить самое стержневое в этих поисках создания адекватной научной картины мира, то можно прийти к следующему: первая половина XX века, вплоть до середины 60-х годов, олицетворяет собой тот период неоклассической науки, когда были наработаны существенные заделы в понимании объектов познания именно как сложных образований, нуждающихся с точки зрения

всестороннего и глубокого изучения в междисциплинарной интеграции научного знания, исследовательских практик и методологий. Это был период значительного продвижения к загадкам и секретам феномена сложности, к качественно новому уровню интеграции наук и исследовательских парадигм.

С середины 60-х годов XX столетия берет свое начало постнеоклассический период развития наук и философии. Именно в это время феномен сложности начинает занимать центральное место в повестке дня научного сообщества. Феномен сложности, как говорится, начинает диктовать свои особые права – как перед математиками, физиками, химиками, биологами и психологами, так и перед представителями общественных и гуманитарных наук. Особое место феномен сложности начинает занимать в развитии науки логики, что, в конечном счете, приводит к возникновению новых течений, в том числе, нечеткой логики Л. Заде. Революционные новации в логике, в свою очередь, существенно сказываются на развитии математики, физики, других естественнонаучных дисциплин, а также общественных и гуманитарных наук.

Постепенно нечеткая логика и базирующаяся на ней нечеткая математика, можно сказать, проникают в плоть всего комплекса наук. Далее начинается вхождение нечеткой логики в саму практику – в технико-технологический процесс, в экономику и производство товаров, в сферу услуг, особенно, информационно-коммуникативных. Одним словом, сложность осваивается не только теоретически, но и практически, заодно еще больше углубляя и закрепляя в когнитивном пространстве понятие сложности. Познание сложности (вкупе с философией сложности) становится не просто научной модой, а насущной необходимостью, заодно придающей новое качество и новые возможности междисциплинарной интеграции наук. Неслучайно, что, начиная с середины 60-х годов XX века, создаются и формируются (весьма известные по сей день!) серьезные научные центры, клубы и институты, для которых междисциплинарный подход в исследованиях является определяющим и ведущим [3].

Здесь, в первую очередь, следует отметить исследования Римского клуба – международной общественной организации, созданной итальянским промышленником и первым ее президентом Аурелио Печчеи и генеральным директором по вопросам науки Организации экономического сотрудничества и развития Александром Кингом. Римский клуб объединяет представителей мировой политической,

финансовой, культурной и научной элиты. Следующим мозговым центром был и является Международный институт прикладного системного анализа (МИПСА), созданный в 1972-м году в Австрии (г. Лаксенбург). Фактическими учредителями института были США и Советский Союз, позже присоединились другие страны. А. Косыгин и Ю. Андропов были инициаторами создания института со стороны СССР. Здесь работает около 300 учёных из разных стран и много временных сотрудников. В институте проводятся исследования междисциплинарного характера по проблемам окружающей среды, экономики, технологии и общественной жизни. Существует летняя школа молодых учёных, в которой ежегодно участвует около 50 молодых людей со всего мира.

С 1976-го года в СССР, как филиал МИПСА, функционировал Всесоюзный научно-исследовательский институт системных исследований (ВНИИСИ) Государственного комитета Совета Министров СССР по науке и технике и Академии наук СССР для комплексного исследования научно-технических и социально-экономических проблем, имеющих большое народно-хозяйственное значение и носящих междисциплинарный характер исследований. Первым директором длительное время (17 лет) являлся зять А. Косыгина, сын генерал-лейтенанта КГБ, академик Д. Гвишиани.

На ВНИИСИ, как филиал Международного института прикладного системного анализа (МИПСА) при Римском Клубе, были возложены функции головной организации по научно-методическому обеспечению советского участия в деятельности МИПСА. По задумке институт должен был стать советской «фабрикой мысли. Институт в 70-80-е годы вёл исследования по следующим направлениям: теоретические основы и методологические принципы системного анализа; теория управления; методология моделирования и комплексного анализа долгосрочного народнохозяйственного и мирового развития с учетом взаимодействия экономических, социальных, научно-технических и экологических факторов; методы формирования и управления крупномасштабными проектами, целевыми народнохозяйственными, межотраслевыми и региональными программами и программами специального назначения; методы системных исследований по важнейшим прикладным междисциплинарным и межотраслевым проблемам, включая разработку методов управления созданием и функционированием

сложных организационных и технических систем.

Среди известных сотрудников, а также лиц, прошедших через школу этого института и сыгравших влиятельную роль в перестроечные и постперестроечные годы были, например, следующие: П. Авен, Г. Адельсон-Вельский, Б. Березовский, Е. Гайдар, В. Данилов-Данильян, М. Донской, Ю. Дубов, А. Жуков, М. Зурабов, Б. Мильнер, В. Лопухин, Н. Сванидзе, К. Финн, С. Шаталин, Б. Чубайс, А. Нечаев, С. Глазьев и др.

С 1992-го года вплоть до конца 2014 года ВНИИСИ функционировал как Институт системного анализа Российской академии наук (ИСА РАН). Относился к отделению нано-и-информационных технологий. С начала 2015 года входит в состав Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» наряду с Институтом проблем информатики РАН и Вычислительным центром РАН им. А.А.Дородницына. С 1992-го года ИСА возглавлял академик С. В. Емельянов — выдающийся учёный, основоположник новых направлений в науке управления, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР и России. В 2002-2014 годы Институт возглавлял член-корреспондент РАН Ю. С. Попков — крупный учёный и организатор российской науки. В 2015-м году он был избран действительным членом РАН.

Наконец, пожалуй, следовало бы отметить особую роль в развитии междисциплинарных исследований и действенного освоения феномена сложности знаменитого «Института Сложности» США в Санта-Фе (SFİ), созданного в 1983-м году [4]. Успехи этого легендарного, уникального института бесспорны и впечатляющи. Междисциплинарная тематика исследований охватывает широкий круг проблем: от математики, физики и химии до биологии, социологии, экономики, истории и геополитики. Объединение точных, естественных, общественных и гуманитарных наук — одна из важнейших задач института. Хотя это и не афишируется, он знаменит также подготовкой профессиональных дипломатов и специалистов по теории управляемого хаоса. Замечу, что институт консультируют видные ученые, включая лауреатов Нобелевской премии. Как важнейший центр междисциплинарных исследований SFİ внес основополагающий вклад в следующих областях: теория хаоса, генетические алгоритмы, сложные экономические системы, экономическая физика, комплексные сети, системная биология, теория эволюции языков и т. д.

Можно, конечно, отметить роль иных центров, школ и институтов, руководствующихся в своих исследованиях междисциплинарным подходом, идеей мультидисциплинарного мегазнания и интегративной мощи наук. Но, как нетрудно видеть, во всех них исследования сопряжены главным образом с феноменом и понятием сложности, а следовательно, и с такими категориями как самоорганизация, системообразование, управление и самоуправление, хаос и порядок, синергизм и т.д. И всё это, думается, вполне естественно и закономерно, ибо диктуется самой логикой развития наук и исторической практикой.

Сегодня трудно указать сферу науки или практики, где человек не имел бы дело со сложными системами. И чем дальше, тем больше возрастает необходимость «столкновения» с объектами, сложными не только в поэлементно-количественном смысле, но и по совокупности всех иных признаков (структурных, информационных, генетических, эволюционных, функциональных, управленческих, саморегуляционных и т. д.). «Сложная система» является центральным понятием не только системного подхода, но и всего комплекса научных дисциплин. И прежде всего, в самых новейших отраслях и направлениях, определяющих облик и мощь современной науки. Произошло закономерное смещение в исследовательских установках и акцентах: от «системы» вообще — к «сложной системе», от традиционного объекта познания — к «феномену сложности». Разумеется, здесь имеется в виду ситуация, сложившаяся в образцовых центрах мировой науки, когда суверенитет научного знания и его носителей, то есть учёных, имеет приоритетный смысл и надёжно обеспечивается государством. Да и управление государством осуществляется на основе научного знания, уважения и поддержки труда учёных, талантливых специалистов. Именно наука, интеллект и талант, образованность и духовность в их подлинных смыслах определяют сущность управления, качество его оптимальности и плодотворности.

Разумеется, качество управления сказывается на общем состоянии того или иного общества, влияет на уровень и характер человеческих отношений, на процесс социализации. И чем больше управление отдаляется от должного научного обеспечения и руководствуется субъективной волей, частных ил групповых интересов, тем больше общество утрачивает потенциал и возможности цивилизованной социализации. На разных уровнях

общезития возрастают элементы негатива (обмана, притворства, имитации, приспособленчества, воровства и посягательства на чужое имущество, взаимной ненависти и социальной агрессивности, отклоняющегося поведения и криминализации, безответственности и морального разложения). Одним словом, общество, претендующее на статус современного и заявляющее себя таковой, всё больше и гуще входит в состояние дисгармонии, аморальности и деструктивности. Оно начинает терять, вдобавок, даже природно-исторически присущие ему элементы самоорганизации, своего рода навыки, традиции и обычаи совместного выживания и общей жизнедеятельности.

Любому обществу или исторически сложившейся общности людей, независимо от их уровня развития, присущи своего рода элементы, традиции и формы социальной самоорганизации. В своей совокупности они обеспечивают единство сообщества, её необходимые социальные ресурсы существования и выживания. Эту природно-историческую совокупность можем обозначить как некую божественную силу самосохранения и развития сообщества, которая в основном действует и проявляет себя как «невидимая рука». Вроде как «невидимая рука» для рынков в учении Адама Смита [5, с. 20-21]. Её функционирование не нуждается в каком-то принуждении или диктате. Она реализует себя как бы само собой. И в этом смысле может рассматриваться в качестве важнейшей духовно-культурной жилы общезития и самосохранения сообщества в социально-историческом времени. Она обеспечивает единство и преемственность прошлого, настоящего и будущего в жизнедеятельности социального организма как исторического целого.

Как самоорганизующая сила она устойчива влиянию политических режимов и идеологий, форм и типов управления, то есть характеризуется определённой инвариативностью. Но, важно подчеркнуть, эта инвариативность не абсолютна, а относительна, доказательством чего является сама история человечества, разнообразная практика общезития тех или иных сообществ. В силу определенных причин и обстоятельств инвариативность (константность) может быть расшатана и размыта, как например это имеет место быть в ряде постсоветских республик, в том числе – в Азербайджане. В целом, речь идет об очень важной (судьбоносной) проблеме, которая, к сожалению, не изучена. Фактически, эта

проблема до сих пор даже не обозначена в повестке научных исследований, несмотря на всю её актуальность и значимость. Такое отношение к столь важной проблеме, естественно, вызывает сильную обеспокоенность и даже тревогу.

Утрата внутренних очагов, стимулов и способностей самоорганизации – это фактический путь к саморазрушению и постепенной гибели социально-исторической общности людей, народов и наций. Сегодня эта тревожная ситуация налицо, если смотреть на реалии объективно, непредвзято. Утрата или постепенное угасание самоорганизационных начал и способностей, разумеется, сказывается на самом процессе социализации. Причем, самым негативным образом. Процесс социализации, зачастую протекающий под вывеской обновления и модернизации, всё больше и сильнее отдаляется от подлинных целей, начинает приобретать явные признаки межличного отчуждения, несходимости и разобщения. Сообщество со всеми своими институтами, уровнями и сегментами (семья, школа, детский и подростковый двор, родственные и соседские связи, дружеские отношения, рабочий коллектив, армия и т.д.) из единого целого дрейфует в сторону аморфного, внутренне непрочного, уязвимого конгломерата. Этот конгломерат больше обречён на гибель и исчезновение, нежели на оздоровление, выживание и развитие.

Как правило, сложные системы не поддаются познанию и освоению с помощью обычных традиционных приемов и средств. Потому приходится вырабатывать новые, неординарные подходы, процедуры и методы, разрабатывать качественно нетрадиционные теории. А это, разумеется, прежде всего, дело специальных дисциплин, каждая из которых на уровне своих целей и задач пытается познать собственные предметы исследования как конкретные сложные системы. Но сам по себе необходимый специфический подход к сложности со стороны отдельных конкретных дисциплин в условиях, когда отсутствует *междисциплинарная общая конструкция* исследовательских процедур и методов, не избавляет совокупное знание о том или ином объекте от излишнего партикуляризма, от чрезмерной разобщенности и несогласованности между различными слоями, уровнями и аспектами знания. Это, несомненно, негативно сказывается как на эффективности познания конкретных систем, так и на общем состоянии развития научного знания. Возрастание же тормозящих моментов и факторов в эволюции науки, естественно,

отрицательно влияет на саму общественную практику, затрудняет решение актуальных проблем современности – как на локальном, так и региональном и глобальном уровнях.

Таким образом, складывается объективная необходимость в разработке «единого языка» («общего слуха») как основы для эффективного исследования феномена сложности. Понятно, что реализация данной потребности не только и не столько задача отдельных узкоспецифических дисциплин. В своей относительной полноте и завершенности задача выполнима на уровне фундаментальных общетеоретических суждений и построений. И роль философии как мегазнания, ее универсального теоретического арсенала в данном случае неоспорима. В этом смысле считаю вполне закономерным и необходимым функционирование в современной науке понятия «*философия сложности*». Особенно применительно к таким объектам и процессам исследования, как общество, государство, управление, социализация, социальная структурализация, реформа, модернизация и т.п.

Опираясь на философский концептуальный аппарат, на общетеоретическое видение проблем, можно достичь заметного успеха в попытках переноса наличного знания о сложности из одних сфер науки и практики в другие, в создании общей исследовательской конструкции, необходимых эпистемологических предпосылок и основ. Благодаря общефилософскому видению принципиальных сторон, особенностей в становлении, функционировании и эволюции сложностей, возможно формирование конструктивных условий для выявления правильных путей, подходов и процедур в изучении, управлении конкретных сложных систем и процессов. Эта особенность уже делает любую специфическую задачу какой-либо отдельной науки, занимающейся «своими» системами, неспецифической. Анализ проблем структурообразования и системности, самоорганизации и самодвижения, субстанциональной определенности и саморегуляции, принципиальных вопросов соотношения порядка и беспорядка (хаоса), стабильности и неравновесия, разнообразия и единства, функциональной чувствительности и структурной устойчивости и т. д. с постнеоклассических философских позиций позволяет четче и обоснованнее формулировать теоретические построения специальных дисциплин касательно их собственных объектов-сложностей, находить изоморфные законы в разных областях, отыскивать аналогии [3].

Насколько значимо постнеоклассическое философское

осмысление феномена сложности, особенно очевидно на примере исследования общемировых проблем современности – экологических, демографических, климатических, энергетических, финансово-экономических, глобализационных в целом и других. Как известно, разрешение этих проблем требует привлечения огромных ресурсов (финансовых, людских, временных, интеллектуальных). К тому же, сложности глобального порядка трудно поддаются реальному экспериментированию. Нет здесь возможности искать ответы методом проб и ошибок (да она и неприемлема!), а «навязать» объекту-сложности необходимое поведение весьма проблематично. Получается, что реальный выход – обратиться к наличному знанию о физических, химических, биологических, психологических и социальных системах (в аспекте их становления, функционирования и эволюции – то есть, «диаграммы реализации и перспектив»). Разумеется, существенную роль здесь будет играть возможно-наличное знание о самих глобальных сложностях (в прошлой и настоящей их жизнедеятельности). Но дело в том, что «стыковка» этих слоев знания – не механический акт и отнюдь не простая задача. Синтез знаний на уровне их творческой конвергенции возможен только на основе общей постнеоклассической эпистемологической базы. Опираясь на нее и руководствуясь ею, можно найти ответы на вопросы, чем и как воздействовать на глобальную систему (экологическую ли, демографическую ли и т. д.), чтобы придать ей нужное поведение.

Разработка *«философии сложности»*, ее изучение, освоение и пропаганда – веление времени, которое усиливается с каждым днем в условиях неординарных, качественных изменений в науке, технике и технологиях, а также в природе обществ и мира в целом. Философия сложности представляет собой важнейший атрибут не только в прогрессе науки и научного мировоззрения, но также культурно-духовного развития, человеческой практики в целом. Ее идеи и принципы необходимы как продуктивно-полезные компоненты (атрибуты) в индивидуальной, общественной и глобальной практике. В драматических условиях общественных, региональных и глобальных трансформаций она способна дать позитивные ориентиры, наметить пути и быть опорой для индивида, социальных групп, политических организаций и движений, руководящей элиты, государства, общества и мира в их стремлении избежать нарастания хаотизации (турбулентности) и губительного противостояния, а следовательно, достичь нового «спокойного состояния» и благополучия.

«Философия сложности» является необходимым и важнейшим компонентом того фундамента, который зиждется в основе не только демократической «формулы жизни», но и современного научно-теоретического мышления, которое я, условно, называю *критическо-синергетическим*. Впрочем, можно утверждать, что именно критическо-синергетический тип мышления представляет собой основной «инструмент», как в позитивной трансформации обществ, так и в достижении справедливого, взаимовыгодного сотрудничества в мире, в развитии его коммуникативных и толерантных качеств. Внутренняя диалогичность, продуктивная конвергенция, разрешение противоречий путем согласования, стремление к единству посредством разнообразия – неотъемлемые качества такого мышления. Оно, в частности, важно в плане глубокого осмысления и изучения проблем социализации, роли и места в этом процессе соответствующих институтов.

Человечество запуталось в лабиринтах общемировой сложности, все опасности которой, с одной стороны, трудно понимает, а с другой – не очень-то желает признать мировая элита. Она не готова согласиться с тем, что демократия и прогресс человечества не совместимы с культурной гомогенизацией, лишенной морального содержания и социальной сущности. Она не желает признать, что экспансионистская неолиберальная глобализация, идентичная культурной гомогенизации и тотальному господству «совершенного», есть конкретное порождение идеологии суперматериализма и в качестве таковой изначально лишена заботы о социальной и международной справедливости, подлинной демократии, духовности, морали и этики.

Эта элита не хочет считаться с тем, что массированное формирование ложной убежденности в правоте философии суперматериализма и рыночного фундаментализма чревато полной потерей человечеством способности оценить направление и масштабы грядущего надлома, всеобщего противостояния и глобального хаоса. Как писал Клаус Майнцер: «В эпоху глобализации условия жизни человека становятся все более сложными и труднообозримыми. Мы ежедневно сталкиваемся с неустойчивыми равновесными состояниями в политике, экономике и обществе. Некоторые страны опасаются потери привычного уровня и уклада жизни и наступления хаоса. Другие видят возможности творческого обновления и завоевания новых рынков» [6, с. 125].

Складывается впечатление, что мировая элита оказалась

немошной перед сложившейся новой сложностью, образовавшейся в эволюции человечества. Она запуталась в подборе ключей к этой сложности. В противном случае она не искала бы выход в идеологии, основанной на откровенном эгоизме и двойных стандартах, цинично, жестоко и нагло отменяя исторические традиции, обычаи, коды, а также великолепные наработки человечества на пути к нравственному идеалу и духовного возрождения. Стержнем же этой идеологии культурно-экономического порабощения и духовного растрепывания, на мой взгляд, является англосаксонский либерализм, явно исчерпавший себя и немошный в сложившейся ситуации. Этот либерализм не готов и не способен уберечь человечество от хаоса, кризисов и катастроф. В нем изначально аккумулировано множество элементов античеловеческого содержания. Да и не преследовал он какую-то гуманистическую цель со дня своего зарождения и становления, как несущая идейно-теоретическая база для формирующегося в свое время буржуазного уклада жизни. Экономическое развитие и технико-технологический прогресс не был сопряжен с идеалами справедливости, равноправия и процветания для всех. Мотивы прибыли, наживы, обогащения, эксплуатации доминировали над всем и вся. Они были и движущим средством производства, и его целью. За прошедшие столетия «триумфального шествия» капитализма эти доминирующие носители экономического, научно-технического и технологического развития отнюдь не ослабили и не утратили свои позиции, наоборот, окрепли и во многом приобрели извращенные формы.

В системе элементов капитализма, собственно, и не было внутренних рычагов торможения – в том смысле, чтобы добровольно останавливаться перед Злом, знать меру и не переходить границы приличия, разумного и здравого. Одергивать и сдерживать приходилось со стороны. В сущности, раскрутка капитализма и его историческое развитие всегда сопровождалось наложением ограничений (запретов) извне. Много сил и усилий человечества были направлены на удовлетворение этой необходимости, дабы придать капитализму рациональность в сочетании с этичностью.

В этом плане отнюдь не имею в виду «вклад» К. Маркса, античеловеческий, демонический и ложный по многим своим теоретическим предпосылкам и основам. Маркс, в отличии, например, от великого социолога Макса Вебера, а также его последователей, как Т. Моммзен и Э. Мейер, не исходил из идеи «множественности»

капитализма, верной, по существу, и доказанной исторической социологией. Он предпочел служение догматическим постулатам своей философии всемирно-исторического процесса, несмотря даже на то, что в XXIV-й главе «Капитала» сам же приводит множество примеров «совместимости» раннего (и не очень «раннего») капитализма с рабовладением. Вопреки доказательствам эмпирически ориентированной, объективной социологии истории – тому *факту*, что капитализм явление не только Нового времени и его «виды» существовали не только в античности, но и в средние века, Маркс в угоду своей линейаризованной, псевдореалистичной теории всемирно-исторического процесса, понимаемого как последовательность смены «общественно-экономических формаций», «так красиво расположившихся на незыблемой лестнице Прогресса» [7, с. 81], абсолютизировал «единственность» капитализма своего времени.

К. Маркс, считающий себя последовательным диалектиком, можно сказать, омертвил социально-политическую философию «своего учителя» - Гегеля, ибо не понял и не хотел понимать одну из главнейших составляющих его эпистемологической системы – *учение о сложности и усложнении во времени*. Капитализм, как феномен сложности, не рассматривался Марксом как таковой, а именно, в своей множественной дифференцированности уровней и аспектов единой сложности. Догматизм и аксиоматичность в отношении «собственного видения» взял вверх. Его видение сущности оказало на других столь масштабное и сильное влияние (тогда и после!), что даже Моммзен и Мейер отправлялись в последующем от постулата «единственности» капитализма. Они, также как и Маркс, пытались понять суть «целого» путем анализа одной «части», пусть даже определяющей и ведущей, а именно – «современного» капитализма. Следуя этой искаженной логике, вынуждены были отождествить «древний» капитализм, историческая реальность которого была доказана, как говорится, собственноручно, с «современным» капитализмом – таким же образом, как и классики политической экономии и их главный критик К. Маркс. Разумеется, «эпистемологический плюрализм» М. Вебера, фундаментально развернутый мыслителем в работах «Аграрная история Древнего мира», «История хозяйства» и «Город», остался недостижимым и непонятым многим до сих пор. Согласимся, что уже этот факт во многом сыграл на руку глобальному капитализму – в том смысле, что обеспечил ему возможности для изворотливости и выживания. Диктат капитала, явный и беспощадный даже сегодня, был

реализован благодаря диктату над истиной.

Но это лишь одно из последствий диктата над истиной. Дело в том, что тоталитаристская по существу и форме мысль Маркса увел человечество совсем не в ту сторону, несмотря на все его благие желания и мотивы. Не желавший видеть в капитализме сколь-нибудь оправданную историческую естественность и закономерность, этот «поборник Добра», открыл изначально ложный, нечеловеческий, безмерно растратный и жестокий путь в будущее – дорого к ещё большему Злу, чем капитализм-империализм. Заодно, в конечном счете, основательно девальвировал, лишил привлекательности и живучести на многие годы и поколения такие понятия, как социализм, социальная справедливость, демократия, равноправие и братство, права человека, социальная реконструкция и т.д. Мыслительная установка этого демонического классика оказалась столь заразительной, хваткой и клещнистой, что даже сегодня по всему постсоветскому пространству большинство радетелей демократии и прав человека (политических пассионариев), за мизерным исключением, рассуждают и действуют, фактически, по-марксистски – сугубо ангажировано, резко предвзято, однобоко и агрессивно. Мыслительная и деловая толерантность, внутренняя готовность и способность к взаимопониманию, диалогичность, искреннее уважение оппонентов, признание их положительных человеческих и профессиональных качеств не вписывается в духовно-практический мир этих акторов политического процесса. Естественно, что в условиях доминирования такой мыслительной установки мало гарантий быть услышанным и понятым какому-то подлинному ученому-интеллектуалу. У этих самовлюбленных участников политического пространства, как правило, гипертрофированное «Я» стоит впереди всяких идей и идеалов, самых достоверных научных положений и рекомендаций.

В целом же, замечу, доминирование элементов и традиций тоталитарного мышления – атрибут нашей философии управления обществом и государством. Именно тоталитарность мышления во многом мешает реализации обществом своих потенций, его выходу на более перспективный структурно-функциональный уровень, осмыслению и освоению прогрессивного «магистрального пути». Господство тоталитарных элементов, традиций и навыков в управлении подрывает основы социальной синергии, естественных мотивов и способностей позитивной самоорганизации. Замечу, что вопрос социальной синергии является важнейшим аспектом проблем

свободы и необходимости, инициативы человека и его действия [8, с 80]. Особо следует подчеркнуть и то, что в условиях подавления и разрушения очагов социальной синергии может иметь место так называемая *негативная самоорганизация*. Будучи весьма опасным явлением, негативная самоорганизация, если её вовремя не пресечь, с закономерной неизбежностью приводит к деградации и саморазрушению социального организма [9]. В силу исключительной важности общей проблематики хотелось бы более подробно остановиться на особенностях тоталитаристского мышления, мировоззрения и практики тоталитаризма вообще.

Особенности тоталитаризма заключаются в следующем:

1. Его представители возможность оптимизации общественной организации и государственного устройства, форм и методов социально-политического управления усматривают *не в реализации самости и потенций общества как единого целого, а в опоре-ставке на единичное, особенное, на часть целого*. Например: на сильную харизматическую личность и режим личной власти, как носителя принципов подлинной государственности; на «революционный класс» и его политическую организацию; на «избранный народ» и его тотальное господство над иными («низкосортными») народами; на одно этническое начало в ряду других этнических начал в единой исторической общности, называемой нацией; на один клан или регион по соображениям родственно-земляческих мотиваций и т. д. Возвеличивание, гиперболизация роли частного и особенного, дьявольское стремление ставить *часть* над целым, омертвление самости иных частей в угоду избранной части, вплоть до паралича самого целого – все эти характеристики тоталитаристской установки были не просто безобидной гносеологией и забавой заблудших «теоретиков», но и жесточайшей, убийственной практикой человеческой истории, издевательством над людьми и народами. Несмотря на все старания величайших мыслителей-гуманистов, а также триумфы науки, техники и технологий, даже «современная эпоха» не стала Веком Разума. И что весьма печально и тревожно – это то, что разлагающая сила столь античеловеческой практики общежития пробивает себе дорогу в будущее.

2. Другой отличительной чертой является ярко выраженный диктат (и диктатура!) – изначальная установка на отчуждение, отметание и враждебность, что логически вытекает из первой особенности – из стремления возвеличить роль единичного, либо же

частного. Ставка, например, на единичное, на часть целого, разумеется, предполагает игнорирование других частей, их места и роли в самореализации целого. А это никогда не может происходить без проблем, без явной или скрытой борьбы «иных» частей, ибо каждая из них – носитель определенных интересов. Когда эти интересы не учитываются, игнорируются и подавляются, а их носителям и выразителям не предоставляется возможность свободного участия в общем процессе организации и управления обществом, отменяются их права на самовыражение и самореализацию, то возникновение мотивов и действий протеста, вражды и хронического несогласия (если даже они завуалированы и скрытны) неизбежно. Отсюда возникает потребность в диктатуре – диктатуре одной части над другими.

Подавить и заглушить интересы, притязания, права конкретных людей, социальных групп, классов, этнических сообществ, носителей определенных политических идеологий или религиозных пристрастий, которые отнюдь не собираются мириться с «вытеснением со сцены» и зачастую ожесточенно сопротивляются посягательствам, можно лишь насилем, диктатурой. А для обоснования диктатуры и тоталитарных методов управления пускается в ход принцип «цель оправдывает средства», используются всевозможные средства манипулирования массами и их оболванивания, вся мощь государственно-репрессивного аппарата, органов слежки и надзора. Запускается маховик лжи и обмана, дезинформации, травли и клеветы. «Поиск ведьм», навешивание ярлыков типа «враг народа», «изменник родины» становится распространенным делом. Судебно-правовая система фактически играет роль политической юстиции, исполнителя политических заказов в угоду тоталитарного режима. Ради выживания и господства «избранного» путем подкупов, сговоров и уступок (в ущерб национальным интересам) налаживаются международные связи поддержки, подкармливается мировая олигархия и медиа.

3. Для теоретиков и практиков тоталитаризма *свободная и суверенная личность, самооценность индивидуального выражения*, к тому же имеющие законные (конституционные) гарантии, являются подлинным бедствием. Лишь регламентируемая, направляемая, политически целесообразная форма инициативы, самовыражения или самоуправления может быть допущена. Свободная

самоорганизация и синергия индивидов, групп по мотивам самобытных интересов, неформальное их объединение и создание негосударственных структур – все то, что относимо к общественному сектору, к развитию горизонтальных (координационных) связей и характеризует *гражданское общество*, фактически изначально ставится под запрет в условиях, когда государственная (часто унифицированная, сращенная с господствующей партией) политическая власть выступает единственным организующим и субординирующим устройством. Лишь она обладает правом наводить порядок и представлять интересы. Политическая власть в качестве институциональной системы берет под свой абсолютный и непререкаемый идеологический, политический, экономический и духовно-культурный контроль как всё общество в целом, так и важнейшие сферы его жизнедеятельности. В сущности, не остается места человеку-гражданину, как суверенной личности, здесь все – подданные.

И не случайно, что человек, например, в марксизме (я уж не говорю о национал-социализме Гитлера и прочих пещерных разновидностях тоталитарной идеологии!) характеризуется в основном как продукт общественных отношений, его самобытность, монадность, автономность, по существу, остаются либо в тени, либо вообще отменяются. В рамках своей направленности мысли Маркс и его последователи не могли принять в расчет составляющее основу человеческого бытия начало – *стремление к индивидуальной свободе*. Разумеется, в таком случае не остается места для возможностей политического и экономического выбора индивида. Собственно, уже в этом кроется одна из причин однопартийности советской системы в политической сфере и ее приверженность к единообразию форм собственности в экономике. Отметание плюралистичности, альтернативности, прав иных составляющих единой социальной сложности (как в теории, так и на практике) имманентно было присуще марксистско-ленинскому мировоззрению.

Когда же господствуют единообразие, безальтернативность, отсутствие выбора, жесткая фиксация на «незыблемую опору», в конечном счете, имеют место скатывание к диктатуре и тоталитаризму, расцвет и разгул примитивно-первобытной массовой психологии. Общество, как бы, всё больше начинает **тяготеть** к естественно-варварскому состоянию покоя и спокойствия. В таких

условиях, разумеется, еще больше подавляются творческие начала как в обществе, так и в отдельных индивидах. Когда же душатся творческие начала, не может быть и речи о позитивной социальной самоорганизации общества как сложности, а это неминуемо ведет к потере перспективы развития и регрессу, разрушает основы и возможности каких-либо позитивных новаций. Начинают давать о себе знать разлагающие, тормозящие, деструктурирующие мотивы и элементы – идет процесс вырождения и деградации системы.

4. Как видим, для тоталитаристского направления даже в лице «лучшего» своего олицетворения, каковыми являются марксистская теория и коммунистическая практика, характерна самая настоящая агрессия – агрессия против человека, общества и мира в целом. И не только против мира, общества и человека, но и против самой человеческой истории. Взятие под сомнение разумность самой истории человечества как сложности, попросту говоря, неуважение к естеству и самобытности социальной эволюции было характерно для марксизма. Согласно ему, вся цивилизованная история человечества, начиная с периода разложения первобытнообщинного, родоплеменного общества и возникновения частной собственности, по существу, является аномалией, ошибкой, которую-де следует исправить. Вспомните знаменитый «одиннадцатый тезис» К.Маркса: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его» [10, с. 3].

Заодно, вспомним и о той великой революции две тысячи лет назад, инициатор и выразитель которой, Христос, сказал: «Я пришел не отменять *Закон*, а исполнять его». Говоря же об исполнении закона, он имел в виду осуществление *Любви*. Высшее повеление, согласно Христу: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя», «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас», «Любовь не делает ближнему зла; итак, любовь есть исполнение закона».

Как видим, настоящими мессианскими функциями наделяет себя не Христос, а Маркс, одержимый страстью поставить «ненавистный, неправильный, недостойный мир» с головы на ноги. И в этом деле мессианского замысла и масштаба объединенное усилие и монолитная воля угнетенных масс, пролетариата – прежде всего, должны сыграть исторически исключительную роль. В построении «*нового мира*» «голодные и рабы» непременно должны

поставить на колени «обнаглевшую в своем заблуждении» историю.

Великолепнейший радикал-марксист В. Ленин в своем стиле и на свой манер развил и углубил это главное «творческое начало» своего учителя – возвысил его на уровень реально-практического воплощения, добавив заодно «верное учение» собственными элементами новизны. Он считает неизбежной и реальной «эмансипацию» пролетариата, который должен насильственно ниспровергнуть капиталистов и установить революционную диктатуру. Согласно Ленину, верный марксист – только тот, кто распространяет признание классовой борьбы до признания диктатуры пролетариата, считает государство сугубо инструментом подавления и эксплуатации в руках господствовавшего класса – охранником частной собственности.

В пылу борьбы за «светлое будущее» говоря о средствах, формах и целях классовой борьбы, Ленин нигде не упоминает о каких-либо законах. Закон, право, а тем более *правовое государство*, моральное обоснование политики, всяческие «общественные договоры», компромиссы во имя общего блага, какие-то солидаристские мотивы и прочее тому подобное, все то, о чем думали и писали многие выдающиеся умы, его абсолютно не забавляет и не печалит. У него нет призыва к закону, но есть такое, а именно: «подчиняться надо вооруженному авангарду всех эксплуатируемых и трудящихся – пролетариату» [11, с. 357]. В статье «Задачи союза молодежи» вождь пролетариата в очередной раз заявляет: «Наша мораль везде и во всем подчинена интересам классовой борьбы пролетариата».

Естественно, что человек такого склада мышления плехановское «не надо было браться за оружие» или черетелевское «класс должен самоограничиваться» по поводу парижской Коммуны мог считать лишь «педантичными нравоучениями». Естественно и то, что революционер-марксист Ленин в известной своей работе «Государство и революция» совершенно серьезно и настойчиво считал нужным писать: «Специфическое «начальствование» государственных чиновников можно и должно тотчас же, с сегодня на завтра, начать заменять простыми функциями «надсмотрщиков и бухгалтеров», функциями, которые уже теперь вполне доступны уровню развития горожан вообще и вполне выполнимы за «заработную плату рабочего» [11, с. 357]. Следуя этой же ленинской логике, но в своей «новой» постановке, поступали многие годы

спустя наши фронтисты-мусаватисты, придя к власти в 1992 году? Согласно этой же логике, они «замораживали» свои должности, терпя позорное поражение уже через год – в июне 1993-го года? Причем, эти «гордые» и «достойные» носители большевистской мысли, хотя и не идущие ни в какое сравнение с преданными соей идее и своему делу большевиками (ни по чести и уму, ни по отваге и самопожертвованию!), объявляли сей ультиматум не кому ни будь, а опытному политику-профессионалу, которого сами же молили о помощи.

Обратите внимание: в марксистско-ленинской теории субстратом будущего «оптимального общества» выступает даже не народ в целом, а его часть – носитель протеста, ненависти, злобы, которому «нечего терять кроме своих цепей». Пусть это будет сама ненависть против мерзких и бессовестных угнетателей, но от этого она не перестает быть ненавистью как таковой. Прекрасный русский поэт Тютчев писал: «У ненависти душа слепа, плохая советчица она!» Если в основы строительства «нового общества» закладываются не разум, знание и любовь, сотрудничество и гуманизм, а ненависть как абсолютно-универсальное орудие преобразований, то такое общество не может быть образцом положительного примера. Созидание невозможно реализовать, опираясь на феномены типа ненависть, зависть, месть, игнорирование прав и уничтожение другого, то есть на феномены разрушительности, выражающие иррациональные страсти и инстинкты. *Источник созидательного – это, прежде всего, рационально-нравственное, социально секуляризованное нечто.* Деструктивность в предпосылках оборачивается еще большей деструктивностью в результатах. Каковыми бы благостными ни были исходные мотивы, опора на феномены разрушительности и уничтожения есть отступление от нравственности и разума, есть «созидание нового» методами и средствами дочеловеческой истории, пещерного-варварского образа действия. К чему может привести и приводит дрейф в сторону иррациональных разрушительных страстей, – человеческая история демонстрировала не однажды.

5. Дело не в том, что идеологи-теоретики типа К.Маркса, В.Ленина, Л.Троцкого выступали однозначными революционерами. Революция революции рознь! И я не случайно назвал Христа также выразителем и даже инициатором революции – в том смысле, прежде всего, что он заложил основу духовного,

мировоззренческого переворота, а точнее, возрождения духа и реконструкции социального. Суть в том, что революция марксистского типа – это вулканическая деятельность вопреки естественному ходу истории, она – *дьявольщина* в подлинном смысле слова («Мы весь мир разрушим, а потом...»). Маркс и марксисты не хотели и не хотят быть простыми созерцателями и помощниками истории, быть ее повивальной бабкой, акушеркой при родах. Им противен сам естественный плод, рождаемый историей, и скорее всего они готовы убить его. Они сами хотят быть отцом и матерью плода, а родивши таковой, навязать его истории в качестве подлинного начала человечества. Собственно, почти весь XX век прошел в муках рождения этого марксистского плода-монстра и его навязывания истории. Сегодняшний путинизм первой четверти XXI века – вполне ожидаемое выражение этого плода-монстра.

Таким образом, теория и практика марксизма-ленинизма являли собой форму беспрецедентного неуважения, унижения человека и человеческой истории, посягательства на нее. В них почти нет элементов *содействия* истории, но много элементов *противодействия*. Учения тоталитаристского направления, в том числе марксистские, никогда не были и не могли быть исторически легитимными. Осмысление тоталитаристского направления поиска оптимума, его сущности-содержания, пользуясь возможностями философии сложности, проливает свет на многие вопросы. Например, становится более понятным, почему западноевропейская по своему происхождению марксистская теория в качестве плодородной почвы для практического воплощения выбрала Россию.

Видимо, отчасти дело в том, что и марксизму, и русской государственности были присущи схожие сущностные элементы – агрессивность, экспансионизм, насилие, интервенционизм. Причем, эти элементы, свойственные российской государственности и власти, отмечались самими представителями русской культуры и науки. Так, известный историк, общественный деятель Юрий Афанасьев писал: «За ней (Россией – А.А.) – постоянная агрессивность и экспансионизм, который берет начало со времен возвышения Москвы. Россия всегда жила завоеваниями, присоединяя к себе новые земли... В истории России не было даже относительно продолжительного периода без войн... Завоевывали или обороняли. И никогда не думали о том, как лучше обустроить эти территории, а только как их больше захватить» [12, с. 14].

Конечно, из практики реализации марксизма можно привести факты, опровергающие воззрения о полнейшей абсурдности, негодности марксистского учения и аномальности советского опыта. Разумеется, столь же успешно и нетрудно обнаружить и привести факты, разрушающие тезис о непоколебимой истинности марксизма. Впрочем, все доказательства, строящиеся на фактах, относительно, ибо сам метод всегда действует избирательно, селективно, а детерминанты избирательности могут быть самыми разными.

6. Хотя отношение к частной собственности было различным для представителей тоталитаристского направления, тоталитаризм и в экономической жизни характеризует все его разновидности. Например, для идеологов национал-социализма были приемлемы частнособственнические отношения, предпринимательство и конкуренция, всякий капитал, любая (хоть трижды частная) собственность, если они «работают» на нацию. Но эта «работа» целиком и полностью детерминировалась, регламентировалась и тотально подчинялась государству (нацистской партии), в котором торжествовал принцип чиновничества-бюрократии, функционирующей на казарменной дисциплине и строгой иерархической субординации. Для марксистов же уничтожение частной собственности было, как говорится, первичным долгом строителей «нового общества», альфой и омегой деятельности коммунистов. Например, Ф.Энгельс в работе «Принципы коммунизма» писал: «Уничтожение частной собственности является самым кратким и наиболее обобщающим выражением того преобразования всего общественного строя, которое стало необходимым вследствие развития промышленности. Поэтому коммунисты вполне правильно выдвигают главным своим требованием уничтожение частной собственности» [13, с. 85]. В «Манифесте Коммунистической партии» же К.Маркс и Ф.Энгельс открыто заявляют: «У пролетариев нет ничего своего, что надо было бы им охранять, они должны разрушить все, что до сих пор охраняло и обеспечивало частную собственность» [14, с. 117].

Ставя под сомнение человеческую историю, «правильность» ее эволюции, мыслители и практики марксистского толка, разумеется, не могли согласиться с естественностью сложившихся в обществе атрибутов и состояний. Они не желали смириться с делением общества на социальные группы, сословия и классы. Материально-

духовная дифференциация для них неприемлема; структурированность, неоднородность социальной общности чужда им – в той же степени, в какой они недооценивают самоценность, особенность составляющих единиц (частей) целого. Естественно, что они не могли смириться с феноменом частной собственности как одним из главных основ-носителей данной структурированности и естественно-необходимого самовыражения в качестве множественно дифференцированной сложности. Частная собственность, с их точки зрения, не источник разумного развития и фундамент человеческих прав и свобод, а подлежащий уничтожению порок, избавившись от которого можно будет жить в условиях бесклассового общества, свободного от антагонизмов и конкуренции. Только так историю можно научить жить по «правилам разумной жизни». В «Обращении ЦК к Союзу коммунистов» (март 1850 г.) К.Маркс и Ф.Энгельс писали: «Для нас дело идет не об изменении частной собственности, а об ее уничтожении, не о затушевывании классовых противоречий, а об уничтожении классов, не об улучшении существующего общества, а об основании нового общества» [13, с. 185]. Как видим, в марксизме путь к «согласию и благоденствию» пролегает не через содействие, синергию, взаимовыгодное сотрудничество и понимание, а через предпосылочную агрессию, насилие, разрушение и отвергание, через тотальное-радикальное размежевание, отчуждение и противостояние в контексте классовой борьбы во имя уничтожения этих же классов.

7. Политическая власть, преподносящая в марксизме изначально как «надстройка», с помощью (силой) диктатуры пролетариата преобразовывает и завоевывает экономическую власть, которая чем дальше, тем больше становится отнюдь не пролетарской и не принадлежит пролетариям-трудящимся. Пролетариат и другие угнетаемые социальные группы фактически используются как средство, как расходный материал. Затем эта политическая власть выступает в двуедином лице как политико-экономическая власть, как тотальная власть государства, которое изначально, вроде бы, тоже считалось «надстройкой». Эта монополярная государственно-партийная власть, в сущности, выступает единственным выразителем, регламентатором и регулятором общества как целого. Она играет роль такого неестественного ограничителя, от которого не может уйти и спастись ни сама по себе, ни кто-либо другой, т. е. по своей природе и назначению душист и уничтожает **свободу**. (Я

имею в виду, прежде всего, ту свободу, о которой сам Маркс говорит как об «осознанной необходимости»). А для того, чтобы это тотальное государство могло сохранить себя на своем губительном пути, оно должно развивать **несвободу** и уничтожать все то, что ему угрожает: истину, свободную науку ученого и свободное слово писателя, зов совести и рвение к справедливости, открытую дискуссию, свободную прессу, независимость суда и законодательной системы.

Соответственно направляемая, организуемая пропаганда и агитация же обеспечивают необходимое жизненное условие крайне идеологизированного государства-монстра и тоталитарного режима. Жизнь на началах истины и справедливости, свободы разума и совести, по существу, постепенно исчезает. Сам идеологический прессинг все больше и больше работает отнюдь не ради идей, пусть даже тех же классиков, а служит неумным аппетитам, страстям, интересам государственной бюрократии и тех, кто стоит у власти. Обуржуазившаяся номенклатурно-бюрократическая каста все больше и больше отдаляется не только от народа, но и от решения своих прямых обязанностей. Обилие директив, постановлений, распоряжений, которые принимают вид некоей легальности, а, по существу, зиждутся на неконтролируемом произволе партийно-государственной бюрократии, заменяет действие Закона.

Создатели «научного социализма и коммунизма» не предусмотрели конституирования в постбуржуазном обществе правового государства. «Забыли» и отбросили напрочь сам принцип разделения властей, механизм сдержек и противовесов, ничего не сказали о необходимости сохранения идейно-политического плюрализма, даже не обозначили горизонты и контуры какого-либо дееспособного права, обещав в будущем преодоление «узкого горизонта буржуазного права». Когда-то Карл Ясперс совершенно верно заметил: *«Попытка непосредственно осуществить справедливость силой создает такие условия, при которых невозможно сохранить даже самую элементарную справедливость»* [15, с. 286].

8. Для тоталитаристских теорий и их практических воплощений характерна принципиальная «вычисляемость» во времени не только отдельного общества, но и всей человеческой истории, ее будущего. Уверенность в обладании тотальным знанием о ходе человеческой истории, якобы научно доказанным, особенно

была характерна и для марксизма. Сегодня любой грамотный человек, знакомый с теорией сложных систем, веру в однозначную предопределенность будущего, упрямство в обладании «идеалом» однозначно посчитали бы проявлением безмерной глупости. Но, к сожалению, эта глупость жила долго (и еще продолжает жить!), сокрушая общества, народы, человека, порождая в них безликость, омертвление, погромные и погибельные страсти. Мы это видели и на опыте «строительства коммунизма» в СССР и продолжаем видеть на опыте неототалитаризма, развернувшегося на постсоветском пространстве. В чем же дело? Что за опасность заключается в философии «несомневающегося верования», в претензии однозначно прогнозировать будущее и добиваться этого будущего. Причем, не имеет значения, какого будущего добиваемся, какой идеал желаем и жаждем осуществить – коммунистический ли, демократический ли, или что-то другое.

Соблазн окончательно, раз и навсегда вычислить, проинтегрировать сложность (а тем более – социальную сложность), вместить ее будущую эволюцию в строгие каноны якобы научной теории, в рамки безответственного пророчества, упрямо и настырно добиваясь подчинения социального бытия требованиям догмы, – есть не просто ошибка, которая допускается некоторыми теоретиками и практиками и сегодня. Это есть самое настоящее преступление, причем, весьма катастрофичное по своим последствиям. Такое варварское наступление на социальное бытие как сложность в ее самобытной пространственно-временной определенности означает: объявить этой сложности капитуляцию; пытаться сделать ее несвободной, безвольной, податливой; поставить сложность под тотальный контроль как покорный объект обладания; забавляться чувством своего превосходства и впасть в иллюзию всемогущества над природой, человеком, обществом, миром.

Наконец, это есть извращенная форма связи с миром, а точнее – садизм во многих своих проявлениях, который всегда нуждается в полуживом, покладистом, беззащитном, трепещущем объекте обладания. Разумеется, социальное бытие, как нечто осуществленное и существующее одновременно, в отличие от окончательно униженного, сломленного, переподчиненного индивида, начинает проявлять мощь своего сопротивления в ответ на посягательства агрессора-маньяка. И в этом ожесточенном

противостоянии дьявольской идеи-догмы социальному бытию, этого глумления «пламенной страсти к власти» над историей, ее эволюцией крушатся судьбы миллионов, переступаются все границы человеческого существования. Народы и общества ввергаются в стихию самоистребления; обвал социальных норм подминает под себя личность, делая из нее либо изгоя, либо ничтожества, готового на все в руках свирепствующих политиков-садистов, управленцев-начальников; люди перестают быть «самим собой», потеря чувства самодостаточности и самооценности становится явлением универсальным. В жесткой социальной пирамиде и строгой иерархической подчиненности даже самые высшие чиновники-бюрократы, забывшие свое человеческое предназначение и потерявшие достоинство, трепещут перед вышестоящими чиновниками, «восхищаются» ими и боятся их. С той же страстью эти покорные начальству чиновники глумятся над нижестоящими, подчиненными, получают удовольствие от их унижения и страдания, от власти над иными живыми существами, рассматривая их как *свою вещь*, свое имущество, а себя господином, повелителем. Таким образом, социальная садомазохистская цепь тянется сверху донизу. Каждый, вовлеченный в эту связку, одновременно выступает и носителем покорности, и носителем господства (самодурства), каждый непременно должен быть вассалом и сеньором в одном лице, быть и садистом, и мазохистом.

Разумеется, здесь помимо социальных детерминант огромную роль играет природная предрасположенность человека, его психическая особенность. В связку хорошо вписываются те, которые по природе обладают садомазохистским характером. Таких людей выдающийся мыслитель Эрих Фромм относил к категории, соответствующей типу «бюрократической личности». Он, например, пишет: «Садомазохистский характер в первом приближении соответствует и *бюрократической личности* (не столько в политическом, сколько в социальном смысле). В бюрократической системе каждый человек осуществляет контроль над своим подчиненным, а он, в свою очередь, контролируется своим начальником. Как садистские, так и мазохистские импульсы в такой системе оправдывают свои расходы. Бюрократическая личность презирует нижестоящих лиц и в то же время восхищается и боится вышестоящих» [16, с. 256-257].

Вообще-то, знакомство с философской антропологией,

побуждает более ответственно и с предельным вниманием отнестись к истории человечества, оценить роль исторических лиц, выявить характерные особенности политических режимов. Я полностью солидарен с мнением П.С.Гуревича: «Жизнь человеческого рода, если не соотнести ее с предостережениями философской антропологии, может быть чревата глубинными разрушительными последствиями. Они пагубны не только для социума, но и способны деформировать самого человека, его природу» [17, с. 14].

9. Тоталитаристский путь «создания рая на земле», если уж не изначально, то впоследствии все больше и больше ведет к безликости, бездарности кадрового корпуса, к исчезновению интеллекта, честности и совести, искренности и солидарности в управленческой среде. Проявляются такие злокачественные тенденции, о которых даже не догадывались сами основоположники идеи «нового рая». Эти тенденции, выходя за рамки «первичных принципов» и всякого здравого смысла, ведут к драматическому изменению всего человеческого существования, к коррозии личности и его духовного мира, к зыбкости и ненадежности моральных ценностей и правовых норм. Особенно характерная для тоталитаризма тенденция ставить всему и вся, где надо и не надо, пределы, железные решетки и двери, бесцеремонно проводить разного рода частные решения посредством применения политической силы, добиваться однообразия через подгонку под общий знаменатель, что легче всего сделать, опираясь на низкий уровень нравственной и духовной жизни общества. А все это ведет, в конечном счете, к выхолащиванию, вырождению общественной системы и ее институтов, к серости, неграмотности и бессовестности бюрократического аппарата, к изуверству и коварности кадров.

Тоталитаризм влияет на отбор правящей элиты таким образом, что у власти все больше и больше оказываются люди, лишенные каких-либо выдающихся дарований, чьи обывательские, охлократические представления легко могут быть изменены в должном направлении, которых легче всего состыковать в ненависти и зависти, в повиновении начальству и беспощадности к «чужакам». Для иллюстрации сказанного достаточно вспомнить эпоху гниющего советского тоталитаризма при Л.И.Брежнев и нынешний постсоветский период неототалитаризма в обертке демократии в большинстве бывших республиках СССР.

Завершая анализ тоталитаристского направления, отмечу, что

этот путь служил порождению систем диктаторско-деспотического типа. Эти системы постольку работали на человечество, поскольку были античеловеческими. Нет пока надежных гарантий от возврата к самым неожиданным формам и проявлениям авторитаризма-тоталитаризма, да и нынешние политические режимы во многих странах не так уж далеки от этих форм. И здесь самое важное в смысле профилактики и гарантий – освободиться от зачастую неосознаваемых элементов и тенденций тоталитаризма в мышлении. Дальнейшее существование и прогресс человечества в одном: сказать тоталитаризму «**НЕТ!**», будь он коммунистической или либерально-демократической (капиталистической) начинки. Сделать так, чтобы это злокачественное порождение больного сознания и античеловеческой практики кануло в лето.

На этом пути общественно-цивилизационного обновления, оптимизации общемирового климата и развития, думается, было бы целесообразно предпослать следующие суждения Карла Поппера. Пусть эти суждения мыслителя с самого начала сопровождают и корректируют интеллектуальную работу ума тех, кто искренне озабочен проблемой поиска оптимума, вопросами качественного обустройства мира, что отнюдь не означает ненадобность этих суждений для тех, кого мало или вообще не интересуют столь судьбоносные проблемы.

Итак, философ писал: *«Вера в разум есть не только вера в наш разум, но также – и даже более того – вера в разум других. Поэтому рационалист, даже если он уверен в своем интеллектуальном превосходстве над другими, будет отвергать все призывы к авторитаризму, поскольку он сознает, что если его интеллект и превосходит другие интеллекты (о чем трудно судить), то лишь настолько, насколько он способен учиться под воздействием критики, учиться на своих собственных ошибках и ошибках других людей. Учиться же в этом смысле можно лишь тогда, когда принимаешь всерьез других людей и их аргументы. Рационализм, следовательно, связан с представлением о том, что другой человек имеет право быть услышанным и отстаивать свои доводы. Он, таким образом, предполагает признание права на терпимость, по крайней мере, среди тех, кто сам не является нетерпимым... Мы должны не просто выслушать аргументы, мы обязаны нести ответственность, отвечать за то, как наши действия влияют на других людей. В конечном счете, рационализм*

обуславливает признание необходимости социальных институтов, защищающих свободу критики, свободу мысли и, следовательно, свободу человека» [18, с. 275-276].

Не думаю, что сегодня речь должна идти о рационализации жизни на планете в рамках либо сугубо капиталистического, как это полагает большинство, либо сугубо социалистического пути, сторонников которого меньшинство, но меньшинства растущего. Нет, я совершенно не имею в виду поиски «по ту сторону капитализма или же социализма». Абсолютизация подхода «по ту сторону» изначально неприемлема, ибо не отвечает каким-либо разумным критериям и доводам. Следует помнить, по крайней мере, что любая новая реальность, хорошая или плохая, «вырастает» из тела старого. В определенном смысле она, новая реальность, есть продолжение и порождение предшествующей истории, какой бы она ни была. Данное положение достаточно аргументировано в теории сложных систем и философии сложности.

Вместе с тем, не считаю приемлемым искать выход на пути сближения социализма и капитализма, сглаживания их внутренних противоречий и последующего их синтеза, то есть всего того, что называется теорией конвергенции, будь это в трактовке Дж. Гэлбрейта и У. Ростоу или Я. Тинбергена и А. Сахарова. Впрочем, эта теория «мирного сближения» уже доказала свою несостоятельность – капитализм, попросту говоря, «съедал» социализм. Достаточно вспомнить практику «социализма с человеческим лицом» М. Горбачева. Глупый, безответственный, а может даже предательский дрейф в сторону «райских садов демократии» обернулся катастрофой для миллионов, нищетой, растрепанностью, криминалом и развратом. Вместо «рая на земле» народы получили самый настоящий ад: тотальное унижение человеческого достоинства, невиданный рост коррупции, преступности и аморальности, всплеск и буйство самых низменных страстей, произвол, цинизм и грабеж олигархии, затопление в смердящем омуте финансово-процентного капитализма последних островков справедливости, разумности и честности. Причем, зловония всей этой «роскоши» постсоветского периода ощущают на себе не только бывшие граждане «империи зла» и ее сателлитов, но и всего мира. К счастью акул мирового капитализма и их подручных, наконец-то, они раз и навсегда освободились от самого действенного «намордника» – дамоклов меча социализма!

В данной статье нет возможности, чтобы изложить собственное видение решения столь актуальной судьбоносной проблемы во всех деталях. Подчеркну лишь то, что в любых случаях и обстоятельствах, при рассмотрении каждого «частного» вопроса, начиная с задач рационализации форм собственности, организации труда, социально-экономической жизни граждан и кончая заботами оптимизации управления, идейно-духовного обеспечения, мы непременно имеем дело со сложностью особого рода и порядка. Следовательно, создаваемое когнитивное пространство должно отвечать «глубинной психологии» этих сложностей – в отдельности и нацело! Но что делать, если пока что торжествует мыслительное и духовное люмпенство, плодящее еще большую пошлость, глупость и бессовестность?

Философия – это в какой-то мере пристрастие к размышлениям крайнего типа, или к тому, что метафизика называет эсхатологией. Отправляясь от этой моральной санкции, позволю себе заметить: современные общества и мир в целом затерроризированы засильем люмпенства не только в политике и экономике, но и в философии и культуре столь сильно, что люди, онемевшие и ошарашенные, зато жестоко униженные и обобранные, давно перестали массово и дееспособно сопротивляться, ибо этого не могут, если даже хотят. Впрочем, даже если они взбунтовались, то некие темные силы, нахрапистые и жестокие в своей сомнительной последовательности, обеспечили бы этим политикам, политологам, социологам, культурологам и философам в лохмотьях устойчивое спасение. Еще больше выделили бы люмпенствующей ораве всяких разных благ под трезвон «культурного диалога» неолиберальной глобализации, толкающей человечество в пропасть во имя процветания, разврата, гедонизма отдельных лиц, групп, стран и народов.

В результате такого «подхода к социальной сложности» мировая элита все больше и больше освобождает себя от моральных обязательств, а следовательно, и от ответственности. И совсем не случайно, как это метко подчеркивал Дж. Сорос, что «нынешние политические доктрины рыночного фундаментализма и геополитического реализма предпочитают избегать упоминания об этих обязательствах» [19, с. 256-257]. Прежде всего, тех обязательств, в которых востребованы современные общества, человечество в целом. Это – справедливое распределение ресурсов и национальных богатств, отказ от односторонней гегемонии «супер-силы», поощрение и

поддержка развития демократии на деле для всех народов и стран, глобальное ограничение эгоистических пространств и устремлений, усиление заботы об общественном благе, обеспечение надежной защиты от военных угроз, сепаратизма, этнических чисток, социального отчуждения и т. п.

Одним словом, адекватный «подход к сложности» глобализирующегося мира предполагает, прежде всего, надежность моральных оснований и доброй воли, а не псевдоэтических оправданий аморальному поведению, провоцирующему скачкообразное ухудшение состояния на локальном, региональном и глобальном уровнях. Стержнем же *нового кодекса поведения* мирового сообщества должна стать забота о Человеке, а следовательно, – борьба с бедностью и социальным неравенством, невежеством и угнетением, диктатом и произволом. Лишь таким образом можно преодолеть зловещие порождения политической ориентации и политического менталитета, базирующихся на своеобразной смеси макиавеллизма и ницшеанства, в том числе – международный терроризм и гегемонизм. Без человеческого подхода к новой сложности, к её самоорганизационным и синергетическим ресурсам мы, наверняка, не остановим движения к ещё большему хаосу и краху. Необходимо качественно иное осмысление проблем социализации личности в сложившихся новых условиях.

Основная цель разработки философии сложности заключается в том, чтобы на основе общетеоретического анализа выявить характерные особенности существования, функционирования, эволюции сложных систем и, опираясь на это, наметить пути, выработать рекомендации для более действенного, эффективного познания социальных систем, их модернизации и управления.

Каковы закономерности формирования (построения) организации, как возникает упорядоченность и каким образом она достигается в процессе усложнения (и самоусложнения) или упрощения систем? Какими законами, принципами сохранения и ограничения должна «обрастать» система, чтобы сохраниться и стабильно развиваться в условиях радикальных изменений и самосовершенствования своей природы? Каковы наиболее приемлемые типы и формы связей системы с внешней средой в этих условиях? В чем заключается особенность эволюционного периода, который охватывает промежуток между начальным состоянием

равновесия и бифуркационным состоянием, когда система теряет стабильность и может развиваться в сторону многих различных режимов (каналов поведения и реализации)? И почему в состоянии неравновесия, как это видно из поведения систем разной природы и что констатируют ученые-специалисты, система оказывается *чувствительной* к некоторым аспектам собственной реальности, которые были несущественны в состоянии равновесия? Можно ли определить саму **меру** неравновесия (а есть ли она?!), вне которой система теряет чувствительность в указанном смысле? Всегда ли единственно состояние равновесия сложных систем?

Эти вопросы не указывают на простое случайное незнание, которое легко преодолеть в случае необходимости, а подчеркивают серьезность трудноразрешимых проблем, их принципиальность. Подобные вопросы имеют смысл уже для таких «мертвых существ», как физико-химические системы. Тем более они важны и существенны для психологических, экономических, биологических, социальных и глобальных систем. Совокупность этих и других смежных вопросов выводит нас на ту проблему, которую разделяют или обязаны разделить представители различных отраслей знания, – проблему становления, функционирования и развития сложных систем. Данная проблема, междисциплинарная по своему характеру, ставит в центр внимания задачу: отыскать единую (конвергенционную) основу организации мира, выразить в теории те аспекты единства мира, которые связаны с общими свойствами саморегуляции и саморазвития сложных систем, наконец, определить, если это возможно, минимальный набор фундаментальных законов, управляющих процессами самоорганизации материи и духа.

На этом пути уже сделаны определенные серьезные шаги. Я имею в виду, прежде всего, достижения синергетики, основы которой фактически были заложены в конце 70-х годов XX века, благодаря, главным образом, усилиям двух научных школ – брюссельской под руководством Ильи Пригожина и штутгартской во главе с Германом Хакеном. Но, мне представляется, что глобальное разрешение проблемы выходит за рамки синергетики, ее компетенции, если судить, исходя из состояния и мощи данной науки на сегодняшний день. В своей относительной универсальности данная проблема – компетенция, видимо, какой-то иной, более глобальной и комплексной науки. Быть может, ее

правильнее было бы пока называть Х-наукой, а синергетику – одной из важнейших составляющих (подсистем) этой науки. Х-наука есть нечто «большее», чем синергетика, которая в реальности подразумевает и выражает лишь налично-возможное содержание постнеоклассической Х-науки на сегодня.

Дело в том, что синергетика накопила довольно богатый материал и обширные знания применительно к сложным системам неорганической природы, хотя и предпринимались в последние годы отдельные успешные шаги некоторыми учеными в направлении применения методов синергетики и ее аналогий для анализа сложных систем органической и духовной природы. Она в каком-то смысле конкретизация Х-науки в сфере механики и физики, химии и математики, а также, пожалуй, отчасти в области биологии, психологии, педагогики и экономики. На уровне ее удивительных и действительно важных аналогий находят свои обобщения специалисты по лазеру и фазовым переходам, по статистической механике и термодинамике необратимых процессов, по математической теории катастроф, бифуркаций и т. д. Касательно же систем органической, тем более – духовной или же глобальной природы, синергетика сама по себе остается недостаточным «орудием» с точки зрения выявления, изучения всей гаммы реальных процессов. Многие аспекты становления, функционирования и развития живого, духовного, социального, глобального как сложностей особого качества не объяснимы на уровне лишь только обобщений и аналогий синергетики, пусть даже очень важных и значимых в соответствующих областях реальности. Прямая экстраполяция синергетических знаний, пожалуй, может иметь негативные последствия. В подтверждение этой мысли можно привести достаточно примеров.

Следовательно, неправомерно отождествлять целиком и полностью научное направление, занимающееся исследованием процессов самоорганизации, становления, функционирования, перестройки и распада структур в системах самой различной природы (от физической до духовной и глобальной), с синергетикой. Речь, скорее всего, должна идти о некоей «науке сложности», которую выше я условно обозначил как Х-науку, и философии сложности. Кстати, в США и на Западе в основном оперируют именно понятием «наука сложности». И не случайно, что знаменитый Институт в США, в Санта-Фе, созданный в 1983-м году

по инициативе и с участием четырех лауреатов Нобелевской премии (два экономиста, физик Мюррей Гелл-Манн и химик Джордж Коуэн), называется Институтом Сложности. Замечу, что этот Институт, занимающийся в основном междисциплинарными проектами и разработкой весьма влиятельных теорий (например, теория управляемого хаоса, структурно-демографическая теория, теория перепроизводства элит, теория модернизаций и т.п.), многие считают местом зарождения науки о сложности. С точки зрения конкретно-практического применения и масштабности действия, особенно в контексте решения геополитических и геостратегических задач, а также проблем глобальных трансформаций, финансово-экономических перестроек, развития информационно-коммуникационной службы и расширения демократических практик, пожалуй, с этим мнением можно согласиться. Доля правды в нем, безусловно, есть, но подлинная истина обстоит несколько иначе.

Ради полноты истины замечу, что непосредственное изучение феномена сложности, самого акта усложнения в процессе эволюции, флуктуационно-бифуркационных и самоорганизационных явлений, да и многих других вопросов, сопряженных с искомой проблематикой, началось намного раньше – по крайней мере, с начала 50-х годов XX столетия, если уж не упоминать гениальные суждения Гегеля, прежде всего, в его «Философии природы» о сложности, времени, самореализации, локализации в пространстве-времени [20], а также идеи А. Богданова и др. Имею в виду идеи: биологов Л. Берталанфи «Общая теория систем» (1951), М. Эйгена, И.И. Шмальгаузена, П.К. Анохина, математиков Л. Заде, А.Н. Колмогорова, Г. Чейтина, Дж.фон Неймана, Дж.Б. Форрестера, Г. Кастлера, У.Р. Эшби, физиков и химиков В. Гейзенберга, Н. Бора, Х. Юкава, Г. Николиса, И. Пригожина, И. Стенгерса, Дж. Коуэна, Г. Хакена, Дж. Карери, психологов Д.Н. Узнадзе, В. Франкла, Л.С. Выгодского, А. Е. Шерозия и многих других известных ученых. Уже одно это упоминание указывает, с одной стороны, на «последовательное движение к сложности» ещё до «Института Санта-Фе», с другой – на изначальную междисциплинарность проблематики, на конвергенционность её основ в самом позитивном смысле.

Разумеется, когда профессионально говорят о науке и философии сложности, имеется в виду не только то, что разработано Г. Николисом, И. Пригожиным, Г. Хакеном и их школами в плане

становления и развития синергетики (теория диссипативных структур, закономерности самоорганизации и динамика бифуркационных явлений, концепция сложноорганизованного функционального времени и т.д.). Речь идет о той общей совокупности знаний, так или иначе служащих познанию тайн феномена сложности, в формировании которой несомненна роль и многих других знаменитых ученых, например, Л. Заде, М. Месаровича и Я. Такаха, Р. Акоффа и Ф. Эмерна, Р. Тома и Дж. Томпсона, М. Эйгена и П. Шустера, Дж. Карери и В. Эбелинга, а также других. Конечно, суть дела не только в личностях, хотя и это очень важно, но и в тех новых и новейших направлениях, теориях и концепциях, которые в совокупности составляют конвергенционную основу как постнеоклассической науки о сложности, так и постнеоклассической эпистемологии.

В этом ряду нетрадиционных направлений, теорий и концепций можно отметить, например, саму синергетику, теорию особенностей и перестроек, теорию бифуркаций, теорию катастроф (новый уровень), теорию хаоса (новый подход), теорию критических явлений, нечеткую математику и нечеткую логику Л.Заде, его же «мягкие вычисления», финансово-экономическую теорию рефлексивности Дж. Сороса, нейрокомпьютинг, эволюционный и вероятностный компьютеринг, Soft Computing и теорию интеллектуальных гибридных систем Р.А. Алиева, теорию искусственного интеллекта, теорию принятия решений, теорию оптимального управления Г.Т. Ахмедова, концепцию критически-синергетического мышления А.Ф. Аббасова и т.д. Они, будучи конвергенционной основой, свидетельствуют и о таком важнейшем факте: и наука о сложности, и философия сложности, и тесно сопряженная с ними постнеоклассическая эпистемология зарождались и формируются на основе единства наук, а потому весьма продуктивны и эвристичны.

Для полноты информации и корректности подчеркну, что постнеоклассическая эпистемология в органической форме включает в себя иные, в основном – нетрадиционные, эпистемологии. А именно: эволюционную (Д. Сэмбелл, К. Поппер, Ст. Тулмин), историко-эволюционную (Т. Кун), генетическую (Ж. Пиаже), антропологическую (М. Полани), тематическую (Дж. Холтон), натурализованную (У. Куайн), гипотезо-дедуктивную, кумулятивистскую и др. В свое время Э. Агаци, выражая свое

отношение к сложившейся ситуации, говорил, что эпистемология XX века рисует совсем другой образ науки. Возможно, он в качестве такого образа предполагал именно то, что сегодня мы называем постнеоклассикой. В любом случае, возникает логичный вопрос: какая связь между постнеоклассической эпистемологией и всеми иными, отмеченными выше?

Думается, что постнеоклассическая эпистемология, хотя и включает в себя органичным образом элементы названных других эпистемологий, не является их обычным обобщением, некой «алгебраической суммой». Она есть нечто большее – в том смысле, что представляет собой качественно новую сущность. Сущность, во-первых, способная продуцировать и иные, не отмеченные выше, частные эпистемологии, то есть она являет собой единое «целое» по отношению к наличным и возможным «частям». Во-вторых, она изначально междисциплинарна – по истокам зарождения и процессу становления, – иначе говоря, универсальна. В-третьих, постнеоклассическая эпистемология более эвристична и прагматична, в силу не только своей универсальности, но и большей познавательной конкретности, инструментальности и толерантности. Речь идет о толерантности в смысле обеспечения наибольшего согласия, органичного единства между объектом и субъектом познания и действия. Более подробно необходимость, сущность и особенности, система идей и принципов постнеоклассической эпистемологии освещены в предыдущих работах автора [См. 3; 21; 22].

Исходя из явных преимуществ постнеоклассической эпистемологии, можно утверждать о её необходимости в исследованиях, связанных с проблемами социализации, социальной синергии и самоорганизации, с вопросами общения и коммуникаций в современных условиях. Интенсивное и широкомасштабное развитие информационных технологий, искусственного интеллекта, видов и форм социальных сетей лишь только усиливает эту необходимость.

Литература:

1. Гейзенберг В. Часть и целое. Москва: «Мысль».1989.
2. Уайтхед А. Избранные работы по философии. Москва: «Прогресс». 1990.
3. Аббасов А.Ф. Философия сложности. Баку: «МВМ». 2007.

4. <http://www.santafe.edu/>
5. Князева Е.Н. Социальная сложность: самоорганизация, тренды, инновации // «Общество: философия, история, культура». 2013, № 1, с. 20-21.
6. Майнцер К. Сложность бросает нам вызов в XXI веке: динамика и самоорганизация в век глобализации // Стратегии динамического развития России: единство самоорганизации и управления. Т. 3. Москва: Проспект. 2004, с. 125.
7. Давыдов Юрий. Веберовская социология истории // Макс Вебер. Аграрная история древнего мира. М.: Канон-Пресс-Ц. 2001, с. 81.
8. <https://studfile.net/preview/15567920/page:80/>
9. Рыжиков С.Н. Формирование концепции отрицательного синергизма // Журнал философских исследований. Том 3. 2017, № 4.
10. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // К.Маркс и Ф.Энгельс. Избранные произв. в 3-х томах, т. 1, М.: Политиздат. 1980, с. 3.
11. Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. Избранные произведения в 4-х томах. Т.2. М.: Политиздат. 1986, с. 357.
12. Афанасьев Юрий. Пора перестать верить историческим мифам // «Аргументы и факты», 1997, № 46 (ноябрь), с. 14.
13. Маркс К. и Энгельс Ф. Обращение ЦК к Союзу коммунистов // Избранные произведения в 3-х томах, т. 1, М.: Политиздат. 1980, с. 85.
14. Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Избранные произв. в 3-х томах, т. 1, М.: Политиздат. 1980, с. 117.
15. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика. 1994, с. 286.
16. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994, с. 256-257.
17. Гуревич П.С. Разрушительное в человеке как тайна. – Вступительная статья к книге: Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994, с. 14.
18. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. II. М.: МФ «Культурная инициатива», 1992, с. 275-276.
19. Сорос Дж. О глобализации. М.: Эксмо, 2004, с. 256-257.
20. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.2. Философия природы. М.: Мысль. 1975.

21. Müasir fəlsəfə və Azərbaycan: tarix, nəzəriyyə, tədris. Bakı: "Elm", 2011;

22. Müasir fəlsəfə, elm və mədəniyyət: postqeyri-klassik epistemologiya (təkrar nəşr, düzəlişlərlə). Bakı: "Elm", 2024.

References:

1. Geyzenberg V. Chast i tseloye. Moskva: «Mysl». 1989.
2. Uaytkhed A. Izbrannyye raboty po filosofii. Moskva: «Progress». 1990.
3. Abbasov A.F. Filosofiya slozhnosti. Baku: «MVM». 2007.
4. <http://www.santafe.edu/>
5. Knyazeva E.N. Sotsialnaya slozhnost: samoorganizatsiya. trendy. innovatsii // «Obshchestvo: filosofiya. istoriya. kultura». 2013. № 1. s. 20-21.
6. Mayntser K. Slozhnost brosayet nam vyzov v KhKhI veke: dinamika i samoorganizatsiya v vek globalizatsii // Strategii dinamicheskogo razvitiya Rossii: edinstvo samoorganizatsii i upravleniya. T. 3. Moskva: Prospekt. 2004. s. 125.
7. Davydov Yuriy. Veberovskaya sotsiologiya istorii // Maks Veber. Agrarnaya istoriya drevnego mira. M.: Kanon-Press-Ts. 2001. s. 81.
8. <https://studfile.net/preview/15567920/page:80/>
8. Ryzhikov S.N. Formirovaniye kontseptsii otritsatel'nogo sinergizma // Zhurnal filosofskikh issledovaniy. Tom 3. 2017. № 4.
9. Marks K. Tezisy o Feyerbakhe // K. Marks i F. Engels. Izbrannyye proizv. v 3-kh tomakh. t. 1. M.: Politizdat. 1980. s. 3.
11. Lenin V.I. Gosudarstvo i revolyutsiya // Lenin V.I. Izbrannyye proizvedeniya v 4-kh tomakh. T.2. M.: Politizdat. 1986. s. 357.
12. Afanasyev Yuriy. Pora perestat verit istoricheskim mifam // «Argumenty i fakty». 1997. № 46 (noyabr). s. 14.
13. Marks K. i Engels F. Obrashcheniye TsK k Soyuzu kommunistov // Izbrannyye proizvedeniya v 3-kh tomakh. t. 1. M.: Politizdat. 1980. s. 85.
14. Marks K. i Engels F. Manifest Kommunisticheskoy partii // Izbrannyye proizv. v 3-kh tomakh. t. 1. M.: Politizdat. 1980. s. 117.
15. Yaspers K. Smysl i naznachenkiye istorii. M.: Respublika. 1994. s. 286.
16. Fromm E. Anatomiya chelovecheskoy destruktivnosti. M.: Respublika. 1994. s. 256-257.
17. Gurevich P.S. Razrushitelnoye v cheloveke kak tayna. – Vstupitelnaya statiya k knige: Fromm E. Anatomiya chelovecheskoy

destruktivnosti. M.: Respublika. 1994. s. 14.

18. Popper K. Otkrytoye obshchestvo i ego vragi. T. II. M.: MF «Kulturnaya initsiativa». 1992. s. 275-276.

19. Soros Dzh. O globalizatsii. M.: Eksmo. 2004. s. 256-257.

20. Gegel G.V.F. Entsiklopediya filosofskikh nauk. T.2. Filosofiya prirody. M.: Mysl. 1975.

21. Muasir felsef? ve Azerbaycan: tarix, nezeriye, tedris. Baki: “Elm”. 2011;

22. Muasir felsefe, elm ve medeniyyet: postqeyri-klassik epistemologiya (tekrar neshir. duzelishlerle). Baki: “Elm”. 2024.

UDC– 101.1:316.422+342.32/33(476)

Tadeuş İvanoviç Adulo

F. E.D., prof., sosial-fəlsəfi və antropoloji tədqiqatlar şöbəsinin müdiri

Belarus Milli Elmlər Akademiyasının Fəlsəfə İnstitutu

Belarus Respublikası, 220004, Minsk, st. Zaslavskaya, 37, kv. 41

Tel.: + 375173542297

E-mail: tadoul@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7943-8368>

XX-XXI ƏSRLƏRİN KƏSİŞMƏSİNDƏ BELARUSDA DÖVLƏT İNSTITUTLARININ TRANSFORMASIYA XÜSUSİYYƏTLƏRİ

Xülasə

Məqalənin məqsədi. Rəsmi mənbələr və epirik məlumatlar əsasında XX-XXI əsrlərin kəsişməsində Belarusda dövlət institutlarının transformasiya xüsusiyyətləri üzə çıxarılır.

Tədqiqatın vəzifələri. XX-XXI əsrlərin kəsişməsində Belarusda dövlət institutlarının transformasiyasının məğzini açmaq, qlobal sosiodynamika şəraitində dövlət institutlarının optimal fəaliyyətini təmin etmək üçün milli sosial praktikanı təqdim etməkdir.

Tədqiqat metodları və metodologiyası. Mövzu üzərində iş zamanı dialektik metoddan, analiz və sintez, müqayisəli təhlil, tarixi və məntiqi olanın vəhdəti metodlarından istifadə olunub.

Mövzunun araşdırılma dərəcəsi. Belarusda dövlət institutlarının

araşdırılması ilə daha çox hüquqşünaslar və sosioloqlar məşğul olur. Bu baxımdan mövzunun sistemli fəlsəfi təhlili aktual hesab edilməlidir.

Elmi yenilik. Bu tədqiqatda ilk dəfə olaraq dövlət institutlarının XX–XXI əsrlərin qovşağında Belarusda transformasiya xüsusiyyətləri sistemli şəkildə açılıb göstərilir.

Çıxarışlar. Dövlət institutları ölkənin qan damarları sistemini təşkil edir. Digər sosial orqanizmlər kimi, onlar da hərəkətlidir – obyektiv və subyektiv səbəblərin təsiri altında, dəyişən daxili və xarici şərait nəzərə alınaraq daimi şəkildə transformasiyaya məruz qalır və bununla da sosial praktikanın tələblərinə cavab verir. Bu mənzərə sülh dövrü üçün xarakterikdir. Lakin tarixi proses təkcə təkamül xarakterli dəyişikliklərlə deyil, həm də inqilabi mərhələlərlə – köhnəlmiş və dövrün ruhuna uyğun gəlməyən strukturların, o cümlədən dövlət institutlarının kəskin şəkildə dəyişdirildiyi dövrlərlə xarakterizə olunur. Postsovet dövlətləri üçün belə radikal dəyişikliklər dövrü 1990-cı illər oldu. Hələ SSRİ çərçivəsində mövcud olan dövlət institutlarının dəyişdirilməsi üçün ciddi cəhdlər göstərilmişdi. Həmin dövrün “yeni qurumlarından” biri də prezidentlik institutu idi. Belarusda dövlət institutlarının transformasiyası bu qədər sürətli getmədi. Bu prosesin iki əsas mərhələsini ayırmaq mümkündür. Birinci mərhələ 4 il davam etdi – 27 iyul 1990-cı ildən (BSSR Ali Sovetinin "Belarus Sovet Sosialist Respublikasının Dövlət Suverenliyi Haqqında Bəyannamə" qəbul etdiyi tarix) 14 mart 1994-cü ilədək (Belarus Respublikası Ali Sovetinin ardıcıl beşinci Konstitusiyayı qəbul etdiyi tarix).

İkinci mərhələ – 10 iyul 1996-cı ildən (Belarusda ilk prezident seçkiləri) 15 mart 2022-ci ilədək (1994-cü il Konstitusiyasının qüvvəyə mindiyi tarix; bu Konstitusiyaya 24 noyabr 1996, 17 oktyabr 2004 və 27 fevral 2022-ci il ümumrespublika referendumlarında qəbul edilmiş dəyişiklik və əlavələr daxildir). Məhz bu Konstitusiya bu gün Belarusda dövlət institutlarının formalaşması üçün qanunvericilik bazasını təşkil edir.

Açar sözlər: Belarus, dövlət institutları, transformasiya, hakimiyyət qolları.

УДК – 101.1:316.422+342.32/33(476)

Тадеуш Иванович Адуло
доктор философских наук, профессор,
заведующий Отделом

социально-философских и антропологических исследований
Института философии Национальной академии наук Беларуси
Республика Беларусь, 220004, г. Минск, ул. Заславская, д. 37, кв.
41

Тел: +375173542297

E-mail: tadoul@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7943-8368>

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ В БЕЛАРУСИ НА РУБЕЖЕ XX – XXI ВЕКОВ

Резюме

Цель статьи. На базе официальных источников и эмпирических данных раскрыть особенности трансформации государственных институтов в Беларуси на рубеже XX – XXI веков.

Задачами исследования являются: дать общую характеристику и раскрыть сущность трансформации государственных институтов в Беларуси на рубеже XX – XXI веков; отразить национальную социальную практику по обеспечению оптимального функционирования государственных институтов в условиях глобальной социодинамики.

Методы и методология исследования. В процессе работы над темой использованы диалектический метод, методы анализа и синтеза, сравнительного анализа, исторического и логического.

Степень исследованности проблемы. Исследованием государственных институтов в Беларуси преимущественно занимаются юристы и социологи. В этом плане системный философский анализ данной проблематики представляется актуальным.

Научная новизна. В исследовании впервые в системном виде раскрыты особенности трансформации государственных институтов в Беларуси на рубеже XX – XXI вв.

Выводы. Государственные институты представляют собой кровеносную систему страны. Как и другие социальные организмы они подвижны – под влиянием объективных и субъективных причин и с учетом изменяющихся внутренних и внешних обстоятельств они постоянно трансформируются, отвечая тем самым на запросы социальной практики. Такая картина характерна для мирного времени. Но исторический процесс характеризуется не только

эволюционными изменениями. Для него характерны и революционные этапы – периоды решительных ломок отживших и не отвечающих духу наступившей эпохи структур, в их числе государственных институтов. Для постсоветских государств эпохой таких радикальных преобразований устоявшихся структур различного уровня стали 1990-е годы. Еще в рамках СССР были предприняты энергичные усилия по изменению существовавших государственных институтов. Одним из «новоделов» той эпохи стал институт президентства.

В Беларуси трансформация государственных институтов шла не столь быстро. Можно выделить два ее основных этапа. *Первый* этап длился четыре года – с 27 июля 1990 г. (с даты принятия Верховным Советом БССР «Декларации о государственном суверенитете Белорусской Советской Социалистической Республики») по 14 марта 1994 г. (дата принятия Верховным Советом Республики Беларусь пятой по счету Конституции). *Второй* этап – с 10 июля 1996 (первые выборы президента Беларуси) по 15 марта 2022 г. (дата вступления в силу Конституции Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г.)). Именно эта конституция и представляет собой законодательную базу формирования государственных институтов Беларуси в настоящее время.

Ключевые слова: Беларусь, государственные институты, трансформация, ветви власти

UOT - 101.1:316.422+342.32/33(476)

Tadeuch Ivanovich Adulo

Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Head of the Department of Social-Philosophical
and Anthropological Research
of the Institute of Philosophy
of the National Academy of Sciences of Belarus
Republic of Belarus, 220004, Minsk, Zaslavskaya St, 37, flat 41
Tel.: +375173542297
E-mail: tadoul@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7943-8368>

FEATURES OF THE TRANSFORMATION OF STATE INSTITUTIONS IN BELARUS AT THE TURN OF THE 20th – 21st CENTURIES

Abstract

The purpose of the article - based on official sources and empirical data, to reveal the features of the transformation of state institutions in Belarus at the turn of the 20th – 21st centuries.

The objectives of the study are: to provide a general description and reveal the essence of the transformation of state institutions in Belarus at the turn of the 20th – 21st centuries; to reflect the national social practice of ensuring the optimal functioning of state institutions in the context of global sociodynamics.

Research methods and methodology. In the process of working on the topic, the dialectical method, methods of analysis and synthesis, comparative analysis, historical and logical were used.

The degree of research of the problem. The study of state institutions in Belarus is mainly carried out by lawyers and sociologists. In this regard, a systemic philosophical analysis of this problem seems relevant.

Scientific novelty. The study is the first to systematically reveal the features of the transformation of state institutions in Belarus at the turn of the 20th – 21st centuries.

Conclusions. State institutions are the circulatory system of the country. Like other social organisms, they are mobile – under the influence of objective and subjective reasons and taking into account changing internal and external circumstances, they are constantly transformed, thereby responding to the demands of social practice. This picture is typical for peacetime. But the historical process is characterized not only by evolutionary changes. It is also characterized by revolutionary stages - periods of decisive breaks of structures including state institutions that have become obsolete and do not correspond to the spirit of the new era. For post-Soviet states, the era of such radical transformations of established structures at various levels was the 1990s. Even within the USSR, energetic efforts were made to change existing state institutions. One of the "new creations" of that era was the institution of the presidency.

In Belarus, the transformation of state institutions was not very rapid. Two main stages can be distinguished. The *first* stage lasted four years –

from July 27, 1990 (from the date of the adoption by the Supreme Council of the BSSR of the "Declaration of State Sovereignty of the Belarusian Soviet Socialist Republic") to March 14, 1994 (the date of the adoption by the Supreme Council of the Republic of Belarus of the fifth Constitution). The *second* stage – from July 10, 1996 (the first presidential elections in Belarus) to March 15, 2022 (the date of entry into force of the 1994 Constitution of the Republic of Belarus (with amendments and additions adopted at the republican referendums on November 24, 1996, October 17, 2004 and February 27, 2022)). It is this constitution that represents the legislative basis for the formation of state institutions of Belarus at the present time.

Keywords: Belarus, state institutions, transformation, branches of power. Государство.

Введение (постановка проблемы). Государственные институты – это, по большому счету, кровеносная система страны. От их организованности и работоспособности зависит не только жизнь граждан, но и самое существование страны. Как и другие социальные организмы, государственные институты подвижны. Под влиянием объективных и субъективных причин и с учетом изменяющихся внутренних и внешних обстоятельств они постоянно трансформируются, отвечая тем самым на запросы социальной практики. Такая картина характерна для мирного времени. Но исторический процесс характеризуется не только эволюционными изменениями. Для него характерны и революционные этапы – периоды решительных ломок отживших и не отвечающих духу наступившей эпохи структур, в их числе государственных институтов.

Для постсоветских государств эпохой таких радикальных преобразований устоявшихся структур различного уровня стали 1990-е годы. Еще в рамках СССР были предприняты энергичные усилия по изменению существовавших государственных институтов. Так, одним из «новоделов» той эпохи стал институт президентства. Он был инициирован Верховным Советом СССР и оперативно сформирован – первым президентом страны был избран М.С. Горбачев. Вслед за этим эпохальным для страны событием институты президентства стали активно формироваться в союзных республиках. А в РСФСР наряду с институтом президентства самой

России, образовались схожие институты и в ее различных автономных республиках – Татарстане, Башкортостане и др.

В Беларуси трансформация государственных институтов шла не столь быстро, и институт президентства оформился только в 1994 году. До этого на протяжении трех лет депутатским корпусом Верховного Совета велась кропотливая работа по изменению действующей на тот период конституции. На что опирались депутаты при формировании института президентства? В первую очередь, они учитывали опыт своих соседей – России, Украины, прибалтийских республик. Изучали также опыт европейских государств.

При разработке системы государственных институтов белорусские депутаты столкнулись с серьезными трудностями. В отличие от России и даже прибалтийских государств у белорусов практически не было опыта суверенного существования собственного государства. Ведь БССР как субъект мирового сообщества образовалась в 1919 году, и тут же (1922 г.) вошла в состав СССР, в результате чего ее законодательная, исполнительная и судебная системы органично были привязаны к таким же системам СССР. Впрочем, это касалось и других союзных республик СССР.

Безусловно, современные историки, связывающие *зарождение* белорусской государственности с Полоцким княжеством [Смехович, 2025; 68] и Великим княжеством Литовским, Русским и Жемойтским (ВКЛ), могут решительно возразить на представленную автором точку зрения и сослаться на «Статут ВКЛ» 1529, 1566 и 1588 годов, который был написан на древнерусском (древнебелорусском) языке и которым регламентировалась жизнь белорусов на протяжении чуть ли не трех веков (вплоть до 1840 года, когда решением российского императора он был отменен). Правда, еще раньше, в 1696 году, польский сейм запретил использование белорусского языка в официальных документах Речи Посполитой, в которую входило ВКЛ. Делопроизводство велось исключительно на польском языке.

Остановимся более детально на данном вопросе. Можно ли было использовать исторический опыт ВКЛ при формировании государственных институтов суверенной Беларуси? Часть депутатского корпуса именно с этим опытом связывала будущее нашей страны. Подавляющее большинство депутатов не согласилось с данным предложением, и их мотивация была

обоснованной. Во-первых, ВКЛ – это давняя эпоха, и попытка привязать к ней современную историю непременно толкало бы нашу республику вспять, а не вперед. Во-вторых, ВКЛ – это не сугубо белорусское государство, это полиэтнический субъект – наряду с белорусами в него входили русские, литовцы и другие этносы. Столица ВКЛ только первоначально находилась на нынешней территории Беларуси – в городе Новогрудке, но затем была перенесена в Вильно (сейчас это столица Литовской республики). В-третьих, по историческим меркам период существования ВКЛ не был продолжительным. После Кревской унии (1295 г.) ВКЛ подпало под жесткий контроль Польши, хотя Великий князь Литвы все-таки стремился отстоять суверенитет своего княжества. В результате Люблинской унии (1569 г.) ВКЛ и вовсе потеряло свою самостоятельность в результате объединения с Польшей, т. е. став составной частью Речи Посполитой. Даже делопроизводство было переведено исключительно на польский язык. Правда, какие-то артефакты той далекой эпохи депутаты все же попытались использовать для обеспечения суверенитета белорусского государства. В частности, они приняли в качестве герба страны изображение древнего воина-всадника – «Погоню», а в качестве флага бело-красно-белое полотнище. Но, как оказалось, изображение точно такого же вооруженного всадника в качестве герба приняла Литва, причем сделала это намного раньше белорусов. Именно Литва заявила себя правопреемницей Великого княжества Литовского, хотя литовцы составляли в народонаселении этого огромного по территории княжества весьма скромную долю по сравнению с белорусами и русскими. Принятый же флаг напоминал флаг Польши. Впрочем, через два года белорусы на референдуме отказались от герба в виде «Погони» и от бело-красно-белого флага, утвердив в качестве государственных символов принятые в советскую эпоху герб, флаг и гимн, частично изменив рисунок герба и текст гимна, но сохранив при этом его музыку. Это было оправдано. В самом деле, Беларусь как государство, как субъект мирового сообщества, став одним из соучредителей ООН, сформировалась лишь в XX веке, и сформировалась таковым государством именно в рамках СССР. Исходя из этого, граждане Беларуси на референдуме высказались за сохранение государственных символов советской эпохи.

Основная часть. Пятая по счету Конституция Республики

Беларусь [Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь, 1994] была утверждена Верховным Советом Республики Беларусь 15 марта 1994 года, а с 30 марта того же года, после опубликования, она вступила в силу.

Процесс разработки Конституции не был простым – он растянулся чуть ли не на четыре года, если за точку отсчета принять Декларацию Верховного Совета «О государственном суверенитете Белорусской Советской Социалистической Республики» от 27 июля 1990 года.

Сложность решаемой задачи, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что на обсуждение общественности были вынесены три ее проекта, заключалась в том, что, учитывая мнение и умонастроение граждан, подавляющее большинство депутатов Верховного Совета (эволюционисты) считали необходимым сохранить в Беларуси социалистическую политическую систему и имеющиеся на тот момент государственные институты, лишь частично их модернизировав, и по этой причине отстаивали действующую Конституцию 1978 года [Канстытуцыя, 1978]. И в самом деле граждане Беларуси в 1990-е годы были противниками капиталистического строя [Беларусь в условиях глобальной социодинамики: философский анализ, 2022; 95] (Прим. 1).

Вторая часть депутатского корпуса (радикалы) решительно выступала против Конституции 1978 года, представляющей собой правовую основу социалистического строя, и ратовала за европейский путь развития, т.е. за капитализм.

В результате продолжительных дискуссий депутаты согласились с необходимостью учреждения института Главы государства (Президента), разделения законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти. Но тут же развернулись дебаты относительно баланса указанных ветвей власти и полномочий Президента.

В процессе разработки Основного закона депутаты скрупулезно анализировали конституции и политическую практику европейских государств и США, проект Конституции Российской Федерации 1993 года, но при этом все же недостаточно, на наш взгляд, учитывали национальный государственно-управленческий опыт, а главное – масштабность и сложность задач, связанных с переводом страны на новую экономическую и политическую модель, что в дальнейшем послужило основанием для серьезной корректировки только что принятой Конституции.

Конституция 1994 года выстроена в целом на демократической платформе: вопросам взаимоотношения личности, общества и государства в ней посвящен отдельный раздел. В плане политической системы Республика Беларусь представлена как «унитарное демократическое социальное правовое государство» (ст. 1), в котором «человек является наивысшей ценностью общества и государства» (ст. 2), а демократия «осуществляется на основе многообразия политических институтов, идеологий и взглядов» (ст. 4). При этом «Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства» (ст. 8).

Радикальным изменениям была подвергнута экономическая система государства. Конституция 1978 года определяла, что «основу экономической системы Белорусской ССР составляет социалистическая собственность на средства производства в форме государственной (общенародной) и колхозно-кооперативной собственности» (ст. 10). Тринадцатая статья принятой Конституции утверждала: «Государство предоставляет всем равные права для осуществления хозяйственной и иной деятельности, кроме запрещенной законом, и гарантирует равную защиту и равные условия для развития всех форм собственности» (ст. 13). В дальнейшем, с учетом поправок, данная статья обрела следующую формулировку: «Собственность может быть государственной и частной» (ст. 13).

Следует отметить, что в выстроенной на демократической платформе Конституции приоритет был отдан парламенту – Верховному Совету Республики Беларусь. Но в переходный период требовалась концентрация власти, т.е. необходимо было отдать приоритет исполнительной власти, поскольку именно на нее ложилась задача оперативно решать постоянно возникающие острые социальные проблемы переходного этапа. Полномочий же для этого она не имела.

Отдельные просчеты Конституции 1994 года, ведущие к разбалансированности политической системы, противостоянию законодательной и исполнительной ветвей власти, обнаружилась вскоре после ее принятия. Поэтому встала задача ее доработки, на что ушло более двух лет.

Для всенародного обсуждения 31 августа 1996 года в печати был опубликован проект Конституции Республики Беларусь 1994

года с изменениями и дополнениями Главы государства. Был опубликован также проект Конституции Республики Беларусь 1994 года с изменениями и дополнениями, предложенными депутатами Верховного Совета от фракций партии коммунистов Беларуси и аграрной партии.

24 ноября 1996 года на республиканском референдуме была принята Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями), предложенными Главой государства [Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь 1994 года (са змяненнямі і дапаўненнямі), 1997]. К наиболее существенным изменениям Конституции 1994 года можно отнести следующие.

Прежде всего был упразднен имевший место законодательный институт – Верховный совет Республики Беларусь. Представительным и законодательным органом Республики Беларусь определен парламент – Национальное собрание Республики Беларусь, состоящий из двух палат – Палаты представителей и Совета Республики.

В Конституцию был включен специальный раздел, четвертый по счету, регламентирующий и строго разграничивающий полномочия Президента, парламента, правительства и суда. При этом значительно усилена исполнительная ветвь власти, в результате чего Президент как Глава государства получил право назначать республиканские референдумы, очередные и внеочередные выборы в Палату представителей, Совет Республики и местные представительные органы; распускать палаты в случаях и в порядке, предусмотренных Конституцией; с согласия Палаты представителей назначать на должность Премьер-министра; с согласия Совета Республики назначать на должность Председателя Конституционного Суда, Председателя Верховного Суда, Председателя Высшего Хозяйственного Суда из числа судей этих судов; с согласия Совета Республики назначать на должность судей Верховного Суда, судей Высшего Хозяйственного Суда, Председателя Центральной комиссии по выборам и проведению республиканских референдумов, Генерального прокурора, Председателя и членов Правления Национального банка; освобождать от должности Председателя и судей Конституционного Суда, Председателя и судей Верховного Суда, Председателя и судей Высшего Хозяйственного Суда, Председателя и членов Центральной комиссии по выборам и проведению республиканских

референдумов, Генерального прокурора, Председателя и членов Правления Национального банка по основаниям, предусмотренным законом, с уведомлением Совета Республики; назначать на должность и освобождать от должности Председателя Комитета государственного контроля; обращаться с посланиями к народу Республики Беларусь о положении в государстве и об основных направлениях внутренней и внешней политики (ст. 84).

Согласно Конституции, президент является Главнокомандующим Вооруженными Силами Республики Беларусь (ст. 84); издает указы и распоряжения, имеющие обязательную силу на всей территории Республики Беларусь. В случаях, предусмотренных Конституцией, Президент издает декреты, имеющие силу законов. Президент непосредственно или через создаваемые им органы обеспечивает исполнение декретов, указов и распоряжений (ст. 85).

В Конституции были конкретизированы формы собственности, к которым отнесены государственная и частная (ст.13), согласно итогам референдумов 1995 и 1996 гг. в качестве государственных языков определены белорусский и русский (ст. 17), изменена государственная символика, и из Конституции изъято положение, согласно которому «одно и то же лицо может быть президентом не более двух сроков» (ст. 97 Конституции 1994 года).

Жизнь, однако, не стоит на месте, и исходя из социальной практики и возникших общественных запросов в Основной закон снова потребовалось внести определенные изменения. Кампания по изменениям Конституции проводилась в 2020–2021 гг. широко и демократично: в соответствии с резолюцией шестого Всебелорусского народного собрания указом Президента Беларуси от 15 марта 2021 года была создана Конституционная комиссия, в которую вошли юристы, представители государственных органов, различных сфер экономики и общественных объединений, известные деятели науки и культуры. К работе комиссии активно подключились трудовые коллективы, рядовые граждане. В результате на рассмотрение комиссии вынесено несколько тысяч предложений. Все они были проанализированы, многие из них учтены. Таким образом, над изменением Основного закона государства работа велась коллективно.

Подготовленный проект изменений и дополнений Конституции Республики Беларусь 27 декабря 2021 года был вынесен на

всенародное обсуждение, в котором приняли участие трудовые и научные коллективы, отдельные граждане. Всем им опять была предоставлена возможность направлять свои замечания и предложения в Конституционную комиссию.

Конституция была принята на референдуме, состоявшемся 27 февраля 2022 года [Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г., 2024]. Внесенные изменения коснулись многих ее разделов. Отметим отдельные из них.

Прежде всего, в преамбуле конституции закреплены «устойчивое правовое государство и социально справедливое общество», неотъемлемое право «на самоопределение, сохранение национальной самобытности и суверенитета» [Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г., 2024]; 3]. Тем самым закреплена *социальная ориентированность* белорусского государства. Более того, сделан акцент на *социально справедливом* обществе.

Принципиально важное значение имеет принятое дополнение к седьмой статье: «Конституция имеет высшую юридическую силу и прямое действие на всей территории Республики Беларусь. Иные правовые акты издаются на основе и в соответствии с Конституцией» [ст. 7]. Это дополнение ограждает белорусское государство от какого бы то ни было вмешательства извне, вмешательства в его внутренние дела других государств, с чем оно постоянно сталкивается, начиная с 1990-х годов.

Согласно изменениям, значительная часть полномочий Главы государства передана другим институтам, в том числе новому институту – *Всебелорусскому народному собранию* как высшему представительному органу народовластия Республики Беларусь, определяющему стратегические направления развития общества и государства, обеспечивающему незыблемость конституционного строя, преемственность поколений и гражданское согласие. Новому институту в Конституции посвящена отдельная глава, в которой определены его полномочия. При этом пребывание на посту Президента ограничено двумя сроками.

Пятнадцатая статья дополнена положением «Государство обеспечивает сохранение исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой

Отечественной войны» [ст. 15]. Дополнение очень важное, поскольку в последние годы для западных политиков и средств массовой информации стало обыденным явлением подача фальсифицированной картины той войны, сознательное принижение роли советской армии в освобождении Европы от фашизма, в рядах которой совместно сражались русские, белорусы, азербайджанцы, грузины, казахи, узбеки, туркмены и другие этносы многонационального государства, каким был СССР, а также принижение роли мощного партизанского движения в Беларуси. Исканная картина Второй мировой войны, активно навязываемые Западом белорусской молодежи через различные образовательные программы, семинары и т.п., в конечном счете, являются базой идеологического противостояния в белорусском обществе. Как показали события осени 2020 года, студенческая молодежь активно участвовала в протестном движении, чему в немалой степени способствовало их мировидение, сформированное посредством соответствующих политтехнологий, активно задействованных Западом.

Двадцать первая статья дополнена положением «Каждый должен проявлять социальную ответственность, вносить посильный вклад в развитие общества и государства» [ст. 21]. Это тоже очень важное дополнение, поскольку в прежнем варианте конституции акцент был сделан на *обеспечение прав граждан*, но не была зафиксирована их *ответственность* перед обществом и государством. Данное положение можно рассматривать как ответную реакцию граждан на индивидуализм, получивший широкое распространение в мировоззренческих установках молодежи, и как поворот к коллективизму, имевшему место в советскую эпоху.

Претерпела существенные изменения тридцать вторая статья, посвященная браку. Во-первых, определен институт брака как «союз женщины и мужчины» [ст. 32], во-вторых, в качестве обязанностей для родителей или лиц, их заменяющих, вменена обязанность не только «воспитывать детей, заботиться об их здоровье, развитии и обучении», но и обязанность их «готовить к общественно полезному труду, прививать культуру и уважение к законам, историческим и национальным традициям Беларуси» [ст. 32]. Закрепление института брака в виде «союза женщины и мужчины» имеет особое значение, поскольку этот исторически сложившийся институт в современных

условиях подвергается дискриминации и находится на краю пропасти.

Тридцать шестая статья, касающаяся права граждан на свободу объединений, дополнена следующим положением «Граждане для осуществления и удовлетворения политических, социальных, экономических, культурных и иных интересов имеют право на создание политических партий и других общественных объединений, участие в их деятельности. Политические партии и другие общественные объединения создаются и действуют в соответствии с законом» [ст. 36].

Сорок пятая статья сохранила гарантию права граждан Республики Беларусь «на охрану здоровья, включая бесплатное лечение за счет государственных средств в порядке, установленном законом» [ст. 45]. Но при этом статья дополнена положением, согласно которому «Граждане заботятся о сохранении собственного здоровья» [ст. 45].

Пятьдесят четвертая статья, утверждающая обязанности граждан «беречь историко-культурное, духовное наследие и другие национальные ценности» [ст. 54], дополнена важным в идеологическом плане положением: «Сохранение исторической памяти о героическом прошлом белорусского народа, патриотизм являются долгом каждого гражданина Республики Беларусь» [ст. 54].

Семидесятая статья, посвященная правовым вопросам подготовки и проведения выборов, дополнена положением, согласно которому «запрещается финансирование расходов на подготовку и проведение выборов иностранными государствами и организациями, иностранными гражданами, а также в других случаях, предусмотренных законом» [ст. 70].

Фактически заново сформулирована семьдесят первая статья, в которой речь идет об избирательных комиссиях. В ней указано, что «председатель и члены Центральной избирательной комиссии избираются на пять лет и освобождаются от должности Всебелорусским народным собранием» [ст. 71].

Уточнена также семьдесят четвертая статья о республиканских референдумах. В частности, право инициировать проведение референдума обрело Всебелорусское народное собрание [ст. 74].

Значительные изменения претерпел раздел IV конституции, посвященный президенту, парламенту, правительству и суду.

Во-первых, изменен возрастной ценз кандидатов на должность

президента. Согласно внесенным поправкам в конституцию, «президентом может быть избран гражданин Республики Беларусь по рождению, не моложе 40 лет, обладающий избирательным правом, постоянно проживающий в Республике Беларусь не менее 20 лет непосредственно перед выборами, не имеющий и не имевший ранее гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа иностранного государства, дающего право на льготы и другие преимущества» [ст. 80]. По действовавшей до 30 марта 2022 года Конституции возрастной ценз кандидата в президенты составлял 35 лет, а срок проживания в Беларуси непосредственно перед выборами составлял 10 лет. Помимо этого, не оговаривалось гражданство иностранного государства кандидата в президенты. Восемьдесят первая статья устанавливает, что «одно и то же лицо может быть Президентом не более двух сроков» [ст. 81].

Восемьдесят четвертой статьей конституции предусмотрены существенные изменения полномочий Президента. Многие полномочия, которыми он обладал ранее, исключены.

Существенные изменения претерпела восемьдесят восьмая статья. Она дополнена следующим положением: «Президент может быть смещен с должности Всебелорусским народным собранием в случае систематического или грубого нарушения Президентом Конституции либо совершения государственной измены или иного тяжкого преступления» [ст. 88].

Конституция дополнена статьей 88¹, согласно которой «В случае вакансии должности Президента или невозможности исполнения им своих обязанностей по основаниям, предусмотренным Конституцией, его полномочия до принесения Присяги вновь избранным Президентом переходят к Председателю Совета Республики» [ст. 88¹]. Полностью изменено содержание восемьдесят девятой статьи. Она гласит: «Президент обладает неприкосновенностью, его честь и достоинство охраняются законом» [ст. 89].

В четвертый раздел принятой Конституции введена новая глава 3¹, в которой прописаны функции созданного нового высшего представительного органа народовластия – Всебелорусского народного собрания, наделенного большими полномочиями.

В связи с ограничением полномочий президента двумя сроками изменена девяносто первая статья. Она дополнена следующим

положением: «Членом Совета Республики пожизненно с его согласия является Президент Республики Беларусь, прекративший исполнение своих полномочий в связи с истечением срока его пребывания в должности либо досрочно в случае его отставки» [ст. 91].

Конституцией продлен срок полномочий парламента с четырех до пяти лет. Значительно усилены полномочия парламента – Палаты представителей и Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь. Так, согласно девяносто седьмой статье, палата представителей «рассматривает проекты законов о республиканском бюджете и об утверждении отчета о его исполнении»; «дает предварительное согласие Президенту на назначение на должность Премьер-министра»; «ежегодно заслушивает информацию Генерального прокурора, Председателя Комитета государственного контроля и Председателя Правления Национального банка о результатах их деятельности» [ст. 97]. Совет Республики «дает предварительное согласие Президенту на назначение на должность и освобождение от должности Генерального прокурора, Председателя Комитета государственного контроля, Председателя и членов Правления Национального банка»; «ежегодно заслушивает информацию Генерального прокурора, Председателя Комитета государственного контроля и Председателя Правления Национального банка о результатах их деятельности» [ст. 98].

Внесены также изменения в статьи, касающиеся суда. В частности, введена статья 112¹, согласно которой «Верховный Суд возглавляет систему судов общей юрисдикции и является высшим судебным органом, который осуществляет правосудие посредством гражданского, уголовного и иных форм судопроизводства, предусмотренных законом» [112¹].

Изменено содержание сто шестнадцатой статьи о Конституционном суде. Он «формируется в количестве 12 судей из высококвалифицированных специалистов в области права, имеющих, как правило, ученую степень. Председатель, заместитель председателя и судьи Конституционного суда избираются и освобождаются от должности Всебелорусским народным собранием. Судьи Конституционного Суда избираются на 11 лет» [ст. 116].

Помимо этого, введена новая статья 116¹, согласно которой «Конституционный Суд по предложениям Президента, Президиума

Всебелорусского народного собрания, Палаты представителей, Совета Республики, Верховного Суда, Совета Министров дает заключения: о толковании Конституции; о соответствии Конституции законов, указов Президента, постановлений Совета Министров, нормативных правовых актов других государственных органов» и др. [116¹].

Фактически полностью переделан раздел IX – Заключительные и переходные положения.

Еще раз хотелось бы отметить то, что граждане Беларуси не остались равнодушными к этому важному историческому событию – изменению основного закона страны. Они постоянно интересовались работой Конституционной комиссии, выносили на ее рассмотрение конкретные предложения по волнующим их проблемам, принимали участие в дискуссиях, выступали в средствах массовой информации.

Согласно данным Центральной избирательной комиссии, в голосовании на республиканском референдуме по вопросу внесения изменений и дополнений в Конституцию Республики, проведенном 27 февраля 2022 года, приняли участие 5 359 403 человека или 78,63% от общего списка граждан, которые имеют право участвовать в референдуме. За принятие изменений и дополнений Конституции проголосовали 4 440 830 граждан, что составило 82,86% голосовавших, или 65,16% от внесенных в списки для голосования. Против одобрения вынесенного на референдум вопроса высказались 684 946 человек, т. е. 12,78% участников референдума. Недействительными признаны 4,36% бюллетеней [ЦИК утвердил итоги референдума, 2022].

В соответствии с принятой Конституцией парламентом последние три года велась активная разработка конкретных законодательных актов. Нужно отметить слаженную работу всех ветвей власти и ее позитивные результаты, что, в свою очередь, придает уверенность белорусским гражданам в своем будущем в это непростое и беспокойное время.

Выводы. Активное формирование новых государственных институтов в Беларуси началось в 1990-е годы. Оно было связано с двумя обстоятельствами – обретением страной суверенитета и постепенным переходом от плановой (социалистической) к рыночной (капиталистической) экономике. Поскольку все государственные институты базируются на Основном законе

(Конституции), то именно данному документу, определяющему жизненные устои граждан и их будущее, уделялось в переходный период главное внимание. Разработанная парламентариями, юристами, обществоведами с учетом национальных устоев, социальной практики, согласованная с мнением граждан и одобренная ими в процессе всенародного обсуждения и проведенного референдума Конституция и стала тем документом, который на протяжении последних 35 лет охранял жизнь и безопасность белорусских граждан.

Литература и примечания:

Беларусь в условиях глобальной социодинамики: философский анализ / под общ. ред. Т.И. Адуло. Минск : Беларуская навука, 2022, 408 с.

Канстытуцыя (асноўны закон) Беларускай савецкай сацыялістычнай рэспублікі : Прынята на нечарговай дзевятай сесіі Вярхоўнага Савета БССР дзевятага склікання 14 красавіка 1978 года. – URL: http://www.pravo.by/lawhistory/konst_1978.htm (дата обращения: 03.01.2022).

Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь. Прынята на трынаццатай сесіі Вярхоўнага савета Рэспублікі Беларусь дванаццатага склікання 15 сакавіка 1994 года. Мінск: “Полымя”, 1994, 30 с.

Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь 1994 года (са змяненнямі і дапаўненнямі). Прынята на рэспубліканскім рэферэндуме 24 лістапада 1996 года. Мінск: “Беларусь”, 1997, 94 с.

Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г.). Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2024, 80 с.

Смехович Н. История Руси в историографии и истории IX–X вв. // Наука и инновации. 2025. № 1, 68–73 с.с.

ЦИК утвердил итоги референдума: за изменение Конституции высказались 82,86% участников голосования. – URL: <https://www.belta.by/society/view/tsik-utverdil-itogi-referenduma-za-izmenenie-konstitutsii-vyskazalis-8286-uchastnikov-golosovaniya-488321-2022/> (дата обращения: 04.05.2022).

Прим. 1: В 2004 – 2006 гг. под руководством автора данной статьи был выполнен международный проект БРФФИ – РГНФ «Проблемы социальной консолидации общества в процессе

глобализации (сравнительный анализ на материалах России и Беларуси)», в рамках которого проведено конкретное социологическое исследование (опрошено по республиканской выборке 1162 респондента). В результате получена адекватная картина реального состояния социальной консолидации общества в России и Беларуси на том этапе исторического развития, проведен социологический и политологический анализ условий и факторов, способствующих консолидации общества, выявлены предпосылки и основные факторы формирования социальной консолидации в контексте функционирующих социально-политических и духовно-нравственных систем ценностей, изучен мировой опыт в обеспечении социальной консолидации и пути его адаптации к белорусско-российским реалиям. Результаты социологического исследования показали, что даже в 2004 году, когда Беларусь фактически была уже переведена на рыночный путь развития, только 23,5 % ее граждан ратовали за капиталистическую систему, а в 1996 году сторонников этой системы было еще меньше – лишь 16,8 % граждан. Поэтому только эволюционный путь перевода народнохозяйственного комплекса Беларуси на рыночный путь, а именно на него была сделана правительством ставка, позволил ей избежать социальных потрясений [Беларусь в условиях глобальной социодинамики: философский анализ / под общ. ред. Т.И. Адуло. Минск : Беларуская навука, 2022; 95].

References:

Belarus' v usloviyakh global'noy sotsiodinamiki: filosofskiy analiz / pod obshch. red. T.I. Adulo. [Belarus in the context of global sociodynamics: philosophical analysis / edited by. ed. T.I. Adulo]. Minsk : Belaruskaya nauka, 2022, 408 s.

Kanstyutsiya (asnoŭnyy zakon) Belarusskaya sovetskaya satsyyalisticheskaya respublika: Prinyata na necharovatel'nyu dnevnyu sessiyu Verkhovnogo Soveta BSSR 1978 goda. [The Constitution (Basic Law) of the Byelorussian Soviet Socialist Republic: Adopted at the extraordinary ninth session of the Supreme Council of the BSSR of the ninth convocation on April 14, 1978]. – URL: http://www.pravo.by/lawhistory/konst_1978.htm (data obrashcheniya: 03.01.2022).

Kanstyutskaya Respublika Belarus'. Prinyata na trinadtsatuyu sessiyu Velikogo sobraniya Republiki Belarus' dva goda nazad 15

sentyabrya 1994 goda. [The Constitution of the Republic of Belarus. Adopted at the thirteenth session of the Supreme Council of the Republic of Belarus of the twelfth convocation on March 13, 1994]. Minsk: «Polymya», 1994, 30 s.

Kantytutsiya Respublik Belarus' 1994 goda (so zmeyennymi i davnimi). Prinyata na respublikanskom referendume 24 listapada 1996 goda. [The Constitution of the Republic of Belarus of 1994 (with amendments and additions). Adopted at the republican referendum on November 24, 1996]. Minsk: «Belarus'», 1997, 94 s.

Konstitutsiya Respubliki Belarus': s izm. i dop., sovershennymi na resp. referendumakh 24 noyabrya. 1996 g., 17 okt. 2004 g. i 27 fevr. 2022 g.). [The Constitution of the Republic of Belarus: with amendments and additions adopted at the Republican referendums on November 24, 1996, October 17, 2004 and February 27, 2022]. Minsk: Natsional'nyy tsentr rassmotreniya informatsii Respubliki Belarus', 2024, 80 s.

Smekhovich N. Istoriya Rusi v istoriografii i istorii IX–X vv. [History of Rus' in the historiography and history of the 9th–10th centuries]. // Nauka i innovatsii. 2025. № 1, 68–73 s.s.

Tsentral'naya izbiratel'naya komissiya utverdila rezultaty referendum: 82,86% izbirateley progolosovali za vneseniye izmeneniy v Konstitutsiyu. [The Central Election Commission approved the results of the referendum: 82.86% of voters voted in favor of amending the Constitution]. – URL: <https://www.belta.by/society/view/tsik-utverdili-togi-referenduma-za-izmenenie-konstitutsii-vyskazalis-8286-uchastnikov-golosovaniya-488321-2022/> (data obrashcheniya: 04.05.2022).

Tursun Qabitov,
Fəlsəfə doktoru, professor
Qazax Milli Universiteti əl-Fərabî adına,
Almatı, Qazaxıstan,
Tel.: +77081102965,
E-mail: tursungabitov@mail.ru
Hirsch İndeksi-2,
Scopus - 56177049600-də müəllif identifikatoru;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1330-1799>

Yasemin Bazarbay,
əl-Fərabî adına Qazax Milli Universitetinin aspirantı,
Almatı, Qazaxıstan,
Tel.: +77472620378,
E-mail: jbazarbay@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-8723-9359>

RUSIYA VƏ ASIYANIN ƏNƏNƏVİ SİVİLİZASIYALARI KONTEKSTİNDƏ QAZAX MƏDƏNİYYƏTİ: MULTİKULTURALİZMİN MƏNŞƏYİ

Xülasə

Məqalədə tədqiqat mövzusunun aktuallığı Avrasiya sivilizasiya məkanında qazax mədəniyyətinin yeri və rolunu müəyyənləşdirməklə bağlıdır.

Məqalənin əsas məqsədi. Qloballaşma və lokallaşma şəraitində Qazaxıstan Respublikasının sosiomədəni inkişad modelləri arasında seçimimi nəzərdən keçirməkdir.

Mövzunun araşdırılma dərəcəsi. Məqalənin sonunda bibliografiyaya baxın.

Metodlar və metodologiya. Tədqiqatda tarixi-müqayisəli təhlil və struktur-funksional yanaşmadan istifadə edilir.

Elmi yenilik. Qazax mədəniyyəti köçəri, islam, rus, Mərkəzi Asiya və Şərqi Asiya sivilizasiyalarının qarşılıqlı təsiri kontekstində təyin olunur. Məqalədə Mərkəzi Asiyanın postsovet dövlətlərinin formalaşmasında mədəni faktorların rolu təhlil edilir.

Nəticələr. Postsovet ölkələrin mədəni muxtariyyət iddiaları fərqli

reaksiyalar doğurur; çoxları bu iddianı əsassız hesab edir. Bu cür yanaşma çox vaxt muxtariyyətin yeni “iddiaçıları”na aid məhdud resurslara əsaslanır. Ancaq daha yaxından araşdırsaq, postsovet ölkələri elitalarının istifadə etmək istədikləri mədəni irs və simvolların daha geniş sivilizasiya məkanının hissəsi olması üzə çıxır. Bununla belə, bu kimi cəhdlər ağalabatan görünməsə də, onlar tam əsalıdır. Əvvəla, müasir dünya siyasi sistemi bütün dövlətlərin məcmusunu təmsil edir. Dövlətlər muxtar vahidlər kimi nəzərdən keçirilir. Yəni, onlar hakimiyyət subyekti və ya hakimiyyətin toplandığı mərkəzlərdir. Dəqiqləşdirək ki, söhbət sadəcə hərbi-siyasi və iqtisadi gücdən yox, həm də mədəni gücdən gedir. Bu səbədən dövlətlərin özlərini vahid millət kimi təqdim etmək cəhdlərinə haqq qazandırmaq olar. Bu strategiya bizə inkişaf stimulu verir. Digər tərəfdən, bu kimi cəhdləri özünütəsdiq, hətta intiqam vasitəsi kimi görmək mümkündür. Bura 1970-ci illərin əvvəllərində postkolonializm adlanan diskursun inanılmaz populyarlığını da əlavə edə bilərik. Başqa sözlə desək, öz kirlətilmiş özünəməxsusluğunu bərpa etmək iddiasından çıxış edən postsovet dövlətləri əslində sadəcə dünya birliyinin təyin etdiyi qaydalarla oynayır. Onların millətçiliyi isə transmilli siyasi imperativlərə tabe olmaqdan başqa bir şey deyil.

Açar sözlər: etnomədəni, multikulturalizm, identifikasiya, qloballaşma, lokalizasiya, Türk Dünyası, gettoizm, postkolonializm.

UDC - 323

Tursun Gabitov

Doctor of Philosophy,

Professor at Al-Farabi Kazakh National University,

Almaty, Kazakhstan,

Tel.: +77081102965,

E-mail: tursungabitov@mail.ru

Hirsch Index - 2,

Scopus Author ID - 56177049600;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1330-1799>

Zhasmin Bazarbay

PhD Student at Al-Farabi Kazakh National University,

Almaty, Kazakhstan,

Tel.: +77472620378,

E-mail: jbazarbay@gmail.com

KAZAKH CULTURE IN THE CONTEXT OF THE TRADITIONAL CIVILIZATIONS OF RUSSIA AND ASIA: THE ORIGINS OF MULTICULTURALISM

Abstract

In the article, *the relevance of the research* topic is related to the definition of the place and role of Kazakh culture in the Eurasian civilizational space.

The main purpose of the article is to consider the choice of models of socio-cultural development of the Republic of Kazakhstan in the context of globalization and localization.

The degree of development of the problem. See the bibliography at the end of the article.

Methods and methodology. The study uses comparative historical analysis and a structural and functional approach.

Scientific novelty. Kazakh culture is identified in the context of its interaction with nomadic, Islamic, Russian, Central Asian and East Asian civilizations. The article analyzes the role of cultural factors in the formation of the new post-Soviet states of Central Asia.

Conclusions. The claims of the post-Soviet states to cultural sovereignty provoke different reactions; many find them unfounded. This assessment is usually based on the modest resources available to new "pretenders" to sovereignty. However, upon closer examination, it turned out that the cultural heritage and symbols that the elites of the post-Soviet states would like to use as national ones turned out to be a part of a broader civilizational space. Nevertheless, despite all the seeming irrationality of such efforts, they are well-founded. First, the modern global political system is a totality of all states. States are considered as sovereign units, which are places of power or so-called receptacles of power. Let's clarify that we are talking not only about military, political and economic power, but also about cultural power. So the attempts of states to position themselves as homogeneous nations are fully justified. This strategy gives them the opportunity to improve. On the other hand, these efforts are seen as a quest for self-affirmation and, if you will, revenge. To this can be added the extraordinary popularity that the discourse on so-called postcolonialism gained in the early 1970s. In other words, while claiming to restore their allegedly violated authenticity, the

post-Soviet states are only playing by the rules set by the international community, and their nationalism is nothing more than subordination to transnational political imperatives.

Keywords: ethnoculture, multiculturalism, identification, globalization, localization, the Turkic world, ghettoization, postcolonialism.

УДК -323

Турсун Габитов,

Доктор философии, профессор
Казахского национального университета
имени Аль-Фараби, Алматы, Казахстан,
Tel.: +77081102965,

E-mail: tursungabitov@mail.ru

Индекс Хирша - 2,

Идентификатор автора в Scopus - 56177049600;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1330-1799>

Жасмин Базарбай

аспирант Казахского национального университета
имени Аль-Фараби, Алматы, Казахстан,
Tel.: +77472620378,

E-mail: jbazarbay@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-8723-9359>

КАЗАХСКАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИОННЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ РОССИИ И АЗИИ: ИСТОКИ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

Резюме

В статье *актуальность темы исследования* связана с определением места и роли казахской культуры в евразийском цивилизационном пространстве.

Основная цель статьи - рассмотреть выбор моделей социокультурного развития Республики Казахстан в условиях глобализации и локализации.

Степень разработанности проблемы. См. библиографию в конце статьи.

Методы и методология. В исследовании использованы сравнительно-исторический анализ и структурно-функциональный подход.

Научная новизна. Казахская культура идентифицируется в контексте ее взаимодействия с кочевой, исламской, русской, центральноазиатской и восточноазиатской цивилизациями. В статье анализируется роль культурных факторов в становлении новых постсоветских государств Центральной Азии.

Выводы. Претензии постсоветских государств на культурный суверенитет вызывают различную реакцию; многие находят их необоснованными. Эта оценка обычно основывается на скромных ресурсах, имеющихся в распоряжении новых «претендентов» на суверенитет. Однако при ближайшем рассмотрении оказалось, что культурное наследие и символы, которые элиты постсоветских государств хотели бы использовать в качестве национальных, оказались частью более широкого цивилизационного пространства. Тем не менее, несмотря на всю кажущуюся нерациональность подобных усилий, они вполне обоснованы. Во-первых, современная мировая политическая система представляет собой совокупность всех государств. Государства рассматриваются как суверенные единицы, которые являются местами власти или так называемыми вместилищами власти. Уточним, что речь идет не только о военно-политической и экономической мощи, но и о культурной мощи. Так что попытки государств позиционировать себя как однородные нации вполне оправданы. Эта стратегия дает им возможность совершенствоваться. С другой стороны, эти усилия рассматриваются как стремление к самоутверждению и, если хотите, мести. К этому можно добавить необычайную популярность, которую в начале 1970-х годов приобрел дискурс о так называемом постколониализме. Иными словами, претендуя на восстановление своей якобы поруганной аутентичности, постсоветские государства лишь играют по правилам, установленным мировым сообществом, а их национализм есть не что иное, как подчинение транснациональным политическим императивам.

Ключевые слова: этнокультура, мультикультурализм, идентификация, глобализация, локализация, тюркский мир, геттоизация, постколониализм.

For a better understanding of the specifics of Russian culture and determining its place in supercivilization Asia it is appropriate to apply the comparative (comparative linguistics) method of the analysis of the socio-cultural phenomena. In the culture of the late twentieth century, comparative linguistics is one of the main methods of analysis of cultures and civilizations. For clarity, we present comparative classification of cultural-historical types Asia and Eurasia Korean scientists GA Yugay and M.N. Pak:

THE PRINCIPLES OF DIALOGUE AND SYNTHESIS OF CULTURES	TYPES OF CULTURES
1. Sustainable synthesis, leading to stagnation of cultures 2. Maximum openness in terms of spirituality and closeness in ethnic terms. Flexible synthesis and its lessons. 3. Excessive openness to the detriment of their national traditions in culture 5. The sufficiency of great cultures of China and	Tibetan culture as a fusion of Chinese and Indian cultures. Byzantine culture as a synthesis world average of East and West. The Soviet multinational culture. Japanese culture Shinto, based on the cult of the gods and ancestors at the national traditions were integrated with mysticism of Zen Buddhism and Western rationalism in science and technology. The number of translated literature, the country is on the first place. Japanese culture is compared with Actinia resembling a flower. Its petals open, capturing preys, and then closes until the prey is not fully digested. Approximately on the same principle of developing Jewish, Armenian and Korean culture. They all share the maximum spiritual openness to the cordon at the same time, the national identity in ethnic terms. Javanese and Indonesian culture, excessive prototype which resulted in the ousting of Buddhism, shaivism, Islam, Western culture. Western development, superimposed on marginal Eastern culture, plunged the country into total chaos. These cultures, not meeting worthy

India 6. East-West: dialogue or Westernization? 7. Runaway from yourself, shy and at the same time, a great and self-destructive culture and civilization of Russia	opponents, reached an absolute assimilation of foreign cultures. It should be the fate of the former Chinese Jews in medieval China. Some of them were promoted to generals and Ministers. In more recent times, the Jews are the result of mixed marriages has gradually merged with larger Chinese ethnic communities. Western culture, which had a huge influence on the whole world civilization. However, the Westernization of the world was limited to only create the intellectual and technical framework for the dialogue of cultures. Therefore technically and economically powerful West, especially the US, for some time now imports the spiritual mysticism of the East, Zen from Japan, krishnaism from India, Sufism from Iran, etc. In the world there is no such solid and deep in his spirituality culture, Russian. These traits accumulated in the Russian idea of spirituality of unity, humanity and non-violence. This culture is so highly moral and mystical that strange and mysterious even for Russians, who are used historically to learn from West to mind and reason, not knowing this, what is more important is the combination of mind and heart than heartless mind that can do a lot of trouble in the world [Pack M.S., Yugay G.A. New Eurasian concept of Russian civilization (philosophical aspect), 1993].

One of the ideas, which were united by cultural and social processes in Russia and Kazakhstan, is a socio-cultural concept of "Eurasism". It should be noted that the "Eurasian" the idea is widespread in independent Kazakhstan. On this topic several protected dissertations (E. Saadanbekov, R. Abdrahmanova, N. Arshabekov, N. Kurmanbayeva and others). Since the 20-ies of our century, he (the Eurasian type of culture) animatedly discussed the largest representatives of the Russian Diaspora, who are in a neutral position of Russia between Europe and Asia saw a defining moment of her spirituality. Prince S. Trubetskoy was even written about Turan element in Russian culture and pan-Russian

nationalism.

We can identify the following socio-political Foundation of ideas "Eurasism". First, this idea has emerged as the realization of the difference of Russia from Europe, in the broad sense - Orthodox civilization from Western Christian. In the Western thinking Russia is often not belong to Europe, which borders do not end the Ural Mountains, and somewhere in the region of the Carpathians. For example, F. Nietzsche claimed that after Petrine Russia is a huge middle Kingdom, where Europe seems to revert to Asia. There are real grounds for such allegations, because Europe and Asia are United continent and Russia occupies its Hartland (mid). From this point of view, Eurasia appears before us as a Russian-led special cultural world, internally and firmly United in endlessly and often, of seemingly contradictory the variety of its manifestations. Eurasia - Russia, developing a kind of culture identity. It likes other long-term cultural unity that will tailor each mankind, showing its unity in the mutual convertibility with them, and therefore exercise their human, "historical mission. From this position, Russia is a special world. The fate of the world in the main and most important proceed separately from the fate of the countries to the West of it (Europe), and South and the East (Asia). Special world, this should be called Eurasia. The Nations and the people living within the boundaries of this world, are able to achieve such a degree of mutual understanding and such forms of brotherly coexistence that are difficult for them against the peoples of Europe and Asia.

The main provisions of the socio-cultural Eurasian ideas are the main representatives of the Prince N.S. Trubetskoy, P. Savitsky and L.N. Gumilev is reduced to the following points:

- It is necessary to overcome the extremes, as nationalism and cosmopolitanism. Civilization is the highest good, in whose name we should sacrifice national peculiarities is the principle of cosmopolitanism by N.Trubetskoy. The culture with which they are presented under the guise of human civilization, in fact there is a culture only certain ethnic groups Romanic and Germanic peoples. Cultural state of the European people is less favorable conditions than the natural health of Europeans. Europeanization dismembers the ethnic unity of the people, who are constantly exposed to marginalization, "the people who borrowed someone else's culture distinction between "fathers and children" will always be stronger than nations with homogeneous national culture". Acculturation leads peoples to the isolation of the elite culture from

people, Westernization first covers social tops and urban residents. Such a "cultured", "civilized" people deprived first economic, and then political independence, turns into an ethnographic material (compare with modern situation in CIS countries).

- The future of Russian culture in new Eurasianism representing flexible synthesis of Russian culture with multinational cultures in Russia and in the CIS framework. And this is not an attempt resuscitation of the USSR. L.N. Gumilev wrote: "This continent (Eurasia) for historically foreseeable period teamed up three times. First, he joined the Turks, who created an Empire that covered the earth from the Yellow Sea to the Black Sea. Replaced the Turks, Mongols came from Siberia, after a period of complete collapse and disintegration of the initiative took over Russia: from the XV century, the Russians moved to the East, and went to the Pacific. New power spoke thus, "the successor of the Turkic Kaganate and the Mongol ulus" [Gumilev L.N. From the history of Eurasia, 2001].

L.N. Gumilev makes a very good point to some culturologists Russia: "it is Time to stop to consider the ancient peoples of Siberia and Central Asia only as neighbors of China or Iran. Uniting Eurasia traditionally opposed the West - Catholic Europe, the far East - China, on the South - Muslim world (with position of Russian culture). With the noosphere positions justifies the Eurasian idea T.V. Vernadsky. From his point of view, there is no natural border between European and Asian Russia. "Consequently, no two Russian "European" and "Asian". There's only one Russia Eurasian or Russia Eurasia" [Gumilev L. In search of the fictional Kingdom, 1992].

Eurasian idea has been widely discussed in the modern philosophical and other thoughts CIS countries. You can meet the different positions on this issue. Nationalist-oriented leaders tried to disown the Eurasian idea, arguing for the insult to the Russian people the idea of the unity of cultures "metropolis" and "foreigners" to which they belong Turkic-Caucasian peoples (for example, the magazine "Russian Bulletin", articles N. Guseva). Disapprovingly were met by this establishment books O. Suleimenov "AZ I IA" and A. Murat "Wormwood Polovtsian field". The rejection of the Eurasian idea is often covered allegations of pan-Islamic and pan-Turkic threat.

Before to comment further on the basis of the Eurasian idea, consider the popular theory is the teaching of S. Huntington's clash of civilizations. According to this teaching, the border areas of different

civilizations are the likely sources of instability and conflict. Kazakhstan on its geo-cultural space is located between the Confucian and Orthodox civilizations. It is known, however, that compared to some CIS countries, and Kazakhstan is a strong socio-political stability and harmony. This can be explained by many factors. A significant role among them is played and cultural factor. In our opinion, to defining the internal situation in the modern Republic of Kazakhstan significant and extensive group includes representatives of the Eurasian mentality.

Russian influence in Kazakhstan is connected not only with residence in the Republic of large Slavic group (according to the latest data 23-26% of the total population of the Republic), but also to the fact that the Kazakh people for a long time was in citizenship of Russia. The existence of close for several centuries, in the cultural structure of the Kazakh people have been some changes. This process first of all touched upon the language and gave rise to the problem of Russian-speaking Kazakhs (Uighurs, Uzbeks, Tatars and etc.). "If to speak definitively solving the demographic factor among Kazakhs - the loss of the native language is under the direct influence of the language environment, stopped only now and only now beginning to gain strength the process of returning to their native language. Despite the improvement in the demographic situation, in order to accelerate this process, it is necessary in all areas of life (for example, starting from the birth of children of pre-school education, school, a training for work before the official use in each sector of the state language in our country) to provide effective support. In short, only the combination of active language policy with demographically decisive, favorable changes it can be fruitful, in other words, the parent language can raise only by the power of his father's (demography)" [Tatimov M. World Kazakhs, 2006].

Of course, demographic, and linguistic factors have on the ethnic culture huge impact. However, it cannot be excluded that a large group from the sphere of national culture because of the loss of language. For example, the Scots and the Irish have not lost the national mentality, though, and began to speak in English. Also, in our Republic the Russian-speaking Kazakhs and representatives of other Muslim nations did not go far from national traditions and customs and religious-cultural sphere. Besides, the issue is not on the relative weight and percentage terms.

You can make sure that the cultural system of the Kazakh people of the early twentieth century, there are three beginning. These include aboriginal traditional culture, colonial culture and Western influence.

Eurasian cultural type has managed to combine traditional culture with the achievements of Western civilization. Special studies show a tendency of Kazakhs to cultural dialogue. About it in his time said enough and Abai. Only to consider the “traditionalist” as the antithesis of progress and “modernized personality” as antipode would be far-fetched. In connection with this issue, let's consider the following thought appropriate by the head of state: “We have taken away from their cultural roots. But more experienced the effects of other civilizations. Whether it is good or bad is another question» [Nosarev N.A. In the flow of history, 1996].

Similar examples can be quoted from world history. Before addition Jews had two ways: first, the implementation of irreconcilable zealot tactics complete denial of the culture of ancient Rome. The second is to beat the enemy its weapons, to anticipate his every step and accordingly to prepare countermeasures. This tactic has brought the Jewish culture strategic victory. The evidence of this is today's Jewish culture [Toynbee A, Study of history, 1989].

Similar to this phenomenon can be observed in the reactions of Russia, Japan and China to the Western expansion. Before meeting with the West these three countries in terms of technology were much lower in comparison with him. It is known that after the reforms of Peter I Russia closer to Western culture. Opponents of the reforms of Peter the great - “old believers” and Slavophiles can be estimated as manifestations zealot archaism in Russia.

Japan and China have responded to Western pressure somewhat different. After the level of their material culture by adopting advanced achievements of the West, Japan and China have set a barrier before the European spiritual expansion. This, in particular, in comparison with China more consistently conducted in Japan and as a result it has turned into a country with one of the most advanced cultures in the world. As you can see, there may be different ways to respond to the European expansion. It can be considered that, despite the great sacrifice, the Kazakh people with the honor came out of this historic test. It is wrong to downplay the role of the Eurasian subspecies in Kazakh culture.

Eurasian cultural type is, in the words of Hegel, to “broken consciousness”, it ranges between West and East. Ancient example of this tradition can be seen in the culture of the Great Silk Road. But consider Eurasian culture only as a buffer region between West and East would be a demonstration of unilateralism. Because here we are

witnessing is not simply relations between the two supercivilization, and build the model of their unity. In the heart of Central Asia has been of great importance for the world of human culture event.

Undoubtedly, as in the Middle Ages as a result of mergers Hellenistic, Arabic, Persian, Turkic cultures became possible Renaissance, and in the twenty-first century in Central Asia, will start a new rise. Only this requires the unshakable will of the people and the unity of traditions and time.

To determine the mentality of the Eurasian cultural type will try to bring in the table, especially Eastern, Western and Kazakh worldviews and international relations.

Oriental type	Western type	Kazakh type
Microcosm	Macrocosm	Bright World
Virtuality	Rationality	Humanity
Intrasubject	Subject-object	Subject-the subject
United world	AC world	of the
Psychology	Technology	Humanized world
Mystic	Science	Ecology
Closed society	Open society	Ethics
Self-knowledge	Knowing the nature	Society dialogue
Religion	Philosophy	The development of
Destiny	Activity	man
Idealism	Materialism	Tradition
Poetry	Prose	Relationships
Agriculture	Urbanism	Syncretism
		Epos
		Communal

Of course, it would be incorrect in the same way to look for these typical characteristics in empirical research. The ideal type is formed not by generalizing empirical manifestations of one particular subject area, but through significant improvement in this area to the rank of the ideal. Consider this: we brought this table to show the potential of the Eurasian cultural type. The transformation of this opportunity into reality-dialectical process.

In Kazakhstan between representatives of the Eurasian Kazakh-type and Russian culture have many common features. But, no matter how reasonable and negatively regarded the Soviet Union, it is necessary to recognize one. Friendship of Nations was not false slogan, and turned

into a mental property of ordinary people. For this reason, in March 1991, the majority of the people of Kazakhstan voted for the preservation of the Soviet Union. This should not follow that they are against Kazakhstan gained independence. Representatives of European nationalities who feel that they are citizens of the Republic of Kazakhstan, having the Eurasian mentality, can engage in productive activities in the development of the Republic in a number of civilized countries.

So, we discussed some of the problems of Eurasian cultural type. For realization of the opportunities of the Eurasian cultural type must unite with the Kazakh traditional culture. Otherwise, the Eurasian Kazakh culture will prevail marginal signs.

Kazakhstan still located in Central Asia, and this factor is crucial. Today it becomes obvious that most of the Central Asian States faced with the problem of the search of ways of development and needs to find cost-effective and safe ways of modernizing their societies. That is why the study of the internal political situation in neighboring Kazakhstan, Central Asian countries is of particular importance from the standpoint of ensuring its security.

Such a definition is largely due to the fact that the transitional regimes of the Central Asian countries have some common features that can be classified as a separate phenomenon as similarity of socio-economic and political systems and societies. It is this internal relationship of the States of post-Soviet Central Asia determines the similarity of the patterns in their system development, which together form the internal factors of stability of their political systems. Regardless of the extent of the presence of these factors in different Central Asian country, the preservation of political stability in the entire Central Asian region in many respects depends on the decision of problems of its painless transformation towards more stable political systems.

Investigation of internal factors of stability in the Central Asian region in recent years among the expert community has received increased attention. With an emphasis on the political aspects of this problem, and first of all on the stability of political systems of Central Asian countries. This is largely due to have occurred in recent years in post-Soviet space events - the so-called "colored revolutions". These events are assessed differently in the expert community, both in negative and positive context. However, all estimates largely agree on two things.

First, from the point of view of sustainability and stability of political systems, the main causes of the color revolutions in Georgia,

Ukraine and Kyrgyzstan were the mistakes of the ruling in them power elites. In this sense we can agree with those researchers who believe that the most important factor of "color revolutions" in these countries became widespread discontent (and including definitely in the environment of elites) the ruling regime and the inadequacy of the latter, i.e. the inability to anticipate the revolution, satisfying even the most acute needs of the society. For simmering confrontation "revolutionary conflicts" of the Georgian, Ukrainian and Kyrgyz power elites lacked main incapacity and popularity [Delyagin M.G. After the CIS: the loneliness of Russia, 2005].

Second, as many experts believe, "colored revolutions" have become "revolutions in expectations", and "for the little that has been paid a very dear price: crisis and disappointment". Subsequent post-revolutionary experience has shown that, on the one hand, attainment of the "color revolutions" does not guarantee the implementation of more democratic ideas, and on the other "revolutionary rotation of the authorities" leads to the destabilization of countries and entire regions. If Georgia and Ukraine this transfer of power has ended banal redistribution of property in favor of new elites in the countries of Central Asia the impact of "color revolutions" were even more shocking nature. The events in Kyrgyzstan and Uzbekistan showed the destructive actions may have a sudden change of government and that such experiments in the countries of Central Asia can result in serious destabilization of the situation and lead to extremely dangerous consequences, as demonstrated by the events in Bishkek and Andijan [Abrosimov I. Agony "orange revolution, 2005].

The basic factor of political stability in the countries of Central Asia is the national ideology and social identification. The thing is that in the current socio-ideological development of the Central Asian societies seem to discover one of the main threats to the countries of the region, including the South region of Kazakhstan. This is reflected in the following aspects.

First of all, it should be noted that up to the present moment practically all Central Asian society is developing in the conditions of a certain ideological vacuum. Unfortunately, in most of the countries of Central Asia, the state has been unable to offer any serious basis for the development of identification of society. The company, due to the underdevelopment of the so-called "nation-state" and of the civil society, has no ready ideological models, because the traditional ideologies in most countries are blurred or have yet need modification to perceive them

as such. It is obvious that the existing in the region ideological vacuum must be filled with something, and the state seeking the way out of this situation, but serious development paths and the actual ideological concepts are offered.

To accelerate the process of formation of national ideology and national identity in Central Asia could be the development of the ideology of the nation-state and civil society, but until they actually are underdeveloped or do not even exist. In such conditions in the Central Asian societies there are only two alternative ideas - Islamic doctrine and ethnic idea. The protest against the government can only lead to their rapid clearance.

Along with religious idea in the current socio-ideological development of the Central Asian countries is one of the defining continues to be an ethnic component. However, it receives rapid development first of all in those States of the region, where until the collapse of the former USSR almost half of the population were representatives of the so-called non-indigenous ethnic groups with all the ensuing consequences. For this reason, in the beginning of 1990 in these countries has been a rapid consolidation of representatives of the indigenous population around the idea of independence and revival of ethnic identity, culture and language.

This process continues and now, when social and ideological development of the Central Asian societies occurs in conditions of absence of well-organized "nation-state". The fact that ethnic state emerged in the region only in recent times. In fact, the process of forming "nation-States" began only in the Soviet era, and to the greatest extent it was manifested only in Kazakhstan. In other countries the situation is much worse. However, today in the Central Asian countries there is an active search of their own identity, primarily based on historical traditions and heritage.

For successful and timely solve all the above problems today Central Asian countries need to accelerate the long process of paradigm change their civilization development: from sovereignty to implement its own model of modernization. While market reforms, democratization of the system of power, construction of civil society and the "nation-state" may be not a goal in itself, but only mechanisms or methods of constructing such models.

Kazakh culture in the context of the traditional civilizations of

Asia

In the era of the triumph of nationalism, the standoff between the local and the national resembles an opposition between the particular and the universal. In so doing, the local (regional) was opposed to the national as part of the whole. In the globalization era, the national is placed in position of the local (particular) [Abrosimov I. Agony «orange revolution», 2005].

Complaints that some transnational powers are threatening the cultural uniqueness of a particular nation have already become par for the course. Globalization, which gives a boost to homogenization and cultural diversification, is also capable of standardizing (McDonaldization) and augmenting cultural diversity. The world cultural market is in dire need of “nonidentity,” which has always been a headache for nation-states; the transnational companies functioning in this sphere are true so-called authenticity hunters. While striving to meet the existing demand for exoticism, they are searching and promoting “cultural products” that could be offered to buyers as non-commercial, alternative, non-conformist, and so on [The Global Studies Dictionary, ed. by Alexander N. Chumakov, Ivan I. Mazour, and William C. Gay, 2007].

In the context of the aforesaid, we will examine the correlation between the indigenous and the superimposed in the Kazakh culture. Islam is the nucleus of the unified identification field of the Kazakhs and Turkic peoples on the whole. If we abstract ourselves from Soviet Marxism’s thesis that this religion was imposed on the Turkic peoples by the Arabs, the following aspects of this problem can be identified:

(a) Islam has had a civilizational influence on the culture of the Turkic peoples;

(b) Islam promoted an upswing in the culture of the Turkic peoples in the 9th-12th centuries (the Turkic philosophy of this period occupied one of the leading positions in the world philosophical process);

(c) in terms of Russia and China’s colonization of the Turkic peoples, Islam contested the assimilation policy of these empires and performed an ethnic-preserving function;

(d) the Turkic peoples took advantage of the Arab-speaking philosophy to become acquainted with the cultural heritage of antiquity.

Not only Islam had a portentous influence on the spiritual culture of the Turkic peoples, the Turkic neophytes helped to spread and reinforce it. It is enough to recall the Kara-Khanid Khan-state, the Great Mughal Empire, Iran, the Ottoman state, and so on. The Turkic culture as a whole

and the Kazakh in particular are distinguished by internal unity that is not based either on racial characteristics (the Turkic people are mainly transitional forms between the Indo-European and Mongoloid races), or on cultural-economic types (nomads, oasis and river valley farmers, city-dwellers), or on religious confessions (different trends of Islam, Orthodox believers, Shamanists, Buddhists, and so on), or on political systems (democratic and totalitarian regimes, autonomies, independent peoples, and so on).

So, what unites the views of the different Turkic ethnicities into a single world outlook system? We believe the main elements to be a common language, historical memory about the heroic past, and ethnically oriented mythology and folklore, in other words, archetypes of spiritual experience.

The marginalized mind of the contemporary Turk has an irrepressible striving for self-realization, but much remains unsaid and undone. The uniqueness of the Turkic culture lies in its intrinsic combination of traditions and openness toward innovations and the nomadic and settled understanding of the world (sacral, profane, and chthonian); it is characterized by tolerance, love of freedom, originality of word, and optimism.

The main world outlook universals of the Kazakhs are determined by both the immanent spiritual experience of the people and a realm of its cultural dialogs (Turkic-Chinese, Turkic-Soghdian, Turkic-Arabic, and Turkic-Slavic syntheses). In addition to such categories as “existence,” “man,” “world,” “space,” “time,” etc., there are unique world outlook and philosophical universals in Turkic philosophy: “kut,” “kanagat,” “nesibe,” “nysap,” “obal” and “sauap,” “kie,” “kesir,” “el,” “aleumet,” “kisi,” etc. These concepts can only be translated into different languages preserving the context in which they are used.

Even in its most Islamized forms, Turkic philosophy has never fully departed from its ancient roots. For example, it is no accident that Hoja Ahmet Yassau is still considered a Sui preacher who is mentally close to the nomadic world outlook; in his manuscript *Diواني Khikmet*, among pre-Islamic personalities are often found—“erens,” “chiltens,” “mugans,” “aruakhs,” “ancestors” [Grushevitskaia T. “Inkulturations i sotsializatsiia,” available at, 2019]. A topic running throughout Yusuf Balasaguni’s poem *Blessed Knowledge* is the harmony between nature and man; in it he also mentions the universal Turkic cultural hero Alp Er Tunga [Balasaguni Zh., Kutty bilik, 1986].

Nomadic gnosis, which is based on the tradition of passing on sacral knowledge orally and not recognizing a fixated, final, and frozen state, is characterized by a search for particular harmony between man and the world; from this it follows that Turkic philosophy is essentially dialogical and discursive.

In the ternary Turkic model of the world, man acts as its axis. The world is not isolated from him; it is humanized and endowed with every human quality. It is not borrowed terms such as “adam” or “pende” that represent the central concept of Turkic philosophical anthropology, but “kisi” (the human dimension in man). In contrast to the “man-deer” (Yusuf Balasaguni), present-day man is the bearer of genuine moral and sociocultural qualities and always strives to remain so.

The image of “kinsman” characterizing the nomadic lifestyle that became established in the literature is rejected by a sociocultural analysis of the nomadic community of the Turkic peoples. Such features inherent in the nomadic society as love of freedom, openness, and mobility caused the following individualized types to be singled out from the community: batyr, akyn, zhyrau, sal, seri, baksy, bi [Aiazbekova S, Kartina mira etnosa: Korkut-ata i ilosoiia muzyki kazakhov, 1999]. Drawing historical parallel, it can be recalled that Anacharsis, a Scythian thinker of antiquity and one of the “seven sages of the world,” doubted the ancient ideas about morality and contrasted the high spirituality of the nomads to them.

The Orkhon-Yenise (Old Turkic) written records are full of warnings about the danger of borrowing the morals and behavioral stereotypes of the Tabgashs (Chinese). The legendary Korkyt Ata is looking for the meaning of life and wants to find the way to eternal life; Abai calls on him to be a man. The ethic inclination of Turkic spirituality can clearly be seen even in these brief sentiments.

The following can be described as special features of the traditional ethics of the Kazakhs:

- ❖ syncretism of reason (truth), aesthetics (beauty), and ethics (good);

- ❖ widespread binary oppositions: life and death, good and evil, joy and sorrow, body and soul, sacral and profane, satisfaction and self-restriction, and so on;

- ❖ philosophemes are presented in an ethic framework (for example, the four origins of the world and man mentioned by Yusuf Balasaguni);

- rootedness in the environment and harmony with it;
- understanding honor and conscience as the

foundations of the teaching on morals (for example, in Shakarim);

- Importance of noble origin;
- ❖ coincidence of moral and human qualities;
- ❖ gerontarchical priorities of morality;
- ❖ honoring women and respect for children;
- ❖ recognition of nomadic and kinship forms of human solidarity and consent;
- ❖ developed institution of hospitality, and so on.

The oral-poetic discourse of the bearers of Kazakh philosophy and the individualized forms of folk wisdom are essentially dialogical. For instance, in addition to expressing the existentialist state of the thinker, *tolgau* and the popular aphorisms of *beis* are always addressed to the listeners and oriented toward mutual understanding, which is achieved by sacralization and enhancement of the art of the word (you can kill a person, but you cannot stop words from freely flowing).

According to many philosophers and culturologists, the 21st century could well become the century of the Turkic culture and civilization, for which there are many reasons.

First, in globalization conditions, the areas of contact of the contemporary world super civilizations acquire particular importance. The Turkic world is located at the crossroads of the Islamic, Orthodox, Chinese, and Western civilizations; one way or another, it is influenced by their cultures, on which it, in turn, has a significant influence [Aiazbekova S., *Kartina mira etnosa: Korkut-ata i ilosiia muzyki kazakhov*]. .

Second, a powerful charge of passionarity is arising in the new independent Turkic states due to the need to revive cultural roots and enter into the world civilizational community. This charge is also potent in Turkey.

Third, the traditional values and ideas of Turkic philosophy (tolerance, the sacral word, openness, respect for traditions, receptiveness to innovations, ethnic orientation, closeness to nature, environmental consciousness, and so on) are in great demand by the contemporary world civilization.

Eurasian paradigm of the Kazakh culture

We will take a closer look at the Eurasian idea in the context of Kazakhstan's sociocultural problems below. But in the meantime, let us return to examining the sociocultural potential of the Eurasian idea in the development of the culturological pursuits in Russia.

Several sociopolitical foundations can be distinguished in the idea of “Eurasianism”. This idea arose as an understanding of the difference between Russia and Europe, and in the broader respect, the difference between the Orthodox civilization and the Western-Christian. In Western thinking, Russia is frequently not related to Europe; its borders do not end at the Ural Mountains, but somewhere in the region of Carpathian Mountains. For example, Friedrich Nietzsche claimed that “post-Peter” Russia is a huge midway kingdom where Europe seems to return to Asia. This opinion has a sound basis: Europe and Asia comprise a single continent, while Russia is its heartland (center). From this viewpoint, Eurasia stands before us as a special cultural world headed by Russia, internally and strongly whole in the endless and, evidently, frequently contradictory diversity of its manifestations. Eurasia-Russia is a developing unique cultural personality. Individualizing humankind it is performing a so-called historical mission, other cultural whole.

As for “Westernization,” it primarily affects the upper social echelons and city residents. As a result, a “cultured” (“civilized”) people is initially deprived of its economic and then of its political independence and becomes ethnographical material (the current situation in the CIS countries can serve as a case in point).

The future of Russian culture is seen in neo-Eurasianism. It is a dynamic synthesis of Russian and many other cultures existing both in Russia itself and within the CIS; whereby we are in no way talking here about an attempt to reanimate the Soviet Union.

For example, nationalistically oriented leaders think the idea of unity of the cultures of the “metropolis” and “foreigners,” which they use to describe the Turkic-Caucasian people, to be humiliating for the Russian people (mention can be made in this context of the articles by Natalia Guseva published in the journal *Russky vestnik*). The nationalistic establishment also had a negative response to the books by O. Suleimenov “Az i Ya” (A to Z) and A. Murat “Polyn polovetskovo polia” (Sage of Polovets Field). It should be noted that non-acceptance of the Eurasian idea frequently takes cover behind the so-called pan-Islamicist and pan-Turkic threat.

Before delving deeper into the fundamentals of the Eurasian idea, let’s take a look at the theory that forms the very popular foundation of Samuel Huntington’s theory on the clash of civilizations. According to this teaching, the border areas of different civilizations are likely hotbeds of instability and tensions.

Meanwhile, the example of Kazakhstan, the geocultural space of which is located between the Confucian and Orthodox civilizations, points to the contrary; public consent has been achieved in the country, and the sociopolitical stability that exists here is quite strong (which cannot be said about certain CIS states). Many factors, a significant one being culture, can explain this impact. In our opinion, the bearers of the Eurasian mentality are having a great shaping on the internal situation in present-day Kazakhstan.

A large group of Slavs lives in Kazakhstan (according to the latest data they comprise 23-26% of the total size of the republic's population); nor should we forget that the Kazakh people were long under Russian power. As a result of the cultural structure of the Kazakh people, some changes took place that primarily affected the language. In this respect, the problem of Russian - speaking Kazakhs (Uighurs, Uzbeks, Tatars, and so on) emerged.

There can be no doubt that demographic and linguistic factors are having a huge impact on the ethnic culture. But no group of the population (particularly a large one) can be barred from the national culture because it has lost its language. For example, the Scottish and Irish did not lose their national mentality just because they began speaking English. As for Kazakhstan, Russian-speaking Kazakhs and the representatives of several other Muslim peoples have not lost their national traditions and customs. What is more, we are not talking about an exact figure amount or percentage.

We can convince ourselves that there are three origins in the cultural system of the Kazakh people of the beginning of the 21st century: the traditional culture, colonial Russian culture, and the impact of the West.

The Eurasian cultural type has been able to combine the traditional culture with the achievements of the Western civilization. Specialized studies show that the Kazakhs tend toward a cultural dialog; Abai also had much to say about this at one time. But to regard the "traditionalist" as an adversary of progress, and a "modernized individual" as his antipode, would be rather contrived. In this respect, it is very appropriate to present the words of Nursultan Nazarbaev: "We have greatly broken away from our cultural roots. However, we have been subjected to the influence of other civilizations more. Whether this is good or bad is an entirely different matter" [Nazarbaev N. V potoke istorii, 1996].

There are many similar examples in world history. For example, finding them in a state of dependency, the Jews were left with two

alternatives: to adopt the irreconcilable zealot tactics of complete denial of the ancient Roman culture or to engage the enemy using its own tactics, outsmart its every step, and prepare countermeasures. The tactics chosen by these people led to victory; evidence of this is the contemporary Jewish culture [Toynbee A. Study of History. 1961].

Similar phenomena also occurred when Russia, Japan, and China encountered Western expansion. We know that in a certain historical period these countries fell behind the West in level of technological development. After Peter the Great's reforms, Russia came closer to the West European culture. The Old Believers and Slavophiles were against Peter's reforms; their views can be evaluated as manifestations of zealot archaism in Russia.

Japan and China responded to the West's pressure a little differently. After they raised the level of their material culture by applying the advanced achievements of the West, Japan and China raised obstacles to European spiritual expansion. Japan acted more comprehensively in this matter; as a result it became a country with one of the most advanced cultures of the world. This evokes very different responses to European expansion. It can be considered that, despite the irretrievable losses, the Kazakh people honorably passed this historical test. But it would not be correct to underplay the role of the Eurasian subtype in the Kazakh culture.

The Eurasian cultural type, which in Hegel's words belongs to the "disrupted consciousness," oscillates between the West and the East; an example of this tradition is related to the Great Silk Road. But it would be one-sided to regard the Eurasian culture only as a buffer between the West and the East. In this case, the matter concerns not simply relations between two super civilizations, but about the formation of some single model: an event occurred in the very center of Asia that was of paramount importance for the human culture. There can be no doubt that, like the medieval Renaissance (which occurred as a result of the merging of the Hellenic, Arab, Persian, and Turkic cultures), in the 21st century, a new cultural upswing is beginning in Central Asia (CA). This requires the irrevocable will of the nation, its unity, common traditions, and sensitive response to the changes of the times.

In Kazakh conditions, the representatives of the Eurasian-Kazakh type and the Russian-speaking culture have much in common. No matter how negative the attitude toward the Soviet Union was, we must admit that the slogan Friendship of the Peoples had a very true ring to it; it

became a psychological characteristic of the ordinary people. It was for this very reason that in March 1991 most of the population of Kazakhstan voted for preserving the Soviet Union, which in no way means that the people were against the country acquiring its independence. Nothing can stop representatives of the European nationality with their Eurasian mentality, who feel themselves to be full-fledged citizens of Kazakhstan, from engaging in productive activity for the good of their republic, which is striving to establish its place among the civilized countries. So, we have taken a look at several problems of the Eurasian cultural type. In order to realize its possibilities, it must join together with the Kazakh traditional culture. Otherwise marginal signs will predominate in the Eurasian Kazakh culture.

Mental and psychological roots of Kazakhstan multiculturalism

For the Republic of Kazakhstan the problem of mental orientation is of great significance. This is the cause of quite a reasonable question to be responded with regard to the mental orientation of the Kazakhstani people. What is the right direction of identification – either to the Asia and East or Europe and West? – The answer is that the mentality of the people of Kazakhstan is a way closer to Euro-Asiatic or Eurasian. The point is to absorb all the best features of the Oriental and Western cultures. The location of Kazakhstan is quite unique and favorable for this sort of synthesis as it is situated in the center of the Eurasian mainland.

Sometimes it is quite justly said that there is no need to work out or search for some specific and “particular” way of development. Member of the Kazakh National Academy, Professor A.Nysanbayev makes a point that there is no way to look for something special and unique as the Humankind had already worked out optimal and civilized way of development in the course of a long contradictory and bloody attempts through its history [Nysanbaev, A., 2004. Trip to Philosophy. Evening]. In effect it means to get the feel and select the optimum of what is possible on the way to the prosperous future compatible with demands of History rather than get back to the traditional nomadic way of life. The question is if the Muslim or Eastern model of Cultural Identity acceptable for present-day Kazakhstan?

One should be careful and cautious responding to this question as in areas of the traditional East (especially in India and China) a personality is eliminated as something fused with family, kin or clan as well the original dimensions like Dao, Brahman or some other abstract value. As

for Islam it has some specific features of treatment of nation and citizenship. According to Shari at nation is nothing but Umma with the obvious meaning that people is united with the power of belief in Islam as the powerful factor of integration.

Consequently, the Islamic model of cultural identification is hardly acceptable at least at the current stage of development of the Republic of Kazakhstan as its people were exposed to the variety of religious beliefs diverse from the authentic Islam and can hardly be subjected to the notion of “Umma”. The transit to Islam was not easy and smooth and the introduced form of it was “Folk Islam” [Akatay, S., 2002. Muslim Scholastics and the attempts to Christianize in the Kazakh Steppe]. Besides, the Republic of Kazakhstan is not a religious state, but a temporal state. Abai, followed by Shakarim and some other bright Kazakh men of culture inspired and developed such specific features of the Kazakh mentality like tolerance and polycentrism as well as some other sociocultural orientations.

The main part. Mental identification under multiculturalism. Nowadays some ethnic Kazakhs have a tendency of self-identification with the peoples of the Turkic world and Muslim culture with the idea of joining some super ethnic formation. This approach is the obvious reaction to the challenges out coming from the contemporary globalization. The traditional culture of the Kazakhs should not be the idol as the piece of admiration, but be the back-up in the creation of some new and original samples of culture as the reflection of some phenomena of the human spirit to be integrated into the treasure-house of the mankind.

There are two types of society – traditional and post-modern. The voiced concern is that the traditional one is dying off ousted by the monster culture. But there should be the culture of the third type free of the vague criteria of post-modernism, but based on the true human forms of creativity with the basic principles driven by mutually enriched interacting activity [Kasymova, R., 2004. Ethnic Group under Globalization. World of a Human].

Traditionally the Kazakh culture was never dependent on a particular culture that was imposed from the outside sources. In this respect we can tell that Kazakhs have been a polycultural or multicultural people as of the early stages of its consolidation. In other words, Kazakhs were in the position of easy absorbing the latest achievements of any civilization that was modern and innovative for that particular period in history.

According to the expert opinion of some scholars the history of the Kazakhs is the example of being selfstanding on the one hand and being the integral part of some other civilizations with the mutually beneficial effect.

Perceiving that every culture is an integral and self-standing system it is quite natural to suppose that the equation of the two cultures (biculturism) provides for the parity of the players that make up this unity. But the development of the contemporary Kazakh culture has proven that the European component was accepted not on terms of parity and more than that not on the dominating terms. That was the reason of the failure of the Soviet ideologists on imposing the standards of the European culture as something superior and ideal at the expense of the traditional one. The concept “socialist in content and national in form” did not work out as something alien. In biculture with its two-faced character the search of the “center”, integrity and the esthetic point of dominance is always a problem as the redistribution of the priorities is in constant place. This is exactly what predetermines the interactions of the subcultures under biculture in a big way. That is the reason why we should talk on the necessity of dominance of the endogenous component in the biculture structure with the changing world outlook under the flow of the social changes. “This sort of dominance of the endogenous component of biculture with prioritized reflection of the national interest is the obligatory term for the formation of the ethno identity, the ideal to be followed and achieved by any culture on the way of gaining spiritual sovereignty [Ajazbekova, S., 1999. East at the end of the XX century].

In Kazakhstan the cooperative dialogue between the traditional cultures and the liberal values is carried out. Republic of Kazakhstan complies with the policy of multiculturalism with the active support of the values and traditions of the Kazakh culture. By saying traditions, we mean collectivism, sincerity, benevolence, respect to elderly people, tolerance to the variety of the religious beliefs and etc. At the same time the development of the civil forms of life brings in some opposite values quite different from the traditional ones: individualism, personal liberty, responsibility, initiative and enterprising.

As for the “Multiculturalism” this notion came into being in connection with the necessity to solve interethnic conflicts emerging in different parts of the world and there has acquired a positive sense. We have got the meaning of “Multiculturalism” as the flourishing variety of the ethnic groups and cultures under the umbrella of a polyethnic society

[Taylor, Ch., 1994. Multiculturalism].

With the progressing of globalization, the voiced concern came out with the negative and critical view at “multiculturalism” as nothing but the intention of the globalists to fade away the national cultures under the cover of the growing variety not of ethnic groups, but individuals. Multiculturalism as something contrary to dictatorship of WAMPs (white American man protestant) was accepted by all the minorities groups. “Multiculturalism” was supported by the antiracist organizations, feminists and left intellectuals. Multiculturalism became the motto of all the forces resistant to be lost and melted in the “pot of the American culture” which is seen as the threat to the individual liberty. Multiculturalism was seen and perceived as another step, to glorious mosaic and the move the capitalism with a human face. It gave way to numerous publications of monographic books to say nothing of magazine and newspapers articles. In the cause of time the tone and attitude towards multiculturalism changed completely as to some clouded judgment that should be eliminated with the idea to regain the true sense of life and moral climate. The well-known researcher of Multiculturalism W.Kymlicka comes up with the statement that: “Since the mid-1990s, however, we have seen a backlash and retreat from multiculturalism, and a reassertion of ideas of nation building, common values and identity, and unitary citizenship even a call for the “return of assimilation.” [Kymlicka, W., 2012. Multiculturalism: Success, Failure, and the Future].

The scholars with the critical attitude towards multiculturalism come up with the number of arguments and examples of the negative effects of the multicultural strategies. The most striking is the youth mass culture which has become the symbol of multiculturalism for the period of the last three decades. This is the tendency that combines and messes up different cultural forms, languages and styles. The youth mass culture involves into heterogeneous synthesis different and diverse cultural forms far beyond the boundaries of their actual use.

The other powerful tendency which is in many ways similar to multiculturalism is post-modernism. It has been successful for the period of the last two decades in working out the theoretical grounds in acquisition and interpreting the tendencies of cultural synthesis and relativism, formal stylistic flexibility of the conventional cultural forms. Multiculturalism as it is generally viewed can be treated as “plurality of identities” or “polyidentities” is in itself neutral by its meaning. It can cause the collapse of a personality or make it universal.

In our study we shall use this notion in the second positive meaning. In this regard we share the viewpoint of G.Narbekova, who managed to express the essence of this phenomenon quite clearly and accurately: "Multiculturalism is the interaction, interconnection and mutual enrichment of the national cultures, acknowledgement and enrollment to the spiritual values and norms. It provides for the respect and liberty of self-realization of any ethno cultural subject. The commitment to the cooperative look into some other culture presupposes the presence of the content of some universal human values in the dominating culture" [Narbekova, G., 2004. Priorities of the Cultural policy of the State in the context of the of modernization of the Kazakhstani society].

In Kazakhstan there are some scholars who are quite pessimistic towards the idea of multiculturalism and come off against with some strong arguments. G.Shalabaeva points out: "I do not share the concept of multiculturalism. It is neither original nor innovative. The attempt to install it was taken up in Canada, but it was not a successful, but abortive effort. It was also a complete failure in some places [Shalabaeva, G., 2002. Globalization and the problems of the Cultural Identity. Multicultural society in Kazakhstan: models, problems, prospects]. Going further along the lines of criticism she suggests that multiculturalism should be replaced by some other notion which is "dominating culture".

In this particular case we believe that the solution of this contrary between the supporters of "multiculturalism" and "dominating culture" lies somewhere in the middle as it is helpful to avoid the extremes. We come up with the neutral notion – dominating tendency in the multicultural society. The 'spirit' of this dominating tendency can predetermine the trend and directions of the society and culture. The point is that there are always some dominating factors in this or that region due to the climatic conditions, landscape, natural resources and etc. irrespective of the cultural phenomena in the being of the region.

Modern democracy is not oriented at melting off of the sociocultural groups into some depersonalized "mass society", it is not focused on the individual or group identity, but the whole society in its multilateral unity. This concept provides for the unity of the human nature in its live variety and concrete reflections. Enjoying the principles of human dignity of peoples of different cultural orientations and beliefs is the lime stone of the modern democratic, pluralistic and legal collective co-existence [Zakharov, A., 2004. Traditional culture in the contemporary society].

As the bridge connecting people Kazakhstan brings closer West and

East. This link does not reflect the geographical essence of the matter, but traces philosophical, cultural and historical aspects of the entire package of the exchange of information between the merging continents and peoples. This is exactly the point where the boundary lies between the oriental way of thinking, Russia, China and Central Asia. It is not by chance that many advanced and independent scholars from different parts of the world speak highly on the integrative capabilities of the present day Kazakhstan and single out some special mission of the Republic in the contemporary world. American philosopher George F. McLean made a confession that: "I have got the feeling that Peace and Culture have settled down in this zone with absorbed numerous traditions rather than in such centers like Beijing and Moscow". The real experience of the integrative synthesis achieved in Kazakhstan has proved to the rest of the world the actual shape and model of globalization in the form of cooperation, partnership and multilateral dialogue [MacLean, G., 2004. To think with the open mind. Al-Farabi].

Conclusion. National ideology and social identity are fundamental factors of political stability in the CA countries. It seems that one of the main threats to the region's countries, including the southern regions of Kazakhstan, is hidden in the current social and ideological development of the Central Asian societies; this is expressed in several aspects. First, it must be noted that right up until the present, essentially all the Central Asian societies have been developing in conditions of a certain ideological vacuum. Unfortunately, in most CA countries, the state has still not been unable to offer any serious foundations on which to foster social identity. Due to the underdevelopment of the so-called nation-states and civil society, there are no ready ideological models; in most countries the traditional ideologemes have either been eroded or have still not undergone the proper transformation to be perceived in this capacity. It stands to reason that something must be found to fill the ideological vacuum existing in the region's countries; a response to this situation has not been found, while no development scenarios or ideological concepts as such have been offered either.

Development of the ideologies of the nation-states and civil society could accelerate the establishment of national ideology and identity in the CA countries, but they are still underdeveloped or do not exist at all. There are only two alternative ideas in the Central Asian societies—the Islamic doctrine and ethnicity, whereby the protest against the government's policy could accelerate their full development.

Along with the religious idea, a determining factor in the current social and ideological development of the Central Asian countries continues to be the ethnic component. It is undergoing rapid development, primarily in those states of the region where essentially half of the country's population consisted of representatives of the so-called non-indigenous peoples right up until the Soviet Union collapsed. For this reason, at the beginning of the 1990s, representatives of the indigenous population in these countries quickly rallied around the idea of independence and revival of ethnic self-awareness, culture, and language. This process is still going on today, when the social and ideological development of the Central Asian societies is unfolding against the background of immature nation-states.

The thing is that nation-states with an integrated ethnic foundation have not appeared in the region until recently. The formation of nation-states essentially began in Soviet times, whereby it was manifested to the greatest extent only in Kazakhstan; in other regions of the country the situation is much worse. Nevertheless, the Central Asian countries are actively searching for their own identity today, primarily putting the emphasis on historical traditions and centuries-old folk heritage. In order to resolve all the aforementioned problems in a successful and timely way, the CA countries need to accelerate the delayed process of replacing the paradigm of their civilizational development and shift as quickly as possible from sovereignty to implementing their own model of modernization. In so doing, carrying out market reforms, democratization of the system of power relations, and building a civil society and nation-state should not be an end in themselves, but only ways or means for creating this model.

Findings

Pasqual de la Parte comes with the similar evaluation: "Kazakhstan for us is the bridge between cultures, nations and civilizations. It is the only state in the world with such an exclusive mission as the state with the great potential and prospects. All this makes Kazakhstan a leading light as the source of inspiration provoking a question like – "Why they can and we cannot, Are we that bad?" [De la Parte, P., 2004. Kazakhstan – zone of stability in the unstable region. Dialogue of Cultures].

By now it has been fixed by many scholars that East and West are not the opposite world-outlooks, but the ones that can supplement one another [Kurmanbaeva, N., 1996. Culture of East and West: Issues of

Integration]. The Republic of Kazakhstan should realize this great idea in practical terms since it is based on the idea of the universal unity of the human spirit and history as it was indicated by K.Jaspers in his book: "The Origin and Goal of History" as if he could foresee the processes of the contemporary globalization [Jaspers, K., 1953. The Origin and Goal of History].

Of course Kazakhstan is not the only country, but at the same time it is definitely the obvious and promising one. Culture is a polystructural phenomenon with the variety of mutually beneficial impacts at different structural levels with the most adequate model of interactions as the polyphonic model of cultural cooperation [Gabitov, T. and Az. Zholdubayeva, 2012. Dialogue And Self-Identification Of Cultures Under Globalization].

References:

Abrosimov I. Agony "orange revolution" // Electronic newspaper "Melbourne Herald sun" - September 20, 2005 - <http://dni.ru/news/pk/2005/9/20/70148.html>.

Ajazbekova S. 1999. East at the end of the XX century: Artistic Culture in the contemporary world (the notion of "biculture") // World of a Human. - Almaty. - P: 52-64.

Aiazbekova S. Kartina mira etnosa: Korkut-ata i ilosoia muzyki kazakhov, - Print, Almaty, 1999. - 285 p.

Akatay S., 2002. Muslim Scholastics and the attempts to Christianize in the Kazakh Steppe. // World of a Human. - Almaty. - P. 21-25.

Balasuguni Zh. Kutty bilik, - Zhazushi, Almaty, 1986. - 616 p. (in Kazakh).

Gabitov T. and Zholdubayeva Az., 2012. Dialogue And Self-Identification Of Cultures Under Globalization. - Saabbruken. - 254 p.

Gumilev L.N. From the history of Eurasia // Eurasia. - 2001. - № 1. - P. 123-170.

Gumilev L. In search of the fictional Kingdom. - Almaty, 1992. - 318 p.

Grushevitskaia T. Inkulturatsiia i sotsializatsiia. - Available at, 2019 [www.countries.ru/library/intercult/mkis.htm].

Delyagin M.G. After the CIS: the loneliness of Russia // Russia in global politics. - № 2. - July-August. - 2005. - P. 23-32

De la Parte, 2004. Kazakhstan – zone of stability in the unstable

region. // Dialogue of Cultures. - Almaty. - P: 4-5.

Zakharov A., 2004. Traditional culture in the contemporary society. // Sociological Sciences, 243 p. - P.105-115.

Yassau K.-A. Diuani khikmet, - Al-Kheda, Tehran, 2000. - 162 p. (in Kazakh).

Jaspers K., 1953. The Origin and Goal of History. - CT: Yale University Press. - 527 p.

Kasymova R., 2004. Ethnic Group under Globalization. // World of a Human. - Almaty. - P. 74-81

Kymlicka W., 2012. Multiculturalism: Success, Failure, and the Future. - Washington, DC:

Migration Policy Institute. - 265 p.

Kurmanbaeva N., 1996. Culture of East and West: Issues of Integration. - Almaty: National State University after Al-Farabi. - 160 p.

MacLean G., 2004. To think with the open mind. Al-Farabi. - Almaty. - P: 143-147.

Nazarbaev N. V potoke istorii, - Oner, Almaty, 1996. - 264 p. (in Kazakh).

Nysanbaev A., 2004. Trip to Philosophy. Evening. - Almaty. - 286 p.

Narbekova, G., 2004. Priorities of the Cultural policy of the State in the context of the of modernization of the Kazakhstani society. Philosophy and Political Sciences in the XXIst

Century. // In the Readings of the theoretical conference. Computer and Publishing Center of the Institute of Philosophy and Political Sciences of Kazakhstan. -- Almaty. - P. 271.

Nosarev N.A. In the flow of history. - Almaty: Oner, 1996. - 272 p., in Kazakh language.

Pack M.S., Yugay G.A. New Eurasian concept of Russian civilization (philosophical aspect) //Vestnik MGU. Series 7 (philosophy). - 1993. - № 5. - P. 9-17.

Shalabaeva G., 2002. Globalization and the problems of the Cultural Identity. Multicultural society in Kazakhstan: models, problems, prospects. - Almaty: Institute of Philosophy and

Political sciences of Kazakhstan. - 261 p.

Taylor Ch., 1994. Multiculturalism. With commentary by K.Anthony Appiah, Jurgen Habermas, Steven C. Rockefeller, Michael Walzer and Susan Wolf. - Princeton University Press - 160 p.

Tatimov M. World Kazakhs. - Almaty: Jasusi, 2006. - 216 p., in Kazakh language.

The Global Studies Dictionary, ed. by Alexander N. Chumakov, Ivan I. Mazour, and William C. Gay. - Prometheus Books, Amherst, New York, 2007. - 327 p.

Toynbee A. Study of History. - Oxford University Press, 1961. – 789 p.

Toynbee A. Study of History. - M: Politizdat, 1989. - 736 p.

UOT-141.32

Arif Quliyev

Hüquq elmləri doktoru, professor, diplomat,

Ukraynanın əməkdar Təhsil İşçisi,

Konstitusiya hüququ kafedrasının professoru,

Beynəlxalq hüquq və ictimai hüquq fənləri Kiyev aqlı mülkiyyət və

Hüquq Universiteti Milli universitet "Odessa hüquq akademiyası"

E-mail: arifguliyev@ukr.net

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1223-6646>

Veronika Chekaluk

Sosial rabitə elmləri namizədi

Taras Şevçenko adına Kiyev Milli Universitetinin jurnalistika

İnstitutu

E-poçt: vnika@ukr.net

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1223-6646>

Scopus:

<https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=59205240100&origin>

[=recordpage](#)

MƏNALAR VƏ İDENTİKLİKLƏR: KZİSTENSİALİZM MULTİKULTURAL İNTEQRASIYA KONTEKSTİNDƏ

Xülasə

Məqsəd: Bu məqalə polietnik cəmiyyətlərdə multikultural sosiallaşma fenomenini ekzistensial fəlsəfə prizmasından araşdırmağı qarşısına məqsəd qoyur. Məqalədə mədəni müxtəlifliklə xarakterizə olunan cəmiyyətlərdə fərdlərin identiklik və mənsubiyyət hissini formalaşdırması prosesində üzləşdiyi çətinliklər nəzərdən keçirilir.

Problemin öyrənilmə dərəcəsi: Araşdırmanın əsasını Jan-Pol Sartr, Edmund Husserl, Martin Haydeger, Oleg Kriştal və Simona de Bovuar

kimi aparıcı ekzistensial filosofların nəzəri konsepsiyaları təşkil edir. Onların ideyaları multikultural kontekstlərdə yaranan ekzistensial problemləri – azadlıq, məsuliyyət, autentiklik və məna axtarışı kimi sualları – daha dərinlən anlamağa imkan verir.

Tədqiqatın metod və metodologiyası: Ekzistensial fəlsəfə prinsipləri və müqayisəli yanaşmalar.

Elmi yenilik: Sartrın fərdin azadlığına dair təhlili, Husserlin şüur və qavrayışa vurğu edən yanaşması, Haydegerin “dünyada varlıq” konsepsiyası mədəni müxtəliflik şəraitində fərdin rolu haqqında analitik baxış bucaqları təqdim edir. Oleg Kriştalın çoxetnik kontekstlərdə identiklik və sosiallaşmanın kəsişməsinə dair fikirləri, habelə Simona de Bovuarın gender, zülm və ekzistensial azadlıqla bağlı düşüncələri multikultural sosiallaşmanın analizini daha da dərinləşdirir.

Nəticələr: Məqalə ekzistensial fəlsəfənin multikultural dünyada sosiallaşma çətinliklərinin həllində necə kömək edə biləcəyinə dair çoxşaxəli anlayış təklif edir. Xüsusilə də, fərdi identikliyin mədəni müxtəliflik fonunda formalaşması və bu müxtəlifliyin yaratdığı ekzistensial gərginliklər kontekstində.

Açar sözlər: Ekzistensializm, multikulturalizm, istehlak mədəniyyəti, sosiallaşma, polietnik cəmiyyətlər, incəsənət, mədəni paradimlər.

UDC-141.32

Arif Guliyev

Doctor of Law, Professor, Diplomat,
Honored Worker of Education of Ukraine,
Professor of the Department of Constitutional,
International Law and Public Law Disciplines
Kyiv University of Intellectual Property and Law
National University "Odesa Law Academy"

E-mail: arifguliyev@ukr.net

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1223-6646>

Veronika Chekalyuk

PhD in Social Communications
Institute of Journalism, Taras Shevchenko National University of Kyiv

E-mail: vnika@ukr.net

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1223-6646>

Scopus:

MEANINGS AND IDENTITIES: EXISTENTIALISM IN THE CONTEXT OF MULTICULTURAL INTEGRATION

Abstract

The purpose of the article. The article explores the phenomenon of multicultural socialization in polyethnic societies, offering an analysis grounded on existential philosophy. It examines the complexities of how individuals navigate their identity and sense of belonging in the societies characterized by cultural diversity. By integrating the theoretical frameworks of key existential philosophers, such as Jean-Paul Sartre, Edmund Husserl, Martin Heidegger, Oleg Krishtal, and Simone de Beauvoir, the study illuminates the existential challenges that arise in multicultural contexts, including issues of freedom, responsibility, authenticity, and the search for meaning. Sartre's emphasis on individual freedom and the construction of self through choice, Husserl's exploration of consciousness and perception, and Heidegger's focus on being-in-the-world provide critical perspectives on the individual's role in navigating cultural plurality. Furthermore, Oleg Krishtal's contributions to understanding the intersection of identity and socialization within multiethnic contexts, alongside Simone de Beauvoir's reflections on gender, oppression, and existential freedom, deepen the analysis of multicultural socialization. The article thus offers a multi-layered understanding of how existential philosophy can help us address the complexities of socialization in a multicultural world, particularly with respect to the formation of individual identity in the face of cultural diversity and the existential tensions that this diversity engenders.

The degree of development of the problem. The research is grounded on the theoretical concepts of key existential philosophers such as Jean-Paul Sartre, Edmund Husserl, Martin Heidegger, Oleg Krishtal, and Simone de Beauvoir. Their ideas provide deeper insights into existential issues arising in multicultural contexts, such as questions of freedom, responsibility, authenticity, and the search for meaning.

Methods and methodology: principles of existential philosophy and comparative studies.

Scientific novelty. Sartre's interpretation of individual freedom, Husserl's focus on consciousness and perception, and Heidegger's concept

of being-in-the-world offer key perspectives for analyzing the role of the individual in culturally diverse environments.

Oleg Krishtal's contribution to understanding the intersections of identity and socialization in multiethnic contexts, along with Simone de Beauvoir's reflections on gender, oppression, and existential freedom, enrich the analysis of multicultural socialization.

Conclusions. The article presents a multifaceted understanding of how existential philosophy can aid in addressing the challenges of socialization in a multicultural world. This is particularly relevant in the context of shaping individual identity against the backdrop of cultural diversity and the existential tensions it generates.

Keywords: existentialism, multiculturalism, consumer culture, socialization, polyethnic societies, art, cultural paradigms.

УДК-141.32

Ариф Гулиев

Доктор юридических наук, профессор, дипломат,

Заслуженный работник образования Украины,

Профессор кафедры конституционного права,

Международного права и публично-правовых дисциплин

Киевский университет интеллектуальной собственности и

права

Национальный университет "Одесская юридическая академия"

E-mail: arifguliyev@ukr.net

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1223-6646>

Вероника Чекалюк

Кандидат наук в области социальных коммуникаций

Институт журналистики Киевского национального

университета

имени Тараса Шевченко

E-mail: vnika@ukr.net

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1223-6646>

Scopus:

<https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=59205240100&origin>

=recordpage

СМЫСЛЫ И ИДЕНТИЧНОСТИ: ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ

В КОНТЕКСТЕ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Резюме

Цель: В статье исследуется феномен мультикультурной социализации в полиэтнических обществах, предлагая анализ через призму экзистенциальной философии. В статье рассматриваются сложности, с которыми сталкиваются индивиды в процессе формирования своей идентичности и чувства принадлежности в обществах, характеризующихся культурным разнообразием.

Степень изученности проблемы: В основе исследования лежат теоретические концепции таких ключевых экзистенциальных философов, как Жан-Поль Сартр, Эдмунд Гуссерль, Мартин Хайдеггер, Олег Крышталь и Симона де Бовуар, чьи идеи позволяют глубже понять экзистенциальные проблемы, возникающие в мультикультурных контекстах, такие как вопросы свободы, ответственности, аутентичности и поиска смысла.

Методы и методика исследования: Принципы экзистенциальной философии и компаративистики.

Научная новизна: Трактровка свободы индивида Сартром, акцент на осознание и восприятие в работах Гуссерля, а также концепция бытия в мире Хайдеггера предоставляют ключевые перспективы для анализа роли индивида в условиях культурной многогранности.

Вклад Олега Крышталя в понимание пересечений идентичности и социализации в многоэтнических контекстах, а также размышления Симоны де Бовуар о гендере, угнетении и экзистенциальной свободе углубляют анализ мультикультурной социализации.

Выводы: Статья предлагает многогранное понимание того, как экзистенциальная философия может помочь в решении сложностей социализации в мультикультурном мире, особенно в контексте формирования индивидуальной идентичности на фоне культурного разнообразия и экзистенциальных напряжений, которые порождает это разнообразие.

Ключевые слова: Экзистенциализм, мультикультурализм, культура потребления, социализация, полиэтнические общества, искусство, культурные парадигмы.

Introduction

The complexities of multiculturalism and polyethnic integration

present formidable challenges in contemporary society. Azerbaijani and Uzbek scholars have made significant contributions to the study of multiculturalism, education, and socialization in their respective contexts. Researchers such as Kamran Aliyev, Vahid Mammadov, and Elchin Jafarov from Azerbaijan have explored the complexities of cultural integration, identity preservation, and the role of education in fostering tolerance and social cohesion within a multicultural society. Similarly, Uzbek scholars like Abdugʻani Rakhmonov, Firdavs Abduqodirov, Shohrukh Tashkentov, and Mukhammad Sodikov have examined the intersection of globalization, multiculturalism, and national identity, focusing on how traditional values can coexist with global cultural trends and how educational policies can promote intercultural understanding. Additionally, Veronika Chekaliuk and Arif Guliev have also contributed to these studies, providing further insights into the challenges and opportunities that arise in multicultural and polyethnic societies.

Existential philosophy offers a valuable lens to examine the intersections of individual identity, cultural belonging, and social dynamics. While the contributions of Sartre, Husserl, Heidegger, and Beauvoir have profoundly shaped existential inquiry, works like Krishtal's "To The Singing of Birds" provide unique, contemporary reflections on these enduring themes. This article situates these philosophical explorations within the pressing realities of multicultural socialization, addressing the tensions between individuality and collective identity. The contemporary world is undergoing a period of dynamic change, driven by globalization, multiculturalism, and the rapid development of information technologies. The interpenetration of cultures, values, and social models gives rise to numerous challenges in shaping an individual capable of navigating cultural diversity while maintaining their own identity and an active life stance. Multiculturalism, as one of the dominant features of modern society, proposes the idea of coexistence of different cultures without assimilation. However, this process is often accompanied by tension between traditions, value conflicts, and the search for common ground. In such circumstances, the question of how to form a strong, responsible, and tolerant individual capable of harmonious integration in a multicultural world becomes particularly relevant. One of the key tools in education remains art and culture, which shape social stereotypes and values. However, mass culture, which dominates the contemporary information space, often offers simplified models of identity, imposing consumption standards as

the foundation for life success. The paradigm of consumer culture creates new challenges that require critical rethinking and a shift of focus from the material to the spiritual, from the external to the internal.

Religion, despite its marginalization in a secularized world, remains an important source of moral guidance and values. Its role in the socialization of an individual can be a powerful factor in fostering responsibility, spiritual maturity, and the ability to empathize.

Special attention should be paid to cultural differences between Western and Eastern educational models. Western traditions emphasize individualism, freedom of choice, and responsibility, while Eastern traditions focus on harmony, mutual respect, and collective responsibility. The combination of these approaches could become the foundation for nurturing a harmonious individual capable of balancing personal aspirations with social responsibility.

The monograph "Gender: Philosophy, Theory, Practice" in its third series of studies offers a multifaceted analysis of contemporary aspects of socialization, particularly through the lens of gender issues. It addresses issues of multiculturalism, the influence of art and mass culture, religion, consumer culture, and examines the differences in approaches to personality development in different cultural traditions. The aim of this work is to find answers to the key challenges facing contemporary society and to outline prospects for future generations in the upbringing of a strong, responsible, and harmonious individual capable of building a just and tolerant world. The purpose of this article is to investigate how existential philosophy elucidates the processes and challenges of socialization in polyethnic societies. Drawing on existential texts, sociological theories, and cultural studies, the analysis integrates Krishtal's narrative as one among many voices contributing to the discourse. Methodological approaches include comparative analysis, intertextual reading, and synthesis of contemporary research on multiculturalism and consumerism.

Existential philosophy emphasizes the importance of individual responsibility — the idea that each person is responsible for their choices, actions, and the meaning they create in their lives. In multicultural societies, this concept of responsibility extends beyond personal choices to encompass social and cultural responsibility. The act of engaging in dialogue and forming relationships across cultural boundaries carries a profound existential weight. Through these interactions, individuals not only define their own identities but also contribute to the creation of a

collective social identity.

In multicultural settings, individuals must navigate their responsibility to themselves as well as to others. This responsibility is particularly salient when engaging with cultural differences. As Sartre argues, individuals are constantly defined by their relationships with the Other — those individuals who are culturally or ethnically different. The responsibility to respect and understand these differences is a central element of socialization in multicultural environments. It requires individuals to take responsibility for the ways in which they engage with others and the role they play in fostering an inclusive society.

The existential notion of responsibility in multicultural dialogue also involves a deep understanding of cultural context. In polyethnic societies, one cannot simply approach others from a position of universalism — where one's own cultural norms and values are imposed on others. Instead, existential responsibility in this context calls for a more empathetic and relational approach, where individuals are conscious of the specific historical, cultural, and social contexts that shape the experiences and perspectives of others. By engaging in dialogue with humility and an awareness of one's own limitations, individuals can help create spaces for authentic cross-cultural exchange and understanding. Albert Camus' concept of the absurd — a fundamental disconnection between humans' desire for meaning and the universe's indifference — resonates within multicultural contexts, where diverse cultural frameworks often intensify the search for shared meaning amid differing existential perspectives. For individuals navigating multiple cultural identities, the confrontation with the absurd may arise in moments of cultural alienation or dislocation, where the individual struggles to find meaning within their cultural context. This experience often intensifies in a globalized world, where the disjunction between personal identity and collective culture becomes more apparent. Multiculturalism, by embracing cultural pluralism, offers a counterpoint to the nihilistic tendencies associated with the absurd. Rather than surrendering to despair, individuals can use the experience of cultural dissonance to forge new meanings, blending multiple cultural perspectives to create a more nuanced and flexible understanding of identity. In this light, multiculturalism becomes not merely a backdrop for existential challenges but a source of creative potential, where the diversity of cultural experiences can lead to new forms of existential meaning. This perspective aligns with Jean Baudrillard's analysis of hyperreality, where

consumerism fosters a reality of signs and simulations that alienates individuals from their authentic selves. Krishtal emphasizes that the dominance of materialism risks reducing existential freedom by binding individuals to externally imposed identities. In doing so, he echoes Jean-Paul Sartre's concept of "bad faith," where individuals deny their innate freedom and responsibility by conforming to societal roles and expectations.

Sartre's philosophy provides a key framework for understanding Krishtal's critique. Sartre posits that human beings are "condemned to be free" and must create meaning through their choices. Krishtal's call to reclaim the intrinsic value of human creativity and individuality resonates with this notion, advocating for a rejection of the commodification of identity in favor of authentic self-expression. Like Simone de Beauvoir, who highlighted the interplay between freedom and responsibility in a social context, Krishtal underscores the importance of resisting external definitions of selfhood to achieve genuine autonomy. Jean-Paul Sartre's existentialism offers crucial tools for analyzing multicultural socialization. His philosophy emphasizes the idea that human beings are "condemned to be free," meaning that individuals must take responsibility for their choices and actions. Sartre argues that people create their own meaning through these choices, as they are not determined by external forces. This notion of freedom is central to understanding how individuals navigate multicultural environments.

In a polyethnic society, individuals face constant decisions about how to define themselves in relation to others. Sartre's concept of the "Other" is particularly significant in this context. He asserts that the existence of the Other — other individuals with different perspectives, beliefs, and cultural backgrounds — shapes how one understands themselves. However, the challenge of this encounter lies in overcoming what Sartre calls "bad faith," which involves conforming to societal expectations rather than asserting one's authentic identity. In multicultural societies, individuals must resist the temptation to adopt a role defined by cultural stereotypes and instead strive to define themselves on their own terms. Sartre's emphasis on authenticity and self-definition in the face of the Other suggests that true socialization in a multicultural society requires individuals to navigate their identities freely while recognizing and respecting the differences of others. The tension between autonomy and belonging plays a pivotal role in this process.

Furthermore, Krishtal's work intersects with broader existentialist critiques of modernity. Martin Heidegger's concept of "Enframing" in technology critiques how the modern world reduces human existence to mere resources within a system, much like how consumer culture objectifies individuals. Krishtal's focus on the intrinsic value of creativity serves as a counterpoint to this reductionism, advocating for a reclamation of human spirit and individuality as essential components of authentic existence. Extensive scholarship has examined the interplay between multiculturalism and identity formation (Berry, 1997; Kymlicka, 2015). Existential inquiries into freedom and societal constructs (Sartre, 1943; Husserl, 1936; Heidegger, 1927) provide foundational frameworks for understanding the dynamics of individual agency within collective settings. This discussion is enriched by contemporary critiques of mass culture and consumerism (Baudrillard, 1981) and philosophical engagements with cultural diversity (Taylor, 1992). This study's novelty lies in juxtaposing Krishtal's "To The Singing of Birds" with existential and sociocultural paradigms, offering a multifaceted exploration of multiculturalism. By engaging with diverse philosophical perspectives, the article contributes to a deeper understanding of how existential concepts address the challenges of socialization in polyethnic contexts. In existential philosophy, socialization is viewed not merely as a process of adapting to social norms but as a complex interaction in which individuals confront issues of identity, freedom, and responsibility. This is especially significant in multicultural societies, where cultural differences can be both a source of enrichment and of conflict.

Jean-Paul Sartre, for example, emphasizes that human beings are "condemned to be free," meaning they cannot avoid making choices regarding their path and place in society. In multicultural contexts, this understanding of freedom becomes especially relevant as individuals must navigate their integration into society while maintaining their unique identities, often requiring the overcoming of stereotypes and biases. Sartre's concept of "bad faith" — where individuals avoid confronting their freedom and responsibility by conforming to societal expectations — is particularly pertinent in multicultural societies. People may be tempted to adapt to collective or cultural expectations, leading to a loss of personal freedom and authentic identity. Edmund Husserl, the founder of phenomenology, developed the concept of the "lifeworld" (*Lebenswelt*), a subjective experience of the world shaped by cultural, historical, and social factors. In the context of multicultural socialization,

this concept helps to understand how different cultural backgrounds shape an individual's perception of the world and interaction with others. In polyethnic societies, where different lifeworlds intersect, it is crucial to understand how these differences impact personal identity and social integration. Husserl also emphasizes intentionality, the ability of consciousness to direct attention to objects or phenomena. In multicultural contexts, intentionality aids in understanding how people from diverse cultures can engage with each other, respect different traditions, and find common ground despite differences.

Edmund Husserl's phenomenology provides another important framework for understanding multicultural socialization. Husserl introduced the concept of the "lifeworld" (*Lebenswelt*), which refers to the pre-reflective, subjective world of experience that each person inhabits. This lifeworld is shaped by culture, history, and personal background, and it influences how individuals perceive and interact with the world around them. In multicultural societies, people from different cultural backgrounds inhabit different lifeworlds, each with its own values, customs, and worldview. Husserl's phenomenology allows us to understand how these diverse lifeworlds interact and intersect. For example, an individual raised in one cultural context may perceive social relations and behaviors differently from someone from another cultural background. These differences can create misunderstandings, tensions, or enrichments, depending on how individuals navigate and integrate their unique lifeworlds into their social interactions. Husserl's concept of intentionality — the idea that consciousness is always directed toward something — further enhances our understanding of multicultural socialization. Intentionality suggests that individuals can actively direct their attention toward understanding and engaging with other cultures. Multicultural socialization, then, involves an openness to understanding different lifeworlds while maintaining one's own unique perspective.

Martin Heidegger, in his philosophy of being, emphasizes the importance of understanding human existence in relation to the world and others. In polyethnic societies, where various cultural contexts meet, Heidegger's notion of "being-in-the-world" becomes a crucial tool for understanding how individuals can maintain their identity while participating in social life.

Heidegger highlights the concept of "being-with-others" (*Mitsein*), which resonates with the notion of multicultural socialization. Respecting differences and finding ways to integrate these differences into a shared

social context is a central challenge. The key is mutual respect while maintaining individuality. Martin Heidegger's philosophy of being offers another perspective on multicultural socialization. Heidegger's notion of "being-in-the-world" emphasizes that human beings are always situated within a social context, and their existence is defined by their interactions with others. Heidegger introduces the concept of "being-with-others" (Mitsein), which highlights the idea that individuals are always engaged in social relations, and these relationships are essential to their sense of self and identity.

In a multicultural society, "being-with-others" means encountering individuals from different cultural backgrounds and negotiating the tensions between maintaining one's own identity and integrating with the wider society. Heidegger's focus on the social nature of existence underscores the importance of mutual respect and understanding in the process of multicultural socialization. Heidegger's work also points to the danger of falling into a mode of existence where individuals become alienated from each other due to cultural differences. The challenge for individuals in polyethnic societies is to find ways to engage authentically with others while recognizing and embracing their differences. Heidegger's focus on authentic social relations offers a pathway for individuals to navigate the complexities of multicultural interactions without losing themselves in the process.

Oleg Krishtal, a contemporary existential philosopher, extends traditional existential themes into the realm of consumerism and cultural identity. Krishtal critiques the commodification of identity in modern consumer society, arguing that the modern world often reduces individuals to mere products or roles within a larger system. He suggests that true human freedom and authenticity can only be found when individuals reclaim their creative spirit and resist the pressures of external definition. In the context of multicultural socialization, Krishtal's critique is relevant. Multicultural societies often place individuals in predefined categories based on their ethnicity, culture, or social background. Krishtal's philosophy encourages individuals to resist being defined solely by external forces and to instead cultivate their own creative identity. In a polyethnic society, where multiple identities coexist, this act of reclaiming one's individuality and freedom becomes even more crucial. Krishtal's work encourages people to engage in authentic self-expression while navigating the complexities of cultural interaction. Oleg Krishtal's existential philosophy also emphasizes the importance of inner freedom

and individuality. His assertion that "the spirit is not just a float for swimming along life" critiques the superficial approach to existence, where identity becomes a commodity subject to external influences. This philosophical reflection addresses not only the critique of consumer culture but also the notion of authentic existence in a multicultural context. Krishtal stresses the need to preserve individuality and creativity, which contribute to the formation of a genuine human essence in a multi-ethnic and multicultural world. Simone de Beauvoir, known for her work on feminism and existentialism, also plays a key role in the analysis of multicultural socialization. In her writings, she explores how women face dual marginalization — both by gender and ethnicity. In polyethnic societies, this is especially relevant, as women from minority groups often face the challenge of balancing multiple cultural identities, leading to internal conflicts and a search for selfhood.

Oleg Krishtal's "To The Singing of Birds" emerges as a profound narrative interwoven with existential inquiry. His reflections on identity, autonomy, and the human condition resonate deeply with the works of Jean-Paul Sartre and Edmund Husserl. Krishtal's exploration of the individual's inner world mirrors Sartre's concept of "being-for-itself" and Husserl's phenomenological reduction, as he questions the illusions and realities that shape consciousness. For instance, his declaration that "Motivation is a slave-girl of the firefly of emotions" encapsulates the entanglement of human desires with societal constructs, aligning with Sartre's critique of bad faith. Krishtal's portrayal of this dynamic places the individual at the crossroads of freedom and responsibility, a recurring theme in existential philosophy. Moreover, Krishtal's narrative reveals a profound engagement with the dualities of existence—reality versus imagination, freedom versus constraint. His ability to shift between introspection and outward critique parallels Husserl's phenomenological method, wherein the subject consciously interrogates the structures of their own experience. Through Krishtal's reflections, the reader encounters the existential abyss, a space of both dread and creative potential, echoing Martin Heidegger's conception of being-toward-death. Art occupies a central role in Krishtal's philosophical reflections, serving as a medium for transcending cultural boundaries and fostering empathy. His use of vivid imagery, such as "the firefly of emotions," evokes a universal aesthetic experience that bridges individual and collective identities. In a multicultural context, Krishtal's insights align with Simone de Beauvoir's emphasis on art's potential to articulate the human

condition beyond linguistic and cultural divides. By engaging with themes of loss, freedom, and connection, Krishtal's work invites readers to confront the stereotypes perpetuated by mass culture while envisioning art as a tool for fostering deeper understanding among diverse communities. Krishtal's critique of consumerism adds a compelling dimension to his existential inquiry. His assertion that "The spirit is not just a float for swimming along life" critiques the superficiality of consumer culture, where identity often becomes commodified. This perspective aligns with Jean Baudrillard's analysis of hyperreality and the alienation inherent in modern consumerism. Krishtal highlights how the dominance of materialism risks reducing existential freedom by binding individuals to externally imposed identities. Instead, his work advocates for reclaiming the intrinsic value of human creativity and individuality as essential components of authentic existence. Krishtal's reflections also contribute to a nuanced understanding of socialization within different cultural paradigms. His writings implicitly compare Western individualism, characterized by autonomy and self-determination, with Eastern collectivism, which values harmony and communal belonging. This duality aligns with Husserl's openness to diverse cultural lifeworlds and Heidegger's engagement with Eastern thought. Krishtal's meditations on identity and belonging underscore the importance of synthesizing these paradigms to address the complexities of socialization in polyethnic societies. By advocating for mutual respect and integration, Krishtal's work aligns with broader existentialist calls for authentic human connection. Through "To The Singing of Birds," Krishtal presents a vision of existential philosophy that is deeply rooted in personal experience yet universally resonant. His reflections on freedom, art, and culture provide a framework for navigating the challenges of multicultural coexistence. By situating his work alongside luminaries such as Sartre, Husserl, and Beauvoir, this analysis highlights Krishtal's contributions to contemporary existential thought, demonstrating its enduring relevance in addressing the tensions between individuality and collective identity.

The narrative of "To The Singing of Birds," rich in existential motifs, parallels Sartre's concept of "being-for-itself" and Beauvoir's exploration of the "Other." Krishtal's reflections on the duality of reality and imagination resonate with Heidegger's notions of authenticity and Husserl's phenomenological reduction. These philosophical perspectives offer tools for analyzing identity negotiation in multicultural settings,

where the individual often navigates conflicting societal norms. Art emerges as a transformative medium in bridging cultural divides. Krishtal's evocative imagery, such as "the firefly of emotions," exemplifies how artistic expression fosters empathy and challenges stereotypes. Sartre's and Beauvoir's writings on freedom underscore the potential of art to expand existential horizons and resist the homogenizing tendencies of mass culture. Krishtal's reflections on socialization also provide a nuanced exploration of cultural paradigms, contrasting Western individualism with Eastern collectivism. His observations align with Husserl's openness to diverse cultural lifeworlds and Heidegger's engagement with Eastern thought, such as his interest in Taoism and Zen philosophy. Krishtal critiques Western autonomy and self-determination for sometimes fostering alienation, while acknowledging the potential stifling of individual freedom in Eastern collectivist frameworks.

This duality recalls Sartre's focus on the tension between the self and the "Other." While Sartre primarily analyzed this dynamic through a Western lens, Krishtal expands it by incorporating a cross-cultural perspective. His meditations on identity and belonging advocate for a synthesis of these paradigms, emphasizing mutual respect and integration. This approach reflects the existentialist call for authentic human connection, bridging the divide between individuality and collective identity.

By examining socialization in polyethnic societies, Krishtal contributes to a broader understanding of coexistence in multicultural contexts. His emphasis on integration resonates with Simone de Beauvoir's exploration of the "we" in social relations, where individuals maintain their freedom while forging meaningful connections with others.

Consumerism, as critiqued by Baudrillard, often commodifies identity and reduces existential freedom. Krishtal's observation that "The spirit is not just a float for swimming along life" echoes existential calls for deeper engagement with cultural values. This critique aligns with Sartre's examination of bad faith and the alienation inherent in modern societies dominated by materialism. Western individualism emphasizes personal autonomy, while Eastern philosophies prioritize collective harmony. Heidegger's openness to Eastern thought and Husserl's phenomenological methods offer frameworks to bridge these paradigms. Krishtal's reflections on identity and belonging reveal possibilities for integrating these divergent approaches into a cohesive understanding of multicultural socialization.

Results and Conclusions

By synthesizing existential philosophy and multicultural sociology, this study demonstrates the relevance of existential thought in addressing the complexities of polyethnic integration. Philosophers like Sartre, Husserl, Heidegger, and Beauvoir provide theoretical insights, while Krishtal's contemporary reflections offer practical applications. Together, these perspectives highlight the transformative potential of art, culture, and philosophical engagement in fostering inclusive, harmonious societies. Through works like *To The Singing of Birds*, Krishtal advances a vision of existential philosophy rooted in personal experience yet universally resonant. His reflections on freedom, art, and culture provide a framework for navigating the tensions of modern life, from consumerism to multicultural coexistence. By situating his ideas alongside those of Sartre, Husserl, Heidegger, and Beauvoir, Krishtal's contributions to existential thought are revealed as deeply relevant to contemporary challenges.

In an age where individuality is often overshadowed by commodification, and where cultural integration demands nuanced understanding, Krishtal's philosophy offers a path toward reclaiming human creativity and authenticity. His work reminds us of the enduring power of existentialism to address the complexities of identity, freedom, and belonging in the modern world.

References:

1. Baudrillard, J. (1981). *Simulacra and Simulation*. University of Michigan Press.
2. Krishtal, O. (2020). *Singing birds: A private journey with myself* (pp. 1-200). Amazon. <https://www.amazon.com/Singing-Birds-Private-Journey-Myself/dp/B086PMKVC8>
3. Berry, J. W. (1997). Immigration, acculturation, and adaptation. *Applied Psychology*, 46(1), 5-34.
4. Husserl, E. (1936). *The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology*. Northwestern University Press.
5. Kymlicka, W. (2015). *Multicultural citizenship: A liberal theory of minority rights*. Oxford University Press.
6. Sartre, J.-P. (1943). *Being and Nothingness*. Washington Square Press.
7. Heidegger, M. (1927). *Being and Time*. Harper & Row.
8. Taylor, C. (1992). *Multiculturalism and "The Politics of*

UOT-304.02

Irma Ketzxoveli

tarix üzrə fəlsəfə doktoru, professor.

Ünvan: Gürcüstan, Tbilisi, Rustaveli pr., 18

Tel: 599-33-21-55

E-mail: irma.ketskhoveli@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4739-4282>

**QAFQAZ XALQLARININ ÖZ MÜQƏDDƏRATINI
TƏYİNƏTMƏ
VƏ ONLARIN MƏDƏNİ DƏYƏRLƏRİ MƏSƏLƏSİNƏ**

Xülasə

Mədəni irsin dərinliklərindən və xalqların tarixi yaddaşından gələn obrazların, fikirlərin və dəyərlərin qeyri-adi sabitliyi müasir dünyada sosial psixologiya və mədəniyyəti bir çox cəhətdən müəyyənləşdirir. Dünya sosial-mədəni təcrübəsi insan varlığının müxtəlifliyinin əvəzolunmazlığını və bu amilin dünyanın özünü yeniləməsinə dərin təsirini göstərir.

Məqalənin əsas məqsədi: Qafqazda öz şəxsiyyətini kifayət qədər aydın şəkildə dərk edən və digər mədəni və sivilizasiya meqasistemlərindən fərqlənən xüsusi bir sosial birliyin olduğunu göstərmək. *Problemin inkişaf dərəcəsi.* Məqalənin sonunda bibliografiyaya baxın.

İşin metodoloji əsası yerli və xarici mütəxəssislərin əsərləri idi, Qafqazın sosial-mədəni həqiqətlərinin öyrənilməsinə fenomenoloji və sinxron yanaşmalar tətbiq edilmişdir. Tədqiqat müqayisəli təhlil, struktur-funksional yanaşma və fənlərarası metoddan istifadə etmişdir.

Elmi yenilik. Milli mədəniyyət yalnız tarixi bir sərvət kimi deyil, həm də sivilizasiyamızın modernləşməsində güclü bir amil, onun inkişafı üçün əhəmiyyətli bir strategiya kimi qəbul edilməlidir. Qafqaz xalqlarının həyat tərzində ümumi əlamət və əlamətlərin olması tez-tez etnogenetik qohumluq amilləri və ya müəyyən bir yaşayış sahəsinin hüdudlarında uzun müddət birlikdə yaşamaqla izah olunur. Birliyin əsaslarının belə bir izahı, əlbəttə ki, qanunidir, lakin açıq şəkildə kifayət deyil, çünki onların

sosial mənası, bütövlükdə cəmiyyətin həyatındakı yeri və rolu açıqlanmır. Buna baxmayaraq, Qafqaz xalqlarının bu cür empirik olaraq müşahidə olunan və təsvir olunan ümumi xüsusiyyətləri və xüsusiyyətləri özlüyündə son dərəcə vacibdir, çünki bölgədə vahid sosial-mədəni şəxsiyyətin mövcudluğunun dolayı təsdiqi kimi xidmət edə bilər.

Nəticələr. Tarixi taleyin ortaqlığı əsasən Qafqazın sosial-mədəni inkişafının xarakteri və istiqaməti və xarici dünya ilə əlaqəsi ilə müəyyən edilmişdir. Əsrlər boyu bölgə xalqları bir-birindən çox da fərqlənməyən bu cür tarixi problemləri və sosial problemləri həll etməli idilər. Çox vaxt bu cür vəzifələr birlikdə həll olunurdu, baxmayaraq ki, etnopolitik Qafqaz vahid deyildi. Bir insanın humanistləşdirilməsi tədbiri olaraq mədəniyyət obrazını rəhbər tutsaq, dialoq yalnız mədəniyyətlərin ünsiyyət vasitəsi olmayacaq, əksinə mədəniyyətin mahiyyətini təşkil edəcək və ya hər halda bu mahiyyətə aid olacaqdır. Qafqazın müxtəlif etnosları birlikdə vahid sosial-mədəni məkan yaratdılar. Qafqaz etnosları qarışmadı, bir-birinə qarışmadı və digər bölgələrdə, xüsusən çöl və düzənlik şəraitində olduğu kimi yeni, daha böyük və daha çox etnik icmalar yaratmadı. Onların hər biri öz kimliyini qoruyub, bununla da Qafqazın etnik müxtəlifliyini qoruyub saxlamışdır.

Açar sözlər: Qafqaz, etnoslar, xalqlar, mədəniyyətlər, dəyərlər, öz müqəddəratını təyinetmə, vahid sosial-mədəni məkan.

UDC – 304.02

Irma Ketskhoveri ,

PhD in History, Professor.

Address: Georgia, Tbilisi, Rustaveli Ave., 18

Tel.: 599-33-21-55

E-mail: irma.ketskhoveri@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4739-4282>

ON THE ISSUE OF SELF-DETERMINATION OF THE PEOPLES OF THE CAUCASUS AND THEIR CULTURAL VALUES

Abstract

The extraordinary stability of images, ideas and values coming from the depths of the cultural heritage and historical memory of peoples largely determines social psychology and culture in the modern world. The global socio-cultural experience testifies to the ineradicability of the

diversity of human existence and the profound influence of this factor on the self-renewal of the world.

The main purpose of the article is to show that there is a special social community in the Caucasus that is quite clearly aware of its identity and differs from other cultural and civilizational megasystems.

The degree of development of the problem. See the bibliography at the end of the article.

The methodological basis of the work was the works of domestic and foreign experts, phenomenological and synchronous approaches are applied to the study of the socio-cultural realities of the Caucasus. The study uses comparative analysis, a structural and functional approach, and an interdisciplinary method.

Scientific novelty. National culture should be considered not just as a historical asset, but also as a powerful factor in the modernization of our civilization, an essential strategy for its development. The presence of common features and characteristics in the lifestyle of the Caucasian peoples is often explained by factors of ethnogenetic kinship or long-term cohabitation within a certain living space. Such an explanation of the foundations of unity is, of course, legitimate, but insufficient, because their social meaning, place and role in the life of society as a whole remain undisclosed. Nevertheless, such empirically observed and described common features and characteristics of the Caucasian peoples are extremely important in themselves, since they can serve as indirect confirmation of the existence of a unified socio-cultural identity in the region.

Conclusions. The commonality of historical fate was largely determined by the nature and direction of the socio-cultural development of the Caucasus and its relationship with the outside world. For many centuries, the peoples of the region had to solve historical tasks and social problems, which in their essence differed little from each other. Such tasks were often solved jointly, although the ethnopolitical Caucasus was not unified. If we are guided by the image of culture as a measure of humanization, then the dialogue will not just be a means of communication between cultures, but will constitute the essence of culture or, in any case, will belong to this essence. The various ethnic groups of the Caucasus jointly formed a single socio-cultural space. The ethnic groups of the Caucasus did not mix, did not dissolve into each other and did not form new, larger and more numerous ethnic communities, as happened in other regions, especially in steppe and

lowland conditions. Each of them has preserved its identity, thus preserving the ethnic diversity of the Caucasus.

Keywords: the Caucasus, ethnic groups, peoples, cultures, values, self-determination, unified socio-cultural space.

УДК-304.02

Ирма Кецховели

Доктор истории, профессор,
Грузия, Тбилиси, пр. Руставели, 18

Tel.: 599-33-21-55

E-mail: irma.ketskhoveli@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4739-4282>

К ВОПРОСУ О САМООПРЕДЕЛЕНИИ НАРОДОВ КАВКАЗА И ИХ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЯХ

Резюме

Необыкновенная устойчивость образов, идей и ценностей, идущих из глубин культурного наследия и исторической памяти народов, во многом определяет общественную психологию и культуру в современном мире. Мировой социокультурный опыт свидетельствует о неискоренимости многообразия человеческого бытия и глубоком влиянии этого фактора на самообновление мира.

Основная цель статьи: показать, что на Кавказе существует особая социальная общность, которая достаточно четко осознает свою идентичность и отличается от других культурно-цивилизационных мегасистем.

Степень разработки проблемы. См. библиографию в конце статьи.

Методологическим основанием работы послужили труды отечественных и зарубежных специалистов, применены феноменологический и синхронный подходы к изучению социокультурных реалий Кавказа. В исследовании использованы сравнительный анализ, структурно-функциональный подход и междисциплинарный метод.

Научная новизна. Национальную культуру необходимо рассматривать не просто как историческое достояние, но и как мощнейший фактор модернизации нашей цивилизации, существенную стратегию ее развития. Наличие общих черт и

признаков в образе жизни кавказских народов часто объясняется факторами этногенетического родства или длительного совместного проживания в границах определенного жизненного пространства. Такое объяснение основ единства, разумеется, правомерно, но явно недостаточно, потому что остаются не раскрытыми их социальный смысл, место и роль в жизни общества в целом. Тем не менее, такие эмпирически наблюдаемые и описываемые общие черты и характеристики кавказских народов сами по себе чрезвычайно важны, поскольку они могут служить косвенным подтверждением существования в регионе единой социокультурной идентичности.

Выводы. Общность исторической судьбы во многом определялась характером и направлением социокультурного развития Кавказа и его взаимоотношением с внешним миром. На протяжении многих столетий народам региона приходилось решать такие исторические задачи и социальные проблемы, которые по существу мало чем отличались друг от друга. Зачастую такие задачи решались совместно, хотя этнополитический Кавказ не был единым. Если мы будем руководствоваться образом культуры как меры гуманизации человека, то диалог не просто будет средством общения культур, а будет составлять сущность культуры или, во всяком случае, будет принадлежать к этой сущности.

Различные этносы Кавказа совместно формировали единое социокультурное пространство. Этносы Кавказа не смешались, не растворились друг в друге и не образовали новые, более крупные и многочисленные этнические общности, как это происходило в других регионах, особенно в степных и равнинных условиях. Каждый из них сохранил свою идентичность, сохраняя тем самым и этноразнообразие Кавказа.

Ключевые слова: Кавказ, этносы, народы, культуры, ценности, самоопределение, единое социокультурное пространство.

За последние десятилетия Кавказ и в более широком плане - Кавказско-Каспийский регион чуть ли не в один день оказался в центре внимания и стал объектом соперничества ведущих мировых держав и политических сил, поскольку рассматривается как источник богатейших природных ресурсов. Он имеет большие перспективы стать важным узлом комплексных трансконтинентальных систем по линии Юг-Север, Восток-Запад.

Кавказ превратился в один из важнейших регионов мира, где завязались сложные узлы местных, региональных и глобальных интересов. Регион оказался в фокусе интересов России, Китая, США, Западной Европы, Турции, Ирана, Индии. Все это делает Кавказ важным перекрестком целого ряда глобальных проектов, требующих сотрудничества стран всего континента. При анализе места и роли Кавказа в мировой политике и стратегии в перспективе весь регион следует рассматривать как единое целое безотносительно к государственным, административным, этническим и национальным границам. У народов Кавказа есть общие цели, интересы, особенно в поддержании и обеспечении в регионе мира и стабильности, преодолении конфронтации, защите его этнокультурного и природно-этнологического разнообразия. Растущее региональное политико-экономическое сотрудничество, создание новых экономических инфраструктур, интеграционные процессы неизбежно ведут к формированию в сознании народов Кавказа общекавказской самоидентификации, к идее единого Кавказа [1].

Сосуществование старых, традиционных и высококультурных форм быта и культуры народов – создателей кавказской цивилизации выделяло «единый кавказский культурный мир» из традиционных обществ, представленных в других регионах современного мира вышеуказанным стройным и последовательным развитием хозяйственного быта, материальной и духовной культуры, социальных взаимоотношений, античной и эллинистической эпох. Благодаря органичному совмещению традиционных и высококультурных цивилизованных форм указанных сфер, Кавказу отводилась особая роль в объяснении и изучении закономерностей развития истории человечества. Необходимость познания именно этого своеобразия следует и в религиозном отношении. Расположенный между Черным и Каспийским морями, Кавказ делится на три основные хозяйственно-культурные зоны: северо-западную, центральную и северо-восточную. Исходя из этого, представляется возможность для выделения нескольких иерархически сопоставимых разнопорядковых субъединиц.

Центральный Кавказ охватывает Чечню, Ингушетию, Осетию, Балкарию, Тушетию, Хевсуретию и т.д. Перечисленные области входят в одну природно-географическую зону, т.е. в данном случае Центральный Кавказ рассматривается как чисто географическое

понятие, подразумевающее входящую в него территорию, охваченную определенными географическими границами. С такой точки зрения в Центральный Кавказ, несомненно, входят Кабарда и лежащие по другую сторону хребта смежные грузинские территории. Однако культурно-бытовые особенности этого региона более локализованы и не охватывают полностью весь географический ареал, поскольку в первую очередь нас интересует исторически сложившееся на общей экологической основе единство бытовой культуры и хозяйства. Кабарда же, несмотря на ее территориальную принадлежность к Центральному Кавказу, является носителем традиций западно-кавказской бытовой культуры. Таким образом, Центральный Кавказ как географическая область и Центральный Кавказ как культурно-бытовая категория не есть идентичные понятия.

С точки зрения культурно-бытовых особенностей отдельную область представляет собой Северо-Западный Кавказ. Этот исторический регион охватывает территории, населенные в основном народами адыго-абхазского происхождения и карачаевцами. Она достаточно четко граничит как с центрально-кавказской, так и с дагестанской системами. Разница между ними проявляется и в этнической культуре, что вполне логично, так как элементы этнической культуры в определенной степени несут отпечаток природно-географических условий, что, прежде всего, проявляется в формах хозяйства. Однако это не исключает взаимовлияния культур.

Наличие общих черт и признаков в образе жизни кавказских народов часто объясняется факторами этногенетического родства или длительного совместного проживания в границах определенного жизненного пространства. Такое объяснение основ единства, разумеется, правомерно, но явно недостаточно, потому что остаются нераскрытыми их социальный смысл, место и роль в жизни общества в целом. Тем не менее, такие эмпирически наблюдаемые и описываемые общие черты и характеристики кавказских народов сами по себе чрезвычайно важны, поскольку они могут служить косвенным подтверждением существования в регионе единой социокультурной идентичности.

Общность исторической судьбы во многом определялась характером и направлением социокультурного развития Кавказа и его взаимоотношениями с внешним миром. Социально-политическая жизнь кавказских народов почти однотипна. На

протяжении многих столетий народам региона приходилось решать такие исторические задачи и социальные проблемы, которые, по существу, мало чем отличались друг от друга. Зачастую такие задачи решались совместно, хотя этнополитически Кавказ не был единым. Если мы будем руководствоваться образом культуры как меры гуманизации человека, то диалог не просто будет средством общения культур, а будет составлять сущность культуры или, во всяком случае, будет принадлежать к этой сущности. Что касается взаимоотношений культур, значение диалога будет состоять не только в том, что он сделает возможным общение культур, но и в том, что будет свидетельствовать об уровне культур.

Что касается многообразия этносов и их взаимосвязей на основе содружества, это тоже определяется той культурой, которая характеризуется как внутренняя культура этносов – тут, я думаю, можно отстаивать вопросы лидерства, определяющий культурной уровень любого этноса. Тем более, известно, что культура народов Кавказа может претендовать на уровень традиции культур многих народов.

Мировое сообщество медленными, но уверенными шагами продвигается к всеобщему разотчуждению совокупных социальных отношений, однако современные темпы глобализации ни по количественным, ни по качественным социальным показателям не соответствуют действительным требованиям времени. Тенденции современной глобализации весьма противоречивы. Несмотря на существование множества международных организаций, дивиденды от сегодняшней глобализации предназначены для ограниченного количества людей. Сегодня считается, что глобализм, с одной стороны, – положительное явление, а с другой, он ведет к унификации, т.к. это попытка создания единого жизнеспособного пространства, где в ходе варьирующего процесса охватываются и область религии, и национальные традиции, и ценности и т.д. и в то же время - вопросы технического прогресса и точные науки, которые, конечно, приемлемы для всех в качестве общечеловеческого достояния. Но существующие сегодня на Кавказе открытые и латентные конфликты втянули народы в противостояние [2]. При этом региональные, на первый взгляд, противостояния в силу определенных причин приняли характер более глобального масштаба и за последние десятилетия стали объектом серьезного научного изучения. Известно, что каждый

регион проявляется локальными своеобразными чертами, что в совокупности создает цельность культуры Центрального Кавказа. Вместе с тем, традиционное общество характеризуется комплексом признаков: отношением этих обществ ко времени, к пространству и вообще - к бытию. Например, закон чести в кавказском обществе – это наивысший закон, о чем свидетельствует вся история культуры народов сообщества. В иерархии ценностей здесь честь превыше всего, даже самой жизни! Особо отмечается историческое прошлое на фоне взаимопонимания судеб, что играло определенную роль в принятии различных политических решений. Так, например, картлийские цари Парнаваз и Саурмаг на рубеже IV-III вв. до н.э., как об этом рассказывает «Картлис цховреба», расселили «дзурдзунов» (вайнахов) по всей горной части Грузии, от Дидоети до Сванетии, что было, безусловно, взаимовыгодно. Ведь горные перевалы Большого Кавказского хребта следовало защищать как с южной, так и с северной сторон, с чем родственные друг другу горцы хорошо справлялись. Формирование единства и, тем самым, могущества народов Кавказа, авторитет которых вырос как на Ближнем Востоке, так и в северных странах, приходится на XII – начало XIII вв.

Нашествие татаро-монголов на Кавказ (XIII-XIV вв.), падение Византийской империи (1453 г.) и возникновение Османской империи несколько ослабили взаимоотношения народов Кавказа. Наступили времена, когда Грузия, Кавказ рассматривались только в контексте Турции, Ирана и России.

Однако, несмотря на все это, в период средневековья кавказским народам удалось сохранить свойственную каждому из них традиционную культуру, что позволило сохранить контакты, не допустить их полного разрыва, хотя под воздействием внешних сил и факторов на Кавказе произошла социальная катастрофа – разрушение той социокультурной системы, которая сложилась здесь исторически и была гармонично адаптирована к условиям естественной среды обитания. Эта социальная деструкция не могла не сказаться, на самосознании народов кавказского сообщества. И, тем не менее, они по-прежнему продолжают осознавать себя через свою былую социокультурную общность. В советское время на Кавказе не ощущалось той социальной стабильности, которая была присуща советскому обществу в целом. Именно это взаимодействие не всегда лояльных друг к другу внутренних и внешних факторов во

многом объясняет, в частности, действительные истоки конфликтогенности Кавказа.

Нельзя не заметить, что в многовековой истории народов кавказского сообщества трудно найти аналоги современным этнополитическим конфликтам. Те социальные коллизии, которые имели место в истории Кавказа, не носили этнополитического характера, не возникали на основе этнотерриториальных притязаний и не преследовали цели подчинения одного народа другому. И вообще, кавказской культуре чужды вертикальные взаимоотношения составляющих ее народов. Для них более характерными являются горизонтальные взаимоотношения. Это тем более важно подчеркнуть, что за последние столетия произведена полная реконструкция социального устройства кавказского сообщества – перевод его в другое социокультурное измерение по модели техногенной цивилизации.

Часть исследователей объединяла человеческие потребности и ценности в единый термин: «интересы». Но сегодня принято разъяснение Дж. Бартон [3], согласно которому «интересы» определяются как стремление к материальному благосостоянию. С этой точки зрения, термин охватывает мотивируемые материальной обеспеченностью профессиональные, политические и др. стремления индивида или идентичной группы. В определенной мере «интересы» делят общество на отдельные, возможно, противостоящие, группы. Вместе с тем, интересы имеют преходящий и изменчивый характер, что зависит от условий среды. Их исчезновение может поставить под угрозу существование идентичной группы. Так же опасны и неконтролируемые «интересы», которые способствуют повышению уровня неравенства и отчужденности внутри общества. Поэтому весьма важно соотнести индивидуальные и общественные «интересы» с условиями среды, правопорядком и другими ценностями. Важно также выработать соответствующую тактику и политику, ибо человеческие потребности, ценности и интересы формируют политические цели людей. Вместе с тем, в условиях схожести фундаментальных целей различных идеологий внутри одного общества возможно расхождение интересов и ценностей у носителей этих идеологий. Порой в условиях конфликтных взаимоотношений, различные группы имеют одни и те же цели и задачи. Здесь достаточно организовать аналитический диалог для выявления общих целей и поиска возможностей их удовлетворения.

Как уже отмечалось, причиной противостояния людей становятся осуществление и сохранение универсальных потребностей, культурных ценностей и интересов, что проявляется в виде различных требований. Например, когда основой конфликта является полемика вокруг ресурсов, то за этим стоит потребность в уже истощенных физических или редких ресурсах. Нарушение баланса между пригодностью, распределением и потреблением ресурсов создает атмосферу отчужденности и вследствие этого - трудностей в социальной организации; создается конфликтная среда. Состояние апатии, появившееся у людей в нарастающей борьбе за выживание, может перерасти в состояние протеста в том случае, если рост жизненного уровня, обусловленный научно-техническим прогрессом, инновациями и осуществлением разных вспомогательных программ, будет побуждать этих людей к необходимости бороться за удовлетворение своих потребностей.

Грузия, как и другие страны Кавказа, нуждается в создании национального производства, формировании рынков сбыта, выработке общих региональных образовательных, культурных, экономических проектов и программ, что немислимо без региональной интеллектуальной кооперации и производственной специализации. Естественно, все это, наряду с признанием существования кавказской цивилизации, послужит экономической и идеологической базой обеспечения для мира и сотрудничества на Кавказе.

Своеобразная ситуация сформировалась на Северном Кавказе в области государственного строительства в XX веке, когда в советский период в честь некоторых (но не всех) национальностей были учреждены национально-территориальные автономии республики и области. До настоящего времени часть республик Северного Кавказа – «титольной» национальности, например в Адыгее – адыгейцы, в Северной Осетии – осетины, в других случаях «титольных» национальностей две (в Карачаево-Черкессии, в Кабардино-Балкарии), а в Дагестане – более десятка. При этом в большинстве районов население смешанное. В настоящее время на Северном Кавказе семь республик, два края и одна область, а как показала Всероссийская перепись 2002 г., жители региона относят себя к более чем 80 национальностям. Подавляющее количество населения, свыше 60%, – русские, их численность 11.6 млн. человек. Около трети жителей Северного Кавказа образуют 17 крупных

этнических групп, каждая численностью не менее 100 тыс. человек.

Самые многочисленные среди них - чеченцы (1,3 млн. человек) и аварцы (0,8 млн.); порядка полумиллиона человек каждая группа – это армяне, кабардинцы, даргинцы, осетины. Северокавказский регион уникален тем, что помимо больших этнических групп там расселены десятки малочисленных, насчитывающих по одной тысячи человек и менее.

Этнический состав населения Северного Кавказа по данным Всероссийской переписи 2002 г. таков: все население – 18910232 – 100,0%; абазыны – 36551 – 0,2%; абхазы – 3715 – 0%; аварцы – 776674 – 4,1%; в том числе: андийцы – 21380; арчинцы – 7; ахвахцы – 6366; багулалы – 23; бежтинцы – 6187; ботлихцы – 5; гинухцы – 525; годоберинцы – 6; гунзибцы – 981; дидойцы – 15201; каратинцы – 6032; тиндалы – 35; хваршины – 121; чамалалы – 5; агулы – 25558 – 0,1%; адыгейцы – 125611 – 0,7%; азербайджанцы – 162649 – 0,9%; арабы – 1810; армяне – 580953 – 3,1%; ассирийцы – 7193 [4].

Необыкновенная устойчивость образов, идей и ценностей, идущих из глубин культурного наследия и исторической памяти народов, во многом определяет общественную психологию и культуру в современном мире. Мировой социокультурный опыт свидетельствует о неискоренимости многообразия человеческого бытия и глубоком влиянии этого фактора на самообновление мира. Национальную культуру необходимо рассматривать не просто как историческое достояние, но и как сильнейший фактор модернизации нашей цивилизации, существеннейшую стратегию ее развития.

Результатом социальной адаптации, происходящей в процессе общественного развития этнических групп, являются универсальные общественные институты: куначество (гостеприимство), побратимство, кровомщение, в основе которых лежит принцип коллективного самосохранения. К ним можно приравнять традицию почитания старших, так как она распространялась и на представителей других этнических групп

Но ни одна общность людей, на какой бы почве она ни была создана, – будь то общественно-формационное, политическое, конфессиональное, классовое или профессиональное объединение, не оказалась настолько прочной, чтобы стать основой для самоопределения, самоидентификации индивида или группы. Устойчивее всех во времени оказалось чувство принадлежности к тому или иному этносу. Этнос был и остается базовой категорией –

объективным явлением истории и современности, реальностью. Этногенетическое родство многих кавказских народов играло определенную роль в формировании социокультурной общности. Кстати, такое родство показывает, что социальная общность Кавказа имеет глубокие корни и сообщество народов региона представляет собой не конгломерат различных этносов, а, скорее, определенную исторически сложившуюся целостность [5].

Следует отметить особенности проживающих в Грузии этносов и среди них – азербайджанцев, которые, живя в средних городах Грузии и окрестностях, успешно ведут хозяйственно-практическую, образовательную, культурную жизнь и т.д., тем самым интегрируясь с местным населением, при этом сохраняя свои традиции и культуру. Проживающие в Грузии азербайджанцы соблюдают все религиозные мусульманские праздники: самый распространенный «ураза байрам» (тридцатидневный пост), «курбан байрам», «новруз байрам», «мовлуд» и т.д. Ритуальные праздники, традиции бракосочетания, приданного для невесты и т.д. считаются делом чести семьи. Соблюдается также церемониал похорон с архаических времен. Азербайджанцы традиционны в своем гостеприимстве: готовят традиционные блюда; приготовление пищи тоже связано с семейной традицией. Чаепитие считается не только употреблением напитка, за чаепитием традиционно решаются семейно-бытовые вопросы.

Согласно статистическим данным, в 90-е годы в г. Марнеули проживало население численностью в 25 тысяч, состоящее из 15 национальностей. По количеству душ на первом месте были азербайджанцы. Жили также грузины, армяне, греки, осетины, евреи, айсоры, лезгины, курды. Со временем намного уменьшилось количество осетин, русских, евреев, греков, однако преобладание азербайджанского населения и сегодня явно заметно, хотя следует отметить, что в этом слое населения в последнее время возрос миграционный процесс. Одна из причин миграции – незнание грузинского языка. Молодежь после окончания азербайджанских школ уезжает получать высшее образование в Баку, Тбилиси и в Россию. Часто они там же обосновываются и обзаводятся семьями. Нередко таких переселенцев после смерти по их завещанию хоронят в Марнеули. Азербайджанцы, уезжающие из Марнеули, как правило, занимаются бизнесом. Накопив определенный капитал, они в Марнеули, в других селениях строят дома европейского стандарта,

так что там уже нигде не увидишь ни гарадам, ни тагбенд; тем не менее, они с большой любовью хранят национальные антикварные вещи, например, ковры.

Азербайджанцы живут в основном обособленно, они меньше общаются с представителями других национальностей. Почти нет смешанных браков, но и нет многоженства, так что азербайджанки считают себя полными хозяйками своих семей. Следует отметить, что домашнее хозяйство лежит на плечах хозяйки семьи. Они успешно занимаются огородничеством, готовят молочные продукты и торгуют на базарах. Для молодых мужчин главное дело – бизнес, пожилые же целыми днями проводят время в чайханах, если не ухаживают за скотом. В селах есть как неразделенные, так и разделенные семьи. При разделе младший сын остается с родителями, остальные же строят дома по соседству [6].

Проживающие в Грузии различные этносы, среди них греки, армяне, осетины, курды, ассирийцы, лезгины, кистинцы, русские и т.д. также традиционны в своем выборе образа жизни. Соблюдая древние традиции на свой лад, они никогда не испытывали какого-либо притеснения со стороны грузинского населения, законов, правительства Грузии, наоборот, всегда имели возможность жить согласно правилам своих традиций, своим взглядам и интересам.

После 90-х годов, когда Грузия стала независимой, быт марнеульских азербайджанцев значительно изменился. Они осознали, что для нормального развития общества необходимо владеть государственным, т.е. грузинским языком. В школах более успешно ведется обучение грузинскому языку, и молодежь уже в Тбилиси получает высшее образование. Им часто даже не приходится покидать Марнеули, где они и работают учителями, врачами. Азербайджанцы, владеющие большим капиталом, занимаются благотворительностью: помогают бедным согражданам, пожилым, строят мечети и стараются жить на благо своего народа, одновременно стремятся сохранить традиционные нормы быта.

На Кавказе был накоплен уникальный культурно-исторический опыт: на сравнительно небольшом географическом пространстве сконцентрировалось большое количество различных немногочисленных этносов, которые совместно формировали, интенсивно взаимодействуя, единое социокультурное пространство. При этом этносы не смешались, не растворились друг в друге и не образовали новые, более крупные и многочисленные этнические

общности, как это происходило в других регионах, особенно в степных и равнинных условиях. Каждый из них сохранил свою идентичность, сохраняя тем самым и этноразнообразие Кавказа. Такие социальные процессы в рамках кавказской культуры вряд ли проходили гладко, но не вызывали каких-либо этнополитических конфликтов, которыми переполнен современный Кавказ. Численность каждого этноса на протяжении веков поддерживалась на определенном уровне. Этому во многом способствовала сама природа – своеобразие Кавказа, препятствовавшая непомерному численному разрастанию этноса. Здесь допускалось лишь простое воспроизводство численности населения. И делалось это при помощи социальных механизмов (права, обычаев, общественного мнения и др.), призванных регулировать демографические процессы.

Четкое функционирование механизмов позволяло каждому этносу поддерживать свое существование (самосохранение), способствовать воспроизводству жизненных ресурсов, которыми располагала среда его обитания, и сохранению, что весьма важно для кавказской культуры. Своеобразие социокультурной общности Кавказа, ее отличие от других мегакультурных генераций просматривается на уровне эмпирического наблюдения. Предметом наблюдения здесь могут быть образ жизни людей – представителей сопоставляемых культур, их социальный уклад, уровень организации системы, менталитет, внутрисоциальные взаимоотношения и многое другое. Таким образом, использование феноменологического и синхронного подходов к изучению социокультурных реалий Кавказа приводит к одному и тому же выводу о том, что на Кавказе существует особая социальная общность, которая достаточно четко осознает свою идентичность и отличается от других культурно-цивилизационных мегасистем.

Литература:

1. Курдиани М., Чичуа М. К вопросу о проблемах общекавказской интеграции (Традиционная геополитика Кавказа на фоне глобализации), Археология, этнология и фольклористика Кавказа. Материалы международной конференции, 2003, с. 192-193.
2. Кецховели И.В. Глобализм и новые парадигмы культуры Кавказа, Археология, этнография и фольклористика Кавказа, Махачкала. 2007, с. 255.
3. Barton J. Conflict: Recolusion and Prevention. London:

Macmillan Prees. 1990.

4. Российский Кавказ / Под ред. В.А. Тишкова, М., 2007.

5. Кецховели И.В. Традиционная культура Кавказа и вопросы социокультурной идентичности, Этносоциология вчера и сегодня. Москва, 2016, с. 366-367.

6. Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1969.

7. Шамиладзе В.М.. Кавказ и внешний мир в свете особенностей кавказской цивилизации. Научн. сб. Археология, этнология, фольклористика Кавказа. Тбилиси, 2011.

References:

1. Kurdiani M.. Chichua M. K voprosu o problemakh obshchekavkazskoy integratsii (Traditsionnaya geopolitika Kavkaza na fone globalizatsii). Areologiya. etnologiya i folkloristika Kavkaza. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii. 2003. s. 192-193.

2. Ketskhoveri I.V. Globalizm i novyye paradigmy kultury Kavkaza. Arkheologiya. etnografiya i folkloristika Kavkaza. Makhachkala. 2007. s. 255.

3. Barton J. Conflict: Recolusion and Prevention. London: Macmillan Prees. 1990.

4. Rossiyskiy Kavkaz / Pod red. V.A. Tishkova. M.. 2007.

5. Ketskhoveri I.V. Traditsionnaya kultura Kavkaza i voprosy sotsiokulturnoy identichnosti. Etnosotsiologiya vchera i segodnya. Moskva. 2016. s. 366-367.

6. Melikishvili G.A. K istorii drevney Gruzii. Tbilisi. 1969.

7. Shamiladze V.M.. Kavkaz i vneshnikh mir v svete osobennostey kavkazskoy tsivilizatsii. Nauchn. sb. Arkheologiya. etnologiya. folkloristika Kavkaza. Tbilisi. 2011.

UDK – 78.01

Sevil Məmməd Tağı qızı Fərhadova

Sənətsünaslıq doktoru, professor,

AMEA Memarlıq və İncəsənət İnstitutu "Muğamsünaslıq" şöbəsinin
müdiri,

Azərbaycan, Bakı şəhəri, Nizami küçəsi 66, mənzil 67

CƏMIYYƏTİN SOSİALLAŞMASINDA ŞƏRQ VƏ QƏRB MƏDƏNİ KONSTANTLARININ ROLU VƏ SPESİFİKASI

Xülasə:

Məqalənin məqsədi: Mövzunun seçilmiş baxış bucağı, həyat prosesinin nizamlanması uğrunda kütlələrin şüurunu tarixi olaraq konsolidasiya edən Şərq və Qərb mədəni konstantlarının mahiyyətinə varmaq zərurəti ilə şərtlənir. Tədqiqatın əsas başlanğıc nöqtəsi – inkişaf və yüksəlişin daxili və xarici düşüncə qütblərinin qarşılıqlı təsirinə əsaslanan ikiqatlı (iki faktorlu) dinamikasıdır. Bu prosesin məqsədi isə – ideya ilə işıqlanan, hədləri aşan bir zirvə fazasına çatmaqdır.

İdrak prosesinin işıqla dolması “mərkəzi nizam” faktoru kimi nəzərdən keçirilir; bu faktoru dərk etməklə və ona yönəlməklə, bugünkü gərgin və ziddiyyətli dövrdə cəmiyyətin bütöv dünyagörüşünün harmoniyasının bərpası, nəticədə isə həyatın bütün təzahürlərində ahəngin mümkünüyü ortaya çıxır. Bu baxımdan, musiqi fenomeninin ilkin yüksək mənə qatında – Kainatın Ahəngi kimi – yenidən düşünülməsi məqsədinə xidmət edən qeyri-adi yanaşma təklif olunur.

Tədqiqat metodu və metodologiyası:

Tədqiqatın mövzusu Şərqə xas irrasional və Qərbə xas konstruktiv düşüncə tərzlərini əhatə etdiyindən, metodoloji seçim aşağıdakı yanaşmaları birləşdirir: fenomenoloji, koqnitiv, komparativistik və holistik (bütövlük yönümlü) metodlar.

Problemin araşdırılma dərəcəsi:

Aparılmış çoxsaylı və müxtəlifşəxəli tədqiqatlara baxmayaraq, məqalədə işıqlandırılan bu konkret prizmadan cəmiyyətin sosiallaşdırılması məsələsi ilk dəfə sistemli şəkildə araşdırılır.

Elmi yenilik

Bu məqalədə müəllifin uzun illər apardığı tədqiqatların nəticələri əks olunub. Burada ən çox fəlsəfi və aksioloji baxış bucağından, ilkin sinkretik mədəniyyət formalarının çoxşəxəli təhlili verilir; bu formalar mədəni irsin əsasını təşkil edən zəngin və mahiyyətə vahid mirasın özəyidir. Mövzunun işıqlandırılmasında yaradıcı impulsar doğuran alternativ – dalğa xarakterli təfəkkürün mahiyyəti nəzərə alınmaqla, musiqinin mənəvi-prosessual idrakda oynadığı əsas rola diqqət yetirilir. Bu proses həm Şərq, həm də Qərb mənəvi konstantları əsasında cəmiyyətin harmonik quruluşunu mümkün edir.

Çıxarışlar:

Tədqiqatın əsas nəticəsi – insan şüurunun ilkin ikili təbiətinə (daxili və xarici qütblərin qarşılıqlı təsirinə) yönəlmiş araşdırmalarda, geometrik və say simvolikasının konseptual mahiyyətini izah edən çoxsaylı sualların ortaya çıxmasıdır. Bu simvollar erkən mədəni konstantların mövcudluğunu təsdiq edir və dünyanın canlı, vibrasiya edən bir orqanizm kimi bütöv qavrayışını formalaşdırır.

Açar sözlər: musiqi, hərəkət dinamikası, muqam, idrak-transformasiya, həndəsə, rəqəm, canlı, sosiallaşma, Şərq-Qərb, mənəviyyat, dövrilik, konstruktivlik, bütövlük.

UDC – 78.01

Sevil Farhadova,

Doctor of Art History, Professor,

Head of the Department of "Mugham Studies",

Institute of Architecture and Art of ANAS.

Azerbaijan, Baku, AZ1001, Nizami str. 66, sq.67

Tel.: 051-693-31-47(m)

E-mail: sevil.farhadova@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-2358-3574>

THE ROLE AND SPECIFICITY OF EASTERN AND WESTERN CULTURAL CONSTANTS IN THE SOCIALIZATION OF SOCIETY

Abstract

The purpose of the article. The chosen perspective of the topic is due to the demand for understanding Eastern and Western cultural constants that historically consolidate the consciousness of the masses in an effort to streamline the life process. As an initial reference position is considered the dynamics of development and growth itself in a two-factor (internal–external) thought process aimed at achieving a peak phase - a breakthrough into the transcendence and illumination of the Idea. The processality of cognition and insight experience is considered as a factor of the "central order", with awareness and orientation towards which the prospect of restoring harmony of a holistic worldview and, as a result, harmony of life in all its manifestations opens up, demanded by the

current conflict time of confrontations and confrontations. An attempt to realize this task is conditioned by a non-trivial approach to understanding the phenomenon of music in its original high meaning - the Harmony of the Universal Process.

Research methods and methodology. The research topic affecting the issues of irrational Eastern and predominantly constructive Western thinking dictates the conditionality of methodological choice, including phenomenological, cognitive, comparative, holistic approaches.

The degree of development of the problem. Despite the totality and versatility of the research conducted, the problem of socialization of the society is being studied for the first time from the illuminated perspective.

Scientific novelty. This publication reflects the result of many years of author's research related to a multidisciplinary, primarily philosophical axiological understanding of the early syncretic forms of traditional culture, which formed the backbone of one at its core cultural heritage rich in achievements. The coverage of the stated topic, taking into account the nature and peculiarities of alternative wave thinking that creates creative impulses, comprehends the fundamental role of the spiritual musical-procedural side of cognition in the harmonious creation of society on the basis of unfading both Eastern and Western semantic constants.

Conclusions. The main result of the ongoing search, focused on the primordial dual nature of consciousness, centered by the dynamics of interacting (internal and external) poles of thought, is a logical unfolding of many issues related to the conceptual content of geometric and numerical symbols, indicating the existence of early constants that create a holistic perception of the world as a single pulsating living organism.

Keywords: music, dynamics of movement, mugam, cognition-transformation, geometry, number, socialization, East-West, spirituality, constructiveness, integrity.

УДК – 78.01

Севи́ль Мамме́д Та́ги гызы́ Фа́рхадова
доктор искусствоведения, профессор,
зав.отделом «Мугамоведения»,
Института Архитектуры и Искусства НАНА.
Азербайджан, г. Баку, ул. Низами 66. кв. 67
+99451693-31-47(м.), 598-03-54 (д.)
E-mail: sevil.farhadova@gmail.com

РОЛЬ И СПЕЦИФИКА ВОСТОЧНЫХ И ЗАПАДНЫХ КУЛЬТУРНЫХ КОНСТАНТ В СОЦИАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Резюме

Цель статьи. Избранный ракурс темы обусловлен востребованностью осмысления восточных и западных культурных констант исторически консолидирующих сознание масс в стремлении упорядочить жизненный процесс. Исходной опорной позицией рассматривается сама динамика развития-роста в двухфакторном (внутреннее-внешнее) мыслительном процессе, нацеленном на достижение пиковой фазы – прорыва в запредельность и освещенности Идеей. Процессуальность познания–озарения рассматривается как фактор «центрального порядка», с осознанием и ориентацией на который открывается востребованная текущим конфликтным временем противостояний и противоборств перспектива восстановления гармонии целостного мировосприятия и, как следствие, гармонии жизни во всех ее проявлениях. Попыткой реализации поставленной задачи обусловлен нетривиальный подход в осмыслении феномена музыки в ее изначальном высоком значении – Гармонии Вселенского процесса.

Методы и методология исследования. Темой исследования, затрагивающей вопросы иррационального восточного и преимущественно конструктивного западного мышления, продиктована обусловленность методологического выбора, включающего феноменологический, когнитивный, компаративистский, холистический подходы.

Степень исследованности проблемы. При всей совокупности и разносторонности проводимых исследований, в освещаемом ракурсе проблема социализации общества изучается впервые.

Научная новизна. В настоящей публикации отражен результат многолетних авторских исследовательских поисков, связанных с многопрофильным, прежде всего философским аксиологическим осмыслением ранних синкретических форм традиционной культуры, составивших костяк богатого достижениями, единого в своей основе культурного наследия. Освещением заявленной темы с учетом

природы и особенности альтернативного, создающего творческие импульсы волнового мышления, осмысливается основополагающая роль духовной музыкально-процессуальной стороны познания в гармоничном созидании социума на основе немеркнущих как восточных, так и западных смысловых констант.

Выводы. Основным результатом проводимого поиска, ориентированного на изначальную двойственную природу сознания, центрируемого динамикой взаимодействующих (внутреннего и внешнего) полюсов мышления, является то, что логической развертке поддаются множество вопросов, связанных с концептуальным содержанием геометрической и числовой символики, свидетельствующих о существовании ранних констант, создающих целостное восприятие мира как единого пульсирующего живого организма.

Ключевые слова: музыка, динамика движения, мугам, познание-претворение, геометрия, число, социализация, Восток-Запад, духовность, конструктивность, целостность.

Привыкли люди к музыке не замечают в ней чудес.

Великая наука о жизни – философия еще не
выдвинула человека, который раскрыл бы во
всей полноте грандиозную

эпопею познания жизни, развернутую в музыке.

Музыканты же

своей специализацией ограждают

себя от жизни, от философии и, что греха таить,
порой от самой музыки».

Борис

Асафьев[1]

Выбор в качестве эпиграфа глубоко значимого для освещаемой темы высказывания академика–композитора Бориса Асафьева не случаен. Творческому, разносторонне одаренному уму композитора открывалось то, что не обуславливалось лишь специализацией или родом деятельности. «Эпопея познания жизни» осознавалась мыслителем в результате творческих прорывов в запредельность как в композиторской, так и в его научной практике. Отсюда прозорливый и одновременно сокрушенный тон приведенного высказывания Б.Асафьева, имеющего непосредственное отношение

к сути освещаемой проблемы, касающейся специфики восточных и западных культурных констант в глобальном процессе становления - единения - преображения.

Правомерность занимаемой позиции может быть осознана при адекватной психологической ориентированности, устанавливающей соответствующую планку в восприятии различных ракурсов обозначенной темы. В свете отмеченного представляется необходимым изложение изначальной мотивации исследовательского поиска, обусловившего, феноменологический, когнитивный, холистический, номологический методологические подходы в разностороннем постижении культурных традиций Востока и Запада. Авторская позиция формировалась в процессе изучения коллективного ритуального, а также классического устного традиционного наследия далекого прошлого, непредвзятое осознание которого прежде всего предполагало осмысление природы раннего духовного мышления и обусловленного им целостного мировосприятия и мировоззрения. Ключевую роль в постижении таинства раннего синкретического мышления сыграло преодоление инерции «профильного» музыковедческого восприятия специфики монодийной музыки как типа мышления.

Слово «монодия», в зависимости от исторической эпохи, в контексте той или иной национальной культуры, наполнялось новым смыслом. Если в древнегреческой культуре монодия (буквально, «Песнь Одного») - трактовалась как «сольная песня», то в контексте византийской культуры (XVIII в.) монодия осмысливалась как «одноголосное пение без сопровождения». Именно этот этап стал переломным в понимании сути монодии, что сказалось и на судьбе ее дальнейших научных разработок. С момента трансформации монодии из «сольного пения» в «одноголосное пение» теряется ее изначальный смысл, ибо происходит смешение понятий «единичное» и «единственное», то есть подмена философской категории числа, центрирующего внимание на целостности ОДНОГО, количественно-порядковой цифрой один, трактуемой как одноголосие. В результате, за «кадром» специализированного исследовательского внимания оставался незатронутым главный концептуальный процессуальный аспект проблемы познания, издавна осмысленный как практика «кристаллизации хора голосов в чистый Тон», что стало препятствием не только для глубинного разностороннего освещения монодии как проблемы

фундаментального масштаба, но и, что еще важнее, причиной возникшего непреодолимого заслона для многопрофильного постижения значимости главной жизненной артерии научного исследовательского поиска, каковой является сама процессуальность познания – озарения, т.е. акт рождения на высоком гребне становления Мысли-Идеи.

Познание-озарение, как сущностный Со-бытийный фактор, «экранизирующий» глобальный духовный рост, может рассматриваться духовной завязью, единым ядром, из которого произросла культурная целостность, именуемая общечеловеческим духовным наследием. Как в локальном, так и в глобальном масштабе духовный рост осуществлялся (и осуществляется) по единому принципу, основанному на ритмичном взаимодействии полюсов мышления. Особой предназначенностью каждого из полюсов определена их специфика, обусловившая своеобразие культур (Восток-Запад) или сфер знания (искусство-наука). Предрасположенность к одному из полюсов указывала на принадлежность к восточному или западному типу мышления, на художественный или научный склад ума.

«Познай самого себя»

Надпись на дельфийском храме

Творческий акт изначально осуществляемый процессуальностью возвышения в духовном становлении, обозначивший лучевые контуры «архитектоники» процесса познания - озарения, приравнивался акту Веры. Если траектория Луча была "дверью" ведущей к Истине, то творческая процессуальность, в которой бился пульс Вселенского становления - пульс жизни - была "ключом" открывавшим эту "дверь". Право владения "ключом" - изначальная привилегия двухполюсного сознания человека, наделенного сверхчувственным (континуально-волновым) и чувственным (корпускулярно - дискретным) восприятием мира. С занятой позиции сознание человека в акте познания–озарения, одновременно духовного единения, представляется совершенным резонирующим «инструментом», двумя полюсами которого являются внутренний - бурдонирующий, концентрирующий энергию мышления и внешний - создающий рельеф динамики движения. Раскачивание маятника подсознания в процессуальности познавательного акта с творческим

прорывом в бесконечность и озаренностью Идеей приравнялось мыслителями самой Жизни.

Из всего изложенного следует, что в процессуальности духовного развития человека, общества действуют единые предпосылки, обуславливающие общие принципы самотрансляции структурирующей субстанции (Абсолют и мыслящий человек) в продуктах творчества. Продуктом творчества, Высшего Сознания, предстает природа во всех ее ипостасях, центральным звеном которой является «homo sapiens» (человек мыслящий), самое феноменальное из всех его творений. В микросценарии духовного становления, ограниченного временным отрезком одной человеческой жизни происходят, как выясняется, события аналогичные событиям "глобальной эпопеи" - становления человечества, растянутого на века, со всеми сопутствующими этому процессу составными параметрами, чередующимися стадиями "приливов" и "отливов", подъемов и спадов, с расхождением и схождением полюсов мышления, описывающих свои круги в водовороте земной человеческой жизни. Если, обращаясь к музыкальной процессуальной геометрии, за тему в полифонической ткани миротворчества принять "духовное становление", то ее имитацией в увеличении будет духовное становление человечества, а имитацией в уменьшении - сакральный акт духовного слияния человека с Абсолютом – МУ ГА. (В геометрической транскрипции – смыкающиеся или пересекающиеся лучи).

Видимость внешних кардинальных перемен связанных, в основном, с мировоззрением и мировосприятием, со взглядами, вкусами и привычками - не касается существа становления, так как ее цель (как это видится из предлагаемой версии концепции познания) - восхождение к вершине пирамиды вселенского Знания, где ratio и моно полюсам предстоит сойтись в той высокой фазе зрелости ratio полюса, когда логикой рационального мышления будет постигнут Логос иррационального мира, что, согласно усматриваемому принципу движения-развития будет означать смыкание начала и конца духовного процесса. Великий смысл совершаемого в мире духовного процесса – процесса познания, с нашей точки зрения, в осознании рациональным мышлением Вселенской концепции, первоначально постигнутой иррациональным духовным актом озарения - посвящения. (Изложенное совпадает с гениальным предвидением древних

мыслителей о Великом Пределе как моменте встречи Инь-Ян. В индийской философии эта философская концепция записана геометрией речного потока разделяющегося на два русла и, пройдя множество миль, вновь сворачивающегося в единое целое в месте названном Аллахабадом. В азербайджанской традиции прочитывается в динамике соотношения внутреннее – внешнее, с преобладанием внутреннего волевого фактора, ориентированного на прорыв к Свету Истины. Примечательно, что аналогичное по смыслу высказывание принадлежит яркому представителю технической науки Вернеру Гейзенбергу, усматривающему в целостном развитии наличие «центрального порядка», приравниваемого физиком-мыслителем к Единому неоплатоников. Справедливой представляется мысль ученого о том, что: «Актом общения с этой сферой могло быть не только философское умозрение, художественное творчество, *но и чистая наука*»).

Восхождение к пику Знания осуществляется постоянным отклонением *ratio* полюса от полюса *monopole*, при ритмичном схождении и расхождении (подобно стрелкам на часах) полюсов мышления, складывающемся в структуру глобальной рефренности. Изучение стадий духовного становления создает впечатление движения этого процесса в направлении от этапа связанного с парадигмой "все из одного", к этапу доминирования парадигмы "одно во всем" ("зеркальное" повторение). Если на первом этапе в фазе высокой активности *monopole* мышления происходит разветвление, растекание Единосущного в пространстве и во времени, то на втором этапе процесс принимает обратный характер - возвращения от множественности к Единосущному. При геометрическом изображении этого процесса получим ромб. В глобальном масштабе духовной Вселенской процессуальности ромб преобразуется в квадрат, квадрат в круг, ибо, как изрекал великий китайский мудрец Лао-Цзы: "Великий квадрат не имеет углов". Следовательно, Конус, Квадрат, Ромб, Круг, Спираль - концептуальные знаки - "геометрические версии" волнового движения-возвышения в духовных актах становления Мысли, обнаруживающей себя Ритмо-Тоновой динамикой, обуславливающей духовный прорыв в запредельность в процессуальности познания-озарения.

«Монада – единица - центрирует
противоположные начала творческой диады».

Пифагорейская триада

«Духовная функция искусства несомненна, если, конечно, оно не порывает изначальных своих связей с «центральной порядком».

Вернер Гейзенберг

Становление культуры отдельного этноса или народа составляет фрагмент становления глобальной мысли. Вся культура человечества напоминает лоскутную мозаику: образование из единой синтагмы орнаментов, складывающихся из различного сочетания одних и тех же сегментов. Любой орнамент состоит из множества сегментов. В природе нет односоставного орнамента, нет констатируемого цветового и звукового спектра. Следовательно, в истории не было и не могло быть однородной культуры. Любая единичная культура подразумевает смешение культур, произрастающих из единой целостности - культурной синтагмы, как единого духовного зачина. В этом смысле, потуги некоторых «специалистов» направленные на составление ранговой иерархии культур по признаку их древности, заведомо ошибочны и нецелесообразны. В свете сказанного, уместно напомнить изначальный смысл слова "иерархия", заимствованного из духовной лексики, обозначающего не ранговую лестницу, а принцип разветвления. Разобраться в том, как возникала и отслаивалась культурная целостность, что оседало в одних культурах, а что переходило в другие культуры и как, в конечном счете, выкристаллизовывалась иная культурная целостность, - процессов происходящих на фоне постоянно меняющейся картины жизни - не представляется возможным. А потому, задавшись целью выявления значимости культуры отдельного этноса или народа, не предпочтительнее ли поискам теней этнических призраков в далеких цивилизациях, ничего не прибавляющим ни предмету притязания, ни получившей ее в "собственность" культуре, попытаться задуматься над глубокими духовными импульсами, создававшими эту цивилизацию, двери которой готовы распахнуться любому не по признаку этнического родства, а по признаку проникнутости ее высокими смыслами. Не следует забывать, что культура как духовная целостность не нечто застывшее, а живой развивающийся процесс, важные вехи которого отмечены творческими всплесками. Ранние духовные достижения могут заявлять о себе как достояние

лишь в той культуре, где нащупывается их пульс. В противном случае они могут рассматриваться как омертвевшие ткани, возможно, некогда родного организма, и тогда они становятся либо "памятником старины", либо исторической фальсификацией. Будем помнить, что самоценность культуры как раз и состоит в том, что ей свойственно формировать взгляды, не подстраиваясь под них. С этой точки зрения представляется наиболее важным не столько выявление родоплеменных связей, сколько прослеживание ритма и динамики развития творческой мысли, что, в дальнейшем, может способствовать восполнению недостающих "сюжетных" фрагментов, связанных с историей.

Прежде заострим внимание на том, что продуктом такого мышления не всегда были духовные явления, относимые в дальнейшем к категории "искусства". Создание этических и эстетических идеалов было следующей стадией процесса становления. Вначале же интуитивным мышлением постигалась информация, возмещавшая отсутствие научных знаний, позволявшая строить, возводить, удивляя будущие поколения мастерством "инженерной техники", грандиозные сооружения без необходимой (для современного человека) технической оснащенности и специальных знаний о ней. Поразительное чувство формы, ощущение пропорциональности, соразмерности частей и целого (повторяющие "конструктивные элементы" природы) обнаруживается не только в возведенных памятниках старины, но и в ранних видах творчества - в орнаменте и расцветке сохранившихся с далеких времен изделий прикладного характера: ковров, посуды, "украшений" и пр. (в азербайджанской культуре вплоть до кулинарного реквизита и «геометрии» выпечек), демонстрирующих зрелое мышление. Самое удивительное состоит в том, что многие из свидетельств старины хранят в себе тайну, не осмысленную рациональным умом. В их символике в свернутом виде содержится информация все еще непонятая современными людьми, остающаяся загадкой для будущих поколений. Отсюда возникает предположение о том, что такое мышлению открывалось нечто лежащее за пределами доступности рационального ума, так как интуитивным мышлением выявлялось сущностное, универсальное, содержащее в потенциале безграничное волновое информационно - акустическое пространство. От знания универсального, вероятно, и происходила универсальность знаний.

Красноречивым свидетельством уровня мышления является факт существования в прошлом космологических представлений, выполнявших базисную роль в познании человеком мира. Памятники старины, свидетельствующие о высоком уровне мышления создающего мир человека, оснащенного знанием и опытом возведения масштабных храмовых, дворцовых и пирамидальных и пр. фантастических сооружений, апеллирующего к знакам и символам духовного знания, доносимого концептуальностью числа, геометрией «золотого сечения» и пр. - показатели изначальной приверженности поколений к «центральному порядку» установленному в акте озаренности Истиной.

Актом познания - единения была вызвана к жизни Вера, ставшая ядром религии. (Вот, вероятно, почему очагами знания долгое время оставались духовные организации). В лоне духовного мира со временем стали, как известно, прорасти и семена интеллектуального осмысления Гармонии мира.

Вначале же источником «всякого рода знаний», был сам акт познания – акт прорыва и духовной трансформации в сплошной нескончаемый волновой поток, в свое «не я», озвученный звукосочетанием му-гам (или магам).

Предположительно каждое звукосочетание как смысловой код движения - становления мог иметь свою геометрическую транскрипцию. К первоначальным священным звукосочетаниям, по существующему убеждению, относятся звуки «ОМ» (губы при произношении растянутые трубкой на звук О, на звуке М – смыкаются в точку - звуковая геометрическая транскрипция звукосочетания - точка в круге) и ХУ (энергичный волевой посыл) – заданный Ритм духовного процесса становления-единения. Гармония движения-роста идентифицируемая с концентрическими кругами зафиксирована в исторической памяти словом Мусики. В духовной литературе слово «Мусики» («Моисей услышь») трактуется как пророчество. Со-бытийный фактор возвышения–озаренность Истиной, сохраняется в классическом устно - профессиональном наследии Азербайджана под кодовым словом МУ ГАМ.

В глубоком смысле, "являемой мистикой" и "иррациональной мыслью" можно считать музыку в целом, так как любое музыкальное явление (подразумевается и сочиняемая, но не

механически модулируемая, а живая музыка), содержит энергию духа создателя. Любая живая музыкальная речь - это воплощенная в звуках волновая мысль, стало быть, воплощенная в звуке духовная энергия. Наличие централизующей -Мысли-Идеи - необходимое условие «трансформации множества голосов в чистый Тон», что возможно исключительно при духовном взаимопроникновении. Музыка, возникавшая в сакральные минуты единения с Высшим Разумом, содержала частицу Божественной Энергии - Божественную Мысль. Хранимая памятью поколений профессионалов концептуальное содержание мугам-дастгяха (геометрическая транскрипция - ромб) центрирующее концептуальное ядро древнейшей культуры Азербайджана.

«Традиция это передача Огня, а не поклонение пеплу».

Густав Малер.

«В огне любой свечи поймешь ее завет.

В сиянье всех свечей – Творца единый Свет»

Низами Гянджеви.

Национальная культура, как духовная целостность, возникает в результате становления единства, достигаемого слитностью смысловесущих ритмов земли и народа, взаимопроникновение которых происходит на протяжении тысячелетий. Человек, центрирующий в себе энергию космоса и земли, изначально ориентирован на восприятие ритмо-смыслов доносимых их токами. Следовательно, обусловленность национально разноликих культур, как и внешнего облика их носителей, мотивируется, прежде всего, сплавом ритмов родного края с духовностью коренного населения. Иными словами, национальная характеристика культуры, во многом зависящая от смысловесущих констант региона: ландшафта земли, природных, климатических условий, флоры и фауны - во многом определяется единичным содержанием палитры, отличающейся сочетанием тонов, обусловленным спецификой местности, ее расцветками и звучанием, вкусом и запахом даруемых ею плодов, витающим в воздухе ароматом полей и лугов и пр., создающими неповторимую мелодию родной земли. Усваивая из поколения в поколение ее ритмы, живущие в тесном взаимодействии с ней люди, отдавали ей часть своей энергии, согревая землю теплом своих рук возделывающих, сеющих, возвращающих, поливая ее потом и

кровью, заряжая ее энергией поющего голоса, ритмичными танцевальными жестами, интонируемыми рифмами поэтического слова. Наследуемое потомками духовное богатство передавалось не только с "молоком матери", но и доносилось землей, хранящей в себе коды духовной культуры живущего на ней народа.

О родственных узах земли и народа свидетельствует культурное наследие Азербайджана, что подтверждается каждой его гранью, содержащей богатый колорит края, раскрасивший азербайджанские ковры великолепием цветов, раскрытых в изящном рисунке орнамента, составивших специфику цветовых решений миниатюрной живописи, витражной технике – шебеке, озвученный мелодией песен, концептуальными числами поэтического творчества и во многом другом, в том числе изощренной вкусовой и смысловой, концептуально содержательной гамме национальной кулинарии. Помимо названных примет существует еще одна рационально непостижимая духовная связь, освященная таинством зарождения на земле Азербайджана мугама. Её доминирующее значение обусловлено выраженностью этой особенности совокупностью примет: ритмом-звуком, рифмой, канонами исполнительского мастерства обуславливающими специфику и динамику иррационального мышления. Именно она определяет глубину содержания немеркнувшего веками духовного наследия прошлого, заключающего в себе постоянную явленность *живой мысли*. Светом Знания, сошедшим на землю Азербайджана с незапамятных времен и словно оставившим на ней след в виде незатухающей многометровой огненной пирамиды, языка пламени которой вырывались из-под земли и из-под воды, был освящен разум человека, ступившего на нее много тысячелетий назад. Пылающий Огонь манифестировал живую Мысль-Бурдон. С тех пор на земле Азербайджана возвышается невидимая пирамида со-мыслия, ставшая вечным ориентиром в духовном процессе развития национальной культуры. С ней связано осознание существования определенных теологических, религиозных тенденций, превалирование некоторых из них, например, суфизма, шиизма и связанных с ними философских взглядов, а также разгадка многих феноменальных явлений, оставивших глубокий след как в национальной, так и в культуре в целом. Отмеченным объясняется подход к освещаемой проблеме, ставящий во главу угла прослеживание «генеральной линии» - духовного становления,

обнаружение основополагающих принципов этого процесса в рамках единичной Азербайджанской культуры.

Сосредотачиваясь на главном, прежде всего, представляется необходимым изложение своего видения сущностной стороны происходящего глобального духовного процесса, как обнаружение объективно существующего безграничного энергетического потенциала (информационного поля), сопрягаемостью энергетических зон (смысловых единиц), создающих импульсы становления. Энергетическими или "акустическими зонами" рассматривается весь живой мир, во всем богатстве его проявлений, включая природу, неотъемлемой частью которой является человек, многообразие планетарного мира, представленного различными созвездиями, планетами, образующими центрируемый Солнцем - источником Энергии, круг. Сопряжение "акустических зон" обнаруживает себя толчком-импульсом, знаменующим момент возникновения жизни, проходящей круги становления (что можно уподобить раскрывающимся от брошенного в воду камня кругам). Каждая единичная жизнь включает импульс и расходящиеся от него волны, управляемые очерчивающей круги динамикой становления. Рождающаяся в результате сопряжения "акустических зон" ритмо-структура, представляющая сплав двух ритмо-структур является, в известном смысле, их продолжением. Вероятностное "атомарное" сопряжение элементов двух структур внутри единой структуры обуславливает неповторимость каждого новорожденного организма. В рамках затрагиваемой тематики в качестве новорожденного организма рассматривается возникающая в творческом акте Мысль, представляющая собой единичную совокупность существующих ритмо-смыслов, своеобразие которой - результат неповторимой повторяемости творческого акта, в каждом случае резонирующего сопряжение ритмов текущего момента. Вероятно поэтому, за реальность в прошлом принималась проживаемая Мысль, которая в следующее мгновение, вне круга становления переставала быть реальностью. Отсюда сложившееся представление о творчестве как живом процессе, связанном с духовным совокуплением и рождением Мысли.

Ритуальное мышление - это музыкальное мышление. Творческое же мышление - открытие всегда ритуал. Осознание реальности конкретных вещей в этом случае могло быть связано с кругом ритмо-ощущений, объединяющих не только родственные по

смыслу явления. Творческое мышление, следовательно, можно охарактеризовать как осуществляемое в ритме становления сопряжение семантических зон в смысловой многогранник - синтагму. Любая законченная музыкальная мысль - это свершившееся круга описание, включающее комплекс ритмо-ощущений.

Рожденная мысль - единичная жизнь, составленная из складывающихся в определенную картину переплетений закономерности и случайностей. Каждая из них, частично раскрывая потенциал целостности, одновременно представляет собой целостность. Не давая точного представления об одном, предметно явленном, она исчерпывающе выявляет совокупность признаков, обуславливающих конкретное восприятие той или иной реальности, сохраняя в памяти не само знание, а связанные с ним ощущения. Носителем мысли в раннем прошлом могла быть ритмическая парадигма - ритмический круг, воспроизводивший ощущение знания, которым человек руководствовался в различных повторяющихся ситуациях повседневной жизни. Вот, вероятно, почему как в прошлом, так и сейчас размышляя зачастую поют (вслух или про себя), насвистывают, а напевая размышляют. И в том, и в другом случае напевание, насвистывание, притаптывание, простукивание - признаки настраиваемости на волну духовного знания.

В ритмических кругах копилось знание и опыт. Совокупность же их представляла кладезь духовного знания и практических действий, сыгравших основополагающую роль в налаживании человеком контакта с внешним миром. В этом смысле роль канонизированных обрядовой ритуальной практикой многочисленных ритмических кругов (акустических зон) складывающихся в систему, осмысленную как "квадринарные модусы", видится в том, что они выполняя просветительские и воспитательные функции, в то же время вырабатывали трудовые навыки. Система "квадринарных модусов"- ритмических кругов, являющих энергетические "сгустки" Мысли - составила "внутренний" круг в общем развитии звуковой Мысли, связанном с бесчисленными их перевоплощениями, происходящими в соответствии с развивающейся социальной средой, преобразующей их функционально и содержательно.

Будучи результатом творческого акта как взаимодействия "живого с живым", "акустические зоны" со временем

аккумулировали в себя и ритмо-коды сменявших друг друга поколений, и ритмо-коды Земли, раскрашивающей их своеобразием меняющейся палитры своих расцветок, ароматов и пр., со временем, накладывающим на универсальный ритуально-обрядовый словарь печать национальной самобытности.

Смыкание начала и конца как итог любых превращений сопутствующих познанию-становлению Мысли, имеет место и в обряде, круг которого очерчивается цепочкой кругов, также находящихся в соотношении внутреннего - связанного с постоянством, и обновляемого - внешнего круга. Канонизированные ритуалом внутренние круги образуют "каркас" обрядовой целостности. Само существование канона - обусловленность Ритма, в данном случае четырехкратного ритма жизненного круга. Отсюда существование в целом единого обрядового "сценария", обнаруживающего близость разнонациональной обрядовой культуры не только в общих, но и в частных признаках. В существующих в обрядовой целостности совпадающих и различающихся чертах также угадывается действие универсальной формулы "круга в круге" (два в одном), так как и в этом случае, повторы составляют постоянство внутреннего, а отличия - обновляемость внешнего круга. Отсюда следует, что любое развитие предполагает соотношение внутреннего и внешнего (батин-захир), при котором внутренним кругом является Мысль - ядро, внешним же произрастание (резонирование) Мысли. Аналогично отмеченному, единичная центральная ритмо-формула, напев - это ядро Мысли, жизнь которой обнаруживают многочисленные ее варианты. Выявляющие "пульс" Мысли интерпретация и вариантность, порождают модель, представляющую цепь раскрывающихся кругов, каждый из которых входит в более широкий круг, образуя при этом "серию" концентрических кругов, вписанных в единый круг. В модель концентрических кругов складывается вся общечеловеческая культура, разветвляющаяся из единой духовной сердцевины - духовного акта становления восхождения - единения, творческого озарения.

Литература:

1. Асафьев Б. О симфонической и камерной музыке. Изд-во «Музыка», 1981 г., с. 16

2. Визгин В.П. Вернер Гейзенберг О соотношении искусства, науки и религии.

Российская АН Институт философии. Ж. Наука и искусство, с,95, 2005

3. Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. М. Наука, 1989, 132с.

4. Менский М.Б. Сознание и квантовая механика. Изд-во «Век-2», 2011

References:

1. Asafyev B. O simfonicheskoy i kamernoy muzyke. Izd-vo «Muzyka». 1981g. s.16

2. Vizgin V.P. Verner Geyzenberg O sootnoshenii iskusstva. nauki i religii. Rossiyskaya AN Institut filosofii. Journal Nauka i isskustvo, s95, 2005

3. Geyzenberg V. Fizika i filosofiya. Chast i tseloye. M. Nauka, 1989, 1989, 132s.

4. Menskiy M.B. Soznaniye i kvantovaya mekhanika. Izd-vo «Vek-2». 2011.

UOT- 316.74:37.01+81'33

Nihina Arslonovna Shermuxamedova

Fəlsəfə elmləri doktoru, fəlsəfə kafedrasının professor
Özbəkistan Milli Universiteti,
Daşkənd, Özbəkistan.

E-mail: shermuxamedova_n@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6887-2479>

TÜRK CƏMİYYƏTİNİN MƏDƏNİ KİMLİYİNİN MÖHKƏMLƏNDİRİLMƏSİNDƏ TƏHSİL VƏ DİL SİYASƏTİNİN ROLU

Xülasə

Bu məqalədə türk icmasının mədəni kimliyinin qorunub saxlanılmasında və möhkəmləndirilməsində təhsil sistemlərinin və dil siyasətinin mühüm rolu müzakirə olunur. Türkdilli dövlətlər arasında

artan geosiyasi və mədəni əməkdaşlıq kontekstində formal və qeyri-rəsmi təhsil təşəbbüslərinin və dil strategiyalarının ümumi mədəni məkanın inkişafına necə töhfə verdiyini təhlil etmək həyati əhəmiyyət kəsb edir.

Məqalənin məqsədi təhsil və dilin rolunun məktəb təhsili və milli tədris proqramlarından kənara çıxdığını nümayiş etdirməkdir; dəyərlərin, yaddaşın və şəxsiyyətin nəsilən-nəslə ötürülməsini təcəssüm etdirirlər.

Problemin inkişaf dərəcəsi: məqalənin sonunda bibliografiyaya baxın.

Tədqiqatın metodları və metodologiyası bir neçə Türkdilli ölkədə milli təhsil siyasətini, hökumətlərarası təşəbbüsləri və dillərin qorunması strategiyalarını araşdıran müqayisəli analitik yanaşmaya əsaslanır. Tədqiqat regional əməkdaşlığa vurğu edərək mədəni sosiologiya, siyasət təhlili və şəxsiyyət nəzəriyyəsinə əsaslanan fənlərarası metodlardan istifadə edir.

Tədqiqatın yeniliyi onun sosial-mədəni birləşmənin ikili mexanizmləri kimi təhsilə və dil siyasətinə integrativ yanaşmasıdır. Bu sahələr tez-tez müstəqil olaraq araşdırılsa da, bu araşdırma onları kollektiv kimliyi gücləndirə və Türk dünyasında daha dərin mədəni integrasiyanı təşviq edə biləcək bir-biri ilə əlaqəli qüvvələr kimi yerləşdirir.

Tapıntılar: uyğunlaşdırılmış təhsil standartlarının, akademik proqramların qarşılıqlı tanınmasının və dilin canlandırılması üçün strateji layihələrin mədəni mənsubiyyət hissini əhəmiyyətli dərəcədə gücləndirə biləcəyini göstərir. Mədəni kimliyin tez-tez homojenləşdirildiyi qloballaşma dövründə türk xalqlarının bənzərsiz irsinin qorunması və möhkəmləndirilməsi məsələsi xüsusi aktualıq qazanmışdır. Geniş coğrafi və tarixi məkanı əhatə edən türk dünyası dərin dil, mədəni və sivilizasiya əlaqələrinə malikdir. Bununla birlikdə, bu ortaq təmələ baxmayaraq, bu cəmiyyətə daxil olan xalqlar vahid mədəni kimliyi qorumaqda əhəmiyyətli çətinliklərlə qarşılaşırlar - tarixi parçalanma, fərqli milli siyasət və xarici mədəni təsirlərdən qaynaqlanan problemlər. Təhsil və dil siyasəti bu məsələnin mərkəzindədir. Bu iki sahə cəmiyyətin bilik və dəyərləri necə çatdırdığını formalaşdırmaqla yanaşı, gənc nəsillərin kollektiv mənsubiyyətlərini necə qəbul etdiklərini də müəyyənləşdirir. Türkdilli ölkələrin təhsil sistemləri və dil təcrübələrindəki fərqlər, xüsusilə qloballaşan Media və Qərb təhsil paradigmalarından getdikcə daha çox təsirlənən gənclər arasında mədəni sinxronizasiya üçün bir maneə yaradır. Davamlı integrasiya vasitələri kimi gənclərə yönəlmiş siyasətlərə və təhsil mübadilələrinə xüsusi diqqət yetirilir. Məqalədə Türk

Dövlətləri Təşkilatının himayəsi altında dillərin qorunması üçün birgə təhsil platformaları və birgə təşəbbüslərin yaradılması tövsiyə olunur.

Açar sözlər: təhsil, dil siyasəti, mədəni kimlik, Türk Dünyası, integrasiya, Gənclik, ənənələr

УДК- 316.74:37.01+81'33

Нигина Арслоновна Шермухамедова

Доктор философских наук,
профессор кафедры философии
Национального университета Узбекистана,
Ташкент, Узбекистан.

E-mail: shermuhamedova_n@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6887-2479>

РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ И ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В УКРЕПЛЕНИИ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ТЮРКСКОГО СООБЩЕСТВА

Резюме

В статье рассматривается важнейшая роль систем образования и языковой политики в сохранении и укреплении культурной самобытности тюркского сообщества. В контексте растущего геополитического и культурного сотрудничества между тюркоязычными государствами становится жизненно важным проанализировать, как формальные и неформальные образовательные инициативы и лингвистические стратегии способствуют развитию общего культурного пространства.

Цель статьи - продемонстрировать, что роль образования и языка выходит за рамки школьного обучения и национальных учебных программ; они воплощают в себе передачу ценностей, памяти и идентичности из поколения в поколение.

Степень разработанности проблемы: см. библиографию в конце статьи.

Методы и методология исследования основаны на сравнительном аналитическом подходе, который исследует национальную политику в области образования, межправительственные инициативы и стратегии сохранения языков в нескольких тюркоязычных странах. В исследовании используются

междисциплинарные методы, основанные на культурной социологии, анализе политики и теории идентичности, с акцентом на региональное сотрудничество.

Новизна исследования заключается в его интегративном подходе к образованию и языковой политике как к двойным механизмам социокультурной унификации. Хотя эти области часто изучаются независимо, данное исследование позиционирует их как взаимосвязанные силы, которые могут укрепить коллективную идентичность и способствовать более глубокой культурной интеграции в тюркском мире.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что гармонизированные образовательные стандарты, взаимное признание академических программ и стратегические проекты по возрождению языка могут значительно укрепить чувство культурной принадлежности.

В эпоху глобализации, когда культурная идентичность часто подвергается гомогенизации, вопрос сохранения и укрепления уникального наследия тюркских народов приобрел особую актуальность. Тюркский мир, охватывающий обширное географическое и историческое пространство, имеет глубокие языковые, культурные и цивилизационные связи. Однако, несмотря на эту общую основу, народы, входящие в это сообщество, сталкиваются со значительными трудностями в поддержании единой культурной идентичности - проблемами, возникающими из-за исторической фрагментации, различной национальной политики и внешних культурных влияний. Образование и языковая политика лежат в основе этого вопроса. Эти две области не только формируют то, как общество передает знания и ценности, но и определяют, как молодые поколения воспринимают свою коллективную принадлежность. Различия в системах образования и языковых практиках тюркоязычных стран создают барьер для культурной синхронизации, особенно среди молодежи, которая все больше подвергается влиянию глобализированных средств массовой информации и западных образовательных парадигм.

Особое внимание уделяется политике, ориентированной на молодежь, и образовательным обменам как устойчивым инструментам интеграции. В статье рекомендуется создавать совместные образовательные платформы и объединенные инициативы по сохранению языков под эгидой Организации

тюркских государств.

Ключевые слова: образование, языковая политика, культурная идентичность, тюркский мир, интеграция, молодежь, традиции

UDC -316.74:37.01+81'33

Nigina Shermuhamedova

Doctor of Philosophical Sciences

Professor at the Department of Philosophy

at the National University of Uzbekistan,

Tashkent, Uzbekistan.

E-mail: shermuhamedova_n@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6887-2479>

THE ROLE OF EDUCATION AND LANGUAGE POLICY IN STRENGTHENING THE CULTURAL IDENTITY OF THE TURKIC COMMUNITY

Abstract

The article examines the crucial role of education systems and language policy in preserving and strengthening the cultural identity of the Turkic community. In the context of the growing geopolitical and cultural cooperation between the Turkic-speaking states, it is becoming vital to analyze how formal and informal educational initiatives and linguistic strategies contribute to the development of a common cultural space.

The purpose of the article is to demonstrate that the role of education and language goes beyond schooling and national curricula; they embody the transmission of values, memory and identity from generation to generation.

The degree of development of the problem: see the bibliography at the end of the article.

The research methods and methodology are based on a comparative analytical approach that examines national education policies, intergovernmental initiatives, and language preservation strategies in several Turkic-speaking countries. The research uses interdisciplinary methods based on cultural sociology, political analysis, and identity theory, with an emphasis on regional cooperation.

The novelty of the research lies in its integrative approach to

education and language policy as dual mechanisms of socio-cultural unification. Although these areas are often studied independently, this study positions them as interrelated forces that can strengthen collective identity and promote deeper cultural integration in the Turkic world.

The results show that harmonized educational standards, mutual recognition of academic programs, and strategic language revival projects can significantly strengthen the sense of cultural belonging. In the era of globalization, when cultural identity is often subjected to homogenization, the issue of preserving and strengthening the unique heritage of the Turkic peoples has become particularly relevant. The Turkic world, which covers a vast geographical and historical space, has deep linguistic, cultural and civilizational ties. However, despite this common foundation, the peoples of this community face significant difficulties in maintaining a unified cultural identity - problems arising from historical fragmentation, different national policies, and external cultural influences. Education and language policy are at the heart of this issue. These two areas not only shape how society transmits knowledge and values, but also determine how younger generations perceive their collective identity. Differences in the education systems and language practices of the Turkic-speaking countries create a barrier to cultural synchronization, especially among young people, who are increasingly influenced by globalized media and Western educational paradigms. Special attention is paid to youth-oriented policies and educational exchanges as sustainable integration tools. The article recommends the creation of joint educational platforms and joint initiatives for the preservation of languages under the auspices of the Organization of Turkic States.

Keywords: education, language policy, cultural identity, Turkic world, integration, youth, traditions

Введение

В эпоху глобализации, когда культурные идентичности часто подвергаются воздействию сил гомогенизации, вопрос сохранения и укрепления уникального наследия тюркских народов приобретает особую актуальность. Тюркский мир, охватывающий обширное географическое и историческое пространство, разделяет глубоко укоренившиеся языковые, культурные и цивилизационные связи. Однако, несмотря на это общее пространство, нации и народы в поддержании сплоченной культурной идентичности сталкиваются со значительными проблемами, возникающими из-за исторической

фрагментации, различной национальной политики и внешних культурных влияний.

В основе этой проблемы лежат образование и языковая политика, так как эти две области не только формируют то, как общества передают знания и ценности, но и определяют, как молодое поколение воспринимает свою коллективную принадлежность к той или иной культуре. Расхождение в системах образования и языковых практиках в тюркских странах создает барьер для культурной синхронизации, особенно среди молодежи, которая все больше подвергается влиянию глобализированных СМИ и западных образовательных парадигм.

Таким образом, как образование, так и языковая политика функционируют не просто как административные инструменты, но и как стратегические опоры в сохранении и укреплении общей тюркской идентичности. А это требует разработки долгосрочных, устойчивых механизмов социокультурной интеграции в регионе, которые способствуют сохранению и укреплению культурной идентичности тюркского сообщества через развитие системы образования и языковой политики. В более широких рамках социокультурной интеграции эти два элемента служат фундаментальными механизмами формирования общего чувства принадлежности и исторической преемственности среди тюркских народов.

Роль образования и языка выходит за рамки, они направлены на передачу ценностей, исторической памяти и идентичности из поколения в поколение. Поэтому в текущих образовательных практиках, прикладываются все усилия по возрождению языка и межправительственного сотрудничества в тюркском мире. При этом уделяется внимание продвижению культурной сплоченности посредством более унифицированных и стратегических подходов в образовательной и языковой политике.

За последние два десятилетия изучение культурной идентичности в тюркском мире привлекает все большее внимание ученых, особенно в контексте региональной интеграции и глобализации. Ученые подчеркивают центральную роль языка и образования в формировании национальных повествований и передаче культурного наследия. Например, И. Айтюрк анализирует политику языковых реформ в тюркских странах и демонстрирует, как усилия по орфографическому единству отражают более широкие

стремления к культурной сплоченности [И.Айтюрк, 2014]. В его исследовании подчеркивается символическая и практическая сила языка в построении транснациональной тюркской идентичности, особенно посредством общих алфавитов и терминологии в образовательных учреждениях. Роль образования в формировании идентичности также была предметом обширного академического исследования. Ученые, занимающиеся постсоветской Центральной Азией, утверждают, что образовательные реформы в Казахстане, Узбекистане и Кыргызстане тесно связаны с национальными идеологиями культурного возрождения. Эти реформы часто направлены на то, чтобы переосмыслить тюркское наследие, одновременно при этом минимизируется сохраняющееся влияние повествований советской эпохи. Аналогичным образом, Г. Емельянова отмечает, что институциональное образование служит ключевым механизмом управления этнолингвистическим разнообразием и формирования символических границ национальной и транснациональной принадлежности в много этнических обществах [Г. Емельянова].

Сравнительное измерение добавляет С. Каммингс, которая изучает региональное сотрудничество в области высшего образования среди тюркских государств [С. Каммингс]. Она подчеркивает, как программы культурного обмена и институциональные партнерства, такие как те, которые продвигаются под эгидой Организации тюркских государств, создают плодородную почву для переосмысления общего культурного пространства. Однако она также отмечает асимметрию в образовательных инвестициях и согласованности политики в регионе.

Несмотря на растущий объем литературы, остается пробел в комплексном анализе, который рассматривает образование и языковую политику как взаимодополняющие силы в формировании культурной идентичности. Большинство существующих исследований, как правило, изолируют либо лингвистические, либо педагогические измерения, упуская из виду их взаимосвязь. Поэтому необходимо разработать механизмы преодоления этого разрыва, предлагая синтезированный отчет о том, как эти две области совместно действуют в социально-политических рамках тюркского мира.

Требуется интегративный подход к анализу образовательной и

языковой политики как взаимосвязанных механизмов укрепления культурной идентичности среди тюркских сообществ для роста формирования сплоченного культурного сознания в пространстве тюркских народов.

Синтезируя идеи лингвистического национализма, образовательных реформ и регионального сотрудничества, статья предлагает всеобъемлющую перспективу того, как скоординированная политика в области образования и языка может служить стратегическим инструментом для культурной интеграции. Этот подход не только заполняет пробел в существующей литературе, но и предоставляет практические рекомендации для политиков, стремящихся усилить социально-культурную сплоченность в тюркском мире.

Основная часть

В постсоветском пространстве тюркские государства все чаще признавали образование как важнейший инструмент сохранения культуры и формирования идентичности. Политика трехязычного образования в Казахстане является примером такого подхода. Поощряя владение казахским, русским и английским языками, государственная политика направлена на то, чтобы сбалансировать национальную идентичность с глобальной конкурентоспособностью. Исследования показывают, что эта трехязычная структура не только способствует языковому разнообразию, но и укрепляет социальную сплоченность среди учащихся из разных этнических групп.

На протяжении долгих лет, сеть Назарбаев Интеллектуальных школ (НИШ) сыграла важную роль в реализации трехязычного образования. Эти школы предлагают учебные программы на казахском, русском и английском языках, готовя учащихся к участию как на национальном, так и на международном уровне [Мария-Елена, 2022].

В Узбекистане образовательные реформы также были сосредоточены на культурном возрождении. Создание Президентских школ направлено на предоставление образования мирового класса и привитие чувства национальной гордости. Эти учреждения делают упор на формировании критического мышления и навыков решения проблем, что соответствует видению

Узбекистана по воспитанию интеллектуально развитого поколения. Кроме того, реформы учебных программ Узбекистана особое внимание уделяется изучению национальной истории и культуры, интегрировав предметы, которые отражают богатое историческое наследие страны. Эти образовательные инициативы в тюркских государствах подчеркивают коллективные усилия по использованию образования в качестве средства культурной передачи, гарантируя, что молодые поколения сохранят связь со своими историческими корнями, будучи при этом готовыми ориентироваться в глобализованном мире.

Реформы языковой политики в тюркских государствах, в частности переход с кириллицы на латиницу, сыграли решающую роль в переопределении национальной идентичности и культурной принадлежности. В Казахстане согласно постановлению правительства принят алфавит латиницы, которая является не просто лингвистической модификацией, а стратегическим шагом по утверждению культурного суверенитета и более тесному соответствию мировому сообществу. Этот сдвиг является частью более широкой инициативы по модернизации страны и дистанцированию ее от советского прошлого.

Процесс латинизации в Казахстане вызвал широкие дебаты среди ученых и политиков. Например, сторонники утверждают, что латинизация способствует интеграции в мировое информационное пространство и укрепляет национальную идентичность, а критики указывают на проблемы связанные с этим процессом, включая потенциальную маргинализацию русскоязычного населения и логистические трудности перестройки образовательных и административных систем. Несмотря на эти опасения, правительство по-прежнему привержено реформе, рассматривая ее как необходимую для культурного и технологического развития страны.

Схожие тенденции наблюдаются в Узбекистане, где переход на латинскую графику был инициирован еще в 1990-х годах в рамках усилий по построению нации после обретения независимости. Реформа была направлена на укрепление узбекской идентичности и снижение российского влияния. Однако, ее реализация была непоследовательной, что привело к сосуществованию кириллицы и латиницы в различных сферах, что отражает сложность языковой политики в многих этнических

обществах. Например, несмотря на то что был принят закон о переходе на латинский алфавит в 1995 году, в процессе перехода на латинский алфавит образовался застой, газеты журналы, монографии, учебники печатались на старом алфавите кириллице, аналогичная ситуация была и с титрами в фильмах и на телевидение где постоянно крутились слова на кириллице, однако в школах обучение было на латинице и таким образом, формировался огромный барьер между владеющими и не владеющими латинским алфавитом, и только спустя почти 20 лет этот процесс урегулировался.

Необходимо отметить, то что эти реформы письменности символизируют более широкие усилия тюркских государств по возвращению и переосмыслению своих культурных нарративов. Изменяя сами письма, которые передают их языки, эти страны делают глубокие заявления о своих исторических траекториях, культурных приоритетах и стремлениях к будущему.

Молодежная демографическая группа составляет значительную часть населения в тюркских государствах, что делает ее участие ключевым в формировании сплоченной культурной идентичности. Признавая это, Организация тюркских государств (OTS) реализовала различные образовательные инициативы, направленные на содействие единству и общим ценностям среди молодежи в странах-членах.

Одной из таких инициатив является Проект обмена «Орхун», который способствует обмену студентами и преподавателями между университетами в тюркских странах. Эта программа не только усиливает академическое сотрудничество, но и укрепляет культурные связи, позволяя участникам погружаться в различные тюркские культуры и образовательные системы [Организация тюркских государств, 2023]. Проект «Орхун» направлено на формирование взаимопонимания и чувства гордости молодежи тюркских государств за общее историческое наследие и играет решающую роль в развитии чувства национальной идентичности молодежи.

В рамках проектов по обмену «Орхун» OTS организует мероприятия, ориентированные на молодежь, такие как «Международная летняя школа», которая предлагает лекции и культурные мероприятия, направленные на углубление понимания участниками истории, культуры и современных проблем тюркского

мира. Эти проекты направлены на развитие лидерских навыков и воспитание чувства ответственности у молодых людей по отношению к своим сообществам и более широкому тюркскому региону.

Кроме того, культурные организации, такие как Международная организация тюркской культуры [ТЮРКСОЙ], способствуют вовлечению молодежи посредством художественных инициатив. Например, Молодежный камерный оркестр ТЮРКСОЙ объединяет молодых музыкантов из разных тюркских стран, предоставляя им возможность сотрудничать и выступать на международных сценах. Такие инициативы не только демонстрируют богатое музыкальное наследие тюркского мира, но и способствуют межкультурному диалогу и взаимопониманию среди молодежи [ТЮРКСОЙ, 2023]. В совокупности эти образовательные и культурные программы играют жизненно важную роль в интеграции молодежи тюркских государств, содействии общей идентичности и подготовке их к позитивному вкладу в будущее региона.

Несмотря на общее культурное и языковое наследие тюркских государств, достижение согласованности политики в области образования и языковых реформ остается сложной задачей. Одной из существенных проблем является разная степень приверженности и возможностей этих стран для реализации стандартизированной политики. Например, в то время как Казахстан добился успехов в принятии трехязычной системы образования, другие страны, такие как Кыргызстан и Узбекистан, сталкиваются с ограничениями ресурсов, которые препятствуют аналогичной реализации.

Переход с кириллицы на латиницу, направленный на укрепление единства и дистанцирование от советского наследия, также столкнулся с препятствиями. В Узбекистане реформа письменности, начатая в 1990-х годах, применялась непоследовательно в разных секторах, что привело к путанице и отсутствию единообразия в письменной коммуникации. Такие несоответствия могут препятствовать взаимопониманию и разработке единых образовательных материалов в тюркских государствах.

Более того, присутствие значительного русскоязычного населения в некоторых тюркских странах добавляет еще один уровень сложности. Соотношение между продвижением

национальных языков и правами носителей языков меньшинств требует тонкой политики, которая уважает разнообразие и стремится к культурной интеграции.

Межправительственные организации, такие как Организация тюркских государств [ОТГ], сыграли важную роль в развитии сотрудничества между государствами-членами. Однако отсутствие обязательных соглашений и разная политическая воля среди членов часто приводят к разрозненности усилий, что ограничивает эффективность региональных инициатив. Чтобы преодолеть эти проблемы, тюркским государствам необходимо создать более надежные рамки для сотрудничества, включая стандартизированные учебные программы, совместные программы подготовки педагогов и общие образовательные ресурсы. Такие меры не только укрепят согласованность политики, но и укрепят коллективную культурную идентичность тюркского мира.

В то время как видение культура единого тюркского мира было сформулировано в многочисленных саммитах, декларациях и институциональных рамках, фактическая реализация гармонизированной образовательной и языковой политики остается неравномерной. Достижение согласованности в этих политиках особенно сложно в регионе, отмеченном постсоветским наследием, социолингвистическим разнообразием и асимметричными национальными возможностями. Это расхождение не просто административное - оно бьет в самое сердце культурной интеграции, где язык и образование являются не только носителями знаний, но и маркерами идентичности.

Реформа образования во многих тюркских странах продолжает находиться под влиянием внутренних противоречий между целями модернизации, традиционными ценностями и этническим многообразием. Аналогичным образом языковая политика часто колеблется между утверждением доминирующего национального языка и принятием многоязычных реалий. Эти противоречия делают проект региональной интеграции особенно хрупким, поскольку становится ясно, что не все государства-члены тюркского мира движутся по одной и той же языковой или образовательной территории.

Одним из наиболее подробных региональных исследований, проливающих свет на эти несоответствия, является работа Аминова и др. [Аминова 2010], которая представляет сравнительный анализ

использования языка и политики в Центральной Азии. Их выводы показывают сохраняющийся разрыв между символическим законодательством и практическим применением в языковых вопросах - разрыв, который подрывает осуществимость синхронизированных культурных и образовательных стратегий среди тюркских народов.

Исследование Аминова и др. [Аминова 2010] предлагает отрезвляющий взгляд на разрыв между официальной языковой политикой и реальной языковой практикой в Центральной Азии. Несмотря на то что большинство тюркских республик официально объявили свои титульные языки - такие как казахский, узбекский и киргизский - единственными государственными языками, на практике русский язык продолжает доминировать во многих сферах, особенно в городских районах, высшем образовании и государственном управлении. Это функциональное доминирование русского языка сохраняется, несмотря на законодательные попытки поднять национальные языки до статуса основных.

Одним из ключевых выводов исследования является символическая природа языковых законов, которые часто принимаются как жесты культурного суверенитета, но не имеют механизмов для систематического обеспечения. Например, хотя языковое законодательство Казахстана поощряет использование казахского языка во всех общественных сферах, фактическая реализация непоследовательна, при этом многие официальные разбирательства и университетское образование по-прежнему ведутся на русском языке, и только в последние десять лет наблюдается превалирование казахского языка

Еще одним важным вопросом, поднятым в исследовании, является неравномерный прогресс в реформе письменности, в частности, переход с кириллицы на латиницу. Хотя Узбекистан инициировал латинизацию в начале 1990-х годов, реформа пострадала от задержек, откатов и частичного принятия в различных институциональных контекстах. Решение Казахстана перейти на латиницу было объявлено в 2017 году, однако его реализация также была постепенной и оспариваемой, что поднимает вопросы об административной готовности и общественном принятии. Эти несоответствия приводят к фрагментированному языковому ландшафту, где сосуществуют несколько письменностей, что затрудняет трансграничное общение и усложняет производство

единых образовательных материалов.

Возможно, наиболее показательным является вывод авторов о том, что «языковые законы, как правило, имеют символическую ценность, но не всегда строго соблюдаются». Это несоответствие между формальной политикой и неформальной практикой свидетельствует о более широкой структурной слабости: хотя политическая риторика культурного возрождения сильна, институциональный потенциал для реализации этих амбиций остается ограниченным во многих странах тюркского мира.

Выводы, представленные Аминовым и др. [Аминов и др 2010] отражают больше, чем просто административную неэффективность; они указывают на более глубокое структурное противоречие в процессах строительства наций тюркских государств. Напряжение между символической языковой политикой и ее ограниченной реализацией показывает, как культурная идентичность остается спорной в повседневной институциональной жизни. Хотя национальные элиты часто отстаивают продвижение титульных языков и реформ письменности как маркеров суверенитета, эти усилия часто сталкиваются со сложными многоязычными реалиями на местах.

Это противоречие особенно очевидно в образовании, где студенты часто оказываются между политикой поощряющей обучение на национальном языке, и практическими преимуществами обучения на русском языке. Как показывают Аминов и др., русский язык продолжает являться предпочтительным языком обучения в научных и технических областях. Такая ситуация не только замедляет полный переход на национальные языки в учебных заведениях, но и ослабляет роль образования как средства культурной передачи.

Более того, непоследовательное применение реформ латинской письменности подрывает попытки культивировать общую письменную культуру среди тюркских народов. Хотя латинизация часто представляется как шаг к пантюркской солидарности и согласованию с мировыми нормами, ее фрагментарное и неравномерное внедрение создает новые барьеры для взаимного понимания и текстового обмена. Эти препятствия мешают разработке интегрированных образовательных материалов, совместных учебных программ и трансграничного академического сотрудничества — основных элементов любого проекта культурного

объединения.

Таким образом, исследование Аминова и др. [Аминова 2010] показывает, что без сильной институциональной приверженности, логистического планирования и общественного консенсуса языковые и образовательные реформы рискуют стать скорее перформативными, чем преобразующими. Это имеет серьезные последствия для региональных интеграционных усилий, которые зависят не только от общих целей, но и от скоординированной, реализуемой политики, основанной на социолингвистических реалиях.

Устранение структурных пробелов, выявленных при реализации языковой и образовательной политики, требует перекалибровки стратегий интеграции в тюркском мире. Вместо того чтобы полагаться исключительно на символические реформы или инициативы сверху, региональное сотрудничество должно основываться на реалистичной оценке институциональных возможностей и социолингвистического разнообразия. Это включает разработку гибких, многоуровневых структур, которые допускают как национальную автономию, так и скоординированные культурные цели.

Одной из ключевых областей для прогресса является создание адаптивных учебных программ, которые включают как национальное содержание, так и общие культурные модули, ориентированные на тюркскую историю, литературу и традиции. Они могли бы быть разработаны в рамках многосторонних рабочих групп под эгидой Организации тюркских государств, опираясь на опыт лингвистов, педагогов и историков культуры со всего региона. Вместо того, чтобы навязывать языковое единообразие, такие материалы могли бы быть доступны на нескольких языках и диалектах для обеспечения доступности и инклюзивности.

Еще одна рекомендация - создание пантюркского консорциума институтов подготовки учителей. Этот орган мог бы способствовать обмену педагогическими методами и продвигать передовой опыт в области многоязычного образования. Стандартизация профессиональной подготовки — при этом оставляя место для местной адаптации - гарантировала бы, что педагоги будут готовы преподавать способами, которые укрепляют культурную идентичность, не отчуждая языковые меньшинства.

Кроме того, необходимы большие инвестиции в цифровые

платформы, которые позволяют производить и распространять общие образовательные ресурсы. Онлайн-библиотеки тюркских языков, виртуальные обмены и совместные онлайн-программы обучения могли бы обойти многие логистические ограничения, которые замедлили интеграцию на местах. Эти цифровые инструменты также будут особенно ценны для охвата сельских или маргинализированных сообществ, которые часто остаются в стороне от реализации основной политики.

В конечном счете, интеграция тюркского мира через язык и образование не может быть успешной только посредством параллельных национальных усилий. Для этого требуется стратегический сдвиг в сторону регионально встроенного сотрудничества — такого, которое уравнивает амбиции с прагматизмом, а символическую идентичность с социальной и институциональной реальностью. Выводы Аминова и др. [Аминова и др. 2010] служат своевременным напоминанием о том, что интеграция должна основываться не только на общих идеалах, но и на общих инфраструктурах и скоординированном исполнении политики.

В контексте постсоветской трансформации образование стало не только областью реформ, но и ключевой ареной для переговоров об идентичности, включении и принадлежности. В тюркских государствах Центральной Азии, где вопросы национального суверенитета пересекаются с многоэтнической демографией и глобальным экономическим давлением, школьная система функционирует как место обещаний и постоянного неравенства. Хотя образование часто идеализируется как движущая сила сплоченности, на практике оно также может действовать как механизм исключения - воспроизводя классовые разделения, маргинализируя группы меньшинств и усиливая гегемонистские культурные нарративы.

Изданная книга под редакцией Шаримовой, Дуррани и Тибо [Шаримовой, Дуррани и Тибо 2023] предлагает критический взгляд на изучение этих противоречий через призму политической экономики образования. Опираясь на эмпирические исследования в Казахстане, Узбекистане и Таджикистане, авторы подчеркивают, что образовательную политику следует оценивать не только с точки зрения ее экономической эффективности или педагогических инноваций, но и с точки зрения ее роли в формировании

общественного договора постсоветских обществ. Центральным элементом их подхода является структура «4R» — перераспределение, признание, представительство и примирение, — которая охватывает множественные измерения, посредством которых системы образования могут либо содействовать справедливости, либо воспроизводить исключение [Шаримова и др., 2023, стр. 4].

Перераспределение касается равноправного доступа к ресурсам и возможностям; признание относится к утверждению различных культурных, языковых и гендерных идентичностей; представительство касается участия в управлении образованием и принятии решений; а примирение подчеркивает важность устранения исторической несправедливости и укрепления доверия. Эта многомерная перспектива дает важный аналитический инструмент для понимания сложной роли образования в меняющихся политических и культурных ландшафтах тюркского мира.

Эмпирические результаты, представленные Шаримовой, Дуррани и Тибо [Шаримова, Дуррани, Тибо 2023], предлагают тонкое понимание того, как образовательное неравенство проявляется по разным осям — географии, языку, способностям и полу — в Центральной Азии. Несмотря на почти всеобщие показатели охвата образованием и формальные обязательства по Цели устойчивого развития 4 [ЦУР 4], которая призывает к инклюзивному и справедливому качественному образованию для всех, структурные различия сохраняются. Одной из самых острых проблем является разрыв между городом и деревней: сельские школы в Казахстане, Узбекистане и Таджикистане продолжают страдать от плохой инфраструктуры, более низкого качества учителей и более ограниченного доступа к цифровым ресурсам. Это неравенство не только подрывает справедливость перераспределения, но и ставит под угрозу способность систем образования содействовать подлинной сплоченности.

Языковая политика представляет собой еще одну область напряженности. В то время как возвышение титульных государственных языков (например, казахского и узбекского) было центральным для формирования идентичности после обретения независимости, сосуществование русского, языков меньшинств и английского создает многоуровневую языковую иерархию. Во

многих случаях дети из недоминантных языковых групп получают недостаточное обучение на своем родном языке, а владение государственным языком часто связано с социальной мобильностью и доступом к университету. Такая ситуация, по мнению авторов, ослабляет как признание, так и примирение, поскольку учебные заведения часто не подтверждают полное языковое и культурное разнообразие своих учащихся.

Кроме того, включение учащихся с особыми образовательными потребностями остается серьезной проблемой. Хотя страны Центральной Азии приняли политику в поддержку инклюзивного образования - частично в соответствии с международными рамками, такими как Саламанкская декларация - эта политика часто подрывается укоренившейся советской практикой сегрегации детей с ограниченными возможностями. В исследовании подчеркивается, что инклюзивное образование невозможно реализовать без материальных инвестиций и трансформации профессиональных установок и подготовки учителей.

Наконец, гендерное равенство остается неравномерной областью. Хотя Казахстан и Узбекистан достигли почти гендерного паритета в зачислении, сохраняются более глубокие проблемы с точки зрения представленности в учебниках, руководящих ролей и доступа к образованию STEM. Гендерные стереотипы продолжают быть встроенными в школьные программы, где мужские фигуры доминируют в публичных и профессиональных повествованиях, в то время как женские роли часто ограничиваются домашними сферами. Эти предубеждения тонко усиливают патриархальные нормы и препятствуют усилиям по созданию образовательной среды, которая поддерживает как равенство, так и расширение прав и возможностей.

Представленные Шаримовой и др. [Шаримова и др 2023] идеи показывают, что трансформация систем образования в Центральной Азии не является нейтральным или технократическим процессом, а глубоко переплетена с вопросами власти, исторического наследия и культурной идеологии. Сосуществование прогрессивной политической риторики и сохраняющегося системного неравенства указывает на то, что реформы образования часто функционируют в рамках конкурирующих логик — модернизация против традиции, централизация против децентрализации, инклюзивность против контроля. В результате образование становится спорной ареной, где различные видения идентичности, принадлежности и легитимности

обсуждаются, часто неравноправно.

Одним из наиболее важных выводов является воспроизводство неравенства под знаменем равенства. Например, продвижение государственных языков как средств национального единства может непреднамеренно маргинализировать этнические меньшинства, которые не имеют достаточного доступа к этим языкам, тем самым углубляя образовательную и социальную изоляцию. Вместо того чтобы способствовать общей идентичности, такая политика может усиливать внутреннюю стратификацию — между городом и деревней, большинством и меньшинством, доминирующим и периферийным — в конечном итоге ослабляя интегративную способность образования.

Аналогичным образом, реформы, продвигающие инклюзивное образование и гендерное равенство, часто подрываются культурной инерцией и институциональной зависимостью от пути. Унаследованные от советской эпохи системы, такие как сегрегированное специальное образование и патриархальные гендерные нормы, заложенные в учебниках, сохраняются под новыми обликами, ограничивая преобразовательный потенциал образовательных программ после обретения независимости. Эти встроенные асимметрии бросают вызов компонентам признания и представительства структуры 4R, поскольку многие группы остаются невидимыми или недостаточно представленными в учебном содержании, педагогических подходах и процессах принятия решений. В этом свете образование в Центральной Азии часто функционирует скорее как средство социального воспроизводства, чем как площадка для подлинной демократизации или интеграции. Несоответствие между формальной политикой и ее реализацией выявляет «скрытую учебную программу» исключения, где доступ не гарантирует расширения прав и возможностей, а реформа не всегда означает трансформацию. Эта модель особенно важна для любой региональной инициативы, например, пантюркской культурной интеграции, которая предполагает равные условия для ее участников.

Уроки этого анализа очевидны: любые усилия по продвижению общей культурной идентичности через образование должны начинаться с противостояния укоренившемуся неравенству в каждой национальной системе. Без решения этих внутренних проблем более широкая цель транснациональной сплоченности

рискует воспроизвести те же исключения, которые она стремится преодолеть.

В контексте постсоветской трансформации образование стало не только областью реформ, но и ключевой ареной для переговоров об идентичности, включении и принадлежности. В тюркских государствах Центральной Азии, где вопросы национального суверенитета пересекаются с многоэтнической демографией и глобальным экономическим давлением, школьная система функционирует как место обещаний и постоянного неравенства. Хотя образование часто идеализируется как движущая сила сплоченности, на практике оно также может действовать как механизм исключения - воспроизводя классовые разделения, маргинализируя группы меньшинств и укрепляя гегемонистские культурные нарративы.

Недавний труд под редакцией Шаримовой, Дуррани и Тибо [Шаримова, Дуррани, Тибо 2023] предлагает критический взгляд на изучение этих противоречий через призму политической экономии образования. Опираясь на эмпирические исследования в Казахстане, Узбекистане и Таджикистане, авторы подчеркивают, что образовательную политику следует оценивать не только с точки зрения ее экономической эффективности или педагогических инноваций, но и с точки зрения ее роли в формировании общественного договора постсоветских обществ. Центральным элементом их подхода является структура «4Rs» - перераспределение, признание, представительство и примирение, — которая охватывает множественные измерения, посредством которых системы образования могут либо содействовать справедливости, либо воспроизводить исключение.

Перераспределение касается равноправного доступа к ресурсам и возможностям; признание относится к утверждению различных культурных, языковых и гендерных идентичностей; представительство касается участия в управлении образованием и принятии решений; а примирение подчеркивает важность устранения исторической несправедливости и укрепления доверия. Эта многомерная перспектива предоставляет важный аналитический инструмент для понимания сложной роли образования в меняющихся политических и культурных ландшафтах тюркского мира.

Эмпирические результаты, представленные Шаримовой,

Дуррани и Тибо [Шаримова, Дуррани, Тибо 2023], предлагают детальное понимание того, как образовательное неравенство проявляется по разным осям - географии, языку, способностям и полу - в Центральной Азии. Несмотря на почти всеобщие показатели охвата образованием и формальные обязательства по Цели устойчивого развития 4 (ЦУР 4), которая призывает к инклюзивному и справедливому качественному образованию для всех, структурные различия сохраняются. Одной из самых острых проблем является разрыв между городом и деревней: сельские школы в Казахстане, Узбекистане и Таджикистане продолжают страдать от плохой инфраструктуры, более низкого качества учителей и более ограниченного доступа к цифровым ресурсам. Это неравенство не только подрывает справедливость перераспределения, но и ставит под угрозу способность систем образования способствовать подлинному равноправию. Языковая политика представляет собой еще одну область напряженности. В то время как возвышение титульных государственных языков (например, казахского и узбекского) имело центральное значение для формирования идентичности после обретения независимости, сосуществование русского, языков меньшинств и английского создает многослойную языковую иерархию. Во многих случаях дети из недоминантных языковых групп получают недостаточное обучение на своем родном языке, а владение государственным языком часто связано с социальной мобильностью и доступом к университету. Такая ситуация, по мнению авторов, ослабляет как признание, так и примирение, поскольку учебные заведения часто не подтверждают полное языковое и культурное разнообразие своих учащихся.

Кроме того, включение учащихся с особыми образовательными потребностями остается серьезной проблемой.

В этом свете образование в Центральной Азии часто функционирует скорее как средство социального воспроизводства, чем как площадка для подлинной демократизации или интеграции. Несоответствие между формальной политикой и ее реализацией раскрывает «скрытую учебную программу» исключения, где доступ не гарантирует расширения прав и возможностей, а реформа не всегда означает трансформацию. Эта модель особенно важна для любой региональной инициативы, такой как пантюркская культурная интеграция, которая предполагает равные условия для ее участников.

Уроки из этого анализа очевидны: любые усилия по продвижению общей культурной идентичности через образование должны начинаться с противостояния встроеным неравенствам в каждой национальной системе. Без решения этих внутренних проблем более широкая цель транснациональной сплоченности рискует воспроизвести те же исключения, которые она стремится преодолеть.

Внутренние различия, описанные Шаримовой и др. [Шаримова 2023] имеют прямые и глубокие последствия для будущего тюркской интеграции. Хотя язык, образование и общее культурное наследие часто упоминаются как естественные объединители в тюркском мире, данные свидетельствуют о том, что фактические образовательные ландшафты этих стран остаются фрагментированными и отмечены неравномерным доступом, представительством и признанием. Эти асимметрии на национальном уровне представляют собой существенное препятствие для построения сплоченной региональной идентичности.

Единое образовательное или языковое пространство не может возникнуть, когда некоторые государства-члены борются за обеспечение равного доступа к базовой образовательной инфраструктуре или когда группы меньшинств в этих государствах испытывают системную маргинализацию. Как показывает анализ, сельские студенты, девочки в консервативных регионах, дети с ограниченными возможностями и носители не доминирующего языка продолжают сталкиваться со структурными барьерами, которые ограничивают их участие в национальных культурных повествованиях — не говоря уже о региональных.

Более того, когда язык обучения становится привратником социальной мобильности — как это происходит в контекстах, где владение государственным или мировым языком необходимо для поступления в университет или профессионального роста — это рискует подорвать взаимопонимание и доверие между тюркским населением. Если языковая политика усиливает моноязычный национализм или углубляет разрыв между городом и деревней, она может подорвать сами основы культурной солидарности, которую стремятся построить усилия по интеграции.

Эти проблемы подчеркивают необходимость того, чтобы региональные инициативы, такие как те, которые координируются

Организацией тюркских государств, подходили к интеграции не как к символическому жесту или набору параллельных реформ, а как к совместным усилиям, основанным на социальной справедливости и инклюзивности. Региональная интеграция не может просто отражать стремления элит или национальные нарративы — она должна учитывать реалии жизни маргинализированных групп во всех странах-участницах.

Подразумевается, что тюркская интеграция, если она хочет быть устойчивой, должна не только формулировать общее видение наследия и идентичности, но и стремиться к устранению неравенства в том, как это видение доступно, преподается и институционализируется. Только путем внедрения равенства в саму инфраструктуру образования общее культурное пространство может стать чем-то большим, чем риторическое единство — оно может стать живым опытом.

Опираясь на выводы и интерпретационную линзу, предложенные Шаримовой и др. [Шаримова и др 2023], становится ясно, что любое видение тюркской культурной интеграции должно основываться как на практическом равенстве, так и на критическом осмыслении. Образовательные реформы, если они должны поддерживать интеграцию, а не усиливать фрагментацию, должны активно демонтировать барьеры, связанные с языком, географией, полом и способностями - барьеры, которые сохраняются под поверхностью хорошо задуманных национальных стратегий.

Продуктивной отправной точкой для таких усилий является принятие структуры «4 Rs» - перераспределение, признание, представительство и примирение — не только как аналитического инструмента, но и как руководящего принципа для разработки политики. Такой подход позволит формировать усилия по интеграции вокруг справедливости и инклюзивности, а не вокруг единообразия или символических культурных жестов. Например, перераспределение будет включать целевую поддержку сельских и недостаточно обеспеченных ресурсами школ по всему региону; признание потребует уважения внутреннего языкового и культурного плюрализма; представительство обеспечит участие голосов меньшинств и уязвимых групп в разработке политики; а примирение потребует признания и исцеления исторической маргинализации - как внутри государств-членов, так и между ними. Кроме того, региональные образовательные инициативы, такие как

общие учебники, летние школы, языковые академии или онлайн-платформы, должны совместно разрабатываться с учетом этой динамики. Например, цифровой консорциум по изучению тюркского языка мог бы предложить многоязычные ресурсы, которые отражают разнообразные региональные идентичности, а не отдают предпочтение доминирующим национальным нарративам. Аналогичным образом, гендерно-инклюзивные и учитывающие способности учебные программы должны стать нормой, а не исключением, в рамках межнациональных проектов.

На теоретическом уровне эта модель интеграции призывает выйти за рамки эссенциалистских или этнонационалистических определений «тюркского мира». Вместо этого она принимает плюралистическую, основанную на равенстве модель общей идентичности, которая не стирает различия, а стремится к построению солидарности через взаимопонимание и справедливость. Идеи Шаримовой и др. предлагают нам переосмыслить интеграцию не как конвергенцию в одинаковость, а как сотрудничество в многообразии, основанное на справедливости. Только устранив внутренние различия, тюркский мир сможет построить устойчивое культурное единство через границы, которое будет существовать не только в декларациях, но и в повседневном опыте студентов, преподавателей и сообществ.

Результаты и выводы

Таким образом можно сделать вывод о том, что в образовательной и языковой политике в культурной консолидации тюркского сообщества особое внимание уделяется на их функции как инструментов формирования идентичности и региональной интеграции. Благодаря анализу реформ в Казахстане, Узбекистане и других тюркских государствах, а также критического взаимодействия с научной литературой, можно сделать следующие ключевые выводы: во-первых, образование является мощным инструментом передачи культурных ценностей, особенно когда оно соответствует национальным приоритетам, подчеркивающим историческую преемственность и языковое наследие. Такие инициативы, как трехязычная система образования в Казахстане и президентские школы в Узбекистане, демонстрируют растущие инвестиции в образование как место модернизации, так и культурного обновления. Однако, как показывают исследования

таких ученых, как Шаримова и др. [2023] и Аминов и др. [2010], распределение образовательных возможностей остается неравномерным, особенно по сельским-городским и этническим линиям. Эта внутренняя асимметрия представляет собой серьезное препятствие как для национальной сплоченности, так и для транснациональной интеграции;

во-вторых, реформы языковой политики, в частности переход с кириллицы на латиницу, символизируют попытку многих тюркских государств дистанцироваться от советского наследия и восстановить общую цивилизационную идентичность. Однако эти реформы часто затрудняются неполной реализацией, административной неопределенностью и сопротивлением языковых меньшинств. Сосуществование нескольких письменностей и языков, хотя и потенциально обогащает, также фрагментирует образовательную коммуникацию и усложняет усилия по стандартизации региональных образовательных материалов;

в-третьих, интеграционные усилия, нацеленные на молодежь, такие как программы обмена, летние школы и совместная разработка учебных программ в рамках Организации тюркских государств, обещают культивирование общего сознания среди следующего поколения. Однако эти инициативы рискуют оказаться исключенными, если им не будет сопутствовать равный доступ и культурно-чувствительная педагогика. Как показывает политическая экономия образования в Центральной Азии, доступ к качественному образованию по-прежнему стратифицирован по географии, социально-экономическому статусу и маркерам идентичности, таким как язык и пол.

Следовательно, для того, чтобы образовательная и языковая политика служили столпами тюркской интеграции, они должны быть построены на основе справедливости и инклюзивности. Эти принципы предлагают дорожную карту для разработки образовательной политики, которая укрепляет культурную идентичность, не воспроизводя маргинализацию. Подводя итог, можно сказать, что культурная интеграция в тюркском мире не может осуществляться только посредством символической политики. Она требует постоянной приверженности инклюзивным реформам, инфраструктурным инвестициям и совместному управлению. Только путем решения как структурных неравенств внутри государств, так и культурных устремлений между ними тюркское

сообщество может развивать общую идентичность, которая не только декларируется, но и глубоко переживается.

Литература - References:

1. Aytürk, İ. (2014). Turkish Linguists against the West: The Origins of Linguistic Nationalism in Atatürk's Turkey. *Middle Eastern Studies*, 50(6), 912–929.
2. Galina Yemelianova (2014): "Islam, Nationalism and State in the Muslim Caucasus," published in *Caucasus Survey*, Volume 1, Issue 2, pages 3–23.
3. Cummings, S. N. (2012). *Understanding Central Asia: Politics and Contested Transformations*. Routledge.
4. Akynova, D., & Seitova, M. (2016). Language Policy and National Identity: Lessons from Kazakhstan's Trilingual Education System. *Proceedings of the International Conference on Social Sciences and Humanities Innovation*, 1(1), 12-19.
5. UNICEF. (2022). *Uzbekistan Education Sector Analysis: 2021*. Retrieved from https://uzbekistan.un.org/sites/default/files/2022-05/Edu%20Sit%20An_UNICEF%202022_0.pdf
6. Qarshiboev, I., & Berdiyev, B. (2020). *The Current Core of Education Reforms in Uzbekistan: One Step Forward, Two Steps Back*. ResearchGate. Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/344735723_The_current_core_of_education_reforms_in_Uzbekistan_one_step_forward_two_steps_back ?
7. Riekkinen, M., Zhatkanbayeva, A., Kozhabek, K., & Aigarina, G. (2021). Latinizing the Alphabet in Kazakhstan: Rationale, Legal Foundation, and Possible Impact on the Status of the Russian Language. *European Yearbook of Minority Issues Online*, 18(1), 1–28. https://doi.org/10.1163/22116117_01801010
8. Aminov, K., Jensen, V., Juraev, S., Overland, I., Tyan, D., & Uulu, Y. (2010). Language Use and Language Policy in Central Asia. *Central Asia Regional Data Review*, 2(1), p. 8.
9. Sharimova, D., Durrani, N., & Thibault, H. (2023). The political economy of education: Justice challenges in Central Asia. In D. Sharimova, N. Durrani, & H. Thibault (Eds.), *Understanding the Political Economy of Education: Exploring Debates in Central Asia* (pp. 1–21). – Bishkek: OSCE Academy.

Maret Muslamovna Betilmerzaeva

fəlsəfə doktoru, dosent;

Rusiya, Çeçenistan Respublikası, Qroznı,
Fsbeı vo "Çeçen Dövlət Pedaqoji Universiteti",

Telefon. + 7(928) 737 22 79;

E-mail: maret_fil@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-8324-7153

Researcher ID: T-7081-2017

MULTIKULTURALİZM, POLIKULTURALİZM VƏ İNTEQRASIYA: POLIETNIK CƏMIYYƏTLƏRDƏ SOSIALLAŞMA ÜÇÜN ÇAĞIRIŞLAR

Xülasə

Məqalənin əsas məqsədi. Mədəni müxtəlifliyin idarə edilməsinə müxtəlif yanaşmalar – multikulturalizm və polikulturalizm, onların polietnik cəmiyyətlərdə fərdlərin integrasiyası və sosiallaşması proseslərinə təsiri və yanaşmaların hər birindən əvvəl hansı spesifik problemlərin ortaya çıxması nəzərdən keçirilir.

Tədqiqat mövzusunun aktuallığı. "Multikulturalizm" (multiculturalizm) və "polikulturalizm" (polyculturalizm) anlayışlarının semantik sərhədləri ayrılmışdır.

Mövzunun araşdırılma dərəcəsi. Məqalənin sonunda biblioqrafiyaya baxın.

İşin metodoloji əsasını multikultural və multikultural problemlər sahəsində yerli və xarici mütəxəssislərin əsərləri təşkil edir. Tədqiqat *metodları* kimi ümumi məntiqi metodlardan və sistemli yanaşmadan da istifadə edilmişdir. "Multikulturalizm" (multiculturalizm) və "polikulturalizm" (polyculturalizm) anlayışlarının semantik sərhədləri ayrılmışdır.

Elmi yenilik. Polikulturalizmin mədəniyyətlər müxtəlifliyinə anlayışla yanaşib yönləndirmə kimi başa düşülməsi mədəniyyətlər çoxluğunu qəbul etmək çərçivəsindən kənara çıxır. Qeyd olunur ki,

polikulturalizm mədəniyyətlərin aktiv qarşılıqlı təsir və hibridləşməsinə yönəlib. İnteqrasiya həm multikultural, həm də polikultural yanaşmaların təsiri altında olan proseslərdə əlaqələndirici həlqə kimi çıxış edir. Multikultural kontekstdə inteqrasiyanın bu xarakterik əlamətləri fərqləndirilir- mədəni identiklik, tolerantlıq və qarşılıqlı hörmət; polikultural kontekstdə- aktiv mədəniyyətlərarası təsir, hibrid identikliklərin formalaşması, mədəni mübadilə və zənginləşmə, mədəniyyətlərarası kompetentliyin, ümumi vətəndaş mədəniyyətinin formalaşması.

Nəticələr. Multi və polikulturalizm kontekstində iki fərqli inteqrasiya modelini müqayisə edərək, multikultural inteqrasiyanın paralel mövcudluq yolu ilə mədəni müxtəlifliyin qorunmasına yönəldildiyi, polikulturalizmdən ilhamlanan interkultural inteqrasiyanın mədəni mübadilə və yeni, ümumi mənalara və təcrübələrin formalaşmasına aparan daha dərin və dinamik qarşılıqlı əlaqə olması üzə çıxarıldı. Hər bir yanaşma ilə əlaqəli sosiallaşmanın spesifik problemləri müəyyən edilmişdir: multikulturalizm mədəni fərqlərin tanınması və hörmət edilməsi ilə bütün çoxmillətli cəmiyyətin ehtiyaclarını ödəyə bilən sosial qurumların səmərəli fəaliyyətinin təmin edilməsi zərurəti arasında tarazlıq axtarışı problemi ilə üzləşir. Polikulturalizm kontekstində uğurlu mədəniyyətlərarası ünsiyyət fərdlərdən yüksək dərəcədə mədəniyyətlərarası səriştə tələb edir. Etnik, irqi, dini və ya mədəni mənsubiyyətə əsaslanan ayrı-seçkilik poli-etnik cəmiyyətə əsas təhlükə kimi önə çıxır. Multikultural inteqrasiyanın paralel mövcudluq yolu ilə mədəni müxtəlifliyin qorunmasına daha çox yönəldilə biləcəyi, polikulturalizmdən ilhamlanan interkultural inteqrasiyanın mədəni mübadilə və yeni, ümumi mənalara və təcrübələrin formalaşmasına gətirib çıxaran daha dərin və dinamik qarşılıqlı əlaqə axtardığı qənaətinə gəldi.

Açar sözlər: multikulturalizm, polikulturalizm, inteqrasiya, çağırışlar, sosiallaşma.

УДК - 130.2

Марет Мусламовна Бетильмерзаева

доктор философских наук, доцент;

Россия, Чеченская Республика, г. Грозный,

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет»,

Тел.: +7(928) 737 22 79

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ, ПОЛИКУЛЬТУРАЛИЗМ И ИНТЕГРАЦИЯ: ВЫЗОВЫ ДЛЯ СОЦИАЛИЗАЦИИ В ПОЛИЭТНИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ

Резюме

Основная цель статьи. Рассмотрены различные подходы к управлению культурным разнообразием – мультикультурализм и поликультурализм, их влияние на процессы интеграции и социализации индивидов в полиэтнических обществах, и то, какие специфические вызовы при этом возникают перед каждым из подходов.

Актуальность темы исследования. Разграничены смысловые границы понятий «мультикультурализм» (multiculturalism) и «поликультурализм» (polyculturalism).

Степень разработки проблемы. См. библиографию в конце статьи.

Методологическим основанием работы послужили труды отечественных и зарубежных специалистов в области поликультурной и мультикультурной проблематики. Также в качестве *методов* исследования использованы общелогические методы и системный подход. Разграничены смысловые границы понятий «мультикультурализм» (multiculturalism) и «поликультурализм» (polyculturalism).

Научная новизна. Поликультурализм представлен как подход к пониманию и управлению культурным разнообразием, который выходит за рамки простого признания множественности культур. Отмечено, что поликультурализм направлен на активное взаимодействие, взаимовлияние и гибридизацию культур. Интеграция становится связующим звеном в процессах, которые находятся под влиянием как мультикультуральных, так и поликультуральных подходов. Выделены характерные черты интеграции в мультикультурном контексте: сохранение культурной идентичности, толерантность и взаимное уважение; в поликультурном контексте: активное межкультурное взаимодействие, формирование гибридных идентичностей,

культурный обмен и обогащение, развитие межкультурной компетентности, формирование общей гражданской культуры.

Выводы. Сравнивая две различные модели интеграции в контексте мульти- и поликультурализма, отмечено, что мультикультурная интеграция ориентирована на сохранение культурного разнообразия через параллельное существование, в то время как интеркультуральная интеграция, вдохновленная поликультурализмом, стремится к более глубокому и динамичному взаимодействию, ведущему к культурному обмену и формированию новых, общих смыслов и практик. Выявлены специфические вызовы социализации, связанные с каждым подходом: мультикультурализм сталкивается с вызовом поиска баланса между признанием и уважением культурных различий и необходимостью обеспечения эффективного функционирования социальных институтов, способных удовлетворять потребности всего полиэтнического общества. В контексте поликультурализма успешная межкультурная коммуникация требует от индивидов высокой степени межкультурной компетентности. В качестве основной угрозы полиэтническому обществу выделяется дискриминация, основанная на этнической, расовой, религиозной или культурной принадлежности. Сделан вывод о том, что мультикультурная интеграция может быть более ориентирована на сохранение культурного разнообразия через параллельное существование, в то время как интеркультуральная интеграция, вдохновленная поликультурализмом, стремится к более глубокому и динамичному взаимодействию, ведущему к культурному обмену и формированию новых, общих смыслов и практик.

Ключевые слова: мультикультурализм, поликультурализм, интеграция, вызовы, социализация.

UDC - 130.2

Maret Betilmerzayeva

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor;
Russia, Chechen Republic, Grozny,
Chechen State Pedagogical University,
Tel.: +7(928) 737 22 79
E-mail: maret_fil@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-8324-7153

MULTICULTURALISM, POLYCULTURALISM AND INTEGRATION: CHALLENGES FOR SOCIALIZATION IN MULTIETHNIC SOCIETIES

Abstract

The main purpose of the article. Various approaches to managing cultural diversity are considered – multiculturalism and polyculturalism, their impact on the processes of integration and socialization of individuals in multiethnic societies, and what specific challenges each approach faces.

Relevance of the research topic. The semantic boundaries of the concepts "multiculturalism" and "polyculturalism" are delimited.

The degree of development of the problem. See the bibliography at the end of the article.

The methodological basis of the work were the works of domestic and foreign experts in the field of polycultural and multicultural issues. General logical *methods* and a systematic approach are also used as research methods. The semantic boundaries of the concepts "multiculturalism" and "polyculturalism" are delimited.

Scientific novelty. Polyculturalism is presented as an approach to understanding and managing cultural diversity that goes beyond simply recognizing the multiplicity of cultures. It is noted that polyculturalism is aimed at active interaction, mutual influence and hybridization of cultures. Integration becomes a link in processes that are influenced by both multicultural and polycultural approaches. The characteristic features of integration in a multicultural context are highlighted: preservation of cultural identity, tolerance and mutual respect; in a polycultural context: active intercultural interaction, the formation of hybrid identities, cultural exchange and enrichment, the development of intercultural competence, the formation of a common civic culture.

Conclusions. Comparing two different models of integration in the context of multiculturalism and polyculturalism, it is noted that multicultural integration is focused on preserving cultural diversity through parallel existence, while intercultural integration, inspired by polyculturalism, strives for deeper and more dynamic interaction leading to cultural exchange and the formation of new, common meanings and practices. The specific challenges of socialization associated with each

approach are identified: multiculturalism faces the challenge of finding a balance between recognizing and respecting cultural differences and the need to ensure the effective functioning of social institutions capable of meeting the needs of an entire multiethnic society. In the context of polyculturalism, successful intercultural communication requires individuals to have a high degree of intercultural competence. Discrimination based on ethnicity, race, religion, or cultural affiliation is singled out as the main threat to a multiethnic society. It is concluded that multicultural integration can be more focused on preserving cultural diversity through parallel existence, while intercultural integration, inspired by polyculturalism, strives for deeper and more dynamic interaction leading to cultural exchange and the formation of new, common meanings and practices.

Keywords: multiculturalism, polyculturalism, integration, challenges, socialization.

Введение

Человечество во все времена представлено социальными общностями, находящимися на разных уровнях своего цивилизационного развития. Процессы глобализации и миграции, менявшие ход развития различных очагов цивилизации или варварства, имели относительно ограниченный характер воздействия, вследствие чего одни люди оказывались в гуще событий, другие ждали своего часа на задворках истории, тем самым информационное пространство находилось в состоянии перманентного (хронического) заполнения. Информационные границы способствовали консервативному развитию обществ и гарантировали им некоторую мировоззренческую и идеологическую стабильность. Но все изменилось под влиянием технологического прогресса, изменившего характер труда, и развитием цифровых технологий, приведших человечество к информационному взрыву. С нашей точки зрения, современная ситуация глобальных перемещений масс, обусловленная разными причинами, в отличие от всех предыдущих исходов людей со своей этнической родины, направлена не столько на физическое выживание, сколько на достижение социального благополучия. Ориентиром для перемещения чаще являются регионы, которые в социально-экономическом и правовом плане более преуспевают, чем страна исхода.

В условиях глобальных миграционных потоков, естественно, что во многих развитых странах формируются не просто полиэтнические общества, в которых живут люди, представляющие те или иные этносы, готовые к социальной адаптации в новой среде и некоторой ассимиляции для выживания, но создается среда сосуществования различных культур, которые не планируют отказаться от собственной этнической или религиозной идентичностей. Особое значение приобретает понимание того, как происходит социализация, в ходе которой индивиды усваивают нормы, ценности, знания и навыки, необходимые для полноценной жизни в обществе. В полиэтнических обществах процессы социализации имеют более сложный и многогранный характер, поскольку индивидам приходится взаимодействовать с различными культурными нормами и адаптироваться к ним. Понимание специфики социализации критически важно для обеспечения социальной сплоченности, предотвращения конфликтов и построения инклюзивного общества, где каждый чувствует себя частью целого.

Ключевая проблема нашего исследования заключается в исследовании того, как различные подходы к управлению культурным разнообразием (*мультикультурализм и поликультурализм*) влияют на процессы интеграции и социализации индивидов в полиэтнических обществах, и какие специфические вызовы при этом возникают для каждого из подходов. Мы различаем смысловые границы понятий «мультикультурализм» (multiculturalism) и «поликультурализм» (polyculturalism) [Бетильмерзаева М. М. Проблемы и вызовы поликультурного общества в условиях глобализации, 2023].

Теоретическое разграничение мультикультурализма и поликультурализма

Обратимся, в первую очередь, к смысловым оттенкам понятий «мультикультурализм» и «поликультурализм», которые в повседневном языке и даже в некоторых научных работах часто используются как синонимы. Однако, если обратиться к этимологии и глубже изучить контексты их употребления, можно увидеть объективные основания для различения их смыслов.

Мультикультурализм фокусируется на признании и поддержке различных культур в обществе, признавая их равенство и уникальность. Этот подход подразумевает сосуществование

различных культурных групп в рамках общества и уважение к их традициям и обычаям [Бязрова Д. Б. Мультикультурализм и поликультурализм как модели оптимизации межэтнического общения, 2022, с. 159]. Акцент делается на существовании различий между культурами, хоть и с оговоркой на уважении к ним. Мультикультурализм как политическая доктрина был предметом интенсивных политических и научных дебатов с различными интерпретациями и идеализированными изображениями современного государства, в котором люди разных культур и национальностей живут в равенстве и взаимопонимании. Но мировой опыт показал, что мультикультурализм может склоняться либо к релятивизму, либо к конформизму, проявляясь в упрощенных лозунгах или глубоко укоренившихся программах. Хотя мультикультурализм в опыте некоторых стран демонстрирует себя как эффективный инструмент регулирования этнокультурных отношений [Gasimova N. Multiculturalism as the main philosophical concept in the social development of modern society, 2022, с. 83], но в контексте ряда современных демократических обществ наблюдается кризис традиционных концепций прав человека, поскольку попытки применить универсальные нормы в полиэтнических сообществах часто приводят к неожиданным конфликтам [Ciechański J. Multikulturalizm: ewolucja dyskursu, 2021; Федюнина С. М. Межэтнические социально-культурные отношения и процессы в современном мультикультурном обществе, 2012, с. 38].

Поликультурализм подчеркивает влияние различных культур друг на друга, а также создание общества, в котором различные группы взаимодействуют и совместно формируют единое пространство. Этот подход акцентирует внимание не только на уважении к различиям, но и на взаимодействии и сотрудничестве между культурами [Дубров Д. И., Григорьев Д. С. Современные исследования межгрупповых идеологий: ассимиляционизм, этнический дальтонизм, мультикультурализм, поликультурализм, 2022, с. 149].

Мультикультурализм и поликультурализм – понятия, языковая структура которых стала фактором, обусловившим частое смешение или даже замену смыслов в их использовании. Одни авторы используют эти понятия как синонимичные [Алибекова Н. М. К вопросу о поликультурном обществе, 2018, с. 7-14]. Другие различают их смысловые акценты [Новолодская С.Л. Дефиниция

понятий «поликультурный» и «мультикультурный», 2012, с. 234-237]. Обращение к этимологии первой части сложных слов: «поли-» с греческого языка – «большое количество», «множество», «разнообразный состав чего-либо», например, поливитамины, полиглот (<https://dic.academic.ru/>), «мульти-» образует слова со значением множественности предметов или многократности каких-либо, чаще однородных действий, например, мультипликатор, мультимиллионер (<https://dic.academic.ru/>), демонстрирует глубинные различия их смыслов.

Исследователи отмечают, что мультикультурализм признает различия между этническими группами и предполагает их сохранение, в то время как поликультурализм подразумевает наличие тесной связи между всеми этническими группами, проживающими в одном обществе, и делает границы между ними все менее четкими [Beltei M. Multiculturalism and polyculturalism as models for maintaining interethnic relations in the global context, 2022, p. 242]. Если концепция мультикультурализма уже давно занимает видное место в глобализирующейся реальности, то поликультурализм стал альтернативной идеологией относительно недавно [Valgardsson S., Nardon L. Towards inclusion through polyculturalism: A critical review of cultural hybridity, 2025]. О чувствах людей, пребывающих в условиях культурной и языковой гибридности, мы узнаем у K.G. Mendoza [Mendoza K.G. Embracing Spanglish as My First Language Validates My «Kinda Sabo» Identity, 2024]. Некоторая часть людей благодаря своему уникальному опыту вследствие глобальных перемещений или тому, что родились в гетероэтнических семьях, идентифицируют себя с несколькими культурами, вследствие чего наблюдается гибридизация сознания, когда индивид ассоциирует себя не с отдельными культурами, а некоторой новой формой гибридной культуры. Культурная гибридность ставит вопросы о мультикультурализме как доминирующей идеологии, способствующей социальной интеграции, поскольку она основывается на неявном предположении, что культурные влияния на людей являются независимыми и полными, и что сохранение отличительных культурных идентичностей возможно и желательно. С позиции поликультурализма отношения индивидов к культурам не столь категорично, культурные традиции представляют собой взаимодействующие и взаимовлияющие системы. Поликультурализм представляет собой политику

интеркультурализма, тем самым расширяя границы мультикультурализма [Morris, M. W., Chiu, C., & Liu, Z. Polycultural psychology, 2015].

Таким образом, различие между мультикультурализмом и поликультурализмом может заключаться в степени и характере взаимодействия между культурами. *Мультикультурализм может описывать статичное сосуществование, в то время как поликультурализм может подразумевать динамичное взаимодействие и взаимообогащение.*

Конечно, это различие смыслов не является общепринятым стандартом, и многие исследователи продолжают использовать эти термины взаимозаменяемо. Однако предложенное нами разграничение, основанное на этимологии и коннотациях приставок, представляется логичным и может быть полезным для более тонкого анализа процессов, происходящих в полиэтнических обществах. Оно позволяет увидеть разницу между простым фактом культурного разнообразия и более сложными процессами культурного взаимодействия и интеграции. В контексте нашей статьи о социализации в полиэтнических обществах такое различие понятий позволяет более точно описать различные модели взаимодействия культур и их влияние на формирование идентичности, межкультурную коммуникацию и функционирование социальных институтов. Например, политика, направленная на мультикультурализм (простое признание и поддержка культурных различий), отличается по своим последствиям от политики, ориентированной на поликультурализм (активное содействие межкультурному диалогу и обмену).

Исходя из этого, можно предложить следующее уточнение смыслов, когда поликультурализм (polyculturalism) может описывать реальное состояние общества, характеризующееся наличием множества культур, находящихся в отношениях взаимодействия, взаимовлияния и обмена. Это динамичная среда, где культурные границы могут быть более проницаемыми, а идентичности – более гибридными. Мультикультурализм (multiculturalism) как политика может быть направлен на признание, поддержку и защиту прав различных культурных групп в обществе. Однако в зависимости от конкретной модели мультикультурализма, акцент может делаться либо на сохранении культурной самобытности каждой группы (что иногда может приводить к меньшей степени взаимодействия), либо

на создании условий для их равноправного сосуществования. Мультикультурализм – это скорее нормативный или политический конструкт, реакция на факт поликультурности. Поликультурализм – существующее многообразие культур в обществе, в то время как мультикультурализм – это один из возможных способов реагирования на эту данность, одна из стратегий управления культурным разнообразием.

Поликультурализм представляет собой подход к пониманию и управлению культурным разнообразием, который выходит за рамки простого признания множественности культур (как это часто ассоциируется с мультикультурализмом в его дескриптивном смысле). В своей сути, поликультурализм направлен на активное взаимодействие, взаимовлияние и гибридизацию культур. В отличие от модели, где культуры могут существовать параллельно, относительно изолированно друг от друга, поликультурализм подчеркивает динамические процессы, происходящие на границах культур. Он видит культуры не как статичные и замкнутые образования, а как открытые системы, способные к обмену, заимствованию и трансформации под воздействием друг друга. Активное взаимодействие подразумевает не просто случайные контакты, а целенаправленный диалог, сотрудничество и обмен идеями, ценностями и практиками между представителями различных культурных групп. Взаимовлияние означает, что в процессе этого взаимодействия культуры не остаются неизменными, а оказывают друг на друга ощутимое воздействие, обогащая и модифицируя друг друга. Это может проявляться в самых разных сферах: от языка и искусства до социальных норм и бытовых практик.

Гибридизация культур является результатом этого активного взаимодействия и взаимовлияния. Она ведет к возникновению новых культурных форм, которые не являются простым смешением исходных элементов, а представляют собой нечто качественно новое, синтезированное из различных культурных источников [Коробейникова Л. А. Гибридная глобализация: идеи и концепции, 2019]. Поликультурализм видит в культурном разнообразии не просто факт, а ресурс для развития общества, способствующий созданию более гибких, креативных и инклюзивных социальных структур [Valgardsson S., Nardon L. Towards inclusion through polyculturalism: A critical review of cultural hybridity, 2025].

Понимание поликультурализма в этом ключе может существенно обогатить анализ процессов социализации и интеграции в полиэтнических обществах, позволяя исследовать, как активное межкультурное взаимодействие влияет на формирование идентичности, развитие межкультурной компетентности и адаптацию социальных институтов к меняющемуся культурному ландшафту.

Интеграция становится связующим звеном в процессах, которые находятся под влиянием как мультикультуральных, так и поликультуральных подходов. Интеграция представляет собой многогранный процесс включения индивидов и групп, отличающихся по своему культурному происхождению, в принимающее общество. Это не просто ассимиляция, при которой меньшинства отказываются от своей культуры в пользу доминирующей, и не сегрегация, предполагающая раздельное существование различных групп. Интеграция стремится к созданию общества, в котором все члены могут полноценно участвовать в экономической, социальной, культурной и политической жизни, сохраняя при этом свою идентичность и культурное наследие в той мере, в какой это не противоречит фундаментальным ценностям и законам принимающего общества.

Важно понимать, что интеграция не является монолитным процессом, и ее формы и результаты во многом зависят от доминирующих подходов в управлении культурным разнообразием, будь то мультикультурализм или поликультурализм. Положительный опыт поликультурного образования и межкультурной ассимиляции свидетельствует о потенциале поликультурной образовательной среды, основанной на этнической толерантности, готовности к диалогу культур, что особо актуально для многонациональной России [Баранова, Е. Б. Поликультурное образование и воспитание в США и Канаде, с. 78].

В контексте мультикультурализма, в рамках которого делается акцент на признании и сохранении культурных различий, интеграция часто понимается как мультикультурная интеграция. Эта модель стремится к созданию общества, в котором различные культурные группы сосуществуют, сохраняя свою особенность, но при этом взаимодействуют в рамках общих институтов и правовых норм. Характерными чертами интеграции в мультикультурном контексте являются сохранение культурной идентичности,

толерантность и взаимное уважение.

Поликультурализм, с его акцентом на активном взаимодействии и гибридизации культур, предполагает более динамичную и взаимопроникающую модель интеграции, которую можно назвать *интеркультуральной интеграцией* или интеграцией через взаимодействие. Характерными чертами интеграции в поликультурном контексте служат активное межкультурное взаимодействие, формирование гибридных идентичностей, культурный обмен и обогащение, развитие межкультурной компетентности, формирование общей гражданской культуры.

Сравнивая две различные модели интеграции в контексте мульти- и поликультурализма, можно увидеть, что мультикультурная интеграция может быть более ориентирована на сохранение культурного разнообразия через параллельное существование, в то время как интеркультуральная интеграция, вдохновленная поликультурализмом, стремится к более глубокому и динамичному взаимодействию, ведущему к культурному обмену и формированию новых, общих смыслов и практик.

Выбор той или иной модели интеграции имеет значительные последствия для процессов социализации. В мультикультурном контексте индивиды могут социализироваться преимущественно в рамках своей культурной группы, с ограниченным взаимодействием с другими культурами. В поликультурном контексте социализация предполагает более активное освоение различных культурных норм и развитие межкультурной компетентности, что может способствовать более широкому социальному включению и адаптации в полиэтническом обществе.

Таким образом, интеграция выступает как ключевой процесс, на который оказывают существенное влияние как принципы мультикультурализма (сохранение различий), так и поликультурализма (активное взаимодействие и гибридизация). Понимание различных влияний необходимо для разработки эффективных стратегий социальной политики и поддержки успешной социализации в полиэтнических обществах.

Специфические вызовы для социализации в контексте мультикультурализма и поликультурализма

Актуальность обсуждения социализации в современном меняющемся поликультурном пространстве связана как с

социальной транзитивностью, так и с расширением межличностного и межгруппового общения. Глобализация и массовые миграции людей раздвигают границы социализации и требуют позитивного отношения к нормам и стандартам родной и чужой культур [Martsinkovskaya T., Chumicheva I., Khuzeeva G. Socialization in multicultural space: Determinations and conditions, 2018, p. 60]. Проблема социализации является базовой в процессах воспитания и образования подрастающего поколения. Этническая социализация подростков и молодежи в поликультурном мире обусловлена системой их экзистенциальных ценностей, влиянием информационной среды, процессами формирования традиционных, этнотипичных качеств личности, содержания и характера межпоколенческих связей [Репринцев А. В. Этническая социализация личности в поликультурном мире: риски и противоречия формирования этнокультурной идентичности детей и молодежи, 2021, с. 306]. Социализация происходит в различных социальных контекстах, таких как семья, школа, сверстники и соседи по двору и улице, Интернет. Вопрос социализации тесно связан с культурной идентичностью, которая определяется мессенджерами, поступающими из различных источников. Процесс идентификации обусловлен совпадением или различием качества сообщений, получаемых из различных источников, будь то семья или школа [Aral T. et al. The social contexts of cultural identity among adolescents of immigrant descent: Separate and interacting relations of family and school ethnic-racial socialization, 2025, p. 3].

Мультикультурализм, как подход, ориентированный на признание и сохранение культурных различий, сталкивается с рядом специфических вызовов в процессе социализации в полиэтнических обществах. Одним из ключевых вызовов мультикультурализма является баланс между сохранением культурной идентичности различных групп и обеспечением социальной сплоченности. Хотя право на сохранение своей культуры является важным аспектом мультикультурной политики, существует риск того, что акцент на различиях может привести к сегрегации, то есть к обособлению культурных групп и формированию параллельных сообществ с ограниченным взаимодействием между ними.

Риски сегрегации обусловлены ограничением социальных связей, недостатком контактов между представителями разных культур, которые препятствуют формированию широких

социальных сетей и чувства общей принадлежности к принимающему обществу; усиление стереотипов и предрассудков из-за ограниченного знания о других культурах, что закрепляет негативные стереотипы и предрассудки, основанные на незнании и непонимании; социальная фрагментация, которая характеризуется тем, что общество состоит из слабо связанных между собой культурных анклавов, затрудняющих решение общих проблем и подрывающих социальное доверие.

В контексте мультикультурализма взаимодействие между культурными группами может быть ограниченным и, как следствие, возникают значительные барьеры в межкультурной коммуникации, обусловленные такими факторами, как языковые различия, различия в невербальной коммуникации, ценностях и нормах, коммуникативных стилях. Мультикультурный подход ставит перед социальными институтами (образование, здравоохранение, правовая система и др.) сложную задачу по адаптации своих структур и практик таким образом, чтобы учитывать потребности и особенности различных культурных групп, не прибегая при этом к глубокой интеграции или ассимиляции.

Трудности в создании универсальных подходов заключаются в том, что различные культурные группы могут иметь специфические потребности и ожидания в отношении образования, здравоохранения, социального обеспечения и других услуг; некоторые социальные институты могут быть основаны на культурных нормах и ценностях доминирующей группы, что может создавать барьеры для представителей других культур. Стремление учесть все культурные особенности может привести к фрагментации социальных институтов, когда для разных культурных групп создаются отдельные структуры или подходы, что может противоречить принципам равенства.

Логически выверенной выглядит модель развития межкультурной чувствительности (The Developmental Model of Intercultural Sensitivity (DMIS)), предложенная Milton J. Bennett. Автор в качестве базового механизма интернализации мировоззрения ребенка называет восприятие, способствующее адаптации индивида к конкретным обстоятельствам своего пребывания. Модель развития межкультурной чувствительности описывает шесть стадий развития межкультурной чувствительности и коммуникации – отрицание культурных различий, защита от

культурных различий, принятие, адаптация и интеграция, когда восприятие себя расширяется, поликультурная осведомленность и способность продуктивно взаимодействовать получает наивысшее развитие [Bennett M. J. Development model of intercultural sensitivity, 2017]. Без глубокой интеграции может быть сложно выработать универсальные подходы, которые были бы приемлемы и понятны для всех культурных групп, сохраняя при этом уважение к их различиям.

Таким образом, мультикультурализм сталкивается с вызовом поиска баланса между признанием и уважением культурных различий и необходимостью обеспечения эффективного функционирования социальных институтов, способных удовлетворять потребности всего полиэтнического общества. Ответы на эти вызовы требуют разработки инклюзивных подходов, которые учитывают культурное разнообразие, не приводя к сегрегации и не препятствуя формированию общего социального пространства.

Вызовы в контексте поликультурализма

Поликультурализм предполагает, что в результате интенсивного межкультурного взаимодействия индивиды могут формировать гибридные идентичности, сочетающие в себе элементы различных культурных влияний. Хотя это может быть источником богатства и многогранности личности, процесс самоопределения в таких условиях может быть сопряжен с определенными сложностями: чувством «инаковости» или «неполной принадлежности». Сочетание различных культурных норм и ценностей может порождать внутренние конфликты и противоречия, особенно если эти нормы и ценности кажутся несовместимыми. Окружающие могут не всегда понимать или принимать гибридную идентичность индивида, пытаясь «вписать» его в рамки традиционных культурных категорий, что может приводить к вопросам о «подлинности» его культурной принадлежности или к стереотипным представлениям о нем. Процесс формирования устойчивой и интегрированной гибридной идентичности требует от индивида значительных когнитивных и эмоциональных усилий по осмыслению, принятию и согласованию различных культурных аспектов своей личности. Хотя поликультурализм открывает возможности для культурного обогащения и формирования многогранных идентичностей, он

также ставит перед индивидами задачу сложного самоопределения в условиях культурной гибридности.

В контексте поликультурализма активное взаимодействие между культурами является нормой, успешная межкультурная коммуникация требует от индивидов высокой степени межкультурной компетентности, что включает в себя знание о различных культурах, понимание культурных ценностей, норм, традиций, истории и особенностей коммуникативных стилей различных культурных групп; коммуникативные навыки, умение эффективно общаться с представителями других культур, учитывая языковые и невербальные различия, а также адаптируя свой коммуникативный стиль к контексту.

Понимание этих вызовов, специфичных для контекста поликультурализма, позволяет более полно осмыслить сложности и потенциальные преимущества данного подхода к управлению культурным разнообразием в полиэтнических обществах. Независимо от того, ориентируется ли полиэтническое общество преимущественно на принципы мультикультурализма или поликультурализма, существуют фундаментальные и общие вызовы, которые необходимо преодолеть для обеспечения успешной социализации всех его членов.

Общие вызовы для социализации в полиэтнических обществах

Дискриминация, основанная на этнической, расовой, религиозной или культурной принадлежности, является серьезным препятствием для успешной социализации в любом полиэтническом обществе [Andiani T. N., Laksito F. X. H. B., Santos J. G. Evidence from Indonesia on the legal policy confronting discrimination of minority groups based on race and ethnicity, 2023; Juang L. P. et al. Ethnic-racial identity in Europe: Adapting the identity project intervention in five countries, 2023]. Она может проявляться в различных формах: индивидуальная дискриминация как предвзятое отношение и негативное поведение отдельных лиц по отношению к представителям определенных культурных групп; структурная дискриминация как системные неравенства, укорененные в социальных институтах (например, в сфере образования, занятости, жилищной политики), которые непропорционально негативно влияют на определенные культурные группы. Одним из

инструментов разрешения проблем, обусловленных дискриминационной политикой, является воспитание культуры права, в контексте которого право есть экзистенциальная прерогатива человеческого бытия и высшая точка осознания человеком собственной природы [Andiani T. N., Laksito F. X. H. B., Santos J. G. Evidence from Indonesia on the legal policy confronting discrimination of minority groups based on race and ethnicity, 2023].

Выводы

Настоящее исследование позволило выявить ключевые различия во влиянии мультикультурализма и поликультурализма на вызовы социализации и интеграции в полиэтнических обществах. Мультикультурализм, с его акцентом на признание и сохранение культурных различий, сталкивается с рисками сегрегации, ограниченного межкультурного взаимодействия и трудностями в адаптации социальных институтов без глубокой интеграции. В результате социализация может происходить преимущественно в рамках отдельных культурных групп, что потенциально препятствует формированию широкой социальной сплоченности. Социализация в поликультурном контексте требует от индивидов навигации в сложном пространстве культурных влияний и развития навыков эффективного взаимодействия в динамичной поликультурной среде.

Дальнейшие исследования в этом направлении могут сосредоточиться на более глубоком эмпирическом анализе влияния различных моделей управления культурным разнообразием (мульти- и поликультурных подходов) на конкретные аспекты социализации, такие как формирование идентичности молодежи, уровень социальной интеграции различных этнических групп, эффективность образовательных программ, направленных на развитие межкультурной компетентности, и адаптация социальных институтов к нуждам полиэтнического населения.

Представляется важным проведение сравнительных исследований в различных национальных и региональных контекстах для выявления специфических факторов, опосредующих влияние мульти- и поликультурных политик на процессы социализации и интеграции. Перспективным является изучение формирования гибридных идентичностей в условиях полилингвальной культуры. Кроме того, заслуживает внимания

исследование потенциальных синергий и взаимодополняющих элементов мульти- и поликультурных подходов в разработке более комплексных и эффективных стратегий социальной интеграции.

Литература:

1. Алибекова Н. М. К вопросу о поликультурном обществе / Н.М. Алибекова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2018. – № 4(414). – С. 7-14.

2. Баранова, Е. Б. Поликультурное образование и воспитание в США и Канаде / Е. Б. Баранова // Интеграция образования. – 2011. – № 4(65). – С. 73.

3. Бетильмерзаева М. М. Проблемы и вызовы поликультурного общества в условиях глобализации / М. М. Бетильмерзаева // Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов X Международной научно-практической конференции, Грозный, 08–09 декабря 2023 года. – Грозный: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство АЛЕФ", 2023. – С. 241-250.

4. Бязрова Д. Б. Мультикультурализм и поликультурализм как модели оптимизации межэтнического общения / Д.Б. Бязрова, В. Тедеева // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2022. – № 1. – С. 158-162. – DOI 10.22394/2079-1690-2022-1-1-158-162.

5. Дубров Д. И., Григорьев Д. С. Современные исследования межгрупповых идеологий: ассимиляционизм, этнический дальтонизм, мультикультурализм, поликультурализм // Общественные науки и современность – 2019. – № 1. – С. 143-155.. DOI: 10.31857/S086904990002755-2

6. Коробейникова Л. А. Гибридная глобализация: идеи и концепции / Л. А. Коробейникова, Е. В. Водопьянова // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 447. – С. 83-87.

7. Новолодская С.Л. Дефиниция понятий «поликультурный» и «мультикультурный» // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. – 2012. – №. 1. – С. 234-237.

8. Репринцев А. В. Этническая социализация личности в поликультурном мире: риски и противоречия формирования этнокультурной идентичности детей и молодежи // Ученые записки.

Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2021. – №. 4 (60). – С. 306-321.

9. Федюнина С. М. Межэтнические социально-культурные отношения и процессы в современном мультикультурном обществе / С. М. Федюнина // Власть. – 2012. – № 3. – С. 34-38.

10. Andiani T. N., Laksito F. X. H. B., Santos J. G. Evidence from Indonesia on the legal policy confronting discrimination of minority groups based on race and ethnicity // Wacana Hukum. – 2023. – Т. 29. – №. 2. – С. 146-162.

11. Aral T. et al. The social contexts of cultural identity among adolescents of immigrant descent: Separate and interacting relations of family and school ethnic-racial socialization // The Journal of Early Adolescence. – 2025. – Т. 45. – №. 4. – С. 421-450.

12. Beltei M. Multiculturalism and polyculturalism as models for maintaining interethnic relations in the global context // Integrare prin cercetare și inovare. – 2022. – С. 242-244.

13. Bennett M. J. Development model of intercultural sensitivity. In Kim, Y. (Ed.), International Encyclopedia of Intercultural Communication. 2017. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons.

14. Ciechański J. Multikulturalizm: ewolucja dyskursu // Studia Politologiczne. – 2021. – Т. 59. – №. 59. – С. 181-201.

15. Gasimova N. Multiculturalism as the main philosophical concept in the social development of modern society // Metafizika. – 2022, 5(4). – Pp.77-87.

16. Juang L. P. et al. Ethnic-racial identity in Europe: Adapting the identity project intervention in five countries // European Journal of Developmental Psychology. – 2023. – Т. 20. – №. 6. – С. 978-1006.

17. Martsinkovskaya T., Chumicheva I., Khuzeeva G. Socialization in multicultural space: Determinations and conditions // Universal Journal of Psychology. – 2018. – Т. 6. – №. 2. – С. 60-66.

18. Mendoza K.G. Embracing Spanglish as My First Language Validates My «Kinda Sabo» Identity // Popsugar, 2024. – URL.: <https://www.popsugar.com/identity/embracing-spanglish-first-language-49389093>.

19. Morris, M. W., Chiu, C., & Liu, Z. Polycultural psychology. Annual Review of Psychology, 2015, 66, 631–659. <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-010814-015001>.

20. Valgardsson S., Nardon L. Towards inclusion through polyculturalism: A critical review of cultural hybridity // International

References:

1. Alibekova N. M. K voprosu o polikul'turnom obshchestve / N.M. Alibekova // Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2018. – № 4(414). – S. 7-14.
2. Baranova, E. B. Polikul'turnoe obrazovanie i vospitanie v SSHA i Kanade / E. B. Baranova // Integraciya obrazovaniya. – 2011. – № 4(65). – S. 73.
3. Betil'merzaeva M. M. Problemy i vyzovy polikul'turnogo obshchestva v usloviyah globalizacii / M. M. Betil'merzaeva // Gumanitarnoe znanie i duhovnaya bezopasnost': sbornik materialov X Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Groznyj, 08–09 dekabrya 2023 goda. – Groznyj: Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu "Izdatel'stvo ALEF", 2023. – S. 241-250.
4. Byazrova D. B. Mul'tikul'turalizm i polikul'turalizm kak modeli optimizacii mezhetnicheskogo obshcheniya / D.B. Byazrova, V. Tedeeva // Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski. – 2022. – № 1. – S. 158-162. – DOI 10.22394/2079-1690-2022-1-1-158-162.
5. Dubrov D. I., Grigor'ev D. S. Sovremennye issledovaniya mezhhruppovykh ideologij: assimilyacionizm, etnicheskij dal'tonizm, mul'tikul'turalizm, polikul'turalizm // Obshchestvennye nauki i sovremennost' – 2019. – № 1. – C. 143-155.. DOI: 10.31857/S086904990002755-2
6. Korobejnikova L. A. Gibridnaya globalizaciya: idei i koncepcii / L. A. Korobejnikova, E. V. Vodop'yanova // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2019. – № 447. – S. 83-87.
7. Novolodskaya S.L. Definiiciya ponyatij «polikul'turnyj» i «mul'tikul'turnyj» // Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika, psihologiya. – 2012. – №. 1. – S. 234-237.
8. Reprincev A. V. Etnicheskaya socializaciya lichnosti v polikul'turnom mire: riski i protivorechiya formirovaniya etnokul'turnoj identichnosti detej i molodezhi // Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2021. – №. 4 (60). – S. 306-321.
9. Fedyunina S. M. Mezhetnicheskie social'no-kul'turnye otnosheniya i processy v sovremennom mul'tikul'turnom obshchestve / S.

M. Fedyunina // *Vlast'*. – 2012. – № 3. – S. 34-38.

10.Andiani T. N., Laksito F. X. H. B., Santos J. G. Evidence from Indonesia on the legal policy confronting discrimination of minority groups based on race and ethnicity // *Wacana Hukum*. – 2023. – T. 29. – №. 2. – S. 146-162.

11.Aral T. et al. The social contexts of cultural identity among adolescents of immigrant descent: Separate and interacting relations of family and school ethnic-racial socialization // *The Journal of Early Adolescence*. – 2025. – T. 45. – №. 4. – S. 421-450.

12.Beltei M. Multiculturalism and polyculturalism as models for maintaining interethnic relations in the global context // *Integrare prin cercetare și inovare*. – 2022. – S. 242-244.

13.Bennett M. J. Development model of intercultural sensitivity. In Kim, Y. (Ed.), *International Encyclopedia of Intercultural Communication*. 2017. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons.

14.Ciechański J. Multikulturalizm: ewolucja dyskursu // *Studia Politologiczne*. – 2021. – T. 59. – №. 59. – S. 181-201.

15.Gasimova N. Multiculturalism as the main philosophical concept in the social development of modern society // *Metafizika*. – 2022, 5(4). – Pp.77-87.

16.Juang L. P. et al. Ethnic-racial identity in Europe: Adapting the identity project intervention in five countries // *European Journal of Developmental Psychology*. – 2023. – T. 20. – №. 6. – S. 978-1006.

17.Martsinkovskaya T., Chumicheva I., Khuzeeva G. Socialization in multicultural space: Determinations and conditions // *Universal Journal of Psychology*. – 2018. – T. 6. – №. 2. – S. 60-66.

18.Mendoza K.G. Embracing Spanglish as My First Language Validates My «Kinda Sabo» Identity // *Popsugar*, 2024. – URL.: <https://www.popsugar.com/identity/embracing-spanglish-first-language-49389093>.

19.Morris, M. W., Chiu, C., & Liu, Z. Polycultural psychology. *Annual Review of Psychology*, 2015, 66, 631–659. <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-010814-015001>.

20.Valgardsson S., Nardon L. Towards inclusion through polyculturalism: A critical review of cultural hybridity // *International Journal of Intercultural Relations*. – 2025. – T. 105. – S. 102-155. – DOI 10.1016/j.ijintrel.2025.102155.

Lalə Cəfər qızı Mövsüмова

AMEA Fəlsəfə və sosiologiya İnstitutunun
“Siyasətin fəlsəfəsi və sosiologiyası” şöbəsinin
baş elmi işçisi, fəlsəfə elmləri doktoru, dosent

Bakı, M.Şərif-zadə, ev 2/A, m. 58

Tel.: 050 3576167

E-mail: lalamovsum@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0001-0227-61>

"İSLAM HƏMRƏYLİYİ" ANLAYIŞI VƏ ONUN CƏMİYYƏTİN SOSİALLAŞMASINA TƏSİRİ

Xülasə

Tədqiqatın məqsədi: bu tədqiqat İslam həmrəyliyi kontekstində sosiallaşma proseslərinin öyrənilməsinə yönəldilmişdir.

Mövzunun araşdırılma dərəcəsi: məqalənin sonundakı ədəbiyyat siyahısına baxın.

Tədqiqat metodları və metodologiyası: tədqiqatda tarixi və müqayisəli təhlil və sosioloji yanaşma tətbiq edilir.

Elmi yenilik. İslam XXI əsrə bəşər sivilizasiyasının istiqamətlərindən biri, baxış və siyasi təcrübə, maddi və mənəvi mədəniyyət sistemi kimi daxil olmuşdur. Bu sistemdə "İslam Həmrəyliyi" anlayışı nədir? Bu gün bu konsepsiyayı hansı baxımdan nəzərdən keçirmək olar? Təqdim olunan məqalədə tarixə kiçik bir ekskursiya etməyə və Quranda və bütövlükdə İslam dinində "Həmrəylik" anlayışının tarixi retrospektivdə əhəmiyyətini ortaya qoymağa cəhd göstərilmişdir. "İslam Həmrəyliyi"-nin müasir konsepsiyasını anlamaq üçün belə bir ekskursiya sadəcə zəruridir.

Nəticələr. Məqalədə qeyd olunur ki, İslam dünyasının inteqrasiyası zamanı bir sıra konsepsiyalar formalaşdırılıb, onların arasında "İslam Həmrəyliyi" konsepsiyası xüsusi yer tutur. Əslində, hazırda İslam Həmrəyliyi konsepsiyası müsəlman ölkələrinin xarici siyasətinin mühüm prinsipinə çevrilmişdir. Mahiyyəti "dini əsasda dövlətlərarası birlik" olan "İslam Həmrəyliyi" konsepsiyasının formalaşması İslam inteqrasiya prosesinin tarixində mühüm məqamlardan biridir. Müəllif belə bir nəticəyə gəlir ki, "müsəlman həmrəyliyi" ideyası müasir şəraitdə müsəlman dövlətləri arasında münasibətlər üçün demək olar ki, ən məqsədəuyğun düsturdur.

Açar sözlər: "İslam Həmrəyliyi" konsepsiyası, əməkdaşlıq, konsepsiyanın nəzəri əsaslandırılması, dövlətlərarası birlik

УДК – 28

Лала Джафар кызы Мовсумова
доктор философских наук, доцент, главный
научный сотрудник отдела «Политической философии и
социологии» Института философии и социологии НАНА,
Баку, ул. М.Шариф-заде, дом 2/А, кв. 58
Tel.: 050 3576167
E-mail: alamovsum@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0001-0227-61>

КОНЦЕПЦИЯ «ИСЛАМСКАЯ СОЛИДАРНОСТЬ» И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛИЗАЦИЮ ОБЩЕСТВА

Резюме

Цель исследования: Данное исследование направлено на изучение процессов социализации в контексте исламской солидарности.

Степень изученности проблемы: см. литературу в конце статьи.

Методы и методология исследования: В исследовании применены историко-сравнительный анализ и социологический подход.

Научная новизна. Ислам вступил в XXI столетие как одно из направлений человеческой цивилизации, как система воззрений и политической практики, материальной и духовной культуры. Что представляет собой концепция «исламской солидарности» в этой системе? В каком ракурсе сегодня можно рассматривать эту концепцию? В представленной статье предпринята попытка сделать небольшой экскурс в историю и раскрыть значение понятия «солидарность» в Коране и в исламском вероучении в целом в исторической ретроспективе. Для понимания современного понятия концепции «исламской солидарности» такой экскурс просто необходим.

Выводы. В статье отмечается, что в ходе интеграции исламского мира был сформулирован ряд концепций, среди которых особое место занимает концепция «исламской солидарности». По

сути дела, в настоящее время концепция исламской солидарности стала важным принципом внешней политики мусульманских стран.

Формирование концепции «исламской солидарности», суть которой заключается в «межгосударственном единстве на религиозной основе», является одним из важных моментов в истории исламского интеграционного процесса. Автор приходит к выводу, что идея «мусульманской солидарности» является практически наиболее целесообразной в современных условиях формулой для взаимоотношений между мусульманскими государствами.

Ключевые слова: концепция «исламской солидарности», сотрудничество, теоретическое обоснование концепции, межгосударственное единство

UOT – 28

Lala Movsumova

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

Chief Researcher of the

Department of Politics, Institute of Philosophy and Sociology
of the National Academy of Sciences of Azerbaijan

Baku, M.Sharif-zade St,

building 2/A, apt 58

Tel.: 050 3576167

E-mail: lalamovsum@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0001-0227-61>

THE CONCEPT OF "ISLAMIC SOLIDARITY" AND ITS IMPACT ON THE SOCIALIZATION OF SOCIETY

Abstract

The purpose of the study. This study is aimed at studying the processes of socialization in the context of Islamic solidarity.

The degree of study of the problem: see the literature at the end of the article.

Research methods and methodology. The study uses historical and comparative analysis and a sociological approach.

Scientific novelty. Islam entered the 21st century as one of the

directions of human civilization, as a system of beliefs and political practice, material and spiritual culture. What is the concept of "Islamic solidarity" in this system? In what perspective can this concept be viewed today? The presented article attempts to make a short historical digression and reveal the meaning of the concept of "solidarity" in the Quran and in the Islamic faith in general in historical retrospect. To understand the modern concept of the concept of "Islamic solidarity", such an excursion is simply necessary.

Conclusions. The article notes that during the integration of the Islamic world, a number of concepts were formulated, among which the concept of "Islamic solidarity" occupies a special place. In fact, the concept of Islamic solidarity has now become an important principle of the foreign policy of Muslim countries. The formation of the concept of "Islamic solidarity," the essence of which is "interstate unity on a religious basis," is one of the most important moments in the history of the Islamic integration process. The author comes to the conclusion that the idea of "Muslim solidarity" is practically the most appropriate formula in modern conditions for relations between Muslim states.

Keywords: the concept of "Islamic solidarity", cooperation, theoretical substantiation of the concept, interstate unity

Введение

Под этим лозунгом прошли в столице Азербайджана в г.Баку с 12-22 мая 2017 г. IV Исламские игры солидарности. Глава государства, президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев, выступая на заседании Кабинета министров, посвященном итогам социально-экономического развития 2016г., раскрыл значение и важность этого события, как для Азербайджана, так и для всего мусульманского мира. «Проведением этих Игр,- отметил президент,- мы еще раз покажем свою силу, возможности, продемонстрируем приверженность своим религиозным ценностям и постараемся объединить исламский мир»[1]. Этим высказыванием глава государства обосновал своевременное и уместное, принятое им решение – объявление 2017 года в Азербайджане «Годом солидарности». «Наша политика искренняя, верная, справедливая, принципиальная и смелая, -констатировал президент. – Учитывая все это, я объявляю 2017 год в Азербайджане «Годом солидарности» [1].

Еще задолго до этого исторического события, видя настойчивую необходимость в укреплении солидарности, взаимопомощи, дружбе между странами мусульманского мира, президент Азербайджана Ильхам Алиев, выступая на 35-м годовом заседании Совета директоров Исламского банка развития (ИБР), проходящем в г.Баку 23 июня 2010 г. отмечал: «Укрепление исламской солидарности – наше общее дело. Мы можем укрепляться, поддерживая друг друга, развивая экономические связи»[2]. Намечая направления сотрудничества между мусульманскими странами, он особо выделил следующие: «Мы должны углублять сотрудничество в гуманитарной и культурной сферах. Азербайджан будет продолжать усилия для развития связей между исламскими странами во всех областях»[2].

Таким образом, для внешней политики Азербайджана цели и направления развития солидарности со странами мусульманского мира намечены, а Кабинет министров в лице вице-премьера Али Ахмедова определил методы и пути их достижения в Азербайджане на 2017 год. Так, в рамках «Года солидарности» по стране были организованы научные конференции, «круглые столы», семинары, конкурсы, выставки, издание книг, почтовых марок и др. [3].

Концепция «исламская солидарность» как компонент исламского интеграционного процесса

Ислам вступил в XXI столетие как одно из направлений человеческой цивилизации, как система воззрений и политической практики, материальной и духовной культуры. Что представляет собой концепция «исламской солидарности» в этой системе? В каком ракурсе сегодня можно рассматривать эту концепцию? В представленной статье мы попытаемся сделать небольшой экскурс в историю и раскрыть значение понятия «солидарность» в Коране и в исламском вероучении в целом в исторической ретроспективе. Ведь для понимания современного понятия концепции «исламской солидарности» такой экскурс просто необходим.

Теоретическим обоснованием исламской солидарности служит утверждение об общности мусульман всего мира, которая связана с :

- объединяющим всех мусульман мира кодифицированным Кораном и шариатом – сводом моральных, духовных, юридических норм;
- общим происхождением человечества от Адама и мусульман

от «отца мусульман» Ибрахима;

- наличием единого центра – Каабы в Мекке.

Начнем с того, что Ислам – это не только религия. Для мусульман Ислам является так же и фундаментом образа жизни, мышления, государственного строя, права. Исламский монотеизм – это единство мысли, цели, образа жизни, равновесие труда и собственности. Единство всех мусульман вне зависимости от национальных и социальных различий является одной из основополагающих идей в догматике и социальной доктрине Ислама. Изречение пророка Мухаммада: «Нет предпочтения белому перед черным, арабу над неарабом и неарабу над арабом», «Все люди братья, они рабы единого Аллаха» - справедливый моральный кодекс для миллионов верующих мусульман. Гуманистически настроенные мусульманские идеологи утверждают, что формула единства Бога исключает какое-либо приоритетное право господства одной личности или группы над другой, одного класса или пола над другим. Все люди равны перед законом Аллаха в своих правах и обязанностях, потому что все они являются творениями единого Аллаха [4, с.141-142] . Во многих аятах Корана говорится о единстве и братстве верующих. Коран провозгласил и закрепил этот принцип так: «Верующие мужчины и женщины являются помощниками и друзьями друг друга. Они велят совершать одобряемое и запрещают предосудительное, совершают намаз, выплачивают закят, повинуются Аллаху и Его Посланнику. Аллах смиростивится над ними. Воистину, Аллах Могуущественный, Мудрый» (сура 9; аят72(71)) [5].

Ислам в своих основных источниках призывает к единению и солидарности: «Держитесь за религию Аллаха и не разъединяйтесь!» (сура 3, аят 103) – призывает Коран. Ислам считает, что узы веры подобны узам братства: «Ведь верующие – братья» [сура 49, аят 10(10)]. Мусульмане всех стран находят в учениях ислама о единстве, сотрудничестве, дружбе и солидарности наилучшую опору миропорядку.

В системе современных международных отношений мусульманский мир играет все более заметную роль, что обусловлено рядом факторов экономического, политического, социального и религиозного характера. Сегодня Ислам продолжает играть огромную роль не только как государственная идеология во внутренней политике исламских государств, а также высок его

статус и в мировой политике.

Мусульмане проживают сегодня в разных странах, придерживаются различной социально-политической ориентации, принадлежат к различным национальностям, культурам, классам, слоям и группам. Для многих из них Ислам является мировосприятием и мировоззрением.

К сожалению, в настоящее время, мусульманские народы разъединены и конфликтуют друг с другом. Это факт. Для преодоления причин этой раздробленности мусульманские политики ищут подходящую форму для продуктивного сотрудничества в интересах всех исламских обществ. В связи с этим, для достижения этой цели предпринимаются постоянные попытки нахождения путей консолидации мусульманского мира. Так в ходе интеграции исламского мира были сформулированы ряд концепций, среди которых особое место занимает концепция «исламской солидарности». По сути дела, в настоящее время концепция исламской солидарности стала важным принципом внешней политики мусульманских стран.

Формирование концепции «исламской солидарности», суть которой заключается в «межгосударственном единстве на религиозной основе», является одним из важных моментов в истории исламского интеграционного процесса.

Идея «мусульманской солидарности» практически наиболее целесообразная в современных условиях формула для взаимоотношений между мусульманскими государствами. Вторая половина 70-х начало 80-х г.г. XX века ознаменовались усилением активности Ислама на мировой арене, развертыванием движения исламской солидарности. Широкое распространение получили в этот период социальные концепции Ислама, было организовано строительство множества исламских центров и мечетей. Стало обычным явлением проведение международных исламских конференций, симпозиумов, семинаров, совещаний. Основную цель движений «исламской солидарности» составляет учение Ислама о единстве всех мусульман планеты независимо от их национальности.

В основе современного движения «мусульманской солидарности» лежит стремление освободиться от экономического и культурного доминирования Запада, найти свой независимый и самобытный путь, ведущий к созданию «нового исламского общества». В этом процессе важная роль отводится международным

организациям, созданным в мусульманских странах. Речь идет о международных организациях принципа исламской солидарности, для претворения в жизнь которой мусульманские государства создали целый ряд организаций различного уровня, число которых выше 70.

Своим влиянием и активностью среди, перечисленных выше, организаций выделяются три международные исламские организации:

1. Организация исламской конференции (ОИК)
2. Всемирная исламская лига (ЛИМ)
3. Всемирный исламский конгресс (ВИК)

К числу общеполитических международных проблем, волнующих «солидарность», относятся также укрепление мира и безопасности, все больше внимания уделяется проблеме международного и государственного терроризма. Мусульманские государства рассматривают эти явления не только как противозаконное насилие, как правило, с применением оружия против личности, общества, затрагивающие интересы иногда нескольких государств, а как действия, искажающие ислам и мусульманские законы. Действительно, практика дает немало примеров того, как политические интересы отдельных стран берут верх над идеей исламской солидарности, что в итоге приводит эти страны к войне, насилию и терроризму, с вытекающими из этого последствиями.

В заключительном Коммюнике УІ конференции глав-членов ОИК (1991 г.) было зафиксировано, что участники «единодушно осуждают терроризм, который представляет собой ничем не прикрытое отклонение от сути исламского учения. Это проявление насилия над нашими ценностями, привычками и правом, которые унижают достоинство и уважение к человеку» [6, с. 63].

Исламская солидарность – одно из действенных средств в борьбе с экстремизмом и терроризмом. «Мы как народ, исконная территория которого – Нагорный Карабах, переживший Ходжалинский геноцид, армянский террор, уничтожение очагов своих предков, разрушение мечетей, исторических памятников, не может оставаться безучастными к кровопролитию. Поэтому в исламской солидарности и сотрудничестве мировой общественности мы видим одно из самых действенных средств борьбы с экстремизмом и террором» - отметил председатель управления

мусульман Кавказа (УМК) шейхульислам Аллахшукюр Пашазаде на международной конференции на тему: «Экстремистские и такфиристские течения глазами исламских ученых», проходящей 24 ноября 2014г. в Куме (Иран) [7]. «...Сила исламских государств в единстве, у нас одна цель, мы хотим мира, спокойствия...»- таково твердое убеждение президента Азербайджана Ильхама Алиева [2].

Заключение

В заключении хотелось бы сделать некоторые выводы.

1. Сложившаяся обстановка в мире, и в частности, в зоне распространения Ислама, создала предпосылки для возникновения концепции «исламской солидарности», как наиболее гибкой промежуточной формулой идеи межгосударственного сотрудничества и императивного единства на религиозной основе.

2. Целостность мира в исламской концепции солидарности отражает объективные закономерности развития человеческой цивилизации, взаимосвязь и зависимость ее отдельных элементов, общность их судьбы и борьбы за выживание в ядерный век и достигается в силу идеологического распространения ислама. Мир будет универсален и целостен только на основе ислама, таков логический вывод из содержания концепции «исламской солидарности». Взаимосвязь и целостность мира составляют объективную основу формирования системы миропорядка.

3. В современных условиях идет процесс взаимопроникновения и влияния гуманитарных ценностей общечеловеческого характера. Вместе с тем стремление к сохранению «традиционности» и «самобытности» на религиозной основе действует как своеобразный стимул в гуманитарной сфере и является современной политикой мусульманских стран.

4. Сама концепция «исламской солидарности» рассматривается как наиболее целесообразная формула для взаимоотношений между мусульманскими странами в современных условиях, в которой особое место занимает Азербайджан.

Литература:

1. www.trend.az/azerdaijan/politics/2707263.html
2. www.vestikavkaza.ru/tags/исламская+солидарность
3. Contact.az/docs/2017/Politics/011400180368.ru.htm
4. Мовсумова Л. Анализ статуса женщины в контексте религиозного мировоззрения. Баку, 2007

5. Коран. Перевод с араб. акад. И.Ю.Крачковского. М., 1990
6. Материалы XXI Конференции министров иностранных дел государств – членов ОИК. Карачи, 1993
7. www.trend.az/azerbaijan/politics/2336317.html

References:

1. www.trend.az/azerdaijan/politics/2707263.html
2. www.vestikavkaza.ru/tags/islamskaya+solidarnost
3. Contact.az/docs/2017/Politics/011400180368 ru.htm
4. Movsumova L. Analiz statusa zhenshchiny v kontekste religioznogo mirovozzreniya. Baku. 2007.
5. Koran. Perevod s arab. akad. I.Yu.Krachkovskogo. M.. 1990.
6. Materialy KhKhI Konferentsii ministrov inostrannykh del gosudarstv – chlenov OIK. Karachi. 1993.
7. www.trend.az/azerbaijan/politics/2336317.html

UOT- 102

Dmitriy Nikolayevich Vasilkevski

iqtisad elmləri doktoru, professor,
Beynəlxalq iqtisadi əlaqələr şöbəsinin müdiri,
Beynəlxalq Münasibətlər Fakültəsi,
Xmelnitski Milli Universiteti,
Ukrayna, Xmelnitski, İnstitutskaya küçəsi, 7
E-poçt: vasilkivsky@gmail.com
orcid.org/0000-0002-4949-078X
Scopus ID: 57210340136

Mətləb Əbdülməli oğlu Mahmudov

fəlsəfə üzrə fəlsəfə doktoru, dosent, aparıcı elmi işçi,
Fəlsəfə və Sosiologiya İnstitut,
Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası
mmatlab@gmail.com
orcid.org/0000-0001-5211-8359

AZƏRBAYCAN VƏ UKRAYNA ARASINDA QARŞILIQLI ƏMƏKDAŞLIĞA YÖNƏLMİŞ İNSTİTUTLARIN İCTİMAİLƏŞDİRİLMƏSİNİN METODOLOJİ ASPEKTLƏRİ

Xülasə. Məqalədə Azərbaycan və Ukrayna arasında qarşılıqlı əməkdaşlığa yönəlmiş institutların ictimailəşdirilməsinin bəzi metodoloji aspektlərinə diqqət yetirilir. Qeyd olunur ki, bu ölkələr müstəqillik qazandıqları ilk günlərdən həm iqtisadi, həm də humanitar sahədə sıx əlaqələr qurublar. İlk baxışdan bu hissə olunmayan münasibətlər zaman keçdikcə hər iki ölkə üçün mühüm əhəmiyyət kəsb etməyə başladı. Azərbaycan 19-cu əsrin sonlarında neft hasil edən ölkə kimi tanınırdı, Ukrayna isə çar imperiyasının taxıl anbarı olmaqla yanaşı, həm də sənaye cəhətdən inkişaf etmiş və kömür hasil edən ölkə idi. Qeyd edilir ki, imperiyanın uğurlu fəaliyyət göstərməsi məqsədilə bu imperiyanın bütün hissələri arasında müəyyən maddi-texniki təchizat formalaşdırılıb ki, bu da həmin hissələri ümumi məqsədlər və həyat tərzilə əlaqələndirirdi. Ukrayna zəhmətkeşləri azərbaycanlıların azadlıq mübarizəsində, çar zülmünə qarşı mübarizədə təşkilatlanmasında mühüm rol oynamışlar. Qeyd olunur ki, SSRİ-nin dağılmasından sonra həm Azərbaycanda, həm də Ukraynada müstəqilliyin bərpası bu ölkələri yenidən qarşılıqlı əməkdaşlıq üçün müstəqil əsaslar qoymağa məcbur edib. Məqalədə bu münasibətlərin müstəqilliyinin möhkəmləndirilməsinə yönəlmiş formalaşma mərhələlərinə diqqət yetirilir.

Məqalədə tarixi salnamələrin təhlili, bu ölkələrin bağladıkları rəsmi sənədlərin və müqavilələrin təhlili, birgə konfransların materialları, statistik hesabatlar və s. kimi *metodlardan* istifadə olunub.

Sonda bu əlaqələrin inkişafı üçün bəzi nəticələr və təkliflər verilir, ölkələrimiz arasında insan fəaliyyətinin müxtəlif sahələrində əməkdaşlığın perspektivlərinin konturları qeyd olunur.

Açar sözlər: əməkdaşlıq, sosiallaşma, institutlar, iqtisadiyyat, elm, təhsil
Methodological aspects of socialization of institutions aimed at mutual coope

УДК-102

Дмитро Василькевський

Доктор економічних наук, професор,

Завідувач кафедри міжнародних економічних відносин

Факультет міжнародних відносин

Хмельницький національний університет

Україна, м. Хмельницький, вул. Інститутська, 7

E-mail: vasilkivsky@gmail.com

orcid.org/0000-0002-4949-078X

Scopus ID: 57210340136

Матлаб Махмудов

Доктор філософії з філософії, доцент, провідний науковий
співробітник

Інститут філософії та соціології

Національна академія наук Азербайджану

E-mail: mmatlab@gmail.com

orcid.org/0000-0001-5211-8359

МЕТОДОЛОГІЧНІ АСПЕКТИ СОЦІАЛІЗАЦІЇ ІНСТИТУТІВ, НАПРЯМОВАНИХ НА ВЗАЄМНЕ СПІВПРАЦЯ АЗЕРБАЙДЖАНУ ТА УКРАЇНИ

Резюме. У статті звертається увага на деякі методологічні аспекти соціалізації інститутів, спрямованих на взаємну співпрацю між Азербайджаном та Україною. Зазначається, що з перших днів здобуття незалежності ці країни розвивали тісні відносини як в економічній, так і гуманітарній сферах. Спочатку ці зв'язки здавалися незначними, проте згодом вони набули важливого значення для обох країн. Азербайджан наприкінці XIX століття був відомий як нафтовидобувна країна, а Україна, окрім статусу житниці Російської імперії, була також індустріально розвиненою та вугледобувною країною. Наголошується, що для успішного функціонування імперії між її частинами формувалася певна логістика, яка об'єднувала їх загальними цілями та способом життя. Українські робітники відіграли значну роль в організації азербайджанців у їх боротьбі за визволення проти царського гніту. Зазначається, що відновлення незалежності як в Азербайджані, так і в Україні після розпаду СРСР знову поставило перед ними завдання закладання незалежних засад для взаємної співпраці.

У статті розглядаються етапи формування цих відносин, спрямованих на зміцнення їхньої незалежності.

Використовуються такі методи, як аналіз історичних хронік, аналіз офіційних документів та угод, укладених між країнами, матеріали спільних конференцій, статистичні звіти та ін.

Наприкінці сформульовано деякі висновки та пропозиції щодо розвитку цих відносин, позначено перспективи співпраці між нашими країнами у різних сферах людської діяльності.

Ключові слова: співробітництво, соціалізація, інститути,

UDC-102

Dmitry Vasilkevsky

Doctor of Economic Sciences, Professor,
Head of the Department of International Economic Relations
Faculty of International Relations Khmelnytsky National University,
E-mail: vasilkivsky@gmail.com
orcid.org/0000-0002-4949-078X
Scopus ID: 57210340136
Ukraine, Khmelnytsky, Instytutaska Street, 7

Matlab Mahmudov

Doctor of Philosophy in Philosophy, Associate Professor, Leading
Researcher
Institute of Philosophy and Sociology
National Academy of Sciences of Azerbaijan
mmatlab@gmail.com
orcid.org/0000-0001-5211-8359

METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE SOCIALIZATION OF INSTITUTIONS AIMED AT MUTUAL COOPERATION BETWEEN AZERBAIJAN AND UKRAINE

Abstract. The article draws attention to some methodological aspects of the socialization of institutions aimed at mutual cooperation between Azerbaijan and Ukraine. It is noted that from the first days of gaining independence, these countries developed close relations both in the economic and humanitarian fields. At first glance, these imperceptible relations, over time, began to acquire important significance for both countries. Azerbaijan at the end of the 19th century was known as an oil-producing country, and Ukraine, in addition to being the granary of the tsarist empire, was also an industrially developed and coal-mining country. It is noted that for the purpose of the successful functioning of the empire, certain logistics were formed between all parts of this empire, which connected these parts with common goals and ways of life. Ukrainian workers played a significant role in organizing Azerbaijanis in the struggle for their liberation, in the fight against tsarist oppression. It is noted that the restoration of independence in both Azerbaijan and Ukraine

after the collapse of the USSR again forced these countries to lay independent foundations for mutual cooperation. The article draws attention to the stages of the formation of these relations, which were aimed at strengthening their independence.

The article uses such *methods* as analysis of historical chronicles, analysis of official documents and agreements concluded by these countries, materials of joint conferences, statistical reports, etc.

In conclusion, some inferences and proposals for the development of these relations are given, outlines of the prospects for cooperation between our countries in various areas of human activity are noted.

Key words: cooperation, socialization, institutions, economics, science, education

Introduction (statement of the problems and questions of methodology). Socialization as an interdisciplinary phenomenon is traditionally an object of research in sociology and socially oriented directions of various scientific disciplines: philosophy, anthropology, pedagogy, psychology, economics, etc. The ideas that formed the basis of the theory of socialization appeared earlier than the term itself in the works of F. Giddings, G. Tarde, E. Durkheim. Thus, O. Comte noted the dependence of the development and activity of the individual as a subject of an integral social system on the laws and social norms of society (Comte, 1910) [000].

The phenomenon of socialization developed by sociologists, cultural scientists and other specialists finds its psychological understanding first in the work of W. James, then in interactionist theories and is interpreted differently in psychoanalytic theories, cognitive concepts, and the theory of social learning.

Ideas concerning the behavior of an individual in the context of his relationships with others; his compliance with the requirements of the environment; the influence of the socio-economic conditions of an individual's existence on his/her behavior; social development of an individual throughout his/her life, as well as the construction of a hierarchically organized structure of external, social factors - conditions of socialization, formed the basis for studying the phenomenon of socialization at the present stage of scientific development, etc. The positions of different specialists regarding the general characteristics of the phenomenon under study, concerning the continuity, staging of the

socialization process, the importance of social influence on ontogenesis, etc. do not prevent its specification, which focuses on those aspects that are determined by disciplinary specialization. As a result, cultural, ethnic, informational, professional, gender, political, legal, civil and other types of socialization are actively studied. However, a number of researchers studying issues of the general theory of socialization consider it inappropriate to distinguish between its various types. While the existence of private aspects in the study of psychological phenomena is a natural result of the differentiation process, which, along with integration, characterizes the development of modern science, including social and economic psychology. For example, the substantive components of the socialization of an individual in the context of economic relations in society are determined not only by psychological but also by economic laws, which cannot be considered within the framework of only a general theory. On the contrary, the knowledge obtained in the study about the features of economic, professional and other types of socialization, complementing each other, can make a certain contribution to the development of the theory of socialization as a whole.

As another argument in favor of studying the economic socialization of an individual as an independent phenomenon, one can consider the constant growth in the number of works aimed at identifying the patterns and features of types of socialization. The various types of socialization studied by sociology, political science, cultural studies and other scientific disciplines invariably arouse interest. Moreover, if in some works these types of socialization are independent phenomena, then in others they are inextricably linked, which requires a different understanding of the commonality and specificity of the content.

Finally, the same type of socialization becomes the object of study of related disciplines. Thus, the phenomenon of economic socialization is of interest not only to specialists in economic or social psychology, but also to behavioral economics, economic sociology and other related disciplines.

The current stage of development of society, defined as post-radical, is characterized by relative stability not only in socio-economic terms, but also from the point of view of assessing its socio-psychological consequences. Thus, it can be said with confidence that the main trend of the radical period, associated with dynamic processes in the economic consciousness and behavior of people and oriented towards the formation of a new type of economic thinking, has been replaced in the new

situation of social development by a trend of an inertial nature (but not stagnation). This circumstance is determined by the need of an individual (as well as groups and society as a whole) to understand (analyze, evaluate, etc.) the changes that occurred in the 1990s in order to further form their economic relations. In this context, the most relevant is the study of patterns, mechanisms, factors, etc. of economic socialization of the developing individual.

In the process of studying economic socialization, the historical factor comes to the fore. Thus, characterizing the beginning of the 20th century, researchers pay special attention to the dynamics and uniqueness of property relations at different stages of the socio-economic development of society, which required a certain level of psychological readiness for these changes from the population.

Thus, the specificity of economic socialization during the period of economic reforms is manifested in a change in attitudes towards economic objects, an increase in the importance of economic values, and a transformation of social ideas about economic objects.

For many years, Azerbaijan and Ukraine have been developing close economic and diplomatic ties based on mutually beneficial friendly cooperation in various fields. In the context of globalization and transformation of the world economy, the socialization of economic institutions plays a key role in this process. This process is aimed at the formation and development of interaction mechanisms that ensure stability, trust and long-term cooperation between these friendly countries. In this regard, the research was conducted in the following areas:

1. Socialization of economic institutions: theoretical foundations

Socialization of economic institutions is the process of adapting economic structures to social, cultural and political realities, aimed at increasing the effectiveness of interaction between various entities. In this context, this means:

- Formation of trusting relationships between public and private structures of the two countries.

- Creation of a favorable business environment based on the principles of transparency and sustainability.

- Development of institutions that provide support and protection for business, investment and trade;

- Cooperation in science and education.

Cooperation between Ukraine and Azerbaijan in the economic sphere has always been a priority for both countries, starting from the

moment of declaration of independence in 1918. After the restoration of independence after the collapse of the USSR, an intergovernmental commission on bilateral relations has been operating since 1993. The impetus and foundation of the level of strategic partnership relations were laid by the national leader of Azerbaijan Heydar Aliyev and the President of Ukraine Leonid Kuchma. It was during their period of leadership that the basis for the development of friendly ties between the two countries was laid.

Currently, these relations continue to develop under the leadership of the Presidents of Azerbaijan and Ukraine Ilham Aliyev and Volodymyr Zelensky in the conditions of geopolitical turbulence. Confidently implementing the development strategy, Azerbaijan and Ukraine support each other at all international venues, cooperating in various sectors of the economy.

Since the full-scale war unleashed by Russia against the territorial integrity and sovereignty of Ukraine, Azerbaijan has been providing significant humanitarian aid, including energy equipment, to support Ukraine's energy security. This support confirms the stable strategic relations between the countries.

Ukrainian-Azerbaijani trade turnover

An important component of Ukrainian-Azerbaijani economic relations is the trade turnover between the two countries. Thanks to the efforts of both sides, by 2021 the volume of trade turnover reached more than \$ 1 billion, returning to the level of 2013.

Despite the difficulties associated with Russia's war against Ukraine and logistical complications, the trade turnover in 2022 only decreased to \$ 600 million, which indicates the stability and strength of relations between the countries. Ukrainian producers, despite the difficulties, continue to successfully fulfill their export contracts with both Azerbaijan and other countries.

Ukraine's main exports to Azerbaijan include agricultural products, steel, chemical products, wood processing, paper and industrial equipment. On the other hand, Azerbaijan exports fruits and vegetables, fertilizers and oil to Ukraine. Of particular importance is the fact that 85% of the capacity of Ukrainian refineries operate on Azerbaijani oil, ensuring stability in the field of energy security for both countries.

And Azerbaijan's interest in Ukraine's agricultural sector also confirms the prospects for strategic cooperation. In 2019, the Verkhovna Rada adopted the Law "On the Land Market", thereby opening the market

for the purchase and sale of agricultural land. In 2021, the Minister of Agrarian Policy and Food of Ukraine Roman Leshchenko and the Minister of Economy of Azerbaijan Mikayil Jabbarov signed a Memorandum of Understanding between the Ministry of Agrarian Policy and Food of Ukraine and the Ministry of Economy of the Republic of Azerbaijan on cooperation in the agricultural sector. The document promotes the development of cooperation in the cultivation of agricultural crops and food security, mutual legal assistance in the field of land relations, the efficient use of agricultural land, investment in agricultural raw material processing projects, fertilizer trade, etc.

Investments

An important aspect of the development of economic relations between Ukraine and Azerbaijan is direct investment. According to state statistics of Ukraine, the volume of direct investment from Azerbaijan to the country shows stable dynamics. In 2018, it amounted to 154.1 million US dollars, in 2019 - 194.1 million US dollars, in 2020 - 169.6 million US dollars. In the 3rd quarter of 2021, the volume of investments amounted to 179 million US dollars, of which 81.7 million were invested in wholesale and retail trade.

These figures confirm the high level of trust and potential that exists between Ukraine and Azerbaijan. Both states actively interact not only in the field of trade in goods, but also open up new opportunities for investment in various projects, such as construction and infrastructure development.

The potential for economic growth is assessed by international companies as promising. Thus, the well-known investment company BlackRock is already cooperating with the Ukrainian government - the Ukraine Development Fund (UDF) has been presented, which will operate after the war and will cover a potential investment market of \$50 billion. Earlier, Australian billionaire Andrew Forrest announced his intention to raise \$100 billion in private capital. In addition, BlackRock has increased its stake in Ukrainian government bonds, the price of which has grown by 50% since the beginning of the summer. And these are far from all the examples of the positive perception of Ukraine's investment prospects.

The Ukrainian government continues to work on the legislative aspect of investment promotion today. Recently, the Verkhovna Rada amended the law "On state support for investment projects with significant investments in Ukraine", known as the "investment law" (more

details in the next article).

Infrastructure projects

In the field of infrastructure projects, Ukraine is actively attracting financial and humanitarian assistance from its partners, including Azerbaijan. Azerbaijani construction companies with extensive experience have every opportunity to participate in the restoration of Ukraine's destroyed infrastructure. Azerbaijan and Ukraine mutually use significant resources for the development of transport infrastructure. Over the past 20 years, roads and railways have been built and overhauled in Azerbaijan. On May 28, 2025, four years after liberation from Armenian occupation, the ninth international airport in Lachin was opened. Work is also ongoing to expand the capacity of the Baku International Sea Trade Port from 15 million to 25 million tons per year. All these measures significantly increase Azerbaijan's transit potential to increase transportation volumes and ensure the continuous operation of international transport corridors. Mutually beneficial cooperation between the two countries can strengthen and develop the transport sector, facilitating the exchange of goods and supporting the economic growth of the two peoples. Azerbaijan has already increased transshipment by 10% in the first half of 2023 through its new logistics infrastructure. Azerbaijani construction companies with extensive experience have every opportunity to participate in the restoration of the destroyed infrastructure of Ukraine. To date, losses from destruction are estimated at around 400 billion US dollars. In addition, Ukraine is actively working to find and recover Russian property to restore the country, which will speed up and attract companies from all over the world, including from Azerbaijan. Of particular interest in Ukraine are promising projects, including the construction of roads, tunnels and railways, which are presented by the State Agency for the Restoration and Development of Infrastructure of Ukraine. Ukraine is a key transport artery for cargo flows to the EU countries. The integration of the Trans-Caspian Corridor, connecting Asia and Europe and passing through Azerbaijan, among other things, makes Ukraine especially important for transit. Ukraine's accession to the European Union in the near future and the opening and renewal of logistics infrastructure will enhance transit potential, cargo handling, which opens up closer opportunities for cooperation in the field of infrastructure between the countries. Ukraine will become the border between the EU and the East, which will attract additional opportunities for cooperation and economic growth.

Ukrainian-Azerbaijani economic relations continue to strengthen, overcoming difficulties and challenges. Both countries are willing to develop close cooperation in various areas, and this gives reason to be optimistic about the future of these relations. Investments, trade and infrastructure development are key areas that contribute to the prosperity of both countries and strengthen their partnership. Azerbaijan's experience in the restoration and reintegration of Karabakh after the victory in the 44-day war can further bring mutual cooperation closer together in exchanging experience after Ukraine's victory. At the same time, despite the challenges, Ukraine and Azerbaijan continue to actively develop the potential of their cooperation and open up new opportunities for both nations. Today is the time for Azerbaijani businesses to study the potential of Ukraine. More than all sensible people are convinced of the restoration of Ukraine's territorial integrity and sovereignty in the near future.

To deepen cooperation between the countries, it is important to:

Develop joint educational programs aimed at training specialists in the field of economics and business.

Create platforms for business communication, such as business forums, conferences and exhibitions. Strengthen institutional cooperation, including signing bilateral agreements on investment protection and simplifying business procedures.

Introduce digital technologies and blockchain in trade and financial transactions, increasing the transparency and security of transactions.

2. Prospects and Challenges

Despite the positive trends, there are a number of challenges, such as:

Political instability in the region, affecting the investment climate.

The need to improve transport and logistics infrastructure.

Difficulties in unifying legal norms and economic standards.

However, with the active participation of the state, business and civil society, the socialization of economic institutions can become a key tool for overcoming these barriers and creating a solid foundation for long-term cooperation.

3. Cooperation in Science and Education

Hundreds of Azerbaijani citizens enter higher education institutions in Ukraine every year.

As of the 2016/2017 academic year, 11,627 Azerbaijani citizens are studying in higher education institutions in Ukraine.

The Report was informed about this by the Department of International Cooperation and European Integration of the Ministry of Education and Science of Ukraine.

Moreover, the department specified that the number of Azerbaijani citizens studying in Ukraine is growing every year.

Thus, over the past three years, the number of Azerbaijani students in Ukrainian universities was as follows:

2013/2014 academic year - 9468 people, of which 72 - preparatory department (p/o);

2014/2015 academic year - 10090 people, of which 26 - p/o;

2015/2016 academic year - 10529 people, of which 39 - p/o.

Also, the Ministry of Education of Ukraine reported that the Ministry of Education and Science of Ukraine has not received any official appeals from Azerbaijani students regarding problems with the recognition of diplomas issued by Ukrainian universities in Azerbaijan.

In 2023, 1,044 Azerbaijani citizens were admitted to universities in Ukraine, with most of them choosing universities in the western regions of Ukraine. In 2021, 1,247 Azerbaijani students were admitted to Ukrainian universities. Despite military actions, 207 Azerbaijani citizens received diplomas from Ukrainian universities in 2022.

Recently, a cooperation agreement was signed between the Knowledge Foundation under the President of the Republic of Azerbaijan and the Poltava National Technical University named after Yuri Kondratyuk of the Republic of Ukraine.

The Knowledge Foundation, represented by Executive Director Oktay Alipasha oglu Samedov, on the one hand, and the Poltava National Technical University named after Yuri Kondratyuk (Ukraine), represented by Rector Volodymyr Oleksandrovich Onishchenko, on the other hand, agreed on cooperation in the field of educational, educational, research and information activities.

This document is concluded for 5 years. If neither party declares its refusal 6 months before its expiration, the agreement will automatically continue to be valid for the next five-year period.

After signing the above document, Echo.az managed to talk to the president of the Junior Academy of Sciences of Ukraine in Poltava Oblast, chairman of the council of rectors of the Poltava region of Ukraine, rector of the Poltava National Technical University named after Yuri Kondratyuk (Ukraine) Volodymyr Onyshchenko.

Last year, Azerbaijan and Ukraine celebrated the 25th anniversary

of the establishment of diplomatic relations. I would like to discuss with you the level of bilateral cooperation in the field of education.

Today, there is great potential for cooperation between Azerbaijan and Ukraine in the field of education. However, for our university, this is a new direction; six months ago, the Poltava National Technical University named after Yuri Kondratyuk took part in an educational exhibition.

In turn, there I met with representatives of universities in Azerbaijan.

In a short period of time, we managed to sign a cooperation agreement with the Azerbaijan State University of Oil and Industry, the Baku Higher Oil School, and the Azerbaijan University of Architecture and Construction. The essence of our cooperation is the exchange of students, so 10 of our students were given the opportunity to undergo an internship and study at the Azerbaijan State University of Oil and Industry.

In addition, we are planning joint conferences. Thus, at the end of May, a conference will be held in Azerbaijan at the Azerbaijan University of Architecture and Construction. And on September 6-8, on the Day of the Oil and Gas Industry of Ukraine, a conference will be held at the Poltava National Technical University named after Yuri Kondratyuk. Universities from Azerbaijan will act as co-organizers of this event.

I can definitely say that there are great prospects for cooperation between Azerbaijan and Ukraine in the field of education. Our countries have a lot in common, both culturally and in terms of methods of training specialists. So far, agreements have been signed with only three educational institutions, since we are considering our three basic profile areas, but are interested in expanding, in particular, in the field of finance and economics, IT technologies and mechatronics.

Are there many Azerbaijanis studying at your university?

According to statistics recently announced by the Minister of Education and Science of Ukraine Liliya Hrynevych, there are about 67,000 foreign students in the country, and about 11% are representatives of Azerbaijan. There are 300 foreign students at our university and about 10% are citizens of Azerbaijan.

Tell us about your cooperation with the Knowledge Foundation?

We signed a cooperation agreement with the Knowledge Foundation under the President of the Republic of Azerbaijan. I am the president of the Minor Academy of Sciences of Ukraine in the Poltava

region, and the main activity of our academy is working with gifted children, schoolchildren in grades 8-11. I think that the experience of the Minor Academy of Sciences of Ukraine can be implemented in Azerbaijan. We are ready to hold joint events in schools of Azerbaijan and share experience of working with gifted children.

It should be noted that within the framework of this agreement, the parties undertake certain obligations to implement joint activities in the field of science, education and enlightenment, conduct educational events aimed at enriching scientific knowledge, expanding the worldview and horizons of students, improving the professional skills of scientists and specialists (Author).

Is the Azerbaijan Center represented at your university?

In September, within the framework of the international conference, which will be held jointly with the Azerbaijan State University of Oil and Industry, it is planned to open a Ukrainian-Azerbaijani center, where the rector of the Azerbaijan State University of Oil and Industry Mustafa Babanli and the Ambassador of Azerbaijan to Ukraine Azer Khudiyev will take part.

How do you generally assess the policy of multiculturalism pursued by the state?

This is a wonderful direction, Ukraine is also open to cooperation today. We have such a project as "Study in Ukraine". This shows that Ukraine invites representatives of various countries and nationalities to study, so Azerbaijan's experience can be useful for us.

Scientific and technical cooperation between Azerbaijan and Ukraine is aimed at improving the quality of national scientific research and technologies created on their basis. The foreign policy of both countries is designed to create conditions necessary to support science, culture and education, preserve the intellectual potential of the countries, fully develop all spheres of culture, accelerate the process of national revival and development in the cultural and humanitarian fields.

On March 24, 1997, a bilateral agreement in the scientific and technical fields was signed between Azerbaijan and Ukraine. This agreement, consisting of four points, notes that scientific and technical cooperation between Ukraine and Azerbaijan is an important component of bilateral relations. The internationalization of scientific and technical activities and their further development are put forward as the main goal. The points of this Agreement are brought into line with the task of joint use of the results of scientific and technical activities for both economic

and commercial purposes.

The first two paragraphs of the Agreement emphasize that the relations in scientific and technical fields between the two countries are based on long-term and mutually beneficial cooperation. The next paragraph of the said Agreement notes that "scientific and technical cooperation of the Parties will be carried out by ministries, departments, academies of sciences, research institutions, higher education institutions, firms, scientific organizations, societies, individual scientists and specialists of both states within their competence on the basis of direct agreements, treaties and contracts between the parties in accordance with national legislation.

General management and coordination of cooperation is carried out by the State Committee for Science and Technology of Ukraine and the State Committee for Science and Technology of the Republic of Azerbaijan.

All organizational and economic conditions of cooperation are determined by agreements, treaties and contracts concluded directly between the parties, namely:

- the purpose and content of cooperation, expected results, terms and conditions for their implementation;
- sources of financing the work performed by each of the parties within the framework of cooperation, mutual financial obligations;
- the procedure for the general use of scientific and technical facilities, as well as the use of research results and regulation of issues of distribution of rights to intellectual property created as a result of joint cooperation;
- the procedure for resolving disputes and compensating for damages that may be caused to partners by persons participating in the implementation of cooperation during the direct fulfillment of their obligations within the framework of cooperation;
- responsibility for the reliability of information, the quality of materials and equipment used by the parties in the process of cooperation." [12]

As can be seen, this document clearly specifies such important issues as the management of cooperation on the basis of existing agreements, the implementation of scientific and technical ties between scientific institutions, their financing and the use of the results of joint scientific research.

The next article of this Agreement defines the forms of

implementation of cooperation (development of general scientific and scientific and technical programs, projects, large-scale scientific technologies, organization of research teams, laboratories, firms and organizations ensuring the development of new innovative technologies) on the basis of the agreement concluded between the parties. This agreement covers an important historical period in many respects. It is based on the coordination of intellectual activity between the two countries. At the beginning of the 21st century, the agreements signed between Azerbaijan and Ukraine opened up broad opportunities for the above-mentioned areas.

Azerbaijan and Ukraine are equal participants in this program. Their activities within the CIS in this area are historically conditioned by the close scientific cooperation between these republics during the Soviet period.

In 2017, the XIX International Scientific and Technical Conference on the topic "Information Security in Information and Telecommunication Systems" was held in the city of Bucha, Kyiv region. The experience of the Azerbaijani project

"Asanİmza" and the conditions for the implementation of this technology in Ukraine were discussed there [8]. The following issues were also discussed:

- 1) legislative and regulatory issues on information protection;
- 2) current issues of ensuring information security in cyberspace;
- 3) prospects and problems of creating modern radio engineering means of special communications;
- 4) technical permission and proposals for the creation and operation of modern secure information networks;
- 5) current issues of training personnel in the field of information security. [8]

It should be noted that the Ukrainian partners got acquainted with the modern scientific and technical innovations of Azerbaijani specialists in the field of "Asan İmza". In September 2016, the "Mobile ID" technology was introduced in Ukraine at PKIFORUM - an electronic digital signature system, which is one of the latest IT developments.

The Azerbaijan Engineering Academy and Ukrainian universities and research centers have achieved great success in the scientific and technical field. For strengthening international relations between Azerbaijan and Ukraine, Academician A.M. Pashayev was awarded the Golden Star "Honor and Dignity" of the International Committee for the

Protection of Human Rights. [14] Since 2012, the Azerbaijan Engineering Academy has been closely cooperating with the Engineering Academy of Ukraine and participating in international forums. The Azerbaijan Engineering Academy signed a cooperation agreement with the Ukrainian Institute of Materials Science of the National Academy of Sciences of Ukraine. An agreement on scientific and technical cooperation was also signed between Ukraine and the Republic of Azerbaijan [11].

The Ukrainian Science and Technology Center (USTC) plays an important role in the development of scientific and technical relations between Ukraine and Azerbaijan. Within the framework of this scientific organization, functioning with the financial support of the European Union, Canada and the USA, a project on "Creation of a single information space in the GUAM association for distance scientific and technical cooperation and training" was developed in the GUAM countries (since October 1, 2008).

This project, as is evident from the name, envisages the creation of a single educational and research infrastructure of computer networks of the said countries. This includes: the organization of national scientific and technical servers, a common GUAM scientific and technical server, a server for joint design in mechanical engineering and joint processing of the results of scientific research and experiments, a distance learning server. This also includes two Internet sites operating within GUAM: "Internet Design" and "Internet Training".

Adaptation to European standards and continuous development of the national educational system played an important role in the qualitative change in the international relations of the Azerbaijan Technical University. After Azerbaijan gained its independence, the Azerbaijan Technical University signed relevant agreements with Ukrainian universities on cooperation in the fields of science, education, and student and teacher exchange.

The Azerbaijan Technical University, together with the National Technical University of Ukraine, prepared the curriculum "Management and Technology Transfer", as well as the project that won the competition held by the Ukrainian Scientific and Technological Center. [7]

There are close contacts between the Kyiv Polytechnic University, the Institute of Materials Science of the National Academy of Sciences of Ukraine and the Ganja State University (GSU). The main goal of these relations is to expand cooperation with Ukrainian universities and educational and industrial integration.

The establishment and development of cooperation with GSU, the interest of university students in organizing internships at a foreign university, as well as the conditions created at the university in recent years, open up broad opportunities for international cooperation [15].

The creation of an inter-university innovation network for development in the industrial sector, as well as the expansion of cooperation in 2010-2012. with Ivano-Frankivsk National Technical University of Oil and Gas, with Poltava National Technical University can be considered the most successful result of the university's activities in expanding international relations [16].

Azerbaijan Medical University began to expand international cooperation back in the 60s of the last century. Within the framework of international relations, the university has established close ties with the embassies of many countries, including the Embassy of Ukraine in Azerbaijan. Mutual recognition of diplomas, cooperation between students and teaching staff of universities, organization of summer student internships in foreign university clinics, preparation of joint international programs, scientific cooperation and other important issues are one of the main aspects of bilateral cooperation with Ukraine. Agreements were signed in the educational and scientific fields, on student exchange with the Ukrainian National Medical University named after A.A. Bogomolets [6]. Within the framework of international cooperation, regular work is carried out to establish bilateral relations with the ministries of education, universities and other government agencies of foreign countries in various fields, including the establishment of relations with foreign embassies accredited in the republic for the purpose of recognizing diplomas of the Azerbaijan Medical University abroad. Of particular importance is the holding of joint meetings, conferences and symposiums on various topics, the conclusion of agreements on the exchange of specialists from among the teaching staff of universities for work in Ukrainian scientific, educational and medical institutions. Conducting summer (industrial) practice of AMU students in clinics of Ukrainian universities, organizing scientific work of students and postgraduates in foreign universities, establishing close relations with the working staff and students, searching for partners for participation in international educational programs, concluding agreements and other issues are an effective result of international relations.

Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of Ukraine to

Azerbaijan Oleksandr Mishchenko pays special attention to the common problems of our countries, the development of cooperation in various areas of the economy, politics, including ICT, high technology and nuclear research. He notes that "... today one of the main areas of bilateral relations between Azerbaijan and Ukraine is cooperation in the military-technical, high-tech and humanitarian spheres." Azerbaijan and Ukraine traditionally support each other in the field of military-technical cooperation, which is a determining factor, given the occupation of part of the territory of Azerbaijan by Armenia and Ukraine by Russia. "... The problem of territorial integrity and independence of our countries is the basis of political cooperation between our countries" [13]. And further: "Today, there are agreements on this issue between our countries. In addition, an agreement on cooperation in the scientific and technical field is being prepared. This will strengthen mutual cooperation in this area." Ambassador of Ukraine to Azerbaijan Oleksandr Mishchenko announced this at a press conference. He is putting forward special initiatives regarding the development of the space industry of Azerbaijan. The Faculty of Space Technologies of the Dnipropetrovsk State University participated in the creation of a similar faculty at the National Aviation Academy of Azerbaijan. Scientific and pedagogical personnel of Ukraine take an active part in the training of Azerbaijani specialists in this field [13].

Cooperation in the military-technical field between Azerbaijan and Ukraine plays an important role in the development of the military-industrial complex of Azerbaijan. It is characterized by objective and historical prerequisites. The program of joint activities in this area was implemented back in 1994-2014. In 1999, Azerbaijan began trilateral military exercises with Ukraine (including Georgia) for the first time. The reason for this was that Ukraine, like other GUAM states, faced the problem of separatism. This problem also contributed to the rapprochement between Azerbaijan and Ukraine.

The establishment of the Ministry of Defense Industry of Azerbaijan in 2005 opened up great prospects for expanding military-technical ties with Ukraine. In November 2006, Ukraine and Azerbaijan implemented a number of joint projects in the military-industrial field. And in 2007, Ukraine increased arms supplies to Azerbaijan. This allowed our republic to significantly strengthen its military power through the purchase of combat aircraft and other military equipment. In 2007-2008, a number of major projects were implemented in this direction.

Already in 2010-2011, Azerbaijan began to purchase various types of modern anti-tank weapons, new armored vehicles from Ukraine in order to strengthen the country's defense. At the same time, very successful work was carried out in the area of modernization of military factories importing military equipment to Azerbaijan. In 2013, a new military-technical agreement was signed between Ukraine and Azerbaijan. In the same year, Azerbaijan began to receive Iskra-48 radar systems from Ukraine [3]. Of course, such close relations between Azerbaijan and Ukraine were not particularly welcomed by the international community, including a number of neighboring states. But all this once again testifies to the close ties between our states.

Cooperation in the humanitarian field. As part of the project, 29 Ukrainian children whose parents died or went missing during the Russian-Ukrainian war, as Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of Ukraine to Azerbaijan Yuriy Gusev noted at a pre-concert press conference, underwent a rehabilitation course from April 14 to 20 at a sanatorium in the city of Guba. According to the Ukrainian diplomat, over the past three years, Azerbaijan has accepted and contributed to the recovery of 273 children from this category. A group of talented young Ukrainian artists also came to the concert in Baku.

"During the three years of the war, 600 Ukrainian children died and about two thousand were injured," the ambassador recalled, emphasizing that the rehabilitation program is a clear indication of the strengthening of cooperation and strategic partnership between the two countries.

Yuriy Gusev thanked the leadership of Azerbaijan and the parliament of the republic for supporting the project. "The recreation and rehabilitation of Ukrainian children in the Shahdag Guba & Truskavets Medical Sanatorium is fully financed by sponsors and is carried out with the assistance of the Ukraine-Azerbaijan working group in the Milli Majlis," the ambassador emphasized. "I am convinced that Azerbaijan will become one of the most beloved places for the rehabilitation of our heroes' children. Thanks to the All-Ukrainian Charitable Foundation "Children Help", boys and girls who suffered from Russian aggression feel that the whole world cares about them." The diplomat expressed hope that such concerts will become traditional in Baku and that more and more Ukrainian children will come to discover Guba, the capital and other cities of Azerbaijan.

Alibala Maharramzade, who heads the working group on interparliamentary relations between Azerbaijan and Ukraine, called the

event "a demonstration of the highest level of humanitarian ties" between the two countries. "Azerbaijan has always recognized the territorial integrity of Ukraine and stood by the Ukrainian people in tragic days," the parliamentarian emphasized.

Maharramzade noted that along with rehabilitation and overcoming post-war syndrome, Ukrainian children in Azerbaijan have the opportunity to get to know the country better and share their impressions upon returning to Ukraine. The project will be expanded with the support of government agencies in the country.

Victoria Tsymbalyuk, head of the People of the Future project and representative of the Coordination Headquarters for Work with Prisoners of War, recalled that over three thousand Ukrainian children whose parents were killed, missing or in captivity have already taken part in the For Children for the Future campaign. Concerts and events have been held in twenty countries around the world and are aimed at socializing children and involving them in sports and creativity. The other day, as part of this project, young Ukrainian laureates of prestigious vocal competitions, as well as children undergoing rehabilitation, performed on the stage of The Landmark cinema. They were supported by Azerbaijani pop stars - the winner of Eurovision 2011 Eldar Gasimov, the finalist of Eurovision 2014 Dilyara Kazimova and a student of the National Conservatory, laureate of international competitions Sevil Asadullayeva. Among the guests were representatives of the Ukrainian community of Azerbaijan, deputies of the Milli Majlis, diplomats and public figures.

Fifteen-year-old Artem, whose parents went missing in the occupation zone in eastern Ukraine, said: "This is my first time outside the country and I am very glad that this is Azerbaijan. In Guba, we walked a lot in the mountains, swam in the pool, saw beautiful places." His peer Eva said that she made new friends and fell in love with the Baku Boulevard and other attractions of the capital.

The guys, who had experienced severe psychological trauma from the war, spoke excitedly about unforgettable walks around Baku and the warm welcome they received at the Guba sanatorium.

Conclusion. The socialization of economic institutions between Azerbaijan and Ukraine is an important step towards the sustainable development of bilateral relations. Thanks to the joint efforts of both countries, favorable conditions can be created for strengthening economic cooperation, which will benefit both states and their citizens.

Thus, Azerbaijan and Ukraine have been linked by cooperative

relations for many years. These relations are based on long-term and mutually beneficial cooperation between states and cover various areas: political, economic, technological, medical, scientific, educational.

Interaction between the two countries is carried out on the basis of various agreements and is regulated by the legislation of both countries.

Ədəbiyyat- References:

1. Мəммədov Н. Azərbaycan-Şərqi Avropa: Mədəniyyətlərarası əməkdaşlığın tarixi. Bakı 2008 səh. 184-196.
2. Мамедов Габиль Нуркишиоглы. Роль Бакинского славянского университета в развитии культурных отношений между Азербайджаном и Украиной. Культура народов Причерноморья. Научный журнал. №163, 2009, с. 137 – Mamedov Qabil Nurbishioqlu. Rol Bakinskiyoqo slavyanskoqo universiteta v razvirii kulturnix otnosheniy mezhdu Azerbayjanom I Ukrainoy. Kultura narodov Prichernomorya. Nauchniy jurnal. №163, 2009, s. 137.
3. www.segodnya.ua › Жизнь – Zhizn.
4. <https://apa.az/.../azerbaycan-ukria-asas-andmeli-texnik-sahed>
5. <https://anl.az/down/meqale/azerbaycan/2010/sentyabr/131979.htm>
6. <https://aztu.edu.az/azp/curriculum/itp/az/.../international.jsp>
7. <https://asanimza.az/implementing-the-mobile-id-project-based-on-azerbaijani-technology-asa>
8. <https://ava.md/2016/09/29/mezhgosudarstvennoe-sotrudnichestvo/>
9. https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=Статья_3
10. www.base.spininform.ru/show_doc.fw?rqn=9729
11. <https://ctnews.az/read-36974-news-1.html>
12. <https://info-iae.ru/ru/struktura/struktura-mia/azerbajdzhanskaya-inzhenernaya-akademiya-2/>
13. <https://mektebgushesi.az/.../ganja-dovlet-university-russian-and-ukr>
https://sdu.edu.az/az/inter_national_cooperation

UOT – 1(091)

Svetlana Məmməd qızı Adıgözəlova
Azərbaycan Dövlət Pedaqoji Universitetinin
Fəlsəfə və sosial elmlər kafedrasının dosenti,
fəlsəfə üzrə fəlsəfə doktoru
Bakı, Q.Abbasov küç, ev 10, m.4

Tel.: +994506329327
E-mail: asveta53@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7573-6878>

Əli Seyidabas oğlu Abasov
Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası
Fəlsəfə və Sosiologiya İnstitutunun Müasir fəlsəfə problemləri
şöbəsinin müdiri, fəlsəfə elmləri doktoru, professor
Bakı, Q.Abbasov küç, ev 10, m.4
Tel.: 050 3373334
E-mail: kila50@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4528-5797>

DİNİ SOSİALLAŞMANIN XÜSUSİYYƏTLƏRİ

Xülasə

Tədqiqat mövzusunun aktuallığı. Sosiallaşma probleminin öyrənilməsi həm fəlsəfənin, həm də fəlsəfənin inkişafının tarixi mərhələlərinin ən vacib problemlərindən biridir. Dini sosiallaşma, onun institut və mərhələlərinin şəxsiyyətin özidentifikasiyası ilə əlaqəsinin öyrənmək də vacib məsələdir. Müasir cəmiyyətdə dini sosiallaşma mövzusunun aktuallığı həm dini şüurun yüksəlməsi, həm də süni intellekt imkanlarının artması ilə dini inam üçün yeni virtual sferasının açılması ilə əlaqədardır.

Tədqiqatın məqsədi dini sosiallaşmanın mahiyyətini müəyyənləşdirmək, onun amillərini (qurumlarını) müəyyənləşdirmək, ilkin və ikincil sosiallaşma ilə dini kimlik formalarını ayırmaqdır. *Mövzunun araşdırılma dərəcəsi.* Məqalənin sonundakı bibliografiyaya baxın.

Metodlar və metodologiya. Məqalədə tədqiqat metodları olaraq tarixi və fəlsəfi təhlil, habelə məlumatların ümumiləşdirilməsi və nəzəri təhlili metodları seçilmişdir. Tədqiqat metodologiyasının əsasında ümumi elmi tədqiqat metodlarından durur: analiz, müqayisə, sintez.

Elmi yenilik. Dini sosiallaşma və dini identifikasiya şəxsiyyətin və onun dünyagörüşünün formalaşmasında mühüm rol oynayan mürəkkəb və çoxşaxəli proseslərdir. Bunlar ailə, təhsil, dini qurumlar və ictimai dəyişikliklər daxil olmaqla sosial, mədəni və şəxsiyyət amillərindən asılıdır. Müasir cəmiyyət dialoq üçün şərait yaradan, eyni zamanda gərginliyə səbəb ola biləcək müxtəlif dini kimliklərlə xarakterizə olunur. Bu prosesləri başa düşmək dinin mədəniyyət, siyasət və şəxsi inanclar da daxil olmaqla insan

həyatının digər aspektləri ilə qarşılıqlı əlaqəsini təhlil etməyə kömək edir.

Nəticələr. Dini sosiallaşma, ailə, dini icmalar, təhsil müəssisələri və bütövlükdə cəmiyyətlə qarşılıqlı əlaqə yolu ilə fərdin dinlə əlaqəli normaları, dəyərləri, inancları və təcrübələri mənimsəməsi prosesidir. Dini sosiallaşmanın amilləri bunlardır: tərbiyə və nümunə yolu ilə erkən dini sosiallaşmada əsas rol oynayan ailə, dinin tədrisi və tətbiqi üçün strukturlaşdırılmış mühit təmin edən dini təşkilatlar, dini inanclar da daxil olmaqla dünyagörüşünü formalaşdıran təhsil və media. Dini sosiallaşmanın mərhələləri uşaqlıqda əsas dini fikirləri formalaşdıran ilkin sosiallaşma və yeniyetməlik və yetkinlik dövründə dini inancları yenidən düşünmək və ya gücləndirməklə məşğul olan ikincil sosiallaşmadır. Dini identifikasiya fərdin müəyyən bir dinlə, o cümlədən onun doqmalarının, rituallarının və mədəniyyətinin qəbul edilməsi ilə özünü eyniləşdirmə prosesidir. Fərdi (şəxsi inam) və ya kollektiv (qrupa aid) ola bilər. Dini kimliyin formaları bunlardır: ənənəvi (ailədən və ya mədəniyyətdən miras qalmış); Konversiya (başqa bir dinə şüurlu keçid); nominal (fəal iştirak etmədən rəsmi mənsubiyyət); dünyəvi (dini kimlikdən imtina və ya ateizm seçimi).

Açar sözlər: din, kimlik, özünüdərk, sosiallaşma, dini kimlik və sosiallaşma, süni intellekt, Azərbaycan, insan, fərd, şəxsiyyət.

UDC – 1(091)

Svetlana Adigezalova

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Department of Philosophy and Social Sciences,
Azerbaijan State Pedagogical University.
Baku, Q. Abbasov St 10, apt.4
Tel.: +994506329327
E-mail: asveta53@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7573-6878>

Ali Abasov

Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Head of the Department of Modern Problems of
Philosophy, Institute of Philosophy and Sociology,
National Academy of Sciences of Azerbaijan.
Baku, Q. Abbasov St, 10, apt 4
Tel.: 050 3373334
E-mail: kila50@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4528-5797>

THE SPECIFICS OF RELIGIOUS SOCIALIZATION

Abstract

Relevance of the research topic. The study of the problem of socialization is one of the most important problems of both philosophy and the historical stages of its development. A separate task is to study one of the types – religious socialization, its institutions and stages, and its connection with personal identification. The relevance of the topic of religious socialization in modern society is determined by the growth of not only religious consciousness, but also the capabilities of artificial intelligence, which has opened a new, virtual sphere of religious faith.

The purpose of the study is to determine the essence of religious socialization, identify its factors (institutions), distinguish between primary and secondary socialization and forms of religious identity.

The degree of development of the problem. See the bibliography at the end of the article.

Methods and methodology. The research methods used in the article are historical and philosophical analysis, as well as methods of generalization and theoretical analysis of information. The research methodology consists of general scientific research methods: analysis, comparison, synthesis.

Scientific novelty. Religious socialization and religious identification are complex and multifaceted processes that play an important role in shaping personality and its worldview. They depend on social, cultural, and personal factors, including family, education, religious institutions, and societal changes. Modern society is characterized by a diversity of religious identities, which creates conditions for a dialogue, but can also cause tension. Understanding these processes helps to analyze the interaction of religion with other aspects of human life, including culture, politics, and personal beliefs.

Conclusions. Religious socialization is the process of an individual's assimilation of norms, values, beliefs, and practices related to religion through interaction with family, religious communities, educational institutions, and society as a whole.

The factors of religious socialization are: the family, which plays a key role in early religious socialization through upbringing and example, religious organizations that provide a structured environment for learning and practicing religion, education and the media that shape worldviews

including religious beliefs.

The stages of religious socialization are primary socialization which forms basic religious beliefs in childhood, and secondary socialization which is oriented to rethinking or strengthening religious beliefs in adolescence and adulthood.

Religious identification is the process of an individual's self-identification with a particular religion including acceptance of its dogmas, rituals, and culture. It can be individual (personal belief) or collective (belonging to a group). The forms of religious identity are: traditional (inherited from family or culture); conversion (conscious conversion to another religion); nominal (formal affiliation without active participation); secular (rejection of religious identity or making choice of atheism).

Keywords: religion, identity, self-awareness, socialization, religious identity and socialization, artificial intelligence, Azerbaijan, man, individual, personality.

УДК – 1(091)

Светлана Мамед гызы Адыегалова

доктор философии по философии,
доцент кафедры «Философия и социальные науки»
Азербайджанского Государственного

Педагогического Университета.

Баку, ул. Г. Аббасова, д.10, кв.4.

Тел.: +994506329327

E-mail: asveta53@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7573-6878>

Али Сеидабас оглу Абасов

доктор философских наук, профессор,
зав. отделом «Проблемы современной философии»

Института Философии и Социологии НАНА,

Баку, ул. Г. Аббасова, д.10, кв.4.

Тел.: 050 3373334

E-mail: kila50@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4528-5797>

ОСОБЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Резюме

Актуальность темы исследования. Исследование проблемы социализации является одной из наиболее важных проблем как философии, так и исторических этапов ее развития. Отдельной задачей является исследование одного из типов – религиозной социализации, ее институтов и этапов, связи с идентификацией личности. Актуальность темы религиозной социализации в современном обществе определяется ростом не только религиозного сознания, но и возможностей искусственного интеллекта, открывшего новую виртуальную сферу религиозной веры.

Цель исследования заключена в определении сущности религиозной социализации, выявлении ее факторов (институтов), различении первичной и вторичной социализации и форм религиозной идентичности.

Степень разработки проблемы. См. библиографию в конце статьи.

Методы и методология. Методами исследования в статье выбраны историко-философский анализ, а также методы обобщения и теоретического анализа информации. Методологию исследования составляют общенаучные методы исследования: анализа, сравнения, синтеза.

Научная новизна. Религиозная социализация и религиозная идентификация представляют собой сложные и многогранные процессы, играющие важную роль в формировании личности и её мировоззрения. Они зависят от социальных, культурных и личностных факторов, включая семью, образование, религиозные учреждения и общественные изменения. Современное общество характеризуется разнообразием религиозных идентичностей, что создаёт условия для диалога, но также может вызывать напряжённость. Понимание этих процессов помогает анализировать взаимодействие религии с другими аспектами человеческой жизни, включая культуру, политику и личные убеждения.

Выводы. Религиозная социализация - это процесс усвоения индивидом норм, ценностей, верований и практик, связанных с религией, через взаимодействие с семьёй, религиозными общинами, образовательными учреждениями и обществом в целом.

Факторами религиозной социализации являются: семья, играющая ключевую роль в ранней религиозной социализации через воспитание и пример, религиозные организации, предоставляющие структурированную среду для обучения и практики религии,

образование и СМИ, формирующие мировоззрение, включая религиозные убеждения.

Этапами религиозной социализации являются первичная социализация, формирующая базовые религиозные представления в детстве и вторичная социализация, направленная на переосмысление или укрепление религиозных убеждений в подростковом и взрослом возрасте.

Религиозная идентификация является процессом самоотождествления индивида с определённой религией, включающим принятие её догм, ритуалов и культуры. Она может быть индивидуальной (личное убеждение) или коллективной (принадлежность к группе).

Формами религиозной идентичности являются: традиционная (унаследованная от семьи или культуры); конверсионная (осознанный переход в другую религию); номинальная (формальная принадлежность без активного участия); секулярная (отказ от религиозной идентичности или выбор атеизма).

Ключевые слова: религия, идентичность, самосознание, социализация, религиозная идентичность и социализация, искусственный интеллект, Азербайджан, человек, индивид, личность.

Введение

Поскольку социализация означает принятие человеком ценностей и норм общества, в котором он живет, религиозная социализация должна быть связана с отношением общества к религии и вере, которое может быть положительным (религия – фундамент государства), отрицательным (атеизм – фундамент государства) или нейтральным (секуляризированное государство с отделенной от него религией). Так как начальная социализация осуществляется в семье, первичное личностное отношение к религии формируется этим институтом и часто остается неизменным на всю жизнь человека, противореча или соответствуя нормам религиозной идентификации общества.

Религиозная социализация в современном обществе определяется также ростом возможностей искусственного интеллекта, открывшего новую виртуальную сферу религиозной

веры.

Религиозная социализация представляет собой процесс, посредством которого индивид осваивает религиозные нормы, ценности и убеждения. Этот процесс имеет важное значение для становления личности, так как он определяет мировоззрение человека, его поведение и социальное взаимодействие. Как отмечает Т. Парсонс, «социализация является основным механизмом, через который культура передается от поколения к поколению» [2000, с. 125].

Основной текст

Итак, религиозная социализация - это процесс, в ходе которого индивид усваивает религиозные ценности, нормы и убеждения, передаваемые в рамках семьи, религиозных институтов и общества. Этот процесс влияет на формирование религиозного сознания, т.е. системы идей, убеждений и чувств, связанных с восприятием сакрального.

Религиозная социализация начинается с раннего возраста, когда ребенок впервые знакомится с ритуалами и верованиями в своей семье. Как утверждает Б. Бергер, «семья служит первым и наиболее важным агентом социализации, особенно в религиозном контексте» [2001, с. 48].

Как и все типы социализации, религиозная – проходит два этапа. На первом этапе социализация происходит в семье, где ребенок наблюдает и подражает поведению родителей.

Вторичный этап включает участие в образовательных и религиозных учреждениях. Например, в исследовании Дж. Г. Мида указывается, что «интеракция с социальной группой помогает индивидам формировать самосознание, включая религиозные убеждения» [2015, с. 89].

Таким образом, можно говорить об агентах религиозной социализации. Ключевыми агентами религиозной социализации выступают семья, школа, религиозные организации и средства массовой информации. Как подчеркивает Х. Дэвис: «Религиозные общины играют незаменимую роль в формировании идентичности и укреплении связей с традициями» [2010, с. 213].

Религиозная социализация формирует базовые ценности, которые влияют на все аспекты жизни индивида. Так, Г. Гирц

утверждает, что «религия действует как культурная система, предоставляющая модели для осмысления реальности» [2004, с. 112].

Религиозная социализация и сегодня остается важным механизмом, посредством которого передаются ценности и культурные нормы. В условиях глобализации и мультикультурности ее роль становится особенно значимой, поскольку происходит перманентный процесс «столкновения» и взаимообогащения культур, экуменистические движения. В этой связи следует провести развернутое исследование для углубления понимания взаимосвязи между религией, социализацией и личной идентичностью.

Религиозная социализация и религиозное сознание являются важными аспектами человеческой культуры, формирующими индивидуальные и коллективные мировоззрения. Исследования в этой области базируются на ряде теорий, разработанных социологами, психологами и религиоведами.

Согласно теории *социального научения* (А. Бандура), социализация происходит через наблюдение и подражание. Так, дети и неофиты перенимают религиозные практики, ценности и ритуалы, наблюдая за родителями, учителями и религиозными лидерами, подражая им в своей практике [Bandura A., 1977, 247 p.].

По теории *символического интеракционизма* (Дж. Мид), акцентируется внимание на значении языка и символов в процессе религиозной социализации. Религиозные обряды и символы формируют восприятие мира и создают основу для религиозного сознания [Mead G.H., 1984, 400 p.].

Теория *структурного функционализма* (Э. Дюркгейм) утверждает, что религия служит социальным клеем, укрепляя коллективную идентичность и передавая общие ценности и нормы. Социализация происходит через участие в коллективных ритуалах, которые укрепляют чувство принадлежности. «Религиозные ритуалы создают коллективное сознание, формируя основу социальной солидарности» [Durkheim E. 1995, p. 211].

Психоаналитическая теория (З. Фрейд) рассматривает религиозное сознание как результат переноса детских эмоциональных связей на сакральные фигуры (например, Бога). По мнению Фрейда, религиозная социализация связана с подавлением бессознательных импульсов [Freud S. 1987].

Теория *рационального выбора* (Р. Старк, Р. Финки)

предполагает, что люди выбирают религию на основе её «полезности». Религиозная социализация включает осознание выгод и затрат, связанных с религиозным участием [Stark R., & Finke R. 2000].

Конечным продуктом религиозной социализации человека является сформированное личностное религиозное сознание, в описании которого известны следующие теории.

Феноменологический подход (Э. Гуссерль), рассматривающий религиозное сознание как способ восприятия трансцендентного. Гуссерль подчеркивал значение субъективного опыта индивида в религиозных практиках [Husserl E.? 1973].

Диалектический подход (П. Тиллих) полагает, что религиозное сознание формируется в диалоге между конечным и бесконечным, где человек осознает своё существование через взаимодействие с абсолютным. «Религия - это состояние глубочайшей заботы о смысле существования» [Tillich P. 1987, p. 18].

По теории *когнитивного диссонанса* (Л. Фестингер), религиозное сознание формируется через разрешение внутренних противоречий между убеждениями и поведением. Люди склонны искать подтверждение своей веры, чтобы устранить диссонанс [Festinger L. A., 1997].

Теории религиозной социализации и сознания помогают объяснить:

- почему религиозные традиции устойчивы в некоторых обществах и слабеют в других;
- как новые поколения адаптируют традиционные религиозные ценности;
- как религии адаптируются к изменениям в секулярном мире.

Итак, религиозная социализация и религиозное сознание являются сложными феноменами, зависящими от исторических, культурных и социальных факторов. Понимание этих процессов позволяет анализировать не только религиозные убеждения, но и их влияние на общественную жизнь, личные ценности и идентичность.

Каждая страна и культура имеют свои аутентичные модели социализации и религиозного сознания, складывающиеся и трансформировавшиеся в течение истории их существования.

Религиозное сознание и социализация населения Азербайджана претерпевали значительные изменения на протяжении его долгой и

богатой истории. Эти трансформации были обусловлены географическим положением страны, её стратегическим значением, а также влиянием различных культур и религиозных традиций.

В доисламский период (до VII века н. э.) Азербайджан был одной из ключевых территорий распространения зороастризма. Эта религия, связанная с поклонением огню, формировала основу мировоззрения местного населения. Святилища огня, такие как «Атешгях» в современном Баку, были важными центрами религиозной жизни.

После завоеваний Александра Македонского на территорию современного Азербайджана проникли элементы греческой культуры и религии, что привело к своеобразному синтезу местных языческих политеистических верований и эллинистических традиций.

С приходом арабских завоевателей в VII веке ислам стал доминирующей религией региона. На начальных этапах шло активное взаимодействие между исламскими традициями и местными зороастрийскими верованиями, но постепенно ислам вытеснил предшествующие ему религии.

К концу IX века ислам в регионе начал делиться на два основных направления: суннизм и шиизм. Этот процесс был связан с борьбой за власть между различными группировками и движениями.

Сельджуки (XI в.) принесли с собой суннизм, который стал преобладающей формой ислама. Однако с приходом к власти династии Сефевидов (XVI век) шиитский ислам был объявлен государственной религией Азербайджана.

Шиизм стал важным элементом социальной и политической организации общества. Он укрепил единство населения, но также привёл к конфликтам с суннитскими соседями, включая Османскую империю.

По данным М. Гасымова, «шиитская идентичность приобрела особое значение во времена Сефевидов, тогда как суннитская культура осталась сильной в северных районах страны» [2015, с. 108].

Повсеместно в Азербайджане произошла исламизация культуры и общества.

В период оккупации Азербайджана Российской империи (XIX – начало XX века) произошла определенная секуляризация общества и рост образования. Были построены светские школы, возникли

первые общественные организации, основанные на секулярных принципах.

В начале XX века в Азербайджане начался процесс формирования национальной идентичности, где ислам играл важную, но уже не доминирующую роль. Оставаясь элементом возрождающегося национального самосознания, ислам стал сочетаться с национальной идентификацией и модернизмом в практике и политике АДР.

В СССР (1920–1991 годы) советская власть проводила активную антирелигиозную политику, закрывала мечети, запрещала религиозные обряды и вводила атеистическую пропаганду.

Несмотря на государственный атеизм, религиозные традиции сохранялись в семьях и отдельных общинах. Ислам оставался важным элементом культурного наследия и существовал в качестве подпольной жизни части общества.

Ислам стал неотъемлемой частью культуры и истории Азербайджана, начиная с VIII века, когда страна была интегрирована в халифат. Современная специфика религиозной социализации в Азербайджане формируется под влиянием исторических, культурных и политических факторов. Как отмечает А. Алиев: «ислам в Азербайджане всегда был тесно связан с национальной идентичностью, но в то же время он адаптировался к светским условиям» [2008, с. 42].

В годы независимости (с 1991 года) произошло поэтапное возрождение ислама и его традициями при официальном соблюдении принципов светского государства. Ислам снова стал важным фактором общественной и политической жизни. Были восстановлены мечети, открылись исламские учебные заведения.

Хотя ислам остаётся доминирующей религией, Азербайджан продолжает быть страной с высоким уровнем религиозной терпимости. Представители христианства, иудаизма и других конфессий страны свободно исповедуют свою веру.

В городах, таких как Баку, ислам воспринимается более либерально, что связано с влиянием урбанизации и светской культуры. В сельских регионах сохраняются традиционные формы религиозности. Как отмечает З. Абдуллаев, «молодёжь в Азербайджане интересуется исламом, но часто воспринимает его как культурный феномен, а не догматическую систему» [2020, с. 67].

Информационные технологии усилили доступ к разнообразным

религиозным знаниям и практикам. Это способствует как усилению религиозного сознания, так и возникновению новых форм религиозности.

История религиозного сознания и социализации в Азербайджане демонстрирует уникальную способность адаптации к различным историческим вызовам. Эта эволюция отразила ключевые этапы развития страны, её идентичности и культурных традиций. В условиях современного мира религия, вопреки прогнозам предыдущего века, продолжает играть важную роль, сочетая традиционные и новые элементы.

Азербайджан придерживается модели светского государства, что позволяет сочетать религиозные традиции с современными светскими ценностями. В условиях глобализации происходит активное взаимодействие страны с исламскими странами, что вносит новые элементы в религиозную социализацию.

Таким образом, религиозная социализация в Азербайджане отражает уникальное сочетание исламских традиций и светской культуры. Ислам продолжает играть ключевую роль в формировании национальной идентичности, но его восприятие варьируется среди разных социальных групп. В условиях глобализации и модернизации перед Азербайджаном стоит задача сохранить баланс между традицией и современностью.

Религиозность продолжает играть важную роль в жизни мусульманских обществ, включая Азербайджан. В условиях глобализации ислам остается важным фактором идентичности, но его формы и содержание адаптируются к современным вызовам. Как отмечает Б. Льюис, «исламская религиозность - это не только вера, но и культурная система, которая адаптируется к изменениям во времени» [2004, с. 56].

В мире ислама наблюдается демографический рост, что увеличивает значимость религиозных институтов. Как утверждает Дж. Эспозито, «молодежь составляет значительную часть мусульманского населения, и её интерес к религии определяет будущее ислама» [2008, с. 122].

Кроме того, современные технологии способствуют распространению исламских учений. Онлайн-курсы, социальные сети и исламские приложения сделали религиозное образование доступным всем заинтересованным лицам и группам.

На глобальном уровне исламский активизм набирает силу,

особенно среди молодежи. Однако риск радикализации остается значительным вызовом. Как подчеркивает О. Рой, «будущее ислама зависит от способности преодолеть противоречия между традицией и современностью» [2010, с. 67]. И многие события мира подтверждают эту мысль, подчеркивая, что ислам или пройдет через процесс собственной реформации, либо на определенный период будет подвержен радикализации, особенно в политическом плане.

Этот выбор пришелся на период, когда исламская культура приобретает всё большее влияние на глобальной арене, способствуя межкультурному обмену и диалогу.

В Азербайджане религия остается важным культурным элементом, однако уровень религиозной практики варьируется в зависимости от региона и возраста. По мнению А. Сулейманова, «урбанизация привела к переосмыслению религиозных ценностей, особенно среди молодежи» [2015, с. 89].

Государство поддерживает умеренную религиозность, регулируя деятельность религиозных организаций. Это позволяет избежать радикализации и сохранить светский характер общества.

Молодые поколения играют важную роль в сохранении и адаптации религиозных традиций. Например, А. Алиев отмечает: «Азербайджанская молодежь сочетает традиционные исламские ценности с современными светскими взглядами, создавая уникальный синтез» [2019, с. 143].

Перспективы межконфессионального диалога также открывают возможности для укрепления социальной стабильности в стране.

Итак, исламская религиозность в Азербайджане и в мире находится в состоянии динамичного развития. В Азербайджане религия сохраняет культурное значение, адаптируясь к условиям светского государства. В мире ислама религиозность продолжает играть ключевую роль, сталкиваясь с вызовами глобализации и радикализации.

В будущем успешное развитие религиозности будет зависеть от её способности адаптироваться к изменениям, сохраняя при этом свою аутентичность.

Ислам, как одна из ведущих мировых религий, продолжает оказывать значительное влияние на глобальные процессы. Современное состояние и перспективы роста ислама являются предметом многочисленных исследований и дискуссий.

По данным исследований исланизм проявляется в различных

формах — от политических партий до массовых движений, что отражает многогранность и динамичность исламского мира.

В книге «Ислам в мировой политике в начале XXI века» [2016] подчеркивается, что исламский фактор оказывает неоднозначное влияние на общественно-политические процессы в различных странах, что свидетельствует о его многовекторности и сложности.

Согласно прогнозам, исламская цивилизация продолжает адаптироваться к условиям глобализации, сохраняя при этом свою религиозную и культурную идентичность. В книге «Следуя за Мухаммадом. Переосмысливая ислам в современном мире» автор Карл В.Эрнст [2008, с. 310] отмечает, что современный ислам переживает процесс переосмысления и адаптации к новым социальным и культурным реалиям, что открывает новые перспективы для его развития.

В ряде современных изданий рассматривается влияние идеологических течений на мусульманские общества, что подчеркивает необходимость критического анализа и понимания сложной природы исламских ценностей в современном мире.

Таким образом, современное состояние и перспективы роста ислама характеризуются как сохранением традиционных ценностей, так и адаптацией к глобальным изменениям. Ислам продолжает играть ключевую роль в формировании культурной и религиозной идентичности миллионов людей по всему миру, сталкиваясь с вызовами и возможностями современности.

В условиях стремительного развития информационных технологий, нанотехнологий и искусственного интеллекта (ИИ) религиозное сознание и процессы социализации претерпевают значительные изменения. Современные зарубежные исследователи анализируют эти трансформации, предлагая различные перспективы и прогнозы.

Влияние информационной революции на религиозное сознание

Информационная революция расширяет доступ к разнообразным религиозным знаниям и практикам, что способствует формированию более индивидуализированного подхода к вере. Как отмечает Питер Л. Бергер: «Современные технологии предоставляют беспрецедентные возможности для религиозного плюрализма, позволяя индивидуумам выбирать и

комбинировать элементы различных традиций» [Berger P., 2022, p.134].

Как отмечается: «искусственный интеллект начинает оказывать воздействие и на религиозную сферу, где, по нашему мнению, или произойдёт постепенная «технологизация» религий (например, применение в религиозных обрядах ИИ), или будет создана новая «мировая цифровая религия» на основе поклонения самому искусственному интеллекту, которая со временем заменит традиционные религии» [Рудь И. С.].

Развитие нанотехнологий и биотехнологий, направленных на продление жизни, ставит под вопрос традиционные религиозные представления о смерти и загробной жизни. В книге «Radical Abundance: How a Revolution in Nanotechnology Will Change Civilization» автор Эрик Дрекслер утверждает: «Технологическое продление жизни может изменить фундаментальные религиозные концепции, требуя пересмотра этических и духовных оснований» [Dreksler E., 2013, p.17].

Искусственный интеллект, обладающий способностью к самообучению и принятию решений, вызывает дискуссии о его роли в религиозном контексте, о наличии сознания или души у ИИ, бросающие вызов традиционным религиозным представлениям о человеческой уникальности.

Современные технологии изменяют способы передачи религиозных ценностей и практик между поколениями. В этом качестве начинают выступать онлайн-платформы, где традиционные и новые формы духовности пересекаются и взаимодействуют.

Итак, технологические достижения вызывают глубокие изменения в религиозном сознании и процессах социализации. Информационная революция, нанотехнологии и искусственный интеллект не только бросают вызов традиционным религиозным представлениям, но и открывают новые возможности для духовного развития и выражения веры в современном мире.

Религиозная социализация в XXI веке становится более многогранной и комплексной из-за распространения таких факторов, как глобализация, новые технологии, изменение социальных структур и индивидуализации духовных поисков.

Последующие изменения и трансформации, происходящие в обществе, отражаются фактически на практиках и впечатлениях людей и их групп. Эти процессы влияют не только на

индивидуальный опыт, но и на коллективные формы религиозной жизни. В то время как многие люди ищут свой личный путь духовного развития, традиционные международные структуры, такую как храмы, церкви и мечети, продолжают играть свою роль, хотя и вынуждены адаптироваться к современным условиям.

Таким образом, религиозная социализация в XXI веке предстает как процесс, включающий разнообразие подходов и практик. Важным аспектом является то, что традиционные и новые практики пересекаются, взаимодействуют и изменяются под воздействием новаторских технологических социальных условий. В конечном итоге роль религии в жизни человека в современном мире будет определять баланс между сохранением традиций и адаптацией к новым условиям, что и составит религиозную социализацию в XXI веке.

В XXI веке наблюдается распространение новых практик и технологий, которые часто основаны на синтезе различных духовных исследований, адаптированных к современным реалиям. Эти практики отличаются гибкостью, индивидуализацией и применением современных технологий.

С развитием интернета эта практика все больше переносится в виртуальную среду. Видеопроповеди, онлайн-молитвы, виртуальные медитации и службы - все это стало модным методом религиозной социализации и духовного роста. Многие влиятельные лидеры и сообщества создают онлайн-курсы, семинары и вебинары для своих проповедей и пропаганды. Это позволяет людям, не имеющим возможности посещать храмы или церкви, принимать участие в духовной жизни.

Современные медитативные практики, такие как осознанность, стали популярными среди людей, которые ищут способы справиться со стрессом и найти внутреннюю покой. Эти практики часто связаны с буддизмом, но могут быть адаптированы для различных конкретных и духовных контекстов. В XXI веке внимание направлено не только на религиозный контекст, но и на психоэмоциональное благополучие, а также на осознанность.

В XXI веке растет число людей, которые создают собственные «смешанные» духовные практики, объединяя элементы разных религий и философий. Например, это может быть сочетание буддизма с христианством, индуизма с западной психологией или экзотерических учений с современным мышлением.

С развитием осознания экологических проблем и необходимостью заботиться об окружающей среде происходит генезис и рост экологической духовности. Религиозные и духовные лидеры все больше начинают интегрировать идеи защиты природы в свою практику. Это включает в себя такие направления, как «зелёный» буддизм, христианство с акцентом на экокризис, экологическое сознание в индуизме и другие религии. Природа, как священное слово, и ее сохранение становится важной частью духовной жизни.

С появлением новых технологий и цифровых платформ появляются совершенно новые способы религиозного общения и практик. Это включает в себя создание виртуальных храмов, молитвенных групп в соцсетях.

Технологии и искусство начинают играть всё более важную роль на практике. Например, цифровые искусства, визуальные эффекты и даже виртуальные выставки, используемые для создания религиозного опыта нового типа, становятся привычными формами социализации.

Соотношение развития христианства и ислама конца XX – начала XXI веков

В конце XX и начале XXI века христианство и ислам остаются двумя крупнейшими мировыми религиями, оказывающими значительное влияние на культурное, политическое и социальное развитие мирового сообщества. Эти религии демонстрируют как сходства, так и различия в динамике развития, географическом распространении и стратегиях адаптации к вызовам глобализации.

Ислам является одной из наиболее быстро растущих религий в мире. По новым данным (Pew Research Center), в 2020 году мусульмане составляли около 24% мирового населения. Быстрый рост исламской общины объясняется высоким уровнем рождаемости в мусульманских странах, особенно в Африке и Азии. С учетом миграционных прогнозов, к 2050 году количество мусульман по всему миру может почти сравняться с численностью христиан.

Христианство остаётся крупнейшей религией в мире, охватывая около 31% мирового населения. Однако темпы его роста ниже, чем у ислама, что связано с более низкими уровнями рождаемости в традиционно христианских странах Европы и Северной Америки.

Основной прирост христианской общины происходит за счёт Африки и Латинской Америки.

Ислам традиционно доминирует в странах Ближнего Востока, Северной Африки, Южной Азии и Юго-Восточной Азии. В последние десятилетия мусульманские общины стали активно расти в Европе, Северной Америке и Австралии, что связано с миграцией и демографическими изменениями.

Христианство сохранило своё доминирующее положение в Европе, Америке и странах Океании. Однако в Европе наблюдается снижение религиозной практики и увеличение числа светских людей, тогда как в Африке и Азии христианство набирает популярность, особенно в форме протестантских и евангельских движений.

Глобализация оказала значительное влияние на обе религии, усилив их взаимодействие и конкурентоспособность.

Ислам активно использует социальные сети и технологии для пропаганды своих ценностей. Это позволяет создавать платформы для диалога, а также укреплять единство мусульманской уммы.

Христианство в свою очередь использует медиа и миссионерскую деятельность для привлечения новых последователей, особенно в развивающихся странах.

Основными вызовами ислама считаются: экстремизм, радикализация, давление секулярных ценностей.

А перспективами - рост числа мусульманских стран с модернизированными взглядами на ислам, развитие межконфессионального диалога.

Основные вызовы христианства - секуляризация, снижение религиозной активности в Западной Европе.

Перспективы - усиление роли Африки и Азии как новых центров христианства, рост популярности харизматических движений.

Конец XX – начало XXI века характеризуется как период конфликтов, так и диалога между христианством и исламом.

Развитие христианства и ислама в начале XXI века показывает, что обе религии играют важную роль в глобальном контексте, сохраняя свою значимость и адаптируясь к новым вызовам. В будущем их взаимодействие будет определять многие аспекты социальной, культурной и политической жизни мирового сообщества.

Развитие религии в будущем зависит от множества факторов,

включая научно-технический прогресс, глобализацию, демографические изменения и социальные процессы. На основе современных исследований и анализа тенденций можно выделить несколько сценариев, которые, возможно, определяют будущее религий.

Сценарий секуляризации предполагает, что религия постепенно потеряет своё влияние на общество и личную жизнь людей из-за роста научного мировоззрения, распространения технологий, повышающих качество жизни, без зависимости от религиозных практик, увеличения числа нерелигиозных людей, особенно в развитых странах. По данным Pew Research Center, в Европе доля нерелигиозных людей выросла с 10% в 1970-х годах до 25% в 2020-х. «Секуляризация неизбежна в условиях глобального прогресса технологий, так как наука предоставляет объяснения многим вопросам, ранее решаемым религией» [Casanova, J. 1994, p. 12].

Сценарий религиозного возрождения прогнозирует возвращение интереса к религии, особенно в условиях социальных, экологических и экономических кризисов, из-за углубления духовных поисков на фоне неопределённости, сопротивления культурной глобализации, роста популярности духовных практик и медитации. Так, в странах Азии, Африки и Латинской Америки продолжается рост традиционных религий, таких как ислам и христианство. Это и понятно, поскольку: «Религия возрождается в периоды кризиса как средство поддержки и источник смыслов» [Stark R., Finke R. 2000, p. 28].

Сценарий религиозной трансформации под влиянием научно-технического прогресса и интеграции новых технологий, в том числе искусственного интеллекта и робототехники, генетических технологий, обещающих продление жизни и потенциальное бессмертие, разработки новых философских и теологических концепций в связи с космическими исследованиями. Примером является введение виртуальной реальности в религиозные практики, таких как онлайн-молитвы и виртуальные паломничества. Прогноз таков: «Будущая религия будет технологичной, соединяя человеческое сознание с искусственным интеллектом и создавая новые формы духовного опыта» [Kurzweil R., 2005, p. 367].

Заключение

По исследуемой теме можно сделать следующие выводы:

Религиозная социализация - это процесс усвоения индивидом норм, ценностей, верований и практик, связанных с религией, через взаимодействие с семьёй, религиозными общинами, образовательными учреждениями и обществом в целом.

Факторами религиозной социализации являются: семья, играющая ключевую роль в ранней религиозной социализации через воспитание и пример, религиозные организации (церкви, мечети, храмы), предоставляющие структурированную среду для обучения и практики религии, образование и СМИ, формирующие мировоззрение, включая религиозные убеждения.

Этапами религиозной социализации являются первичная социализация, формирующая базовых религиозных представлений в детстве и вторичная социализация, занятая переосмыслением или укреплением религиозных убеждений в подростковом и взрослом возрасте.

Религиозная идентификация является процессом самоотождествления индивида с определённой религией, включающим принятие её догм, ритуалов и культуры. Она может быть индивидуальной (личное убеждение) или коллективной (принадлежность к группе).

Формами религиозной идентичности являются: традиционная (унаследованная от семьи или культуры); конверсионная (осознанный переход в другую религию); номинальная (формальная принадлежность без активного участия); секулярная (отказ от религиозной идентичности или выбор атеизма).

Влияние общества на религиозную идентификацию: плюрализация приводит к ослаблению монопольного влияния традиционных религий; глобализация способствует распространению новых религиозных движений и межрелигиозного диалога.

Конфликты и кризисы религиозной идентичности возникают в условиях миграции, межкультурных взаимодействий или изменений в личных убеждениях. Религиозная идентичность может вступать в конфликт с гражданской, этнической или профессиональной идентичностью.

Итак, религиозная социализация и религиозная идентификация представляют собой сложные и многогранные процессы, играющие важную роль в формировании личности и её мировоззрения. Они зависят от социальных, культурных и личностных факторов,

включая семью, образование, религиозные учреждения и общественные изменения.

Современное общество характеризуется разнообразием религиозных идентичностей, что создаёт условия для диалога, но также может вызывать напряжённость. Понимание этих процессов помогает анализировать взаимодействие религии с другими аспектами человеческой жизни, включая культуру, политику и личные убеждения.

Литература:

Абдуллаев З. Молодёжь и религия в Азербайджане, Баку: Элм, 2020,- с. 231.

Алиев А. Религиозная идентичность в XXI веке, Баку: Издательство БГУ, 2019,- с. 292.

Батина И. Г. Религиозная социализация личности. Москва: Издательство МГУ, 2015, - 312 с.

Бергер Б. Священная завеса: элементы социологии религии, СПб.: РХГА, 2001.

Бергер П. Л., Лукманн Т. Социальное конструирование реальности. Москва: Академический проект, 2011, - 352 с.

Гасымов М. История ислама в Азербайджане, Баку: Издательство БГУ, 2015, - с. 197.

Гидденс Э. Социология. Москва: Эксмо, 2020, - 704 с.

Гирц Г., Интерпретация культур, М.: Наука, 2004, с.543.

Гуд М., Уайт Дж. Религиозная идентичность в меняющемся мире. Лондон: Routledge, 2018, - 280 с.

Дэвис Х. Религия в современном обществе, Лондон: Routledge, 2010,- с.137.

Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Санкт-Петербург: Наука, 2013,- 432 с.

Зиммель Г. Социология религии. Москва: Канон+, 2014, - 256 с.

Ислам в мировой политике в начале XXI века : учеб. пособие / под ред. Л.М. Ефимовой, М.А. Сапроновой ; [А.М. Ахунов, В.А. Ахмадуллин, Р.И. Беккин и др.] ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, каф. востоковедения. — М. : МГИМО-Университет, 2016, - 345 с.

Лакост П. Религия и культура. Москва: Прогресс-Традиция, 2012, - 224 с.

Льюис Б. Что пошло не так? Кризис исламского мира, М.: АСТ,

2004, с.213.

Мид Дж. Разум, самость и общество, М.: Канон, 2015,- с.432

Миллер Д. Э., Шахт Р. Г. Религиозная социализация в детстве и юности. Нью-Йорк: Palgrave Macmillan, 2014, - 240 с.

Парсонс Т. Социальная система, М.: Прогресс, 2000,- с.312.

Парсонс Т. Система современных обществ. Москва: Аспект-Пресс, 2016,- 320 с.

Рой О. Глобализованный ислам, М.: Логос, 2010,- 285 с.

Рудь И.С. Влияние искусственного интеллекта на формирование религиозной идентичности личности в начале XXI века - https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-iskusstvennogo-intellekta-na-formirovanie-religioznoy-identichnosti-lichnosti-v-nachale-xxi-veka?utm_source=chatgpt.com

Смелзер Н. Дж. Социология. Москва: Феникс, 2019, - 656 с.

Сулейманов А. Ислам в Азербайджане: традиции и модерн, Баку: Элм, 2015,-278 с.

Тейлор Ч. Этика аутентичности. Москва: Прогресс-Традиция, 2004, - 160 с.

Хабермас Ю. Религия и рациональность. Москва: Весь Мир, 2015,- 296 с.

Уокер А. Религия и идентичность: психология веры. Оксфорд: Oxford University Press, 2016, - 312 с.

Эллисон Дж. Ф., Смит Р. Религия и личность: современные подходы. Санкт-Петербург: Питер, 2017, - 368 с.

Эрнст Карл В. Следуя за Мухаммадом. Переосмысливая ислам в современном мире, 310 с.

Эспозито Дж. Ислам: взгляд изнутри, СПб.: Амфора, 2008,- 432 с.

Яблоков И. Н. Религиоведение. Москва: Юрайт, 2018, - 428 с.

Bandura A. Social Learning Theory. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1977, - 247 p.

Berger P. The Many Altars of Modernity: Toward a Paradigm for Religion in a Pluralist Age. 2022, - 324 p.

Casanova J. Public Religions in the Modern World. Chicago: University of Chicago Press, 1994,- 320 p.

Dreksler E. Radical Abundance: How a Revolution in Nanotechnology Will Change Civilization. 2013,-18 p.

Durkheim E. The Elementary Forms of Religious Life. New York: Free Press, 1912 (translated edition 1995), - 456 p.

Husserl, E. Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy. The Hague: Martinus Nijhoff, 1973, - 405 p.

Festinger, L. A Theory of Cognitive Dissonance. Stanford, CA: Stanford University Press, 1997, - 291 p.

Freud S. The Future of an Illusion. New York: W.W. Norton & Company, 1987, - 112 p.

Kurzweil, R. The Singularity Is Near: When Humans Transcend Biology. The Viking Press, 2005, 672 p.

Mead G.H. Mind, Self, and Society. Chicago: University of Chicago Press, 1984,- 400 p.

Stark R., Finke, R. Acts of Faith: Explaining the Human Side of Religion. Berkeley: University of California Press, 2000, - 328 p.

Tillich, P. Dynamics of Faith. New York: Harper & Row, 1987, - 120 p.

References:

Abdullayev Z. Molodezh i religiya v Azerbaydzhane. Baku: Elm. 2020.- s. 231.

Aliyev A. Religioznaya identichnost v XXI veke. Baku: Izdatelstvo BGU. 2019.- s. 292.

Batina I. G. Religioznaya sotsializatsiya lichnosti. Moskva: Izdatelstvo MGU. 2015. - 312 s.

Berger B. Svyashchennaya zavesa: elementy sotsiologii religii. SPb.: RKhGA. 2001.

Berger P. L., Lakmann T. Sotsialnoye konstruirovaniye realnosti. Moskva: Akademicheskii proyekt. 2011. - 352 s.

Gasymov M. Istoriya islama v Azerbaydzhane. Baku: Izdatelstvo BGU. 2015. - s. 197.

Giddens E. Sotsiologiya. Moskva: Eksmo. 2020. - 704 s.

Girts G.. Interpretatsiya kultur. M.: Nauka. 2004. s.543.

Gud M.. Uayt Dzh. Religioznaya identichnost v menyayushchemsya mire. London: Routledge. 2018. - 280 s.

Devis Kh. Religiya v sovremennom obshchestve. London: Routledge. 2010.- s.137.

Dyurkgeym E. Elementarnyye formy religioznoy zhizni. Sankt-Peterburg: Nauka. 2013.- 432 s.

Zimmel G. Sotsiologiya religii. Moskva: Kanon+. 2014. - 256 s.

Islam v mirovoy politike v nachale XXI veka : ucheb. posobiye / pod

red. L.M.Efimovoy. M.A.Sapronovoy ; [A.M.Akhunov. V.A.Akhmadullin. R.I.Bekkin i dr.] ; Mosk. gos. in-t mezhdunar. otnosheniy (un-t) M-va inostr. del Ros. Federatsii. kaf. vostokovedeniya. — M. : MGIMO-Universitet. 2016. - 345 s.

Lakost P. Religiya i kultura. Moskva: Progress-Traditsiya. 2012. - 224 s.

Lyuys B. Chto poshlo ne tak? Krizis islamskogo mira. M.: AST. 2004. s.213.

Mid Dzh. Razum. samost i obshchestvo. M.: Kanon. 2015.- s.432.

Miller D. E., Shakht R. G. Religioznaya sotsializatsiya v detstve i yunosti. Nyu-York: Palgrave Macmillan. 2014. - 240 s.

Parsons T. Sotsialnaya sistema. M.: Progress. 2000.- s.312.

Parsons T. Sistema sovremennykh obshchestv. Moskva: Aspekt-Press. 2016.- 320 s.

Roy O. Globalizovannyi islam. M.: Logos. 2010.- 285 s.

Rud I.S. Vliyanie iskusstvennogo intellekta na formirovaniye religioznoy identichnosti lichnosti v nachale KhKhI veka - https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-iskusstvennogo-intellekta-na-formirovanie-religioznoy-identichnosti-lichnosti-v-nachale-xxi-veka?utm_source=chatgpt.com

Smelzer N. Dzh. Sotsiologiya. Moskva: Feniks. 2019. - 656 s.

Suleymanov A. Islam v Azerbaydzhanе: traditsii i modern. Baku: Elm. 2015.-278 s.

Teylor Ch. Etika autentichnosti. Moskva: Progress-Traditsiya. 2004. - 160 s.

Khabermas Yu. Religiya i ratsionalnost. Moskva: Ves Mir. 2015.- 296 s.

Uoker A. Religiya i identichnost: psikhologiya very. Oksford: Oxford University Press. 2016. — 312 s.

Ellison Dzh. F., Smit R. Religiya i lichnost: sovremennyye podkhody. Sankt-Peterburg: Piter. 2017. - 368 s.

Ernst Karl V. Sleduya za Mukhammadom. Pereosmyslivaya islam v sovremennom mire. 310 s.

Esposito Dzh. Islam: vzglyad iznutri. SPb.: Amfora. 2008. 432 s.

Yablokov I. N. Religiovedeniye. Moskva: Yurayt. 2018. - 428 s.

Bandura A. Social Learning Theory. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1977,- 247 p.

Berger P. The Many Altars of Modernity: Toward a Paradigm for Religion in a Pluralist Age. 2022, - 324 p.

Casanova J. Public Religions in the Modern World. Chicago: University of Chicago Press, 1994,- 320 p.

Dreksler E. Radical Abundance: How a Revolution in Nanotechnology Will Change Civilization. 2013,-18 p.

Durkheim E. The Elementary Forms of Religious Life. New York: Free Press, 1912 (translated edition 1995), - 456 p.

Husserl, E. Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy. The Hague: Martinus Nijhoff, 1973, - 405 p.

Festinger, L. A Theory of Cognitive Dissonance. Stanford, CA: Stanford University Press, 1997, - 291 p.

Freud S. The Future of an Illusion. New York: W.W. Norton & Company, 1987, - 112 p.

Kurzweil, R. The Singularity Is Near: When Humans Transcend Biology. The Viking Press, 2005, 672 p.

Mead G.H. Mind, Self, and Society. Chicago: University of Chicago Press, 1984,- 400 p.

Stark R., Finke, R. Acts of Faith: Explaining the Human Side of Religion. Berkeley: University of California Press, 2000, - 328 p.

Tillich, P. Dynamics of Faith. New York: Harper & Row, 1987, - 120 p.

Gülmiza Askarbekovna Seytaliyeva,
fəlsəfə doktoru, dosent, UNPK-nın "Fəlsəfə" kafedrasının müdiri
"Qırğızıstan Beynəlxalq Universiteti"
Bişkek, Qırğızıstan Respublikası
Tel.: +996555903187
Email: gulmiza@gmail.com
<https://orcid.org/my-orcid?orcid=0000-0002-0498-4591>

TƏHSİLİN QADINLARIN ÖZÜNÜ DƏRK ETMƏSİNƏ TƏSİRİ

Xülasə

Məqalədə Orta Asiya ölkələrində, xüsusən Qırğızıstanın təmsalında postsovet transformasiyası şəraitində qadın təhsilinin aktual problemləri müzakirə olunur.

Tədqiqatın məqsədi orta Asiya qadınlarının üzləşdiyi çətinliklərin öhdəsindən gəlmək üçün vasitələrin müəyyənəndirilməsi və sosial statuslarının və özünə hörmətlərinin bərpasında dünyəvi təhsilin əsas rolunun əsaslandırılmasıdır.

Mövzunun araşdırılma dərəcəsi: məqalənin sonunda bibliografiyaya baxın.

Metodologiya dialektik yanaşmaya əsaslanır və marksist-leninçi, feminist və İslam qadın hüquqları anlayışlarının müqayisəli təhlilini əhatə edir.

Elmi yenilik: postsovet transformasiyası gender də daxil olmaqla identifikasiyaya təsir edən amillərin əhəmiyyətli dərəcədə dəyişməsinə səbəb oldu. İslamın həyatın bütün sahələrinə və ictimai qurumlara təsirinin artması qadınların özünə hörmətini aşağı salan gender stereotiplərinin yayılması ilə müşayiət olunur.

Çıxarışlar: müəllif vurğulayır ki, qadınlara Dövlət Dəstəyi sisteminin və gender bərabərliyini dəstəkləyən Marksist-Leninist ideologiyanın məhv edilməsi ilə müşayiət olunan SSRİ-nin dağılması genderin "hegemonik" konstruksiyası ilə əlaqəli İslam şəxsiyyətinin dirçəlməsinə səbəb oldu. Bu, qadınların təhsilinə və gender yönümlü peşələrin seçilməsinə təsir göstərir. Qadınların iqtisadiyyatda, siyasətdə və təhsildə iştirakını məhdudlaşdıran artan gender seqreqasiyasının nəticələrinə xüsusi diqqət yetirilməlidir.

Açar sözlər: Qadın təhsili, qadın hüquqları, gender bərabərliyi, Orta

Asiya, postsovet transformasiyası, gender stereotipləri, gender seyreğasiyası, sivilizasiya qarşıdurması.

УДК - 1:37.018.264:305-055.2 (045)

Гульмиза Аскарбековна Сейталиева,
кандидат философских наук, доцент,
Заведующая кафедрой «Философии» УНПК
«Международный университет Кыргызстана»
Г. Бишкек, Кыргызская Республика
Тел.: +996555903187
Email: gulmiza@gmail.com
<https://orcid.org/my-orcid?orcid=0000-0002-0498-4591>

ВЛИЯНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ НА САМОРЕАЛИЗАЦИЮ ЖЕНЩИН

Резюме

В статье рассматриваются актуальные проблемы женского образования в странах Центральной Азии, в частности на примере Кыргызстана, в условиях постсоветской трансформации.

Цель исследования – выявление инструментов преодоления вызовов, с которыми сталкиваются женщины Центральной Азии, и обоснование ключевой роли светского образования в восстановлении их социального статуса и самооценки.

Степень исследования проблемы: см. библиографию в конце статьи.

Методология опирается на диалектический подход и включает сравнительный анализ марксистско-ленинской, феминистической и исламской концепций прав женщин.

Научная новизна: Постсоветская трансформация привела к значительному изменению факторов, влияющих на идентификацию, в том числе гендерную. Усиление влияния ислама на все стороны жизни и общественные институты сопровождается распространением гендерных стереотипов, которые снижают самооценку женщин.

Итоги: Автор подчеркивает, что распад СССР, сопровождавшийся разрушением системы государственной поддержки женщин и марксистско-ленинской идеологии,

поддерживавшей гендерное равноправие, привел к возрождению исламской идентичности, которая связана с «гегемонистической» конструкцией гендера. Это влияет на образование женщин и выбор ими гендерно ориентированных профессий. Особое внимание следует уделять последствиям усиливающейся гендерной сегрегации, ограничивающей участие женщин в экономике, политике и образовании.

Ключевые слова: женское образование, права женщин, гендерное равноправие, Центральная Азия, постсоветская трансформация, гендерные стереотипы, гендерная сегрегация, цивилизационное противостояние.

Gulmiza Seitalieva

PhD, Associate Professor

Head of the Department of Philosophy of ESPC

“International University of Kyrgyzstan”, Bishkek, Kyrgyz Republic

Tel.: +996555903187

Email: gulmiza@gmail.com

<https://orcid.org/my-orcid?orcid=0000-0002-0498-4591>

THE INFLUENCE OF EDUCATION ON WOMEN'S SELF- REALIZATION

Abstract

The article examines the current problems of women's education in Central Asian countries, in particular on the example of Kyrgyzstan, in the context of post-Soviet transformation.

The purpose of the study is to identify tools for overcoming the challenges faced by Central Asian women and to substantiate the key role of secular education in restoring their social status and self-esteem.

Degree of research on the problem: see the bibliography at the end of the article.

The methodology is based on a dialectical approach and includes a comparative analysis of Marxist-Leninist, feminist and Islamic concepts of women's rights.

Scientific novelty: The post-Soviet transformation has led to a significant change in the factors influencing identification, including gender one. The growing influence of Islam on all aspects of life and public institutions is accompanied by the spread of gender stereotypes that reduce women's self-esteem.

Results: The author emphasizes that the collapse of the USSR, accompanied by the destruction of the system of state support for women and the Marxist-Leninist ideology that supported gender equality, led to the revival of Islamic identity, which is associated with the "hegemonic" construction of gender. This affects women's education and their choice of gender-oriented professions. Special attention should be paid to the consequences of increasing gender segregation, which limits women's participation in the economy, politics and education.

Keywords: women's education, women's rights, gender equality, Central Asia, post-Soviet transformation, gender stereotypes, gender segregation, civilizational confrontation.

Актуальность образования имеет непреходящее значение для развития человека и цивилизации в целом. Особенно острым для центральноазиатского региона встал вопрос уровня и качества образования женщин. Данная проблема обусловлена современными вызовами: коллапсом СССР, возвратом патриархата, давлением гендерных стереотипов, утерей женщиной веры в собственные способности и возможности, и как следствие, утеря позиций в социально-экономической, политической сферах и самостоятельности. Система социальной поддержки женщин исчезла. Женщина с маленькими детьми оказалась наиболее уязвимой. Без поддержки со стороны государства, где муниципальные садики, продленка в школах, бесплатные музыкальные, спортивные и другие секции стали недоступны. Выбор между детьми и карьерой превратился в настоящий экзистенциальный вопрос. Поиск надежного тыла в семье, за плечами мужчины также оказался в большинстве случаев эфемерным. Мужчина сам переживал психологический и экономический кризис.

Опустевшее место марксистско-ленинской идеологии немедленно занял ислам. Вместе с исламской идентичностью возродилась «гегемонистическая» конструкция гендера. Усилилось религиозное влияние на законодательство и общественные институты. Повсеместно женщины и девочки облачились в хиджаб, являющийся символом женской сегрегации, смиренности, послушности и «возврата» семейных ценностей. Появилось ограничение на участие женщин в экономической, политической и

социальной сферах. Результатом экономической зависимости, утраты социального и политического влияния женщин стало распространение патриархальных стереотипов. Религиозные браки заменили официальную регистрацию в ЗАГС. Теперь развестись мужчине разрешено через простое произнесение сентенции «талак» без последующей ответственности за жену и детей. Как символ патриархата участились насильственные браки через умыкание невест (кыз алакачуу). Полигамия, эскортницы стали распространенным явлением. Все это привело к росту дискриминации прав женщин, домашнего насилия и снижению самооценки и уверенности.

Цель данной статьи заключается в поиске инструментов решения последствий вызовов распада социалистической системы для женщин Центральной Азии на примере Кыргызстана. Одним из таких инструментов является образование. Качественное, профессиональное образование, основанное на светских принципах способно вернуть женщине высокий уровень самооценки вследствие самореализации себя как полноценной, независимой сильной личности. Только сильная и уверенная женщина способна построить семью как равный партнер, где оба супруга имеют свои обязанности по отношению к детям и реализации потенциала друг друга.

Задачами такого поиска являются:

- исследование основ и влияния марксистско-ленинской идеологии на образование советских женщин, и в частности, на женщин-мусульманок;
- исследование феминистических подходов в реализации прав женщин, в том числе в сфере образования;
- исследование исламской концепции женщины и ее прав;
- необходимость преодоления гендерных стереотипов в сфере образования;
- решение вопросов гендерного равноправия через законодательные и институциональные меры и имплементацию международных программ.

Методология

Методологической основой работы является диалектический подход к развитию и состоянию прав женщин Центральной Азии на примере Кыргызстана. В статье используются марксистско-ленинский, феминистический и исламский подходы к пониманию

прав женщин и в особенности женского образования. Осуществлен историко-философский подход, сравнительный анализ секулярного и религиозного (исламского) правопонимания, результаты полевых исследований зарубежных авторов, анализ международных программ по реализации прав женщин, в том числе в сфере образования.

Анализ работ В.Л. Бильшай [5], Ф.Ш. Керимбаевой [12], К. Кондучаловой [16], К.А. Бектургановой [4] показывает, насколько важна политическая идеология и роль государства в достижении реальной социально-экономической свободы, общественно-политической и культурной активности женщины-мусульманки советского Востока. Решение проблемы образования женщины-мусульманки стали главным триггером в последующей мировоззренческой и культурной революции и превращении женщины в самостоятельную независимую личность, способную самореализоваться в самых разных сферах социалистической экономики (в том числе в отраслях, которые раньше были чисто мужскими), общественно-политической деятельности, науке, культуре, искусстве, спорте. Марксистско-ленинская идеология, эмансипировав женщину и превратив ее в самостоятельную производительную, передовую, всесторонне развитую личность сумела сохранить за ней ее природную склонность иметь семью и детей. Семья стала главным объектом социальной политики советского государства. Материнство и младенчество стали главными задачами первых декретов Советской власти. На каждом съезде поднимались вопросы поддержки женщины, семьи и сохранения семейных ценностей. Первоочередную роль в реализации этого вопроса стало женское образование.

Современные проблемы женщин Центральной Азии во многом связаны с противостоянием секулярного и религиозного (исламского) правопонимания, который имеет цивилизационный характер и непосредственно влияет на гендерное равноправие в регионе. Одним из путей решения этого противостояния многие авторы видят в диалоге цивилизаций. Среди отечественных ученых этот вопрос решается в работах: О.Козубаева [13, 14], К.Ш. Карабукаева [3, 11], А.А. Бекбоева [14], О.А. Тогусакова [1], К.Ш. Ибраева [10], М.С. Алымкулова [2,3], Ж.К. Урманбетовой [31], С.М. Абдрасулова [31], Р.Д. Стамовой [27], Д.А. Брусиловского [1,7]. Особенность исламского права анализируется в работах Л.Р. Сюкияйнена [28, 29],

Н.К. Саралаева [25], А.А. Айдаралиева [2]. В течение многих лет Мишеле Коммерсио проводила исследования по полигамии в Кыргызстане [33].

Решение женского вопроса, в условиях отсутствия марксистско-ленинского подхода на уровне идеологии государства, ставит необходимость решения проблемы через гендерные, феминистические теории и общественно-политические движения за права женщин, а также включения центральноазиатского региона в систему Международных отношений и имплементации принципов универсализма и недискриминации через ратификацию Международных документов по правам человека. Практическую ценность в решении женского вопроса имеет реализация таких программ как: Цели устойчивого развития (ЦУР), женщины ООН, женщина и образование, женщина и предпринимательство, женщины в политике, женщина и спорт, а также преодоление гендерных предрассудков и начавшейся сегрегации.

Новизна данного исследования заключается в обосновании необходимости исключительно светского подхода к системе образования, содержание которого должно исключить гендерные стереотипы и акцентировано на возможностях женщин самореализоваться в качестве самостоятельной, независимой, творческой личности, несущей социальную ответственность за других членов общества, а также членов семьи и особенно детей.

Марксистско-ленинский подход к правам и возможностям женщин

Французская революция (1789-1799) стала началом крупнейшей трансформации всей социально-политической и правовой системы современного мира. Символом выступила женщина на баррикадах – «Свобода, ведущая народ» (художник Эжен Делакруа, 1830). Марианна – женщина Свобода, стала олицетворением лозунга Французской республики - «Свобода, равенство, братство», который изменил восприятие сущности прав человека. С этого момента феминизм начал активно развиваться как теория и движение за права женщин во всем мире.

Марксистско-ленинская теория социально-экономического и политического равноправия мужчин и женщин стала основой реального достижения гендерного равноправия в СССР. Сегодня можно констатировать, что это был единственный успешный эксперимент в решении прав женщин во всей истории человечества.

Действенным инструментом достижения феноменального успеха в освобождении и развитии женщин стало образование.

Сами классики марксизма считали, что история начинается с равноправия. Энгельс отмечает, что в первобытные времена существовал матриархат, поддержав гипотезу Иоганна Якоба Бахофена и Льюиса Генри Моргана [Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства, 2019]. Однако, экзистенциалистка и феминистка Симона де Бовуар, принципиально несогласна с этой теорией. Она считает, что трехтысячелетняя история цивилизованного человечества, это история патриархата, где патер, отец, мужчина выступал властелином мира и собственником всего, что его окружает только благодаря своей физической исключительности. Симона де Бовуар замечает, женщина – это прежде всего биология, это сексуальность, она «Другое», но не самостоятельное. Она жена – приложение, за которым нужно ухаживать также как за несознательным ребенком, которое не выживет без его отцовской власти. Женщина – это мать. Она сосуд для его семени, чтобы процветал его род, чтобы его наследники продолжили эксплуатировать мать, жену, господствовать над дочерью. И поскольку он собственник, то его жена и дочь тоже товар, который можно купить и продать. Женщина «всегда находилась если не в рабстве, то по крайней мере в вассальной зависимости от мужчины; мир никогда не принадлежал на равных обоим полам». [Бовуар Симона де. Второй пол, 2021, с. 15.]

В своих исследованиях Симона де Бовуар ссылается на работы современных антропологов Клода Леви-Стросса [Леви-Стросс К. Структурная антропология, 2008] и Бронислава Малиновского [Малиновский Б. Магия, наука и религия, 1998]. Антропологи, проводившие свои исследования первобытных культур ни разу не встретили матрилинейной структуры общества. Поэтому, они критикуют теорию Бахофена за недостаточность эмпирических данных.

Бовуар утверждает, что «золотой век Женщины – не более чем миф». «Если женщина была *Другим*, значит между полами не существовало обоюдных отношений: женщина-земля, мать, богиня никогда не была для мужчины ему подобной; ее могущество утверждалось *по ту сторону* человеческого царства, то есть сама она была *вне* этого царства. Общество всегда было мужским,

политическая власть всегда принадлежала мужчинам» [Бовуар Симона де. Второй пол, 2021, с. 9].

Марксизм нашел истинную причину социального и гендерного неравенства. Ею является частная собственность на средства производства, которая позволяет эксплуатировать мужчин и женщин. А значит, социально-экономическая и политическая зависимость женщин является основой ее неравенства. Равноправие женщин и мужчин возможно только в обществе, где больше нет антагонистических классов. Классики марксизма признавали, что «степень освобождения женщины есть естественное мерило всякого освобождения» [Маркс К., Энгельс Ф. 1955, с. 114].

Исторически сложившееся в первобытную эпоху разделение труда превратило женщину в «детородную машину». В условиях вечной беременности женщин и необходимости охранять детей, заниматься домашней работой, собирательством и мелким хозяйством, она стала «простым орудием производства» [Маркс К. Капитал, т. I, 1955, с. 25], оторванной от общественной жизни. В этих условиях мужчина, имеющий физические преимущества стал главным кормильцем и защитником женщин и детей.

Следующим этапом превращения женщины в частную собственность мужчины, стал этап накопления частной собственности в руках главы домохозяйства. Это период неолита, когда произошла доместификация¹ животных и растений. Успешная доместификация животных и растений позволила мужчине самостоятельно вести свое хозяйство, содержать семью и послужила основой привлечения наемных рук для увеличения частной собственности. В этих условиях женщина также оказалась частной собственностью мужчины-домохозяина. Эпоха матриархата была заменена на моногамию для женщин, но полигамию для мужчины, так как мужчина-собственник мог владеть несколькими женщинами, так же как он мог нанимать бесконечное число наемных рабочих, рабов и т.д.

В своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства», Энгельс пишет, что «первая появляющаяся в истории противоположность классов совпадает с развитием антагонизма между мужем и женой при единобрачии, и первое классовое угнетение совпадает с порабощением женского пола

¹ Доместификация означает одомашнивание, приручение.

мужским» [Маркс К., Энгельс Ф. 1955, т. II, с. 212]. С тех пор, началась эпоха патриархата, длящаяся вот уже несколько тысячелетий, поддерживаемая частной собственностью и закреплённая традициями и религиями. Патриархат стал символом рабства женщины, основной формой угнетения. Энгельс писал: «Уже здесь обнаруживается, что освобождение женщины, ее уравнение с мужчиной, невозможно и остается таковым, пока женщина отстранена от общественного производительного труда и ограничивается домашним частным трудом» [Маркс К., Энгельс Ф. 1955, т. II, с. 294-295]. Экономическая зависимость женщины стала неизбежностью в тот самый момент, когда продукты ее труда были полностью отчуждены от нее ее собственником – мужем. Это произошло несмотря на то, что женщина в полной мере участвовала в трудовом процессе и приносила доход семье.

Еще большую эксплуатацию со стороны мужа и общества переживала восточная женщина, а именно, мусульманка. Исследовательница женского вопроса в СССР В.Л. Бильшай пишет: «Нечего и говорить, что женщины всех восточных народов были поголовно неграмотными, полностью зависимыми от мужчин экономически несмотря на то, что труд женщины в хозяйстве этих народов играл большую роль» [Бильшай В.Л. Решение женского вопроса в СССР. 1959, с. 175]. В кочевых культурах женщина ухаживала за скотом, принимала приплод, доила коров, кобыл, коз и изготавливала молочную продукцию, украшала жилище, занималась вышивкой, пряла шерсть, изготавливала войлок, шила одежду. У оседлых народов женщины занимались огородом, садами, хлопководством, тутоводством. Туркменки, таджички и азербайджанки изготавливали ковры, приносившие существенный доход семье. Женщины изготавливали шелковые ткани и шили платья и рубашки. «Однако, лишённая всех прав, восточная труженица не могла самостоятельно распоряжаться продуктами своего труда: труд ее носил «домашний» характер, а в своей семье она была на положении рабыни мужчины. Собственником имущества семьи, владельцем земельно-водного надела являлся мужчина — глава семьи, а женщина принадлежала ему по праву как его собственность» [Бильшай В.Л. Решение женского вопроса в СССР. 1959, с. 175]. Бильшай также приводит пример из тувинского языка. До социалистической революции не существовало самого слова «женщина». «Оно заменялось страшным, оскорбительным

словом «херээжок», означавшим «ненужная», «негодная» [Бильшай В.Л. Решение женского вопроса в СССР. 1959, с. 175].

Во всех патриархальных и капиталистических обществах, найм женского труда имел ярко выраженный эксплуататорский характер. При капитализме, вместе с приходом женщин на фабрики и заводы, изменился и характер ее труда. Из «домашнего» он превратился в общественный. Начав зарабатывать, она приобрела экономическую самостоятельность. Однако, при капитализме, труд женщины оплачивался в разы ниже, чем труд мужчины, хотя женщина выполняла такой же объем работы, а иногда и больший. Женщина становится самым эксплуатируемым работником. По этому поводу Маркс писал: «Выбрасывая всех членов рабочей семьи на рынок труда, машины распределяют стоимость рабочей силы мужчины между всеми членами его семьи. Поэтому они понижают стоимость его рабочей силы... Раньше рабочий продавал свою собственную рабочую силу, которой он располагал как формально свободная личность. Теперь он продаёт жену и детей» [Маркс К. Капитал, т. I, 1955, с. 401, 409]. Включая женщину в общественное производство капитализм также ограничивает круг ее деятельности. Поскольку женщины были неквалифицированной рабочей силой и не имели возможности получать профессиональное образование, то появились женские профессии, которые всегда были малооплачиваемы. Таким образом, «Приобщив женщину к общественному производству и поставив ее здесь рядом с мужчиной, капитализм вместе с тем сохранил прежнее подчиненное положение женщины в семье и ее униженное положение в обществе» [Бильшай В.Л. Решение женского вопроса в СССР. 1959, с. 23]. Капиталистическая эксплуатация женского труда сделала выполнение ею своей миссии как жены и матери еще более сложным. Это выражается в том, что, когда женщина занята домашними делами, она оказывается вне общественного производства и не может зарабатывать. Если же она стремится к самостоятельному заработку, то ей становится сложно выполнять свои семейные обязанности. Таким образом, капитализм, привлекая женщину к труду, не только не избавил ее от докапиталистических форм угнетения в быту, но и сделал «домашнее рабство» еще более тяжким.

Эмансипация женщин и их равенство с мужчинами стали ключевыми задачами государственного и партийного строительства советского правительства под руководством Ленина. Поскольку

патриархальные взгляды, поддерживаемые религией, препятствовали свободе женщин, советское государство решительно боролось с религиями, которые угнетали женщин и ограничивали их возможности самоопределения и развития. В этот период ислам оставался лишь бытовым явлением и не оказывал существенного влияния на ее права. Атрибуты исламской одежды, такие как паранджа и хиджаб, были запрещены. Все девочки обязаны были посещать детские сады и школы вместе с мальчиками, а женщины обучались в техникумах и университетах наравне с мужчинами. Сегрегация женщин в обществе и семье была запрещена.

Декрет о гражданском браке, изданный 18 декабря 1917 года, установил полное равенство супругов в семейных отношениях, освободив их от религиозных норм. Этот декрет также ввёл новые правила развода, обеспечив равные права для мужчин и женщин, исключил дискриминирующие религиозные традиции [Бильшай В.Л. Решение женского вопроса в СССР. 1959, с. 109]. Таким образом, в семье, как и в обществе исчезли принуждение и насильственная эксплуатация женщин. Ленин отмечает: «Осуществление равноправия женщин по закону предполагает равные права женщин и мужчин в области социальной и политической жизни, равное с мужчиной право женщины на труд, равную плату за равный труд, равное право на образование. Последовательное осуществление равноправия полов, уничтожение дискриминации женщины в области труда, заработка и образования ставит трудящуюся женщину в такое же положение, в каком находится ее товарищ по труду — мужчина» [Ленин В.И. Соч., т. 20, т. 33. М.: Политиздат, 1963, т. 20, с. 127-128].

Брак превратился в добровольный союз свободных мужчин и женщин, основанный на взаимной любви и дружбе, как того требовала марксистско-ленинская мораль. Все браки заключались только с согласия женщины и должны были быть зарегистрированы в государственных органах — ЗАГС. Керимбаева А.Ш. пишет: «Советское законодательство в области брачно-семейных отношений является одним из ярких примеров активного воздействия права на социальное положение женщин, в особенности на положение мусульманок. Развитие семейного права в Киргизии отмечалось рядом особенностей, связанных с необходимостью ломки семейного уклада, основанного на нормах обычного мусульманского права. В связи с этим законодательная деятельность

в рассматриваемый период прежде всего была направлена на борьбу с бытовыми преступлениями, пережитками религиозного характера. Революционное законодательство первых лет Советской власти положило начало дальнейшему развитию ленинских принципов советского семейного права» [Керимбаева А.Ш. Роль советского права в раскрепощении женщин Киргизии: 1917-1936 гг. 1984].

Бектурганова К.А. отмечает, «декреты Советской власти по раскрепощению женщин воплощались в жизнь созданными в 1919-1920 гг. при партийных комитетах женотделами. При женотделах организовывались женские делегатские собрания, клубы, красные уголки, дома дехканок, красные юрты, работавшие в кочевьях, школы ликбеза, производственные артели и т. д., которые служили связующим звеном государственных органов с широкими женскими массами» [Бектурганова К.А. Историческая роль женщины в социально-экономической и культурной жизни Кыргызстана (XX век). 2009, с. 10]. Эти инициативы были направлены на ускорение процесса эмансипации женщин и их участие в строительстве нового социалистического общества. Советская власть активно боролась против ранних браков, калыма и многоженства. Полигамия рассматривалась как форма эксплуатации женщин, а ранние браки попали в разряд криминала. Традицию калыма за невесту воспринимали как обычную торговлю женщинами, их продажу в рабство.

Произошли революционные изменения в доступе женщин к образованию, в овладении различными профессиями, включая те, которые ранее считались исключительно мужскими. Несмотря на гражданскую войну и острую нехватку продовольствия и промышленной продукции, в 1919 году Советское правительство издало декрет о ликвидации безграмотности. В СССР впервые в истории человечества было введено всеобщее бесплатное начальное, среднее, средне-профессиональное и высшее образование. Всеобщее образование должно было способствовать политической активности всего населения, в том числе женщин. Ленин, выступая на II Всероссийском съезде политпросветов, подчеркивал, что пока в стране существует безграмотность, говорить о политическом просвещении сложно, поскольку неграмотный человек не может полноценно участвовать в политической жизни, «без этого не может быть политики, без этого есть только слухи, сплетни, сказки, предрассудки, но не политика» [Ленин В.И. Соч., т. 33. 1963, с. 124-

125].

Все население страны в возрасте от 8 до 50 лет начало обучаться в школах, ликбезах, кружках и на курсах. Особое внимание уделялось обучению женщин. Тысячи советских женщин привлекались к участию в политических кружках. В марте 1925 года в Пишпеке состоялся первый областной съезд дехканок, батрачек и крестьянок. «Впервые в истории кыргызского народа женщины собрались, чтобы совместно с представителями Компартии и Советской власти подвести первые итоги решения «женского вопроса» и наметить меры по более активному включению в созидательную жизнь края» [Бектурганова К.А. Историческая роль женщины в социально-экономической и культурной жизни Кыргызстана (XX век). 2009, с. 10-11]. Благодаря Советской власти в Кара-Киргизской автономной области, а затем в Киргизской автономной Советской Социалистической Республике, в течение 1925 и 1926 годов начался новый этап ликвидации неграмотности. Теперь работа из красных юрт и кибиток перешла в классы. Была «создана сеть профессионально-технического образования, открыты сельхозтехникумы, институт просвещения, педагогический техникум, кооперативные курсы, женские профтехшколы, акушерские курсы, где обучались сотни девушек. В разные города страны - Москву, Ленинград, Ташкент на учебу было послано 190 женщин, в т.ч. 149 киргизок» [Бектурганова К.А. Историческая роль женщины в социально-экономической и культурной жизни Кыргызстана (XX век). 2009, с. 10-11].

Для того, чтобы женщина могла учиться, либо посещать курсы, а также полноценно работать полный рабочий день повсеместно стали создаваться ясли и детские сады. В яслях и детских садах создавались вечерние группы для детишек тех мам, которые были заняты в вечернее время. Благодаря такой поддержке женщин-тружениц, только за первые годы советской власти была ликвидирована неграмотность миллионов женщин, благодаря красным юртам, кибиткам, школам скотоводок, различных курсов профессионального обучения, рабфакам, техникумам и вузам. Благодаря марксистско-ленинской политике реализации задач образования, особенно среди женщин, всего лишь за первые два десятилетия в СССР были достигнуты колоссальные результаты. «Число учащихся всех ступеней возросло в СССР с 14 млн. 358 тыс. в 1929 г. до 26 млн. 419 тыс. в 1933 г. Во всех средних учебных

заведениях по подготовке специалистов женщины составляли в 1928 г. 37,6%, а в 1938 г. среди учащихся этих учебных заведений женщин было 51,6%. Профессиональное образование женщин увеличивало из года в год удельный вес женщин среди советской интеллигенции» [Бильшай В.Л. Решение женского вопроса в СССР. 1959, с. 151]. Тищенко отмечает: «Из среды женщин выдвинулось много талантливых организаторов, политических деятелей, новаторов промышленности и сельского хозяйства, ученых, врачей, педагогов, инженеров, артисток, писательниц и спортсменок» [Тищенко В.В. Правовое положение женщины в Бухарском Эмирате Сталинабад, 1956, с. 121].

Кулуйпа Кондучалова в своих мемуарах вспоминает, что даже в тяжелые военные годы 1941-1945 советское государство продолжало готовить кадры. «В Киргизии до войны было всего несколько вузов: сельскохозяйственный, медицинский, педагогический. С началом военных действий их преподавательский состав пополнился сильнейшими кадрами, эвакуированными из Ленинграда, Москвы, Харькова и других городов» [18, с. 36]. А кыргызские кадры отправлялись на повышение квалификации в Россию. На дворе 1943 год: «Но вот радостная весть: решением ЦК КП(б) Киргизии меня направляют в Москву, в Высшую партийную школу!» [Кондучалова К. Кулуйпа, 2010, с. 36].

Выполняя задачи, обозначенные еще Лениным, в Советском Союзе продолжали решать жилищные вопросы и улучшать бытовые условия семей. В соответствии с постановлением Совнаркома СССР от 10 ноября 1944 года, во всех республиках Союза в городах предусматривалось выделение не менее 10% нового жилого фонда для многодетных матерей с младенцами, которые особенно нуждались в поддержке. Эти инициативы стали важным проявлением государственной заботы о семьях, особенно о женщинах. В свою очередь, включенность женщин в активную общественно-политическую и экономическую деятельность стало важным фактором победы советского народа над фашизмом в 1945 году.

Несмотря на послевоенные трудности, советское государство увеличило финансирование строительства детских учреждений. В 1949 году было принято постановление об обязательном открытии яслей и детсадов на предприятиях с более чем 500 женщинами. Дети бесплатно посещали библиотеки, кружки и спортивные секции.

Многодетным матерям вручали ордена и медали, а женщинам с десятью и более детьми присваивалось звание «Мать-героиня».

После войны женщины продолжали играть ключевую роль в индустриализации страны. Если до революции было всего 600 женщин-инженеров, то к 1953 году их число превысило 480 тысяч. Многие стали новаторами и руководителями. Все испытания, начиная с Октябрьской революции и через войну, сделали женщину СССР самостоятельной, экономически независимой и интеллектуально развитой личностью.

Кондучалова пишет о 1960 годах: «В те годы женщины были большой созидательной силой, они выдвигались во всех областях жизни, особенно в здравоохранении, образовании, легкой промышленности, в руководящем корпусе республики. Почти во всех министерствах и ведомствах женщины трудились на высоких должностях. Для сравнения приведу такие цифры: в 60-е годы в Верховном Совете СССР представительство женщин-депутатов составляло 28% от общего числа парламентариев, а в местных советах депутатов трудящихся Киргизии – 36-38%» [Кондучалова К. Кулуйпа, 2010, с. 53]. Она с горечью отмечает, что в современном Кыргызстане Жогорку Кенеш (Парламент) 2005 года был исключительно мужским, а 2008 году женщины представляли всего 16%.

Кондучалова активно продвигала идеи равенства на международной арене, представляя Кыргызстан как пример успеха советской политики в эмансипации женщин. За свою политическую карьеру Кондучалова добилась таких высот, которые были немыслимы для кыргызской женщины до Социалистической революции. Она стала министром иностранных дел Киргизии и заместителем Председателя Совета Министров Киргизской ССР. И таких женщин в Киргизии и других республиках было много.

Социалистическая революция кардинально изменила жизнь женщин и всего кыргызского общества. Кыргызцы, которые веками вели кочевой образ жизни, стали заниматься сельским хозяйством и промышленностью. Модернизация труда и образование способствовали активному вовлечению женщин во все сферы социалистической экономики, политики, науки, культуры и спорта. Качественное, профессиональное образование сделало женщин ответственными за успехи советского государства. Это привело к росту самооценки и уверенности женщин, при этом, они не

забывали о своей женской миссии, быть хранительницей домашнего очага.

Феминистические теории о правах и самореализации женщин

Многие феминистические теории, и особенно экофеминизм отождествляют женщину с природой, которую поработал мужчина. Точно также он всегда поработал и пользовался женщиной.

Бовуар пишет: «экзистенциальный подход позволил нам понять, каким образом биологическая и экономическая ситуация в примитивных племенах повлекла за собой господство мужчин. Самка в большей степени чем самец, подчинена виду; человечество всегда стремилось вырваться за рамки своего особого удела; с изобретением орудий труда поддержание жизни стало для мужчины деятельностью и проектом, тогда как женщина в материнстве осталась прикована к своему телу, как животное. Мужчина стал полагать себя по отношению к женщине как господин, ибо человечество в своем бытии задается вопросом о самом себе, то есть предпочитает жизни смыслы жизни; проект мужчины не в том, чтобы повторяться во времени, а в том, чтобы, восторжествовав над мгновением, ковать будущее. Именно мужская деятельность, создавая ценности, утвердила само существование как ценность; она одержала верх над смутными силами жизни; она поработила Природу и Женщину. [8, с. 89]. Бовуар соглашается с марксизмом: «Только тогда, когда экономическая власть окажется в руках трудящихся, женщина-работница сможет добиться таких прав, каких никогда не имела женщина-паразит, как из дворян, так и из буржуазии. [Бовуар Симона де. Второй пол. 2021, 150].

Кейт Миллетт в «Политике сексуальности» утверждает, что гендерные роли — социальный конструкт, поддерживающий патриархат [Millet Katherine Murray. Sexual Politics. 2000]. Для того, чтобы добиться радикальных изменений в обществе необходимо разрушить традиционные представления о браке, сексуальности и гендерных ролях. С ее точки зрения именно институт семьи поддерживает социальные иерархии, где женщины часто оказываются в подчинённом положении, как в экономическом, так и в сексуальном плане.

Шуламит Файерстоун связывает угнетение женщин с их репродуктивной ролью. В своей книге «Диалектика пола» она утверждает, что корни угнетения женщин находятся в их

биологической роли как детородящих, что технологии могут освободить женщин от этой роли, например, с помощью искусственного воспроизводства и ухода за детьми [Firestone Shulamith. *The Dialectic of Sex: The Case for Feminist Revolution*. 1972]. Традиционная семья должна быть заменена коллективным воспитанием детей для уничтожения патриархата. Роземари Тонг и Тина Ботте пишут, что «отдельные мужчины не являются главными угнетателями женщин. Напротив, главным врагом женщин является патриархальная система, продукт столетий мужской привилегии, приоритета и прерогативы» [Tong Rosemary, Fernandes Tina. *Feminist thought: a more comprehensive introduction*. 2017, p. 66]. Также представительница либерального и культурного феминизма Эльштайн Джин Беске критикует Файерстоун и других радикально-культурных феминисток за их идею, что мужчина коррумпирован, виновен, а женщина чиста и невиновна [Elshtain Jean Bethke. *Trips and Other Journeys: Essays in Feminism as Civic Discourse*. 1990]. Только лишь принадлежность к женскому полу не означает, что она лучше мужчины. Необходимо учитывать личные качества и историю человека. А формула «мужчина над женщиной, женщина для мужчины» утратила значение. Что касается материнства, Эльштайн утверждает, что оно имеет больше положительных сторон, нежели негативных. [Tong Rosemary, Fernandes Tina. *Feminist thought: a more comprehensive introduction*. 2017, pp. 67-68].

Люси Иригарэ [Irigaray Luce. *Democracy Between Two*. 2000] и Джулия Кристева [Кристева Ю., Соллерс Ф. *Брак как произведение искусства*. 2021], под влиянием Жака Лакана [Лакан Ж. *Функция и поле речи и языка в психоанализе*. 1995] обращают внимание на символический порядок языка, который оказывает решающее влияние на изменение конечной цели общества. «Поэтому в той степени, в которой язык может быть изменен, может быть изменена и судьба» [Tong Rosemary, Fernandes Tina. *Feminist thought: a more comprehensive introduction*. 2017, p. 171]. Так, «из-за своей анатомии девочка не может полностью идентифицировать себя со своим отцом в психосексуальной драме. Она также не может полностью неидентифицировать себя со своей матерью. Результатом становится исключение девочки из символического порядка» [Tong Rosemary, Fernandes Tina. *Feminist thought: a more comprehensive introduction*. 2017, p. 172]. Получается, что женщины, с одной стороны исключены, а с другой стороны, подавлены внутри

символического порядка. Они принуждаются к нему против своей воли [Tong Rosemary, Fernandes Tina. *Feminist thought: a more comprehensive introduction*. 2017, p. 173]. Навязывание происходит через язык. «Женщинам даны те же слова, что и мужчинам: мужские слова. Однако эти слова не могут выразить то, что чувствуют женщины; мужские слова могут выразить только то, что, по мнению мужчин, чувствуют женщины. Не имея женских слов, женщины должны либо лепетать вне Символического порядка, либо молчать внутри него» [Tong Rosemary, Fernandes Tina. *Feminist thought: a more comprehensive introduction*. 2017, p. 173].

Карен Дж. Уоррен, одна из ведущих экофеминисток, отмечает, что патриархальная культура рассматривает женщин и природу как ресурсы для контроля и эксплуатации, используя метафоры, такие как «мать-земля», для маргинализации женщин [Warren Karen. *Ecofeminist Philosophy: A Western Perspective on what it is and why it Matters*. 2000]. Ассоциация женщины с «мать-земля» легко перерастает для описания женщин в животных терминах, как: «коровы, лисы, цыплята, змеи, суки, бобры, старые летучие мыши, кошечки, кошки, птичьи мозги, заячьи мозги» [Tong Rosemary, Fernandes Tina. *Feminist thought: a more comprehensive introduction*. 2017, p. 205]. Уоррен считает, что эксплуатация природы и угнетение женщин коренятся в одном и том же дуалистическом мышлении, противопоставляющем «мужское» и «женское», «культуру» и «природу». Такой «Иерархический, дуалистический и репрессивный образ мышления патриархата нанес вред как женщинам, так и природе... Действительно, поскольку женщины были «натурализованы», а природа была «феминизирована», трудно понять, где заканчивается угнетение одной и начинается угнетение другой» [Tong Rosemary, Fernandes Tina. *Feminist thought: a more comprehensive introduction*. 2017, p. 206]. Уоррен критикует западную философскую традицию за дуалистическое мышление (например, разум против эмоций, человек против природы), которое создает иерархии, где одно из начал считается «высшим». Такое мышление приводит к оправданию доминирования, где мужчины ассоциируются с разумом и культурой, а женщины и природа — с эмоциями и хаосом. «Аналогично, природа феминизируется, когда «она» насиливается, овладевается, покоряется, контролируется, проникается, подчиняется и добывается мужчиной. Если мужчина — господин природы, если ему дано господство над ней, то он

имеет контроль не только над природой, но и над человеческим аналогом природы, женщиной. Что бы мужчина ни делал с природой, он может делать и с женщиной» [Tong Rosemary, Fernandes Tina. *Feminist thought: a more comprehensive introduction*. 2017, p. 206].

Люси Иригарэ считает, что «психика никогда не бывает бисексуальной, а всегда либо мужской/мужественной, либо женской/женственной» [Tong Rosemary, Fernandes Tina. *Feminist thought: a more comprehensive introduction*. 2017, p. 174]. Поэтому, «Женская сексуальность — это не отражение мужской сексуальности, а недостаток мужской сексуальности. Если женщина не отражает мужчину, она вообще не существует, и никогда не будет существовать, пока существует Эдипов комплекс. Поиск нейтральности не имеет никакого смысла. Так ничего в реальности не может быть нейтральным» [Tong Rosemary, Fernandes Tina. *Feminist thought: a more comprehensive introduction*. 2017, p. 175]. Поэтому женщины должны создавать особую, отличную от мужской, женскую сексуальность [Tong Rosemary, Fernandes Tina. *Feminist thought: a more comprehensive introduction*. 2017, p. 179].

Феминизм, ориентированный на заботе, критикует глобальные экономические структуры, эксплуатирующие труд мигрантов и женщин. Он акцентирует внимание на справедливом распределении заботы, уважении к работникам социальных служб и необходимости практических действий в социальной политике, семье, образовании и медицине.

В целом, как считает де Бовуар, современное общество не поддерживает независимость женщины, которую ей может дать производительный труд. Женщина, стремящаяся к независимости, разрывается между профессиональными интересами и обязанностями жены. Также, из-за нехватки детских учреждений, рождение ребёнка парализует её активную деятельность [Бовуар Симона де. *Второй пол*, 2021, с. 881]. В то же время, образование, общественная активность, работа, любой труд, занятия спортом улучшают здоровье женщины и повышают ее самооценку, так как у таких женщин нет времени заниматься своей инаковостью или доказывать кому-либо, что она достойна быть человеком [8, с. 882]. Она пишет, что среди женщин много талантливых, но нет гениальных, так как женщина еще неспособна выйти за рамки мышления только лишь о собственном существовании, о благе для

себя, своих детей и своей семьи. «Здесь, как и в учебе, женщинам не хватает непринужденности, вдохновения и смелости» [Бовуар Симона де. Второй пол, 2021, с. 887].

К сожалению, женщина еще не доросла до идеи служения человечеству. Именно в этом де Бовуар видит главное поражение современной женщины. Она продолжает оставаться «Другой» [Бовуар Симона де. Второй пол, 2021, с. 898]. «До настоящего времени воплощением человека всегда был мужчина, а не женщина. Дело в том, что люди, которые представляются нам выдающимися, те, которых мы называем гениями, связывают свое особое существование с судьбой всего человечества» [Бовуар Симона де. Второй пол, 2021, с. 900]. Бовуар с горечью заключает, что «Бесспорно одно: до сих пор способности женщины подавлялись и поэтому были потеряны для человечества. Давно пора, как в ее личных, так и в общественных интересах, предоставить ей возможность для самореализации» [Бовуар Симона де. Второй пол, 2021, с. 902]. Однако, этого не произойдет пока сама женщина не осознает данный факт.

Исламская концепция женщины и ее прав

В противоположность марксизму-ленинизму и многим феминистическим теориям ислам видит в женщине оплот религиозности, которая через семью и детей должна сохранить мужскую честь и уникальность ислама как религии. Особенностью такого восприятия женщины является исламское сознание и право. Хотя ислам признает формальное равенство мужчин и женщин, «в Коране отчетливо проводится мысль о разном статусе мужчины и женщины... Подчеркивается вполне определенное превосходство мужчин, которое отличает отношения между супругами» [Сюкияйнен Л.Р. Ислам и права человека в диалоге культур и религий. 2014, с. 23-24]. Сюкияйнен также объясняет, что шариат предусматривает некоторые ограничения прав женщин на образование, карьеру и свободу перемещения, так как это может негативно сказаться на выполнении ею брачно-семейных обязательств и связывает такие ограничения не с правами женщин, а с особенностью исламской культуры. «Очевиден вывод о том, что исламская концепция прав женщины заметно расходится с положениями современных международно-правовых документов по правам человека, не совпадает с традициями других правовых и религиозных культур» [Сюкияйнен Л.Р. Ислам и права человека в

диалоге культур и религий. 2014, с. 25].

Большинство мусульманских правоведов считают это особенностью мусульманского права, которая неизбежна из-за биологических различий и социальной роли женщины как матери и жены. «Шариат исходит не из равенства прав, а из равных возможностей мужчины и женщины обладать своими правами... каждому – женщине и мужчине – полагается свое, каждому принадлежит своя доля. В частности, свои права и обязанности в семейных отношениях» [Сюкияйнен Л.Р. Ислам и права человека в диалоге культур и религий. 2014, с. 25]. Более того, в исламе интересы Уммы важнее интересов отдельного индивида. Общественное благо превалирует над индивидуальным, а религиозная составляющая права является главной. Н.В. Жданов отмечает: «дискриминация женщины, или неравенство по признаку пола, является традиционной отличительной чертой исламской концепции прав человека» [Жданов Н.В. Исламская концепция миропорядка. 2003, с. 356].

Существует много отличий между европейским и исламским пониманием прав женщин. Среди них необходимость для женщины носить хиджаб, никаб, или бурку. Ношение хиджаба в исламе – это не только личный выбор женщины, но ее обязательство перед своей религией и исламской общиной. Во многих европейских странах «сложилась традиция воспринимать мусульманскую одежду, практически полностью скрывающую женщину, как символ ее подчиненного положения и ограничения ее свободы, а значит – неравноправия с мужчиной» [Сюкияйнен Л.Р. Ислам и права человека в диалоге культур и религий. 2014, с. 67]. В исламе хиджаб воспринимается как шариатская обязанность мусульманки и важнейшая сторона «ее поведения и подчинения предписаниям своей религии» [Сюкияйнен Л.Р. Ислам и права человека в диалоге культур и религий. 2014, с. 70].

В целом, права женщин в исламе определены религиозной составляющей и соответствующей социально-нормативной культурой. Поэтому ислам и патриархат неразрывны, где «гегемонистическая» конструкция гендера определяет самосознание мусульманской женщины как вторичной, выполняющей основную миссию быть матерью и женой.

Мишеле Коммерсио в своей книге «Полигамия среди кыргызов» очень ярко показала, как этот многотысячелетний закон

проявляется в сознании кыргызских мужчин и женщин сегодня [Commercio Michele E. Polygynous Marriages Among the Kyrgyz: Institutional Change and Endurance. 2022]. И несмотря на светскость кыргызского государства, ислам продолжает институционализировать исламские семейно-брачные отношения и полигамию. Возвращение женщине ее биологического начала, ее ценность как «деторождающей», становится основным источником дискриминации ее прав быть самостоятельной, независимой личностью.

Полевые исследования автора статьи показали, что патриархальное мышление мужчин закрывает путь к образованию их жен. Достижение женщиной социально-экономической независимости через образование и социальную активность противоречит их пониманию жестко установленных Аллахом гендерных ролей [Сейталиева Г.А. Трансформация мировоззрения и понимания прав женщин в исламском образовании. 2021].

Заключение

В условиях возврата патриархата и соответствующих гендерных стереотипов существует необходимость изменения системы образования Кыргызской Республики, которое продвигало бы гендерно ориентированное образование и акцентировало бы выбор девочками своей профессии не в соответствии со сложившимися стереотипами, а в соответствии со способностями девушек. Качественное, профессиональное, доступное для девочек и женщин образование, создаст новые возможности для их самореализации, социально-экономической независимости. Это станет основой повышения ее самооценки и самоуважения. Повысит ее активность во всех сферах жизнедеятельности и принесет существенный вклад в процветание Кыргызстана.

Гендерная оценка Центрально-Азиатского регионального экономического сотрудничества (ЦАРЭС) показала, если женщины Европы и Центральной Азии смогут стать такой же производительной силой, как и мужчины, они внесут в мировую экономику 1,1 триллиона долларов США [Гендерная оценка по стране. Кыргызская Республика. 2005].

Блестящий опыт эмансипации женщины-мусульманки советской властью показал, насколько важны законодательная и институциональная поддержка женщин. В этом плане, Кыргызстан принял множество важных законов: «О государственных гарантиях равных прав и возможностей для мужчин и женщин» (2008), ряд

важных нормативных актов, поощряющих гендерное равенство в различных областях в течение 2014-2019 годов. Всесторонней реализации прав женщин посвящены: «Национальная стратегия достижений гендерного равенства до 2020 года» (2012); государственная программа «Национальный план действий по достижению гендерного равенства на 2022-2024 годы». Прогрессивным шагом в реализации прав женщин в Кыргызстане является присоединение к международной программе «Цели устойчивого развития» (ЦУР, 2015).

Очень важным является достижение ЦУР-4. Он связан с обеспечением всеохватывающего и справедливого качественного образования и поощрения возможности обучения на протяжении всей жизни для каждого. Среди задач этого ЦУР обозначены: 1) обеспечить бесплатное и качественное образование девочкам и мальчикам до окончания школы к 2030 году; 2) гарантировать всем девочкам и мальчикам доступ к дошкольному образованию для подготовки к школе; 3) обеспечить всех женщин и мужчин равным доступом к профессиональному и высшему образованию; 4) увеличить число людей с востребованными навыками для работы и бизнеса; 5) устранить гендерное и социальное неравенство в доступе к образованию; 6) гарантировать базовые навыки чтения, письма и счета для всех; 7) обучать устойчивому развитию, правам человека и культурному разнообразию; 8) создавать безопасные и инклюзивные учебные заведения; 9) расширить стипендиальные программы для развивающихся стран; 10) увеличить число квалифицированных учителей через международное сотрудничество [Кыргызстан ЦУР, с. 58]. Необходимо отметить, что все цели программы ЦУР гендерно ориентированы. Достижение этих целей существенно снизит дискриминацию женщин в Кыргызстане.

В то же время, постоянная политическая нестабильность в Кыргызстане несет в себе опасность замены светского характера кыргызской государственности на исламское. Учитывая стабильную и регулярную роль пятничных молитв в 3500 мечетях Кыргызстана и пропаганду шариатских принципов, угроза превращения Кыргызстана в исламское государство имеет все основания. Это, в свою очередь, означает укрепление патриархальности в сознании мужчин и женщин и дальнейшее усугубление проблем дискриминации прав женщин. Поэтому сохранение светского конституционализма в Кыргызстане является главным условием

достижения гендерного равноправия и возможности искоренения дискриминации прав женщин через систему образования и приобретения ею социально-экономической и политической свободы.

Цитируемая литература:

Литература:

1. Ажибекова К.А., Тогусаков О.А., Брусиловский Д.А. Коррелятивная взаимосвязь культуры и цивилизации: методологические аспекты // Общество: философия, история, культура. Краснодар, 2017. №3, с. 9-16.

2. Айдаралиев А.А. О современных моделях правопорядка. Известия НАН КР. 2022, №2, с. 228-233

3. Алымкулов М.С., Карабукаев К.Ш., Исаева М.Т. Социокультурные трансформации общества в условиях глобализации //Известия НАН КР, 2023, No 5, с. 160-164. <https://ilim.nasr.kg/index.php/main/article/view/408/326>

4. Бектурганова К.А. Историческая роль женщины в социально-экономической и культурной жизни Кыргызстана (XX век). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Бишкек 2009.

5. Бильшай В.Л. Решение женского вопроса в СССР. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. - 264 с.

6. Бовуар Симона де. Второй пол / Симона де Бовуар; пер. с фр. И. Малаховой, Е. Орловой, А. Сабашниковой. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. – 928 с.

7. Брусиловский Д.А. Реализация межкультурных возможностей диалога Запада и Востока в межрелигиозной сфере. Вестник АГТУ, 2016, №1 (61), с. 51-58.

8. Гендерная оценка по стране. Кыргызская Республика. 2005 Азиатский банк развития

9. Жданов Н.В. Исламская концепция миропорядка. – М.: Междунар. отношения. 2003. – 354 с.

10.Ибраев К.Ш. Аксиология современной системы образования //Вестник Международного Университета Кыргызстана. №3 (51), 2023, с. 173-178.

11.Карабукаев К., Козубаев О. Духовно-нравственные ценности общества – основа развития страны // Научные исследования в

Кыргызской Республике, No1, 2023, с. 58-64.

12. Керимбаева А.Ш. Автореферат на соискание кандидата юридических наук, «Роль советского права в раскрепощении женщин Киргизии: 1917-1936 гг.», 1984.

13. Козубаев О. Традиционная культура кыргызов: онтологический обзор // Известия НАН КР, 2022, №3, с. 182-186.

14. Козубаев О., Бекбоев А. А. К вопросу об онтологии понятия «самоидентификация» (на примере современного Кыргызстана) // Научные исследования в Кыргызской Республике, No1, 2023, с. 64-72.

15. Кристева Ю., Соллерс Ф. Брак как произведение искусства. Издательство: Рипол Классик. 2021. – 192 с.

16. Кулуйпа Кондучалова /Составление и литературная запись Е.С. Лузановой. Б.: Манасартдизайн, 2010. – 204 с.

17. Кыргызстан ЦУР: [Статистика ЦУР в КР.pdf](#)

18. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. — М.: Гнозис, 1995.

19. Леви-Строс К. Структурная антропология / Пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. — М.: Академический Проект, 2008. 555 с. (Философские технологии: антропология)

20. Ленин В.И. Соч., т. 20, т. 33. М.: Политиздат, 1963

21. Малиновский Б. Магия, наука и религия. М.: «Рефл-бук», 1998. – 290 с.

22. Маркс К., Энгельс Ф. Изб. Госполитиздат, 1955

23. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения, в 2-х тт. М.: 1955, т. II.

24. Маркс К. Капитал, т. I, 1955.

25. Саралаев Н.К., Салморбекова Р.Б., Ибраев М.Э. Социальное партнерство органов государственной власти с религиозными организациями // Социальная политика и социальное партнерство, №6 (18), 2023, с. 347-352.

26. Сейталиева Г.А. Трансформация мировоззрения и понимания прав женщин в исламском образовании. IPR Media. Москва 2021 г. Монография, 180 стр.

27. Стамова Р.Д. Трансформация кыргызского национализма в составе России // Известия НАН КР, 2023, №5, с. 118-124.

28. Сюкияйнен Л.Р. Ислам и права человека в диалоге культур и религий. М.: ООО «Садра», 2014. - 212 с.

29. Тищенко В.В. Правовое положение женщины в Бухарском

Эмирате // Таджикский Государственный Университет. Ученые записки, т. XI. Труды юридического факультета, выпуск No4. – Сталинабад, 1956.

30. Урманбетова Ж.К., Абдрасулов С.М. Истоки и тенденции развития кыргызской культуры. Бишкек: Илим, 2009. – 188 с.

31. Энгельс Фридрих. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Москва: Издательство АСТ, 2019.

32. Commercio Michele E. Polygynous Marriages Among the Kyrgyz: Institutional Change and Endurance. Central Eurasia in Context Series. Douglas Northrop, Editor. University of Pittsburg Press 2022. – 284 p.

33. Elshtain Jean Bethke. Trips and Other Journeys: Essays in Feminism as Civic Discourse. University of Wisconsin Press. 1990.

34. Firestone Shulamith. The Dialectic of Sex: The Case for Feminist Revolution. Bantam Books Inc. USA, 1972. – 247 p.

35. Irigaray Luce. Democracy Between Two. Translated by Kirsteen Anderson. The Athlone Press London, 2000. – 227 p.

36. Millett Katherine Murray. Sexual Politics. University of Illinois Press 2000.

37. Tong Rosemary, Fernandes Tina. Feminist thought: a more comprehensive introduction. Fifth edition. Boulder, CO: Westview Press, 2017. P. 417.

38. Warren Karen. Ecofeminist Philosophy: A Western Perspective on what it is and why it Matters. Rowman & Littlefield, 2000. – 253 p.

References:

1. Azhibekova K.A., Togusakov O.A., Brusilovskiy D.A. Korrelativnaya vzaimosvyaz' kultury i tsivilizatsii: metodologicheskie aspekty // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kultura. Krasnodar, 2017. No. 3, s. 9–16.

2. Aydaraliev A.A. O sovremennykh modelyakh pravoporyadka // Izvesti NAN KR. 2022, No. 2, s. 228–233.

3. Alymkulov M.S., Karabukaev K.Sh., Isaeva M.T. Sotsiokul'turnye transformatsii obshchestva v usloviyakh globalizatsii // Izvestiya NAN KR, 2023, No. 5, s. 160–164. <https://ilim.naskr.kg/index.php/main/article/view/408/326>

4. Bekturganova K.A. Istoricheskaya rol' zhenshchiny v sotsial'no-ekonomicheskoy i kul'turnoy zhizni Kyrgyzstana (XX vek). Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk.

Bishkek, 2009.

5. Bil'shay V.L. Reshenie zhenskogo voprosa v SSSR. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1959. – 264 s.

6. Bovuar Simona de. Vtoroy pol / Simona de Bovuar; per. s fr. I. Malakhovoy, E. Orlovoy, A. Sabashnikovoy. – SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2021. – 928 s.

7. Brusilovskiy D.A. Realizatsiya mezhkul'turnykh vozmozhnostey dialoga Zapada i Vostoka v mezhreligioznoy sfere // Vestnik AGTU, 2016, No. 1 (61), s. 51–58.

8. Gendernaya otsenka po strane. Kyrgyzskaya Respublika. 2005. Aziatskiy bank razvitiya.

9. Zhdanov N.V. Islamskaya kontseptsiya miroporyadka. – M.: Mezhdunar. otnosheniya, 2003. – 354 s.

10. Ibraev K.Sh. Aksiologiya sovremennoy sistemy obrazovaniya // Vestnik Mezhdunarodnogo Universiteta Kyrgyzstana. No. 3 (51), 2023, s. 173–178.

11. Karabukaev K., Kozubaev O. Dukhovno-nravstvennyye tsennosti obshchestva – osnova razvitiya strany // Nauchnye issledovaniya v Kyrgyzskoy Respublike, No. 1, 2023, s. 58–64.

12. Kerimbaeva A.Sh. Avtoreferat na soiskanie kandidata yuridicheskikh nauk. "Rol' sovetskogo prava v raskrepo'shchenii zhenshchin Kirgizii: 1917–1936 gg.", 1984.

13. Kozubaev O. Traditsionnaya kultura kyrgyzov: ontologicheskiy obzor // Izvestiya NAN KR, 2022, No. 3, s. 182–186.

14. Kozubaev O., Bekboev A.A. K voprosu ob ontologii ponyatiya "samoidentifikatsiya" (na primere sovremennoy Kyrgyzstana) // Nauchnye issledovaniya v Kyrgyzskoy Respublike, No. 1, 2023, s. 64–72.

15. Kristeva Yu., Sollers F. Brak kak proizvedenie iskusstva. Izd-vo: Ripol Klassik, 2021. – 192 s.

16. Kuluypa Konduchalova / Sostavlenie i literaturnaya zapiska E.S. Luzanovoy. B.: Manasartdizayn, 2010. – 204 s.

17. Kyrgyzstan TsUR: Statistika TsUR v KR.pdf

18. Lakan Zh. Funktsiya i pole rechi i yazyka v psikhoanalize. — M.: Gnozis, 1995.

19. Levi-Stros K. Strukturnaya antropologiya / Per. s fr. Vyach.Vs. Ivanova. – M.: Akademicheskiiy Proekt, 2008. – 555 s. (Filosofskie tekhnologii: antropologiya)

20. Lenin V.I. Soch., t. 20, t. 33. M.: Politizdat, 1963.

21. Malinovskiy B. Magiya, nauka i religii. M.: Refl-buk, 1998. – 290 s.
22. Marx K., Engels F. Izb. Gospolitizdat, 1955.
23. Marx K., Engels F. Izbrannye proizvedeniya v 2-kh tt. M.: 1955, t. II.
24. Marx K. Kapital, t. I, 1955.
25. Saralaev N.K., Salmorbekova R.B., Ibraev M.E. Sotsial'noe partnerstvo organov gosudarstvennoy vlasti s religioznymi organizatsiyami // Sotsial'naya politika i sotsial'noe partnerstvo, No. 6 (18), 2023, s. 347–352.
26. Seitalieva G.A. Transformatsiya mirovozzreniya i ponimaniya prav zhenshchin v islamskom obrazovanii. IPR Media. Moskva, 2021. Monografiya, 180 str.
27. Stamova R.D. Transformatsiya kyrgyzskogo natsionalizma v sostave Rossii // Izvestiya NAN KR, 2023, No. 5, s. 118–124.
28. Syukiyaynen L.R. Islam i prava cheloveka v dialogue kul'tur i religiy. M.: OOO "Sadra", 2014. – 212 s.
29. Tishenko V.V. Pravovoe polozhenie zhenshchiny v Bukharskom Emirate // Tadzhijskiy Gosudarstvennyy Universitet. Uchenye zapiski, t. XI. Trudy yuridicheskogo fakulteta, vypusk No. 4. – Stalinabad, 1956.
30. Urmanbetova Zh.K., Abdrasulov S.M. Istoki i tendentsii razvitiya kyrgyzskoy kultury. Bishkek: Ilim, 2009. – 188 s.
31. Engels Fridrich. Proiskhozhdenie sem'i, chastnoy sobstvennosti i gosudarstva. Moskva: Izdatel'stvo AST, 2019.
32. Commercio Michele E. Polygynous Marriages Among the Kyrgyz: Institutional Change and Endurance. Central Eurasia in Context Series. Douglas Northrop, Editor. University of Pittsburgh Press, 2022. – 284 p.
33. Elshtain Jean Bethke. Trips and Other Journeys: Essays in Feminism as Civic Discourse. University of Wisconsin Press, 1990.
34. Firestone Shulamith. The Dialectic of Sex: The Case for Feminist Revolution. Bantam Books Inc., USA, 1972. – 247 p.
35. Irigaray Luce. Democracy Between Two. Translated by Kirsteen Anderson. The Athlone Press, London, 2000. – 227 p.
36. Millett Katherine Murray. Sexual Politics. University of Illinois Press, 2000.
37. Tong Rosemary, Fernandes Tina. Feminist Thought: A More Comprehensive Introduction. Fifth edition. Boulder, CO: Westview Press, 2017. – 417 p.

38. Warren Karen. Ecofeminist Philosophy: A Western Perspective on What It Is and Why It Matters. Rowman & Littlefield, 2000. – 253 p.

UOT - 02.01.45,140

Tagı Kazım oğlu Bəşirov

AMEA FSI-nun "Məntiq"

şöbəsinin

aparıcı elmi işçisi,

dosent, fəlsəfə

üzrə fəlsəfə doktoru,

Azərbaycan, Bakı, H.Cavid pr-ti 115, AZ1073

E-mail: bashirovtagi@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2273-4609>

ELMDƏ SOSİALLAŞMA: ALBERT EİNSTEİN

Xülasə

Məqalənin məqsədi və vəzifələri. Məqalənin məqsədi elmdə sosiallaşma prosesini təhlil etməkdir. A. Eynşteynin həyat və yaradıcılığı nümunəsində dahi alimlərin sosiallaşmasına üstünlük verilir. Ümumi xüsusiyyətlərə baxmayaraq, dahilərin bir sıra vacib cəhətlərdə ictimailəşməsinin adi alimlərin sosiallaşmasından fərqli olduğu göstərilir. Bunun səbəbi, dahilərin insanların yaradıcılıq qabiliyyətlərinin inkişafında zirvələr olması, digərlərindən əhəmiyyətli dərəcədə fərqlənməsidir. Digər alimlərdən əhəmiyyətli fərqlərini dərk edən dahilər, təbii olaraq şəxsiyyətlərini və cəmiyyətdəki rollarını tanımaq üçün yüksək gözləntilərə sahibdirlər. Ancaq cəmiyyətin sosial və elmi inkişafının xüsusiyyətlərinə görə dahi insanların fəaliyyətini və nəticələrini vaxtında tanımaq və qiymətləndirmək həmişə mümkün olmur. Buna görə dahilərin sosiallaşması, cəmiyyət üçün həddindən artıq əhəmiyyətinə baxmayaraq, çox ziddiyyətli və birmənalı deyil. Sosiallaşma proseslərində bir çox amillərin – dünyagörüşü, sosial prosesləri dərk etmə dərinliyi, dəyər təlimatları, insanın psixoloji xüsusiyyətləri və digərlərinin həlledici rol oynadığı göstərilir. Mövcud elmi "mifologiya"nın "təhlilinə xüsusi diqqət yetirilir, bir çox stereotiplər və gerçəkliyə uyğun olmayan alimlərin fəaliyyəti və rolu barədə səthi mühakimələrlə doludur. Bunun ictimai

rəyin və ictimai şüurun xüsusiyyətlərinə görə baş verdiyi göstərilir. Müasir dünyada dahilərin obrazları müxtəlif sosial, siyasi, dini və digər maraqlara xidmət edən və buna görə də əhəmiyyətli sosial çevrilməyə məruz qalan bir növ "mem" olur. Nəticədə dahi insanların yaradıcılığı və həyatı haqqında reallıqdan uzaq fikirlərimiz var. Təqdim olunan material XX əsrin ən dahi və nüfuzlu alimlərindən biri olan A. Eynşteynin təmsalında açıqlanır

Mövzunun araşdırılma dərəcəsi: məqalədə təqdim olunan bibliografiyaya baxın.

Tədqiqat metodları və metodologiyası. Müqayisəli təhlil, tarixi və məntiqi yanaşmaların vəhdəti, ardıcılıq və integrativlik. Tətbiq olunan metodologiya bütün seçilmiş mövzular üçün ümumi metodoloji prinsipləri görməyə imkan verir. Metodologiya baxımından anlayış və tədris bütün komponentləri.

Tədqiqatın yeniliyi. İlk dəfə A. Eynşteynin həyat və yaradıcılığı sosiallaşma problemləri işığında təhlil edilir. Tədqiqat əsasında göstərilir ki, dahilərin sosiallaşması, ümumi xüsusiyyətlərə baxmayaraq, adi alimlərin sosiallaşmasından əhəmiyyətli dərəcədə fərqlənir. Dahilərin təsir dərəcəsi və gözləntilərin səviyyəsi onlarla əlaqəli bir çox tədqiqatçı şışirdilmiş fəaliyyət tələbləri və dedikləri ifadələrlə uyğun gəlir. Məqalədə bu və ya digər hərəkətin edildiyi və ya bu və ya digər ifadənin ifadə olduğu kontekst və emosional vəziyyət nəzərə alınmadan onların düzgün qiymətləndirilməsinin mümkün olmadığı fikri vurğulanır. Dahilərin hərəkətləri və ifadələri çox vaxt mütləq və əsaslı düşünülmüş bir şey kimi qəbul edilir. Bu vaxt dahilər, adi insanlar kimi, sosiallaşmanın müəyyən mərhələlərindən keçirlər, tez-tez fikirlərini və mühakimələrini dəyişirlər. Buna görə müəyyən bir dahinin fəaliyyətinə elmi, tənqidi və tarixi bir baxış lazımdır. Məqalədə göstərilir ki, müxtəlif amillərə görə dahilərin obrazları müəyyən sosial qrupların maraqları səbəbindən çox dəyişir və hətta əhəmiyyətli dərəcədə təhrif olunur. Buna görə, yalnız konkret faktlar və konkret hallar, yəni fəaliyyətlərinin bütün konteksti nəzərə alınmaqla onların real hərəkətlərinin hərtərəfli təhlili müəyyən bir dahinin həqiqi görüntüsünü verə bilər.

Nəticələr. Tədqiqat əsasında elmdə sosiallaşma probleminin hələ kifayət qədər inkişaf etmədiyi qənaətinə gəlinir. Müxtəlif dahilərin həyat və yaradıcılığına həsr olunmuş geniş ədəbiyyat olsa da, onların sosiallaşması problemi və bu prosesə təsir edən amillər yaxşı başa düşülməmişdir. İnsanların intellektual qabiliyyətlərinin inkişafında müəyyən zirvələr olan dahilərin həyatı ilə bağlı araşdırmalar yaradıcılıq

prosesinə təsir edən imkanları və şərtləri anlamağa kömək edir. Bu arada, ictimai şüurda həm həddindən artıq şişirtmə, həm də onların real imicinin mifologiyası, həm də müxtəlif amillər səbəbindən qəsdən təhrif müşahidə olunur. Əslində, onların yaradıcılıq və insan imkanlarını mümkün qədər real qiymətləndirmək lazımdır, çünki dahilərin cəmiyyətə, xüsusən də tədris və maarifləndirmə sahəsində təsiri çox böyükdür.

Açar sözlər: dahi, elm, sosiallaşma, yaradıcılıq, fizika, İdrak, İctimai Rəy, elmdəki miflər, stereotiplər, dünyagörüşü.

УДК – 02.01.45,140

Таги Кязим оглу Баширов

доктор философии по философии,
доцент, ведущий научный сотрудник
Отдела «Логика» ИФС НАНА

Азербайджан, Баку,

проспект Г. Джавида, 31

E-mail: bashirovtagi@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2273-4609>

СОЦИАЛИЗАЦИЯ В НАУКЕ: АЛЬБЕРТ ЭЙНШТЕЙН

Резюме

Цель и задачи статьи. Целью статьи является анализ процесса социализации в науке. Преимущественное внимание уделяется социализации гениальных ученых на примере жизни и творчества А.Эйнштейна. Показывается, что, несмотря на общие черты, социализация гениев в ряде важных аспектов отличается от социализации обычных ученых. Это объясняется тем, что гении, являясь вершинами в развитии творческих способностей людей, значительно отличаются от других. Понимая свое существенное отличие от других ученых, гении, естественно, имеют высокие ожидания по признанию их личности и роли в обществе. Однако, в силу особенностей социального и научного развития общества, не всегда удается своевременно распознать и оценить деятельность и результаты работы гениальных людей. Поэтому социализация гениев, несмотря на их крайнюю важность для общества носит весьма противоречивый и неоднозначный характер.

Показывается, что в процессах социализации определяющую

роль играет множество факторов – мировоззрение, глубина понимания общественных процессов, ценностные ориентиры, психологические особенности человека и другие.

Специальное внимание уделяется анализу существующей научной «мифологии», наполненной множеством стереотипов и поверхностных суждений о деятельности и роли ученых, не соответствующих реальности. Показывается, что подобное происходит вследствие особенностей общественного мнения и общественного сознания. В современном мире образы гениев становятся своеобразными «мемами», обслуживающими различные социальные, политические, религиозные и другие интересы, а потому подвергающиеся значительной социальной трансформации.

В результате мы имеем далекие от реальности представления о творчестве и жизни гениальных людей.

Излагаемый материал раскрывается на примере А. Эйнштейна, одного из самых гениальных и влиятельных ученых двадцатого столетия

Степень разработанности темы: см. Библиографию, представленную в статье.

Методы и методология исследования. Компаративный анализ, единство исторического и логического подходов, системность и интегративность. Применяемая методика позволяет усмотреть общие для всех избранных тем методологические принципы; в плане методологии - все составные части осмысления и преподавания.

Новизна исследования. Впервые дан анализ жизни и творчества А. Эйнштейна в свете проблем социализации. На основе проведенного исследования показывается, что социализация гениев, несмотря на общие черты, имеет существенное отличие от социализации обычных ученых. Степень влияния гениев и уровень ожиданий связанный с ними таков, что многие исследователи подходят с завышенными требованиями к деятельности и высказываемым ими утверждениям. В статье проводится мысль о том, что без учета контекста и эмоционального состояния при которых был совершен тот или иной поступок или высказано то или иное утверждение невозможна их правильная оценка. К действиям и высказываниям гениев часто относятся как к чему- то абсолютному и фундаментально продуманному. Между тем гении, как и обычные люди, проходят определенные этапы социализации, нередко меняя

свои взгляды и суждения. Поэтому необходим научно-критический и исторический взгляд на деятельность того или иного гения.

В статье показывается, что в силу различных факторов образы гениев сильно изменяются и даже существенно искажаются в связи с интересами тех или иных социальных групп. Поэтому только тщательный анализ их реальных действий с учетом конкретных фактов и конкретных обстоятельств, то есть всего контекста их деятельности, может дать действительный образ того или иного гения.

Выводы. На основе проведенного исследования делается вывод о том, что проблема социализации в науке еще недостаточно разработана. Хотя существует обширная литература, посвященная жизни и творчеству различных гениев, однако проблема их социализации и влияющие на этот процесс факторы недостаточно изучены. Исследования жизни гениев, являющихся определенными вершинами в развитии интеллектуальных способностей людей, помогают понять возможности и обстоятельства, влияющие на творческий процесс. Между тем, в общественном сознании наблюдается как излишнее преувеличение и мифологизация их реального образа, так и обусловленное различными факторами намеренное искажение. На деле же необходимо как можно более реально оценивать их творческие и человеческие возможности, поскольку влияние гениев на общество, особенно в сфере преподавания и просвещения, огромно.

Ключевые слова: гений, наука, социализация, творчество, физика, познание, общественное мнение, мифы в науке, стереотипы, мировоззрение.

UDC - 02.01.45, 140

Tagi Bashirov

PhD in Philosophy,

Associate Professor,

Logic Department of the IFS ANAS

Azerbaijan, Baku, G. Javid Ave, 31

E-mail: bashirovtagi@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2273-4609>

SOCIALIZATION IN SCIENCE: ALBERT EINSTEIN

Abstract

The purpose and objectives of the article. The purpose of the article is to analyze the process of socialization in science. Special attention is paid to the socialization of brilliant scientists based on the example of the life and work of A. Einstein. It is shown that, despite the common features, the socialization of geniuses differs in a number of important aspects from the socialization of ordinary scientists. This is because geniuses, being the pinnacles in the development of people's creative abilities, differ significantly from others. Realizing their significant difference from other scientists, geniuses naturally have high expectations for recognition of their personality and role in society. However, due to the peculiarities of the social and scientific development of society, it is not always possible to recognize and evaluate the activities and work results of brilliant people in a timely manner. Therefore, the socialization of geniuses, despite their extreme importance to society, is very controversial and ambiguous.

It is shown that many factors play a decisive role in the processes of socialization – worldview, depth of understanding of social processes, value orientations, psychological characteristics of a person, and others. Special attention is paid to the analysis of the existing scientific "mythology", filled with many stereotypes and superficial judgments about the activities and roles of scientists that do not correspond to reality. It is shown that this happens due to the peculiarities of public opinion and public consciousness. In the modern world, the images of geniuses are becoming peculiar "memes" serving various social, political, religious and other interests, and therefore undergoing significant social transformation. As a result, we have far-from-reality ideas about the work and life of brilliant people. The material presented is based on the example of A. Einstein, one of the most brilliant and influential scientists of the twentieth century.

The degree of development of the topic: see the bibliography provided in the article.

Research methods and methodology: comparative analysis, unity of historical and logical approaches, consistency and integrativity.

The methodology used allows us to identify methodological principles common to all selected topics, in terms of methodology, all the components of comprehension and teaching.

The novelty of the research. For the first time, the article provides

an analysis of the life and work of A. Einstein in the light of the problems of socialization. Based on the conducted research, it is shown that the socialization of geniuses, despite the common features, has a significant difference from the socialization of ordinary scientists. The degree of influence of geniuses and the level of expectations associated with them is such that many researchers approach with exaggerated demands on activities and statements they make. The article suggests that without taking into account the context and emotional state in which a particular action was committed or a particular statement was made, their correct assessment is impossible. The actions and statements of geniuses are often treated as something absolute and fundamentally thought out. Meanwhile, geniuses, like ordinary people, go through certain stages of socialization, often changing their views and judgments. Therefore, a scientific, critical and historical view of the work of a particular genius is necessary. The article shows that due to various factors, the images of geniuses change greatly and even significantly distorted in connection with the interests of certain social groups. Therefore, only a thorough analysis of their actual actions, taking into account specific facts and specific circumstances, that is, the entire context of their activities, can give a real image of a particular genius.

Conclusions. Based on the conducted research, it is concluded that the problem of socialization in science has not yet been sufficiently developed. Although there is an extensive literature devoted to the life and work of various geniuses, however, the problem of their socialization and the factors influencing this process have not been sufficiently studied. Research on the lives of geniuses, who are certain peaks in the development of people's intellectual abilities, helps to understand the opportunities and circumstances that influence the creative process. Meanwhile, there is excessive exaggeration and mythologization of their real image in the public consciousness, as well as deliberate distortion due to various factors. In fact, it is necessary to assess their creative and human capabilities as realistically as possible, since the influence of geniuses on society, especially in the field of teaching and enlightenment, is enormous.

Keywords: genius, science, socialization, creativity, physics, cognition, public opinion, myths in science, stereotypes, worldview.

Лучшие и наиболее убедительные достижения в развитии общества принадлежат гениальным людям. Именно на их примерах можно оценить на что способно человечество, как далеко оно продвинулось на пути к гармонии и совершенству.

Творческая жизнь гениев, являющихся своеобразными вершинами, сингулярностями человеческой природы, свидетельствует о невероятных возможностях людей. Их достижения вызывают чувство гордости, усиливают веру в осмысленность жизни. Ведь смысл жизни обычно связывают с созидательной деятельностью, преодолением несовершенства человеческой природы, преобразованием мира и улучшением жизни людей. Действительно, какой смысл может быть в мире, без существенных продвижений, - мире полном глупостей, агрессии и жестокости?

Однако, наряду с возвышающим чувством гордости за достижения гениальных людей, их реальная жизнь показывает нам и все несовершенство человека как такого. Во всем, что не касается их собственной деятельности, гении остаются обычными людьми, с присущими всем слабостями и недостатками. Очевидно, что гениальность в чем - либо не гарантирует гениальности и совершенства в других аспектах жизни. Хотя нам хочется верить, что гениальность несовместима со злом, но реальность показывает, что ряд гениев не являются образцами нравственного поведения. И сегодня актуальна проблема совместимости гениальности и злодейства. Ведь если гений не способен понять недопустимость и разрушительность зла, то что требовать от других?

Достаточно распространена также точка зрения, что среди гениев немало людей со странностями и психическими отклонениями. Если, к гениальности примешивается некая болезненность и нездоровое поведение, то в этическом плане они не могут быть образцами поведения. Гениальность, как следствие психических отклонений, не совсем то, что нам нужно. Однако, насколько верны подобные стереотипы?

Действительно, какой - то процент гениев страдал от тех или иных психических болезней, но вряд ли их доля была существенно выше обычной. Безусловно, напряженный интеллектуальный труд может способствовать психическим сбоям и болезням. Не исключается также, что дети людей, занимающихся интенсивным

умственным трудом, более предрасположены к различным нервным и психическим заболеваниям, нежели дети людей физического труда, но думается, что это весьма незначительное отклонение от нормы. Скорее всего, многих гениев сочли не совсем нормальными, просто потому, что их поведение и деятельность часто шли в разрез с господствующим мировоззрением, принятыми установками и обычаями. Ведь гении новаторы, кардинально, меняющие принятые представления и исследовательские подходы, что не может не расцениваться обычными людьми, как некое отклонение, ненормальность и экстравагантность. Их поведение, идеи и представления могут показаться странными и даже безумными с точки зрения стандартных подходов и представлений. Отсюда и передаваемые из поколения в поколение рассказы о причудах и чудачествах гениальных людей.

Во многих отношениях проблемы социализации обычных и гениальных людей схожи. Во всех них существенную роль играют мировоззрение, степень понимания реальности, принятые ценности и этические нормы, личностные черты, темперамент, характер и многое другое. Вместе с тем социализация гениев, в силу незаурядности их талантов, безусловно имеет специфику. Гений не может не выделяться в среде обычных, пусть даже и весьма образованных и способных людей. Поскольку, гении являются маргиналами, хотя бы в сфере своей деятельности, их социализация, наряду с общечеловеческими чертами, должна иметь и свои особенности.

Творческая деятельность гениев является объектом пристального внимания и изучения. Их жизнь отражена во множестве монографий и статей. При этом мы сталкиваемся и с недопустимыми для серьезных работ искажениями и вымыслами. В искажении реального образа гениев сказывается естественное стремление людей к приукрашиванию, идеализации и мифологизации. Срабатывают так же, присущие общественному мнению, особенности и принципы распространения информации. Свой вклад вносит и механизм распространения слухов в общественном сознании, когда информация приукрашивается, стилизуется, изменяется в соответствии с теми или иными целями и интересами и т.д. В итоге мы получаем, не имеющие под собой реального основания, устойчивые стереотипы.

Подобные стереотипы, искаженные образы и представления

заполнили информационное пространство. В наше время отделить правду от лжи является весьма непростым делом. В дополнение к вышесказанному, образы гениев стали своеобразными «мемами», обслуживающими потребности массовой культуры и бизнеса.

Если учесть, что жизнь гениальных личностей являются еще и предметом споров и притязаний со стороны различных националистически и ксенофобски настроенных групп, то можно не удивляться тому, насколько сильно искажается реальный образ того или иного гения. Идет настоящая культурно-идеологическая борьба за выявление их этнического происхождения, религиозной принадлежности, политической ориентации и т.д. Цели весьма разные – превознесение исключительности своего народа, принижение вклада и очернение других, для подтверждения своей правоты, - не обходится, конечно, без обычных для людей чувств зависти, ревности и т.д.

И образ Эйнштейна не избежал «культурной трансформации» - создано множество мемов, связанных с ним, его образ используется в рекламе, его поведение, стилистика мысли, манера одеваться, прическа и т.д. стали частью научного фольклера. Сегодня происходит своеобразная социализация и культурная трансформация образа Эйнштейна – его изменение в соответствии с интересами тех или иных социальных групп и этнических сообществ. Националисты и антисемиты до сих пор не оставляют попыток принизить его достижения и представить аморальным и бесчувственным человеком. Нередко его мысли и действия намеренно вырываются из контекста или просто искажаются. Имеет место и обратное – идеализация его образа, чрезмерное преувеличение значимости его дел и высказываний.

Для объективной оценки жизни и деятельности Эйнштейна необходимо учитывать особенности его мировоззрения, разделяемые им установки и базовые ценности. Отличительными чертами его мировоззрения являются демократизм, гуманизм, научность, рационализм, универсальность и космополитизм. У Эйнштейна рано сформировалось аналитическое мышление и основанное на нем научное мировоззрение. Будучи физиком - теоретиком, пытающимся понять наиболее общие и фундаментальные законы строения и функционирования Вселенной, он все процессы и события рассматривал в наиболее широком универсальном контексте. Как разделяющий ценности гуманизма и

демократии и равнодушный к судьбе мира человек, Эйнштейн был лишен каких - либо националистических и ксенофобских убеждений, ограничивающих возможности человеческого понимания. Космополитизм и универсальность его мировоззрения определяли его стремление к вечному и надличностному, лишенному частностей и случайностей индивидуального бытия.

Известно, что множество проблем во взаимоотношениях культур и отдельных людей связано с различиями в мировоззрениях, со сложностью понимания и принятия других культур. Универсальность и широта мировоззрения позволяют рассматривать разные культуры и типы мировоззрений с более общих позиций, исходя из которых видна ограниченность того или иного понимания мира. Понимание ограниченности, условности и историчности тех или иных мировоззрений, культурных традиций, ритуалов и обычаев, лежит в основе толерантного и разумного к ним отношения. Понимание сложный, еще не до конца исследованный процесс, однако по логической схеме оно связано с выведением изучаемого явления из принятых, в качестве истинных, положений, с прослеживанием его причин и связей, включением данного явления в более широкий, уже понятый на данном этапе исследования контекст. Ясно, что понимание, в любом случае, связано с широтой знаний, богатством опыта, универсальностью принятых ценностей.

Выдающийся интеллект, в сочетании с глубиной и широтой мировоззрения, помогал Эйнштейну адекватно понимать, разумно и основательно оценивать происходящие события. Присущий ему космополитизм и гуманизм помогали успешно социализироваться и адаптироваться к реалиям своего времени. Он прекрасно понимал условность и ограниченность культурных различий, необходимость толерантного отношения к другим культурам и национальным особенностям. Космополитизм Эйнштейна опирался на научное мировоззрение – несмотря на известные различия рас и этнических сообществ наука подтверждает фундаментальное биологическое равенство людей.

Критиковать и обвинять Эйнштейна в тех или иных упущениях и грехах необходимо с учетом вышеизложенных особенностей его мировоззрения и характера. Необходимо исходить из основополагающих принципов, которыми он руководствовался в своей научной и практической деятельности. При этом не следует каждое его высказывание, или каждый конкретный шаг,

рассматривать как выражающие его истинное отношение или мировоззрение. Следует иметь ввиду, что любой человек за свою жизнь делает множество ситуационных и эмоционально окрашенных высказываний, от ряда которых, он, при спокойном обдумывании, отказался бы. Но, к сожалению, почти все высказывания гениев зачастую рассматриваются, как выражающие их действительные убеждения, независимо от их контекста. Забывается, что гении, как и все люди, могли что - то сказать в порыве гнева, обиды, недовольства, то есть в определенном ситуационном и эмоциональном состоянии. Их некоторые высказывания могли быть противоречивыми, выражающими их эмоциональное состояние в момент высказывания и вовсе не являющимися следствием их убеждений.

Об этом обстоятельстве не стоит забывать при оценки конкретных поступков Эйнштейна. Он, конечно же, сталкивался с определенным искажением его мыслей и понимал опасность этого, говоря, что никогда не думал, что каждое его высказывание станет восприниматься как некая великая и абсолютная истина.

Например, хотя он мог позволить себе в частных беседах и переписках, высказывания о недопустимости браков между разными расами, но при внимательном рассмотрении и учете контекста высказывания, можно понять, что он имеет ввиду существующие в его время различия в этнической психологии и культуре, а не биологическую несовместимость людей. Не надо забывать, что он сам женился на славянке. Точно также полушутливое замечание Эйнштейна о том, что хорошо, что мир не состоит только из китайцев, конечно же, не может быть свидетельством его расизма или ксенофобии. Некоторые его высказывания были направлены на защиту своей семьи и близких ему людей и, конечно, могли быть не объективными. Так будучи против брака своего сына с нежелательной, с его точки зрения, женщиной, он высказался, в том духе, что не одобряет межрасовые браки. Однако, это всего лишь присущие большинству родителей человеческие слабости и недостатки. В его публичной и общественной деятельности какой - либо ксенофобии и расизма мы не находим.

Эйнштейн по жизни был очень доброжелательным и позитивно настроенным человеком. Прекрасное чувство юмора, реальная оценка человеческих возможностей, удерживало его от крайностей эгоизма и самовлюбленности. Думаю, он был искренним, говоря,

что при излишнем внимании к своей персоне, он чувствует себя мошенником, не заслуживающим подобного отношения.

Процесс социализации условно можно разделить на две составляющие – интеллектуальную и чувственную. Первая связана с рациональным постижением мира, а вторая с чувствами и эмоциями. Отсутствие эмпатии или бесчувственность, может вполне сочетаться с интеллектуальной гениальностью. Однако, при оценке степени эмпатии гениальных людей, как и многих других аспектов их психики, не следует забывать, что они зачастую являются людьми, всецело поглощенными своей деятельностью. Эта поглощенность творчеством оставляет мало времени на повседневные дела и заботы, находящиеся за пределами их основных интересов.

Необычный дар гениев накладывает свою специфику на формирование их личности и на отношения к ним окружающих людей. Среднему человеку трудно понять психологию гения, так же как гению трудно жить интересами обычных людей. Принятие других, как равных, является основным принципом нравственности и совместной жизни. Но это легко дается только весьма малому количеству людей. Тем более толерантность в отношении гениев, маргиналов и «чудаков» требует больших усилий, определенного уровня культуры и воспитания. То же справедливо и в отношении гениев к обычным, простым людям. Большинство гениев не могло не понимать своего отличия от других, пусть даже в какой-либо специальной области деятельности. Однако отношение к этому у них было совершенно разное, в зависимости от мировоззрения, культуры и глубины личности.

На первый взгляд кажется, что гениям легче социализироваться, поскольку в их деятельности общество должно быть коренным образом заинтересовано -поддержка и обеспечение их нормальной работы является благом для всех. Но нередко дело обстоит не так просто - несмотря на всю гениальность, их творчество не всегда оценивается по достоинству и порой нужно длительное время до признания и понимания совершенного ими. Не все гении рано обнаруживают свои способности. Не всегда общество способно заметить и адекватно оценить талантливую личность. Кроме того, в неблагоприятной ксенофобской среде общество может просто не желать представителям иных этнических групп успешной деятельности.

В настоящей статье я ограничиваюсь рассмотрением

социализации гениев науки. Социализация в науке имеет свою специфику, связанную с особенностями научной деятельности. Социализация ученых предполагает прохождение ряда этапов, связанных с подготовкой и защитой различных диссертаций, получением званий и степеней, необходимых для признания и получения определенного статуса, позволяющего обеспечивать материальное благосостояние и работу в соответствующих научных организациях. Научная деятельность имеет широкий спектр – от прикладных до теоретических областей. Распознать гения в абстрактных областях научной деятельности бывает не всегда просто. Сказанное объясняет тот удивительный факт, что Эйнштейну не раз отказывали в приеме на работу, пока он не стал достаточно известным в научных кругах. Казалось бы, ему, как одному из самых гениальных людей за всю историю человечества, должны были сразу же предоставить работу. Однако, в реальности он с большим трудом, и то по знакомству и рекомендации, нашел работу в патентном бюро. Даже после создания специальной теории относительности ему приходилось доказывать свою правоту и ждать признания научного сообщества.

Бюрократия и заорганизованность характерны для многих научных организаций. Связанные с этим формальные ограничения создают определенные трудности и проблемы даже для гениальных ученых. Кроме того, не все достижения ученых научное сообщество способно правильно оценить и своевременно признать. Это сделало неизбежным определенную несправедливость и необъективность в отношении ряда гениальных людей. Так нобелевские премии часто вручают по происшествии многих лет с момента получения ученым своих результатов и только тем, кто дожил до официального решения Нобелевского комитета. Понятно, что при такой ситуации неизбежен определенный субъективизм, и тот печальный факт, что некоторые действительно выдающиеся ученые не дожили до этой награды.

А в случае Эйнштейна нобелевская награда была присуждена ему не за его революционную теорию относительности, а за работы по излучению света, поскольку теория относительности еще нуждалась в экспериментальной проверке.

Конечно, трудности научной социализации Эйнштейна, связанные с признанием его работ научным сообществом, имели и объективные основания – теория относительности была столь

революционна, что казалась абсурдной почти всем. Как сказал Чарли Чаплин Эйнштейну – «мне аплодируют потому, что меня все понимают, а вам потому, что вас никто не понимает».

Действительно, революционные и далекие от практического применения достижения принимаются сообществом ученых с большим трудом. Существует известный консерватизм в научном мире. А специальная теория относительности имела столь революционный характер, настолько противоречила установившимся научным представлениям и здравому смыслу, что многие ученые просто не могли поверить в ее истинность.

В науке, как и во многих сферах жизни, имеет место проблема «отцов и детей». Особенности социализации, связанные с проблемой поколений, выражаются в том, что в большинстве наук фундаментальные революционные открытия делаются в основном относительно молодыми людьми. Нередко ученые, совершившие революцию в науке, с возрастом становились консервативными и не принимали новых революционных идей. Характерны в этом отношении рассуждения одного из создателей квантовой физики - Нильса Бора. Достигнув 40 - лет и, по - видимому, почувствовав утрату творческой энергии, он рассуждал о том, каков смысл жизни после 40 - лет, если уже нет сил создавать что - то новое. И хотя сам Бор оставался открытым к новым идеям человеком этого не скажешь о ряде ученых старшего поколения.

Социализация начинается с семьи. И здесь у Эйнштейна все было вполне благополучно. Добрый, образованный отец, строгая, уделявшая достаточно внимания воспитанию Альберта мать. Наличие образованного дяди инженера, много сделавшего для его умственного развития. Плодотворное общение со способным и образованным студентом, столовавшим, по еврейской традиции, в семье Эйнштейнов и познакомившего его с научно-популярными книгами по естествознанию. Эти книги сыграли существенную роль в его приобщении к науке и последующих размышлениях над фундаментальными проблемами физики.

Вместе с тем, с ранних лет, Эйнштейн тяготел к одиночеству. Наряду с врожденными особенностями, стремлению к одиночеству возможно способствовали строгость и эмоциональная сухость его матери. В школе ощущение одиночества и стремление к изоляции усилилось, поскольку он был единственным, не немцем в классе, тем более евреем. И он очень рано понял, что он чужой, не такой как

его одноклассники. Ему нередко доставалось от них, любивших подразнить не похожего на них мальчика - бывали и случаи физических столкновений и унижений.

Сформировавшаяся в детстве тяга к одиночеству проявилась и в его научной деятельности. Он считал себя одиночкой в науке и любил образ печального рыцаря чести Дон – Кихота, несмотря ни на что борющегося за свои идеалы. Он и сам был Дон-Кихотом в науке, долгие годы, вопреки мнениям и предпочтениям большинства, в одиночестве разрабатывавший свои физические теории.

С детских лет столкнувшись с различными предубеждениями и предрассудками, Эйнштейн хорошо понимал их необоснованность и глупость. Огромная внутренняя свобода и независимость мышления в немалой степени способствовали его новаторству, революционности взглядов и отсутствию подобострастного отношения к авторитетам. Таковым был, и его любимый философ Спиноза, порвавший с иудейской религиозной общиной и вступивший на путь свободного и независимого мышления.

Антисемитизм в явной или скрытой форме в то время был достаточно распространен в Европе. Так, один из школьных учителей Эйнштейна принес в класс гвоздь и рассказал детям, что евреи такими гвоздями распяли Христа. При этом, конечно, он не сказал, что и Иисус был евреем.

Несмотря на все это, Эйнштейн учился достаточно хорошо, особенно по естественным предметам. Так, что миф о его неуспеваемости в школе, не соответствует действительности. Учеба, и атмосфера, бытовавшая в школе, не нравились Альберту, особенно процесс сдачи экзаменов. Господствующая в гимназии прусская дисциплина и «военное» отношение к образованию убивали творчество и искреннюю любовь к чистому познанию. В итоге, Эйнштейн, не закончив гимназии, переехал к своей семье в Италию. Для поступления в институт надо было иметь законченное школьное образование и Эйнштейна устроили в швейцарскую школу в г. Аарау. Здесь царил атмосфера творчества и интеллектуальной свободы. После окончания школы ему разрешили, несмотря на юный возраст, поступать в цюрихский Политехникум. В институте обстановка была весьма хорошая и было у кого учиться, учитывая, что в нем преподавал выдающийся математик Герман Минковский. Правда, в силу своего характера, обучение, требовавшее соблюдения множества формальных правил, особенно в связи со сдачей

экзаменов, Эйнштейна сильно угнетало. Он говорил, что после экзаменов у него на долгое время пропадало желание творческой работы. Здесь же Эйнштейн приобрел хороших друзей, не раз помогавших ему в жизни. Он и сам, вопреки мнению некоторых авторов, умел дружить и сопереживать людям. Более того, он достаточно легко сходилась с людьми и с некоторыми из них всю жизнь поддерживал дружеские отношения.

В институте Эйнштейн познакомился и со своей будущей супругой – Милевой Марич. Ему пришлось пойти на конфликт со своей семьей, считавшей ее не подходящей для него спутницей жизни. И здесь Эйнштейн проявил мужской характер и самостоятельность, пойдя против желаний и предубеждений своей семьи. Отношения с женой в начале были очень хорошими и плодотворными. М.Марич, безусловно, была в то время той редкой женщиной, которая понимала и вдохновляла его на исследовательскую работу. Нельзя отрицать ее роль как Музы творчества Эйнштейна, особенно на ранних этапах его деятельности. Однако, для любого непредвзятого и серьезного исследователя ясно, что утверждения о том, что это она была главным генератором его идей и более того, что он у нее многое взял и даже украл, являются абсурдными. Можно, конечно, поставить ему в вину то, что он в своих научных трудах не выразил ей свою признательность за моральную и творческую поддержку, но это конечно не могло быть его сознательным решением. Он просто мог об этом не задуматься, следуя традициям своего времени, где роль жены заключалась в поддержке мужа и гордости за его достижения. Кроме того, научная традиция тех времен не рассматривала женщин как серьезных исследователей и не была склонна серьезно относиться к их творческим возможностям. Возможно эти и подобные обстоятельства объясняют факт определенной «неблагодарности» Эйнштейна в отношении Милевы Марич.

Культурные традиции еврейских семей, где ценились образованность и знание, и, конечно, глубокая традиция иудаизма, оказала непосредственное влияние на социализацию Эйнштейна. При рассмотрении особенностей его социализации важно учитывать, что всем евреям, жившим вне Израиля, приходилось сталкиваться с ксенофобией и антисемитизмом. Это вынуждало их во всех областях своей деятельности быть более востребованными и профессиональными, нежели представители коренного населения.

Вынужденные жить в замкнутой еврейской культурной среде, поскольку окружение к ним часто было не очень доброжелательно, они рано сталкивались с отвратительной сутью ксенофобии, шовинизма и национализма.

В результате действия многих факторов, большинство еврейских семей имело достаточно высокий культурный уровень, особенно в Германии. Евреи Германии – это преимущественно ашкенази и Эйнштейн был из их числа. Права евреев долгие годы попирались, - им приходилось выбирать только разрешенные профессии и сферы деятельности. К примеру, гениальный З. Фрейд вынужденно пошел в медицину, поскольку на специальности, связанные с государственной службой и юриспруденцией, которые ему очень нравились, евреем не разрешалось поступать. Правда, большую часть юности Эйнштейн провел в Швейцарии и Италии, где антисемитизм не был столь силен, как в Германии, но и здесь он не был полностью свободен от него.

С наступлением фашизма в Германии положение евреев начало резко ухудшаться. Эйнштейн, как он сам говорил, пустил корни здесь и потому не хотел уезжать из Германии. Но уехать пришлось, поскольку в годы фашизма на него обрушились настоящие гонения и травля. Например, в Германии вышла книга «Сто немецких ученых против теории относительности Эйнштейна». В ней многие националистически настроенные немецкие ученые обвиняли его в недобросовестности и намеренном искажении правды. Он ответил, как всегда, остроумно –: «если бы я был не прав хватило бы и одного». И в Америке он столкнулся с предубеждениями против евреев, хотя он уже был известным в мире ученым. Об этом свидетельствует его выступление перед чернокожими слушателями в Принстоне, где он говорил, что он понимает их положение и что он сам находится в их положении. Сегрегация, когда даже не разрешалось переливать кровь черным белым и многие другие позорные проявления расизма вызывали искреннее возмущение Эйнштейна и он активно выступал против всего этого, прекрасно понимая, что это усилит недоверие к нему, как сочувствующему коммунистам и левым движениям.

Несмотря на все вышеизложенные обстоятельства, Эйнштейн не озлобился, не впал в крайности национализма или ксенофобии. Главное для него было общечеловеческое, универсальное, надличностное – именно в этом он видел смысл собственной жизни.

Иногда подвергают сомнению его реальное следование своей убежденности в превосходстве надличностного, объективного начала, над личностными и частными аспектами жизни. При этом имеется ввиду, что он в личной жизни вовсе не был лишен преимущественного интереса к собственным потребностям и желаниям. Конечно, человеческие слабости, естественно, были ему присущи, но в главном он следовал своей убежденности. Странно было бы требовать от человека безразличного отношения к собственной судьбе. Настоящий, разумный альтруизм состоит в том, что личностные интересы связаны с общечеловеческими и, что не думая о себе невозможно думать о других. Говоря о примате надличностного над личностным имеется ввиду мировоззрение и ценностный аспект жизни человека, а не отрешенность от жизни.

В случае с Эйнштейном мы имеем дело еще и с крайней популярностью его фигуры, доходящей до преклонения и идолопоклонничества, - признание его исключительности, хотя и весьма трудное, пришло к нему при его жизни и в достаточно молодом возрасте. Приоритет надличностного, нежелание преувеличения личностного начала в человеке, выразилось в его негативном отношении к различным культам и идолопоклонничеству. Эйнштейн прекрасно понимал, как идолопоклонничество в науке вредит свободному поиску истины и не хотел подобного отношения к себе. Чтобы избежать этого, он завещал, что бы его тело сожгли и прах развеяли над рекой, недалеко от места его жительства.

Приоритет надличностного сочетался у него с глубоким уважением к человеческой личности. При этом он трезво оценивал реальные возможности людей и их общественной деятельности. Он нисколько не переоценивал познавательные возможности человека, понимая их принципиальную ограниченность. Необоснованные притязания, а тем более человеческая глупость, во всех ее проявлениях, его искренне огорчала. Он, возможно, был невысокого мнения о большинстве людей, говоря, что знает два вида бесконечности - космос и человеческую глупость, правда в первом виде бесконечности он еще сомневается. Однако это не было высокомерием и мизантропией, - просто как человек науки он не мог не видеть реальность человеческой природы, приведшей к таким ужасным войнам и разрушениям.

Доброжелательное отношение к людям, уважение их

достоинства и чести, было для него само собой разумеющимся. Конечно, у него, как у любого человека, были личные пристрастия и предпочтения, а порой и заблуждения относительно тех или иных социальных процессов. Ряд авторов и свидетелей его жизни оставили множество воспоминаний о нем. Нередко, они весьма противоречивы. Так утверждается, что он никого не подпускал к себе достаточно близко, тяготел к одиночеству, не был способен к эмпатии. Однако, известно, что у него было много друзей и нередко он проявлял искреннюю заботу о людях, нуждающихся в этом. Упреки в отсутствии у него эмпатии к близким людям, на фоне его очевидной активности в помощи многим людям науки и культуры, на мой взгляд, безосновательны. Его эмпатия к людям была рационалистической. Он говорил, что научился достаточно рано контролировать эмоции, подчинять их требованиям разума, что природа наградила его «слоновой кожей». Но «слоновость» его кожи вполне понятна, если вспомнить, существовавшие в его время национализм и ксенофобию в отношении евреев. Конечно, он не был столь чувствительным и отзывчивым человеком, как хотелось бы многим, но именно им было сделано много для спасения людей от фашизма и укрепления мира и справедливости. Необходимо понимать, что полностью поглощенный страстью к познанию мира, он не мог быть вовлечен в повседневность в той степени, в которой вовлечены в нее обычные люди. Он, по поневоле, иногда оказывался не на высоте психологической чуткости и внимания к близким. Оценивая его поступки, не надо забывать, что главное в жизни гения физики была, естественно, физика, и ей он отдавал подавляющую часть своего времени, надо помнить, что физика была его всепоглощающей страстью и любовью. В своей автобиографии он писал в основном о своих исследованиях в физике, считая, что в его жизни главным является научное мышление, а не события и частности личной жизни.

Важно не забывать, что рационализм был его интеллектуальной доминантой, он оценивал поступки и события, исходя не из эмоций, а на основе рационально - критического отношения. Хотя некоторые его поступки могли выглядеть как бесчувственные, но на самом деле он делал так, как считал более правильным и разумным в сложившейся ситуации.

Эйнштейн был достаточно эмоциональным человеком и не был лишен угрызений совести за свои ошибки, которых вполне хватало,

особенно в личной жизни. Его, конечно, можно упрекнуть в различных грехах, связанных с семейными отношениями, однако у кого их нет. Психология человеческих взаимоотношений не столь проста и многие наши ошибки не являются преднамеренными и умышленными. Эйнштейн не был прирожденным психологом, но имел достаточное понимание психологии человеческих отношений - в этой области он ничем не отличался от обычных людей. Фрейд после знакомства с Эйнштейном сказал, что он понимает столько же в психологии, сколько он сам в физике.

Немало претензий выдвигается Эйнштейну относительно его общественной деятельности. Однако, надо понимать, что он был сыном своего времени, хотя и намного его опередившим, особенно в научном плане. И судить его надо по меркам его времени. Ко многим событиям он не имел непосредственно доступа, как и у многих людей его отношение к ним опиралось на имеющуюся у него, часто неполную и недостоверную информацию. Так, он на первых порах весьма лояльно относился к СССР и негативно воспринимал капитализм, считая, что конкуренция и жажда наживы негативно влияют на человека. Его первоначально лояльное отношение к Советскому Союзу вполне объяснимо. Советская власть сразу же уравнила евреев в правах со всеми другими гражданами и торжественно провозгласила, что отныне положен конец, длившемуся веками антисемитизму. А его нелюбовь к капитализму, связана с реальными недостатками этой общественной системы. Так, всеобщая конкуренция, в ущерб, сотрудничеству, по его мнению плохо сказывается на людях. Плановую экономику и разумное централизованное управление он считал более подходящим способом управления экономикой, поскольку капитализм действительно характеризуется перепроизводством и экономическими кризисами. Вместе с тем не надо забывать, что он критиковал и резко осуждал советские порядки, лишаящие людей свободы и прав.

Быть объективным живя в обществе с конкуренцией, борьбой различных сил, национализмом и ксенофобией весьма непросто. Конечно, и Эйнштейн не мог полностью избежать субъективизма, но для него было принципиально важным оставаться честным и порядочным. Он был настоящим космополитом и делал много для установления мира и согласия между людьми. Кроме того, постоянные нападки на себя и свою теорию, несправедливые оценки

и часто враждебное отношение, не могли не вызывать у него порой резких эмоциональных высказываний. Но в целом он конечно оставался космополитом, понимавшим несовершенство мира и страдающим от этого.

Его нельзя обвинить в социальной пассивности. Много сил и времени он отдавал различным мероприятиям в поддержку людей, боровшихся за свободу и права человека, независимо от их национальности и религии. Им было написано много обращений и писем в различные страны и государственные органы, призывающие к миру, справедливости и защите людей от преследований и несправедливости. Но понятно, что для Эйнштейна, как еврея, поддержка и спасение евреев было его исторической миссией. И в этом направлении им было сделано очень много. Так в ответ на его письмо Ататюрк предоставил еврейским ученым, бежавшим из фашистской Германии, возможность устроиться и работать в вузах Турции. Эти люди внесли большой вклад в становление и развитие турецкого образования и науки.

В процессах социализации одной из главных проблем для этнических и религиозных меньшинств является вопрос о национальной идентичности. Эйнштейн, несмотря на то, что жил в Германии и был гражданином этой страны, не считал себя немцем. Свое еврейство он не отрицал и никогда не желал ассимиляции евреев, более того, негативно относился к подобным идеям и поступкам. Среди немецких евреев существовали две тенденции социализации - одно видело смысл в растворении среди коренного населения и отказе от еврейской идентичности, а другое считало необходимым ее сохранение. Первые старались ассимилироваться среди коренного населения, меняя фамилии и принимая имена того народа в государстве которого жили. Но понятно, что окружение все равно их считало чужими и немецкое имя –Альберт - не спасало Эйнштейна от антисемитизма.

Вторые, и Эйнштейн принадлежал к ним, считали необходимым сохранение своей еврейской идентичности. Однако, по вопросу о способах и путях сохранения идентичности мнения были разные. Некоторые считали, что не нужно воссоздавать еврейское государство, а важно сохранять культурную автономию, сохранять еврейскую идентичность. При этом, какую - то степень адаптации, не нарушающую идентичность и связанную с необходимостью сглаживания культурных отличий нужно было обеспечивать. Другие

— сионисты - считали создание еврейского государства необходимым условием сохранения идентичности и защиты евреев от ассимиляции и физического уничтожения. По мере осмысления происходящих событий осознание Эйнштейном своей еврейской идентичности усиливалось. И если ранее он не разделял идей сионизма, то впоследствии пришел к убеждению, что евреи должны иметь культурную автономию в Палестине. Дальнейшие события привели его к убеждению, что евреи должны иметь свое независимое государство, наряду палестинским. Два государства — израильское и палестинское - должны жить в мире и взаимоуважении. Поэтому, он способствовал рождению государства Израиль, поскольку на опыте своей жизни видел, что не имея родины евреям некуда бежать. Однако, будучи объективным человеком, он не был согласен со всем, что делали сионисты. Конечно, он идентифицировал себя с евреями, много сделал для еврейской государственности и культуры, спасал евреев от истребления, помогал им с трудоустройством и т.д. однако все это осуществлялось не за счет игнорирования общечеловеческих ценностей. Хотя большинство его друзей и работников были евреями, но это не было следствием каких - то националистских и ксенофобских убеждений. Это результат культурной и психологической близости, а также стремления преимущественно помогать евреям, поскольку им было труднее устроиться в жизни. Все этнические меньшинства, а не только евреи, вынуждены для выживания спланиваться и поддерживать друг друга.

Негативное отношение к евреям и множество предубеждений в их отношении существует до сих пор в общественном сознании ряда народов и государств. Некоторые из них имеют исторические корни, в большинстве религиозные. Другая часть основывается на социальном положении евреев, которым действительно принадлежат значительные финансовые и материальные ресурсы в ряде стран мира. Кроме того, евреи весьма широко представлены, и опять же, не пропорционально их численности, в различных сферах политической и культурной деятельности. Все эти факторы, так или иначе, сказываются в отношении определенных групп населения к евреям, вызывая чувства ревности, зависти и недовольства. Кроме того, евреи, как и любые этнические меньшинства, спланиваясь и помогая друг другу, иногда могут быть не объективными, что тоже не может не вызывать недовольства.

Однако, будучи объективными, нельзя отрицать, что евреи, как правило, соответствуют своим должностям и занимают их основываясь на высоком профессиональном уровне. Если посмотреть какой вклад в развитие человечества они внесли и вносят, то и здесь мы видим, что этот вклад непропорционально высок в отношении их численности. Так, среди нобелевских лауреатов первого десятилетия XXI около 32 процентов составляют евреи. И среди богатых людей это так. Да и почти во всех сферах мы наблюдаем подобное. Объяснить это только тем, что они помогают своим, препятствия продвижению других, или тем что они больше других стремятся в науку или к финансам, не логично. На примере евреев можно утверждать, что представление о том, что все люди равны в своих сегодняшних биопсихологических особенностях, неверно. Надо отказаться от плоского, утопического гуманизма, утверждающего равенство всех людей, независимо от их культурно-исторической эволюции. Евреи, как народ, прошли тысячелетний жесткий отбор на выживаемость. В условиях жизни среди других народов, неприспособленные («глупые») евреи исчезали, а выжившие («умные») воспроизводились. Поэтому процент выдающихся людей в науке и культуре, относительно численности народа, у евреев значительно выше, чем у других. Конечно, многое зависело и от культурной среды, в которой жили евреи, - везде они должны были быть профессиональными и необходимыми. Когда кто - то может тебя вылечить или помочь в чем - то, его национальность не имеет значения. Кроме того, евреи старались жениться и выходить замуж за образованных и успешных людей. Это не было специально разработанной программой каких - то сионистов или еврейских националистов, а было естественным процессом культурной, духовной и интеллектуальной близости. Все эти культурно-исторические особенности жизни евреев еще более способствовали развитию и укреплению биологической основы их интеллекта и, как следствие, социального положения.

Конечно, сегодня отношение к евреям определяется в значительной мере еще и политикой государства Израиль. И здесь возможны определенные претензии к евреям, особенно в аспекте действий сегодняшнего руководства израильского государства в отношении к палестинцам. Но подобные претензии в равной мере могут быть предъявлены и ко всем другим государствам. Кроме того, как и относительно других стран, в отношении к евреям надо

отделять народ от политики того или иного действующего правительства.

Очень важно не забывать, что выдающиеся научно- культурные достижения евреев используются всеми людьми. Величайшие еврейские мыслители были космополитами и видели смысл жизни в служении всему человечеству. Я нисколько не стремлюсь обосновывать какое - либо преимущество евреев перед другими народами. Это, скорее, не отрицающий реальных фактов объективный и научный взгляд на действительность. Неравномерность развития культур, в особенности в сфере интеллектуальной и научной деятельности, является историческим фактом, не отрицающим и не принижающим возможности других народов. Нет народов более глупых или более умных. Любой народ при соответствующих культурно-исторических обстоятельствах может быть в лидерах интеллектуального развития. Но, и в отношении к сегодняшнему дню, по прежнему верна мысль Платона о недопустимости уравнивания неравных. При оценке культурно интеллектуальной деятельности евреев как народа, и в первую очередь Эйнштейна, мы не должны забывать об этом.

Эйнштейн был убежденным космополитом, хотя у него сохранилось, в прочем, вполне объяснимое, предубеждение против немцев. Но, опять - таки, это касалось конкретно - исторической обстановки и психологии немцев на определенном этапе развития, а не немцев как таковых. Во время первой мировой войны он старался преодолеть возникшие барьеры между учеными воюющих стран. Являясь пацифистом и человеком либеральных взглядов он выступал против войн как таковых и всего того, что ограничивает свободу людей. Его желание положить конец войнам, выразилось, в частности, в его письме к Фрейду, с предложением провести всемирную конференцию по установлению мира и предотвращению всех будущих войн.

Относясь к миру преимущественно рационалистически, с позиций науки, он вместе с тем был достаточно интеллектуально терпимым в отношении вненаучных способов познания. Например, в отношении к религии и мистицизму он проявлял известную толерантность, однако религиозность его самого не принимала какой - то конкретной формы – он не был сторонником какой –то конкретной религии. Он не принимал идею персонального Бога и в то же время воспринимал мир как великую тайну, которой

сопричастен и человек. Восприятие Эйнштейном мира и жизни как тайны и некоего чуда оставляло возможность веры в нечто сверхъестественное. Но религия у него была не иудейская – от нее он отошел уже в юности, после чтения научно популярных книг. Всю свою жизнь он придерживался своеобразной космической религии и не верил в существование Бога, как некой персоны, некой личности, вмешивающейся в наши дела и вершащей человеческие судьбы. Он воспринимал мир как великую тайну и оставлял вопрос о природе Бога открытым. Его глубоко трогало несовершенство человеческого мира и в то же время он восхищался грандиозностью устройства Вселенной. Он говорил, что есть два способа жизни – первый, когда человек просто живет, ощущая мир как естественную, обычную реальность и второй, когда он воспринимает мир как великую тайну, как чудо в которое мы погружены и в котором принимаем участие.

Являясь гением, он в тоже время хорошо чувствовал и с юмором воспринимал преувеличение человеческого. Говоря о том, что для него и других убежденных физиков нет принципиального различия между прошлым, настоящим и будущим, он выражал уверенность в универсальности и вечности бытия. Это очень здравая, основанная на научных убеждениях космическая, универсальная религия, не принимающая не подтвержденных, а тем более противоречащих науке верований. Как человек, совершивший фундаментальную революцию в физике, он не отвергал с порога, не подвластные науке его времени, представления. Он не был научным догматиком, правда его отношение к квантовой механике может показаться именно таковым. Однако, не принятие квантовых положений сопровождалось у него рациональной критикой и глубокими научными аргументами. Общеизвестно, что Эйнштейн не принимал квантовую механику как истинную теорию реальности. Научная картина мира, предполагающая вероятностное поведение квантовых объектов его не устраивала. Он все время выдвигал аргументы против квантовой механики, приводил мысленные эксперименты, показывающие фундаментальные трудности квантового подхода. Конструктивная критика Эйнштейном квантовой механики в немалой степени способствовала ее развитию.

Этот фундаментальный спор Эйнштейна с квантовыми физиками до сих пор не решен. Однако, несмотря на отрицание Эйнштейном основных принципов квантовой механики, он был

человеком, открытым к любым дискуссиям и отвергал другие теории только на основе разумных аргументов и научной критики. Его «догматизм», в споре с квантовым поколением физиков, не имеет ничего общего с отрицающим новые идеи консерватизмом. Он великолепно понимал суть квантовой физики, но не был согласен с ее принципами и философией.

Квантовая физика была «непонятна» не только Эйнштейну, но и самим квантовым физикам. И сегодня остается в силе утверждение Фейнмана о том, что кто говорит, что он понимает квантовую физику, тот на самом деле ее не понимает.

Эйнштейн принадлежал к тем немногочисленным представителям науки, которые пришли в нее из любви к ней. Он говорил, что если бы из «храма науки» ушли все, кто не пришел в него из чистой любви к познанию, а пришли за признанием, славой, карьерой и т.д., то храм науки катастрофически опустел бы. Искренняя любовь к чистому познанию, всесторонность интересов и великолепное образование позволяли ему смотреть и на себя объективно, как бы со стороны, в контексте мировой культуры. Он ни первый и не последний кому пришлось пробиваться через нетерпимость, глупость и ограниченность людей. Он тем самым разделял судьбу все новаторов и идейных революционеров.

Думаю, самому Эйнштейну было немного странно осознавать свое социальное положение. С одной стороны, он хорошо понимал биологическое несовершенство человека и ограниченность его познавательных возможностей, а с другой не мог не понимать своей исключительности и гениальности. И это сочетание обычного и гениального не могло не навязывать ему философского осмысления собственной жизни. Он как - то сказал, что свою задачу на земле он выполнил. Однако, он вряд ли жил с ощущением некой миссии на земле, и противостоянием против обожествления себя было его стремление к объективности, чувство юмора и понимание реального места человека в мире. Как человек науки, он не считал себя всевидящим пророком и несущим людям свет миссионером. Однако, учитывая с какой страстью он до конца жизни работал над физической картиной мира, можно с большой вероятностью предполагать, что он верил в смысл своей деятельности и в смысл существования человечества. Об этом же говорит его непосредственное участие в различных акциях, связанных с поддержанием мира и справедливости на земле, с процветанием

будущих поколений.

Литература:

1. Кузнецов Б.Г. Эйнштейн: Жизнь. Смерть. Бессмертие. М. 1980.
2. Зелиг К. Альберт Эйнштейн. М. 1966.
3. Инфельд Л. Мои воспоминания об Эйнштейне. М. 1955
4. Эйнштейн А., Инфельд Л. Эволюция физики. М. 1965.
5. Чертанов М.. Эйнштейн. М. 2015.
6. Пайс А.. Научная деятельность и жизнь Альберта Эйнштейна. М. 1989.
7. Айзексон У.. Альберт Эйнштейн. М. 2018.
8. Хофман Б.. Альберт Эйнштейн – творец и бунтарь М. 1983.
9. Каку М. Параллельные миры. М. 2018.
10. Каку М. Гиперпространство. М. 2018.

References:

1. Kuznetsov B.G. Eynshteyn: Zhizn. Smert. Bessmertiyе. M. 1980.
2. Zelig K. Albert Eynshteyn. M. 1966.
3. Infeld L. Moi vospominaniya ob Eynshteyne. M. 1955.
4. Eynshteyn A. Infeld L. Evolyutsiya fiziki. M. 1965.
5. Chertanov M. Eynshteyn. M. 2015.
6. Pays A. Nauchnaya deyatelnost i zhizn Alberta Eynshteyna. M. 1989.
7. Ayzekson U. Albert Eynshteyn. M. 2018.
8. Khofman B. Albert Eynshteyn – tvorets i buntar M. 1983.
9. Kaku M. Parallelnyye miry. M. 2018.
10. Kaku M. Giperprostranstvo. M. 2018.

Tahir Bayramov

Sənətşünaslıq üzrə fəlsəfə doktoru,

dosent, EAEN professoru,

AMEA Memarlıq və İncəsənət İnstitutu

E-mail: tahir.amea@gmail.com

E-mail: tahir.bayramov@mii.science.az

<https://orcid.org/0000-0002-8170-8160>

İNTEQRAL TRADİSİONALİZM VƏ QNOSTİSİZMDƏ ASOSIAL “ANTİSİSTEM” MEYİLLƏRİ

Xülasə:

Əvvəlcə qeyd edilməlidir ki, “ənənə” və “ənənəçilik” mədəniyyətin iki tamamilə fərqli hadisəsidir. Ənənəçilik – ənənəyə münasibətdə düşünülmüş refleksiya, yox olmuş ənənələrin bərpası cəhdi (Avropa və müsəlman “renessans”larında olduğu kimi “antikanın dirçəldilməsi” təşəbbüsü) anlamına gəlir. “Genon qeyd edir ki, Ənənə ənənəçilikdən daha vacibdir” [14, s. 27].

Lakin biz, Şərq insanları, onunla birbaşa və vasitəsiz təmasa malikikmi? Çətin ki...

Eyni zamanda, “Ənənənin yalnız qismən içində olduğumuz üçün, onu sanki kənardan, xaricdən müşahidə edərək tədqiq etmək imkanımız var; biz onun ‘skelet’ini aydınlaşdırmağa və kristallaşdırmağa qadirik” [14, s. 29].

Artıq bu da aydındır ki, müxtəlif ənənələr “Eyni Həqiqəti” öyrətmirlər. Bəs Ənənəni nə birləşdirir? Görünür ki, dilin birliyi. Məhz bu dili və integral ənənəçiliklə qnostisizmdəki asosial meyilləri burada araşdırmaq niyyətindəyik.

Əgər ənənəçilik Ənənə üzərində bir refleksiyadırsa, bu tədqiqat həm Ənənəyə, həm də ənənəçiliyə yönəlmiş refleksiyadır.

Tədqiqatın məqsədi və vəzifələri:

Bu tədqiqatın məqsədi – qnostisizm və onun əsasında formalaşan integral ənənəçilikdə (məsələn, A. Q. Duqinin təlimində) asosial “antisistem” meyillərini

araşdırmaqdır.

“Antisistem” termini L.N. Qumilyov tərəfindən, Yer biosferinə düşmənin kəsilmiş, həyatdankənar dini-fəlsəfi sistemləri ifadə etmək üçün elmi dövrüyyəyə gətirilmişdir.

Bu məqsədə çatmaq üçün aşağıdakı vəzifələr müəyyənləşdirilib və həyata keçirilib:

- Qnostisizmdən kabbalaya və tantrik buddizmə qədər müxtəlif ezoterik ənənələrin araşdırılmasına əsaslanaraq, “enmiş eon”un (“aşağıya enmiş varlıq dövrəsi”) “alqoritmini” müəyyənləşdirmək;
- “Enmiş eon” və “şər demiurq” kimi qnostik terminlərin qeyri-elmi xarakterini göstərmək;
- “Xristian qnostisizmi”nin ümumi səciyyəsinə vermək;
- “İslam qnostisizmi” kimi təqdim olunan batiniliyi xarakterizə etmək;
- “Enmiş eon” konsepsiyasının mümkün ontoloji, xüsusilə fiziki (məsələn, “Böyük Partlayış” hipotezası) əsaslarını göstərmək;
- Qnostisizm və Genon məktəbinə aid ənənəçiliyin cəmiyyətə və sosial həyata münasibətini aşkara çıxarmaq.

Mövzunun araşdırılma dərəcəsi:

Bu məsələnin tədqiqinə dair mənbələr siyahısı məqalənin sonunda verilmişdir.

Tədqiqatın metodologiyası:

Araşdırmanın metodoloji əsasını tarixi, sosial-psixoloji, məntiqi və sistemli-inteqral yanaşmaların vəhdəti təşkil edir. Tədqiqatın bütün komponentləri qarşılıqlı sistemli əlaqə içində nəzərdən keçirilmişdir. Müasir metodlardan transpersonal psixologiyada şüurun dəyişik halları, NLP və “kiberpank” (G. Bateson, T. Leary) sahəsindəki yanaşmalar qeyd olunmalıdır.

Tədqiqatın elmi yeniliyi:

Məqalədə ilk dəfə olaraq göstərilir ki, sufizm, kabbala, qnostisizm və hətta tantrik buddizm kimi təlimlər eyni “enmiş eon” mifoloji modelini istifadə edir.

Lakin sufizm və kabbalistik **Ayn Sof** kultundan fərqli olaraq, **qnostisizm-batiniyyə** bu “enmiş eon”u və onunla bağlı bütün mövcud dünyanı inkar edir (məsələn, H. Cemal, T. Deymi).

“Enmiş eon” mifologemi ilk dəfə olaraq müasir fiziki və tanatoloji (ölüm və ölüm sonrası təcrübələr) yanaşmalar kontekstində elmi obraz kimi təqdim olunur – məsələn, R. Moody-nin “tunelin sonunda işıq boşluğu” və “Bardo Tödyol”.

Bununla yanaşı, L.N. Qumilyovun fikirlərini inkişaf etdirərək, müəllif bu məqalədə “islam qnostisizmi”nin sosial baxımdan təhlükəli, “antisistem” xarakter daşıdığını da ilk dəfə nümayiş etdirir.

Nəticə: Qnostisizm – Genon məktəbinin ənənəçilik fəlsəfəsinə

güclü təsir göstərmiş bir sistem olaraq – etnosistəmlərə, sosial həyata və sosiallaşmaya qarşı “antisistem” mövqeyi tutur.

Açar sözlər: ənənə, monizm, qeyri-duallıq, zen, sufizm, fərqləndirmə

УДК - 7.01

Таир Рауф оглу Байрамов

Доктор философии по искусствоведению,

доцент, профессор ЕАЕН,

Институт Архитектуры и Искусства НАНА,

E-mail: tahir.amea@gmail.com

E-mail: tahir.bayramov@mii.science.az

[https:// orchid.org /0000-0002-8170-8160](https://orchid.org/0000-0002-8170-8160)

АСОЦИАЛЬНЫЕ «АНТИСИСТЕМНЫЕ» ТЕНДЕНЦИИ В ИНТЕГРАЛЬНОМ ТРАДИЦИОНАЛИЗМЕ И ГНОСТИЦИЗМЕ

Резюме

Прежде всего, надо сказать, что традиция и традиционализм – это два совершенно разных явления культуры. Традиционализм – это попытка рефлексии по поводу традиции, реставрация исчезнувших традиций (как попытка «возрождения античности» в европейском и в мусульманском «ренессансах». «Генон говорит о том, то Традиция важнее, чем традиционализм» [14,с.27]. Но сохранили ли мы, люди Востока, прямой непосредственный доступ к Ней? Навряд ли... В то же время, «находясь в Традиции лишь отчасти, мы имеем уникальную возможность её исследовать как бы «со стороны», извне, мы способны очистить и выкристаллизировать представление о ... её скелете» [14, с.29]. И уже сейчас ясно, что разные традиции не учат «Одной и той же Истине». Но что тогда объединяет Традицию? По-видимому, единство языка. Именно этот язык мы намерены здесь исследовать, как и асоциальные тенденции в интегральном традиционализме и гностицизме. Если традиционализм является рефлексией над Традицией, то данное исследование – рефлексия и над Традицией, и над традиционализмом.

Цель и задачи исследования.

Изучение асоциальных «антисистемных» тенденций гностицизма и сформировавшегося на его основе интегрального традиционализма

(типа А.Г.Дугина) является целью настоящего исследования. Термин «антисистема» ввел в научный обиход Л.Н.Гумилев для обозначения жизнеотрицающих, враждебных биосфере Земли, религиозно-философских систем.

Для достижения указанной цели были поставлены и решены следующие задачи:

- выявить «алгоритм» т.н. «низшедшего зона» с привлечением исследований различных эзотерических традиций от гностицизма до каббалы и тантрического буддизма;

- показать ненаучный характер гностицистических терминов «падший эон» и «злой демург»;

- дать характеристику «христианского гностицизма»;

- дать характеристику т.н. «исламского гностицизма bätiniyyə»;

- показать возможные онтологические, в частности физические (гипотеза т.н. «Большого Взрыва»), основы концепции «низшедшего зона»;

- показать отношение гностицизма и традиционализма школы Генона к социуму и социальной жизни.

Степень исследованности темы. См, Библиографию, представленную в конце статье.

Методология исследования основана на единстве исторического, социально-психологического логического, системного интегрального подходов. В плане методологии все составные части исследуемой проблематики рассматриваются в системной взаимосвязи. Из новейших методов следует указать методологию исследований измененных состояний сознания трансперсональной психологии, исследований в области NLP и т.н. «киберпанка» (Г.Бейтсон, Т.Лири).

Новизна исследований. В статье впервые показано, что учения суфизма, каббалы, гностицизма и даже тантрического буддизма используют одну и ту же мифологему т.н. «низшедшего зона». Но, в отличие от суфизма и каббалистического культа AIN SoF, т.н. гностицизм-батинизм основан на неприятии этого «низшедшего зона» и всего с ним связанного, включая весь проявленный мир (Г.Джемаль, Т.Даими). Впервые мифологема «низшедшего зона» приобретает вполне научный вид в контексте современных физических и танатологических представлений (т.н. «светопустота в конце туннеля» Р. Моуди и «Бардо Тёдол»).

В то же время, развивая идеи Л.Гумилёва, автор настоящей работы

впервые показывает социально опасный, т.н. «антисистемный», характер философии т.н. «исламского гностицизма».

Вывод. Гностицизм, оказавший сильнейшее влияние на философию традиционализма школы Генона, по отношению к этносистемным «системам, социальной жизни и социализации, выступает как «антисистема».

Ключевые слова: традиции, монизм, недвойственность, дзэн, суфизм, различение

UDC - 7.01

Tahir Bayramov

Doctor of Philosophy in Art History,
Associate Professor, Professor of the Eurasian Economic Union,
Institute of Architecture and Art of ANAS,

E-mail: tahir.amea@gmail.com

E-mail: tahir.bayramov@mii.science.az

<https://orchid.org/0000-0002-8170-8160>

ANTISOCIAL "ANTISYSTEMIC" TENDENCIES IN INTEGRAL TRADITIONALISM AND GNOSTICISM

Abstract

First of all, it should be said that tradition and traditionalism are two completely different cultural phenomena. Traditionalism is an attempt to reflect on tradition, the restoration of vanished traditions (as an attempt to "revive antiquity" in the European and Muslim "renaissance"). "Guenon says that Tradition is more important than traditionalism" [14, p.27]. But have we, the people of the East, retained direct access to It? Hardly... At the same time, "being only partially in the Tradition, we have a unique opportunity to explore it from the outside, we are able to purify and crystallize the idea of ... its skeleton" [14, p.29]. And it is already clear that different traditions do not teach "The same Truth." But then what unites the Tradition? Apparently, the unity of the language. It is this language that we intend to explore here, as well as antisocial tendencies in integral traditionalism and Gnosticism. If traditionalism is a reflection on Tradition, then this study is a reflection on both Tradition and traditionalism.

The purpose and objectives of the study. The purpose of this study is to study the antisocial "antisystemic" tendencies of Gnosticism and the

integral traditionalism formed on its basis (such as A.G.Dugin). The term "antisystem" was introduced into scientific usage by L.N.Gumilev to denote life-denying, hostile to the Earth's biosphere, religious and philosophical systems ().

To achieve this goal, the following *tasks* were set and solved:

- to identify the "algorithm" of the so-called "descended aeon" using studies of various esoteric traditions from Gnosticism to Kabbalah and Tantric Buddhism;
- to show the unscientific nature of the Gnostic terms "fallen aeon" and "evil demurgus";
- to characterize "Christian gnosticism";
- to characterize the so-called "Islamic gnosticism *bätiniyyə*";
- to show the possible ontological, in particular physical (the hypothesis of the so-called "Big Bang"), foundations of the concept of the "descended aeon";
- to show the relation of gnosticism and traditionalism of the Guenon school to society and social life.

The degree of research on the topic. See the bibliography provided at the end of the article.

The research methodology is based on the unity of historical, socio-psychological, logical, and systemic integral approaches. In terms of methodology, all the components of the studied issues are considered in a systemic relationship. Among the latest methods, it is necessary to indicate the methodology of research of altered states of consciousness in transpersonal psychology, research in the field of NLP and the so-called "cyberpunk" (G.Bateson, T. Leary).

The novelty of the research. The article shows for the first time that the teachings of Sufism, Kabbalah, Gnosticism, and even Tantric Buddhism use the same mythologeme of the so-called "descended aeon." But, unlike Sufism and the Kabbalistic cult of AIN SoF, the so-called Gnosticism-Batinism is based on the rejection of this "descended aeon" and everything related to it, including the entire manifested world (G.Dzhemal, T.Daimi). For the first time, the mythologeme of the "descended aeon" acquires a completely scientific form in the context of modern physical and thanatological concepts (the so-called "light void at the end of the tunnel" by R. Moody and "Bardo Tedol"). At the same time, developing L. Gumilev's ideas, the author of this work for the first time shows the socially dangerous, so-called "antisystemic" nature of the philosophy of so-called "Islamic gnosticism".

Conclusion. Gnosticism, which had a strong influence on the philosophy of traditionalism of the Guenon school, acts as an "antisystem" in relation to ethnosystem systems, social life and socialization.

Keywords: traditions, monism, non-duality, Zen, Sufism, discrimination.

Интегральный традиционализм

На протяжении XX – начала XXI вв. «интегральный традиционализм» в лице его представителей пытался либо реконструировать онтологию, мировосприятие, гносеологию, мистическую практику, этику и эстетику т.н. «Изначальной Традиции Золотого Века», либо приблизить локальные религиозно-мистические традиции и соответствующие философии к уровню «Традиции Изначальной», ассоциируемой с т.н. «адамическим состоянием», «полярным гнозисом» «утраченного рая» и т.п. Удалось ли это традиционалистам? Похоже, что нет, или не совсем. Более того, удалось нечто прямо противоположное первоначальным намерениям: сформировались реакционные правоконсервативные «антисистемные» идеологии, сеящие по всему миру, выражаясь языком Евангелия, «разделение, меч, войну».

На мой взгляд, ни «лево-либеральный» постмодернизм, ни «право-консервативный» традиционализм не отвечают требованиям современности (или, если угодно, «постсовременности»). Они не способны решить актуальные проблемы мира с учётом интересов всех сторон. В основу подходов к решению этих проблем должны быть положены идеи демократии (необязательно европейского типа), толерантности и свободы, уважения и учёта не только «своих» (индивидуальных, национальных, конфессиональных и политических), но и «чужих» интересов и позиций.

Идеи демократии, толерантности и мультикультурализма юридически зафиксированы как составные части идеологии Азербайджанской Республики как суверенного государства.

Традиция и традиционализм

Как уже говорилось «Традиция» и «традиционализм» – совершенно разные явления культуры и эзотеризма религий. С.С.Аверинцевым была, ещё в позднесоветский период, разработана «типология традиционализмов» (). Советский культуролог,

мифолог и литературовед различал «дорефлексивный традиционализм», «рефлексивный традиционализм», «этнический традиционализм» и «конец традиционалистской установки как таковой в XX в.» (). Однако, именно в XX и в начале XXI в. традиционалистами-генонистами (в особенности А.Дугиным) была предпринята попытка реставрации языка и «алфавита» Изначальной Традиции (). Но эта эзотерическая доктрина «не от мира сего» вряд ли может быть адекватно переведена на язык этносоциальной практики, социальной политики и геополитики (что и показала монография А.Г. Дугина «Основы геополитики»). Политические аспекты традиционализма-генонизма вместе с «негеноновскими» примитивными формами религиозного и этнического традиционализма, вызывающими отторжение у многих мыслящих людей, привели Т.Даими к идее «прощания с интегральным традиционализмом» и перехода к «гетеродоксальной инициации» и «неконфессиональной теологии» или философии (13).

Существуют различные типы традиций: культурные, этнические, религиозные, научные, художественные, эзотерические и т.п.. традиционализм геноновского типа занимается, в основном, «возрождением» эзотерических, религиозно-мистических традиций. В основном, он представлен работами Рене Генон (шейха Абдул Вахид Йахйя) и его последователей – А.Корбена, Т.Буркхардта, Ю. Эволы, А. Дугина и Г.Джемаля. Исследования Р.Генона, А.Корбена и Т.Буркхардта развивались в рамках аутентичного суфийского ислама. Тогда как работы А.Дугина и Ю.Эволы связаны с эзотерическим христианством и немецким традиционализмом середины XX в. (Г.Вирт).

Для понимания проблематики данной темы следует провести различие между понятиями «традиции» и «традиционализма». «Традиционализм» занимается реставрацией исчезнувших или пришедших в упадок традиций, а также попытками истолкования религии, приведения её в соответствие с её эзотерическим ядром. Иными словами, традиционализм – это, в некотором смысле, искусственное явление культуры, симптом её кризиса. Живой аутентичной традиции не нужен традиционализм.

Инициация в традиционализме и гностицизме

Традиционализм в лице Генона и его исследователей поднимает проблему эзотерической инициации, рассматривая традиционную религиозную инициацию (обрезание, крещение и т.п.)

как недостаточную. Для Генона полной инициацией была т.н. «малая» или «инициатическая смерть», для А.Дугина, Ю.Эволы и Т.Даими – «опыт разрыва». В интерпретации Дугина – это «схлопывание шара Dasein» («здесь- бытия») до плоскости [или «поверхности», как у Ж.Делёза: «глубже всякой бездны – «поверхность»» - Т.Б.].

В модели «гетеродоксальной инициации» в рамках «не – конфессиональной теологии» Т.Даими, претендующей на развитие и реализацию идей суфизма и т.н. «исламского гностицизма» («bātīniyu») с его опытом «фана» - это «апорический разрыв психофизического узла «сознание - тело» и обнаружение нулевой точки «инстанции свидетельствования», якобы связанной с рецитацией исламской «шахады», но в большей степени с буддийским «квантовым наблюдателем» и идеей «шуньи» - буддийской «пустоты – не - пустоты» (т.е. виртуальности). Эта практика близка также к тантрическим техникам разрыва узлов – «грантх», к индуистской «кайвалье» - отделению Атмана от тела, а также к японскому «сипоку». Хотя Т.Даими сам предупреждает о небезопасном характере этой практики, в целом, он утверждает её не суицидальный характер (хотя кто может гарантировать сохранение физического носителя в этом случае?).

А.Дугин трактует, возможно под влиянием Ю.Эволы, А. Корбена и Г.Джемаля, «опыт разрыва», как предстояние перед «rərdə - i - hicab», когда в эту «завесу», скрывающую апофатический Абсолют, превращается весь видимый мир (). Это означает, что эта небытийная «завеса» - есть Нуль, тогда как об апофатическом Абсолюте мы ничего не можем сказать: в том числе, нельзя сказать, что Он есть Нуль, не бытие. Т.Даими совершенно верно трактует этот «разрыв» как «Абсолютный Предел».

По мнению А.Дугина, отрицание «опыта разрыва» в «ультраханбалитском суннизме» приводит к небытийности как «сущего» (в гностическом смысле), так и Абсолютного Бытия (14). Т.е. остаются только «мёртвый» (в гностическом смысле) или «ветхий» Адам – человек и апофатический, «пустой», «скрытый» («аль – Батин» в результате «кенозиса») Абсолют (такое понимание «al-Bātin» ограничено и неполно). Результат подобен «опыту стены» Бодхидхармы: «бескрайняя пустота, ничего священного, ничего святого» (). Однако, читая некоторых шиитских авторов, в частности, Г.Джемаля и Т.Даими, мы видим также аналогичный

результат: «пустой свидетель – квантовый наблюдатель», отрицаемый им мир, порождённый «злым демиургом»; «Дух» якобы тождественный «Пустоте»; опустошённое сознание «Ничто», пустой «Абсолют» ($(1+\infty=0)$) (13). В этой связи, надо сказать, что буддийские авторы не столь радикальны: «сансара=нирвана» (Нагарджуна), есть виртуальная (а не небытийная) «татхата» - «таковость», непосредственно наблюдаемая в дзэнской медитации (Уилбер), есть «ступень не-практики» (Миларепа) и возвращение в мир (последняя картинка «В поисках быка» в чань). Почему «так»? Потому что дальневосточная традиция была незнакома с Аристотелем, а логический реализм школы «ньяя», силлогистика Дигнаги и тетралемма Нагарджуны существенно отличаются от законов «запрещения противоречия» и «исключённого третьего» Аристотеля (бинарная логика «либо А, либо не - а, третьего не дано»). Поэтому понятие «нирваны», нарушающее эти законы, в других традициях встречается редко. В мусульманской традиции «суфийскую нирвану», за пределами знаков, рациональности, логики и «хакикат ал-мухаммадийа», мы находим у шейха ал-Джили (). Т.Даими также предлагает «экстрим нон - логику» алогичного, «крушение алгоритма» гностического «злого демурга», понимаемого не как «божество», а как неисправность восприятия Реальности. «Гностическая парадигма» Г.Джемаля и Т.Даими имеет особый радикально-монотеистический пафос, однако в контексте концепции «биполярности этносферы» Л.Н.Гумилёва приобретает «антисистемный» характер (11^а).

Для средневековых суфиев «фана» - «уничтожение» (от «Фанат» - «Танатос» - «смерть») было не самоцелью, а началом бесконечного путешествия в Боге («вака»), которое не может быть завершено по определению (отсюда невозможность «An al –Həqq!») и которое приводило к некоторому контакту с Тайной («Sirr»). У.Т. Даими мы не видим однозначного утверждения Абсолютного Бытия или Инобытия (как у А. Дугина: «Иного Всего»): жизнеотрицание приводит только к Не –дефинируемому (типа «Неопределённого» Нагарджуны).

Почти все традиции указывают на апофатический Абсолют, как на Высшее измерение Божественного. У Нагарджуны это «анирвачанья» или «авьякья» (что то вроде полнлй неопределённости), в веданте – это Ниргуна-Брахман, в суфизме – это Sirr (тайна), в буддизме – это неопиcуемость нирваны, сатори и

недвойственной таковости («итине»), у даосов – Отсутствие Предела как эзотерический смысл «Тай-цзы» («Великого Предела»), в иудейском мистицизме – это Тайна Тетра граммотона, у Нила Сорского, Мейстера Экхарта и Ангелуса Силезиуса – это тайна апофатики, в тантре – это «а-таттва» («не-категория»). В XX в. на непостижимость Абсолютной Истины на вербально-логическом, рефлексивном уровне указывали Г.Гессе, А.Кожибский и Ж.Деррида.

Адепты адвайты и такие суфии как Шамс Тебризи, Руми, Насими, Халладж, Ибн ал-Араби считали каждое живое существо, иногда «вещь», но в основном, человека проявленным выражением Абсолюта. А это противоречит содержанию «Шахады» и суры «Ихлас». Кроме того, вполне возможно, что каждая традиция имеет своё понимание Тайны, если, вообще таковое возможно. Так, суфийская Тайна «Sitr» отличается, вероятно, от даосской и дзэнской таковости (японское «itipō»).

Но самое главное, что мусульманский “ar-Ruh” и индуистский «sat» – совсем не одно и то же. А ведь именно благодаря этим центрам происходит выход в «тонное» и за пределы «тонкого»... но, с другой стороны, эти различия возникают на уровне Проявленного, а не Сокрытого!

Сильное влияние на формирование философии интегрального традиционализма оказали эзотерические традиции христианского т.н. «исламского гностицизма» (особенно исмаилистская ветвь «bätiniyyū»), которые Л.Н.Гумилёв охарактеризовал как асоциальные жизнеотрицающие «антисистемы» (). Однако рассматривать их как «антихристианство» (идея Л.Н. Гумилёва) нет достаточных оснований: истоки этого асоциального мировоззрения лежат в учении самого Иисуса Христа, что видно из анализа записанного с его слов т.н. «гностического» Евангелия от Фомы.

Типология традиций:

а) 1= Вечность (арабск. «бака») = Трансцендентное = «Божественная Плерома»

Имманентное = 0 = Время как Пустота (Риндзай) = Ардханаришвара (Андрогин) = 0 = Zeroan = Время (санскр. «kala») = смерть (арабск. «фана» = Фанат, т. е. Танатос) = Кали = Шива (Махакала), «царства количества и знамения времени» = «бесконечное атомное множество» квантов-нейтронов – дхарм (Р.Генон); «Эон» гнозиса («1+0»);

б) «Нет бытия, кроме Вечности» (Низами, вуджудизм):

$1 \pm 0 = 1$, следовательно небытия и смерти нет;

в) минус 1 = «апакалиптический дух Бездны»;

г) $1 + 0 \neq 2$ = формула зона «Эйн Соф» мира бесконечности в Каббале (см. книги М.Лайтмана и М.Гонсалес – Уиплер) и в тантрическом буддизме («Всеблагое Отец-Мать» Светопустота («Дхарма – кайя»); «рождение мёртвого» (М. Лайтман, Евангелие от Фомы) или «свет в конце тоннеля» Р.Моуди;

д) 1 минус 0 = 1 (вуджудизм);

е) Адвайта: Парменид

$3 = \text{не-}2$; $1 = \text{не-}2$; $0 = \text{не-}2 \Rightarrow$ экуменический диалог;

$1 + 0 = \text{не-}2$;

$2 = \text{не-}2$ (тантризм):

«A = не -A»

«сансара = нирвана» (махаяна - буддизм) или «сансара + нирвана = не -2 (Адвайта)»;

ж) «A = не-A», следовательно « $3=1$ » - Христианский троизм, (Дугин, Юнг, кришнаизм)

$3 \neq 2 = \text{не-}2$ (кришнаизм)

з) Вопреки расхожему мнению, тетралемма Нагарджуны не выходит за рамки двоичного кода: а) 1; б) 0; в) и 1, и 0; г) ни 1, ни 0». Поэтому сам Нагарджуна выдвинул идею «свободы от 4-х крайностей», т.е. 4-х членов тетралеммы; и Абсурдная диалектика также не полностью выходит за рамки двоичного кода: « $1 \neq 0$, следовательно $1=0$ ». Здесь есть попытка его подорвать, но не совсем удачная, так как это построение основано на формализме «1» и «0» («A» и не – «A»).

Возможно за рамки этого цифрового детерминизма выходят высшие проявления художественного мышления (идея Эльчина Шамилли) и «свободные ассоциации» (Юнг) «ассоциативного», «некатегориального» и «аналогового» (Бейтсон) мышления. Тогда как с дигитальным мышлением прекрасно справляется искусственный интеллект. Ведь художникам и исследователям хорошо известно, что художественный формализм принципиально отличается от формализма формально-операционального, логического.

На «цифровом», логическом, формально-операциональном уровне невозможно выйти за пределы дилеммы «аристотелизм-антиаристотелизм», так как здесь «третьего не дано», поскольку всякий такой выход будет перемещением на полюс не-

аристотелизма с его троичной логикой, где есть «третий вариант» - «пространство между». Однако, может быть, выход за рамки двоичного кода и логики возможен в искусстве, в художественном творчестве.

По мнению проф. С.Фархадовой, за рамки цифрового («дискретного мышления» в терминология этого учёного) выходит «волновое мышление» в музыке (35).

При этом, надо сказать, что мета – число «Адвайта» (не-2) невозможно адекватно выразить, формализовать при помощи двоичного кода «1» и «0». Возможно, что оно «свободно от четырёх крайностей» Нагарджуны. Оно пришло из древнеиндийской философии и математики. Его не было в европейской или арабомусульманской математике. «Адвайта» - мышление нуждается в исследовании с позиций «сравнительной морфологии математик», основы которой заложил О. Шпенглер. Весьма приблизительной формализацией Адвайты может быть формула $1+0 \neq 2$.

Субъект «разрыва»

Гностический (1)-монизм (с вычитанием 0) будет «вычитывать» “позицию беспристрастного научного подхода”, и позицию, «постороннего» «пустого свидетеля (0)» (в буддийском смысле Квантового ума”), позицию наблюдения за «игрой алгоритмов». Причём, погружение в исламскую гностическую практику на ортодоксальной основе, как показывает практика многих традиционных мистиков, подобно кататоническому состоянию «мухи в янтаре» (метафора Т.Даими) или, в лучшем случае, состоянию, «мотылька, летящего к горящей свече», или же «труп в руках мурдашира» («tavakkül» в суфийской практике). В то же время, безразличие к себе и передача управления в «руки Аллаха» в состояниях «tavakkül» (ср. С бескорыстной мотивацией в «карма-йоге») вполне согласуются с отстранённой позицией отчуждённого «пустого свидетеля» (хотя этот «свидетель» и «свидетель шахады» - не один и тот же). Ошо (Шри Раджниш) в последние годы жизни выработал интересную «шизофреническую» практику «слежения» разных «свидетелей» друг за другом.

При этом, то, что в классической психиатрии считалось «шизофренией», с точки зрения современной трансперсональной психологии, является не психическим заболеванием, а просто «множественной структурой личности», т. е. вариантом нормы. Еще в 1920-30-е гг. об этом писал П.Д.Успенский, как об отделении

«сущности» от «личности» в практике дервишей. А современная трансперсональная психология вводит сюда еще и «трансперсональное сознание алайя-виджняны-сознание-хранилище», обычно локализуемое в задней части черепа, но на самом деле, не имеющее чёткой пространственной локализации. Установлению контакта с этим «квантовым умом» может помочь депривация зрения или практики «сознания» без объекта. Многократная реализация «опыта разрыва» позволяет дифференцировать внутреннюю структуру личности на сегменты. Это мы видим и в «психологии суфизма» Д. Нурбахша: осознающее эго наблюдает и за монотеистическим «свидетелем», и за «нафсом», и за «шейтаном», наущающим груди людей» (Коран) и их сердца (27). Таким образом, сам человек может выбрать свою «сторону силы», или же ограничиться позицией наблюдателя за «игрой алгоритмов». Таким образом свидетель «*ṣahadatnamā*» - «*ṣahid*» - свидетельствует о монотеизме, а «пустой свидетель» - о «глупом кинофильме жизни» (К. Уилбер особо подчеркивает то, что последний, — собственно, — свидетель, а не «жертва», т.е. не «*ṣahid*» (). Разотождествление с «актуальным» прямо отсылает к позиции «пустого свидетеля» (Т. Даими). Но «пустой будхический свидетель» не совсем «пуст», так как «шунья» не совсем «пуста». Это «Нечто», а не «Ничто».

При этом незотерические традиции, «официальных» религий, в особенности, ислама и христианства, в основном, отрицательно относятся к самой теме «бездны» или «злой пустоты». Тогда как, например, эзотеризм, исламский гностицизм впадает в обожествление «пустоты», «тьмы», в «философию Ничто», в эстетику «чёрного камня Каабы».

Но проблема т.н. «гностического ислама» в тюркском контексте заключается в том, что тенгрианство делает упор на демиургической и «управляющей» функции Танры, которая в христианском и, отчасти, в исламском гностицизме принадлежит не «суфийскому Абсолюту», а т.н. «злому демургу». В древнеарабских верованиях, получивших отражение и в Коране, Аллах всё же носит функции демиурга, управителя вселенной и «господина Судного Дня» («*maliki yawmiddin*»).

Таким образом, «субъект разрыва» — это всегда некий «шизофренический (не обязательно психотик в клиническом смысле) субъект». Как у Фитхе: «расщеплённое Я = отсутствие эго». И это всегда было традиционной практикой эзотерических систем (или

«антисистем»).

Иными словами, «разрыв» — это не просто изменение восприятия мира, не просто «разрыв с Dasein» (А.Дугин). Это внутренний разрыв, внутренний, «конфликт дхармы». При этом, в средневековых практиках аутентичных традиции, всегда делался упор на разрешение этого конфликта между «высшим Я» и «низшими я», на этике, тогда как в современных течениях и традиционализме — на гнозисе, понимании, свидетельствовании и т.д. В аутентичных традициях всегда радикально ставился вопрос: «духовное тело, прибитое к кресту тварного мира, либо змея плоти, распятая на кресте духа. Предполагалось, что гностик... движется от первого понимания распятия ко второму» (А. Цветков).

В плане философского осмысления гностической парадигмы наиболее интересны две концепции, резвившиеся в христианском гностицизме: концепция, «Божественной Полноты-Плеромы» (и «падения» отделившегося от нее «зона») и концепция, «кенозиса» — «самоопустошения «Абсолюта». В плане онтологии они дают две совершенно разные картины: «Абсолют как Полнота» и «Абсолют как Пустота». Поэтому, выходит, что надо говорить не о противоречиях между христианством и буддизмом или даосизмом, или между исламом и буддизмом, а о противоречиях внутри эзотеризма одной конфессии! Концепция «кенозиса» вполне логична: Абсолют проявляет себя, вследствие чего опустошается, становится Непроявленным. И всё же... Обе концепции представляются слишком «алгоритмическими», механическими, несоответствующими статусу Абсолюта. Поэтому Он остается неразгаданной Тайной!

Субъект «разрыва» - просто «пустой Свидетель» (не путать со свидетелем «шахады») или «квантовый наблюдатель», не отождествляющийся ни с абсурдным «кинофильмом жизни», ни со своими мыслями и переживаниями, ни с «религией» или «религиями», с их логикой или с их «картинами мира». Это даже не «будда»... это обычный учёный, пытающийся разобраться со своими научными и жизненными проблемами, руководствуясь беспристрастным научным подходом.

Опыт виртуального разрыва «Dasein» («здесь-бытия») лучше ведётся из т.н. «рептильного» мозга осознающего эго «пустого свидетеля». Но, на мой взгляд, это лучше делать без разрыва основных психофизических узлов-«грантх» (разрыв «грантх» часто

приводит к негативным и опасным психоментальным и кардионеврологическим последствиям). Более того, от разрыва этих узлов предостерегает Коран в сурах «Fələq» и «an-Nas».

Традиционализм и гностицизм (Типология логических языков Т.Даими)

а) «Алгоритм»: Сансарические дифференциации (различение-«фуркан»); Двоичный код аристотелизм, «формальная логика». Религия («да», 1, Бог, Дух); нигилизм («нет», 0, Пустота);

б) «усложнение алгоритма», диалектика, (контр)инициация в направлении нирваны, «тезис-антитезис-синтез», диалектика тождества и различий;

в) «нирвана» за пределами дигитальных кодов и алгоритмов, неисчисляемое и внезнаковое, за пределами мысли (Т.Даими) «крушение алгоритма» освобождение от «сансары», «экстрим-логика» (Т.Даими), «первая степень существования» шейха ал-Джили, отличная от «Хаккикат ал-Мухаммадийа» («второй степени»).

Что же касается «визуальной антропологической практики» Даими, основанной на «тантрическом» взаимодействии взгляда и пустоты, то она может быть сведена к тантрической формуле $1+0\neq 2$. В таком случае, алгоритм двоичного кода выводится на уровень недвойственности. Но это не заявленное Т.Даими «крушение алгоритма». Более того, это и есть алгоритм «падшего демиурга», «Эона» (гностицизм). Тетраlemma Нагарджуны, о которой пишет Даими, также оказывается в пределах цифрового мышления, поскольку может быть формализована при помощи единиц и нулей. Надо сказать, что и медитативная остановка мысли, т.е. утверждений («да» в двоичном коде) и отрицаний («нет» в двоичном коде) приводит к опустошению – обнулению сознания, т.е. к Нулю (0), следовательно такая остановка является негативной частью алгоритма, а не выходим из него. И приверженность монотеизму, т.е., Единице, тоже не есть выход из алгоритма.

Все исследования Т.Даими связаны так или иначе с танатологией. Однако его понимание проблемы смерти временами спорно. Обратимся к «Бардо Тёдол». В этой «Тибетской книге мёртвых» говорится о восприятии «Дхарма - кайи» («Тела Истины» в тибетской традиции) в момент смерти. Там говорится: «Дхарма-кайя» - есть «Всеблагие Отец-Мать... Отец-Свет, Мать-Пустота...» (32). То есть, эта «Светопустота» - не «крушение алгоритма». Это сам «алгоритм» Недвойственности двойственного: $\langle 1+0\neq 2=\text{Адвайта} \rangle$!

Или как в «Евангелии от Фомы»: «Когда он станет пустым, он наполнится светом»... «Эта Светопустота - не тьма. И здесь нет ничего «нечеловеческого», раз на это указывает сам Сын Человеческий. Т.е. «алгоритм смерти» это тот же «алгоритм», который лежит в основе зачатия (соединение сперматозоида и яйцеклетки) и рождения... Так, что же: «круговорот рождений и смертей, «сансара» - это «нирвана», как об этом говорится в сутрах Махаяны и в учении Нагарджуны и мадхьяминков? Или надо искать «нирвану» в нецифровом художественном мышлении, в «аналоговом мышлении» (Г.Бейтсон, С.Фархадова, А.Дугин)?... Или в Нерождённом и бессмертном Атмане индуизма?...

Христианский и «исламский» гностицизм

Учение христианского гностицизма было изложено Валентином, Василидом и Саторнипом (Мани - ученик последнего) во II в.н.э. и восходит Евангелию от Фомы, записанному со слов Христа и найденному в 1940-х гг. XX века в библиотеке Наг-Хаммади. Эти александрийские гностики полагали, что из Абсолюта истекали божественные эоны. Все они в целокупности «назывались «Плеромой» или «Полнотой» всего сущего. Вместе с «Плеромой» существовала грубая безжизненная материя», имеющая только видимость существования, и потому называлась «Пустотой» (египетск. «Дхаат»). Мир возник из случайного и несанкционированного «Плеромой» «падения» одного из эонов в материю – «Пустоту». Этот божественный эон одушевил материю, благодаря чему возникло многообразие видимого мира. «Эона», из-за которого возник мир, гностики называли Демиургом и приравнивали к богу Ветхого Завета... Высочайшая «Плерома» постоянно заботится о жертвах Демиурга – людских душах «и пытается» укрепить их в борьбе с материей. Для этого она иногда сообщает людям «новые духовные элементы и послало на Землю первого эона», который воплотился, «вочеловечился» в Иисусе Христе для того, чтобы указать людям «путь обратно в Плерому. Раздраженный этим Демиург, а по другим мнениям Сатана, довёл Иисуса до распятия» (,с.126-127). Иными словами, один «эон», связанный с «непорочным зачатием» и рождением Христа – «хороший», а другой, связанный с происхождением мира – «плохой», т.н. «злой демиург». Такой подход ненаучен. С точки зрения т.н. «исламского» гностицизма (Г.Джемаль, Т.Даими), оба эти «эона» не есть метафизический Абсолют – «Божественная Плерома». В то же время

некоторые идеи Г.Джемала и Т.Дамми, связанные с т.н. «философией Ничто» - ловушка тантрического, каббалистического (возможно суфийского) AIN Sof, «упавшего» в «Пустоту» и к ней ведущего (каббала: «Иегова Элоах ва Элоха-Дхаат Пустота»). Сам этот AIN Sof (не будем называть его «злым» из соображений беспристрастного научного подхода) – китайское «Дао» или «Тайцзы» и «Дхарма-кайя» буддизма - соответствует древнеазербайджанскому Зервану Zeroan Akarane - «божеству» Бесконечного Времени (“sansara”?), а не Вечности Пакибытия (суфийское «Бака»?) –«Божественной Полноты»! Произошедшие от Зервана Творец-Мазда- громовержец-библейский Асир («Строитель Дома» у Шакьямуни) и, тем более, Ахриман, не могут быть богами (ал-Ашкар считает дуализм «ширком»).

Простая арифметическая формула «маарифата» $1 \pm 0 = 1$ говорит о том, что никакой «эон» никуда не «падал», «нулём» можно «пренебречь» (в математическом смысле), а всё что мы видим - "мая" адвайта-веданты и буддизма. И только в этом смысле можно согласиться с интерпретацией «шахады» Т.Даими: «Нет Бога (демиурга)! Есть Аллах!» Но, сожалений в исламе и суфизме есть элементы креационизма, противоречащие научному познанию и, особенно, постнеклассической научной парадигме. Креационистская догматика т.н. «мировых религий» носит мифологический характер и не может быть научной истиной.

Гностицизм в своих крайних проявлениях отрицающий материальный космос и его творца, как верно заметил Л.Гумилёв, обнаруживает основной признак «антисистемы» и жизнеотрицание» (). В то же время, гностицизм предлагает альтернативу – возвращение в «Плерому»! Эта «Полнота» - «Плерома», а не «Пустота», может оказаться «al-Bätin» - непроявленным Абсолютом, тогда как слово «az-Zahir» Р.Генон переводит как «маг», «фокусник» или, даже, «колдун» (11). При этом, «al-Bätin» соответствует нероявленному «бескачественному» Ниргуна-Брахману («пустота» - тоже свойство, хотя и негативное, и, поэтому, неприменимо к Нему), а «az-Zahir» - проявленному Сагуна-Брахману адвайта-веданты. Но самое главное, что веданта рассматривает этот иллюзорный гностический дуализм диалектически или даже адвайтистски («Advaita» = не~2)!

Гностицизм оказал колоссальное влияние на традиционализм Р.Генона (Абдул Вахида Йахйя), Ю.Эволы, Т.Бурхардта, А.Дугина и

Г.Джемалю. «Исламский» гностицизм последнего, отрицающий креационизм, можно рассматривать как альтернативный «таухид», поскольку слово «ислам» переводится как покорность как «покорность», которой не может быть в надконфессиональном гнозисе. В то же время, гностицизм Г.Джемиа и Т. Даими восходит к мистицизму «bätiniyye».

Ещё в античный период было учение Маркиона, который утверждал, что Бог Ветхого Завета и Бог Нового Завета - разные «боги».

Если, как утверждает М.Гонсалес - Уиплер, «Ain SoF» каббалы, т. е. «низшедший эон» Гностиков - это алгоритм «Большого Взрыва» современной физики, то значит, что и его исследованиями должна заниматься физика или квантовая механика, а не метафизика. И «Богом» в высшем метафизическом смысле он быть не может.

В доктрине христианского гностицизма есть один важный момент: гностицизм полностью согласен с иудейской и мусульманской монотеистической идеей о том, что Иисус Христос никак не может быть «сыном» ветхозаветного Бога, т. к. он имеет совершенно Иное происхождение. В «теософии», (Блаватская, Безант, Рерихи) в учении Ошо, и даже, в «ариософии» А.Дугина Христос тесно связан с «дэваяной». В то же время, в Коране он - один из пяти основных пророков монотеизма. Поэтому его распятие может быть связано с глубоким внутренним «конфликтом дхармы».

По сути дела оба «эона» - «падший» и «непорочный» имеют один и тот же алгоритм – « $1=0=1$ » - а значит резко и однозначно противопоставлять их не следует. Кроме того, самое главное, что ни тот ни другой – не есть непостижимый метафизический Абсолют!

Недвойственность в эзотеризме и в медитативных практиках

Складывается впечатление, что «множественность реальностей», в конечном итоге, все равно, сводится к двойственности систем и «антисистем». И, с точки зрения глобального философского дискурса, эта двойственность сводится к гамлетовской «дилемме» бытия и небытия. Добавим сюда постсовременную парадигму науки. И мы получим простой дигитальный код чередования единиц и нулей... Единица («бытие»)... Нуль («небытие»)... И выходит, что наполненность (бытийственные единицы) дополняется пустотой(небытийными нулями) – как в древних даосско-тенгрианских традициях («ян-инь»

или «ala-kara»).

«Не-два!» - говорят, если верить Д.Судзуки, буддийские мастера, когда их ученики начинают мыслить дуалистически. Адвайта (недвойственность) не есть дуальность, не есть множественность, и даже, необязательно есть абсолютное единство. Иногда Адвайту называют «границей за пределами разума» или «пределом всех теорий». Недуалистическая философия буддизма и тантры учит идее Недвойственности Энергии и Пустоты. Обозначим Свет, т.е. энергию как Единицу (1), а Великую Пустоту как Нуль (0).

Вспомним, что выдающийся математик Лютфи Заде доказал, что между единицей и нулем нет четких границ, т.е. Единица как бы растекается в направлении Нуля, проникая в него. Без энергии Единицы Нуль был бы «темным» (у Л. Заде речь идет о «нечётном множестве Единицы»).

Итак, Недвойственность может иметь вид очевидной и простейшей арифметической формулы, совершенно непротиворечащей даже оспариваемой сегодня аристотелевской логике:

$$\langle 1 \pm 0 \neq 2 \rangle$$

Более того, в этой формуле соединяются логика Аристотеля и логика Нагарджуны и Шанкары. То есть, дуалистический аристотелизм с его «законом исключённого третьего» приводит к Адвайта-веданте. К философии недвойственности! Иллюзорная дуальность растворяется!

Итак, парадоксальная недвойственность дуального дигитального кода – это тантрическая иерогамия «AĪN» и «AĪN-SoF», называемая в Каббале ещё именем «Иегова Элоах ва Элоха» («Дхаат», что означает «Пустота»), т. е., с точки зрения гностицизма, это «низшедший Эон», изначальная сингулярность «Большого Взрыва» (76). Поэтому «AĪN-SoF» в трактовке М. Лайтмана (232) совершенно идентичен «Одному Вкусу Всего» К.Уилбера и его тибетских учителей, и т.н. «Трансперсональному сознанию» Квантового Ума, т.е. это тантрически-каббалистическая иерогамия различённо-тождественных противоположностей типа «инь» и «ян» в «Великом Пределе» даосов, или «AĪN-SoF» Каббалы, сущностью которого является Отсутствие Предела (Ли Даочунь), и Недвойственность Светопустоты Дхармакайи – в буддизме.

Но этот Эон, все же, «низшедший» с точки зрения гностицизма, за ним скрывается и его превосходит подлинное Бытие,

непознавшее Нуля, как в Изначальной Традиции и в «Вахдат-ал-вуджуд» (концепции «Единственности Бытия» и невозможности небытия Парменида и шейха Ибн-ал-Араби, т.е. наиболее общий смысл «таухида вуджуди»).

Но, как говорили даосы, «внутри сокровенного есть еще Сокровенное»... Непроявленное «al-Bâtin», «Sirg»... Эта последняя Тайна Традиции (Р.Генон). И Она, конечно, не сводится к Ничто, к Пустоте, и как считал Деррида, не сводится даже к таинственности апофатической теологии, и, вообще, находится «вне игры» сокрытие-обнаружение». Поэтому одна из важнейших задач современной онтологии и гносеологии видится в ликвидации сублимированно-либидозного привкуса «дефлорации» (как в «Разоблачённой Исиде» Блавадской) в отношении понятия Тайны.

Поскольку сам Эон – «низошедший», с точки зрения гностицизма, то и общение с ним заканчивается, как правило, в низших «бардо».

С точки зрения эзотерического буддизма, в частности дзэн, эти три «бардо» (Три Тела Будды, включая Дхарма-Кайю-Светопустоту Т.Б.] являются просто наименованиями, просто подпорками, они есть просто ментальные тени... Почтённые, узнайте того, кто играет с этими тенями... (Мастер Риндзай) [33,с.123].

Выход из алгоритма в дзэн-практике

«Впадение...», - пишет К.Уилбер в «Проекте Атман», - в Пустотность – это причинный инцест [привязанность в психоанализе – Т.Б.]... Если индивиду удаётся отказаться от причинного инцеста – от своей связи с Пустотой – тогда возникает предельное состояние, как единственно Реальное...Такое состояние невозможно увидеть, ибо оно есть всё видимое и потому остаётся Незримым. Его нельзя познать, ибо оно есть всё познаваемое. И когда все попытки достичь его оставлены...» [33,стр.229] может произойти чудо...

Всё это может и не переживаться так остро, как об этом пишет К.Уилбер. на самом деле, в «кенсе» ли в «сатори», в «положительном самадхе» ощущение Пустотности переходит в ощущение прозрачности, какой-то дышащей Прозрачности, прозрачность переходит в ощущение Таковости, а ощущение Таковости в ощущение Естьности, в простое ощущение бытия как экзистенции. И между всем этим нет никаких границ. Таким образом «Шунья» и «Тахтата» незаметно и спонтанно переходят в «вахдат-ал-вуджут» и в Единое-Многое (Ибн Араби), в «нечёткие», уже не в цифровые

«множества», а в некую континуальность «здесь-бытия» (Хайдеггер). Иными словами, можно сказать, что здесь нет чётко отграниченных бытия и небытия, здесь нет уже единиц и нулей, так как здесь вообще нет абстрагирования, а тем более, свергенерализаций. И всё это не-физическое, не-психическое, и не-метафизическое... Это не-вечность, не-время, и не-ничто...И тогда «понимаешь, что оно присутствовало с самого начала, никогда не утрачивалось и не обреталось снова, никогда не забывалось и не вспоминалось»... [33, стр.229] Адепты дзэн говорят, что «обычные существа не лишены его, а будды не обладают им»!

А противоположность систем и «антисистем» в концепции «биполярности этносферы» (т.е. «сансары») Л.Гумилёва является очередной «сансарической дифференциацией» (с буддистской точки зрения), восходящей к сомнительной дилемме «бытия-небытия», а также к идее «добра» и «зла».

И противоположность «*Sein*» и «*Dasein*», «Сокрытого» и «Проявлённого» или «Абсолюта» и «демурга» в гностической парадигме, быть может, тоже неабсолютна? Так, Свами Вивенананда считал, что диалектическое единство Ниргуна-Брахмана и Сагуна-Брахмана надо понимать не-дуалистически, т. е. в соответствии с сутью адвайта-веданты. Раздвоившееся внутри себя божество не согласуется и с принципом «таухида». Но, с другой стороны, апофатический Абсолют должен быть трансцендентен, вне времени и непространствен (азерб. «*laməkan*») по отношению к «посюстороннему», простому и, по сути дела, «физическому» алгоритму «Большого Взрыва» и его тантрических («Дхарма-кайа») и каббалистических (иерогамия «*«AïN»* и «*AïN-SoF*») версий, а также по отношению к чисто человеческим христианским понятиям «Отец», «Сын», «Богоматерь» и т. п.

И, возможно, ортодоксальные верующие, «молящиеся», думая, что они «общаются», или «соединяются» с Богом, на самом деле, «подкармливают» энергией конфессиональных «эгрегоров» и «архонтов» гностицизма, к которым гностики относили даже «ангелов» и «архангелов». А тетралемму Нагарджуны, которую Теймур Даими почему-то относит к «экстрим (-нон-) логике», правильнее рассматривать не как «крушение алгоритма», а как замену одного «алгоритма» другим, а именно, алгоритмом т.н. «квантовой аннигиляции виртуальных частиц» в «бездне», в «вакууме-шунье» (развитие идей Б.Дандарона, Б.Кузнецова и

Л.Гумилёва). Т. е. речь идёт не о метафизике, а о чисто физическом процессе. Причём, третий член тетралеммы – «и то, и это» – структурно сходен с алгоритмом Дхарма-Кайи.

Вызывает сомнения и якобы универсальный характер тибетского танатогнозиса, описанного в «Бардо Тёдол». Свидетельства практикующих мусульман и православных, переживших клиническую смерть, сильно различаются с этими описаниями: не все видят пресловутый «свет в конце тоннеля».

Таким образом, выходом за пределы всех «алгоритмов» может быть связь с «полярным двойником» (А.Дугин) в суфийском смысле (арабск. «ал-кутб» - «полюс») или созерцание «татхаты» - «таковости», особенно в её эстетических аспектах, и обретение «свободы от четырёх крайностей» в опыте Свабхавика-кайи в буддистском контексте (К.Уилбер). «Таковость» – не метафизика, а эстетика. Подвести к такому опыту может эстетическое созерцание природы, повседневных обыденных предметов и произведений старых китайских, японских и турецко-азербайджанских мастеров кисти и калама (Тоё Сессю, Мехмет Сийах Калем, Мухаммеди), чтение классической китайской и японской поэзии. Однажды обрётённый, такой опыт имеет свойство «повторяться» (японск. «satori»); он не имеет отношения к прижизненным или посмертным «дивидендам», или к индийским «каталептическим», по определению Даими, практикам; он не имеет отношения к конкретным религиям, включая буддизм (более того, созерцание «таковости» ближе к даосизму, чем к буддизму).

Он выходит за пределы опыта как сторонников «Полноты» - «Плеромы» (христианских гностиков и вуджудитов), так и сторонников «Пустоты» (буддизм «махамудры», Г.Джемаль, Т.Даими). Исламский гнозис также выходит за пределы «фана» (арабск. «уничтожение») к «бака» и к «Sirr» («Тайна», «Не-дефинируемое» Даими). Но, в то же время, нет достаточных оснований для отождествления суфийских поисков Тайны и Созерцания «татхаты» (японск. «итинё»), хотя в конкретных индивидуальных случаях обе практики могут сопрягаться (вполне в духе арабиста Вашкевича: «такуа» и «таковость»...). При этом, очень интересно, что переход от опыта «бардо» (куда относится и Дхарма-кайя) к опыту Свабхавика-кайи, или переход от «фана» к «бака» в суфизме, связаны с «возрождением» самости, казалось бы, утраченной в околосмертном опыте (санскритское слово «свабхава»

означает «самобытие»). Однако, в идеале желателен выход даже за пределы обратного алгоритма «смерти-возрождения», за пределы «перинатальных матриц», которых, как признался сам С.Гроф, в сущности нет.

Кроме того, такого рода околосмертный опыт связан с «шизофреническим» распадом личности, как об этом говорится в Евангелии от Фомы: «вы были одни, когда вы окажетесь в Свете, и вас станет двое, что вы будете делать?».

Такого рода опыт есть и в шаманских практиках Алтая, Сибири и Тибета, когда шаман ощущает своё душу-тело расщеплённым на множество частей, и в суфийских практиках отделения «сущности» от «личности» (Г.Гурджиев).

При этом дух («ar-Ruh») оказывается абсолютно чистым, а «нафс» подвластным наущениям «личности», «шейтана» (как об этом сказано в Коране: «ведь душа побуждает ко злу!»), к «последнему искушению Христа» (М.Скорцезе).

Это показывает ограниченность концепций полного «неразличения» и «Одного Вкуса» Всего. Надо сказать, что и сам К.Уилбер проводит многочисленные различия и «ранжирования» внутри «Одного Вкуса». Поэтому идеи сторонников полного «неразличения» и «нон-селекции» (Эно, Сосан, Фоккема, Ясутани) представляются неубедительными. Более интересны попытки Д.Судзуки выйти за рамки как «различения», так и «неразличения» ().

...Но, к сожалению, всё сказанное выше напоминает опыт «лягушки-путешественницы» из сказки Андерсена, написанной под влиянием «Месневи» Дж. Руми.

Обе традиции – Ормазда (авраамизм, зороастризм) и Ахримана (дэваяна) – недостаточные, имманентные, восходящие к имманентному божеству времени – Зервану и его «калачакре», и только в высших своих аспектах соприкасающиеся с Вечностью. Они нужны только для обнаружения алгоритма двоичного кода и пустотной сути психоматериального проявления, «бездны поверхности» (Делёз), схлопывания «шара – здесь – бытия до плоскости» (Дугин)... и тогда в точке разрыва ткани сущего может обнаружиться не небытие, а какая-то инстанция «Иного Всего» (Дугин). она не может быть помещена в рамки исчерпавших себя конфессий и традиций. Здесь «нет ни дхармы, ни человека»... это мир детских рисунков. Эта «таковость» бытия, воспринимаемого в Ином свете, возникает вместе с проблеском и собственно духовного

восприятия Реального.

А полифония логических языков в метафизике и в религии создаёт ситуацию «Вавилонской Башни» посткультуры постмодерна и пост-не-классики. «Крушение» же «алгоритма» это необязательно «нирвана», это может оказаться и «сансарой»: ведь диск виниловой пластинки («save vinyl», аналоговый сигнал и «аналоговое мышление») вертится подобно «колесу сансары»...

«Системы», «антисистемы» и «эзотерические традиции» в оптике концепции «Спектра Сознания» К.Уилбера

Некоторые аутентичные «эзотерические традиции», в частности суфизм и дзэн (почти все эзотерические традиции, в частности, христианские гностические секты, тантрический буддизм Нагарджуны и исмаилизм Л.Гумилёв относил к «антисистемам» этой участи избежали только суфизм, дзэн, Дао и Каббала) мы не можем отнести ни к «системам», ни к «антисистемам»; ни к «биофильно ориентированным религиям»; ни к «некрофильно ориентированным» (Типология религий Э.Фромма (34)). Этап «фана» (арабск. «уничтожение») в практике суфизма «антисистемный» или «некрофильный», этап «бака» (арабск. «Вечность») – утверждение вечной жизни духа и преображённого этим духом существования. В дзэн мы также видим «отрицательное самадхи» и «положительное самадхи», а между ними – «пятый порядок Тодзана» (что-то вроде «нирваны» - виртуальное промежуточное состояние, невозможное с точки зрения «восточного аристотелизма» суфийской «фалсафа»).

Конфликт аристотелизма и неаристотелевских логических языков следует рассматривать динамически, т.е. не сточки зрения онтологии или того «как должно быть», или «как оно есть на самом деле», а с точки зрения психологии состояний сознания, в том числе изменённых, медитативных и т.п. «Негативные» (не значит «плохие») состояния будут порождать всевозможные нарушения аристотелевских законов логики и «сбои» в «игре алгоритмов», их «крушение», алогичное, бессознательное и т.п., а «позитивные» - напротив, восстановление «порядка», «бинарной логики», «просветлённую двойственность» (М.Каплан) и т.п. Чередование этих фаз почти всегда наблюдается в мистической практике, связанной с мистериями «смерти-возрождения» в эзотерических традициях.

Итак, суфизм, дзэн и сахаджия-йога не являются

«антисистемами» жизнеотрицания, но в них есть «фаза» жизнеотрицания, после которой наступает «фаза» утверждения духовной жизни и преображения жизни естественной.

Это будет интересно рассмотреть с точки зрения концепции «Спектра Сознания» Кена Уилбера. Спектр дорациональных и доэгоических состояний сознания («уроборической», «тифонической» и т. п.), а также базовое состояние эго-сознания не имеют отношения к рассматриваемому вопросу. Только в надэгоистическом состоянии зрелого «кентавра», прошедшего через «малую смерть эго» начинается серьезная практика. Затем индивид может разотождествиться и с кентаврическим астрально-психическим уровнем и перейти на тонкий уровень «божественного мистицизма» («контакт с Богом» или т. н. «единение с Ним»). Углубление этого уровня «Бытия, Сознания и Блаженства» открывает доступ к уровню т. н. «каузального мудреца» и к полному преодолению «тонкого познания». На этом уровне (здесь он рассматривается как психологический тип, т. е. безотносительно к его реальности или нереальности) все привычные представления и верования растворяются. Как правило, себя мистик рассматривает как «Пустое Сознание», неотличимое от «пустого Абсолюта» (М.Экхарт, «самадхи пустоты», «ниродх» в буддизме, отчасти «фана» в суфизме и, особенно, в исламском гностицизме Г.Джемала и Т.Даими).

Но самое интересное, что этот «негативный опыт» К.Уилбер не рассматривает как предельный, как высшую ступень мистицизма. «Предельным» опытом Кен Уилбер считает опыт типа дзэнского положительного «самадхи» или «сатори», ведущий к полному преображению внутренней и внешней повседневной, мирской жизни и к интеграции всех предыдущих уровней («бака» в суфизме) бытия-Сознания. Уилбер применительно к этому уровню использует термин «Свабхавика-кайя»-буддистское «тело Самобытия», воскресшего после «самадхи Пустоты» (!).

Таким образом, универсальной основой практик эзотерических традиций, как справедливо полагали ещё Э.Шюре и Р.Генон, являются «мистерии смерти-возрождения», упрощённо и не совсем адекватно имитируемые в психоделических экспериментах С.Грофа. Более интересны исследования С.Грофом и Дж. Хелифакс практик тюркского Шаманизма в книге «Человек перед лицом смерти», к которым возможно восходят древние эзотерические

практики «смерти-возрождения».

Особого внимания заслуживает (не-) практика «пятого порядка Тодзана» в дзэн, поскольку эта «невозможная не-практика» соответствует в своём выходящем за пределы «бытия-небытия» статусе уровню «предельного» или «недвойственного мистицизма», связанного с непосредственным созерцанием-восприятием Таковости вещей – «Татхаты» в опыте «Свабхавика-кайи». Нечто подобное можно обнаружить при созерцании шедевров средневекового азербайджанского художника Мухаммеда – сына и ученика Султан Мухаммеда. Эти пропитанные дальневосточной эстетикой произведения, на мой взгляд, не могли быть созданы без непосредственного глубокого опыта «чань-дзэн» (который, конечно же, не имеет ни какого отношения к «идолопоклонству» (т.е. к «būdpəgəstlik»)).

Этот уровень «недвойственного мистицизма» или «Адвайты» мы находим и в концепции «первой степени существования» ал-Джили (ал-Джалани), превосходящий по мысли этого гностика даже уровень «ал-Хакикат-ал-Мухаммадийя», выраженный в «шахаде» (1).

Религиозная мифология гностицизма: «Абсолют», «демург» и «дьявол»

На первый взгляд, с «дьяволом» всё ясно: это т. н. «метафизическое зло». Однако для йогов и адептов «дэваяны» всё обстоит прямо противоположным образом: он есть благо «саттвы» (нейтральной «добродетели» и уравновешенности), источник «духовного совершенства», создатель мира (проявлённый «сагуна-Брахман» или «Ишвара») и мировой дух «Sat»! В вишнуизме и кришнаизме он почитается как «Дэво - дэва» - «Бог богов». От теонима «дэва» (санскр. «бог») и происходит слово «дьявол» (англ. «devil»). Индуистские «божества» - «дэвы» - Вишну, Шива, Кришна и т.п. – относятся именно к этой категории. Отсюда, т.е. из теонима «дэва» происходит латинский католический «Део», европейский Дьяус и собственно – античный громовержец Зевс («zeus Faber»). Иными словами, эти теонимы соответствуют «астрально-психическому» или, в лучшем случае, «низшему тонкому» уровню, но не «каузальному» или «Недвойственному» («ниргуна-Брахман» Адвайта-веданты).

С «Ахриманом» зороастризма мы разобрались. А что же «Ахура Мазда»? Абсолютное «добро» или «благо»? С искусствоведческой точки зрения, иконография этого «бородатого

царя в профиль» - точнее, в три четверти, - (каббалистический термин) - т. е. Ашура (чаша Гасанлу (Азербайджан)) и вавилоно-ассирийских царей с ближневосточных рельефов и иконография Зевса Олимпийского в древнегреческом искусстве – одна и та же. Чем не «злой «демург-грамовержец» христианских гностиков? И, в таком случае, действительно ли онтологически объективна, реальна, «абсолютна» оппозиция «асуры-дэвы»? Следовательно, насколько этически реальна оппозиция «добро-зло»? Ясно одно: *монотеизм тут не причём и речь идёт об уровне т. н. «астральных путешествий», а не об Абсолютном Боге, не об апофатическом Абсолюте!*

Но, к сожалению, для «потомков Адама» дело обстоит ещё хуже. Такой вывод можно сделать из работ Гейдара Джемалья. Последний (как и Г.Джемаль) отождествляет Адама Кадмона Каббалы с кораническим Иблисом (13). Дж.Чёрчвард также полагал что «змея» Иблис, «древо познания» с его «плодами» и Адам некогда представляли одно недифференцированное целое. Но, Рене Генон (11) и Титус Буркхардт рассматривали «швирот килим» Каббалы, т.е. «разбиение ваз», рассеяние тела Адама Кадмона не как «грехопадение», а несколько иначе, а именно, в контексте убийства Осириса Сетом (ср. с. Инд. «Sat-дух») и жертвоприношения Асура («Васту-Пуруши») дэвами с последующим расчленением его тела. Сюда же относится принесение в жертву самого себя на древе «Иггдрасиль», совершённое скандинавским Одином-Азером (Т.Хейердал). Таким образом, Адам («небесный», «райский» Рухани) – никак не Иблис, не «зло», а сакральная жертва, первый «шахид»!, и благодаря этой жертве, без которой был бы невозможен космогенезис-антропогенез, Адам-Васту-пуруша Асур (Азер-Ахура Мазда) приобрёл божественный статус даже в рамках индуизма (в тибетском же маздеизме «бон-по», т.е. в «пятой школе буддизма», Ахура Мазда превосходит по своим качествам и могуществу т.н. «богов-дэвов»), а в учении тамплиеров он стал «Небом Неподвижных Звёзд» (соответствует Хормуста-Тенгери тюркских камов-шаманов и Ормазду зороастризма).

Посвящение в эзотерические традиции (от тюркского и скандинавского шаманизма до «калачакры»), инициация, связана как правило, с прохождением через этот травматический опыт «смерти-возрождения», «второго рождения». Этот опыт, связанный с домонотеистическими традициями, в то же время, имеет

непосредственное отношение и к исламскому гностицизму, к переживанию «*rərdə-i-hicab*» в «опыте разрыва», к травматическому прохождению через «тронный зал невидимой власти Аллаха», соотносимый А.Г.Дугиным со скандинавской «валь-халлой» («*vəli-hall*»).

В то же время, здесь встаёт запутанная проблема различения («*al-Furkan*») проявленного «*al-Zahir*» и непроявленного «*al-Bətin*». Р.Генон переводит арабское «*zahir*», как «маг», «колдун» или «фокусник», различая в духе «Ихван ас-Сафа» Абсолют и демугра (11). Р.Генон и А.Дугин придают некий особый батинитский, гностицистический смысл «тьме нерождённого и нерождающего Отца», «тьме превыше света», Непроявлённому («*al-Bətin*»), «тьме арктической ночи» гиперборейского «зимнего» гнозиса скандинавских мистерий «Великого Юла». А профессор Э.А.Саламзаде рассматривает новогодние мистерии «смерти-возрождения» Солнца в оптике тюркологии, отождествляя тюркский Путь («*Yol*») и скандинавский «*Iul*», указывая на возможное тюркское происхождение скандинавских «рун» и на их тюркские наименования. То есть, в данном случае речь идёт о глубоких и непостижимых пластах исламского гнозиса и тенгрианства. Другие тюркологи, в частности М.Аджи, также указывают на внутренние, эзотерические измерения тенгрианства и ступени посвящения. Так, М. Аджи высшую пятую ступень тенгрианского посвящения называет «Гёз бодхи», выводя из этого понятия «Прозрения Глаз» или «Ока просветления», русское слово «Господь» и санскритское буддистское «бодхи» - «пробуждение», «просветление». Эти «необратимые вещи духа» имеют мало общего с профаническими идеями т.н. «возрождения национальных, а не эзотерических (!) традиций».

Таким образом, богомильская гностическая мифологема т.н. «злого демиурга» оказывается некоторым искажением монотеистического гнозиса «*a-Zahir-al-Bətin*», искажением метафизической проблемы соотношений проявленного Бога, Его деяний, Его Лица с Непроявленной Тайной Божественной Сущности.

Характеристика Непроявленного как «каузальной Пустоты» (К.Уилбер, Г.Джемаль, Т.Даими) не совсем точна: именно потому что мы ничего не знаем о Тайне («*Sirr*»), было бы неправильно однозначно характеризовать Её как «Пустоту» - ведь это тоже определение, «ограничивающее убеждение». В буддизме

«Татхагатагарбхи» также считается, что нирвана представляется «пустой» («шунья») только «непросветлённому сознанию». Поэтому концепция Пустоты наиболее органична для даосизма и зерванизма: «породив» в результате «кенозиса» Ормазда и Ахримана, сам «Зего- (an)» оказывается опустошённым (поэтому понятие «кенозис» переводится как «самоумаление» или «самоопустошение»). И, по-видимому, практика зерванистской тантры и «майтхуны» могла приводить её адептов как к кристаллизации «асурического» и «ахриманического» внутренних принципов, так и к этой имитации «кенозиса», к зерваническому «самоопустошению». И здесь возникает библейская тема «грехопадения от древа познания добра и зла».

Подытоживая, можно сказать, что территория «конвенциональной религии», этики и гносеологии заканчивается на «тонком уровне божественного мистицизма» (идея К.Уилбера и Т.Даими). Поэтому на следующем уровне нет ничего «духовного», «божественного» или «религиозного» (как у Бодхидхармы: «Бескрайняя пустота, ничего священного, ничего святого!»). Поэтому этот уровень неправильно называть «каузальным» (как это делает К.Уилбер), поскольку к причинности, космогенезису или антропогенезу он не имеет никакого отношения (как это показал Вивекааннда в своём трактате «Путь йоги»: Ниргуна-Брахман не является аристотелевским «перводвигателем» и находится вне причинности, пространства и времени). Кен Уилбер сам признаёт, что «это не Бог, не любовь, но там, где не эта Пустота, там только страдание» (дневник «Один Вкус»). Это уровень «фана», «такуа» гностицизма и буддийской «нирваны». Тогда как надрациональный «тонкий уровень почти всегда бывает смешан с дорациональным представлениями и логикой» «магико-мифического уровня» конкретных традиций с их «до-над-заблуждениями» (термины К.Уилбера). Причём, «мифический», и «тонкий» уровни почти недоступны для эго.

«Пустотный» уровень, представленный «самадхи пустоты», «фана» Свабхавика-кайи и т.п., К.Уилбер не совсем верно интерпретирует как «онтологически реальные формы собственной божественности». На самом деле, в эзотерическом, т.н. «нетеистическом буддизме» (термин В.Мазепуса и А.Кураева) нет не только «собственной», но и, вообще, никакой «божественности». Но, как уже было сказано, эта стадия не последняя. За ней может

следовать связанное с т.н. «обетом бодхисаттвы» возвращение в мир, в т.н. «сансару» и её соединение с собственно «нирваническим» постижением реальности.

Как пишет С. Кацуки, в «пером порядке Тодзана» «Зеркало Мудрости всё ещё остаётся скрытым во тьме абсолютного самадхи». Здесь вы «поднялись над духовностью» (С.Кацуки). «Великое Зеркало Мудрости» в дзэнских текстах называется также «се» и «хонбун». Понятие «хонбун» можно описать как нечто абсолютное, подлинное, тёмное и пустое, состояние «безмыслия». Однако если вы останетесь в этом состоянии темноты, пустоты и безмыслия, ваше развитие придёт к концу. Вы должны вернуться в мир... и продолжать жизнь в положительном самодхи. Однако тут вы с необходимостью окажетесь связаны ограничениями времени, пространства и причинности и будете жить в мире противостояния и **различения** [«аль-фуркан, т.е.:» «сансарических дифференциаций» - Т.Б.]. Всё же, когда вы один раз пережили абсолютное единообразие Великого Зеркала Мудрости, вы сможете... выйти за пределы такого различения...» (20, с.213-214).

Для представителей авраамических традиций переход с «тонкого» на т.н. «каузальный» (за неимением другого будем использовать этот термин К.Уилбера) уровень проблематичен и травматичен: этот переход связан не просто со «смертью эго», а ещё и с «умерщвлением родительского Супер-эго (К.Уилбер)», и не только... Этот переход связан с обнаружением «внутреннего голема» (А.Дугин), «ветхого Адама» гностиков, внутреннего «агента» т.н. «злого демурга», и освобождением от его власти, или же, вовсе, с «принуждением голема-архонта к суициду» (как утверждает Т.Даими, здесь речь не идёт о самоубийстве в буквальном, физическом смысле, хотя эмпирически ощутимые результаты такого опыта не только не будут «приятными», но могут повлечь за собой самые непредсказуемые последствия психофизического и «кармического» характера).

«Каузальным» этот уровень является только в том смысле что вы становитесь хозяином своей жизни, «аутогенетом», а не рабом обстоятельств и судьбы (архетип «qismət» вызывает много споров и возражений даже в среде мусульманских богословов). Вариант решения проблемы этого уровня который предлагает К.Уилбер, менее травматичен, чем практика Т.Даими: вы разотождествляетесь сначала с «эго», затем с «Супер-эго», а затем и

с «божественным» или «духовным», отказываетесь от «тонкого инцеста-привязанности» (К.Уилбер), и переносите центр тяжести своего существования и мышления на «пустого свидетеля глупого кинофильма жизни» (формулировка Уилбера).

Вышесказанное является выявлением закономерностей смены стадий саморазвития, которые Уилбер проследил на примере почти всех эзотерических традиций, включая исламский эзотеризм и гностицизм. Здесь важно заметить, что Д.Нурбахш (27) в трактате «Дел ва нафс» чётко показывает, что «различение (al-Furkan» или «сансарические дифференциации» буддистов) – это «душевный» (т.е. не собственно «духовный») уровень «нафса» и «Мировой Души», а не уровень «Сокровенного Сознания», исходящего из «Sirr» (собственно, Тайны Непроявленного («al-Batin»)).

И наконец, есть в концепции Уилбера актуальный постмодернистский момент, связанный с его идеей «конструктивного постмодернизма»: постмодернисты правы в том что нет каких-то единственно верных логик, онтологий, гносеологий или эстетик; но каждая такая логика, онтология или теория познания отталкивается от своего уровня, своей стадии развития на «внутренней дуге» Спектра Вездесущего Сознания (это не значит, что Сознание-Бог).

Опыт реконструкции языка Интегрального Ансамбля Изначальной Традиции: зERVанизм-тЭнгрианство-суфизм- адвайта (-веданта) – каббала и христианский эзотеризм

Первые попытки указанной реконструкции в данном направлении были предприняты проф. Р.Г.Абдуллаевой в книге «Культурология и теория искусства: проблемы идентичности и диверсификации» (2, с. 216-217): «... в традиционной культуре вертикальная коммуникация в искусстве осуществляется по схеме «архетип-форма-стиль». Одним из таких архетипов... является идея троичности Божества. Культурная трихотомия индуизма широко известна: это образы [«образы-архетипы» Бога, но не Он Сам – Т.Б.] Брахмы, Вишну и Шивы. Они объединяются в тройственный образ Тримурти [«Тримурти» - три «формы», «мурти», в которые «веселятся» Бог, но, опять же, не Он сам – Т.Б.]... «Развёрнутое описание Тримурти ... дают пураны: Брахма=творец мира, Вишну – его хранитель, Шива-разрушитель». В философии адвайта-веданты, а именно у Свами Вивеканады, над уровнем «Сагуна Брахмана»-«Тримурти» как проявленного «божества» возвышается лишённый

качеств «Ниргуна-Брахман» - непроявленный Брахман, подобный суфийскому Абсолюту. Далее Р.Г.Абдуллаева пишет: «Трудно переоценить ту роль, которую сыграл архетип Св. Троицы в сложении стиля канонического искусства русского православия...» (2, с.217). Г.И.Гурджиев и его ученик П.Д.Успенский в системе «эзотерического христианства» (представленного эзотерическими традициями грузинского православия и т.н. «кавказской йоги») и «четвёртого пути», восходящей к азербайджанскому суфизму, рассматривают «архетипы» или «образы» Св. Троицы, или же Тримурти индуизма, как выражения эзотерической концепции «Закона трёх сил» Абсолютного как его «психо-материальных энергий» («гун» в индуизме-«раджаса», «саттвы» и «тамаса»), а не как самостоятельные «божества» (!). Абсолют суфизма и веданты превосходит (в этой системе) Тримурти и выражается здесь уже не числом «3», а числом «1» (35).

Далее, по тексту Р.Г. Абдуллаевой: «... Гораздо менее известна зерванистская триада: Зерван (Зероан, Зурван), Ахура Мазда (Ормазд), Ахриман (Ангроманью). Андрогинное божество Зерван является причиной собственного появления, он «мыслился как Бесконечное Время (Зероан Акарана), существующее изначально...» (2,с.217). Традиционный для Древнего Азербайджана зерванизм непосредственно связан с тюркским тэнгрианским: В Ормазде мы узнаём Хормуста-Тэнгери, в Ахримане – Кара-хана-Тэнгери.

Тот же «троизм» мы находим в каббалистической триаде «AIN»-«AIN-SoF»-«AIn-SoF-AUR», предшествующей «Макропросопу» ит.н. «Адаму Кадмону». Причём, именно Каббала вносит сюда «сексуальный символизм», восходящий к зерванистской «майтхуне» - имитации самооплодотворения Зервана. Эта практика потенциально может привести к развитию т.н. «квантового Ума» (А.Минделл) в задних отделах мозга, вследствие его подпитки силой «кундалини», и к генерации – «притягиванию к себе» тонких Принципов Ормазда и Ахримана, а в итоге к «интегрализму» К.Уилбера, «разодождествлению с «тонким уровнем» и переходу на более высокие уровни «Спектра Сознания»... При этом адепт становится не «богом» («дэвом» в индуистской и буддистской терминологии), а просто «пустым свидетелем» (К.Уилбер), как им он, собственно говоря, и был изначально. И как пишет К.Уилбер, «боги», отрицаемые исламом и тибетским

зervанизмом «бон-по», просто растворяются, равно как и «эго» адепта в «самадхи пустоты» («нирвикальпа-самадхи» в йоге) (Уилбер, с.33).

Спорным в концепции Р.Г.Абдуллевой представляется только сближение теонимов «Ахура Мазда» и «Вишну». «Мазда»-Верховный «Асур», тогда как Вишну – «Дэво-дэво» (см. «Бхагвад-Гиту»). Вишну, вероятно, соответствует Зервану.

Отдельной темой для Азербайджана и азербайджанцев могло бы стать научно-филологическое, мифологическое и философское осмысление проблематики Великого Азера-Одина в контексте скандинавских мистерий «гиперборейского гнозиса», (А.Дугин, Г.Джемаль, Э. Саламзаде, Т.Хейердал), его возможного соответствии теонимам «А-сурья» («не-божественные», т.е. отказавшиеся «стать богами» из прамонотеистических соображений, в противоположность «дэва» - «богам» (см. Тибетский маздеистский «Зермиг» в к.н. Б.Кузнецова (21), «Адаму Ришону» или же «Адаму Кадмону» как «телу Бога» в Каббале (М.Гонсалес-Уилпер). Кроме того, здесь уместны исследования по линии «Алтай-Шумер-Гобустан» (формула Ф.Эфенди) с привлечением материала З.Ситчина, его концепции «Ануна» (азерб. «ənənə» - традиция) и «анунаков», среди которых в шумерских и вавилонских источниках упоминаются «Aššur» и «An-Nur», вдохнувший «ветер жизни» «nēfēš», («nəfəs»)-дыхание) в «ветхого Адама» и его супругу «Хавву» (создание последних З. Ситчин, опираясь на шумерские источники рассматривает как генетический эксперимент по соединению «генетического материала» «анунаков», «глины» и «крови приматов»: отсюда – «резус фактор» как (медицинский) факт.

Сюда же относится расщепление «тела Адама Кадмона» в Каббале, понимаемое уже не как его «грехопадение», а как его убийство и расщепление его тела: убийство Осириса Сетом (инд. «Sat» один из «рудр» - «разрушителей») и жертвоприношение Васту-Пуруши-Асура дэвами («Упанишады», «Веды», «Пураны» Р.Генон, Т.Буркхардт, Й. Хейзина). Теперь о главном: почему, собственно говоря, следует «растворять» «божеств» дэваяны и «интегрального ансамбля» в «самадхи Пустоты»? Во-первых, «Пустота» символизирует «кенозис» самого Zero-ana... Во-вторых «будды» и «божества» тонких «бардо» - всего лишь «архетипы», «ментальные тени» (Риндзай, также см.32) непостижимого Абсолюта, уже как Вечности (арабск. «Вака», а не как Бесконечного времени Zeroan

Akarane)! И, вероятная противоположность Вечности и времени – основная оппозиция философии религии и эзотеризма.

Формула « $1 - 0 = 1$ » - формула исключения пустого по своей сути времени (Zeroan) из Вечности. Формула « $1 - 0 = 1$ » пытается восстановить изначальный монизм, имевший место до «грехопадения».

Zeroan Akarane и есть «падший Эон гностиков», оплодотворивший самого себя (противоестественная практика тантры является ритуальной имитацией этого процесса).

С точки зрения гностиков, креационизм, в особенности каббалистический, обожествляющий «низошедшего» Эона вместо Абсолюта, безусловно неприемлем. К этой же категории может быть отнесён тантрический буддизм (Дхарма-кайя= Эон) и вишнуизм (Маха-Вишну=Zeroan=Эон). С этих позиций т.н. «арийско-семитская дилемма» представляется относительной. Надо сказать, что даже «ангелы» и «архангелы», почитаемые креационистами, включая Михаила (Микаила) и Гавриила (Джибрила), считаются в гностицизме «архонтами мира сего». И даже, более того, как пишет Р.Генон (шейх Абдул Вахид Йахйя), «эзотеризм» рассматривает «первых царей Эдема», включая Мардука, Энлиля (соответствует «злому демургу» гностиков) и Энки (см. У З.Ситчина), как «инфернальных существей», организовавших античеловеческие генетический эксперимент и «заговор» против Адама (11).

Но и «суицидальные» атаки на «нафс», на «грантхи», «узлы», техники «смерти души или эго», предпринимаемые гностиками, с морально-этической точки зрения также очень спорны.

С точки зрения необходимого выхода за пределы традиционализма, интересным было бы парадоксальное соединение ближневосточного «семиотического» и дальневосточного «несемиотического» подходов и поискам Истины, «абстрагирования» и «вчувствования» (термины Воррингера).

Опыт Т.Даими, через «смерть» и «Пустоту», ведёт к «Недефенируемому»... Опыт Парменида ал-Джили (аль-Джилани) – к некой «Высшей Виртуальности» за пределами бытия и небытия, подобной буддийской Нирване... Опыт Парменида и Ибн ал-Араби – к «Единственности Бытия» с вычитанием Нуля без разрушения «алгоритма» двоичного кода, т.е. с сохранением доступа к логическому мышлению – познанию... Опыт Ш.Сухраверди – к «Свету светов» («Nur al – Ənvər»)... И это в рамках одной религии...

Или же это «не-конфессиональная теология» (Т.Даими)?... Ясно одно: эта традиция – за пределами «театра» Карабаса-Барабаса с «пряником» и «страшной плёткой» (формулировка А.Дугина), в который всегда превращаются традиции ортодоксальных креационистов.

Заключение

Надо отдать должное официальным доктринам ислама и ортодоксального христианства: они рассматривают гностические концепции как спорные или еретические (это не значит, что «религия» - это «хорошо», а «эзотерика» - плохо).

Гностицизм (особенно «ариософский» (14) и интегральный традиционализм (если он связан с национализмом (14)) представляют некоторую опасность для современного социального общества. Асоциальные установки гностицизма препятствуют социализации граждан. Интегрализм К.Уилбера, напротив, ориентирован на интеграцию и гармонизацию социально-культурной жизни общества. Но асоциальная «антисистемная» философия гностицизма не является «антихристианством», как полагал Л.Н.Гумилёв. Напротив, она непосредственно восходит к учению самого Христа: ведь этот мир, управляет «архонтом мира сего» или, даже, «создан крысой» (А.Дугин) (14).

Ясно одно: Трансцендентный Абсолют гностиков – не «summa oppositorum» и не т.н. «космический оргазм» тантристов, которого совсем несложно достичь.

Другой вывод заключается в том, что, к сожалению, концепция “антисистем” Л.Гумилёва основана на не очень научных понятиях различения «добра» и «зла», которые сам же большой учёный опровергает, справедливо полагая, что этика, вообще, не является наукой в строгом смысле слова, и всегда обусловлена локальными традициями (11^а). Л.Гумилёв, вуджудит Мир Валиддин, Н.Кеппе и Э.Фромм утверждают, что «бытие - добро – жизнь» - это "хорошо", а «небытие – зло – смерть» - это «плохо». Однако в Коране слова «жизнь» и «смерть» упомянуты одинаковое число раз (!). И буддизм считает все «сансарические дифференциации» иллюзией – «мастей». А. Лютфи Заде убедительно показал, что «тотально размытое нечётное множество Единицы», т.е. абсолютное единство, равно Нулю. И у абстракциониста Кандинского точка (1) - это окружность (0). Всё это означает, что оказывается, никакой «эон» никуда не падал: единица не может соединиться с нулём, т.к.

она и есть Ноль. Индусы-йоги всегда считали, что все бинарные оппозиции сводятся к оппозиции «приятное-неприятное, присущей не только психофизиологии «одомашненных приматов» (Т.Лири, Р. Уилсон), но и всем живым видам. В этом смысле «живые системы» действительно отличаются от «антисистем»: «Жизнь живёт, смерть умирает!» (Х.Инайят-хан). Те же мистики мыслители, которые отклонялись от нейропрограммы «личиночных биовыживательных контуров» (Т.Лири) «системы» объявились «еретиками», «антисистемными сатанистами» и «психопатами».

Литература:

1. Абд аль-Карим аль-Джилли (аль-Джилани), Книга сорока степеней // Средневековая арабская философия, Проблемы и решения. – М.: «Восточная литература» РАН, 1998, с. 339-367
2. Абуллаева Р.Г., Культурология и теория искусства. – Б, 2020, с.211-231;
3. Архитектура. Искусство. – Баку, БЦИ, 1991, с.3-45
4. Байрамов Т.Р., Искендеров С.Н., Традиция и художественный процесс: Элм, 2002
5. Баширов Т.К., Неразрешимые проблемы: логико-методологический анализ // Философия реформ социальной и духовно-культурной жизни юбщества (15-16 т.), Альманах – Баку, «Оптимист, 2023, с 252-280
6. Бернштейн Б.М. Искусствознание и типология». // Советское Искусствознание, № 86, М., 1987
7. Бреславец Т.И. Поэзия Мацуо Басё – Москва, 1981
8. Буддизм. Под ред. Юрчука, - Минск, 2004
9. Ван Вэй. Цзяожань. Пер. проф. В.В. Мазепуса – Новосибирск, Трина, 1994
10. Восток-Запад. Исслелования. Переводы. Публикации, М. Восточная литература, 1988
11. Генон Р., Избранные сочинения. –М.: Беловодье, 2023
12. Гумилёв Л.Н. География этноса в исторический период. –М.: Наука, 1901
13. Даими Т., От Культа к культуре. Введение в визуальную антропологическую практику, Молния свидетельствования. Т.1, - Баку: 2023; Абсолютный Предел. Молния свидетельствования, Т.2 – Баку, 2023; Зияние. Молния Свидетельствования, Т.3. – Баку, 2024

14. Дугин А.Г., Философия традиционализма,- М.: Арктогея-Центр.2002
15. Ибрагим Т. Вуджуизм как пантеизм // Средневековая арабская философия, М.: Восточная литература РАН, 1998, с. 82-115
16. Иванов Е.А. Логика., - М.: Бек, 1996
17. Ивин А.А., Логика., - М, Гардарика, 2000
18. Ильин И.Постмодернизм. Словарь терминов. – М: Intrada, 2000
19. Кандаков Н.И., Логический словарь-справочник. –М., «Наука», 1975
20. Кацуки С. Практика дзэн - М.: «Амрита-Русь», 2004
21. Кузнецов, Б. Древний Иран и Тибет. – СПб: Евразия,1998
22. Лири Т., Технологии изменения сознания в деструктивных культах. СПб «Экслибрис», 2004
23. Майков В., Козлов В., Трансперсональная психология, М. Аст, 2004
24. Малявин В.В. Сумерки Дао. – М.: 2000
25. Мехди, Ниязи. Средневековая мусульманская культура: эстетика проявленного и философия сокрытого, Баку: Ганун, 1996
26. Мир-Багирзаде С.А. Очерки по истории и теории культуры Азербайджана, - Баку, 2019
27. Нурбахш Д. Дел ва нафс. Психология суфизма. – М.: Амрита-Русь, 2004
28. Ошо Йаа-Хуу: Мистическая Роза – М.: «Нирвана», 2000
29. Саламзаде Э.А. Метод системных триад и языки культуры//Проблемы информационной культуры. – Баку, 2004, с. 93-110;
30. Розова С.С. Практическая природа классификационной системы знания // Системный метод и современная наука. –Новосибирск: Изд-во НГУ, 1983, С. 14-15
31. Судзуки Д.Т. Основы дзэн-буддизма; Далай-Лама XIV Буддизм в Тибете,-М.: Пресс, Харьков, Фолио, - М., 2021,с. 101-847;
32. Тибетская книга мёртвых, - СПб.: Изд-во Чернышева, 1992
33. Уилбер К. Проект Атман. – М.: Изд-во Ин-та Трансперсональной психологии, 2004
34. Уилсон Р.А., Новая инквизиция, - К.: Янус, -М., Пересвет, 2001;
35. Фархадова С.Т.Муга –монодия или тип мышления., -Баку,2001
36. Фёрштайн Г. Тантра, - М, Киев: София, 2003
37. Фромм Э., Искусство любить. – СПб.: Азбука – Классика, 2007

References:

1. Abd al-Karim al-Dzhilli (al-Dzhilani). Kniga soroka stepeney // Srednevekovaya arabskaya filosofiya. Problemy i resheniya. – M.: «Vostochnaya literatura» RAN. 1998. s. 339-367
2. Ablullayeva R.G.. Kulturologiya i teoriya iskusstva. – B. 2020. s.211-231;
3. Arkhitektura. Iskustvo. – Baku. BTsI. 1991. s.3-45
4. Bayramov T.R.. Iskenderov S.N.. Traditsiya i khudozhestvennyy protsess: Elm. 2002
5. Bashirov T.K..Nerazreshimyye problemy: logiko-metodologicheskii analiz // Filosofiya reform sotsialnoy i dukhovno-kulturnoy zhizni yubshchestva (15-16 t).. Almanakh – Baku. «Optimist».2023. s 252-280
6. Bernshteyn B.M. Iskustvoznaniye i tipologiya». // Sovetskoye Iskustvoznaniye. № 86. M.. 1987
7. Breslavets T.I. Poeziya Matsuo Base – Moskva. 1981
8. Buddizm. Pod red. Yurchuka. - Minsk. 2004
9. Van Vey. Tsyayozhan. Per. prof. V.V. Mazepusa – Novosibirsk. Trina. 1994
10. Vostok-Zapad. Isslelovaniya. Perevody. Publikatsii. M. Vostochnaya literatura. 1988
11. Genon R.. Izbrannyye sochineniya. –M.: Belovodye. 2023
12. Gumilev L.N. Geografiya etnosa v istoricheskiy period. –M.: Nauka. 1901
13. Daimi T.. Ot Kul'ta k kulture. Vvedeniye v vizualnuyu antropologicheskuyu praktiku. Molniya svidetelstvovaniya. T.1. - Baku: 2023; Absolyutnyy Predel. Molniya svidetelstvovaniya. T.2 – Baku. 2023; Ziyanie. Molniya Svidetelstvovaniya. T.3. – Baku. 2024
14. Dugin A.G.. Filosofiya traditsionalizma.- M.: Arktogetya-Tsentr.2002
15. Ibragim T. Vudzhizm kak panteizm // Srednevekovaya arabskaya filosofiya. M.: Vostochnaya literatura RAN. 1998. s. 82-115
16. Ivanov E.A. Logika.. - M.: Bek. 1996
17. Ivin A.A.. Logika.. - M. Gardarika. 2000
18. Ilin I.Postmodernizm. Slovar terminov. – M: Intrada. 2000
19. Kandakov N.I.. Logicheskiy slovar-spravochnik. –M.. «Nauka». 1975
20. Katsuki S. Praktika dzen - M.: «Amrita-Rus». 2004
21. Kuznetsov. B. Drevniy Iran i Tibet. – SPb: Evraziya.1998
22. Liri T.. Tekhnologii izmeneniya soznaniya v destruktivnykh kultakh. SPb «Eksklibris». 2004

23. Maykov V., Kozlov V., Transpersonalnaya psikhologiya. M. Ast. 2004
24. Malyavin V.V. Sumerki Dao. – M.: 2000
25. Mekhdi. Niyazi. Srednevekovaya musulmanskaya kultura: estetika proyavlennoy i filosofiya sokrytogo. Baku: Ganun. 1996
26. Mir-Bagirzade S.A. Ocherki po istorii i teorii kultury Azerbaydzhana. - Baku. 2019
27. Nurbakhsh D. Del va nafs. Psikhologiya sufizma. – M.: Amrita-Rus. 2004
28. Osho Yaa-Khuu: Misticheskaya Roza – M.: «Nirvana». 2000
29. Salamzade E.A. Metod sistemnykh triad i yazyki kultury//Problemy informatsionnoy kultury. – Baku. 2004. s. 93-110;
30. Rozova S.S. Prakticheskaya priroda klassifikatsionnoy sistemy znaniya // Sistemnyy metod i sovremennaya nauka. –Novosibirsk: Izd-vo NGU. 1983. S. 14-15
31. Sudzuki D.T. Osnovy dzen-buddizma; Dalay-Lama XIV Buddizm v Tibete.-M.: Press. Kharkov. Folio. - M.. 2021.s. 101-847;
32. Tibetskaya kniga mertvykh. - SPb.: Izd-vo Chernysheva. 1992
33. Uilber K. Proyekt Atman. – M.: Izd-vo In-ta Transpersonalnoy psikhologii. 2004
34. Uilson R.A.. Novaya inkvizitsiya. - K.: Yanus. -M.. Peresvet. 2001;
35. Farkhadova S.T.Muga –monodiya ili tip myshleniya.. -Baku.2001
36. Fershtayn G. Tantra. - M. Kiyev: Sofiya. 2003
37. Fromm E.. Iskustvo lyubit. – SPb.: Azbuka – Klassika. 2007

Rafiq İbrahim oğlu Müslümov

Fəlsəfə üzrə fəlsəfə doktoru

Brooklyn, NY, ABŞ

Sərbəst müəllif

E-poçt: bzhrebchuk@yahoo.com

<https://orcid.org/0000-0003-2041-0691>

ŞƏXSİ HƏYAT KONSEPSİYASI:

Özə gedən yol, mətnlə salınan

Xülasə

Məqalə sosiallaşma prosesi kontekstində şəxsi həyat anlayışının əhəmiyyəti və mətn vasitəsilə əks olunması kimi spesifik bir aspektdə təsəvvür yaratmağa çalışır. Bu halda mətn fərdin çoxlu müxtəlif təzahürləri kimi başa düşülür – yaradıcılıqda, ilk növbədə, onun həyatının müxtəlif mərhələlərində yazıda – yazmağı öyrənmək və mənimsəməkdən tutmuş dünya və onun içindəki yerini adekvat qavrayışın təkmilləşdirilməsi prosesində istifadə etməyə qədər. Eyni zamanda, fərdi və sosial sferada, həm də ədəbi sahədə bəzi sapmaların səbəbləri və fərdin mətnlə işinin çətin yolunda aradan qaldırılması araşdırılır.

Tədqiqat mövzusunun aktuallığı bir neçə sosial elmlərin, xüsusən pedaqogika və ədəbi tənqidin kəsişməsində yerləşdiyi üçün adətən filosofların və psixoloqların diqqətindən kənarda qalan müxtəlif mətnlər prizmasından sosiallaşma problemlərinin öyrənilməsindədir.

Məqalənin əsas məqsədi fərdin sosiallaşması prosesinə müxtəlif amillərin təsirini – yuxarıdan, cəmiyyətdən və aşağıdan – eyni vaxtda həvəskar və subyektin özünün fəal iştirakı ilə mikromühit – sosial-mədəni problemlər kontekstində yazılı yaradıcılıq və özünü təhlil yolu ilə təhlil etməkdir.

Problemin araşdırılma dərəcəsi. Cəmiyyətdə sosiallaşma probleminin fəlsəfi və pedaqoji kontekstdə nisbətən geniş inkişafı, psixoloji və ideoloji aspektlərə diqqət yetirilməklə, fərdin həyatı konsepsiyasının daha az tədqiqi ilə yanaşı mövcuddur və sonuncu, bir sıra səbəblərə görə, cəmiyyətdəki qlobal dəyişikliklərə görə demək olar ki, tətbiq sahəsindən kənarda qaldı.

Metodlar və metodologiya. Tədqiqatda müqayisəli təhlildən,

struktur-funksional yanaşmadan və fənlərarası metoddan, o cümlədən konkret metodoloji tövsiyələrdən və konkret pedaqoji fənlərdən məlumatlar daxil edilmişdir.

Elmi yenilik, mətnin fərdin mikro və makro mühitə uyğunlaşmasına təsirini nəzərə alaraq, sosiallaşma haqqında mövcud fikirlərin sistemləşdirilməsindədir ki, bu da onun həyat konsepsiyasının məzmununu təşkil edən dünyanın və bu dünyada özünün mənzərəsinin dinamik birləşməsi olmadan mümkün deyildir.

Nəticələr. Sosiallaşma sosial sistemin bütün səviyyələrində müxtəlif amilləri əhatə edən davamlı bir prosesdir, lakin əsas diqqət fərdin özünün inkişafına və mətnin mənimsənilməsi ilə inkişaf etdirilən yaradıcılıq qabiliyyətlərinə – özlüyündə bir məqsəd kimi deyil, fərdi və sosial faydalı həyat konsepsiyasının yaradılmasına yönəldilmişdir.

Açar sözlər: sosiallaşma, şəxsiyyət, həyat anlayışı, uyğunlaşma, yaradıcılıq, dəyərlər, mətn.

УДК – 123.1

Рафик Ибрагим оглу Муслумов

Доктор философии по философии

Brooklyn, NY, USA

Freelance author

E-mail: bzherebchuk@yahoo.com

<https://orcid.org/0000-0003-2041-0691>

КОНЦЕПЦИЯ ЖИЗНИ ЛИЧНОСТИ: путь к себе, прокладываемый текстом

Резюме

В статье предпринята попытка дать представление о значимости концепции жизни личности в контексте процесса социализации, причём в столь специфическом аспекте, как преломление её через текст. При этом под текстом понимается множество различных проявлений индивида – в творчестве, прежде всего, в письменном, на разных этапах его жизни – от обучения письму и овладения им, вплоть до использования его в процессе совершенствования представления о мире и своём месте в нём. Одновременно исследуются причины некоторых девиаций и их преодоление на сложном пути работы индивида с текстом – в личной и общественной сферах и в собственно литературной области.

Актуальность темы исследования заключается в исследовании проблем социализации сквозь призму разнообразных текстов, что обычно остаётся вне пристального внимания философов и психологов, поскольку находится на стыке нескольких общественных наук, в частности, педагогики и литературоведения.

Основная цель статьи — анализ влияния на процесс социализации личности различных факторов – сверху, со стороны общества, и снизу – микросреды с одновременным самостоятельным и активным участием самого субъекта – через письменное творчество и самоанализ в контексте социокультурной проблематики.

Степень разработанности проблемы. Относительно широкая разработанность проблемы социализации в обществе в философском и педагогическом контексте соседствует с меньшей степенью исследования концепции жизни личности, причём упор делался на психологические и идеологические аспекты, а последние, по целому ряду причин оказались почти вне поля применимости из-за глобальных перемен в обществе. Наименьшей разработанностью отличается выстраивание концепции жизни с привлечением потенциальных возможностей текстового творчества, на что и ориентирует настоящая статья.

Методы и методология. В исследовании использованы сравнительный анализ, структурно-функциональный подход и междисциплинарный метод, включающие в себя конкретные методические рекомендации и данные частных педагогических дисциплин.

Научная новизна заключается в систематизации существующих представлений о социализации с учетом воздействия текста на адаптацию личности в микро- и макросреду, что невозможно вне динамического совмещения картины мира и себя в этом мире, составляющих содержание концепции жизни.

Выводы. Социализация является непрерывным процессом, в котором участвуют различные факторы на всех уровнях общественной системы, но главный упор делается на саморазвитие самого индивида и его творческих способностей, вырабатываемых с помощью овладения текстом – не в качестве самоцели, но для создания адекватной личной и социально-полезной концепции жизни.

Ключевые слова: социализация, личность, концепция жизни, адаптация, творчество, ценности, текст.

Rafik Muslumov

Doctor of Philosophy in Philosophy

Brooklyn, NY, USA

Freelance author

E-mail: bzherebchuk@yahoo.com

<https://orcid.org/0000-0003-2041-0691>

THE CONCEPT OF PERSONAL LIFE: the path to oneself paved by the text

Abstract

The article attempts to give an idea of the significance of the concept of the life of an individual in the context of the process of socialization, and in such a specific aspect as its refraction through the text. In this case, text is understood as the many different manifestations of an individual – in creativity, first of all, in writing at different stages of his life – from learning to write and mastering it, right up to using it in the process of improving an adequate understanding of the world and his place in it. At the same time, the reasons for some deviations and their overcoming on the difficult path of an individual's work with the text are explored – in the personal and social spheres, and in the literary field itself.

The relevance of the research topic lies in the study of problems of socialization through the prism of various texts, which usually remains outside the close attention of philosophers and psychologists, since it is located at the intersection of several social sciences, in particular, pedagogy and literary criticism.

The main objective of the article is to analyze the influence of various factors on the process of socialization of the individual – from above, from society, and from below – the microenvironment with simultaneous amateur and active participation of the subject himself – through written creativity and self-analysis in the context of socio-cultural issues.

Degree of development of the problem. The relatively broad development of the problem of socialization in society in the philosophical and pedagogical context coexists with a lesser degree of study of the concept of the life of the individual, with emphasis placed on psychological and ideological aspects, and the latter, for a number of

reasons, turned out to be almost outside the field of applicability due to global changes in society.

Methods and methodology. The study uses comparative analysis, structural-functional approach and interdisciplinary method, including specific methodological recommendations and data from specific pedagogical disciplines.

Conclusions. Socialization is a continuous process involving various factors at all levels of the social system, but the main emphasis is on the self-development of the individual and his creative abilities, developed through mastering the text – not as an end in itself, but in the creation of a personal and socially useful concept of life.

Keywords: socialization, personality, concept of life, adaptation, creativity, values, text.

КОНЦЕПЦИЯ ЖИЗНИ ЛИЧНОСТИ: путь к себе, прокладываемый текстом

Социализация, как известно, представляет собой процесс вовлечения человека в общественную систему через соответствующие социокультурные механизмы. Началась она с незапамятных времен истории человечества, красочно описываемых хрестоматийной цитатой: «Инстинктивный человек, дикарь, не выделяет себя из природы» [1], не говоря уже – «из общества», и будет продолжаться до тех пор, пока существует самоё общество. И на макроуровне общество для успешного своего функционирования всегда заинтересовано в активном включении личности в общественную жизнь, впрочем, с принципиальным дополнением, которое связано с тем, что социализация стимулируется как целенаправленно сверху, так и самодеятельно снизу. Причём вовсе не исключено, что «низы» не захотят мирно воспринять принудительные методы социализации, а «верхи» не смогут протолкнуть свою версию до потребителей – примите за современную адаптацию классической парадигмы! Видимо, эффективность социальной политики в данной сфере и заключается в нахождении оптимального соотношения интересов сторон, которое одновременно способствует созданию благоприятных условий и для формирования позитивной концепции жизни.

Полагаю, что в статье для монографии, посвящённой «Проблемам процессов социализации» мне нет необходимости вдаваться в пространные рассуждения о значимости социализации в целом, а продуктивнее высветить роль концепции жизни личности в этом процессе, в качестве своеобразного узлового пункта, особенно в связи с текстом и соответственно заголовку.

Верхними своими силовыми линиями концепция жизни устремлена в смысл жизни, а корневыми уходит в более приземлённую эмпирию обыденной жизнедеятельности личности. Само собою разумеется, что исследование концепции жизни не может ограничиваться констатацией её местоположения в социальном пространстве, но необходимо включает в себя её содержание и структуру как многократно расчленённую внутри себя целостность, механизмы её формирования и многообразные связи с общественным механизмом в целом в процессе социализации. Всё перечисленное фактически определяет контуры концепции жизни личности и её функций, нуждающиеся с одной стороны в конкретизации искомого понятия, а с другой – вычленение исследовательской задачи автора.

Концепция жизни в качестве своей, «личной» философии нужна индивиду для ориентации в жизни. Она и пребывает на более высокой абстрактной ступени сознания сравнительно с представлениями относительно обыденной жизнедеятельности, вырастая на её основе. Люди ведь по факту и характеризуются прежде всего своей деятельностью, носящей осознанной (такой во всяком случае она представляется её носителям) характер. Представления о себе и своём месте в жизни наличествуют у всех без исключения, причём абсолютно независимо от степени адекватности этого понимания. Но разве всё, что есть в человеке, перемалывается через сознание? И разве обязательно теоретически обосновывать её в качестве доктрины? Вопрос – а зачем вообще нужна концепция жизни? – легко парируется, вернее, многократно перекрывается другим, более глобальным – а нужна вообще философия, с её вечными, всякий раз заново решаемыми и неразрешимыми проблемами? Разве нельзя обойтись без неё? Так можно прийти и до пункта ненужности человеческого общества для природы, не оставляя ни малейшего шанса рефлексивному познанию космосом себя самого, через гипотетическое воплощение антропного принципа.

История человечества на вопрос о необходимости философии уже ответила (если не принимать всерьёз иронического замечания Генри Адамса: «Философия даёт неразборчивые ответы на неразрешимые вопросы»), так что я не буду забираться в интеллигидельные выси, а вернусь к нему на индивидуальном, как и самая концепция, личностном уровне.

В первом приближении структура концепции жизни выглядит как некая совокупность представлений личности относительно окружающего мира и себя в нём, обоснованием своей жизни (условная теоретическая часть), и рефлексивного отношения к своей практической жизнедеятельности – трудовой, учебной, семейной, в общении и пр. Всё это происходит большей частью интуитивно, а не по схеме, выложенной мною в данном абзаце. От узлового понятия концепции жизни расходятся и/или сходятся – в зависимости от угла зрения – лучи, вовне – к социализации или вовнутрь – к рефлексии! В этом, собственно, и заключаются главные направления её функционирования.

Проблема жизненной концепции личности, безусловно, комплексная и находится в юрисдикции общественных наук, прежде всего – в философии, социологии, психологии, но традиционно в сознании людей связывается именно с последней, причём не в качестве дисциплины, но с более расплывчатыми и неконцептуальными для них понятиями – воспитанием, умением вести себя, пользоваться уважением в коллективе, подавать положительные примеры, делиться жизненным опытом, проповедовать семейные ценности и пр. Вплоть до патриотизма и гражданственности, что называется *last but not least*, а выделил я их в последнюю графу не только во избежание кривотолков, но и потому как слова, уместные на трибуне, в обыденной жизни выпадают из неофициального контекста. Не страшно. Не буду доводить позиционирование крайностей до абсурда. От носителей обыденного сознания вовсе не требуется оперирования научным аппаратом и соответствующей лексикой.

Под социализацией и понимается прежде всего воспитание, образование, успешная трудовая деятельность. Причём не сами по себе, но в особом, гуманистическом ключе. «Образование и социализация должны не только помогать человеку становиться более умелым, более информированным, более защищённым и более социально эффективным, но и давать ему возможность

развивать уникальную личность, реализовывать свои особые таланты и порождать подлинность и содержание в жизни, которые будут иметь непреходящую ценность [2]. Трудно не согласиться с мнением авторитетного американского основателя школы гуманистической психологии.

Вполне очевидно, что человек обзаводится личной концепцией жизни по мере социализации. Помимо очевидности данного утверждения, оно непосредственно свидетельствует в пользу избранного мною названия и направленности настоящей статьи. С раннего возраста ребёнок первоначально усваивает своё имя, и лишь спустя некоторое время начинает понимать смысл личного местоимения «Я» (и об этом я сам знаю не понаслышке). Так начинается длительный процесс его социализации и путь самостоятельного приобщения к мировоззренческому творчеству, продолжаясь по всевозможным направлениям безотносительно к какой-либо предустановленности, среди которых привлекает именно разработка собственной концепции жизни. Здесь уже вырисовывается своеобразный личностный путь: от осознания самых обыденных явлений и инстинктивной их классификации и систематизации вплоть до успешной — ориентации в мире и её реализации в деятельности. Онтогенез и филогенез отчасти переповторяют некоторые черты друг друга, взаимно обогащая теоретическую картину.

Творчество относится к наиболее разработанным понятиям в общественных и прикладных науках и, конечно, нет никакой необходимости детально рассматривать данную проблему и тем более создавать собственную доктрину. Достаточно констатировать некоторые существенные черты его, опять же с акцентуацией в сторону концепции жизни. Творчество, будучи родовой сущностью общественного человека, в этом качестве в той или иной мере присуще отдельному индивиду, выражаясь в процессе формирования нового, своего взгляда на мир и места в нём для себя. Справедливости ради, отмечу, что творчество отдельной личности не целиком оригинально, а сочетает индивидуальные усилия в этом направлении, в значительной мере сопрягаясь с коллективными поведенческими стандартами, выстраиваясь из готовых первокирпичиков будущих элементов образа жизни. Примерно так же интуитивно и на обыденном уровне происходит познание и приспособление людей к законам природы.

В ходе дальнейшей социализации деятельность людей не только индивидуализируется, но и оптимизируется, во многом усредняясь, и к этому нельзя отнестись однозначно. Однако вторая часть этого вывода не касается столь интересных личностей, как, к примеру, Владимир Набоков, Велемир Хлебников, Владимир Маяковский, Давид Бурлюк, Алексей Розанов и/или Никита Богословский с их экстремальными проявлениями концептуальности, впрочем, оставаясь, естественно, в пределах общественных норм. И здесь непременно нужен творческий и дифференцированный подход, прежде чем выносить однозначный вердикт.

По необходимости ограничу изложение концепции жизни вопросом, вынесенным в заголовок, а именно – ролевой нагрузкой текста. Учитывая многообразие трактовок последнего – от палеографической, графологической и типографской (в рукописно-машинописно-печатном регистре), через филологические, семантические и информационные, восходя до общеполитических, чрезвычайно близких к информационно-семиотической интерпретации культуры, сразу оговорюсь, что по мере изложения экспликация понятия текста будет меняться. Нужды нет заранее фиксировать эти изменения, поскольку они будут непосредственно определяться контекстом – почерком, процессом письма и его функциями, сферой применения, феноменом графомании, эффективностью творческого потенциала субъекта и далее, наконец, до роли работы над текстом в становлении и совершенствовании концепции жизни в целом, закольцовывая тем самым попытку личного видения проблемы.

Рукописные тексты, которые, к сожалению, в последнее время всё чаще выходят из практики, заменяются клавиатурой компьютера, ноутбука или смартфона. Между тем способность писать от руки имеет значительную психологическую и самовоспитательную функцию. Далеко не случайно среди психологов, работающих на удалёнке, получили распространение так называемые «письменные практики, типа: помоги себе сам» с соответствующими методическими рекомендациями [3], [4], [5]. Особую значимость приобретает адаптированная методика в самом раннем возрасте, способствуя, прежде всего, развитию тонкой моторики пальцев, а, следовательно, и общему развитию мозговой деятельности. Польза рукописного текста не ограничивается тонкой моторикой. Бегло перечислю прочие пункты, выходящие на состояние здоровья:

улучшение осанки и правильная посадка за партой, терпение и усидчивость, внимательность и аккуратность, улучшение работы мозга через укрепление памяти и быстроту реакции, стабилизация дыхания и сердцебиения (никаких «часто-часто»), чему в немалой степени способствовали уроки чистописания или занятия каллиграфией, последние – уже в порядке личной инициативы. Раньше люди писали красивее и разборчивее. Дело в том, что до 1968 г. школьники обучались по системе отрывного письма. Они писали элементы алфавита согласно прописям, затем изучали соединения. Потом только дети начинали писать безотрывно. А после 1968 года детей стали учить писать безотрывно сразу. Передвижение руки и предплечья вдоль строки невозможно без искривления позы и изменения способа удержания ручки. Дети теперь приобретают искривление осанки и нарушение в работе мышечного аппарата. С этого времени они расходуют усилия на контроль за рукой, и не могут следить за правильным почерком; пишут некрасиво; не запоминают текст; допускают ошибки. Мы все прошли через эту школу, поэтому многим приходится исправлять почерк в зрелом возрасте [6]. Но и это уже в прошлом. Сейчас многие начинают сразу писать печатными буквами – кратчайший путь возвращения в «Новые времена» Чарли Чаплина! Ещё одно весьма огорчительное известие: оказывается американских школьников уже 10 лет как не учат письму от руки [7].

Впрочем, чему удивляться, я давно заметил, что в США многие, от мала до велика, держат карандаш или шариковую ручку кто во что горазд, едва ли не зажав в кулаке! В моё время, в школе карандашом писали весь первый год обучения; только во втором классе наметился переход к перьевым ученическим ручкам, а учителя страшали, что от авторучек (о шариковых – не путать, невзирая на множественное число, с героем «Собачьего сердца»! – мы и не слыхивали) почерк может испортиться! Это – в «моё время»! А раньше? Когда-то я вычитал в подшивке «Бакинского рабочего» 30-х годов об учителе, который несколько лет учил детей рисовать в тетрадях кружочки и палочки, мотивируя это (цитирую по памяти) скудной зарплатой: «как мне платят, так я и учу!» Словом, всегда найдутся худшие времена!

Однако, довольно об инструментах письма. Обернусь к перечню текстов. Начну с наиболее редких – семейных (не фото) альбомов – причудливого многообразия, отражающего разные

истории, стихотворные экспромты, мимолётные записки гостей, разного рода рисунки и пр. Разумеется, для их ведения необходимо как желание, так и избыток свободного времени, не потому ли они повсеместно вышли в тираж (или вышли из тиража, как угодно?) – но за одним неожиданным и значимым исключением. Я о так называемых «армейских альбомах», с которыми многие военнослужащие демобилизовывались, отправляясь, если использовать соответствующую лексику, к местам постоянной дислокации. То есть, домой, в качестве доказательства своей отличной боевой и политической подготовки. В иных, впрочем, довольно редких случаях альбомы могут представлять и весьма значимую культурологическую ценность. Вроде экспромтов видных авторов пушкинского масштаба или альманаха «Чукокколы» (непривычное название объясняется одноукоренённостью с фамилией владельца и посёлка, в котором он проживал). Никого не удивит их переиздание огромными тиражами и публичный спрос.

Далее – эпистолярное творчество, переживающее, по вполне понятным причинам, упадок, сменившийся пародийной реанимацией в виде текстовых сообщений в смартфонах! Теперь о дневниках, которые сейчас мало, кто ведёт. Однако дневник может служить документом эпохи, свидетельством важных событий, если он более направлен на внешние интересы автора, и в этом смыкается с мемуарной литературой (здесь непревзойдённым образцом может быть названа «Исповедь» Ж-Ж Руссо – кстати, один из первых номинаторов концепции жизни). Таким дневником, по мнению Юрия Нагибина, является документ, оставленный Никитенко, который мало и глухо пишет о себе, зато много и подробно о том, что его окружает; из чего складывается историческая жизнь России. Никитенко сознавал значительность своего труда для будущего, он писал с огромной внутренней ответственностью за каждое слово и с прямым прицелом на публикацию. Не исключал возможности опубликования своего дневника – куда более личного – и Лев Толстой. Это ограничивало свободу самовыражения, потому он вел еще один дневник – принципиальное замечание Нагибина – очень интимный, предназначенный только для самого себя. А ценность его уже в выходе на самодекларацию своей, то есть толстовской концепции жизни. Почему я привёл ссылку на Нагибина? Не только за меткие высказывания, но ещё и потому что он сам является автором чрезвычайно интересной одноимённой книги [8], которая

находится в эпицентре современной дневниковой темы. Интересный способ активного построения жизненного процесса предпринял ученый, биолог и энтомолог, а также философ Александр Любищев, ставший, сам того не ведая, «основателем и разработчиком принципов постановки целей и учета времени, называемых сегодня тайм-менеджментом». Принципы планирования жизни позволили ему сделать очень многое в науке и в частной жизни, стать, как он сам считал, очень счастливым человеком [9], [10], [11].

Художественная литература, особенно после классического и развёрнутого изображения Джеймсом Джойсом в последней главе «Улисса» потока сознания Молли Блум, включила в свой арсенал данный опыт повествования. Джойс предлагал подобный художественный приём непосредственного воспроизведения мыслей персонажа, его переживаний, ассоциаций, воспоминаний и их фрагментов. Использование потока сознания часто сопровождается своеобразием авторской пунктуации или даже полным отказом от неё, с целью достижения большей выразительности и образности. Подобный способ повествования оказался настолько привлекательным, что его взяли на вооружение многие известные авторы – Вирджиния Вульф, Марсель Пруст, Уильям Фолкнер, Владимир Богомолов, Анатолий Гладилин, Саша Соколов, Борис Акунин и др. При этом следует иметь в виду, что передаётся не столько реконструкция мыслей (а возможна ли она принципиально?) – сколько имитация потока сознания, однако рассмотрение данного вопроса слишком далеко уведёт от заявленной тематики, и я не без сожаления возвращаюсь на протоптанную тропу.

Далее следуют записные книжки и конспекты. Ну, это по необходимости ради выполнения вспомогательных функций, не претендующих на публикацию, опять же не без исключений в лице Леонардо да Винчи, Марка Твена, Антона Чехова, Альбера Камю, Ильи Ильфа и Евгения Петрова, Андрея Платонова и многих или немногих других...

Я обозначил лишь несколько значимых текстовых направлений, имеющих более или менее непосредственное отношение к становлению концепции жизни. Однако, любой текст способен выступить в качестве механизма самопознания человека, а личное создание его – авторство – тем более катализирует этот процесс. Причём, это – первая ступень, за которой неизбежно следует вторая

– активное построение личностью самого себя – того, что называется самосозиданием, а в русле проблематики статьи – выстраиванием жизненной концепции!

Здесь напрашивается ссылка на Мераба Мамардашвили, имеющая принципиальное значение для формирования концепции жизни личности через текст: «...в эстетике XX века возникло понимание, что роман... не есть изображение некоего мира вне романа и его воспроизведение (хотя материал не может быть другим, он обязательно есть изображение), роман является миром, внутри которого создаются определенные эффекты, они порождаются самим романом, в том числе самим романом порождается его носитель или писатель...» [12]. Он же считал, что в самом тексте фиксируется пройденный человеком опыт и изменения человека посредством понимания этого опыта [13]. Так что, приму в качестве методологической установки финальную часть цитаты, в соответствии с которой в самом тексте «порождается его носитель»! Как быть с очевидным фактом, что далеко не каждый является писателем, тем более прустовского уровня, специфика творчества которого анализируется? А парировать доводом самого Мераба Константиновича – не только пишущий меняется, фиксируя изменения, произведённым в нём опытом, сам читатель (замечу уже от себя, путь в которые никому не заказан), если он понимает, о чём написано (принципиальное замечание – ничто не даётся без сознательного усилия!) – и если опыт автора совпадает с его внутренними переживаниями, тоже приходит в движение и изменяется. Это – в качестве читателя; а будучи автором собственной концепции жизни, он в состоянии и совершенствовать её самочинно через личные способности излагать мысли на бумаге. И наоборот. Не буду припоминать неpolitкорректного по нынешним временам анекдота о непроходимой границе между писателем и читателем, кто есть кто – зачем повторяться? И так ясно. Кстати, не осмелюсь также обеднить изложение игнорированием высказывания современного российского писателя Виктора Пелевина, из которой следует аналогичный вывод – литературный труд программирует жизнь того, кто пишет [14]. Само собою, что речь идёт о текстах, имеющих не только личную, но и общественную значимость (на стыке профессионализма и общественной творческой деятельности). Эти тексты создаются блогерами, корреспондентами, наконец, возвышаясь по ступеням творчества, быть самодетельными

авторами теоретических статей, прозаиками, поэтами, что называется freelancer, вольными стрелками! Авторы растут вместе со своими созданиями! Зачем они пишут. Вопрос не так прост. Легче всего ответить (оставляя профессиональные интересы в стороне) – в тавтологическом ключе – чтобы написать... Полагаю, что для себя, прежде всего.

Обернусь опять же к литературе. К авторам. Чем богаты... ну не цитатами едиными! – прежним публикациям авторов (в шахматах им соответствует рейтинг или – коэффициент Эло). Далее, связями, как же без них (здесь аналогией может служить «договорняк» в любом виде спорта). Наконец, именем (что называется бренд, а цена ему – упомянутый тот же рейтинг), которое само по себе может создать новые связи. Однако при всех условиях и всех поворотах событий нужно создание текста, без которого ни именем, ни связями, ни случаем, ни произволом – ничего не может объявиться. Это и король Лир знал: из ничего и выйдет ничего! Все же автор, за которым стоит текст, только текст и ничего кроме текста, находится как бы в не совсем равном отношении с имеющими в арсенале рейтинговое имя (оставляя в стороне его генезис, связи и прочие моменты неравноправия) – и, ко всему вдобавок – свой, оригинальный текст.

Если с публикацией возникают известные сложности, связанные с неравноправием авторов, то собственно саморазвитию авторов в процессе творчества никаких внешних препон не предвидится и все в их руках. А вот отказав в публикации, редакция лишает читателей потенциальной возможности знакомства с произведением, а издательство – вероятного профита. В идеале нужен не парад авторов, но парад текстов. Кто, спрашиваете, будет командовать парадом? Ни слова! пусть ответят незадачники: ребята, а какой вопрос вас больше устраивает: почему вы до сих пор не опубликованы или незамысловатая его инверсия: а за какие такие заслуги вас опубликовали? Выбирайте по себе: с кем вы, мастера макулатуры? Заодно сошлюсь на лапидарные строки Станислава Леца: «Думаете, этот автор немного достиг? Он снизил общий уровень!»

Теперь о творчестве. Парадигмой возьму религиозный догмат спасения души и разложу небольшой пасьянс, причём без богохульства. Подобная методология не только не отменяет значимости практической деятельности, но синкретически слита с

нею. Душа и спасается трудом,
и день и ночь и день и ночь! –

в том числе (а для художника в первую очередь!) – творческим (не молитвами едиными). Насколько же сказанное, применимо к творчеству? А ровно настолько и в той мере, в которой самый автор меняется в процессе креатива, опредмечивая свои силы в бумажных текстах-рукописях. Далее – публикация. Та же бумага, но испачканная типографскими литерами и красками, к тому же многократно растиражированная экземплярами... И – последний этап – воздаяние (блаженным – рай, в прочих... кто без греха, пусть бросит камень, упрек, цитату): слава, гонорары, премии, призы, звания, лауреатства – все от лукавого; для самого творчества этот пункт проваливается «в атласные дырявые карманы», будучи вне конкурса.

Не с оборотистой ли точностью происходит реализация предложенной схемы на практике? Именно, это слово (схема) я и употребляю, сам одним из первых окажусь удивлен, если бы дело обстояло не так. Не автор ли воплощает свои способности в тексте, а последний результируется в книге, то есть вовне; внутренний аспект – изменение самого творца остается для других (и себя самого!) за кадром?

Остаётся открытым вопрос, насколько осознанно саморазвитие входит в творческую мотивацию? – пусть каждый автор и решает его в зависимости от личных своих притязаний. Независимо от этого решения ему предстоит измениться в творческом процессе. Двухединный этот акт (процесс письма и саморазвитие автора) – первичен для творчества и на нем вырастает все остальное – идеальный текст обращается в рукопись, книгу, гонорар, общественное признание, читательскую любовь...

Возможно, я слишком забежал вперёд, взявшись за верхние этажи литературы и проигнорировав столь интересное явление, как графомания – безудержное стремление выдавать тексты вкупе с бросающейся в глаза творческой беспомощностью. Исходя из предыдущего изложения, отмечу, что сама по себе графомания как один из способов самоорганизации даже несет определённое позитивно-организующее начало в обыденной жизни, которая в соответствии с поэтическим доводом Наума Коржавина и состоит в основном из банальностей и повторяемости –

*Не охотник я до общих мест,
Но на этом вправду мир стоит.
Если это людям надоест,
Все исчезнет... Даже этот стыд [15].*

Однако литература – явление, занимающее особое место в духовном мире, творчестве и, следовательно, в социализации. И пусть банальности и декларация общих мест играют положительную роль в адаптации личности, они остаются безотносительными к сфере искусства, пока не вступают в реакцию с нею через попытки опубликоваться. Для бескорыстной графомании, что тоннокилометрами самовоспроизводится ежедневно, как только она пересекает Рубикон, за которым следует неутолимая жажда публикации (назову ее публикоманией, поскольку я не нашел соответствующего термина в специальной литературе и жду соответствующих предложений), становится нетерпимой, тем более будучи помноженной на параноидальное тщеславие. Графоманию, как и банальность, нетрудно диагностировать (как, впрочем, и оправдать, стерев границу между завистью и справедливостью!) Проблема в том, что под расширенный диагноз их носителей поневоле попадают даже успешные и состоявшиеся авторы. Существует, однако, и некий принципиальный момент, связанный с отсутствием берлинской стены между графоманами и состоявшимися авторами, хотя разница эта может ощущаться чисто интуитивным порядком. Не буду приводить полного списка признаков банальностей и графомании целиком потому, что не хочется лишний раз смущать читателей, но исключительно во избежание перегруженности текста. Вот, впрочем, некоторые из них: та же банальность, вязкая повторяемость излюбленных и избитых образов и оборотов, нетерпимость к критике, эгоцентризм, удовольствие сродни наркотическому от самого процесса письма, неприязнь к чужому успеху, неустанная продуктивность, избыточно-серьезное отношение к себе и своей миссии, шаблонность... К тому же от элементов графомании никто не гарантирован и самый что ни на есть профессиональный писатель, особенно если его строки протестировать втёмную. Проверочные афоризмы от Станислава Леца: «Муза, может, и спит со многими, но потомство имеет лишь от избранных». «Бывают писатели –

иллюстраторы грамматики». И последнее, убойной силы: «Между Гёте и поэтом Х нет никакой разницы. Потому что не может быть никакого сравнения».

Общая цивилизационная установка, что права одних людей не могут вступать в противоречия с правами других, применительно к графомании приобретает следующую форму – графоманы, выходящие на поле литературы, не должны ущемлять более талантливых по гамбургскому счёту авторов! При всём при том, я скорее за графоманов и с бескорыстным началом в их душе, пусть и в большую литературу пытаются проникнуть. Места, как говорил Тригорин, всем хватит, но исключительно на общих основаниях, а никак не через буфет или банкет!

Завершая значимость индивидуальной работы по становлению концепции жизни личности, отмечу, что власти всегда не прочь были поставить индивида под всеобъемлющий контроль, что при социализме, в котором все мы имели удовольствие пожить, что в любом обществе. Естественно, что концепция жизни не манифестировалась как таковая, но смысл от этого не менялся. Достаточно вспомнить Третью Программу КПСС, Моральный кодекс строителя коммунизма и все широкоманиловские обещания того времени, используемые прежде всего для манипулирования гражданским населением. Что же тогда сказать о принудительной социализации в армейских коллективах срочной службы, тем более о пенитенциарных заведениях и прочих изолированных сообществах с двойным подчинением – сверху и среды, диктующей свои нормы поведения!

Рассуждения о ролевой важности текстов достигают апогея, когда доходят до пункта совместимости гения и злодейства, – на который обращает внимание читателей Пётр Вайль, – делая неочевидный вывод: «Если служить неправому делу, создавая великие произведения, то получается – в конце концов получается, – что остаются произведения, а дело отходит в сторону» [16]. В исторической перспективе, оказывающей и реактивное значение и на наш ретроспективный взгляд – скорее, да, чем нет. Остаются тексты, имеющие непреходящее значение. В этом смысле отходят на второй и третий планы снятые виды сущности и существования прошлого – и в области искусства, и соответственно в восприятии былого, пусть и в течение нескольких поколений. Снимутся, к примеру, искусственные ограничения на исполнение произведений

Рихарда Вагнера, Рихарда Штрауса и Ханса Пфифнера, равно на публикацию прежде ненавистных авторов-троцкистов, упоминания имён диссидентов и иноагентов... Однако, если речь заходит о наших современниках, тем более близких нам людей, предавших нас своими текстами, тут положение коренным образом меняется и текстура уходит из поля зрения, а их место занимает неприязнь или даже ненависть.

Конечно, были времена, прошли былинные, но пережитки прошлого не прочь повториться в виде фарса и на следующих поворотах общественного развития! И не только в сознании, но и в попытках кукловодства, в смысле – соблазном руководства идеологией – а не внедриться ли в формирование и концепции жизни? – игнорируя тот очевидный тезис, что частная жизнь человека является его неприкосновенным и неделимым богатством, даже если у него есть и прочие значимые вклады в этом мире.

Из сознательного выбора концепции жизни, вернее, того, что ей предшествует – направленности личности, можно по касательной выйти на необходимость реформирования собственной жизни в целом, на очередной виток саморазвития личности. Одним из возможных направлений последнего может быть испытание человека на гражданственность. Немного снижу градус пафоса через вопрос, заданный мне студентами: что важнее – личное или общественное? Время действия – Перестройка, только что миновавшая экватор, о чём, впрочем, ещё никто не догадывался, зато языки достаточно развязались. Во времена застоя было хорошо известно, что ответить (в русле того, что, скажем, научный коммунизм, суть профилирующий предмет для всех, вовлечённых в соответствующие строительство), а сейчас? Но, будучи внутренне достаточно перестроенным, я так и выдал: для общества – общественное, для личности – личное! Ещё тогда, да.

Литература:

1. Ленин, В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 85.
2. Moustakas, Clark E. Creativity and Conformity. D. Van Nostrand Company, Inc.: Princeton, New Jersey, 1967. pp. vii-viii.
3. См.: «Как помочь себе справиться с проблемами: 6 видов письменных психологических практик» 22 янв. 2022.
<https://www.cheltv.ru/kak-pomoch-spravitsya-s-problemami-psihologicheskikh-praktik/>

4. См.: Яркова, Лина «Письменные практики. Помощь самому себе». «Сайт психологов В17.ру». 14 ноября 2023.
<https://www.b17.ru/article/479230/>

5. См.: «Стать автором своей жизни. Что такое письменные практики и как они помогут без психолога разобраться с чувствами». «Горизонтальная Россия». 1 марта 2023.
<https://semmasem.org/articles/2023/03/01/stat-avtorom-svoej-zhizni-cto-takoe-pismennye-praktiki-i-kak-oni-pomogut-bez-psihologa-razobratsya-s-chuvstvami>

6. См.: «Красивый почерк». «Прописи для коррекции почерка Кура Лапой™».

<https://kuralapoi.ru/zachem-krasiviy-pocherk>

7. См.: https://www.calligraphy-museum.com/news/news/komp_yuter-vmesto-ruchek-amerikanskikh-shkol_nikov-bol_she-ne-uchat-pisat_ot-ruki

8. См.: Нагибин, Юрий. Дневник. М.: ПРОЗАиК. 2020. С.17.

9. См.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Любищев,_Александр_Александрович

10. См.: Гранин, Даниил. Эта странная жизнь. М.: МИФ, 2013.

11. См.: Любищев, А. А. Такая добровольная каторга. Архивная копия от 5 марта 2016 на Wayback Machine // Химия и жизнь. № 12. 1977.

12. Мераб Мамардашвили. Лекции по античной философии. СПб: АЗБУКА, 2018, с.112.

13. См.: Его же. Полный курс лекций. Философия Европы. Психологическая топология пути. М.: АСТ, С.380.

14. См.: Анна Скалчинская. 16 удивительных фактов о Викторе Пелевине. <https://www.soyuz.ru/articles/137>

15. Коржавин, Наум. Люди пашут каждый день опять... – В кн.: Времена, Избранное. Изд-во "Посев", Франкфурт, Германия, 1976

16. Вайль, Петр. Свобода – точка отсчёта: о жизни, искусстве и о себе. М.: АСТ, 2022. С.532.

References:

1. Lenin. V.I. Poln. sobr. soch. T. 29. S. 85.
2. Moustakas. Clark E. Creativity and Conformity. D. Van Nostrand Company. Inc.: Princeton. New Jersey. 1967. pp. vii-viii.
3. Sm.: «Kak pomoch sebe spravitsya s problemami: 6 vidov

pismennykh psikhologicheskikh praktik» 22 yanv. 2022.
<https://www.cheltv.ru/kak-pomoch-spravitsya-s-problemami-psihologicheskikh-praktik/>

4. Sm.: Yarkova. Lina «Pismennyye praktiki. Pomoshch samomu sebe». «Sayt psikhologov B17.ru». 14 noyabrya 2023.
<https://www.b17.ru/article/479230/>

5.Sm.: «Stat avtorom svoey zhizni. Chto takoye pismennyye praktiki i kak oni pomogut bez psikhologa razobratsya s chuvstvami». «Gorizontalnaya Rossiya». 1 marta 2023.
<https://semnasem.org/articles/2023/03/01/stat-avtorom-svoej-zhizni-chto-takoe-pismennyye-praktiki-i-kak-oni-pomogut-bez-psihologa-razobratsya-s-chuvstvami>

6. Sm.: «Krasivyy pocherk». «Propisi dlya korrektsii pocherka Kura Lapoy™». <https://kuralapoi.ru/zachem-krasiviy-pocherk>

7. Sm.: https://www.calligraphy-museum.com/news/news/komp_yutermesto-ruchek-amerikanskikh-shkol_nikov-bol_she-ne-uchat-pisat_-ot-ruki

8. Sm.: Nagibin. Yuriy. Dnevnik. M.: PROZAIK. 2020. S.17.

9. Sm.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Lyubishchev._Aleksandr_Aleksandrovich

10. Sm.: Granin. Daniil. Eta strannaya zhizn. M.: MIF. 2013.

11. Sm.: Lyubishchev. A. A. Takaya dobrovolnaya katorga. Arkhivnaya kopiya ot 5 marta 2016 na Wayback Machine // Khimiya i zhizn. № 12. 1977.

12. Merab Mamardashvili. Lekcii po antichnoj filosofii. SPb: AZBUKA, 2018, s.112.

13. Sm.: Ego zhe. Polnyj kurs lekcij. Filosofiya Evropy. Psihologicheskaya topologiya puti. M.: AST, S.380.

14. Sm.: Anna Skalchinskaya. 16 udivitel'nyh faktov o Vikторе Pevlevine. <https://www.soyuz.ru/articles/137>

15. Korzhavin, Naum. Lyudi pashut kazhdyj den' opyat'... – V kn.: Vremena, Izbrannoe.

Izd-vo "Posev", Frankfurt, Germaniya, 1976

16. Vajl', Petr. Svoboda – tochka otschyota: o zhizni, iskusstve i o sebe. M.: AST, 2022. S.532.

Valentina Arifovna Mirzayeva

Gürcüstan Texniki Universiteti

Gürcüstanın məhsuldar qüvvələri və təbii sərvətləri

Tədqiqat Mərkəzinin elmi işçisi

Tel.: +995-599-47-81-03

E-mail: y-mirzaeva@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9646-5018>

**MƏDƏNİYYƏT SOSIAL İNKİŞAFIN BƏRPA OLUNMAYAN
BİR MƏNBƏYİDİR
(MƏDƏNİ ÖTÜRÜLMƏNİN POZULMASININ
TƏHLÜKƏLƏRİ HAQQINDA)**

Xülasə

Tədqiqatın məqsəd və vəzifələri mədəniyyətin sosial sabitliyin və cəmiyyətin inkişafının ən vacib mənbəyi kimi rolunu təhlil etməkdir; müasir realıqda mədəniyyətin sosial funksiyalarının məruz qaldığı dəyişiklikləri müəyyənləşdirmək; mədəni itkilərin dönməz xarakterini vurğulamaq; mədəni davamlılığın pozulmasına diqqət çəkmək, səbəblərini, gənc nəslin sosiallaşmasına mənfi təsirini və digər sivilizasiya nəticələrini göstərmək.

Mövzunun inkişaf dərəcəsi. Baxılan problemlərin ayrı-ayrı aspektləri məqalənin sonunda bibliografiyada verilmiş əsərlərdə əks olunur.

Metodlar və metodologiya. İş prosesində sistemli bir yanaşma, tarixi və fəlsəfi təhlil, habelə aksioloji aspektlərə vurğu edərək məlumatların bənzətmə, ümumiləşdirmə və nəzəri təhlil metodlarından istifadə edilmişdir.

Elmi yenilik. Sosiallaşmanın aktual problemləri Mədəniyyət funksiyalarının çevrilməsi və mədəni ötürülmənin pozulması prizmasından nəzərdən keçirilir.

Nəticələr. Çoxfunksiyalı bir fenomen kimi mədəniyyət, hər bir ölkənin və bütövlükdə sivilizasiyanın davamlı inkişafını təmin edən ən əhəmiyyətli mənbələrdən biridir. Mədəniyyətin bir çox qiymətli elementlərinin, ilk növbədə qeyri-maddi elementlərinin itirilməsi geri dönməz xarakter daşıyır, ölkələrin suverenlik dərəcəsinin azalmasına

səbəb olur, ümumbəşəri mədəni xəzinəni yoxsullaşdırır və mədəni müxtəlifliyi azaldır. Mədəniyyətin müxtəlif funksiyalarının təhlili onların bir-biri ilə nə qədər sıx əlaqəli olduğunu və bu gün yaşadıkları hər birinin çevrilmələrinin qalanlarına nə qədər təsir etdiyini göstərir. Ən çox diqqət, nəsillərarası mədəni davamlılıq kimi başa düşülən mədəni ötürülmənin pozulmasını tələb edir, çünki bu, həyata keçən nəslin sosiallaşmasına ciddi mənfi təsir göstərir. Bir tərəfdən əvvəllər toplanmış təcrübəyə əsaslanaraq, digər tərəfdən müasir reallıqları, ilk növbədə Rabitə və yüksək texnologiyalar sahəsində qabaqcıl nailiyyətləri nəzərə alaraq vəziyyəti vaxtında düzəltmək üçün tədbirlər görmək lazımdır.

Açar sözlər: mədəni resurs, Mədəniyyət funksiyaları, mədəni ötürülmə, mədəni davamlılıq, nəsillərarası əlaqə, sosiallaşma

УДК-316.7

Валентина Арифовна Мирзаева

научный сотрудник Центра по изучению производительных сил и природных ресурсов Грузии им. И.Жордания

Грузинского технического университета,
Грузия, Тбилиси, ул. Костава, 69, корп. X

Тел.: +995-599-47-81-03

E-mail: v-mirzaeva@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9646-5018>

КУЛЬТУРА – НЕВОЗОБНОВЛЯЕМЫЙ РЕСУРС СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (ОБ ОПАСНОСТИ РАЗРЫВА КУЛЬТУРНОЙ ТРАНСМИССИИ)

Резюме

Цель и задачи исследования – проанализировать роль культуры в качестве важнейшего ресурса социальной стабильности и развития общества; выявить трансформации, которым подвергаются социальные функции культуры в современной действительности; подчеркнуть необратимый характер культурных потерь; привлечь внимание к разрыву культурной преемственности, показать его причины, отрицательное влияние на социализацию молодого поколения и другие цивилизационные последствия.

Степень разработанности темы. Отдельные аспекты

рассматриваемых проблем отражены в работах, приведенных в библиографии в конце статьи.

Методы и методология. В процессе работы применялись системный подход, историко-философский анализ, а также методы аналогии, обобщения и теоретического анализа информации с акцентом на аксиологические аспекты.

Научная новизна. Актуальные проблемы социализации рассматриваются сквозь призму трансформации функций культуры и разрыва культурной трансмиссии.

Выводы. Культура как полифункциональный феномен является одним из наиболее значимых ресурсов, обеспечивающих устойчивое развитие каждой отдельной страны и цивилизации в целом. Утрата многих ценных элементов культуры, прежде всего нематериальной, имеет необратимый характер, ведет к снижению степени суверенности стран, обедняет общечеловеческую культурную сокровищницу, уменьшает культурное многообразие. Анализ различных функций культуры показывает, насколько тесно они взаимосвязаны и как сильно трансформации каждой из них, которые они претерпевают сегодня, влияют на остальные. Самого пристального внимания требует имеющий место разрыв культурной трансмиссии, понимаемой как межпоколенческая культурная преемственность, поскольку он оказывает серьезное негативное влияние на социализацию вступающего в жизнь поколения. Необходимо своевременно принять меры по исправлению ситуации с опорой на ранее накопленный опыт, с одной стороны, и с учетом современных реалий, в первую очередь – передовых достижений в сферах коммуникаций и высоких технологий – с другой.

Ключевые слова: культурный ресурс, функции культуры, культурная трансмиссия, культурная преемственность, межпоколенческая связь, социализация

UDC-316.7

Valentina Mirzaeva

Researcher, I.Zhordania Center for Studying Productive
Forces and Natural Resources of Georgia
at the Georgian Technical University,
69, Kostava St, build. X, Tbilisi, Georgia
Phone: +995-599-47-81-03
E-mail: v-mirzaeva@mail.ru

CULTURE AS A NON-RENEWABLE RESOURCE OF THE SOCIAL DEVELOPMENT (ON THE DANGER OF THE CULTURAL TRANSMISSION BREAKUP)

Abstract

The aim and the tasks of the study are to analyze the role of culture as the most important resource of the social stability and development of the society; to reveal transformations all the social functions of culture undergo in present reality; to emphasize the irreversibility of cultural losses; to draw attention to the breakup of cultural continuity, to demonstrate its sources, negative impact on the youth socialization and other civilizational consequences.

The degree of development of the topic. Individual aspects of the issues under consideration are reflected in the works given in the references.

Methods and methodology. The research methods used are system approach, historical and philosophical analysis, as well as the analogue method, generalization and theoretical analysis of information with the focus on axiological aspects.

Scientific novelty. Pressing questions of socialization are examined through the prism of transformation of the functions of culture and cultural transmission breakup.

Conclusions. Culture as a polyfunctional phenomenon is one of most important resources which ensures sustainable development of a country and human civilization in general. The loss of valuable elements of culture, in the first place, intangible one, is unrecoverable, it adversely affects the country's sovereignty, impoverishes the world treasury of culture, diminishes cultural diversity. The analysis of the functions of culture shows how closely interrelated they are and how the transformations they undergo nowadays affect each other. The existing breakup of cultural transmission, that is intergenerational cultural continuity, claims close attention due to its strong negative impact on the socialization of the young generation. It is necessary to take appropriate steps as soon as possible to change the situation for the better basing on the previously gained experience and at the same time taking into consideration modern reality, first of all advanced achievements in the

spheres of communications and high technologies.

Keywords: cultural resource, functions of culture, cultural transmission, cultural continuity, intergenerational connection, socialization.

Среди всего многообразия ресурсов, обеспечивающих стабильное существование и развитие общества, культура как система знаний, традиций, норм и ценностей, передающихся в обществе, является одним из наиболее значимых социальных ресурсов. При оценке потенциала развития страны на ближайшую и отдаленную перспективу следует учитывать все аспекты использования культурного ресурса, правильно расставляя акценты, делая особый упор на ценностное измерение культуры. Особенно важно закладывать морально-нравственную основу, систему ценностей на этапе становления личности. "Устойчивая и непротиворечивая совокупность ценностных ориентаций обуславливает такие качества человека, как цельность, надежность, верность определенным принципам и идеалам, способность к волевым усилиям во имя этих идеалов и ценностей, активность жизненной позиции" [1]. Решающую роль в формировании этих качеств играет социализация, обеспечивающая процесс передачи социального опыта и культурных ценностей. Процесс этот может проходить как в "вертикальном направлении" (межпоколенческом, по "иерархической схеме"), так и в "горизонтальном" ("по сетевой структуре", обычно между сверстниками). Оптимальное соотношение векторов передачи ценностей обеспечивает сохранение и усвоение накопленного за столетия культурного опыта, расширение охвата приобщенных к нему людей, прежде всего молодых, и взращивание на этой почве ростков новой культуры с перспективой ее дальнейшего поступательного развития.

На нынешнем историческом этапе имеет место своего рода разбалансировка этих процессов, а именно: наблюдается явный перекося в сторону сетевой, внутр поколенческой передачи под мощным воздействием СМИ, массовой культуры, которые часто становятся основными факторами, влияющими на становление личности, и это не может не сказаться на результатах. Как "средства доставки" культуры, так и содержательные аспекты процесса социализации требуют совершенствования, конкретно –

восстановления роли и методов межпоколенческой передачи ценностей, гарантирующей преемственность поколений и непрерывность исторического процесса.

В данном контексте представляется адекватным использование термина "культурная трансмиссия" или "трансмиссия культурных ценностей" применительно к процессу "вертикальной" передачи нематериальных элементов культуры, иначе говоря, к преемственности культуры во временном измерении [2]. "Культурная трансмиссия, соответственно, есть система передачи ценностей, традиций, нравов, обычаев, идеалов и норм от одного поколения к другому в процессе социализации личности" [3].

Многофункциональность и многослойность такого сложного феномена, как культура, социальная значимость всех ее измерений позволяют отнести ее к экзистенциальным факторам, а применительно к той или иной стране – к государствообразующему элементу, напрямую влияющему на перспективы сохранения идентичности народа и суверенности государства. Очевидно, что в контексте устойчивого развития общества культура должна рассматриваться как ключевой фактор обеспечения социальной стабильности и выживаемости страны, тем более в нынешнюю эпоху, когда мир вступил в зону турбулентности.

Культурное богатство человечества – не есть законсервированная память о прошлом, культура – живой, развивающийся феномен, плодоносящее древо, источник для последующего цивилизационного развития в процессе взаимодействия традиционного и творческого начала. В ходе исторического развития культура, при сохранении базовых компонентов и функционала, подвергается постоянному обновлению, отражающему меняющуюся среду и формирующему новую парадигму существования человека в ответ на требования эпохи. Особенности сегодняшнего времени не просто влияют на динамику этого процесса, но определенным образом трансформируют сами функции культуры, изменяя их направленность и степень воздействия на человека, роль и место в жизни общества, деформируя сущностное наполнение самого понятия культуры. Нарастающая скорость и необратимость изменений, которые претерпевает культура, дают нам право утверждать, что в известном смысле культура – ресурс невозобновляемый. Накопленное за тысячелетия культурное

наследие, как материальное, так и нематериальное, – уникальный общечеловеческий ресурс, имеющий исключительную социальную ценность и не восстанавливаемый в полной мере в случае утраты или разрушения его компонентов. Поскольку в ходе исторического процесса трансформационные процессы в этой сфере неизбежны, важно минимизировать их негативные последствия, своевременно принимать меры по сохранению и передаче последующим поколениям ценных с общецивилизационной точки зрения культурных достижений, забвение которых по всем направлениям происходит на наших глазах. Рассмотрим, каким конкретно трансформациям подвергаются различные функции культуры в современных реалиях и в какой мере они связаны между собой.

Гуманистическая функция культуры ориентирована на формирование и гармоничное развитие человеческой личности, осмысление человеком своего места в мире, обретение им нравственных ориентиров, моральных и духовных ценностей. В прежние времена такая направленность культуры подкреплялась, в том числе, нормами, закрепленными в религиозных системах и регулирующими жизнь значительной части населения, к тому же, именно религия придавала смысл человеческому существованию. В новейшее время роль религии в социальной жизни, ее воздействие на человека стали неуклонно снижаться, что вполне закономерно, учитывая нарастающее противоречие между религиозными принципами и морально-нравственными идеалами, с одной стороны, и пропагандируемыми секулярными властями жизненными целями и приоритетами – с другой. К настоящему времени, с тотальным воцарением идеологии общества потребления, место религии в жизни подавляющего большинства людей, относящих себя к той или иной конфессии, свелось к формальному отправлению религиозного культа. Сегодня формирование гуманистического мировоззрения как одна из базовых функций культуры перестало быть приоритетной задачей, ценности гуманизма как ядра мировоззрения девальвированы, духовное развитие человека, обогащение его внутреннего мира стали считаться анахронизмом. "Личностный рост" ассоциируется с раскрытием потенциала человека на пути достижения им приоритетных жизненных целей – карьерного продвижения, повышения уровня материального благополучия, комфорта и т.д., а не со стремлением к более высокому уровню духовной организации, что отвечало бы гуманистической концепции.

Гуманистическое измерение культуры в значительной степени определяет роль и значимость в жизни общества других ее функций. Соответственно, вырождение гуманистической составляющей в нынешнюю эпоху неизбежно влечет кардинальное изменение остальных функций культуры. Сегодня мы наблюдаем существенную деградацию познавательной функции культуры, по определению нацеленной на постижение человеком знаний о мире и о себе, расширение его кругозора, развитие мышления, построение полноценной картины окружающей действительности посредством языка, искусства, науки, традиций. На наших глазах произошел переход от формирования объективного, целостного видения окружающего мира, осмысления опыта прошлого и создания на этой основе адекватного видения настоящего и будущего к узким, утилитарным представлениям, отрывочным, фрагментарным сведениям в той или иной области, не составляющим в совокупности сколько-нибудь ценного знания, но ориентирующим человека на существование в узком мирке глобального масштаба, как бы парадоксально это ни звучало. На сегодняшний день гносеологический, познавательный аспект культуры существенно исчерпал свой потенциал в плане использования его во благо людей в традиционном понимании. Очевидно, что такая тенденция была целенаправленно сформирована проводниками идеологии консьюмеризма, не заинтересованными в приумножении количества людей с широкими взглядами, критическим мышлением и прочными мировоззренческими позициями. Их задача – формирование людских масс с клиповым мышлением и туннельным восприятием реальности, ментально ограниченных, ущербных в морально-этическом смысле, что делает их удобными объектами для манипулирования и ориентации в нужном направлении.

"Общепризнанно, что ценности, являясь одним из центральных личностных образований, выражают субъективное отношение человека к социальной действительности, определяют содержательную сторону его направленности, составляют основу субъективного отношения к другим людям, к самому себе, основу мотивации жизненной активности, оказывают существенное влияние на все стороны деятельности субъекта, определяют восприятие индивидом социальной ситуации" [4]. Вот почему столь важна оценочная, аксиологическая функция культуры, формирующая критерии оценки различных процессов и феноменов,

помогающая человеку различать добро и зло, дифференцировать ценности, ориентируясь на принятые в обществе моральные нормы, сложившиеся социальные стандарты, господствующие эстетические идеалы и ценностные предпочтения. Трансформация морально-нравственных стандартов, жизненных принципов и предпочтений сопровождается изменением критериев оценки социальных феноменов, в результате в отдельных случаях полярность того или иного феномена меняется на противоположную, и это изменение целенаправленно "легализуется" в массовом сознании.

С оценочной функцией культуры связана функция регулятивная, обеспечивающая рамки существования людей в социуме посредством системы норм морали, правил поведения, обычаев, социальных ролей, укоренившихся в общественном сознании. Вписанные в социальный контекст, принимаемые по умолчанию членами общества неформализованные, но закреплённые в сознании нормы и принципы упорядочивают жизнь общества, обеспечивают социальное согласие, стабильность и устойчивое функционирование социальных институтов. И наоборот, замещение культурных норм, подкреплённых воспитанием, личным опытом и устоявшимися представлениями, на новые, не прошедшие испытание временем, насильственное навязывание изначально чуждых большинству населения моральных принципов, ценностных предпочтений и поведенческих паттернов вызывает разрыв шаблона и социокультурный разлом. Представители старшего поколения испытывают при этом когнитивный диссонанс, столкновение ценностей выходит за рамки межпоколенческих противоречий, традиционного "конфликта отцов и детей", приводя порой к открытому противостоянию между сторонниками и противниками традиционных ценностей и привычных социальных стандартов, к дестабилизации и разбалансировке общественной жизни в целом. Нормативная, регулятивная функция культуры, опирающаяся на прочную, выверенную систему ценностей, поддерживает равновесное состояние общества, определенность и предсказуемость его развития и в конечном итоге гарантирует государству субъектность, в противном случае страна легко может стать объектом внешнего воздействия.

Современное информационное общество открывает для большинства людей доступ к информации самого разного толка, однако это не приводит к росту информированности населения и

более объемному восприятию реальности ввиду тотального снижения критического мышления и ментального потенциала, отсутствия стойких мировоззренческих позиций и внутреннего этического камертона. Повышенная информированность – ложноположительный результат утвердившегося информационного общества, поскольку количество поглощаемых сведений не переходит в качество получаемых знаний. Скорее, нарастание информационных потоков ведет к погружению людей в океан ненужных, а порой и вредоносных сведений, что негативно влияет на психическое здоровье людей. При том, что современные технологии позволяют каждому человеку прикоснуться к ценным культурным феноменам любой эпохи, весьма слабо реализуется информативная функция культуры, которая обеспечивает накопление и передачу знаний, духовных ценностей, культурного опыта от предшествующих поколений к последующим, осуществляет духовную связь потомков с предками, обогащая людей новой эпохи ценными культурными достижениями прошлого, расширяя горизонты восприятия ими мира путем приобщения к общецивилизационной культурной сокровищнице. Сегодня стремится к нулю востребованность таких носителей знаний и ценностей, как произведения литературы и искусства, памятники материальной и нематериальной культуры, особенно среди представителей молодого поколения, которые при желании могли бы ознакомиться с ними посредством современных технических средств, активно применяемыми ими для других целей. Увы, такой потребности у них не наблюдается. А это, с одной стороны, способствует безвозвратной утрате за ненадобностью в ближайшем будущем значительной части культурного достояния человечества, прежде всего нематериального, а с другой – неизбежно ведет к разрыву межпоколенческой связи, прерывает культурную трансмиссию.

Произошло обесмысливание применительно к культуре самого понятия "наследие", предполагающего переход неких ранее накопленных ценностей во владение к последующему поколению с целью обогащения последнего. Для нового поколения прежние культурные достижения уже не являются богатством и могут быть спокойно отправлены на свалку истории. Возникающий в отсутствии социальной наследственности вакуум компенсаторно заполняется распространяющейся посредством современных

медийных средств намеренно примитивизированной культуры, не базирующейся на предыдущем культурном опыте, но при этом благодаря новым коммуникационным возможностям и глобализационным тенденциям быстро проникающей во все сообщества мира. Это еще больше увеличивает культурную пропасть между поколениями, способствует инфантилизации, культурной, духовной, ментальной неразвитости населения, негативно влияет на вектор цивилизационного движения.

В условиях охвативших мир глобализационных процессов, многократно увеличившихся индивидуальных и групповых контактов, происходящих по всем линиям и на всех уровнях, возрастает роль коммуникативной функции культуры, обеспечивающей возможность общения, обмена информацией, конструктивного взаимодействия между представителями разных народов и культурных традиций посредством общих культурных кодов. В идеале в результате такого взаимодействия должен происходить продуктивный обмен опытом, знаниями, достижениями, установиться взаимопонимание между участниками общения, их взаимообогащение – но при соблюдении неперемennых условий: должен соблюдаться принцип равноправия, изначально должно быть взаимное уважение к другим культурным традициям и общее стремление сохранить ценные элементы культурного достояния всех народов, культурное многоцветье человечества. К сожалению, вместо этого наблюдается грубое подавление одних культурных феноменов другими, насильственное насаждение экономически более сильными акторами своих традиций и представлений, изменение содержательной части самих культурных кодов.

Культуре принадлежит решающая роль в процессе социализации, позволяющей личности интегрироваться в общество путем усвоения принятых социальных норм, установок и моделей поведения, социальных ролей, ценностных ориентиров. "Система жизненных ценностей и целей определяет содержательную сторону личности. Она составляет основу ее отношений к окружающему миру, к другим людям, к себе самой. Жизненные цели и ценности составляют опору человека, без которой он просто не может полноценно жить, взаимодействовать с миром... От того, какой ценностный фундамент будет сформирован у молодого поколения, во многом зависит будущее состояние общества" [5]. В контексте

рассмотрения культуры в качестве до известной степени невозобновляемого ресурса имеет смысл акцентировать значимость социализации в обеспечении культурной преемственности – передачи новым поколениям социального опыта, достижений предыдущих поколений, что позволяет сохранить целостность общества в пространственном и временном измерениях. "Преемственность межпоколенческих ценностей является важнейшей задачей социализации, однако сегодня мы становимся свидетелями нарушения культурной трансмиссии" [3].

К основным факторам, способствующим разрыву культурной трансмиссии, можно отнести ослабление социальных институтов, традиционно выполняющих социализирующую функцию, при одновременном росте воздействия на формирование личности социальных медиа, новых коммуникационных форм, цифровых технологий и цифровизации в целом. Современная действительность характеризуется тем, что произошел дисбаланс в степени воздействия на формирующуюся личность таких институтов, как семья, школа, религия с одной стороны, и современных медиаплатформ – с другой. Глобализация, небывалый прогресс в компьютерных и коммуникационных технологиях с одновременным расцветом и ростом проникающей способности массовой культуры (прежде всего американской) существенным образом изменили как охват, так и направленность социальной интеграции современников, в первую очередь подростков. Взросление молодых людей происходит на базе современной массовой культуры, формирующей у них соответствующие ценностные ориентиры, шаблоны поведения и эталоны для подражания, жизненные установки и приоритеты, включая культ потребления, успеха, статусности.

За счет изменения соотношения просветительской и воспитательной составляющих образования снизилась социализирующая, воспитательная роль школы в становлении молодого поколения. Сегодня некому заложить морально-нравственную основу, привить растущему человеку чувство ответственности, элементарные навыки общения. Формирование личности с самого юного возраста фактически отдано на откуп социальным сетям и другим медийным средствам, направленность воздействия которых отнюдь не предусматривает адаптации человека к нормам существования в социуме, скорее, наоборот –

способствует росту индивидуализма, отрыву от реальной жизни, социальной дезадаптации, неумению и нежеланию вступать живой контакт с окружающими. Таким образом, указанные средства стали, по существу, инструментом десоциализации, направленным на вовлечение подростков (и не только) в сообщество себе подобных личностей, фактически на создание некоей субкультуры.

Очевидно, что такая альтернатива живому общению не может стать полноценной заменой последнего, так как изначально ориентирована не на диалог и взаимопонимание между людьми, не на взаимную поддержку, а на возвращение эгоцентризма, всяческое выпячивание себя, демонстрацию своих "достижений". Такая ярмарка тщеславия в современном исполнении поощряет в людях нарциссизм, воспитывает привычку казаться, а не быть, стремление продемонстрировать сомнительное превосходство над другими, такими же самовлюбленными пользователями, вызвать у них зависть. "Переселение" молодых людей в виртуальное пространство приводит к тому, что у них не формируется объективное видение мира, логическое и критическое мышление, полностью отсутствует эмпатия, сопереживание другим людям, понимание их нужд и интересов. А ведь эти качества им понадобятся в недалеком будущем, когда они будут вынуждены выйти из привычной зоны комфорта, так или иначе вписаться в реальное, а не виртуальное общество, решать жизненные проблемы разной степени сложности, преодолевать многочисленные трудности, отличающиеся от знакомых им по компьютерным играм. Это особенно важно для тех из них, кому будет суждено занимать позиции, влияющие на судьбы других людей — здесь им вряд ли пригодятся навыки хороших геймеров, слава успешных стримеров и блогеров. Резкое снижение у вступающего в жизнь поколения духовно-нравственного начала, трансформация основных стимулов и мотивации жизненной активности становятся серьезным тормозом для развития общества, приводят к снижению его адаптационного потенциала.

Даже беглый обзор рассматриваемой в широком смысле культуры, ее роли в жизни общества, степени и диапазона воздействия на его членов показывает, насколько тесно взаимосвязаны между собой традиционно приписываемые ей социальные функции и как сильно трансформационные процессы, затрагивающие одно измерение, коррелируют с изменениями в других ипостасях культуры. Можно констатировать, что к

настоящему времени изменились не только базовые ценности общества, включая этические константы, но и способы их передачи на этапе становления личности. Культурная преемственность обеспечивает межпоколенческую связь, индивидуальную и коллективную идентичность, сохранение исторической памяти и культурных корней, которые только и могут дать жизнь росткам новой полноценной культуры, а не субкультурным однодневкам. При этом трансмиссия культурных ценностей поддерживает стабильность, социальную сплоченность, нравственное здоровье и устойчивость общества, его адаптационную способность, помогающую противостоять все новым вызовам, предотвращает социальную дезинтеграцию, позволяет сохранять потенциал развития для отдельных стран и культурное многообразие в планетарном масштабе. Если на каком-то историческом этапе рвется звено цепи, соединяющей прошлое с будущим, это не может не привести к регрессу и деградации, поскольку поколение, вытптывающее культурные корни, не может ни создать что-нибудь по-настоящему ценное на пустом месте, ни передать ценности своим непосредственным потомкам и последующим поколениям.

Среди других факторов, расширяющих межпоколенческую трещину, можно назвать глобализацию, ведущую, в том числе, к стандартизации, гомогенизации культур, стиранию уникальных локальных особенностей, а также миграционные тенденции, способствующие унификации культурных норм и ценностей, ослаблению связи старшего поколения с культурными корнями и традициями предков, культурной ассимиляции молодежи в новой среде с усвоением ценностей страны проживания. Важно отметить, что трансформации в сфере культуры, принявшие благодаря глобализационным процессам общемировой характер, являются, по сути, очередным этапом на историческом пути западной цивилизации, логическим продолжением западной цивилизационной линии, эволюционным развитием культурной традиции Запада. В то же время, этот тренд по многим параметрам контрастирует с восточными подходами ко многим социальным явлениям. Для восточной культурной традиции изначально были характерны качества, дефицит которых так остро ощущается в сегодняшнем мире. Так, в отличие от западного подхода, основанного на индивидуализме, поощрении личной свободы и гедонизма, на Востоке большое внимание уделялось гармонии,

коллективизму, воспитанию социальной ответственности, уважения к старшим и т.д. Тем более деструктивным для цивилизации в целом представляется тотальный переход на "западный трек" развития народов стран, исторически не относящихся к западной культурной традиции.

Ясно, что не следует ждать, пока цивилизация в своем движении дойдет до опасной черты, нужно действовать на опережение, причем, по нескольким направлениям одновременно. Пока сохраняются, во-первых, носители культурных традиций народов и во-вторых, широко мыслящие личности, осознающие цивилизационную значимость культуры, остается некоторое, хоть и узкое, окно возможностей для сохранения и передачи последующим поколениям если не всех, то многих ценных элементов культуры.

Подчеркивая неоднозначный характер излишней информированности в отсутствии внутреннего критика и навыков фильтровать действительно важные сведения от информационного мусора, затронем по касательной еще одну тему. Речь идет о чрезмерной эйфории и наметившейся тенденции на фоне взрывного развития сферы искусственного интеллекта возлагать слишком большие надежды на компьютерный разум. Последний рассматривается не в качестве помощника человека, а как заменитель естественного интеллекта, на который полностью перекладывают не только информационно-аналитическую функцию, но и ответственную функцию принятия решений. При этом не уделяется должного внимания тому, на каких информационных массивах происходит обучение систем искусственного интеллекта. Настороженность вызывают и попытки придать машинному разуму ценностное измерение, что позволит ему формировать свои выводы, исходя из вполне определенных критериев, намеренно заложенных в систему или сгенерированных ею на базе накопленных данных. Все это вызывает серьезные сомнения относительно полноты и объективности порожденных искусственным интеллектом знаний, релевантности ответов на запросы пользователей, безопасности и отсутствии негативных последствий принятых им решений. Сложно говорить о мудрости, гуманистической направленности и даже о здравом смысле, если не проводить обучение систем в этом направлении.

Функционирование общества нередко сравнивают с жизнедеятельностью живого организма. Как известно, применение

метода аналогий оказывается весьма эффективным инструментом во многих исследованиях. Проведение же аналогии между медицинской и социальной сферами представляется особенно продуктивным, поскольку функционирование общества во многом напоминает жизнедеятельность биологического организма с внутренними взаимосвязями между различными его органами и системами. В обоих случаях речь идет о сложной системе, требующей применения системного подхода, учета взаимозависимости и взаимовлияния отдельных элементов и подсистем. Анализ ситуации, сложившейся во многих сферах общественной жизни, включая культуру (как в узком значении этого понятия, так и в широком смысле), позволяет сформулировать вывод в медицинских категориях: наличие ярко выраженных симптомов говорит не об отдельных функциональных нарушениях, а о далеко зашедшей болезни всего общества, затрагивающей все системы и требующей уже не профилактических мер, а серьезного комплексного лечения, направленного на восстановление жизнедеятельности социального организма в целом. И "терапия" культуры в рассматриваемом контексте имеет первостепенное значение.

И здесь важно обратить взор на социализацию. "Процессы социализации, перестав быть традиционными, но так и не став по своей специфике инновационными, чаще всего носят непредсказуемый, стихийный и малоуправляемый характер. Принципиальным затруднением для эффективности деятельности институтов социализации молодежи является отсутствие четко очерченного образа будущего и ближайших перспектив развития общества как целостного социального организма; отсутствие единой структуры" [5]. Сегодня, в условиях ломки социокультурных традиций, следует уделять самое серьезное внимание совершенствованию механизмов социализации, учитывая при этом особенности нынешней эпохи и ведущие тенденции, но в то же время реанимируя выхолощенную из этих процессов морально-нравственную компоненту.

Какие же конкретно шаги могут быть предприняты в этом направлении? Как представляется, в первую очередь следует продумать вопросы восстановления продуктивного межпоколенческого общения, приносящего пользу представителям как старшего, так и молодого поколения. Сегодня мы видим, как

очутившиеся вдруг в совершенно незнакомом для себя мире цифровизации люди преклонного возраста пытаются перенять от своих юных современников навыки работы с современными электронными устройствами, освоить новые способы коммуникаций, чтобы в той или иной степени адаптироваться к изменившимся условиям жизни. Обратный процесс, к сожалению, не наблюдается – молодые люди отнюдь не стремятся почерпнуть тот богатый опыт и те знания, которыми обладают люди старшего возраста, они чувствуют себя как рыба в воде в современном цифровом пространстве, и этого им вполне достаточно. В последние десятилетия межпоколенческие связи резко ослабли; стремительно развивавшиеся в последние десятилетия процессы дезориентировали людей трудоспособного возраста, тогда как молодежь, с ходу воспринимая новые веяния, без проблем вписываются в быстро меняющуюся среду, и в результате на каком-то этапе жизненные пути разновозрастных групп граждан перестали пересекаться. В этот период времени как родителями, так и школой был упущен из внимания воспитательный аспект в процессе становления личности. Как следствие, выросло ущербное во многих отношениях поколение с незрелыми взглядами, ограниченным кругозором, скудным багажом знаний, мало подготовленное к реальной жизни. К настоящему времени они начинают трудовую деятельность, получают рычаги управления обществом, становятся лидерами мнений. Коррекция уже закреплённых личностных характеристик человека в этом возрасте достаточно затруднительна. Поэтому речь сегодня должна идти, в первую очередь, о более молодых людях, находящихся на пороге вступления во взрослую жизнь, о тех, кому еще предстоит влиться в активную часть населения. По отношению к ним еще не поздно говорить об усилении воспитательской активности, для чего следует откорректировать методы воспитания и систему образования по разным направлениям. Прежде всего, следует восстановить роль старшего поколения как связующего звена между прошлым и будущим, привлекая для этого активных, дееспособных людей зрелого возраста. Возрождение "института бабушек" принесло бы пользу молодым родителям в воспитании и обучении детей, начиная с самого юного возраста. И, конечно, первоочередное внимание должно уделяться корректировке образовательных программ и соответствующей подготовке наставников всех уровней.

Целесообразно усовершенствовать учебные программы для средних и высших учебных заведений с усилением воспитательной функции, направленной на формирование морально-нравственных основ у взрослеющего человека, чувства ответственности, взаимной поддержки. При этом желательно использовать формы и методы, обеспечивающие глубокое проникновение этих норм в сознание обучающихся, в том числе современные мультимедийные средства, хорошо зарекомендовавшие себя с точки зрения восприятия их молодежью. Важно также продумать пути расширения познавательного измерения в процессе обучения с обязательным акцентом на мировоззренческие вопросы. И здесь остро встает вопрос необходимости включения в учебные программы основ философии соответствующего уровня (для школ, университетов), подготовки педагогов для этих учебных заведений. [6]. Большую пользу принесет создание приемлемых для молодежи электронных платформ, медиапродуктов созидательной направленности, систем, ориентированных на повышение уровня креативности. Могут быть предложены и другие эффективные пути улучшения ситуации, главное, чтобы был соответствующий запрос со стороны общества.

Литература:

1. Вторушин Н. А. Отчуждение как один из определяющих факторов развития современного общества и человека [Электронный ресурс] / Н. А. Вторушин // Актуальные проблемы гуманитарных наук: сборник научных трудов студентов, аспирантов и молодых ученых 21–22 апреля 2011 г., Томск / Изд-во ТПУ, 2011. <http://www.lib.tpu.ru/fulltext/c/2011/C20/109.pdf>

2. Дубров, Д. И. Межпоколенная трансмиссия ценностей в городской и сельской среде / Д. И. Дубров, А. Н. Татарко // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2016. – № 2. – Т.13.

3. Кошетарова Л.Н. Трансмиссия ценностей в контексте теории поколений. <https://www.b17.ru/article/327544/>

4. Жуйкова, Т. П. Идеи ценностей, их развитие в общей аксиологии / Т. П. Жуйкова. [Электронный ресурс] // Молодой ученый. — 2014. — № 21 (80).

URL: <https://moluch.ru/archive/80/14284/>

5. Матюх Е.Т. Жизненные ценности современной молодежи в условиях социального риска // Современные проблемы науки и

образования. – 2012. – № 4.; URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=6783>

6. Мирзаева В.А. О целесообразности преподавания основ философии в средней школе. / В.А. Мирзаева // Преподавание современной философии: методология, теория и практика: коллективная монография, Институт философии и социологии НАНА. "Optimist", Баку, 2021. ISBN 978-9952-549-44-7.

References:

1. Vtorushin N. A. Otchuzhdeniye kak odin iz opredelyayushchikh faktorov razvitiya sovremennogo obshchestva I cheloveka [electronic resource] / N. A. Vtorushin // Aktualniye problemi gumanitarnikh nauk: sbornik nauchnikh trudov studentov, aspirantov i molodikh uchenikh 21-22 aprelya 2011 g., Tomsk / Izd-vo TPU, 2011 / <http://www.lib.tpu.ru/fulltext/c/2011/C20/109.pdf>

2. Dubrov D.I. Mezhpokolennaya transmissiya tsennostey v gorodskoy i selskoy srede / D.I. Dubrov / A. N. Tatarko // Psikhologiya. Zhurnal Visshey shkoly ekonomiki 2016. – № 2. – Т.13.

3. Koshetarova L.N. Transmissiya tsennostey v kontekste teorii pokoleniy. <https://www.b17.ru/article/327544/>

4. Zhuykova T.P. Idei tsennostey, ikh razvitiye v obshchey aksiologii / T.P. Zhuykova [electronic resource] // Molodoy ucheniy – 2014. - № 21 (80). URL: <https://moluch.ru/archive/80/14284/>

5. Matyukh E.T. Zhiznenniye tsennosti sovremennoy molodezhi v usloviyakh sotsialnogo riska // Sovremenniye problemi nauki I obrazovaniya. – 2012. – № 4.; URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=6783>

6. Mirzaeva V.M. O tselesoobraznosti prepodavaniya osnov filosofii v sredney shkole. / V.M.Mirzaeva // Prepodavaniye sovremennoy filosofii: metodologiya, teoriya i praktika: kollektivnaya monografiya, Institut filosofii i sotsiologii NANA. "Optimist", Baku, 2021. ISBN 978-9952-549-44-7.

Mehmet Emin Koç

AMEA Fəlsəfə və Sosiologiya İnstitutunun doktorantı
Türkiyə Respublikası Prezidentlik Administrasiyası
Kommunikasiya İdarəsi Daimi Mətbuat Kartı Sahibi

www.haberotuzdort.com.tr

Qəzet və Xəbər Portalı Yayım üzrə Müşavir

E-mail: kocmehmetemin@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-1025-5643>

MEDIA VƏ RƏQƏMSAL TEXNOLOGIYA VASİTƏSİLƏ SOSİALLAŞMA: YENİ İMKANLAR VƏ ÇAĞIRIŞLAR

Xülasə

Bu araşdırma media və rəqəmsal texnologiyaların fərdlərin sosiallaşma proseslərinə təsirini sosioloji və mədəni baxımdan araşdırır. Rəqəmsallaşma təkcə texniki transformasiya deyil; eyni zamanda şəxsiyyət, məxfilik, sosial mənsubiyyət və sosial qarşılıqlı əlaqə kimi əsas anlayışları dəyişdirən mədəni paradigma dəyişikliyi kimi yanaşılır. Sosiallaşmanın rəqəmsal formaları Castellsin şəbəkə cəmiyyəti, Giddensin gec müasirliyi, Turklenin rəqəmsal təkliyi, Cenkinsin yaxınlaşma mədəniyyəti, Gillespie-nin alqoritmik manipulyasiyası və Fukunun müşahidə cəmiyyəti nəzəriyyələri kimi əsas yanaşmalar işığında təhlil edilmişdir. Rəqəmsal media fərd-cəmiyyət münasibətlərində yeni imkanlar təqdim etməklə yanaşı, rəqəmsal təklik, kiber zorakılıq, alqoritmik hökmranlıq, məxfilik pozuntuları və şəxsiyyət böhranları kimi çətinlikləri də özü ilə gətirir. Rəqəmsal şəxsiyyətin qurulması onlayn platformalar vasitəsilə çoxkomponentli proses kimi müəyyən edilir; o, fərdin rəqəmsal izləri, alqoritmləri və platforma dinamikası ilə formalaşır. Rəqəmsal sosiallaşmanın təhsil, mədəni qarşılıqlı əlaqə, aktivlik və əlilliyi olan şəxslərin iştirakı kimi sahələrdə yeni imkanlar təqdim etdiyi vurğulanarkən; rəqəmsal uçurum, informasiya zəhərlənməsi və dezinformasiya kimi problemlər diqqətdən kənarda qalmır. Nəhayət, qeyd olunub ki, rəqəmsal sosiallaşma azadlıq sahələrini meydana çıxarmaqla yanaşı, fərdin psixoloji və sosial bütövlüyünə də müxtəlif problemlər gətirir. Bu kontekstdə işin məqsədi rəqəmsal media əsaslı sosiallaşma prosesini çoxölçülü və fənlərarası *yanaşma* ilə müzakirə etməkdir.

Mövzunun araşdırılma dərəcəsi: məsələnin tədqiqinə dair mənbələr siyahısı məqalənin sonunda verilmişdir.

Açar sözlər: media, sosiallaşma, rəqəmsallaşma, rəqəmsal kimlik, alqoritm,

УДК – 004.5

Мехмет Эмин Коч

Аспирант Института философии и социологии, НАНА,
Республика Турция Администрация Президента
Управление по связям с общественностью
Обладатель постоянной пресс-карты

www.haberotuzdort.com.tr

Газета и новостной портал

Консультант по издательской деятельности

E-mail: kocmehmetemin@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-1025-5643>

СОЦИАЛИЗАЦИЯ СРЕДСТВАМИ МЕДИА И ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ВЫЗОВЫ

Резюме

В этом исследовании рассматривается влияние медиа и цифровых технологий на процессы социализации людей с социологической и культурной точек зрения. Цифровизация рассматривается не только как техническая трансформация, но и как смена культурной парадигмы, которая трансформирует такие фундаментальные понятия, как идентичность, неприкосновенность частной жизни, социальная принадлежность и социальное взаимодействие. Цифровые формы социализации анализируются в свете таких базовых подходов, как сетевое общество Кастельса, поздний модерн Гидденса, цифровое одиночество Теркла, конвергентная культура Дженкинса, алгоритмическое руководство Гиллеспи и теории общества наблюдения Фуко. В то время как цифровые МЕДИА открывают новые возможности в отношениях между человеком и обществом, они также порождают такие проблемы, как цифровое одиночество, киберзапугивание, доминирование алгоритмов, нарушения конфиденциальности и кризис идентичности. Создание

цифровой идентичности определяется как многоакторный и многокомпонентный процесс с использованием онлайн-платформ; цифровые отпечатки личности формируются алгоритмами и динамикой платформы. Хотя подчеркивается, что цифровая социализация открывает новые возможности в таких областях, как образование, культурное взаимодействие, активизм и участие людей с ограниченными возможностями, не игнорируются такие проблемы, как цифровой разрыв, информационное отравление и дезинформация. *Наконец*, утверждается, что, хотя цифровая социализация создает зоны свободы, она также порождает различные проблемы с точки зрения психологической и социальной целостности личности. В этом контексте *целью исследования* является обсуждение процесса социализации, основанного на цифровых МЕДИА, с использованием многомерного и междисциплинарного *подхода*.

Степень исследованности темы. См, Библиографию, представленную в конце статье.

Ключевые слова: медиа, социализация, цифровизация, цифровая идентичность, алгоритм.

UDC – 004.5

Mehmet Emin Koch

PhD Student at
the Institute of Philosophy and Sociology, ANAS,
Republic of Turkey, Presidency Directorate
of Communications
Permanent Press Card

Holder www.haberotuzdort.com.tr
Newspaper and News Portal Publishing Consultant
E-mail: kocmehmetemin@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1025-5643>

SOCIALIZATION THROUGH MEDIA AND DIGITAL TECHNOLOGIES: NEW OPPORTUNITIES AND CHALLENGES

Abstract

This study examines the effects of media and digital technologies on individuals' socialization processes from sociological and cultural perspectives. Digitalization is considered not only as a technical transformation but also as a cultural paradigm shift that transforms fundamental concepts such as identity, privacy, social belonging and social interaction. Digital forms of socialization are analyzed in the light of basic approaches such as Castells' network society, Giddens' late modernity, Turkle's digital loneliness, Jenkins' convergence culture, Gillespie's algorithmic guidance and Foucault's surveillance society theories. While digital media offers new opportunities in individual-society relations, it also brings challenges such as digital loneliness, cyberbullying, algorithmic domination, privacy violations and identity crises. Digital identity construction is defined as a multi-actor and multi-component process through online platforms; the digital footprints of the individual are shaped by algorithms and platform dynamics. While it is emphasized that digital socialization offers new opportunities in areas such as education, cultural interaction, activism and participation of disabled individuals, problems such as digital divide, information poisoning and disinformation are not ignored. *Finally*, it is stated that while digital socialization produces areas of freedom, it also raises various challenges in terms of the psychological and social integrity of the individual. In this context, the aim of the study is to discuss the socialization process based on digital media with a multidimensional and interdisciplinary *approach*.

The degree of research on the topic. See the bibliography provided at the end of the article.

Keywords: media, socialization, digitalization, digital identity, algorithm.

Introduction

The concepts of media and digital technology have become one of the fundamental phenomena that determine the structural dynamics of today's societies. Digital media has led to radical changes in the way individuals establish, maintain and transform their social ties. According to Castells, who analyses this process of change and transformation by focusing more on the economy, socialisation is not limited to the physical environment, but has gained new dimensions on a global scale through virtual platforms [Castells 2010, p. 5-25]. In addition, Castells concluded

that 'time is local' by turning to the subjective, relative, fragmented and instantaneous understanding of time with his analysis of timeless time [Castells, 2010, pp. 460-461]. Therefore, the 'network society', which is constantly being constructed like a jigsaw puzzle in timeless times and spaces, is formed in the form of social clusters that are very different from the existing societies.

Digitalisation is one of the most decisive areas of sociocultural transformation of the 21st century. Media and digital technologies are reshaping not only individuals' access to information, but also their social interactions and social roles. It can be said that socialisation, as a process that enables the individual to participate in the social structure, has evolved formally, spatially, functionally and spatially with digitalisation.

In this study, we have tried to explain the conceptual foundations of socialisation through media and digital technologies and to provide a sociological analysis of new opportunities and challenges. In this context, while addressing issues such as digital media literacy, the guiding role of algorithms, the transformation of privacy, digital loneliness and digital inequality; we have resorted to the theoretical approaches of thinkers and sociologists such as Giddens, Gillespie, Jenkins, Turkle, Livingstone. Finally, we wanted to offer some solutions to democratise media policies, strengthen digital literacy and increase digital inclusion.

1. Theoretical framework

While the concept of media has historically encompassed the means of communication, digital media defines the fields of interaction that have expanded especially with the internet, social networks and mobile technologies [Lievrouw and Livingstone 2006: p. 1-2]. However, according to Lievrouw and Livingstone [2006: p. 1], new media did not replace old media, just as publishing replaced print in the mid-20th century. Rather, people's information and communication media have become more individualised and commodified, integrating print, audio, still and moving images, broadcasting, telecommunications, computers and other modes and channels of communication and information sharing.

As for digitalisation, it is a process with symbolic and concrete dimensions. Digitalisation is not only a technical transformation, but also a process of cultural transformation in which social life, identity, communities and privacy are redefined.

Wellman defines digital media as ‘a networked, space-independent, individual-centred form of communication’ [Wellman, 2001, pp. 229-248].

Symbolically, digitisation is the process of converting analogue signals into bits represented by 1 and 0 to produce information that can be expressed in many different ways, in many different materials and systems. In concrete terms, digitisation can be expressed as the presence or absence of current in electrical circuits.

Almost any material with two theoretically easily distinguishable states can be used to store and transmit digitised signals, including silicon transistors, punch cards or atoms. As long as digital information can be represented in any set of transistors, ‘all forms of data such as alphanumeric text, graphics, still and moving pictures and sounds’ can be digitised. The basic process is one in which ‘all signals are broken down into small pieces’ and coded as a 0-1 sequence [Aslan 2022: p. 8].

In informatics dictionaries, digital means ‘digital’, i.e. it is defined as ‘belonging to a data consisting of numerical digits, as well as to processing and functional units that use these data’ [Arifoğlu et al. 2006: p. 64].

In other words, it can be called a method that uses discrete variables such as voltage, frequency, amplitude [the distance between the equilibrium point of the particles forming a wave and the point farthest from the equilibrium point], time, etc. to perform operations for sound, image, computer data or other information or to transmit binary [0 or 1] signals. In this context, the term ‘computer’ in Turkish is more commonly used in the sense of ‘digital computer’.

‘Digital computer’ means a computer that executes programs written or specified by the user; by executing programs written or specified by the user; by executing user-specified operation of numerically represented discrete data [data containing different elements such as characters or data that can be represented by one or more different recognisable values, e.g. integers], including arithmetic and logical operations, and by executing programs that change themselves during their execution, controlled by programs loaded into it, and which can use common memory for all or part of a program, as well as all or part of the data required for the execution of programs [Arifoğlu et al. 2006: p. 64].

Day defines digitisation in terms of the type of data processed: It is a process in which images, sounds and texts are electronically converted and stored as figures that can then be decoded and

reconstructed as the original product or a modified form of the original product. According to Day, since a 'reconstructed' production is a perfect copy of the original, it is impossible to detect any transformation of the original content [Day 2006: p. 44].

Verhulst points out that the paradigm shift lies in the process of digitalisation, where all kinds of data, such as digital text, graphics, still and moving pictures and sounds, are converted into 0s and 1s or digital bits. Verhulst underlines that this paradigm shift and digitisation enables controlled storage of large volumes of data, easy manipulation and display of this data, and fast transmission without loss of quality in an integrated bit stream on a common channel. This common digital environment drives convergence [the convergence towards a point, a limit, with the gap becoming infinitely smaller but without intersection] at all levels of the value chain [Verhulst 2002: pp. 331-332].

According to Verhulst, digitalisation and convergence fundamentally and substantially change the basis on which the traditional regulatory broadcasting [analogue model] regime is based. Thus, as a result of the digitisation of content, virtually any message can be transported from point A to any point B by any physical means. The movement from a single-purpose network or transmission mode to multi-purpose networks is the result [Verhulst 2002, p. 332].

Digitalisation is not only a technological advance, but also a profound cultural transformation. This transformation fundamentally affects the way individuals, societies, institutions and even concepts are perceived, produced and transmitted. It is widely accepted in the academic literature that the interaction with technology creates multi-layered transformations in many dimensions from individuals' daily life practices to identity construction, from memory formation to the perception of space [Lash, 2002, pp. 18-21; Poster, 2006, p. 33]. Lash argues that the information systems of classical modernity based on causality, sequentiality and linear time have become dysfunctional in today's digitalised and information-intensive network societies.

In this context, Lash states that a non-linear structure of thought has come to the fore [Lash: 2002, p. 18]. According to him, the new information regime has a more dispersed, fragmented and networked character. Information no longer circulates in a predetermined chronology or causality, but in interconnected datasets, hyperconnections and algorithmic flows, which is not only a technological change but also an epistemological revolution.

According to Lash, the post-industrial form of knowledge operates in the form of simulation, symbols and information packages instead of text-centred and linear information structures. The characteristic feature of these structures is that they close within themselves and can be reopened with new contextual relations. In other words, information can now be decontextualised and integrated into different contexts. In this context, information is not a fixed content but a 'circulating process'.

As a cultural transformation, digitalisation offers a ground where "network logic" comes to the fore and social organisation evolves from hierarchical structures to decentralised, multi-connected structures. In this context, digitalisation is not only a technological innovation; it is also a reconstruction of a system of meaning, knowledge and experience.

As for the capital aspect of digitalisation, it can be said that global capital is unfortunately involved in the process faster and more voraciously from the perspective of 'eating the world'. In the meantime, unfortunately, it is a fact that they do not care much about people and values that have become meaningless. As a matter of fact, the World Economic Forum reports in 2016 stated that the total value of digitalisation in the future projection could reach 100 trillion dollars [WEF 2016].

What is worse, when algorithms, software and Artificial Intelligence [AI] venture capitalist Marc Andreessen asks 'Why is software eating the world?', he means 'old world companies' such as Borders and Kodak by those eaten at the wolf's table, and 'digitalised new world companies' such as Google, Amazon, Shutterfly, Snapfish, Flickr, Groupon, Living Social, Foursquare, LinkedIn by those eaten at the table [Andreessen 2011].

The fact that the pioneers of global capital, Artificial Intelligence and software avant-garde perceive Artificial Intelligence and digitalisation as a process of wild capitalism in which 'digitalised fish' swallow 'non-digitalised fish' is not only an economic risk, but also a sign of the existence of great risks in every field from human to environment, from freedoms to ethics, from meaning to values.

In this context, Leonhard's confession that 'I don't see how we will be able to preserve our humanity in a highly machine-centred society' has already been voiced by many intellectuals and scientists [Leonhard 2016: p. 99].

The robot, which has become one of the important ‘digital subjects’ against the ‘subject’ in the axis of the digitalisation process, is defined as a mechanical device, usually programmable, designed to perform manipulation or movement actions under automatic control [Arifoğlu et al. 2006: p. 187].

Digitalisation has restructured not only space but also time. Rheingold asks, ‘How will copyrights be determined and collected in a world where you can copy everything with the push of a button and transfer a library around the world in a minute?’. According to him, virtual communities offer temporal flexibility and individuals can interact without being bound to the rhythms of everyday life; therefore, we need ‘some kind of intermediary’ to mediate between human and network capabilities [Rheingold 2000: p. 100-101]. While this situation offers individuals new areas of freedom, it also brings burnout and time management problems due to being constantly online [Wajcman 2015: p. 72, 97].

Socialisation can be seen as a process in which the individual participates in social life by learning the norms, values and roles of the society. With the impact of digital technology, socialisation has now transcended spatial boundaries; therefore, individuals’ identity construction processes, their sense of social belonging and cultural interactions have taken new forms [Turkle 2011: pp. 161-162]. As Turkle observes, boundaries are now blurred as technology accompanies us everywhere, all the time. According to him, we are too quick to celebrate the constant presence of a technology that does not respect traditional and useful lines in the sand.

Socialisation can and does have many definitions from various perspectives. As a common approach, socialisation refers to the process by which an individual becomes a social being, a process that takes place through learning and internalising the norms, values, behavioural patterns and symbolic systems of society. This approach and common definition can be traced back to Ibn Khaldûn, who laid the foundations of ancient sociological thought. In his *Muqaddimah*, Ibn Khaldûn defines the human being as ‘civilised bi’t-tab?’, that is, a social being by nature, and points out that the individual can only attain “meaning” and ‘umran’ within social organisations [Ibn Khaldûn 2007: p. 113]. In this context, socialisation is a fundamental process that enables the individual to find his/her place in the social order.

In modern sociology, É. Durkheim, while describing society as a 'shared consciousness', defines socialisation as 'the process by which society gives collective consciousness to the individual in order to maintain its own existence' [Durkheim 1961: pp. 8-10, 277]. According to Durkheim, "society is first and foremost the consciousness of a whole. Therefore, it is this collective consciousness that we need to instil in the child. Similarly, G. H. Mead defines the nature of intelligence on the axis of 'sociability' and sees socialisation as the process by which the individual develops his/her identity through the conception of "self" and 'other' and explains this process in the context of symbolic interactionism [Mead 1934: pp. 135-141].

Contemporary sociologists who look at socialisation from various perspectives emphasise that socialisation continues not only through physical but also through digital and global environments. Giddens, inspired by Marx's sharpest critic Weber, sees socialisation as a 'lifelong learning process' and points out that this process enables the development of personality and makes cultural transmission possible [Giddens 2006: pp. 93, 95]. Giddens defines socialisation as 'the process by which a helpless human offspring gradually becomes a self-aware, knowledgeable person, skilled in the ways of the culture into which it is born' [Giddens 2009: p. 284]. According to him, the socialisation of young people ensures the realisation of social reproduction, which is a more general phenomenon, that is, the process by which societies have structural continuity over time.

2. Digital identity construction and digital socialisation

It can be said that our old world is 'surrogate mothering' brand new digital identities and virtual worlds at every moment and intertwined with the digitalisation process.

Identity is a practice of signification that helps the individual to make sense of his/her position in society [Jenkins 2004: p. 21]. In this context, identity is formed in the interaction between the individual and society. According to Stuart Hall, rather than a fixed essence, identity is a process of representation that is constantly reconstructed within discourse and is constructed not outside difference, but through it [Hall 1996: p. 4-5].

2.1. Digital identity construction

Digital identity is a holistic form of self-representation consisting of many elements such as traces left by the individual in digital environments, user profiles, behavioural data, social media accounts and electronic documents. Therefore, digital identity is a multi-actor structure that is shaped not only by the data provided by the individual, but also by the contribution of other users, platform algorithms and institutions [state/corporate authorities] and exists within the computational integrity. According to Floridi, in this context, individuals are defined as "inforg" and their identities are the result of interactive data flows within the "infosphere" [Floridi 2011: pp. 25, 291-295; 315-320].

Digital identity can be considered a bundle of multiple and multi-related components [van Dijck, 2013, pp. 150-200]. These components and multi-related digital identity building blocks are categorised as "identifying data", which can be expressed as information that enables the individual to be recognised in the digital environment, such as e-mail addresses, usernames, IP addresses; behavioural traces such as visited sites, posts, search history and click habits; representative images and texts such as profile photos, biographies, posts and videos, as well as algorithmic relationships, which are the individual's network relationships, friend lists, pages they follow and content flows structured by recommendation systems.

According to Poster, digital identity today is conceived as both a technical data object and a cultural and social plane of representation [Poster 2006: 87, 114]. Poster argues that identity is no longer merely an internal state of consciousness of the individual, but a structure that is fragmented in digital systems, distributed across networks and constructed in new combinations with information machines. Therefore, identity is both a technical and cultural construct.

2.2. Digital socialisation

Today, a significant part of social relations are established through social media methods and digital channels; individuals' identities, social belonging and communication styles are reconstructed in digital environments. For example, in Turkey, social media offers an alternative space for expression and participation among the young population [Baş et al. 2023: p. 138]; in Azerbaijan, digital media supports socialisation by intertwining with traditional values [Seyidov 2020: p. 898-902].

Giddens argues that with the dissolution of time-space contexts in modern society, individuals reconstruct their identity and belonging structures in different contexts. According to Giddens, the most prominent feature of late modernity is that individuals negotiate their selves in interaction with ever-changing digital environments [Giddens 1990: p. 114-120]. The result, according to Giddens, is the gradual diminution of personal life and the loss of solid reference points: There is an inward turn towards human subjectivity, and meaning and desire are sought in the inner self. This approach is fundamental to understanding phenomena such as the discontinuity of socialisation and identity fragmentation in digital media.

Socialisation is now shaped not only through traditional institutions but also through media, technology and digital networks; the individual's identity construction is reproduced over multiple platforms, even instantaneously. As a matter of fact, Castells states that socialisation in digital societies takes place within network structures, with multi-layered identities and trans-temporal interactions [Castells, 2010, pp. 389-402].

Jenkins refers to a hybridised media environment where old and new media forms coexist with the concept of “convergence culture”. In such an environment, individuals become both content producers and prosumers [Jenkins 2006: p. 3-8, 23, 243]. According to Jenkins, this new user position highlights the interactive and creative aspect of digital socialisation. In this context, it is possible to say the following: Young people in the world in general and in Turkey and Azerbaijan in particular are socialising with both traditional and digital norms within this digital cultural hybridity. The identity that will be constructed in such a process of rapid change and transformation will naturally be a hybrid and fragmented identity that is a mixture of digital-traditional.

It is known that digital platforms direct individuals to content through invisible algorithmic structures and that this guidance is decisive on social relations [Gillespie 2014, pp. 169-170]. According to Gillespie, algorithms are not only technical tools, but also political structures that determine who is included and who is excluded.

Thus, in trying to say something meaningful about how algorithms are transforming public discourse, we should certainly resist the temptation to attribute explanatory power to technology alone.

Moreover, algorithms ‘homogenise the process of socialisation’ and create ‘echo chambers’ by determining which content, which users

and which communities individuals will encounter more frequently [Pariser 2011, pp. 117-118].

A study conducted by Dr Sherry Turkle, "Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other", conducted by Dr Sherry Turkle, examines the effects of digital technologies on human relationships. Turkle argues that socialisation in the digital environment makes individuals lonely [2011: p.146, 178]. With the concept of "Alone Together", she refers to the fact that even if individuals are physically together, they are distanced from real relationships through social media methods and digital devices.

On the other hand, research on virtual social networks and belonging shows that social relations, especially for young people, have almost completely moved to the virtual environment and that the virtual environments offered by the Internet have eliminated time-space limitations and created new forms of socialisation for individuals [Bozdağ Tulum and Kaya 2023: p. 182].

The digitalisation process opens a new space for the construction of individual and collective identities. Indeed, Turkle [2011, pp. 181-184] points out that the individual can create multiple identities in the digital environment and that these identities are shaped by both social expectations and individual desires. In cultural terms, this situation is the transformation of identity from a fixed substance into a fluid, pluralised and dynamic form. As a matter of fact, according to Hall, identity in modern culture is a process that is "constantly being formed, never completed". Digitalisation contributes to making this process much more visible and traceable [1996: pp. 4-6].

Cultural transformations are not limited to production and consumption practices; they also affect regimes of knowledge and processes of meaning production. Here, the meaning of the 'subject' and identities are perhaps the most affected, even to the point of 'objectification of the subject'. Digitalisation continuously and completely produces a new set of norms in every field from journalism to education, from art to politics, from morality to the system of values. Although these norms are said to promise a more democratic and participatory information order and a free identity, they are also criticised by some sociologists for the monopolisation of centralised platforms and read as a new digital hegemony and algorithmic domination [Couldry and Mejias, 2019, p. 13].

Foucault describes a social structure in which the individual is under constant surveillance with the concept of panopticon based on the 'plague metaphor' [2012: pp. 195-227] In this context, it can be said that digital surveillance environments and algorithmic domination lead the individual to configure his identity in line with the norms imposed on him.

Artificial intelligence-supported algorithms enable users to access more personalised social content in the digital environment. These algorithms develop a "social recommendation system" based on the user's previous interactions, likes, searches and friend lists. Platforms such as Netflix, YouTube, Facebook and Instagram offer the user not only content, but also recommended friends and groups, and even marketing insights, virtual market orientations and offerings generated by ambient listening are on the agenda. In this respect, digital socialisation is no longer shaped directly by human will, but by algorithmic guidance [Kitchin 2014: p. 197, 218]. Which commercial, political, psychological or social foci and centres this algorithmic guidance and shaping feeds is unknown to individuals caught in digital socialisation.

The process of digital identity construction and digital socialisation is carried out through social media methods, virtual networks and digital platforms. The speed of digitalisation of individual-societies and the speed of digitalisation of information-technology go almost hand in hand; there is a relationship between individual-society and information-technology that motivates, drives and accelerates each other in digitalisation.

According to We Are Social & Hootsuite's Digital 2023 report, the number of social media users worldwide has reached 4.76 billion, which corresponds to approximately 60 per cent of the world population. It can be said that the majority of the world has become addicted to social media [We Are Social & Hootsuite, Digital 2023, p. 10].

According to the results of the 'Household Information Technologies [IT] Usage Survey - 2024' conducted by the Turkish Statistical Institute [TÜİK], the rate of individuals using the internet in Turkey in 2024 was 88.8%. While the rate of internet usage was 87.1 per cent in 2023, it was 88.8 per cent in 2024 among individuals in the 16-74 age group. In terms of gender, the rate of internet usage in 2024 was 92.2% for males and 85.4% for females.

According to Datareportal's continuously updated January 2025 report, the number of internet users in Azerbaijan is 9.23 million, while internet penetration is 89.0 per cent. According to this report, as of

January 2025, there are 6.73 million social media user IDs in Azerbaijan, which corresponds to approximately 65 per cent of the total population [Datareportal Digital: 2025: Azerbaijan: p. 2].

Between 2023 and 2024, there was a noticeable increase in social media usage in Azerbaijan in one year. Indeed, Kepios' analysis shows that social media users in Azerbaijan increased by 2.8 million [+87.6 per cent] between the beginning of 2023 and the beginning of 2024 [Datareportal Digital 2024: Azerbaijan: p. 7; Digital 2025: Azerbaijan: pp. 17-20]. In addition, data published in the advertising planning tools of leading social media platforms show that at the beginning of 2024, there were 6.10 million users aged 18 and over using social media in Azerbaijan, which corresponds to 80.3 per cent of the total population aged 18 and over at that time.

Digital socialisation refers to individuals establishing and maintaining social relationships through online platforms. However, excessive digital socialisation can lead to weakening of face-to-face communication skills and social isolation. This is particularly prevalent among adolescents and young adults and can negatively affect their psychosocial development. In the context of identifying these risks, understanding the digital behaviour of individuals, possible interventions and concrete solutions, it is of course important to create internet and social media addiction scales according to societies.

Until 2016, no 'internet addiction scale' was developed in Azerbaijan and no 'social media addiction scale' was developed until 2024; the prevalence of internet and social media addiction was not investigated. As a matter of fact, firstly, Kerimova and Günüç, at the beginning of 2016, "Adaptation of Internet Addiction Scale to Azerbaijani Language: Validity-Reliability and Prevalence Study" [Kerimova and Gunuc 2015: pp.39-48]. In the second phase of the study, the prevalence of Internet addiction among adolescents and young people in Azerbaijan was determined and discussed. According to the findings of the study, 51.9% of adolescents and young people in Azerbaijan are not addicted to the Internet, 40.6% are moderately addicted to the Internet and 7.5% are addicted to the Internet. In the light of these findings, it will be seen that the rate of internet addicted individuals is at a level that cannot be ignored, especially when moderate internet addicts and internet addicts [48.1% in total] are taken into consideration [Kerimova and Gunuc 2016: p. 45-46].

In Azerbaijan, the first 'social media addiction scale' with an adaptation similar to Kerimova and Gunuc's study was made by Malikova

and Şahin in 2024 [Malikova and Şahin 2024: pp 37-58]. However, this scale has not yet been applied in the field, so scientific results on social media addiction in Azerbaijan have not been obtained. The scale is proposed to be used to determine the level of social media addiction of university students.

3. New opportunities and challenges or challenges

Digital media offer both opportunities and significant challenges in the socialisation processes of individuals, but also create significant difficulties and walls that are difficult to overcome. In this context, it can be said that developments in digital media and technology will continue to have a profound impact on the future of socialisation. New technologies such as artificial intelligence, augmented reality and the metaverse will create radical changes in the way individuals socialise.

Research conducted within the European Union reveals that digital media literacy levels show significant differences between countries and that this directly affects the way individuals establish social relationships through media [Güner, 2022, pp. 473-499]. Livingstone and Helsper [2007: pp.689-692], on the other hand, emphasise that digital inequalities in Europe, especially in the UK, deeply affect the way children and young people socialise online, that there are serious digital gaps and that this situation can lead to social exclusion. Giddens argues that in the context of the consequences of modernity, uncertainty in the social belonging structures of the individual and rapidly changing communication patterns are deepened by digital media [1990: pp.140-142]. These differences cause digital media to create transformative effects for some and exclusionary effects for others.

3.1. New opportunities

It is possible to say that digital media and digitalisation offer individuals various opportunities in the context of education, intercultural interaction, identity formation and digital activism. Unlike traditional forms of socialisation, the digital socialisation process enables individuals to interact through various digital platforms by crossing geographical boundaries. The new opportunities offered by digital socialisation allow individuals to develop their social skills, access information faster and interact with different cultures. In this context, firstly, digital platforms help individuals to expand their social networks; social media, forums and online communities facilitate individuals to connect with people with

similar interests. It can be said that this situation constitutes an important support mechanism especially for individuals experiencing social isolation. As a matter of fact, research shows that digital platforms strengthen individuals' social support networks and increase their psychological well-being.

Digital technologies have increased socialisation opportunities in the field of education. Students can conduct group studies, share information and participate in academic discussions through online platforms. This allows students to develop their scientific and social skills and meet different perspectives.

According to the study conducted by Bozdağ Tulum and Kaya, young people's interactions on digital platforms are decisive in identity construction processes. Especially digital-social media platforms have become the main means of socialisation among young people [Bozdağ Tulum and Kaya, 2023, pp. 177-178].

Digital media has created a serious revolution in the field of education; access to information has become easier and learning communities have been reconstructed in online environments. Castells states that digital networks constitute the basic infrastructure for the information society and transform the learning processes of individuals [Castells, 2000: p. 60, 500]. The speed and possibility of access to information has become so widespread that individuals and societies are experiencing 'information poisoning'. Livingstone also emphasises that young people socialise in online learning environments by both accessing information and developing social interaction [Livingstone, 2009, pp. 80-143; Livingstone and Sefton-Green 2016: p.18-26].

Selwyn, dijital eğitimin sosyal boyutuna ilişkin çalışmasında çevirim içi ortamların sadece öğretim alanları değil, aynı zamanda dinamik sosyal arenalar olduğuna dikkat çekmektedir [2016: pp. 69-75] Bu yaklaşım çevrimiçi eğitimin bireyler arası sosyal etkileşimi nasıl teşvik ettiğine işaret etmektedir. Zoom, Google Classroom, Moodle gibi araçlar bireylerin sürekli etkileşimde kalmasını mümkün kılarken; grup projeleri, forum tartışmaları ve mesajlaşma sistemleri öğrenmenin yanı sıra dijital sosyalleşmeyi de sağlamaktadır.

Dijital medya, farklı kültürlerden bireylerin bir araya gelerek etkileşimde bulunmalarını kolaylaştırmıştır. Bu etkileşim, kültürel çeşitliliğin artmasına ve bireylerin farklı yaşam tarzları hakkında bilgi edinmelerine katkı sağlamaktadır. Özellikle sosyal medya platformları,

kullanıcıların farklı kültürel içeriklere erişimini kolaylaştırarak kültürel etkileşimi teşvik etmektedir.

Dijital medya ve yöntemler, artık bir yeri, bir kültürü, farklı bir yöreni görmek ve öğrenmek için geçmişte olduğu gibi kara, hava yahut deniz araçlarıyla yolculuk etmeye ihtiyaç bırakmamakta; sanal ağlar ve platformlar vasıtasıyla bireyler anında istedikleri yerlere, yörelere ve kültürlerle ulaşabilmektedir. Farklı coğrafyalarda ama birlikte olan sanal gruplar, dijital topluluklar, sanal cemiyetler ve toplumlar oluşmaya başlamıştır. Religious, ethnic, social and sexual minorities can create the opportunity to express themselves and exist in this field.

In the context of digital socialisation, individuals can build their social environment not only on the basis of physical proximity but also on the basis of their own interests, identities and belonging. Thus, a much wider, dynamic and even 'instantaneous' area of interaction and socialisation can be formed than physical-based forms of socialisation such as neighbourhood, kinship, school or work environment in the classical sense. Wellman explains this transformation with the concept of 'networked individualism' and states that the modern individual is no longer socialised within communities, but within networks [Wellman 1999: p. 16-18, 30-34] Therefore, this interactive situation offers both flexibility and versatility for individuals; it can make their socialisation processes more original, individualised and diversified.

Digital media tools facilitate social participation by increasing the awareness of individuals in a wide range of areas from the most marginalised issues to widespread social issues. Twitter hashtag campaigns, online petitions, digital marches are concrete examples of this process. According to Tüfekçi, unlike traditional forms of activism, these processes are capable of generating faster, instant and widespread social movements [Tüfekçi 2017: p.6, 38, 134].

Rapid digitalisation technologies now enable a new form of public sphere in which digital connectivity, visibility and solidarity emerge within seconds. According to Fraser, this points to the potential of online environments to produce 'counter-publics' [Fraser 1990: p. 67-68, 70]. Coffey et al. [2013: pp. 615-624] applied the Intercultural Sensitivity Scale [ISS] developed by Chen and Starosta [The development and validation of the intercultural sensitivity scale - 2000] in a digital context and found that individuals interacting in three-dimensional virtual environments exhibited higher levels of intercultural sensitivity compared to traditional and restricted websites.

In the process of digitalisation, games are no longer only a part of entertainment culture, but also a medium of socialisation. Digital and online games that involve various risks can create an environment that supports social skills such as team building, cooperation and strategy development among players. Aarseth draws attention to the fact that digital games have the characteristics of 'networked performance' and that these games require constant social interaction between players [Aarseth 1997: p. 145-155]. This network-dependent and online game performance in the process of rapid digitalisation is described as a 'global risk' by some researchers [Akkaş 2020: pp. 11-12]. As a matter of fact, online games such as Minecraft, Fortnite, Roblox create a strong social bond especially among young people and many players maintain their real life friendships on these platforms.

A very important young population constitutes the sub-ground of the new friendship and social life style that can be called 'a kind of real life online'. In the Pew Research Centre's 2022 study, it was found that 68% of young people between the ages of 13-17 regularly meet their closest friends through online games [Teens, Social Media and Technology 2022: p. 22-23].

In addition, traditional forms of socialisation or social interaction are often surrounded by physical, spatial and social barriers for people with disabilities. However, with digitalisation and especially with the proliferation of social media platforms, online communities and virtual environments, the participation of people with disabilities in social life has, arguably, expanded like never before. In this context, digital socialisation is considered not only as a technical convenience but also as a means of social justice and participation. In Gartner's 2022 report, it is stated that the accessibility potential of metaverse platforms provides new social networking and professional development opportunities, especially for individuals with disabilities [2022: p. 21-22].

Considering the rapid techno-digital developments; social interaction between individuals can become more "realistic" thanks to attractive technologies [e.g. haptic gloves, VR glasses, etc.] that mimic physical contact and spatial relationship in Metaverse environments. This is also referred to as 'embodied presence', 'embodied experiences' or 'interactive embodied agents', and it is argued that this feeling can increase empathic bonds between users [Bailenson 2018: p. 37-44].

In fact, platforms such as VRChat enable real-time, empathetic and deep social interactions by digitising individuals' facial expressions,

body language and voice tones. Thus, an opportunity for interaction beyond traditional digital messaging is created. It should also be said that these developments pose different challenges.

Although intercultural interaction and socialisation in the virtual network environment, the speed of which has not yet been measured by any system, opens up new areas for individuals, it may also bring risks such as hybridisation, virtual isolation, loneliness in a crowd, stereotyping, hate speech, marginalisation, virtual violence and virtual poisoning.

3.2. New challenges or challenges

It is possible to say the following: While digitalisation has profoundly transformed social structures, individual lives and cultural practices, it has brought with it not only opportunities but also serious challenges and problems. In this context, 'digital socialisation' is not only a form of communication; it also means that the processes of self-construction, social bonding, developing belonging and gaining a place in the public sphere are transferred to digital environments.

However, this transformation also includes many problematic dimensions ranging from new forms of inequality caused by the instrumentalisation of technology, individual identity crises, privacy violations and social polarisation. In this context, risks, difficulties and individual or social challenges such as digital loneliness, multiple identities and identity crisis, erosion of privacy, digital divide, digital addiction, cyberbullying, toxic communication, digital poisoning, digital serial lies and disinformation are noteworthy.

Although digital platforms offer new socialisation opportunities for individuals, these environments also have many ethical, psychological and social risks. The state of constant connectivity also reshapes individuals' relationship with concepts such as attention, time management and privacy. In this context, Zuboff introduced the concept of 'surveillance capitalism' [Zuboff 2019: p. 244, 290-295]. This is because digital socialisation also means that individuals' behaviours are constantly monitored, surveilled and followed.

In addition, echo chambers created through algorithms cause individuals to encounter only similar ideas, in other words, individuals are condemned to the prison of similar ideas; this situation may increase social polarisation. Zuckerman calls this the 'algorithmic trap' of digital socialisation [2013: pp. 90-93, 170-178].

It is clear that for digital socialisation processes to function properly, individuals should have equal access to digital tools, digital literacy level and the capacity to use these tools effectively. However, the ‘digital divide’ targets this reality. In this context, the ‘digital divide’ created by the rapid digitalisation process can be considered one of the serious risks of digital socialisation. Even technically competent and equipped individuals can sometimes become disabled in the face of the speed of digitalisation. The concept of digital divide includes not only physical differences in access to technology but also differences in usage skills and socioeconomic opportunities [van Dijk, 2020: pp. 9-34].

According to the OECD 2023 Digital Transformation Report, 27% of individuals aged 16-74 in Turkey do not have basic digital skills. These individuals use social media platforms only to consume content; they are far away from concepts such as participation in digital communities, original production, and digital citizenship [OECD 2023: p. 91]. In terms of participation in digital socialisation processes, women, elderly individuals, people living in rural areas and people with disabilities are disadvantaged. Despite rapid digitalisation, these groups are left with social isolation, loneliness and identity exclusion.

Digital loneliness, rupture between digital identity and physical identity, multiple identities and identity crisis are among the most important handicaps of the digital socialisation process. These situations are also considered as serious symptoms. Turkle argues that while individuals seemingly establish social bonds on online platforms, they are actually becoming increasingly isolated [Turkle 2011: pp. 227, 279]. According to him, digital socialisation leads to an increase in superficial interactions and a decrease in deep, satisfying social bonds. This leads to increased rates of social isolation and depression, especially among younger generations [2011: p. 270].

The rupture between an individual's digital identity and physical identity is seen as a problem that damages the psychological integrity of the individual. The rupture produced by digital socialisation evolves into a kind of individual-social schizophrenia. As a matter of fact, Turkle states that individuals' tendency to constantly idealise themselves on social media creates a gap between the real self and the online self, which leads to psychological problems such as anxiety, depression and identity dissolution [2011: p. 182- 189; 241-261].

Symptoms such as anxiety, depression and identity dissolution lead to ‘digital visibility pressure’ especially in adolescents and young

adults, and individuals are condemned to a self-confidence fiction indexed to the number of 'likes'. Millions of 'like' prisoners, millions of 'free prisoners' are dragged in front of digital socialisation. This situation creates a social climate that triggers narcissistic tendencies and causes the individual to move away from his/her true self [Twenge and Campbell 2009: 56-58, 67].

Turkle underlines that while we are experiencing the flowering of the connectivity culture, we are dreaming of social robots; he states that we send ourselves a technological Valentine's Day because we are alone despite our connections. Therefore; "If online life is harsh and judgmental, the robot will always be on our side. The idea of a robot companion serves as both symptom and dream. Like all psychological symptoms, it obscures a problem by 'solving' it without addressing it. The robot will provide companionship and mask our fears of too-risky intimacies. As dream, robots reveal our wish for relationships we can control" [2011: p. 283]. As a matter of fact, Turkle critically refers to the 'consumer loneliness' in digital socialisation with Shakespeare's 'We are consumed with that which we were nourished by' [2011: p. 227].

One of the realities that digitalisation consumes or transforms is privacy. The process of digital socialisation can also be called the process of erosion of privacy. This is partly realised as the individual voluntarily gnawing and eroding his/her privacy through social media platforms.

Scientists and sociologists emphasise that the privacy of individuals in digital network societies is under constant threat; data collection mechanisms violate the privacy of the individual and limit individual freedoms [Castells 2001: pp. 168-185]. Individuals voluntarily share their personal information, private frames, emotions, expectations and sensitivities on social media platforms; however, these data are passed through algorithms and used for various commercial or ideological purposes such as advertising, marketing and political manipulation. A study conducted in Turkey found that the vast majority of young people experience privacy concerns when posting on social media [Akar and Akar 2021: p. 292]. Naturally, this creates a systematic distrust of social media and digitalisation.

One of the most serious challenges in digital socialisation in recent years is the 'serial digital lie' or widespread disinformation in the media and of course in social media. As the world becomes globalised and digitalised, it is rapidly becoming a 'world of lies'. The virtual world and network society is evolving into a 'lie society'.

In recent years, the deliberate dissemination of misinformation and fake news in online media has become quite common. According to a study, 'the average American adult regularly encountered one or more fake news stories during the US presidential election in 2016, and more than half of the adults who remembered seeing these stories found them credible' [Allcott & Gentzkow, 2017: p. 211]. A similar picture is also in question for the Turkish media. Evaluating the results of the Reuters Institute for the Study of Journalism's Digital News Report 2018 covering 37 countries, Atmaca Durum concludes that the public in Turkey does not trust half of the news they receive from the media, in other words, half of the news received from the media is thought to be lies [Atmaca Durum 2019: p. 347-348]. The fact that information and news on digital platforms, which have become the driving force of digital socialisation, are instantaneous and can be changed at will, opens wide spaces for digital lies and disinformation and catches individuals unawares. Thus, results such as 'spreading something that did not happen as if it had happened is worse than the fact that it happened' can easily arise. It is possible to characterise this serial digital lies and disinformation in the digitalisation process as a kind of 'digital poisoning' in the context of the individual and society.

It is possible to mention cyberbullying and toxic communication as another version of digital poisoning. Some researchers underline that the 300-year history of the media has made a significant contribution to violence [Atmaca Durum 2023: p. 685]. In fact, according to Atmaca Durum, 'violence has started to be produced more on television, digital games and the internet after the newspaper; as an indispensable part of daily life, people are confronted everywhere at any time and a world surrounded by violence has been created' [2023: p. 687].

Digital violence or cyberbullying includes behaviours such as systematically harassing, threatening, humiliating individuals in the digital environment, while toxic communication refers to the systematic use of offensive, discriminatory, sexist or hateful language in the online environment. Cyberbullying and digital violence, where there is no physical contact, can sometimes be much more severe and painful than physical bullying in terms of its consequences. Studies show that cyberbullying can have psychological consequences on victims, including trauma, anxiety disorders, loss of self-confidence and even suicide [Bauman et al. 2013: p. 96, 149, 305]. Toxic forms of communication can

have negative consequences not only on individual mental health but also on social relations [Jane 2016: p. 3-6].

4. Discussion and conclusions

- We are going through a process in which the world is rapidly globalising, digitalising as it globalises, becoming lonelier as it digitalises, and not only individuals but even societies are exposed to isolation. The process of digitalisation fundamentally affects the ties that the individual establishes with his/her social roles and relationships. While classical forms of socialisation depend on space, the natural rhythm of time and face-to-face communication, digitalisation has introduced a trans-temporal, instantaneous and network-based form of socialisation that transcends these boundaries. In this context, digital socialisation has gained a fluid and fragmented character rather than a fixed one. It is necessary to address the issue quickly and urgently from this perspective.

- Individuals who are described as ‘inforg’ in digital socialisation are no longer only social actors, but also ‘informational subjects’ structured through datasets, algorithms and digital representations. In this process, it is seen that digital identity does not have a fixed essence; it has a multi-layered, multi-actor and variable structure. Digital identity is a hybrid structure consisting of the synthesis of the individual's self-representation and social expectations and algorithmic directions. This situation carries risks as well as great opportunities in terms of the individual's sense of self and social belonging. The pressure of digital visibility creates a conflict between the ‘digital self’ and the ‘real self’.

Western intellectuals and sociologists have focussed on the individual's mind, mind and body, i.e. his/her ‘nature’; however, there is also the ‘fitrat’ aspect of the individual, which constitutes his/her heart, soul and emotional world. There are very few characteristics that differ between the robot produced in digitalisation and cyberspace and the human being created by Western intellectuals. The human being imagined by Western intellectuals seems to have turned into ‘a kind of robot being’. In this context, Eastern intellectuals and thinkers should have something new to say; in this context, multidisciplinary studies should be carried out to ensure the balance of nature and nature of the individual.

- Digital media are reconstructing the socialisation process in many areas from education to cultural diversity. Platforms such as Zoom, Moodle, Google Classroom are turning into spaces that develop both academic and social skills. In addition, social media platforms enable

different cultural and ethnic structures, people with disabilities and marginalised groups to gain visibility; individuals now establish social relations on the basis of digital networks rather than physical ones. In this way, the social environment is reshaped based on algorithmic associations based on interest and identity rather than space.

- However, it is clear that digital socialisation harbours many serious risks as well as advantages. On the axis of 'together but alone', it shows that individuals break away from face-to-face relationships in real life and become lonely in the virtual world. This increases the rates of social isolation and depression. Likewise, the 'like' culture and the pressure of visibility trigger depression, anxiety and narcissistic tendencies in individuals. The rupture between digital identity and physical identity can lead to 'schizophrenia of the self' by damaging the psychological integrity of the individual. In this axis, a 'Digital Mental Health Observation Network' should be established in cooperation with the Ministry of Health and universities; mobile health units that observe, analyse and intervene in digital loneliness, anxiety and depression should be developed. In addition, 'digital detox' programmes for individuals and practices that encourage offline socialisation should be supported.

- The erosion of digital privacy means that individuals lose self-control through voluntary data submission. Digital surveillance, algorithmic manipulation, echo chambers and information manipulation threaten individuals' autonomy. Digital surveillance and data collection mechanisms pose a serious threat to individuals' privacy. The majority of young people experience privacy concerns on social media. Digital privacy-focused curricula should be developed from primary school to university; transparency and data sharing control should be increased in legal regulations on digital platforms.

- The digital divide that emerges between individuals simultaneously with technological developments separates the forms of socialisation in terms of class and space. The digital divide is not only related to technical access, but also to usage patterns, cultural capital and gender. Even individuals with physical access to digital platforms experience digital exclusion when they cannot use these platforms effectively and productively. This situation is more evident especially for the elderly, women, people with disabilities and individuals living in rural areas.

- Digital socialisation carries the risk of manipulation and manipulation rather than informing individuals. Cyberbullying and toxic

communication, another danger of digitalisation, damage the psychological integrity of individuals and erode social trust. On the basis of the principle of algorithmic justice and transparency, ‘Algorithm Literacy’ elective courses should be made widespread in universities, ‘Digital Platform Supervisory Board’ specific to each country should be established, and legal arrangements should be made to limit the manipulation of individuals by algorithms. In addition, individuals should be empowered with media criticism trainings for algorithmic manipulation awareness.

References:

1. Aarseth E. J., [1997]. *Cybertext: Perspectives On Ergodic Literature*, Johns Hopkins University Press.
2. Arifoğlu A., Demirer M., Şengül G., Öz O. [2006], *TSE Bilişim Terimleri Sözlüğü*, Ankara: TSE Yayın ve Tanıtım Müdürlüğü.
3. Akar, H. ve Akar, F. [2021]. Sosyal medyada mahremiyet algısı: Üniversite öğrencileri araştırması. *İNİF E- Dergi*, 6[1], 285-297.
4. Akkaş, İ. [2020]. Küresel Bir Sorun Alanı Olarak Dijital Oyun Bağımlılığı Üzerine Çalışma: Erzincan İli Örneği. *Modern Leisure Studies*, 2[1], 11-23.
5. Allcott, H., & Gentzkow, M. [2017]. Social Media and Fake News in the 2016 Election. *Journal of Economic Perspectives*, Vol. 31, No.2, s. 211-236.
6. Andreessen M., [2011]. Why Software Is Eating The World, *The Wall Street Journal*, August 2011; Access Date: 15 October 2023.
7. Aslan A. [2022], *Dijital Etik: Değer Temelli Bir Model Önerisi*, Basılmamış Doktora Tezi, İstanbul: Marmara Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü.
8. Atmaca Durum N. E., [2019]. “Türkiye de haberlerin güvenilirlik sorunu ve basın çalışanlarına ilişkin özeleştirli bağlamında bir araştırma,” *Ulakbilge Dergisi*, pp. 345–359.
9. Atmaca Durum N. E., [2023]. “Türk basınında yerleşik şiddet: 3 sayfa haberlerine ilişkin bir tartışma” *Akademik Hassasiyetler*, vol. 10, no. 23, pp. 684–706.
10. Baş, Ö., Sunam Audry, A., İncoğlu, İ., Kaya, Y. B., vd. [2023]. Türkiye’de Genç Yetişkinlerin Sosyal Medya Kullanımları ve Paylaşım Türlerinin İncelenmesi. *Intermedia International E-Journal*, 10[18], 136-159. <https://doi.org/10.56133/intermedia.1259262>.

11. Bauman, S., Cross, D., & Walker, J. [2013]. Principles of cyberbullying research: Definitions, measures, and methodology. Routledge.
12. Castells, M. [2000]. The rise of the network society [2nd ed.]. Wiley-Blackwell.
13. Castells M., [2001] The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society, Oxford University Press.
14. Castells, M. [2010]. The rise of the network society [2nd ed.]. Wiley-Blackwell
15. Chen, G. M., & Starosta, W. J. [2000]. The development and validation of the intercultural sensitivity scale. Human Communication, vol. 3, 2000, pp. 1-15.
16. Coffey, A. J., Kamhawi, R., Fishwick, P., & Henderson, J. [2013]. New media environments' comparative effects upon intercultural sensitivity: A five-dimensional analysis. International Journal of Intercultural Relations, 37[5], 605-627.
17. Couldry, N., and Mejias, U. A. [2019]. The costs of connection: How data is colonizing human life and appropriating it for capitalism. Stanford University Press.
18. Datareportal, Dijital 2025: Azerbaijan, <https://datareportal.com/reports/digital-2025-azerbaijan>
19. Day, M., 2004. Preservation metadata initiatives: practicality, sustainability, and interoperability. In: Bischoff, F. M., Hofman, H. and Ross, S., eds. Metadata in preservation: selected papers from an ERPANET Seminar at the Archives School Marburg, 3-5 September 2003. Marburg: Archivschule Marburg, pp. 91-117.
20. Durkheim, É. [1968]. Moral Education. New York: The Free Press.
21. Fraser N., [1990]. "Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy", Social Text, No. 25/26, pp. 56-80
21. Floridi, L. [2011]. The philosophy of information. Oxford University Press.
23. Foucault, M. [2012]. Discipline and punish: The birth of the prison [A. Sheridan, Trans.]. Vintage Books.
24. Gartner Inc., [2022] Emerging Technologies: Metaverse and Human Augmentation, 2022; <https://www.gartner.com/en/articles/what-s-new-in-the-2022-gartner-hype-cycle-for-emerging-technologies>

25. Giddens, A., [1990]. *The Consequences of Modernity*. Stanford University Press.
26. Giddens, A., [2009]. *Sociology* [6th ed.]. Polity Press.
27. Gillespie T. 2014. "The Relevance of Algorithms". pp. 167-193. In *Media Technologies - Essays on Communication, Materiality, and Society*. Ed: Gillespie T., Pablo J. Boczkowski, Kirsten A. Foot, The MIT Press [2014].
28. Güner, O. [2022]. Avrupa Birliği'nde Dijital Medya Okuryazarlığına Dair Bir Değerlendirme. *Dicle Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi*, [29], 473-499.
29. Hall, S. [1996]. "Introduction: Who needs 'identity'?" In S. Hall & P. du Gay [Eds.], *Questions of cultural identity* [pp. 1-17]. SAGE Publications.
30. İbn Haldûn [2007], *Mukaddime*. [Çev. Süleyman Uludağ]. İstanbul: Dergâh Yayınları, 5.baskı
31. Jane, E. A. [2016]. Online misogyny and feminist digilantism. *Continuum Journal of Media & Cultural Studies*, 30 [3]: 1-14.
32. Jenkins, H., [2006]. *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide*. New York University Press.
33. Jenkins, R., [2004]. *Social identity* [2nd ed.]. Routledge.
34. Kerimova M. and Gunuc S., [2016]. "Adaptation of Internet Addiction Scale in Azerbaijani Language: A Validity-reliability and Prevalence Study". *Journal of Education and Training Studies*, Vol. 4, No. 1, pp. 39-48, January 2016. <http://dx.doi.org/10.11114/jets.v4i1.1105>
35. Kitchin R., [2014]. *The Data Revolution: Big Data, Open Data, Data Infrastructures and Their Consequences*. Sage Publications.
36. Lash S., [2002]. *Critique of information*. Sage Publications, 2002.
37. Lievrouw, L., and Livingstone, S. [2006] *Introduction to the updated student edition*. In Lievrouw, L., & Livingstone, S. [Eds], *Handbook of New Media: Social Shaping and Social Consequences* [1-14]. Fully revised student edition. London: Sage.
38. Livingstone, S. [2009]. *Children and the Internet: Great Expectations, Challenging Realities*. Polity Press.
39. Livingstone S. and Sefton-Green J., 2016. *The Class: Living and Learning in the Digital Age*. New York University Press.
40. Malikova A. and Şahin C. 2024: "Adaptation of the Social Media Addiction Scale into Azerbaijani Turkish: Validity and Reliability

- Study". Participatory Educational Research [PER] Vol.11 [4], pp. 37-58, July 2024. <http://dx.doi.org/10.17275/per.24.48.11.4>
41. Mead, G. H. [1934]. *Mind, Self, and Society*. University of Chicago Press.
42. Pew Research Center, *Teens, Social Media and Technology*, 2022, <https://www.pewresearch.org/internet/2022/08/10/teens-social-media-and-technology-2022/>
43. Poster M., [2006]. *Information Please_ Culture and Politics in the Age of Digital Machines*-Duke University Press.
44. Rheingold H. [2000]. *The Virtual Community-Homesteading on the Electronic Frontier*. MIT Press. Revited Edition.
45. Selwyn N., [2016]. *Education and Technology: Key Issues and Debates*, Bloomsbury Academic.
46. Seyidov, I. [2020]. "As quiet as a mouse": Media use in Azerbaijan. *Communications*, 45[s1], 893-911. <https://doi.org/10.1515/commun-2020-0021>.
47. Bozdağ Tulum A., Kaya Y., [2023]. *Sanal Sosyal Ağ Aidiyeti Ve Dijital Yerli Gençlik*, *Sosyolojik Düşün*, Yıl: 8, Cilt: 8, Sayı: 2, pp.165-191, Temmuz 2023.
48. Turkle, S. [2011], *Alone together : why we expect more from technology and less from each other*, New York: Basic Book.
49. Tüfekçi Z., [2017]. *Twitter and Tear Gas: The Power and Fragility of Networked Protest*. New Haven: Yale University Press.
50. TÜİK- Hanehalkı Bilişim Teknolojileri [BT] Kullanım Araştırması - 2024., [https://data.tuik.gov.tr/Bulten/Index?p=Hanehalki-Bilisim-Teknolojileri-\[BT\]-Kullanim-Arastirmasi-2024-53492](https://data.tuik.gov.tr/Bulten/Index?p=Hanehalki-Bilisim-Teknolojileri-[BT]-Kullanim-Arastirmasi-2024-53492).
51. Twenge J. M. and Campbell W. K., [2009] *The Narcissism Epidemic: Living in the Age of Entitlement*, New York: Free Press.
52. Wajcman J. [2015], *Pressed for Time The Acceleration of Life in Digital Capitalism*. The University of Chicago Press.
53. We Are Social & Hootsuite. [2023]. *Digital 2023: Global Overview* Teport. <https://wearesocial.com/wp-content/uploads/2023/03/Digital-2023-Global-Overview-Report.pdf>.
54. Wellman, B., *Networks in the Global Village: Life in Contemporary Communities*, Westview Press, 1999.
55. Wellman, B. [2001]. *Physical Place and Cyber Place: The Rise of Personalized Networking*. *International Journal of Urban and Regional Research*, Vol. 25[2], pp. 227-252.

56. Zuboff, S., [2019] The Age of Surveillance Capitalism. New York: Public Affairs, 2019.

57. Zuckerman, E., [2013] Digital Cosmopolitans: Why We Think the Internet Connects Us, Why It Doesn't, and How to Rewire It. New York: W. W. Norton & Company.

UDC -101.1

Fəridə Cəmsid qızı Bağirova

AMEA Fəlsəfə İnstitutunun əməkdaşı
Azərbaycan, Bakı, Yasyamal, A.Abasov 18b

Tel.: 050 5050310

E-mail: freedabagira@gmail.com

orcid id: <https://orcid.org/0000-0001-7651-7418>

SÜNİ INTELLEKT TƏHSİLDƏ SOSIALLAŞMANIN YENİ AMILI KİMİ

Xülasə

Müasir gənclər informasiya texnologiyalarından o qədər tez-tez istifadə edirlər ki, onun gündəlik həyatda tətbiqini belə görmürlər. Cəmiyyətin, təhsilin və informasiya biliklərinin inkişafında danılmaz amil süni intellekt (AI) kimi tanınmalıdır. Beləliklə, gənc nəslin idrak və şəxsiyyət xüsusiyyətlərinin deformasiyasının baş verdiyi uyğunlaşma nəticəsində yeni bir sosiallaşma mühitinin yaranmasının şahidi oluruq.

Məqsəd və vəzifələr: Tədqiqatın məqsədi xüsusiyyətləri öyrənmək və süni intellektin yeniyyətlərinin sosiallaşmasına təsir risklərini təhlil etməkdir.

Mövzunun araşdırılma dərəcəsi: pedaqoq və psixoloq A. N. Alexine öz tədqiqatlarında AI-nin davamlı istifadəsinin, beyinlərinin daha sadə tapşırıqları və ibtidai məzmunu seçərək artıq təkbəşinə bir şey yarada bilmədiyi zaman yeniyyətlərdə "məlumat yalançı dəyişkənliyi" inkişaf riski ilə əlaqəli olduğunu iddia edir (s. 1). M. Spitzer, gədcetlərin davamlı istifadəsi nəticəsində, yeniyyətlərdə real vaxtda ünsiyyət bacarıqlarının və emosional təmasın olmamasını nəzərdə tutan "rəqəmsal autizm" in inkişaf edə biləcəyini iddia edir. Ancaq özünəməxsusluğunu

itirməmək üçün bir insanın həqiqi bir ünsiyyət məkanına ehtiyacı var (s.1). E. Ponomaryovanın fikrincə, ağıllı cihazların yeniyetmələrə təsiri aşağıdakı nəticələrə malikdir: "müxtəlif qarşılıqlı səviyyələrdə münacişələrin sayının artması; bir insanın həyatında baş verən hadisələri vəziyyətlərin birləşməsinin idarəolunmaz nəticəsi kimi qəbul etmək meyli, məsuliyyət götürmək və çətin vəziyyətləri həll etmək üçün səy göstərmək istəməsi (s.1).

Elmi yenilik: süni intellektin cəmiyyətin bütün sahələrinə aktiv daxil olması ilə əlaqədar olaraq, sosiallaşma proseslərində əhəmiyyətli dəyişikliklər baş verir. Bundan sonra süni texnologiyalar özləri yeniyetmənin təhsil fəaliyyətində qarşılıqlı əlaqədə olduğu sosiallaşma İnstitutu kimi çıxış edirlər. Nəticədə sosioloqlar, psixoloqlar və müəllimlər intellektual texnologiyaların yetkinlik yaşına çatmayanların sosial təcrübəsinə təsiri ilə bağlı narahatlıq keçirirlər

Nəticə: süni intellektin müasir yeniyetmələrə təsiri yalnız məktəbin təhsil prosesindəki dəyişikliklərdə sosiallaşmanın pozulması kimi deyil, məktəblilər və ağıllı qurğular arasında qarşılıqlı əlaqədə həm müsbət, həm də mənfi tərəfləri olan proses kimi izlənilə bilər. Bu fenomen süni intellektin təhsilə və cəmiyyətin digər sahələrinə tətbiqinin nəzərə alınmasını və əhəmiyyətli şəkildə düzəldilməsini tələb edir.

Açar sözlər: yeniyetmələr, sosiallaşma, sosial təcrübə, süni intellekt.

УДК -101.1

Фарида Джамшид гызы

Багирова

Научный сотрудник Института Философии НАНА

Азərbaycan, г. Баку, Ясыамал, А.Абасов, 186

Тел.: 050 5050310)

E-mail: freedabagira@gmail.com

orcid id: <https://orcid.org/0000-0001-7651-7418>

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК НОВЫЙ ФАКТОР СОЦИАЛИЗАЦИИ В ОБРАЗОВАНИИ

Резюме

Современная молодежь так часто использует информационные технологии, что даже не замечает их применения в повседневной жизни. Неоспоримым фактором развития общества, образования и информационного знания нужно признать искусственный интеллект

(ИИ). Таким образом, мы становимся свидетелями появления новой социализирующей среды, в результате адаптации к которой происходит деформация когнитивных и личностных характеристик подрастающего поколения.

Цель и задачи. Цель исследования – изучение особенностей и анализ рисков воздействия искусственного интеллекта на социализацию подростков.

Научная новизна. В связи с активным включением искусственного интеллекта во все сферы существования общества происходят существенные изменения процессов социализации, влияющих на подрастающее поколение. Отныне технологии ИИ сами выступают в качестве института социализации, с которым подросток взаимодействует в учебной деятельности. Вследствие этого у социологов, психологов и педагогов возникает беспокойство по поводу влияния интеллектуальных технологий на социальный опыт несовершеннолетних.

Степень разработанности темы. В своих исследованиях педагог и психолог А.Н. Алехин утверждает, что постоянное использование ИИ связано с риском развития у подростков «информационной псевдодебильности», когда их мозг, выбирая для решения более простые задачи и примитивный контент, уже не способен создать что-либо самостоятельно (с.1). М. Шпитцер утверждает, что в результате постоянного использования гаджетов у подростков может развиваться «цифровой аутизм», предполагающий отсутствие коммуникативных умений и эмоционального контакта в реальном времени. Но чтобы не потерять самоидентичность, человеку необходимо именно реальное коммуниктивное пространство (с.1). По мнению Е.Ю. Пономаревой, влияние умных устройств на подростков имеет следующие последствия: "увеличение числа конфликтов на разных уровнях взаимодействия; склонность человека воспринимать происходящие в его жизни события как не поддающийся контролю результат стечения обстоятельств, нежелание брать на себя ответственность и прикладывать усилия для разрешения затруднительных ситуаций" (с.1).

Выводы. Влияние искусственного интеллекта на современных подростков прослеживается не только в изменении образовательного процесса школы, как института социализации, но и во взаимодействии между школьниками и умными гаджетами, что

имеет как позитивные, так и негативные стороны. Данное явление требует учета и грамотной коррекции внедрения искусственного интеллекта в образование и другие сферы жизни общества.

Ключевые слова: подростки, социализация, социальный опыт, искусственный интеллект.

UDC -101.1

Farida Bagirova

Researcher

Institute of Philosophy of ANAS

Azerbaijan, Baku, Yasyamal, A.Abasov 18b

Tel.: 050 5050310

E-mail: freedabagira@gmail.com

orcid id: <https://orcid.org/0000-0001-7651-7418>

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A NEW FACTOR OF SOCIALIZATION IN EDUCATION

Abstract

Today's youth use information technologies so often that they don't even notice their use in everyday life. Artificial intelligence (AI) must be recognized as an indisputable factor of the development of society, education and information knowledge. Thus, we are witnessing the emergence of a new socializing environment, as a result of adaptation to which the cognitive and personal characteristics of the younger generation are deformed.

Purpose and objectives. The purpose of the study is to examine the features and analyze the risks of the impact of artificial intelligence on the socialization of adolescents.

Scientific novelty. Due to the active inclusion of artificial intelligence in all social spheres, significant changes in the processes of socialization are taking place, affecting the younger generation. From now on, AI technologies themselves act as an institution of socialization with which a teenager interacts in educational activities. As a result, sociologists, psychologists, and educators are concerned about the impact of intellectual technologies on the social experience of adolescents.

The degree of development of the topic. In his research, teacher and psychologist A.N. Alyokhin argues that the constant use of AI is associated with the risk of developing "information pseudo-instability" in

adolescents, when their brains choosing simpler tasks to solve and primitive content, are no longer able to create anything on their own (p.1). M. Shpitzer argues that as a result of the constant use of gadgets, in adolescents may develop "digital autism", suggesting a lack of communication skills and emotional contact in real time. But in order not to lose self-identity, a person needs a real communicative space (p.1). According to E.Y. Ponomareva, the influence of smart devices on adolescents has the following consequences: "an increase in the number of conflicts at different levels of interaction; a person's tendency to perceive events occurring in his life as an uncontrollable result of a combination of circumstances, unwillingness to take on take responsibility and make efforts to resolve difficult situations (p.1).

Conclusions. The influence of artificial intelligence on modern adolescents can be traced not only in changing the educational process of schools, as an institution of socialization, but also in the interaction between schoolchildren and smart gadgets, which has both positive and negative sides. This phenomenon requires consideration and proper correction of the introduction of artificial intelligence in education and other areas of the society life.

Keywords: teenagers, socialization, social experience, artificial intelligence.

Введение

Изучение социализации подрастающего поколения – как одного из самых сложных и важных процессов является объектом пристального внимания многих отечественных и зарубежных ученых. И это вполне обоснованно тем, что подрастающее поколение является основой будущего общества, а переоценка и совершенствование системы ценностей сегодня вынуждает к поискам новых подходов к аспектам воспитания в образовательных учреждениях. В первую очередь отметим, что социализация подразумевает под собой процесс усвоения человеком правил поведения, социальных норм, моральных ценностей, навыков и психологических установок, которые дают ему возможность нормально взаимодействовать с остальными людьми.

Изначально человек не знает ни норм, но приспособляясь к жизни, приобретая социальные навыки он находится в постоянном процессе социализации, суть которого заключается в превращении

человека в самостоятельную социальную личность, осознающего собственный образ, и свое место в обществе.

Общеизвестно, что социальное развития (социализация) личности имеет свои этапы, благодаря которым индивид вступает во взаимодействие с окружающими людьми, для достижения конкретного уровня самосознания. Отмечая, что социализация личности не имеет чётких границ психологии и социологии выделяют основные две стадии социализации: первичную (происходящую на первом этапе) и вторичную (длящаяся всю оставшуюся жизнь). Некоторые ученые утверждают, что социализация ребенка осуществляется в ходе его деятельности, которая в подростковом возрасте (В.Г. Ананьев, Л.С. Выготский, Д.Б. Эльконин и др.) включает в себя две стороны: предметную и социальную (мотивационно-потребительская) сфера личности. Далее они выделяют три сферы, через которые происходит социализация и в рамках которых осуществляется становление ребенка как личности: деятельность, общение и самосознание.

Несомненно, процесс межличностного взаимодействия у каждого происходит по-разному и зависит от окружающей действительности людей. Например, у большинства подростков социализация проходит не всегда гладко, а многие из них сталкиваются с трудностями, в процессе адаптации к жизни в современном обществе. Например, Американский антрополог Маргарет Мид опираясь на свои исследования «подростковой социализации» утверждала, об отсутствии в архаичной культуре конфликтов среди подростков, из чего следовало, что проблемы молодёжи на Западе имеют чисто социальные источники [С. 22-34.].

Таким образом, актуальность данной проблемы состоит в том, что социализация исследуется в рамках прежде всего образования, межличностного взаимодействия обучающихся, где помимо знаний происходит перенятие нравственного опыта, социальных норм, человеческих ценностей. Следовательно, социализация подростков исследуются как проблема «кризисно - возрастной» социальной группы, в современном информационном обществе с присущими ей признаками и свойствами.

Одним из значимых факторов в процессе формирования норм и ценностных представлений на определенных этапах развития личности является школьный коллектив. Школа как и любое образовательное учреждение является институтом социализации где

учащиеся проводят большую часть времени, осваивая такие виды социализации как: гендерная социализация – социализация по половому признаку; групповая социализация – социализация внутри какой-то конкретной социальной группы; организационная социализация – процесс социализации во время трудовой деятельности (уважение к старшим, соблюдение дисциплины и т.д.. В процессе образования дети постоянно чему-то учатся и вынуждены реагировать на воздействие окружающих, следовательно формируется социальный опыт, немалая роль где принадлежит к таким институтам социализации как: семья, образовательные учреждения, средства массовой информации, сверстники т.д. Социализация подростков в группе сверстников во многом определяет дальнейшее становление подростка не только как личности, но и как члена общества.

В стремительно меняющемся обществе мы все чаще встречаемся с проблемой передачи социального опыта от родителей к детям, так как считается устаревшим, следовательно, вынуждая подростков все чаще обращаться за советами к своим сверстникам. На протяжении всего периода взросления подростков подстерегают различные виды опасностей, влияющие на дальнейшую социализацию личности: алкоголизм, компьютерные игры, одиночество, травля со стороны сверстников и т.д. Иногда мы замечаем, как молодое сознание неспособно противостоять, найти выход и не потеряться в большом потоке информации. Психологи так же утверждают, что молодому сознанию свойственна критичность мышления, подражание и отрицание общепринятых норм, желание общаться и наоборот уход и замкнутость, отрешённость от внешнего мира, что связано неполной включённостью подростков в систему общественных отношений.

С каждым днем в нашу жизнь всё активнее входит ИИ, благодаря которому человек способен быстрее и легче выполнять каждодневную работу, даже не задумываясь, какое существенное влияние ИИ начинает оказывать на него. Не секрет что, благодаря искусственному интеллекту сегодня мы имеем возможность совершать открытия в различных научных сферах, получать готовые ответы для решения сложных задач, скачивать огромное количество информации за невероятно короткое время, порой утрачивая способность к самостоятельному анализу проблемы,

На сегодняшний день ученые задаются вопросом: на сколько

совершенны системы искусственного интеллекта, не грозит ли его внедрение в жизнь современного человека негативными последствиями, ведь порой при выполнении обычных задач (подбор места, или книги, музыки, фильма), человек даже не замечает применения ИИ в повседневной жизни.

Все это свидетельствует о появлении новой социализирующей среды, где когнитивные и личностные характеристики юных представителей нашего общества подвергаются изменениям. Все мы нынче свидетели о появлении новой информационно – техногенной среды, где в образовательных учреждениях используются всевозможные умные устройства, вовлекающие обучающихся в виртуальную реальность различных аватаров и чат - ботов, способных моделировать, вычислять, выбирать материалы и маршруты буквально за секунды. Однако, помимо влияния ИИ подростковое сознание, отныне ЭВМ выступает в роли агента социализации, с помощью которого несовершеннолетние могут искать любые контенты, различные адреса, карты, товары в интернетмагазинах, загружать приложения и многое другое.

Таким образом, взаимодействие с умными гаджетами с раннего детства и длительное пребывание подростков в виртуальной реальности, привело к тому, что сегодняшние подростки не получают необходимого социального опыта, способствующего их адаптации к условиям реального времени.

Все чаще появляются исследования изучающие проблему влияния умной технологии на процессы личностного развития и социализации подростков, которое может сопровождаться рядом рисков. Перечислим некоторые из них:

- вероятность ухудшения образовательного процесса, так как при восприятии контекста от ИИ подросток не получает эмоционально окрашенные знания;

- частое взаимодействие с ИИ с помощью невербальных сигналов способствует дефициту взаимодействия с учителем и одноклассниками в реальном пространстве;

- возникновение проблемы с формированием ценностных ориентаций, социальных навыков, самостоятельности и саморегуляции.

- постоянное полагание на умного помощника при поиске и выполнении определенных заданий, приводит к потере самостоятельности и деградации учащихся.

В своих работах психолог и педагог А.Н. Алехин признает, постоянное использование ИИ связано с риском развития у подростков «информационной псевдодебильности», когда их мозг, выбирая для решения более примитивный контент, уже не способен создать что-либо самостоятельно [14.с.214]. Таким образом автор предупреждает что «свернутая» коммуникация (краткость, лаконичность общения) грозит отдалением индивида от его сверстников, создавая препятствия для удовлетворения потребностей и самореализации.

Немецкий нейробиолог М. Шпитцер утверждает, что в результате постоянного использования гаджетов у подростков может развиваться «цифровой аутизм», так как не требующий коммуникативных умений и эмоционального контакта ИИ может стать манипулятором сознания людей. Важно понимать, что «цифровой аутизм» сегодня грозит любому подростку, так как рост безэмоциональных виртуальных коммуникаций ведет к потере самоидентичности, возникновения социального одиночества, проявления агрессивности поведения [С. 22-34.].

Таким образом уже сегодня мы наблюдаем снижение уровня социализации как в обществе целом, так и в школе, которое выражается потерей интереса к живому общению но и ко всему окружающему. Очевидно, что постоянное обращение к умному помощника как к живому сознанию, похожее на живую коммуникацию создает представление у индивида, как об одушевленном собеседнике.

По мнению Е.Ю. Пономаревой, данное явление имеет следующие негативные последствия: «увеличение числа конфликтов на разных уровнях взаимодействия; нежелание брать на себя ответственность и прикладывать усилия для разрешения затруднительных ситуаций; применение обширного спектра защитных психологических механизмов; низкая адаптированность к внешней действительности; непринятие себя и окружающих людей». При этом следует помнить, что с приданием техническим устройствам человеческих черт взаимодействие с ними может повлиять на социализацию несовершеннолетнего путем формирования модели поведения, которая будет использоваться в общении с другими людьми, например, в семье или с друзьями [16, с. 527-528].

В заключении хотелось бы отметить, что сегодня человечеству

необходимо разрабатывать и внедрять программы, методические пособия, онлайн-консультации для формирования определенной онлайн культуры взаимодействия и гармоничного существования человека и ИИ. Но вместе с тем необходимо обеспечить безопасность человека во время взаимодействия с этой системой, что предполагает внедрение в него программ позволяющих определять риски и прекращать работу в случае возникновения угроз для жизни человека. Несмотря на стремительное развитие искусственного интеллекта он ещё далёк от совершенства, не в состоянии действовать самостоятельно, он способен лишь следовать заданным схемам и алгоритмам, заложенным в него человеком.

Литература:

1. Резаев А.В., Трегубова Н.Д. «Искусственный интеллект», «онлайн-культура», «искусственная социальность»: определение понятий // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 6 (154). С. 35-47. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.03>, <https://elibrary.ru/deaugi>

2. Кушнир Н.В., Кушнир А.В., Гриднева А.М. Взаимодействие искусственного интеллекта и человека современном мире // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». 2020. № 2. С. 1-10. <https://elibrary.ru/voidju>

3. Антопольская Т.А., Антопольский А.К., Логвинова М.И., Силаков А.С. Исследование развития субъектности подростков поколения Z в условиях дополнительного образования // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2023. № 3 (114). С. 22-34. <https://doi.org/10.22204/2587-8956-2023-114-03-22-34>, <https://elibrary.ru/fuclsl>

4. Ахвердиев К.Н. Основные методологические подходы в педагогике // Молодой ученый. 2010. № 6. С. 308-310. <https://elibrary.ru/muatvht>

5. Лызь Н.А., Непомнящий А.В., Родзин С.И. Человек и искусственный интеллект: проблемы развития и сосуществования: в 2 ч. Ч. 2. Развитие человека и искусственного интеллекта в интегральном видении. Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Юж. фед. ун-та, 2022. 236 с. <https://elibrary.ru/trieqt>

References:

1. Rezayev A.V., Tregubova N.D. «Iskusstvennyy intellekt». «onlayn-kultura». «iskusstvennaya sotsialnost»: opredeleniye ponyatiy // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskkiye i sotsialnyye peremeny. 2019. № 6 (154). S. 35-47.
<https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.03>.
<https://elibrary.ru/deaugi>
2. Kushnir N.V., Kushnir A.V., Gridneva A.M. Vzaimodeystviye iskusstvennogo intellekta i cheloveka sovremennom mire // Elektronnyy setevoy politematicheskyy zhurnal «Nauchnyye trudy KubGTU». 2020. № 2. S. 1-10. <https://elibrary.ru/yoidju>
3. Antopolskaya T.A., Antopolskiy A.K., Logvinova M.I., Silakov A.S. Issledovaniye razvitiya subyektnosti podrostkov pokoleniya Z v usloviyakh dopolnitelnogo obrazovaniya // Vestnik Rossiyskogo fonda fundamentalnykh issledovaniy. Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki. 2023. № 3 (114). S. 22-34. <https://doi.org/10.22204/2587-8956-2023-114-03-22-34>.
<https://elibrary.ru/fuclsl>
4. Akhverdiyev K.N. Osnovnyye metodologicheskkiye podkhody v pedagogike // Molodoy uchenyy. 2010. № 6. S. 308-310.
<https://elibrary.ru/muatvh>
5. Lyz N.A., Nepomnyashchiy A.V., Rodzin S.I. Chelovek i iskusstvennyy intellekt: problemy razvitiya i sosushchestvovaniya: v 2 ch. Ch. 2. Razvitiye cheloveka i iskusstvennogo intellekta v integralnom videnii. Rostov-na-Donu; Taganrog: Izd-vo Yuzh. fed. un-ta. 2022. 236 s.
<https://elibrary.ru/trieqt>

Liana Leonidovna Alavverdova

Tarix üzrə magistr (ADU,
Bakı) və kitabxana işi (Queens College, NY) Brooklyn, NY
Müstəqil müəllif

E-mail: lalavverdova@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-3362-515X>

SOSIAL MEDIA ÖZÜNÜ HƏYATA KEÇİRMƏ PLATFORMASI VƏ YA MANİPULYASIYA VASİTƏSİ KİMİ: YARADICI VƏ STEREOTİP ASPEKTLƏR

Xülasə

Məqalənin məqsədi və vəzifələri. Müəllif sosiallaşma prosesində sosial medianın müsbət və mənfi tərəflərini və şəbəkələrin siyasi həyata, ictimai atmosferə, psixologiyaya və əxlaqa təsirini nəzərdən keçirir.

Problemə inkişaf dərəcəsi. Sosial mediaya və onların qarışıq təsirlərinə həsr olunmuş bir çox kitab və məqalə var. Bu mövzu kifayət qədər hazırlanmışdır. Bu gün dünyadakı tədqiqatçılar və müəlliflər yeniyetmələrin sosial mediaya nəzarətsiz girişinin təhlükələri və şəbəkələrin həm uşaqların, həm də böyüklərin psixoloji sağlamlığına zərərli təsirləri haqqında çox yazırlar. Kitab geniş şöhrət qazandı və Amerika bestsellerinə çevrildi: Jonathan Haidt. The Anxious Generation. New York: Penguin Press, 2024. Rusiyada sosial şəbəkələrin və internetin uşaq və yeniyetmələrinə təhlükəli təsir mövzusu, məsələn, M. N. Mironovanın "uşaqlarımız və dağıdıcı internet icmaları" kitabında çox ətraflı şəkildə əhatə olunur. M.: Maarifçi, 2021. Sosial şəbəkələrin yaradıcı potensialın inkişafına təsirinin öyrənilməsi o qədər də öyrənilməmiş bir fenomendir, baxmayaraq ki, bir sıra elmi məqalələr bu məsələyə həsr edilmişdir. Xüsusilə, davranış və İnformasiya texnologiyaları jurnalı 2022 və 2024-cü illərdə nəşr edilmişdir. sosial medianın komandalarda çalışan işçilərin və tələbələrin yaradıcılığına təsiri ilə bağlı tədqiqatları təqdim edən iki məqalə. Çinli alim fu-nun araşdırması həm də sosial medianın komandadaxili qarşılıqlı əlaqələrin yaxşılaşdırılmasına və işçilərin yaradıcı inkişafına təsirini araşdırmağa yönəlmişdir. Tələbə araşdırması Çin, Yeni Zelandiya və Pakistan alimlərinin birgə işinin bəhrəsidir. Çindəki üç Dövlət Universitetinin araşdırmalarına əsaslanaraq tələbələrin yaradıcılıq potensialının

inkışafında sosial medianın rolu da müsbətdir.

Tədqiqatın metod və metodologiyası həm müəllifin şəxsi nəticələrinə, həm də bu mövzuda peşəkar ədəbiyyatla tanışlığa əsaslanırdı.

Elmi yenilik. Məqalədə müxtəlif aspektlərdə sosial şəbəkələrin həm üstünlükləri, həm də mənfi cəhətləri ziddiyyət təşkil edir və müəllif aşağıdakı nəticələrə gəlir.

Nəticələr. Sosial media, şübhəsiz ki, sosiallaşma vasitəsidir. Eyni zamanda, bir təşkilat və ya təhsil müəssisəsi Daxilindəki peşəkar şəbəkələr və ya şəbəkələr peşəkar böyüməyə və yaradıcı potensiala müsbət təsir göstərsə, ünsiyyət və əyləncə üçün yaradılan şəbəkələr vəziyyətində şəxsiyyətə uyğun və stereotipləşdirici təsir göstərə bilər və çox vaxt da göstərə bilər. Ayrıca, bir çox sosial media asanlıqla şirkətlərin təsir və manipulyasiya vasitəsi olur, beləliklə istehlakçıların siyasi baxışlarına, üstünlüklərinə və zövqlərinə təsir göstərir.

Açar sözlər: sosial media, sosial medianın üstünlükləri, sosial medianın mənfi cəhətləri, tədrisdə sosial media, sosial media və psixi sağlamlıq, şəbəkələr vasitəsilə manipulyasiya.

УДК-004.5

Лиана Леонидовна Алавердова

Магистр по истории (АГУ, Баку)

и библиотечному делу

(Queens College, NY)

Brooklyn, NY

Независимый автор

Email: lalaverdova@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-3362-515X>

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ПЛАТФОРМА ДЛЯ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ИЛИ ИНСТРУМЕНТ МАНИПУЛЯЦИИ: ТВОРЧЕСКИЙ И СТЕРЕОТИПНЫЙ АСПЕКТЫ

Резюме

Цель и задачи статьи. Автор рассматривает позитивные и негативные аспекты социальных сетей в процессе социализации и влияние сетей на политическую жизнь, общественную атмосферу, психологию и мораль.

Степень разработанности проблемы. Социальным сетям и их

неоднозначном влиянии посвящено множество книг и статей. Тема эта достаточно разработана. Сегодня исследователи и авторы во всем мире много пишут об опасности бесконтрольного доступа подростков к социальным сетям и вредном влиянии сетей на психологическое здоровье как детей, так и взрослых. Широкую известность приобрела и стала американским бестселлером книга: Jonathan Haidt. *The Anxious Generation*. New York: Penguin Press, 2024. В России тема опасного влияния на детей и подростков социальных сетей и интернета очень подробно освещена, к примеру, в книге М.Н. Мироновой «Наши дети и деструктивные интернет-сообщества». М.: Просветитель, 2021. Изучение влияния социальных сетей на развитие творческого потенциала – явление не до такой степени изученное, хотя этому вопросу посвящен ряд научных статей. В частности, в журнале *Behavior and Information Technology* опубликованы в 2022 и 2024 гг. две статьи, знакомящие с исследованиями по влиянию социальных сетей на творческий потенциал сотрудников, работающих в командах, и студентов. Исследование китайского ученого Фу посвящено также изучению влияния социальных сетей на улучшение взаимодействия внутри команд и творческому развитию сотрудников. Исследование посвященное социальным сетям и творческому развитию студентов, – плод совместной работы ученых Китая, Новой Зеландии и Пакистана. Также в положительном ключе рассматривается роль социальных сетей в развитии творческого потенциала студентов на основе исследований трех государственных университетов в Китае.

Методы и методология исследования базировались как на личных выводах автора, так и на знакомстве с профессиональной литературой по данному вопросу.

Научная новизна. В статье противопоставляются как преимущества, так и недостатки социальных сетей в разных аспектах и автор приходит ко следующим умозаключениям.

Выводы. Социальные сети несомненно являются инструментом социализации. При этом если профессиональные сети или сети внутри организации или образовательного учреждения оказывают положительное влияние на профессиональный рост и творческий потенциал, то в случае сетей, созданных для общения и развлечения, они могут оказать и зачастую оказывают конформирующее и стереотипизирующее влияние на личность. Также многие

социальные сети легко оказываются инструментом влияния и манипуляции со стороны компаний, воздействующих таким образом на политические взгляды, предпочтения и вкусы потребителей.

Ключевые слова: социальные сети, преимущества социальных сетей, недостатки социальных сетей, социальные сети в преподавании, социальные сети и психическое здоровье, манипуляция через сети.

UDC-004.5

Liana Leonidovna Alaverdova

Master's Degree in History (ASU, Baku)
and Library Science (Queens College, NY) Brooklyn, NY
Independent author

Email: lalaverdova@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-3362-515X>

SOCIAL NETWORKS AS A PLATFORM FOR SELF- REALIZATION OR A TOOL OF MANIPULATION: CREATIVE AND STEREOTYPICAL ASPECTS

Abstract

The purpose and objectives of the article. The author examines the positive and negative aspects of social networks in the process of socialization and the impact of networks on political life, the social atmosphere, psychology and morality.

The degree of development of the problem. Many books and articles are devoted to social networks and their ambiguous influence. This topic is well developed. Today, researchers and authors around the world write a lot about the dangers of uncontrolled access of adolescents to social networks and the harmful effects of networks on the psychological health of both children and adults. For example, this book has become an American bestseller: Jonathan Haidt. *The Anxious Generation*. New York: Penguin Press, 2024. In Russia, the topic of the dangerous influence of social networks and the Internet on children and adolescents is covered in great detail, for example, in M.N. Mironova's book *Our Children and Destructive Online*

Communities. Moscow: Prosvetitel, 2021. The study of the influence of social networks on the development of creative potential is not a well-studied phenomenon, although a number of scientific articles are devoted to this issue. In particular, the journal Behavior and Information Technology published in 2022 and 2024 two articles introducing research on the impact of social media on the creative potential of the students and the employees working in teams. The article by Chinese scientist Fu is about the study of the impact of social networks on improving interaction within teams and the creative development of employees. The study about the social networks and creativity in students is the result of the joint work of scientists from China, New Zealand and Pakistan. The role of social media in the development of students' creative potential is also positively reviewed based on research conducted by three public universities in China.

The research methods and methodology were based both on the author's personal conclusions and on familiarity with the professional literature on the subject.

Scientific novelty. The article contrasts both the advantages and disadvantages of social networks in different aspects and the author comes to the following conclusions.

Conclusions. Social media is undoubtedly a socialization tool. At the same time, if professional networks or networks within an organization or educational institution have a positive impact on professional growth and creativity, then in the case of networks created for communication and entertainment, they can and often do have a conformative and stereotyping effect on a person. Also, many social networks easily turn out to be a tool of manipulation by companies that influence the political views, preferences and tastes of consumers.

Keywords: social networks, advantages of social networks, disadvantages of social networks, social networks in teaching, social networks and mental health, manipulation through networks.

Мир меняется с головокружительной скоростью. Еще 35 лет

назад владелец видеомэгнитофона считался своего рода привилегированным человеком, как несколько десятков лет до него – владелец телефизора. Зададимся вопросом: сколько сегодня людей в мире пользуются смартфонами? Ответ, услужливо предоставляемый Искусственным Интеллектом: 7,21 миллиардов, или 90% мирового населения. Смартфоны, в отличие от просто мобильных, дают доступ к сетям интернета, т.е. являются мини-компьютерами, которые потребитель носит в кармане или сумочке. В США почти половина населения проводит от 5 до 6 часов ежедневно на смартфонах. Не думаю, что в других странах эта цифра была ниже, учитывая колоссальную популярность смартфонов как средства коммуникации.

А сколько людей в мире вовлечены в социальные сети? Тот же ИИ отвечает: на апрель 2025 года – 5,42 миллиарда людей, т.е. 63,9% населения мира. Итак, сегодня практически все человечество обзавелось мобильными телефонами и в большинстве своем оказалось окутанными социальными сетями. Самые популярные социальные платформы и сети: YouTube, Facebook, Instagram, WhatsApp, TikTok, WeChat, Facebook Messenger, Telegram, а среди молодежи – YouTube, TikTok, Instagram, Snapchat. Социальные платформы и сети часто смешивают, однако есть тонкое разграничение: социальные платформы – это любой сервис онлайн, позволяющий пользователям объединяться, делиться информацией и взаимодействовать друг с другом. Основная цель социальных сетей – создание и поддержание профессиональных и персональных отношений, главным образом онлайн. Вышеперечисленные наименования можно отнести и к тому, и к другому понятию.

Вглядимся пристальнее в этот феномен и постараемся понять все плюсы и минусы подобной трансформации для общества и для личности. Вначале перечислим позитивные качества соцсетей.

- Возможность самовыражения и увеличения аудитории своих слушателей, подписчиков, поклонников и пр. Сегодня каждый может делиться плодами своего творчества в любом объеме. Помещай хоть сотни фотографий, стихов, записывай и размещай песни собственного производства, печатай главы из романа или повести – ничто и никто не ограничивает и не запрещает развернуться во всю ширь. Все зависит от желания тратить на это время, ресурсы, силы и пр. Если раньше, чтобы поделиться с миром

написанной статьей, нужно было связываться с редакцией газеты и предлагать её в печатном, а позднее в электронном виде, то сегодня, если вы написали интересную статью и разместили её в виде поста, к примеру, в Фейсбуке, то сами редакторы могут обратиться к вам, а то и просто перепечатать ваш материал для своей газеты. Никто вам за этот материал не заплатит, но число поклонников вы увеличите. То же касается и стихов, и книг, и любого вида творчества. Как результат, «раскрученные» персоны приобретают поклонников и последователей (followers).

- Помощь в поиске друзей, родственников, мгновенной связи с любым человеком на планете, кто пользуется социальными сетями. Мы не только можем обнаружить старых друзей и одноклассников, найти дальнюю, давно исчезнувшую из поля зрения, родню, но и получить напоминание об их днях рождения, увидеть их семьи, ознакомиться с их интересами, разглядеть их семейные фотографии и фотографии путешествий и пр., и пр.

- Средство коммуникации. Возможности переписки и связи со знакомыми и незнакомыми людьми поистине безграничны. Мгновенный телефонный или видеозвонок соединит нас с любой точкой планеты, где существует интернет, причем это будет возможно сделать через социальные сети, бесплатно (Messenger и WhatsApp как часть Facebook, Telegram, и пр.). Социальные сети предоставляют возможность формировать сообщества по интересам, будь то политические пристрастия, группы, объединенные вокруг любой идеи или проекта, словом, помогают наиболее активным личностям спланировать и организовывать интернет-сообщества.

- Обмен информацией и её поиск. Приблизительно 62% взрослых получают новости из социальных платформ и это число растет. Что касается поколения Z (те, кто родились в 1997-2012 годах), т.е. молодежи, то 71% из них ежедневно используют социальные платформы как источник новостей.

- Источник дохода. Социальные сети могут служить в качестве средства заработка. Если у вас есть канал на YouTube, к примеру, то 1000 подписчиков и 4000 часов просмотра за год, придаст вам статус партнера. С этим статусом вы сможете зарабатывать средства от рекламы, подписчиков на ваш канал и других средств монетизации. От 5 до 10 долларов за 1000 просмотров может показаться не такой большой суммой, но

популярные каналы, имеющие множество просмотров приносят немалый доход их создателям. Множество книг и пособий написаны на тему, как продвигать свою рекламу на социальных платформах, через сети. Малый и большой бизнес активно используют социальные сети для роста доходов.

- Поиск друзей, завязывание знакомств и любовных связей, избавление от одиночества.

- Средство продвижения для профессиональных художников, артистов, певцов и других талантов.

- Поиск работы и профессиональных связей через такие сети, к примеру, как LinkedIn. Используют для этих целей и Twitter, Facebook, Instagram, Meetup, Slack, TikTok, YouTube.

Однако вышеперечисленные преимущества и достоинства пользования социальными сетями и платформами могут обернуться, на противоположном конце спектра, серьезными и болезненными проблемами для общества. Так, стремление увеличить число подписчиков и последователей может привести к ложному раздуванию и раскрутке персональных достижений, когда на самом деле в чисто творческом плане они этого не стоят. С одной стороны, сети помогают разыскивать людей и восстанавливать старые дружеские и родственные связи, с другой – ведут к феномену stalking, преследования со стороны нежелательных лиц, будь то сумасшедшие поклонники знаменитостей или отвергнутые любовники. Создание и общение внутри сообщества на другом конце спектра дает возможность формировать и обмениваться информацией преступным и террористическим группировкам. Внутри сетей зачастую гнездится информация о способах самоубийства и поощрение смертельного шага, педофилы разыскивают своих жертв, а террористы узнают, как создать бомбу или где найти сообщников. Информация, размещенная в социальных сетях, может быть и ложной, но благодаря анонимности и компьютерной скорости, распространяется быстрее лесного пожара. Рекламирование через социальные сети также зависит не от достоинств того или иного продукта или услуги, а от умелого манипулирования общественным мнением и владения знанием, как работает тот или иной алгоритм поискового механизма. Более того, страшные последствия популярности социальных сетей дают себя знать через рост таких явлений, как интернет-зависимость, депрессию и суицид среди молодежи.

Большинство пользователей социальными сетями радуется уровню комфорта и удобства, когда, сидя перед экраном смартфона или компьютера, можно общаться со всеми, с кем пожелаешь, и поглощать то, что услужливо преподносится поисковыми механизмами. Потребителю кажется, что он потребляет продукт, предоставленный в его распоряжение разработчиками программного обеспечения и создателями компаний, обслуживающих его интересы. Однако неплохо было бы осознавать, что при этом он сам становится объектом потребления и торга. Как это происходит – подробнейшим образом описано в книге Шошаны Зубофф, посвященной теме «капитализма наблюдения» или «капитализма слежки» [1].

Наши привычки, наши стереотипы, наша человеческая сущность становится объектом изучения, анализа и манипуляции с целью извлечения прибыли. Но рекламодателями дело не ограничивается. «Поведенческий излишек», сырой материал, с которым работает компания, анализируется, и на основе этой работы улучшаются плоды работы над искусственным интеллектом. Искусственный интеллект позволяет предсказывать поведение пользователя, а в этом случае плодами подобных предсказаний может воспользоваться кто угодно. Для капитализма слежки мы такие же натуральные ресурсы, как угольные шахты или леса, все, что исторически было объектом купли и продажи, включая человеческий труд. Теперь объектом закулисной слежки и манипуляции становится все богатство человеческого поведения и опыта, сам человек в его целокупности. «Интернет вещей», или то, что Ш. Зубофф называет аппарат, все будет окружать человека, соединяя его с компьютерным миром. Цель – модификация его поведения, ведущая к желаемому коммерческому результату. То, что социальные сети, как и весь компьютерный мир, совершенствуется, благодаря умелому изучению и манипулированию человеком, сегодня является неоспоримой истиной. Новый телевизор компании LG будет изучать эмоции пользователя, чтобы лучше им манипулировать для рекламных целей [2]. Конечно же, компания говорит, что это делается для пользы самого телезрителя. Не только слова, но и эмоции, не только то, что сказано, но и как сказано, и какое выражение лица было при этом, и то, что не было высказано – все подвергается машинному анализу, и искусственный интеллект

оттачивает свое могущество на терабайтах данных, беспрерывно поступающих из всех «умных» вещей, будь то телевизор, компьютер, мобильник, термостат, электронный «персональный ассистент», детская игрушка, «умный дом», напичканный камерами и всевозможной электроникой, и т.д., и т.п. Социальные сети, без сомнения, вносят свою лепту в манипулирование людьми в экономических или политических целях. Достаточно вспомнить, как использование данных Facebook оказало влияние на американские выборы в 2016 г., за что демократический Конгресс вызывал на слушания главу компании Марка Цукерберга и Федеральная Торговая Комиссия оштрафовала компанию на 5 млрд. долларов. Продвижение продуктов и услуг через социальные сети и платформы широко распространено, общеизвестно и приносит желанную прибыль заинтересованным лицам и компаниям.

Зададимся вопросом: насколько социальные сети способствуют развитию творческого потенциала личности и его социализации? Ведет ли активное участие в социальных сетях к творческой самореализации или, напротив, конформизму?

С одной стороны, самая природа социальных сетей служит инструментом обширной социализации в интернет-пространстве и коммуникации со множеством знакомых и незнакомых индивидов. Однако следует отметить коренное отличие социализации в сетях от социализации в мире реального общения. Реальное общение развивает такие навыки, как умение читать и воспринимать чужие эмоции, чувства эмпатии и сопереживания, понимание невербальной коммуникации через интонации, позы и движения собеседников, выражения их лиц и пр. Социализация в социальных сетях – плоская и одномерная. Зачастую реципиент коммуникации имеет дело с анонимными собеседниками, не всегда доброжелательными, а иногда откровенно агрессивными. Как результат – молодые люди могут подвергаться буллингу, т.е. травле, и жестоко страдать. Желание не выделяться из толпы ведет в сетях к конформизму и скорее следованию стереотипному поведению и стереотипной реакции (через лайки и иные знаки), чем оригинальному самовыражению. В узком кругу друзей более безопасно демонстрировать свои оригинальные взгляды и причуды, но совсем непросто, да и незачем делать это перед толпой анонимных пользователей сети, некоторые из которых могут отнестись к вам враждебно. По предположению Марка Рунко, на ранних стадиях

процесса, когда идеи только формулируются, возможно и полезно общение в социальных сетях, но затем участие в социальных сетях со свежими неконформистскими идеями может подавлять оригинальное мышление [3]. На взгляд автора статьи, существует несовместимость между ориентацией вовне социальных сетей (extrinsic orientation) и автономным, неконвенциональным мышлением, внутренней (intrinsic) природой творческого процесса [4].

Сети позволяют делиться творческими плодами, их популяризировать. Для этого есть множество инструментов через посты, тэги, прямые ссылки, личные сообщения, через приглашения на творческие встречи и вечера, как реальные, так и виртуальные. Те, кто последовательно этим занимается, часто достигает значительных успехов, не всегда адекватных, по гамбургскому счету, но приносящих немало радостей для творческого «я», творческого самоудовлетворения. Когда автор желает понравиться публике и сорвать как можно больше «лайков», это настроит его на позитивный лад, но насколько подстегнет или ограничит его творческий поиск? Вопрос остается открытым.

Другой интересный аспект развития творческого потенциала – это вопрос, как взаимодействие через социальные сети может способствовать творческому развитию рабочих команд и улучшить их результаты. По мнению некоторых китайских ученых, использование командами социальных сетей положительно влияет на креативность как команд, так и отдельных сотрудников, т.е. на коллективном и на индивидуальном уровнях эффект только положительный. Имеется в виду как индивидуальный доступ к знаниям через социальные сети, так и обмен информацией и знаниями в командах через интранет, единую платформу для учреждения или организации, помогающую сотрудничеству как в обмене информацией, так и в работе над проектами. Авторы используют аббревиатуру TSMU, т.е. Team Social Media Usage, или Использование Социальных Сетей Командой. «Во-первых, TSMU способствует перекрестному опылению идей и точек зрения. Через социальные сети сотрудники могут получить доступ к разнообразному спектру знаний и информационных ресурсов, что приводит к столкновению различных знаний и информации и запускает важные когнитивные процессы, связанные с креативностью сотрудников (Kuegler, Smolnik, and Kane 2015). Во-

вторых, TSMU предоставляет удобные методы обмена и визуальной коммуникации для сотрудников (Chen et al. 2020). TSMU предлагает такие функции, как мгновенный обмен сообщениями, обмен файлами и платформы для совместной работы, позволяющие сотрудникам легко делиться знаниями, информацией и идеями с коллегами, тем самым повышая их креативность (Cardon and Marshall 2015). Кроме того, TSMU интегрирует визуальные коммуникационные инструменты, такие как мультимедийные презентации, интерактивные доски и видеоконференции, предоставляя сотрудникам более интуитивные и увлекательные способы представления информации, что помогает стимулировать их воображение и креативность (Song et al. 2019). В-третьих, TSMU способствует открытому общению и взаимному доверию между сотрудниками. Участвуя в открытом и прозрачном общении, сотрудники могут свободно выражать свои идеи, предоставлять обратную связь и эффективно сотрудничать, что способствует взаимопониманию и доверию между ними (Chen et al. 2020). Такая среда позволяет сотрудникам чувствовать себя комфортно, делясь нетрадиционными идеями, и снижает их страх перед потенциальной неудачей в творческом процессе, в конечном итоге повышая их креативность (Huang, Chang, and Wu 2017)» [5].

Еще одно серьезное исследование, проведенное в Китае, подчеркивает важность социальных платформ для наращивания творческого капитала организаций и компаний. Платформы социальных сетей считаются «богатыми медиа», т.к. через них можно передавать информацию и мультимедийное содержание, а также они дают возможность немедленной обратной связи. В Китае такие платформы, как WeChat и Weibo, способствуют богатому взаимодействию между сотрудниками, улучшая общение и сотрудничество, что, в свою очередь, повышает производительность труда. Растет общая база знаний. Этому же способствуют и такие платформы, как Slack, Microsoft Teams, LinkedIn. Социальные платформы ускоряют обмен информацией внутри рабочих команд, помогают «мозговым штурмам» и тем самым способствуют возникновению нового [6].

Другие китайские исследователи полагают, что обмен знаниями через социальные сети помогают креативности и инновационному мышлению у студентов. Но на пути позитивного взаимодействия социальных платформ и внутренней мотивацией студентов стоит

такое явление, как кибербуллинг, т.е. травля через социальные сети. Травля может привести к тяжелым последствиям, включая развитие депрессии и даже суициду. «Наши результаты также подчеркивают, что, хотя использование социальных сетей студентами положительно связано с их креативностью и вовлеченностью, но эти отношения слабы, когда студенты сталкиваются с кибербуллингом. Результаты показывают, что студентам, преподавателям и учебным заведениям необходимо найти способы, как избежать кибербуллинга» [7].

Такого же мнения придерживается и другой китайский исследователь, Xiaomeng Sun [8]. Он утверждает, что все больше студенты прибегают к социальным сетям и платформам для целей сотрудничества, обмена информацией, помощи в учебе, координации работы в группах, контактов с преподавателями. Все это вместе улучшает учебный климат и дух кооперации между студентами. Статья содержит практические рекомендации. «Таким образом, для университетов, которые хотят повысить креативность своих студентов, полезно поддерживать инструменты социальных сетей и поощрять студентов включать их в свой учебный опыт. Преподаватели могут использовать инструменты социальных сетей для интеграции неформального обучения в формальную учебную среду, предлагать содержание курса в более интерактивной манере, выполнять групповые задания и способствовать обсуждению онлайн-курсов (Chen & Bryer, 2012; Guy, 2012). Между тем, преподаватели должны использовать возможности, предоставляемые инструментами социальных сетей, для внесения изменений в процесс обучения и учебную программу, что значительно повысит эффективность использования социальных сетей» [9].

Сегодня не является открытием, что социальные сети нужны и полезны как для преподавательской работы со студентами, так и для самих студентов [10]. Об этом также пишут и чешские исследовательницы. Им вторит другая пара исследователей, утверждая, что социальная сеть оказывает значительное и положительное влияние на генерацию, продвижение и реализацию идей. При этом в области информационной технологии очень важно то, что работники делятся своими ошибками, что вносит позитивный вклад в

создание и продвижение идей [11].

Интересную закономерность обнаружили исследователи, изучающие взаимосвязь степени креативности у разработчиков программного обеспечения и их участия в социальных сетях. «Информационное использование социальных сетей положительно влияет на креативность разработчиков, когда они набирают высокие баллы по открытости. Для менее открытых разработчиков информационное использование социальных сетей подавляет их креативность. <...> Чем больше открытые разработчики используют социальные сети для социализации, тем сложнее им генерировать креативные идеи. И наоборот, для разработчиков с низкой открытостью общение с другими в социальных сетях положительно связано с креативностью» [12].

Похоже, что исследователи из Китая в большой мере заинтересованы в изучении положительного влияния социальных сетей на творческий потенциал сотрудников и образование и развитие студентов. Думается, это не случайно и данный подход опирается на традиционно коллективистскую ориентацию такой древней азиатской культуры, как китайская, в отличие, к примеру, от западной ментальности, являющейся более индивидуалистичной.

Несомненно, что социальные сети, используемые в образовательных и производственных целях, ускоряют развитие новых идей и технологий и благоприятствуют созданию атмосферы сотрудничества и горизонтальной среды, взаимообогащающей и благоприятной для творчества. Социальные сети и платформы, используемые для целей общения и развлечения, часто ведут к привыканию и оказывают негативное влияние на психическое здоровье молодежи. Об этом говорят и сами молодые люди. Так, в недавнем исследовании Pew, 48% молодых людей сказали, что социальные сети оказывают большей частью негативный эффект на их сверстников [13]. Многие книги посвящены

проблеме губительного влияния социальных сетей на молодежь. К примеру, *Logged in and stressed out: how social media is affecting your mental health and what you can do about it*. Автор – Paula Durlofsky. Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield, 2020. Исследования показывают, что среднестатистический американец проводит перед экранами более 10 часов в день... Слишком часто остаются неприятные ощущения от взаимодействия в социальных сетях, негативно влияя на нашу жизнь вне сети и усугубляя уже имеющиеся проблемы с психическим здоровьем. Вместо того, чтобы демонизировать социальные сети, придерживаясь однобокого подхода «цифровой детоксикации», *Logged In and Stressed Out* признает, что «социальные сети сами по себе не являются проблемой — необходимо изучить то, как мы их используем» - написано в аннотации к книге [14].

Книга Кары Алаимо о том, как социальные сети и платформы токсичны для женщин и девушек [15]. В Америке стала бестселлером книга о психических проблемах молодежи, проистекающая из злоупотребления социальными сетями и видеоиграми [16]. Социальный психолог Джонатан Хайдт излагает факты об эпидемии подростковых психических заболеваний, которая поразила многие страны одновременно. Затем он исследует природу детства, включая то, почему детям нужны реальные игры и независимые исследования, чтобы вырасти в компетентных, преуспевающих взрослых. Хайдт показывает, как «игровое детство» начало приходить в упадок в 1980-х годах и как оно было окончательно уничтожено приходом «телефонного детства» в начале 2010-х годов. Он представляет более десятка механизмов, с помощью которых эта «великая перестройка детства» вмешивалась в социальное и неврологическое развитие детей, охватывая все: от лишения сна до фрагментации внимания, зависимости, одиночества, социального заражения, социального сравнения и перфекционизма. Он объясняет, почему социальные сети наносят больше вреда девочкам, чем мальчикам, и почему мальчики уходят из реального мира в виртуальный, что имеет катастрофические последствия для них самих, их семей и их обществ.

Книга М.Н. Мироновой «Наши дети и деструктивные интернет-сообщества» [17] бьет тревогу по поводу различных программ, в зависимость от которых попадают дети и подростки и которые ведут их шаг за шагом по линии развращения и деструктивного поведения как по отношению к окружающим, так и к самим себе вплоть до суицида.

Дети и подростки, попадающие в интернет-сообщества, легко поддаются влиянию. Их личности еще недостаточно сформированы, чтобы противостоять давлению группы. Они хотят нравиться, быть популярными, а это подталкивает их к конформистской линии поведения, стереотипным решениям, которые воспринимаются референтной группой. Один на один и воочию ребенку или подростку легче проявить свое несогласие (и то не всегда). Перед лицом анонимного буллинга и давления неокрепший ум часто сдается. При этом родители в подростковой среде выставляются противниками, с которыми допустимы все методы, как на войне: хитрость, утаивание, прямой обман, дерзость и конфронтация. Так, существуют интернет сообщества, поддерживающие молодых людей в их мыслях о том, что они нуждаются в переделке пола и, наоборот, яростно атакующие их как предателей, если молодые люди идут на попятную и меняют свое решение. Есть интернет сообщества, объединяющие молодежь, решившую порвать со своими родителями и родственниками по каким-либо причинам, реальным или надуманным. Популярным является обвинение в адрес родителей, что они токсичны, что они нарциссы, и что дети являются жертвами эмоционального и психологического плохого обращения (под эту «шапку» при желании можно подвести какой угодно родительский критицизм). Поведение подобного рода отщепенцев объявляется нормальным в глазах этих интернет-сообществ и на страницах чатов следуют стереотипные признания и излияния со стороны несправедливо обиженных «жертв». Взгляды подобного рода никак не являются оригинальными. Это стереотипные проявления несогласия и бунтарства, типичные для первой четверти 21 века и являющиеся побочным продуктом пресловутого западного индивидуализма.

Итак, чем позже личность приобщится к социальным сетям, тем лучше для ее развития и социализации. Поэтому всеми силами родителям и педагогам следует вести борьбу за неокрепшие души молодого поколения, даже принимая на себя бурю критики со

стороны негодующих детей. Вы не бросите своего ребенка в океан в утлой лодчонке. Точно также родители не могут беспечно бросить своего ребенка в интернет, тот же океан онлайн, чреватый рифами, неведомыми монстрами и подводными течениями.

Подводя итоги, можно сказать, что социальные сети могут вести к конформизму и стереотипизации поведения, с одной стороны, и к творческому самовыражению, с другой. Все зависит от степени зрелости личности, ее подготовленности, а также от целей и задач, которые ставит человек, вовлекаясь в социальные сети.

References:

1. Zuboff, Shoshana. *The Age of Surveillance Capitalism. The fight for Human Future at the New Frontier of Power*. Public Affairs: New York, 2018.
2. Harding, Sharon. "LG's Integrated TV Ad Tech Analyzes Your Emotions". Wired. April 18, 2025. <https://www.wired.com/story/lg-zenapse-integrated-tv-ads-emotional-analysis/>
3. Runco, Marc. "The Real Creativity Crisis". Creativity journal. Jan. 2015, P. 5.
4. Там же, P.7.
5. Wanga, Hui and Xiangqing Lia and Mingxing Xieb. "Multilevel influences of team social media usage on creativity: the moderating effect of knowledge leadership". Behavior and Information Technology. 2024. v. 43, # 10, pp. 1263-1264.
6. Fu, Jingyu. "Role of social media to improve job performance with mediating role of transactive memory capability and employee creativity". Research Paper. Plos One. July 22, 2024.
7. Gulzara, Muhammad Awais and Mudaser Ahmad, Marria Hassan, Muhammad Imran Rasheed. «How social media use is related to student engagement and creativity: investigating through the lens of intrinsic motivation». Behavior & Information Technology, 2022. v. 41, #11, p. 2289.
8. Sun, Xiaomeng. «Social media use and student creativity: The mediating role of student engagement». Social Behavior and Personality. An International Journal. v. 48, Issue 10, 2020.
9. Там же, p. 5.
10. Miloslava Černá; Anna Borkovcová. "Acceptance of Social Media for Study Purposes—A Longitudinal Case Study". [Sustainability](#). v. 15, Issue 9, April 2023.

11. [Khorakian](#), Alireza and [Mostafa Jahangir](#). “The Impact of Social Network on the Innovative Behavior of IT Professionals: What is the Role of Sharing Mistakes?”. [E+M Ekonomie a Management](#). v. 21, Issue 3. July 2018.
12. Yumeng Miao, Xidian University, China; Rong Du, Xidian University, China; Veda C. Storey, Georgia State University, USA. «The Paradoxical Effect of Social Media Usage on Developer Creativity and the Moderating Role of Openness to Experience». *Journal of Database Management*. v. 32, Issue 3, July-September 2021, pp. 38-39.
13. Gibson, Caitlin. “Even some teens say social media is hurting their mental health”. *Washington Post*, [April 25, 2025](#).
14. Durlowsky, Paula. *Logged in and stressed out: how social media is affecting your mental health and what you can do about it*. Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield, 2020.
15. Alaimo, Kara. [Over the influence: why social media is toxic for women and girls - and how we can take it back](#). New York: Alcove Press, 2024.
16. Haidt, Jonathan. *The anxious generation: how the great rewiring of childhood is causing an epidemic of mental illness*. New York: Penguin Press, 2024.
17. Миронова, М.Н. *Наши дети и деструктивные интернет-сообщества*. М.: Фонд «Просветитель», 2021. Mironova M.N. *Nashi deti I destruktivnie internet-soobshestva*. М.: Fond “Prosvetitel”, 2021.

III

UOT-327.2

Rəna Seyidrza qızı Mirzəzadə

AMEA Fəlsəfə və Sosiologiya İnstitutu

Siyasətin fəlsəfəsi və sosiologiyası şöbəsinin müdiri,
fəlsəfə elmləri doktoru, professor

Ünvan: Az 1073, Azərbaycan Respublikası, Bakı, H.Cavid pr-ti 115

Tel.: +994506494795

E-mail: mirrena54@yahoo.com

<https://orcid.org/0000-0002-6250-1826>

GENDER FƏLSƏFƏSİNİN SOSİOMƏDƏNİ STRUKTURU

Xülasə

Azərbaycanda “gender fəlsəfəsi” anlayışının formalaşması postsovet dövrünə təsadüf edir. Müasir fəlsəfənin yeni istiqaməti kimi nəzərdən keçirilən gender tədqiqatları genderin sosial, siyasi və mədəni aspektlərini, eləcə də identiklik, hakimiyyət, sosial nizam kimi anlayışlarla əlaqədə araşdırılır. Gender stereotipləri, gender ayrı-seçkiliyi, gender bərabərliyi uğrunda mübarizənin nəzəri təhlili də gender fəlsəfəsinin predmet sahəsinə aiddir.

Məqalənin məqsəd və vəzifələri. Məqalənin əsas məqsədi gender tədqiqatlarını “yeni bilik növü” kimi təqdim etməkdir. SSRİ-nin dağılmasından sonra gender tədqiqatları yeni paradigmanın tərkib hissəsi kimi meydana çıxır və bütün postsovet məkanında olduğu kimi Azərbaycanda da müəyyən inkişaf mərhələlərindən keçir. Müəllif gender fəlsəfəsinin əsas anlayışlarının məzmun-mahiyyətini açıqlayır, gender nəzəriyyəsinin sosial praktika ilə əlaqəsini araşdırır.

Mövzunun araşdırılma dərəcəsi. Məqalənin sonunda təqdim olunan ədəbiyyat siyahısına bax.

Tədqiqat metodları və metodologiyası. Məqalədə analiz və sintez metodlarından, sistem yanaşmadan istifadə olunur.

Elmi yenilik. Müəllif gender tədqiqatlarının Azərbaycanda inkişaf xüsusiyyətlərini üzə çıxarır, genderşünaslığın nəzəri problemlər çərçivəsini müəyyən edir.

Nəticə. Müəllif genderşünaslığı yeni fəlsəfi istiqamət, dünyagörüşü forması kimi təqdim edir, onun prinsiplərinə, xüsusi həqiqət meyarlarına vurğu edir.

Açar sözlər: gender şüuru, gender mədəniyyəti, gender ideologiyası, gender rolları, maskulin, feminin, Azərbaycan

УДК-327.2

Рена Сейидзаде гызы Мирзазаде
доктор философских наук, профессор
Заведующая отделом философии и социологии политики,
Институт философии и социологии НАНА
Az 1073, Азербайджанская Республика, Баку,
Г.Джавид просп. 115
Тел.: +994506494795
E-mail: mirrena54@yahoo.com
<https://orcid.org/0000-0002-6250-1826>

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СТРУКТУРА ГЕНДЕРНОЙ ФИЛОСОФИИ

Резюме

Формирование понятия "гендерная философия" в Азербайджане относится к постсоветскому периоду. Гендерные исследования, рассматриваемые как новое направление современной философии, исследуют социальные, политические и культурные аспекты пола, а также связи с такими понятиями, как идентичность, власть, социальный порядок. Теоретический анализ борьбы за предотвращение гендерных стереотипов, гендерной дискриминации, развитие гендерного равенства также относится к предметной области гендерной философии.

Цели и задачи статьи. Основная цель статьи - представить гендерные исследования как "новый тип знаний". После распада СССР гендерные исследования появляются как составная часть новой парадигмы и проходят определенные этапы развития в Азербайджане, как и на всем постсоветском пространстве. Автор раскрывает содержание основных понятий гендерной философии, исследует взаимосвязь гендерной теории с социальной практикой.

Степень изученности предмета. См. список литературы, представленный в конце статьи.

Методы и методика исследования. В статье используются методы анализа и синтеза, системный подход.

Научная новизна. Автор раскрывает особенности развития гендерных исследований в Азербайджане, определяет рамки теоретических проблем гендерных исследований.

Заключение. Автор представляет гендероведение как новое философское направление, форму мировоззрения, делает упор на его принципы, особые критерии истины.

Ключевые слова: гендерное сознание, гендерная культура, гендерная идеология, гендерные роли, маскулинизм, феминизм, Азербайджан.

UDC-327.2

Rena Mirzazadeh

Doctor of Philosophical Sciences, Professor

Head of the Department of Philosophy and Sociology of the Politics

The Institute of Philosophy and Sociology of ANAS

Az 1073, Republic of Azerbaijan, Baku, 115 H.Javid ave

Phone: +994506494795

E-mail: mirrena54@yahoo.com

<https://orcid.org/0000-0002-6250-1826A>

THE SOCIO-CULTURAL STRUCTURE OF GENDER PHILOSOPHY

Abstract

The concept of "gender philosophy" in Azerbaijan emerged during the post-Soviet period. As a new direction in contemporary philosophy, gender studies explore the social, political, and cultural aspects of gender, as well as its connections with concepts such as identity, power, and social order. The theoretical analysis of gender stereotypes, gender discrimination, and the struggle for gender equality also falls within the scope of gender philosophy.

Objectives and tasks of the article. The main aim of this article is to present gender studies as a "new type of knowledge." After the collapse of the USSR, gender studies emerged as part of a new paradigm and have gone through several stages of development in Azerbaijan, as in other post-Soviet countries. The author clarifies the essence and content of the key concepts of gender philosophy and examines the relationship between gender theory and social practice.

Degree of research on the topic. See the bibliography at the end of

the article.

Research methods and methodology. The article employs methods of analysis and synthesis, as well as a systematic approach.

Scientific novelty. The author reveals the specific features of the development of gender studies in Azerbaijan and defines the theoretical framework of gender research.

Conclusion. The author presents gender studies as a new philosophical direction and worldview, emphasizing its principles and specific criteria of truth.

Keywords: gender consciousness, gender culture, gender ideology, gender roles, masculine, feminine, Azerbaijan.

GENDER FƏLSƏFƏSİNİN SOSIO-MƏDƏNİ STRUKTURU

Dünyanı dəyişdirən ideyalardır.

Akademik Firudin Köçərli

Dünyada gedən qloballaşma prosesinin motiv və ssenarilərini, sosial-siyasi hadisələrin hüquqi nizamını izlədikcə gender sisteminin də dominant xarakteristikası üzə çıxır. Gender fəlsəfəsində əsas aparıcı xətt onun nəzəriyyəsinə sosio-mədəni kateqoriya olaraq izahıdır. Bu şərhə onun sosial və mədəni konstruksiyası (təşkili) elmi terminologiyasında, anlayış kimi tərifində olan fərqlərin həmin yöndə izahına ehtiyac yaradır. Məhz bu cəhətdən gender fəlsəfəsinin bir-biri ilə qarşılıqlı tərəfləri olan – sosial və mədəni tərkib hissəsi, tarixi-ictimai, sosial-konkret, faktiki-təcrübi, tarixi-etik cəhətləri arasındakı fərq anlayışıdır.

Bəzi tədqiqatçıların fikirlərinin şərhinə keçməzdən öncə gender fəlsəfəsinin sosial təşkili fərqlinə diqqət edək. Göstərdiyimiz kimi, tarixən gender stratifikasiya və assimetriyasının təşəkkülü prosesi sosial təbəqələşmənin ümumən yaranması kontekstində sosial assimetriyanın qərarlaşması ilə əlaqəlidir. Gender assimetriyası sosio-mədəni konstrukt olaraq cinslər arasındakı bioloji fərqlərə görə yaranmışdır.

Gender fəlsəfəsi çoxplanlı, çoxtərəfli ictimai-siyasi və sosio-mədəni konstruksiyalı anlayış olaraq, özündə cinslərin cəmiyyətdə fəaliyyəti, davranışı, rolu, yeri, xüsusiyyət və mental əlamətlərini cəmləşdirir. Gender fəlsəfəsi cəmiyyətdə sosial sistemin tərkib hissəsi olan əsas meyarlardan biri kimi cinsi fərqlərin qarşılıqlı anlaşma ilə şərtlənən hissələrini təşkil edir.

Cinslərərsi davranış normaları, dünyagörüşü və stereotipləri gender fəlsəfəsinin strukturudur. Gender yanaşması – bu cinsə təsir amillərinin çoxvariantlı cəhətdən araşdırılmasıdır. Respublikamızda da bu cəhətlərin öyrənilməsi cünün tələbinə çevrilir. Düzdür, girişdə göstərdiyimiz kimi, postsovet məkanında problemin bu və ya digər tərəfləri bir qütblü də olsa (yəni yalnız qadın qismi) araşdırma aparılmışdır. Biz isə tədqiqatda gender fəlsəfəsi, gender tarixi, gender siyasəti, gender sosiolizasiyası əsasında həm də gender sisteminin siyasi-hüquqi aspektlərini işıqlandırmağa cəhd etmişik.

«**Gender fəlsəfəsi**» anlayışının mahiyyəti hər şeydən əvvəl cinsin tarixən sosial modelləşməsi və konstruksiyası ilə tamamlanır və bu da konkret sosial təcrübə ilə qurulur. Gender nə ictimai-siyasi və hüquqi, nə də dünyagörüşü sistemində heç də yeni anlam deyildir, yəni ki, terminin yalnız adı elmi aparatda işlənməsinə görə yenidir, problemin kökü, mahiyyəti isə göstərdik ki, bəşər tarixi kimi qədimdir.(6; s.52)

Bəzən «**gender**» terminini **Azərbaycan dilinə tərcümədə «dişi» və «erkək»** kimi qarşılıqlı intonasiyada da işlətməyə cəhd edilir. **Yaranan mübahisələrdən biri də elə terminin Azərbaycan türkcəsində olan deyilişdəki «c» və «g» samitləridir.** Əgər anlayış ingilis sözü olaraq, ilk dəfə ingilis tədqiqatçıların əsərlərində öz əksini tapdığı üçün ilk vaxtlar tərcümədə də «cender» kimi verilir. Lakin AMEA-nın bu sahə üzrə tədqiqatçıların müzakirəsində, bu tədqiqatın müəllifi R.Mirzəzadənin təklifi ilə məfhumun, diləyatımlılıq baxımından, Azərbaycan türkcəsində «gender» kimi ifadə tərzii qəbul edildi. Elmdə bu cür ifadə hər şeydən qabaq qəti müəyyənlik üçün də bazisdir. Bu baxımdan «dişi» və «erkək» termini də məhz daha çox bioloji xüsusiyyəti ehtiva edir, «kişi» və «qadın» isə sosial cinsi daha elmi-idraki planda göstərir. «Gender» tələffüz tərzii isə çox asanlıqla özünə işlənmə statusu qazandı. Hər bir cəmiyyətdə insanlığın xüsusi davranış tərzii, yazılmış və yazılmamış minilliklərlə tarixə malik «kişi» və «qadın» kimi xüsusi rolları, ifadə tərzləri vardır. Bu baxımdan **Gender fəlsəfəsi**– cinsin tarixi-mədəni geyimidir və kişi-qadın dünyagörüşündə münasibətlərin sosiallaşması, institutlaşdırılması çərçivəsində açılır. Gender fəlsəfəsi cinslərin ictimai-siyasi məcmusunda da indvidlərdən ibarət sosial modeldir. Strukturunu vermək istədiyimiz problemin metodoloji əsasını iki konsepsiya təşkil edir :

- **gender fəlsəfəsinin sosial konstruksiyaya nəzəriyyəsi və - gender sistemi nəzəriyyəsi.**

Birincidə gender fəlsəfəsi, gender tarixi meyarının dinamikası,

meydana gəlməsi, inkişaf mərhələləri və dirçəldirilməsi;

İkincidə isə cəmiyyətin sosial strukturunun gender ölçüsü, onun siyasi-hüquqi bazada arqumentləşdirilmiş və cəmlənmiş formada açıqlanması nəzərdə tutulur. Əsas diqqət yetirməli olduğumuz faktorlardan biri də artıq tanış fəlsəfi anlayışların yeni məzmunla uyğunlaşdırılıb zənginləşməsi məsələsidir.

Müasir dövr **rus tədqiqatçıları E.Zdravomislova və A.Temkina** gender sosial konstruksiya və nəzəriyyəsinin, mədəniyyətinin öyrənilməsini **diaxronik (zaman keçəndən sonra)** aspektdə, gender sistemi nəzəriyyəsinin öyrənilməsini isə **sinxronik (uyğunlaşdırılmış)** aspektdə tədqiq etməyə çalışırlar(1; s.84).

Belə olan surətdə biz gender anlayışının əsas mahiyyəti, mənasını fəlsəfi, tarixi, siyasi və hüquqi aspektdə araşdırmaqla yanaşı, milli zəmində də şərti, yəni konvensional məfhumlarından istifadə edəcəyik. Həmçinin, E.Zdravomislova və A.Temkina ilə həmrəy olaraq, biz də «genderi, peşəkar-fəaliyyət, hakimiyyətə keçid yolu, reproduktiv davranış, maarifləndirmənin individual imkanını təyin edən sosial status» kimi qəbul edirik. Lakin onların fikirlərində qeyd etməyi labüd saymadığımız «seksuallıq» məfhumu da öz əksini tapıb, onu isə milli mentalitet sistemimiz nöqtəyi-nəzərindən tətbiq etməyi lüzumlu hesab etmirik.

Los-Anceles Universitetinin professoru azərbaycanlı Naira Tovhidinin «Gender post-sovet Azərbaycanında» məqaləsində problemin işlənmə dərəcəsini respublika reallığı üçün belə əks olunur ki, «Azərbaycan feminist tədqiqatının toxunduğu bir çox nəzəri məsələ və praktik tədbirlərin öyrənilməsi üçün maraqlı obyektidir. Feminist tədqiq millətin, millətçiliyin, etnoslararası və beynəlxalq milli proseslərdə milli identikliyin formalaşmasının gender təbiətini araşdırır»(2; s.30).

Problemin qloballıq mahiyyətini də unutmamalıyıq. Bu baxımdan **problem qədim də olsa, sosial konstruktlu bir elm kimi Qərb təmayüllü, Qərb modellidir və, Qərbdən sintez edilmişdir.** Təbii ki, biz tədqiqatlarımızda milliçilik, dövlətçilik, din, dil, mədəniyyət, etnos, adət-ənənə və həm də geosiyasi amilləri, regionun özünəməxsus spesifikasiyasını da şərt kimi işıqlandırmışıq. Düzdür, tədqiqatçılardan **C.Lorber** və **S.Farell** gender konstruksiyasında müxtəlif mürəkkəblikləri təhlil edərkən «cins» və «gender» məfhumlarını dəyişməsələr də, İ.Kon isə onu əvəz etməyə çalışmış, lakin onun yanasması özünə aktuallıq qazana bilməmişdir. İ.Kon «**cinsi rollar stereotipi**», «**cinsi rollar mədəniyyəti**» kimi söz birləşmələrini

genderlə əvəz etməyə çalışsa da, **«cəmiyyətdə cinslərin rolu, cinsinə görə müəyyənləşməlidir»** tezi onun konstruksiyasına bəraət vermədi. Çünki, birmənalı olaraq əksər tədqiqatçılar məhz cinsi bioloji formasında deyil, sosial məzmununda öyrənməyi gender elminin prioritet məqsədi hesab edirlər. Anlamaq çətin deyildir ki, **problemin sosial konstruksiyasında, nəzəriyyə+praktika+konkret sosioloji fakt** amili gender sisteminin elmiyidir. Məhz bu kimi səbəblərdən də İ.Hoffman **gender displeyi** anlayışını vaxtında və yerində irəli sürmüşdür.

Nəzərə çatdıraraq ki, **«gender»** termini Avropa mədəniyyətində Şimali Amerikada olan «qadın tədqiqatları»na kontekst olaraq formalaşmışdır. Ən mühüm cəhət isə cinsin bir tərəfinin deyil, hər ikisinin tarixi-mədəni-siyasi və s. istiqamətdə subyektivizmdən uzaq, obyekt olaraq araşdırılması idi. Bir paradoksal cəhəti də diqqətə yetirək ki, Şimali Amerika institut və kafedraları «qadın tədqiqatları» adlandırıldığı halda, postsovet məkanı sanki «qadın» sözünü radikallaşdırdı, daha çox «gender» mətnində istiqamətləndi. Hətta, «Müasir Fəlsəfi Lüğət»də də (1998-ci il) «gender tədqiqatları» anlayışı qeyd edilmişdir (3; s.180). Bununla yanaşı, lüğətlərdə, internet saytlarına salınan, Qərb ədəbiyyatlarında istifadə olunan bəzi terminlər (kibor-feminizm; queer-nəzəriyyə, yəni qeyri-müəyyən cinslər; gey-lezbiyan-tədqiqat; seksual fərqlər; mazoxist-feminizm; postkolonist-feminizm; «rəngli qadınlar» feminizmi) haqda açıqlama verilmir. Postsovet məkanında əslində feminist tədqiqatlar və feminist metodologiyaya əsaslanan formal məntiqi nəticələrə gələn qadın tədqiqatları da gender elminin sosial strukturunda özünə yer tapa bilmişdir. Bu isə gender elmi sahəsində gender diskursu kimi qiymətləndirilə, qəbul edilə bilər.

Tədqiqatda bu cəhətləri daha dəqiq, beynəlxalq təcrübəyə istinad etməklə, respublika özəlliklərinin gender konstruksiyasını açmağa cəhd etmişik. Bu nöqteyi-nəzərdən aşağıda göstərilən iki metodoloji cəhət problemin konseptual əsası ola bilər:

I. «Gender nəzəriyyəsi» ilə «qadın tədqiqatları»nın «gender stratifikasiyası» və «paradiqması».

II. «Gender» və «feminist» araşdırmaların oxşar və fərqli təsnifatı, əsas prinsipləri.

Birinci cəhətdə məqsəd təkmil olaraq əsas etibarı ilə genderi «patriarxal» sayılan cə-

cəmiyyətin tam daxilinə keçirmək və «gender tədqiqatları» ilə bərabər «qadın mövzusu»-«qadın tədqiqatlarının» da başında duran dominant kişi təfəkkür strategiyası, siyasətindən «emansipasiya»

olunmasıdır:

- bu termin kişi qisminə qarşı deyil, ictimai şüur, təfəkkür, düşüncə, dünyagörüşündə genderin bərqərar olması üçün vacib amildir; - gender identikliyi və müvafiq sosial rolların dixotomik qütbləşməsi; - problemin elmdə legitimləşdirilməsi əsas faktordur; - gender paradiqması parametrindən onun bərabərhüquqluluq prinsipinin «patriarxal düşüncə»lərdən xilas edilməsi, sosial təcrübə ilə cinslərin bərabərliyinə imkan verən və bu problemin həlli yolunun mexanizmlərini göstərməkdən ibarətdir.

İkinci cəhət isə, genderin modernliyi fəvqündə tarixən qərarlaşmış mədəniyyətin də müsbət çalarlarını inkişaf etdirib, köhnədən bəhrələnməklə, yeninə də müsbət və mənfi tərəflərini aydınlaşdırmaqdır. Bu isə gender dünyagörüşü və mədəniyyətinin nəzəriyyə olaraq gərəkliliyidir:

- maskulin dominant sistem sosial elmlərdə hərtərəfli araşdırılır; - feminist nəzəriyyələr ictimai elmlərin obyektini kimi deyil, tarixi, fəlsəfi, mədəni, siyasi-hüquqi aspektdən təhlil olunur, tənqiddən uzaq olmayan bir konsepsiya kimi şərh olunur; - qadın obyekt olaraq seçilmir, insanlıq cinsin hər iki qütbünün təmsalında xarakterizə edilir.

Gender sistemi mürəkkəb və çoxşaxəlidir. O, müxtəlif tipli komponentləri özün-də birləşdirməklə, ayrı-ayrı müəlliflərin də fikir «mübarizəsinə» çevrilir. **Qərb alimlərindən Y.Hirdman** gender sistemini kişi-qadın münasibətində formal, qeyri formal qanun, norma, təyinatların cəmiyyətlə uyğunlaşdırılmış məcmusu hesab edir (4; s.209). Digər **Qərb tədqiqatçısı C.Renzetti** isə «gender sistemini» – «cinslərin davranış və qarşılıqlı sosial fəaliyyətlərinin təyin olunmuş müvafiq institutu» adlandırmışdır (5; s.14). Şərh etdiyimiz anlayışlarla yanaşı, «gender kontraktı», başqa sözlə desək «gender müqaviləsi», «gender sazişi» məfhumu da gender konstruksiyasında işlək mexanizmdir. Gender sistemi bu «sazişlər» məcmusunun məlumatıdır. Minilliklərdən gələn, dəyişməz təsəvvürlərin hazırda da işlətdiyi qadına aid «ev sahibəsi», kişiyyə aid «ailəni dolandıran» «sazişi» məsələsi gender kontraktının əsas mənbəyi hesab olunur. Təbii ki, zaman və məkan ölçüsündə bu «müqavilələr» də texniki tərəqqinin inkişafı nəticəsində ya mənasını, ya da ictimai-siyasi mühitdə yerini dəyişmişdir. «Ev sahibəsi», «evdar qadın» məfhumları ilə birgə «mətbəx kişisi», «evi dolandıran qadın» və s. kimi variantlar yaranmışdır: məsələn, keçmiş Sovet dövründə «işləyən ana» anlayışını, hazırda isə «ev kişisi», «işləməyən

kişi» deyimlərini göstərə bilərik.

Gender fəlsəfənin sosio-mədəni strukturunda «**gender tərkibi**» deyiminin izahına da diqqət yönəltməliyik. Daha doğrusu bu məfhumun şərhı Qərb və rus ədəbiyyatında çox az istifadə olunur. Belə ki, cəmiyyətdə ailədən başlayaraq istənilən fəaliyyət, iştirak, nümayəndəlik məsələlərində gender tərkibinin ön xəttə çıxması gender elminin uğuru sayılmalıdır.

Gender elminin izahı onun fəlsəfi təhlili zamanı «gender» məfhumu ilə paralel olaraq «kişi» və «qadın» ifadələri daha simvolik şəkildə uyğunlaşdırılır, elmi-mədəni formada, «**maskulin**»(**kişiyə xas olan**) və «**femin**»(**qadına xas olan**) termini kimi işlədilir.

Gender tədqiqatlarında isə «**gender rolları**» termini qadın və kişinin, paralel deyimdə maskulin və feminin tarixən qərarlaşmış ənənəvi davranış, norma və qayda, eləcə də təsəvvür və üsulların formalaşmış, indeksasiya olunmuş rollarıdır. Gender fəlsəfənin əsasında qadın və kişinin müxtəlif cinslər olaraq özünəməxsus xüsusiyyətləri, onların arasında sosial funksiyaların bölünməsi, hər birinin özünüdərk təfəkkürü, müxtəlif sahələr üzrə fəaliyyət, ictimai-siyasi təsir, şəxs olaraq anlaşıma və ya qarşudurma və s. kimi stereotiplər durur.

Dediklərimizə bir əlavə kimi **gender mənsubluğu** anlamına da toxunaq. Şəxslərarası anlaşıma sosial institutun ailə, əmək fəaliyyəti və s. sahələrində formalaşaraq, gender mənsubluğunu yaradır və əsasən əsrlərlə qadın və kişilər tərəfindən «yazılmış» əxlaq normaları, davranış üsulları ilə qərarlaşır.

Qeyd etdiklərimizə qısa xülasə kimi deyə bilərik ki, genderin kompleks mahiyyətini cinsin bütöv olmayan xarakteri ilə ahəngdə araşdırmaq gərəkdir. Belə ki, cins tam mahiyyətə malik olmayan, tərkibi çoxsaylı komponentlər məcmuudursa, onda cins – bioloji – fizioloji kateqoriyadır və əsasən üç hissəyə bölünür: **doğuluşa qədərki dövr, doğuşdan sonrakı (qidalanma, böyümə, dil açma, yerimə və həyata atılma və s.) və ölüm**. Cins kimi insan iki dəfə rəsmi qeydə alınır: doğum və ölüm aktı – aralıq fəaliyyət mərhələsi aktlaşdırılmır, məhz bu dövr genderdir və bu «**cinsin sosial kateqoriyasıdır**», yəni «**cinslərin həyatda prosesidir**». Bu ifadə bütün həyat tərzini əhatə edirsə, cinsin status və strukturu anlayışı fərdin hər iki cinsinin cəmiyyətdə təyin edilmiş, haqqı ödənilməyən (ev-ailə) və haqqı ödənilən gender statusunun müvafiq əlamətləridir.

Hər bir cinsi birlikdə yaxud ayrı-ayrılıqda tədqiq edərkən onun məhz hansı komponentlərinin araşdırılmasından asılı olmayaraq, eyni

ölçüdə olan komponentlərə münasibətdə çox ehtiyatlı yanaşma tələb olunur. Bu haqda C.Lorberin söylədikləri ilə razılaşıaraq bildirək ki, əgər tədqiqatda məqsəd kişi və qadın statusunu müəyyənləşdirməkdirsə, onda cins məsələsi bioloji kateqoriya olaraq əsas götürülməlidir. Çünki, bu halda transseksualın da gender statusu var, lakin o anadangəlmə qadın ya da kişi cinsi deyil. Belə olan surətdə, gender statusunun səbəb və nəticəsi olaraq cinsi bioloji kateqoriya kimi vasitəçi götürmək olmaz(7; s.136).

Cinsi amildə bəzi xarakterik hallara diqqət yönəltsək, nəyin şahidi ola bilərik? **Cins amili qadın və kişi kimi nəzərdə tutulursa, unutmayaq ki, doğuluşdan yarım kişi və yarım qadın olan iki əlavə cins də var.** Burada bir reallıq özünü göstərir: qadın cinsi kimi həyata gəlib (yaxud kişi olsun) uşaq vaxtı qız və ya oğlan kimi tərbiyə alıb, yetkinlik dövrü qadın və ya kişi olaraq formalaşmaqda yarı kişi statusuna malik kişi cinsi qadın statusunu, yarı qadın cinsinə malik qadınsa kişi statusunu (daimi transvestit və transseksuallar) qəbul ediblər. Bu qruplarla artıq dörd yox, altı cins növü yaranırsa, araşdırmalarda bu hal çox incəliklə gözlənilməlidir.

Beləliklə, **cinsin sosial struktyru - tarixən qərarlaşmış yazılan və yazılmayan normativlərin, insanlığın şəxsən qarşıdurma yaratmayan cinsi-bioloji kateqoriyasının deyil, sosial funksiyasının təhlili, tədqiqi, təfsiridir.** Gender tarixinin strukturuna təkcə keçmişdə və indi mövcud olan ictimai-siyasi və hüquqi doktrinalar deyil, həm də onların özünün genezisi və dinamikasının özəl qanunauyğunluqları daxildir.

Gender şüuru, gender dərki, gender təfəkkürü, gender mədəniyyəti və gender ideologiyasının inkişaf dialektikası özünün nəzəri-empirik səviyyəsinə XX əsrin ikinci yarısında çatmış və o dövrdə mücərrəd şəkildə «ya insan», ya da «kişi» anlamı kimi işlənməsi bir gerçəklikdir. Bu fikri müxtəlif dövrlərin fikir tarixində yerləşdirəndə belə nəticə alınır ki, dövrün ictimai-siyasi hadisələrində sosio-mədəni münasibətlərin anlayış və kateqoriyalar sisteminin gender elmi kimi yeni dünyagörüşü sisteminə ifadə olunmuşdur.

Bir məsələni də xüsusi qeyd edək ki, gender münasibətlərinin izahı yalnız elmi maraq üçün deyildir. Gender elmdə yenilik olmaqdan savayı, həm də ümumilikdə cəmiyyətin, global dünyanın, dövlətlərin müxtəlif ictimai-siyasi qüvvələrinin mənafeyini əks etdirməklə həm də, humanizmi, müstəqilliyi əsas götürərək bərabərhüquqluluq məsələsində mexanizm rolunu oynayır.

Azərbaycanda bilavasitə gender elminin nəzəri əsasları haqqında

geniş tədqiqat işi aparılmamış, ayrı-ayrı alimlər öz məqalələrində müəyyən fikir bildirmişlər. Tədqiqatda irəli sürülən məsələlərin çoxu ilk dəfə olaraq konkret bir mövzu kimi araşdırılır. Gender termini haqqında Qərb və postsovet ədəbiyyatında müxtəlif və çəşidli tərifləri açıqladıq. Bu təriflərin arasında mövcud olan fərqlərin müəyyən səbəbləri vardır ki, onlardan bəzilərini qeyd etməyi zəruri hesab edirik:

1. Gender - dünyagörüşü sistemində və konkret olaraq müasir fəlsəfədə yeni istiqamətdir. Tarixən mövcudluğu gerçəklikdir və bu prinsipdən şəxələnen baxışlardan ibarətdir. Tədqiqatçıların gender həqiqətlərini tanımaq, onlara münasibət məsələsində yanaşmaları eyni deyil, müxtəlif rəy və düşüncələrə malikdirlər. Bunlar da öz növbəsində onların gender anlayışına verdikləri tərifin çoxçəşidli variantlarına gətirib çıxarmışdır.

2. Başqa bir tərəfdən, gender həqiqətlərini tanıma tədqiqi metod və üsulları eyni deyildir. Çünki bir sıra tədqiqatçılar gender dünyagörüşünün yeni elmi istiqamətini sırf dəlil və sübut əsasında, məntiqi arqumentlər, faktlar əsasında qururlar. Digər bir sıra araşdırıcılar isə mifoloji və dini anlamdan yaranan təsəvvürlərə istinad edib, gerçəklikdə olan həqiqətlərin tərifinə yol verirlər. Onların başqa bir qrupu isə tarixi arqumentləri mifik və ilahi təsəvvürlərlə uyğunlaşdıraraq, gerçəkliyi bu kimi fikirlər arasında ortaqlıq bir yol seçərək tanımağı göstərirlər. Bu deyilənlərə görə hər qrupdan olan tədqiqatçılar da ümumi mənada artıq elmdə yeni dünyagörüşü sistemi kimi tanınan gender haqqında özünəməxsus tərif vermişlər.

3. Gender elmini öyrənmə prinsipi də iki yerə bölünür: nəzəri və praktiki. Bu bölmənin hər birinin öz hissə və tərəfləri vardır. Deməli, bunlardan hər biri də özünə uyğun gender elminə yanaşma tərzini müəyyənləşdirir. Bu mənada nəzəriyyədə «gender» tələffüzündən başlayaraq, onun çoxvariantlı istiqamətlərində «sosial cins» anlamı olması və s. cəhəti qeyd etmək olar. Praktikada isə daha çox gender adı ilə gender problemlərindən deyil, yalnız «qadın məsələsinə» yönələn işləri göstərə bilərik. Məhz buna görə də bəzən gender nəzəriyyəsinin tələblərindən çıxış edilərək ona uyğun tərif verilir, bəzən də nəzəri və praktiki gender elminin ümumi müddəalarını əks etdirən çoxtərəfli bir tərif meydana çıxır və nəticə etibarilə biz yenə də genderin müxtəlif tərifləri ilə üzləşməli oluruq.

4. Hər bir elmin tərfi elə əhatəli olmalıdır ki, həmin elmin bütün problemlərini əks etdirməsin və heç bir məsələ nəzərdən qaçmasın. Bu baxımdan elmi tərif öz yığcamlığı və konkretliyi ilə kənar mövzulara

mübahisə yeri qoymamalıdır. Belə olan surətdə genderin tərifində bir sıra məsələlərin gender elminə aid olub-olmamasını müəyyənləşdirməkdə, bəzən hətta mübahisələrə belə yol açılır. Məsələn, antropologiya, fenomenologiya, tibbin bəzi sahələrində olan məsələlərdə belə hallara rast gələ bilərik.

5. Gender elmi tarix, siyasət, sosial fəlsəfə, sosiologiya, hüquq və s. ictimai elmlərin fəlsəfi dəlilləri, argumentləri üzərində qurulan elmi dünyagörüşü sistemindən ibarətdir. Ona görə də gender elminin mövzusu xüsusi olaraq seçilməli, istiqaməti aydın olmalıdır.

6. Gender elminin mahiyyətində «növ» (insan) və «bölmə» (kişi və qadın) var. Ona görə də genderin tərifində «növ»ə deyil, «bölmə»yə, ayrı-ayrı məfhumlara əsaslanmaq gərəkdir. Gender elminin ən mühüm tədqiqat istiqaməti onun bölmələri (kişi və qadın) əsasında hərtərəfli təhlilindən ibarətdir.

Ədəbiyyat-References:

1. Materialı Pervoy Rossiyskoy letney şkolı po jenskim i qendernım issledovaniəm «Valday-96». M., 1997.
2. Nairə Tovhidi «Qender Postovet Azərbaycanında», Bax: Qenderşünaslıq jurnalı №2, B., 2000.
3. Sovremenniy filosofskiy slovarğ «Panprint», 1998.
4. Y.Hirdman 1991, The Gender Sistem. In. T. Andreasen. Et d. (Eds) Moving. On. New Perspective on the Womens Move ment. Aarhus Univ. Press.
5. C.Renzetti; D.Curran 1992. Womem, Men and Society. Boston; Allyn Bacon.
6. Rəna Mirzəzadə, Gender, Cəmiyyət, İnsan Hüququ, Siyasət; Bakı, 2003, s.52
7. D.Lorber. Pol kak soüialğnaə kateqoriə. Jenhina, mujçina, semğə. Alğmanax TNESIS –Fond Evraziə, M. 1994. Vıpusk 6

Rauf Tofiq oğlu Məmmədov
fəlsəfə üzrə fəlsəfə doktoru, dosent
Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası
Fəlsəfə İnstitutunun aparıcı elmi işçisi,
Ünvan: AZ1001, Azərbaycan Respublikası,
Bakı ş., İstiqlaliyyət küç., 30
E-mail: raufsalam1@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5136-677X>
Tel.: +994702502784

XIX-XX ƏSRLƏRDƏ AZƏRBAYCANDA AİLƏ İNSTITUTUNUN TRANSFORMASIYA MƏRHƏLƏLƏRİ

Xülasə

Tədqiqatın məqsədi: Bu tədqiqat XIX-XX əsrlərdə Azərbaycanda ailə institutunun transformasiya proseslərini araşdırmaq, onun sosial, hüquqi və mədəni çərçivədə keçirdiyi əsas dəyişiklikləri müəyyənləşdirmək məqsədini daşıyır. Əsas diqqət patriarxal ailə modelindən müasir ailə sisteminə keçid, Sovet dövründə ailə qanunvericiliyində aparılan islahatlar və müstəqillik dövründə ailə institutunun yeni çağırışlara uyğunlaşması məsələlərinə yönəldilmişdir.

Problemin araşdırılma dərəcəsi: Azərbaycanda ailə institutunun tarixi inkişafı müxtəlif tədqiqatlarda qismən araşdırılmışdır. Lakin XIX-XX əsrlərdə baş verən sosial-iqtisadi və hüquqi dəyişikliklərin ailə münasibətlərinə təsiri kompleks şəkildə tədqiq olunmamışdır. Bu tədqiqat həmin boşluğu doldurmağa yönəlmişdir.

Tədqiqatın metodları və metodologiyası: Tədqiqatda tarixi-komparativ, sosioloji təhlil, struktur-funksional yanaşma və hüquqi-normativ metodlardan istifadə edilmişdir.

Elmi yenilik: Tədqiqat XIX-XX əsrlərdə ailə institutunun transformasiyasını mərhələli şəkildə təhlil edərək, onun inkişaf dinamikasını müəyyənləşdirir. Burada ilk dəfə olaraq, ənənəvi ailə modelindən modern ailə sisteminə keçidin əsas faktorları sistemli şəkildə izah edilir.

Qısa nəticə: Tədqiqat göstərir ki, XIX əsrdə ailə institutu patriarxal əsaslara söykənsə də, XX əsrdə baş verən sosial, iqtisadi və hüquqi dəyişikliklər ailə quruluşunu əhəmiyyətli dərəcədə yeniləmişdir. Sovet

dövründə tətbiq olunan islahatlar, xüsusilə qadınların hüquqi statusunun genişləndirilməsi və ailə qanunvericiliyinin yenidən formalaşdırılması, ailə institutunun yeni mərhələyə keçməsinə səbəb olmuşdur. Azərbaycanın müstəqillik dövründə isə, sosial-iqtisadi çağırışlar ailə modelində hibrid yanaşmaların formalaşmasına gətirib çıxarmışdır. Müasir dövrdə ailə institutunun transformasiyası qlobal və yerli sosial tendensiyalarla sıx bağlıdır.

Açar sözlər: ailə institutu, patriarxal ailə, ailə qanunvericiliyi, müasir ailə modelləri, sosial transformasiya.

УДК – 291.14 (075.8)

Рауф Тофик оглы Мамедов

кандидат философских наук, доцент,
ведущий научный сотрудник,

Институт Философии НАНА,
AZ1001, Азербайджанская Республика,
Баку, ул. Истиглалят, 30

Тел.: +994702502784

E-mail: raufsalam1@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5136-677X>

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ЭТАПЫ ИНСТИТУТА СЕМЬИ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ В XIX-XX ВЕКАХ

Резюме

Цель исследования: Данное исследование направлено на изучение процессов трансформации института семьи в Азербайджане в XIX-XX веках, выявление ключевых изменений в социальном, правовом и культурном контексте. Основное внимание уделяется переходу от патриархальной семейной модели к современной системе семьи, реформам семейного законодательства в советский период и адаптации института семьи к новым вызовам в постсоветскую эпоху.

Степень изученности проблемы: Историческое развитие института семьи в Азербайджане частично рассматривалось в различных исследованиях. Однако влияние социально-экономических и правовых изменений XIX-XX веков на семейные

отношения не подвергалось комплексному анализу. Настоящее исследование призвано восполнить данный пробел.

Методы и методология исследования: В исследовании применены историко-сравнительный анализ, социологический подход, структурно-функциональный метод и правовой анализ.

Научная новизна: Исследование системно анализирует этапы трансформации института семьи в XIX-XX веках, выявляя его динамику развития. Впервые подробно объясняются ключевые факторы перехода от традиционной семейной модели к современной системе семьи.

Краткие выводы: Исследование показывает, что, несмотря на преобладание патриархальной семейной модели в XIX веке, в XX веке значительные социальные, экономические и правовые изменения привели к серьезной модернизации семейных отношений. Реформы, проведенные в советский период, в частности расширение прав женщин и изменение семейного законодательства, способствовали формированию новых подходов к институту семьи. В период независимости Азербайджана социально-экономические вызовы привели к появлению гибридных моделей семьи. В современный период трансформация института семьи тесно связана с глобальными и локальными социальными тенденциями.

Ключевые слова: институт семьи, патриархальная семья, семейное законодательство, современные модели семьи, социальная трансформация.

UDC – 291.14 (075.8)

Rauf Tofik oglu Mamedov

PhD in Philosophy, Associate Professor,

Leading Researcher,

Institute of Philosophy of ANAS,

AZ1001, Azerbaijan Republic,

Baku, Istiglaliyat St. 30.

Tel.: +994702502784

E-mail: raufsalam1@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5136-677X>

TRANSFORMATION STAGES OF THE FAMILY INSTITUTION

IN AZERBAIJAN IN THE 19TH-20TH CENTURIES

Abstract

Research objective. This study aims to examine the transformation processes of the family institution in Azerbaijan during the 19th and 20th centuries, to identify key changes in social, legal, and cultural contexts. The focus is on the transition from the patriarchal family model to a modern family system, family law reforms during the Soviet period, and the adaptation of the family institution to new challenges in the post-Soviet era.

Degree of problem study. The historical development of the family institution in Azerbaijan has been partially studied in various research works. However, the impact of socio-economic and legal changes in the 19th and 20th centuries on family relations has not been comprehensively analyzed. This study aims to fill this gap.

Research methods and methodology: The study employs historical-comparative analysis, sociological approaches, structural-functional methods, and legal analysis.

Scientific novelty: The research systematically analyzes the transformation stages of the family institution in the 19th-20th centuries, reveals the dynamics of its development. It is the first to comprehensively explain the key factors in the transition from the traditional family model to the modern family system.

Brief conclusions. The study shows that while the patriarchal family model dominated in the 19th century, significant social, economic, and legal changes in the 20th century led to a profound modernization of family relations. The reforms introduced during the Soviet period, particularly the expansion of women's rights and changes in family legislation, contributed to the formation of new approaches to the family institution. In the period of Azerbaijan's independence, socio-economic challenges have led to the emergence of hybrid family models. In the modern era, the transformation of the family institution is closely linked to global and local social trends.

Keywords: family institution, patriarchal family, family law, modern family models, social transformation.

Giriş

Azərbaycan ailə modeli, tarixi inkişaf prosesi boyunca iqtisadi, mədəni və ideoloji baxımdan çoxfunksiyalı və kompleks bir institut kimi

formalaşmışdır. Ənənəvi ailə dəyərləri, kollektiv şüurun bir hissəsi olmaqla yanaşı, fərdi və ictimai davranışların formalaşmasında mühüm rol oynamışdır.

Azərbaycan milli ənənəsində atanın övlad qarşısındakı üç əsas borcu – təlim-tərbiyə vermək və evləndirmək – yalnız valideyn məsuliyyəti deyil, həm də ictimai-mədəni öhdəlik kimi dəyərləndirilmişdir. Bu çərçivədə funksionalist yanaşma (T. Parsons və B. Malinovski) ailənin nəsilartırma, sosial nəzarət və sosiallaşma funksiyalarını izah etməyə kömək edir. Bu borcların dastan və şifahi xalq ədəbiyyatında ilahi əmr kimi təqdim olunması, onların mədəni legitimliyini artırır və ailəni mənəvi-dini baxımdan "müqəddəsləşmiş" instituta çevirir.

Ailə institutu cəmiyyətin əsas sütunlarından biri kimi, onun sosial, mədəni və iqtisadi strukturunun formalaşmasında mühüm rol oynayır. XIX-XX əsrlərdə Azərbaycanda ailə modeli müxtəlif ictimai-siyasi və mədəni dəyişikliklər fonunda əhəmiyyətli transformasiyaya məruz qalmışdır. Bu dövrdə Rusiya İmperiyasının idarəçiliyi, Sovet hakimiyyəti və müstəqillik illərində baş verən dəyişikliklər ailənin strukturu, funksiyaları və dəyərləri üzərində dərin iz qoymuşdur.

Bu araşdırmanın məqsədi XIX-XX əsrlərdə Azərbaycanda ailə institutunun transformasiya mərhələlərini öyrənmək, bu dəyişikliklərin əsas səbəblərini və nəticələrini təhlil etməkdir. Əsas diqqət ailə dəyərlərində, gender rollarında və hüquqi çərçivədə baş verən sosial dəyişikliklərə yönəlir.

Ailə yalnız bioloji və emosional bağlılıq deyil, eyni zamanda cəmiyyətin sosial və iqtisadi təməlidir. Ənənəvi ailə modeli sosial nizamın və dəyərlərin qorunmasında mühüm rol oynayır. Lakin, ictimai-siyasi proseslər, şəhərləşmə, maarifçilik hərəkatı və qloballaşma nəticəsində ailə institutunun funksiyaları dəyişmişdir.

XIX-XX əsrlərdə Azərbaycanda bir neçə mühüm tarixi mərhələ ailə institutuna birbaşa təsir göstərmişdir:

1. XIX əsrdə Rusiya İmperiyasının tərkibinə daxil olmaqla şəriət qanunları ilə idarə olunan ənənəvi patriarxal ailə modeli tədricən müəyyən inzibati-hüquqi dəyişikliklərə məruz qalmışdır.

2. XX əsrin əvvəllərində milli maarifçilik hərəkatı nəticəsində qadınların təhsilə cəlb olunması və hüquqlarının genişləndirilməsi istiqamətində ilk təşəbbüslər yaranmışdır.

3. Sovet hakimiyyətinin qurulması (1920-ci il) ilə yeni ailə qanunları qəbul edildi, patriarxal münasibətlər ləğv olundu, qadınların

kişilərlə hüquq və vəzifələri bərabərləşdirildi. Sovet dövründə şəhərləşmə və modernləşmə prosesləri ilə ənənəvi böyük ailə modeli tədricən nüvə ailə modeli ilə əvəz olundu.

4. İ. Stalinin hakimiyyəti dövründə vahid dövlət ideologiyası müstəvisində vahid “sovet ailəsi” modeli meydana çıxdı və “azərbaycan ailəsi” anlayışı da onun bir təzahür şəkli idi.

5. İ. Stalinin vəfatından sonra 50-60-cı illərdə sovet dövlətində liberallaşma siyasəti həyata keçirildi. Bunun nəticəsi olaraq Azərbaycanda milliləşmə prosesləri başladı və bu proseslər “azərbaycan ailəsi” anlayışının da “sovet şinelindən” çıxıb milli çarələrə bürünməsinə səbəb oldu.

6. XX əsrin sonlarında Azərbaycanın müstəqilliyi ilə əlaqədar olaraq ənənəvi dəyərlərin bərpası və ailə institutunun yeni sosial-iqtisadi çağırışlara uyğunlaşması prosesi başladı. Yeni kapitalist xüsusi mülkiyyət münasibətləri sosial təbəqələşməni dərinləşdirdi və bunun nəticəsi olaraq vahid “azərbaycan ailəsi” anlayışı da böhran durumuna düşdü.

1. XIX əsrin ortalarından XX əsrin əvvəllərinə kimi

• Patriarxal ailə

XIX əsrdə Azərbaycanda ailə institutu ənənəvi patriarxal sistemə əsaslanırdı. Bu sistemdə ailənin başçısı – ata və ya baba – nəslin və ev təsərrüfatının idarəedicisi kimi dominant rol oynayır. Patriarxal ailə modeli sosial, iqtisadi və hüquqi münasibətlər çərçivəsində formalaşaraq cəmiyyətin mədəni dəyərləri və dini inanc sistemi ilə sıx bağlı idi. Modelin əsas prinsipləri böyükəlin avtoriteti, nəsil davamlılığı, ailədaxili əmək bölgüsü və sosial nəzarət idi.

Tarix boyu patriarxal strukturlar yalnız sosial münasibətləri deyil, həm də ideoloji və mədəni arxetipləri təmsil etmişdir. Bu strukturlarda qadın və kişi rolları əvvəlcədən müəyyən olunmuş və iyerarxik əsasda qurulmuşdur. Xüsusilə dini və siyasi elitələr tərəfindən qorunan bu model, sosial nizam və hakimiyyətin davamlılığını təmin edən mexanizm kimi fəaliyyət göstərmişdir. Qadınların sosial və bioloji funksiyaları isə bu güc strukturlarının maraqları çərçivəsində sərt şəkildə tənzimlənmişdir.

Patriarxal sistemin əsas dayaqlarından biri qadının təkrar istehsal prosesindəki roludur. Qadınlar erkən yaşlardan etibarən reproduktiv funksiyaya cəlb olunaraq, xüsusilə hərbi və iqtisadi baxımdan istismar edilən kişi əhalinin yetişdirilməsində mərkəzi yer tutmuşlar. Bu, qadının təhsildən və fərdi inkişafdan uzaq saxlanılmasına, nəticədə isə, onun sosial sistemə təbə mövqeyə uyğunlaşdırılmasına gətirib çıxarmışdır. Bu

məhdudlaşdırma qadının həm bədəninə, həm də şəxsiyyətinə nəzarət imkanlarını azaldırdı.

Ənənəvi cəmiyyətlərdə yaşlı nəsil müdriklik və təcrübə ilə, qadınlar və gənclər isə itaətkarlıq və passivliklə əlaqələndirilmişdir. Belə iyerarxik sosial strukturlar, xüsusilə feodal və quldarlıq formasiyalarında uzunmüddətli sabitlik əldə etsə də, modernləşmə prosesinin ləngiməsinə səbəb olmuşdur. Bu gün də bəzi Şərq cəmiyyətlərində analoji sosial-mədəni durğunluq müşahidə olunmaqdadır.

Azərbaycan ailə modeli – istər böyük, istərsə də kiçik forma şəklində – ontoloji olaraq kollektiv varlıq düşüncəsinə əsaslanır. Kiçik ailə formalarının meydana çıxması belə, fərdiləşmənin radikal bir fərqli kimlik yaratmadığını, əksinə kollektiv yaddaşın və ənənənin içindən inkişaf etdiyini göstərir. Kiçik ailənin “sadə” və “mürəkkəb” formaları ailə daxilində qohumluq və nəsil ardıcılığını qorumağa yönəlmişdir.

Əmlak bölgüsü mexanizmi də Azərbaycan ailəsinin yalnız hüquqi və iqtisadi deyil, həm də dəyər yönümlü sistem üzərində qurulduğunu göstərir. “Cəhiz”, “mehr”, “dizdayağı” kimi kateqoriyalar qadının ailə daxilində hüquqi subyektliliyini və fərdi statusunu tanıyan elementlərdir. Bu nümunələr patriarxal struktur daxilində belə müəyyən sosial balansın mümkünliyünü göstərir. “Xeyratlıq”, “subaylıq”, “cehizlik” kimi anlayışlar isə, ailənin gələcək mənəvi və etik davamlılığı üçün “etik-investisiya” formaları kimi çıxış edir.

▪ **Böyük ailə**

XIX əsrdə Azərbaycanda ailə quruluşu əsasən patriarxal geniş ailə modelinə – böyük ailə icmasına əsaslanırdı. Bu tip ailələr bir neçə – bəzən üç-beş nəslin nümayəndələrini, təxminən 20-40 nəfəri bir araya gətirən sosial-iqtisadi birliklər idi. Azərbaycanın müxtəlif bölgələrində bu model “külfətli ailə”, “ağır külfət”, “bir çətin”, “güclü ailə”, “bərəkətli ailə” kimi terminlərlə ifadə olunurdu. Böyük ailə təkcə bioloji birlik deyil, həm də sosial institut kimi fəaliyyət göstərirdi. Nizami Gəncəvinin “Leyli və Məcnun” əsərindəki “bir ev külfətim var” ifadəsi bu anlayışın tarixiliyini təsdiqləyir [Məmmədov, 31-32].

Bu ailə modelləri əsasən kənd və ev təsərrüfatı kimi kollektiv əmək fəaliyyətləri üzərində qurulmuşdu. Ailə üzvləri torpaq becərmək, maldarlıq və sənətkarlıqla məşğul olur, yaşlı və zəif üzvlər isə gənc nəslin himayəsində olurdu. Valideynlər və ailə böyükləri – xüsusən ağsaqqallar – ailədaxili sosial nəzarətin əsas daşıyıcıları idi. Ailə başçısına müxtəlif titullarla müraciət edilirdi: “böyük lələ”, “qoca dədə”, “evin atası”,

“qağa”, “ağsaqqal” və s.

Ailədaxili münasibətlərdə tək-cə iqtisadi əməkdaşlıq deyil, həm də etik davranış normaları ciddi şəkildə qorunurdu. Əmək bölgüsü həm gender, həm də yaş əsaslı idi: kişilər əsasən çöl təsərrüfatı ilə, qadınlar isə ev təsərrüfatı ilə məşğul olurdu. Bu əmək bölgüsü, gənclərin yaşlılardan həm sosial, həm də peşəkar baxımdan öyrənməsini təmin edirdi.

Ağsaqqal ailənin təsərrüfat fəaliyyətinə rəhbərlik edir, vəzifə bölgüsünü müəyyənləşdirirdi. Lakin, bu hakimiyyət mütləq deyildi – ağsaqqal yaşlı qadınlarla, xüsusən “ağbirçək” adlanan nüfuzlu qadınlarla məsləhətləşirdi. Ağbirçəyin ailədaxili təsiri, qadınların yalnız məişət sahəsində deyil, həm də sosial idarəetmədə mühüm rol oynadığını göstərir. Ağsaqqalın vəfatından sonra ailənin qadın tərəfindən idarə olunması halları, Azərbaycan ailə modelində matrifokal elementlərin izlərini ortaya qoyur.

Böyük ailənin fiziki məkanı da onun sosial strukturu ilə uzlaşırdı. “Qaradam” tipli evlərdə və “T” formasında tikililərdə bir neçə ailə birlikdə yaşayırdı. Bu məkan quruluşu ailə kollektivliyini və sosial nəzarəti gücləndirirdi. Quba, Şəki, Qarabağ kimi bölgələrdə bu modelin XX əsrin əvvəllərinə qədər davam etməsi onun dirənişini göstərir [AE, 350-351].

Etnoqrafik tədqiqatlarda bu ailə modeli “ailə icması” kimi xarakterizə olunur ki, bu da onun tək-cə ailə deyil, eyni zamanda sosial institut statusuna malik olduğunu göstərir. Çar Rusiyası dövründə vergi sisteminin “tüstübaşına” – yəni həyatbaşına əsasən müəyyən olunması da bu ailələrin iqtisadi vahid kimi tanındığını göstərir. Belə ailələr dövlət qarşısında vergi öhdəliklərini yerinə yetirə bilmək üçün kollektiv əmək və mülkiyyət forması saxlamalı idilər [AE, 353-354].

Kollektiv mülkiyyətin bölüşdürülməsi isə, ailədaxili münasibətlərdə ziddiyyətlər yaradırdı. Ağsaqqalın vəfatından sonra kollektiv mülkiyyətin bölünməsi, bəzən övladlar arasında qarşıdurmaya səbəb olurdu. Mülkiyyətin bölüşdürülməsi adətən şəriət qanunlarına və ya adət-ənənələrə əsaslanırdı. Ənənəyə görə, ata ocağında qalan oğul daha çox pay alır, bu pay simvolik olaraq ailə birliyinin davamı kimi qiymətləndirilirdi.

Böyük ailələrin başçıları – ağsaqqallar – yalnız iqtisadi deyil, həm də ideoloji funksiyalar daşıyırdı. Onların rolunu bu gün də bəzi hallarda ailə başçıları qismən davam etdirir. Bu status, əksər hallarda, mülkiyyət üzərində nəzarət və patriarxal münasibətlər sistemindən qaynaqlanır.

Əhalinin (xüsusilə kişilərin) orta ömür müddətinin 40-45 il

olması, qadınların da erkən yaşda vəfat etməsi sosial-iqtisadi şəraitin çətinliyini göstərir. Tibbi xidmətin olmaması, müharibələr, qida çatışmazlığı bu vəziyyəti daha da ağırlaşdırırdı. Kişilər əsasən hərbi və müdafiə funksiyalarını yerinə yetirirdilər, bu səbəbdən kişi əhalisinin artırılması cəmiyyətin əsas hədəflərindən biri idi. Qadınların işə, əsas funksiyası fiziki cəhətdən sağlam oğlan övladları dünyaya gətirmək və böyütmək idi. Bu gender rolları yerinə yetirə bilməyən qadınlar və kişilər sosial diskriminasiyaya məruz qalırdılar [AE, 355].

Boşanmalar nadir hallarda baş verir və ailə və ya qəbilə içi münəqişələrə səbəb olurdu. Qəbilə başçıları belə halların qarşısını almaq üçün ciddi nəzarət həyata keçirirdilər. Bəzi hallarda qadınların öldürülməsi və ya qul kimi satılması halları qeydə alınmışdır. “Ər evi, gor evi” kimi stereotiplər qadının ər evindən ayrılmasını qadağan edirdi.

Ağsaqqallıq institutunun ilahiləşdirilməsi və əcdadlar kultunun mövcudluğu böyük ailə modelinin ideoloji davamlılığını təmin edirdi. Azərbaycanın müxtəlif bölgələrindəki pirlər və qəbiristanlıqlar da məhz bu patronimiyaların başçıları ilə əlaqələndirilir. Bu ailə quruluşu zamanla zəifləsə də, ona bağlı olan ənənələr bu gün də müəyyən formalarda yaşamaqdadır.

Böyük ailələrdə böyüyən uşaqlar ailədaxili sistemdə sosiallaşırdılar. Oğlan uşaqları atalarının, qızlar isə, analarının ənənəvi sosial-iqtisadi həyat tərzinin davamçısına çevrilirdilər. Buna görə də, təhsil almaq və savadlanmaq aktual deyildir. Əsas məqsəd, böyük ailənin, yəni nəslin varlığını qorumaq və davam etdirmək idi. Bunun üçün, oğlanlar atalarının sənətini dərinədən öyrənərək ailənin iqtisadi durumunu təmin etmək, qızlar isə, ev təsərrüfatını, analığı öyrənməklə nəslin artımını təmin etməli idilər. Dövlətin əhalidən istədiyi əsas şeylər, vergilərin vaxtında verilməsi və kişi əhalinin döyüşlərdə iştirak etməsi idi. Buna görə də, ailədə oğlan uşaqlarının çox olması zərurətdən irəli gəlirdi [AE, 358].

▪ **Kiçik ailə**

Azərbaycan kənd cəmiyyətlərində kiçik ailə adətən ata, ana və uşaqlardan ibarət olur. Bəzi hallarda nənə və babanın da ailə ilə birlikdə yaşaması müşahidə olunur. Bu struktur yalnız bioloji birlik kimi deyil, mədəni biliklərin və kollektiv yaddaşın nəsilən-nəslə ötürülməsi baxımından da əhəmiyyətlidir. Məsələn, nənənin nəvəyə nağıl danışması, babanın dini və ya tarixi hekayələr söyləməsi ailədaxili mədəni tərbiyənin əsas formalarından biridir. Bu yolla uşaqlar öz kimliklərini yalnız şəxsi

təcrübə ilə deyil, ailə və icmanın kollektivi içində formalaşdırırlar.

Kəndlərdə “ata ocağı” anlayışı təkcə fiziki bir ev anlamında deyil, ailənin mərkəzləşdirilmiş mənəvi və simvolik məkanı kimi qiymətləndirilir. Ailədə adətən qardaşlardan biri – çox zaman ən kiçik oğul – ata evində qalır və ailənin davamını təmin edir. Bu, onu həm maddi mülkiyyətin, həm də mədəni və simvolik mirasın varisinə çevirir. Ata ocağında qorunan bəzi əşyalar – məsələn, meyvə ağacları, köhnə mebel, ağsaqqalın əli dəymiş əşyalar – ailə üçün sadəcə istifadə obyektləri deyil, keçmiş nəsillərlə əlaqəni yaşadan simvollarıdır.

Azərbaycan kəndlərində torpaq və mülkiyyət bölgüsü çox zaman şəriət qaydaları ilə aparılmışdır. Bu sistemdə kişilər bərabər pay alır, qadın isə, yarı payla kifayətlənir. Baxmayaraq ki, bu, zahirən patriarxal sistemə uyğun görünür, əslində kənd icmalarında qadına əvvəldən cəhizlə və ya evlənmə zamanı ayrılmış mülkiyyətlə bir növ balanslaşdırma təmin olunurdu. Burada əsas məsələ hüquqi bərabərlikdən çox, sosial tarazlığın qorunması idi. Pay bölgüsündə həm şəri qanun, həm də ağsaqqalın hökmü əsas götürülür, qərarlar ailə daxilində “kim daha çox ehtiyacdır?” və ya “kim ata ocağını saxlayacaq?” kimi suallarla müəyyən edilirdi.

Kiçik ailənin torpaqla münasibəti də sırf iqtisadi maraqlarla izah edilə bilməz. Torpaq, kənd ailələri üçün mənəvi bağlılıq, aidiyyət hissi və sosial mövcudluğun təsdiqi deməkdir. Kəndlərdə həyatıyanı sahə əldə edən gənc ailə artıq cəmiyyətin tamhüquqlu üzvü sayılır. Bu torpaqda ağac əkmək, bostan salmaq yalnız maddi deyil, mənəvi kök atmaq anlamı daşıyır. Həmçinin kollektiv torpaq bölgüsü – məsələn, kənd icmasının mal-qarası üçün otlaq sahələrinin birgə istifadəsi – hələ də bəzi bölgələrdə qorunub saxlanılır.

Kənd ailələrində bəzi əşyalar var ki, onlar heç zaman qardaşlar arasında bölünmür. Samovar, meyvətərazi, məclis qazanı, nehrə, kərpic soba və ya köhnə xalça kimi əşyalar maddi baxımdan çox da qiymətli olmasa da, ailənin tarixi və yaddaşı ilə bağlı simvollar sayılır. Bu əşyalar bir evdə qalır və ümumi istifadəyə açıq olur. Məsələn, qardaşlar bayramlarda və mərasimlərdə həmin əşyalardan istifadə edə bilər, amma onu öz evinə aparmaq və sahiblik iddia etmək adətə uyğun sayılmır. Bu, simvolik varislik və ortaqlıq mədəni irs ideyasının canlı nümunəsidir [AE 357].

▪ Patronimiya

Azərbaycanın ənənəvi ailə modelində patronimiya yalnız soyad və ya nəsil mənsubiyyəti məsələsi deyil, həm də sosial münasibətləri, davranış qaydalarını və ailədaxili mövqeləri müəyyən edən mühüm bir institutdur. Bu modeldə fərd özünü tək bir insan kimi deyil, müəyyən bir nəslin, qohumluq dairəsinin və ailə şəcərəsinin davamçısı kimi qəbul edir. Bu səbəbdən, "kimin nəvəsisən?", "hansı tayfadansan?" kimi suallar hələ də bir çox kənd və bölgələrdə fərdin kimliyini müəyyən etmək üçün əsas kriteriyadır.

Patronimik quruluşda ailə üzvləri arasında müəyyən məsuliyyət bölgüsü, hörmət qaydaları və təbəçilik münasibətləri mövcuddur. Ailənin böyüyü – adətən ata və ya babadır – evin qərarverici şəxsidir. Onun sözü ailədə qanun kimi qəbul olunur. Bu strukturda ağsaqqal məsləhəti vacib sayılır və ailə üzvləri onunla razılaşmadan mühüm qərarlar verməzlər. Qohumluq əlaqələri yalnız qan bağı ilə məhdudlaşmır; iqtisadi əməkdaşlıq – məsələn, birgə əkin-biçin, toy və yas mərasimlərində qarşılıqlı yardım, qonaqpərvərlik və bir-birinə dəstək – bu münasibətləri daha da möhkəmləndirir.

Azərbaycan ailələrində uşaqlara kiçik yaşlarından ağsaqqala hörmət, böyüyə təbə olmaq, valideyn sözünü yerə salmamaq, əcdadın adını uca tutmaq kimi davranış normaları aşılır. Bu qaydalar sadəcə tərbiyə elementi deyil, həm də ailədaxili və ailələrarası münasibətləri tənzimləyən əsas prinsiplərdir. Məsələn, kəndlərdə bu gün də rast gəlinir ki, bir ailənin övladı nəinki valideynə, hətta nənə-babasına qarşı belə xüsusi ehtiramla davranır. Bu münasibətlərdə xəcalət duyğusu, borc hissi və ailə adına xələl gətirməmək kimi anlayışlar önəmlidir.

Azərbaycanın bir çox bölgəsində patronimik birliyin qorunmasında sakral məkanların rolu böyükdür. Xüsusilə qəbiristanlıqlar, pirlər, məscidlər ailə və nəsil birliyinin simvolik mərkəzlərinə çevrilmişdir. Qohumların eyni qəbiristanlıqda dəfn olunması, bayramlarda birlikdə ziyarətə getmək, dua etmək və əcdadların ruhuna ehsan vermək ənənəsi bu bağlılığı daha da gücləndirir. Bu məkanlar həm də ailə üzvlərinin keçmişlə bağını qorumaq və gələcək nəsillərə ötürmək baxımından mühüm mədəni funksiyaya malikdir.

Sosial dəyişikliklər, urbanizasiya və müasir həyat tərzinin yayılması ilə patronimik strukturlar əvvəlki qapalılığını itirməkdədir. Xüsusilə şəhərlərdə böyüyən nəsillər üçün nəsil əlaqələri daha zəif hiss olunur. Artıq ailə daxilində mərkəzləşdirilmiş qərarverici modellər zəifləyir, şəxsi seçimlər və fərdi həyat təzi önə çıxır. Lakin buna baxmayaraq, toy, yas, ad günü, əcdad ziyarətləri kimi mərasimlərdə

patronimik birliyə yönəlik davranışlar hələ də müşahidə olunur. Bu da göstərir ki, patronimiya tamamilə yox olmayıb, sadəcə olaraq funksiyası və forması dəyişməkdədir.

▪ **Xan və bəy ailələri**

XIX əsrdə Azərbaycanda ailə institutu sosial təbəqələşmənin, iqtisadi fəaliyyətin və yaşam tərzinin müxtəlifliyi ilə səciyyələnirdi. Feodal sistemin təsiri altında formalaşan xan və bəy ailələri, şəhərlərdə yaşayan tacir və sənətkar ailələri, kəndlərdəki oturaq kəndli ailələri, eləcə də yarımköçəri və köçəri tayfa ailələri müxtəlif struktura və həyat modelinə malik olsalar da, ortaq ənənəvi və dini dəyərlər bu fərqlilikləri bir cəhət altında birləşdirirdi.

XIX əsrdə Azərbaycanda mövcud olan sosial strukturun əsas sütunlarından biri feodal mülkiyyətə əsaslanan xan və bəy ailələri idi. Bu ailələr təkcə iqtisadi gücə malik deyildilər, eyni zamanda mədəni, siyasi və hüquqi nüfuz da daşıyırdılar. Onların ailə modeli, quruluşu, miras sistemi və ailədaxili münasibətləri Azərbaycan cəmiyyətinin təbəqələşməsində və sosial strukturunun formalaşmasında mühüm rol oynayırdı.

Xan və bəy ailələri klassik mənada patriarxal ailə modeli əsasında təşkil olunmuşdu. Ailənin rəhbəri olan kişi – çox vaxt ata, bəy, xan və ya mülkədar – ailənin həm iqtisadi, həm hüquqi, həm də mənəvi lideri sayılırdı. Onun sözü son hökm hesab edilirdi. Ailə strukturu çox vaxt geniş idi və bir neçə nəslin (ata, oğul, nəvə) bir evdə və ya bir mülk sahəsində birgə yaşaması ilə xarakterizə olunurdu.

Bu modeldə bəy ailəsi öz təsərrüfatını idarə edən sosial-iqtisadi vahid kimi çıxış edirdi. Ailə başçısı yalnız ailə daxilində deyil, kənd və ya mahal səviyyəsində də söz sahibi idi, icma məsələlərində hökm verən, vergiləri toplayan, eyni zamanda mübahisələri həll edən şəxs olurdu.

Xan və bəy ailələrində miras hüququ şəriət və yerli adət-ənənələr əsasında tənzimlənirdi. İslam hüququna əsasən oğlan uşaqları bərabər pay alırdılar, qızlara isə, oğlanların yarısı qədər pay düşürdü. Lakin praktiki baxımdan, ailənin əsas mülkiyyətini və rəhbərliyini böyük oğul və ya ən layiqli hesab edilən oğul alırdı. Bu hal, nəsil başçısının seçilməsi prinsipinə uyğun idi və onun həm maddi, həm də mədəni varisliklə bağlı məsuliyyətlərini əhatə edirdi.

Əksər hallarda qızlara cehiz (ev əşyaları, zinət, bəzən də torpaq və ya pul) verilir və bu, onların mirasdan faktiki çıxarılması formasında həyata keçirilirdi. Beləliklə, mülkiyyət bəy nəslində saxlanılır, ailənin

sosial və iqtisadi statusu qorunurdu.

Xan və bəy ailələrində qadınların mövqeyi digər sosial təbəqələrlə müqayisədə nisbətən daha güclü olsa da, yenə də ictimai məhdudiyyətlər daxilində idi. Bəzi xan və bəy ailələrində qızların məhəllə məktəblərində və mollaxanalarda Qurani-Kərim, ərəb dili, ədəbiyyat və əxlaq dərsləri ilə tanış olmalarına imkan verilirdi. Məsələn, Şuşada və Gəncədə bəzi bəy ailələri qızlarının savadlanmasına şərait yaradırdı. Lakin bu, əsasən ev daxilində və ya məhdud dini biliklərlə məhdudlaşır.

Qadınların ictimai fəaliyyətləri və hüquqi təmsilçiliyi olduqca məhdud idi. Onlar əsasən ailədaxili işlərə, uşaqların tərbiyəsinə və qonaq qəbuluna məsul idilər. Qadının ailə və toplum içində mövqeyi isə çox vaxt əri və ya oğlunun statusu ilə müəyyən edilirdi [*Azərbaycan tarixi*, c.4, s. 122-124].

Xan və bəy ailələrinin əsas sərvəti torpaq mülkiyyəti və kəndli əmək qüvvəsi idi. Onlara məxsus torpaqlarda işləyən kəndlilər təhkimli və ya icarədar (muqəllid) olurdu. Bu ailələrin təsərrüfatı çox zaman böyük torpaq sahələrində kənd təsərrüfatı və heyvandarlıqla məşğul olurdu. İqtisadi güc onların siyasi təsir imkanlarını da artırır.

Xan və bəy ailələrində mədəniyyət və ailə simvolikası böyük əhəmiyyət daşıyırdı. Nəsil şəcərələri saxlanılır, ata-baba ocağı, əcdad məzarları, soy kitabları kimi mədəni obyektlər ailənin tarixi varlığının ifadəsi sayılırdı. Bu ailələrin yaşadığı evlər çox zaman iri həyətəyanı sahələrə, sərdabəyə, qonaq otaqlarına, karvansaray tipli tikililərə malik olurdu. Bu da ailənin ictimai nüfuzunu artıran amil idi.

Ailə içində bayramlar, nişan və toy mərasimləri, yas və xatirə günləri xüsusi rituallarla keçirilir, bu mərasimlər ailə birliyini gücləndirən kollektiv yaddaş institutu funksiyasını daşıyırdı.

▪ Tacir və sənətkar ailələri

XIX əsrdə Azərbaycanın şəhər mədəniyyətinin əsas dayaqlarından biri tacir və sənətkar ailələri idi. Bu ailələr, iqtisadi fəallığa və əmək bölgüsünə əsaslanan orta təbəqə modelini təmsil edirdi. Onların həyat tərzi, ailə strukturunun təşkili, təhsilə münasibəti və sosial dəyərləri həm fərqli, həm də dövrün modernləşmə meyilləri ilə uyğunlaşan bir cizgi daşıyırdı.

Tacir ailələri əsasən şəhər bazarlarında ticarətlə məşğul olan, regional və bəzən beynəlxalq alver şəbəkələrinə daxil olan ailələr idi. Bu ailələrdə ata və oğullar karvansaraylarda, bazar dükanlarında və ya ticarət

evlərində birgə fəaliyyət göstərirdilər. Ticarət fəaliyyətinin uğurlu davamı üçün ailədaxili əməkdaşlıq, dürüstlük və etibar əsas dəyərlər sayılırdı.

Bu ailələr dini mühitlə sıx bağlı olur, övladlarının mollaxana və mədrəsələrdə təhsil almasına xüsusi diqqət yetirirdilər. Məsələn, Şamaxı, Gəncə, Şuşa və Bakı kimi şəhərlərdə tacir ailələrinin oğlanları ilə yanaşı, bəzi hallarda qızları da mədrəsəyə göndərilir, ərəb əlifbası, Qurani-Kərim, əxlaq və klassik ədəbiyyat üzrə ilkin savad əldə edirdilər. Bu, həmin ailələrin maarifçi meyllərə açıq olmasının göstəricisi idi.

Tacir ailələri, cəmiyyətin təhsil və islahat yönümlü təbəqəsini təşkil edərək, müəllim, molla, axund və ziyalı çevrəsi ilə yaxın münasibətdə olur, bir növ dini-mədəni elita ilə ortaqlıq platformada fəaliyyət göstərirdilər. Onların bir çoxu xeyriyyəçilik fəaliyyəti göstərərək məktəb, mədrəsə, kitabxana açılışlarına töhfə verirdi.

Sənətkar ailələri şəhərlərdə dülgərlik, misgərlik, dərzilik, dəmirçilik, çəkməçilik, qalayçılıq kimi peşələrlə məşğul olan ailələr idi. Bu ailələrdə əmək bölgüsü bir qədər fərqli idi. Oğlan uşaqları çox erkən yaşdan atasının sənətini öyrənməyə başlayır, ustad-şagird münasibətləri daxilində formalaşırdılar. Bu peşə ötürülməsi ailədaxili sənətkarlıq mirası formasında həyata keçirilirdi.

Bəzi sənətkar ailələrində emalatxana ilə yaşayış sahəsinin birgə yerləşməsi – eyni həyat daxilində və ya birinci mərtəbədə dükən, ikinci mərtəbədə ev – şəhər arxitekturasında geniş yayılmışdı. Məsələn, Şuşa və Ordubad kimi şəhərlərdə sənətkar evləri çox vaxt ikiqatlı evlər şəklində olurdu: alt mərtəbədə emalatxana, yuxarıda isə ailə yaşayırdı. Bu, həm ailənin peşəyə bağlılığını, həm də məkanın funksional istifadəsini əks etdirirdi.

Qadınlar da ailə iqtisadiyyatına dolayı yolla qatılır, toxuculuq, tikmə, yemək hazırlığı və bazarlıq işlərində iştirak edirdilər. Xüsusilə ev tikmələri və ailə simvolları (xalça, palaz, tirmə və s.) bu ailələrdə həm iqtisadi dəyər, həm də simvolik kapital hesab edilirdi.

Tacir və sənətkar ailələri çox vaxt nəslin şərəfi, dürüstlük, zəhmət və halal qazanc prinsipləri üzərində qurulmuşdu. Onlarda ailədaxili münasibətlərdə qarşılıqlı hörmət və əməkdaşlıq əsas götürülürdü. Tacir ailələrində iqtisadi risk və gəlir paylaşımı, sənətkar ailələrində isə, əmək bölgüsü və peşə etikasına sadiqlik ailə birliyini qoruyurdu.

Bu ailələr şəhər həyatına daha çevik adaptasiya olunmuşdu. Bazarlıq, ünsiyyət, dini mərasimlərdə iştirak və ictimai məkanlarla münasibət onların urban mədəniyyətinə inteqrasiya olunmuş şəkildə

inkışaf etməsinə səbəb olurdu.

▪ **Oturaq kəndli ailələri**

XIX əsrdə Azərbaycanın sosial strukturunda kəndli ailələri demoqrafik baxımdan əhalinin əksəriyyətini təşkil edirdi. Bu ailələr əsasən əkinçilik və heyvandarlıqla məşğul olan oturaq icmalar şəklində yaşayırdı. Onların ailə modeli və əmək bölgüsü cəmiyyətin iqtisadi əsaslarını formalaşdırmaqla yanaşı, ənənəvi dünya görüşünün və kollektiv həyat tərzinin daşıyıcısı kimi çıxış edirdi.

Oturaq kəndli ailələri çox zaman böyük ailə forması (ata, ana, evli oğullar, onların övladları, bəzən isə ata-babanın qardaşları) şəklində təşkil olunurdu. Bu tip ailə quruluşu patriarxal nizam əsasında idarə olunurdu – ailənin başçısı kişi olur, bütün iqtisadi və hüquqi məsələlər onun tərəfindən həll edilirdi. Ailə daxilində ağsaqqal və ağbirçək nüfuzu mühüm rol oynayırdı.

Ailənin bu tip təşkilatlanması kənd həyatının təbii tələblərinə cavab verirdi. Torpaq sahələrinin işlənməsi, heyvandarlıq və mövsümi işlər çox zaman əməkdaşlıq tələb etdiyindən, çoxnəfərli və əmək qabiliyyətli ailə strukturu həm sosial, həm də iqtisadi baxımdan daha dayanıqlı sayılırdı.

Əmək bölgüsü cins və yaş amilinə əsaslanırdı. Kişilər əsasən torpaq becərmə, maldarlıq və təsərrüfat quruculuğu ilə məşğul olurdu. Onlar həmçinin suvarma kanallarının çəkilməsi, qoşqu heyvanlarının saxlanması, alətlərin düzəldilməsi kimi ağır və fiziki əmək tələb edən sahələrdə fəaliyyət göstərirdi. Qadınlar isə ev təsərrüfatı, ərzaq tədarükü (un üyütmə, süd məhsulları hazırlama, toxuculuq) və uşaq tərbiyəsi ilə məşğul olurdu. Onların təsərrüfata verdiyi töhfə həm maddi, həm də mədəni xarakter daşıyırdı. Qadınlar toxuma, xalçaçılıq, paltar tikmə, çörək bişirmə, pendir və qatıq hazırlama kimi gündəlik işlərdə mühüm rol oynayırdı. Bu əmək bölgüsü ailənin özünütəchiz sistemində tamlıq yaradırdı.

Kəndli ailələrinin iqtisadiyyatı kollektiv əmək əsasında təşkil olunurdu. Yəni, bütün ailə üzvləri birgə işləyir, hasil olunan məhsul ailənin ümumi ehtiyaclarına yönəlirdi. Bu sistem həm ailədaxili həmrəylik, həm də kənd icması daxilində qarşılıqlı dəstək və əməkdaşlıq prinsiplərini gücləndirirdi.

Ənənəvi nikah formaları içərisində qohumlar arasında evliliklər, xüsusilə əmioğlu-əmiqızı evlilikləri geniş yayılmışdı. Bu, həm ailədaxili sərvət və torpağın parçalanmasının qarşısını almaq, həm də

nəslin daxilində möhkəm bağlar yaratmaq məqsədi daşıyırdı. Belə nikahlar sosial və iqtisadi sabitliyin qorunması üçün qeyri-rəsmi normativ dəyərlərə çevrilmişdi.

Evliliklər çox zaman böyüklərin razılığı və vasitəçiliyi ilə həyata keçirilirdi. Qızın ailədəki rolu və statusu onun iş bacarığı, tərbiyəsi və ailə içi harmoniyaya uyğunluğu ilə ölçülürdü. Gəlin ailəyə daxil olduqda çox zaman nənənin və ya qayınananın rəhbərliyi altında ailə həyatına adaptasiya olunurdu.

Kəndli ailələri xalq yaradıcılığı, xalq təbabəti, bayramlar və mərasimlər vasitəsilə kollektiv yaddaşı nəsilər arasında ötürürdü. Ailə həyatında toy mərasimləri, yas adətləri, Novruz bayramı və kənd bayramları ailə üzvlərini bir araya gətirən mədəni və emosional platforma rolunu oynayırdı.

Ev əşyaları və ailə simvolları – nehrə, dəzgah, samovar, palaz, toxunmuş çuval və s. – sadəcə istifadə obyektı deyil, həm də mədəni kimliyin daşıyıcısı sayılırdı. Onların ötürülməsi və qorunması ailədaxili mənəvi varislik prinsiplərinə əsaslanırdı.

▪ **Köçəri ailələr**

XIX əsr Azərbaycan cəmiyyətində köçəri və yarımköçəri həyat tərzini sürən tayfalar xüsusi yer tuturdu. Bu həyat tərzini əsasən yaylağa və qışlağa köç edən əhali qruplarına – elatlara, tayfa birliklərinə aid idi. Onların sosial və ailə strukturu daha çevik, mobil və adaptiv xüsusiyyətlərə malik idi. Bu ailə formaları oturaq kəndli və şəhər ailələrindən həm mədəni, həm də sosial-iqtisadi cəhətdən fərqlənirdi.

Köçəri ailələr mövsümi miqrasiyalara əsaslanan yaşayış modelinə malik idi. Yaz aylarında yaylağa, qış aylarında qışlağa köçmək bu ailələrin təbii ritmini təşkil edirdi. Belə şəraitdə ailə təkcə nüvə ailə deyil, geniş qohumluq şəbəkəsi ilə birlikdə hərəkət edən və qarşılıqlı yardım sisteminə əsaslanan qohum icması idi. Qohumlar arasında əməkdaşlıq, qarşılıqlı dəstək və resursların bölüşdürülməsi bu həyat tərzinin vacib komponentlərindən idi.

Oturaq ailə modelləri ilə müqayisədə, köçəri və yarımköçəri ailələrdə qadınların sosial statusu və rolu daha yüksək idi. Qadınlar təkcə ev təsərrüfatı və ailədaxili qayğı ilə deyil, həm də heyvandarlıq, süd məhsullarının hazırlanması, çadırların qurulması və sökülməsi, malların idarə olunması və ticarət proseslərində fəal iştirak edirdi. Onlar həm ictimai münasibətlərdə söz sahibi, həm də tayfa içində qərarların verilməsində təsirli ola bilirdilər.

Bu azadlıq, mobil həyat tərzı və əməkdaşlıq əsaslı sosial sistemlə sıx bağlı idi. Qadının bacarığı, təsərrüfatdakı rolu və ailəyə verdiyi töhfə onun nüfuzunu müəyyən edən əsas meyar sayılırdı. Çox zaman qadınlar çadır içinin idarəsi, ərzaq ehtiyatlarının bölüşdürülməsi və qonaq qarşılınması məsələlərində əsas qərar verən fiqur olurdu.

Köçəri və yarımköçəri ailələrin əsas iqtisadi fəaliyyət sahəsi heyvandarlıq – qoyunçuluq, keçicilik, atçılıq və maldarlıq idi. Bu təsərrüfat modeli ailə üzvlərinin əmək birliyi və qarşılıqlı məsuliyyəti əsasında qurulurdu. Kişilər əsasən yaylaq-qışlaq marşrutunun təşkili, otlaq və su ehtiyatlarının qorunması, qadınlar isə süd emalı (qatıq, pendir, ayran, yağ), yun qırımı və yun məmulatlarının hazırlınması ilə məşğul olurdu.

Heyvandarlığın ailə strukturuna təsiri onun özünütəchiz və müstəqil fəaliyyət forması olmasında idi. Ailə öz gündəlik ehtiyaclarını öz təsərrüfatı ilə təmin edir, artıq məhsulu bazarlarda və ya kəndlərdə satarıq pul və ya dəyiş-düyüş yolu ilə əlavə resurslar əldə edirdi.

Köçəri ailələr yalnız öz ailə üzvləri ilə məhdudlaşmır, əksinə tayfa və elat birliyində kollektiv həyatın bir hissəsi kimi mövcud olurdu. Qohumluq əlaqələri, birlikdə köç, qarşılıqlı yardım və təhlükəsizlik əsas sosial qaydalardan idi. Bu cür ailə quruluşu həm varlıq müstəqilliyini, həm də tayfa kollektivliyini özündə birləşdirirdi.

Ailə daxilində uşaqlar kiçik yaşlarından əmək fəaliyyətinə cəlb olunur, oğlanlar at sürmək, mal-qara güdmək, qızlar isə ev işləri və süd məhsullarının hazırlınması ilə məşğul olurdu. Bu, ənənəvi bilik və bacarıqların nəsillərarası ötürülməsi üçün əsas mexanizm idi.

Köçəri ailələrin mədəni mirası onların daşınan mədəniyyət elementlərində təcəssüm olunurdu – keçə, toxunmuş palaz, yəhər, duz çuvalı, süd qabları və s. Bu əşyalar təkə funksional deyil, həm də ailə tarixinin və mədəni kimliyin simvolu kimi qəbul olunurdu.

Toy, yas və digər mərasimlər çadır mühitində və ya yaylaqda keçirilir, musiqi, rəqs və ağız ədəbiyyatı vasitəsilə el yaddaşı qorunurdu. El arasında qadın aşıqlar və şairələrin mövcudluğu da qadınların mədəni aktivliyinin göstəricisi idi.

Kitabi Dədə-Qorqud əsərindəki oğuzlar köçəri həyat tərzinin və onunla bağlı sosial quruluşun yaxşı nümunəsidir. Bu əsər, Oğuz türklərinin həyatını və adət-ənənələrini təmsil edən bir çox mühüm aspekti özündə cəmləşdirir. Köçəri həyat tərzı ilə əlaqəli olan xüsusiyyətlər, oğuzların ailə strukturu, əmək bölgüsü və sosial münasibətləri Dədə Qorqudun dövrü və mədəniyyəti barədə çox qiymətli

məlumatlar təqdim edir. Köçərilər bu ənənələri XX əsrə qədər qoruyub saxlamışdılar.

XIX əsrdə Azərbaycanda ailə modelləri sosial-iqtisadi və mədəni amillərə uyğun olaraq fərqli inkişaf etmişdir. Xan və bəy ailələri feodal sistemin dayağı kimi çıxış edirdisə, tacir və sənətkar ailələri iqtisadi inkişafın mühüm aktorları idi. Oturaq kəndli ailələri aqrar istehsalatı davam etdirirdi, köçəri ailələr isə yarımköçəri təsərrüfat həyat tərzini sürür və cəmiyyəti ət, süd məhsulları ilə təmin edirdi.

Bütün bu ailə modelləri cəmiyyətin ümumi strukturunda özünəməxsus yer tutur və müxtəlif xarakterli olmasına baxmayaraq, onların hamısı patriarxal dəyərlər əsasında formalaşmışdı. Bu ailə tiplərinin hər biri zamanla modernləşmə prosesinə məruz qalaraq XX əsrin əvvəllərindən başlayaraq yeni sosial-iqtisadi reallıqlara uyğun şəkildə transformasiya olunmuşdur.

Modernləşmənin əsas göstəriciləri yeni texnologiyalar və ondan irəli gələn iqtisadi fəaliyyətin diversifikasiyası, hüquqi islahatlar, gender münasibətlərinin dəyişməsi və təhsilin yayılması idi. Bu baxımdan, *tacir və sənətkar ailələri* XIX əsrdə modernləşmə prosesinə ən çox təkan verən sosial qrup olmuşdur. Bunun bir neçə əsas səbəbi var:

- Tacir və sənətkar ailələri kapitalın toplanması və ticarət əlaqələrinin qurulmasında aktiv rol oynayırdı. Şəhərlərdə bu ailələr bazar iqtisadiyyatına uyğunlaşaraq, istehsal və ticarət strukturunu dəyişirdi. İqtisadi fəaliyyətləri beynəlxalq ticarətlə bağlı olduğuna görə, onlar yeni texnologiyalar və idarəetmə üsullarını mənimsəyirdilər.

- Feodal quruluşlu xan və bəy ailələrindən fərqli olaraq, tacir və sənətkar ailələrində qadınlar istehsalatda və ailə təsərrüfatında aktiv iştirak edirdi. Qadınlar ipəkçilik, xalçaçılıq, toxuculuq kimi sənət sahələrində çalışır və ailənin iqtisadi gəlirinə töhfə verirdi. Bu proses gender münasibətlərində müəyyən dəyişikliklərə səbəb olmuş və qadınların ailə içindəki rolunu artırmışdır.

- Şəhər mühitində yaşayan tacir və sənətkar ailələri övladlarını məktəblərə göndərir, hətta bəzi hallarda qız uşaqlarına da təhsil imkanı yaradırdılar. Savadlılıq və yeni biliklərə çıxış bu ailələrin modernləşməsinə təkan vermişdir.

- Tacir ailələri hüquqi dəyişikliklərə daha tez uyğunlaşdı, çünki onların iqtisadi fəaliyyəti vergi, müqavilə və mülkiyyət hüquqları kimi hüquqi sistemlə bağlı idi. Onlar müxtəlif dövlətlər və ticarət şəbəkələri ilə

əlaqədə olduqları üçün daha açıq və çevik sosial sistemə malik idilər.

- Tacir və sənətkar ailələri şəhər həyatına daha çox integrasiya olunmuşdu. Adət-ənənələrin və patriarxal qaydaların dominant olduğu kənd və köçəri ailələrdən fərqli olaraq, bu ailələr tədricən sekulyar dəyərləri qəbul etməyə başlayırdı.

Xan və bəy ailələri - feodal sistemin dayağı olduqları üçün modernləşməyə qarşı müqavimət göstərirdilər. Onların əsas məqsədi əvvəlki siyasi və iqtisadi gücü qorumaq idi, bu isə, onların mühafizəkar ailə strukturunu saxlamağına səbəb olurdu. Lakin, XIX əsrin sonlarında bəzi xan və bəy ailələri, xüsusilə, Rusiyada təhsil alan övladları maarifçi hərəkatın təsiri ilə modernləşməyə maraq göstərməyə başlamışdı.

Oturaq kəndli ailələri - əsasən kənd təsərrüfatına əsaslandığından, onların modernləşmə sürəti yavaş olmuşdur. Ənənəvi patriarxal struktur və kənd icması daxilində qohum evlilikləri bu ailələrin modernləşməsini ləngidirdi. Lakin, kənd təsərrüfatında bəzi texnoloji yeniliklər və yeni bazar əlaqələri onları tədricən dəyişməyə vadar edirdi.

Köçəri ailələr - mobil və adaptiv olsalar da, onların əsas strukturu ənənəvi icma qaydalarına əsaslanırdı. Bu ailələrdə qadınların sosial mövqeyi nisbətən yüksək olsa da, onlar iqtisadi baxımdan modern sistemə uyğunlaşmaqda çətinlik çəkirdilər. XX əsrin əvvəllərində köçərilərin oturaq həyata keçməsi onların modernləşmə prosesini artırırmışdır.

XIX əsrdə Azərbaycanda ailə institutunun modernləşməsində ən mühüm rol tacir və sənətkar ailələri oynamışdır. Onların iqtisadi fəaliyyəti, gender münasibətlərindəki dəyişikliklər, təhsilə və hüquqi sistemə adaptasiyaları modernləşmə prosesinin əsas aparıcı qüvvəsi olmuşdur. XIX əsrin sonlarında Bakıda neft sənayesinin inkişafı Azərbaycan ailə institutunun modernləşməsinə ciddi təsir göstərirdi. Sənayeləşmə, şəhərləşmə və yeni istehsal üsulları nəticəsində ənənəvi ailə modeli tədricən dəyişməyə başladı.

▪ **Qohum evlilikləri (endogamiya)**

XIX əsrdə Azərbaycanda qohum evliliklərinin geniş yayılmasının bir neçə sosial və mədəni səbəbləri vardı və bu ənənə təkcə ailə quruluşunu deyil, həm də cəmiyyətin bütün sosial strukturlarını əhatə edən bir fenomen idi. Qohum evlilikləri sosial həyatın və ailə institutunun əsas xüsusiyyətlərindən birinə çevrilmişdi və bu ənənə uzun müddət Azərbaycanın kənd və şəhər mühitlərində yayılmışdı.

▪ **Torpaq və mülk mühafizəsi**

Ən mühüm səbəblərdən biri torpaq və digər mülkiyyətlərin yad ailələrə keçməsinin qarşısını almaq məqsədilə qohum evliliklərinin həyata keçirilməsidir. Azərbaycanda torpaq həm iqtisadi, həm də sosial baxımdan çox qiymətli resurs idi. Feodal dövründə, xüsusən xan və bəy ailələrində, torpaqlar və mülklər nəsildən-nəsilə keçirdiyi üçün qohumlar arasında evliliklər bu mülkiyyətin qorunmasına xidmət edirdi. Bununla yanaşı, qohum evlilikləri həm də ailə gücünün və nüfuzunun qorunmasını təmin edirdi.

- Ailədaxili nüfuz və sosial status

Tanınmış və nüfuzlu nəsililər öz mövqelərini qorumaq və ya möhkəmləndirmək üçün ailədaxili evliliklərə üstünlük verirdilər. Bu əənənə, xüsusilə feodal cəmiyyətin yuxarı təbəqələrində (xanlar, bəylər və mülkədarlar) yayılmışdı. Evliliyi yalnız güvənli və etibarlı bir əlaqə kimi yox, həm də sosial statusu möhkəmləndirmək üçün vasitə kimi qəbul edirdilər.

- Mədəni və dini uyğunluq

Qohum evlilikləri bir çox hallarda mədəni və dini baxışların oxşarlığını təmin edirdi. İcma daxilindəki ailələr, bənzər ənənələrə, mədəniyyətə və inanc sistemlərinə sahib olduqları üçün, evliliyin sonrakı mərhələlərində ictimai münasibətlərin daha rahat qurulması mümkün olurdu. Xüsusən, İslam dini çərçivəsində şəriət qanunlarına uyğun evliliklər daha çox təqdir edilirdi və bir çox hallarda bu, qohum ailələr arasında baş verirdi.

- Əməkdaşlıq və sosial həyat

Qohum evlilikləri yalnız cəmiyyətin iqtisadi və sosial strukturlarına uyğun olaraq formalaşmırdı, həm də ailə daxilindəki əməkdaşlıq və qarşılıqlı əlaqə üçün vacib rol oynayırdı. Kənd yerlərində ailələr arasında əlaqələr və əməkdaşlıq çox sıx idi. Təsərrüfat və məişət məsələləri ilə bağlı ailələr arasında qarşılıqlı kömək, zəhmət bölüşdürülməsi geniş yayılmışdı. Evliliklər və ailədaxili münasibətlər daha çox kollektiv əmək və qeyri-rəsmi əmək bölüşdürülməsi ilə əlaqəli idi.

Qohum evlilikləri təbii ki, genetik risklər daşıyırdı. Ancaq sosial-mənəvi uyğunluq bu risklərdən daha vacib sayılırdı. Valideynlər, tanımadığı bir ailəyə qızlarını və ya oğullarını verməkdənsə, tanış ailələrə evliliyi üstün tuturdular. Bu, güvənlik və sosial uyğunluq baxımından daha çox qəbul edilirdi. Bununla yanaşı, başlıq pulu və süd haqqı kimi adətlərin olması, qohum evliliklərini daha çox iqtisadi yük ilə əlaqələndirirdi. Sosial qarşılıqlı münasibətlər, ailə arasında etibar və

nüfuz məsələlərini nəzərə alaraq, qohum evliliklərinə üstünlük verilir [Məmmədov, 44-45].

XIX əsrdə, xüsusən kəndli və feodal ailələrində bu evliliklər mövcud olmağa davam edirdi. Qohum evlilikləri yalnız cəmiyyətin yüksək təbəqələrində deyil, həmçinin orta təbəqə və kənd ailələrində də geniş yayılmışdı. Bu evliliklərin bir tərəfi, evlilik institutunun bir növ qoruyucu funksiyasını yerinə yetirərək ailənin nüfuzunu və sosial mövqeyini qorumağa xidmət edirdi. Eyni zamanda, qohum ailələrin birləşməsi cəmiyyətin ictimai təbəqələrindəki tarazlığı təmin edirdi.

▪ **Monoqam və poliqam ailələr (tək-arvadlılıq və çox-arvadlılıq)**

Azərbaycan ailə modeli, tarixən və mədəniyyət baxımından müxtəlif aspektlərlə zəngin və çoxşaxəli olmuşdur. Bu modelin əsas xüsusiyyətləri monoqamiya, poliqamiyanın qalıqları, siğə nikahının məhdud yayılması və kuzen nikahlarının sosial-iqtisadi səbəblərlə bağlı geniş yayılması ilə xarakterizə olunur. Bu ailə strukturunun inkişafı İslam hüququ, Türk mədəniyyəti və sosial-iqtisadi reallıqlar əsasında formalaşmışdır.

Monoqamiya Azərbaycan ailə modelinin əsasını təşkil edən ən mühüm xüsusiyyətdir. Azərbaycan cəmiyyətində monoqamiya prinsipinin üstünlük təşkil etməsi, həm İslam hüququ, həm də Türk mədəniyyəti ilə sıx bağlıdır. İslam dini, monoqamiyanı daha çox təşviq edərək bir kişiye yalnız dörd qadınla evlənməyə icazə vermiş, lakin bu icazənin bəzi şərtlərə tabe olduğu, o cümlədən ədalət və tənəsüb məsələlərinin gözlənilməsi vacib sayılmışdır. Bu, çoxarvadlılıq anlayışının, ən azından ağır sosial yük yaratdığı və mədəniyyətin təsiri ilə nisbətən daha məhdud olduğu bir cəmiyyətdə mövcud idi.

XIX əsr Azərbaycanında, xüsusilə kənd əhalisi arasında monoqamiya hakim olmuş, ailələrdə bir kişi və bir qadın arasında evliliklər sosial olaraq qəbul edilmiş və müsbət qarşılanmışdır. "Kitabi-Dədə Qorqud" və "Koroğlu" kimi əfsanələrdə də monoqam nikahlar ön plana çıxır. Bu əsərlərdəki ailə münasibətləri, yalnız bioloji deyil, həm də emosional və sosial bağlarla qurulmuşdur. Məsələn, Dirsə xanın övladı olmayan arvadını hələ də *"baxtına çıxan qadınım"* kimi yad etməsi, ailənin və nikahın yalnız qan bağı ilə deyil, həm də emosional bağlıqla qurulduğunu göstərir. Bu yanaşma, ailə münasibətlərindəki insanlıq, məsuliyyət və etika məsələlərini vurğulayır.

"Koroğlu" dastanında Eyvazın övladlıq götürməsi ailənin yalnız qan əlaqəsi ilə deyil, həm də sosial və mənəvi bağlarla qurulması

mövzusunə diqqət çəkir. Eyvazın övlədlıq gətürməsi ailənin bioloji əlaqələrdən daha çox emosional, ruhi və mənəvi bağlılıq əsasında qurulduğunu göstərir. Bu, Azərbaycanda ailə institutunun sosial məsuliyyət və insanlıq prinsipləri əsasında formalaşdığını göstərən əhəmiyyətli bir nümunədir. Bu həm də mədəniyyətin, dəyərlərin və sosial münasibətlərin ailə anlayışını necə genişləndirdiyini göstərir. Burada əsas məsələ yalnız qan əlaqəsi deyil, eyni zamanda əxlaq, şəxsiyyətin formalaşması və insanlıq məsələləri üzərində dayanır.

Monoqamiya anlayışı Azərbaycan mədəniyyətində, xüsusilə də kənd təsərrüfatı ilə məşğul olan cəmiyyətlərdə, ailənin sosial mövqeyini və möhkəmliyini təmin etmək məqsədilə qəbul edilmişdir. Ailənin yalnız qan bağlılığı ilə deyil, həm də mənəvi və sosial bağlarla təkmilləşdirilməsi, sosial cəhətdən güclü bir cəmiyyətin formalaşmasında vacib rol oynamışdır. Həmçinin, iş bölüşdürülməsi və əlaqə şəbəkələrinin möhkəmliyi, ailənin və cəmiyyətin birliyini və inkişafını təmin edirdi.

XIX əsrdə Azərbaycanda **poliqamiya** az da olsa mövcud idi. Bu əsasən iqtisadi gücü olan şəxslər arasında yayılırdı. O dövrün bir çox səyyah və tədqiqatçıları Azərbaycanda bəzi bəylərin və tacirlərin iki və ya daha çox qadınla evlənməsindən və bunun nüfuz simvolu olmasından bəhs edirdilər [Koch, 173-175; Dubrovin 412–413; Bartold, 98–101]. də bunu təsdiq edirdi.

Mirzə Fətəli Axundov Tubu xanım ilə evli ola-ola başqa qadına nikah kəsdirir. Daha dəqiq desək, Axundzadə otuz yaşında ailə qurmuşdu. Və bu evlilik hələ davam edərkən Axundzadə ikinci bir qadınla kəbin kəsdirir. Nazlı Bəyim adlı bu qız ərə gələndə 28 yaşında olub, Gəncə xanı Cavad xanın nəslindən olduğu bildirilir. Hər hansı ümidlə olursa-olsun, qurulan ikinci nikah da uğursuzluğa düşər olur.

Həsən bəy Zərdəbi. *Əkinçi* qəzetində çoxarvadlılığın qadınların hüquqlarını pozduğunu, ailədaxili problemləri artırdığını bildirmişdi [Zərdəbi 1876, № 16, səh. 3].

Cəlil Məmmədquluzadənin həyat yoldaşı Həmidə Cavanşir xatirələrində yazırdı: *“Kəndimizdə bir bəyin dörd arvadı var idi. Aralarında daim nifrət, düşmənçilik hökm sürürdü. Heç bir qadın xoşbəxt deyildi.”* [Cavanşir səh. 56].

▪ **Sororat və levirat nikahlar**

Azərbaycanda sororat və levirat nikahları keçmişdə, xüsusilə kənd və tayfa cəmiyyətlərində müəyyən dərəcədə mövcud olub. Levirat nikahı, bir kişinin vəfat etməsi halında onun dul arvadının mərhumun

qardaşı ilə evlənməsini nəzərdə tutur. Qadın və uşaqların kənar adamlara getməsinin qarşısını almaq və təsərrüfatı bir yerdə saxlamaq üçün tətbiq olunurdu. Uşaqların ata soyadını və mülkiyyət hüquqlarını qorumaq, onların başqa bir ailəyə keçməsinin qarşısını almaq üçün levirat nikahları məqbul sayılırdı. Dul qadının və yetim uşaqların kimsəsiz qalmaması üçün ailə içində himayə olunması vacib sayılırdı. Levirat nikahı xüsusilə Qarabağ, Naxçıvan, Şirvan və Muğan bölgələrində daha çox yayılmışdı. Lakin, İslamın yayılması ilə bu adət zəifləmişdir. Çünki İslam nikahda qadının məcbur edilməsinə icazə vermir.

Sororat nikahı (bacı əvəzetmə) isə əksinə, bir qadının vəfat etməsi halında onun bacısının dul kişiylə ərə verilməsi praktikasına əsaslanır. Ərin yeni qadına alışması və uşaqların ögey anaya adaptasiyası prosesi daha rahat olurdu. Qohum ailələr arasında ittifaqı davam etdirmək üçün sororat nikahları icra olunurdu. Xüsusilə kənd yerlərində ailə içindəki iş bölgüsünün pozulmaması üçün tətbiq olunurdu. Sororat nikahları daha çox Cənubi Azərbaycan və Şəki-Zaqatala bölgəsində rast gəlinib. Bu adət XIX əsrin sonlarından etibarən zəifləməyə başlayıb. İslam hüququ (Şəriət) levirat və sororat nikahlarını təşviq etməsə də, adət-ənənələr şəklində onlar davam etmişdir. 1920-ci illərdə gender bərabərliyini təşviq edən yeni qanunvericilik tətbiq olunduğuna görə, Sovet hakimiyyəti bu adətləri qadağan etdi.

• **Erkən nikah**

Qızların erkən yaşda, bəzən 12–14 yaşlarında ərə verilməsi halları normativ xarakter daşıyırdı. Bu hal, ailənin “namus” və “abır” kimi anlayışlarla bağladığı sosial statusla da əlaqəli idi. Qız uşağının ərə verilməsi bir növ ailənin ictimai mövqeyinin göstəricisinə çevrilmişdi.

XIX əsr Azərbaycanında mollalar tərəfindən təhrif edilmiş şəriət qanunları da erkən evliliklərə hüquqi əsas verirdi. Əksər hallarda, qızların həddi-bülüğa çatması onların nikah üçün hazır sayılmasına kifayət edirdi. Molla və qazılar tərəfindən bağlanan nikahlar çox zaman dövlət qeydiyyatına düşməsə də, cəmiyyət tərəfindən qəbul edilirdi.

Çar Rusiyasının Qafqaz üzrə inzibati hesabatlarında qeyd olunur ki, XIX əsrin ortalarında müsəlman əhalisi arasında qızların 12-14 yaşlarında ailə qurması geniş yayılmışdı. Məsələn, Tiflis quberniyası və Bakı quberniyasında aparılan siyahıyaalmalarda nikaha girən qadınların 30-40%-i 15 yaşdan kiçik idi [Кавказский 298–302].

1846-cı ildə Rusiya imperiyası tərəfindən təsdiqlənmiş “Müsəlmanların ailə münasibətləri haqqında qaydalar”a əsasən, qızlar 9

yaşdan sonra nikaha cəlb edilə bilərdi. Bu qaydalar şəriət normalarına uyğun şəkildə tətbiq edilmişdi və yerli qazılar tərəfindən tətbiq olunurdu [Правила 412–415].

Alman səyyahı Karl Koch, Qafqaza etdiyi səyahət zamanı (1840-cı illər) yazır: “*Azərbaycanda, xüsusilə kənd yerlərində, ailələr qızlarını çox gənc yaşda ərə verir. Onlar üçün əsas məsələ cəhiz və ailələrarası münasibətlərdir.*” [Koch 1846, 34].

Bakı Şəriət Məhkəməsinin arxiv sənədlərində (Qafqaz Ruhani İdarəsinin fondları, Rusiya Dövlət Tarix Arxivi, SPb), 1850-1890-cı illərə aid nikah qeydlərində bəzi qızların 11-13 yaşlarında ailə qurduğu təsdiqlənir.

İqtisadi çətinliklər və sosial qeyri-bərabərlik də erkən evliliklərin artmasına səbəb olurdu. Əsas məqsədlərdən biri ailə yükünün azaldılması və ya ailələrarası iqtisadi ittifaqların qurulması idi. Bəzən qız uşaqları zəngin ailələrə ərə verilərək, ailənin maddi vəziyyətini yaxşılaşdırmaq cəhdi kimi istifadə olunurdu. Qız cəhizi anlayışı da erkən evlilik qərarlarından əhəmiyyətli rol oynayırdı.

XIX əsrin sonlarından etibarən Azərbaycanda maarifçi ideyaların yayılması və yeni intellektual təbəqənin formalaşması erkən evliliklərə tənqidi yanaşmanı gücləndirdi. M.F. Axundzadə, Həsən bəy Zərdabi və digər ziyalılar qızların təhsildən məhrum edilməsi və uşaqlıq yaşlarında ailə qurmağa məcbur edilməsini kəskin şəkildə tənqid edirdilər.

Həsən bəy Zərdabi “Əkinçi” qəzetində 1875-ci ildə çap olunmuş məqaləsində yazırdı: “*Bəzi yerlərimizdə on iki yaşında qız ərə gedir. Yazıq hələ oyuncaqla oynamaq çağında ikən, ailə yükü onun boynuna qoyulur.*” [“Əkinçi”, 1875, №10].

Mirzə Fətəli Axundzadə isə öz məktublarının birində yazırdı: “*Bir qızın ağılı kəsməmiş, onu ərə vermək... bu, zülmüdür, cəhalətdir.*” [Axundzadə, c.2, s. 147]

XIX əsrdə Azərbaycanda erkən evliliklər kompleks bir fenomen kimi həm dini, həm sosial, həm də iqtisadi səbəblərlə əlaqəli idi. Bu dövrdə qızların təhsil hüququndan məhrum olması və sosial imkanlarının məhdudluğu onların erkən yaşda ailə qurmağa məcbur edilməsinə şərait yaradırdı. Lakin əsrin sonlarına doğru maarifçi və humanist düşüncənin təsiri ilə bu praktika ictimai diskussiyaların və tənqidlərin obyektinə çevrildi. Növbəti əsrdə isə, bu mövzu hüquqi və sosial islahatların predmetinə çevrildi.

▪ Qızqaçırma və beşikləmə adətləri

Qızqaçırma adəti iki formada olur: könüllü və zorla qaçırılma. Xalq mədəniyyətində zorla qaçırılmaya mənfi münasibət olmuş, könüllü qaçırılma isə, bəzi hallarda romantik kontekstdə qəbul edilmişdir. Bu, xalq ədəbiyyatında etik münasibətlərin və fərdi iradənin təcəssümü kimi dəyərləndirilə bilər.

“Abbas və Gülgəz”, “Novruz və Qəndab”, “Seyid və Pəri”, “Koroğlu” kimi dastanlarda zorun əleyhinə olan süjet xətləri xalqın mənəvi-mədəni dəyərlərində sevginin gücünü göstərir. Bu, epik ədəbiyyatın sosial normativ rolu ilə əlaqələndirilə bilər. Məsələn, “Koroğlu”nun Nigarı zorla deyil, açıq şəkildə aparmaq istəyi, qəhrəmanlıqla mənəvi üstünlüyün birləşdirilməsini göstərir.

Qaçan qıza ailənin və toplumun reaksiyası – aylarla danışmamaq, cəhiz verməmək, yalnız ağsaqqalların məsləhəti ilə barışmaq – Azərbaycan ailə modelinin patriarxal və kollektiv xarakterini göstərir. Bu cür münasibət, qızın ailədən “icazəsiz” ayrılmasının “sosial nizamı pozması” kimi dəyərləndirilir. Belə qızlar sosial baxımdan etik sərhədi keçmiş hesab olunur və onların statusu sosial nəzarətlə yenidən qurulur.

“Beşikkəsmə” və “deyikli” anlayışları təkcə hüquqi və sosial bağ deyil, həm də psixoloji bağ yaradır. Uşaqlar böyüdükcə bu adətin onlara qarşı yönəltdiyi “gözləntilər” – həm müsbət, həm də mənfi mənada – fərdi seçim azadlığını məhdudlaşdırır. Bəzən qız və ya oğlan deyikli ilə evlənmək istəmədikdə bu adət düşmənçiliyə səbəb olur. Bu, sosial zərurət ilə fərdi azadlıq arasında ziddiyyətin konkret nümunəsidir [AE, 358].

▪ Evlilik və boşanma

XIX əsr Azərbaycan cəmiyyətində ailə institutu şəriət qanunlarının müəyyən etdiyi hüquqi və əxlaqi çərçivələr daxilində formalaşmışdır. Şəriət ailə münasibətlərini tənzimləyən əsas hüquq sistemi kimi çıxış edir, nikahdan boşanma qaydalarına, irs bölgüsündən qohum evliliklərinə qədər bir çox məsələləri nizama salırdı. İslam hüququna əsasən, nikah (ər-arvad münasibətlərinin qanuni bağlanması) müqavilə (əqd) xarakteri daşıyırdı. Nikah müqaviləsinin qüvvəyə minməsi üçün, qız və oğlanın razılığı vacib idi. Rəsmi olaraq hər iki tərəfin razılığı tələb edilsə də, patriarxal sistemdə valideynlərin, xüsusilə atanın qərarı həlledici olurdu. Qadının nikah bağlanması üçün, atasının və ya kişi cinsindən olan yaxın qohumunun razılığı vacib idi. Mehr, yəni kişinin qadına nikah müqabilində verdiyi maddi təminat nikah müqaviləsinin mühüm elementlərindən biri idi.

Boşanma məsələsində isə, İslam hüququ əsasən kişiye üstünlük verirdi. Kişinin boşanma niyyətini ifadə etməsi ilə nikah pozula bilirdi (təlaq). Qadının boşanma tələb etməsi də bəzi hallarda qəbul edilirdi. Ədalətsizlik, zorakılıq və ya ər tərəfindən vəzifələrin yerinə yetirilməməsi hallarında qazi (şəriət hakimi) boşanma qərarı çıxara bilərdi. Bu hüquqi normalar qadınların boşanma hüququnu məhdudlaşdırırdı, lakin müəyyən hallarda qadınların da boşanma hüququ qorunurdu.

Mehr - qadının nikaha girərkən aldığı maddi təminat idi və iki formada olurdu: nikah zamanı dərhal ödənilən mehr və boşanma və ya kişinin ölümü halında ödənilən mehr.

Miras bölgüsündə isə, kişi varislər qadın varislərdən ikiqat artıq miras alırdı (“kişinin məsuliyyətləri daha çoxdur” prinsipi). Oğul atasının əmlakının böyük hissəsini, qız isə nisbətən az hissəsini miras alırdı. Dul qadın ərinin varidatının səkkizdə birini, dul kişi isə, arvadının mirasının dördə birini miras alırdı. Bu bölgü İslam cəmiyyətlərində kişi və qadının fərqli sosial və iqtisadi rollarına əsaslanaraq qurulmuşdu.

▪ Ailə tərbiyəsi

At sürmə, ovçuluq, oxatma, güləş və digər bu kimi uşaq oyunları Azərbaycan ailəsinin uşaqları yalnız passiv şəkildə böyütmədiyini, əksinə, onların bədən tərbiyəsini milli-ənənəvi formatda təmin etdiyini göstərir. Bu, uşaqlarda dözümlülük, cəsarət, çeviklik və məsuliyyət hissi formalaşdırmaq məqsədi daşıyırdı. Xüsusilə oğlan uşaqlarının hərbi və ov bacarıqları ilə yetişdirilməsi sosial-mədəni kontekstdə onların gələcəkdə ailəni, obanı və torpağı müdafiə etməyə hazır olmaları ilə əlaqədar idi.

Əhəmiyyətli məqam o idi ki, bu fəaliyyətlər təkcə oğlanlarla məhdudlaşmırdı – qız uşaqlarının da fiziki və döyüş bacarıqları ilə tərbiyə olunması (oxatma, qılıncoynatma və s.) cinsiyyət bərabərliyinin erkən izlərini və qadının cəmiyyətə aktiv qatqısının tarixi əsaslarını ortaya qoyur. Bu, xüsusilə Oğuznamələrdə – “Dədə Qorqud” dastanlarında – özünü göstərir və Azərbaycan ailəsinin patriarxal olduğu qədər, zaman-zaman qadına sosial nüfuz da verdiyini göstərir.

Uşaqların 6-7 yaşından mollaların yanına, sonradan isə mədrəsə və dünyəvi məktəblərə yönləndirilməsi Azərbaycanda dini və dünyəvi təhsil sisteminin paralel inkişaf etdiyini göstərir. Ən maraqlı tərəf isə, bu təhsilin yalnız yerli mühitlə məhdudlaşmaması, ailələrin övladlarını Qahirə, Nəcəf, İstanbul və hətta Avropa şəhərlərinə göndərməyə cəhd göstərməsidir. Bu, Azərbaycan ailəsinin elmi və intellektual inkişafa

önəm verdiyini, milli kimliklə yanaşı qlobal mədəni çevrəyə də açıq olduğunu göstərir. Bu təhsil siyasəti ailənin sosial-iqtisadi statusuna bağlı olaraq fərqlənsə də, ümumi tendensiya kimi cəmiyyətin mədəni yüksəlişini hədəfləyirdi. Ailə sadəcə bioloji davamlılıq institutu deyil, həm də biliyin ötürülməsi, nəsillərarası tərbiyənin təşkil olunduğu bir mədəniyyət ocağı kimi çıxış edirdi.

Uşaqların musiqiyə olan marağı və onların estetik zövqünün formalaşdırılması Azərbaycan ailəsinin tərbiyə modelində incəsənətin əhəmiyyətli rol oynadığını göstərir. Bu prosesdə xüsusilə aşıq sənəti, muğam və xalq musiqisinin yer tutması milli dəyərlərin ötürülməsi baxımından mühüm idi. Ailənin uşağı ustad sənətkarların yanına şagird qoyması, bir növ “sənətkar yetişdirmə institutu”nun qeyri-rəsmi şəkildə ailədə təşəkkül tapdığını göstərir. Bu estetik tərbiyə uşaqlarda milli zövq, harmoniya duyumu, musiqi və poeziya vasitəsilə emosional zəka formalaşdırırdı. Bu da həm estetik düşüncənin inkişafı, həm də emosional tənzimləmə baxımından önəmlidir.

Ailənin tərbiyə prosesində təkcə valideynlərin deyil, kənd və məhəllə ağsaqqallarının da rolu vardır. Bu, ailə tərbiyəsinin cəmiyyətlə iç-içə olduğunu, təkcə fərdi deyil, kollektivi formalaşdırdığını göstərir. Bu modeldə ağsaqqal sosial normativin daşıyıcısı kimi çıxış edir və uşaqlar onun vasitəsilə ictimai davranış qaydalarını mənimsəyirlər. Bu yanaşma eyni zamanda *sosial nəzarət və tərbiyəvi kollektivism* prinsiplərinə əsaslanır. Fərdin tərbiyəsi yalnız ailənin daxilində deyil, onun yerləşdiyi icmanın fəal iştirakı ilə həyata keçirilirdi. Bu, sosial-mədəni normların ötürülməsini təmin edən ən mühüm mexanizmlərdən biri idi.

Tarixi perspektivdən yanaşsaq, bu model sinergetik və multikomponentli tərbiyə mexanizmi kimi çıxış edir. Bu yanaşmanın müasir dövrdə yenidən nəzərdən keçirilməsi və yeni tərbiyə modellərində bu ənənələrin nəzərə alınması, milli kimliyin qorunması və nəsillərarası mənəvi əlaqənin təmin olunması baxımından xüsusi əhəmiyyət kəsb edir.

▪ **Patriarxal ailənin böhranı**

XIX əsrin əvvəllərində Rusiya İmperiyasının Cənubi Qafqaza, o cümlədən Azərbaycan torpaqlarına nəzarəti ələ keçirməsi, regionun siyasi, iqtisadi və sosial strukturlarında mühüm dəyişikliklərə səbəb oldu. Bu dəyişikliklərdən biri də ailə institutunun təcridi transformasiyası idi. Rusiyanın inzibati-hüquqi sisteminin tətbiqi, qərb mənşəli ideyaların yayılması və maarifçilik hərəkatının güclənməsi nəticəsində ənənəvi ailə

münasibətlərində yeni elementlər meydana çıxdı.

Azərbaycan torpaqlarında hüquqi dualizm formalaşmışdı: bir tərəfdən, əsasən müsəlman əhalinin ailə, nikah, miras və qadın hüquqları ilə bağlı məsələləri qazılar və dini məhkəmələr vasitəsilə tənzimləndirdi; digər tərəfdən isə, “Zaqafqaziya Mülki Məcəlləsi”nin (1846) tətbiqi ilə Rus hüquq sistemi genişlənməyə başladı. Bu məcəllə bəzi hallarda şəriət hüququ ilə ziddiyyət təşkil edirdi. Nəticədə əvvəl yalnız dini icmalar tərəfindən idarə olunan nikah, boşanma və miras bölgüsü məsələləri tədricən dövlətin inzibati nəzarətinə keçdi. Xüsusilə torpaq mülkiyyəti və qadınların hüquqi statusu sahəsində ciddi dəyişikliklər baş verdi. Məhkəmə sistemində müsəlmanların iştirakı məhdudlaşdırılaraq Rus qanunları əsas hüquqi çərçivəyə çevrildi.

Bu proseslə paralel olaraq, qərb mənşəli həyat tərzı və dəyərlər də Azərbaycan cəmiyyətinə daxil olmağa başladı. XIX əsrin ortalarından etibarən Bakı, Gəncə, Şuşa kimi şəhərlərdə rus və avropasayağı ailə modeli tədricən formalaşmağa başladı. Maarifçi ziyalılar, xüsusilə qadın hüquqlarının genişləndirilməsini və ailədaxili münasibətlərdə modern yanaşmaların tətbiqini müdafiə edirdilər. Ənənəvi modeldə qadının rolu ev və uşaq tərbiyyəsi ilə məhdudlaşsa da, yeni ideyalar qadınların təhsil almasını, cəmiyyətə aktiv şəkildə qatılmasını təşviq edirdi. Bu dəyişikliklər kənd yerlərində zəif hiss olunsada, şəhər mühitində ailə münasibətlərinə müəyyən dərəcədə təsir göstərdi [Məmmədov, 68–69].

Məlumdur ki, Azərbaycan ərazisində feodalizmin zəifləməsi və kapitalizmin formalaşması prosesi XIX əsrin 80-ci illərindən başlayır. Bakı şəhəri Qafqazda bu proseslərin mərkəzi idi. Bakıda neft sənayesinin inkişafı minlərlə kəndlinin şəhərə iş dalınca axın etməsinə və şəhərləşmə prosesinin inkişafına səbəb oldu. Bakıda müxtəlif yerlərdən toplanan əhali yeni sosial təbəqələrin (fəhlə, milli burjuaziya) formalaşmasına təkan verdi. Əvvəlki feodal sistemi tədricən zəifləsə də, yeni yaranan kapitalist münasibətləri sosial təbəqələşməni ortadan qaldırmadı. Sadəcə, şəhərə iş dalınca gələn kəndlilər fəhlələrə, feodallar isə, milli burjuaziyaya çevrildilər. AXC-nin qurulduğu dövrdə də, sosial təbəqələşmə və ənənəvi sistem dəyərləri öz varlığını qoruyub saxlayırdı. Həmin dövrdə cəmiyyətdə sosial-iqtisadi və ideoloji qütbləşmələr sərt idi. Təbii ki, belə bir mühitdə orta azərbaycanlı ailəsindən bəhs etmək mümkün deyildi.

Azərbaycan maarifçiləri milli və mədəni inkişafa nail olmaq üçün, təhsili və ictimai islahatları ön plana çəkirdilər. 1901-ci ildə Bakı milyonçusu Hacı Zeynalabdin Tağıyevin dəstəyi ilə ilk qız məktəbi açıldı.

Bu, ənənəvi ailə strukturunda ciddi dəyişikliklərə səbəb oldu. Maarifçi ziyalılar, xüsusilə C.Məmmədquluzadə, H.Zərdabi və digər fikir adamları qadın hüquqlarının genişləndirilməsi ideyasını yayırdılar. Maarifçi ideyalar məcburi nikahları və erkən evlilikləri tənqid edərək, qadınların nikahda seçiminin vacibliyini vurğulayırdı.

Neft sənayesinin inkişafı Bakıya kütləvi miqrasiyaya səbəb oldu. Kənd təsərrüfatı ilə məşğul olan ailələrin bir qismi sənaye sektoruna inteqrasiya etdi. Şəhər şəraitində ənənəvi patriarxal ailə modelinin zəifləməsi və nüvə ailə modelinin formalaşması baş verdi. Şəhərlərin demoqrafik və etnik tərkibi sürətlə dəyişirdi. Rusiyanın cənub bölgələrindən Cənubi Azərbaycanın şimal-qərb vilayətlərindən gənc kəndli immiqrantların Bakıya axışmasına və şəhərin beynəlmiləl, çoxmillətli olmasına səbəb oldu. Əsasən kəndlərdən şəhərlərə ucuz işçi qüvvəsi kimi yerləşən gənc kəndlilər şəhərdə yeni fəhlə sinfini formalaşıdırırdı. Onlar müxtəlif yerlərdən gəldikləri üçün, çoxmillətli idilər. 1897-ci ildə Bakıda gəlmə əhali əhalinin ümumi sayının 64%-ni, Gəncədə 28%-ni, Şamaxıda 16%-ni təşkil edirdi. 1897-ci ildə Bakı quberniyasının şəhərlərində işləyən fəhlələrin ümumi sayının yalnız 34%-i yerli əhalidən, 10,3%-isə Yelizavetpol quberniyasından çıxanlardan ibarət idi [AQM 2006, s. 192-193]. Qarışıq nikahlar əsasında formalaşan ailələr də tədricən artmağa başlayırdı. Bu sosial mənzərə, şəhərlərdə (əsasən Bakıda) ənənəvi dəyərlərin zəifləməsinə və yeni münasibətlərin formalaşmasına səbəb olurdu.

Bakı neft sənayesi Çar Rusiyasının iqtisadi gücünün əsas dayaqlarından biri olsa da, imperiyanın zəifləməsinə şərait yaratdı. Çünki modernləşmə prosesi tədricən milli burjaziyanı və fəhlə sinfini yaradırdı. Azərbaycan ziyalıları və burjua sinfi çarizmin idarəçiliyinə qarşı mübarizə aparmağa başladı. İmperiyanın müxtəlif yerlərində baş verən modernləşmə prosesinin inkişafı, tədricən imperiyanın iflasına şərait yaratdı. Bunun nəticəsi olaraq 1918-ci ildə Azərbaycan Xalq Cümhuriyyəti meydana çıxdı.

Neft sənayesi yeni sosial təbəqələrin – fəhlə sinfi və sənaye sahibkarlarının meydana gəlməsinə səbəb oldu. Ailə münasibətləri tədricən bazar iqtisadiyyatına uyğunlaşmağa başladı. Neft sənayesi və digər sənaye sahələrinin inkişafı qadınların əmək fəaliyyətinə cəlb olunmasına şərait yaratdı. Qadınların ictimai həyatda daha çox iştirak etməsi gender bərabərliyi istiqamətində ilk addımlardan biri oldu. Neft sənayesindən əldə edilən gəlirlər maarifçi hərəkatı dəstəklədi və təhsil müəssisələrinin açılmasına şərait yaratdı. Ailələr arasında təhsilin dəyəri

artırdı və bu da gələcək modernləşmə prosesini gücləndirdi.

AXC hökuməti və milli burjuaziya nümayəndələri feodal ənənələrinə qarşı üsyan etdilər. Onlar, Azərbaycanda yeni müasir ailə institutunun formalaşması prosesinə təkan verdilər və ilk dəfə olaraq dünyada qadınlara seçkilərdə səsvermə hüququ verdilər. Milli azadlığın qələbəsini, demokratiyanın inkişafını qadın hüquqlarının bərpasında görən M. Ə. Rəsulzadə yazırdı: *“Ailə əsarəti və ailə istibdadı üzərində təkamül tapan millətlər, heç bir vaxt ailə hürryyəti, ailə səadəti üzərində qurulan millətlərlə mübarizə apara bilməzlər..... Qadın bir millətin nisbi-mühitini təşkil edir. O ailə isə hüquqsuz və mərifətsiz olubsa, millətin yarısı xəstə və məzlumdur - deməkdir.”* [Rəsulzadə 46].

“İqbal” qəzetində “Qızların etirazı” adlı məktubda həmyaşıdlarının qoca kişilərə zorla ərə verilməsinə etiraz edən bir qrup qız yazırdı: *“Əgər 18-20 yaşlı cavanlara cəbrə 50-60 yaşlı qarı övrətlər verilsə idi, o zaman kişilər cavan qızların qocalara verilməsini bilərlər idi.”* [Camalov, 23].

Hüseyn Cavid yazırdı: *“Bir çox mübarək ağızlar, qadınların tərbiyə görür-görməz itaətsiz olacaqlarını söyləməkdən çəkinməyirlər, əcaba məktəb, təlim və tərbiyə insana itaətsizlikmi öyrədir? Yaxud insanıyyət, şəfqət, mərhəmət, nəzakət-övlada məhəbbət, böyüklərə itaət nə olduğunu təlim edər? Bir də cəbrə təzyiqə nə hacət, artıq iyirmi ilə otuzu hesab etmək üçün anaların təsbihləri ilə, qızların barmaqlar ilə komediya çıxarmaları çəkilir bir dərd deyildir. Azacıqda utanıb qızarmalıyıq.”* [Camalov, 23].

Dövrünün maarifçisi E. Sultanov yazırdı: *“Mən hər cür təcavüzkarlığa, hər cür təzyiqə və cinsindən asılı olmayaraq insan azadlığının məhdudiyyətinə nifrət edirəm. Müsəlman qadınlarının hüquq bərabərliyini açıqcasına təbliğ etdiyim üçün məscid minbərlərindən mənə lənət yağdırırdılar.”* [Əmrahov, 32].

AXC-nin hökuməti Azərbaycanda feodal ailə modellərini ləğv edib, yerində müasir ailə modelini qurmaq istiqamətində keçmişin ünsürləri ilə mübarizəyə başlamışdılar. Lakin, 1920-ci ildə AXC-ni ortadan qaldıran yeni bolşevik hökuməti bu mübarizəni daha sərt və amansız şəkildə davam etdirdi.

1917-ci il oktyabr inqilabından sonra Rusiyada hakimiyyətə gələn bolşevik hökuməti marksizmin feminist nəzəriyyəsinə əsaslanaraq patriarxal cəmiyyəti ortadan qaldırmaq məqsədini qarşıya qoydu. F. Engels yazırdı ki, ailə təsərrüfatı sosializmdə ictimai əməyin ayrılmaz hissəsi olmalı, uşaqların tərbiyəsi ictimai səviyyədə həyata keçirilməli,

qadınları istismar edən ailə qurumu ortadan qalxmalı və cəmiyyət istismarın olmayacağı kommunizmə doğru sürətlə addımlamalıdır [Энгельс, 13]. Buna görə də bolşeviklər, ənənəvi ailənin keçmişin qalığı olduğunu irəli sürərək, ona qarşı mübarizəyə başladılar. Bunun üçün qadınlar, ailənin mülkiyyətindən çıxarılıb ictimai mülkiyyətə çevrilməli idi. Bu proseslər, Rusiya ərazisində daha ifrat şəkildə həyata keçirildi. Sanki, Rusiya ərazisi bu sosial eksperimentlər üçün məkan seçilmişdi.

1917-ci il Oktyabr inqilabından sonra “ev əməyinin inqilabı dəyişməsi” qanunu, sonralar bütün SSRİ ərazisində, yəni Azərbaycan SSR-də də tətbiq olunmuşdur. Bu qanun, feodalizmin natural təsərrüfat sisteminin ortadan qaldırılmasına və onun, sosializmin kollektiv sənaye və aqrar təsərrüfat sistemi ilə əvəz olunmasına şərait yaratdı. Bu sistemdə formalaşan böyük (mürəkkəb) ailə modeli yeni sistemə keçidlə bağlı olaraq iflas etdi. Çünki sürətlə irəliləyən bu proseslərin qarşısını almaq istəyənlər, antisovet elementləri kimi ortadan qaldırıldı. Həmçinin, 1917-ci ildə qəbul edilən “vətəndaş nikahı, uşaqlar və vətəndaş vəziyyəti aktlarının qeydə alınması” barədə qanuna əsasən nikah və boşanmalar kilsənin əlindən alınaraq dünyəvi məhkəmələrə verildi, qadın və kişi arasında bərabərlik tanındı, qadınlar cəmiyyətin bütün sahələrində sərbəst fəaliyyət göstərmək imkanları əldə etdilər.

Çar Rusiyası ərazisində, həmçinin Azərbaycan ərazisində qadınların kütləvi şəkildə savadsız olması, ictimai həyatdan uzaq olması və feodal sistemin ənənələri ilə yaşaması, islahatların aparılmasını çətinləşdirirdi. Buna görə də, solçu feministlər (İ. Armant, A. Kollontay, A. Samoylova, K. Setkin və s) bu sahədə güclü təbliğat-təşviqat işlərinə cəlb olundular [Елизарова, 15]. Rusiyada qadınların sosial-iqtisadi həyata və yeni ideoloji sistemə cəlb olunması üçün, fəal qadınlardan ibarət feminist təşkilatlar (“qadın şuraları”, “qadın şöbələri”) yaradıldı.

2. Azərbaycanda patriarxal ailənin sürətli transformasiya mərhələsi

1920-ci ildə AXC-nin süqutundan sonra ölkə Sovet İttifaqının tərkibinə daxil oldu və bolşevik ideologiyası cəmiyyətin bütün sahələrinə, o cümlədən, ailə münasibətlərinə ciddi təsir göstərdi. Sovet hökuməti patriarxal ailə modelini zəiflətmək və qadınların ictimai həyata daha aktiv cəlb olunmasını təmin etmək üçün radikal islahatlar həyata keçirdi.

Bolşeviklərin və solçu feministlərin 20-30-cu illərdə Rusiyada həyata keçirdikləri “seksual inqilab” layihəsinin SSRİ dövlətinə daxil olan Azərbaycan SSR ərazisində reallaşdırılması mümkün deyildi. Çünki

o dövrdə Azərbaycan ərazisində islam dininin və patriarxal ənənələrin təsiri çox güclü idi. Bolşeviklər, müsəlman əhalinin “seksual inqilab” layihəsinə qarşı sərt müqavimət göstərəcəyindən və nəticədə, Rusiyanın müsəlman coğrafiyasında öz geostrateji mövqelərini itirəcəyindən ehtiyat edirdilər. Buna görə də, müsəlmanların yaşadığı ərazilərdə bu siyasətin başqa bir səviyyədə ehtiyatla həyata keçirilməsi gərəkirdi.

1921-ci ildə Moskvada keçirilən I Ümumrusiya iclasında deyirdi ki, *“Şərqi milli bölgələrində olan qadınlar arasında təbliğat-təşviqat işləri şərq xalqlarının mədəni və çoxyönlü iqtisadi inkişaf formalarına uyğun şəkildə aparılmalıdır.”* [Городникова, 22].

Bolşeviklər və feministlər müsəlman coğrafiyasında ilk növbədə islam dininin və patriarxal ənənələrin təsirinin ortadan qaldırılması, qadınların çarşabdan xilas edilməsi, qadın azadlığı ideyası altında onları ailə-ev işlərindən azad edib ictimai işlərə cəlb edilməsi istiqamətində fəaliyyət planı hazırladılar. Azərbaycanda və digər müsəlman coğrafiyasında bu işləri idarə edən bolşeviklər və feministlər (K. Radka, E. Armant, A. Kollontay, K. Setkin və s), həmin işləri daha ifrat bir səviyyədə Rusiya, Ukrayna və digər xristian respublikalarında həyata keçirirdilər.

Müsəlman ölkələrində sosializm sistemini qurmaq üçün, müsəlman qadınları yeni sovet sistemi quruculuğuna cəlb etmək lazım idi. Əks təqdirdə, müsəlman ölkələrində sovet socialist sisteminin qurulması mümkün olmazdı. Qadınlar patriarxal sistemin çökməsini istəməsəydilər, bolşeviklər öz istəklərinə nail ola bilməzdilər.

1920-ci ildən başlayaraq, Azərbaycanda ərazisində sosializm quruculuğu prosesi başladı. Bu proses, sosial təbəqələşməni və onun əsasında dayanan ənənəvi patriarxal kollektiv dəyərləri ortadan qaldırmaq ilə müşayiət olunan sürətli modernləşmə, anarxiya və feminləşmə prosesi idi. Bu proses, ənənəvi kollektivizmin yerinə individualizm dəyərlərini gətirdi və sonra fərdləri (kişi və qadınları) əmək kollektivizmi ideologiyasında birləşdirməyə çalışdı. Ənənəvi dəyərlərdən biri və ən mühümü ailə qurumu idi. Buna görə də, onu da ortadan qaldırmaq gərəkirdi. Bolşeviklər ailə qurumunu məhv etmək üçün, bütün yollara əl atdılar. Bu proseslər İ. Stalinin dövrünədək davam etdi.

1920-ci illərin əvvəllərində Sovet hökuməti ailə institutunu kökündən dəyişdirmək məqsədilə ciddi islahatlara başladı. Bolşevik ideologiyasına əsasən, ənənəvi patriarxal ailə modelinin ləğvi və gender bərabərliyinin təmin olunması əsas məqsədlərdən biri idi.

21 iyul 1920-ci ildə Azərbaycan SSR Xalq Ədliyyə

Komissarlığı tərəfindən qəbul edilmiş vətəndaş nikahı və ailə münasibətlərinə dair dekret, Sovet hökumətinin sosialist ideologiyasına əsaslanaraq nikah və ailə münasibətlərini ciddi şəkildə dəyişdirməyi hədəfləyirdi. 21 iyul 1920-ci il dekretinin əsas müddəaları:

- Dekret, yalnız vətəndaş nikahlarının qanuni olduğunu bəyan edirdi.
- Çoxarvadlılıq və çoxərliyin ləğvi ilə nikahda təknikahlıq prinsipi tətbiq olunurdu.
- Nikah bağlamaq üçün tərəflərin könüllü razılığı əsas götürülürdü.
- Nikahdankənar doğulan uşaqlara nikahda doğulan uşaqlarla eyni hüquqlar verilirdi.
- Əvvəlki 1917-ci il dekretində kişilər üçün 16, qadınlar üçün 13 yaş müəyyən edilsə də, 1920-ci il dekretində bu yaş həddi kişilər üçün 18, qadınlar üçün 16 yaşa qaldırılmışdı.

Bu dəyişikliklər, xüsusilə kənd yerlərində geniş yayılmış erkən evlilik praktikasının qarşısını almağa yönəlmişdi [Abasov 2009, 24-25].

19 may 1920-ci ildə Azərbaycan SSR-in Daxili İşlər üzrə Xalq Komissarlığı tərəfindən qəbul edilmiş qanun, vətəndaş vəziyyəti aktlarının (VVAQ) qeydiyyatını dövlətin nəzarətinə verərək dini nikahların hüquqi qüvvəsini tanımadı. Bu qanuna əsasən, VVAQ orqanlarının "kəbin aktının siyahılaşmasında, yaxud bu və ya digər tərzdə onun tərtib edilməsində və şahidliyində iştirakı" qadağan edilmişdi. Bu tədbir, Sovet hökumətinin dinin ailə və nikah münasibətlərindəki təsirini azaltmaq və ailə institutunu sosialist ideologiyasına uyğunlaşdırmaq siyasətinin bir hissəsi idi. Əlavə olaraq, 1920-ci il mayın 22-də Azərbaycan SSR-in Daxili İşlər Komissarlığının əmri ilə doğum, ölüm, nikahın bağlanması və adın, soyadın dəyişdirilməsi faktlarının qeydiyyatı İnkilab Komitələri yanında fəaliyyət göstərən VVAQ şöbələrinə həvalə edilmişdi. Bu dəyişikliklər, dini nikahların hüquqi qüvvəsinin tanınmamasını və yalnız dövlət qeydiyyatının hüquqi əsas kimi qəbul edilməsini təmin edirdi [Məmmədov Zaur, 123].

1920-ci illərdə Sovet hökuməti, erkən evlilikləri rəsmi olaraq qadağan etdi. Bu qanunlara əməl etməyənlər ciddi cəzalandırılırdı. Bu tədbirlər, xüsusilə kənd yerlərində geniş yayılmış erkən evlilik praktikasının qarşısını almağa yönəlmişdi [Mishina, 44].

1921-ci ildə Azərbaycan SSR-nin ilk konstitusiyasında bütün sahələrdə qadın və kişilərin bərabərliyi barədə qanun (maddə 79) qəbul olundu. Çoxarvadlılıq, erkən evlilik, məcburi nikah halları cinayət hesab

edildi və qızlar üçün nikah yaşı 16 yaş təyin edildi. Əslində, bu qanunların qəbul edilməsi cəmiyyət üçün müsbət hal idi. Azərbaycan ərazisində 1872-ci ilədək imperiyaya xidmət edən bir qrup cahil və satqın ruhanilərin verdikləri dini fətvaya görə evlilik yaşı qızlar üçün 9, oğlanlar üçün 12 hesab olunurdu. 1872-ci ildən sonra qızlar üçün 13, oğlanlar üçün 15 oldu [Грациан, 24].

Çoxarvadlılıq, erkən evlilik, məcburi nikah hallarından ən çox narazı olanlar da müsəlman qadınlar idi. Lakin, onlar qorxduqları üçün bu hallara qarşı açıq etiraz edə bilmirdilər. 1921-ci Bakı qurultayına qatılan 1188 qadın nümayəndədən 815 nəfəri Bakıdan olan azərbaycanlı qadınlar idi. Onların əsas şikayətləri 9-12 yaşında qızların ərə verilməsi məsələsi idi.

9 fevral 1923-cü ildə Azərbaycan SSR Mərkəzi İcraiyyə Komitəsi (MİK) tərəfindən qəbul edilmiş dekret, 28 aprel 1920-ci ildən sonra dini ayinlərlə bağlanan kəbinlərin hüquqi qüvvəsini tanıyırdı. Bu qərar, Sovet hökumətinin ailə və nikah münasibətlərini dünyəvi hüquq çərçivəsində tənzimləmək siyasətinin bir hissəsi idi.

Əsas müddəalar bunlar idi:

- Dekretə əsasən, 28 aprel 1920-ci ildən sonra şəriətə uyğun olaraq bağlanan dini kəbinlər vətəndaş hüquqları baxımından etibarsız sayılırdı.

- Əvvəlki qanunvericilikdə kişilər üçün 16, qadınlar üçün 13 yaş müəyyən edilmişdi. Yeni qanunla bu yaş həddi kişilər üçün 18, qadınlar üçün 16 yaşa qaldırıldı.

- Yeni qanunvericilik, həyat yoldaşlarından birinin yaşayış yerini dəyişməsi halında digərinin onu izləmək məcburiyyətini aradan qaldırırdı.

Bu dəyişikliklər, Sovet hökumətinin dini təsirləri azaltmaq və ailə institutunu sosialist ideologiyasına uyğunlaşdırmaq məqsədini güdürdü [Azərbaycan tarixi, 2008].

Sovet hakimiyyəti dövründə Azərbaycan SSR-də qadın hüquqlarının qorunması və patriarxal münasibətlərin ləğvi məqsədilə bir sıra hüquqi islahatlar həyata keçirilmişdir. Bu islahatlar çərçivəsində, 10 iyun 1923-cü ildə Azərbaycan Mərkəzi İcraiyyə Komitəsinin 3-cü sessiyasında qəbul edilmiş qərara əsasən, Cinayət Məcəlləsinin 96-cı maddəsinə uyğun olaraq çoxarvadlılıq və yaxın qohumların nikaha daxil olması cinayət məsuliyyəti daşıyan əməllər kimi tanınmışdır. Daha sonra, 26 dekabr 1925-ci ildə qəbul edilmiş əlavə maddələrlə bu məsuliyyətlər genişləndirilmişdir:

- Maddə 96b: Nikah yaşına çatmayan şəxslə nikaha daxil olma.
- Maddə 159a: Qadının valideynləri, qəyyumları və ya qohumları tərəfindən onun iradəsi olmadan nikaha məcbur edilməsi.
- Maddə 159b: Qadının iradəsi olmadan nikaha daxil olmaq məqsədilə qaçırılması.
- Maddə 169q: Qadının valideynləri və ya maddi səbəblərə görə asılı olduğu şəxslər tərəfindən satılması.
- Maddə 159d: Qadının azadlığını və hüquqlarını həyata keçirməsinə mane olmaq və nəticədə onun ölümünə səbəb olmaq.

Bundan əlavə, nikah yaşına çatmayan şəxslə nişanlanma və qadının məktəb, klub və digər mədəni-maarif müəssisələrinə getməsinə mane olmaq da cinayət məsuliyyəti daşıyan əməllər kimi müəyyən edilmişdir. Bu tədbirlər, qadınların hüquqlarının qorunması və onların cəmiyyətin bərabərhüquqlu üzvləri kimi tanınması istiqamətində atılmış mühüm addımlar olmuşdur.

1926-cı ildə qəbul edilən "Nikah, Ailə və Qəyyumluq Məcəlləsi", 1918-ci il məcəlləsinin yerini alaraq, ailə münasibətlərində bir sıra yeniliklər gətirdi. Bu məcəlləyə əsasən:

- Boşanma prosedurları sadələşdirildi; ər-arvad məhkəməyə müraciət etmədən, yalnız qeydiyyat idarələrində nikahı pozdurmaq hüququna malik oldular.
- Qeyri-rəsmi birlikdə yaşayan cütlüklərin münasibətləri hüquqi baxımdan tanındı və onlara rəsmi nikahla eyni status verildi.
- ər-arvad arasında birgə mülkiyyət prinsipi tətbiq edildi, bu da boşanma zamanı qadınların maddi cəhətdən qorunmasını təmin etdi.
- Əvvəlki qanunvericilikdə mövcud olan "kollektiv atalıq" anlayışı ləğv edildi; uşağın atası məhkəmə tərəfindən müəyyən olunurdu.
- Yetim uşaqların ailələrə verilməsi təşviq edildi və bu uşaqlara torpaq sahəsi daxil olmaqla, ailə üzvləri ilə bərabər hüquqlar verildi.

Bu dəyişikliklər, qadınların sosial və iqtisadi həyata cəlb olunmasını və ailə institutunun sosialist prinsiplərə uyğun olaraq yenidən qurulmasını hədəfləyirdi [Goldman, 369].

1930-cu illərdə Sovet Azərbaycanında qadınların savadsızlığının ləğvi istiqamətində aparılan genişmiqyaslı kampaniyalar nəticəsində əhəmiyyətli irəliləyişlər əldə edilmişdir. Bu dövrdə qadınların çadra atması, təhsil alması və istehsalat sahələrində fəal iştirak etməsi geniş vüsət almışdır.

1931-ci ilin sonuna qədər savadsızlığın ləğvi mərkəzlərində 62,203 qadın təhsil alırdı. Bundan əlavə, yay aylarında yaylaqlarda və

köçəri düşərgələrdə 12,919 qadına oxuma-yazma öyrədilmişdir. Bu tədbirlər, qadınların maarifləndirilməsi və cəmiyyətə inteqrasiyası baxımından mühüm rol oynamışdır. 1932-ci ilin dekabrında Azərbaycan Mərkəzi İcraiyyə Komitəsi tərəfindən qəbul edilmiş qərarla qadınlar üçün müstəqil savadsızlıqla mübarizə qruplarının yaradılması, bu qruplara müəllimlərin təyin edilməsi, dərş vəsaitləri ilə təmin olunması və uşaqlar üçün uşaq otaqlarının təşkil edilməsi kimi tədbirlər nəzərdə tutulmuşdur. Bu qərar, qadınların təhsil imkanlarının genişləndirilməsi və onların cəmiyyətin fəal üzvlərinə çevrilməsi istiqamətində atılmış mühüm addım olmuşdur [AzKPMK səh. 77].

Bu dövrdə qadınların savadsızlığının ləğvi və onların ictimai həyata fəal cəlb olunması, Sovet hökumətinin qadın azadlığı və bərabərliyi siyasətinin əsas istiqamətlərindən biri olmuşdur.

1930-cu ildə Sovet Azərbaycanında həyata keçirilən “Məktəbəqədər yürüş” kampaniyası, qadınların əmək fəaliyyətinə cəlb olunmasını asanlaşdırmaq və uşaqların erkən yaşlardan ictimai tərbiyyəyə yönəldilməsini təmin etmək məqsədi daşıyırdı. Bu təşəbbüs çərçivəsində, tərbiyəvi uşaq idarələrinin köməyi ilə qadınların iş həyatına qoşulması üçün şərait yaradılmışdır. Nəticədə, 1934-cü ildə Azərbaycanda 50 min uşağın tərbiyə aldığı 1113 stasionar uşaq bağçası fəaliyyət göstərirdi. Bu, Sovet hökumətinin qadınların ictimai və iqtisadi həyata fəal şəkildə cəlb olunması və uşaqların erkən yaşlardan kollektiv tərbiyə sistemində inteqrasiyası siyasətinin bir hissəsi idi [ИГПАз.ССР, с. 440].

Bu qərarlar yalnız hüquqi deyil, eyni zamanda ideoloji silah idi – məqsəd dini və milli identikliyi zəiflətmək və yeni “sosialist vətəndaş” modelini formalaşdırmaq idi. Patriarxal ailə modelinə əsaslanan ənənəvi ailə münasibətləri Sovet ideologiyasına uyğun gəlmədiyindən, qadın və kişilər arasında bərabərlik prinsipini möhkəmləndirmək üçün geniş təbliğat aparıldı. Sovet hökuməti dinin cəmiyyətdə rolunu minimuma endirmək üçün repressiv siyasət həyata keçirdi. Bu, ailə daxilindəki dini və patriarxal adət-ənənələrin zəifləməsinə səbəb oldu.

Qadının ailədəki və cəmiyyətdəki rolu dəyişdirilir, o, istehsalat həyatına və ictimai sahəyə çıxarılır, evə qapalı mövqedən azad edilir. Bu prosesdə qadının çadranı atması, məktəbə getməsi, əmək fəaliyyətinə qatılması, sosialist istehsalatına inteqrasiya olunması ictimai yüksəliş kimi təqdim olunurdu. Bu dövrdə nikah yaşının yuxarı həddə qaldırılması, erkən nikah və məcburi evliliklərin cinayət məsuliyyəti daşınması, qadının iradəsinə qarşı nikahın qeyri-qanuni elan edilməsi kimi addımlar ilk baxışda qadın azadlığını təşviq edən humanist yanaşma kimi görünə də,

bu, həm də mərkəzi sovet ideologiyasının Azərbaycan ailəsinə daxil olması və onu transformasiya etməsi idi.

Sovet dövründə qadınların əmək bazarına geniş şəkildə cəlb olunması ailə institutunda mühüm dəyişikliklərə səbəb oldu. Sovet hökuməti qadınların istehsalat və idarəetmə sahələrində çalışmasını təşviq edirdi. Bu isə, onların iqtisadi asılılığını azaldı və ailə daxilində güclər balansını dəyişirdi. Bu dövrdə qızlar üçün təhsil məcburi hala gətirildi və bu, qadınların ictimai fəallığını artırdı. Təhsilli qadınların sayının artması ailə daxilində gender münasibətlərini də dəyişdirdi. Qadınların iş həyatına cəlb olunması ilə əlaqədar olaraq, Sovet hökuməti uşaq bağçaları və gündüz baxım mərkəzləri yaratdı. Bu isə, qadınların yalnız ev işləri ilə məşğul olma məcburiyyətini aradan qaldırırdı.

Sovet hakimiyyəti dövründə şəhər və kənd ailələri arasında mühüm struktur fərqləri meydana gəldi. Dövlətin sosialist ideologiyasına əsaslanan iqtisadi və mədəni siyasəti ailə münasibətlərinə fərqli təsir göstərdi. Şəhərlərdə sənayeləşmə və urbanizasiya prosesi ailə modelini dəyişdirsə də, kəndlərdə kollektivləşmə siyasəti ənənəvi ailə institutunun transformasiyasına səbəb oldu.

1929-cu ildən etibarən SSRİ-də məcburi kollektivləşmə siyasəti həyata keçirildi və bu, kənd yerlərində ailə quruluşuna ciddi təsir etdi. Kəndlərdə kollektiv təsərrüfatların (kolxoz və sovxozların) yaradılması nəticəsində fərdi torpaq mülkiyyəti ləğv edildi. Ailələr artıq öz torpaqlarını müstəqil şəkildə idarə edə bilmirdi və bütün üzvlər kollektiv təsərrüfatlarda çalışmalı idi. Əvvəllər ailə təsərrüfatları kənd iqtisadiyyatının əsasını təşkil edirdisə, kollektivləşmədən sonra ailələrin iqtisadi qərarvermə azadlığı məhdudlaşdırıldı. Bu, ailə başçılarının əvvəlki nüfuzunun zəifləməsinə gətirib çıxardı. Kənd yerlərində qadınlar və uşaqlar da kolxoz və sovxoz işlərinə cəlb edildiyi üçün ailə daxilindəki ənənəvi əmək bölgüsü dəyişməyə başladı. Bütün bu dəyişikliklər kənd ailələrinin əvvəlki iqtisadi və sosial strukturunu zəiflətdi, patriarxal ailə modelini sarsıtdı və kənd cəmiyyətlərində dövlətin təsirini gücləndirdi.

1930-cu illərin uşaq bağçası və məktəbəqədər tərbiyə kampaniyası, ailədə analıq funksiyasının qismən dövlətə transferi ilə nəticələnirdi. Bu, ailə institutunun zəifləməsinə səbəb olan əsas mexanizmlərdən biri idi.

Şəhərlərdə sənayeləşmə prosesi kəndlərdən fərqli olaraq, ailə institutunun transformasiyasını fərqli istiqamətdə inkişaf etdirdi:

- Sovet hakimiyyəti dövründə şəhərlərdə genişmiqyaslı sənayeləşmə nəticəsində ənənəvi geniş ailə modeli tədricən yerini kiçik

nüvə ailəsinə (valideynlər və uşaqlardan ibarət ailə) verdi.

- Şəhər ailələrinin əksəriyyəti sənaye müəssisələrində çalışan işçilərdən ibarət idi. Ailə üzvlərinin hamısı işlədiyi üçün ev təsərrüfatı və ailədaxili münasibətlərdə yeni dinamikalar yarandı.

- Şəhərlərdə dövlət ailə üzvlərinin sosial rifahına nəzarət edirdi. Məsələn, uşaqlar bağçalara, məktəblərə göndərilir, iş yerlərində qadınlar üçün xüsusi güzəştlər nəzərdə tutulurdu. Bu isə, ailə institutunun tək cə fərdi qurum kimi deyil, eyni zamanda dövlətin bir parçası kimi fəaliyyət göstərməsinə səbəb oldu.

Sənayeləşmə və urbanizasiya şəhər ailələrinin həyat tərzini kökündən dəyişdirdi və yeni ailə formalarının meydana çıxmasına səbəb oldu.

Sovet hökumətinin rəsmi ideologiyası ateizmi və elmi dünyagörüşünü təşviq edirdi. Bu isə, ailə institutunun dini və mənəvi dəyərlərini də dəyişdirdi. Sovet dövründə dini nikah qadağan edildi və yalnız dövlət qeydiyyatına alınan nikahlar qanuni sayıldı. Bu, dini ənənələrin zəifləməsinə səbəb oldu. Dini tədris və dini bayramlar dövlət tərəfindən məhdudlaşdırıldı. Nəticədə, ailələrdə uşaqların tərbiyəsində dini dəyərlərin təsiri getdikcə azaldı. Dini inancların zəiflədilməsi ilə yanaşı, Sovet ailə modeli daha çox elmi və sosialist ideyalar üzərində quruldu. Bu modeldə ailənin əsas məqsədi sosialist vətəndaşlar yetişdirmək və kollektiv həyat tərzinə uyğunlaşmaq idi [Abasov 2009, 33-34].

▪ **İ. Stalinin yaratdığı “sovet ailəsi” modeli**

İosif Stalinin rəhbərliyi dövründə Sovet İttifaqında tətbiq olunan ailə siyasəti totalitar idarəetmə modelinin əsas ideoloji dayaqlarından birinə çevrildi. 1920-ci illərdə bəzi anarxist və feminist yönümlü bolşeviklərin təşəbbüsləri nəticəsində ailə institutunun zəiflədilməsi tendensiyası müşahidə olunsa da, Stalin hakimiyyətə gəldikdən sonra bu tendensiyanın qarşısı alındı. O, ölkənin ideoloji və sosial sabitliyini təmin etmək məqsədilə ailə institutunu yenidən möhkəmləndirmək zərurətini anladı. Bu məqsədlə bəzi patriarxal dəyərlərin yenidən aktuallaşdırılması və ailənin dövlət nəzarətinə verilməsi prosesi başlandı.

Stalin özünü ideoloji və siyasi sistemin mərkəzində “atalıq” fiquru kimi təqdim edərək, cəmiyyəti vahid ailə modelində birləşdirməyə çalışdı. Bu modeldə dövlət – mütləq patriarx rolunu oynayır, Stalin isə, bu patriarxal quruluşun simvolik atası kimi çıxış edirdi. Bu yanaşma “şəxsiyyətə pərəstiş” kultunun formalaşmasına zəmin yaratdı və totalitar

idarəçiliyin legitimləşdirilməsində mühüm rol oynadı. Feodalizmdən fərqli olaraq, bu sistemdə fərdi kimliklər sosial kollektivlərdə (xüsusilə əmək kollektivlərində) əriyir, xüsusi mülkiyyətin ləğvi və sinfi təbəqələşmənin aradan qaldırılması ilə "sovet insanı" obrazı formalaşdırılırdı. Bu modelin bir variantı kimi "orta statistik azərbaycanlı ailəsi" də həmin ideoloji çərçivəyə uyğun şəkildə formalaşdırılmışdı və SSRİ-nin süqutuna qədər bu model davam etdirildi.

Stalinin ailə siyasətini Qədim Roma imperatoru Oktavian Avqustun siyasəti ilə müqayisə etmək olar. Oktavian Avqust da imperiyanın dağılma təhlükəsi qarşısında ailə institutunu gücləndirməyə çalışmış, sosial sabitliyi ailə vasitəsilə təmin etməyə cəhd göstərmişdi. Hər iki lider – Stalin və Avqust – ailəni təkcə sosial deyil, həm də siyasi nəzarət aləti kimi görürdülər. Bu paralellər "dövlətin patriarxallaşdırılması" anlayışı çərçivəsində oxşarlıq təşkil edir: Oktavian Avqustun özünü tanrı elan etməsi ilə Stalinin şəxsiyyətə pərəstişə əsaslanan liderlik kultu eyni ideoloji mahiyyəti daşıyır – dövlətin simvolik atası olmaq.

Totalitar rejimlər ailəni və qadını ideoloji nəzarətin mərkəzinə çəkməklə cəmiyyətin idarəsini təmin etməyə çalışmış, qadının ya ailə, ya da dövlət patriarxatına tabe olması tələb olunmuşdur. Tarixi təcrübələr göstərir ki, bu cür sistemlər qadınların fəal iştirakı ilə bəzən inqilabi şəkildə dağıdılmışdır. Belə ki, Qədim Roma imperiyasının süqutunda ilk xristian qadınların rolu, İslam öncəsi cahiliyyə sisteminin dağıdılmasında ilk müsəlman qadınların fəaliyyəti və Çar Rusiyasının devrilməsində solçu feministlərin iştirakı bu baxımdan qeyd edilməlidir. Bu tarixi paralellər onu göstərir ki, qadınların azadlığı yalnız ailə institutunda deyil, həm də ümumi siyasi rejimlərin formalaşmasında və transformasiyasında mühüm amildir.

İosif Stalin rəhbərlik etdiyi Sovet rejimində bir tərəfdən ailə institutunu zəiflətməyə yönəlmiş anarxist-feminist bolşevik cərəyanlarını aradan qaldıraraq, ənənəvi ailə qurumunu dövlətin nəzarətinə aldı və onu ideoloji cəhətdən yenidən formalaşdırmağa başladı. Digər tərəfdən isə, onun həyata keçirdiyi kütləvi repressiyalar nəticəsində əsasən kişilərdən ibarət 40 milyon insan məhv edildi və milyonlarla ailə başsız qaldı. Bu siyasətin məqsədi hər nə qədər dövlətin total nəzarətinin təmin edilməsi və daxili təhlükəsizliyin qorunması idisə də, nəticədə yaranan demoqrafik gender disbalansı daha dərinə təhlil edilməli olan bir məsələdir. Bu disbalansın konkret məqsəd və nəticələri hələ də tarixi və sosioloji müstəvidə geniş müzakirə mövzudur.

Stalin SSRİ ərazisində əldə etdiyi total hakimiyyətdən istifadə edərək xalqların sosial və mədəni taleyinə birbaşa müdaxilə etməyə başladı. Repressiyalar, kütləvi sürgünlər, məcburi köçürmələr və etnik təmizləmələr, əslində, ənənəvi milli və mədəni kimliklərin sisteməlik şəkildə zəiflədilməsinə yönəlmişdi. Bu cür siyasətlər nəticəsində milli fərqliliklər və identiklər sovet ideologiyası çərçivəsində homojenləşdirilir, yeni “sovet xalqı” kimliyi formalaşdırılırdı.

Bu ideoloji layihənin mühüm istiqamətlərindən biri də ailə institutunun transformasiyası idi. Ailənin dövlət nəzarətinə götürülməsi və ənənəvi patriarxal dəyərlərin müəyyən dərəcədə yeni sosialist kontekstdə təkrar canlandırılması, “sovet ailəsi” modelinin yaradılması ilə nəticələndi. Bu model, həm dövlət nəzarətini legitimləşdirən, həm də sosial nəzarəti təmin edən bir vasitə idi. Totalitar dövlətdə necə ki, vahid ideologiya və vahid vətəndaş kimliyi (homo sovieticus) mövcud idisə, eləcə də vahid ailə modeli təbiiq olunmalı idi.

Bu ailə modeli təkcə SSRİ miqyasında deyil, onun tərkib hissəsi olan milli respublikalarda da sovet insanı identikliklərinin formalaşmasına təsir göstərdi. Beləliklə, 1930–40-cı illərdən başlayaraq “azərbaycanlı” kimliyi və onunla vəhdətdə inkişaf edən “azərbaycanlı ailəsi” fenomeni meydana gəldi. Bu yeni kimlik və ailə modeli, həm sovet ideoloji sisteminə uyğunlaşdırılmış, həm də müəyyən dərəcədə tarixi və mədəni ənənələri özündə qoruyan sintez formasında təşəkkül tapdı.

Sovet dövründə “Azərbaycanlı ailəsi” anlayışının meydana gəlməsi yalnız bir terminoloji yenilik deyil, həm də sosial və struktural dəyişikliklərin nəticəsidir. Burada "orta statistik anlayış" dedikdə, təcrübədə homogenləşdirilmiş bir ailə modeli nəzərdə tutulur ki, bu da cəmiyyətin sosial və mədəni strukturlarının müəyyən bir vahid formaya çevrilməsi ilə mümkün olmuşdur. Sosial təbəqələşmənin və mülkiyyət formalarının cəmiyyətdəki ciddi fərqləri, bu "orta statistik ailə modeli"nin yaranmasına mane olmuşdur. Məsələn, xanlıqlar dövründəki patriarxal və feodal strukturlar müəyyən sosial qruplar və təbəqələr arasında dərin uçurum yaratdığı üçün, cəmiyyətdə kəskin fərqlərin mövcud olması "orta azərbaycanlı ailəsi"nin yaranmasına şərait yaratmırdı.

Bu məsələnin fəlsəfi tərəfi, Althusserin ideologiya və dövlətin gücünün mədəniyyət üzərində təsirini izah edən anlayışı ilə əlaqədar ola bilər. Əgər Azərbaycan cəmiyyəti feodal təsərrüfat sisteminin və silahlanmış dövlətin ideoloji və iqtisadi strukturları ilə parçalanmışsa, bu zaman orta bir ailə modeli, sosial inteqrasiya üçün mümkün olmayan bir

hədəf idi.

Cəmiyyətin dərin sosial təbəqələşməsi və mülkiyyət bərabərsizliyi feodalizmin mərkəzində yer alır və cəmiyyətdəki fərqli sosial qruplar arasında dərin fərqlər yaradır. Bu isə, sosial qruplar arasında birliyə əsaslanan ümumi bir "azərbaycanlı ailəsi"nin meydana gəlməsini əngəlləyirdi. Max Veberin sosial təbəqələşmə nəzəriyyəsiəndən istifadə edərək deyə bilərik ki, cəmiyyətdəki "sosial qapalı strukturlar", mədəniyyətin və dəyərlərin yalnız müəyyən təbəqələrin içində möhkəmlənməsinə səbəb olurdu. Həmçinin, feodal cəmiyyətdə sosial mobillik çox məhdud olduğundan, cəmiyyətin sosial təbəqələri arasındakı fərqlər dəyişməz qalmışdır. Bu təbəqələşmə və fərqliliklər yalnız cəmiyyətin strukturunun deyil, həm də onun əxlaqi və mədəni dəyərlərinin təhrif olunmasının səbəbidir. Bu mənada, tələb olunan cəmiyyətin sosial və ideoloji homogenləşməsi mümkün olmamışdır.

Cəmiyyətdəki ifrat kollektivism və feodal sistemin təsirindən imtina edilməsi, həqiqətən də bu anlayışın toplumun kollektiv həyatını strukturlaşdırma və birləşdirmə məqsədini başa çatdırmaq üçün vacib idi. Feodal sistemin çöküşü, sosial dəyişikliklərə şərait yaratdı, çünki bu zaman şəxsi mülkiyyətin və iqtisadi sərbəstliyin güclənməsi ilə əlaqəli sosial integrasiya artıq mümkün oldu.

Sovet dövründə bu dəyişikliklər ideoloji nəzarətin güclənməsi ilə mümkün oldu. Sovet dövründə dövlətin ideoloji sisteminin güclü şəkildə tətbiq olunması, kollektivləşmə və homogenləşmə dəyərlərini cəmiyyətin fərqli təbəqələrində bərqərar etməyə çalışmışdır.

Azərbaycan Xalq Cümhuriyyətinin (AXC) yaranması, Azərbaycanın müstəqil bir dövlət kimi formalaşması prosesini başlatmışdır. Lakin, AXC-nin daxili sabitsizliyi və qısa müddətli varlığı, bu dəyişiklikləri daha da çətinləşdirmişdir. Dövlətin varlığı, yalnız bir ideoloji, mədəni və sosial təşəbbüs kimi deyil, həm də sosial-siyasi bir real təcrübə kimi həyata keçirilmişdi. Cəmiyyətin dəyişməsi, müstəqilliyin qorunması və milli kimliyin formalaşması məsələsi bu dövlətin fəaliyyətində daha dərin problemlər yaradırdı.

Burada Karl Marksın dövlətin və inqilabın sosial və iqtisadi təhlilini nəzərə alaraq deyə bilərik ki, cəmiyyətin strukturunda əsl dəyişikliklər yalnız sovet dövründə həyata keçirilmişdir, amma AXC-nin müvəqqəti varlığı bu dəyişikliklərin real təsirinə imkan verməmişdir. Bu da, dövlətin formalaşmasının yalnız sosial və mədəni ideoloji səviyyədə mümkün olduğunu göstərir.

Azərbaycan cəmiyyətindəki sosial təbəqələşmə, feodal

strukturların mövcudluğu və kollektivizmə dayanan dəyərlər, bir "orta azərbaycanlı ailəsi" anlayışının meydana gəlməsinə şərait yaratmırdı. Sovet dövründə bu cür dəyişikliklər həyata keçirilməyə çalışılsa da, milli kimlik və sosial integrasiya məsələləri hələ də mürəkkəb və çoxqatlı idi. AXC-nin qısa müddət ərzindəki fəaliyyəti və onun içindəki siyasi çətinliklər, bu məsələnin tam həllinə mane olmuşdur.

SSRİ rəhbərliyi, xüsusilə İosif Stalin dövründə milli respublikaların idarə olunmasında digər millətlərin nümayəndələrini yüksək vəzifələrə təyin edirdi. Bu da çox zaman "etibarlı kadr siyasəti" adı altında həyata keçirilirdi və mərkəzin maraqlarına uyğun olan şəxslər seçilirdi.

Levon Mirzoyan 1926–1929-cu illərdə Azərbaycan Kommunist (bolşevik) Partiyasının Mərkəzi Komitəsinin birinci katibi vəzifəsində çalışıb. Onun dövründə sovetləşmə siyasəti daha da dərinləşib, kənd təsərrüfatında kollektivləşdirmə prosesləri başlamış və repressiv idarəçilik metodları tətbiq edilmişdir.

Ruben Rubenov isə qısa müddət 1933-cü ildə eyni vəzifədə – Azərbaycan Kommunist Partiyası Mərkəzi Komitəsinin birinci katibi olub. Rubenovun dövrü də mərkəzin sərt siyasətləri ilə səciyyələnir. Onun da Moskvaya yaxınlığı və yerli əhaliyə qarşı sərt münasibəti ilə yadda qaldığı vurğulanır.

Bu şəxslərdən əlavə, Sovet Azərbaycanın daxili işlər sistemində, xüsusilə NKVD və digər repressiv orqanlarda da erməni mənşəli şəxslərin təyinatı geniş yayılmışdı. Bu strukturda çalışan erməni kadrların bəziləri repressiyalar dövründə yerli ziyalılara qarşı həyata keçirilən təqiblərdə və ittihamlarda fəal rol oynamışdılar.

Bu siyasət, zamanla Azərbaycan əhalisində narazılıq yaradıb və bu tarixi yaddaş milli kimliyin formalaşmasında mühüm yer tutub. Sovetlərin "internasionalizm" siyasəti adı altında həyata keçirdiyi bu tip kadr siyasətinin etnik balansını pozduğu, yerli kadrların sıxışdırıldığı və milli özünüdərkini ləngidildiyi haqqında bir çox tədqiqatlar mövcuddur.

1921–1954-cü illər arasında SSRİ Daxili İşlər Nazirliyinin (DİN) və digər repressiv orqanların qərarı ilə 3.7 milyon nəfər mühakimə olunub, onların içində yüz minlərlə insan ya güllələnib, ya sürgün olunub, ya da ağır repressiv rejimlərə məruz qalıb. Bunların əksəriyyəti Sovet Azərbaycanında yaşayan insanlardır və onların böyük qismi də ailə başçıları olub. Bu fakt Azərbaycan ailəsinin bir struktur kimi dağılmasına və mədəni, sosial yaddaşının pozulmasına səbəb olmuşdur. Ailənin daşdığı ənənəvi funksiyalar – tərbiyə, mənəvi dəyərlərin ötürülməsi,

sosiallaşma prosesi – ciddi şəkildə zədələnmişdir (Abasov 2011, s. 22-24).

1920–1921-ci illərdəki qırmızı terror zamanı 48 minə yaxın insanın öldürülməsi, bu insanların arasında ziyalıların və tanınmış ictimai fiqurların üstünlük təşkil etməsi, Azərbaycan ailəsinin intellektual dayaq nöqtələrinin sistemli şəkildə yox edilməsinə işarədir. Bu, təkcə fərdlərin deyil, bir neçə nəslə əhatə edən ailə zəncirinin də qırılmasına səbəb olmuşdur. Ailə institutu, bu mənada təkcə bioloji və sosial deyil, mədəni və ideoloji zəmində də zəiflədilmişdir.

1937-ci il siyahıyaalması göstərir ki, əhəlinin sayı azalıb, planlaşdırılan artım isə reallaşmayıb. Bu isə göstərir ki, ailə institutuna qarşı aparılan ideoloji və fiziki zorakılıq, ölkənin ümumi demoqrafik dinamikasına mənfi təsir göstərmişdir. Əgər bir cəmiyyətdə ailə dağılırsa və uşaq doğumu azalırsa, bu, təkcə statistik problem deyil, həm də millətin gələcəyinə yönəlmiş təhlükədir. Repressiyalar nəticəsində atalarını itirən və ya sürgünə göndərilən ailələr, ya parçalanmış, ya da sosial dəstək sistemindən məhrum olmuşdur.

Bu dövrdə ailələrin yaşadığı qorxu, inamsızlıq və ictimai təcrid, kollektiv travma yaratmış və nəsil-dən-nəslə keçmişdir. Azərbaycan ailəsi, bu səbəbdən öz psixoloji və mədəni kimliyini qorumaqda çətinlik çəkmişdir. Çünki repressiya sadəcə fiziki məhv etmə deyildi – bu, sosial yaddaşın silinməsi, ailə institutunun daxildən parçalanması və sosial təcrid siyasəti idi. Bu səbəbdən, Azərbaycanın ailə modelində susqunluq, qorxu və özünüsensura mədəniyyəti formalaşmışdır.

Məlum rəqəmlər yalnız rəsmi qeydə alınmış hallardır, qeyri-rəsmi qurbanların sayı isə bilinmir və araşdırılmalıdır. Bu fakt, hüququn aliliyi prinsipinin pozulduğunu, qanunsuzluğun sistemli xarakter aldığını göstərir. Belə bir mühitdə ailə, təhlükəsizlik və sabitlik funksiyasını yerinə yetirə bilməzdi. Bu da öz növbəsində ailə münasibətlərində gərginlik, fərdi travmalar və ictimai adaptasiya problemləri yaradırdı.

Bu tarixi mərhələdə Azərbaycan ailəsi, həm ideoloji dövlət zorakılığına, həm də repressiv strukturların institusional təzyiqlərinə məruz qalmışdır. Bu vəziyyət, təkcə fiziki məhv etmə ilə deyil, həm də sosial mühəndislik siyasəti ilə həyata keçirilmişdir. Bütün bu faktlar göstərir ki, sovet dövrünün repressiv siyasəti Azərbaycan ailəsinin daxili strukturlarını dağıdıb, ailə yalnız bioloji bir qurum kimi deyil, həm də ideoloji və mənəvi daşıyıcı kimi hədəf alınmış və nəticədə, Azərbaycan cəmiyyəti uzunmüddətli psixoloji, demoqrafik və mədəni travmalara məruz qalıb.

Bu dövrdə ən diqqətçəkən məqam – mədəni yaddaşın və milli

kimliyin tədricən pozulması prosesidir. Azərbaycan xalqının adının dəyişməsi (müsəlman türklər → tatarlar → azərbaycanlılar), Əlifba dəyişiklikləri vasitəsilə tarixi və dini ədəbiyyatın oxunmaz hala gətirilməsi, İslamın "fərdi" səviyyəyə endirilməsi və sositumdan çıxarılması – bunlar mənəvi özünüdərk prosesini zəiflətdi [Abasov 2009, 37-39]. Bu transformasiya yalnız hüquqi və sosial deyil, həm də ontoloji və epistemoloji bir dönüş idi – xalqın zamanla, məkanla və tarixi ilə əlaqəsi pozulurdu. Bu baxımdan “qara boşluq” anlayışı olduqca simvolik və dərin mənə daşıyır – bu, kollektiv şüurun yaddaşsızlaşdırılması prosesidir.

Cəlil Məmmədquluzadənin “*Anamın kitabı*” əsəri burada metaforik rəmz kimi yer alır. Bu əsərdə ailə – cəmiyyətin modeli kimi təqdim olunur. Ana – millətin təmsilçisi, kitab isə mədəni yaddaş, dini və mənəvi miras rolundadır. Üç qardaş – mədəniyyətlərin (türk, fars, rus) təsiri altında qalan şüur hallarıdır. Kitabın boş səhifələrlə olması isə – keçmişin silinməsi və gələcəyin hələ yazılmamış olmasını simvollaşdırır. Sovet modernləşməsi bu kitabın yazılmasına icazə vermədi – nəticədə xalq özünü tamamlamamış, yarımçıq, parçalanmış hiss edir.

Bu kitab Azərbaycan xalqının mədəni varlığının simvolik təəcəssümüdür. Kitabın oxunmaması, yarımçıq qalması və boş səhifələrinin olması – xalqın öz tarixi, kimliyi və mədəni yaddaşı ilə tam və davamlı təmasda olmamasının göstəricisidir. Bu, M. Heideggerin “unutulmuş varlıq” anlayışı ilə uzlaşır: varlıq (burada milli kimlik və mədəni yaddaş) mövcuddur, lakin unudulmuş və ya təhrif olunmuş formada.

Ana obrazı isə, mədəni yaddaşı qorumağa çalışan ənənəvi mahiyyət kimi təfsir oluna bilər. Ana, milli kimliyi təmsil edən kitabı oğullarına oxutmağa çalışır – bu, xalqın fərdiyyətini və milli özünüdərkinin bərpası yönündə səslənən fəlsəfi çağırışdır.

Üç qardaşın fərqli dillər və mədəniyyətlər (türk, fars, rus) əsasında formalaşmış şüuru, Azərbaycan cəmiyyətində epistemoloji parçalanmanı – bilik və dəyərlərin heterogenliyini simvolizə edir. Bu parçalanma nəticəsində heç biri ortaq “mədəni yaddaş kitabını” oxumağa və ya dərk etməyə qadir olmur. Burada Mişel Fukonun “bilik və hakimiyyət” münasibətləri nəzərə çarpır: hər bir qardaş öz mənsub olduğu sistemin ideoloji diskursunu daşıyır, bu isə, ümummilliy epistemik sahənin yaranmasına mane olur.

Azərbaycanın XX əsrin əvvəllərində qarşılaşdığı mədəni seçimlər (İran-fars, Osmanlı-türk, Rusiya-rus) Cəlil Məmmədquluzadə tərəfindən

postkolonial identiklik böhranı kimi təqdim edilir. Hər qardaş fərqli sivilizasiyanın təsirində formalaşaraq, hibrid kimlik daşıyıcısına çevrilmişdir. Lakin, ortaq milli identiklik bu fərqli təsirlər altında itir və yalnız ana – xalqın mədəni kökü – həmin identikliyi bərpa etməyə çalışır.

Sovetləşmə Azərbaycan cəmiyyətində “yeni insan” – homo sovieticus – yaratmaq üçün süni subyektivlik forması təqdim etdi. Lakin, bu ideoloji layihə insanın mahiyyətinə yad olduğu üçün uğursuzluğa uğradı. Burada Jean-Paul Sartırın “insan əvvəlcə yoxdur, sonra özü-özünü yaradır” fikri ilə uyğunluq var – sovet sisteminin yaratmaq istədiyi fərd “özünü yarada bilmədi”, çünki o, total nəzarət altında varlıq azadlığından məhrum idi.

▪ Azərbaycan sovet ailəsi II Dünya müharibəsi və sonrakı dövrdə

Azərbaycan SSR-in İkinci Dünya Müharibəsində faşist Almaniyasına qarşı mübarizədə göstərdiyi töhfələr – 700.000 nəfərin cəbhəyə göndərilməsi, qadınların da döyüş əməliyyatlarında iştirakı – milli fədakarlıq və cəmiyyətin ümumi səfərbərliyini nümayiş etdirir. Lakin bu, eyni zamanda Azərbaycan ailə institutuna ağır demografik və psixoloji zərbə olmuşdur. Bu dövrdə ər və oğulların müharibəyə səfərbər olunması nəticəsində çoxsaylı ailələr ata və ya oğullarını itirmiş, qadınlar təkbaşına ailənin sosial və iqtisadi yükünü daşımaq məcburiyyətində qalmışdır. 11 min qadının döyüşə göndərilməsi, qadının sosial statusunda dəyişikliklərə səbəb olmuş, onun ailədəki və cəmiyyətdəki rolunun transformasiyasını başlamışdır. Bu faktorlar Azərbaycan ailəsinin ənənəvi patriarxal strukturuna ciddi təsir göstərmişdir [Azərbaycan 2008, s. 3].

Əhalinin 3,3 milyondan 2,7 milyona düşməsi, bu 600 min nəfərlik azalma Azərbaycan ailəsinin cəmiyyət baxımından məhvi ilə nəticələnmişdir. Müharibə öncəsi qadın-k kişi nisbəti kişilər lehində olduğu halda, müharibədən sonra bu tarazlıq ciddi şəkildə qadınlar lehində pozulmuşdur. Bu isə, bir çox qadının ailə qurmaq imkanlarını məhdudlaşdırmış, tək ana ailələrinin yayılmasına səbəb olmuşdur. Bunun nəticəsində evli qadınların sayı azalmış, subay və ya dul qadınların sayı artmış, yeni ailələrin qurulması zəifləmiş, əhalinin təbii artım tempi aşağı düşmüşdür [Гурбанова, s. 63-65].

İnsan itkisi və sosial travmalar ailə strukturunda həm formativ, həm də funksional dəyişikliklər doğurmuşdur. Ailə başçısının itirilməsi nəticəsində matriarxal yönümlü ailə modelləri güclənmişdir. Sovet dövlətinin təbliğ etdiyi kollektivçilik ideyaları ilə bərabər, ailə fərdi

təşəbbüsdən uzaqlaşdırılmış, qadın-k kişi rolları ideoloji müstəvidə yenidən formatlaşdırılmışdır. Uşaqların valideynsiz qalması, uşaq evlərinin və dövlətin himayəsindəki qurumların yükünü artırmış, bu işə ailənin sosial tərbiyə funksiyasını zəiflətməşdir. 1955-ci ilə qədər, yəni müharibənin bitməsindən 10 il sonra, demoqrafik göstəricilər ancaq bərpa olunmağa başlamışdır.

Müharibədə qadınların fəallığı onların ictimai və ailə içi mövqeyinin yüksəlməsinə gətirib çıxardı. Bu proses gender rollarının dəyişməsinə və qadınların ailə içində daha aktiv subyektdə çevrilməsinə səbəb oldu. Lakin, bu eyni zamanda ənənəvi ailə modelindəki sabitliyin pozulması, cinslərarası münasibətlərdə tarazlığın və qarşılıqlı gözləntilərin dəyişməsinə doğurdu.

İkinci Dünya Müharibəsi dövrü Azərbaycan ailəsinin tarixində dönüş nöqtəsi olmuşdur. Ailə institutunun kəmiyyətə zəifləməsi (itkilər), keyfiyyətə transformasiyası (struktur və rol dəyişiklikləri), mənəvi baxımdan travmatizasiyası (psixoloji və sosial yüklənmələr) prosesləri baş vermişdir.

Bu tarixi mərhələ, Azərbaycan ailə institutunda mühüm bir transformasiya dövrü kimi qiymətləndirilə bilər. Qadınların iqtisadi və ictimai həyatda geniş yer tutması nəticəsində qadın-k kişi münasibətlərində nisbi balans yarandı, qadın kimliyi ailə ilə yanaşı, cəmiyyət çərçivəsində də formalaşmağa başladı, ailə daxilində qadınların liderlik mövqeyi gücləndi və yeni nəsillərin gender baxışlarında dəyişikliklər baş verdi. Bu dəyişikliklər, yalnız müharibənin doğurduğu zərurət deyil, həm də uzunmüddətli sosial və mədəni nəticələrə səbəb olmuşdur. XX əsrin ikinci yarısında qadınların təhsil səviyyəsinin artması, əmək bazarındakı iştiraklarının sabitləşməsi və ailə hüququnda hüquqlarının genişlənməsi də bu tarixi təməl üzərində qurulmuşdur.

1944-cü il 8 iyul fərmanı SSRİ-nin II Dünya müharibəsi dövründə demoqrafik və sosial-sabitlik siyasətinin bir hissəsi kimi meydana çıxmışdır. Sovet rəhbərliyi bu dövrdə ailəni təkcə şəxsi həyatın bir hissəsi kimi deyil, həm də dövlətin ideoloji dayağı kimi görməyə başlamışdı. Ailə dövlətin sabitliyinin qorunmasında və gələcək nəsillərin yetişdirilməsində əsas mexanizm kimi təqdim olunurdu. Fərmanda həm ailəyə, həm də qadına münasibətdə ideoloji istiqamət aydın görünür: ailə yalnız rəsmi nikah əsasında hüquqi status qazanır; qadının rolu yalnız ana və əməkçi kimi deyil, həm də tərbiyəçi və ailənin qoruyucusu kimi müəyyən olunur. Bu, ailə münasibətlərinin təşkili ilə yanaşı, etik və ideoloji tələblərin hüquq müstəvisinə keçməsi idi.

Fərmandan sonra boşanmanın çətinləşdirilməsi və onun “mənəvi səbatsızlıq” kimi qiymətləndirilməsi, ailə münasibətlərinin artıq yalnız şəxsi seçim deyil, həm də ictimai məsuliyyət daşdığını göstərir. Bu yanaşma sovet ideologiyasının ailəni “müqəddəs” bir ictimai institut kimi təqdim etməsinə xidmət edirdi. Bu şəraitdə ailə təkcə şəxsi münasibətlərin deyil, mənəvi və ideoloji dəyərlərin daşıyıcısı sayılırdı. Boşanma isə, fərdin ictimai gözləntilərə cavab verə bilməməsi kimi etik etiraz kimi təqdim olunurdu. Bu yanaşma, qadının hüquqi azadlıqlarını tanısa da, onların sosial rolunu məhdudlaşdırır, qadını yenidən patriarxal funksiyaların daşıyıcısına çevirirdi.

Qadına “Qəhrəman ana” fəxri adının verilməsi, onun çoxuşaqlı ailə modelindəki rolunun ideallaşdırılması idi. Bu addımlar dövlətin qadına olan münasibətində “instrumentalist yanaşma”-nı nümayiş etdirirdi – qadın həm əmək bazarında aktiv iştirak etməli, həm də ailə içərisində klassik rolları icra etməli idi. Bu, ikili yüklənmə problemi yaradırdı: qadın həm əməkçi, həm də ailədaxili yeganə məsuliyyət daşıyıcısı olurdu. Bu, qadının azadlıq və hüquqlarının tanınması ilə real sosial yükü arasında paradoksal vəziyyət yaradırdı.

Azərbaycan cəmiyyətində ailə tarixi patriarxal struktura malik olub və ailə başçılığı ənənəvi olaraq kişiyə məxsus sayılıb. Lakin müharibə dövrü bu strukturu dəyişdirdi. Müharibədə kişilərin böyük hissəsinin iştirakı qadınları ailə başçısı statusuna gətirdi. Müharibədən sonra isə, sovet siyasəti qadını yenidən ailənin təməli və qoruyucusu kimi təqdim etməyə başladı, lakin artıq onun ictimai fəallığını tam geri çəkmədən. Beləliklə, qadın Azərbaycan ailəsində həm ənənəvi rolunu saxladı, həm də dövlət tərəfindən müəyyən olunmuş “sovet qadını” modelinə uyğun olaraq yeni funksiyalarla yükləndi.

Sovet fərmanı və onun tətbiq mexanizmləri göstərir ki, ailə siyasəti sadəcə hüquqi deyil, ideoloji-sosial mühəndislik aləti olmuşdur. Bu mühəndislik prosesi isə, qadının hüquqi statusunu tanımaqla yanaşı, onun fiziki, psixoloji və mənəvi yükünü artırıb, azadlıq anlayışını ideoloji çərçivəyə salmışdır.

Əsas nəticələr:

- Ailə təkcə şəxsi həyat sahəsi deyil, siyasi və ideoloji quruma çevrilmişdir;
- Qadın həm hüquqi subyekt, həm də ideoloji obyekt funksiyası daşıyırdı;
- Azərbaycan ailəsi bu dövrdə hibrid model almışdır: ənənəvi patriarxal təməl ilə sovet ideoloji rol və sosial-fəal qadın obrazı sintez

olunmuşdur.

1953-cü ildə İ. Stalinin vəfatı və onun rejiminin süqutu nəticəsində SSRİ-də patriarxal sistem öz klassik liderini itirdi (İ. Stalin öz geyim və davranışları ilə bu imici yaratmağa çalışırdı). Onun ölümündən sonra (1953) hakimiyyətə gələn N. Xruşov bu ciddiyyəti tədricən ortadan qaldırdı. Tədricən SSRİ-də Qərbin təsirləri özünü biruzə verməyə başladı. Bu özünü, qismən liberallaşma meyillərində biruzə verirdi.

20-ci illərdən başlayaraq sovetləşmə prosesi, repressiyaların və II Dünya Müharibəsinin nəticəsində kişi əhalinin sayının kəskin şəkildə azalması və qadınların əmək bölgüsündə kişilərin yerini tutması, SSRİ ərazisində 50-ci illərdən sosial fəminləşmə prosesinin başlanğıcını qoydu.

▪ **Poststalin dövrü: Azərbaycan sovet ailəsi modelinin milliləşməsi**

XX əsrin ortalarında Sovet İttifaqında baş verən sosial-iqtisadi və ideoloji dəyişikliklər ailə institutuna birbaşa təsir göstərdi. Xüsusilə N. Xruşov dövründə həyata keçirilən liberallaşdırma siyasəti, təhsilin inkişafı, abort və doğuş siyasətinin dəyişməsi, qadının hüquqi və sosial statusunun yenidən müəyyən olunması Azərbaycan ailə modelinə də dərin təsir göstərdi. Bu dövrdə ailə artıq yalnız şəxsi münasibətlər sistemini deyil, həm də siyasi və ideoloji tərbiyə aparatını təmsil edirdi.

1950–60-cı illərdə ailənin sovet modelinə uyğunlaşdırılması prosesi dərinləşdi. Ailə dövlət üçün ideoloji reproduksiyanın aləti rolunu oynamağa başladı. Dövlət ailəyə tərbiyəvi, maarifləndirici və sosial yönləndirici funksiyalar yüklədi. Bu çərçivədə məktəblər, pioner və komsomol təşkilatları uşaqların tərbiyəsini üzərinə götürərək valideynin – xüsusən də ananın – əvvəlki funksiyalarını ikinci plana keçirdi. Ailə funksiyalarının parçalanması, ailənin əvvəlki müstəqil sosial institut kimi rolunu zəiflətdi.

Bu dövrdə qadının hüquqları nominal olaraq genişlənsə də, reallıqda onun sosial və ailədaxili yükü daha da artdı. 1950-ci ildə abortları qadağan edən qanun ləğv edildi, övlad dünyaya gətirmək hüququ və doğuşa nəzarət funksiyası analara və tibb müəssisələrinə verildi. SSRİ-də 60-cı illərdə kontraseptiv vasitələrin olmaması və hamilə qadınlar üçün tibbi xidmətin aşağı səviyyədə olması, abortların qarşısını alırdı. Cəmiyyətdə boşanmalara görə ictimai qınaq ortadan qaldırıldı, geyim formaları sərbəstləşdi, nikandankənar uşaqların sayı artdı.

Abortun leqallaşdırılması qadına öz bədənini üzərində hüquq verirdi, lakin bu, iqtisadi və sosial çətinliklər fonunda "məcburi seçim"

halına gəlirdi. Sovet qadını həm əmək bazarında fəal iştirakçı, həm də ailənin daxili daşıyıcısı kimi təqdim olunurdu. Qadının kişidən iqtisadi asılılığının azaldılması onun sosial rolunu dəyişdirsə də, patriarxal ailə strukturunun dərinlərində qalmaqda davam edirdi. Azərbaycan kontekstində bu ikili yük daha da kəskin hiss olunurdu: qadın ənənəvi ailə rollarını (ev işi, uşaq tərbiyəsi, yaşlılara qulluq) icra etməklə yanaşı, sovet qadını modelinə uyğun ictimai və siyasi fəallıq göstərməli idi.

Xruşovun həyata keçirdiyi kommunalka tipli mənzillərin ləğvi və fərdi mənzillərin verilməsi ailə münasibətlərində keyfiyyət dəyişikliyinə səbəb oldu. Ailə artıq fiziki və psixoloji müstəqillik əldə etməyə başladı. Daxili nizamını öz istəkləri ilə müəyyən etməyə başladılar. Şəxsi məkan olaraq mənzil, fərdi həyat modelinin inkişafına zəmin yaratdı. Bu islahatlar Azərbaycan ailə modelinin fərdiləşməsinə və ailədaxili münasibətlərin dəyişməsinə səbəb oldu.

1955-ci ildə N. Xruşov 12 həftəlik hamiləlik dövründəki abortların həyata keçirilməsi ilə bağlı yeni qanun qəbul etdi. 60-cı illərin ortalarında Avropada hormonal preparatların meydana çıxması kontraseptiv inqilaba səbəb oldu. Bu, bir tərəfdən qadınların arzuolunmaz hamiləlikdən asanlıqla azad olmasını təmin edərək qadınların kişilərdən asılılığının azalmasına şərait yaratdı.

1955-ci ildə abortun ləqəlləşdirilməsi və 1960-cı illərdə abort sayının kəskin artması (rəsmi 5.6 milyon) cəmiyyətin rifah səviyyəsinin aşağı olduğuna, qadınların reproduktiv hüquqlarını iqtisadi şərtlərlə nizamladığına işarə edir. Bu statistika aşağıdakı sosial faktorları üzə çıxarır:

- Qadının ictimai və istehsal sahəsindəki rolu ilə reproduktiv rolu arasında balans pozulmuşdur;
- Abortlar cəmiyyətin əxlaqi münasibətlərində liberalizasiya, lakin iqtisadi həyatında sərt təzyiq göstəricisi idi;
- Ərzaq qıtlığı, mənzil çatışmazlığı və gələcək üçün ümitsizlik qadını doğuşdan imtinaya sövq edirdi.

Bu, əslində qadının hüquqlarının artması ilə azadlığının azalma paradoksunu göstərir.

Azərbaycan ailəsi üçün bu dövr iki istiqamətli dəyişikliklərlə xarakterizə olunur.

- İdeoloji integrasiya: Ailə sovet ideallarına uyğun modelləşdirildi, qadın ictimai həyata cəlb olundu, amma bu, onun ənənəvi rolu ilə ziddiyyət təşkil etdi.

- Fərdiləşmə və müstəqillik: Mənzil islahatı və liberal yanaşmalar

ailənin daha qapalı, özəl bir struktur qazanmasına şərait yaratdı.

Bu dəyişikliklər nəticəsində Azərbaycan ailəsi “sosialist-patriarxal hibrid model” formasına keçdi: qadının formallıqda bərabər hüquqlu olduğu, lakin faktiki olaraq çoxsaylı funksiyaları üzərinə götürdüğü bir model.

1950–60-cı illər sovet siyasəti Azərbaycan ailə modelinə həm institusional təsir göstərmiş, həm də onun sosial strukturunu dəyişdirmişdir. Qadının ictimai rolu artmış, lakin bu, onun şəxsi həyatını yüngülləşdirməmişdir. Ailə, bir tərəfdən dövlətin ideoloji alətinə çevrilmiş, digər tərəfdən məkan və münasibətlər səviyyəsində fərdiləşmiş və qismən özəlləşmişdir. Bütün bu dəyişikliklər Azərbaycan cəmiyyətinin ailə quruluşunu post-sovet dövrdə də formalaşdıracaq əsas ideoloji və sosial dayaqları yaratmışdır.

Sovet ideologiyası ailəni yalnız şəxsi münasibətlər sahəsi kimi deyil, sosialist cəmiyyətin tərkib hissəsi və vətəndaşların ideoloji tərbiyəsində alət kimi gördü. Ailə institutunun birbaşa ideoloji nəzarətə alınması Azərbaycan ailəsinin də təbii funksiyalarına təsir etdi. Azərbaycan cəmiyyətində ailə yalnız bir sosial birlik deyil, həm də mədəni-mənəvi dəyərlərin daşıyıcısı, milli identiklik üçün önəmli institut idi. Sovet ideologiyası isə, bu müstəqil funksiyaları dəyişməyə və ailəni dövlətə tabe bir mexanizmə çevirməyə çalışdı.

Sosialist dövlət ailə institutuna alternativ kimi əmək kollektivini irəli sürdü. Bu, ailənin şəxsi və özəl sferadan çıxarılaraq ictimai nəzarətə alınmasına yönəlmişdi. Beləliklə, ailə artıq "tərbiyəvi-funksional" və "ideoloji-aparat" kimi fəaliyyət göstərməli idi. Bu, Azərbaycan ailəsindəki patriarxal münasibətlərə də təsir göstərdi: kişi ailənin əsas maddi təminatçısı olmaqdan çıxırdı, qadın isə həm ictimai, həm də ailədaxili funksiyaları yerinə yetirməli olurdu.

Qadının əmək fəaliyyətinə cəlb olunması və hüquqi baxımdan kişi ilə bərabərləşdirilməsi formal olaraq qanunvericilikdə təsbit edilsə də, real həyatda qadınların ikili yük daşması baş verirdi. Azərbaycan ailəsi kontekstində bu, qadının həm işdə, həm də evdə tam məsuliyyət daşması ilə nəticələndi. Qadının evdəki rolu dəyişmədən qalırdı – uşaqların tərbiyəsi, məişət işləri və ailənin mənəvi dayaqı olmaq.

Qeyd edək ki, bu dövrdə azərbaycanlı qadınların ictimai sferada daha fəal görünməyə başlaması, bir tərəfdən müsbət sosial inkişaf göstəricisi kimi qiymətləndirilə bilər. Lakin digər tərəfdən, ailə daxilindəki yükün balanssız paylaşılması, qadınların şəxsi rifahına mənfi təsir göstərmişdir.

Abortun leqallaşdırılması (1955), boşanmanın asanlaşdırılması (1965), aliment qanunvericiliyinin dəyişdirilməsi (1967) və ailə münasibətlərinin hüquqi tənzimlənməsi ilə bağlı qanunların qəbulu (1968) ailə institutuna hüquqi baxımdan müdaxilənin dərinləşməsinə göstərir. Bu, Azərbaycan ailəsinin strukturunda da dəyişikliklərə yol açdı – boşanma hallarının artması, qeyri-rəsmi nikahların genişlənməsi və qadınların hüquqi baxımdan daha müstəqil olması bu dövrün əsas meylləri oldu.

Eyni zamanda, bu dövrdə hüquqi tənzimləmələr ailə münasibətlərinin "rəsmi hüquq" və "mədəni norma" arasında parçalanmasına gətirib çıxardı. Yəni, qanun qadına hüquq versə də, cəmiyyətin patriarxal dəyərləri bu hüquqları reallıqda məhdudlaşdırırdı.

8 Martın qeyri-iş günü elan edilməsi qadınların formal şəkildə ictimai əhəmiyyətinin tanınması idi. Lakin bu simvolik tanınma real həyatdakı gender bərabərsizliyini aradan qaldırmaq üçün yetərli deyildi. Azərbaycan cəmiyyətində qadının rolunun simvolik təriflərlə deyil, real sosial mexanizmlərlə gücləndirilməsinə ehtiyac vardı. Lakin, sovet dövründə qadınlar həm ideoloji təbliğat obyektı, həm də sosial-iqtisadi sistemin təzyiqinə məruz qalan subyekt kimi çıxış edirdilər.

Azərbaycan ailə modeli bu dövrdə ikili bir kimlik qazanmışdı: bir tərəfdən dövlətin ideoloji və hüquqi təsiri ilə sovetləşdirilmiş bir struktur, digər tərəfdən isə dərin milli və dini köklərə əsaslanan bir model. Ailə daxilində nəsil münasibətləri, ailə başçısının rolu, qohumluq bağları və nikahın müqəddəsliyi kimi dəyərlər hələ də qorunub saxlanırdı. Bu ikili sistem bəzən ailə daxilində ziddiyyətlərə səbəb olurdu: məsələn, qadının işləməsi vacib sayılırdı, lakin ailə daxilində onun qərarvermə səlahiyyəti məhdud idi.

1950–60-cı illər Azərbaycan ailə modelində dövlətin ideoloji və hüquqi müdaxiləsi ilə formalaşan yeni strukturlar yaratdı. Qadınların hüquqlarının genişlənməsi və ailə münasibətlərinin hüquqi tənzimlənməsi bir tərəfdən sosial irəliləyiş kimi qiymətləndirilsə də, digər tərəfdən millimənəvi dəyərlərlə toqquşan təcrübələr ortaya çıxardı. Ailə yalnız sosial bir qurum deyil, həm də mədəni və mənəvi kodların daşıyıcısı olduğundan, bu müdaxilələr ailənin həm funksional, həm də identik strukturunu dəyişdirdi. Bu dövr, Azərbaycan ailəsinin modernləşmə və sovetləşmə prosesləri arasında balans axtarışı ilə xarakterizə olunur.

SSRİ-də xüsusilə 1960-cı illərdən başlayaraq qadınların əmək bazarında yüksək təmsilçiliyi — 59%-lik göstərici — dövlətin modernləşmə siyasətinin əsas nəticələrindən biri idi. Bu rəqəm qadının yalnız ailə daxilindəki ənənəvi funksiyalarla məhdudlaşdırılmadığını,

əksinə, onun ictimai-siyasi və iqtisadi sahələrdə mühüm aktora çevrildiyini göstərir [Abasov 2011, s. 41-43].

Azərbaycanda da bu proses paralel şəkildə baş verdi. Qadınların ali və orta ixtisaslı kadrlar arasında artması, onların müəllim, həkim, mühəndis və dövlət qulluqçusu kimi fəaliyyətə başlaması ailə strukturuna və sosial münasibətlər sisteminə yeni dinamika gətirdi. Qadın artıq yalnız ailənin daxilində deyil, həm də onun xaricində – cəmiyyətin inkişafında mühüm yer tuturdu.

Qadının ictimai əməkdə aktiv iştirakı Azərbaycan ailəsində ənənəvi patriarxal münasibətlərin zəifləməsinə yol açdı. Ailə daxilində qadının həm iqtisadi, həm də qərarvermə prosesindəki rolu artdı. Bu, həm ailə içi münasibətlərdə simmetriklilik (gender simmetriyası), həm də sosial status baxımından qadınların yüksəlməsi ilə nəticələndi. Lakin burada qeyd etmək lazımdır ki, bu struktur dəyişikliklər özlüyündə ailə institutunun dəyərini zəiflətmədi. Əksinə, qadının ailə daxilindəki mövqeyinin möhkəmlənməsi Azərbaycan ailəsini yeni tələblərə uyğun transformasiya etməyə məcbur etdi. Beləliklə, ailə – həm sovet modernləşməsinin, həm də milli-mənəvi dəyərlərin kəsişməsində yenidən formalaşdı.

SSRİ qadınlara formal olaraq hüquqi bərabərlik versə də, bu, praktiki müstəvidə tez-tez yalnız əmək və məsuliyyət bərabərliyi kimi təqdim edilirdi. Yəni qadın həm işləməli, həm uşaq böyütməli, həm ev işlərini görməli, həm də ictimai tapşırıqları yerinə yetirməli idi. Bu “ikili yük” Azərbaycan ailəsində də müşahidə olunurdu: qadın həm anadır, həm həyat yoldaşı, həm də “sosialist əməyin qəhrəmanı”. Bu reallıq işə, qadınların sosial və psixoloji gərginliyini artırır, ailə daxilində münaqişələrin artmasına və bəzən ailələrin dağılmasına gətirib çıxarırdı. Beləliklə, gender bərabərliyi anlayışı ilə sosial bərabərlik arasında ciddi ziddiyyətlər yaranırdı.

1946-1950-ci illərdə qadınların repressiyaya məruz qalma statistikasını — yəni 500 minə yaxın qadının həbsdə olması — SSRİ-də rəsmi ideoloji diskursun insan haqları ilə necə ziddiyyət təşkil etdiyini nümayiş etdirir [Abasov 2011, s. 42-44]. Bu, Azərbaycan qadını üçün də aktual olan bir təhlükəni ehtiva edirdi: qadın yalnız sinfi və cinsi identikliyi ilə deyil, fərdi fikri və sosial mövqeyinə görə də təqib oluna bilərdi. Bununla yanaşı, repressiyalar ailə institutuna da ciddi zərbə vururdu: ataların, anaların, bacıların və həyat yoldaşlarının həbs olunması ailə parçalanmalarına və uşaqların dövlət müəssisələrinə verilməsinə səbəb olurdu. Bu kontekstdə ailə həm fiziki baxımdan zəifləyir, həm də

emosional və mənəvi dayaqlarını itirirdi.

Bütün bu transformasiyalara baxmayaraq, Azərbaycan ailəsi Sovet modernləşməsinə müəyyən mənada kultural rezistensiya ilə cavab verdi. Ənənəvi dəyərlərin qorunması, ailədaxili münasibətlərdə kişi və qadın rollarının nisbi sabitliyi, nəsillərarası əlaqənin güclü qalması Azərbaycan ailəsinin sosial sabitliyinin əsas elementlərindən biri olaraq qaldı. Bu, eyni zamanda qadının cəmiyyətə inteqrasiyası ilə ailəyə sədaqəti arasında balans axtarışlarının bir nəticəsi idi. Qadınlar həm sosialist cəmiyyətin tələblərinə uyğunlaşır, həm də milli-mənəvi dəyərlərə bağlı qalmağa çalışırdılar. Məhz bu hibrid sosiallaşma modeli Azərbaycan ailəsinin sabitliyini təmin edən əsas mexanizmlərdən biri oldu.

Qadınların SSRİ-də sosial və hüquqi statusunda baş verən dəyişikliklər, onların ictimai əmək bazarına daxil olması və eyni zamanda repressiv siyasətə məruz qalmaları Azərbaycan ailəsində ciddi struktur və funksional dəyişikliklərə səbəb olmuşdur. Bu dəyişikliklər bəzən qadın hüquqlarının genişlənməsi kimi təqdim olunsada, arxa planda totalitar rejimin alətinə çevrilmə riski daşıyırdı. Azərbaycan ailəsi isə bu çətin tarixi dövəndə özünəməxsus mədəni müqavimət mexanizmləri ilə həm modernliklə, həm də milli dəyərlərlə harmonik bir ailə modeli formalaşdırmağa nail oldu.

Azərbaycan dilinin 1956-cı ildə dövlət dili kimi tanınması, yalnız hüquqi akt deyil, həm də milli özünüdərkən və mədəni dirçəlişin ailə strukturuna təsir edən mərkəzi bir hadisə kimi qiymətləndirilməlidir. Bu dövrdə dilin status qazanması ailədə uşaqların dil təliminə, adət-ənənələrin ötürülməsinə və ailədaxili milli tərbiyə prosesinə birbaşa təsir göstərmişdir.

Akademik baxımdan, dil və milli şüur ailə institutunun mədəni təməlini təşkil edir. Bu baxımdan, Azərbaycan SSR-də qəbul edilən qanun ailə daxilində milli identikliyi gücləndirmiş, valideynlərə öz ana dillərində övladlarına milli dəyərləri aşılamaq imkanı yaratmışdır. Lakin Kreml tərəfindən bu addıma verilən mənfi reaksiya ailə institutu daxilində milli şüurun inkişafına qarşı mərkəzi təzyiqlərin göstərildiyini sübut edir. Bu durum, siyasi kontekstlə mədəni kontekst arasında gərginliyin ailə institutuna necə təsir etdiyini göstərir. Burada "ailə" yalnız sosial vahid deyil, milli müqavimətin daşıyıcısı və ötürücüsünə çevrilmişdir.

60-70-ci illərdə Azərbaycanda "müasir ailə modeli"nin formalaşması təkcə sovet urbanizasiyası və təhsil sisteminin nəticəsi

deyildi. Əksinə, bu dövrdə milliləşmiş müasir ailə modeli yaranmağa başlamışdır. Təhsil və qarışıq nikahların çoxalması sovet sosial mühəndisliyinin bir hissəsi kimi ailədə müəyyən dəyərlərin universal xarakter daşmasına səbəb olmuşdur. Lakin, bu proses paralel olaraq azərbaycançılıq ideyasının ailə strukturuna sızmasına və milli özünüdərk əsasında fərqli bir ailə modelinin meydana çıxmasına da zəmin yaratmışdır.

Burada “modernlik” və “millilik” arasındakı qarşılıqlı əlaqə vacibdir: sovet modernliyi ailənin strukturunu dəyişdirərkən, milli ideoloji kodlar bu struktura məzmun qazandırırırdı. Bu, Kramskinin “mədəni hegemoniyaya qarşı passiv müqavimət” anlayışı ilə uyğun gəlir – yəni, sovet modernizmi çərçivəsində ailə milli özünüdərk vasitəsi ilə mədəni müqavimət alətinə çevrilmişdir.

Sosializm ideologiyası altında baş verən bu dəyişikliklər paradoksal bir vəziyyət yaradır: sovet ideologiyası ailəni dünyəviləşdirmək, onu milli təsirlərdən təmizləmək istədiyi halda, milli dil və mədəniyyət vasitəsilə ailə daha da milliləşir.

Bu kontekstdə 70-ci illərdə milli televiziyanın yaranması mühüm dönüm nöqtəsi olmuşdur. Televiziya ailənin gündəlik həyatına daxil olaraq, milli dəyərlərin və ideoloji diskursların birbaşa ötürücüsünə çevrilmişdir. Paradoks ondadır ki, sovet vasitələri ilə milli şüurun yayılması prosesi gerçəkləşmiş, lakin bu, artıq müstəqillik dövründə dəyişmiş və TV kanalları milli şüura deyil, daha çox qlobalist və kommersial yönümlərə xidmət etməyə başlamışdır. Bu, post-sovet dövründə ailənin ideoloji daşıyıcı roldan tədricən çıxarılması və mədəni atomizasiya prosesinin başlanması kimi qiymətləndirilə bilər.

Azərbaycan ailəsi sovet dövründə sadəcə inzibati-modernləşdirici təsirlərə məruz qalmamış, eyni zamanda milli dilin və şüurun daşıyıcısına çevrilmişdir. Ailə milli identikliyin qorunması və ötürülməsi üçün əsas institusiyalardan biri kimi çıxış etmiş, bu isə onun ictimai funksiyasını genişləndirmişdir. Dövlət ideologiyasının təsirindən tam azad olmasa da, ailə institutu daxilində formalaşan mədəni müqavimət milli ailə modelinin formalaşmasına zəmin yaratmışdır. Televiziya və təhsil kimi sovet mədəni alətləri paradoksal şəkildə milli mədəniyyətin güclənməsinə xidmət etmişdir. Bu yanaşma, Azərbaycan ailəsinin yalnız sosial-siyasi kontekstdə deyil, mədəni-siyasi müqavimət sistemi kimi də dəyərləndirilməsini mümkün edir.

1950-ci illərin ortalarından başlayaraq, xüsusilə kəndlilərə pasport verilməsi və onların şəhərlərə – əsasən Bakıya – miqrasiyası

Azərbaycan ailəsinin strukturunu və funksiyalarını dərin şəkildə dəyişdirdi. Kənd ailəsi → Şəhər ailəsi transformasiyası: Bu proses, ailənin patriarxal kənd strukturlarından uzaqlaşaraq şəhər şəraitinə uyğunlaşan nüvə (nüvəli) ailə modelinin yayılmasına səbəb oldu. Demografik homogenliyin artması: 1959-cu ilin statistikasına görə azərbaycanlıların xüsusi çəkisinin artması və rus, erməni, digər xalqların payının azalması, milli dəyərlərə əsaslanan ailə modelinin daha güclü şəkildə təşəkkül tapmasına şərait yaratdı. Bu, həmçinin ailə daxilində ana dilində sosiallaşma və milli mənəvi tərbiyənin normallaşmasına yol açdı. Bu mərhələdə ailə təkcə sosial institut deyil, həm də milli kimliyin bərpası və qorunması üçün mühüm alətə çevrilmişdir.

Milli kədr siyasəti, mədəniyyətin "milli rəlslərə" keçməsi və tarixi keçmişin öyrənilməsi kimi elementlər, ailə daxilində milli identitetin ötürülməsini təşviq edən əsas amillər idi. Tarix və milli mədəniyyətin sistemli şəkildə dirçəlməsi, ailə daxilində uşaqlara tarixi-mədəni mirasın aşılmasını gücləndirdi. Milli yazıçıların, şairlərin, mədəniyyət xadimlərinin əsərləri ailələrdə oxunur, müzakirə olunur, televiziya da təqdim olunurdu. Bu, ailə daxilində mədəni sosiallaşmanı və vətənpərvər tərbiyəni gücləndirirdi. Burada Pyer Burdyenin "mədəni kapital" konsepti işə düşür: ailə yalnız iqtisadi deyil, həm də mədəni kapitalın yığıldığı və ötürüldüyü sahə kimi çıxış edir.

SSRİ-də qadınların kişi əhalisindən çox olması (54.2%-ə qarşı 45.8%) ailə strukturunda və sosial gender rollarında müəyyən problemlərə və dəyişikliklərə səbəb olmuşdur [Abasov 2011, s. 45-46]. Ailə qurma yaşının yüksəlməsi və subaylıq səviyyəsinin artması, xüsusilə şəhərlərdə subay qadınların sayının artması və ya qarışıq nikahların çoxalması ilə nəticələnirdi. Qadının ailədə və cəmiyyətdə statusu, qadınların sosial aktivliyinin artması ailədəki klassik kişi-qadın rollarının yenidən paylaşılmasına səbəb oldu. Bu isə, bəzi hallarda ailədaxili rol ziddiyyətlərinə və funksional stresslərə gətirib çıxarırdı. Bu baxımdan gender dixotomiyası, ailə sistemində sosial balanssızlıq doğuraraq, onun struktur və emosional sabitliyinə təsir göstərirdi.

1950-1970-ci illərdə Azərbaycan ailəsi milli və sosial-modernləşdirici təsirlərin kəsişməsində transformasiya olunmuşdur. Demografik dəyişikliklər milli ailə modelini gücləndirmiş, ailə vasitəsilə milli identitetin yenidən qurulmasına zəmin yaratmışdır. Ailə sadəcə şəxsi və sosial sahə deyil, siyasi və mədəni müqavimətin cəbhəsi olmuşdur. Gender disproporsiyası kimi demografik faktlar ailənin sosial funksiyalarında və sabilliyində struktur böhranlara səbəb olmuş, bu isə

sovet dövründə tam şəkildə həllini tapmamışdır. Bu yanaşmalar ailənin təkcə bioloji-sosial deyil, həm də tarixi-siyasi və mədəni fenomen kimi dəyərləndirilməsinə imkan verir və müasir Azərbaycan ailə modelinin formalaşmasında sovet dövrünün yerini daha aydın göstərir.

Sovet modernləşməsi Azərbaycan ailəsində qadının mövqeyini transformasiya etdi. 1960-70-ci illərdə həyata keçirilən sosial-iqtisadi siyasətlər, xüsusilə qadınların əmək bazarına integrasiyası nəticəsində, "işləyən ana" modeli dominant status qazandı. Bu status bir tərəfdən qadının iqtisadi müstəqilliyini təşviq etsə də, digər tərəfdən ailə və iş həyatında "ikili yük" (double burden) problemini ortaya çıxardı. Bu, Burdye-nin "sosial sahə" (champ) və "habitus" anlayışlarına uyğun şəkildə, qadının sosial mövqeyinin dəyişməsinə baxmayaraq, ailə daxilində klassik gender rol gözləntilərinin dəyişmədiyini göstərir.

Sovet dövləti müəyyən güzəştlərlə qadınlara sosial dəstək verirdi (məsələn, hamiləlik məzuniyyətləri, uşaq bağçaları və s.). Bu dəstək sosialist paternalizm anlayışı ilə əlaqəlidir və ailə institutunun saxlanması üçün dövlətin normativ müdaxiləsini ifadə edir. Lakin, bu mexanizmlərin texniki-maddi səviyyəsinin zəifliyi, dövlətin qadınların real ehtiyaclarına cavab verə bilmədiyini göstərir. Nəticədə, ailə içində ənənəvi kömək institutları – nənə, qayınana kimi figurlar ön plana çıxırdı.

Qadınların qayınana və ya ana ilə birgə yaşamaları matrifokal (ana mərkəzli) və ya patrifokal (ata mərkəzli) ailə modellərinin daha çox funksional səbəblərlə yaşadıldığını göstərir. Bu model emosional bağdan çox praktik əmək bölgüsü və yük paylaşımı ilə izah edilir. Antropoloji baxımdan, bu cür ailə strukturları "təhfəverici ailə sistemi" (contributive family system) adlandırılabilir və burada nəsilərarası əməkdaşlıq əsas mexanizm kimi çıxış edir.

Qadınların ev işlərinə kişilərdən 2-3 dəfə çox vaxt sərf etməsi məsələsi, gender asimmetriyasının davamlılığını göstərir. Bu, ailə daxilində əmək bölgüsünün formal bərabərliyə baxmayaraq faktiki olaraq dəyişmədiyini göstərir. Feminist nəzəriyyəyə görə bu hal "görünməyən əmək" (invisible labor) kimi qəbul olunur və qadınların sosial kapital toplanmasına mane olan əsas səbəblərdən biridir.

"Qadının maskulinləşməsi" və "evə dönmə" ideyaları, post-sovet dövrdə və ya 1970-ci illərin sonlarından etibarən qadınların həm ailə, həm də ictimai yükəndən yorularaq müəyyən mənada geri çəkilməsini izah edir. Bu proses "reaksiyon gender rolları"nın canlanması ilə əlaqələndirilə bilər və müasir ailə modellərinin ideoloji dinamikasını əks etdirir.

Qadının sosiallaşmasında və ictimai fəaliyyətində məişət

texnikası və xidmət sektorunun inkişaf səviyyəsi həlledici rol oynayır. Bu amil struktur-funksionalist yanaşmada cəmiyyətin özünütənzimləmə mexanizmlərindən biri kimi qəbul olunur. Texnologiyanın geriliyi qadının sosiallaşma imkanlarını məhdudlaşdırır və ailə daxilindəki yükü artırır.

1960-70-ci illərdə Azərbaycan ailəsi, xüsusilə qadının rolu baxımından, sosialist ideologiyasının yaratdığı gender modelləri ilə ənənəvi ailə strukturunun sintezindən doğan hibrid model halına gəlmişdi. Qadın həm iqtisadi aktivlik, həm də ailəvi məsuliyyət daşıyıcısı kimi ikili funksiya yerinə yetirirdi. Bu dövr ailə strukturunun dəyişməyə başladığı, lakin tam çevrilmədiyi bir tranzit dövr kimi qiymətləndirilə bilər.

Azərbaycanda boşanma səviyyəsi 1966-2017-ci illərdə artan dinamika ilə irəliləyərək 10%-dən 23%-dək yüksəlmişdir (1965-1975 illərdə 9%-dən 15%-dək, 1975-1990 illərdə 15%-dən 19.2%-dək). [Məmmədov, 122-123].

Xüsusilə qadınların iqtisadi fəaliyyətə cəlb olunması onların boşanma qərarlarında daha sərbəst davranmalarına imkan yaratdı. 1960-cı illərdən başlayaraq qadınların əmək bazarına inteqrasiyası onların asimmetrik ailə münasibətlərindən çıxış yolları axtarmasını stimullaşdırdı. Kənddən şəhərə miqrasiyanın artması (xüsusilə 1950-ci illərdən sonra) ailələrin geniş ailə modelindən nüvə ailə modelinə keçməsinə səbəb oldu. Bu keçid nəzarət və sosial təzyiqlərin azalmasına səbəb oldu ki, bu da boşanma qərarlarını asanlaşdırdı.

Sovet ideologiyası ailəni dövlətə tabe olan bir institut kimi görürdü. Ailənin funksiyası əsasən əmək bazarına yeni vətəndaş hazırlamaq idi. Bu yanaşma mənəvi-mədəni bağların zəifləməsinə, ailə daxilində emosional dayaq sisteminin zəifləməsinə səbəb oldu. 1970-ci illərdən başlayaraq fərdin şəxsi məmnunluğu və xoşbəxtliyi ailə dəyərlərinin mərkəzinə keçir. Boşanma daha az damğalanan bir hadisəyə çevrilir.

Sovet dövründə və daha sonra müstəqil Azərbaycanda boşanma prosedurlarının müəyyən qədər sadələşdirilməsi və qadınların hüquqlarının formal şəkildə təmin edilməsi də bu dinamikanın artmasına təsir göstərmişdir. Eyni zamanda ailə hüququnun dövlət tərəfindən tənzimlənməsi (məsələn, aliment, uşaq hüquqları, əmlak bölgüsü və s.) fərdlərin ailə institutundan çıxışlarını daha hüquqi zəminə oturtdu.

Qadınların təhsil səviyyəsinin artması, peşəkar kimlik qazanması, ailədaxili patriarxal normaqlara qarşı özünü ifadə edə bilməsi boşanma qərarlarına təsir edən əsas amillərdən biri olmuşdur. Qadının öz həyatına

dair qərarvermə hüququnun ictimai qəbul olunması, ailədə subordinasiyanın zəifləməsi, həmçinin, gender bərabərliyi ideyalarının yayılması bu prosesi gücləndirib.

Pyer Burdyenin “habitus” və “sosial kapital” anlayışları bu kontekstdə faydalı ola bilər. Ailədəki dəyişikliklər qadın və kişi subyektlərinin sosial rol gözləntiləri ilə real həyat tələbləri arasında yaranan ziddiyyətləri üzə çıxarır. Boşanmanın artması bu ziddiyyətlərin bir nəticəsi kimi qəbul edilə bilər. A. Giddensin “*plastik cinsəllik*” və “*saf münasibətlər*” (pure relationships) konsepsiyaları da müasir dövrdə ailənin getdikcə emosional və fərdi məmnunluq əsaslı struktur qazandığını, bu səbəbdən də boşanmanın bir “sosial azadlıq forması”na çevrildiyini vurğulayır.

Azərbaycan ailə modelində boşanmanın artması, sadəcə ailədaxili konfliktlərin çoxalması deyil, həm də cəmiyyətin dəyər transformasiyalarını, modernləşmə proseslərini və gender rollarındakı dəyişiklikləri əks etdirən kompleks bir sosial fenomendir. Bu dəyişikliklər ailə institutunu daha çevik, fərdiyyətçi və hüquq yönümlü hala gətirmişdir.

XX əsrin ikinci yarısında, xüsusən Sovet hakimiyyəti dövründə təhsilin məcburi və kütləvi xarakter alması ənənəvi ailə modelinə qarşı institusional bir müdaxilə idi. Qızların və oğlanların eyni hüquqla məktəblərə cəlb olunması, ailədaxili avtoritar münasibətlərin zəifləməsinə, gənclərdə kritik və rəşional düşüncə tərzinin formalaşmasına və nəhayət, ailə daxilində nəsillərarası ideoloji və dünyagörüşü fərqlərinin artmasına səbəb oldu. Bu tendensiya klassik patriarxal modeldə əsas yeri tutan “atalıq avtoriteti”nin zəifləməsi ilə nəticələndi. Burada Emile Durkheimin “məcburi sosial inteqrasiya” ideyası aktualdır – dövlətin ideoloji aparatı (məktəblər) fərdləri sosial qaydalara tabe etməklə, ailənin tərbiyə institutunun əvvəlki dominant rolunu zəiflədir.

Qadınların təhsilə çıxışı və iqtisadi fəaliyyətə qatılması onların ailədəki ənənəvi reproduktiv funksiyalarından çıxaraq, məhsuldar əmək münasibətlərinə daxil olmasına gətirib çıxardı. Bu, təkcə iqtisadi deyil, həm də sosial status baxımından qadınların transformasiyasını şərtləndirdi. Peşəkar kimlik qazanmış qadın artıq yalnız ana və həyat yoldaşı deyil, eyni zamanda müəllim, mühəndis, həkim və ya partiya üzvü kimi də sosial təmsilçiyə çevrilirdi. Bu isə, ailədaxili qərarvermə mexanizmlərində qadının mövqeyini gücləndirirdi. Burada Judith Butlerin gender performativliyi nəzəriyyəsinə uyğun olaraq, qadınların sosial rollarının dəyişməsi onların bioloji kimliyindən çox, sosial rolları

və təhsil mühiti ilə formalaşdığını göstərir.

Sovet ideologiyası təhsili və qadınların azadlığını təşviq etsə də, bu təşviqlər dövlətin mərkəzləşdirilmiş ideoloji nəzarəti altında həyata keçirildi. Bu proses, ailənin muxtar dəyər sistemi üzərində dövlət ideologiyasının üstünlük qazanmasına səbəb oldu. Qadınların ictimai həyata cəlb olunması həm azadlıq, həm də ikili yük (double burden) olaraq təzahür edirdi. Yeni qadın həm işləməli, həm də ailə qayğılarını yerinə yetirməli idi. Bu vəziyyət Nancy Fraserin sosial ədalət və gender bərabərliyi kontekstində təsvir etdiyi “yenidən bölüşdürmə və tanınma” problemlərini xatırladır: qadınlar ictimai alanda tanınsa da, ev içindəki əməkləri bərabər tanınmırdı.

Ənənəvi ailə modelində valideynlərin avtoriteti mütləq idi. Lakin, təhsilli və ideoloji baxımdan formalaşmış yeni nəslin fərdi subyektivliyi, müstəqil qərar vermə bacarığı və ailə institutuna münasibəti dəyişdi. Gənclər artıq təkcə valideynlərin iradəsinə əsaslanan evlilik qərarlarına yox, fərdi xoşbəxtlik və seçim azadlığı prinsipinə əsaslanan yanaşmalar formalaşdırdılar. Bu da ailə strukturunun funksional fərqliliyinə və müasir ailə modelinin (nüvə ailəsi) formalaşmasına şərait yaratdı. Burada Ulrich Beckin “*individiuallaşma nəzəriyyəsi*” bu prosesi izah etmək üçün faydalıdır: ailə artıq fərdlər üçün mütləq cərcivə deyil, subyektiv maraqların uyğunlaşdığı müvəqqəti institut ola bilər.

Bu dəyişikliklər nəticəsində Azərbaycan ailəsi patriarxal strukturlardan tədricən uzaqlaşaraq daha bərabər hüquqlu və fərdiyyətçi münasibətlərə keçmişdir. Qadınların və gənclərin rol və mövqeləri dəyişmiş, onların sosial aktor kimi statusu artmışdır. Lakin, ənənəvi ailə dəyərləri tam zəifləməmiş, ikili model – həm modern, həm patriarxal ünsürlər – bir arada yaşamağa davam etmişdir. Bu tarixi-sosioloji dinamika Azərbaycanın keçid dövründəki mədəni transformasiyasını və gender siyasətinin ambivalent xarakterini açıq şəkildə nümayiş etdirir.

Sovet dövründə tətbiq edilən sosial rifah siyasəti anaların və uşaqların sosial təhlükəsizliyini təmin etməyə yönəlmiş olsa da, bu siyasətlərin reallaşmasında keyfiyyət problemi ciddi şəkildə hiss olunurdu. Ödənişli dekret məzuniyyətləri və uşaq pulları rəsmən mövcud idi, lakin xidmətlərin real keyfiyyəti və əlçatanlığı məhduddu. Bu qeyri-kafilik, ailədaxili alternativ dəstək sistemlərinin — xüsusən də nənələrin — rolunu artırdı [Mollayeva, 211]. Dövlət fərdin bədəninə və həyatına qayğı göstərmək iddiasında olsa da, bu idarəetmə texnologiyaları hər zaman effektiv deyil və nəticədə cəmiyyətin öz daxili mikro-struktur sistemləri (məsələn, nənə qurumu) ortaya çıxır.

Nənələrin ailə strukturundakı rolu, sadəcə uşağa baxmaqla məhdudlaşmırdı. Onlar ənənəvi mədəniyyətin daşıyıcısı olaraq, uşaqlara milli və dini dəyərləri ötürür, ailə içində nəsillərarası körpü funksiyası yerinə yetirirdilər. Ənənəvi gender rollarının təzahürü kimi ana və nənə arasındakı əmək bölgüsü formalaşırdı. Burada Silvia Valbinin "legitim gender müqaviləsi" anlayışı vacibdir – cəmiyyət qadınlara həm ailədaxili qayğıni, həm də əmək bazarında iştirak etməyi eyni anda yükləyir və bu da gender bərabərliyi əvəzinə genderləşdirilmiş əmək bölgüsünü möhkəmləndirir.

Qadınlar eyni anda, ana və nənə kimi uşağın tərbiyəsi və sosiallaşmasından, ev işlərinin təşkilindən, iş həyatında iştirakdan məsul idilər. Bu, “üçqat yük” (triple burden) konsepsiyası ilə izah olunur – qadınlar həm reproduktiv, həm məhsuldar, həm də ictimai-emosional sahələrdə aktiv olmağa məcbur edilirdilər. Bu strukturda kişi rolu isə adətən daha məhdud şəkildə - maddi təminat və ya formal ailə rəhbərliyi ilə məhdudlaşırdı, bu da ailədaxili asimmetrik əmək bölgüsünə gətirib çıxarırdı.

Nənələr vasitəsilə baş verən mədəniyyətin ailə çərçivəsində ötürülməsi fenomeni, eyni zamanda dövlətin ideoloji hegemoniyasına qarşı səssiz bir müqavimət forması kimi də başa düşülə bilər. Belə ki, məktəb və dövlət qurumları marksist-leninçi dünyagörüşü təlqin edirdisə, nənələr və analar vasitəsilə ənənəvi-milli, bəzən dini dəyərlər ötürülürdü. Bu dualizm Antonio Kramskinin “mədəni hegemoniyaya qarşı passiv müqavimət” nəzəriyyəsi ilə izah oluna bilər: ailə mikro-mühitində dominant ideologiyaya qarşı alternativ mənəvi və sosial kodlar yaşadırdı.

Bu dinamikalar göstərir ki, sovet dövlətinin sosial siyasəti dəstək məqsədi daşısa da, praktik səmərəlilik baxımından qüsurlu idi. Ailə strukturu içərisində nənələr və analar paralel sosial institut funksiyası daşıyırdılar. Bu, qadınların həm ictimai, həm ailədaxili sahədə strukturlaşdırılmış və qeyri-mütənasib yük daşmasına səbəb olurdu. Nənələr vasitəsilə nəsillərarası əlaqənin və mədəni yaddaşın qorunması ailənin yalnız bioloji deyil, mədəni institusional vahid kimi rolunu da təsdiq edir.

SSRİ-də həyata keçirilən ailə siyasəti nəticəsində ailə qadın və dövlət arasında paylaşılmış bir məsuliyyət sahəsinə çevrildi. Kişilərin ailə institutundan sosial və psixoloji uzaqlaşdırılması müşahidə olundu. Bu proses, Ulrich Beck və Elisabeth Beck-Gernsheimin "ailənin fərdiləşməsi" nəzəriyyəsində öz əksini tapır. Onlara görə, modern cəmiyyətlərdə ailə strukturu emosional və ideoloji yüklü müstəqil

fərdlərdən ibarət olur, bu isə, ailənin əvvəlki kollektiv və patriarxal formasının tənəzzülünə gətirib çıxarır.

Kişilər sosial status və ailədaxili funksiyalarda zəiflədi, psixoloji narahatlıqlar, asılılıqlar və erkən ölüm riskləri ilə üzləşdi. Bu fenomen müasir psixo-sosiologiyada "kişilik böhranı" (crisis of masculinity) anlayışı ilə izah olunur. Raewyn Connell bu kontekstdə "hegemonik maskulnluk" modelinin zəifləməsini qeyd edir — yəni kişi artıq dominant yox, zəifləmiş, emosional dəstəyə ehtiyacı olan sosial subyekt kimi formalaşır.

Ailədə uşaqların sayının azalması və ailə münasibətlərinin uşaqmərkəzli olması, modern ailə modelinin xarakterik xüsusiyyətidir. Burada Zygmunt Baumanın "maye modernlik" anlayışını tətbiq edə bilərik: müasir ailə modelləri artıq stabil və rigid deyil, emosionallıq, fərdilik və dəyişkənlik əsasında qurulur.

Qorbaçovun "qlasnost" və "perestroyka" siyasətləri nəticəsində, ənənəvi formaların dirçəlişi (çoxarvadlılıq, siğə, erkən evlilik), postliberal modern dəyərlərin yayılması (vətəndaş nikahı, gec evlilik, valideynlikdən imtina), paralel şəkildə baş verdi və bu proseslər arasında normativ toqquşma formalaşdı. Bu, Niklas Luhmannın "differensiallaşma nəzəriyyəsi" çərçivəsində izah edilə bilər — yəni cəmiyyətin alt sistemləri (ailə, din, hüquq) bir-biri ilə uyğunlaşmaqda çətinlik çəkdikcə sistem içi qarşıdurmalar yaranır.

50-ci illərdən başlayaraq formalaşmış Azərbaycanın sovet-modern ailə modeli, bu iki ziddiyyətli tendensiya nəticəsində bir tərəfdən, ənənəyə qayıdış təzyiqi, digər tərəfdən, Qərb yönümlü gender siyasətləri və fərdiyyətçilik təsiri nəticəsində struktur və funksional baxımdan parçalanır.

Gender rollarının çevrilməsi, qadın və kişi obrazlarının Qərb mənşəli "təkamül" modelinə uyğun yenidən qurulması, ənənəvi ailədaxili əmək bölgüsünün transformasiyası ilə müşayiət olunur. Bu isə, Judith Butlerin "gender performativlik nəzəriyyəsi" kontekstində baxıla bilər — yəni kişi və qadınlıq sabit biologiyaya deyil, ictimai-siyasi və mədəni ifaya (performansa) əsaslanır. Stereotiplərin dağılması da bu performansların dəyişməsi nəticəsində baş verir. Ailə modeli tədricən patriarxal və kollektiv strukturlardan, fərdiləşmiş, qadın-mərkəzli və uşaq-orientasiyalı modellərə keçir.

3. Müstəqillik dövrü: vahid "azərbaycanlı ailəsi" modelinin böhranı

▪ **Azərbaycan ailə hüququnda islahatlar**

1991-ci ildə Azərbaycanın müstəqillik qazanması ölkədə hüquqi sistemin, o cümlədən ailə qanunvericiliyinin yenidən formalaşmasını zəruri etdi. Sovet hüquq sistemindən ayrılan Azərbaycan dövləti müasir demokratik dəyərlər əsasında yeni hüquqi çərçivə yaratmağa başladı. Bu dövrdə ailə qanunvericiliyinin əsas məqsədi ailə institutunun möhkəmləndirilməsi, gender bərabərliyinin təmin edilməsi və ailə dəyərlərinin hüquqi müdafiəsi idi.

Azərbaycanın müstəqillik qazanması ailə qanunvericiliyinin yenilənməsini labüd etdi. SSRİ-nin 1969-cu il tarixli “Ailə və Nikah Məcəlləsi”nin əvəzinə müasir dövrün tələblərinə uyğun yeni qanunvericilik bazası yaradıldı. Azərbaycan Respublikasının Konstitusiyası ailə institutunun qorunmasını, ailənin dövlət tərəfindən müdafiəsini və nikahın könüllülük prinsipinə əsaslandığını təsbit etdi. Bu məcəllə Azərbaycan ailə hüququnun əsas hüquqi sənədi oldu və nikah, boşanma, valideyn hüquqları, aliment öhdəlikləri kimi məsələləri tənzimlədi. Müstəqillik dövründə Azərbaycan ailə hüququ Avropa hüquq sisteminə inteqrasiya olunmağa başlasa da, ənənəvi dini nikah məsələləri də cəmiyyət daxilində mövcudluğunu qorudu. Bu dövrdə qəbul edilən qanunlar ailə institutunun hüquqi müdafiəsini gücləndirməklə yanaşı, həm də cəmiyyətin yeni sosial reallıqlara uyğunlaşmasını təmin etdi.

XX əsrin sonlarında Azərbaycanda gender siyasətinin inkişafı ailə münasibətlərində qadın və kişinin hüquqlarının tənzimlənməsinə mühüm təsir göstərdi. Azərbaycan BMT-nin Qadınlara qarşı ayrı-seçkiliyin aradan qaldırılması üzrə Konvensiyasını (CEDAW) ratifikasiya edərək gender bərabərliyinin hüquqi əsaslarını qəbul etdi. 2006-cı il “Gender bərabərliyi haqqında” Qanun cəmiyyətdə qadın və kişilərin bərabər hüquqlarını təsbit etdi və gender ayrı-seçkiliyinin qarşısının alınmasını nəzərdə tutdu. XX əsrin sonunda qadınların iş həyatına daha çox inteqrasiya olunması ailə münasibətlərində yeni rolların formalaşmasına səbəb oldu. Qadınların iqtisadi asılılığının azalması, boşanma hallarında artım və ailədaxili qərarların birgə verilməsi kimi tendensiyalar müşahidə olunmağa başladı. Bu dəyişikliklər Azərbaycan cəmiyyətində ailə münasibətlərində daha bərabər hüquqlu yaşamanın formalaşmasına və gender əsaslı hüquq normalarının tətbiqinə zəmin yaratdı.

Azərbaycan Respublikası Konstitusiyasının 34-cü maddəsində “*ailə dövlətin himayəsindədir*” müddəası təkcə hüquqi norma kimi deyil, həm də cəmiyyətin əxlaqi-mənəvi özünüdərkini kimi qiymətləndirilməlidir.

Bu norma hüquq fəlsəfəsində natural hüquq məktəbinin əsas prinsiplərindən birinə söykənir. Yəni hüquq yalnız hüquqi pozitivizmə deyil, mənəvi və təbii dəyərlərə əsaslanmalıdır. Əxlaqın hüquqi sistemə integrasiyası, hüququn yalnız normativ deyil, həm də mədəni və etik sistemə uyğun olması fikrini təsdiqləyir.

Azərbaycan Respublikasının Ailə Məcəlləsi, ailənin qurulması, boşanma, valideynlik məsuliyyəti kimi sahələrdə hüquqi tənzimləmə aparmaqla yanaşı, ənənəvi ailə dəyərlərini, məsələn, valideyn məsuliyyəti, nikahın qarşılıqlı razılıq və hörmət əsasında qurulması, uşaqların mənəvi tərbiyəsi məsələlərini əxlaqi təməl üzərində hüquqi dildə ifadə edir. Bu, müasir hüquqi sistemlərin bir xüsusiyyətidir: pozitiv hüquq ilə əxlaqi gözləntilər arasında koordinasiya qurmaq.

Ronald Dvorkinin "Law as Integrity" (Hüquq bütövlük kimi) konsepsiyası hüququ yalnız formal normativ aktlar toplusu deyil, eyni zamanda cəmiyyətin mənəvi və etik dəyərləri ilə uzlaşmalı olan bütöv bir sistem kimi izah edir. Bu yanaşma, hüquq sisteminin sadəcə qaydaları tətbiq edən mexanizm deyil, həm də ədalət və etik prinsipliliyin daşıyıcısı olduğunu vurğulayır. Azərbaycan ailə hüququnda da, xüsusilə nikah, ailədaxili məsuliyyətlər və valideyn-övlad münasibətlərinin tənzimlənməsində etik və hüquqi komponentlər paralel şəkildə mövcuddur. Bu baxımdan, R. Dvorkinin konsepsiyası Azərbaycanın hüquqi inkişaf modelinə nəzəri çərçivə təqdim edir və hüququn etik təməllərlə zənginləşdirilməsini əsaslandırır [Dworkin, 176–178].

Azərbaycan ailə modeli milli-mənəvi ənənələrlə müasir hüquqi tənzimləmə arasında tarazlıq axtarışındadır. Bu kontekstdə aşağıdakı nəticələrə gəlmək olar (cədvəl 1)

Cədvəl 1. Ailə məsələsinə ənənəvi və müasir hüquqi yanaşmaların müqayisəsi

Aspekt	Ənənəvi yanaşma	Müasir hüquqi yanaşma
Ailənin əsas funksiyası	Nəsil davamı, mənəvi tərbiyə	Fərdi azadlıqlar, hüquqi məsuliyyət
Nikah və boşanma	Qohumlararası razılaşma, ictimai gözlənti	Şəxsi qərar və hüquqi prosedur
Uşaqların tərbiyəsi	Ailə və cəmiyyətin kollektiv məsuliyyəti	Valideyn məsuliyyəti, dövlət nəzarəti

Hüquq- əxlaq münasibəti	Əxlaq hüququ yönləndirir	Hüquq əxlaqi sərhədləri yenidən müəyyənləşdirir

Bu tarazlıq nə tam liberal, nə də tam konservativ formatda həyata keçirilə bilər. Hibrid hüquqi model – yəni milli ənənələri nəzərə alan, amma universal insan hüquqlarını da qoruyan mədəni kontekstual hüquq formalaşmalıdır.

Əxlaq-hüquq münasibətləri, Azərbaycanda ailə hüququnun təkcə texniki norma kimi deyil, mənəvi-fəlsəfi dəyər daşıyan norma kimi formalaşdığını göstərir. Bu model, qərb hüquq sistemlərindən fərqli olaraq, ailəni yalnız fərdi müqavilə deyil, həm də mənəvi birlik kimi dəyərləndirir. Gələcəkdə hüquqi islahatlar zamanı əxlaqi dəyərlərin və ictimai gözləntilərin hüquqi sistemlə uyğunlaşdırılması prioritet kimi nəzərdən keçirilməlidir.

1991-ci ildə Azərbaycanın müstəqillik əldə etməsi ilə sovet inzibati-sosial strukturunun zəifləməsi ailə institutunun formalaşdırıcı mexanizmlərini zəiflətdi. Belə ki, dövlət nəzarəti ilə ideallaşdırılmış sovet ailə modeli öz legitimliyini itirməyə başladı. Ailə münasibətləri dövlət tərəfindən deyil, daha çox sosial-iqtisadi reallıqlar və fərdi qərarlarla formalaşmağa başladı. P. Berger və T. Lukmanın nəzəriyyəsində institutlar sabit reallıqlar kimi deyil, sosial qarşılıqlı təsirin nəticəsində normallaşan və təkrar istehsal olunan konstruksiyalar kimi təqdim olunur. Onların fikrincə, ailə də ilkin sosiallaşma mexanizmi kimi formalaşsa da, müasir dövrdə bu institutun sabitliyi sarsılır və fərdi təcrübə, sosial-iqtisadi amillər ön plana çıxır [Berger, 91–122]. Bu baxımdan, Azərbaycan cəmiyyətində ailənin formalaşmasında dövlət tənzimləməsindən çox sosial praktikaların və fərdi qərarların rolu artaraq, ailəni de-institusionalizasiyaya doğru aparır.

▪ Keçid dövrünün böhranları müstəvisində ailə institutunun transformasiyası

Azərbaycan cəmiyyətində qadınların sosial statusunda baş verən dəyişikliklər ölkənin müstəqillik dövründə keçdiyi dərin transformasiyalarla əlaqəlidir. 1990-cı illərin əvvəllərindən etibarən keçid iqtisadiyyatı, siyasi sistemin yenidən qurulması və demokratik institutların təşəkkülü qadınların ictimai və siyasi fəallığının artmasına zəmin yaratmışdır. Əvvəllər kişi dominant sahələrdə qadınların təmsil olunmağa başlaması — xüsusilə siyasət, jurnalistika, iqtisadiyyat sahələrində — Azərbaycan ailə modelinə və cinsiyyət rollarına yenidən

baxmağa səbəb olmuşdur.

Bu dəyişiklik ailə daxilində patriarxal münasibətlərin zəifləməsinə, qadının yalnız ailədaxili rol deyil, eyni zamanda ictimai aktor kimi qəbul edilməsinə yol açmışdır. Gender rolu stereotiplərinin zəifləməsi ailədə qərar qəbul etmə mexanizmlərinə və ailədaxili iyerarxiyaya da təsir göstərmişdir.

1990-cı illər Azərbaycan üçün təkcə siyasi müstəqilliyin əldə olunması ilə deyil, eyni zamanda dərin iqtisadi və sosial sarsıntılarla yadda qaldı. Sovet İttifaqının dağılması ilə ölkədə baş verən keçid dövrü, xüsusilə də iqtisadi sabitliyin itməsi və institusional sistemlərin zəifləməsi, ailə institutunu ciddi şəkildə sarsıtdı. Uzun illər ərzində sosial dövlət tərəfindən təmin edilən iqtisadi minimumun birdən-birə itirilməsi, işsizlik və yoxsulluğun kəskin şəkildə artması nəticəsində ailədaxili münasibətlərdə gərginlik yarandı. Ailənin əsas dayağı sayılan ata fiqurunun maddi təminatçı kimi rolu zəiflədi. Bu zəifləmə, klassik patriarxal ailə modelinin sarsılmasına gətirib çıxardı.

Xüsusilə, Qarabağ müharibəsi kontekstində bu proses daha da dərinləşdi. Müharibə yalnız ərazi itkisi ilə deyil, həm də kütləvi psixoloji travmalar, məcburi köçkünlük və itkilərlə müşayiət olundu. Bu itkilər ailə strukturuna yalnız maddi deyil, həm də mənəvi baxımdan zərbə vurdu. Ailədaxili emosional ünsiyyətin pozulması, kişi fiqurunun həm psixoloji, həm də sosial olaraq gücünün azalması, qadınların və uşaqların işə, daha çox sosial rollar daşımağa başlaması müşahidə olundu. Bu tarixi və sosial fon çərçivəsində Emile Durkheim tərəfindən irəli sürülən "anomiya" anlayışı xüsusi aktuallıq kəsb edir. O, anomiyayı cəmiyyətin əvvəlki normativ sistemlərinin çökməsi və yenilərinin hələ formalaşmaması vəziyyəti kimi təsvir edir. Bu şəraitdə fərdlər davranış meyarlarını itirir və sosial dezintegrasiya baş verir [Durkheim, 241].

Cədvəl 2. Azərbaycan ailəsinin sovet və post-sovet dövründə müqayisəsi

Aspekt	Sovet dövrü	Post-sovet dövr	Yeni tendensiya
Ailə modeli	Kollektiv, dövlət nəzarətində	Fərdi, sosial-iqtisadi təsirlərlə	Nüvə ailə, gender bərabərliyi
Qadının rolu	Evdarlıq, uşaq tərbiyəsi	İş həyatına inteqrasiya	İqtisadi və hüquqi müstəqillik
Nikah və	Nadir	Boşanmaların	Seçim

boşanma	boşanma, sosial təzyiq	artması	azadlığı, fərdi qərarlar
Ailədaxili münasibətlər	Ata dominantlığı	Emosional boşluq və gərginlik	Bərabərlik və əməkdaşlıq axtarışı

Azərbaycanda 1990-cı illərdəki vəziyyət bu təsvirə tam uyğun gəlir. Əvvəlki sovet ailə modeli – kollektivçilik, dövlət nəzarətində olan gender rolları, ailə başçısının təminatçı funksiyası artıq işləmirdi. Yeni sosial və iqtisadi reallıqlara uyğun ailə modelləri isə hələ formalaşmamışdı. Bu keçid dövründə ailə institutunun hüquqi qorunması da zəif idi və dövlətin ailə siyasəti tam olaraq inkişaf etməmişdi. Bu səbəbdən boşanma halları artdı, ailədaxili zorakılıq yaygınlaşdı və bir çox ailə birlikləri psixoloji və iqtisadi təzyiqlərə davam gətirə bilmədi.

Bununla yanaşı, ictimai institutların zəifləməsi və dövlətin sosial siyasətindəki boşluqlar fərdləri və ailələri qeyri-rəsmi sosial şəbəkələrə – qohumluq əlaqələrinə, dini icmalara və fərdi təşəbbüslərə söykənməyə məcbur etdi. Beləliklə, klassik institutların zəiflədiyi şəraitdə ailə, həm də sosial müdafiə funksiyasını yerinə yetirməyə başladı, lakin bu funksiyanın effektivliyi böyük ölçüdə fərdi resurslara bağlı idi. Bu vəziyyət E. Durkheimın anomiya nəzəriyyəsinin praktik təsdiqini verir. Ailə institutunun dağılması, boşanma hallarının artması və ailədaxili zorakılıq – bunlar normativ sistemin boşluğundan qaynaqlanan sosial pozuntulardır [Durkheim, 241–256]. Həmin dövrdə ailə yalnız hüquqi və iqtisadi strukturların təsirinə məruz qalmırdı, həm də mənəvi dəyərlərin itməsi və sosial mühitin sabitsizliyi ilə qarşı-qarşıya qalırdı. Bu dövr, Azərbaycan ailəsinin ən zəif və bir o qədər də dönüş yaradan mərhələlərindən biri kimi dəyərləndirilə bilər. Həm klassik modelin dağılması, həm də yeni modelin konturlarının meydana çıxması baxımından, 1990-cı illər ailə strukturunun transformasiyasının başlanğıc nöqtəsi olmuşdur.

“Azərbaycanlı ailəsi” anlayışı post-sovet dövründə ideal model kimi qalsa da, real həyatda zəiflədi. Bu anlayış, sovet dövründə ideallaşdırılmış və kollektiv dəyərlərə əsaslanan ailə tiplərinin davamı kimi mövcud idi. Lakin, müstəqillikdən sonra fərdi maraqların və azadlıqların önə çıxması ilə bu model real davranış nümunələri ilə üst-üstə düşməməyə başladı. Azərbaycan ailəsinin transformasiyası müstəqillik dövründə həm sosial, həm iqtisadi, həm də ideoloji dəyişikliklərin təsiri ilə yeni mərhələyə qədəm qoydu. Xüsusilə 1990-cı

illərin əvvəllərində Sovet sistemindən çıxmış Azərbaycan cəmiyyətində liberal iqtisadi islahatlarla yanaşı, fərdi azadlıqlar və şəxsi maraqlar ön plana çıxmağa başladı. Bu dəyişikliklər ailə institutuna da ciddi təsir göstərdi. Ənənəvi ailə modeli – xüsusilə də patriarxal quruluşun təmsil etdiyi davranış nümunələri – artıq cəmiyyətin real yaşam tərzilə üst-üstə düşməməyə başladı.

Bu kontekstdə, A. Qramşinin "mədəni hegemonluq" konsepsiyası ilə Azərbaycan ailə modelindəki ideoloji və praktik gərginliyi izah etmək mümkündür. Ona görə, mədəni hegemonluq cəmiyyətdə dominant sinfin dəyərlərinin digər sosial təbəqələrə ideoloji aparatlar (dövlət, təhsil, media və s.) vasitəsilə "razılıqla" qəbul etdirilməsi prosesi ilə həyata keçirilir [Gramsci, 12–13]. Azərbaycan cəmiyyətində də postsovet dövründə dövlət və media ənənəvi ailə modelini qorumağa və təşviq etməyə çalışdı. Lakin iqtisadi liberallaşma, miqrasiya prosesləri və informasiya texnologiyalarının yayılması kimi sosial dəyişikliklər, bu hegemonik modelə real ailə davranışları arasında ziddiyyət yaratdı. Burada vacib məqam ondan ibarətdir ki, dövlət və dominant ideoloji aparatlar ailəni bir dəyər sistemi kimi qorumağa çalışsa da, artıq ailə anlayışı ictimai reallıqda fərdi ehtiyaclar, emosional münasibətlər və sosial sərbəstliklə daha çox əlaqələnməyə başladı. Məsələn, gənc nəsil arasında fərdi karyera planlaması, şəxsi həyatın prioritetə çevrilməsi və ənənəvi valideyn-övlad strukturunun zəifləməsi bu dəyişimin konkret nümunələrindəndir. Ailə daxilində qadınların daha müstəqil davranış sərgiləməsi, gənclərin evlilik yaşını gecikdirməsi və qeyri-rəsmi münasibətlərin artması bu normativ ideallaşdırılmış modelə sarsıdıcı təsir göstərdi [Gramsci, 20]. Beləliklə, A. Qramşinin nəzəri çərçivəsi Azərbaycan ailəsinin transformasiyasını təhlil etmək üçün məhsuldar bir perspektiv təqdim edir. Mədəni hegemonluq çərçivəsində, rəsmi diskursla real sosial münasibətlər arasında yaranan uçurum, ailə institutunun forması və funksiyasına təsir göstərərək onu tədricən fərdiləşmiş, çevik və plüralist modellərə doğru yönləndirir.

Urbanizasiya və qadınların təhsilə çıxış imkanlarının genişlənməsi gender rollarını dəyişdirməyə başladı. Judith Butlerin gender nəzəriyyəsinə görə, gender bioloji deyil, sosial konstruksiyadır və bu konstruksiyalar sosial şərtlər dəyişdikcə yenidən qurula bilər [Butler 33]. Azərbaycanda da qadınların iqtisadi müstəqillik qazanması onların ailə münasibətlərində daha aktiv rol almasına, həmçinin ənənəvi kişi-qadın rollarının yenidən tərtib olunmasına səbəb olmuşdur.

U. Beck "individuallaşmış cəmiyyət" modelinə uyğun olaraq,

ailə artıq sabit və kollektiv strukturlu sistem deyil, fərdi özünürealaşdırma və emosional rahatlıq üçün bir platformaya çevrilməkdədir [Beck və Beck-Gernsheim 22]. Bu, xüsusilə urbanizasiya və gənc nəsillərin dəyərləri kontekstində aydın görünür.

Bununla yanaşı, Talcott Parsonsun funksionalist nəzəriyyəsində vurğulandığı kimi, ailə strukturunda baş verən transformasiyalara baxmayaraq, o, cəmiyyətin integrasiyası və sosial sabitliyin qorunmasında əsas rol oynamağa davam edir [Parsons 133]. Azərbaycanda ailə hələ də sosial müdafiə vasitəsi, emosional dayaq və mənəvi tənzimləyici kimi mühüm funksiyalar yerinə yetirir.

Miqrasiya prosesləri isə bu ümumi kontekstə əlavə komplekslik qatır. 1990-cı illərdə baş verən miqyaslı əmək miqrasiyası və etnik miqrasiya Azərbaycan ailəsində həm struktur, həm də funksional dəyişikliklər doğurmuşdur. İşsizlik səbəbindən minlərlə kişi Rusiyaya və digər ölkələrə işləməyə getmiş, nəticədə qadınlar ailədə həm iqtisadi, həm də sosial baxımdan başlıca rol almışlar. Bu proses uzunmüddətli ayrılıqlar, ailədaxili emosional gərginlik və bəzi hallarda ailələrin dağılması ilə nəticələnmişdir.

Eyni zamanda, fərqli ölkələrdə yaşayan şəxslər yeni ailə modelləri ilə tanış olmuş, bu da onların ailə və gender rollarına yanaşmasına təsir etmişdir. Bu fenomen Peter Berger və Thomas Luckmannın “reallığın sosial inşası” nəzəriyyəsi ilə əlaqələndirilə bilər – yəni ailə sabit struktur deyil, sosial reallığın davamlı olaraq yenidən qurulduğu bir prosesdir [Berger və Luckmann 57].

Bütün bu sosioloji və fəlsəfi çərçivələrə baxmayaraq, Azərbaycan ailəsi tarixindən gələn mədəni yaddaş və mənəvi kodlarla hələ də dayanıqlılıq nümayiş etdirməkdədir. Onun funksiyası təkcə sosial sistemin qorunması ilə məhdudlaşmır, eyni zamanda milli identikliyin daşıyıcısı kimi çıxış edir.

▪ Gender siyasəti

Azərbaycan dövlətinin gender bərabərliyi sahəsində atdığı addımlar sistemli və ardıcıl xarakter daşıyır. 1998-ci ildə Qadın problemləri üzrə Dövlət Komitəsinin, daha sonra isə Ailə, Qadın və Uşaq Problemləri üzrə Dövlət Komitəsinin yaradılması bu sahədə institusional çərçivənin formalaşdığını göstərir. Bu dövlət qurumları vasitəsilə həm qadın hüquqlarının müdafiəsi, həm də ailə institutunun möhkəmləndirilməsi paralel şəkildə aparılmışdır.

Azərbaycanın BMT-nin CEDAW konvensiyasını ratifikasiya

etməsi və bu sahədə fakultativ protokolu qəbul etməsi dövlətin beynəlxalq hüquq sisteminə integrasiya olunmasını və qadın hüquqlarına dair öhdəliklərini qəbul etdiyini göstərir. 2006-cı ildə qəbul edilən “Qadın və Kişilərin Bərabər Hüquqlarına Dövlət Qarantiyası haqqında” Konstitusiyaya qanunu ailə münasibətlərində hüquqi bərabərlik prinsipini təsbit etmişdir.

Bu cür hüquqi baza ailə hüququ sahəsində qadınların hüquqlarının daha effektiv müdafiəsini, həmçinin diskriminasiyaya qarşı mübarizəni gücləndirmişdir.

Tarixi və sosial kontekstdə ailə institutunda ənənəvi patriarxal münasibətlər üstünlük təşkil etsə də, 1990-cı illərdən etibarən bu model dəyişməyə başlamışdır. Qadınların iqtisadi fəallığının artması və ailə büdcəsinin formalaşmasında iştirakları onların ailədaxili qərarvermə statusunu gücləndirmişdir. Bununla belə, bir çox regionlarda — xüsusilə kənd yerlərində — erkən nikahlar və çoxarvadlılıq kimi hallar hələ də aktual olaraq qalır. Qeyd olunmalıdır ki, bu hallara qarşı həm hüquqi, həm də ictimai reaksiya formalaşmış, QHT-lər və dövlət orqanları tərəfindən mübarizə tədbirləri həyata keçirilmişdir. Bu hal Azərbaycanda ailə institutunun həm modernləşdiyini, həm də ənənəvi elementlərlə mübarizədə müəyyən çətinliklərin qaldığını göstərir.

Qadın qeyri-hökumət təşkilatlarının fəaliyyəti, qadınların siyasi imkanlarının genişləndirilməsi üçün ciddi bir sosial impuls yaratmışdır. Bu təşəbbüslər ailə modelinin ictimai aspektlərini dəyişməyə yönəlmişdi. Qadının yalnız ailə daxilində yox, həm də cəmiyyətin idarə edilməsində aktiv rol oynaması ideyası geniş yayılmış və təbliğ edilmişdir. Qadınların ictimai fəallığının artması, ailənin ictimai funksiyalarının — tərbiyə, sosiallaşma, gender bərabərliyi — daha şüurlu şəkildə həyata keçirilməsinə şərait yaratmışdır.

Dini inanlıq qadınların hüquqları, erkən nikahlar — ailə institutu ilə hüquq və mədəniyyət arasındakı ziddiyyətləri ortaya qoyur. Bu ziddiyyətlər bir tərəfdən Azərbaycan ailəsinin dini-mədəni kimliyini qorumaq istəyini ifadə edirsə, digər tərəfdən universal insan hüquqları və gender bərabərliyi prinsipləri ilə toqquşur. Azərbaycan ailəsi bu kontekstdə həm hüquqi-modernist, həm də dini-tradisionalist elementlərin sintezində mövcud olur. Dövlət və QHT-lərin fəaliyyəti bu sintezin daha çox hüquqi-modernist tərəfə yönəlməsinə şərait yaratsa da, ictimai şüur və dəyərlər sistemi bu keçidə zaman-zaman müqavimət göstərir.

Azərbaycan ailəsi gender münasibətləri və qadın hüquqları baxımından keçid cəmiyyətinə xas olan dualist xarakter daşıyır. Bir

tərəfdən qadınların iqtisadi, sosial və siyasi fəallığının artması və hüquqi müdafiə mexanizmlərinin gücləndirilməsi, digər tərəfdən isə, ailə münasibətlərində və məişət səviyyəsində ənənəvi münasibətlərin davam etməsi bu modelin kompleksliyini ortaya qoyur.

Faktlar və göstəricilər onu göstərir ki, Azərbaycan ailəsi artıq təkcə sosial institut deyil, həm də gender siyasətinin və hüquqi-mədəni dəyişikliklərin bilavasitə subyektinə çevrilmişdir. Gələcəkdə bu ailə modelinin inkişafı, dövlət siyasətinin effektivliyi, vətəndaş cəmiyyətinin fəallığı və ictimai şüurun dəyişməsi ilə birbaşa əlaqədar olacaqdır.

▪ **Boşanmaların sürətli artımı: post-ailə dövrü, yoxsa...**

Boşanmaların sürətli artımı və bu tendensiyanın Azərbaycan ailə modeli kontekstində təhlili müasir sosioloji və fəlsəfi baxışların işığında çoxşaxəli müzakirə tələb edir. Postmodern cəmiyyətin ailə institutuna təsiri, ailə münasibətlərindəki dəyişikliklər və boşanma fenomeni son dövrlərdə "post-ailə dövrü" kimi yeni anlayışların meydana gəlməsinə səbəb olmuşdur.

Azərbaycan kontekstində 1990-cı illərdən sonra müşahidə olunan iqtisadi çətinliklər, miqrasiya axınları və mədəni transformasiyalar ailə strukturunu zəiflədən əsas amillərdən olmuşdur. Boşanmaların artması, təkcə şəxsi münasibətlərdəki böhranlarla deyil, həm də sosial institutların dəyişməsi ilə əlaqələndirilə bilər. Bu dövrdə klassik ailə modelinin – yeni patriarxal və kollektiv identiklik daşıyıcısı olan ailə strukturunun – zəiflədiyi müşahidə olunur. Sosial müdafiə sistemlərinin zəifliyi və dövlətin ailəyə dəstəyinin məhdudluğu fonunda ailə artıq funksional təminat mənbəyi olmaqdan çıxmağa başlayır [Beck, s. 100-105].

Sosial müdafiə sistemlərinin zəifliyi və dövlətin ailəyə dəstəyinin məhdudluğu kontekstində ailə institutunun funksional strukturunda baş verən dəyişikliklər, həm sosioloji, həm də fəlsəfi baxımdan müasir cəmiyyətin transformasiya dinamikasına işarə edir. Ənənəvi cəmiyyətlərdə ailə yalnız bioloji və emosional münasibətlərin mərkəzi deyil, eyni zamanda sosial rifahın təminatçısı kimi çıxış edirdi. Azərbaycan cəmiyyəti də uzun müddət ailəni bu cür funksional struktur çərçivəsində qurmuşdur – yaşlıların qayğısı, uşaqların tərbiyəsi, xəstələrə dəstək və işsizlik şəraitində maddi təminat funksiyaları birbaşa ailənin üzünə düşürdü.

Lakin post-sovet dövründə baş verən sosial-iqtisadi dezintegrasiya, keçid iqtisadiyyatının gətirdiyi qeyri-sabitlik və dövlətin

rifah sistemindəki boşluqlar ailənin bu funksiyaları daşımaq qabiliyyətini zəiflətməmişdir. U. Beckin “Risk cəmiyyəti” konsepsiyası bu dəyişiklikləri izah etmək üçün əhəmiyyətli çərçivə təqdim edir. U. Beckə görə, modern cəmiyyətlərdə fərdi risklərin idarə olunması əvvəlki kimi kollektiv strukturlar – o cümlədən ailə vasitəsilə deyil, institusional təminatlarla əvəzlənməlidir [Beck 100–105]. Lakin bu institusional təminat zəif olduqda, nə ailə, nə də dövlət təkbəşinə sosial təhlükəsizlik funksiyasını yerinə yetirə bilmir. Nəticədə, ailə institutu həm funksional yük baxımından aşırı yüklənmiş, həm də struktur baxımından zəifləmiş olur. Məsələn, sosial təminat sistemlərinin zəif olduğu Azərbaycan kimi ölkələrdə valideynlər yaşlı ailə üzvlərinə həm maddi, həm də fiziki baxımdan dəstək göstərməyə məcbur qalır, eyni zamanda öz uşaqlarının sosiallaşması və təhsil ehtiyaclarını da tənzimləməyə çalışırlar. Bu işə, ailə daxilində gərginliyin artmasına, resursların tükənməsinə və ailə münasibətlərinin dağılmasına səbəb olur.

Bu baxımdan, ailənin artıq “funksional təminat mənbəyi olmaqdan çıxması” sadəcə struktur dəyişiklik deyil, həm də dərin mədəni və sosial transformasiyanın göstəricisidir. Postmodern dövrdə ailənin əsas funksiyaları – sosiallaşma, qoruma, emosional dəstək – getdikcə fərdi instansiyalar və ya alternativ institusiyalar (məsələn, dövlət yardım proqramları, qeyri-hökumət təşkilatları, sosial şəbəkələr) vasitəsilə bölüşdürülür. Beləliklə, ailə daha çox “emosional icma”ya çevrilir – bu işə, onun davamlılığını təmin etsə də, əvvəlki sosial təhlükəsizlik funksiyasını zəiflədərək boşanma, dağılma və funksional qeyri-müəyyənlik kimi riskləri artırır. Bu təhlil göstərir ki, ailə institutunun zəifləməsi yalnız daxili münasibətlərin pozulması ilə deyil, həm də sosial siyasətin institusional dayanıqsızlığı ilə əlaqəlidir. Yəni burada ailə böhranı eyni zamanda rifah dövlətinin böhranı kimi də oxunmalıdır.

Müasir Azərbaycan cəmiyyətində ailə institutunun transformasiyası təkcə sosial-iqtisadi dəyişikliklər kontekstində deyil, eyni zamanda fərdiləşmə və fərdi azadlıqların artması fonunda da baş verir. U. Beckə görə, müasir cəmiyyətlərdə fərd ailə strukturunun və kollektiv sosial bağlılıqların fəvqünə yüksəlir. Artıq ailə “öz-özlüyündə məqsəd” deyil, fərdi özünüreallaşdırmanın vasitəsinə çevrilir. Nəticədə, ailənin normativ əsasları zəifləyir, çünki şəxsi azadlıqlar və individual həyat strategiyaları kollektiv ailə dəyərləri ilə ziddiyyət təşkil etməyə başlayır [Beck, *Risk Society*, s. 91–96].

Bu fenomen Azərbaycan kontekstində də öz əksini tapır. Xüsusilə urbanizasiya, təhsil səviyyəsinin artması və qadınların əmək bazarında

daha fəal iştirak etməsi nəticəsində fərdi kimlik daha güclü şəkildə formalaşır. Əvvəllər ailə daxilindəki münasibətlər “mən”dən çox “biz” anlayışı üzərində qurulurdusa, hazırda fərdi seçimlər və şəxsi xoşbəxtlik anlayışları ailənin davamlılığına üstünlük təşkil edir. Bu da öz növbəsində, ailədaxili gərginliklərin artmasına, kompromisə getməyə hazır olmayan fərdlərin sayının çoxalmasına və nəticə etibarilə boşanmaların statistik göstəricilərində artıma səbəb olur.

U. Beckin qeyd etdiyi kimi, individuallaşma prosesi yalnız azadlıq imkanlarının artması demək deyil; bu eyni zamanda “strukturlaşdırılmamış risklərin” çoxalması ilə müşayiət olunur. Fərd ailədən və cəmiyyətdən daha az asılı olduqca, sosial müdafiə funksiyalarını da öz üzərinə götürməyə məcbur qalır. Ailə isə, əvvəlki kimi sosial təhlükəsizlik zonası funksiyasını tam şəkildə yerinə yetirə bilmir və bu, onun dayanıqlılığını zəiflədir.

Beləliklə, individuallaşma prosesi həm ailə modelindəki dəyərlərin yenidən baxılmasına, həm də sosial bağların zəifləməsinə gətirib çıxarır. Azərbaycan cəmiyyətində bu proses ənənə ilə modernlik arasında gərgin bir tarazlıq şəklində özünü göstərir. Bir tərəfdən ailə hələ də mədəni və sosial etalon kimi qalır, digər tərəfdən isə, fərdi həyat keyfiyyəti və şəxsi xoşbəxtlik meyarları ailənin normativ gücünü sarsıdır.

Azərbaycan cəmiyyətində son onilliklərdə baş verən sosial transformasiyalar gender münasibətlərində də ciddi dəyişikliklərə yol açmışdır. Qadınların təhsil səviyyəsinin yüksəlməsi, iqtisadi müstəqillik əldə etmələri və urbanizasiyanın sürətlənməsi, onların ailə daxilindəki ənənəvi rollarının yenidən formalaşmasına səbəb olmuşdur. Ənənəvi ailə modelində qadının rolu əsasən evdarlıq, uşaqların tərbiyəsi və ailədaxili emosional təminat funksiyaları ilə məhdudlaşdı. Lakin, müasir dövrdə qadın artıq əmək bazarında aktiv iştirak edən, qərarverici subyekt kimi formalaşır. Bu dəyişikliklər, ailə strukturunda və münasibətlər sistemində yeni gərginlik sahələrinin yaranmasına gətirib çıxarır.

Bu kontekstdə J. Butlerin gender nəzəriyyəsi, xüsusilə onun *Gender Trouble* əsərində təqdim etdiyi "genderin performativliyi" anlayışı, ailə münasibətlərinin dəyişən mahiyyətini izah etmək baxımından əhəmiyyətliyə. Ona görə, gender sabit, bioloji əsaslı bir identiklik deyil; əksinə, sosial və mədəni kontekstlərdə təkrarlanan performativ aktlar vasitəsilə konstitusiya olunur [Butler, 25–30]. Yəni, kişi və qadın rolları cəmiyyətin normativ tələbləri və gözləntiləri daxilində daim təkrarlanan davranışlar nəticəsində formalaşır.

Azərbaycan ailəsində qadının evdarlıq funksiyasından çıxaraq

ictimai və iqtisadi fəallığa keçməsi, bu performativ gender rolunun təkamülündən xəbər verir. Artıq qadın ailənin yalnız "daxili təminatçısı" deyil, həm də ailədaxili qərarların formalaşmasında və iqtisadi planlaşdırmada aktiv iştirak edən agentdir. Bu dəyişiklik ailə strukturunda yeni bir dinamika yaradır; əvvəllər sosial və mədəni təzyiqlərlə saxlanılan evliliklər artıq fərdi məmnunluq, qarşılıqlı anlaşıma və bərabər hüquqluluq kimi prinsiplərlə qiymətləndirilir.

Nəticə etibarilə, ailə artıq yalnız mədəni miras və sosial strukturun tələbi kimi deyil, fərdlərin öz arzularını və kimliklərini ifadə edə biləcəkləri bir sosial məkan kimi nəzərdən keçirilir. Bu, bir tərəfdən qadının hüquq və azadlıqlarının genişlənməsi baxımından pozitiv bir tendensiya olsa da, digər tərəfdən ailədaxili rolların və gözləntilərin dəyişməsi nəticəsində münasibətlərin davamlılığı üzərində gərginlik yarada bilər. Bu gərginliklərin bir nəticəsi kimi də boşanma hallarının artması müşahidə olunur.

J. Butlerin performativlik nəzəriyyəsi bu situasiyanı aydın şəkildə şərh edir: gender rolları "özlüyündə sabit" deyil, sosial reallıqlar dəyişdikcə bu rollar da dəyişir. Beləliklə, Azərbaycan ailəsindəki gender balansının dəyişməsi və bunun doğurduğu nəticələr, yalnız iqtisadi və hüquqi kontekstdə deyil, həm də dərin mədəni və simvolik sahələrdə baş verir.

Z. Bauman bu tendensiyanı *Liquid Love* əsərində "maye sevgi" anlayışı ilə ifadə edir. Onun fikrincə, postmodern cəmiyyətlərdə münasibətlər daha az sabit, daha çox dəyişkən xarakter alır. Bu münasibətlərdə öhdəlik və davamlılıq yerini spontanlıq və fərdi məmnuniyyətə verir. O, qeyd edir ki, bu cür münasibətlər "qırılmağa hazır" bağlar şəklində formalaşır – onlar istənilən anda pozula bilər, çünki dərin sosial və mənəvi öhdəliklərə deyil, gündəlik hisslərə əsaslanır [Bauman, 12–18].

Azərbaycan ailəsində bu meyillər hələ tam dominant xarakter daşmır, lakin xüsusilə urban mühitlərdə, iqtisadi müstəqillik qazanmış qadınlar və fərdi həyat tərzini seçmiş gənclər arasında müşahidə olunmağa başlamışdır. Şəhərlərdə yaşamaq, fərdi mənzil imkanlarının artması, təhsilin genişlənməsi və gender bərabərliyinin inkişafı fonunda ailə artıq bir çox hallarda sosial zərurət kimi deyil, fərdi seçimin nəticəsi kimi qurulur. Bu, ailənin əvvəlki sabit strukturunu zəiflədir, emosional narazılıqlar və funksional uyğunluq çatışmazlığı fonunda boşanma hallarını artırır.

Post-ailə dövrü həmçinin ailə münasibətlərinin rəqəmsallaşma və

texnoloji vasitələrlə qurulması ilə də xarakterizə olunur. Onlayn tanışlıqlar, qısa müddətli münasibətlərin artması və sosial şəbəkələrdə formalaşan emosional bağlar da ailə anlayışına yeni məna qatır. Belə bir şəraitdə ailənin yalnız sosial institut kimi deyil, həm də fərdi özünüifadə və emosional qarşılıqlı əlaqə vasitəsi kimi funksionallığı önə çıxır.

Post-ailə dövrü Azərbaycan cəmiyyətində klassik ailə modelindən fərqli olaraq daha çevik, dəyişkən və subyektiv əsaslara söykənən bir quruluşun yaranmasına şərait yaradır. Bu dəyişikliklər hələ cəmiyyətin bütün təbəqələrinə sirayət etməsə də, gənc nəsil və şəhər mühiti kimi sosial sahələrdə artıq müşahidə olunmaqdadır. Bu isə, öz növbəsində ailə institutunun gələcəkdə hansı funksiyaları yerinə yetirəcəyi, hansı sosial gözləntilərlə qarşılaşacağı və necə davamlılıq qazanacağı suallarını aktuallaşdırır.

Müasir cəmiyyətdə boşanma hallarının artması təkcə ailə institutunun zəifləməsi və ya dəyərlərin aşınması kimi yozulmamalıdır. Boşanmanın artması eyni zamanda fərdin hüquq və azadlıqlarının tanınması, insan ləyaqətinə əsaslanan hüquqi-mədəni sistemin inkişafı baxımından da pozitiv bir göstərici ola bilər. Əvvəllər ictimai və ailədaxili təzyiqlər səbəbindən davam etdirilən disfunkional münasibətlər, xüsusilə qadınların fiziki və psixoloji zorakılığa məruz qaldığı hallarda hüquqi müdaxilə mexanizmlərinin mövcud olmaması səbəbindən davamlı olurdu. Halbuki, hüquqi modernləşmə və mədəni transformasiya fərdin öz rifahı və ləyaqətinə uyğun seçimlər etməsinə imkan tanımağa başlamışdır.

Bu nöqteyi-nəzərdən hüquq filosofu Ronald Dvorkinin hüququn etik əsaslarına dair irəli sürdüyü yanaşma diqqətəlayiqdir. R. Dvorkin hüququ yalnız qaydalar toplusu kimi deyil, həm də dəyərlər və prinsiplər sistemi kimi təqdim edir. O, hüququn məqsədinin yalnız sosial nizamı qorumaq deyil, həm də fərdin ləyaqətini, azadlığını və bərabərliyini təmin etmək olduğunu vurğulayır. Ona görə, “qanunun imperiyası” fərdin hüquqlarını qoruyarkən ədalətin mənbəyi olan etik prinsiplərə əsaslanmalıdır. Belə bir hüquqi çərçivədə fərdi seçim – o cümlədən nikahı davam etdirməmək qərarı – hüququn ayrılmaz hissəsi sayılır [Dvorkin, s. 221–226].

Bu çərçivədə boşanma artıq yalnız ailə böhranı kimi deyil, həm də hüquqi-mədəni irəliləyişin əlaməti kimi dəyərləndirilə bilər. Zorakı və ya mənəvi zərərverici münasibətlərdən azad olma hüququ fərdin subyektiv rifahı və insan ləyaqəti ilə birbaşa əlaqəlidir. Azərbaycanda bu məsələnin getdikcə daha çox hüquqi və ictimai müzakirəyə çıxarılması,

qadın hüquqları sahəsində qanunvericilik aktlarının təkmilləşdirilməsi və sosial dəstək mexanizmlərinin inkişafı fərdi azadlıqların hüquqi çərçivəyə alınmasının göstəricisidir.

Boşanma statistikasının artması yalnız ailə institutunun zəifləməsi deyil, eyni zamanda fərdi hüquqların tanınması və cəmiyyətin etik-hüquqi yetkinlik səviyyəsinin yüksəlməsi baxımından da qiymətləndirilməlidir. Bu, hüququn yalnız normativ deyil, həm də mədəni fenomen olduğunu və fərdi seçimlərin hüquqi leqitimlik qazandığı bir mərhələyə keçidi simvolizə edir.

Azərbaycan ailəsi kontekstində post-ailə dövrünün ortaya çıxması ailənin tamamilə süqutuna deyil, əksinə, onun struktur və funksional transformasiyasına işarə edir. Bu transformasiya prosesi ailənin klassik anlayışdan çıxaraq yeni sosial və mədəni şərtlərə uyğunlaşmasına səbəb olur. Beləliklə, ailə əvvəlki monolit funksional sistemdən fərqli olaraq indi daha çevik və dinamik sosial vahid kimi çıxış edir.

Cədvəl 3. Azərbaycanda boşanmanın və ailə transformasiyasının əsas səbəbləri

Aspekt	Məzmun	Fəlsəfi və sosioloji istinad	Ailə transformasiyasına təsiri
Sosial-iqtisadi dezintegrasiya	1990-cı illərdən sonra iqtisadi çətinliklər, işsizlik, miqrasiya	U. Beck – “Risk Cəmiyyəti” konsepsiyası	Ailə funksiyalarının zəifləməsi, sosial müdafiənin ailəyə yüklənməsi
Sosial müdafiə sistemlərinin zəifliyi	Dövlətin ailəyə institusional dəstəyinin zəif olması	U. Beck – institusional təminatın yoxluğu	Ailədaxili gərginlik, resurs çatışmazlığı, boşanma hallarında artım
Fərdiləşmə və individuallaşma	Şəxsi xoşbəxtliyin ön plana çıxması, fərdi azadlıqların artması	U. Beck – fərdi strategiyalar və risklərin fərdi daşıyıcılığı	“Biz” anlayışından “mən” anlayışına keçid, ailə bağlarının zəifləməsi
Gender rollarının dəyişməsi	Qadının ictimai və iqtisadi fəallığının	J. Butler – genderin performativliyi	Ənənəvi ailə rollarının dəyişməsi, ailədaxili

	artması		münasibətlərin yenidən qurulması
Urbanizasiya və təhsilin artması	Şəhərləşmə və təhsilin yayılması fərdi identikliyin güclənməsi	Modernist yanaşmalar, fərdi öznəlik nəzəriyyəsi	Ailə daxilində qərarların fərdi maraqlarla yönləndirilməsi
Mədəni transformasiyalar	Ənənəvi dəyərlərin dəyişməsi, mədəni modernləşmə	Postmodern nəzəriyyələr – Bauman (“Maye sevgi”)	Münasibətlərin sabitlik yox, spontanlıq üzərində qurulması
Evliliyin funksional strukturunda dəyişiklik	Ailənin sosial təminat və emosional dayaq funksiyalarını itirməsi	Fəlsəfi-sosioloji yanaşmalar (ailə – emosional icma)	Boşanma hallarının artması, ailənin sosial rolunun zəifləməsi
Rifah dövlətinin institusional böhranı	Sosial xidmət və dəstək mexanizmlərinin çatışmazlığı	Beck – rifah dövlətinin funksional yüklərinin ailəyə ötürülməsi	Ailə institutunun funksional qeyri-müəyyənliyə düşməsi

Postmodern və sonrakı cəmiyyət modelləri çərçivəsində ailənin yalnız hüquqi-institusional forma kimi deyil, həm də emosiya əsaslı və fərdi ehtiyaclara cavab verən çevik sosial sistem kimi yenidən qurulması prosesi müşahidə olunur. Bu baxımdan, A. Giddens “transformasiya ailəsi” anlayışını təqdim edərək, ailənin artıq əvvəlki sabit strukturlardan çıxaraq, şəxsi identiklik və qarşılıqlı emosional bağlılıq əsasında formalaşdığını vurğulayır. Ona görə, müasir ailələr “saf münasibətlər” (pure relationships) üzərində qurulur və bu münasibətlər şəxsi məmnuniyyət və özünüreallaşdırma ilə əsaslandırılır [Giddens, 58-63].

Azərbaycan ailə modelində bu dəyişikliklər tədricən və selektiv şəkildə müşahidə olunur. Xüsusilə urbanizasiya, təhsil səviyyəsinin yüksəlməsi, qadınların əmək bazarına inteqrasiyası və informasiya texnologiyalarının yayılması kimi amillər ailə strukturlarının yenidən formalaşmasına təkan verir. Məsələn, ailə daxilində ənənəvi cinsiyət

rollarının dəyişməsi, qərarvermə prosesinin daha bərabər əsaslarda baş verməsi və valideynlik funksiyalarının paylaşılması bu yeni reallığın ifadəsidir.

Bu transformasiya eyni zamanda ailənin əsas funksiyalarının – sosiallaşma, emosional dəstək, iqtisadi əməkdaşlıq və nəslin davamı – yenidən bölüşdürülməsini və fərqli sosial institutlar arasında yayılmasını ehtiva edir. Əvvəllər ailənin daşdığı sosiallaşma funksiyasını indi qismən təhsil müəssisələri və media, emosional dəstək funksiyasını isə dostluq şəbəkələri və psixoloji dəstək xidmətləri icra etməyə başlayır. Lakin bu, ailənin ortadan qalxdığı anlamına gəlmir. Əksinə, ailə yeni şərtlərə uyğunlaşaraq öz varlığını alternativ formalarla davam etdirir – nüvə ailə, tək valideynli ailə, koabitasiya birlikləri və sosial baxımdan seçilmiş ailələr bu modellərə nümunədir.

Post-ailə dövrü eyni zamanda ailənin semantik yükünün dəyişməsi ilə müşayiət olunur. Artıq ailə yalnız qan qohumluğu və hüquqi bağlarla izah olunan birgə yaşam forması deyil, həm də emosiya, seçim və qarşılıqlı razılığa əsaslanan bir sosial müqavilə kimi başa düşülür. J. Stacey bu kontekstdə “postmodern ailələr” anlayışını irəli sürərək ailənin birdəfəlik və sabit modeldən çıxaraq, çoxçeşidli və kontekstual sosial struktura çevrildiyini qeyd edir [Stacey, 84-88].

Azərbaycan ailəsi də bu prosesə qlobal meyillərlə sinxron şəkildə daxil olmasa da, xüsusilə gənc nəslin ailə və münasibətlərə dair baxışlarında ciddi fərqliliklər özünü göstərir. Gənclər arasında evliliyə gec yaşda qərar vermək, nikahdan kənar münasibətlərə daha tolerant yanaşmaq, ailə qurmaqdan daha çox karyera və şəxsi inkişafı prioritetləşdirmək kimi tendensiyalar müşahidə edilir. Bu isə, ailənin sosial funksiyalarının dəyişməsinə və fərqli modellərin paralel şəkildə mövcud olmasına gətirib çıxarır.

Beləliklə, post-ailə dövrü Azərbaycan ailəsi üçün dekonstruktiv böhran mərhələsi deyil, daha çox adaptiv çevikləşmə və struktur yenidənqurma dövrü kimi dəyərləndirilə bilər. Bu transformasiya ailənin cəmiyyətin dəyişən reallıqlarına uyğun olaraq funksional davamlılığını təmin etmək üçün keçdiyi təbii mərhələdir. Bu baxımdan, ailə institutu müxtəlif formalarda və yeni münasibətlər modelində öz aktuallığını qoruyub saxlayır.

▪ Gələcəyin ailə modelləri və müasir ailə modelinin formalaşdırılması

Ailə yeni şərtlərə uyğunlaşaraq öz varlığını alternativ formalarla

davam etdirir – nüvə ailə, tək valideynli ailə, koabitasiya birlikləri və sosial baxımdan seçilmiş ailələr bu modellərə nümunədir.

Amerikalı sosioloq J. Staceyin “postmodern ailələr” anlayışı ailənin artıq əvvəlki kimi sabit, universal və normativ model çərçivəsində başa düşülə bilməyəcəyini, əksinə sosial, mədəni və iqtisadi dəyişikliklərin təsiri ilə ailənin daha çox kontekstual və çoxformalı bir struktur halına gəldiyini vurğulayır. Stacey 1996-cı ildə çap olunan *In the Name of the Family* adlı əsərində ailənin bir vahid və dəyişməz model olmadığını, fərqli zaman və məkanlarda müxtəlif formalarda təzahür etdiyini göstərir [Stacey, s. 84–88].

J. Staceyin yanaşması əsasən postmodernist metodologiyaya əsaslanır və ailənin artıq sabit struktur kimi deyil, prosesual və dəyişkən bir sosial fenomen kimi nəzərdən keçirilməsini təklif edir. O, bu kontekstdə “postmodern ailələr” termini ilə yalnız ənənəvi nüvə ailənin (ata-ana-uşaq modeli) parçalanmasını deyil, həm də alternativ ailə formalarının – tək valideynli ailələr, eyni cinsli ailələr, koabitasiya birlikləri, seçilmiş qohumluqlar və dostluğa əsaslanan ailə münasibətlərinin legitim sosial forma kimi meydana çıxmasını nəzərdə tutur. Bu baxış ailənin yalnız qan və hüquq əsasında deyil, həm də emosional və sosial seçimlər vasitəsilə formalaşdığını göstərir.

J. Staceyin nəzəriyyəsi ailəni sosiomədəni transformasiyaların göstəricisi kimi şərh edir. O, xüsusilə feminizmin, gender azadlığı hərəkatlarının və liberallaşmış fərdi seçimlərin ailə münasibətlərinə təsir etdiyini qeyd edir. Burada ailə münasibətləri artıq öhdəlik və sosial rol öhdəliklərindən daha çox qarşılıqlı məmnuniyyət, şəxsi azadlıq və emosional komfort üzərində qurulur. Bu proses, Staceyə görə, “ailənin təkamülü deyil, onun dekonstruksiyası” deyil, yeni sosial təşkilat formalarının ortaya çıxmasıdır [Stacey, 85].

Azərbaycan kontekstində bu nəzəri yanaşma bəzi fərqliliklərlə tətbiq oluna bilər. Ənənəvi dəyərlərin, dini və mədəni normativliyin daha güclü olduğu cəmiyyətimizdə ailə hələ də əsas sosial institutlardan biri kimi qəbul olunur. Lakin urbanizasiya, qadınların iqtisadi fəallığının artması, təhsilin genişlənməsi və informasiya mühitinin təsiri ilə ailə modelləri də tədricən transformasiya olunur. Artıq tək valideynli ailələr, ailədaxili rol bölgüsünün dəyişməsi, qeyri-rəsmi birliklərin sayının artması və evlilik yaşının yüksəlməsi kimi faktorlar ailənin müxtəlif formalarda yaşamasına şərait yaradır.

J. Staceyin vurğuladığı kimi, bu dəyişikliklər ailənin dəyərdən düşməsi və ya sosial deqradasiya deyil, əksinə, onun dəyişən sosial

reallıqlara uyğunlaşması kimi başa düşülməlidir. Beləliklə, postmodern ailə modeli həm də ailə haqqında ictimai və hüquqi diskursların yenidən düşünülməsini tələb edir. Bu modeldə ailə sabitlik, davamlılıq və ənənə anlayışından daha çox çeviklik, razılıq və qarşılıqlı razılaşma üzərində qurulur. Bu isə, həm qanunverici, həm də sosial siyasət səviyyəsində ailənin yalnız bir formal struktur deyil, həm də dinamik bir münasibət sistemi kimi tanınmasını zəruri edir.

J. Staceyin “postmodern ailələr” konsepsiyası ailənin yalnız dəyişdiyini deyil, eyni zamanda çoxsaylı sosial identiklik və münasibət formalarına çevrildiyini ortaya qoyur. Bu yanaşma ailəni normativ mühakimədən çıxararaq, sosial fərqliliklərə və mədəni çevikliklərə açıq bir müstəviyə gətirir. Azərbaycanda da bu yanaşma ailə institutunun müasir mərhələdə keçdiyi transformasiyaları anlamaq və qiymətləndirmək üçün mühüm nəzəri çərçivə təqdim edir.

Müasir dövrdə Azərbaycanda ailə institutu həm qlobal, həm də lokal dinamikaların təsiri ilə dərin transformasiyalara məruz qalır. Bir tərəfdən postmodern düşüncə tərzı və urbanizasiyanın, qadınların iqtisadi və sosial fəallığının artması kimi faktorlar nəticəsində ənənəvi patriarxal ailə modeli zəifləyir, digər tərəfdən isə İslamın sosial və hüquqi aspektlərinə yönələn elmi maraq artmaqdadır. Bu iki tendensiya arasında əlaqə və qarşılıqlı təsir, gələcəkdə “yeni İslam ailə modeli”nin yaranma ehtimalını gündəmə gətirir.

İslam hüququnda (fiqh) ailə geniş şəkildə tənzimlənmiş sosial struktur kimi dəyərləndirilir. Ailə həm Allahın qanunlarının təzahürü, həm də cəmiyyətin əsasını təşkil edən vahid kimi nəzərdən keçirilir. Qurani-Kərimdə ailə institutunun sabitliyi, qarşılıqlı hörmət, məsuliyyət və öhdəliklər üzərində qurulması vurğulanır (Nisə surəsi, 34). Lakin, burada diqqətəlayiq məqam ondan ibarətdir ki, İslam ailə modeli mütləq şəkildə patriarxal və dəyişməz bir struktur kimi təqdim edilmir. İslam hüququnun əsas xüsusiyyəti ictihad (rasional hüquqi təhlil) imkanlarının mövcudluğudur. Bu isə o deməkdir ki, zamanın və məkanın şərtlərinə uyğun olaraq hüquqi və sosial təfsirlər yenidən formalaşdırıla bilər. Məhz bu kontekstdə, müasir dövrdə “elmi yanaşma” ilə İslamın ailə münasibətlərinə baxışı yenidən şərh oluna bilər.

Azərbaycanda İslama marağın artması yalnız ibadət formalarında deyil, həm də onun fəlsəfi və hüquqi aspektlərinə dair elmi tədqiqatlarda özünü göstərir. Bu, bir tərəfdən post-sovet identiklik axtarışları, digər tərəfdən isə, Qərb dəyərləri ilə yerli dəyərlər arasındakı balansın qoruma ehtiyacından qaynaqlanır. Belə bir şəraitdə “yeni İslam ailə modeli”nin

konturları aşağıdakı prinsiplər əsasında formalaşa bilər:

- Quranda və sünnədə mövcud olan qadınların hüquqlarının (mehr, təhsil, işləmək, şəxsi mülkiyyət) yenidən vurğulanması ilə formalaşan daha *bərabər hüquqlu ailə modeli*.

- Ailə münasibətlərində yalnız hüquqi deyil, həm də etik və mənəvi dəyərlərə əsaslanan, zorakılığı rədd edən, *qarşılıqlı ehtiramı təşviq edən bir model*.

- İslam hüququnun müxtəlif məzhəblərinin müasir sosial şərtlərə uyğun təhlili əsasında çevik və müasir formalaşdırılmış hüquqi çərçivə.

Azərbaycanda patriarxal ailə institutunun zəifləməsi və postmodern münasibət formalarının yayılması fonunda “yeni İslam ailə modeli”nin formalaşması həm elmi, həm də sosial ehtiyac kimi meydana çıxır. Bu model yalnız dini norma kimi deyil, həm də etik, hüquqi və sosioloji baxımdan əsaslandırılmış, dəyişən reallıqlara cavab verən bir ailə tipologiyası ola bilər. Bunun üçün isə, İslamın dondurulmuş fəh təfsirlərindən çıxarılaraq, canlı və kontekstual şərhlərə açıq formada təhlil edilməsi zəruridir.

Nəticə

Ailə institutunun müasir dövrdə, xüsusilə qloballaşma, urbanizasiya, gender münasibətlərinin dəyişməsi və postmodern təsirlərin artdığı bir dövrdə Azərbaycanda qorunub saxlanması və inkişaf etdirilməsi üçün dövlət və aidiyyəti qurumlara akademik, konseptual, hüquqi, sosial və institusional səviyyələrdə aşağıdakı çoxistiqamətli və əsaslandırılmış tövsiyələri vermək olar:

1. Ailə institutunun yeni konsepsiyasının hazırlanması

Müasir dövrün çağırışlarına uyğun olaraq ailə institutunun funksiyalarını yenidən müəyyən edən “Azərbaycan Respublikasında Ailə İnstitutunun İnkişaf Konsepsiyası (2025–2035)” adlı strateji sənəd qəbul olunmalıdır. Bu konsepsiya ailənin yalnız demoqrafik funksiya deyil, həm də mənəvi, sosial və identiklik daşıyıcısı kimi rolunu qoruyub saxlamaq məqsədi daşımalıdır.

2. Milli ailə dəyərləri platformasının yaradılması

Ailə dəyərlərinin qorunması məqsədilə dövlət-ictimai əməkdaşlığı əsasında fəaliyyət göstərəcək Milli Ailə Dəyərləri Platforması təsis olunmalıdır. Bu platforma akademiklər, din xadimləri, psixoloqlar, QHT nümayəndələri və media peşəkarlarının iştirakı ilə fəaliyyət göstərməlidir.

3. Ailə Məcəlləsinin modernləşdirilməsi

Qadınların hüquqlarını, uşaqların müdafiəsini və ailədaxili münasibətləri tənzimləyən maddələrin müasir etik və hüquqi normalara uyğunlaşdırılması təmin olunmalıdır. Əmək bölgüsü, ailədaxili zorakılığa qarşı mexanizmlər, boşanma prosesində uşaqların hüquqlarının daha güclü qorunması kimi sahələrdə yeniliklər təklif edilməlidir.

4. İslam hüququnun bəzi mexanizmlərinin hüquqi çərçivədə nəzərdən keçirilməsi:

Şəriət hüququ ilə ziddiyyətə düşməyən və universal insan hüquqları prinsiplərinə uyğun olan bəzi ailə tənzimləyici prinsiplər (məsələn, mehr hüququ, qarşılıqlı məsuliyyət) hüquqi debatlarla daxil edilə bilər.

5. Gender ədaləti qanununun qəbul edilməsi:

Gender bərabərliyindən fərqli olaraq, mədəni kontekstə uyğun gender ədaləti anlayışını əsas götürən xüsusi qanun qəbul edilməlidir.

6. Ailə və cəmiyyət araşdırmaları milli institutunun yaradılması

Fəlsəfə, sosiologiya, hüquq və psixologiya sahələrində fəaliyyət göstərəcək müstəqil tədqiqat institutu yaradılmalı, ailə transformasiyaları, gender münasibətləri və postmodern təsirlərin monitorinqi aparılmalıdır.

7. Ailə psixologiyası və mediatorlar mərkəzlərinin regionlarda yaradılması

Boşanma hallarının qarşısını almaq və ailədaxili münaqişələri həll etmək üçün rayon səviyyəsində psixoloji dəstək və mediaçı (arbitraj) xidmətləri təşkil edilməlidir.

8. İctimai ailə monitorinq qruplarının formalaşdırılması

Ailə zorakılığı, uşaqlara qarşı laqeyd münasibət və digər riskli hallar üzrə monitorinq aparan və müvafiq strukturlara məlumat ötürən yerlərdə sosial işçi bazasında fəaliyyət göstərəcək qruplar yaradılmalıdır.

9. Orta və ali təhsildə ailə və gender etikası fənninin tətbiqi

Orta məktəb və universitet proqramlarına müasir etik normalar, gender rolları və ailə məsuliyyətləri mövzularını əhatə edən fənn daxil edilməlidir.

10. Ailə maarifçiliyi kampaniyalarının təşkili

Media, sosial şəbəkə, məktəb və icma əsaslı maarifləndirici proqramlarla ailənin rolu, münaqişə idarəetməsi, gender münasibətləri və ailə dəyərləri barədə ictimai şüur artırılmalıdır.

11. İslam ailəsinin müsbət mənada maarifləndirilməsi

İlahiyyətçilər və digər tədqiqatçılar Quranda ailəyə verilən əhəmiyyət, qarşılıqlı hörmət və qadın hüquqlarının müasir kontekstdə təbliğ olunması təşviq edilməlidir.

12. Gənc ailələrə start dəstəyi

Yeni qurulan ailələr üçün mənzil, uşaq baxımı, işlə təminat və güzəştli kredit proqramları həyata keçirilməlidir.

13. Çoxuşaqly ailələrə vergi və sosial təminat üstünlükləri

Ailə rifahı və demoqrafik davamlılıq üçün çoxuşaqly ailələrə güzəştlər genişləndirilməlidir.

14. Tək valideynli ailələr üçün sosial müdafiə paketi

Ailənin dağılması halında uşaqların və valideynlərin rifahını qorumağa yönəlmiş sosial və hüquqi dəstək proqramları inkişaf etdirilməlidir.

15. Ailə dəyərləri üzrə dövlət qrant proqramlarının açılması

Ali təhsil müəssisələri, elmi tədqiqat institutları və QHT-lər üçün ailə dəyərləri və gender münasibətləri üzrə layihələrə dövlət dəstəyi artırılmalıdır.

16. Sosioloji sorğuların keçirilməsi

Ailələrin dəyişən strukturu, gender münasibətləri və sosial normativlər üzrə mütəmadi sorğular vasitəsilə qərarvermə prosesi məlumatlandırılmalıdır.

Bu tövsiyələr ailə institutunun müasir dövrün sosial dəyişikliklərinə uyğun şəkildə adaptasiyasını təmin etmək, həm milli-mədəni kimliyi qorumaq, həm də insan hüquqlarına əsaslanan ailə modelinin inkişafını stimullaşdırmaq məqsədilə verilir. Ailə təkəcə sosial struktur deyil, həm də mənəvi-mədəni kodun daşıyıcısıdır və onun qorunması Azərbaycanın sosial gələcəyi baxımından strateji əhəmiyyət kəsb edir.

Ədəbiyyat:

1. Abasov, Ə. Azərbaycanda XX əsrin 20-40-cı illərdəki vəziyyətinin ümumi xarakteristikası. (AQM - XX əsrin 20-40 cı illəri) B., Təknur, 2009.

2. Abasov, Ə. Azərbaycan XX əsrin 40-60-cı illərində: ümumi xarakteristika. (AQM - XX əsrin 40-60-cı illəri). Bakı, Təknur, 2011.

3. Abasov, Ə. Azərbaycan XX əsrin 60-90-cı illərində: ümumi xarakteristika. (AQM - XX əsrin 60-90-cı illəri). Bakı, Təknur, 2011.

4. Abasov, Ə. Azərbaycanda qadın məsələsi: (AQM) XX əsrin 90-cı illərindən bu günə qədər. Gender kitabxanası. Buraxılış 20. Bakı "Təknur" 2012/

5. Axundzadə, Mirzə Fətəli. Seçilmiş Əsərləri. Tərtib edən H. Məmmədzadə, Bakı: Yazıçı, 1983.

6. Azərbaycan tarixi. Yeddi cildə. Cild 4. Bakı "Elm" 2007.
7. Azərbaycan tarixi. Yeddi cildə. Cild 6. (aprel 1920 - iyun 1941)." Bakı: Elm, 2008. <https://anl.az/el/Kitab/254503.pdf>
8. Azərbaycan etnoqrafiyası (AE).Üç cildə. II cild. Bakı, "Şərq-Qərb", 2007, 384 səh.
9. Azərbaycan Kommunist Partiyası Mərkəzi Komitəsinin (AzKPMK) qərarları (1932). "Qadınların savadsızlığının ləğvi haqqında." Azərbaycan SSR Ali Soveti Rəyasət Heyətinin Arxivi, f. 12, siy. 4, iş 123, səh. 77.
10. Azərbaycan 1941–1945-ci illər müharibəsində. (Məqalələr toplusu) – Bakı: "Elm", 2008.
11. Azərbaycan qadın məsələsi (AQM) (tarix və müasirlik: XIX əsrin sonu – XX əsrin əvvəli), AMEA FHSİ-nin FYİGT şöbəsinin məqalələr toplusu, Bakı, Adiloğlu, 2006, 272s.
12. Azərbaycan qadın məsələsi: (AQM) XX əsrin 90-cı illərindən bu günə qədər. Gender kitabxanası. Buraxılış 20. Bakı "Təknur" 2012.
13. Bauman, Zygmunt. Liquid Love: On the Frailty of Human Bonds. Polity Press, 2003
14. Beck, Ulrich. Risk Society: Towards a New Modernity. Translated by Mark Ritter, Sage Publications, 1992.
15. Beck, Ulrich, and Elisabeth Beck-Gernsheim. Individualization: Institutionalized Individualism and Its Social and Political Consequences. Sage, 2002.
16. Berger, Peter L., and Thomas Luckmann. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. Anchor Books, 1967.
17. Butler, Judith. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. Routledge, 1990.
18. Camalov K. Mollanəsrəddinçilərin maarifçilik ideyaları. Bakı: Elm və təhsil, 2015.
19. Cavanşir, Həmidə. Xatirələrim. Bakı: Yazıçı, 1981.
20. Durkheim, Émile. Suicide: A Study in Sociology. Translated by John A. Spaulding and George Simpson, Free Press, 1951
21. Dworkin, Ronald. Law's Empire. Harvard University Press, 1986.
22. Giddens, Anthony. The Transformation of Intimacy: Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies. Stanford University Press, 1992,
23. Goldman, Wendy. "Freedom and Its Consequences: The Debate on the Soviet Family Code of 1926." Russian History, vol. 11, no. 4, 1984, pp. 362–388.

24. Gramsci, Antonio. Selections from the Prison Notebooks. Edited and translated by Quintin Hoare and Geoffrey Nowell Smith, International Publishers, 1971.
25. Koch, Karl. Reise durch Russland nach dem kaukasischen Isthmus in den Jahren 1843 und 1844. Stuttgart: J.G. Cotta'scher Verlag, 1846.
26. Koch K. "Reise durch Transkaukasien: Von Tiflis nach Täbris und zurück über Baku und Derbent. Berlin: Reimer, 1848.
27. Əmrahov M.İ. XX əsrdə Azərbaycanda milli-azadlıq hərəkatı. Ali məktəblər üçün dərslik. - Bakı: ADPU-nun nəşriyyatı, 2009. S. 32 (371 səh)
28. Məmmədov R. "Azərbaycan ailəsi: dünən və bu gün" Bakı, 2018, 208 s.
29. Məmmədov, Zaur. "Azərbaycan SSR-də vətəndaş vəziyyəti aktlarının qeydiyyatı və notariat orqanlarının fəaliyyəti (1920-1930-cu illər)." Elibrary.az, 2008.
https://www.elibrary.az/docs/JURNAL/jm2008_519j.htm.
30. Mishina, Ekaterina. "Soviet Family Law: Women and Child Care (From 1917 to the 1940s)." Russian Law Journal, vol. 5, no. 4, 2017
31. Mollayeva E. Ə. Gender tərbiyəsi: tarixi, nəzəriyyəsi və müasir problemləri. Bakı: Elm və təhsil, 2013. 267 s.
32. Parsons, Talcott. The Social System. Routledge & Kegan Paul, 1951.
33. Rəsulzadə M.Ə. əsərləri (1909- 1914) Bakı, 2001, 247 s.
34. Stacey, Judith. In the Name of the Family: Rethinking Family Values in the Postmodern Age. Beacon Press, 1996
35. Zərdabi, Həsən bəy. Əkinçi. 1876, № 16, səh. 3.
36. Абасов А. Азербайджан в гендерном ракурсе: XIX – начало XXI века. Saarbrücken, 2016.
37. Бартольд, Василий В. Мусульманское право и семейная жизнь на Кавказе. Тифлис: Типография Кавказского Управления, 1896.
38. Городникова М.Д. Гендерный фактор и распределение социальных ролей в современном обществе. В кн.: Гендерный фактор в языке и коммуникации. Иваново, 1999.
39. [Грациан, болонский монах](#) // [Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона](#): в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890-1907.
40. Гурбанова С. А. Участие женщин Азербайджана общественно-политической жизни в годы войны (1941-1945 гг.) //

Материалы IV научной конференции молодых учёных Института истории. Баку, 1990, с.61-72.

41.Дубровин, Николай Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1871.

42.Елизарова А.И. Воспоминания // Коммунистка. 1922. № 2. s. 15

43.История государства и права Азербайджанской ССР (ИГПАз.ССР). Баку 1977.

44.Кавказский календарь на 1872 год. Тифлис, Типография Главного Управления Наместника Кавказа, 1872

45.«Правила о семейных отношениях у мусульман». Сборник законов Российской империи, т. 21, Санкт-Петербург, Типография II Отделения, 1846.

46.Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21. М. 1985 - 568 s.

References:

1. Abasov. A. Azerbaycanda XX esrin 20-40-ci illerdeki veziyyetinin umumi xarakteristikasi. (AQM - XX esrin 20-40 ci illeri) B.. Teknur. 2009.

2. Abasov. A. Azerbaycan XX esrin 40-60-ci illerinde: umumi xarakteristika. (AQM - XX esrin 40-60-ci illeri). Baki. Teknur. 2011.

3. Abasov. A. AzerbaycanXX esrin 60-90-ci illerind?: umumi xarakteristika. (AQM - XX esrin 60-90-ci illeri). Baki. Teknur. 2011.

4. Abasov. A. Azerbaycanda qadin meselesi: (AQM) XX esrin 90-ci illerinden bu gunu qeder. Gender kitabxanasi. Buraxilish 20. Baki "Teknur" 2012.

5. Axundzade. Mirza Feteli. Sechilmish eserleri. Tertib eden H. Mammedzade. Baki: Yazichi. 1983.

6. Azerbaycan tarixi. Yeddi cildde. Cild 4. Baki "Elm" 2007.

7. Azerbaycan tarixi. Yeddi cildde. Cild 6. (aprel 1920 - iyun 1941)." Baki: Elm. 2008. <https://anl.az/el/Kitab/254503.pdf>

8. Azerbaycan etnoqrafiyasi (AE). II cildde. II cild. Baki. "Sherq-Qerb". 2007. 384 seh.

9. Azerbaycan Kommunist Partiyas? Merkezi Komitesinin (AzKPMK) qerarlari (1932). "Qadinlarin savadsizliqinin haqqinda." Azerbaycan SSR Ali Soveti Riyaset Heyatinin Arxivi. f. 12. siy. 4. i? 123. sah. 77.

10. Azerbaycan 1941–1945-ci iller muharibesinde. (Meqaleler toplusu) –

Baki: "Elm". 2008.

11. Azerbatcanda qadin meselesi (AQM) (tarix ve muasirlik: XIX esrin sonu – XX esrin evveli). AMEA FHS-nin FYGT shobesinin meqaleler toplusu. Baki. Adiloqlu. 2006. 272s.

12. Azerbaycanda qadin meselesi: (AQM) XX esrin 90-ci illerinden bu gune qeder. Gender kitabxanasi. Buraxilish 20. Baki "Teknur" 2012.

13. Bauman. Zygmunt. Liquid Love: On the Frailty of Human Bonds. Polity Press. 2003

14. Beck. Ulrich. Risk Society: Towards a New Modernity. Translated by Mark Ritter. Sage Publications. 1992.

15. Beck. Ulrich. and Elisabeth Beck-Gernsheim. Individualization: Institutionalized Individualism and Its Social and Political Consequences. Sage. 2002.

16. Berger. Peter L.. and Thomas Luckmann. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. Anchor Books. 1967.

17. Butler. Judith. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. Routledge. 1990.

18. Camalov K. Mollan?sr?ddin?il?rin maarif?ilik ideyalar?. Bak?: Elm v? t?hsil. 2015.

19. Cavan?ir. H?mid?. Xatir?l?rim. Bak?: Yaz???. 1981.

20. Durkheim. ?mile. Suicide: A Study in Sociology. Translated by John A. Spaulding and George Simpson. Free Press. 1951

21. Dworkin. Ronald. Law's Empire. Harvard University Press. 1986.

22. Giddens. Anthony. The Transformation of Intimacy: Sexuality. Love and Eroticism in Modern Societies. Stanford University Press. 1992.

23. Goldman. Wendy. "Freedom and Its Consequences: The Debate on the Soviet Family Code of 1926." Russian History. vol. 11. no. 4. 1984. pp. 362–388.

24. Gramsci. Antonio. Selections from the Prison Notebooks. Edited and translated by Quintin Hoare and Geoffrey Nowell Smith. International Publishers. 1971.

25. Koch. Karl. Reise durch Russland nach dem kaukasischen Isthmus in den Jahren 1843 und 1844. Stuttgart: J.G. Cotta'scher Verlag. 1846.

26. Koch K. "Reise durch Transkaukasien: Von Tiflis nach T?bris und zur?ck ?ber Baku und Derbent. Berlin: Reimer. 1848.

27. ?mrahov M.?. XX ?srd? Az?rbaycanda milli-azadl?q h?r?kat?. Ali m?kt?bl?r ???n d?rslik. - Bak?: ADPU-nun n??riyyat?. 2009. S. 32 (371 s?h)

28. M?mm?dov R. "Az?rbaycan ail?si: d?n?n v? bu g?n" Bak?. 2018. 208

s.

29. Məmmədov. Zaur. "Azərbaycan SSR-də vətəndaş vəziyyəti aktları və qeydiyyat və notariat orqanları və fəaliyyəti (1920-1930-cu illər)." Elibrary.az. 2008.

https://www.elibrary.az/docs/JURNAL/jrn2008_519j.htm.

30. Mishina. Ekaterina. "Soviet Family Law: Women and Child Care (From 1917 to the 1940s)." Russian Law Journal. vol. 5. no. 4. 2017

31. Mollayeva E. ?. Gender təbəqəsi: tarixi. nəzəriyyəsi və məsələləri. Bakı: Elm və təhsil. 2013. 267 s.

32. Parsons. Talcott. The Social System. Routledge & Kegan Paul. 1951.

33. Rəsulzadə M.?. Şərifli (1909-1914) Bakı. 2001. 247 s.

34. Stacey. Judith. In the Name of the Family: Rethinking Family Values in the Postmodern Age. Beacon Press. 1996

35. Zərdabi. Həsən bəy. Kin. 1876. № 16. s. 3.

36. Abasov A. Azərbaycanda vətəndaş cəmiyyəti: XIX – əsrin sonu XX əsrdə. Səhiyyə. 2016.

37. Bartold. Vasily V. Musulmanskoye pravo i semeynaya zhizn na Kavkaze. Tiflis: Tipografiya Kavkazskogo Upravleniya. 1896.

38. Gorodnikova M.D. Gendernyy faktor i raspredeleniye sotsialnykh roley v sovremennom obshchestve. V kn.: Gendernyy faktor v yazyke i kommunikatsii. Ivanovo. 1999.

39. Gratsian. bolonskiy monakh // Entsiklopedicheskiy slovar Brokgauza i Efrona: v 86 t. (82 t. i 4 dop.). SPb.. 1890-1907.

40. Gurbanova S. A. Uchastiye zhenshchin Azerbaydzhana obshchestvenno-politicheskoy zhizni v gody voyny (1941-1945 gg.) // Materialy IV nauchnoy konferentsii molodykh uchenykh Instituta istorii. Baku. 1990. s.61-72.

41. Dubrovin. Nikolay F. Istoriya voyny i vladychestva russkikh na Kavkaze. Sankt-Peterburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk. 1871.

42. Elizarova A.I. Vospominaniya // Kommunistka. 1922. № 2. s. 15

43. Istoriya gosudarstva i prava Azerbaydzhanskoy SSR (IGPaz.SSR). Baku 1977.

44. Kavkazskiy kalendar na 1872 god. Tiflis. Tipografiya Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkaza. 1872

45. «Pravila o semeynykh otnosheniyyakh u musulman». Sbornik zakonov Rossiyskoy imperii. t. 21. Sankt-Peterburg. Tipografiya II Otdeleniya. 1846.

46. Engels F. Proiskhozhdeniye semi. chastnoy sobstvennosti i

UOT - 1(091)

Faiq Qəzənfər oğlu Ələkbərli

fəlsəfə üzrə fəlsəfə doktoru, dosent,

Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası

Fəlsəfə və Sosiologiya İnstitutunun Türk xalqlarının
fəlsəfi fikir tarixi və müasir fəlsəfəsi şöbəsinin müdiri,

Azərbaycan, Bakı, H.Cavid prospekti-31

Tel.: +994 50 378 88 20

E-mail: faikalekperov@mail.ru

<https://science.academia.edu/FaiqElekberv>

<https://orcid.org/0000-0002-8865-568X>

AZƏRBAYCANDA MİLLİ VƏ BEYNƏLMİLƏL İDEYALARIN QARŞIDURMASI QLOBALLAŞMA PROSESİ KONTEKSTİNDƏ

Xülasə

Məqalənin məqsədi. Hazırda Azərbaycan xalqının milli şüuruna ciddi təsir göstərən faktorlar arasında qloballaşma prosesi xüsusi yer tutur. Bir çoxları hesab edirlər ki, qloballaşmanın əsas ideyaları modernizm, postmodernizm, demokratiya, liberalizm, vətəndaş cəmiyyəti və başqalarıdır. Fikrimizcə, bu kimi ideyalar Azərbaycan xalqında yaxşı halda beynəlmiləl, pis halda isə kosmopolit şüur formalaşıra bilər. Bu ideyaların tətbiqi zamanı irqindən, dinindən asılı olmayaraq bütün insanların hüquq və azadlıqları önə sürülür, millilik arxa plana keçirilir. Xüsusilə, son zamanlar vətəndaş cəmiyyəti, çoxmədəniyyətlik, informasiya cəmiyyəti, tolerantlıq anlayışlarının qloballaşma prosesinin tərkib hissəsi kimi təbliği çox düşündürücüdür. Bizə elə gəlir ki, qloballaşma prosesi anlamında aldadıcı və zahirən müsbət görünən (məsələn, fərdin azadlığı millətin və dövlətin azadlığından üstündür) ideyaların içində şüurlarımıza yeridilən, ancaq milli və dini mədəniyyətimizə uyğun olmayan məsələlərdə son dərəcə diqqətli olmalıyıq. Azərbaycanda qloballaşmanın geniş yayıldığı, modern və

vətəndaş cəmiyyətinin qurulmasına çağırışlar edildiyi bir dövrdə, islamçılıq və türkçülüyn yenidən aktuallaşması təbiidir. Ümumiyyətlə, qloballaşma prosesində “üçlüy”ə (türkçülük, islamçılıq və müasirlik) münasibətdə iki əsas baxış var: 1) Qərbyönlü vətəndaş cəmiyyəti, modernləşmə “üçlüy”ə nisbətən daha vacibdir; 2) Qərbyönlü vətəndaş cəmiyyəti quruculuğu, modernləşmə nə qədər zəruri olursa-olsun, “üçlük” onun kölgəsində qalmamalıdır.

Mövzunun araşdırılma dəracəsi. Məqalənin sonunda bibliografiyaya baxın.

Metod və metodologiya. Dünyada gedən qloballaşma prosesində Azərbaycan xalqının milli və beynəlmiləl ideyalara münasibətdə ən azından tarazlığı necə qoruyub saxlaya bilməsi yollarını göstərmək, bu yolda türkçülük, islamçılıq və müasirlik triadasının əhəmiyyətini ifadə etməkdir. Eyni zamanda, məqalədə tarix və çağdaşlıq kontekstində məsələyə sistemli şəkildə yanaşılmış, müqayisəli təhlillərdən istifadə edilmişdir.

Elmi yeniliklər. Burada başlıca elmi yenilik milli-mənəvi dəyərləri yeni prizmadan, dövrün şərtlərini də nəzərə almaqla mövcudluğunu qoruyub saxlamağın zərurətini ortaya qoymaqdır.

Tədqiqatın nəticəsi. Azərbaycan Respublikasında milli və beynəlmiləl ideyaları qloballaşma prosesi kontekstində təhlil edərək, milli-mənəvi dəyərlərin vacibliyini əsaslandırmaq olmuşdur.

Açar sözlər: Milli ideya, beynəlmiləl ideya, türkçülük, islamçılıq, qloballaşma, demokratiya, liberalizm, vətəndaş cəmiyyəti

УДК- 1(091)

Фаик Газанфар оглу Алекберли

доктор философии по философии, доцент,
зав. отделом "История философской мысли
и современной философии тюркских народов"
Института Философии и Социологии НАНА
Азербайджан, Баку, проспект Г. Джавида, 31

Tel.: +994 50 378 88 20

E-mail: faikalekperov@mail.ru

<https://science.academia.edu/FaiqElekberov>

<https://orcid.org/0000-0002-8865-568X>

КОНФЛИКТ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫХ

ИДЕЙ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССА ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Резюме

Цель статьи. В настоящее время среди факторов, серьезно влияющих на национальное сознание азербайджанского народа, особое место занимает процесс глобализации. Многие считают, что основными идеями глобализации являются модернизм, постмодернизм, демократия, либерализм, гражданское общество и другие. По мнению автора, такие идеи способны сформировать у азербайджанского народа в лучшем случае интернациональное сознание, а в худшем — космополитическое. При применении этих идей на первый план выдвигаются права и свободы всех людей, независимо от расы и вероисповедания, а национальность отходит на второй план. В частности, недавнее продвижение концепций гражданского общества, мультикультурализма, информационного общества и толерантности как неотъемлемой части процесса глобализации заставляет задуматься. Как представляется, следует быть крайне осторожными с теми вопросами, которые внедряются в наше сознание в рамках идей, кажущихся обманчивыми и внешне позитивными в смысле процесса глобализации (например, свобода личности выше свободы нации и государства), но не соответствующих нашей национальной и религиозной духовности. В то время, когда в Азербайджане широко распространена глобализация и звучат призывы к созданию современного и гражданского общества, реактуализация исламизма и тюркизма является естественной. В целом, существуют два основных взгляда на «триаду» (тюркизм, исламизм и современность) в процессе глобализации: 1) Западно-ориентированное гражданское общество и модернизация важнее «триады»; 2) Как бы ни было необходимо построение западно-ориентированного гражданского общества и модернизации, «триада» не должна оставаться в ее тени.

Степень разработки проблемы. См. библиографию в конце статьи.

Метод и методология. В процессе глобализации, происходящей в мире, показать, как азербайджанский народ может хотя бы поддерживать равновесие по отношению к национальным и интернациональным идеям, и таким образом выразить важность триады тюркизма, исламизма и современности. В то же время статья

системно подходит к вопросу в контексте истории и современности, используя сравнительный анализ.

Научная новизна. Главной научной новизной здесь является раскрытие необходимости сохранения существования национальных и духовных ценностей с новой точки зрения, с учетом условий эпохи.

Результаты исследования. Целью было проанализировать национальные и интернациональные идеи в контексте процесса глобализации в Азербайджанской Республике и обосновать важность национальных и духовных ценностей.

Ключевые слова: Национальная идея, интернациональная идея, тюркизм, исламизм, глобализация, демократия, либерализм, гражданское общество

UDC- 1(091)

Faiq Alakbarli,

PhD in Philosophy, Assistant Professor,
Head of the Department "The history of philosophical thought
and modern philosophy of the Turkic peoples",
Institute of Philosophy and Sociology,
National Academy of Sciences of Azerbaijan
31, H.Cavid Ave, Azerbaijan, Baku
Tel.: +994 50 378 88 20

E-mail: faikalekperov@mail.ru

<https://science.academia.edu/FaiqElekbervov>

<https://orcid.org/0000-0002-8865-568X>

THE CONFLICT OF NATIONAL AND INTERNATIONAL IDEAS IN AZERBAIJAN IN THE CONTEXT OF THE GLOBALIZATION PROCESS

Abstract

The purpose of the article. Currently, the globalization process occupies a special place among the factors that seriously affect the national consciousness of the Azerbaijani people. Many people believe that the main ideas of globalization are modernism, postmodernism, democracy, liberalism, civil society and others. In the author's opinion, such ideas can form an international consciousness in the Azerbaijani people at best, and a cosmopolitan consciousness at worst. When these

ideas are applied, the rights and freedoms of all people, regardless of race or religion, are put forward, and nationality is relegated to the background. In particular, the recent promotion of the concepts of civil society, multiculturalism, information society, and tolerance as an integral part of the globalization process is very thought-provoking. It seems to us that we should be extremely careful about the issues that are introduced into our consciousness within the ideas that seem deceptive and outwardly positive in the sense of the globalization process (for example, the freedom of the individual is superior to the freedom of the nation and the state), but are not in accordance with our national and religious spirituality. At a time when globalization is widespread in Azerbaijan and calls are made to establish a modern and civil society, the re-actualization of Islamism and Turkism is natural. In general, there are two main views on the "triad" (Turkism, Islamism and modernity) in the globalization process: 1) Western-oriented civil society and modernization are more important than the "triad"; 2) No matter how necessary the construction of Western-oriented civil society and modernization is, the "triad" should not remain in its shadow.

The degree of development of the problem. See the bibliography at the end of the article.

Method and methodology. In the process of globalization taking place in the world, it is to show how the Azerbaijani people can at least maintain balance in relation to national and international ideas, and to express the importance of the triad of Turkism, Islamism and modernity in this way. At the same time, the article systematically approaches the issue in the context of history and modernity, using comparative analyses.

Scientific novelty. The main scientific novelty is revealing the necessity of preserving the existence of national and spiritual values from a new perspective, taking into account the conditions of the era.

The results of the study. National and international ideas were analyzed in the context of the globalization process in the Republic of Azerbaijan and the importance of national and spiritual values.

Keywords: National idea, international idea, Turkism, Islamism, globalization, democracy, liberalism, civil society

Giriş

Bu gün milli şüurun formalaşmasında ən azı iki tərəfli mübarizə gedir. Bu mübarizədən hansının qalib çıxması ilə milli şüurun

formalaşması prosesi yeni bir çalar daşıya bilər. Daha doğrusu, əgər vətəndaş cəmiyyətinin, modernizmin, liberalizmin milli ideyadan yəni türkçülük, islamçılıq və müasirlik kimi “üçlük”dən daha vacib olması qənaətinə gəlinərsə, yaxud da gəlinərsə bu zaman milli şüurun öz mahiyyətindən xeyli dərəcədə kənara çıxması baş verə bilər. Çünki “vətəndaş cəmiyyəti” üzərində formalaşan şüur daha çox beynəlmiləl, müəyyən mənada kosmopolit şüurdur. Digər tərəfdən, “vətəndaş cəmiyyəti”nin özünə olan münasibət və onun tətbiqi forması birmənalı deyildir. Belə ki, sözün həqiqi mənasında “vətəndaş cəmiyyəti” modeli uygulanarsa, müəyyən mənada o, milli şüurla uzlaşdırıla bilər. Ancaq bu formal şəkildə baş verərsə məsələ tamamilə başqa rəng alır. Bu mənada, qloballaşma prosesi ilə bağlı Səlahəddin Xəlilovun fikirləri çox anlaşıldır: “İndi qloballaşma adı altında baş verən proseslər əslində bir qütblü dünyanın mütləqləşdirilməsi və milli dövlətlərin vahid bayraq altında sıraya düzülməsi, bir dilin başqa dilləri, bir siyasi iradənin başqa siyasi iradələri, bir iqtisadi marağın başqa maraqları sıxışdırıb çıxarması ilə müşayiət olunur” (Xəlilov Səlahəddin. Sivilisasiyalarası dialog. Bakı, “Adiloğlu”, 2009; 22).

Burada incə məqam odur ki, beynəlmiləl ideyalara (modernizm, postmodernizm, liberalizm, demokratiya, vətəndaş cəmiyyəti və s.) hər bir millət öz adət-ənənələri və mədəniyyəti mövqeyindən yanaşır. Bu zaman millətin milli şüurunun inkişaf səviyyəsindən asılı olaraq beynəlmiləl ideyalar və milli ideyaların birgə mövcudluğu da mümkündür. Bu mənada, milli demokratiya, milli liberalizm, milli sosial-demokratiya anlayışları da siyasi-ideoloji ədəbiyyatda özünə yer tapmışdır. Deməli, beynəlmiləl ideya hesab edilən hər hansı ideyaya, o cümlədən “vətəndaş cəmiyyəti” modelinə “milli” don geyindirmək (rus bolşevizmi, alman milli sosializmi-faşizm, amerikan demokratiyası, ingilis liberalizmi, isveç sosializmi və s.) mümkündür.

Ancaq onu da unutmmaq lazım deyil ki, beynəlmiləl ideyaları milliləşdirmək heç vaxt birmənalı qarşılanmamışdır. Xüsusilə, “sol”lar və “sağ”lar beynəlmiləl ideyaların milliləşdirilməsinin əleyhinə olmuşlar. Belə ki, “sol”lara görə demokratiya, liberalizm və bu kimi ideyaların milliləşdirilməsi onların bəşəri mahiyyətinə xələl gətirir. Yəni onların əsil mahiyyətindən uzaqlaşmasına səbəb olur. Şübhəsiz, bu məsələdə “sol”lar müəyyən qədər haqlıdrlar. Çünki bu zaman hər hansı bir ölkədə mövcud olan hakimiyyət mövcud olan problemləri həll etmək əvəzinə, dünyanı və öz cəmiyyətini “milli demokratiya” pərdəsi altında aldatmağa da çalışa bilər. Bir qədər də dərinə getdikdə hakim qüvvə bəyan edə bilər ki, hər bir

xalqın demokratiyası onun adət-ənənələrinə və mədəniyyətinə uyğundur. Bu mənada, başqa ölkələr bizim daxili işimizə qarışa bilməz.

Yeri gəlmişkən, “sağ”lar da “sol”lar kimi beynəlmiləl ideyaları birmənalı şəkildə qəbul etmirlər. “Sağ”lara görə, beynəlmiləl ideyalarda öz əksini tapan müddəaları kənarda deyil, ya millətin öz adət-ənənələrində, ya da dini dəyərlərdə axtarmaq lazımdır. Xüsusilə, dini ideydan çıxış edənlərin fikrincə, xristianlıq və islamlıq özü beynəlmiləl ideyalardır. Məsələn, müsəlman din xadimlərinə görə demokratiya, liberalizm, vətəndaş cəmiyyətinə aid müddəaların bir çoxu İslamın əsas kitabı olan Qurani-Kərimdə vardır. Ona görə də Qərbin məhsulu olan bu cür beynəlmiləl ideyaların müsəlman ölkələrində tətbiqinə ehtiyac yoxdur.

Fikrimizcə, yalnız milli-demokratik məfkurədən çıxış edən qüvvələrin beynəlmiləl və milli ideyalara münasibəti daha obyektiv olmuşdur. Belə ki, milli-demokratik məfkurəni təmsil edən qüvvələr milli varlıqlarını ifadə etmək və yaşatmaq üçün “sol”-radikal beynəlmiləl və “sağ”-mühafizəkar ideyalar arasında ortaq nöqtələr tapmağa çalışmışlar. Xüsusilə də, dini kimliklərindən asılı olaraq ayrı-ayrı millətlər (fransız, ərəb, türk, alman, yapon və b.) çalışmışlar ki, bu məsələlərdə mərkəzi mövqe tutsunlar. Ancaq bu bütün dövrlərdə, o cümlədən 20-ci yüzillikdə və hazırda da ən ciddi problemlərdən biri olaraq qalmaqdadır.

Bu baxımdan qloballaşmanın geniş yayıldığı indiki dövrdə “sol”lar və “sağ”lar arasında mərkəzi mövqe tutmaq çox çətindir. Özəlliklə, modernizm, postmodernizm, “vətəndaş cəmiyyəti” ideyaları ilə şüəlik, vahabilik, millətçilik, ələvilik ideyaları arasında uzlaşdırma tapmaq heç də asan məsələ deyildir. Bu mənada, “milli demokratiya”dan, “milli sosializm”dən hər hansı formada nisbi də olsa, bəhs etmək mümkündürsə, ilk baxışda “milli vətəndaş cəmiyyəti”, “milli modernləşmə” bir o qədər də məntiqə və təfəkkürə uyğun gəlmir. Ancaq kiminsə, bunu da iddia etməsi istisna deyil. Hətta, hər hansı cəmiyyətdə hakim qüvvənin “milli vətəndaş cəmiyyəti” modeli həyata keçirmək istəyinə düşməsi də mümkündür. Özəlliklə, həmin cəmiyyətdə hakim siyasi qüvvə bunda maraqlı olarsa, “milli vətəndaş cəmiyyəti” də “reallaşa” bilər.

Yeri gəlmişkən, “Vətəndaş cəmiyyəti”ndən bəhs olunarkən tez-tez belə bir fikrin səsləndirilməsi ki, hər hansı toplumda ABŞ-a məxsus vətəndaş cəmiyyəti tətbiq olunarsa, bu zaman yerli adət-ənənələr, milli özünəməxsusluqlar nəzərə alınmalıdır, dediyimiz “milli vətəndaş cəmiyyəti” modelinə doğru getməyin bir nişanəsidir. Onda ortaya belə bir sual çıxır ki, “sovet vətəndaş cəmiyyəti” təfəkküründən tam xilas ola

bilməyən, üstəlik milli şüuru natamam olan bir toplumda “milli vətəndaş cəmiyyəti”ni modelini tələm-tələsik həyata keçirmək nə dərəcədə doğrudur?

Bu baxımdan Türk-Müsəlman insanının şüurunun dəyişdirilməsinə yönəldilmiş və hələ də öz təsirini qoruyub saxlayan bu iki örnəyə: 1) Marksizm (sosializm-kommunizm); 2) liberal-demokratiya ideyalarına diqqət yetirmək lazımdır. Maraqlıdır ki, ilk baxışda bu iki “beynəlmiləl” ideyanın biri - kommunizm məfkurəsi dünyada zorakılıqla, digəri – demokratiya isə könüllülük əsasında həyata keçirilmişdir. Amma burada işarə etdiyimiz “zorakılıq” və “könüllülük” anlayışları nisbdir. Çünki bəzən zorakılıqdan azadlıq, könüllülükdən isə diktatura yaranır. Hər ikisi də Türk-Müsəlman insanının şüurunda istər zorakılıqla (Azərbaycan, Türkiyə və Rusiya Türk dövlətlərində), istərsə də könüllüklə (Türkiyə) dərin iz buraxmışdır (Ələkbərov Faiq. Milli ideologiya probleminə tarixi-fəlsəfi baxış. Bakı: Elm və təhsil, 2014; **217-218**). Bizcə, bu iki nümunənin Azərbaycanda hansı şəkildə həyata keçirilməsini təhlil etməklə “milli vətəndaş cəmiyyəti” modeli ilə bağlı müəyyən bir qənaətə gələ bilərik.

Sosial-demokratiya ya da kommunizm və milli şüur.

Öncə, kommunizmin Azərbaycanda və digər keçmiş SSRİ ərazilərində nə cür tətbiq olunması məsələsinə diqqət yetirək. Rus bolşevikləri 1917-ci ildə Rusiyada hakimiyyəti ələ aldıqdan sonra əvvəlcə bütün millətlərə azadlıq vəd etdiyi, hətta bunu yazılı şəkildə bəyan etdiyi halda, çox keçmədi ki, kommunizm məfkurəsindən işğalçılıq siyasəti kimi istifadə etməyə başladılar. Ancaq bunun yalnız birtərəfli, yəni beynəlmiləl formada həyata keçirilməsinin mümkünsüzlüyünü anlayan rus bolşevikləri kommunizmə “milli forma” da verməyə başladılar. Başqa sözlə, onlar Marks və Engelsin kommunizm məfkurəsini rus milli maraqlarına uyğun şəkildə digər millətlərin şüurlarına yeritmək üçün sosializm ideyasına “milli” don geyindirməyə çalışdılar. Rus bolşevikləri kommunizm məfkurəsinin “milli” mahiyyətini belə izah edirdilər: formaca milli, məzmunca sosialist (Əfəndiyev S.M. Seçilmiş əsərləri. İki cild. 2-ci cild. Bakı, Azərənşr, 1990; **325**).

Kommunizm ideyasına “milli” don geyindirməkdə onların məqsədi qeyri-rus millətlərinin şüurunu dolaşdırmaq və kölə halına gətirmək idi. Başqa sözlə, rus bolşevikəri qeyri-rus millətlərini, özəlliklə türk xalqlarını zor-xoş inandırmaq istəyirdilər ki, yalnız ruslar arasında deyil, guya Azərbaycan türkləri, Türkiyə türkləri, ukraynalılar və başqa

xalqların həyatında da sosializm inqilabı baş vermişdir. Sadəcə, Rusiyada sosializm inqilabı bir, Azərbaycanda digər, Ukraynada isə ondan bir qədər fərqli formada baş vermişdir. Guya, sosializmin digər ölkələrdə (Ukrayna, Azərbaycan, Gürcüstan və b.) Rusiyadan bir qədər fərqli şəkildə baş verməsinə səbəb isə, həmin millətlərin kommunizmə nə dərəcədə hazır olması səviyyəsi, ictimai-iqtisadi formasiya quruluşu, kütlənin şüur səviyyəsi, bir sözlə milli özünəməxsusluqla bağlı olmuşdur. Ancaq bütün hallarda, guya bu ölkələrdə də sosializm inqilabı baş vermiş, fəhlə və kəndlillər milli burjuaziyayı devirərək hakimiyyəti ələ almışlar.

Bu zaman rus bolşeviklərinə əsas lazım olan o idi ki, öz əlləri ilə yıxdıqları milli dövlətlərdə (Ukrayna, Azərbaycan, Gürcüstan və b.) sözdə “sosialist dövlətləri”nin yaradıldığını əsaslandırınsınlar. Bundan sonra həmin “sosialist dövlətlərə” bir “milli” sözünü əlavə etmək işğalçılıq siyasətini pərdələməkdən başqa bir şey deyildi (Rəsulzadə M.Ə. Bolşeviklərin Şərqi siyasəti. Bakı: Sabah, 1994; 16). Bu zaman ədəbiyyatda formaca milli, məzmunca kommunist-sosialist mütəfəkkirlərin (Nizami, Nəsimi, Axundzadə və b.) axtarışına çıxılması həmin siyasətin tərkib hissəsi idi. Bütün hallarda yerlərdəki “milli sosializm” inqilabı ruslaşdırmaq, rus imperiyasını bərpa etmək ideologiyasından başqa bir şey deyildi (Xəlilli Xəlyəddin. Sosializm ideologiyasının mənbələri, inkişafı və faciələrinin tarixinə giriş. Bakı, Xan nəşriyyatı, 2022; 13).

Bəlkə də, marksizm banilərinin kommunizm ideyası rus bolşeviklərinin əlində imperiya alətinə çevrilməsaydı, keçmiş SSRİ xalqlarında ona münasibət bu dərəcədə mənfəətlənməzdi. Başqa sözlə, marksistlərin kommunizmini rus bolşevikləri zorakılıqla sırdığı üçün keçmiş SSRİ-nin tərkibində olmuş xalqlarda, o cümlədən Azərbaycan xalqının yeni nəsində (köhnə nəslin əksəriyyəti bu məsələyə fərqli yanaşır) ona qarşı qıcıq var. Əslində bu qıcıq daha çox “rus kommunizmi” ilə bağlıdır, nəinki marksizm banilərinin kommunizm məfkurəsi ilə. Hər halda, marksizmin banilərinin irəli sürdüyü təlimdə son zamanlar çox vurğulanan vətəndaş cəmiyyətinin elementləri var idi. Onlar dövləti üstqurum, vətəndaş cəmiyyətini maddi bazis kimi görür, dövlətsiz kommunist cəmiyyətinin yarana biləcəyinə inanırdılar. Bir sözlə, zaman gələcək, hüquq və dövlət aradan qalxacaq, hakimiyyətsiz vətəndaş cəmiyyəti yaranacaq (Bağırov Şahin. Azərbaycanda vətəndaş cəmiyyəti quruculuğunun siyasi aspektləri. Bakı, “MBM”, 2006; 7).

Bu mənada, keçmiş SSRİ dövründə Ukraynada, Azərbaycanda, Gürcüstanda və başqa müstəmləkə ölkələrdə “milli” xüsusiyyətli

sosializm adı altında, sözün həqiqi mənasında marksizmin dövlətsiz kommunist cəmiyyəti deyil, rus bolşeviklərinin “rus kommunizmi” qurulurdu. Demək istədiyimiz odur ki, bu beynəlmiləl ideya rus bolşeviklərinin imperiya maraqları səbəbindən olduğu kimi tətbiq olunmamışdır. Hər halda, marksizmin banilərinin irəli sürdüləri kommunizm (dövlətsiz vətəndaş cəmiyyəti) ideyası “rus kommunizmi”ndən mahiyyət etibarilə çox fərqli olmuşdur. Deməli, keçmiş SSRİ xalqlarının şüurlarına marksizm banilərinin kommunizm ideyası deyil, Leninin və Stalinin “rus kommunizmi” ideyası yeridilmiş, üstəlik ona bir “milli” xüsusiyyətlər də əlavə edilmişdir. Bununla da, keçmiş SSRİ xalqlarının şüurlarında kommunizmə münasibətdə yeni bir ictimai şüur formalaşdırılmışdır. Elə bir şüur ki, orada vətəndaş nə özünü kommunist, nə də milli mənada dərk edə bilirdi. Bununla da, keçmiş SSRİ xalqları “sovet vətəndaş cəmiyyəti” və “kommunizm” adı altında daha çox ruslaşdırılırdı. Bu da, qeyri-rus millətlərin şüurunda natamamlıq kompleksi, köləlik düşüncəsi yaradırdı.

Bu, artıq idarəedənlər (rus bolşevikləri) üçün asan idarəolunan cəmiyyətlər (ukraynalı, azərbaycanlı, gürcü, qazax və b.) demək idi. Burada əsas məqam odur ki, idarəedənlər (rus bolşevikləri) özlərindən əvvəlki imperiya sələflərinin yolunu (çar Rusiyası dövründəki rus mütləqiyyətçiləri) davam etdirməklə yanaşı, özlərindən sonrakı xələflərini də düşünürdülər. Belə ki, bir gün SSRİ-nin dağılmasının mümkünlüyünü nəzərə alaraq, gələcəkdə imperiya təfəkkürünü davam etdirənlər üçün (məsələn, indi buna “rus avrasiyaçılığı” nümunə ola bilər), sovet dövründə idarəolunan millətlər halına gətirilmiş cəmiyyətləri daim təzyiq altında saxlamağın planlarını da cızmışlar. Fikrimizcə, keçmiş SSRİ-nin tərkibindəki xalqların marksizmin banilərinin kommunizmini deyil, rus imperiya təfəkkürünün daşıyıcıları olan bolşeviklərin “rus kommunizmi”nin psixoloji təzyiqi altında olduğu bir dövrdə “rus avrasiyaçılığı”nın postsovet məkanında yayılması çox ağıllı düşünülmüş bir ideyadır. Çünki Rusiyada yaxşı anlayırlar ki, keçmiş SSRİ xalqları hər il sovet ideologiyasından uzaqlaşır və bu uzaqlaşma yeni nəsil və yeni təfəkkür deməkdir. Yeni nəsilin sovet nəslini get-gedə inkar etməsi isə, rus imperiyası təfəkkürünə daban-dabana ziddir.

Ona görə də, yeni rus ideoloqları keçmiş SSRİ xalqları arasında imperiya təfəkkürünə cavab verən sovet nəslə tarix səhnəsindən getmədən “rus avrasiyaçılığı”nı həyata keçirməyə çalışırlar. Onlar yaxşı anlayırlar ki, ötən 30 ilin üzərinə bir 10, yaxud 20 il gələrsə, keçmiş SSRİ xalqlarını yeni nəslə rus imperiya təfəkkürünü yaxına belə buraxmayacaqlar. Bu

baxımdan rus ideoloqları üçün avrasiyaçılıq imperiya təfəkkürünü davam etdirməyin bir vasitəsidir. “Avrasiyaçılıq” kimi imperialist ideyaya qarşı milli şüur formalaşdırıb milli ideya ilə çıxış etmək isə ona alternativlikdir. Fikrimizcə, bu prosesin imperialistlərin, yoxsa millilik tərəfdarlarının qalib çıxmasında ictimai şüurun hansı istiqamətdə – imperiya təfəkkürünə, yoxsa milli şüura doğru inkişaf etməsindən çox şey asılı olacaqdır.

Çağdaş dövrdə demokratiya və milli şüur.

Kommunizm (sosializm) ideyasından fərqli olaraq demokratiyaya münasibətdə keçmiş SSRİ xalqlarının, o cümlədən Azərbaycan xalqının yeni nəsli ilə sovet nəsli arasında çox ziddiyyətlər var. Yeni nəsil demokratiyaya çox meyil etdiyi halda, sovet nəslinin böyük əksəriyyəti onu qəbul etmir, yaxud da etmək istəmir. Şübhəsiz, bunlar ilk növbədə ictimai şüurla, ictimai psixologiya ilə bağlıdır. Başqa sözlə, ictimai şüurun səviyyəsindən asılı olaraq demokratiyaya münasibət birmənalı deyildir. Məsələn, sovet nəslinin əksəriyyətinin demokratiyaya antisimpatiyası əvəzində “rus kommunizm”inə müsbət münasibətinin əsasında sovet dövrü və şəraiti, sovet ideologiyası dayanır. Bu, başqa cür də ola bilməz.

Xüsusilə, sovet nəslinin böyük bir qisminin kommunizm dedikdə, marksizm banilərini kommunizminə deyil, “rus kommunizmi”nə tapınmaları ideyaya bağlılıqdan daha çox, dövrün reallıqları və gerçəklikləri ilə bağlıdır. Bu, artıq ideyaya olan könüllü sevginin təzahürü ola bilməz. Burada zorakılıq və həmin zorakılığın “sevgiyə” çevrilməsi prosesi açıq şəkildə özünü büruzə verir. Bunun da nəticəsidir ki, sovet nəslinin xeyli qismi faktiki olaraq “rus kommunizmi”ni unuda bilmir, unuda bilmədiyi üçün də demokratiyaya kapitalizmin ünsürü kimi yanaşır. Onların fikrincə, demokratiya anarxiya, özbaşınalıq deməkdir. Bütün bunlar sovet nəslinin əksəriyyəti üçün yalnız mənfi amillərdir.

Ancaq yeni nəslin, yəni sovet mühiti ilə ya çox az bağlı olanlar, ya da ümumiyyətlə bağlı olmayanların demokratiyaya, o cümlədən milli demokratiyaya münasibəti xeyli dərəcədə fərqlidir. Bunun da başlıca səbəbi var:

- 1) “rus kommunizmi” ideologiyasından, sovet mühitindən xeyli fərqli bir şəraitdə yetişmələri və demokratiyaya keçid, yaxud demokratiya quruculuğu dövründə yaşamaları;
- 2) Azərbaycanda demokratiya ənənələri, xüsusilə Azərbaycan Cümhuriyyəti dövründəki milli demokratiya ideyaları ilə tanışlıq.

Birincisi, fikrimizcə, “rus kommunizmi” (sovet) ideologiyası mühitində yetişməyən, onu görməyən, ya da çox az görən faktiki olaraq təsir dairəsi az olan yeni nəslin “rus kommunizmi” və demokratiyaya münasibəti sovet nəslinin nümayəndəsindən xeyli dərəcə də fərqlidir. Ən azı yeni dövr nəslinin düşüncəsində pis və yaxşı fərq etməz, “rus kommunizmi” xülyası və sovet beynəlmiləlçiliyi ideologiyası yoxdur. Digər tərəfdən hər bir gənc pis və yaxşı yaşadığı dövrün, mühitin, təhsilin və mədəniyyətin yetişdirməsidir. Doğrudur, yeni nəslin arasında da elələri var ki, sözün həqiqi mənasında demokratiya, milli demokratiya anlayışlarını dərk etmirlər. Ancaq belə gənclərin “rus kommunizmi” haqqında da təsəvvürləri demək olar ki, yox dərəcəsindədir. Bu mənada, həmin gənclərin də təsəvvürlərinin demokratiya, milli demokratiya lehinə yönəlməsi ümidi çoxdur.

İkincisi, yeni nəslin sovet nəsindən fərqli olaraq orta məktəbdən başlayaraq ümumi şəkildə də olsa, demokratiya və milli demokratiya anlayışlarını mənimsəmək şansları var. Özləlliklə, “Azərbaycan tarixi” fənnində demokratiya və milli demokratiyanın Azərbaycanda təşəkkülü və inkişafını görürlər. Eyni zamanda, yeni nəslin imperiya müstəmləkəçilik mühitində və təhsilində deyil, müstəqil Azərbaycan mühitində və təhsilində bu anlayışları mənimsəməsi də vacib amillərdəndir. Məsələn, Azərbaycan Cümhuriyyəti dövründəki millətçi demokratlarla tanışlıq, onların ideyalarının öyrənilməsi yeni nəslin şüurunun formalaşmasında xeyli dərəcədə müsbət təsir göstərir. Yeni nəsil anlayır ki (hamısı olmasa da), yaxın tarixdə demokratiyaya və “rus kommunizmi”nə münasibətdə onların ata-babaları hansı yolu tutmuşlar! Məsələn, Azərbaycan Cümhuriyyətinin qurucusu, dövlət başçısı, milli öndər Məhəmməd Əmin Rəsulzadə Azərbaycan milli demokratiyasının əhəmiyyətini, digər cərəyanlardan, xüsusilə “sosialistlər”dən fərqlini belə izah etmişdi: ““Sosialistlər”lə bizim fərqimiz bundadır ki, onlar beynəlmiləlçidirlər, biz isə demokratik millətçi. Millətçi demokratiya nə qədər camaata faydalı, zamanın tələbinə müvafiq olduğunu Qafqaz təcrübəsilə göstərərək, isbat edərək göstərə bilərəm ki, məsələn, gürcü sosial-demokratiyası camaata nicat vermək üçün nasional-demokratlıq üsulundan başqa bir çarə tapmadı” (Azərbaycan Xalq Cümhuriyyəti (1918-1920) Parlament (stenoqrafik hesabatlar). I c. Bakı, “Azərbaycan” nəşriyyatı, 1998; **260**).

Gördüyümüz kimi, XX əsrdə beynəlmiləl ideya olan iki ideya xəttinə münasibətdə sovet və yeni nəsil arasında nə qədər ziddiyyətlər mövcuddur. Bu cür ziddiyyətlərin mövcudluğu, üstəlik modernləşmə,

postmodernləşmə və vətəndaş cəmiyyəti ideyalarının da yayıldığı bir dövrdə milli şüurun asan şəkildə formalaşması prosesinin həyata keçirilməsi mümkün deyildir. Ən azı ona görə ki, Azərbaycan xalqı “sovet-rus kommunizmi”ndən tamamilə qurtulub milli demokratiyaya uyğunlaşmadığı bir dövrdə, yeni ideyaların da təsirinə məruz qalır. Bu işə, istər-istəməz milli şüurun formalaşması prosesinə əngəl olur.

Milli şüurun formalaşması prosesinin ləngiməsi fonunda, buna alternativ olaraq Azərbaycan cəmiyyətində kənar ideyalar və ona uyğun qeyri-milli şüur formaları toplumun ayrı-ayrı təbəqələrinə bu və ya digər dərəcədə təsir göstərir. Çünki milli şüuru istənilən səviyyədə olmayan insanlar istər-istəməz alterantiv ideyaların ya təsirinə məruz qalır, ya da özləri kənar ideyalara meyil göstərilər. Bu, xüsusilə gənc bir dövlət üçün çox təhlükəlidir.

Fikrimizcə, bütün bunların fonunda, yəni Azərbaycan xalqının ictimai şüurunda ona yaxın olan milli-dini ideyalarla (türkcülük, islamçılıq) və beynəlmiləl ideyalar (kommunizm, demokratiya, liberalizm vəb.) arasında mübarizə getdiyi bir dövrdə toplumun vətəndaş cəmiyyətinə nə dərəcədə hazır olub-olmaması məsələsi çox mübahisəlidir. Bunu sözlə belə ifadə etmək olar ki, Azərbaycan xalqı vətəndaş cəmiyyətinə hazırdır, hətta bəzilərinə görə, artıq vətəndaş cəmiyyəti dövründə yaşayırıq! Əlbəttə, vaxtından əvvəl bu cür hökmələr çıxarmaq doğru deyildir. Yuxarıda da qeyd etdiyimiz kimi, vaxtilə kommunizm haqqında da eyni hökmlər çıxarılmışdı. Ancaq sonra məlum oldu ki, nəinki biz kommunizm dövründə yaşamışıq, əksinə həmin dövr hərbi diktatura rejimindən başqa bir şey olmamışdır.

Doğrudur, biz razılaşıırıq ki, vətəndaş cəmiyyəti və kommunizm fərqli ideyalardır. Ona görə də, bunların arasında bərabərlik işarəsi qoymaq yanlışdır. Ancaq məsələyə daha obyektiv və elmi yöndən yanaşsaq görürük ki, istənilən müsbət ideya belə vaxtında və müəyyən təkamül əsasında tətbiq olunmursa, o, cəmiyyətə zərər verir. Bu mənada, kommunizm özünün mənfi cəhətlərinə baxmayaraq, müəyyən təkamüldən sonra həyata keçirilsəydi, eyni zamanda Rus imperiya maraqlarınının alətinə çevrilməsəydi, vəziyyət müəyyən qədər də olsa, fərqli ola bilərdi. Bir sözlə, istənilən halda formallıq və qanunların kağız üzərində qalması nə kommunizm, nə demokratiya, nə də vətəndaş cəmiyyətinin mahiyyəti ilə bağlı deyildir. Özəlliklə, uydurma kommunizm dövrünü yaşamış xalqların, yenidən uydurma vətəndaş cəmiyyəti, yaxud da uydurma demokratiya dövrünü yaşamasının nə mənası var?

Demək istədiyimiz əsas məsələ odur ki, cəmiyyətin şüurunu

əvvəlcə demokratiyaya, vətəndaş cəmiyyətinə kökləmək, onun əsl mahiyyətini çatdırmaq daha sonra ona keçid etmək lazımdır. Bu isə, bütün hallarda milli şüuru normal səviyyədə olan cəmiyyətlər üçün xarakterik ola bilər. Bizə elə gəlir ki, Azərbaycan cəmiyyəti hər iki halda – həm demokratik təfəkkürə hazırlıq, həm də milli şüurun üst səviyyədə olması baxımından hələlik, buna hazır deyildir.

Əlbəttə, bunun əksini iddia edənlər də ola bilər, hətta bellələri vardır da. Ancaq bu fikirdə olanların xeyli qisminin bunda nə dərəcədə obyektiv olması və elmiyə əsaslanması özü də birmənalı deyildir.

Bu baxımdan formal olaraq vətəndaş cəmiyyətinin müddəalarını konstitusiyaya salmaq hətta, real həyatın bəzi sahələrində tətbiq etmək olar. Ancaq ictimai şüur baxımından bunun dərk, onun mahiyyətinin reallıqla inikası çox fərqlidir. Biz bir şeyi bir formada görə, hətta səmimi şəkildə həyata keçirmək niyyətində də ola bilərik. Ancaq kütlənin əksəriyyəti onu dərk etmirsə, dərk etmədiyi müddəaları kor-koranə qəbul edirsə, bu vətəndaş cəmiyyətinə keçid deyil, öz-özünü aldatmaqdır. Əgər iddia olunursa ki, vətəndaş cəmiyyətində insanlar qanunlara görə deyil, insanlıqlarına görə hərəkət edirlər, bu zaman kütlənin şüurunun səviyyəsi qanunların üstündə olmalıdır. Halbuki keçmiş SSRİ xalqlarının əksəriyyətində qanunlarının mövcudluğu şəraitində belə insanların əksəriyyəti reallıqları fərqli şəkildə dəyərləndirirlər.

Xüsusilə, Azərbaycan cəmiyyətində demokratiya və vətəndaş cəmiyyəti haqqında, sözün həqiqi mənasında, tam və geniş təsəvvür yoxdur. Bu məsələ ilə bağlı daha çox nəzəriyyələr və informativ bilgiler üstünlük təşkil edir. Bütün bunlar, hələ vətəndaş cəmiyyəti demək deyildir. Bu baxımdan demokratiya, vətəndaş cəmiyyəti nəzəriyyələriylə, onlara aid müddəalarla bir toplumun gerçək həyatı, milli özünəməxsusluqları arasında dərhal bərabərlik işarəsi qoymaq yanlışdır. Çünki milli şüuru normal səviyyədə formalaşmayan bir cəmiyyətdə kənar ideyalarla bağlı mövcud olan təsəvvürlərin özü də yarımçıq olur. Bu yarımçıqlıqlar insanların ictimai şüurunda natamamlıq kompleksi yaradır. Hər halda, Azərbaycan cəmiyyətinin ictimai şüurunda yarımçıq demokratiya, yarımçıq kommunizm (sostal-demokratiya), yarımçıq liberalizm, yarımçıq vətəndaş cəmiyyəti, yarımçıq islamçılıq, yarımçıq türkçülük, yarımçıq azərbaycançılıq hakimdir. Yəni bizdə bütün bunların hamısından var, ancaq yarımçıq formada. Bütün bu yarımçıqlıqlar isə Azərbaycan cəmiyyətində milli şüurun formalaşmasına imkan vermir. Yaxın iki əsr ərzində milli yaddaşı dolaşdırılan bir cəmiyyətin bunu həll etmədən hər hansı bir yeni ictimai-iqtisadi formasıyaya, o cümlədən

vətəndaş cəmiyyətinə transformasiya olması mümkün deyildir. Öncə milli yaddaş şüuru bərpa olunmalı, daha sonra hansısa yeni bir modelin tətbiqinə cəhd göstərilməlidir. Əgər milli yaddaş şüuru bərpa olunmadan cəmiyyətə yeni bir model təklif olunarsa, cəmiyyətin müxtəlif təbəqələri ona fərqli təpkilər verəcəklər.

Bu mənada, hazırda demokratiya, vətəndaş cəmiyyəti, hüquqi dövlət quruculuğu adı altında həyata keçirilən islahatları toplumun ayrı-ayrı təbəqələri birmənalı qarşılamırlar. Doğrudur, ümumilikdə bu islahatların əleyhinə heç kim çıxmır və bunların əleyhinə çıxmağın özü də mənasız bir addım olardı. Ancaq bu zahirən belədir. Çünki bir tərəfdən milli şüur yaddaşı bərpa olunmayan, digər tərəfdən vətəndaş cəmiyyəti modelini tam anlamayan bir cəmiyyətdə istər-istəməz əks reaksiyalar yaranacaqdır. Ola bilsin ki, bu əks reaksiyalar ilk dövrlərdə ciddi şəkildə özünü büruzə verməsin. Lakin zaman keçdikcə vəziyyət dəyişə bilər. Bu hal, bütün cəmiyyətlər üçün keçərlidir. Yəni heç bir cəmiyyət bundan sığortalanmamışdır.

Bu əks reaksiyaların mahiyyəti də eyni deyildir. Yəni əks reaksiyalar cəmiyyətin inkişafı baxımından müsbət də, mənfi də ola bilər. Baxır kimlər, hansı dairələr, hansı mənada əks reaksiyalar verirlər. Əlbəttə, cəmiyyətin sağlam düşünən beyininin əks reaksiyaları ortada olan səhvləri aradan qaldırmaq, yəni toplumda öncə milli yaddaş şüurunu bərpa etmək, milli-demokratik ruhu yüksəltmək və bunun sonunda vətəndaş cəmiyyəti ilə uzlaşdırma tapmaqla bağlıdır. Yəni milli mədəni dəyərləri qorumaqla yanaşı, zamanın çağdaş tələblərini də nəzərə almaq lazımdır. Prof. Erol Güngör “Kültür Değişmesi ve Milliyetçilik” əsərində yazırdı ki, bütün yad ideyalara qarşı dayanmaq üçün Türk milliyətçiliyini Milli xarakter halına gətirmək lazımdır. Bu zaman milli və dini kimlik milli xarakterin bütövlüyü olmalıdır (Güngör Erol. Kültür Değişmesi ve Milliyetçilik. İstanbul. Ötüken. 2007; **125-127**). Hilmi Ziya Ülken isə “Türkiyede Çağdaş Düşünce Tarihi” əsərində bu məsələləri geniş şəkildə ələ almış, Türk düşüncəsinin Qərb düşüncəsi içində əriməsi təhlükəsindən bəhs etmişdir (Ülken Hilmi Ziya. Türkiyede Çağdaş Düşünce Tarihi. İstanbul. Ülken. 2013; **728-730**).

Hər hansı toplumda milli şüur formalaşmadan populist və məntiqdənkənar şüarlarla nəyisə əldə etmək çətindir. Özəlliklə, SSRİ-dən imtina edərək müstəqilliyini bərpa etmiş Türk cümhuriyyətlərinin xalqları ilk dövrlərdə populist və məntiqdənkənar şüuarlardan uzağa gedə, yəni milli şüuru formalaşdıracaq türkçülük və islamçılığı doğru şəkildə cəmiyyətə çatdırı bilmədiyi üçün, yenidən milli ideyaların, yoxsa

beynəlmiləl ideyaların vacibliyi məsələsi gündəmə gəlmişdi. Bu günə qədər də həmin mübahisələr və diskussiyalar davam etməkdədir. Burada əsas vacib olan milli mənəvi dəyərlərlə müasirliyi uzlaşdırmaq, bu zaman Ə.Abbasovun da dediyi kimi, üstünlüyü birinciyə verməkdir (Abbasov Əbülhəsən. Milli ideologiyanın formalaşmasında Heydər Əliyev irsinin rolu. Bakı, “Elm və təhsil”, 2010; 39).

Ancaq milli şüurun daşıyıcılarından fərqli olaraq dini şüurun və beynəlmiləl şüurun radikal tərəfdarları demokratiya, vətəndaş cəmiyyəti ideyalarına tamamilə fərqli yöndən yanaşırlar. Birincilər demokratiya, vətəndaş cəmiyyəti ideyalarını yaxına buraxmadıqları halda, ikincilər isə həmin ideyaları həddən artıq ideallaşdırırlar. Bununla da, hər iki tərəf cəmiyyət daxilində özlərinə tərəfdar qazanmağa çalışır. Bu, çox düşündürücü məsələdir. Bu mənada, milli şüur, vətəndaş cəmiyyəti və modernləşmə arasındakı oxşarlıq və ziddiyyətlərlə yanaşı, dini şüur və vətəndaş cəmiyyəti, modernləşmə arasındakı ziddiyyət və oxşarlıqları da araşdırmaq lazımdır. Çünki hər bir cəmiyyət yalnız etnik kimliyin deyil, eyni zamanda dini kimliyin də daşıyıcısıdır. Ola bilsin ki, hər hansı beynəlmiləl ideya milli xüsusiyyətlərlə uyğunlaşsın, ancaq dini kimliklə yox. Əlbəttə, bu əksinə də ola bilər.

Çağdaş dövrdə “üçlük” və vətəndaş cəmiyyəti.

Bu baxımdan hazırda “üçlüy”ün kölgədə qalması deyil, əksinə önə çəkilməsi qəbul edilən variant olardı. Fikrimizcə, 20-ci əsrin əvvəllərində qloballaşma nümunəsi olan sosial-demokratizmlə “üçlük” arasında gedən mübarizədə sonuncunun qalib çıxması bunun bariz nümunəsidir. Doğrudur, “üçlüy”ün “rus marksizmi” üzərində qələbəsi çox çəkmədi, bir az sonra rus və rusiyalı sosial-demokratlar Azərbaycanda hökmran oldular. Onlar da beynəlmiləlçilik adı altında “sovet-rus kommunizmi”ni təbliğ edirdilər. Ancaq “üçlük”dən fərqli olaraq rus sosial-demokratlarının qalibiyyəti zorakılığa və saxta beynəlmiləlçiliyə əsaslandığı üçün onun perspektivi yox idi. Məhz marksizmin rus variantı olan bolşevizmin zorakılığa arxalanmasının nəticəsi idi ki, sonda məhv oldu. Bununla da, 20-ci əsrin sonlarında yenidən milli ideyalara üz tutuldu. Milli ideyalar olmadan bir millətin var ola bilməyəcəyi qənaətinə gəldi.

Sadəcə, burada yeni problemlər ortaya çıxdı. Bu da ondan ibarət idi ki, millətin milli şüuru formalaşmadan populist və məntiqdən kənar şüarlarla nəyisə əldə etmək çətindir. Müstəqilliyimizin bərpasının ilk

dövlərində populist və məntiqdən kənar şüuarlardan uzağa gedə, yəni milli şüuru formalaşdıracaq “üçlüy”ü doğru şəkildə cəmiyyətə çatdırma bilmədiyimiz üçün, yenidən milli ideyaların, yoxsa beynəlmiləl ideyaların vacibliyi məsələsi gündəmə gəldi. Bu günə qədər də həmin mübahisələr və diskussiyalar davam etməkdədir.

Bu gün beynəlmiləllik özünü Azərbaycanda Qərbin, yaxud da Avropanın demokratik ideyaları şəklində büruzə verir. Eyni zamanda bizə qonşu dövlətlər də, bu və ya digər dərəcədə beynəlmiləlliyin müxtəlif variantlarını əldə bayraq edərək millətin şüuruna müəyyən mənada təsir göstərirlər.

Günümüzdə bəzi tədqiqatçılar, ideoloqlar hesab edirlər ki, “üçlük”dən çıxış etmək hazırkı şəraitdə mümkün deyildir. Bunu, ötən əsrin əvvəllərində eynilə sosial-demokratlar və ittihadçılar deyirdilər. Bu gün isə özlərini demokratlar, liberallar, bir sözlə vətəndaş cəmiyyəti, modernləşmə tərəfdarları kimi təqdim edənlər həmin müddəanı önə çəkirlər. Bu cür düşüncələrin fikrincə, 20-ci əsrin əvvəllərində islamlaşmaq və türkləşmək lazım və zəruri idi, indi isə artıq onlara bir o qədər ehtiyac yoxdur. Maraqlıdır ki, həmin dövrdə bu fikri müdafiə edənlər ən çox marksistlər olmuşlar. Onlar hesab edirdilər ki, sosializm quruculuğunda millət və dinə yer yoxdur. İndi də bəzi ideoloqlara görə, vətəndaş cəmiyyəti quruculuğunda millətə və dinə əhəmiyyətli pay düşmür. Çünki vətəndaş cəmiyyətində dini, milli, hətta sinfi ideologiyalar deyil, sağlam düşüncə, şüurlu azadlıq və məsuliyyət əsasdır. Bir sözlə, vətəndaş cəmiyyətində ən ali dəyər milli kimlik (millət), dini kimlik (müsəlman, xristian), siyasi kimlik (sağçı, solçu, mərkəzçi) deyil insandır (Bağırov Şahin. Azərbaycan vətəndaş cəmiyyəti quruculuğunun siyasi aspektləri. Bakı, “MBM”, 2006; 42). Bu mənada, vətəndaş cəmiyyəti modeli əslində liberalistlərin, marksistlərin ideyalarının yeni bir formasından başqa bir şey deyildir.

Bizcə, hər hansı toplumda fərdin azadlığı millət və dövlətin azadlığından üstün tutularsa, həmin cəmiyyətin milli və siyasi varlığı gəc-tez təhlükə altına düşmüş olacaqdır. Çünki fərd özünü daha çox azad hiss etdikcə, mənsub olduğu millət və dövlətə bağlılığı azalacaqdır. Bu mənada, insanın azadlığının millət və dövlətin azadlığı ilə müqayisə edilməsi, onların qarşı-qarşıya qoyulması doğru deyildir. Fərd həmişə özünü millətin və dövlətin bir üzvü hesab etməli, müəyyən mənada öz maraqlarından millət və dövlət üçün güzəştə getməyə hazır olmalıdır. Yəni bütün hallarda millət və dövlət nəminə güzəştə gedən bir tərəf varsa, o da fərd olmalıdır. Yalnız bu halda həmin millət və dövlət milli və siyasi

varlığını qoruyub yaşada bilər. Çünki millətin varlığı fərdin varlığından daha dəyərlidir. Fərd özünü millət və dövlət naminə qurban verməyə hazır olmalıdır. Yalnız bu şüura malik cəmiyyətlərdə millət və dövlət həmişə var olur. Ancaq hansı cəmiyyətdə ayrı-ayrı fərdlər öz maraqlarını millət və dövlət maraqlarından üstün tutub bunu sınırsız insan azadlığı ilə izah edərlərsə onların gələcək varlıqları şübhə altındadır.

Bu baxımdan vətəndaş cəmiyyətinin mövcud olduğu bir çox Avropa ölkələrində, ABŞ-da milli və dini dəyərlərin yenidən dirçəldilməsinə cəhd başa düşüləndir. Çünki onlar anlayırlar ki, insan nə qədər dəyərlili olursa olsun fərd nə qədər azadlıqlara sahib olursa olsun milli və dini dəyərlərdən uzaqlaşdıqca özgələşir. Özü də bu özgələşmə, yəni fərdin milli mənsəbiyyətdən və dini dəyərlərdən uzaqlaşması, onun beynəlmiləl-kosmopolit (dünya vətəndaşı) bir şəkilə girməsindən çox əhəmiyyətli insani keyfiyyətlərdən məhrum olunması ilə nəticələnir. Vaxtilə eyni hadisələr uydurma kommunizm dövründə yaşandı. Ruslar kommunizm məfkurəsi adı altında qeyri-rusları, xüsusilə türk-müsəlman xalqları milli və dini kimliklərdən uzaqlaşdırmağa çalışdılar və müəyyən qədər də bunu bacardılar. Bunla da, türk-müsəlman xalqları daha çox özgələşməyə məruz qaldılar. Buna əks reaksiyanın nəticəsi kimi Çingiz Aytmatov “Gün var əsrə bərabər”, Oljas Süleymonov “Az-ya”, Bəxtiyar Vahabzadə “Latın dili”, “Gülüstən” əsərlərini yazdılar.

İndi də vətəndaş cəmiyyəti adı altında insan amili milli və dini dəyərlərdən üstün tutulur. Bir sözlə, fərd millət və dinə qarşı qoyulur. Guya, fərdin azadlığının əsasında yalnız hüquq və azadlıqları dayanır. Bu zaman millət və dinə münasibət SSRİ dövründə olduğu kimi, arxa plana keçilir. Burada əsas üstünlük şəxsiyyətin hüquq və azadlıqlarına verilir, dövlətin xaricində insanların ictimai münasibətlərinin qurulmasının önəmliliyindən bəhs olunur və s. Yuxarıda da qeyd etdiyimiz kimi, bu cür vətəndaş cəmiyyəti modeli bir tərəfdən insan hüquq və azadlıqlarının təmin olunması baxımından müsbət görünsə də, ancaq ümumilikdə ailə dəyərlərinin aradan qalxmasına, bununla da dövlətin əsasını təşkil edən sosial institutların dağılmasına səbəb olur. Bu isə, əslində gələcəkdə dövlətin özünün varlığı üçün təhlükə mənbəyidir. Belə olduğu təqdirdə, milli və dini dəyərlərdən uzaq olan insanın-fərdin dünya vətəndaşına çevrilməsi öz mənasını itirir. Çünki fərd öz mahiyyətini itirir və qeyri-müəyyən vəziyyətə düşür, başqa sözlə özgələşir.

Ona görə də, fərdin öz milli kimliyinin və dini dəyərlərinin üstündə insani keyfiyyətə malik olması inandırıcı deyildir. Bu özünü heç vaxt doğrultmamışdır. Bu mənada, hazırda fərdin azadlığının önəmliliyi

adı altında vətəndaş cəmiyyətinin zərurətindən çıxış edənlər müəyyən mənada, XX əsrin əvvəllərində “üçlük” ideyasını tənqid edənlərlə – marksistlərlə eyni mövqe nümayiş etdirirlər. Bu mənada, indiki dövrün “marksistləri” və “liberalistləri” XX əsrin əvvəllərində bu cür mövqe tutanlardan çox da fərqlənmirlər. Bütövlükdə, hazırda “üçlüy”ü cəmiyyətin əsas ideyaları kimi vacib saymayanlarla, XX əsrin marksistlərini və liberalistlərini bir amal birləşdirir: çağdaş ruhlu islamlıq və türklüyün kölgədə saxlanılması, yaxud da ümumiyyətlə aradan qaldırılması. Bunun əksini düşünənlər isə, müasir ruhlu türkçülük və islamçılığı müdafiə edənlərdir.

Yeri gəlmişkən, ötən əsrin əvvəllərində “üçlüy”ü müdafiə edənlər beynəlmiləl-qlobal ideyaların milli ideyaların üzərində təsirini azaltmaq üçün islamçılıq və türkçülükdəki müasirlik ruhunu önə çəkirdilər. Bu mənada, onlar islamçılıq və türkçülüyə müasirliyi də əlavə etmişdilər. Bu müasirlik ilk baxışda, Qərb mədəniyyəti ilə əlaqələndirilsə də, əsas məqsəd türkçülük və islamçılığın çağdaş ruhunu qabartmaq idi. Bu baxımdan “üçlük”dən çıxış edən aydınlarımızın “Avropa qiyafəli”, “Qərb mədəniyyətindənəm” ifadələri müasir ruhlu türkçülük və islamçılıq mülahizəsi ilə səsləşdirilir, bununla da bir növ qloballaşma ideyalarını zərərsizləşdirmək məqsədi güdürdü (Hüseynzadə Əli bəy. Seçilmiş əsərləri. Bakı, “Şərq-Qərb”, 2007; **255**). Çünki 20-ci əsrin əvvəllərində hazırda olduğu kimi, qərbləşmək, liberalizm, sosial-demokratizm ideyaları geniş yayılmışdı. Bu beynəlmiləl ideyaların bir növ “zərərsizləşdirilməsi” üçün milli ideoloqlarımız islamçılıq və türkçülüyn çağdaşlıq ruhunu qabartmağa çalışmışlar (Gökalp Ziya. Türkleşmək, islamlaşmaq, muasirleşmək. İstanbul, Akvaryum, 2005; **25-30**). Fikrimizcə, onlar bunu, yəni milli ideyalarla beynəlmiləl ideyaları birincinin üstünlüyü şəklində uzlaşdırmaq yolunda çox uğurlu işlər həyata keçirmişlər. Məhz bu cür xəttin tutulmasının nəticəsi olaraq türk-islam dünyasında ilk milli demokratik dövlət olan Azərbaycan Cümhuriyyəti yaranmışdır.

Hətta, həmin dövrdə vətəndaş analayışı da yaranmağa başlamışdır. “Vətəndaş” dedikdə, Azərbaycan Cümhuriyyəti ərazisində yaşayan və özünü bu ölkənin bir üzvü sayan bütün insanlar nəzərdə tutulurdu. Bu bir növ Avropa ölkələrində də istifadə olunan “Vətəndaş” məfhumuna yaxın idi. Bu mənada qərbsayağı, ancaq milli özünəməxsusluğu da qorumaqla “Vətəndaş cəmiyyəti”nin ilk nümunələri Azərbaycan Cümhuriyyəti dövründə yaranmışdır.

Yenicə formalaşmağa, şüurlarda öz yerinin tapmağa çalışan

“Vətəndaş” anlayışına SSRİ dövründə “milli burjua” damğası vuruldu. Onun yerini “yoldaş” anlayışı tutdu. “Yoldaş” dedikdə isə, əsasən fəhlə sinfi nəzərdə tutulurdu. Kəndlilər isə fəhlələrin səviyyəsinə çatmağa səy göstərən bir təbəqə kimi qiymətləndirilirdi. Əsas məsələ o idi ki, “Vətəndaş” anlayışı yarımçıq qaldı. Hesab edirik ki, bunun da nəticəsində yeni nəslin milli-mənəvi dəyərlər prinsipləri əsasında formalaşması bəzi hallarda quru söz olaraq qalmışdır (Cəfərova M. Müstəqillik dövründə Azərbaycanda təhsil və elmin inkişaf dinamikası. Elmi əsərlər №2 (25), Beynəlxalq elmi-nəzəri jurnal. Bakı, “AMEA FH-nin nəşriyyatı”, 2015 dekabr; 76-79).

Milli və beynəlmiləl ideyalar təhsil və elm kontekstində

Milli və beynəlmiləl ideyaların toqquşmasına elm və təhsil kontekstində də baxmaq vacibdir. Azərbaycanın təhsil sahəsindəki ən ciddi problem bir tərəfdən bu sahədəki idarəedicilərin əksəriyyətinin “Sovet məktəbi”, “Sovet elmi” düşüncəsindən qurtulmaması, digər tərəfdən təhsil və elm idarəçiliyinə gənc kadr kimi cəlb edilənlərin xeyli bir qisminin burunlarından uzagı görə bilməmələridir. Bəzən belə bir fikir yarana bilər ki, kimlərsə bilərəkdən Azərbaycan elm və təhsilində intellektual, milli kadrların olmasının qarşısını alırlar. Belələri sadəcə, dünyaya təhsil və elm sahəsində ideal qanunlarımızın olmasını göstərməklə kifayətlənirlər. Gənclərimizə də daha çox çoxdillilik və kompyuter bilgilərinin olmasını təlqin edirlər. Halbuki bunlardan önəmli milli-mənəvi dəyərlər öncüllüyündə milli fəlsəfi dünyagörüşünün, milli ideyaların formalaşmasıdır.

Məsələn, təhsil sistemindəki boşluqların nəticəsidir ki, “Təhsil haqqında” qanun qəbul olunduqdan sonra da dediyimiz müddəaların gerçəkləməsi yolunda problemlər vardır. Üstəlik, orta və ali məktəblərdə islahatlar adı altında Sovetlər Birliyi dönmindən qalan pis-yaxşı təhsil sistemi də çökmüşdür. Bizcə, Bolonya və Kredit, Kirrikulum təhsil sistemi kimi Avropadan-Qərbdən Azərbaycana gətirilərək tətbiq edilənlər Azərbaycanın gənc nəslinin intellektual və milli kadr kimi formalaşmasında çox da uğurlu olmamışdır. Çünki həmin təhsil sistemləri Avropa ali məktəblərində ayrı-ayrı dövənlərdə sınaqlardan keçirilərək tətbiq olunduğu halda, Azərbaycanda isə bəzən kor-koranə həyata keçirilmişdir. Fəlsəfə elmləri doktoru Müslüm Nəzərov yazır: “Modernləşən, Qərb dünyası ilə tərəfdaşlıq münasibətlərini inkişaf etdirən Azərbaycan kəskin dilemma qarşısında durur. Bir tərəfdən

makrosəviyyədə sosiomədəni qloballaşma və standartlaşma, unifikasiya prosesləri, digər tərəfdən də tarixi genofondu, ənənəvi mədəniyyəti qoruyub saxlamaqzərurəti bütün kəskinliyi ilə göz önünə gəlir. Ölkə hansı yolla gedəcəkdir? Ən yaxşı Avropa nümunələrini götürməklə ənənələri, mədəniyyəti, təhsil səviyyəsini qoruyub saxlaya biləcəkmə, yoxsa milli sərvətimiz olan ən gözəl təhsil ənənələrini inkar edərək Avropa təhsil ənənələrini götürəcəkdir? Yəni, söhbət bizim Avropadan nəyi götürməyimizdən gedir: təhsil texnologiyalarını, təhsil fəaliyyəti praktikası, yoxsa təhsilin “ideyasını”, yəni solumun aparıcı prinsipləri haqqında ümumi baxış və təsəvvürlər sistemini?” (Nəzərov Müslüm. Müasir dövrdə təhsilin sosiomədəni problemləri. Bakı, Mütərcim, 2018; **238**).

Hazırda milli-mənəvi dəyərlərin qorunmasına və inkişafına nail olmaq üçün iki məsələyə: 1) təhsil bazası; 2) müəllim-ziyalı kontingentinə xüsusi diqqət yetirmək lazımdır. Milli-mənəvi dəyərlər baxımından ilk addımlar məhz bu sahələrdə atılmalıdır. Özü də bu təxirəsalınmaz şəkildə həyata keçirilməlidir.

Biz istəsək də, istəməsək də bu bir reallıqdır ki, bugünkü Azərbaycan insanların xeyli qismi SSRİ dövründə yaşayıb və “sovet beynəlmiləçiliyi” ruhunda təhsili alıblar. Şübhəsiz, onların əksəriyyətinin milli ideya, milli məfkurə anlayışlarına özünəməxsus münasibətləri vardır. Bu münasibətdən dolayı onları ittiham etmək, əsasən doğru deyildir. Yeni nəslin isə pis-yaxşı, milli məfkurə probleminə onlardan fərqli baxışı var. Bu o demək deyil ki, hökmən yeni nəsil və sovet nəslə hansısa məsələlərdə hökmən ya razılaşmalı, ya da inkar yolu tutmalıdır. Fikrimizcə, burada əsas olan ilk növbədə, orta q nöqtələrin tapılması və uzlaşdırmaların olmasıdır (Ələkbərov Faiq. Milli ideologiya probleminə tarixi-fəlsəfi baxış. Bakı: Elm və təhsil, 2014; **296**).

Hər bir gənc ilk növbədə, yaşadığı dövrün, mühitin, təhsilin və mədəniyyətin yetişdirməsidir. Bu anlamda milli şüurun formalaşması prosesində təhsil bazisinə xüsusilə diqqət yetirilməlidir. Milli-mənəvi dəyərlər üçün vacib olan milli şüurun formalaşması baxımından isə təhsil bazisində: 1) tarixi şüur; 2) mədəniyyət şüuru nəzərə alınmalıdır.

Bu mənada, hazırda milli şüurun formalaşmasında çox vacib olan milli mədəniyyət və milli tarix şüurunun öyrənilməsinə böyük ehtiyac var. Hər bir millətin varlığı və gələcəyi onun tarixi (dövlətçilik ənənələri, qəhrəmanların obrazı, hökmdarların şəxsiyyəti və s.) və mədəniyyət (adət-ənənələr, törələr, alimlərin-şairlərin elmi və ədəbi əsərləri və s.) şüurunun səviyyəsi ilə bağlıdır. Ancaq bu gün tarixi və mədəni şüurumuz

yarımçıqdır ki, onu mütləq bərpa etmək lazımdır.

Özəlliklə, tarixi və mədəniyyət şüuru baxımından milli yaddaşı dolaşdırılmış bir cəmiyyətdə insanların xeyli qismi özünə özünün deyil, başqalarının, yad millətlərin gözü ilə baxırlar. Bütün bunlar toplumda natamamlıq, yarımçıqlıq kompleksi yaradır. Hətta, bəzən özgüləşmə prosesi o dərəcəyə gəlib çatır ki, başqa millətlərin aydınlarının onun tarixi, mədəniyyəti, adət-ənənələri ilə bağlı verdiyi bilgilərə möhtac qalır. Şübhəsiz, başqa millətlərin aydınlarının bilgiləri də çox vaxt təhrif olunmuş şəkildə çatdırılır. Bu təhrif olunmuş bilgilərlə milli özünüdərk daha da mürəkkəbləşir.

SSRİ dövründə sovet ideologiyasına uyğun Sovet Azərbaycanı xalqının fəlsəfəsini, tarixini, mədəniyyətini, ədəbiyyatını yazanlar imperiyanın süqutu və ictimai quruluşun dəyişməsindən sonra isə sözdə milli tarix, milli fəlsəfə, milli ədəbiyyat, milli mədəniyyətlə bağlı monoqrafiya və kitablar yazmağa başladılar. Halbuki Sovet ideologiyasının hökmranlığı dövründə formalaşmış, sovet beynəlmiləçiliyinin təbliğatçıları və ideoloqları olmuş bu insanların əksəriyyətinin nə dərəcədə məslək və əqidə dəyişdirmələri özü çox mübahisəli məsələdir.

Müstəqilliyin ilk illərindən başlayaraq bu cür alimlərin əksəriyyəti birdən-birə 180 dərəcə dəyişib, SSRİ dövründə yazdıqlarını və dediklərinin əksini iddia etməyə başladılar. Əlbəttə, bütün bunlar daha çox eyforiya altında baş verdiyi üçün, çox keçmədi ki, sovet dövrünün yetişdirməsi olan alimlərin əksəriyyəti daha ehtiyatlı davranmağa çalışdılar. Bu ehtiyatlılıq da ondan ibarətdir ki, bir tərəfdən SSRİ dövrünü və sovet ideologiyasını kəskin şəkildə tənqid etməkən qaçmağa başladılar. Çünki başa düşdülər ki, sovet dövrünün ideyalarının tamamilə əksinə çıxmaq dolayısıyla özlərini inkar etməkdir. Bu baxımdan onlar SSRİ dövrünün ideyalarını elə bir formada tənqid etməyə çalışdılar ki, müəyyən mənada özlərini sığortalaya bilsinlər.

Nəticə.

XX əsrin əvvəllərində olduğu kimi, hazırda da beynəlmiləl ideyalara, qloballaşma proseslərinə milli ideoloqların tutduğu xəttədən yanaşmaq, ancaq zamanın tələblərinə də uyğun şəkildə hərəkət etmək lazımdır. Bu gün vətəndaş cəmiyyəti, demokratiya, qloballaşma, toleerantlıq, çoxmədəniyyətlik Qərb sivilizasiyasının ömrünü uzatmaq üçün vasitələrdir. Bu vasitələrlə Qərb sivilizasiyası öz tör-töküntülərini, digər sivilizasiyalara, o cümlədən İslam-Türk sivilizasiyasına sırımağa çalışır. Əslində Qərb sivilizasiyası yeni imperializmin təzahürü olduğu

üçün, həmin nəzəriyyələr də onu həyata keçirməyin vasitələridir. Qərb sivilizasiyası adlı yeni imperializm ondan kənarda qalan sivilizasiyaları, mədəniyyətləri ancaq Qərb sivilizasiyası fonunda düşünməyə və yaşamağa sürükləyir. Başqa sözlə, onlar demək istəyirlər: Qərbin yolu ilə get, qərbli ol, amma unutma ki, sənin böyüyün, başbələn, yolgöstərən avropalıdır, qərblilərdir. Bu isə o analama gəlir ki, qeyri-Qərb sivilizasiyaları Qərbin yolu ilə getdikcə yeni sivilizasiyalar ortaya çıxmayacaq.

18-ci əsrin sonu, 19-cu əsrin əvvəllərindən başlayaraq Türklük-Müsəlmanlıq və İnsanlıq ölküsü Qərbin, daha doğrusu İngilis-Amerikan-Yəhudi sisteminin ideyaları qarşısında yenilməyə başladıq. Qərblilər İnsanlıq olan Türkçülüüyü irqçilik, Müsəlmanlığı radikalizm-terrorçuluq adlandırmağa başladılar. Beləliklə, indi türkçülüünün irqçilik, müsəlmanlığın terrorçuluq olmamasını müdafiə etmək zorunda qalmışıq. Halbuki bizim işimiz bu olmamalıdır. Bizim işimiz Türk-İslam məfkurəsinə əsaslanan insanlıq fəlsəfəsini dünyada bərqərar etməkdir. Amma bu gün insanlıq deyilən nə varsa hamısını Qərb, yəni ingilis-amerikan-yəhudi sistemi üstlənmişdir. Türk-Müsəlman dünyası isə bunun fonunda yalnız türklüyün və islamlığın insanlığa zidd olmadığını müdafiə etməklə məşğuldur. Bu, qətiyyəən yaxşı hal deyildir. Yenidən insanlıq vəzifəsini, missiyasını çiyinlərimiz üzərinə götürməli, Qərbin maddiyyətçi “insanlıq” fəlsəfəsinə qarşı, Türk-Müsəlman dünyasının mənəvi insanlıq fəlsəfəsini irəli sürməliyik.

Çox təəssüf ki, bu gün də türkçülüüyü başqa formada gerilik, Azərbaycanın inkişafına, hətta, güya, liberalizmə, modernləşməyə və demokratiyaya əngəl kimi görənlər tapılır. Bütün bunlar türkçülüünün mahiyyətini saxtalaşdırmaqdan başqa bir şey deyildir. Hələ, 20-ci əsrin əvvəllərində Ə.Ağaoğlu, Ə.Hüseynzadə, M.Ə.Rəsulzadə və başqa mütəfəkkirlərimiz türkçülüünün, o cümlədən onun bariz nümunəsi olan milli ruhlu azərbaycançılığın liberalizmə, demokratiyaya zidd olmadığını, əksinə onlarla üst-üstə düşdüyünü elmi-nəzəri cəhətdən əsaslandırmışlar. Bu baxımdan hər hansı mənada azərbaycançılığın yaranmasında mühüm rol oynayan türkçülüüyü liberalizmə, demokratiyaya, modernləşməyə zidd sayanlar ya məsələnin əsil mahiyyətini bilmirlər, ya da bilərəkdən bu cür mülahizələr irəli sürürlər.

Unutmaq olmaz ki, bütün zamanlarda və indinin özündə də, müəyyən istisnaları nəzərə almasaq, hər bir dövlətdə onun aparıcı nüvəsini əsasən, bir millət təşkil etmişdir. Digər etnik azlıqlar isə, həmin dövlətlərin tərkibində müəyyən nüfuzlarına görə bu və ya digər dərəcədə

iştirak etmişlər və ya edirlər də. Hətta, əgər bir dövlətin (İsveçrə, Kanada, Belçika və b.) yaranmasında və hazırkı durumunda iki ayrı-ayrı millət eyni rolunu oynamışdırsa, bu da həmin dövlətin Konstitusiyasında (milli dil və s.) öz əksini tapmışdır. Yəni hər bir inkişaf etmiş dövlətdə başa düşürlər ki, vətəndaşlıq, yurddaşlıq yəni dilindən, etnik mənsubiyyətindən asılı olmayaraq yaşadıkları dövlətdə bərabər hüquq və azadlıqlara malik olmaları ilə yanaşı, bu ölkədə əksəriyyəti təşkil edən bir millətin milli kimliyinə, milli dilinə də göz yumula bilməz. Bu mənada, Azərbaycan Respublikasında yaşayan Azərbaycan türklərinin də hər hansı formada milli dilinin və milli kimliyinin Konstitusiyada öz əksini tapması istəyi təbiiidir. Fikrimizcə, bunu etnik azlıqlara qarşı şovinist siyasət, yaxud da dövlətçiliyə qarşı təhlükə kimi dəyərləndirmək doğru deyildir.

Ona görə də milli ruhlu azərbaycançılıqla türkçülüğü bir-biri ilə uzlaşdırmaq əvəzinə, əksinə onları bir-birinə tamamilə alternativ kimi qələmə vermək Azərbaycan dövlətinin bu günü və gələcəyi üçün çox təhlükəlidir. Azərbaycan milli ideyası dedikdə kosmopolit, ya da qeyri-müəyyən bir ideya deyil, türkçülüyə, vətənçiliyə, dövlətçiliyə, islamçılığa, modernləşməyə əsaslanan milli ruhlu azərbaycançılıq önə çəkilməlidir. Çünki milli ruhlu azərbaycançılıq vətənçilik, dövlətçilik anlayışları kimi, türkçülük və islamçılıqdan da güc alır. Fikrimizcə, bu cür nəzər nöqtəsindən yanaşanda görürük ki, azərbaycançılıq etnik və dini mənsubiyyətindən asılı olmayaraq, hər bir Azərbaycan vətəndaşının milli ideyasıdır.

Ədəbiyyat - References:

1. Abbasov Əbülhəsən. Milli ideologiyanın formalaşmasında Heydər Əliyev irsinin rolu. // Ümummilli Lider Heydər Əlirzaoğlu Əliyevin irsi və milli ideologiyanın formalaşması məsələləri. Bakı, "Elm və təhsil", 2010
2. Azərbaycan Xalq Cümhuriyyəti (1918-1920) Parlament (stenoqrafik hesabatlar). I c. Bakı, «Azərbaycan» nəşriyyatı, 1998
3. Bağırov Şahin. Azərbaycanda vətəndaş cəmiyyəti quruculuğunun siyasi aspektləri. Bakı, "MBM", 2006
4. Cəfərova M. Müstəqillik dövründə Azərbaycanda təhsil və elmin inkişaf dinamikası. Elmi əsərlər №2 (25), Beynəlxalq elmi-nəzəri jurnal. Bakı, "AMEA FH-nin nəşriyyatı", 2015 dekabr.
5. Ələkbərov Faiq. Milli ideologiya probleminə tarixi-fəlsəfi baxış (II hissə). Bakı, "Elm və Təhsil", 2014.

6. Əfəndiyev S.M. Seçilmiş əsərləri. İki cildə. 2-ci cild. Bakı, Azərnəşr, 1990
7. Hüseynzadə Əli bəy. Seçilmiş əsərləri. Bakı, «Şərq-Qərb», 2007
8. Gökalp Ziya. Türkleşmək, islamlaşmaq, muasirleşmək. İstanbul, Akvaryum, 2005
9. Güngör Erol. Kültür Değişmesi ve Milliyetçilik. İstanbul. Ötüken. 2007
10. İsadadə E. Tələbələrin təlim şəraitinə adaptasiyasının psixoloji çətinlikləri. "Sosial və humanitar elmlərin müasir problemləri" jurnalı. Bakı: SBS, 2015 noyabr.
11. Nəzərov Müslüm. Müasir dövrdə təhsilin sosiomədəni problemləri. Bakı, Mütərcim, 2018
12. Nazim Əli. Seçilmiş əsərləri. Bakı: Yazıçı, 1979
13. Rəsulzadə M.Ə. Bolşeviklərin Şərq siyasəti. Bakı: Sabah, 1994
14. Xəlilov Səlahəddin. Sivilizasiyalarası dialoq. Bakı, «Adiloğlu», 2009
15. Xəlilli Xəlyəddin. Sosializm ideologiyasının mənbələri, inkişafı və faciələrinin tarixinə giriş. Bakı, Xan nəşriyyatı, 2022
16. Ülken Hilmi Ziya. Türkiyede Çağdaş Düşünce Tarihi. İstanbul. Ülken. 2013

Mahrux Abbas

AMEA Fəlsəfə və Sosiologiya İnstitutu
Müasir fəlsəfə problemləri şöbəsinin böyük elmi işçisi, **fə.l.f.d.**
Azərbaycan, Bakı, H.Cavid pr-ti 115, AZ1073
Tel.: (+99450)3381428

E-mail: mahru.abbas@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-4024-3088>

ARXETİPLƏR MİLLİ İDENTİKLİYİN SİMVOLİK ƏSASI KİMİ: AZƏRBAYCAN NÜMUNƏSİ

Xülasə

Arxetip və sosial identiklik (milli identiklik də sosial identiklik formalarından biridir) fərqli intellektual ənənələrdən gələn anlayışlardır. K.Yunqun analitik psixologiyasına görə, arxetip kollektiv şüuraltında qərarlaşmış ilkin obraz və simvollar sistemidir. Onlar bütün mədəniyyətlərdə təkrarlanan motivlər kimi özünü bəlli edir: ana, qəhrəman, kölgə, müdrik qoca, yenidən doğuluş və s. Arxetiplər fərdin psixikasının dərin qatlarına təsir etməklə yanaşı, kollektiv mədəni kodların daşıyıcısı kimi çıxış edir. Sosial identiklik anlayışı isə sosial psixologiyada formalaşmış və fərdin özünü müəyyən qruplara (milli, etnik, dini və s.) aidiyyət əsasında tanımasıdır. Sosial identiklik həm fərdi mənlilik (self-concept), həm də qrup davranışı baxımından böyük təsirə malikdir. Yunqun arxetipləri kollektiv şüuraltının məhsuludur, mədəniyyətlərarası sabit kodları daşıyır, sosial identiklik isə tarixi, siyasi, mədəni kontekstdə formalaşan qrup aidiyyəti üzərində qurulub. Amma hər iki halda insan özünü bir “böyük mənzərə”yə daxil etmə ehtiyacı duyur: ya mədəni simvol (arxetip), ya da sosial struktur (qrup identikliyi) vasitəsilə. Milli identiklik fərdin özünü bir millətə aid hiss etməsi ilə bağlıdır. Bu aidiyyət həm obyektiv göstəricilərə (dil, tarix, din, ərazi), həm də subyektiv təcrübələrə (emosional bağlılıq, kollektiv xatirə, simvolik təcrübə) əsaslanır. Beləliklə, milli kimlik sadəcə hüquqi və siyasi bir əlaqə deyil, simvolik və mifik bir konstruksiyadır və bu nöqtədə arxetiplərlə kəşifir.

Tədqiqatın məqsədi Azərbaycanda milli kimliyin qurulmasında arxetiplərin rolunu araşdırmaqdır.

Tədqiqat metodları və metodologiyası. Tədqiqatın konseptual

əsasını Karl Yunqun kollektiv şüursuzluq haqda təlimi və polyak əsilli ingilis sosial psixoloq Henri Tejfelin (Henri Tajfel) sosial identiklik nəzəriyyəsi təşkil edir. Metod olaraq hermenevtik interpretasiyadan istifadə olunur. Azərbaycan yazıçısı İsa Hüseynovun əsərləri kollektiv yaddaş, yerli arxetiplərin qaynağı kimi araşdırılır.

Mövzunun işlənmə dərəcəsi. Məqalənin sonundakı ədəbiyyat siyahısına bax.

Tədqiqatın yeniliyi arxetiplərin dəyişən şərhilə bağlıdır. Bu, bir tərəfdən, lokal arxetiplərin transformasiyası, digər tərəfdən, qlobal arxetiplərin idxalı ilə əlaqələndirilir.

Çıxarışlar. Tədqiqat əsasında müəyyən edilir ki, müasir Azərbaycan milli kimliyi tarixi arxetipləri qoruyur və onları yeni kontekstlərdə təkrar mənalandırır. Eləcə də yerli arxetiplər qlobal arxetiplərlə sintezə girir. Bu proses bəzən ideoloji, bəzən fərdi, bəzən kommersiya, amma hər zaman mədəni və mənəvi olaraq məhsuldar bir gərginlik yaradır.

Açar sözlər: arxetip, sosial identiklik, milli identiklik, kollektiv yaddaş, hermenevtik interpretasiya, İsa Hüseynov, Azərbaycan,

УДК-316.4

Махрух Аббас

Доктор философии по философии, старший научный сотрудник
отдела «Проблемы современной философии»,

Институт философии и социологии НАНА
AZ-1073, Азербайджан, Баку, Г.Пр-т Джавида 115,

Тел.: (+99450) 3381428

E-mail: mahru.abbas@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-4024-3088>

АРХЕТИПЫ КАК СИМВОЛИЧЕСКАЯ ОСНОВА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ПРИМЕР АЗЕРБАЙДЖАНА

Резюме

Архетип и социальная идентичность (национальная идентичность также является одной из форм социальной идентичности) - это концепции из разных интеллектуальных традиций. Согласно аналитической психологии К.Юнга, архетип -

это система первичных образов и символов, поселившихся в коллективном подсознании. Они проявляются как повторяющиеся мотивы во всех культурах: мать, герой, тень, мудрый старик, возрождение и т. д. Архетипы не только воздействуют на глубокие слои психики индивида, но и выступают носителями коллективных культурных кодов. С другой стороны, понятие социальной идентичности сформировалось в социальной психологии и относит личность к определенным группам (национальным, этническим, религиозным и т. д.) признания на основе принадлежности. Социальная идентичность имеет большое влияние как с точки зрения индивидуального "Я" (самооценки), так и с точки зрения группового поведения. Архетипы Юнга являются продуктом коллективного подсознания, несут межкультурные фиксированные коды, в то время как социальная идентичность основана на групповой принадлежности, сформированной в историческом, политическом, культурном контексте. Но в обоих случаях человек чувствует необходимость включить себя в "общую картину": либо через культурный символ (архетип), либо через социальную структуру (групповая идентичность). Национальная идентичность связана с тем, как человек чувствует себя принадлежащим к нации. Эта принадлежность основана как на объективных показателях (язык, история, религия, территория), так и на субъективном опыте (эмоциональная привязанность, коллективная память, символический опыт). Таким образом, национальная идентичность - это не просто юридическая и политическая связь, это символическая и мифическая конструкция, которая на данный момент пересекается с архетипами.

Целью исследования является изучение роли архетипов в построении национальной идентичности в Азербайджане.

Методы и методика исследования. Концептуальную основу исследования составляют учение Карла Юнга о коллективном бессознательном и теория социальной идентичности английского социального психолога польского происхождения Генри Теджфеля (Henry Tajfel). В качестве метода используется герменевтическая интерпретация. Произведения азербайджанского писателя Исы Гусейнова исследуются как источник коллективной памяти, местных архетипов.

Степень разработанности темы. См. список литературы в конце статьи.

Новизна исследования заключается в изменении интерпретации архетипов. Это связано, с одной стороны, с трансформацией локальных архетипов, а с другой - с импортом глобальных архетипов.

Выводы. На основе исследования установлено, что современная азербайджанская национальная идентичность сохраняет исторические архетипы и переосмысливает их в новых контекстах. Также локальные архетипы вступают в синтез с глобальными архетипами. Этот процесс иногда идеологический, иногда личный, иногда коммерческий, но всегда культурно и духовно продуктивный, и это создает напряжение.

Ключевые слова: архетип, социальная идентичность, национальная идентичность, коллективная память, герменевтическая интерпретация, Иса Гусейнов, Азербайджан.

UOT- 316.4

Mahrukh Abbas

PhD in Philosophy, Researcher,
Institute of Philosophy and Sociology of ANAS
AZ-1073 H.Javid Ave 115, Baku, Azerbaijan,
Tel.: +99450)3381428

E-mail: mahru.abbas@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-4024-3088>

ARCHETYPES AS SYMBOLIC FOUNDATIONS OF NATIONAL IDENTITY: THE CASE OF AZERBAIJAN

Abstract

Archetype and social identity (with national identity being one of its forms) are concepts rooted in different intellectual traditions. According to Carl Jung's analytical psychology, an archetype is a system of primordial images and symbols embedded in the collective unconscious. These manifest across all cultures as recurring motifs: the mother, the hero, the shadow, the wise old man, rebirth, and so on. Archetypes influence the deep layers of the individual psyche and function as carriers of collective cultural codes.

The concept of social identity, on the other hand, has emerged in social psychology and refers to the individual's self-recognition based on

belonging to certain groups (national, ethnic, religious, etc.). Social identity plays a significant role in shaping both self-concept and group behavior. While Jung's archetypes are products of the collective unconscious and carry transcultural, stable codes, social identity is grounded in group belonging shaped within historical, political, and cultural contexts.

Nevertheless, both involve the human need to situate the self within a "larger picture" - either through cultural symbols (archetypes) or through social structures (group identities). National identity refers to the individual's sense of belonging to a nation. This belonging relies both on objective indicators (language, history, religion, territory) and on subjective experiences (emotional attachment, collective memory, symbolic experience). Thus, national identity is not merely a legal or political connection - it is a symbolic and mythical construct that intersects with archetypes.

Research aim. The aim of the study is to explore the role of archetypes in the construction of national identity in Azerbaijan.

Research methods and methodology. The conceptual framework of the research is based on Carl Jung's theory of the collective unconscious and Polish-born British social psychologist Henri Tajfel's theory of social identity. Hermeneutic interpretation is used as the main method. The works of Azerbaijani writer Isa Huseynov are examined as sources of collective memory and local archetypes.

Literature review. See the bibliography at the end of the article.

Research novelty. The novelty of the study lies in the evolving interpretation of archetypes. This involves, on the one hand, the transformation of local archetypes and, on the other, the importation of global archetypes.

Conclusions. The study reveals that modern Azerbaijani national identity preserves historical archetypes and reinterprets them in new contexts. Furthermore, local archetypes engage in synthesis with global ones. This process creates a tension that is at times ideological, at times personal, at times commercial - but always culturally and spiritually generative.

Keywords: archetype, social identity, national identity, collective memory, hermeneutic interpretation, Isa Huseynov, Azerbaijan

“Ruhu arxetipik formada- nağıllarda və yuxularda bizə göründüyü kimi- nəzərdən keçirdikdə, bu obraz qəribə şəkildə ruh haqqında şüurlu

təsəvvürlərimizdən fərqlənən bir mənzərə təqdim edir. Çünki şüurlu təsəvvürümüz çoxsaylı mənalara parçalanmış haldadır. Ruh ilkin olaraq insan və ya *anima* formasında bir varlıq idi- insana kənardan gələn *daimonion*, yəni ilahi vəhyin daşıyıcısı. Lakin bizim əsər artıq şüurun genişlənməsinin izlərini göstərir: bu genişlənmə tədricən zəbt etməyə başlamış və həmin *daimoniaları*- heç olmasa, qismən, iradəli hərəkətlərə çevirmişdir.” [Jung, 1968: p. 236].

Bütün mədəniyyətlərdə təkrarlanan ana, qəhrəman, müdrik qoca, yenidən doğuluş kimi motivlər universaldır. Arxetiplər şəxsi psixikanın dərin qatlarına təsir göstərir, amma həm də kollektiv mədəni kodların daşıyıcısıdır.

Sosial identiklik fərdin özünü müəyyən sosial qruplara milli, etnik, dini, cinsi əlamətlərə görə *aid* hesab etməsidir. Bu konsepsiya sosial psixologiyada formalaşmış və fərdlərin “biz”, “onlar” kateqoriyaları quraraq mənlilik və aidiyyət hissini necə inşa etdiyini izah edir. Sosial identiklik həm fərdi mənlilik (self-concept), həm də qrup davranışı baxımından böyük təsirə malikdir.

Sosial identiklik nəzəriyyəsi son mərhələdə qrupdaxili davranışın əsasında duran koqnitiv proseslər və sosial şərtləri izah etməyə çalışır; xüsusən, önyargı, şışirtmə və diskriminasiya ilə bağlı olanları [Tajfel & Turner, 1979:p. 294].

Kollektiv psixika və qrup identikliyi. Yunqun arxetipləri kollektiv şüuraltının məhsulu olaraq, mədəniyyətlərarası sabit kodları daşıyır. Sosial identiklik isə tarixi, siyasi, mədəni şərtlərə görə formalaşan qrup aidiyyəti üzərində qurulur. Amma hər iki halda insan özünü bir “böyük mənzərəyə” daxil etmə ehtiyacı duyur: ya mədəni simvol, ya da sosial struktur vasitəsilə. Qeyd edək ki, Yunqun arxetipləri kollektiv şüuraltının məhsulu olaraq, *mədəniyyətlərarası sabit kodlar* daşıyır. Sosial identiklik isə *tarixi, siyasi və mədəni şərtlərlə formalaşan qrup aidiyyəti* üzərində qurulur.

Arxetiplər sosial identikliyin simvolik əsasını qura bilər. Məsələn, “ana” arxetipi çox zaman *Millət və ya Vətən* simvolikası ilə birləşdirilir: “Ana Vətən”, “Ana torpaq” və s.

“Qəhrəman” arxetipi bir çox cəmiyyətdə kollektiv identiklik yaratmaq üçün istifadə olunur: milli qəhrəmanlar, şəhid kultları və s.

Öz növbəsində sosial identiklik arxetipləri mədəniyyətə daxil edir:

- Sosial qruplar öz kimliklərini qorumaq və gücləndirmək üçün arxetipik obrazları canlandırırlar (məsələn, dini identikliklərdə peyğəmbər, şəhid, şeytan simvolları).

- Beləliklə, sosial identikliklər arxetipləri istifadə edərək özlərini təkrar qurur və dərinləşdirir.

Digər tərəfdən, arxetipik narrativlər sosial identikliyi emosional səviyyədə möhkəmləndirir:

- Fərdlərin qrupla bağlı emosional bağları çox zaman arxetipik hekayələrlə güclənir: xilaskar, düşmən, müdrik qoca və s. haqda hekayələrlə.
- Bu da kollektiv yaddaş və tarixi narrativlər vasitəsilə sosial identikliyi mənalandırır.

Burdan belə nəticə çıxarmaq olar ki:

Arxetip və sosial identiklik bir-birindən fərqli konsepsiyalar olsa da:

- Hər ikisi fərdin özünü anlamaq və kimliyini qurmaq üçün istifadə etdiyi strukturlardır;
- Arxetip daha dərin, şüuraltı və universal olan, sosial identiklik isə daha konkret, kontekstual və ictimai səviyyəlidir;
- Ancaq sosial qruplar arxetipləri simvolik qaynaq kimi istifadə etdikcə, bu iki sahə arasında möhkəm əlaqə qurulur.

Milli kimlik

Milli kimlik fərdin özünü bir millətə aid hiss etməsi ilə bağlıdır və bu aidiyyət həm obyektiv göstəricilərə (dil, tarix, din, ərazi), həm də subyektiv təcrübələrə (emosional bağlılıq, kollektiv xatirə, simvolik təsəvvürlər) əsaslanır.

Milli kimlik sadəcə hüquqi və siyasi bir əlaqə deyil, simvolik və mifik bir konstruksiyadır – yəni bu nöqtədə arxetiplərlə kəsişir.

Arxetip və Milli Kimliyin Simvolik Quruluşu

Milli kimlik sadəcə sosial və siyasi aidiyyət deyil — o, kollektiv fantazmalar, miflər və arxetiplərlə yoğrulmuş dərin bir mənalandırma sistemidir.

Arxetiplər bu sistemin *şüuraltı dili* kimidir: onlar vasitəsilə millətlər öz tarixlərini hiss edir, öz keçmişlərini yaşadır, gələcəklərini təsəvvür edirlər.

Sosial identiklik: fərdin “biz” deməsi

Henri Tejfelin nəzəriyyəsinə əsasən:

- İnsanlar öz mənlik anlayışlarının bir hissəsini sosial qruplarla (millət, din, cinsiyyət, peşə və s.) eyniləşdirmə yolu ilə qururlar.
- Bu “biz” kimliyini qəbul etdikcə, fərd həm əlaqə, həm də mənəvi sabitlik tapır.
- Amma bu identiklik yalnız fakta əsaslanmır, o həm də mənalandırılmış simvolik bir münasibətdir.

Bu nöqtədə arxetiplər dövrəyə girir: sosial identikliklər tez-tez arxetipik

fıqurlar və hekayələrlə emosional bağ qurmaqla qurulur.

Arxetiplərlə özünü identifikasiya

1. Gənclər və qəhrəman arxetipi

- Gənc bir insan özünü “qəhrəman” modeli ilə eyniləşdirə bilər:
- "Mən cəmiyyətim üçün nəşə etməliyəm"
- "Zülm və ədalətsizliyə qarşı mübarizə aparmalıyam".

Öz növbəsində bu motivasiya təkcə sosial deyil, psixoloji arxetipik şüuraltından da qaynaqlanır.

2. Qadın identikliyi və ana/bilici qadın arxetipi

- Qadınlar öz sosial kimliklərini bəzən “ana”, “himayəkar”, “müdrək qadın” arxetipi ilə qururlar.
- Amma bəzi hallarda bu arxetiplər mədəni normativlərlə yüklənərək fərdi sərbəstliyi məhdudlaşdırır da bilər.

Yeri gəlmişkən, feminist psixologiya bu arxetiplərin yenidən yozulması və transformasiyası ilə məşğuldur.

Din və peyğəmbər/xilaskar arxetipi

- Dini identikliklər çox zaman peyğəmbər, müqəddəs, şəhid, xilaskar arxetipləri ilə qurulur.
- Fərd özünü bu arxetiplərin *davamçısı* və ya *izləyicisi* kimi hiss edərək mənəvi təməl tapır.

Arxetip və sosial kimliyin kəsişməsini cədvəl formasında aşağıdakı kimi vermək olar:

Funksiya	Təsviri
Mənaya bağlama	Fərd öz təcrübələrini arxetiplər vasitəsilə anlamlandırır.
Emosional sabitlik	Qəhrəman, ana, xilaskar arxetipləri identiklikdə möhkəmləndirir.
Yön vermə	Arxetiplər sosial davranışa model təqdim edir (məsələn, “əsl kişi necə olmalıdır?” kimi).
Qrupla inteqrasiya	Eyni arxetipləri paylaşan fərdlər bir qrupa daha rahat daxil olur.

Təhdidlər

Amma bununla belə, arxetiplərlə identifikasiyanın öz təhlükələri də ola bilər: əgər fərd şüursuz və dəyişməz qalarsa, bu, şəxsiyyətin donuqlaşmasına səbəb ola bilər. Bəzən də fərdlər arxetiplərin mədəniyyət

tərəfindən diqtə edilmiş formalarına məcbur şəkildə uyğunlaşmağa çalışırlar (məsələn, kişi qəhrəman olmalıdır, qadın fədakar ana olmalıdır və s.) Bu da öz növbəsində daxili çatışma və sosial təzyiqə uyğunlaşma dilemması yarada bilər.

Nəticə

Fərdin sosial identikliyi yalnız qrup mənsubiyyəti ilə deyil, bu mənsubiyyətin arxetiplər vasitəsilə şərhilə qurulur. Arxetiplər fərdi şüurun alt qatlarında çalışan simvolik modellərdir, amma sosial strukturlar bu arxetipləri aktivləşdirir, formalaşdırır və ictimai şəkildə dövrüyyəyə buraxır.

İsa Hüseynovun “Əbədiyyət” əsərinin hermenevtik şərhilə

İsa Hüseynov – “Əbədiyyət” əsəri haqqında arayış

Yazılma ililə: 1985 (Hərçənd əsər yazıçının “İdeal” romanının davamı olaraq 1988-ci ildə “Yazıçı” nəşriyyatında nəşr olunub. Ümumiyyətlə, “İdeal” və “Əbədiyyət”in müxtəlif nəşrləri arasında xeyli fərq var)

Janr: Fəlsəfi-bədii roman

Əsas mövzular: *insanın varlıq anlamı, ölüm və ölümsüzlük, yaddaş və zaman, mənəvilə dirçəliş*

Qısa məzmun:

"Əbədiyyət" romanında müəllif insanın həyatda qalmaq, mənəvilə iz buraxmaq ehtiyacını və “əbədi həyat” anlayışının yalnız biolojilə deyil, daha çox mədənilə və mənəvilə yaddaşda yaşamaq formasında olduğunu vurğulayır. Əsər klassik süjet xəttindən çox, daxili monoloqlar, xatirələr, simvolik hadisələr və fəlsəfi refleksiyalar üzərində qurulub.

Əsas ideyalar:

- Əbədilik insanın yaradıcılıqla, xatirələrlə və mənəvilə izlə həyata keçirdiyi bir haldır.
- İnsan və zaman anlayışları arasında gərginlik, yəni ötəri ömür ilə əbədiyyət axtarışı arasındakilə ziddiyyət əsas motivlərdəndir.
- Əsərdə fiziki ölümün son olmadığını, əsl ölümün unudulmaq olduğunu vurğulayan motivlər var.

Estetik xüsusiyyətlər:

- İsa Hüseynov bu romanda *modernist və postmodernist üslub elementlərinə* yaxınlaşır. Hadisə xronologiyası pozulur, *təfəkkür axını və simvolizm* geniş yer tutur.
- Müəllifin digər əsərlərinə nisbətən burada *filosof-yazar* mövqeyi daha qabarıqdır.

Ədəbi kontekst:

“Əbədiyyət” əsəri, İsa Hüseynovun 1970–80-ci illərdəki mənəvi axtarış dövrünə aiddir. Bu mərhələdə o, “insan kimdir?”, “nə üçün yaşayır?”, “ölümsüzlük nədir?” kimi fundamental suallara cavab axtaran daha dərin, simvolik və fəlsəfi mətnlər yazmağa başlamışdı.

“Əbədiyyət” əsərinə hermenevtik-fəlsəfi baxış *Hermenevtik çərçivə:*

“Əbədiyyət” bir mətndən daha artıqdır. Anlama olaraq, Dasein (Burda-varlıq) öz Varlığını imkanlara doğru irəliyə proyeksiya edir.

Bu imkanlara-doğru-varlıq, özü-özünü anlayan bir var-ola-bilmə (potensial-varlıq) olaraq açılır – və bu, həmin imkanların, aşkara çıxarıldıqları formada, Dasein üzərində göstərdikləri qarşı-təzyiq səbəbilə belədir. Anlamanın bu proyeksiyası öz daxilində bir imkana malikdir: özünü inkişaf etdirmə imkanı.

Anlamanın bu inkişafını biz **“şərh”** adlandırırıq. [Heidegger, M., 1962. Being and Time. Blackwell Publishers LTD, p. 188]

Hermenevtika, bildiyimiz kimi, yalnız mətnin mənasını deyil, insanın özünüanlama səyini (Haydegger), təcrübənin şərhini və zamanla dialoqu da əhatə edir. Bu baxımdan “Əbədiyyət” romanını, Hans-Georg Qadamerin terminləri ilə desək, *“anlayış üfşüqlərinin qovuşması”* kimi də oxumaq mümkündür.

Dil insanın dünyadakı sadəcə bir varidatı deyil; əksinə, insanın ümumiyyətlə bir dünyaya sahib olması məhz dildən asılıdır. Dünya, dünya olaraq, yalnız insana açıqdır – bu dünyada var olan digər məxluqlara deyil. Amma bu dünya mahiyyətə dil xarakterlidir. O, dil olaraq mövcuddur [Gadamer, H., 2004 edition, TRUTH AND METHOD, continuum, p.440]. Əsərin qəhrəmanı (və ya qəhrəmanları. Səməd- Mədət Əmirlinin oğlu, Mədət- Sultan Əmirlinin oğlu) keçmişlə, yaddaşla, tarixlə və ölüm anlayışı ilə üz-üzə gəlir, və bu qarşılaşma vasitəsilə oxucu da öz tarixi varlıq statusunu dərk etməyə sövq olunur. Yəni burada artıq “nə baş verdi?” sualından çox, “mənim şərh prosesimdə nə baş verir?” sualı aktuallaşır.

Əbədilik- metafizik, yoxsa mənəvi kateqoriyadır?

İsa Hüseynov üçün “əbədi həyat” nə dini anlamda ölümsüzlükdür, nə də elmi-fantastik bir bioloji davamlılıq. Bu anlayış, daha çox varlığın mənəvi iz qoyma gücü kimi təqdim olunur. Hermenevtik baxımdan bu, insan təcrübəsinin şərh olunaraq zamanın fəvqünə keçməsi kimi başa düşülə bilər. Bu yanaşma Haydeggerin **“Varlıq və Zaman”** (eyniadlı əsərdəki) ideyasına çox yaxındır. İnsan, “ölümdən öncəki varlıq” kimi, hər anını anlamlandırmaqla əbədiyyətə toxuna bilər. “Əbədiyyət” romanı, elə bu

anlam yaratma prosesi üzərində qurulmuşdur.

Yaddaş və zaman: Tarixi mənimsəmək

Əsərdə yaddaş sadəcə xatırlama deyil; o, *varlığın qurucu ünsürüdür*. Bu, Rikerin “yaddaş və tarix” arasındakı gərginlik ideyasını yada salır. İsa Hüseynovun qəhrəmanları keçmişə qayıdarkən onu təkrar yaşamır, *təkrar şərh edir* – və bu zaman həm özlərini, həm də gələcəyi yenidən qurmuş olurlar. Buradan çıxan nəticə: Əbədilik keçmişdə deyil, *təcrübənin yenidən şərhində, yəni hermenevtik aktın özündə* yerləşir. *Dilin funksiyası: Dil sadəcə vasitə deyil* Hermenevtika üçün dil mərkəzi anlayışdır. Qadamerin fikrincə, “varlıq, ancaq dildə baş verir.” İsa Hüseynovun poetik dili, çox zaman simvolik və assosiativdir — bu da oxucunu *aktiv mənalandırma aktına* cəlb edir. Əsərin dili oxucunun sadəcə müşahidəçi deyil, *şərhçi mövqeyinə* keçməsinə tələb edir. Bu baxımdan, “Əbədiyyət” təkcə bir həyat hekayəsi yox, *anlamla qarşılaşma* hadisəsidir.

1. Dağ – Varlıqla qarşılaşma məkanı

Dağ motivi İsa Hüseynovun başqa əsərlərində olduğu kimi “Əbədiyyət” əsərində də tez-tez təkrarlanır. Bu simvol çoxqatlıdır:

- Haydegger anlamında, dağ *təklilik və düşüncə məkanıdır* – insan orada kütlədən uzaqlaşaraq “autentik varlığına” yaxınlaşır.
- Eyni zamanda dağ *əzəmət və əbədilik simvoludur* – dəyişməzliyi, təbiətin zaman qarşısında dayanıqlığını təmsil edir.
- Hermenevtik baxımdan, dağ *mənanı dərinləndirərək görmək üçün gərəkən məsafə və yüksəliş prosesini* göstərir. Bu, sadəcə coğrafi yox, şərhçi yüksəltmək ehtiyacını da simvollaşdırır.

2. Yuxu – Şüurun sərhədləri

Yuxular və yuxuya bənzər hal təsvirləri əsərdə tez-tez görünür:

- Yuxu, elə Rikerin və Freydin də vurğuladığı kimi, dərk etmənin başqa rejimidir — orada reallıq simvolikləşir, zaman pozulur, fərdi təcrübə arxetipik şəkil alır.
- İsa Hüseynovun dilində *yuxu maddi dünyadan qopuş və əbədiyyətlə rabitə* cəhədidir. Bu, həm də *xatirənin simvolik emalıdır* — keçmişlə gələcəyin dialoqu.

3. Körpü – İki dünya arasında keçid

Əsərdəki “körpü” obrazı sadəcə bir keçid vasitəsi deyil:

- Simvolik baxımdan, körpü insanın *zamanlar və varlıq qatları arasında hərəkətini* təmsil edir. O, *keçiciliklə sabitlik, ölümlə ölümsüzlük, real həyatla metafizik düşüncə* arasındakı gərginliyi göstərir.
- Körpü həm də *tərcümə aktı* kimidir: bir qütbədən digərinə keçid –

bu, hermenevtik anlamda *təcrübənin başqa dildə, başqa dövrdə, başqa mənada yenidən qurulmasıdır*.

4. Ad – Unudulmamağın əsas açarı

Ad və adın çəkilməsi motivi İsa Hüseynovun əsərlərində tez-tez görünür, “Əbədiyyət”də isə bu, xüsusi dərinlik qazanır:

- Bir insanın adı yad edilir, xatırlanırsa – o, hələ də “vardır.”
- Hermenevtik yanaşmada ad *identiklik və yaddaşın dirildilməsi aktıdır*. Rikerin “anlatılan şəxsiyyət” (narrative identity) anlayışı burada işə yararır: ad xatirə ilə birlikdə yenidən formalaşır.

5. Günəş və işıq – Aydınlanma və şəffaflıq

Əsərdə **ışığı** və **günəş** motivləri sadəcə təbiət təsvirinin bir parçası deyil:

- Işıq *anlama və gerçəkliyin ifşası* simvoludur.
- Hermenevtik baxımdan bu, *mətnin özünü açması, oxucunun aydınlanması* prosesi kimi oxuna bilər. Işıq gələndə gizli olanlar görünür, yəni *dil və şərh vasitəsilə mənanın ortaya çıxması* halı baş verir.

6. Qoca obrazları – Yaddaşın daşıyıcısı

Əsərdə rast gəlinən qoca, yaşlı insanlar (Çürüklə Abı), çox vaxt *keçmişin, bilikli yaddaşın təmsilçiləridir*:

- Bu obrazlar *fiziki zəifliklə yanaşı mənəvi güc, nəsilərin yaddaşında qalan izlər* kimi təqdim olunur.
- Onlar *simvolik arxiv* rolunu oynayır: keçmişi bu günə daşıyırlar.

Nəticə olaraq:

İsa Hüseynov bu simvollar vasitəsilə oxucunu *təfəkkür səyahətinə* çıxarır. O, bizi sadəcə roman oxumağa yox, *mənanı “şərh etməyə”, öz varlığımızla dialoqa girməyə* dəvət edir. Əsərin hər bir simvolu bir hermenevtik açar kimi çıxış edir — oxucu bu açarlarla *həm mətni, həm öz həyatını* anlamlandırmağa çalışır.

Nəticə

İsa Hüseynovun “Əbədiyyət” əsəri hermenevtik yanaşma üçün zəngin imkanlar yaradır. Burada insanın *öz varlığını şərh etmə cəhdi, ölüm və yaddaşla qarşılaşması və mənanın zamandan asılı olmayaraq qurulması* məsələləri əsasdır. Əsər oxucuya sadəcə bir hekayə danışmaq istəmir — onu *öz təcrübəsini anlamlandırmağa çağırır*.

Qloballaşma və milli identiklik

Qloballaşma yerli kimlik sistemlərini və mədəni simvolları çox zaman beynəlmilləşdirilmiş, universalist modellərlə qarşılaşdırır. Bunun nəticəsində milli identiklik:

ya möhkəmlənir (reaksion-müdafiə xarakteri ilə),
ya da dilutasiya (yəni zəifləmə, çözülmə) ilə üzləşir.

Bu dəyişiklik arxetiplərin dövriyyə və mənalılaşma formasına birbaşa təsir edir.

Arxetiplərin dəyişən şərh: lokal-qlobal gərginliyi

1. Lokal arxetiplərin transformasiyası

- ***Vətən, qəhrəman, şəhid, ana torpaq*** kimi milli arxetiplər qloballaşmanın mədəniyyətlərarası axınları ilə güzəştə uğraya və ya kommersiyyalaşa bilər.
- Məsələn, qəhrəmanlıq motivləri Hollivud tərzli “superqəhrəmanlıq” kodları ilə əvəzlənə və yerli qəhrəman arxetipi fantastik və əyləncəli obrazlara çevrilə bilər.

2. Qlobal arxetiplərin idxalı

- Qloballaşma həm də qeyri-milli arxetiplərin mədəniyyətlərə idxalını sürətləndirir: məsələn, yadplanetli xilaskar, müstəqil qadın, distopik gənc lider, və s.
- Bu da yerli arxetiplərlə rəqabət yaradır, bəzən isə onların içərisinə daxil olub, onları transformasiya edir.

3. Qloballaşma və milli identiklikdə reaksiyon arxetiplərin güclənməsi

1. Müqavimət motivi

- Bir çox toplumda qloballaşmaya qarşı ***milli müdafiə arxetipləri*** aktivləşir:

Qoruyucu qəhrəman, “öz kökünü unutmayan” insan, “daxili casus”a qarşı mübarizə və s.

- Bu, sosial psixologiyada ***milli kimliyin konsolidasiyası*** adlanır: xarici təhdid qarşısında öz identikliyinə simvolik arxetiplərlə bərkitmək.

2. Arxaik romantizmin dirilməsi

- Qloballaşma şəraitində bəzi cəmiyyətlər ***milli keçmişin mifik arxetiplərinə dönüş*** yaşamağa başlayır: “zamanında nə qədər güclü idik”, “qızıl dövr” kimi narrativlərlə.
- Bu arxetiplər ***təhlükə qarşısında mənəvi müdafiə mexanizmi*** funksiyasını daşıyır.

3. Hibridləşmə: Qlobal və lokal arxetiplərin sintezi

Qloballaşmanın yaratdığı ən yaradıcı nəticələrdən biri də **hibrid arxetiplərdir**:

- Məsələn, bir gənc özünü həm **Qəhrəman Babək** arxetipi ilə, həm də **Marvel-dən gələn bir obrazla** eyniləşdirə bilər.
- Bu hibridlik milli identikliyin parçalanması deyil, simvolik

yenidənqurulmasıdır — arxetiplər yenidən kodlaşdırılır.

4. Yeni media və arxetiplərin yayılma forması

- Sosial media, film və global reklam mədəniyyəti arxetipləri daha sürətlə və geniş coğrafiyada dövriyyəyə buraxır.
- Memlər, viral hekayələr və global trendlər arxetiplərin artıq sürətli mutasiyaya uğramasına səbəb olur.
- Bu işə milli identikliyi davamlı olaraq yenidən nəzərdən keçirməyə məcbur edir.

Nəticə

Qloballaşma milli identikliyi təhlükəyə atmır, əksinə onu yenidən düşünməyə və simvolik qaynaqlarını modern kontekstdə yenidən qurmağa məcbur edir. Arxetiplər bu prosesi ya qoruyur, ya da transformasiya edir. Onlar ya köhnə kimliyi möhkəmlədir, ya da yeni bir mənalandırma üçün kodlanırlar.

Tarixi yaddaş və əsas arxetiplər

Azərbaycan milli kimliyinin formalaşmasında bir neçə **mərkəzi arxetip** daim fəaliyyət göstərir. Bunlar həm **tarixi-mifik**, həm də **müasir-siyasi** kontekstlərdə aktualdır:

1. Qəhrəman/Qoruyucu

- Tarixi: Babək, Koroğlu, Cavadxan, Qaçaq Nəbi
- Müasir: Qarabağ müharibəsi şəhid və qaziləri
Bu arxetip müasir dövrdə **xalqın dirənişi və ərazi bütövlüyünün müdafiəsi** ilə eyniləşir.

2. Ana/Vətən

- Simvollar: “Ana torpaq”, “şəhid anaları”, “torpağın çağırışı”
- Bu arxetip Qarabağ kontekstində daha da dərinləşmiş və **milli emosional bağın simvoluna** çevrilmişdir.

3. Şəhid/qurban

- Bu arxetip **kollektiv travma və müqəddəsləşdirilmiş ölüm** üzərində qurulur.
- Müasir dövrdə xüsusilə **2020-ci il Vətən Müharibəsi** sonrası şəhidlər üzərində milli identiklik emosional olaraq möhkəmlənmişdir.

Qloballaşmanın təsiri: dilutasiya, yoxsa sintez?

1. Arxetiplərin kommersiyalaşması

- Qəhrəmanlıq simvolları bəzən reklam, pop mədəniyyət və instaqram estetikası ilə iç-içə keçir. Bu, arxetipi:
bir tərəfdən daha **görünən və cazibədar** edir;
digər tərəfdən isə **dərinliyindən məhrum edə bilər**.

2. Yeni qəhrəman modellərinin idxalı

- Məsələn, **individualist, texnoloji yönümlü, emosional olaraq sərbəst** gənc qəhrəman modeli — Netflix, Marvel, K-pop və ya Avropa mədəniyyətindən gələn obrazlar idxal olunur.
- Bu, gənclər arasında fərqli arxetipik identifikasiya formalarına səbəb olur:
“Mən Babək deyiləm, amma Batman-vari ədalət uğrunda təkbəşinə mübarizə apararam.”

3. Hibridlik nümunəsi: Müasir şəhid obrazı

- Klassik şəhid arxetipi **din və vətən sevgisi ilə dolu fədakar insan** idi.
- Müasir şəhid obrazı həm də:
xaricdə təhsil almış,
texnologiya və kitabsevər,
sosial şəbəkədə aktiv bir şəxsiyyət kimi təqdim olunur.

Bu, ənənəvi arxetipin modern forma ilə yenidən yoğrulmasıdır.

İctimai diskurslar və arxetiplərin gücləndirilməsi

1. Dövlət səviyyəsində arxetip istehsalı

- Rəsmi ritorika və mediada **qəhrəmanlıq, şəhidlik, vətənpərvərlik** arxetipləri ideoloji olaraq möhkəmləndirilir.
- Ədəbiyyat, kino və muzeyləşdirmə bu prosesi **vizual və narrativ şəkildə dəstəkləyir**.

Sivil cəmiyyət və alternativ arxetiplər

- Bəzi qeyri-rəsmi platformalarda **fəlsəfi gənc, sorğulayan qadın, təkbəşinə dirəniş göstərən fərd** arxetipləri meydana çıxır.
- Bunlar bəzən dövlət ideologiyasından fərqli **mülayim, humanist və fərdiyyətçi identiklik modelləri** təklif edir.

Ənənəvi və müasir tip arxetiplər, onlar arasında gərginliyi cədvəl formasında belə təqdim etmək olar:

Ənənəvi Arxetip	Müasir Arxetip	Gərginlik
Vətən uğrunda şəhid	Öz karyerası uğrunda mühacir	Loyallıq vs Fərdi azadlıq
Qoruyucu kişi	Emosional və estetik kişi	Güc vs Hissiyat
Fədakar ana	Özünü inkişaf etdirən qadın	Ailə mərkəzli kimlik vs fərdi özlük

Bu gərginliklər milli identiklikdə dinamik dəyişikliklər yaradır və arxetiplərin sabit deyil, çevik olduğunu göstərir.

NƏTİCƏ

Müasir Azərbaycan milli kimliyi:

- tarixi arxetipləri qoruyur;
- onları yeni kontekstlərdə təkrar mənalandırır;
- global arxetiplərlə sintezə girir.

Bu proses bəzən ideoloji, bəzən fərdi, bəzən kommersiya, amma hər zaman mədəni və mənəvi olaraq məhsuldar bir gərginlik yaradır.

Ədəbiyyat- References:

Jung, C.G.,1968, Princeton University Press, The ARCHETYPES AND COLLECTIVE UNCONSCIOUS

Tajfel, H.,& Turner, J.C. (1979). An integrative theory of intergroup conflict. In W.G. Austin,&Worchel (Eds)

Heidegger, M., 1962. Being and Time. Blackwell Publishers LTD

Gadamer, H., 2004 edition, TRUTH AND METHOD, continuum

Ricoeur, P., 1984, TIME AND NARRATIVE, University of Chicago Press

Ricoeur, P., 2004, MEMORY, HISTORY, FORGETTING, University of Chicago Press

Hüseynov İ. İdeal, Ədəbiyyət. Romanlar, Bakı, Yazış, 1988

Hüseynov (Muğanna) İ. Şəppəli. povestlər, Hədəf nəşrləri, 2015

Hüseynov İ. Seçilmiş əsərləri, 6 cildə I cild, Bakı, Avrasiya press, 2009

Hüseynov İ. Seçilmiş əsərləri, 6 cildə III cild, Bakı, Avrasiya press, 2009

Hasan Guliyev. Arkhetipichniye Azeri. Liki Mentaliteta.Baku-2002, Yeni Nesil

Hasan Guliyev. K metodologii poiska arkhетipichnego Kavkaza// Müasir fəlsəfə və Azərbaycan: tarix, nəzəriyyə, tədris. Bakı, Elm, 2011, s. 252-271

Zafar Guliyev. O nashey polimentalnosti //

https://www.turan.az/ext/news/2009/1/free/Want_to_Say/ru/71494.htm

Ismail Rafigoglu. Azerbaydjanskaya mentalnost: gde granitcha dozvolennogo //

<https://az.sputniknews.ru/amp/20190422/mentalnost-azerbajdzhana-granicy-dozvolennogo-420130534.html>

UOT-32.308

Elmira Əliseyran qızı Təhməzova

AMEA Fəlsəfə və Sosiologiya
İnstitutunun
böyük elmi işçisi. **f.ü.f.d.**
Bakı, C. Xəndan
küç., 14 a, mən.4
E-mail: tahmazova@gmail.com
<https://orcid.org/000-002-8590-6711>

STEREOTIPLƏRİN VƏ DƏYƏRLƏRİN FORMALAŞMASINDA KÜTLƏVİ MƏDƏNİYYƏTİN ROLU

Xülasə

Məqalənin məqsədi: Cəmiyyətdə geniş yayılmış stereotiplərin tədqiqi, onların müəyyən qrup adamların düşüncə və qərarlarına təsirini aradan qaldırma yollarının arayışıdır.

Tədqiqat metodları və metodologiyası: Tədqiqat müqayisəli təhlil və sistem yanaşma metodlarına əsasən aparılmışdır.

Problemin işləmə dərəcəsi: Nəsildən nəsle ötürülən stereotiplər bəzi regionlarda hələ də gündəlik həyatda öz aktuallığını qoruyur. Əlbəttə, insanlar başqa adamlar haqda yanlış təəvvürlərə gətirən qəlibləşmiş fikirlərə kor-koranə inanmamalıdır. Vəziyyəti təsbit üçün KİV, maarifləndirici verilişlər təhlil olunur..

Elmi yenilik cəmiyyətdə mövcud stereotiplərin formalaşmasının kompleks şəkildə araşdırılması ilə bağlıdır. Bu məqsədlə KİV və Ailə, Qadın və Uşaq Problemləri üzrə Dövlət Komitəsinin məlumatlarından istifadə olunur.

Nəticə: Stereotipləri önləmək üçün kütləvi mədəni tədbirlərin artırılması mühüm amillərdən biridir.

Açar sözlər: stereotip, dəyər, mədəni, tədbir, məqsəd, cəmiyyət.

УДК-32.308

Эльмира Али Сейран кызы Тахмазова
Старший научный сотрудник,
Институт философии и социологии НАНА
Баку, Дж. Ул. Хандан., 14 а, я.4
E-mail: tahmazova@gmail.com
<https://orcid.org/000-002-8590-6711>

РОЛЬ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ В ФОРМИРОВАНИИ СТЕРЕОТИПОВ И ЦЕННОСТЕЙ

Резюме

Цель статьи: Целью статьи является исследование стереотипов, имеющих широкое распространение в обществе, устранение их серьезного влияния на мнения и решения некоторых людей.

Методы и методология исследования: Исследование проводилось на основе методов сравнительного анализа и системного подхода.

Степень разработки проблемы: Стереотипы, которые переходят от старого поколения к новому поколению в отдельных регионах, все еще сохраняются в повседневной жизни. Конечно, нельзя слепо верить в доводы, сделанные кем-то, верить во все, что говорят и думают другие, что может привести к формированию неправильного представления об окружающих. Для устранения этой проблемы был проведен анализ СМИ, просветительских телепередач.

Научная новизна: в статье отмечается проведение комплексной работы с целью формирования стереотипов, существующих в обществе. Были использованы материалы СМИ и доклад Государственного комитета Азербайджанской Республики по «Проблемам Семьи, Женщин и детей».

Выводы: Для решения проблемы, рассматриваемой в статье, одним из важных факторов является увеличение массовых культурных мероприятий в процессе духовного формирования личности в обществе.

Ключевые слова: стереотип, ценность, культура, мера, цель, общество.

UDC-32.308

Elmira Takhmazova

Senior Researcher,

Institute of Philosophy and Sociology of ANAS

Baku, J. Khandan St., 14 a, i.4

E-mail: tahmazova@gmail.com

<https://orcid.org/000-002-8590-6711>

THE ROLE OF MASS CULTURE IN THE FORMATION OF STEREOTYPES AND VALUES

Abstract

Purpose of the article: The purpose of the article is to study stereotypes that are widespread in society, to eliminate their serious influence on the opinions and decisions of some people.

Research methods and methodology: The research was conducted on the basis of comparative analysis methods and a systematic approach.

The degree of development of the problem: Stereotypes that pass from the old generation to the new generation in certain regions still persist in everyday life. Of course, one cannot blindly believe in the arguments made by someone, believe in everything that others say and think, which can lead to the formation of a misconception about others. To eliminate this problem, an analysis of the media and educational TV shows was carried out.

Scientific novelty: the article notes the comprehensive work carried out in order to form stereotypes existing in society. The media materials and the report of the State Committee of the Republic of Azerbaijan on "Problems of Family, Women and children" were used.

Conclusion: in order to solve the problem highlighted in the article, the one of the important factors is the increase in mass cultural events as part of the spiritual development of individuals in society.

Keywords: stereotype, value, cultural, event, purpose, society.

Giriş

İnsan varlığının inkişafı haqqında onun düzgün şərhini Alman filosofu K.Yaspers (1883-1969) "Tarixin mənası və məqsədi" əsərinin əsas mənasını "keçmiş – indi –gələcək" xətlərinin cızaraq, onların qırılmaz əlaqəsini göstəririr, eyni zamanda fərqli xüsusiyyətlərini də aydın şərh edir. Burada elm və texnikanın mühüm rolunu sübut edir. O qeyd edir ki, tarixi inkişafda varislik əlaqəsi hökm sürür, gələcəyin köklərini keçmiş və indiki zamanda axtarır. O yazır ki, insan öz həyatının mənasını anlamaq üçün həm keçmişə, həm də gələcəyə baxır və beləliklə də öz tarixini yaradır. O öz əsərində yazır: – "keçmişə yönələn diqqət bizi insan varlığının sirlərinə qərq edir. Bizim ümumiyyətlə nəyimiz varsa, tarixdir; biz bu gün nəyiksə bunu tarix edibdir; bu tarixin indiki ana qədər uzunluğu nisbətən çox azdır və bu da bizi bir sıra suallar verməyə vadar edir. Bu haradandır? Bu haraya aparır? Bu nə deməkdir?" (К.Ясперс.

Смысл и назначение истории. М., Республика, 1994, с. 29)

Deməli, tarix bu suallara cavab verməlidir. Belə ki, baş verən hadisələrə və əməllərə əsaslanmayan tarix yoxdur və ola da bilməz.

Prof. Y.Rüstəmov K.Yaspersin bu fikrinə istinadən belə nəticə çıxararaq yazır ki, bütöv tarix mənzərəsini yaratmaq mümkündür. Çünki bütün bəşəriyyətin ümumi başlanğıcı və ümumi məqsədi var. Lakin, onun fikrincə, belə bir paradoksol vəziyyət yaranır: biz bəşəriyyətin ümumi başlanğıcı və məqsədinin olduğunu qəbul edir və eyni zamanda bilir ki, onlar bizə qəti bilik şəklində məlum deyil. (Y.Rüstəmov: – Tarix zaman daxilində insan reallığı. (K.Yaspers) Bakı, “Təknur” nəşriyyatı, 2009, 126 səh)

Hər bir insan azad olmalıdır. Azadlıq insanın həm xarici, həm də daxili təzyiqlərdən azad olması, bir sözlə xilas olmasıdır.

1. Stereotip nədir?

Stereotip sözü yunan dilində möhkəm deməkdir. Stereotip hadisələr, insanlar, ölkələr haqqında çox yayılmış yanlış düşüncəyə, yanlış fikrə deyilir. Müxtəlif cəmiyyətlərdə müxtəlif stereotiplər olmuşdur elə stereotiplər var ki, insanları öz xoşbəxtliyindən məhrum edir. Onları həyatda xoşbəxt olmağa qoymur. İnsanın həyatında elə anlar olur ki, özgənin köməyinə möhtac olur, mənliliyini öz daxilində deyil, xaricdə axtarır. Sanki bütün xoşbəxtliyini orada görür. Onu dərk etməyə çalışır. Beləliklə insan özgəni doğmalaşdırır, tamamilə ona tabe olur özü də dərk etmədən düşünmədən öz azadlığında məhrum olur. Eyni zamanda öz həyatını məhvə aparır. İnsanın hər bir istəyi və bu arzuya çatması hələ onun xoşbəxtliyi ola bilməz. Arzu olunan hər istək insanı azad edə bilməz. Ancaq həyatda elə istəklər olur ki, onlar insanı fəlakətə aparır. Bizə elə gəlir ki, bir şeyin doğru olduğunu nə qədər çox adam qəbul edərsə, bu yanlış ola bilməz. Deməli, insan müxtəlif stereotiplərin təsirinə düşməməli, o nəyin uğrunda çalışdığını yaxşı bilməlidir. Həyatını qurarkən öz istəyinin həqiqətə uyğun olduğuna inanmalıdır.

Cəmiyyətdə ən çox yayılan stereotiplər cinsi stereotiplərdir

Cinsi stereotip qadın və kişilərin yerinə yetirməli olan rolları haqqında bir baxışdır. Bu həmin şəxslərin fərdi qabiliyyətlərini inkişaf etdirmək, peşə kateqoriyalarını davam etdirmək və həyatda seçim imkanlarını məhdudlaşdırmaqdır. Belə stereotiplər insanların dünyagörüşünə, davranışlarına təsir göstərir və gerçəkliyin səhv qəbul edilməsinə gətirib çıxarır. Məsələn, kişi ağlamaz, qadın işləməz, uşağına baxsa yaxşı olar, qadın maşın sürməz (vaxtilə), qız nədir oxumaq nədir. İki uşağı deyikli etmək. (yəni el arasında göbək kəsdi deyirdilər). Qadın

müğənni olmaz və s.

Buna misal olaraq Ə.Sabirin “Oğul mənimdir əgəb oxutmuram əl çəkin” (Ə.Sabir. Hohohnamə, “Qanun” nəşriyyat, 2012-ci il) şeirini göstərmək olar.

Yuxarıda sadalanan nümunələr cinsi stereotiplərə aiddir. Bəzi insanlar bu stereotiplərə görə öz arzusunu gerçəkləşdirə bilmir, məktəbi bitirə bilmir, bəziləri isə oxuyub bitirdikdən sonra öz peşələrində çalışa bilmir. Beləliklə, bunlar köhnə nəsildən yeni nəsilə qədər gələn stereotiplərdir, belə ki, bu stereotiplər gündəlik həyatımızda bəziləri indi də davam edir. Əlbəttə ki, kişilər də həssasdır, qadınlarda. Qadınlar da təhsil ala bilər, kişilər də. Kiminsə çıxardığı yanlış fikirlərə əsaslanaraq başqasının söylədikləri hər sözə, hər bir hərəkətə kor-koranə inanaraq, öz şüurunuzda çıxarılan nəticələrə əsaslanmadan başqaları haqqında yanlış fikir formalaşdırmaq olmaz.

Bu, stereotiplər vasitəsilə hər insanı və ya bir qrup insanı yoldan çıxarmaq, onları həm şəxsi uğursuzluqlara, həm də sosial fikir ayrılıqlarına və qarşıdurmalara gətirib çıxarır. Stereotiplərin dəyişdirilməsi çox vaxt tələb edir. Buna görə də, hər bir şəxs onlara mane olan stereotiplərin təsirindən azad olmanın yeganə yolu onları dərk etmək, məntiqi cəhətdən təhlil etməkdir. Və eyni zamanda ondan qurtulmaq üçün mübariz olmaq lazımdır.

2.Dəyərlərin sosioloji təhlili

Azərbaycan Xalq Cümhuriyyətinin yaradanlardan biri M.Ə.Rəsulzadə yazırdı ki, bir millətin indiki nəslə keçmişə nəzərən geridə qalarsa o millətin gələcəyi təhlükəli ola bilər. Ona görə də hər bir azərbaycanlı özünün maddi və mənəvi mədəniyyətini yaşatmaq və onu gələcək nəsillərin sərvətinə çevirmək üçün öz xalqının təhsil məsələsini hər şeydən önə keçirməli, ona xüsusi əhəmiyyət verməlidir. Dəyərlər və onları qoruyub saxlamaq hər bir millətin, xalqın varlığının yaşaması deməkdir.

XX əsrə qədər Azərbaycan təhsilinin Qərb dünyası dəyərləri üzərində qurulması milli-mənəvi dəyərlərin millilikdən kənar inkişafına gətirib çıxarırdı. Məhz böyük ədib bunun qarşısını almaq üçün milli-mənəvi dəyərlərin qorunmasına xüsusi əhəmiyyət verilməsini tövsiyyə etmişdir. Müasir cəmiyyətdə milli-mənəvi dəyərlərin siyasi, fəlsəfi mahiyyətindən bəhs edən prof. Ə.Abbasov yazır: -Milli fəlsəfə: Milli özəyi-özəli, milli kolorit olmayan fəlsəfə heç_vaxt başəri əhəmiyyət daşıya bilməz, o nə lokal və regional, nə də universal təqdimatda bir fayda gətirməz, əksinə, şərə və ziyana yol açar. Habelə milli köklərdən

məhrum xaric fəaliyyət göstərən “fəlsəfə” müasirliklə ayaqlaşa bilməz, müasir olmaq üçün çarpışar, ancaq ortaya dəyərli məhsul qoymaqda aciz qalar. Fəlsəfənin milliliyi onun beynəlmiləl, bəşəri olmasını zəiflətmir, əksinə gücləndirir.

Alim yazır: – Həqiqi müasirlik və islahatçılıq, qurub-yaratmaqla yanaşı, daim keçmiş tarixə, mədəni irsə, sələflərin, təcrübəsinə və xidmətlərinə hörmət-izzətlə yanaşmaqdır, milli və bəşəri dəyərlərə həssas, qayğılı münasibət aşılamaqdır. (Ə.Abbasov. “Milli fəlsəfə” Azərneşr, Bakı, 2019, səh.11 (ön söz))

Milli ənənələrə söykənən və eyni zamanda bəşəri dəyərlərdən bəhrələnən milli mənəvi dəyərlər bir xalqın inkişafının əsasıdır. Xalqın ancaq özünə qapanaraq bəşəri dəyərlərdən təcrid olması o millətin həm də mədəniyyətinin itib getməsinə səbəb olar və o xalq yer üzündən silinər.

Azərbaycan dövlətinin qarşısında duran əsas vəzifə vətənpərvər gəncliyi milli və ümumbəşəri dəyərləri məninsəmək və bu dəyərlərə hörmət ruhunda yetişdirməkdən ibarətdir.

Mənəvi dəyərlərin sosioloji təhlilinə gəldikdə isə onu qeyd etmək lazımdır ki, hər bir cəmiyyətdə insanların sosial həyatlarının ayrılmaz tərkib hissəsi olan mənəvi dəyərlərin inkişafı və zənginləşdirilməsi əhəmiyyətlidir. Bu da ancaq demokratik yolla inkişaf etmiş dövlətlərdə öz həllini tapa bilər və mümkündür. Bunun üçün də demokratik dövlətlərdə ayrı-ayrı fərdlərin mənəvi dəyərlərin inkişafındakı fəaliyyət və yaradıcılıqlarına, onların qiymətləndirilməsinə diqqətlə yanaşılmalı, insanların həyatlarının və davranışlarının vacib mənəvi dəyərlərlə əlaqədar olması baxımından qorunmalı və təhlil olunmalıdır. Qeyd olunan milli dəyərlər milli sərvət olaraq xalqın malı hesab olunur. Bir xalqa məxsus milli sərvət başqa xalqda eyni səviyyədə inkişaf edə bilməz. Bir xalqa məxsus mənəvi dəyər o xalq üçün önəmlidirsə, başqa xalq üçün önəmli olmaya da bilər. Bunun üçün də hər bir xalqın mənəvi dəyərləri o xalqın sosial həyatında nə dərəcədə əhəmiyyətli olması daim təhlil olunmalı və daim araşdırılmalıdır.

Türk tədqiqatçılarından olan Ziya Göyalp bu barədə belə yazmışdır: “Böyük millətlərdən hər biri mədəniyyətlərin xüsusi bir sahəsində birinciliyə çatmışlar. Əski yunanlar estetikada, romalıları hüquqda, israililər və ərəblər dində, fransızlar ədəbiyyatda, almanlar musiqidə və metafizikada, türklər isə əxlaqda birinciliyi qazanmışlar. Türk tarixi başdan-başa əxlaq üstünlüklərinin sərgisidir. Türklərin məğlub-yenilməz millətlərə, onların milli və dini varlıqlarına dini və ictimai muhtariyyətlər verilməsi bu cür təqdirdən yüksəkdə durur. Ancaq bu yaxşılığın qarşısında

yenilmiş millətlər alicənab türklərdən aldıkları bu əlverişli vəziyyətləri türklərin əleyhinə çevirərək kaputiliyasiya adı verilən zəncirlərlə türkləri bağlamağa və boğmağa çalışdılar. Bu iki cür hərəkət iki tərəfin də əxlaq anlayışını (etikasını) göstərmək üçün son dərəcədə səciyyəvidir". (Göyalp Z. Türkçülüyn əsasları. Bakı, 1991, s. 113-114)

Onu da qeyd etmək lazımdır ki, Azərbaycan tarixən mənəvi və etik cəhətdən dünyanın ən zəngin ölkələrindən biri olmuşdur. Əbəs deyildir ki, özünün maddi nemətləri və təbii sərvətlərinin zənginliyi səbəbindən daim işğalçıların diqqətində olmuş, ölkəmizə dəfələrlə hücum olunmuş, itkilər vermiş, ancaq bununla belə öz mənəviyyatını, milli-mənəvi dəyərlərini qoruyub saxlamış, inkişaf etdirmiş, müasir səviyyəyə gətirib çatdırmışdır. Məhz bunun sayəsində mənəvi-millî dəyərlərimiz həm tarixi ənənəliyi həm də müasirliyi ilə xalqın sərvətinə çevrilmişdir. Qeyd edək ki, mənəvi sərvətlərimiz yalnız insanların və toplumun müəyyən sosial mədəni tələblərini deyil, həmçinin bir sosial varlıq kimi onların özünü təsdiqinin çox mühüm vasitəsidir.

Beləliklə, sosiologiyanın vəzifəsi insanların yaratmış olduğu dəyərləri araşdırıb təhlil etməkdən ibarətdir. Belə ki, həm də fərdi şüurun məhsulu olan dəyərlər də ictimai əhəmiyyət daşıyarsa, onlar da sosiologiyanın predmeti hesab edilə bilər.

Mənəvi dəyərlərin araşdırılması və genezisi, onun inkişaf mərhələlərinə dair ideyaların, elmi nəzəriyyələrin meydana çıxmasında və inkişafında E.Dürkeymin böyük rolu olmuşdur. Onu da açıqlamaq lazımdır ki, mədəni-mənəvi dəyərlərin məhz sosiologiya elminin tədqiqat obyektini olduğunu da bu böyük alim - Dürkheym öz tədqiqatlarında sübut etməyə çalışmışdır. Alimin sosiologizm ideyalarına söykənən fikirləri mədəni-mənəvi dəyərlərin mənbəyi hesab etdiyi ictimai şüur probleminə əhəmiyyət verdiyi aydın görünməkdədir. Böyük mütəfəkkir sosiologizm ideasının mahiyyətini açaraq xüsusi qeyd edir ki, bu cəmiyyətdə baş verən hadisə, proses və inkişafı fərqləndirən deyil, bir sıra sosial reallıqlardan-sosial faktlardan asılılığı olduğunu sübuta yetirir. Onu da qeyd etmək vacibdir ki, mədəni-mənəvi dəyərlər ayrı-ayrı fərdlərdən deyil, sosial faktor kimi mövcud olurlar. (Dürkneym E. О природе социального феномена. М, 1969, стр 421)

Buraya kənardan təsir edən bütün vasitələr daxildir. E.Dürkheymın fikrincə mənəvi dəyərlərin - mədəniyyət, din, adət- ənənələr, əxlaq, davranış normaları, hüquq və cəmiyyət tərəfindən qəbul edilmiş digər, norma və dəyərlər o cümlədən, kollektiv adətlər, ənənələr və davranış qaydaları daxildir. Böyük mütəfəkkir mənəvi dəyərlərin- mədəniyyət, din,

adət- ənənələr, əxlaq, davranış normaları, hüquq və cəmiyyət tərəfindən qəbul edilmiş digər norma və dəyərlərin rolunu tədqiq etməyə çalışmış, onların yerinə yetirdiyi sosial funksiyaları dərinlən araşdırmışdır.

Onun fikrincə mədəni-mənəvi dəyərlərin mahiyyətini onun kollektivçilik məzmununda axtarmaq lazımdır. Belə qənaətə gəlmək olar ki, mənəvi dəyərlərin biri olan dinin mahiyyətini də kollektiv şüurun məhsulu olduğunu düşünmək olar. Onun bu fikirlərində maddi və mənəvi dəyərlərin yaşaması və xalqın mənəviyyatına daxil olması üçün cəmiyyətin ictimai rəyindən də asılıdır. O dəyərlər ki, cəmiyyətin ictimai rəyində özünə yer tapır, daha doğrusu insanların mənəviyyatında müsbət yer qazanır, heç bir qadağa və qanunlar onun yaşamasına mane ola bilməz. Məhz., ən qədim adət-ənənələrimiz milli dəyərlərimiz olan “Novruz” adət-ənənələri sovetlər dönəmində də xalq həmişə öz adət-ənənələrini qeyd etmiş və heç vaxt unutmamışdır. Milli mənəvi dəyərlərin şəxsiyyətin mənəviyyatının formalaşmasında rolundan bəhs edərkən onun praktiki əhəmiyyətini qeyd etmək vacibdir. Dəyərlərin mənimsənilməsində şəxsiyyətin formalaşması üçün cəmiyyətin ictimai rəyinin əhəmiyyəti mühümdür.

Əgər biz özünə və başqalarına hörmət edən yetkin bir şəxsiyyət olmaq istəyiriksə bizim əxlaq səviyyəmiz böyük əhəmiyyət kəsb edir. Məsələn, özünə hörmət əxlaq və onun inkişaf səviyyəsi ilə əlaqədardır. Əgər biz özümüz özümüzü düzgün başa düşürüksə və ətrafımızdakılarla qarşılıqlı münasibətlərdəki həll edilməz problemlər bizə əzab vermirsə, biz daha azad şəkildə qərarlar qəbul edə biləcəyik və belə də bizim qərarlarımız qorxudan, yaxud özümüzə inamsızlıqdan yox, ancaq bizim mənəvi dəyərlər sistemindən asılı olacaqdır. Biz ancaq bu yolla başqalarının da hörmət etdiyi və qiymətləndirdiyi bir şəxsiyyət ola bilərik.

Nə qədər ki, biz öz gündəlik əməllərimizin, qərar və söylərimizin mənasını dərk etməmişik, biz həyatda gözü bağlı səyahət edəcəyik. Biz hamımız həyatımızın müəyyən bir anında bəzən bir adama, bəzən də başqa bir adama oxşamaq istəyirik. Bu bizim üçün davranış meyarı olur. Amma neçə dəfələrlə olur ki, hörmət etdiyimiz və valeh olduğumuz həmin adamlar bizim onlar haqqında təsəvvürlərimizi doğrultmur. Buna görə də biz həm özümüzün və başqalarının nöqsan və zəifliklərini görməyə qadir olmalıyıq. Bu zaman bizim həyat anlamımız alt-üst olur, sədaqət və təmizlik gördüyümüz bir yerdə birdən riyakarlıq və yalan görürük. Bu da bir zaman bizim üstünlük verdiyimiz xasiyyətimizə güclü təsir göstərir və bu hisslər bir müddət bizi tərk etmir.

Elmin inkişafı və yeni biliklərin meydana çıxması bir çox cəhətdən

bizim həyatımızı müəyyən edir və hərəkətlərimizə təsir göstərir. Bu prinsiplərin özü bizim mənəvi sağlamlığımıza, xoşbəxtlik və rifahımıza da aiddir. Əgər biz mənən və psixoloji cəhətdən sağlam və yetkin şəxsiyyətlər olmaq istəyiriksə öz daxili aləmimizi və insani münasibətlər aləmini bilməyimiz vacibdir. Beləki, mənəviyyat qanunlarının təsiri labüddür. Bununla biz mənəviyyatsızlığımız üzündən özümüzə və başqalarına mənəvi zərər vura bilərik. Bəzən bu mənəvi yaraları müalicə etmək olur, bəzən də bu psixoloji halı qaldırmaq mümkün olmur. Alınmış mənəvi sarsıntı həmişəlik bizimlə qalır. Beləliklə, varlığın müəyyən qanunları vardır ki, bunlar ya bizim ahəngdar inkişafımıza kömək edir, ya da əksinə bizim şəxsiyyətimizin pozulmasına gətirib çıxarır. Həm də bizim bu qanunları dəyişdirmək istəyi sadələvh olar. Necə ki, biz təbiətin qanunlarına müvafiq şəkildə yaşayırıq, o halda sağlam ola bilərik. Belə ki, şəxsiyyətimizin bütövlüyünü ancaq müəyyən əxlaqı prinsiplərə- mənəvi gerçəkliyin qanunlarına riayət etdiyimiz halda hiss edəcəyik. Biz mənəvi-əxlaqı qanunları da başqalarının təcrübəsi, özümüzü şəxsən təcrübədən keçirmək yolu ilə öyrənə bilərik.

Bunu da deyə bilərik ki, mənəviyyat üç əsasa söykənir: İnsanın mənəvi saflığı və onun əxlaqi təmizlik, fiziki kamilliyi özündə birləşdirməsi, insanlar arasında ahəngdar əlaqə və sülh, insan həyatının məqsədidir. Həm də insanlar başa düşürlər ki, sabitlik yaxşılığın xüsusiyyətidir.

Şübhə yoxdur ki, mənəvi dəyərlər naminə həyat həm də insanın öz mənəvi tələbatını ödəmək hesabına sevinc tapmaq meylini də ehtivah edir. Başqa sözlə desək, mənəvi dəyərlər naminə həyat başqalarına yardım etməyə hazır olan bir insanın həyatıdır. Bu cür həyat keçirən insan başqaları üçün yaşayır, özünün xoşbəxtliyini bunda görür.

Amma insanların çoxu mənəvi olana nisbətən maddi olana üstünlük verir, daha doğrusu, belələrinə görə, başlıca məqsəd maddi rifahdır, həqiqət, gözəllik, yaxşılıq və s. bu məqsədə çatmaq üçün vasitədir. Çox vaxt sevgi, bilik, yaxşı işlər və gözəllik insanın xudbin mənafeyinin həyata keçməsinə xidmət edir. Biz yaxşı işlər, təmənnəsiz əməllər gördükdə ruhumuz yaxşılıq ünsürləri ilə dolur, bu isə onun artmasına və inkişaf etməsinə kömək edir. Elə buna görə də, biz yaxşı bir iş görəndə özümüzü yaxşı hiss edirik. Digər tərəfdən daima xudbin fikir bizim mənəvi zəifləməyimizə səbəb olacaqdır. Belədə insanın xasiyyəti get-gedə pisləşir. Bizim xasiyyətimizi əməllərimiz formalaşdırır. Düşünməliyik ki, necə əsl məhəbbətə layiq insan olaq.

Məşhur filosof Konfutsi, yaxud Sokrat, Nizami kimi adamları tanıyır

və bilirik ki, biz necə düzgün hərəkət etmək lazım olduğunu bilmirik. Elə iş olur ki, yəni, elə hərəkət edirik ki, sonra onun peşmançılığını çəkirik. Qəlbimizin dərinliyində hiss edirik ki, biz düzgün və ya yanlış hərəkət etmişik. Eyni zamanda biz mənəvi və əxlaqi baxımdan yüksək səviyyəli ədəbiyyatı öyrənməklə vicdanımızı inkişaf etdirə bilərik. Bizim qəlbimiz təbiəti etibarlı ilə həqiqətə meyl edir və biz doğru bir şey oxuyanda, bu bizim qəlbimizdə əks-səda tapır, biz oxuduğumuza biganə qala bilmirik.

Beləliklə, deyə bilərik ki, vicdan bizə bu və ya digər şəraitdə nəyin düzgün olduğunu anlamaqda kömək edir: bu anlama müvafiq olaraq hərəkət etməyimizi bizdən tələb edir. Hansısa bir hərəkətin düzgün olub-olmadığını müəyyən edən qərarı verməkdə bizə köməkçi olur. Kiminsə göstərişlərinə kor-koranə yanaşmamaqda bizə yardımçı olur. Belə ki, vicdanı inkişaf etdirmək üçün də eləcə vaxt, düşüncə və qətiyyət lazımdır.

İnsanın mənəvi dəyərlərindən biri olan düzlük insanın özünə və başqalarına həqiqəti demək, bəzən çətin olsa da, hadisə və işlərin gerçək vəziyyətini olduğu kimi bildirmək nəzərdə tutulur. Düzlük, doğruluğa, haqqa, vicdana səmimi tapınmaqdır. Düzlük cəmiyyətin və insanlar arasında yaxşı münasibətlərin əsasıdır. Hamı istəyir ki, bir-birlərinə həqiqəti deyərk. Təsəvvür edin ki, ailədə, uşaqların gözü qarşısında ata və ana bir birilərinə yalan deyirlər. Bu ailənin vəziyyəti necə olacaqdır?

Həmişə doğru danışmaq çətin olsa da, bilməlisən ki, ən kiçik yalan belə münasibətlərə təsir göstərə bilər. Bəziləri həqiqəti eşitməyi xoşlamırlar, deyirlər ki, bu cür gerçəkliyi bilmək insana bədbəxtlik gətirir. Gerçək vəziyyət haqqında həqiqəti bilmək belələrinə ağır gəlir. Düzlük insani ləyaqətdir. Biz həmişə özümüzə ən yaxın adamlarımız arasında düzlük və etibar səviyyəsi barəsində həmişə fikirləşmişik. Hər bir şəxs üçün bu çox əhəmiyyətlidir. Təsəvvür edin ki, sevdiniz və yaxınlarınız ciddi bir məsələdə sizə yalan desəydi, özünüzü necə hiss edərdiniz?

İnsanların əksəriyyəti düzlüyü yüksək qiymətləndirir. Heç kəs istəmir ki, ona yalan desinlər. Qarşılıqlı inam və etibar əsasında qurulan münasibətlər hər cür imtahandan çıxıb bilər. Düzlük həm düz olmaq niyyətini, həm də həqiqətə meylli özündə birləşdirir. Düzlük elə bil təməldir ki, onun üzərində yaxşı münasibətlər qurula bilər. İnsanlar arasında etibar olanda onlar özlərini sərbəst ifadə edə bilirlər və belə düz və təmiz olmaq onlar üçün asan olur. Münasibətlər çox vaxt xırda yalandan sonra pisləşməyə başlayır. Əgər bir nəfər Sizə yalan deyibsə, yaxud Sizi başqa yolla aldadıbsa, Siz həmişə ürəyinizdə onun səmimiyyətinə şübhə edəcəksiniz. Düzlük və təmizlik bizə haradansa kənardan gəlmir, bizim öz daxilimizdən başlanır. Öz fikir və hisslərimizi

dərk etmək bacarığı başqalarını başa düşməyin, düz olmağın birinci pilləsidir. İnsanın düz olması həm də onun əsl niyyətini dərk etməsini nəzərdə tutur. Bəhs edilən bu kimi mənəvi dəyərlər insan şəxsiyyətinin formalaşmasının ən mühüm əsası hesab edilir.

3. Kütləvi mədəniyyət anlayışı

Elmi texniki tərəqqi və kütləvi informasiya kütləvi mədəniyyət anlayışına tamam yeni çalar verdi. Kanadalı sosial M.Maklün özünün “Qutenberqin qalaktikası”, “Mədəniyyət bizim işimizdir” əsərlərində gəldiyi qənaət deyiləm fikrin təsdiqidir. Sosioloqun fikrincə kütləvi kommunikasiya vasitələri yeni tip mədəniyyət yaradır. Çağdaş kütləvi informasiya vasitələrinin “qlobal kənd” yaratdığı qənaətinə gələn M.Maklün o vasitələrin “yeni sürü adamı”nı tərbiyə etdiyini və onun mifini elektron informasiya vasitələri yaratdığını söyləyir. Bu baxımdan bədii yaradıcılığın başlıca funksiyasının reallıqdan uzaqlaşdırma olduğunu düşünür. Reallıq dedikdə həyat həqiqəti, yeni gerçəklik və çağdaş insanı əhatə edən sosial, ekoloji, mənəvi problemlər nəzərdə tutulur. Kütləvi mədəniyyətin və onun yayıcıları bilavasitə insanı bu acı gerçəklikdən ayırmağa, onu əyləndirməyə, “ mif”- qəhrəmanlara inanmağa sövq edir. Burada vaxtın səmərəli keçirilməsi ilə yanaşı, həm də yorğun halda işdən və qayğılardan qayıtmış adamı sabaha yeni enerji ilə, inamla yükləmək vəzifəsi önə durur.

Hazırda postmodernist adlandırdığımız insan eyni əhvala köklənib. Bəzi dünya kulturoloqları bu hadisəni bəşəriyyətin uğuru adlandırırlar. Onların fikrincə yalnız bu cür, terrordan, müharibələrdən, sərhədlərdən xilas olmaq olar və “kosmopolit insan” konsepsiyasının aradan qalxmasından sonra öz kökəninə və adətlərinə sadiq “sürü insan” anlayışı, bəşəriyyətin “qızıl dönməni” doğura bilər.

Kütləvi mədəniyyətin sosioloji tərəfdən cəmiyyətin biçimlənməsində başlıca rolu oynaması artıq danılmaz gerçəklikdir. Xalqın və millətin biçimlənməsində kütləvi mədəniyyətin yerinin izahı danılmazdır. Kütləvi mədəniyyətinin həmçinin “sürü insan” tipinin də yaradıcısıdır və bu fikrin davamı kimi cəmiyyətdə oynadığı digər başlıca rolunu qeyd etmək istərdik. Artıq bir çox sosioloqlar və kulturoloqlar kütləvi mədəniyyətin yeni ictimai təbəqəni biçimləşdirdiyini söyləyirlər. “Orta təbəqə” adlanan bu təbəqə, hazırda dünyada sənayeləşmiş həyatın əsas dayaqını təşkil edir. Fransız filosofu və sosioloqu E.Morenin “Zamanın ruhu” kitabında o təbəqənin formalaşması və mədəniyyət sahəsində tutduğu yer geniş izahını tapıb. Bu termin onun fəlsəfəsində və sosiologiyasında mühüm yer tutur. Məhz kütləvi mədəniyyəti də bu qədər populyar edən elə bu

təbəqə oldu. Əgər praktikada baxsaq, həqiqətən kütləvi mədəniyyətin istehlakçısı olan adamların maddi durumu kimi maraqlar dərhal üzə çıxır. “Orta təbəqə” anlayışının cəmiyyətdə çoxluğu, xüsusən də inkişaf etmiş ölkələrdə əhalinin 90 %-ni təşkil edir. İqtisadi baxımdan nə varlı, nə də yoxsul olan bu təbəqə gündəlik normal yaşayışının təmin edəcək qədər qazanır. Mənəvi cəhətdən orta təbəqədə olanlar ali təhsilli və ya peşəkar sənətkarlar olur ki, onlar da dediyimiz qayğılarla əhatə olunurlar. Bu təbəqəyə aid olanlar tez bir zamanda tamaşaçıya çevrilə bilirlər. Seriallara, məzmun-ideya yükü daşımayan filmlərə, şou proqramları seyr edən, büdcələrinə uyğun rəsm əsərlərini alan insanlar “orta təbəqənin” nümayəndələridir. Kütləvi mədəniyyətin doğurduğu bu kütlə onun diktəsi və yaşam tərzilə yaşasa da, mədəniyyət məhz ondan istifadə edənlərin zövqünə uyğunlaşır və qoyduğu tələblərlə mövcud olur. Burada bir məntiq və zəncirvari bağlılıq yaranır. Bu bağlılıq çağdaş cəmiyyətin hərəkətverici qüvvəsidir. Bütün yeniliklər, zövqlər, maraqlar bu bağlılığın içində yaranır, populyarlaşır və köhnəlir. Bazara yiyələnmək və daha çox tamaşaçı-istehlakçı yığmaq naminə rəqabət yaranır ki, bu da kütləvi mədəniyyətin inkişafını, texniki-yaradıcı yüksəlişini, yenilikçilik meyillərini stimullaşdırır.

Ölkəmizdə mütəmadi keçirilən mədəni tədbirlər insanların şüurlarının formalaşmasında mühüm əhəmiyyət kəsb edir. Belə ki, “H.Əliyev fondunun” və Mədəniyyət Nazirliyinin 20 il ərzində keçirdiyi “Muğam müsabiqəsi” milli dəyərlərimizin qorunub saxlanmasında və inkişafında mühüm əhəmiyyət kəsb edir. Hazırda bu günlərdə 9-cü “Muğam müsabiqəsi” keçirilir və orada həm qızlar, həm də oğlanlar öz istedadlarını göstərir.

Nəticə

Məqalədə bəhs edilən stereotiplərin tədricən aradan qaldırılması problemi qloballaşma şəraitində dəyərlərin aktuallaşması prosesi də özünü hər yerdə qabarıq şəkildə göstərir. Xalqların müasir dövrdə bir-birinə ineqrasiyası şəraitində dəyərlərin qorunub saxlanması nəsildən-nəsilə ötürülməsi gənclərin tərbiyyəsində ən mühüm amillərdən biridir. Şərq və Qərb milli-mənəvi dəyərlərin qorunub saxlanması məqalədə araşdırılmış, təhlil olunmuşdur. Eyni zamanda məqalənin bu səpgidə yazılmış tədqiqat əsərlərinə istinad olunması nəticədə işin əhəmiyyətini, işdə problemin təhlilini sosial-fəlsəfi aspektdə analiz edir. Beləliklə, məqalədə stereotiplərin aradan qaldırılması, mənəvi dəyərlərin sosial

həyatımız üçün labüd olduğu təhlil olunur və mənəvi dəyərlərin mahiyyəti araşdırılır. Tədqiqatdan belə nəticəyə gəlmək mümkündür ki, insanların mənəviyyəti, əxlaq normaları və baxışları ilə bağlı olan milli-mənəvi dəyərlərin yaradıcısı xalqdır. Kütləvi mədəni tədbirlərin keçirilməsi mənəvi dəyərlərin insanı cəmiyyətdə formalaşdıran, inkişafa kömək edən davranış qaydalarına təsir edir. Bu qaydalar dünya sivilizasiyanın təməli qoyulanda başlamışdır. Dünya xalqları arasında tanınan milli-mənəvi dəyərlərimiz təbliğ etdiyi bəşəri ideyalar, adət-ənənələri, milli xüsusiyyətləri ilə özünə məxsus yer tutur. Qədim köklərə malik Azərbaycan əsrlər boyu maddi və mənəvi xəzinəsini, mədəniyyətini qoruyub saxlaya bilmişdir. Bu da, stereotiplərin müasir sosial həyatımızda təsəirini azaltmışdır.

Açar sözlər: dəyər, ənənə, mənəviyyət, stereotip, kütləvi mədəniyyət.

Ədəbiyyat:

1. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., Республика 1994, с. 29
2. Rüstəmov Y. Tarix zaman daxilində insan reallığı. (K.Yaspers) Bakı, “Təknur”, 2009, 126 səh.
3. Sabir M.Ə. “Hohhohnamə”, Bakı, “Qanun” jurnalı, 2012
4. Abbasov Ə. Milli fəlsəfə. Azərnəşr, 2019, səh 11 (ön söz)
5. Göyalp Z. Türkçiliyin əsasları, Bakı 1991
6. Дюркгейм Э. О природе социального феномена м, 1969, стр 421

References:

1. Yaspers K. Smysl i naznachenie istorii. M.. Respublika 1994. s. 29.
2. Rustamov Y. Tarix zaman daxilinde insan realligi. (K.Yaspers) Bakı. “Taknur”. 2009. 126 sah.
3. Sabir M.A. “Hohhohname”. Baki. “Qanun” jurnali. 2012
4. Abbasov A. Milli felsefe. Azarneshr. 2019. sah 11 (on soz)
5. Goyalp Z. Turkchiliyin asaslari. Baki 1991
6. Dyurkgeym E. O prirode sotsialnogo fenomena m. 1969. S. 421

Tünzalə Mirheydər qızı Əliyeva
AMEA Fəlsəfə və Sosiologiya İnstitutu Müasir Fəlsəfə problemləri
şöbəsinin elmi işçisi, Azərbaycan, Bakı, H.Cavid pr., 31, AZ 1073
e-mail: tunza78@yandex.com
<https://orcid.org/0009-0000-3289-6575>

MÜASİR DÜNYADA DİN SOSİALLAŞMAYA ÖZ TƏSİRİNİ QORUYURMU?

Xülasə

Məqalənin məqsədi. Məqalə çox aktual bir mövzuya həsr olunub: dünya səmavi və qeyri-səmavi dinləri haqqında məlumat verilir.

Mövzunun inkişaf dərəcəsi: məqalənin sonunda bibliografiyaya baxın.

Tədqiqat metodları və metodologiyası: məqalədə sistemli bir yanaşma, tarixi, məntiqi əsaslandırıcı analiz metodlarından istifadə edilmişdir.

Tədqiqatın yeniliyi: Ən başlıcası, din insanın sosial statusunu müəyyən edir. Din insanın dünya baxışı, mədəniyyəti, varlığıdır. Din insanın bu dünyada meyarındır. Dinin sosiallaşma aspektini araşdırsaq, görmək olar ki, din həyat tərzidir, Din cəmiyyətin əxlaqi-mənəvi dəyərlərinin ayrılmaz hissəsidir. Din kommunikasiya yaradır, ortam yaradır, birlik yaradır.

Nəticə: Dinlərin hərəsinin öz qanunauyğunluqları vardır. Bu dinlər içərisində seçilən böyük dinlər vardır ki, bunlardan biri də İslam, Xristianlıq və Yəhudilik dinləridir. Dinlər insanlar arasında mehribanlıq, qardaşlıq, insani dəyərlər kimi prinsiplərə xidmət edir.

İndiki rəqəmsal dövrümüzdə dinə münasibət həm pozitiv, həm müsbət, həm də mübahisəlidir.

Açar sözlər: din, sosiallaşma, sekulyarlaşma, dini dəyərlər

УДК – 101.1

Тунзала Миргейдар гызы Алиева
Научный сотрудник отдела современных философских проблем
Института философии и социологии НАНА,
Азербайджан, Баку, пр. Гусейна Джавида, 31, AZ 1073
e-mail: tunza78@yandex.com

СОХРАНЯЕТ ЛИ РЕЛИГИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ СВОЕ ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛИЗАЦИЮ?

Резюме

Статья посвящена весьма актуальной теме. В ней представлена информация о мировых религиях — авраамических и неавраамических. Каждая из этих религий имеет свои закономерности. Среди них особенно выделяются три великие религии: ислам, христианство и иудаизм. Религии служат принципам добрососедства, братства, гуманистических ценностей.

Цель статьи. Прежде всего, религия определяет социальный статус человека. Религия — это твой взгляд на мир, твоя культура, твоя сущность. Да, религия — это твоя мера в этом мире. Если рассматривать религию с точки зрения социализации, становится очевидным, что религия — это образ жизни, она является неотъемлемой частью морально-нравственных ценностей общества. Религия создает коммуникацию, среду, единство. В нашу цифровую эпоху отношение к религии может быть как позитивным, так и критическим, даже спорным.

Метод исследования. Религия — это божественная система веры, предназначенная для приведения человека к счастью в этом и в потустороннем мирах. В мире существует более 124 религий. Они делятся на авраамические и неавраамические. Неавраамические религии (буддизм, шаманизм, джайнизм и др.) — это религии, возникшие по воле человека для достижения определённых целей. Сегодня в мире широко распространены три великие авраамические религии: ислам, христианство и иудаизм. Все они учат, что Бог един. Согласно всем трём религиям, все существа в мире были созданы Богом. У этих религий есть общие ценности. Они проповедуют принципы единства, добрососедства, братства и общечеловеческих ценностей.

Можно сказать, что религия определяет социальный статус человека в обществе. Если назвать религию академией или институтом — это не будет ошибкой. Человек, глубоко знающий религиозную идеологию, становится тем, кто уже нашёл себя в жизни.

Научная новизна. Религия — это важнейшее понятие, играющее

ключевую роль в формировании личности. Религия — это твой взгляд, твоя нравственность, твоя культура, твоя сущность. Для того чтобы говорить о религии в широком смысле, прежде всего необходимо определить подход.

Если мы говорим о религии или религиях в современном мире, то обязательно должны определить нашу методологию. Основные принципы религиозного подхода таковы:

1. Религия играет важную роль в формировании личности и самопрезентации человека.
2. Религия — средство объединения и социализации людей.
3. Религия влияет на множество аспектов жизни: на семью, образование, политику и т.д.
4. Религия играет важную роль в межкультурных связях.
5. Религиозные убеждения каждого народа основываются на его национальных ценностях.

Вывод. Можно сказать, что в цифровую эпоху религия попала под влияние интернет-платформ и социальных сетей, что позволило ей охватить более широкую аудиторию. Люди получают информацию о религии через интернет, участвуют в различных религиозных обсуждениях и даже подключаются к религиозным мероприятиям онлайн.

Отрицательная сторона этого заключается в том, что усиливается принцип индивидуализации, распространяются различные подходы и формы религиозного опыта, что нередко вызывает путаницу в обществе.

Религия, как в прошлом, так и в настоящем, сохраняет своё значение в общественном восприятии. На неё оказывают влияние научно-технический прогресс, социальные трансформации и глобализация.

На основании изложенного в статье можно заключить, что религия играет важную роль как в индивидуальных установках, так и в общественной жизни — в деле солидарности, единства, этического поведения и морально-нравственных ценностей.

Ключевые слова: религия, социализация, секуляризация, религиозные ценности.

Tunzala Aliyeva

Research Fellow, Department of Contemporary Philosophical Problems
Institute of Philosophy and Sociology, Azerbaijan National Academy of
Sciences

H. Javid Avenue, 31, Baku, Azerbaijan, AZ 1073

e-mail: tunza78@yandex.com

<https://orcid.org/0009-0000-3289-6575>

DOES RELIGION STILL INFLUENCE SOCIALIZATION IN THE MODERN WORLD?

Abstract

Purpose of the article: This article is devoted to a highly relevant topic and provides information about both Abrahamic and non-Abrahamic world religions.

Degree of topic development: See the bibliography at the end of the article.

Methods and methodology: The article applies a systematic approach and uses methods of historical and logical analysis.

Scientific novelty: First and foremost, religion defines a person's social status. It shapes one's worldview, culture, and essence. Religion is a measure of a person in this world. When viewed in the context of socialization, it becomes evident that religion is a way of life. It is an integral part of the moral and ethical values of society. Religion creates communication, environment, and unity.

Conclusions: Each religion follows its own internal logic. Among them, monotheistic religions — Islam, Christianity, and Judaism — stand out in particular. Religions serve the principles of neighborliness, brotherhood, and humanistic values.

In our current digital age, attitudes toward religion can be both positive and critical, and at times, controversial.

Keywords: religion, socialization, secularization, religious values.

İlk öncə dinin insan həyatındakı roluna nəzər yetirək. Din, insanın bir çox ehtiyaclarının, ruhunun, düşüncəsinin formalaşmasında böyük təsir qüvvəsinə malikdir. Bu nə zaman baş verir? Fikir verin, insan çətinliklərlə üzləşdikdə, hətta intihar etməyə çalışdıqda belə üzünü Allaha tutur, ondan kömək istəyir. İnsan daxili səssizliyə ehtiyac duyanda, tək

qalmaq istəyəndə, cəmiyyətdən, insanlardan qaçanda Allaha pənah aparır, onunla dərdləşir.

Buradan belə çıxır ki, insan kamillik yolunu dində tapır. Din insan şəxsiyyətinin formalaşmasında mühüm rol oynayır. Ən Ali dəyərlərin cəmləşdiyi məkan dindir. Din mənəvi və əxlaqi dəyərlərin mərkəzidir, tərbiyə sistemidir. Dinin insana aşılacağı bu xüsusiyyətlərin sayəsində insanı sağlam düşüncəyə və kamil insana çevirir, cəmiyyətdə layiqli yer tutmasına vəsilə olur.

Yuxarıda qeyd etdiyimiz açıqlamalar Din və İnsan aspektində idi. İndi ikinci mərhələdə dinin cəmiyyət və dövlət üzərindən qarşılıqlı münasibətinə aydınlıq gətirək. Bütün söylədiklərimiz fərdi kontekstdə idi. Dövlət və cəmiyyət məsələsində dinə münasibət kütləvi xarakter alır. Din cəmiyyətin formalaşmasında da öz əhəmiyyətli təsirini göstərir.

Hamımıza yaxşı məlumdur ki, tarix boyu din cəmiyyət üçün bünövrə, dayaq olmuşdur. Cəmiyyət dinin ortaya qoyduğu prinsiplərə söykənərək inkişaf etmişdir. Burada deyə bilərik ki, din sosiallaşmaya öz güclü təsirini göstərmişdir. Hələ də göstərir və göstərərək qorumaqda davam edir. Din həmrəylik məsələsində də kənarda qalmır. Cəmiyyətdə dini bayramlar həmrəylik, dostluq-qardaşlıq şəraitində qeyd olunur, dini ənənələr, dini mərasimlər insanları kollektiv birliyə toplayır. Din sosial bağları möhkəmləndirir. Dövlətin münasibəti məsələsinə gəldikdə isə bu bir az fərqlənir və müxtəlif modellərlə tənzimlənir. Fərqli ölkələrdə fərqli münasibət vardır. Fikir versək görərik ki, bəzi ölkələrdə dövlətlə din arasında əlaqə var, qarşılıqlı anlaşma var, bəzi ölkələrdə isə bu laiklik prinsipi üzərində qurulur. Dinin həddindən artıq dövlət işlərinə qarışması zorakılıq halına gətirib çıxarır.

Dini plüralizm deyilən prinsip var. Bu bir cəmiyyətdə müxtəlif dinlərin yanaşı mövcudluğu məsələsidir. Multikulturalizm və tolerantlıq cəmiyyətin inkişafına əsaslı təsir göstərir. Tolerant mühitdə dinlərarası dialoq, əlaqə cəmiyyətin inkişafında qarşılıqlı anlaşmanı ön plana çəkir. Bu gələcəkdə baş verə biləcək hər hansı qarşıdurmanın qarşısını almağa kömək edəcək. Bu gələcəkdə baş verə biləcək hər hansı qarşıdurmanın qarşısını almağa kömək edəcək.

Üçüncü əsas məsələ kimi, çağırışlara münasibətin üzərində dayanaq. İnsan həyatının bir çox illərində inkişaf gedir, dəyişiklər olur. Bu dəyişikliklər fonunda dinə nəzər salsaq, görərik ki, cəmiyyətdə cavabı olmayan suallar çoxdur. Elm və texnika nə qədər inkişaf etsə də, rəqəmsal dövrdə yaşasaq da, hələ də cəmiyyətdə cavabı tapılmayan suallar, məsələlər var ki, bizi narahat edir. İnsanlar bu suallara görə

özlərini narahat hiss etdikdə, yenidən öz inanclarına qayıdır, dinin verdiyi huzurda rahatlıq tapır, düz yola qayıdirlar.

Eyni zamanda da, dəyişən dünyada qloballaşma prosesi dinin qarşılaşdığı məsələlərdəndir. Eyni cəmiyyətdə tolerant mühitdə yaşamağa məhkum insanlar müxtəlif dinlərə sahib olsalar da, dözümlülük göstərir, empati edir, qarşılıqlı anlaşmanı zərurətə çevirirlər. Dinlərarası dialoq həm də cəmiyyətdə sülhü qoruyur, vətəndaşlar arasında həmrəylik yaradır, fərqli mədəniyyətlərin birgə əməkdaşlığına töhfə verir.

İndiki rəqəmsal dövrdə, internet əsrində bu, özünün ən yüksək mərhələsinə çatmışdır. Sosial medianın sürətli inkişafı dini biliklərin tez və geniş yayılmasına şərait yaradır. Dini biliklərin, dini məlumatların asan və tez əldə olunmasının müsbət tərəfləri olduğu kimi, mənfi tərəfləri də var. Bu, dini məlumatlar çox vaxt düzgün mənbələrdən qaynaqlanmır, radikal ideyaların yayılmasına səbəb olur. Ona görə də dini maarifləndirmə ciddi nəzarət altında olmalıdır. Dövlətin məsələyə müntəzəm müdaxiləsi olmalıdır ki, yan təsirlər və mövqeyini yeridə bilməsin.

Din mühüm dəyərləri əhatə edən böyük bir institutdur. Bizə görə Din dünyada insanın nəfsinə sahib çıxma dərəcəsi meyardır. Din insanın inancıdır. Kimin inancı yürsəkdirsə onun şəxsiyyəti, özünə hörməti, ətrafdakılara dəyəri də yüksəkdir. Bəli, DİN sənin bu dünyada meyardır. Din sənə əhatə edən cəmiyyətdə mövcud olan qaydaları formalaşdırmaq, insanlar arasında olan əlaqələri təşviq etmək, milli-əxlaqi dəyərlərimizi qorumaq, nəsildən-nəslə ötürmək üçün bir cığırddır. Bir yoldur. Bir nərdivandır. Bütün bunlar dərinədən dərk edərək, söyləyə bilərik ki, müasir dünyada din sosiallaşmaya öz təsirini daha çox göstərir (1).

Din və Sosiallaşma. Din üzərində araşdırma aparsaq, görürük ki, din ətrafında toplaşan insanlar üçün bir toplam mənası daşıyır, insanların öz hərəkətlərinin nəticələrini mühakimə edə biləcəkləri bir davranış qaydası formalaşdırır ki, bu da cəmiyyətə bir düşüncə sistemi verən anlayışdır.

Din kortəbii ibadət sistemi deyil. Daha çox həyat tərzidir. Din tarixin bütün dövrlərində cəmiyyətin əxlaqi-mənəvi dəyərlərinin ayrılmaz hissəsidir. Din burada güclü faktor rolunda çıxış edir. Lakin hazırki, müasir dövrümüzdə baş verən hadisələrdə rəşional və sekulyar yanaşmalara önəm verilir ki, bu da dinin sosiallaşmada rolunu sarsıdır.

Dinin müasir sosiallaşma prosesindəki təsirinə nəzər yetirsək bir çox məsələlərə aydınlıq gətirə bilərik. Gəlin bu məsələyə informasiya texnologiyaları aspektindən baxaq. Həzırki, dövrümüzdə sosial mediada dini söhbətlər, dissкусиyalar, debatlar çox geniş şəkil almışdır.

Bunların təsiridir ki, dinin sosiallaşmaya təsiri indiki dövrümüzdə hələ də qorunub saxlanılır və müxtəlif sahələrdə öz təsirini göstərir. Din birlik yaradır, kommunikasiya yaradır, ortam yaradır (2).

Ənənəvi genişləndirilmiş ailəyə nisbətən, nuklear ailənin həm funksiyalarında, həm də həcmində azalma meydana gəlmişdir. Müasir nuklear ailədə, qohum-əqrəbaların ailə fərdləri üzərindəki nəzarəti azalmışdır. Ailənin məskunlaşdığı yer, əsasən nə atanın, nə də ananın yaşayış yerindədir (neolokal). Evliliklərin əksəriyyəti, ənənəvi ailələrdən fərqli olaraq fərdlərin şəxsi seçimi ilə başlayır. Ailədə doğulacaq uşaqların sayma da, ər-arvad özləri qərar verir. Nuklear ailədə irsiyyət nə ata, nə də ana tərəfinə bağlıdır.

Din həyatın hər bir sahəsində, o cümlədən mədəni, siyasi, sosial, iqtisadi və digər sahələrdə təzahür etməkdədir. Din öz mənsublarını bir araya gətirərək, dindar cəmiyyəti yaradır. Dindar cəmiyyət dedikdə, dinə bağlı olan və dinin tələblərini yerinə yetirən qruplar nəzərdə tutulur. Sonrakı mərhələdə isə dinin insan həyatındakı funksiyası nəzərdən keçirilmişdir. Bu isə üç istiqamətdə – mədəniyyət olaraq din, kimlik olaraq din, ibadət olaraq din kimi təhlil edilmişdir. Beləliklə, aydın olur ki, din insan mövcud olan zamandan var olmuş və öz varlığını bugününüzə qədər davam etdirməkdədir.

Dinin sosiallaşmaya təsirinin bir çox səbəbləri var və bunlar müasir rəqəmsal dövrümüzdə çox əhəmiyyətli şəkildə təsdiqini tapmışdır (3,4).

Birinci səbəb budur ki, dinin qorunması ailə və tərbiyə kontekstində öz təsirini göstərir. Ailə daxilində olan əxlaqi dəyərlər din vasitəsilə ötürülür və fərdlərin bir şəxsiyyət kimi formalaşmasında tapır və bu fərdlərin sonradan cəmiyyət içindəki inkişafına da müsbət təsir edir. İkinci səbəb, Din insanların sosiallaşması, bir araya gəlməsi, düşüncə və fikirlərinin paylaşılması üçün bir məkan olaraq qalır. Üçüncü səbəb odur ki, yuxarıda dediyimiz səbəbin davamı olaraq, bir məslək ətrafında toplanan insanların həmrəyliyi əsasında başqalarına dəstək mühiti yaradılır (5).

Onu da söyləməliyik ki, müasir dövrümüzdə geniş vüsət almış sosiallaşma tarixən, zaman keçdikcə, dövrün tələblərinə uyğun olaraq dəyişir və bəzi cəmiyyətlərdə sekulyarlaşma (dünyaviləşmə) güclənir. Amma bununla belə, dinin sosiallaşmaya təsiri tamamilə itməyib, hələ də qorunub saxlanılır, mümkün qədər, sadəcə deformasiyalara uğrayaraq, yeni formatlara çevrilir (6).

Nəticə

Nəticəyə gəldiyimiz məsələ odur ki, sekulyar dini qruplar və hibrid dini yanaşmalara yol açır. Bəziləri, dinin ümumi qayda və prinsiplərini qəbul etsələr də, bunu fərqli şəkildə yaşayırlar. Daha bir qlobal əhəmiyyət daşıyan nəticəmiz odur ki, müasir dövrdə yeni dini qurumlar yaranıb ki, bunların əksəriyyəti müxtəlif fərdi təcrübələrə və məqsədlərə xidmət edir.

Bu araşdırmanı uzatmaq da olar. Son olaraq, gəldiyimiz nəticə budur ki, müasir rəqəmsal texnologiyalarla mövcud dövrümüzün dinə münasibəti həm pozitiv, həm müsbət, həm də mübahisəlidir. Amma dinin həyatımıza müdaxiləsi cəmiyyətin bir çox sahələri ilə güclü təsiri hələ də davam edir.

Din və dövlətin qarşılıqlı münasibətləri dinlərarası dialoq, müxtəlif mədəniyyətlərin bir araya gəlməsi müasir cəmiyyətimizdə dayanıqlı inkişaf və sosial ədalətin tərkib hissəsidir. Sağlam dini maarifləndirmə hər zaman cəmiyyətin ən vacib məsələsi kimi gündəmdə olmalıdır. Bu aspektdə təşfiqedicə layihələr, cəmiyyətdə sülhün qorunmasına hər zaman xidmət etməlidir. Buradan aydın olur ki, müasir dövrümüzdə insanların həyatında din mühüm rol oynayır.

Ədəbiyyat - References:

1. az.wikipedia.org/wiki/Din
2. [az.wikibooks.org/wiki/wikiuşaq.dünya dinləri.](http://az.wikibooks.org/wiki/wikiu%C5%99aq.d%C5%99nya_dinl%C4%99ri)
3. [Hit ps./journal.ait.edu.az/dzj/article/view](http://hit.ps./journal.ait.edu.az/dzj/article/view)
4. AMEA nəşrləri. Sosial elmlər seriyası.
5. Qurani-Kərim və hədislər.
6. Unver Gunay. Din Sosiologiyası. İnsan yayımları, 2001.

UOT-101.1

Xalidə Kamal qızı Nəzərova

AMEA Fəlsəfə və Sosiologiya İnstitutu, Elmi işçi

Ünvan: Azərbaycan Bakı, H.Cavid 31

E-mail: nezzerov.1972@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4792-8741A>

**SIYASI TƏBLİĞAT VƏ GƏNCLƏRİN SOSIALLAŞMASINA
TƏSİRİ**

Xülasə

Son illərdə Azərbaycan Respublikasında siyasi təbliğatın gənclərin həyatında, sosial funksiyalarında, sosial fəaliyyət formalarında müsbət anlamda xeyli dəyişmə və yeniləşmələrin baş verdiyi danılmaz bir gerçəkdir. Lakin bəzi gənclərin həyatında yabançı zövq və əyləncələrin, davranış normalarının müxtəlif təzahürləri onların gizli olaraq mövcud olan üstün əhvallarının təzahürü olduğuna və moda aludəçiliyinin kütləvi davranışının dinamik formalarına güclü təsir göstərdiyinə görə xüsusi narahatçılıq doğurur.

Məqalənin məqsədi:

Gənclərdə asudə vaxtların səmərəli təşkili onların təbii və mənəvi tələbatlarının ödənilməsinin mühüm və zəruri şərtidir. Belə imkanların genişliyinə baxmayaraq son illər bir çox gənclərdə incəsənətin klassik növlərinə -ədəbiyyat, kino, teatr, musiqi, təsviri incəsənət və s. maraq internet klublar, gecə barları və digər yüngül əyləncə yerləri ilə əvəz olunmuşdur. Belə gənclərin mənəvi

həyatındakı əyintilərin aradan qaldırılması, onların sağlam cəmiyyətə inteqrasiya olunması məsələləri ciddi elmi təhlil tələb edir. Sağlam inkişafetdirici mühit vasitəsilə sağlam həyat tərzini normalarının kiçik yaş dövründən başlayaraq uşaqların gündəlik həyat normasına çevirmək, əxlaqi əqidənin formalaşdırılması yolu ilə müasir Azərbaycan gəncliyinin cəmiyyəti narahat edən problemlərin həllinə nail olmaq olar.

Tədqiqat metodları və metodologiyası: Tədqiqat zamanı sistem yanaşma və müqayisəli təhlil metodlarından istifadə edilmişdir.

Elmi yenilik: Cəmiyyətdə öz rolunu dərinlən dərk edən Azərbaycan gəncləri bundan sonra da müstəqil respublikamızın tərəqqisinə, cəmiyyətimizin inkişafına böyük töhfələr verəcəkdir

Nəticə: Ölkə və xarici təhsil müəssisələrini bitirmiş gənc mütəxəssislərin Azərbaycanın bölgələrində işləməsinin təşviq edilməsi, bununla əlaqədar onlar üçün əlavə sosial dəstək mexanizmlərinin (ayrılan müavinətlərin və əməkhaqqına əlavələrin artırılması, xidməti mənzillərin ayrılması və s.) yaradılması və tətbiq edilməsi təmin ediləcəkdir.

Açar sözlər: gənc, siyasi, təbliğat, cəmiyyət

УДК-101.1

Халида Камал гызы Назарова

Институт философии и социологии НАНА,
научный сотрудник

Адрес: Азербайджан Баку, Н.Джавид 31

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛИЗАЦИЮ МОЛОДЕЖИ

Резюме

Неоспоримым фактом является то, что политическая пропаганда в Азербайджанской Республике в последние годы претерпела значительные изменения и обновления в положительном смысле в жизни молодежи, ее социальных функциях, формах социальной деятельности. Но особую озабоченность вызывает то, что в жизни некоторых молодых людей различные проявления диких удовольствий и развлечений, норм поведения являются проявлением их тайно существующего превосходного настроения и оказывают сильное влияние на динамичные формы массового поведения модных пристрастий.

Цель статьи: Эффективная организация досуга у молодежи является важным и необходимым условием удовлетворения их естественных и нравственных потребностей. Несмотря на широту таких возможностей, в последние годы многие молодые люди обращаются к классическим видам искусства-литературе, кино, театру, музыке, изобразительному искусству и т.д. интерес сменился интернет-клубами, ночными барами и другими легкими развлекательными заведениями. Нравственность такой молодежи вопросы преодоления жизненных перегибов, их интеграции в здоровое общество требуют серьезного научного анализа. Через здоровую развивающую среду можно добиться решения проблем, волнующих общество современной азербайджанской молодежи, путем превращения норм здорового образа жизни в норму повседневной жизни детей, начиная с раннего возраста, через формирование нравственных убеждений.

Методы и методология исследования: в ходе исследования использовались системный подход и методы сравнительного анализа.

Научная новизна: азербайджанская молодежь, глубоко осознающая свою роль в обществе, и впредь будет вносить большой вклад в прогресс нашей независимой республики, в развитие общества

Результаты: поощрение молодых специалистов, окончивших отечественные и зарубежные учебные заведения, к работе в регионах Азербайджана, в связи с чем для них предусмотрены дополнительные механизмы социальной поддержки (увеличение выделяемых пособий и надбавок к заработной плате, выделение служебного жилья и т.д.).) создание и применение будет обеспечено.

Ключевые слова: молодежь, политика, пропаганда, общество.

UDC-101.1

Khalida Nazarova

Researcher

Institute of Philosophy and Sociology of ANAS,
Azerbaijan Baku, H.Javid 31

E-mail: nezerov.1972@mail.ru

<https://ORCID.org/0000-0002-4792-8741A>

POLITICAL PROPAGANDA AND ITS IMPACT ON YOUTH SOCIALIZATION

Abstract

It is undeniable that political propaganda in the Republic of Azerbaijan in recent years has undergone significant changes and innovations in the life, social functions and forms of social activity of young people. But in the life of some young people, various manifestations of alien pleasures and entertainment, norms of behavior cause particular concern due to the fact that they are a manifestation of their secretly existing superior mood and strongly affect the dynamic forms of mass behavior of fashion addiction.

Purpose of the article. Effective organization of leisure time in young people is an important and necessary condition for meeting their natural and spiritual needs. Despite the wide range of such opportunities, in recent years, many young people have studied classical types of art - literature, cinema, theater, music, fine arts, etc., their interest has been replaced by in the internet clubs, night bars and other places of light entertainment. The moral of such youth the issues of overcoming the flaws in his life and their integration into a healthy society require serious scientific analysis. Through a healthy developing environment, it is possible to turn the norms of a healthy lifestyle into the norm of everyday life of children, starting from the early age, and to solve the problems of

modern Azerbaijani youth that concern society through the formation of moral convictions.

Research methods and metology. During the study, systems approach and comparative analysis methods were used.

Scientific novelty. The Azerbaijani young people, deeply understanding their role in society, will continue to make a great contribution to the progress of our independent republic and the development of our society

Results. Promotion of young specialists graduated from national and foreign educational institutions to work in the regions of Azerbaijan, for which additional social support mechanisms (increase of allocated benefits and wage supplements, allocation of service apartments, etc.) will be provided.

Keywords: young people, political, propaganda, society.

Giriş

Ötən əsrin sonunda bir sıra ölkələrdə ictimai-siyasi quruluş köklü dəyişikliklərə məruz qaldıqdan, bazar iqtisadiyyatına keçidlə bağlı ictimai münasibətlərə yeni baxış, sosial problemlərə yeni yanaşma formalaşmağa başladıqdan sonra ictimai şüurun müxtəlif formalarında ifadə olunan təsəvvürlər, məfhumlar sistemi - ideologiya ilə bağlı fikir və mülahizələr öz aktuallığını müəyyən dərəcədə itirmiş olsa da, bu gün, milli maraqlarına xüsusi önəm verən müstəqil dövlətlərin təşəkkül tapdığı dövrdə ideologiyanın və ideoloji tərbiyənin cəmiyyətin həyatında mühüm əhəmiyyət kəsb etdiyi danılmaz. Təlim-tərbiyə prosesində geniş istifadə olunan istənilən mədəniyyət əsəri (ədəbi əsər, təsviri sənət əsəri, film, televiziya verilişi və s.) gənc nəslin tərbiyə olunması və sosiallaşması işinə əhəmiyyətli dərəcədə təsir göstərmək imkanına malikdir. Bu cür imkan isə yalnız tərbiyə sistemi ilə ideoloji tərbiyə prosesinə təkcə müsbət deyil, həm də mənfi təsir göstərə biləcək sosiallaşma elementləri arasında tarazlığın təmin olunduğu halda yarana bilər. İdeoloji tərbiyə işinin keyfiyyəti gənc nəslin sosiallaşmasında mənfi ünsürlərin təsirinin azaldılmasından və tərbiyə olunma ilə sosiallaşma arasında həmahəngliyin nail olunmasından bilavsitə asılıdır. İctimai həyatda gənclər təşkilatlarının rolu dövlət siyasəti ilə getdikcə daha çox uzlaşır. Gənclik dövlət siyasətinin mahiyyətini olduğu kimi anlayır desək yanlışdır. Ekspertlər də bildirir ki, bu gün gənclər dövlətin onlarla bağlı yeritdiyi siyasətin mahiyyətini əsasən düzgün

anlayır və zaman keçdikcə bu istiqamətdə görülən daha böyük işlərin şahidi olduqca dövlətin yürütdüyü siyasəti daha çox bəyənir. Bilirik ki, Azərbaycan hakimiyyəti son illər gənclərə verdiyi önəmli bir qədər də artırır. Ümumilikdə, get-gedə bu istiqamətdə görülən işlər daha rəşional və dinamik xarakter daşıyır. Belə ki, Prezident İlham Əliyevin "Azərbaycan gəncliyi 2011-2015-ci illərdə Dövlət Proqramının təsdiq edilməsi haqqında" Sərəncamında əksini tapan müddəaların uğurlu icrası gənclər siyasətini daha da inkişaf etdirməyə, gənclərin işlə təminatına, sosial-iqtisadi problemlərinin həllinə öz müsbət təsirini göstərəcəkdir. Qeyd edək ki, ölkədə gənclər siyasətinin əsasını ulu öndər Heydər Əliyev qoyub. O, Azərbaycanın gələcəyinin gənclərə məxsus olduğunu önə çəkərək, yüksək ixtisaslı kadrların yetişdirilməsi istiqamətində mühüm addımlar atıb. Minlərlə gəncin keçmiş SSRİ-nin ən nüfuzlu ali məktəblərində təhsil almağa göndərilməsi məhz onun ölkəyə rəhbərlik etdiyi dövrdə olub. O, gənclərin qarşısında bir sıra vəzifələr qoyurdu ki, bunlardan ən ümduəsi ana dilinə hörmətlə yanaşılması, vətənpərvərlik ruhunda tərbiyə olunmaları idi. Gənclər siyasətilə bağlı elm, təhsil, mədəniyyət və digər sosial sahələrə yönələn fəaliyyətlərin stimullaşdırılması məqsədilə Gənclər Fondu yaradılıb. Ölkədə fəaliyyət göstərən qeyri-hökumət təşkilatlarının əksəriyyəti gənclərlə bağlıdır. Ümumiyyətlə, vətəndaş cəmiyyətinin bir tərkib hissəsi olaraq gənclər QHT-lərinin də cəmiyyətdə əsas rolu vətəndaşların tələbatının ödənilməsi istiqamətində onların öz potensial qüvvələrinin səfərbər edilməsindən, bu yöndə vətəndaş şüurunun artırılması və işlək mexanizmlərin formalaşdırılmasından ibarətdir. Dövlət tərəfindən gənclərə göstərilən yüksək diqqət və qayğı ildən-ilə artırılmaqdadır. Yüksək intellekti və bacarığı ilə seçilən gənclərin dövlət idarəetmə işlərinə cəlb olunması deyilənləri bir daha təsdiqləyir. Gənclər siyasətinin həyata keçirilməsində müasir informasiya-kommunikasiya texnologiyalarının tətbiqi gənclərlə işin səmərəsini artırmaqla yanaşı, onların informasiya cəmiyyətinə uyğunlaşmasına real zəmin yaradır.

Cəmiyyətin ən emosional, enerqetik təbəqəsi məhz gənclərdir. Bu baxımdan, maraq qrupları bu və digər məqsədlərlərlə hansısa bir ölkəyə, hansısa bir cəmiyyətə təsir etmək istədikdə məhz gənclərlə daha çox işləyirlər. Onlar gənclərin emosionallığından, pasionarlığından, gənclərin mobilliyindən, daha çox innovativ, cəlb edici, çəkici şüarlara meyilliyindən məhz istifadə edirlər. Azərbaycanda gənclərin böyük uğur hekayələri var. Şübhəsiz ki, ən böyük uğur hekayəsi məhz Azərbaycan gənclərinin ölkə rəhbərliyi ətrafında sıx birləşərək çox böyük bir tarixi

uğura imza atdılar, Azərbaycanın ərazi bütövlüyü və suverenliyi bərpa oldu, şərəf tarixinə imza atıldı. Azərbaycan gəncləri dünya gəncləri içərisində mübaliğəsiz demək olar ki, lider gənclərdir. Azərbaycan gəncləri intellektual səviyyəsinə, idman göstəricilərinə, eyni zamanda şərəfli tarix yazmalarına görə dünya gəncləri arasında ən üstün mövqedə durur. Bizim belə bir gəncliyimiz var.

Müasir gənclərin əksəriyyətinin daşdıqları moda kütləvi təlqin effektinə, ciddi və kifayət qədər davamlı ekspresiv çalarlara malik olduğuna görə, uşaq və yeniyetmələrdə güclü təəssürat və cəlbədicilik yaradır. Milli mentalitetə uyğun olmayan moda etalonlarının təsiri altında uşaq və yeniyetmələrdə gəncləri təqlid etmə istəkləri güclənir və bu ünsiyyət və davranış mədəniyyətinin formalaşmasına, şəxsiyyətlərarası seşmənin xarakterinə güclü təsir göstərir. Bəzi gənclərin həyatında yabançı zövq və əyləncələrin, davranış normalarının müxtəlif təzahürləri onların cizli olaraq mövcud olan üstün əhvallarının təzahürü olduğuna və moda aludəçiliyinin kütləvi davranışının dinamik formalarına güclü təsir göstərdiyinə görə xüsusi narahatçılıq doğurur. Həyata istehlakçı münasibət bəsləyən bir çox gənclər daşdıqları moda ilə (geyim, saç düzümü, avtomobil, müxtəlif aksesuarlar, danışqda ibarə və jarqonlar və s.) özlərinin müasirliyini başqalarına təqdim etməyə, ətrafdakıların diqqət mərkəzində

olmağa çalışırlar. Bəzi gənclərin həyatında yabançı zövq və əyləncələrin, davranış normalarının müxtəlif təzahürləri onların cizli olaraq mövcud olan üstün əhvallarının təzahürü olduğuna və moda aludəçiliyinin kütləvi davranışının dinamik formalarına güclü təsir göstərdiyinə görə xüsusi narahatçılıq doğurur.

Həyata istehlakçı münasibət bəsləyən bir çox gənclər daşdıqları moda ilə (geyim, saç düzümü, avtomobil, müxtəlif aksesuarlar, danışqda ibarə və jarqonlar və sözlərinin müasirliyini başqalarına təqdim etməyə, ətrafdakıların diqqət mərkəzində olmağa çalışırlar. Gənclərdə asudə vaxtların səmərəli təşkili onların təbii və mənəvi tələbatlarının ödənilməsinin mühüm və zəruri şərtidir. Belə imkanların genişliyinə baxmayaraq son illər bir çox gənclərdə incəsənətin klassik növlərinə - ədəbiyyat, kino, teatr, musiqi, təsviri incəsənət və s. maraq internet klublar, gecə barlar və digər yüngül əyləncə yerləri ilə əvəz olunmuşdur. Belə gənclərin mənəvi həyatındakı əyintilərin aradan qaldırılması, onların sağlam cəmiyyətə inteqrasiya olunması məsələləri ciddi elmi təhlil tələb edir. Sağlam inkişafetdirici mühit vasitəsilə sağlam həyat tərzini normalarının kiçik yaş dövründən başlayaraq

uşaqların gündəlik həyat normasına çevirmək, əxlaqi əqidənin formalaşdırılması yoluyla müasir Azərbaycan gəncliyinin cəmiyyəti narahat edən problemlərin həllinə nail olmaq olar. Yeganə çıxış yolu təlim-tərbiyə sistemi ilə sosiallaşma sistemi arasında qarşılıqlı təsirin mütənəsibliyinə və harmoniyasına nail olmaqdır.

Siyasi təbliğatın gənclərin sosial həyatlarındakı problemlərini aktuallaşdıran əsas amillər aşağıdakılardan ibarət ola bilər:

- təhsil islahatları nəticəsində yeni sosial-pedaqoji mühitin yaranması;
- ənənəvi dəyərlər sistemində və gənc nəslin sosiallaşması mexanizmində yeniliklərin meydana gəlməsi;
- mövcud sosial reallıqların cəmiyyətin şəxsiyyət qarşısında yeni tələblər sistemi irəli sürməsi;
- xarici qüvvələrin gənclərə milli təfəkkürdən uzaq qərb dəyərlərinin aşılınması istiqamətində artan fəallığı;
- bir sıra hallarda təhsilə, təlim prosesinə ayrılan diqqətin tərbiyə işinə göstərilən diqqət və qayğı ilə müqayisədə üstünlük təşkil etməsi və s.

İdeoloji tərbiyə milli təhlükəsizliyin təmin olunmasında da xüsusi əhəmiyyət kəsb edir. Müasir dünya birliyi müxtəlif forma və məzmunlu qlobal çağırışlar və təhlükələrlə üzləşir. Bəşər təcrübəsində siyasi sabitliyin qorunması və möhkəmlənməsi, daxili münafişlərin qarşısının alınması mexanizmləri kifayət qədər işlənilib hazırlanmış və müəyyən dərəcədə uğurla tətbiq edilmişdir. Buna baxmayaraq, sabitliyin pozulmasına səbəb olan amillər – milli təhlükəsizliyə daxili və xarici təhdidlər müasir siyasi sistemlərə daim təsir göstərməkdədir. Təhlükəli qlobal çağırışlara və təhdidlərə yalnız ideoloji baxımdan möhkəm cəmiyyət sinə görə bilər. Yalnız mənəvi və ideoloji baxımdan güclü şəxsiyyət ekstremizm və terrorizm kimi ideoloji cərəyanların təsiri altına düşməyə bilər ki, bu da gənc nəslin ideoloji tərbiyəsi diqqət mərkəzində olan cəmiyyətdə mümkündür.

Azərbaycançılıq məfkurəsi ilə bağlı bilgilərin gənc nəslə aşılınması isə ideoloji tərbiyə sahəsində mühüm əhəmiyyət kəsb edən məsələlərdən biridir. Yeri gəlmişkən, ölkə başçısının 2018-ci ildə imzaladığı uşaq və yeniyetmələrin zərərli informasiyadan qorunması ilə bağlı qanunda məhz bu baxımdan çox maraqlı məqamlar var. Məhz bu, gənclərin, yeniyetmələrin zərərli informasiyadan, eyni zamanda kənar təsirlərdən qorunmasına hesablanmış bir addımdır. Eyni zamanda Azərbaycanda həmişə istər dini konfessional, istərsə də ideya, siyasi baxımdan kənar müdaxilələr təhlükə, təhdid yaradır. Çünki bizim qonşularımız fərqli-

fərqli istiqamətlərdə siyasət yürüdürlər. Bu qonşular da təbii ki, Azərbaycana başqa münasibətdədir. Bu baxımdan, biz gənclərimizi siyasi, ideoloji baxımdan Azərbaycançılıq məfkurəsi ətrafında birləşdirməliyik, vətənpərvərlik ideyaları ilə daim maarifləndirməyə çalışmalıyıq". Böyüməkdə olan nəslin ilkin sosiallaşmasının ailə, daha sonralar orta və ali təhsil ocaqları çərçivəsində baş verdiyi, yeniyetmə və gənclərin ölkə vətəndaşı kimi tərbiyə olunmasında təhsil müəssisələrinin mühüm rol oynadığı bəlli olduğu halda gənclərin əxlaqi, mənəvi və ideoloji tərbiyəsində Azərbaycan dili və ədəbiyyatının, ölkə tarixi və mədəniyyətinin tədrisi keyfiyyətinin yüksəldilməsi xüsusi diqqət mərkəzində olmalıdır. Azərbaycançılıq ideologiyasına əsaslanan yeni tərbiyə konsepsiyasının təkmilləşdirilməsi işinə təhsil işçiləri, təlim-tərbiyə sahəsində çalışan mütəxəssislərlə yanaşı, filosoflar, sosioloqlar, mədəniyyətşünaslar və psixoloqlar da fəal şəkildə cəlb olunmalıdırlar. Yüksək intellekti və bacarığı ilə seçilən gənclərin dövlət idarəetmə işlərinə cəlb olunması deyilənləri bir daha təsdiqləyir. Gənclər siyasətinin həyata keçirilməsində müasir informasiya-kommunikasiya texnologiyalarının tətbiqi gənclərlə işin səmərəsini artırmaqla yanaşı, onların informasiya cəmiyyətinə uyğunlaşmasına real zəmin yaradır.

NƏTİCƏ

Müasir dövrümüzdə yeniyetmə və gənclərdə xalqımızın tarixinə və mədəniyyətinə düzgün münasibət formalaşmaqdadır, onların üzv olduqları vətəndaş cəmiyyəti ölkənin azadlığı və dövlətin müstəqilliyi, humanizm və həmrəylik, tolerantlıq və milli barışıq, ailə institutu və konfessional ənənələrə hörmət, vətənpərvərlik kimi ümumi dəyərlər ətrafında birləşməkdədir.

İnternet üzərindən yayımlanan informasiya axınında neqativ hallarla, müharibə, zorakılıq, təcavüz, müxtəlif növ cinayətlərlə bağlı məlumatların geniş yer alması, sosial şəbəkələrdə qeyri-etik, əxlaqdan uzaq görüntülərə, söz və ifadələrə yol verilməsi, dünya televiziya efinin xəbərlər blokunda terror hadisələri, təbii fəlakətlər, texnogen qəzalar barədə məlumatların üstünlük təşkil etməsi, şou proqramlarında lokal məişət problemlərinin geniş tamaşaçı auditoriyasında qabardılması, bazar anlayışlarının cəmiyyətin təkcə iqtisadi həyatına deyil, həm də ictimai, sosial və mədəni həyatına geniş şəkildə siyarət etməsi gənc nəslin şüurunda daim saysız-hesabsız risklərlə, təhlükələrlə üzləşəcəkləri barədə yanlış təsəvvür yaratmaqla onun sosiallaşması prosesinə mənfi təsir göstərir.

Yeganə çıxış yolu təlim-tərbiyə sistemi ilə sosiallaşma sistemi arasında qarşılıqlı təsirin mütənəsibliyinə və harmoniyasına nail olmaqdır.

Azərbaycan Respublikasının gələcək inkişafını təmin edəcək və global çağırışlara cavab verəcək müasir texnologiyaları çevik mənimsəyən, praktiki bilik və bacarıqlara yiyələnən, müasir və gələcək əmək bazarının tələblərinə cavab verən rəqabətqabiliyyətli və yüksəkixtisaslı peşəkar kadrlar kimi hazırlanmasını təmin etməkdir.

Xalqımızın Ümummilli lideri Heydər Əliyevin banisi olduğu qüdrətli milli məfkurə - azərbaycançılıq ideologiyası - bu gün hər bir vətəndaşımızın dövlətçilik düşüncəsinin əsasını təşkil edən milli, mənəvi, mədəni, ədəbi, tarixi, siyasi, iqtisadi dəyərlər sisteminin ümumiləşdirilmiş məcmusu kimi Azərbaycan reallığında bərqərar olmuşdur və Ulu Öndərin layiqli siyasi varisi Azərbaycan Respublikasının Prezidenti cənab İlham Əliyev tərəfindən uğurla inkişaf etdirilir və möhkəmləndirilir.

Məqsədyönlü ideoloji tərbiyə gənclərdə dünyagörüşünün və mənəvi dəyərlərin aşılınması, onlara öz xalqının tarixi irsi və yaradıcı əməyinə düzgün münasibətin formalaşması ilə bağlı fəaliyyətin əhəmiyyətini və səmərəliliyini yüksəldir.

İctimai həyatda gənclər təşkilatlarının rolu dövlət siyasəti ilə getdikcə daha çox uzlaşır. Gənclik dövlət siyasətinin mahiyyətini olduğu kimi anlayır desək yanlışdır. Ekspertlər də bildirir ki, bu gün gənclər dövlətin onlarla bağlı yeritdiyi siyasətin mahiyyətini əsasən düzgün anlayır və zaman keçdikcə bu istiqamətdə görülən daha böyük işlərin şahidi olduqca dövlətin yürütdüyü siyasəti daha çox bəyənir.

Eyni zamanda bu gün gənclərin məşğulluğu, onların karyerası ilə bağlı dövlət proqramları var, Azərbaycan gənclərinin bir qismi dövlət dəstəy ilə xaricdə təhsil alırlar. Bu da gənclərin karyerasının, onların gələcək həyatlarının təminatı ilə bağlı dövlət tərəfindən göstərilən çox böyük dəstəklərdən biridir.

Ədəbiyyat:

1. Кулюткин Ю. Что такое взрослость? // «Семья и школа». М., 1986, № 12, стр.19-21

2. Sosiologiya, Sosial psixologiya, Siyasət.(Elmi araşdırmalar jurnalı). Cild 1. Bakı 2024

3. İradə Səriyeva. Bakı Xəbər. 13 May 2025

4. Nəzakət İmamverdiyeva, Səbinə Cəfərova, Nərinə Mirzəyeva “Yeniyyət və gənclərin asudə vaxtının təşkili”. Bakı 2023 səh. 51.

5. Oqtay Səmədov “Gənclərin sosiallaşması” Modern.az 20 avqust

2019.

References:

1. Kulyutkin Yu. Chto takoye vzrostlost?// "Semya i shkola". M., 1986, № 12, str.19-21
2. Sosiologiya , Sosial psixologiya, Siyasat.(Elmi arashdırmalar jurnalı). Cild 1. i2024
3. İrada Sarıyeva. Baki Xəbər. 13 May 2025
4. Nəzakət İmamverdiyeva, Sabina Cafarova, Narmina Mirzayeva "Yeniyetmə və gənclərin asudə vaxtının təşkili". i2023 sah. 51.
5. Oqtay Samadov "Gənclərin sosiallaşması" Modern.az 20 avqust 2019.

Formatı: 60*84 ¹/₁₆.

Həcmi: 49.5 ş.ç.v
Tirajı: 100

Direktor: Eyvazov Səməd
Texniki redaktor: Xəlilov Mail

“OPTİMİST” MMC -də çap olunmuşdur.
Azərbaycan, Bakı şəhəri, Nəsimi rayonu,
D. Əliyeva küç., 239.